

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>В. М. Живов. Н. Н. Дурново и его идеи в области славянского исторического языкознания</i>	VII
--	-----

Очерк истории русского языка	1
---	---

С т а т ь и

К вопросу о языке Киевских листков	341
К истории звуков русского языка	350
К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола	368
Рефлекс * <i>sk</i> в славянских языках (перевод с французского С. В. Петровой)	383
Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка	391
Спорные вопросы общеславянской фонетики	
1. Начальное <i>e</i> в общеславянском языке	495
2. Гласные из <i>ep, et</i> перед носовыми в общеславянском	542
Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов	566
Мюнхенский алфавитарий	613
К вопросу о времени распада общеславянского языка	624
Русские рукописи, различающие древнее «акутированное» <i>o</i> и <i>o</i> другого происхождения (перевод с французского С. В. Петровой)	638
Славянское правописание X—XII вв.	644
Еще раз о ст.-сл. <i>кужь</i> (перевод с немецкого А. В. Головачевой)	683
О возникновении обозначений гласных в славянских алфавитах (перевод с немецкого А. В. Головачевой)	685
Старославянское <i>prъgъni</i> (<i>prъgъni</i>) (перевод с польского А. В. Головачевой)	690
К вопросу о старославянском языке (перевод с немецкого П. В. Петрухина)	694

Рецензии

Архангельское Евангелие 1092 года. Издание Румянцевского музея. М., 1912	703
Ст. М. Кульбакин. Палеографска и језичка испитивања о Мирослављевом јеванђељу .	708
С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке.	719
В. М. Истрин. Книгы временигы и вбразгыя Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе .	735
<i>Библиография к «Избранным трудам Н. Н. Дурново»</i>	755
<i>Список памятников</i>	768
<i>Условные сокращения.</i>	778

**Н. Н. Дурново
и его идеи в области славянского
исторического языкознания**

Николай Николаевич Дурново родился 23 октября (4 ноября) 1876 г. в деревне Парфенки Рузского уезда Московской губернии в семье Николая Николаевича Дурново-старшего. Его отец был известным церковным публицистом и издателем довольно консервативного направления, писавшим, в частности, не без славянофильских тенденций по вопросам православия у славян и на христианском востоке. Матерью Н. Н. Дурново была Елизавета Ивановна Вельменинова, которой и принадлежала деревня Парфенки; отец же был небогат и никакой земельной собственности не имел. Н. Н. Дурново был старшим из трех братьев, хотя именно он в наследство получил одного кота.

В 1895 г. Н. Н. Дурново окончил 6-ю московскую гимназию с серебряной медалью и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Здесь его интересы были сосредоточены вокруг древнерусской литературы, в области которой его учителем был М. И. Соколов, и языкознания — Московскую лингвистическую школу возглавлял Ф. Ф. Фортунатов. В своей биографии 1904 г. Дурново писал: «На выбор специальности оказали влияние интересы отца и его библиотека, заключающая много книг по церковным и политическим вопросам, по славянской этнографии и истории и истории государства и права» (Сумникова 1995, 74). Тогда же, по словам Дурново, развился его «интерес к классическим писателям и языкознанию. Интерес к диалектологии поддерживался жизнью в имении» (там же). В 1899 г. Дурново окончил университет с дипломом первой степени и был оставлен при кафедре русской словесности для подготовки к магистерскому экзамену; и здесь его руководителями были М. И. Соколов и Ф. Ф. Фортунатов.

В годы магистратуры Дурново активно занимается русской диалектологией и древнерусскими литературными памятниками. Он публи-

кует «Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московской губернии» (Дурново 1900—1903), содержащее монографическое описание говора не только в его отличиях от литературного языка, но как законченной системы. В 1901 г. Дурново вместе с другими учениками Фортунатова (Н. Н. Соколовым, Д. Н. Ушаковым и др.) организует Кружок по изучению истории и диалектологии русского языка, который в 1903 г. преобразуется в Московскую диалектологическую комиссию при Отделении языка и словесности Академии наук; работой комиссии руководит Ф. Е. Корш, ее поддерживает А. А. Шахматов. Забегая вперед, стоит заметить, что русская диалектология как научная дисциплина и была создана работами Комиссии; по составленным членами Комиссии (прежде всего Дурново) программам для собирания сведений о русских говорах обследовались диалекты большинства губерний Европейской части России, и на основе этих сведений была создана классификация восточнославянских диалектов и составлена диалектологическая карта русского языка в Европе. Это было, однако, уже позже, в 1914 г., а в 1903 г. Дурново издает «Диалектологическую карту Калужской губернии», важную как первый для Дурново опыт лингвистического картографирования.

В 1904 г. после сдачи магистерских экзаменов и пробных лекций Дурново становится приват-доцентом Московского университета. Он читает курс диалектологии русского языка, ведет занятия по современному русскому языку и просеминарий по древнерусской литературе. Хотя по видимости ученая карьера Дурново складывается достаточно гладко, он сталкивается с постоянными трудностями жизнеустройства. Как замечает Т. А. Сумникова, «[п]риват-доцентское жалование в университете, к тому же при неполной и непостоянной нагрузке, не обеспечивало нормальной жизни даже неженатого человека, и Н. Н. Дурново вынужден был преподавать еще в двух частных гимназиях. Работа в МДК велась на общественных началах. Лишь в 1906 г. Н. Н. Дурново, будучи ученым секретарем комиссии, получил стараниями А. А. Шахматова от Отделения русского языка и словесности стипендию в 900 руб. с ежемесячной выплатой „для поддержания научной деятельности“ [...] В 1906 г. Н. Н. Дурново женился на соседке по имению, дочери состоятельных помещиков Рукиных — Екатерине Евгеньевне. Ее письма к мужу за 1909—1910 гг. полны сетований на нехватку необходимого: „... дело было... в вечном безденежье“, „живем впроголодь“» (Сумникова 1995, 77—78).

В силу этих обстоятельств Дурново в 1910 г. перешел в Харьковский университет, оставаясь приват-доцентом и ведя одновременно преподавание на Высших женских курсах и в двух частных гимназиях. Как свидетельствует семейная переписка (Сумникова 1995, 78), в материальном отношении положение его улучшилось лишь незначительно, а в жизни возникли новые трудности; например, Дурново еженедельно ездил из Харькова в Москву на заседания Московской диалектологической комиссии. В 1912 г. Дурново пытается вернуться в Москву и занять должность «инспектора народных училищ в г. Москве или в одном из участков Московской губернии» (там же), однако получает отказ, обусловленный, по предположению Т. А. Сумниковой, политическими причинами — дальним родством Н. Н. Дурново с П. Н. Дурново, в 1905—1906 гг. министром внутренних дел, позднее статс-секретарем, сенатором и членом Государственного совета, известным своими консервативными убеждениями. Сыграло ли действительно роль это дальнее родство, при том что реальных отношений с петербургскими сановниками у Н. Н. Дурново не было, а род Дурновых был многочислен и никаким родовым единством не отличался, остается неясным, однако более конкретный политический подтекст все же мог существовать.

О политических симпатиях Н. Н. Дурново нам мало что известно. В анкете арестованного 1933 г. говорится: «В партиях не состоял. В политических выборах не участвовал. Политической деятельностью не занимался» (Ашнин и Алпатов 1993, 54). Семья, однако, была монархической, православной, чуждой не только каких-нибудь радикальных увлечений, но и кадетского либерализма. Нет никаких оснований думать, что политическая ориентация ученого существенно расходилась с ориентацией его близких¹. Весьма показательна в этом пла-

¹ Ф. Д. Ашнин и В. М. Алпатов характеризуют политические взгляды Дурново как «либерально-демократические и чуждые крайностей, что проявляется и в его документах 30-х годов» (Ашнин и Алпатов 1993, 56). Для этого, кажется, нет никаких оснований, кроме собственных либеральных пристрастий авторов. Документы 30-х годов, т. е. протоколы допросов и показания прокурору Акулову 1934 г., вряд ли были теми бумагами, в которых Дурново мог и хотел подробно изложить свои воззрения тридцатилетней давности. На допросах он упоминает, что «[б]ыл членом „Союза 17 октября“ в 1906 г. В 1907 г. отошел от практической работы в виду несогласия с программой» (Сумникова 1995, 79; Ашнин и Алпатов 1994, 19). В чем состояло несогласие с программой октябристов, Дурново не указывает.

не его позиция в отношении студенческих беспорядков 1905—1906 гг. В бумагах Дурново сохранилась записка к нему семи студентов-филологов: «[П]росим Вас освободить нас от Вашего присутствия на лекциях Миллера и Кирпичникова, так как после прошлогоднего известного Вам инцидента считаем оскорбительным для себя пребывать в одной аудитории с Вами» (Сумникова 1995, 80). Инцидент состоял, как можно понять, в том, что Дурново назвал бастующих студентов негодьями². Такая реакция была редкостью среди университетских преподавателей, настроенных, как правило, либерально и в той или иной степени сочувствовавших студентам. Позиция Дурново была явно ближе позиции А. И. Соболевского, резко выступавшего против студенческих комитетов, чем позиции либеральной профессуры (о конфликтах в академической среде этого времени см.: Пуришкевич 1914). Никак не свидетельствует о каких-либо симпатиях к либерализму деятельность Дурново в земских учреждениях или в качестве помощника предводителя дворянства (см. об этой общественной деятельности Дурново: Сумникова 1995, 81—82). Политические позиции подобного типа могли сыграть роль в судьбе Дурново: и в академической, и в учебной, и в художественной среде господство либерализма обращалось в преследование несогласных.

Как бы то ни было, в 1915 г. Дурново все же вернулся в Москву, хотя работа приват-доцента никак не избавляла его от материальных

Т. А. Сумникова предполагает, что это было вызвано изменением программы октябристов «в сторону царизма» на 2-м съезде партии в 1907 г. (Сумникова 1995, 81). Столь же правдоподобны, однако, и прямо противоположные основания. Отец Дурново и его братья вступают в Союз русского народа, находившийся существенно справа от октябристов, видимо, в силу разочарования в октябристском реформизме и реакции на либерализм. В 1906 г. брат Н. Н. Дурново Михаил Николаевич пишет ему о земском собрании в Рузском уезде: «Почему кадеты взяли такой верх?—больно стало от такой вести» (Сумникова 1995, 80),—и, видимо, рассчитывает на сочувствие брата. Так что расхождение с октябристами, если оно вообще было, могло быть справа, а не слева. Не исключено, однако, что после катаклизмов 1905—1906 гг. Дурново просто отстраняется от партийного противоборства.

² В архиве Дурново сохранилась его объяснительная записка об инциденте со студентом Яковлевым, который назвал Дурново подлецом и толкнул его из-за того, что Дурново накануне в разговоре нелюбезно отозвался о бастующих студентах. Дурново писал: «Я нахожу, что Яковлев имел такое же право обругать меня подлецом, какое я имел право назвать бастующих студентов негодьями» (Сумникова 1995, 80).

трудностей (см.: Сумникова 1995, 79). После смерти Ф. Е. Корша в 1915 г. председателем Московской диалектологической комиссии стал Д. Н. Ушаков, а Дурново сделался его заместителем. В 1916 г. он наконец защитил магистерскую диссертацию, ею стала его фундаментальная работа «Материалы и исследования по старинной литературе. I. К истории Повести об Акире» (Дурново 1915). Как именно он пережил 1917 год, мы сведениями не располагаем. В 1918 г. открылся университет в Саратове, куда перешел ряд профессоров Дерптского университета, в новом университете Дурново получил по конкурсу должность профессора и уехал в Саратов вместе с семьей и отцом. 13 октября этого же года Дурново в Петроградском университете защитил докторскую диссертацию, которой стали его «Диалектологические разыскания в области великорусских говоров».

В Саратове Дурново пробыл недолго. Осенью 1920 г. Поволжье охватило голод, и университет, приютивший многих видных ученых, начал распадаться. В 1921 г. Дурново покидает Саратов и переезжает в Москву, хотя в Москве у него никакой работы не было. Вообще, по многим свидетельствам, Дурново был непрактичен и лишен всякой житейской цепкости, и в условиях большевистского режима ему от этого приходилось особенно тяжело. Д. Н. Ушаков ввел Дурново в комитет по составлению общедоступного словаря русского языка, однако этот комитет просуществовал лишь до 1923 г., да и жалование было весьма скромным. В 1923 г. Дурново остался вовсе без работы. Как он позже показывал на допросе, «[с] 1923 г. по VIII.1924 г. работал в качестве товарища председателя Московской диалектологической комиссии и занимался научной работой» (Ашнин и Алпатов 1994, 20). В это время Дурново издает три книги: «Повторительный курс грамматики русского языка», «Грамматический словарь» и «Очерк истории русского языка» — и пытается источником пропитания сделать научную работу. Вообще же тяжелые обстоятельства способствовали парадоксальным образом интенсивности ученого труда; именно в этот период Дурново обследует восточнославянские рукописи XI—XII вв., и собранные при этом данные служат материалом для его позднейших работ по истории книжного (церковнославянского) языка. В 1924 г. Дурново избирают членом-корреспондентом Академии наук — конфликты между либералами и консерваторами явно перестают быть актуальными перед лицом большевистской диктатуры, а Академия еще сохраняет некоторую независимость.

В 1924 г. Дурново уезжает из России. В своих показаниях 1933 г., цитируемый фрагмент которых кажется вполне достоверным, он писал: «В конце 1923 г. из-за ликвидации комитета по составлению общедоступного словаря русского языка я остался без работы. В таком положении я был и в 1924 г. Неопределенность моего положения и мое отрицательное отношение к Советской власти привели меня к решению искать возможности для выезда за границу. В августе 1924 г. я получил гонорар за мои книги „Очерк истории русского языка“ и „Повторительный курс русской грамматики“. Мне удалось получить от Академии наук командировку в Чехословакию на 4 месяца, и я выехал за границу. Я ехал с твердым намерением в Советскую Россию не возвращаться и остаться в эмиграции» (Ашнин и Алпатов 1994, 20). Дурново эмигрировал, но благополучия не нашел и в эмиграции. Во-первых, он надеялся, что за ним последует его семья, однако советский режим отказал им в разрешении на выезд. Во-вторых, перспективы устроить жизнь в Чехословакии были неутешительны. В период между двумя войнами Чехословакия более других стран старалась помочь эмигрировавшим из России ученым, однако ее возможности были ограничены, и для всех места не находилось.

О Дурново хлопочет Р. О. Якобсон, бывший его учеником и работавший в то время в советском полпредстве в Праге. Дурново получил пособие для русских эмигрантов от чехословацкого министерства иностранных дел, Чехословацкая академия предоставила ему средства для диалектологической поездки в Закарпатье. Наконец, на весенний семестр 1926 г. он был приглашен философским факультетом университета им. Масарика в Брно в качестве профессора-гостя; переработкой этих лекций стала его книга «Введение в историю русского языка», изданная в 1927 г. в Брно (Ашнин и Алпатов 1994, 21). Это, собственно, и были все успехи в Чехословакии. Дурново оказался в эмиграции без семьи и без постоянной работы. 17 мая 1927 г. он пишет Б. М. Ляпунову: «Мое материальное и семейное положение начинает становиться катастрофическим, и я совершенно не могу представить, когда я буду иметь финансовую возможность вернуться из своей просроченной за отсутствием средств заграничной командировки» (Робинсон и Петровский 1992, 69). В этих условиях Дурново и решает вернуться в Советский Союз.

Подтолкнуло его к этому предложение работать в Белоруссии, в Белорусской академии наук, которое сделал ему П. А. Бузук. В Бело-

руссии активно создавали национальную культуру и, соответственно, национальную филологию, и столь крупный ученый, как Дурново, был для них неопределимым приобретением. Дурново избирают академиком незадолго перед тем созданной Белорусской академии наук, и в феврале 1928 г. он переезжает в Минск, где получает место как в Институте белорусской культуры, так и в университете. Пришедшее здесь относительное благополучие было призрачным и кратковременным. С начала 1930-х годов Сталин начинает построение коммунистической империи, и национальные культуры, равно как и вся система гуманитарного образования и науки, должны были вписаться в новую коммуно-имперскую парадигму. В национальной политике это означало прекращение того строительства автономных национальных культур, которое стимулировалось самими же большевиками в предшествующий период — тогда в противовес русской национальной традиции; перемена же политики воплощалась прежде всего в уничтожении основных деятелей, проводивших более ранние установки. В области науки и образования новая линия реализовалась в реформировании и полном подчинении партийному руководству старых институций, которые теперь должны были обслуживать культурную политику советской империи. Ученым предстояла перековка; забракованных для перековки уничтожали, как сорняки, по возможности вместе с памятью об их делах и трудах.

Первый этап осуществления новой политики был ознаменован процессом Промпартии, «делом историков» (С. Ф. Платонов и др.), арестами по делу Трудовой крестьянской партии (Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов; процесс не состоялся, но арестованные отправились в лагеря и тюрьмы), борьбой с «буржуазными националистами» (аресты в национальных республиках; процесс «Союза освобождения Украины» в Харькове в 1930 г.). В Белоруссии с 1929 г. расправлялись с так называемыми «нацдемами» (национальными демократами), и те, кто еще не был арестован, торопились избавиться от подозрительного окружения. Дурново был исключен из Белорусской академии³, оставаться в Мин-

³ Нет нужды специально указывать, что никакого отношения к белорусскому национальному движению Дурново не имел, а к деятелям белорусского национального строительства, в 1920-е годы санкционированного большевиками, относился достаточно скептически. Так, например, из Минска он писал Б. М. Ляпунову: «Они безграмотны, не понимают настоящей науки и только роняют имя белорусской „Академии Наук“ [...] Их белорусский патриотизм часто выливается в

ске было опасно и невозможно, и в начале 1930 г. он вновь возвращается в Москву. Однако тучи над русской наукой сгущались, и перспективы в Москве не было никаких. В 1930 г. его, правда, еще выдвигают в академики на место, освободившееся за смертью А. И. Соболевского, но эти попытки обречены на неудачу. Академия была совсем не той, что в 1924 г., когда Дурново избрали членом-корреспондентом. В 1929 г. в Академию пропихивают большевистскую пятую колонну: сначала Бухарина, Кржижановского и Губкина, затем Деборина, Фриче и Н. М. Лукина, а под конец Луначарского и В. П. Волгина, который сменяет С. Ф. Ольденбурга на месте неперменного секретаря. Изменения вносятся в устав Академии, появляются «материалистическое мировоззрение», «нужды социалистической реконструкции», и исключение из Академии тех членов, чья деятельность «направлена во вред Союзу ССР». Разматывается «дело историков», арестованы С. Ф. Платонов, М. К. Любавский, Н. П. Лихачев, В. Н. Бенешевич, С. В. Бахрушин, С. В. Рождественский, А. М. Мерварт, Я. Н. Ростовцев, С. К. Богоявленский, В. И. Пичета (как и Дурново, академик Белорусской академии). Понятно, что ни кандидатура Дурново, ни кандидатура Л. В. Щербы не проходят, избранным оказывается Н. С. Державин, креатура большевиков (Переченок 1991). Звание члена-корреспондента никакой защитой больше не служит, скорее оно оказывается знаком беды.

Беда не заставляет себя долго ждать. Правда, еще три года Дурново перебивается в Москве, существуя на мизерную академическую пенсию и нерегулярные заработки («Карманный чешско-русский словарь», статьи в зарубежных журналах, чтение одного курса для аспирантов в Научно-исследовательском институте языкознания). Тем временем чекистская террористическая машина работает без перебоев. Деятели науки, промышленности, культуры усмиряют по разрядам, и в 1933 г. очередь доходит до филологов, преимущественно славистов. Н. Н. Дурново и его старший сын А. Н. Дурново (начинающий славист) были первыми жертвами. Поводом послужил оговор М. Н. Скач-

форму нелепого и вредного шовинизма. Но они или большинство из них не шарлатаны» (Робинсон и Петровский 1992, 71). Именно последнее обстоятельство до времени утешало Дурново. Позже (в 1931 г.) Дурново обвинялся в том, что «выступал в своих работах, трактуя белорусский язык как наречие русского языка» и «заявлял, что марксизм не имеет и не может иметь никакого отношения к теории языка» (там же, 72). В этой травле принимал участие и пригласивший Дурново в Минск П. А. Бузук (там же, 73).

кова, знакомого Дурновых, арестованного по обвинению в участии в эсеровской организации и назвавшего Дурново «участником националистической организации, ведущей активную антисоветскую работу» вместе с М. Н. Сперанским, Г. А. Ильинским и М. С. Грушевским (Ашнин и Алпатов 1994, 12). В ночь на 28 декабря 1933 г. Н. Н. Дурново и А. Н. Дурново арестовали, через три дня 31 декабря была арестована Варвара Трубецкая, невеста А. Н. Дурново и племянница Н. С. Трубецкого, еще через несколько дней ее отец, брат Н. С. Трубецкого, В. С. Трубецкой.

Подбор первого эшелона арестованных не был случайным. Для начинающегося «дела славистов» ОГПУ выбрало евразийский сюжет. Этот сюжет, видимо, был среди давних заготовок чекистов, поскольку многие евразийцы были их агентами. Евразийцы во главе с Н. С. Трубецким не только формулировали существенно новое понимание судеб России, сохраняющее определенное значение и по сей день, но и вынашивали некоторые политические амбиции. Они пытались образовать политическую организацию, централизованную и конспиративную, занятую пропагандой своих идей, причем не только в эмиграции, но и в Совдепии, где должно было расти число их сторонников. Политические игры не были безобидными, ОГПУ за ними наблюдало и готово было при случае использовать. Одним из таких случаев и стало «дело славистов».

Ни Н. Н. Дурново, ни большинство других обвиняемых никакого отношения к евразийству не имело и евразийских идей не разделяло⁴.

⁴ Исключением, возможно, был А. Н. Дурново. У него при обыске была изъята записная книжка под названием «Мысли для себя» с выписками из евразийских сочинений. Как замечают Ф. Д. Ашнин и В. М. Алпатов, эта книжка «была затем основным источником для формулировки в материалах дела „идейных основ“ „Российской национальной партии“» (Ашнин и Алпатов 1994, 13). Свидетельствуют ли эти выписки об усвоении евразийской идеологии или лишь отражают интерес молодого человека (А. Н. Дурново было 23 года) к новым историософским идеям, выяснить, конечно, невозможно.

Об отношении к евразийству Н. Н. Дурново будет сказано ниже. Вряд ли правы Ф. Д. Ашнин и В. М. Алпатов, полагая, что следователи по «делу славистов» были «явно не искушенным[и] в тонкостях евразийства» (там же, 58). Во всяком случае о такой неискренности никак не свидетельствует определение евразийства как «русского фашизма». Непонятно, почему авторы книги о «деле славистов» считают, что «Н. С. Трубецкой всегда был противником фашизма» (там же). В 1920-е годы евразийская концепция идеократии несомненно ассоциировалась с

Подлинные убеждения никого, естественно, не интересовали. Подследственные обвинялись в создании антисоветской организации, которая ставила целью насильственное свержение советской власти, была связана с иностранными правительствами и зарубежными антисоветскими центрами и готова была на применение любых средств, включая террор. Идеологическая мотивация самостоятельной роли не играла и нужна была лишь для полноты картины. Техника получения нужных показаний была хорошо отработана в предыдущих процессах, и Дурново начал давать показания уже 6 января 1934 г., назвав целый ряд имен; часть из них была, видимо, подсказана следователями, во всяком случае в своих показаниях, написанных в Соловках и содержащих отказ от сделанных на следствии признаний, Дурново указывает, что «мне с самого начала было предъявлено обвинение в том, что я входил в организацию, возглавляемую Сперанским» (Робинсон и Петровский 1992, 78; Ашнин и Алпатов 1994, 109).

Следствие продолжалось недолго, и в конце марта появилось «Обвинительное заключение по спец. делу № 2554». Привлеченные к делу обвинялись по 58-й статье в создании контрреволюционной организации Российская национальная партия «по прямым указаниям заграничного русского фашистского центра, возглавляемого князем Н. С. Трубецким, Якобсоном, Богатыревым и другими», основными линиями деятельности которой являлись «вербовка кадров для организации», «создание повстанческих ячеек и приобретение оружия для организации», «вредительство», «террор» (Ашнин и Алпатов 1994, 70—72). Дело было представлено на рассмотрение коллегии ОГПУ, рассмотрено на заседании коллегии 29 марта 1934 г., и Н. Н. Дурново был приговорен к десяти годам заключения в исправтрудлагерь⁵. В апреле ме-

итальянскими социальными экспериментами, о которых Трубецкой нигде отрицательно не отзываясь. Параллели между идеологией этих экспериментов и евразийством неединичны и неслучайны: в обоих случаях исходным моментом теоретических построений является постулат, согласно которому демократия (европейский парламентаризм) себя полностью изжила. Позднее Трубецкой отрицательно относился к немецкому нацизму, но это уже другое время и другое явление.

⁵ В части, относящейся непосредственно к Н. Н. Дурново, обвинительное заключение гласило: «1) Входил в состав центра контрреволюционной организации „Российская национальная партия“. 2) Был связан с руководителями русского национал-фашистского центра за границей — князем Трубецким Н. С. и Якобсоном, от которых получал директивные указания по работе националистических орга-

стом заключения были определены Соловки, куда он и был доставлен в середине мая того же года.

Сведения о пребывании Дурново на Соловках скудны. Он был помещен в «сторожевую» роту для инвалидов и поэтому на общие работы не выводился. В заключении он пытается заниматься научной работой, разбирая документы Соловецкого музея, пишет сербскохорватскую грамматику и пытается переслать ее в Москву, беспокоится о семье, слепнет, страдает от болей в сердце. Для историка более всего интересны обширные показания, которые Дурново дал в августе 1934 г., когда на Соловки приехал прокурор И. А. Акулов (публикацию этих показаний см.: Робинсон и Петровский 1992, 77—82; Ашнин и Алпатов 1994, 108—118). В них он отказывается от показаний, данных на следствии, прежде всего относящихся к существованию контрреволюционной организации, и излагает свои настоящие политические взгляды — видимо, с определенными ограничениями, налагаемыми жанром документа. Он пишет: «К идее коммунизма и принудительного коллективизма я относился отрицательно; но не менее отрицательно относился и к фашизму, не говоря уже о той форме, в какую он вылился в Германии. В то же время, однако, я признаю, что те формы государственного строя — абсолютизм, сословная монархия или республика, демократическая монархия или республика, какие существовали до окончания войны, являются формами отжившими, на что указывают перманентные правительственные кризисы во всех парламентских странах». Ни капитализм, ни коммунизм не представляются Дурново приемлемым социальным строем, «[а] возможно ли что-нибудь третье, я не знаю» (Робинсон и Петровский 1992, 78; Ашнин и Алпатов 1994, 109—110).

низаций в СССР. 3) За время своего приезда из-за границы привез полученную им от Трубецкого Н. С. нелегальную евразийскую литературу, в частности, сборник Трубецкого „К проблеме русского самопознания“. Распространял и популяризировал этот сборник среди участников организации и лиц, намеченных к вербовке. 4) Являлся инициатором созыва совещания участников организации по вопросам практической контрреволюционной деятельности. 5) Поддерживал связь с французскими интервенционистскими кругами в лице проф. Мазона. 6) Поддерживал связь с Чехословацкой миссией в Москве и через нее осуществлял связи с Яковсоном, информируя его о политическом положении в Советском Союзе, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58—4, 58—11 УК РСФСР. Виновным себя признал полностью» (Ашнин и Алпатов 1994, 74).

Эти взгляды определяют отношение Дурново к евразийству. Он с самого начала говорит, что евразийскую теорию Трубецкого полностью не разделяет, а «из его политической программы» ценит «только критическую часть». Не разделяет Дурново прежде всего концепцию идеократии (см.: Трубецкой 1995, 428—435). «Примерами такого нового строя,— пишет Дурново,— является, с одной стороны, Советский Союз, с другой — фашистская Италия. По этому типу Трубецкой хочет построить и будущую конституцию Евразии. В Евразии должна установиться диктатура определенной партии; все дети и юношество будут воспитываться в государственных школах, где в них будет внедряться только одна идеология правящей партии. Наука, литература, искусство должны подчиняться директивам партии, другая идеология не должна допускаться [...] Насколько его критика аристократического строя мне казалась меткой, настолько положительная часть его программы меня не удовлетворяла и производила на меня, как на ученого, дорожащего свободой мысли, жуткое впечатление» (Робинсон и Петровский 1992, 79; Ашнин и Алпатов 1994, 112—114). Конфликт Дурново с Трубецким описан здесь, видимо, достаточно точно. Разделяя с Трубецким исходное для евразийства переживание заката Европы (ср.: Трубецкой 1995, 764), Дурново не готов принять предлагавшийся евразийцами новый порядок мира, реальный опыт которого Дурново получил при коммунистическом режиме; этот опыт приводит его в ужас.

Показания, данные в Соловках, облегчили, вероятно, совесть Дурново, но, естественно, не облегчили его участи. В докладной прокурора было сказано, что «Соловки на его убеждения не повлияли» и что он «связь с закордонными кругами евразийцев подтвердил» (Ашнин и Алпатов 1994, 119—120), и Дурново был оставлен отбывать наказание на Соловках. В 1937 г. дела заключенных и сосланных в предшествующий период пересматривались с целью ужесточения наказания, новых сроков, расстрелов. Н. Н. Дурново был приговорен к расстрелу особой тройкой УНКВД 9 октября 1937 г., 27 октября приговор был приведен в исполнение (Ашнин и Алпатов 1994, 133—134). 5 января 1938 г. был расстрелян в Ташкенте сын Николая Николаевича Андрей Николаевич Дурново. В том же году был арестован и расстрелян и младший сын ученого Евгений (Ашнин и Алпатов 1994, 136, 139). Коммунистические палачи истребили всех, кого могли, и надеялись, что не

оставили в этом мире не только людей, но и следа от них. Но Живущий на небесах посмеется, Господь поругается им.

* * *

Н. Н. Дурново остался в славянской филологии весомо и бесспорно, его идеи и поставленные им проблемы принадлежат к основным достижениям восточнославянской диалектологии, истории славянских языков, русской грамматики, истории древнерусской литературы. Его работы продолжают быть нужными и читаемыми не только как источники для истории славянского языкознания, но и как необходимое пособие в каждодневной работе слависта. Это понятно, поскольку Дурново был открыт для новых идей, усваивал их критически и плодотворно, и эта интеллектуальная подвижность сообщает его трудам притягательную силу живой науки.

Для лингвистов Пражского лингвистического кружка Н. Н. Дурново был старшим коллегой, принадлежавшим скорее поколению их учителей, и, поскольку структурализм в свои юные годы был воинственен, пражцы с этим поколением воевали. Достаточно взглянуть на письма Н. С. Трубецкого Р. О. Якобсону, чтобы увидеть, какую напряженную неприязнь испытывали новаторы языкознания к приверженцам традиционных лингвистических методов, прежде всего к апологетам исторического метода. Трубецкой планировал кампанию против старшего поколения филологов как военную операцию. Знаменательно, что Дурново в число этих врагов не входил. Напротив, он был одним из главных собеседников пионеров структурализма, одновременно восприимчивым и критически вдумчивым. Если формально Дурново и не был членом Пражского лингвистического кружка, он был все же автором одной из частей Пражских тезисов (а именно четвертого, см.: Кайперт, 1999; см. ниже), и это побуждает рассматривать его как одного из основоположников современного славянского языкознания.

Дурново был в полной мере в курсе современного ему развития языкознания, хорошо понимал проблемы, обусловившие появление структурализма, и ни в малой степени не отрицал возможности структурных исследований. Однако Дурново обладал куда большим опытом конкретных диалектологических и историческо-лингвистических исследований, чем молодые новаторы, слишком большим интересом к

языковому узусу в его социальном и историческом варьировании, чтобы ограничить свои интересы исключительно «внутренним» изучением языка. История языка не была для него хаосом, убегающим от всякого системного описания, но динамической системой, которая и должна изучаться в своем системном качестве. Сказывались ли в подобном подходе принципы, усвоенные Дурново у его московских учителей (прежде всего Ф. Ф. Фортунатова), или знакомство с современной ему немецкой философией истории и культуры, трудно сказать однозначно. Бесспорно, однако, что Дурново понимал систему языка иным, нежели Соссюр, образом, не как множество элементов, упорядоченных исключительно своими отношениями друг к другу, но как коммуникативный механизм, выполняющий «внешние» — социальные и культурные — функции.

Откликаясь на концепцию Соссюра, Дурново в 1927 г. писал: «В последнее время некоторые языковеды придерживаются отрицательной точки зрения в отношении чисто исторического исследования языка. Они говорят, что основной целью научного языкового исследования является познание системы языка в целом. Этого же якобы можно достичь лишь при помощи синхронического, а ни в коем случае диахронического изучения языка, поскольку каждый язык только с синхронической точки зрения является целым, все члены которого находятся в тесной взаимосвязи и образуют одну реальную систему; изменения же, возникающие в языке с течением времени, не являются сами по себе изменениями языковой системы, а лишь отдельными фактами, часто случайными и не находящимися в какой-либо связи друг с другом» (Дурново 1969, 10).

Изложив основной постулат соссюровской концепции, Дурново продолжает: «Я убежден, что эти языковеды правы, когда они говорят о значении и цели научного синхронического языкового исследования, но я решительно не могу согласиться с их взглядом на сущность исторического развития языка; они представляют себе это развитие как ряд изменений, которые в то время, как нам кажется, что они касаются часто только единичных языковых фактов, все же неизбежно связаны со всей языковой системой и обусловлены этой системой. Поэтому история языка является не наукой об отдельных сепаратных изменениях в языке, а наукой об изменении самого языка как системы и является в науке о языке не менее важной частью, чем синхроническое изучение языка, поскольку они одинаково оперируют с языковой системой как целым» (там же).

К пониманию истории языка как структурной динамики Дурново, видимо, приходит постепенно. Это понимание он формулирует как ответ на сосюрговскую дихотомию синхронии и диахронии, обобщающий его опыт работы с диалектным и историческим материалом. Основную роль, надо думать, сыграли здесь многолетние диалектологические разыскания Дурново, в процессе которых и формировалось его представление о диалекте как системе и о соотношении диалектов как соотношении систем. Проекция диалектных отношений на историческую ось закономерно приводит к концепции лингвистического развития как преобразований одной системы в другую. Подобное понимание отчетливо сказывается, например, в проводимом Дурново различении переходных и смешанных говоров. В введении к «Опыту диалектологической карты русского языка в Европе», написанном Дурново совместно с Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым, говорится: «В смешанных говорах влияние другого наречия выражается в простых заимствованиях отдельных слов или даже форм, но не изменяет звукового строя говора. Смешанным в той или иной степени является всякий говор, переходным же далеко не всякий. В переходных — изменения звуковой стороны, возникшие под влиянием другого наречия, носят закономерный характер, так как в них заимствования из другого наречия послужили образцом для переработки звукового строя, иначе говоря, проведены в качестве фонетического закона по всему говору (т. е. по всем соответствующим случаям). Надо иметь в виду, что в результате таких фонетических изменений, какие происходят в переходном говоре, только случайно могли бы получиться фонетические черты вполне тождественные с чертами наречия, послужившего образцом для подражания; в действительности переходные говоры обыкновенно представляют отличия от тех говоров, к переходу в который они, так сказать, стремятся, между прочим именно в тех явлениях, которые возникли в них в силу подражания. Так, например, аканье переходных в.-р. говоров с с.-в.-р. основой отличается от ю.-в.-р. аканья, под влиянием которого оно возникло. Таким образом, переходный говор представляет собою третий, новый тип говора по сравнению с теми двумя, из которых он образовался» (Дурново, Соколов, Ушаков 1915, 1—2). Эту аргументацию Дурново повторяет и в позднейших своих работах (ср.: Дурново 1918, 6; Дурново 1924, 73—74).

Можно видеть, что хотя Дурново и сохраняет младограмматический дискурс, его занимают преобразования системного характера: разгра-

ничиваются именно случайные изменения (заимствование отдельных элементов) от изменений системных, преобразующих звуковой строй и создающих новые отношения между элементами языка,—именно взаимодействие элементов внутри системы порождает «новый тип говора», так что происхождение элемента (которое преимущественно интересовало традиционную историю языка) перестает определять его функциональный статус и быть основным предметом внимания. В конечном счете именно этот—системный—подход лежит в основании диалектологических трудов Дурново, лишь отчасти сказываясь в его ранних работах (таких как монографическое описание говора Парфенок Рузского уезда—Дурново 1900—1903—первое описание такого рода в русской диалектологии), но вполне проявляясь в поздних обобщающих исследованиях (например, в «Очерке истории русского языка»—Дурново 1924).

Вместе с тем для Дурново с самого начала были важны не только преобразования системы как таковые, но и те «внешние» условия, в которых они происходили и с которыми они были так или иначе связаны. Так, скажем, в рассуждении о переходных говорах читаем: «Возникновение переходных говоров, вызываемое влиянием одних говоров на другие, возможно в широком размере лишь при определенном культурном (образовательном, социальном, политическом) превосходстве одной части населения над другою. Понятно отсюда, что распространение переходных говоров в данном месте и в данный момент возможно лишь в одном направлении (от наречия более сильного в указанном отношении населения), и для изменения направления, для возникновения обратного влияния необходимо решительное изменение культурных отношений» (Дурново, Соколов, Ушаков 1915, 2). Таким образом, изучая диалектный узус, Дурново анализировал его в контексте культурных и социальных связей носителей языка (отдельные замечания о социо-культурных параметрах функционирования говора разбросаны и в его конкретных диалектологических работах). Системность, с его точки зрения, не означала единственности имманентного подхода, а существование внешних факторов изменения не противоречило его системности.

Эти воззрения на историю языка служат отправным моментом и для собственно историко-лингвистических работ Дурново, написанных в основном в 1920-е годы. Наиболее показательным в теоретическом отношении исследованием этого периода является доклад Дур-

ново на первом съезде славянских филологов в Праге в 1929 г. «К вопросу о времени распада общеславянского языка» (Дурново 1931). В время пребывания в Чехословакии Дурново находится в тесном общении с Н. С. Трубецким и Р. О. Якобсоном, и их работы по истории славянских языков несомненно сказываются на постановке проблемы, разбираемой в этом докладе. Решает ее, однако, Дурново в соответствии со своими собственными установками. Он приводит мнение Трубецкого о том, что временем распада общеславянского языка является эпоха падения редуцированных, и задается вопросом, что именно должно означать это — поддерживаемое им — суждение.

Дурново начинает с перечисления тех различий между славянскими диалектами, возникновение которых может быть отнесено ко времени до падения редуцированных. Он не ограничивается, однако, замечанием, что «славянские диалекты до середины X в. различались не больше, чем диалекты любого нынешнего языка более или менее значительного народа, во всяком случае не больше, чем нынешние диалекты великорусского или украинского или польского или сербохорватского языка» (Дурново 1931, 521). Те изменения «общеславянского достояния», которые являются общими для нескольких славянских языков и «могут быть датированы эпохой до падения глухих», возникают в разных славянских наречиях не независимо, они вызваны общими тенденциями и осуществляются в рамках одной системы. К таким изменениям Дурново относит эволюцию сочетаний *dj*, *tj* в палатальные согласные, устранение сочетаний *or*, *ol*, деназализацию носовых, развитие «*g* в *γ*, откуда позднее *h*» и т. д. (там же, 524). Дурново тем самым связывает «внутрисистемность» (т. е. реализацию в рамках единой системы) данных инноваций с их общностью для нескольких славянских наречий (т. е. диалектов общеславянского, развившихся позднее в отдельные языки). После падения и прояснения редуцированных развиваются инновации, невозможные в рамках единой системы и вместе с тем отграничивающие отдельные славянские языки. К ним Дурново, в частности, относит «различный характер ударения [...], этимологическое [читай — фонологическое] различие долгих и кратких гласных или долгих и кратких согласных, различие и неразличие по качеству ударяемых и неударяемых гласных, наличие или отсутствие этимологически различаемых твердых и мягких вариантов согласных, зависимость или независимость качества гласных от соседних согласных или от гласных соседних слогов и т. д.» (там же,

521). Отсюда вывод: «Все названные различия свидетельствуют о полной коренной перестройке о.-сл. звуковой системы, следовательно, о полном разрыве между диалектами о.-сл. языка и образовании самостоятельных славянских языков» (там же, 521—522). Таким образом, характер инновации в отношении к системе оказывается для Дурново обстоятельством, определяющим ее место в исторической динамике.

Здесь вновь стоит отметить, что развитие системы языка Дурново соотносит с социально-историческими параметрами динамики узуса. Говоря о единстве общеславянского вплоть до эпохи падения редуцированных, Дурново указывает, что лингвистическое единство должно поддерживаться «единством политическим и единством культурным» (там же, 525). О политическом факторе Дурново пишет в связи с Великой Моравией, объединявшей западных и южных славян, и в связи с державой «Святослава Русского со столицей в Преславе» (там же). Дурново полагает, что «[с]ильнее и глубже [были] объединительные тенденции и факторы в области культуры» (там же). Определяющее значение имела здесь, по мнению Дурново, кирилло-мефодиевская традиция и существование у славян общего литературного языка как части этой традиции. Дурново пишет: «Константин и Мефодий, не знающие другого славянского языка, кроме языка славян солунских, едут смело в Моравию и успешно выполняют свою миссию. Мало-помалу их язык становится не только церковным, но и литературным языком всего славянского мира: в конце X и в XI в. на нем пишут, читают, проповедают и служат и в Новгороде и в Киеве и в Преславе и в Охриде и в Велеграде и на Сазаве [...] Единство литературного языка само по себе еще не свидетельствует о единстве языка живого, но во всяком случае распространение старославянского литературного языка во всем славянском мире при неблагоприятной политической ситуации легче всего находит себе объяснение в общепонятности этого языка и в единстве славянского живого языка; в то же время единство славянского литературного языка было тем фактором, который должен был способствовать сохранению единства разговорного общеславянского языка, если оно было в то время, когда старославянский стал единым литературным языком всего славянства» (там же, 526).

Как можно видеть, Дурново достаточно четко разграничивает историю разговорного языка как системы от внешних факторов, влияющих на динамику этой системы. Однако, разграничивая, он не отсекает, т. е. не стремится ограничить проблематику истории языка чисто

имманентным анализом. На этом подходе основаны два обобщающих курса, опубликованные Дурново в 1920-х годах: «Очерк истории русского языка» (Дурново 1924) и «Введение в историю русского языка» (Брно, 1927; см.: Дурново 1969). Конечно, их синтетический характер в существенной мере обусловлен тем, что они воспроизводят курсы, читавшиеся Дурново в университетах: «Очерк» — тот курс, который Дурново читал в Харьковском университете (литографированный курс 1914 г., в издании 1924 г. подвергшийся существенной переработке), «Введение» — тот курс, который Дурново читал в Брно⁶. Тем не менее вряд ли все сводится к дидактической задаче. Для Дурново речь идет не только о порядке изложения разнородного материала, но и о нахождении закономерных связей разнородных явлений: диалектного членения и социально-политических процессов, культурной ориентации и языкового поведения, религиозных установок и характера эволюции литературного языка.

При таком подходе к лингвистическому анализу вполне понятным был интерес Дурново к истории литературного языка, первоначально, видимо, возникший в контексте традиционной критики древних памятников письменности как свидетельств истории разговорного языка. Если взглянуть на то, как использовались памятники письменности в работах по истории русского языка в конце XIX — начале XX вв., т. е. до Дурново (в частности, в таких классических трудах, как «Лекции по истории русского языка» А. И. Соболевского [Соболевский 1907] или «Очерк древнейшего периода истории русского языка» А. А. Шахматова [Шахматов 1915]), становится очевидной методологическая ущербность существовавшей практики. Из рукописей извлекались отдельные примеры, в написании которых предположительно отражалось реальное произношение писцов, и при этом в качестве исходного и не обсуждаемого постулата считалось, что писец рабски воспроизво-

⁶ Собственно, издание отражало лишь первую часть читавшегося курса, в котором давался обзор источников истории русского языка. Оно планировалось как первый том двухтомника. Второй том должен был «содержать методологические замечания и объяснения некоторых явлений так называемой праславянской эпохи, относительно которых мое мнение отличается от мнений других славистов, а также историю развития церковнославянского языка русской редакции в XI и XII вв.» (Дурново 1969, 8). Второй том издан не был и до нас ни в каком виде не дошел. Первый том был переиздан в 1969 г. и по сей день служит незаменимым пособием для филолога-русиста.

дит свой оригинал, время от времени не справляясь со своей задачей и делая ляпсусы. Эти-то ляпсусы, когда усердный копиист, забывшись, записал свою речь, и отлавливает историк языка, отбрасывая, как ненужный мусор, многие листы ничего не говорящего текста. Письменный язык выступает, таким образом, как источник атомарных фактов, так что самая мысль о какой-либо системности оказывается полностью чуждой этому направлению лингвистического анализа.

Именно этот подход воспринимается Дурново как глубоко неадекватный, не позволяющий отделить пшеницу от плевел, т. е. оценить значимость тех фактов, на поиски которых было затрачено столько энергии. Эта значимость может быть определена только в контексте всей рукописи, рассмотренной как реализация системы, на которой основывался данный писец. Системность в случае памятников книжного письма специфична, это не системность разговорного языка, которой с теми или иными оговорками может быть приписан атрибут спонтанности, а системность, отрефлексированная как норма, т. е. как последовательная реализация представлений пишущего о правильном узусе. «[П]ри анализе старинных памятников со стороны их правописания и языка,— пишет Дурново,— первой задачей исследователя является определение норм литературного языка и правописания, какими руководились их писцы. Без этого нельзя составить понятие и о чертах живого некнижного языка писцов, отражающихся на написаниях памятников» (Дурново 1933, 48).

В этой перспективе встает проблема определения того, как формируется норма «литературного» языка, каковы ее составляющие, какие принципы лежат в основе присущей ей упорядоченности. Именно игнорирование этой проблемы составляло, на взгляд Дурново, фундаментальный недостаток в трудах его предшественников, с критики которых он начинает свою классическую работу «Славянское правописание X—XII вв.»: «При суждении о языке прошлых эпох по письменным памятникам исследователи часто недостаточно учитывают роль правописания и орфографических навыков писцов, а также принципиальное различие между языком книжным и живыми говорами писцов» (Дурново 1933, 45). И далее Дурново приводит характерные суждения «самых видных исследователей» (В. Н. Щепкина, А. А. Шахматова, В. В. Виноградова), указывающие на непонимание ими данной проблематики⁷.

⁷ Нельзя сказать, что работы Дурново радикально исправили ситуацию. Исследования восточнославянских рукописей, игнорирующие специфику норм книж-

В чем же состояло это непонимание? «Нередко в работах, посвященных анализу правописания старинных памятников языка,— пишет Дурново,— все написания памятника сводятся к двум источникам: написаниям оригинала и передаче живого произношения писца. Несомненно, такой подход ошибочен. Как правило, писцы вообще не стремятся к передаче своего личного произношения. Это видно из того, что в любом старинном тексте ряд особенностей произношения писца проскальзывает только в виде немногих ошибок против принятого писцом правописания. Не менее ошибочно думать, что сколько-нибудь грамотные писцы стремились к точной передаче написаний своих непосредственных оригиналов» (там же, 45). Дурново указывает, каковы были источники той нормы, которой следовали восточнославянские писцы: «Анализ правописания русских рукописей XI и XII в. привел меня к выводу, что большая часть русских писцов в своем правописании руководилась не столько написаниями своих непосредственных оригиналов и своим живым произношением, сколько усвоенной ими традиционной орфографией и особым книжным или церковным произношением» (Дурново 1924—1927, IV, 73).

Древними восточнославянскими рукописями Дурново занялся в 1920-е годы, когда у него не осталось возможности преподавать и ездить в диалектологические экспедиции. Об «условиях, чрезвычайно неблагоприятных для научных занятий», Дурново упоминал уже в предисловии ко второму выпуску «Диалектологических разысканий» (Дурново 1918, 7), и в начале двадцатых годов положение существенно не улучшилось. В этот период Дурново проделал огромную работу, обследовав «большую часть рукописей московских рукописных собраний, которые можно относить к XI и первой половине XII в.» (Дурново 1924—1927, IV, 73). Данные, собранные тогда Дурново и обобщенные им в статье «Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка» (Дурново 1924—1927, IV—VI), больше напоминающей напечатанную по частям монографию, до сих пор остаются

ного языка, продолжают появляться и по сей день, и неправомерные суждения, которые критиковал Дурново, повторяются вновь и вновь. Можно отметить даже, что и сам Дурново не во всех случаях избегал тех ошибок, которые ясно видел у других исследователей. Однако методологические основы лингвистического анализа письменных памятников были им созданы. Они сохраняют свое значение и в настоящее время, и именно это делает столь важным переиздание трудов Дурново (часто труднодоступных) в данной области.

наиболее полными и достоверными для многих рукописей⁸. Как тщательность анализа, так и его направленность были вполне новаторскими, а ряд конкретных проблем истории языка был по существу поставлен впервые (например, об условиях различения **ѣ** и **к** в славянской письменности, о характере неразличения **ѣ** и **ѥ**). Последующая разработка этих проблем (см., например, работы: Лант 1949; Успенский 1987; Живов 1984) основывалась на результатах, полученных и осмысленных Дурново.

Как видно из названия обсуждаемой работы, Дурново первоначально ставил перед собой задачу привлечь данные восточнославянских рукописей для изучения старославянского языка, поскольку, по его мнению, «русские рукописи, восходящие к ю.-сл. орфографической традиции первой половины XI в., имеют большое значение, помогая судить и о самом ст.-сл. языке и об эволюции его у южных славян в XI и XII вв. с бóльшей ясностью, чем это можно сделать, пользуясь памятниками только ю.-сл. письма» (Дурново 1924—1927, IV, 73). Выводов о старославянском языке в статье тем не менее нет, возможно, потому, что она, видимо, осталась неоконченной⁹. Очевидно вместе с тем, что эта заявленная тема отступает по ходу изложения на второй план. Она уступает место проблемам, относящимся к собственно вос-

⁸ Ряд рукописей, исследованных Дурново, был впоследствии издан, снабжен указателями и наново обследован. К их числу относится Изборник 1073 г., Изборник 1076 г., Синайский патерик, Пандекты Антиоха, Архангельское евангелие, Мстиславово евангелие, Успенский сборник (см. данные об изданиях и библиографию в изд.: Сводный каталог 1984; для Архангельского евангелия—Архангельское евангелие 1997; для Пандектов Антиоха—Поповски 1989). Ряд текстов, однако, остается неизданным, к ним относятся Типографский устав, Типографское евангелие, Устав Патриаршей библиотеки (ГИМ, Син. 330).

⁹ Во второй части этой статьи Дурново перечисляет ставящиеся им вопросы, к числу которых относится «3. где написаны те ю.-сл. рукописи, которые проникли на Русь в X и XI вв. и послужили оригиналами или образцами для русских писцов и 4. кто были те южные славяне, у которых русские учились старославянскому языку» (Дурново 1924—1927, V, 93). Он говорит при этом, что рассмотрение данных вопросов он откладывает «до конца своей работы», однако статья заканчивается разбором случаев смешения **ѣ** и **ѥ**, так что к поставленным задачам он так до конца и не возвращается. Не исчерпанным остается и список параметров рассмотрения восточнославянских рукописей (Дурново 1924—1927, IV, 76), так что кажется, что большая часть работы либо осталась незавершенной, либо оказалась утерянной.

точнославянскому развитию: тому, из каких источников формировалась правописная норма восточнославянского извода церковнославянского языка, в каком отношении находилась она к южнославянским образцам и к живым диалектам восточных славян, до какой степени зависела она от типа воспроизводимого текста и т. д. Дурново, таким образом, обращается, ограничиваясь, правда, орфографией, к развитию книжного («литературного») языка восточных славян (церковнославянского) как самостоятельному феномену.

Фундаментальные вопросы, возникавшие в рамках этого исследования, обсуждаются Дурново в его уже упоминавшейся статье «Славянское правописание X—XII вв.» (Дурново 1933). Здесь он четко формулирует те принципы, на которых основывалось освоение церковнославянского языка у восточных славян,— во всяком случае в том, что касается орфографической нормы. Дурново полагал, что «[с]тарославянский язык, представлявший сначала литературное оформление одного из македонских говоров, со стороны своего произношения [...] всюду в той или другой мере приспособлялся к местному живому произношению. [...] Таким образом создались различавшиеся по произношению областные варианты или диалекты старославянского языка» (Дурново 1933, 48—49).

Приспособление состояло прежде всего в устранении таких звуков и звукосочетаний, которые противоречили фонологической системе данного местного диалекта. Несвойственные живому языку звуки и звукосочетания сохранялись лишь в редких случаях, «[б]ольшая часть их сводилась к особенностям в произношении иностранных слов» (там же, 51); Дурново приводит в качестве примера произношение заимствований из греческого с палатальными *k̑, g̑, x̑* перед передними гласными и чтение греческого *φ* или латинского *f* как *f*. В основном же несвойственные местному диалекту звуки и звукосочетания заменялись их «этимологическими» кореллятами, т. е. теми звуками и звукосочетаниями, которые носители языка находили в соответствующих словах своего диалекта (например, в восточнославянском книжном произношении *žd* в соответствии с **dj* заменялось на *ž*). Это не значит, однако, что элиминировалось само противопоставление книжного и некнижного произношения, «литературное старославянское или церковнославянское произношение если не всюду, то по бóльшей части отличалось от живого народного произношения» (там же, 49). Отличия эти возникали главным образом за счет того, что «в соответствующих словах и формальных частях слов в литературном языке вместо одних зву-

ков народного говора произносились другие звуки, имевшиеся в этом говоре в тех же положениях, но в других словах» (там же, 51); в качестве примера Дурново указывает на то, что «в русском книжном произношении принято было в XI—XII вв. ѣ и ѥ читать как *o* и *e*, а **ѣ** как *e*» (там же)¹⁰. Таким образом, адаптация церковнославянского на восточнославянской почве начиналась в сфере орфоэпии (книжного произношения) и уже из этой сферы распространялась на правописание.

Эволюция церковнославянского правописания имела дело с уже сложившейся орфоэпической нормой и именно на нее была ориентирована. Этот процесс описывается следующим образом: «Старославянское правописание, основанное на фонологическом принципе соответствия звуковой системе одного из южнославянских говоров, с течением времени стало применяться и там, где звуковая система местного говора была несколько иной; да и в том говоре, в котором создано это правописание, звуковая система со временем тоже изменилась. Как мы видели, эти различия между звуковой системой говора, легшего в основу старославянского языка, и звуковыми системами других славянских говоров, представители которых усваивали старославянский язык в качестве литературного, вызвали появление местных литературных диалектов старославянского языка, звуковая система которых отличалась от его первоначальной звуковой системы, но не совпадала со звуковыми системами соответствующих живых местных говоров. Это отличие новых местных литературных диалектов старославянского языка от его первоначального типа вызвало и приспособление правописания к ним, а не непосредственно к тем живым говорам, на почве которых они возникли. Т. е. произношение, существовавшее в том или другом живом местном говоре, могло влиять на изменение норм правописания только в том случае, если оно становилось литературным для данной области. Само же живое произношение, поскольку оно не усваивалось литературным языком, могло отражаться на правописании писцов лишь в виде более или менее частных, в зависимости от их грамотности, ошибок» (там же, 58).

¹⁰ Точка зрения Дурново на книжное произношение **ѣ**, развивающая мнение, высказанное Шахматовым (Шахматов 1915, 162, 170), вряд ли оправдана. Приводимые Дурново данные могут интерпретироваться иным образом, тогда как ряд фактов и прежде всего последовательное различие **ѣ** и **ѥ** в большинстве древних рукописей свидетельствуют о том, что **ѣ** и **ѥ** противопоставлялись и в книжном произношении (см.: Успенский 1987, 108—115).

Таким образом, правописание ориентировалось на книжное произношение и изменялось под его влиянием. Это изменение, однако, было постепенным, куда более постепенным, чем адаптация на орфоэпическом уровне. Скорость приспособления зависела от разных факторов, которые Дурново подробно не анализирует, хотя общий характер динамики правописания определен им вполне четко: «Правописание, как везде, и у славян в X—XII вв. не сразу приспособлялось к звуковой системе местных литературных диалектов старославянского языка. В течение известного времени оно продолжало сохранять традиционные написания, не оправдываемые звуковой системой местного литературного диалекта. К таким традиционным написаниям в части рукописей XI и XII в. принадлежат написания, сохраняющие этимологическое различие между **ж**, **ѣж**, **ѧ**, **ѡ** с одной стороны и буквами, передающими заменившие их в местном произношении неносовые гласные, с другой стороны» (там же, 59)¹¹. Традиционные, восходящие к старославянским оригиналам написания постепенно уступали место написаниям, согласным с местным книжным произношением, и именно так формировалась правописная норма восточнославянского извода церковнославянского языка.

Изучение правописания древних рукописей привело Дурново к новому осмыслению проблем литературного (книжного) языка. В литературном языке системность реализуется иным образом, чем в языке живом, она осуществляется как норма, и именно динамика нормы должна изучаться историками литературного языка. Динамика нормы обусловлена иными факторами, чем развитие разговорного языка, и Дурново, кажется, рассматривает этот процесс как равнодействующую

¹¹ Наиболее важный момент, которому Дурново вовсе не уделяет внимания,— это характер овладения книжным произношением, свойственный славянской книжной культуре. Книжное произношение усваивалось на Руси не столько в результате прямого подражания церковному чтению южнославянских книжников, сколько в результате обучения чтению по складам. Скажем, склады **бѣж** и **боу** читались одинаково, и именно это закрепляло произношение **ж** как [u] в восточнославянском книжном произношении. Точно так же одинаково читались склады **бѣ** и **бо**, что и обуславливало книжное произношение **ѣ** как [o]. Характер обучения чтению определял и существенные моменты формирования правописной нормы. Так, буквы **ѣж** и **ѡ** исчезают из восточнославянских рукописей много ранее, чем буква **ж**, и это, видимо, связано с тем, что **ж** имелся в обычном алфавите и поэтому выучивался при обучении чтению, тогда как йотированные юсы в алфавите отсутствовали и их употребление поддерживалось исключительно южнославянскими протографами.

щую, складывающуюся из опосредованного воздействия развития живого языка и культурно-языковой традиции. Сама эта традиция также не есть константа, располагающаяся в прошлом, но пересматриваемая и реформируемая преемственность. Характерно, что в 1930-е годы Дурново обращается к такой теме, как раскол и никоновская книжная справа, т. е. именно к процессам реформирования нормы книжного языка. Р. О. Якобсон писал Н. С. Трубецкому 20 июня 1931 г.: «Дурново написал статью о русском расколе. Он установил, что никакого никоновского исправления книг на деле не было, а просто Никон хотел ввести общероссийский канон, в основе которого положил почти без изменения украинские издания церковных книг. Это вызвало отпор» (Якобсон 1975, 291). Статья эта, к сожалению, до нас не дошла.

Мы не знаем, каковы были дальнейшие научные планы Дурново, как далеко он собирался двигаться в этом, тогда почти вовсе не развитом направлении: коммунистический режим уничтожил и самого ученого, и его архив. Одной проблемой, однако, Дурново успел заняться, а именно определением статуса старославянского как литературного языка и вопросами дифференциации преемников старославянского — локальных изводов церковнославянского языка. Принципиальные вопросы были поставлены в статье «Sur le problème du vieux-slave» (Дурново 1929), напечатанной в первом томе пражских «Travaux», открывавшихся Тезисами Пражского лингвистического кружка. Статьи первого тома давали развернутое обоснование тезисов, и работа Дурново соотносится с четвертым тезисом «Les problèmes actuels du slave d'église», авторство которого и может быть приписано Дурново (Кайперт, 1999)¹². Основные идеи состоят в том, что старославянский является общеславянским литературным языком; его развитие должно рассматриваться в соответствии с «принципами, управляющими историей ли-

¹² Странным образом, статья Дурново, напечатанная в «Travaux», выпала из оглавления этого тома. Поэтому, возможно, она оказалась пропущенной в библиографии работ Дурново, составленной Л. И. Почкай (Дурново 1969, 267—284), а в результате обойденной вниманием нескольких поколений славистов. Незамеченным оказалось и участие Дурново в составлении Пражских тезисов; сам ученый пишет об этом в письме Б. М. Ляпунову от 2 января 1930, говоря о «моих мыслях, изложенных в тезисах Пражского лингвистического кружка, предложенных съезду» (Робинсон и Петровский 1992, 75). На авторство Дурново и на соответствие четвертого тезиса его статье в «Travaux» и идеям, развитым в более поздних работах (Дурново 1931), обратил недавно внимание Г. Кайперт (Кайперт, 1999).

тературных языков» (Тезисы 1929, 22). Старославянский распадается на ряд «литературных диалектов» (редакций), ни один из которых не совпадает с «живыми славянскими языками или диалектами, отражающимися в правописании текстов в ошибках и несистематических исключениях из принятых [в данной редакции] правил» (Дурново 1929, 141). Неоправданно рассматривать лишь один из этих диалектов как «правильный», а остальные — как отклонения от него (Тезисы 1929, 22). Каждый из диалектов, в том числе и болгарский, представляет собой результат взаимодействия усвоенной традиции, восходящей к свв. Кириллу и Мефодию, и местного диалекта, к которому данная традиция приспособляется. «Для понимания происхождения и состава старославянского» важно «реконструировать тот живой говор, который был положен Кириллом и Мефодием в основание созданного ими литературного языка» (Дурново 1929, 142); при решении этой задачи следует обратиться к глаголической нумерации, сочинению Храбра, азбучным акростихам и алфавитариам (там же, 144—145). Вместе с тем актуальна задача изучения эволюции церковнославянского: от старославянского и среднему церковнославянскому («*moien slave d'eglise*») в его различных диалектах и новому церковнославянскому («*nouveau slave d'eglise*») (там же, 142).

Более подробно эта проблематика обсуждается в статье «Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов» (Дурново 1931). В младограмматической традиции, которая восходила к А. Лескину и к которой примыкал, в частности, Шахматов, старославянский рассматривался прежде всего как письменная фиксация одного из болгарских (или македонских) говоров (отсюда и именоваться он мог «староболгарским»). Именно этому пониманию Дурново противопоставляет концепцию старославянского как литературного языка: «Свв. Кирилл и Мефодий своими переводами положили начало тому славянскому литературному языку, который в древнейшей известной нам его форме мы называем *старославянским*. Из определения его, как литературного, вытекает, что под этим термином следует понимать известную норму, которой стремились следовать писатели, переводчики и писцы, писавшие на этом языке, и которую нельзя отождествлять с их индивидуальным языком или живым говором. Старославянскому языку принадлежат только те из языковых черт, извлекаемых нами из его древнейших памятников, которые проводятся пишущими на нем, как *нормы*, с тою последовательностью, какую им позволяет их грамотность [...] Из того же определения следует,

что хотя в основе старославянского языка лежал живой говор, [...] мы не имеем права предполагать без достаточных оснований, что старославянский язык, каким мы его знаем, всеми своими чертами совпадал с тем или другим славянским языком или говором» (Дурново 1931, 48—49).

В этот контекст Дурново помещает и историю отдельных славянских литературных языков: «Являясь литературным языком разных славянских народов, старославянский язык представлял разные варианты в зависимости от различий в языке пользовавшихся им народов и с течением времени испытал всюду сложную эволюцию, значительно удалившему выросшие из него позднейшие литературные славянские языки, как например, церковнославянский язык болгарской, сербской, русской и чешскоморавской редакции и, наконец, русский литературный язык, от старославянского языка в его первоначальном виде» (там же, 49). Существенно, что Дурново говорит здесь об эволюции и церковнославянского, т. е. в отличие от своих предшественников рассматривает язык церковнославянской письменности как живую и развивающуюся систему. Эти мысли Дурново (развить их он не успел) перекликаются с типологией славянских литературных языков, которая была предложена Н. С. Трубецким в его известной работе 1927 г. «Общеславянский элемент в русской культуре» (Трубецкой 1995, 162—210), и отражают те дискуссии о проблемах литературных языков, которые шли в Пражском лингвистическом кружке и среди близких к нему лингвистов и нашли выражение в «Тезисах Пражского лингвистического кружка», в том числе и в тезисе, предложенном Дурново. Дурново оказался вполне восприимчив к новому направлению и вместе с тем обогатил его и новыми, часто более тонкими и нюансированными идеями, и конкретным анализом обширного материала, оставшегося недоступным его младшим коллегам.

Диалектологические работы Дурново легли в основание всех последующих построений восточнославянской диалектологии, так что результаты его исследований оказались в полной мере освоенными, прошедшими тем путем зерна, который и есть подлинная награда ученого труда. До определенной степени это относится и к исследованиям Дурново по древнерусской литературе; не создав в этой области нового направления, они тем не менее не утратили своего значения: специалисты, занимающиеся теми же текстами или теми же темами, знают и ценят вклад Дурново в их изучение. Труды Дурново по истории славянских языков и в особенности по истории церковнославянского не

были в той же мере восприняты славянской филологией. Хотя для определенного круга специалистов они стали исходным пунктом для всей дальнейшей работы, заблуждения, которые он истреблял, продолжают мирно существовать и воспроизводиться в разнообразных исследованиях языка древней славянской письменности. Отчасти это связано с цензурой в науке сталинского периода: на Дурново не ссылались, а часто в силу этого и не читали. Отчасти, однако же, это объясняется именно тем, что статьи Дурново разбросаны по разным, порою труднодоступным, изданиям, а его «Очерк» 1924 г. отсутствует во многих библиотеках. Эту длящуюся несправедливость и призвана исправить настоящая публикация.

Л и т е р а т у р а

Архангельское евангелие 1997—Архангельское евангелие 1092 года. Исследования. Древнерусский текст. Словоуказатели. Изд. подготовили Л. П. Жуковская, Т. Л. Миронова. М.: «Скрипторий», 1997.

Ашнин и Алпатов 1993—*Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* Николай Николаевич Дурново.—звестия Академии наук. Серия лит-ры и языка. Т. 52 (1993), № 4, 54—68.

Ашнин и Алпатов 1994—*Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М.: «Наследие», 1994.

Дурново 1900—1903—*Дурново Н. Н.* Описание говора деревни Парфенок Русского у. Московской губ.—Русский филологический вестник, 44 (1900), № 3—4, 153—216; 45 (1901), № 1—2, 227—268; 46 (1901), № 3—4, 129—151; 47 (1902), № 1—2, 119—151; 49 (1903), № 1—2, 297—321; 50 (1903), № 3—4, 64—147, 285—297.

Дурново 1915—*Дурново Н. Н.* Материалы и исследования по старинной литературе. I. К истории Повести об Акире. М.: Синод. тип., 1915.

Дурново 1918—*Дурново Н. Н.* Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. I. Южновеликорусское наречие. Вып. 2. Б. м.: Тип. Шамординской женской пустыни, 1918.

Дурново 1924—*Дурново Н. Н.* Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924.

Дурново 1924—1927—*Дурново Н. Н.* Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка.—*Јужнославенски филолог*, IV (1924), 72—94; V (1925—1926), 93—117; VI (1926—1927), 11—64.

Дурново 1929—*Durnovo N. N.* Sur le problème du vieux-slave.—*Mélanges linguistiques dédiés au Premier Congrès des philologues slaves*. Prague, 1929, 139—145 [Travaux du Cercle Linguistique de Prague, I].

Дурново 1931—*Дурново Н. Н.* К вопросу о времени распада общеславянского языка.—*Sborník prací I. Sjezdu slovanských filologů v Praze*, 1929. Praha, 1931, 514—526.

Дурново 1933—*Дурново Н. Н.* Славянское правописание X—XII вв.—*Slavia*, roč. 12 (1933), seš. 1—2, 45—82.

Дурново 1969—*Дурново Н. Н.* Введение в историю русского языка. Изд. 2-е. М., 1969.

Дурново, Соколов, Ушаков 1915—Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. Составили Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. М.: Синод. тип., 1915 [Труды Московской диалектологической комиссии, в. 5].

Живов 1984—*Живов В. М.* Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI—XIII века.—*Russian Linguistics*, vol. 8 (1984), n. 3, 251—293.

Кайперт 1999—*Keipert H.* Die Kirchenslavisch-These des Cercle linguistique de Prague.—*Festschrift für Klaus Trost zum 65. Geburtstag*. Hrsg. von E. Hansack, W. Koschmal, N. Nübler, R. Večerka. München: Verlag Otto Sagner, 1999, 123—133 [Die Welt der Slaven Sammelbände, Bd. 5].

Лант 1949—*Lunt H. G.* The Orthography of Eleventh Century Russian Manuscripts. University Microfilms, Ann Arbor, Michigan, 1949.

Перченко 1991—*Перченко Ф. Ф.* Академия наук на «великом переломе».—*Звенья. Исторический альманах*. Вып. 1. М., 1991, 163—235.

Поповски 1989—*Popovski J.* The Pandects of Antiochus. Slavic Text in Transcription.—*Палата књигописнага*, № 23—24. January 1989.

Пуришкевич 1914—*Пуришкевич В.* Материалы по вопросу о разложении современного русского университета. СПб., 1914.

Робинсон и Петровский 1992—*Робинсон М. А., Петровский Л. П.* Н. Н. Дурново и Н. С. Трубецкой: проблема евразийства в контексте «дела славистов» (по материалам ОГПУ—НКВД).—*Славяноведение*, 1992, № 4, 68—82.

Сводный каталог 1984—Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., «Наука», 1984.

Соболевский 1907—*Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907.

Сумникова 1995—*Сумникова Т. А.* Николай Николаевич Дурново. (Штрихи к портрету).—*Известия Академии наук. Серия лит-ры и языка*. Т. 54 (1995), № 5, 73—82.

Тезисы 1929—*Thèses [du Cercle Linguistique de Prague].—Mélanges linguistiques dédiés au Premier Congrès des philologues slaves*. Prague, 1929, 5—29 [Travaux du Cercle Linguistique de Prague, I].

Трубецкой 1995—*Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык. Составление, подготовка текста и комментарии В. М. Живова. М.: Прогресс-Универс, 1995.

Успенский 1987—*Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI—XVII вв.). München, 1987.

Шахматов 1915—*Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915 [Энциклопедия славянской филологии, вып. 11.1.]

Якобсон 1975—*Jakobson R. O.* (ed.). N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes. Prepared for publication by R. Jakobson with the assistance of H. Baran, O. Ronen, and M. Taylor. The Hague—Paris, 1975.

титул первого издания

(дать художнику
на сканирование.

Именно титул, а не обложка

11,5 x 17 см.

Сохранить серый фон,

обвести в черн. рамку 0,5 pt.

О Г Л А В Л Е Н И Е

В В Е Д Е Н И Е

Задачи и методы истории языка

§§ 1—2. Задачи научного изучения языка (13). § 3—4. История языка (14). §§ 5—8. Изменения звуковой стороны языка (17). §§ 9—35. Методы изучения истории языка (22). § 36. План остающейся части Введения (50).

Звуковой состав современного великорусского литературного языка

Гласные звуки московского произношения

А. Гласные звуки неокругленные. § 37. Гласные нижнего подъема (50). § 38. Гласные среднего подъема (51). § 39. Гласные верхнего подъема (52). Б. Гласные звуки округленные. § 40. Общие замечания (53). § 41. Округленные гласные нижнего подъема (53). § 42. Гласные среднего подъема (53). § 43. Гласные верхнего подъема (54). § 44. Количество гласных (54). § 45. Голосность или сонорность гласных (55).

Согласные звуки московского произношения

§ 46. Гортанные согласные (56). § 47. Задненебные или веларные (57). § 48. Средненебные или палатальные (57). § 49. Нёбнозубные (58). § 50. Губные (59). § 51. Аффрикаты (60). § 52. Латеральные согласные (61). § 53. Фаукальные согласные (61). § 54. Смягченные согласные (61). § 55. Веляризованные согласные (61). § 56. Округленные согласные (61). § 57. Количество согласных (62).

Понятие о слоге. Звуки слоговые и неслоговые

§ 58. Понятие о слоговых и неслоговых звуках (62). § 59. Слоговые и неслоговые звуки в русском языке (62).

Морфологический состав русского языка

Понятие о грамматической форме

§ 60. Общие замечания (63). § 61. Примеры синтаксических форм (64). § 62. Примеры словообразовательных форм (64). § 63. Способы образования грамматических форм в русском языке (65).

Морфологический состав нынешнего русского литературного языка

§ 64—69. Грамматические классы слов в русском языке (65). § 70. Формы склонения и согласования и их значение (66). § 71. Различия между существительными и прилагательными (67). § 72. Образование форм числа (67). § 73. Род существи-

тельных и прилагательных (67). § 74. Деление прилагательных на собств. прилагательные и причастия (68). § 75. Атрибутивные и предикативные формы прилагательных (68). § 76. Формы спряжения (68). § 77. Наклонения (69). § 78. Время в глаголе (69). § 79. Формы лица у глаголов (69). § 80. Грамматическая и неграмматическая классификация слов (70).

Краткий очерк русской диалектологии

§ 81. Единство русской языковой группы (72). § 82—83. Соседи русских народностей (74). § 84. Деление русской языковой группы (75). § 85—86. Переходные говоры (76). § 87. Особенности великорусского языка (77). § 88. Северновеликорусские особенности (79). § 89. Особенности говоров с.-в.-р. наречия (79). § 90. Особенности, общие всему ю.-в.-р. наречию (81). § 91. Различия между ю.-в.-р. говорами (81). § 92. Особенности ср.-в.-р. говоров (84). § 92а. С.-в.-р. говоры с намечающейся переходностью (87). § 93. Особенности переходных говоров от ср.-в.-р. к б.-р. (87). § 94. Особенности б.-р. языка (88). § 95. Деление б.-р. языка (90). § 96. Различия между наречиями б.-р. языка (90). § 97. Переходные б.-р. говоры с ю.-в.-р. наслоением (92). Малорусский язык. § 98. Малорусские особенности (92). § 99. Деление м.-р. говоров (94). § 100. Различия между м.-р. говорами (95). § 101. Руснацкие говоры (96). § 102. Говоры переходные от м.-р. к б.-р. (96). § 103. Говоры переходные от ю.-м.-р. к ю.-в.-р. (96). § 104. Польское и словацкое влияние на м.-р. говоры (97). Образование русских языков и наречий. § 105. Состав в.-р. языка (97). § 106. Состав б.-р. языка (97). § 107. Выводы (98). § 108. Поправки к географическим указаниям «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе» (99).

Древнерусское правописание

§ 109—120 (100).

Часть первая

ИСТОРИЯ ЗВУКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

І. Звуки, перешедшие в русский язык из общеславянского

§ 121. Начальный момент истории русского языка (108). § 122. Перечень звуков, перешедших в о.-р. язык из о.-сл. (108).

Гласные

§ 123. *a* (109). § 124. *o* (109). § 125. *y* (110). § 126. *ы* (110). § 127. *e* (110). § 128. *и* (111). § 129. *ѣ* (112). § 130. Происхождение звука *ѣ* (112). § 131. *ѡ* и *ѣ* (113). § 132. *ы* и *и* редуцированные (114). § 133. *о*, *е* носовые (115). § 134. *ѣ* носовое (115). § 135. *ѡ* (116). § 136. *ѣ* (116). § 137. Количество гласных (116).

Согласные

§ 138. Губные (117). § 139. *ф* (117). § 140. Нёбнозубные, *л* (117). § 141. *н*, *р* мягкие (118). § 142. *ж* и *ш* (118). § 143. *ч* (119). § 144. *ж*, *ч* из *dj*, *tj*, *kt* (119). § 145. *ждж*

(120). § 146. *шч* (120). § 146а. Судьба сочетаний *дж, тж* в о.-сл. (120). § 147. *ц, с, дз* мягкие (121). § 148. Изменение сочетаний *ск, зг* перед *ѣ* и *и* из *ой* (123). § 149. *ј* и *й* (123). § 150. Задненебные (124). § 151. *г* фрикативное (124).

О.-сл. сочетания с слововыми плавными

§ 152. Перечень (125). § 153. О.-сл. *ор, ол* в начале слова (125). § 154. О.-сл. *ор, ол, ер, ел* между согласными (126). § 155. О.-сл. *ел* после шипящих (126). § 156. О.-сл. *ѣр, ѣл, ѣр, ѣл* между согласными (126). § 156а. О.-сл. *р^ѡ, р^ѣ, л^ѡ, л^ѣ* (127).

Ударение

§ 157 (128).

II. Отношение русского языка к другим славянским языкам

§ 158. Группировка слав. языков (133). § 159. Положение русских языков (135). § 160. Черты, отличающие русские языки от всех других славянских языков (135). § 161. Общие черты русских и южнославянских языков (135). § 162. Общие черты русских и западнославянских языков (136). § 163. Выводы (137).

III. Общерусские изменения звуков

§ 164. Главные эпохи в истории русского языка (138).

А. Изменения доисторические

§ 165. Что такое доисторические изменения (138). § 166. Смягчение согласных перед палатальными гласными (139). § 167. Отражение смягчения согласных перед *и, ѡ, ѣ* в древнейших памятниках русского письма (139). § 168. Отражение смягчения согласных перед *е* носовым в древнейших памятниках русского письма (141). § 169. Отражение смягчения согласных перед *е* в древнейших памятниках русского письма (142). § 170. Переход *ел, ѡл* в *ол, ѡл* (144). § 171. Переход *ч, дж* с долгим затвором в *ч, дж* (145). § 172. Изменение *о, е, ѣ* носовых в неносовые *а, у, ѣ* (145). § 173. Отпадение начального *ј* перед *у* (145). § 174. Изменение *е* в *ѡ* перед твердыми согласными (146). § 175. Переход *ѡ* и *ѡ* округленное (146). § 176. Переход начального *е* в *о* (146). § 177. Полногласие (147). § 178. Изменение сочетаний *ѣр, ѣр, ѡл* между согласным (148).

Б. Изменения исторической эпохи

§ 179. Перечень (149). Судьба гласных *ѡ* и *ѡ* в русских языках. § 180. Предварительные замечания (149). § 181. Время утраты *ѡ, ѡ* слабых (149). § 182. Время перехода *ѡ, ѡ* сильных в *о, е* (151). § 183. Второе полногласие (152). § 184. Возникновение «беглых» *о* и *е* (153). § 185. Изменения, вызванные аналогией вследствие изменения *ѡ, ѡ* (153). § 186. Судьба *и (иѡ)* после гласных (155). § 187. Изменение *јѡ* (155). § 188. Сохранение *й* после гласных (155). § 189. Судьба *ы, и* редуцированных в слабом положении (155). § 190. Следствия утраты *ѡ, ѡ* слабых (156). Изменения согласных, вызванные выпадением *ѡ, ѡ*

слабых. § 191. Положения, в которых оказались согласные после выпадения *ъ, ь* слабых (156). § 192. Отпадение конечных *л* твердого и мягкого после согласных (157). § 193. Изменение конечных *р, л* после согласных (157). § 194. Отвердение конечных губных (158). § 195. Сокращение конечных долгих согласных (158). § 196. Ассимиляция согласных (159). § 197. Упрощение согласных (160). § 198. Переход задненебных взрывных в фрикативные (160). Явления, не стоящие в связи с утратой *ъ, ь* слабых. § 199. Переход *ө* в *о* после шипящих (161). § 200. Переход сочетаний *кы, гы, хы* в *ки, ги, хи* (161). § 201. Переход *е* в *й* (162). §§ 202—203. Ассимиляция гласных (163). § 204. Отпадение конечных неудаемых гласных (163).

IV. Диалектические изменения звуков, общие разным русским языкам

§ 205. Древнейшее диалектическое дробление о.-р. языка (164).

А. Более общие явления

§ 206. Судьба о.-сл. *o^o, o^b* не после согласных (165). § 207. Переход *г* в *γ* (166). § 208. Переход звонких согласных в глухие (167). Судьба шипящих. § 209. Отвердение *ж* и *ш* (168). § 210. Изменение сочетаний *ждж* и *шч* (168). § 211. Отвердение *ч* (170). § 212. Отвердение *ц* (171). § 213. Изменения *л* твердого (171). § 214. Выпадение *й* между гласными (172). § 215. Дзеканье (173). § 216. Переход *йѣ* в *йе* (173).

Б. Великорусско-белорусские явления

§§ 217—218. Переход *ө* в *о* (174). § 219. Переход *и* в *ы* после твердых (175).

В. Явления севернорусские

§ 220. Что такое севернорусские явления (176). §§ 221—222. Совпадение *ц* и *ч* в одном звуке (176). § 223. Переход *ждж, шч* в *жј, шх^ј* (177). § 224. Переход *дн* в *н* долгое (177).

Г. Южновеликорусско-белорусские явления

§§ 225—228. Аканье (177). § 229. Судьба *ѣ* (183).

Д. Явления южнорусские

§ 230. Переход *о, е* старых в новых закрытых слогах в дифтонги (183).

V. История звуков великорусского языка

А. Явления великорусские

§ 231. Изменение *о* под восходящим ударением (184). § 232. Переход *ый, ий* в *ой, ей* (185). § 233. Переход *рѣ, рь, лѣ, ль* между согласными в *ро, рѣ, ре, ло, лѣ, ле* (186). § 234. *ѣ* перед твердыми из старого *е* (186). § 235. Изменения *е* перед шипящими (187). § 236. Переход *ри* в *ры* после согласных (187). § 237. Переход звонких согласных в глухие (188). § 238. Отвердение согласных перед *е* (188). § 239. Переход *ц* в *с* (188).

Б. Явления северновеликорусские

§ 240. Что такое северновеликорусские явления (188). §§ 241—242. Судьба *ѣ* (189). §§ 243—245. Дialeктический переход *а* после мягких в *е* (190). §§ 246—249. Переход *е* в *а* (191). §§ 250—253. Переход *е* в *о* (192). § 254. Переход *а* в *о* (193). §§ 255—256. Переход *о* в *у* (193). § 257. *е* перед твердыми из старых *е*, *ь* (194). § 258. *е* в конце слов (194). §§ 259—261. Появление шепелеватых звуков (194). §§ 262—264. Появление звука *ѣ* (196). § 265. Судьба старого *γ* (196). § 266. Отверждение *т* в окончании 3 л. глаголов (197). § 267. Отверждение *л* мягкого (197). § 268. Отверждение *с* мягкого (198). § 269. Переход *ри* в *ры* (198). Смягчение согласных. § 270. Смягчение заднебных после мягких (198). § 271. Смягчение зубных после мягких (198). § 272. Переход *к*, *г* мягких в *т*, *д* мягкие (198). § 273. Ассимиляция согласных (199). § 274. Диссимиляция согласных (199). Выпадение согласных. § 275. Выпадение *в* перед *л* мягким (199). § 276. Выпадение *в* между гласными (199). § 277. Выпадение *д* мягкого между гласными (200). § 278. Белорусское влияние на с.-в.-р. говоры (200). Южновеликорусское влияние на с.-в.-р. говоры. § 279. Редукция неударяемых гласных (200). § 280. Аканье (201). § 280а. Появление безударного *а* вм. *и* в конце слова (203). § 281. Неполное аканье (203). § 282. Утрата цоканья (203). § 283. Появление *ч* твердого (204).

В. Явления южновеликорусские

§ 284. Изменения в характере аканья (204). § 285. Появление окончания *-уя* и *-аю* в вин. ед. ж. р. прилагательных (204). § 286. Изменения безударных *ы*, *и* (204). § 287. Изменения неударяемых *а*, *о* не в 1-м предударном слоге (205). § 288. Появление *в* перед *о* и *у* (205). § 289. Изменение *к* твердого в *к* мягкое после мягких неслоговых (205). §§ 290—295. Московское влияние на ю.-в.-р. говоры (206).

VI. Малорусско-белорусские явления

§ 296. Эпоха белорусско-малорусского единства (207). § 297. Судьба *ы*, *и* редуцированных в сильном положении (208). § 298. Изменения *р^ѵ*, *р^б*, *л^ѵ*, *л^б* между согласными (208). § 299. Переход *γ* в *h* (209). § 300. Изменения сочетаний согласных *сj* (209). § 301. Отверждение *р* мягкого (210).

VII. История звуков б.-р. языка

§ 302. Отношение б.-р. языка к другим русским языкам (211). Белорусское аканье. § 303. Изменения в характере аканья, явившиеся в сев.-вост. б.-р. говорах (212). § 304. Возникновение аканья в ю.-зап. б.-р. говорах (213). Остальные чисто белорусские явления. § 305. Изменение *ы* редуцированного в *е* или *ѐ* (214). § 306. Судьба дифтонгов из о.-р. *о*, *е*, *ѣ* в ю.-зап. б.-р. говорах (214). § 307. Остальные о.-б.-р. черты (214). §§ 308—311. Южновеликорусское влияние на б.-р. говоры (214).

VIII. История звуков малорусского языка

§ 312. Судьба дифтонгов *yo, iio, ue* (215). § 312а. Появление *i* вместо безударного *y* (216). § 313. Изменение гласных *e, ö, u* (216). § 314. Переход *e* в *a* (217). § 315. Совпадение *ы* и *и* (217). § 316. Переход *a* после мягких в *e* и в *и* (218). § 317. Переход *и* в *e* (218). §§ 318—320. Изменения неударяемых гласных (218). Отверждение согласных. § 321. Отверждение согласных перед *e, u* (219). § 322. Отверждение шипящих (219). § 323. Отверждение *ц* (220). § 324. Отверждение *с* мягкого (220). § 325. Отверждение *р* мягкого (220). § 326. Отверждение конечного *т* мягкого (220). § 327. Отверждение конечных согласных (221). § 328. Изменение сочетаний мягких губных с *a* (221). § 329. Изменения *л* (221). § 330. Переход звонких в глухие (222). § 331. Появление звука *ф* (222). § 332. Переход у неслогового или *в* и *ф* в *г* фрикативное или взрывное и *к* или *х* (223). § 333. Переход *т* и *д* мягких в мягкие *к* и *г* взрывное (223). § 334. Переход *к* в *т* мягкое (223). § 335. Появление звуков *дж* и *дз* (223). § 336. Переход *с* мягкого в *ш* и *з* мягкого в *ж* (224). § 337. Переход *н, д* мягких в *й* (224). § 338. Сокращение долгих мягких согласных (224). § 339. Выпадение *h* (225). Белорусское и южновеликорусское влияние в м.-р. говорах. § 340. Переходные к б.-р. говоры на с.-м.-р. основе (225). § 341. Переходные к ю.-в.-р. говоры на ю.-м.-р. основе. (226). Польское и словацкое влияние на м.-р. говоры. § 342. Польское влияние (226). § 343. Словацкое влияние (227).

Часть вторая

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ

I. История форм склонения и спряжения

A. История форм склонения

I. Формы, перешедшие в русский язык из общеславянского

§ 344. Восстановление этих форм (228). § 345. Классы склоняемых слов в о.-сл. (228). § 346. Падежи о.-сл. склонения (229). § 347. Деление именного склонения в о.-сл. (229).

Падежные окончания именных склонений в о.-сл.

§ 348. Имена на *-ъ, -ь, -о, -е* с р. ед. на *-а* (230). § 349. Замечания об именах с основами на мягкие (230). § 350. В. ед. от имен одушевленных предметов (230). § 351. Тв. ед. на *-омь, -емь, -ьмь, -ьмь* (231). § 352. Формы на *ь* носовое (231). § 353. Имена с основами на задненебные (232). § 354. Имена на *-ъ* с р. ед. на *-у* (232). § 355. Формы ед. ч. сущ. *сынъ* (232). § 356. Тв. ед. на *-ьмь* и *-омь* (232). § 357. Дат. мн. на *-омь* (233). § 358. М. мн. на *-ьхъ* (233). § 359. Имена на *-а, -и* с р. ед. на *-ы, -ь* носовые (233). § 360. Имена на *-ъ* с р. ед. на *-и* (234). § 361. Имена с р. ед. на *-е* (235). § 362. Имена на *-инь, -арь, -тель*, числ. *четыре* и *десять* и сущ. *локоть, ноготь, печать* (236). § 363. В. ед. на *-е* (236). § 364. Им. мн. на *-е, -ьие* (236). § 365. Р. мн. на *-ъ* и *-ьйъ* (237). § 366. Д., тв. и м. мн. того же склонения (237). § 367. Склонение причастий и прилагательных в сравн. степ. (238).

Склонение местоимений личных в о.-сл.

§ 368. Падежные формы личных местоимений (240). § 369. Местоимение 1-го л. ед. ч. (240). § 370. Д.-м. ед. местоимения 1-го л. ед. ч. (241). § 371. Д.-м. местоимения 2-го л. ед. ч. (241).

Местоименное склонение в о.-сл.

§ 372. Слова, изменявшиеся в о.-сл. по местоименному склонению. Окончания падежных форм местоименного склонения (241). § 373. В. ед. м. р. местоимений (242). § 374. Р. ед. м. р. местоименного склонения (242). § 375. Формы склонения местоимения *чь(то)* (243). § 376. Склонение прилаг. *вьсь* (243). § 377. Местоимение *кѣйь* или *койь* (243). § 378. Числит. *дѣва* и *оба* (244).

Сложное склонение прилагательных

§ 379. Формы сложного склонения прилагательных в о.-сл. (244). § 380. Изменения форм сложного склонения прилагательных в славянских языках. Формы прилагательных по местоименному склонению (245).

II. Общерусские изменения форм склонения

§ 381. Предварительные замечания (247). § 382. Судьба форм двойств. числа (247). § 383. Судьба именного склонения прилагательных и причастий (248). § 384. Употребление р. пад. вместо вин. (251). § 385. Совпадение форм им. и вин. мн. (253). § 386. Судьба форм склонения имен на *-ь* с р. ед. на *-у* (254). § 387. Судьба форм склонения имен на *-ь* с р. ед. на *-и* (256). § 388. Судьба форм склонения имен с р. ед. на *-е* (257). § 389. Влияние твердых основ на мягкие (259). § 390. Распространение форм на *-ама*, *-амь*, *-ами*, *-ахъ* (259).

III. Великорусские изменения форм склонения

§ 391. Утрата зв. формы (260). § 392. Новые зв. формы (260). § 393. Формы на *-гѣ*, *-кѣ*, *-хѣ* (260). § 394. Дат. ед. на *-ови* (261). § 395. Взаимное влияние склонений имен с основой на твердые и мягкие согласные (261). § 396. Местн. ед. на *-ѣ* от имен ж. р. на *-ь* (262). § 397. Им.-вин. мн. на *-и* (263). § 398. Им. мн. на *-а* от имен несреднего рода (263). § 399. Им. мн. на *-ы*, *-и* от имен ср. р. (266). § 400. Род. мн. на *-ов*, *-ей* (267). § 401. Дат., твор. и местн. мн. на *-ѣм*, *-ми*, *-ѣх* (268). § 402. Окончания дат. и тв. мн. в с.-в.-р. (269). § 403. Судьба форм склонения имен ср. р. на *-а* («я») (270). § 404. Склонение имен *мать* и *дочь* (271). § 405. Склонение местоимений личных (272).

Местоименное и сложное склонение

§ 406. Взаимное влияние твердых и мягких местоименных основ (273). § 407. Род. ед. м. и ср. р. местоимений и прилагательных (274). § 408. Употребление род. *чего* в значении им. и вин. (274). § 409. Вин. ед. ж. р. местоимений (274). § 410. Окончание в. ед. ж. р. прилагательных (275). § 411. Р. ед. ж. р. местоимений и прилагательных (275). § 412. Тв. и местн. ед. м. и ср. р. местоимений и прилагат. (275). § 413. Им. мн. местоимений и прилаг. (276). § 414. Формы прилаг. и местоимений на *-ѣй*, *-ѣи*, *-ѣх* и пр. (277).

IV. Белорусские изменения форм склонения

А. Явления, общие б.-р. языку с м.-р.

§ 415. Сохранение свистящих перед *ѣ* (277). § 416. Сохранение зв. формы (277). § 417. Сохранение *-и* в местн. и дат.-местн. ед. основ на мягкие (278). § 418. Местн. ед. на *-у* (278). § 419. Отсутствие им. мн. на *-а* от имен несредн. рода (278). § 420. Д. ед. на *-ови* (278). § 421. Тв. ед. от имен ж. р. на *-ь* (278). § 422. Им. мн. на *-ѣ* (278). § 423. Р. мн. на *-ей* и *-ов* (278). § 424. Р. мн. в значении в. мн. (278). § 425. Им. пад. при числит. *два, тры* и *чатыры* (279). § 426. Склонение имен ср. р. на *-я* (279). 427. Дат.-местн. личных местоимений (279). § 428. Склонение местоимений неличных (279). § 429. Склонение числительных *пять, шесть* и пр. (279).

В. Явления, общие б.-р. с в.-р.

§ 430. Дат. и местн. ед. м. р. (279). § 431. Р. мн. на *-ей* (279). § 432. Новые зв. формы (279). § 433. Тв. мн. на *-м* (279). § 434. Формы на *-ой, -ого* от основ на мягкие (280). § 435. В. ед. ж. р. прилагательных (280). § 436. Р. ед. ж. р. местоимений (280).

С. Остальные б.-р. явления

§ 437. Склонение имен м. р. на *-а* (280). § 438. Окончание *-ѣ* в р. ед. ж. р. и в им.-в. мн. (280). § 439. Мн. ч. от имен на *-ь* (281). § 440. Д. мн. сущ. на *-ом* (281). § 441. Местн. на *-ох* (281). § 442. Род. мн. на *-ов* от сущ. ж. и ср. р. (281). § 443. Формы местоимений и прилаг. на *-эй* (281). § 444. Совпадение тв. и местн. ед. м. р. существительных и прилагательных (282).

V. Малорусские изменения форм склонения

§ 445. Сохранение зв. формы (282). § 446. Сохранение свистящих перед *ѣ* в склонении основ на задненебные (282). § 447. Местн. и д.-местн. ед. от основ на мягкие (282). § 448. Вин. мн. от имен лиц и животных (282). § 449. Судьба форм двойств. ч. (282). § 450. Д. ед. на *-ови, -еви* (282). § 451. Местн. ед. имен м. и ср. р. (283). § 452. Им. мн. от имен несреднего р. на *-а* (284). § 453. Им. мн. на *-ове* (284). § 454. Р. мн. имен существительных (284). § 455. Д. мн. на *-ом (-ем)* и местн. на *-ѣх* и *-ѣх* (284). § 456. Судьба форм на *-ѣ* из о.-сл. *ѣ* носового (285). § 457. Тв. ед. имен ж. р. (285). § 458. Формы мн. ч. склонения на *-и* (285). § 459. Звуки *е* и *о* после мягких в окончаниях падежных форм (286). § 460. Склонение имен с о.-сл. основой на *-е^н, -е^нт* (286). § 461. Имен. ед. прилагательных (287). § 462. Род. и д.-местн. ед. ж. р. прилагат. (287). § 463. Дат. ед. личных местоимений (287). § 464. Склонение неличных местоимений (287). § 465. Склонение числительных (287).

В. История форм спряжения

I. Формы, перешедшие в русский язык из общеславянского

§ 466. Предварительные замечания (288). § 467. Состав форм спряжения в о.-сл. (288). § 468. Формы залога и вида в о.-сл. (289). § 469. Деление глаголов на классы (289). § 470. Основы форм спряжения (291). § 471. Личные формы настоя-

шего времени (291). § 472. 1 ед. *есми* (292). § 473. Формы 2 ед. на *-ши* и *-шь* (292). § 474. Окончания 3 л. ед. и мн. ч. (293). § 475. Окончания 1 мн. (294). § 476. Повелит. наклонение (295). § 477. Образование аориста (295). § 478. Личные окончания сигматического аориста (296). § 479. Окончание *-ть* или *-ть* во 2 и 3 л. ед. ч. аор. (297). § 480. Образование имперфекта (297). § 481. Окончание *-ть* в 3 ед. и мн. имперфекта (298). § 482. Окончания 2 и 3 двойств. и 2 мн. имперфекта (298). § 483. Причастия наст. вр. действ. залога (299). § 484. Причастия наст. вр. страд. залога (299). § 485. Причастие прош. вр. 1-е действ. залога (299). § 486. Причастие прош. вр. 2-е действ. залога (299). § 487. Причастие прош. вр. страд. залога (299). § 488. Инфинитив (300). § 489. Супин (301).

Составные формы спряжения в о.-сл.

§ 490. Перфект (301). § 491. Plusquamperfectum (302). § 492. Будущее 1-е сложное (302). § 493. Будущее 2-е (302). § 494. Условное наклонение (302).

II. *Общерусские изменения форм спряжения*

§ 495. Изменения в образовании имперфекта (303). § 496. Утрата имперфекта (303). § 497. Утрата аориста (303). § 498. Судьба plusquamperfect'a (304). § 499. Судьба форм перфекта (304). § 500. История форм условного наклонения (304). § 501. Утрата двойств. ч. в спряжении (306). § 502. Утрата супина (306).

III. *Великорусские изменения форм спряжения*

Личные формы глаголов нетематического спряжения

§ 503. Судьба форм 2 ед. *ѡси*, *даси* (306). § 504. Окончания 3 ед. и мн. (306). § 505. 1 мн. *есме* и *есмя* (306). § 506. 1 и 2 мн. от глаголов *дамь* и *ѡмь* (307). § 507. 3 мн. от тех же глаголов (307). § 508. Судьба форм наст. вр. глаголов *есмь* и *имамь* (307).

Личные формы глаголов тематического спряжения

§ 509. Окончания форм 3 ед. и мн. (308). § 510. Ударение во 2 мн. (309). § 511. Взаимное влияние глаголов 1 и 2 спряжения (309). § 512. Тематическая гласная в 1-м спряжении (309).

Судьба форм повелительного наклонения

§ 513. 2 ед. повелит. наклонения (309). § 514. 1 мн. повелит. наклонения (310). § 515. 1 мн. повелит. наклонения на *-мте* (310). § 516. 2 мн. повелит. наклонения (310). § 517. Изменение основ (311). § 518. Судьба форм будущего сложного (312). § 519. Plusquamperfectum (новое) (312). § 520. Выражения перфекта и plusquamperfect'a в с.-в.-р. (313). § 521. История форм возвратного залога (313). § 522. Инфинитив (313). § 523. Причастие наст. вр. действ. залога (314). § 524. Дееспричастия наст. вр. (314). § 525. Дееспричастия прош. вр. (315).

IV. *Белорусские изменения форм спряжения*

§ 526. Личные формы наст. вр. глаголов нетематического спряжения (316). § 527. Личные формы наст. вр. глаголов тематического спряжения (316). § 528.

Судьба форм повелит. наклонения (317). § 529. Изменение основ (317). § 530. Судьба форм прош. сложного (318). § 531. Судьба plusquamperfect'a (318). § 532. Будущее сложное (318). § 533. Возвратный залог (319). § 534. Инфинитив (319). § 535. Деепричастия (319).

V. Малорусские изменения форм спряжения

§ 536. Личные формы глаголов нетематического спряжения (319). § 537. Личные формы глаголов тематического спряжения (320). § 538. Судьба форм повелит. наклонения (320). § 539. Изменение основ (320). § 540. Прошедшее сложное (321). § 541. Будущее сложное (321). § 542. Инфинитив (321). § 543. Деепричастия (321).

Приложение I. Объяснение транскрипций (322).

Приложение II. Указатель старинных памятников русского письма (326).

Приложение III. Важнейшие пособия (332).

Послесловие (337).

ВВЕДЕНИЕ

Задачи научного изучения языка

§1. Изучение всякого языка может преследовать или научные или практические цели. Практическое знание языка следует отличать от научного. Практически знающим язык является тот, у кого ассоциации между словами известного языка и их значениями настолько сильны, что у него непроизвольно представление о каком-нибудь значении вызывает и представление о самом слове, тот, кто правильно употребляет те или другие формы слов и сочетаний слов, не давая себе отчета в том, почему он это делает. Научное знание, наоборот, стремится к осознанию изучаемых фактов, к тому, чтобы понять связь между ними.

§2. Научное изучение языка может быть статическим, когда язык изучается в современном его состоянии или в один из моментов его прошлого, но без сопоставления с фактами более раннего прошлого, и историческим, когда изучаются изменения языка за более или менее продолжительный период времени. Статическое изучение языка может быть вполне научным лишь в том случае, если мы сумеем при этом не выходить за пределы изучаемого момента, объясняя лишь то, что объясняется из данного состояния языка. Поясним примерами. В нынешнем великорусском языке существует правило, что звонкие согласные в конце слова, если дальше не следует слово, начинающееся со звонкой согласной, переходят в глухие: при родит. ед. *дуба, тирого, рода, мужа, мороза* именит. ед. звучит: *дуп, тирок, рот, муш, морос*, с глухими согласными на конце, при именит. ед. *рыба, нога, борода, лужа, берёза* родит. множ.—*рып, нок, борот, луш, берёс...* Это закон живой, потому что мы в каждом новом случае, хотя бы в заимствованном из иностранного языка слове, обязательно произнесем в конце слова тоже глухой согласный звук вместо звонкого. Поэтому такой закон должен найти себе место в статической грамматике современного

великорусского языка. Точно так же, если мы возьмем такие слова, как *профессор*, *исторический*, *факультет*, мы легко объясним себе, почему в этих словах, заимствованных из иностранных языков, неударяемое *о* в нашем произношении заменилось звуком *а* (*прафессор*, *истарический*), звуки *ф* и *т* (*профессор*, *факультет*) перед *е* стали звучать мягко, тогда как в немецком и французском языках они в соответствующих словах так не звучат, откуда в прилагательном *исторический* явился суффикс *-(ч)еский*: всё это находит объяснение в тех законах, какие действуют в нашем языке в настоящее время. Статическая грамматика языка устанавливает, какие звуки и в каких комбинациях существуют в языке в данный момент, какие употребляются формы слов и их сочетаний, какие формы являются для данного языка в известный момент продуктивными, т. е. способными влиять на образование других форм. Статическая грамматика современного русского языка, например, объяснит, почему такие недавно заимствованные из иностранных языков слова, как *авиоплан*, *танк*, *эмигрант*, *дирижабль*, *цеппелин*, *дредноут*, склоняются по образцу исконных русских существительных, почему глаголы, недавно заимствованные из немецкого, французского и английского языков, образуют формы спряжения подобно другим, русским глаголам (*визировать*, *аттестовать* и пр.).

Но статическая грамматика оставит не объясненными все те факты языка, которые не объясняются из состояния языка в изучаемый момент. Так, например, изучение фактов современного русского языка не объяснит нам, почему мы говорим *на берёзе*, но *березник*, *вёсну*, но *вешний*, *царёв*, но *царевна*, почему при существительном *лиса* прилагательное будет *лисий*, а при существ. *волк* — *волчий*, а не *волкий*, почему от *рыба* уменьшительное *рыбка*, а от *нога*, *рука* — *ношка*, *ручка*; чем объясняется сложность типов склонения имен существительных и такая же сложность в образовании глагольных форм; чем вызваны сходства и различия между языками или говорами одного языка. Для объяснения этих и других подобных фактов языка приходится обращаться к истории языка.

История языка

§3. История языка, изучающая его развитие с момента его образования за всё время существования языка, показывает, что всякий жи-

вой язык, т. е. такой язык, который является разговорным языком какого-нибудь народа или общества, непременно изменяется с течением времени; меняется произношение, грамматические формы и значения слов; некоторые прежние звуки, формы, слова исчезают и заменяются новыми. Такие изменения происходят в языке непрерывно, хотя и с различной быстротою. При этом изменения, происходящие в языке, иногда бывают общи всему языку, т. е. всему народу или обществу, говорящему на этом языке, иногда же усваиваются лишь частью этого народа или общества и не распространяются на другую часть того же народа. Такие изменения называются диалектическими от слова «диалект» (с греческого), т. е. наречие или говор. Диалектические изменения в языке могут быть областными (местными), т. е. охватывать часть народа, ограниченную известной областью или местностью, или же классовыми, когда они возникают в одном классе общества, не распространяясь на другой; такими изменениями, например, вызываются различия между языком горожан и сельского населения или между языком представителей разных профессий. С появлением в языке диалектических различий язык утрачивает полную однородность и цельность и начинает дробиться на наречия и говоры, или диалекты, отличающиеся друг от друга своими диалектическими особенностями. Надо заметить, что языка вполне однородного во всех своих частях, т. е. у всех говорящих на нем, мы не знаем. Всякий язык любого народа или племени представляет совокупность нескольких наречий и говоров, связанных между собою общими им всем чертами и представляющих для сознания говорящих на них видоизменения одного общего языка. Говорами языка мы называли самые мелкие подразделения языка, языки небольших групп населения, отличающиеся друг от друга лишь незначительными особенностями, если между языком членов каждой такой группы мы не можем указать сколько-нибудь заметных различий, кроме чисто случайных или индивидуальных; наречием же называется совокупность близких между собой говоров, объединенных какими-нибудь крупными особенностями, отличающими их от других диалектических групп в том же языке и указывающими на ближайшую связь этих говоров между собою. Когда мы говорим о наречиях и говорах одного языка, мы имеем в виду общую жизнь их не только в прошедшем, но и в настоящем, т. е. предполагаем, что в этом языке и теперь (или в то время, о

котором идет речь) возникают новые явления, общие всем его наречиям и говорам. Но с течением времени живая связь между наречиями может порваться, и они начинают развиваться вполне самостоятельно, т. е. во всех новых явлениях независимо одно от другого; с этого момента мы уже не можем говорить о них как о наречиях одного языка, так как связь между ними остается только в прошлом, а должны рассматривать их как отдельные языки, как бы они ни были близки между собою по своему составу. Таким образом, мы определяем близкие между собою языки как самостоятельные языки или как наречия одного языка не столько на основании их сходства, сколько на основании их взаимодействия в данный момент. Надо, впрочем, заметить, что не всякие явления, общие нескольким языкам, позволяют рассматривать эти языки как наречия одного языка, а только явления чисто звуковые, как это будет выяснено ниже.

Рядом с описанным процессом распада языка в истории языков происходят и обратные явления: языки, еще не успевшие сильно удалиться друг от друга, могут, сближаясь снова, сливаться в один язык, становясь таким образом наречиями этого языка. Кроме того, многие языки вытесняются другими языками, так сказать, вымирают.

§4. С распадением одного языка на несколько языков языки, выделившиеся из одного языка, продолжают сохранять черты, свидетельствующие об их общем происхождении. С течением времени этих черт становится всё меньше и меньше, и те общие черты, которые сохраняются в них, мало-помалу настолько изменяются, что общее происхождение их можно узнать только при знакомстве с историей языка. Языки, восходящие в прошлом к наречиям одного общего языка, называются родственными; язык, от которого произошли такие родственные между собою языки, называется по отношению к ним праязыком. Родственные между собою языки могут стоять в разных степенях родства: могут быть более близко родственные языки и могут быть языки, стоящие в отдаленном родстве между собою. Так, например, и французский, и литовский, и сербский языки являются родственными языками по отношению к русскому языку, но степень родства их различная: ближе всего к русскому языку стоит из этих языков сербский язык, восходящий вместе с ним к одному общему праязыку — общеславянскому; в более отдаленном родстве с русским стоит литовский язык, который вместе с другими балтийскими языка-

ми: латышским и вымершим прусским — восходит к общему им предку — языку общепольскому, выделившемуся вместе с общеславянским из одного некогда бывшего балтийско-славянского языка; еще дальше стоит французский язык: общий предок русского и французского языков является общим предком и балтийско-славянских, и других индо-европейских языков: это — так называемый общепольский праязык.

Таким образом, мы видим, что изучение языка должно быть историческим даже в том случае, когда предметом нашего изучения является язык в его современном состоянии.

Изменения звуковой стороны языка

§5. История языка, как мы видели, состоит в изменении фактов языка с течением времени. Так как человеческий язык представляет совокупность таких звуков и звуковых сочетаний, которые служат говорящему знаками предметов мысли, то ясно, что в языке следует различать две стороны: 1) самые звуки и их сочетания, какими располагает язык, т. е. так называемые «звуки речи»¹, и 2) смысловую сторону — те значения отдельных звуков или их сочетаний, которые делают эти звуки знаками для мысли. Изменения в языке могут касаться как звуковой стороны языка, так и значений, т. е., например, изменения могут касаться звуков речи, не касаясь значений, связанных со звуковой стороной речи, и могут касаться значений, связанных с известными звуковыми комплексами, не затрагивая самих звуков. Так, изменение бывших некогда в русском языке произношений *водá, несéте, ружь* в *ва-дá, несёте, ружё* не отразилось на значении этих слов, оставшемся без изменения; наоборот, такие изменения в значении, какие произошли, например, в словах *чернила* (первоначально — вещество, которым чернят), *стрелять* (первоначально — пускать стрелы) и т. п., не отразились на звуковой стороне слов. Первая группа изменений — изменения звуков — рассматривается в фонетике и грамматике языка, а вторая — изменения значений — в семасиологии. Изменения звуков языка бывают

¹ Те звуки, хотя бы и произносимые человеком, которые не служат в данном языке знаками предметов мысли, т. е. не входят в состав слов языка, не принадлежат и к числу «звуков речи» данного языка. Таковы для русского языка, например, свист, щёлканье языком, рыдание, хохот и др.

двоякого рода: 1) или эти изменения не стоят ни в какой связи со значениями слов; это — изменения звуков речи самих по себе или под влиянием известного положения их в речи, например, под ударением или без ударения, в конце слова или в начале, по соседству с теми или другими звуками, вызывающими изменение соседнего звука, и т. д.; такие изменения звуков называются *фонетическими*; 2) или же изменения звуков речи стоят в связи со значением звуковой стороны речи. В этих последних тоже можно различать два случая: или известное значение слов вызывает определенные звуковые условия, следствием которых и является то или другое изменение звуков, или со значением слова не связывается никаких особых звуковых условий, и изменения звуков происходят благодаря не звуковым условиям, а так называемой аналогии, т. е. сближению по сходству с другими словами, связанными с ними в представлении говорящих как однородные в каком-либо отношении. Изменения звуков, являющиеся в первом случае, могут быть названы фонетическими, как и те, которые не стоят ни в какой связи со значениями слов, изменения же, получающиеся во втором случае, называются *нефонетическими*, или изменениями по аналогии. Изменения фонетические изучаются в отделе истории языка, называемом *фонетикой*, или историей звуков языка; история же нефонетических изменений языка не составляет какого-либо определенного отдела в истории языка; некоторые из таких изменений, именно, изменения, касающиеся грамматических форм слов, рассматриваются исторической грамматикой языка в отделе *морфологии*, или истории форм языка. Примеры чисто фонетических изменений: в русском слове *рука* звук *у* получился вследствие фонетического перехода в русском языке еще в доисторическую эпоху (т. е. в такую эпоху, от которой не сохранилось письменных памятников) полученного из общеславянского языка носового гласного звука в звук *у* неносовой; такое же *у* получилось в русском языке из того же общеславянского носового гласного звука и во всех других словах, где был этот звук, например, в словах *гусь*, *муж*, *иду*, *несу* и т. д. Другой пример: в великорусском *мѣд* — фонетическое изменение прежнего *е* в *о*²

² Буквою «ё» обозначается тот же звук, что и буквой «о», с тем различием, что буква «ё», кроме того, указывает на мягкость предшествующего согласного звука, т. е. *мѣ* = *мь* + *о*.

перед твердой согласной, как и в словах *клён, вёсну, сёла, весёлый* и т. п., где *e* было в том же положении (перед твердой согласной), но различно от таких слов, как *веселье, зелень, несть* и т. п., где *e* не перешло в *o*, потому что было перед мягкими согласными. В московском произношении слова *вода* в первом слове — фонетический переход старого предударного *o* в *a*, как и в словах *водитъ, гореть, голова* и т. п., ср. сохранение *o* под ударением: *вѡду, вѡдит, голѡвка* и т. п. Фонетическое изменение звуков, связанное со значением слов, представляют такие случаи, как великорусские диалектические звательные формы от имен на *-а* без этой гласной: *Вань, Маш, дедушк* и пр., где отпадение конечной гласной вызвано ускорением темпа, связанным с употреблением звательной формы; подобными же причинами объясняется и отпадение конечной гласной в украинских формах 2-го л. множ. ч. повелит. наклонения на *-ить*: *ходить, озьмить, несить* (т. е. ступайте, возьмите, несите), а также некоторые особенности в изменении так называемых частичных и, частью, местоименных слов³. Примеры нефонетических изменений по аналогии: в великорусских формах *руке, ноге* звуки *к, г* мягкие явились вместо прежних *ц, з* (**руцѣ, нозѣ**) по аналогии с другими падежными формами тех же имен, например, именит. ед. *рука, нога*, а также другими именами, у которых основа дат.-местн. ед. не отличалась от основы других падежей или отличалась только мягкостью последней согласной основы, ср. *семье, воде, губе* при именит. ед. *семья, вода, губа*. В великорусских формах 2-го л. множ. ч. на *-ёте*: *ведёте, несёте* и пр. в предпоследнем слове нефонетически явилось *o* (пишется «ё») вместо *e* перед мягкой согласной по аналогии, с одной стороны, с формой 1-го л. множ. ч. *ведём, несём*, где еще раньше этого произошел фонетический переход *e* в *o* перед твердой согласной, с другой стороны — тех глаголов, у которых перед окончаниями *-м* в 1-м л. множ. ч. и *-те* во 2-м л. множ. ч. была и раньше одна и та же гласная, именно *и*: *стоим — стоите, сидим — сидите* и пр. В украинских формах 1-го л. ед. ч. *печу, можу, ляжу* явились звуки *ч, ж* нефонетически вместо *к, г* (*пеку, могу*) по аналогии со звуками *ч, ж* в формах других лиц: *печеш, можеш, ляжеш, пече, може, ляже* и пр., и тех глаголов, у которых основа в 1-м л. единств. ч. та же, какая и в других лицах: *иду — идеш, несу — несеш, пишу — пишеш* и пр.

³ См. ниже.

§6. Так как фонетические изменения не зависят непосредственно от значений слов, а вызываются исключительно фонетическими (звуковыми) условиями, то всякий раз, когда в языке происходит то или другое фонетическое изменение, оно распространяется на все случаи, в которых даны те же самые звуки в тех же звуковых положениях. Поэтому условия, при которых происходит то или другое фонетическое изменение в том или другом языке или говоре в тот или другой момент жизни языка, могут быть точно формулированы как правила, или, как их называют, звуковые (фонетические) законы, не допускающие исключений. Действие таких звуковых законов строго определяется условиями их проявления, той общественной группой, на которую распространяется такой закон, и известной эпохой, в течение которой звуковой закон продолжает быть живым законом и после которой действие этого закона может прекратиться, и могут возникать новые звуковые законы, иногда противоречащие старым. Благодаря такому действию различных звуковых законов в разные периоды жизни языка, а также благодаря нефонетическим заменам звуков по аналогии получают кажущиеся исключения из звуковых законов. Приведу примеры. В русском литературном произношении слов *дело*, *победа*, *мелкий* и др. звук *е* перед твердой согласной не перешел в *о* потому, что в эпоху перехода звука *е* перед твердым в *о* здесь был особый звук — Ъ,—отличный от *е*, который лишь после прекращения действия названного закона изменился в *е*. В словах *отец*, *купец*, *полезный*, *деревенский* звук *е* (из более старого звука ъ) не перешел в *о* как будто вопреки закону о переходе *е* в *о* перед твердыми согласными потому, что согласные *ц*, *з*, *н* в этих словах в эпоху действия этого закона были еще мягкими и отвердели потом (*ц* вообще, а *з*, *н* перед твердой согласной), когда закон о переходе *е* в *о* перед твердыми уже не действовал. Кажущимися исключениями из того же закона являются произношения *идёте*, *на берёзе*, *кулёчек*, где старое *е* нефонетически заменено звуком *о* по аналогии с другими формами тех же слов и родственными словами после прекращения действия этого закона. Наконец, такие слова, как *небо*, *крест*, *надежда*, *аптека*, *карета* — заимствования из церковнославянского и иностранных языков, причем можно думать, что не только такие произношения, как *аптека* и *карета*, но и произношение с *е* церковнославянских слов проникли в русский язык уже тогда, когда закон о переходе звука *е* в *о* перед твердыми в русском языке пе-

рестал действовать⁴. Приведенные нами примеры позволяют сделать вывод, что нефонетические изменения, нарушающие известный фонетический закон, не могут возникать в период действия этого закона; так, например, произношение *несёте* вместо *несете* могло возникнуть только тогда, когда все *e* перед твердыми уже перешли в *o*, и закон об этом переходе перестал действовать как живой закон; до того разница между *m* твердым в 1-м л. множ. ч. и *m* мягким в окончании 2-го л. множ. ч. должна была ощущаться как препятствие к изменению *e* в *o*.

§7. Что касается изменений по аналогии, то можно думать, что эти изменения так же закономерны, как и изменения фонетические, и что для них также можно установить правило, что каждое изменение по аналогии обнимает всю группу случаев, в которых даны те же соотношения значений и те же фонетические условия. Так, в современном русском литературном языке звук *e* заменился нефонетически (по аналогии) звуком *o* во всех формах 2-го л. множ. ч. глаголов 1-го спряжения под ударением, у всех имен существительных с основой на твердую со старым ударяемым *e* перед последней согласной основы в местно-предложном и дательном-местно-предложном падежах единств. ч. (*берёзе, клёне, рёве* и пр.), у всех имен существительных на *-a* ударяемое с основой на мягкую в окончании творит. единств. (*судьёй, землёй, душой* и пр.); согласные *з, с, ц* заменились согласными *г, х, к* в падежных формах на *-ге, -хе, -ке* и в повелит. на *-ги, -ки, -гите, -ките* от всех имен и глаголов с основой на заднеязычные (*г, к, х*), и те же свистящие звуки не заменились звуками *г, к, х* в других образованиях от тех же основ (*друзья*). Но определение нефонетических условий, вызывающих изменения по аналогии, значительно труднее определения фонетических условий звуковых изменений. Не все подобные условия пока поддаются учету, и потому законы изменений по аналогии остаются невыясненными. Можно заметить, что изменение по аналогии обыкновенно возникает только в том случае, если факт, подлежащий изменению, в сознании говорящего связывается с двумя перекрещиваю-

⁴ Можно думать, что в тех словах, которые перешли в русский язык из старославянского (древнецерковнославянского) языка до XII в., звук *e* перед твердыми перешел в *o*, как и в чисто русских словах, ср. такие слова, как *крёстный*, диалект. *небёсный* и др. и собств. имена: *Алёна, Парфён, Онфёр* и др.; произношение же церковнославянских слов с *e* восходит к эпохе южнославянского влияния XIV—XV вв.

щимися рядами сходных фактов: из приведенных выше примеров форма *идете* связывается, с одной стороны, с формами *идёшь, идёт, идём*, с другой — с формами *стоите, сидите, лежите* и пр., где гласная — та же, что и в других личных формах; формы *руке, ноге* ставятся в связь, с одной стороны, с формами *рука, нога, руки, ноги* и пр., с другой — с формами *воде, слезе, губе* и пр., где последняя согласная основы отличается от последней согласной основы в других формах тех же имен только мягкостью, и т. д. Применяя к изменениям по аналогии математическую формулу, можно обозначить условия таких изменений в виде пропорции: $a : b = c : x$, где a, b, c — факты, уже существующие в языке, x — тот факт, который получается в результате изменения по аналогии.

§ 8. Чтобы определить, является ли то или другое изменение звуковой стороны языка фонетическим или нефонетическим, следует выяснить, обнимает ли это изменение группу явлений, связанных между собой только фонетически и не связанных по значению, или же группу явлений, связанных между собою по значению или употреблению. В первом случае мы имеем несомненно фонетическое явление, во втором случае, если при тех же фонетических условиях, но с другим значением или употреблением такого изменения не произошло, — явление нефонетическое. В тех случаях, когда известные фонетические условия встречаются только в известных группах случаев, объединенных между собой значением, решение вопроса о фонетических или нефонетических причинах изменений является часто затруднительным.

Методы изучения истории языка

§ 9. Каким путем мы можем узнавать прошлое языка? Факты живого языка могут наблюдаться в живой речи, но как наблюдать ту речь, которая произнесена уже давно и которой мы не слышали? Хорошо, если она была записана, но и в таком случае записи далеко не достаточны для суждения о языке записанной речи, тем более, что речь обыкновенно записывается не с целью передать особенности языка, а для передачи той мысли, которая является содержанием речи. Кроме того, мы знаем, что язык живет независимо от того, существует ли на нем письменность или нет; почти каждый народ переживал такую эпоху,

когда письменности вовсе не было. Когда она является, ею пользуются только немногие люди; долгое время огромное большинство народа остается безграмотным, да и грамотным людям часто ли приходится пользоваться письмом для передачи своих мыслей? Таким образом, жизнь языка в значительной степени идет помимо письма. Поэтому история языка хотя и пользуется для суждения о прошлом языка старыми записями речи, так называемыми письменными памятниками языка, но не довольствуется этим, а прибегает и к другим способам восстановления прошлых эпох в жизни языка. Такими способами являются: 1) изучение фактов живого языка безотносительно к диалектическим различиям, существующим в языке, 2) сравнительное изучение живых говоров языка, 3) сравнение изучаемого языка с родственными ему языками, 4) сравнение изучаемого языка с соседними, хотя бы и неродственными, языками и с языками тех народов, которые раньше приходили в соприкосновение с народом, говорящим на изучаемом языке.

1. §10. Всякий живой язык в современном его состоянии хранит факты, унаследованные им от разных эпох его жизни, и мы иногда имеем возможность выделить факты более ранние от более новых. Приведу примеры.

Если мы обратим внимание на чередование звуков *e* и *o* в родственных словах, как, например, *ток* и *течь*, *возит* и *везть*, *весёлый*⁵ и *веселье*, *жённы* и *женин* и т. п., то мы заметим, что слова, в которых при таком чередовании является *o* после твердых согласных, менее родственны друг с другом, чем слова, в которых чередуются *e* и *o* после мягких или шипящих, и таких слов вообще немного; после же мягких и шипящих такое чередование очень часто, причем является в ряде живых образований: в различных формах одного и того же глагола: *пёк* — *печь*, *вёз* — *везть*, *лёг* — *лечь*, *нёс* — *нести*, в существительных и образованных от них прилагательных: *сёла* — *сельский*, *вёсну* — *вешний*, *жённы* — *женин*, *сёстры* — *сестрин*, в прилагательных и образованных от них существительных: *весёлый* — *веселье*, *учёный* — *ученье*, *солёный* — *соленье*, *тёмный* — *темень*, *чёрный* — *чернь*, *пёстрый* — *пестрядь*, в положительной и сравнительной степенях прилагательных: *тяжёлый* — *тяжеле*, *лёгкий* — *легче* и т. д. Ясно, что первое чередование — *e* и *o* после

⁵ Буквою «ё» мы обозначаем звук *o* после мягких согласных.

твердых нешипящих — старше, чем второе — после мягких и шипящих. То обстоятельство, что шипящие в этом случае составляют одну группу с мягкими согласными, а не с остальными твердыми, легко приводит к предположению, что шипящие некогда и по своему произношению стояли ближе к тем согласным, которые теперь являются мягкими. Это предположение поддерживается и тем фактом, что в современном великорусском языке вообще звук *e* может быть только после мягких и шипящих согласных (а также, в известных случаях, после *ц*), но не после остальных твердых согласных⁶. Рассматривая далее случаи чередования *e* и *o* после мягких и шипящих, мы замечаем, что в большинстве случаев такого чередования *o* является перед твердыми, но не перед *ц*, а *e* перед мягкими и перед *ц*. Это наблюдение позволяет нам поставить такие вопросы: 1) не было ли и *ц* прежде мягким, или, выражаясь осторожнее, не стояло ли ближе к тем согласным, которые теперь являются мягкими (ср. и тот факт, что после *ц* может быть звук *e*, который не встречается после других твердых нешипящих согласных); 2) не вызывалось ли чередование *e* и *o* после мягких и шипящих тем, что в одних случаях дальше следовали твердые согласные, в других мягкие? При положительном ответе на последний вопрос остаются необъясненными такие случаи, где сохраняется *e* перед твердой или *o* после мягких перед мягкой. Случаи первого рода по большей части могут быть объяснены только при сравнении нашего говора с другими говорами русского языка; что касается случаев второго рода, то нетрудно заметить, что слова, в которых отсутствует чередование *e* и *o* после мягких и шипящих, стоят еще ближе грамматически друг к другу, чем слова с таким чередованием: дат.-местн. *берёзе* ближе к имен. ед. *берёза*, родит. ед. *берёзы*, чем к слову *березник* и т. д., а потому можно предположить, что чередование *e* и *o* после мягких и шипящих — результат звукового закона, действовавшего в русском языке раньше того времени, как появились такие формы, как *берёзе*, *мёде*, *тфущобе* и т. п. Другой случай: существительное *путь* по своему склонению отличается от всех остальных существительных русского языка. Оно не могло бы стоять особняком, если бы раньше не было особой группы имен, склонявшихся так же. Таким образом, мы долж-

⁶ Произношения вроде *дэто* и т. п. встречаются только в языке образованных людей и ясно обличают свое нерусское происхождение; произношения вроде *однэй*, *косэй* являются лишь диалектически в немногих грамматических категориях.

ны предположить, что некогда в русском языке существовали имена, склонявшиеся так же, как и *путь*, но потом это склонение почему-то было утрачено, и единственным представителем этого склонения осталось существительное *путь*.

2. § 11. Из сравнения между собой живых наречий и говоров языка мы узнаём о фактах, предшествовавших выделению одних говоров и возникших после слияния других говоров, о влиянии одних говоров на другие и т. д. Так как образование говоров русского языка началось еще в доисторическую эпоху и продолжается до сих пор, а особенности говоров, возникших в древнейшие эпохи языка, частью сохранились до сих пор или отразились на особенностях нынешних говоров, то путем сравнения живых говоров мы получаем возможность судить о явлениях разных эпох в истории русского языка. Приведу примеры того, каким образом сравнение живых говоров языка между собой помогает судить о прошлом языка. Среди современных великорусских говоров в одних (главным образом южно-великорусских) существует два различных звука — *ц* и *ч*, в других (значительной части северновеликорусских) этим звукам соответствует один звук — *ц* или *ч*. Так как оба звука в тех говорах, где они различаются, могут являться при совершенно одинаковых звуковых условиях и так как в значении и употреблении слов с одним из этих звуков нельзя указать ничего общего, что противопоставало бы их словам с другим звуком, то представляется маловероятным предположение, что в том говоре, который был общим предком северновеликорусских и южновеликорусских говоров, этим двум звукам соответствовал один звук и что таким образом северновеликорусские говоры, знающие один звук на месте южновеликорусских *ц* и *ч*, ближе к этому предку, чем южновеликорусские говоры, и можно уже из сравнения великорусских говоров сделать вывод, что первоначально здесь было два звука, совпавших впоследствии в одном звуке в части говоров, вывод, который подтверждается другими данными. Далее, мы можем обратить внимание на то, что северновеликорусские говоры, в которых звуки *ц* и *ч* совпали в одном звуке, в течение всего великорусского периода, т. е. со времени возвышения Москвы, не были в таких условиях, которые могли бы способствовать обособлению их от других великорусских говоров; следовательно, совпадение *ц* и *ч* в одном звуке в этих говорах относится к тому времени, когда они представляли одно целое, обособленное от тех говоров, в кото-

рых различие между *ц* и *ч* сохранилось. Это могло быть только до великорусской эпохи, т. е. до возвышения Москвы. Наоборот, черты, объединяющие все великорусские говоры и отсутствующие в белорусских и украинских, как, например, *о* в словах: *моешь, злой* (им. ед. м. р.), дат.-местн. ед. на *-ге, -ке, -хе* (*ноге, руке, сохе*), повел. на *-ги, -ки* (*моги, пеки*), им. мн. на *-а* от имен несредн. рода (*городá, поварá*), очевидно, возникли тогда, когда северновеликорусские и южновеликорусские говоры были ближе друг к другу, чем те или другие из них к белорусским или украинским говорам, т. е., как мы выясняем из других данных, в эпоху, начавшуюся с расширения Московского государства в XIV в.

3. §12. Так как в языке, несмотря на все происшедшие в нем за время его существования изменения, сохраняются между прочим некоторые факты, восходящие к очень отдаленному прошлому, предшествовавшему самому образованию данного языка, то сравнение языка с родственными ему языками позволяет до некоторой степени судить об этом отдаленном прошлом, давая возможность выделить в нем те факты, которые сохранились в нем от общего предка этих языков, т. е. факты, бывшие еще в том языке, от которого произошли и изучаемый нами, и родственные ему языки, и те факты, которые развились в нем позднее, после выделения из праязыка, за время его существования как самостоятельного языка. Сравнивая русский язык с другими славянскими языками, мы получаем представление о фактах общеславянского языка, т. е. такого языка, от которого произошли все славянские языки, в эпоху его распада, т. е. в то время, с которого начинается независимое существование русского и других славянских языков, и, следовательно, о том наследии, которое перешло в русский язык из общеславянского; таким образом мы определяем начальный момент в истории русского языка. Так, например, находя слово *вода* во всех славянских языках и зная, что это слово не могло в них быть заимствовано из других языков, мы заключаем, что оно перешло в них еще из общеславянской эпохи. Таким же образом, находя во всех славянских языках слово *сон* лишь с разными гласными (русское *сон*, болгарское *сън*⁷, сербское *сан*, чешск. и польск. *sen*, лужицк. *son*), мы заключаем, что и это слово перешло в них из общеславянского языка, но с таким

⁷ О значении букв «ъ» и «щ» в болгарской азбуке и вообще о значении букв славянских азбук см. Приложение I.

гласным звуком, который в разных славянских языках превратился в разные звуки и который был между прочим и в ряде других слов, где имел ту же судьбу, ср. русское *мох*, сербское *мах*, польск. *tech*; русское *дождь*, болг. *дъщ*, сербск. *дажда*, польск. *deszcz*; русское *локоть*, болг. *лаѣт*, сербск. *лакат*, чешск. *loket*; русское *пяток*, болг. *петѣк*, сербск. *петак*; русск. *песок*, болг. *пѣсѣк*, сербск. *песак*, польск. *piasek* и мн. др. Из сравнения с другими словами, общими всем славянским языкам, мы можем вывести, что этот звук общеславянского языка отличался от звуков *а*, *о*, *е*, являвшихся в других словах и имевших другую судьбу (ср. *а* во всех славянских языках в таких словах, как *дам*, *вода*, *старый*, *правый*, *о* в словах *воду*, *может*, *бога*, *серебро*, *е* в словах: *женится*, *шесть*, *семь*, *десять*, *весел* прилагат. и пр.), т. е. вероятно, не был ни звуком *а*, ни звуком *о*, ни звуком *е* и, кроме того, был короче или слабее других гласных звуков, потому что в известных положениях выпадал во всех славянских языках (ср. в русском языке: *сна*, *рта*, *локтя*, *пятка*, *песку* и пр.; аналогичные формы с пропуском гласного звука — и в других славянских языках). Конечно, далеко не всегда такое сравнение помогает точно установить факты общеславянского праязыка; иногда для выяснения их приходится обращаться к сравнению славянских языков с их более отдаленными родственниками — другими индоевропейскими языками. Так, из сравнения русского слова *пятый* с болгарским и сербским *пети*, чешск. *patý*, польск. *pięty* и других слов, в которых в славянских языках существуют те же соотношения звуков (таковы русские слова: *десятый*, *счастье*, *глядят*, *сидят*, *грязь*, *лягу*, *сяду*, *телята* и др.) нельзя с полной достоверностью выяснить, как звучал в общеславянском тот гласный звук, который в этих словах теперь превратился в болгарском и сербском языках в *е*, в русском и чешском в *а*⁸, в польском — в *е* носовое. Но при сравнении славянских языков с другими индоевропейскими языками мы видим, что там в этом слове и родственных словах является обыкновенно сочетание гласного звука с носовой согласной: ср. литовское *penki* «пять», немецкое *fünf*, латинское *quinque*, откуда итальянское *cinque* (*чинквэ*) и французское *cinq* с носовой гласной; следовательно, польский язык в этом случае лучше других славянских языков сохранил наследие общеславянского языка. Еще пример. Из сопоставления таких случаев, как русские *борода*, *ворон*, *го-*

⁸ Буква «я» в русском письме здесь обозначает звук *а* после мягкой согласной.

лова, *город*, *золото*, *корова*, *молоть*, *берег*, *берёза*, *дерево*, *умереть*, приставка *пере-* с сербскими *брада*, *вран*, *глава*, *град*, *злато*, *крава*, *млети*, *бријег*, *бреза*, *дријево*, *умфријети*, *пре-*, болгарскими словами, звучащими почти так же, как и в сербском, или с *ѣ* (*я*) вместо сербских *е*, *ије*: *брѣг*, *брѣза*, *прѣ-* (чит. *бряк*, *брыза*, *пря-* или *пре-*), польскими *broda*, *wrón*, *głowa*, *ogódek* (огород), *złoto*, *krowa*, *mleć*, *brzeg*, *brzoza*, *drzewo*, *umrzeć*, *prze-*, и т. п., мы видим, что русским *оро*, *оло*, *ефе* в ряде случаев последовательно соответствуют в болгарском и сербском языках *ра*, *ла*, *ле* (или *лѣ*, *лије*), *ре* (или *рѣ*, *рије*); в польском *го* (или *гó*), *ло* (или *łó*), *ле*, *rze* (или *rzo*). Очевидно, в общеславянском в этих словах были какие-то сочетания гласных с плавными, которые изменились в разных славянских языках по-разному. Что же это были за сочетания? Если мы возьмем такие русские слова, как *боровой*, *порода*, *положить* и т. п., то увидим, что в соответствующих словах других славянских языков тоже являются сочетания *-оро-*, *-оло-*, а не *-ра-*, *-ла-*, *-ро-*, *-ло-*; следовательно, в таких словах, как русские *борода*, *голова*, сербские *брада*, *глава*, польские *broda*, *głowa* и т. п., нельзя выводить русское *-оро-*, *-оло-*, сербское *-ра-*, *ла-*, польское *-го-*, *-ло-* из общеславянских *-оро-*, *-оло-*. Сравнивая русские *брат*, *красный*, *платать*, *слабый*, *бледный*, *плечи*, *древний* и т. п. с соответствующими словами других славянских языков, мы увидим, что в них везде являются сочетания *-ра-*, *-ла-*, *-ле-*, *-ре-*, как и в русском языке; следовательно, в сербских *брада*, *глава* и т. п. *-ра-*, *-ла-* не из общеславянских *-ра-*, *-ла-*. Наконец, в словах, соответствующих русским *бросить*, *грозный*, *просит*, *слово* и т. п., во всех славянских языках звучит также *-ро-*; следовательно, и *-го-*, *-ло-* в польском языке в таких словах, как *broda*, *głowa*, не представляет сохранения общеславянского сочетания плавной и гласной. Но если в словах, соответствующих русским *борода*, *голова* и пр., в общеславянском языке не было ни сочетаний *-оро-*, *-оло-*, ни сочетаний *-ра-*, *-ла-*, ни сочетаний *-ро-*, *-ло-*, то как же тогда должны были звучать эти слова? Для ответа мы должны обратиться к более отдаленным родственникам русского языка — другим индоевропейским языкам, в которых мы находим слова родственные или тождественные по происхождению с разбираемыми словами славянских языков, т. е. слова, происшедшие от тех же слов общеиндоевропейского языка, от которых произошли и разбираемые слова славянских языков, или образованные от одних и тех же по происхождению со славянскими словами основ. Так, с русскими словами *борода*, *ворон*, *голова*, *город*, *золото*, *мо-*

лоть, берег, приставкой *nepe-* родственны, а частью и тождественны по происхождению немецкое *Bart* «борода», латинское *barba* (откуда французск. *barbe*), литовское *varnas* «ворон», литовск. *galva* «голова», немецк. *Garten* «сад» (развилось из понятия «огороженное место»), немецк. *Gold* «золото», литовск. *malti* «молоть», немецк. *Berg* «гора» (отсюда русск. *берег*), латинский и литовский предлог *per* «через», немецкая приставка *ver-*. Во всех этих случаях в других индоевропейских языках мы находим сочетания с гласной перед плавной между согласными, а потому можем думать, что русские сочетания *-оро-*, *-оло-*, *-ере-* между согласными в тех случаях, когда им соответствуют в болгарском сочетания *-ра-*, *-ла-*, *-рѣ-*, *-лѣ-* между согласными, в сербском *-ра-*, *-ла-*, *-ре-* (или *-рије-*), *-ле-* (или *-лије-*) и в польском *-ро-*, *-ло-* (или *-ró-*, *-łó-*), *-rze-* (или *-rzo-*), *-le-*, получились из общеславянских сочетаний гласной с последующей плавной между согласными. Правда, в русском языке есть сочетания *-ор-*, *-ол-*, *-ер-* между согласными, и притом довольно частые (*борть*, *горсть*, *гордый*, *горло*, *корка*, *корм*, *моргать*, *портить*, *волк*, *долго*, *полк*, *полно*, *мертвый*, *первый* и мн. др.), но в других славянских языках этим сочетаниям соответствуют или сочетания с другими гласными (*a*, *i*, *u*) перед плавной или после плавной, или одни плавные вовсе без гласной, откуда мы легко делаем вывод, что в тех словах, где в русском языке *-ор-*, *-ол-*, *-ер-* между согласными, в общеславянском языке были не эти сочетания, а сочетания с какими-то другими гласными, более краткими, чем гласные нормальной краткости, или одни плавные без гласной, а что в тех случаях, когда в общеславянском являлись между согласными сочетания с *o*, *e* перед плавной, эти сочетания изменялись в русском языке в *-оро-*, *-оло-*, *-ере-*, в сербском и болгарском в *-ра-*, *-ла-*, *-ре-*, *-ле-*, в польском в *-ро-*, *-ло-*, *-rze-*, *-le-* и т. д.

Следует добавить, что так как от эпохи распада общеславянского праязыка, т. е. с начала самостоятельной жизни нынешних славянских языков, прошло много времени, за которое все славянские языки успели сильно измениться, то при сравнении нынешнего русского языка с живыми славянскими языками для выяснения состава общеславянского языка эпохи его распада необходимо принимать во внимание историю как русского, так и привлекаемых к сравнению славянских языков, так как только таким образом мы получаем более проверенные и точные данные. То же следует сказать и о сравнении славянских языков с другими индоевропейскими языками.

4. § 13. Помимо сходства, вызванного общим происхождением языков от одного праязыка, между языками может быть сходство, вызванное заимствованиями одного языка из другого. Заимствоваться могут слова, обороты речи, а также основы и формальные части слов: суффиксы, приставки и пр.; при этом заимствования могут делаться как из родственных языков (между прочим и из говоров того же языка), так и из языков неродственных. Так, в нынешнем русском языке такие слова, как *пальто*, *туалет*, *тротуар*, *брошюра*, *портрет* и мн. др. заимствованы из французского языка, *трамвай*, *ростбиф*, *бифштекс* — из английского (через посредство немецкого), *базар*, *башилык*, *башика*, *сарай* и др. — из турецких языков (главным образом татарского) и т. д. Примерами заимствованных основ в русском языке могут служить основы некоторых глаголов на *-овать* и *-ивовать*, как *провоцировать* и т. п., прилагательные вроде *синтактический* при *синтаксис*, *апоплектический*, *экзаменационный*, основа *фил-* в таких сложных двухосновных словах, как *славянофил*, приставка *анти-* в таких образованиях, как *антинародный*, *антибольшевистский* и пр., примерами заимствованных суффиксов — суффиксы: *-изм*: *октябризм*, *большевизм*; *-ист*: *декабрист*, *октябрист*, *пушкинист*, *шалыпинистка*, *большевистский*, *меньшевистский*; *-изация*: *украинизация*; *-ат*: *старостат* (существовавший до 1918 г. институт факультетских и курсовых старост в Университете) и т. д. Значительное число заимствований из какого-нибудь языка указывает на культурные или политические связи того народа, в язык которого делаются заимствования, с тем народом, из языка которого заимствования сделаны. Заимствованные слова в языке с течением времени подвергаются изменениям как в звуковой стороне, так и в значениях, как и незаимствованные слова, ср. русские слова *мастер*, *противень* с немецкими *Meister*, *Bratpfanne* или на *шафомыжку* с французским *cher ami*. С течением времени заимствованные слова могут настолько измениться, что происхождение их может быть выяснено только при знакомстве с историей как того языка, в который заимствованы эти слова, так и того, из которого сделаны заимствования. Изучение заимствований из других языков, а также заимствований, сделанных другими языками из изучаемого нами языка, позволяет судить о том, какие влияния испытывал язык в течение своей жизни, с какими языками находился в связи в ту или другую эпоху, а также дополняет наши сведения и о других фактах истории языка. Так как заимствованные слова в языке

подвергаются тем же изменениям, как и незаимствованные, то по тем изменениям, какие претерпело то или другое заимствованное слово, мы можем судить о времени заимствования. Так, можно думать, что слова *Елена*, *Рождество* в нынешнем их произношении были заимствованы из церковнославянского языка сравнительно поздно; первоначально же, в начале исторической жизни русского языка, эти слова были усвоены им в другой звуковой форме и изменились согласно законам русского языка в *Олёна*, *Рожество*; изучение письменных памятников позволяет относить появление произношений *Елена*, *Рождество* к XIV—XV вв. Иногда заимствования могут относиться к такой отдаленной эпохе, о которой наши сведения, полученные другим путем, очень ограничены, и потому факты, добытые путем изучения таких заимствований, могут дать важные дополнения к другим нашим сведениям об этой эпохе. Так, слова древнерусского языка *колбѣяг*, *шляг*, заимствованные русским языком из скандинавского, где они звучали как *kylfingr*, *Skilling*, свидетельствуют, что в русском языке в это время еще были носовые гласные и что носовые согласные не могли быть в положении перед согласными, а потому скандинавское *in* перед согласной должно было тогда в русском языке измениться в носовую гласную, которая потом, как и такая же гласная, существовавшая в незаимствованных словах, изменилась в *a*. Позднее, после утраты русским языком носовых гласных, скандинавское *in* перед согласными уже переходило в русский язык при заимствовании в виде *ин*, ср. скандинавское имя *Ingvarr*, которое, будучи заимствовано русским языком впервые до утраты носовых гласных, обратилось к началу XI в. в *Игорь* без *n* после *и*⁹, но в историческое время было известно и в форме *Ингвар*; в этом последнем виде оно представляет, очевидно, более позднее заимствование, той эпохи, когда в русском языке уже не было носовых гласных. Другой ценный факт—древнейшие финские заимствования из славянских языков: эти заимствования показывают, что в том славянском языке, из которого они сделаны, еще были носовые гласные звуки, которые в финском языке передаются сочетаниями гласных с носовыми согласными, ср. *Suntia* «церковный служитель» из того слова, которое по-русски звучит теперь *судья* (*y* в русском языке в этом слове

⁹ Изменение чужого *in* перед согласной в *и*, а не *a*, может быть, вызвано положением этого *in* в начале слова, а не после согласной.

получилось из общеславянского носового гласного звука), *und* «крючок для удочки» (у в русском *удочка* из общеславянского носового гласного звука), *kuontalo* «кудель» (у того же происхождения), а кроме того, были сочетания гласной со следующей плавной между согласными в соответствии с русским полногласием: *palttina* «полотно», *varpu* «воробей», *talkkuna* «толокно», *värtlinä* «веретено» и др. Эти заимствования указывают, что или в русском языке в то время, когда финны заимствовали эти слова у русских, были носовые гласные и еще не развилось полногласие, или что финны заимствовали эти слова не из русского, а еще из общеславянского языка; во всяком случае, они подтверждают тот вывод, какой можно сделать из сравнения славянских языков с другими индоевропейскими, что в соответствии с русским полногласием (т. е. сочетаниями *оро, оло, ефе* между согласными), сербскими *ра, ла, рије, лије* или *ре, ле*, польскими *ро, ло, рзе, ле* и т. д. между согласными первоначально были сочетания гласной со следующей плавной между согласными.

Таким образом, мы видим, что изучение заимствований, проникших в язык из других языков, родственных и неродственных, а также заимствований, перешедших из этого языка в другие языки, необходимо для историка языка. Для выяснения того, какие заимствования проникали в язык или переходили из него в другие языки и какое место они занимают в истории языка, мы сравниваем этот язык со всеми языками, с какими он мог приходить в соприкосновение, и выделяем те сходные элементы этих языков, которые не могут объясняться общим происхождением от праязыка, учитывая те изменения, которые произошли в этих языках с того момента, когда было сделано заимствование. Ввиду всего этого для историка русского языка желательно знакомство не только со славянскими и балтийскими языками, стоящими в наиболее близком родстве с русским языком, но и с языками иранскими, германскими, греческим, а также и вовсе неродственными финскими и турецкими языками. Так, знакомство с иранскими языками покажет, что в русский язык проникали заимствования из иранских языков между прочим и после его выделения из общеславянского языка: к таким заимствованиям, например, принадлежат слова *собака, топор*, неизвестные другим славянским языкам. Знакомство с германскими языками позволяет разобраться в вопросе о сношениях русского народа со скандинавами, готами и немцами; без этого знакомст-

ва невозможно разрешение существенного для начальной русской истории «варяжского вопроса»; для дальнейшей истории русского языка это знакомство чрезвычайно важно ввиду того, что культурная зависимость русского народа от германского никогда не прекращалась и не могла не отражаться на языке. Изучение греческого языка очень важно уже потому, что влияние греческого языка на русский в древний период русской истории не ограничивалось только книгой; в современном русском языке немало старых заимствований из живого греческого языка. В ту эпоху, когда начались сношения русского народа с греками, как русский, так и греческий язык отличались от нынешних русского и греческого языков. Рассмотрение древнейших русских заимствований из греческого языка дает некоторые интересные указания на особенности и греческого, и русского языков того времени. Так, греческий звук, обозначавшийся в греческом письме буквою υ , передается по-русски в тех словах, которые были заимствованы русскими в древнейшую эпоху, через y : *Акулина*, *Лукефья*, *купаресовое древо*, *куралесить* и пр., ср. греч. Ἀκυλίνα, Γλυκερία, κούπαρισσος, κύριε ἐλέησον; между тем в самом греческом языке этот звук уже в XI в. перешел в i ; очевидно, эти слова заимствованы из греческого языка не позже XI в., а скорее всего раньше, когда в греческом языке еще произносился звук i , замененный в русской передаче через y . Для суждения о русском языке того же времени интересны между прочим те заимствованные из греческого языка слова, в которых греки произносили звуки a и o : в этих словах на месте греческого α в русском языке часто является звук o : *Офонасий* = греч. Ἀθανάσιος, *кровать* = греч. κρεβάτι и др., а на месте греческого o — звук y : *уксус* = греч. ὄξος, *Микула* (позднее: *Микола*) = греч. Νικόλαος, старорусское *пардус* = греч. πάρδος. Очевидно, греческое α в то время представлялось русским более похожим на их o , чем на a , а греческое o более похожим на y , чем на русское o , а это могло быть, если русское o тогда звучало очень открыто, близко к a , а русское a отличалось каким-то особым свойством, отличавшим его от греческого α . Об этом свойстве заимствования из греческого языка нам ничего ясного не говорят, но другие данные, главным образом извлекаемые из сравнения между собою славянских языков, позволяют предположить, что общеславянское a в эпоху распада общеславянского языка было долгим, а o кратким. Долгота a и краткость o , по-видимому, сохранялись и в русском языке в ту эпоху, к которой относят-

ся древнейшие русские заимствования из греческого языка. В греческом же языке в эту эпоху гласные звуки, в том числе и *a*, были вообще кратки, а потому греческое *a* только под ударением воспринималось русскими и другими славянами как *a*. На ту же особенность русского языка указывают и древнейшие заимствования из скандинавских языков, в которых скандинавское *o*, особенно *o* долгое, обычно передается через *y*, а безударное *a* через *o*: *тиун*, *Трувор* = скандинавским *thiôn*, *Thôrvardr*.

§14. Кроме заимствований языка, приходя в соприкосновение друг с другом, могут оставлять после себя и другие следы. Среди говорящих на изучаемом нами языке могут быть и такие, предки которых говорили на другом языке. При усвоении чужого языка они могли сохранить особенности своего прежнего произношения, для понимания которого мы должны обращаться к изучению того языка, на котором они говорили раньше. Так, обрусевшие литовцы в Западной Руси (в нынешней Польше), говорящие теперь по-белорусски, произносят звуки *г* и *к* вместо белорусских *h* (придыхание) и *х*: *город*, *нога* (с *г* мгновенным, как в московском произношении), *корошо*, *колодная вода*; обрусевшие финны части Олонецкой губернии говорят *воада*, *поашла* (*оа* произносится за один слог) с переносом ударения на 1-й слог; обрусевшие инородцы Колымского края, а за ними и объякутившиеся русские не произносят плавных *р* и *л*, заменяя их звуком *ј*: *юбия* вместо *любила*, *коёва* вместо *корова* и т. п.

§15. Сравнительное изучение живого языка во всем его объеме, т. е. во всех его говорах, с родственными и неродственными языками требует прежде всего основательного знакомства с самими объектами сравнения: с живым языком во всех его говорах. Только тщательное изучение живого языка во всем его диалектическом разнообразии позволяет составить более или менее ясное представление о законах языка, о том, что такое вообще язык. Как увидим ниже, письменные памятники как документальные свидетели о языке понятны только при свете фактов живого языка; те же заключения о прошлом языков, какие делаются на основании сопоставления фактов живых языков, понятно, требуют прежде всего изучения этих фактов. Поэтому исследователь языка прежде всего должен выработать в себе умение наблюдать факты живого языка.

§ 16. Сравнительное изучение языков, будь то говоры одного языка или родственные языки или даже языки неродственные, стремится найти сходные черты между языками и затем объяснить это сходство. Как мы видели, сходство между языками может объясняться или общим происхождением обоих языков, или заимствованием в одном языке из другого, или тем, что говорящие на одном из этих языков или их предки раньше говорили на другом из них или на языке, родственном этому другому; кроме этих случаев возможно и случайное сходство, объясняемое сходными физиологическими и психологическими условиями изменений в языке. Примером подобного случайного сходства может служить одинаковое изменение звука *b* в *v* в южно-европейских и западносемитских языках (ср. итальянское *avere*, французское *avoir* «иметь» из латинского *habere*, новогреческое *vasilefs* «король», *kiverniti* «губернатор» из древнегреческих βασιλεύς, κυβερνήτης, арамейское *avî* «отец мой», ср. арабское *abî*), произошедшее в романских языках независимо от греческого и в тех и других независимо от семитских, или одинаковое изменение *e* долгого в *i* (правда, при разных условиях) в новогреческом и английском, ср. новогреческое *klima* «владение», *ritor* «оратор» из древнегреческих κτήμα, ῥήτωρ и английское *to see* «видеть», *cream* «сливки» (в этих словах раньше звуку *i*, обозначенному буквами «ee», «ea», соответствовал звук *e*). Более или менее надежное решение вопроса, является ли наблюдаемое сходство между двумя языками случайным или органическим, возможно в том случае, если сходство не ограничивается одним фактом или фактами, стоящими в тесной связи, а простирается на ряд фактов, не связанных логически между собою. Так, сходство между всеми славянскими языками по отношению к употреблению слова *вода* нисколько не связано логически с употреблением слова *сон* тоже во всех славянских языках; изменение общеславянского *o* носового в *u* в великорусском и украинском языках само по себе нисколько логически не связано с изменением общеславянского *or, ol* в *oro, olo* и общеславянских *dj, tj* в *ж, ч*; поэтому, встречая ряд таких совпадений между великорусским и украинским языками в изменении общеславянского наследия, мы можем сделать вывод о большей близости великорусского и украинского языков между собою, чем с другими славянскими языками. Критерием для различения фактов, заимствованных из другого языка и происходящих от общего праязыка, является известное несоответствие заимство-

ванных фактов с другими фактами того же языка. Такими прежде всего являются слова, противоречащие по самому произношению фонетическому строю языка, ср. такие заимствования в русском языке, как *эволюция*, *депо*, произносимые первое с неударяемым *о*, а второе с мягким *д* (*дэпо*) и с неударяемым *е*, или слова, не следующие морфологическим законам языка, например, несклоняемые существительные: *депо*, *пальто*, *какаду*, *колибри*, *колье* и т. п. Затем заимствование ясно, если словообразовательный состав слова легко определяется в одном языке и неопределим в другом; таковы слова *республика*, *популярный*, *астрономия*, *бифштекс* и т. п. Иногда определение заимствования затрудняется благодаря так называемой народной этимологии, осмысляющей заимствованное слово, ср. такие слова, как *прохвост*, *противень* из немецких *Profos*, *Bratpfanne*; здесь, правда, заимствование выдает несколько нелепый с точки зрения русского языка этимологический состав слова, но бывают и более удачные народные этимологии. Труднее определить иноязычное или исконное происхождение непроеводных слов, особенно если заимствование давнее. Только после продолжительных научных разысканий удалось установить, что слова *хлеб* и *молоко*¹⁰ были заимствованы славянами в праславянскую эпоху из германских языков, и до сих пор остается невыясненным, унаследованы ли славянами слова *море* и *берег* от их предков или тоже заимствованы.

§17. Нельзя думать, будто сравнение языков между собою может когда-нибудь дать нам такое же полное представление о языке какой-нибудь прошлой эпохи, какое нам дает непосредственное наблюдение о любом живом языке. Факты языка подвергаются с течением времени часто таким изменениям, которые не дают нам возможности узнать, что было раньше, зачастую же и полной утрате, а потому не поддаются восстановлению с помощью сравнения живых языков, так как восстановить мы можем только такие факты, которые или сохранились в

¹⁰ Слово *молоко* восходит к такому слову общендоевропейского языка, в котором был звук, перешедший в европейских языках, кроме балтийских и славянских, в *g*, а в индоиранских, армянском, балтийских и славянских в звонкие шипящие или свистящие звуки; поэтому, если бы слово *молоко* было унаследовано от праязыка, оно должно было бы звучать не с *к*, а с *з*, ср. русское *молозиво*. Звук *к* в русском *молоко* объясняется общеславянским заимствованием из готского, в котором, как и в других германских языках, из общендоевропейского *g* получилось *k*.

языке, или оставили после себя достаточно определенные следы. Чем отдаленнее эпоха, которую мы хотим восстановить, тем больше успел измениться язык, тем значительнее понесенные им утраты и тем меньше у нас данных для суждения об этой эпохе.

§ 18. При сравнении нескольких родственных языков мы определяем те черты, которые принадлежали их общему праязыку. Совокупность этих черт характеризует этот праязык в эпоху непосредственно перед его распадением, перед тем, как произошедшие от него языки стали развиваться и изменяться независимо друг от друга. Но в истории языков нам известны такие случаи, когда два наречия одного языка подвергаются независимым друг от друга изменениям по отношению к одним фактам, продолжая сохранять единство по отношению к другим. Поэтому черты, относимые нами к праязыку, могли в действительности принадлежать разным эпохам.

§ 19. Кроме сравнения между собой живых языков и говоров изучаемого языка для суждения о прошлом языка мы пользуемся документальными историческими данными, сохранившимися от этого прошлого в письменных памятниках. Письменные памятники старославянского и русского языков показывают, что в этих языках еще в X—XI веках сохранялись гласные звуки *ъ* и *ь* слабые, утраченные позднее всеми славянскими языками. Только древнейшие письменные памятники тех же языков дают возможность судить о морфологическом строе (склонении, спряжении и пр.) славянских языков в X—XI вв., и т. д. Несомненно, мы бы не могли с такой полнотой судить о языках древнеиндийском, древнегреческом, латинском, как теперь, если бы до нас не дошли письменные памятники этих языков. Если мы в настоящее время имеем такую разработанную сравнительную грамматику индоевропейских языков и сравнительно полное представление о звуковом и грамматическом строе общеиндоевропейского праязыка, то этим мы в значительной мере обязаны тому, что до нас дошли письменные памятники древнеиндийского, древнегреческого, латинского, готского, старославянского и др. языков. Без этих памятников это представление было бы гораздо более смутным. Показания письменных памятников важны между прочим и тем, что они могут более или менее точно датировать засвидетельствованные ими факты; далее, они могут отражать такие вымершие языки, которые не оставили после себя потомков.

§20. Однако изучение письменных памятников не может заменить изучения живых языков как источников для истории языка, и притом это изучение связано с известными трудностями. Самое понимание письменных памятников возможно только при существовании живой традиции, связывающей язык этих памятников с нынешними живыми языками. Так, памятники латинского языка понятны нам только потому, что пользование этим языком не прекращалось с того времени, как он был еще живым языком, до последнего времени. Непрерывная письменная традиция связывает и древнегреческий язык с современным новогреческим литературным языком. Санскритский язык сохранил свою понятность для современных санскритологов благодаря тому, что изучение его среди индийских ученых не прерывалось с того времени, как он стал литературным языком. Та же непрерывная традиция церковно-литературного употребления и у старославянского языка. Наоборот, отсутствие такой непрерывной традиции делает недоступными для понимания сохранившиеся до настоящего времени критские и этрусские надписи.

§21. Но существование живой традиции недостаточно для верного понимания письменных памятников как свидетелей о языке. Пользуясь показаниями письменных памятников, следует помнить, что практическое письмо не стремится к точной передаче произносимой речи и не имеет в виду такой передачи: задача его — передача мысли, высказываемой в речи; история же языка изучает не эти мысли, а внешнюю форму речи: те звуки и сочетания звуков, которые служат для передачи мысли. Поэтому некоторые факты, интересные для историка языка, могут не отразиться на правописании, если это не мешает правильному пониманию написанного; например, для различных звуков может употребляться одна и та же буква, как в русском письме, где буква «е» может обозначать и звук *e*, и звук *o*. Наоборот, для большей ясности понимания письмо может обозначать такие оттенки мысли, для которых нет особых выражений в языке: ср. различия в значении, обозначаемые правописанием с прописной и строчной буквы, в старом русском правописании такие варианты, как *миръ* и *миръ*, *они* и *онѣ*, различение рода в множ. ч. прилагательных и пр. Вообще, всякое практическое письмо, хотя бы и звуковое, является очень несовершенным способом для передачи произносимой речи.

§22. Обыкновенно звуковое письмо, т. е. такое, буквами которого передаются звуки языка, при возникновении письменности на языке передает произношение с такой точностью, какую допускают средства, находящиеся в распоряжении правописания. Но с течением времени, так как язык не остается без изменения, правописание все более и более удаляется от произношения, становясь этимологическим и историческим. Установившееся написание слова продолжает служить письменной передачей слова и тогда, когда произношение этого слова уже не соответствует его правописанию. Так, например, написание *вода*, возникшее тогда, когда в 1-м слого этого слова произносился звук *o*, продолжает употребляться для обозначения того же слова и в нынешнем русском литературном правописании, хотя теперь в русском литературном языке это слово звучит уже не с *o*, а с *a* в первом слого, несмотря на то, что буква «o» в русском письме продолжает оставаться знаком для звука *o*. С течением времени вследствие изменений языка письменные знаки могут получить новое значение, отличное от старого, и традиционное чтение написанного может иногда сильно отличаться от первоначального. В таком случае традиция не позволяет нам судить о произношении, существовавшем в ту эпоху, от которой дошли до нас письменные памятники. Так, при чтении латинских памятников в настоящее время букву «с» перед *e, i* русские и другие славяне, а также немцы читают как *ц*, итальянцы как *ч*, французы, англичане и испанцы как *с*; букву «s» между гласными все читают как *з*, и такое чтение существует много веков. Поэтому мы никогда не могли бы догадаться о том, как читали эти буквы римляне классической эпохи, если бы нам не помогли греческие памятники, передающие латинское *c* всегда через «к»: *Κικέρων* = *Cicero*, *Καῖσαρ* = *Caesar*, *κῆνσος* = *census*, а латинское *s* всегда через «σ», как видно из приведенных примеров, а также отчасти сравнительное изучение романских языков. Точно так же и в греческом письме вследствие перехода в греческом языке звука *b* в *v* и звука *e* (долгого) в *i* буквы «β» и «η» стали читаться как *v, i* (см. примеры в § 16), и мы никогда не могли бы догадаться о произношении этих букв в классическую эпоху, если бы нам не помогала передача латинскими писателями греческого «β» через «v» и греческого «η» через «e»: *bibliotheca*, *Thebae*, *Athenae*, *thesaurus*. В славянском письме букву «л» русские стали читать как *a* после мягких согласных, и так теперь читают эту букву и болгары и сербы; буква же «ж» уже в древней-

ших памятниках часто заменяется буквами «оу», и в настоящее время на месте ее везде читается у. Поэтому ничто не указывало бы нам на первоначальное произношение этих букв, если бы мы не обратились к сравнению между собой живых славянских языков.

§23. Благодаря непрерывной живой традиции, связывающей язык письменных памятников языка прошлого с настоящим, мы судим не только о произношении (как мы видели, эти суждения могут быть ошибочны, если не проверяются другим путем), но и о грамматическом строе языка и о значениях слов в языке, сохраненном нам письменными памятниками. Но если слово встречается только в таких памятниках, которые позднее в течение значительного промежутка времени не переписывались или не изучались, то значение такого слова может забыться, и традиция не помогает восстановить значение слова: в памятниках греческих, латинских, старославянских и других можно найти ряд слов, значение которых остается вовсе неизвестным или выясняется более или менее лишь благодаря привлечению говоров живых языков.

§24. Во всяком письме, существующем более или менее продолжительное время, устанавливается нормированное правописание, закрепляющее принятые почему-нибудь написания слов в одном неизменном виде. При наличности установившегося правописания те или другие принятые написания уже перестают передавать произношение: в русском *вода* буквою «о» передается не тот звук, который передается этой буквой в слове *воду*, и тот же звук, какой передается буквою «о» в слове *вода*, передается буквою «а» в слове *давай*; написание «г» в родительном падеже ед. ч. прилагательных совершенно не соответствует произношению этой формы; в слове *сжалиться* одинаково напишет букву «с» и тот, кто произнесет это слово с долгим *ж* в начале слова: *жжалиться*, и тот, кто говорит: *эжалиться*.

Если в каком-нибудь письменном памятнике мы находим строго выдержанное правописание, то мы можем судить только о тех особенностях языка писца, проявлению которых правописание не мешает. Так, встречая, положим, в нынешних русских книгах имен. ед. муж. р. прилагательных на *-кий*, мы не можем решить, произносит ли автор в этом окончании *к* твердо или мягко, хотя правописание само по себе как будто передает произношение с *к* мягким; встречая написание

платит, мы не знаем, произносит ли автор в этом слове *а*, как написано, или *о*, но встречая в род. ед. формы *сахара* и *сахару*, *кипятка* и *кипятку*, мы знаем, что орфография не узаконивает непременно одну из этих форм, а потому можем думать, что написавший *сахару* или *кипятку* произносит эти формы с конечным *у*, а написавший *сахара* или *кипятка* — с конечным *а* или с неясным звуком. Но ничто не мешает орфографии узаконить одну из таких форм, и тогда написание «-у» или «-а» в род. ед. уже не будет указывать на то, как говорит автор.

§25. Таким образом, чтобы судить о языке писца или автора написанного текста, необходимо иметь представление о той системе правописания, какой он пользовался. Тогда указания на язык будут давать: 1) те случаи, которые не регулированы правописанием; 2) случаи отступления от принятого правописания. Правописание на одном и том же языке может сильно разниться в разные периоды и в разных местах, иногда вне зависимости от изменений, произошедших в языке, и от диалектических различий. Поэтому при изучении письменных памятников необходимо изучить их орфографию. Отдельные слова, взятые в виде примеров из какого-нибудь письменного памятника, часто совершенно не могут свидетельствовать о языке писца, раз мы не знаем его правописания; даже цельные памятники должны изучаться в связи с другими памятниками той же эпохи.

§26. Случаи отступления от нормированного правописания являются главным материалом при изучении фонетики и морфологии языка по письменным памятникам. Вообще, вполне грамотно написанные памятники в любую эпоху и на любом языке, где существует этимологическое правописание, встречаются реже, чем памятники с отклонениями от принятой орфографии. Только в печатных книгах стремление следовать установленной орфографии проводится настойчивее; поэтому печатные памятники зачастую являются менее ценными источниками для истории языка, чем рукописные.

§27. Отступления от грамотного письма бывают двух видов: описки и ошибки. Описки — чисто графическое явление, которое ничего не дает для суждения об языке, но знакомство с наиболее обычными видами описок важно для того, чтобы не принимать описки за отражение фактов языка. Большая часть описок сводится к следующим категориям: 1) сходные по начертанию буквы могут смешиваться лицами,

не вполне твердыми в письме. Так, у малограмотных русских мы встречаем смешение «б» и «д», «т» и «ш», «ѣ» и «ы» и т. п.; 2) в буквах или буквенных сочетаниях, состоящих из ряда одинаковых элементов, может быть пропущена часть буквы или, наоборот, добавлен однородный элемент буквы; может быть, например, написано «пт» вместо «пп» и наоборот, «шш» вместо «ши» и наоборот и т. п.; при повторении в слове нескольких букв повторяемые буквы могут опускаться, и, наоборот, может повторяться целый слог, особенно если такое повторение находит себе опору в данном уже повторении одной буквы; таковы написания типа *гололодный*, *попопрыгунья* и т. п.; 3) вместо одной буквы пишется другая, именно та, которая должна стоять в следующем слоге: *жужа* вместо *мужа*, *быба* вместо *рыба*, *гуру* вместо *гору* и т. п.; при этом буква заменяется буквой, занимающей в следующем слоге то же положение: гласная заменяется гласной, согласная согласной и т. д.; 4) реже — обратная графическая ассимиляция: вместо нужной буквы пишется буква предыдущего слога: *вова* вместо *вода* и т. п. Так как в языке тоже известны случаи пропуска одного из двух одинаковых слогов (ср. *схимонах* вместо *схимомонах* и др.) и ассимиляции звуков звукам следующего слога (ср. украинское *багатий* из *богатый* и т. п.), то часто трудно бывает решить, имеем ли мы дело с опиской или с отражением звукового явления.

§28. При анализе собственно ошибок надо исходить из того положения, что каждый пишущий стремится писать грамотно, а не выдавать своего произношения, и, следовательно, надо стараться определить, какие звуковые и грамматические или орфографические представления связываются у пишущего с известным написанием. Так, пишущий на нынешнем русском литературном языке привык соединять с буквой «о» представление о звуке *o* под ударением, о звуке *a* непосредственно перед ударением и об особом не вполне отчетливом гласном звуке (в научной транскрипции принято его обозначать буквою «ъ») в остальных случаях; поэтому, встречая эти звуки в названных положениях, он одинаково, если не знает точно правописания слова, может обозначить их буквою «о» (например, не только *воду*, *вода*, *дорогой*, но и *подорит*, *давай*, *зогубить*); но для звуков *a* и *ъ* в тех же положениях ему известно и употребление буквы «а»; поэтому во всяком слове, правописания которого писец точно не знает, мы одинаково можем ждать

и «о», и «а», причем вероятность употребления той или другой буквы будет зависеть в известной степени от того, как часто в словах, написание которых приходилось видеть, встречалась та или другая буква. Таким образом, написание *довай* вместо *давай* и т. п. так же может свидетельствовать об аканье, т. е. о переходе старого предупредного *o* в *a*, как и написания *тапор*, *вада*.

Подобно тому, как писец с акающим произношением (т. е. таким, в котором безударные *o* и *a* совпали) может выдавать свое произношение смешением «о» и «а» в безударных слогах, так и всякое совпадение двух звуков, различаемых правописанием, вызывает смешение соответствующих им букв на письме. Совпадение различавшихся некогда звуков *ѣ* и *е*, правда, не во всех случаях, в одном звуке *е* приводит к смешению букв «ѣ» и «е» даже там, где «е» обозначает звук *o*, не передаваемый обычно в грамотном письме буквою «ѣ». Совпадение *ц* и *ч* в одном звуке в севернорусском наречии вызвало смешение букв «ц» и «ч» в севернорусских памятниках (уже в XI веке). Наблюдая это смешение, мы можем сделать только вывод, что буквами «ц» и «ч» писцы обозначали один и тот же звук или одинаковые звуки, т. е., по крайней мере, понятие о разных звуках не связывалось с различием в обозначавших их буквах. Если буквы «ц» и «ч» обозначали один звук, то памятники не позволяют решить, был ли этот звук звуком *ц* или звуком *ч*, или ни тем, ни другим (например, средним между ними). Не всегда, однако, употребление одной буквы вместо другой говорит только о совпадении звуков, обозначаемых этими буквами: иногда можно сказать, какой именно из обозначаемых этими буквами звуков являлся в данном случае. Это бывает тогда, когда мы имеем в памятнике не простое смешение, а употребление одной буквы вместо другой в строго определенных случаях. Так, некоторые южнорусские памятники, начиная со 2-й половины XII в., не смешивая букв «ѣ» и «е», однако, в новых закрытых слогах¹¹ (т. е. таких, которые раньше не были закрытыми) перед мягкой согласной употребляют «ѣ» вместо «е», не наоборот: **камѣнь**, **шѣсть**, **учитѣль** и пр. Это позволяет говорить, что в этом положении писцы произносили именно тот звук, который и в других случаях они обозначали буквой «ѣ», а не тот, который обозначали буквою «е».

¹¹ Закрытый слог — слог, оканчивающийся на согласный звук или *й*.

§29. Отступления от установленной орфографии могут с течением времени становиться правилом, узакониваться как новая орфография. Так было, например, с русскими отступлениями от старославянской орфографии, положившими начало русской орфографии церковнославянских текстов, без **ж**, без **ѡ**, с **ѡ** в начале слова и **ѡ** после согласных, но с сохранением старославянского «ѡ», старославянских неполногласных сочетаний и т. д. Эта русская орфография получила свои видоизменения в разных областях; так, севернорусское совпадение *ц* и *ч* вызвало в новгородских памятниках смешение букв «ц» и «ч», а это смешение затем было узаконено как орфографический прием, как показывают между прочим псковские памятники, в которых смешение букв «ж» и «ш» с «з» и «с» гораздо реже, чем смешение «ц» и «ч», хотя в языке одинаково совпали как *ц* с *ч*, так *з* и *с* мягкие с *ж* и *ш*. Но раз отражение известной языковой черты становится орфографическим правилом, показательная сила этого отражения теряется. Предположим, что новгородская орфография со смешением «ц» и «ч» была усвоена где-нибудь, где в говоре сохранилось правильное старое различие *ц* и *ч*, причем грамотность туда проникла при посредстве новгородской письменности. Различая в своем произношении звуки *ц* и *ч*, писцы в этой местности все-таки смотрели бы на эти буквы как на два равнозначашие варианта букв для обозначения обоих звуков, и продолжали бы их смешивать. Нечто подобное представляет узаконение правописаний *расту*, *работа*, *разговор*, *баран*, *стакан* в местностях, где эти слова произносятся с неударяемым *о*.

§30. Отступления от точной передачи звуков в звуковом в широком смысле письме носят обыкновенно исторический или этимологический характер. Поэтому для понимания правописания следует обратиться к его истории и изучить этимологические законы, действующие или действовавшие в языке. Раз письмо имеет исторический и этимологический характер, то понятно, что пишущий в тех случаях, когда встречается сомнение относительно правильного написания слова, прибегает к историческим и этимологическим домыслам. Так, анекдотические написания *присудствие* (особенно судебное) и *филосовский* могут быть вызваны не только тем, что для писца безразлично «д» и «т», «в» и «ф» в данных положениях обозначают звуки *т* и *ф*, но и сознательной этимологией, связывающей первое слово со словом *суд*, а вто-

рое — с многочисленными прилагательными на *-овский*. Поэтому при анализе письменного памятника следует считаться не только с заметной одной буквы другой вследствие совпадения звуков, обозначаемых этими буквами, но и с возможными этимологическими и историческими домыслами писцов.

§31. Ошибки, т. е. отступления от установленного правописания, носят различный характер: против тех правил правописания, которые менее соответствуют произношению пишущего, ошибок бывает более, чем против правил, не стоящих в противоречии с его произношением. Если язык, на котором написан известный памятник, не является родным языком пишущего, но все же близок к его языку, то ошибок против грамотного письма мы можем ждать во всех случаях расхождения между языком пишущего и языком, на котором он пишет. Однако здесь возможно различное отношение к особенностям правописания, не соответствующим языку писца. Об этом отношении мы можем между прочим судить, изучая правописание древнейших памятников русского письма, представляющих списки с оригиналов, писанных на старославянском языке. Прежде всего мы видим, что писцы этих памятников не стремились к точной передаче старославянского произношения и заменяли звуки старославянского языка родными звуками, когда правописание не давало точных указаний на произношение или когда оно указывало на такие звуки или сочетания звуков, которые не встречались вовсе в русском языке. Старославянская буква «юс большой» обозначала в старославянском письме звук *o* носовое, которому в русском языке во всех случаях соответствовали те звуки, которые обозначались в других словах буквами «*оу*» и «*ю*»; поэтому русский писец, не зная другого значения этой буквы, кроме обозначения звука *у*, должен был смотреть на юс большой как графический вариант букв «*оу*» и «*ю*», а потому правильное различение букв «юс большой», с одной стороны, и «*оу*», «*ю*», с другой, как чисто графическое, не связанное с различным звуковым значением букв, представляло для русского писца большие затруднения; вследствие этого уже в древнейшем памятнике русского письма, «Остромировом Евангелии», написанном в 1056 г. и отличающемся в общем большой выдержанностью старославянского правописания, буква «юс большой» часто смешивается с буквами «*оу*», «*ю*», в других памятниках XI в. встречается очень редко, заменяясь по

большей части буквами «оу», «ю», а позднее и вовсе выходит из употребления. В таком же положении русский писец находился и по отношению к буквам «ѣа», обозначававшей в старославянском письме сочетание *j* с *e* носовым, и «ѣа», обозначававшей там сочетание *ja*, а для русского писца служившим знаками одного сочетания *ja*. Совпадение в значении этих букв вызвало устранение буквы «ѣа» из памятников русского письма. Легче было писцу не смешивать букв «юс малый», **ѣ**, обозначававшей в старославянском письме *e* носовое, и «а йотированное», **ѣа**, так как «юс малый», **ѣ**, в старославянских оригиналах писался только после согласных и воспринимался русским писцом как знак для *a* после мягких, а «ѣа» писалось в старославянских оригиналах преимущественно в начале слова и после гласных и читалось русским писцом как *ja*. В старославянском языке было между прочим сочетание *жд*: **дждь, пригваждати, раждати, рождень, межда** и пр.; в русском языке того времени, когда на Руси появилась письменность, этому сочетанию соответствовало или одно *жс*: *ражати, роженъ, межа*, или сочетание *жджс*: *джджь, пригважджяти*; сочетания же *жд* в русском языке тогда вовсе не было (позднее оно явилось, например, в слове *ждать*, которое в X в. произносилось как *жьдати*, с гласным звуком **ь** между **ж** и **д**). Так как случаев, где старославянскому **жд** в русском языке соответствовало **ждж**, было очень немного, обыкновенно же в соответствии со старославянским «жд» являлось *жс*, то русские писцы могли смотреть на старославянское «жд» как на графический прием, читая его по-своему, как *жс*; но в соответствии с русским *жс* в старославянском было не только *жд*, но и *жс*: **можеши, живъ, жена** и пр.; правильное различение *жс* и *жд*, читавшихся одинаково как *жс*, для русских писцов было поэтому затруднительно, и они часто писали вместо «жд» одно «ж», а в XII в. перестали употреблять «жд» там, где в русском языке произносилось одно *жс*. В другом положении находились русские писцы, когда они встречали старославянские слова, заключающие те звуки и сочетания звуков, какие были известны и русскому языку. В этих случаях точная передача старославянского правописания не представляла большой трудности. Русский писец правильно писал по-старославянски: **брати сѧ, гласъ, дрѣво, плѣнь**, хотя по-русски соответствующие слова звучали не так (а именно: *бороти сѧ, голосъ, дерево, полонъ*), потому что в его языке были такие слова, как *братъ, глазъ, дровяной, плѣсьнь*; точно так же он писал **рабъ, расту, ладина** (по-русски эти слова тогда звучали:

робъ, росту, лодия), потому что и в его языке были слова с начальными *ра, ла: ратай, разъ, ласкавъ* и пр. Старославянскую букву «ѣ», которая в старославянском письме обозначала звуковое сочетание *шт*, русские писцы поняли как обозначение того звукового сочетания *шч*, которое они произносили в таких словах, как *пушу, пуще, ишу* и т. п., потому что в старославянском письме в соответствующих словах писалась эта буква. Вследствие такого понимания значения буквы «ѣ» русские писцы, читая по-старославянски, стали произносить тот же звук, что и в слове *пушу*, в тех словах, где в своем родном языке произносили *ч*, но где по-старославянски писалось «ѣ»: **свѣѣца, хоѣу** (по-русски соответствующие слова звучали: *свѣча, хочу*), хотя по-старославянски они звучали иначе, с звуковым сочетанием *шт*. Так как произношение этих слов с *шч* затруднений не представляло, то ошибки в написании «щ» там, где в русском языке слышалось *ч*, встречались сравнительно редко.

§32. Памятники со строго выдержанной орфографией не позволяют судить об очень многих особенностях речи писца, в особенности о его произношении. Но по правописанию можно судить о тех особенностях языка, которые принадлежали тому говору, где правописание возникло, и о тех, которые потом наслаивались на правописание. Так, русское правописание до последней реформы сохраняло яркие следы своего старославянского происхождения, и в реформированном правописании эти следы не совсем стерлись. Ср. написание через «а» приставки *раз-* и слов *работа, расту*, «жд» в слове *дождь*, в дореформенном правописании *ея*, род. ед. м. р. прилагательных на *-аго*, им. мн. прилагательных ж. и ср. р. на *-ья, -ья*: всё это — черты церковнославянского правописания. Кроме следов старославянского или церковнославянского языка, в современном русском правописании находим и следы акающего произношения: приставка *раз-* пишется через *о* под ударением, через *а* без ударения, в глаголе *расту* осталось *а* в настоящем времени, где ударение во всех формах на окончании, и заменено буквой *о* в прошедшем времени, так как в муж. р. *о* является под ударением; кроме того, пишется *а* в безударных слогах там, где раньше было *о*, и где *о* до сих пор в окающих говорах русского языка, в словах: *ба-ран, стакан, паром, бразды* и др.

§33. Из всего сказанного видно, что для того, чтобы судить о языке писца по письменным памятникам, надо предварительно изучить ор-

фографию, которой пользовался писец, установить отношение графической и орфографической системы памятника к системам современным и предшествовавшим, выяснить степень грамотности и орфографические привычки писца и т. д. Без подробного изучения правописания памятника самого по себе и на фоне других памятников те или другие примеры, извлекаемые из памятника, как свидетели о языке писца не имеют цены.

§34. Таким образом, показания письменных памятников получают известную достоверность: 1) при тщательной проверке этих показаний теми выводами, какие дает сравнительное изучение живых языков; 2) при анализе правописания памятника в целом: отдельные вырванные из памятника написания не могут быть объяснены при отсутствии ясного представления об индивидуальных особенностях памятника; 3) при сравнительном изучении правописания данного памятника совместно с правописанием родственных памятников, т. е. принадлежащих той же или близкой школе письма; 4) при историческом изучении правописания памятника, т. е. выяснении последовательных этапов в правописании; история правописания — вспомогательная дисциплина, без которой нельзя изучать историю языка по письменным памятникам; 5) при сравнительном изучении правописания, существующего на данном языке, с правописанием на других языках, если между ними есть какое-нибудь соприкосновение — чтение на одном языке проверяется транскрипцией на другом языке (латинское произношение проверяется транскрипцией его в греческом письме, греческое произношение — латинской транскрипцией и т. д.), значение букв азбуки одного языка — значением букв азбуки других языков, если установлена зависимость этих азбук одной от другой (греческое произношение средних веков проверяется показаниями готской и славянской азбук; с своей стороны, значение букв готской и славянской азбук отчасти выясняется из сравнения с греческой азбукой).

§35. Кроме письменных памятников, отражающих так или иначе особенности языка писцов, говоривших на изучаемом языке, документальные сведения о языке можно извлекать также из упоминаний о нем в письменных памятниках других языков. Для русского языка такие сведения содержатся в свидетельствах иностранных писателей о России, в которых находится и материал для суждения о русском язы-

ке, современном этим свидетельствам, например, отдельные русские слова, термины, собственные имена и пр. Древнейшие данные мы находим у арабских писателей IX в., сообщающих между прочим названия некоторых русских рек, городов и т. п., затем у византийского императора Константина Багрянородного, жившего в конце X в., который говорит о поездках русских князей «на полюдь», передает имена русских племен, названия городов, днепровских порогов и т. д. Позднее имеются свидетельства западных писателей; значительное количество последних появляется с XV в. Материал, заключающийся в свидетельствах иностранных писателей, очень скуден и по ценности во много раз уступает материалу, извлекаемому из собственно русских письменных памятников. Кроме того, этот материал очень неточен, потому что русские слова иностранными писателями в их передаче сильно искажаются, частью применительно к своему произношению и правописанию, а иногда и своей этимологии, частью потому, что могли дойти из вторых рук. Обращу внимание на сообщаемые Константином Багрянородным названия днепровских порогов, потому что они дают некоторые сведения о русском произношении X в., почти за столет до появления древнейшего дошедшего до нас памятника русского письма — Остромирова Евангелия. По-видимому, то лицо, которое общало Константину названия порогов, знало несколько болгарский язык: названия двух порогов передаются у Константина в виде Ὀστρωβουίτραχ и Βουλίτραχ, где *праχ*, очевидно, — «порог», но в болгарской огласовке. Остальные частности названий порогов выдают русское произношение того же лица. Названия порогов Νεσσητ и Βερουτζη показывают, что русские в это время произносили *a* и *y* там, где в общеславянском и древнеболгарском языках произносились носовые гласные: по-старославянски эти имена должны были бы звучать как **Неъсытъ** и **Вържшти**. Из названия Βερουτζη видно, что русские в этом слове произносили не *шт*, как болгары, что Константин передал бы через «ст», а, вероятно, *ч*, так как в греческом письме нет средств для более точной передачи шипящей *ч*. Написания Ὀστρωβουίτραχ и Βουλίτραχ («Островный праг» и «Вълный праг»), по-видимому, указывают на длительное произношение *г*, какое существует сейчас в южновеликорусском, белорусском и украинском и какое тогда, вероятно, было в южнорусском. Из названий Βερουτζη, Ὀστρωβουίτραχ, Νεσσουπη (= *не съпи*) видно, что в то время еще произносились гласные *ъ*

и ъ в середине слова, а из слов Νεασητ, Βουλνιπραχ и 'Οστροβουνιπραχ— что в конце слов уже гласных ъ и ь не было.

§36. Прежде чем излагать историю русского языка, я дам характеристику главнейших источников истории русского языка: 1) современного живого русского языка, 2) письменных памятников русского языка. Первая часть будет заключать в себе: а) характеристику нынешнего русского (великорусского) литературного языка в московском произношении, б) краткий обзор наречий и говоров нынешних русских языков.

Звуковой состав современного великорусского литературного языка

Гласные звуки московского произношения

А. Гласные звуки неокруглённые

§37. Нижние, или нижнего подъема— различные виды звука *a*. Обычное наше ударяемое *a* в начале слова и после твердых согласных (т. е. в том положении, где оно обозначается буквою «а») — заднее ненапряженное; более передние оттенки *a* вызываются положением после мягких согласных¹²; особенно заметно это между мягкими согласными. Это изменение объясняется тем, что произношение мягких согласных требует подъема передней части спинки языка, т. е. артикуляции, близкой к той, при которой образуются гласные звуки переднего ряда. Например, в словах *зять*, *дяденька* (*зять* = з мягкое + *a* + *t* мягкое, *дяденька* = *d* мягкое + *a* + *d* мягкое и т. д.) звук *a* обыкновенно не тот, что в словах *сад*, *Дашенька* (*сад* = *c* твердое + *a* + *t* твердое, *Дашенька* = *d* твердое + *a* + *sh* твердое и т. д.), а передний звук нижнего подъема, обозначаемый в научной транскрипции буквою «ä»¹³. Без ударения в литературном произношении такое же *a* заднее является в слогe непосредственно перед ударяемым не после мяг-

¹² После мягких согласных звук *a* в русском письме обозначается буквою «я», причем это обозначение не указывает само по себе на какие-нибудь отличия звука *a* после мягких от звука *a* после твердых, а только на мягкость предшествующего согласного звука. В начале слова и после гласных буква «я» обозначает сочетание *ja* или *ya*.

¹³ В этом значении *ä* надо отличать от буквы «ä» в немецком письме, где она обозначает звук *э*.

ких согласных (т. е. там, где пишется «а» или «о», но не там, где пишется «я»); кроме того, встречается также *a* среднего ряда, как звук неполного образования, именно, менее голосный, в начале слов, во втором до ударения слоге: *аткрыва́ть*, *а́бруби́ть* и т. п., реже — в конце слов: *роман Тургенева*, *стихи Пушкина*, *Ва́ря*, *с поля* и т. п. Все звуки *a*, начиная с самого заднего и кончая самым передним, на слух очень близки между собою; различие их в литературном произношении затрудняется кроме того тем, что разные оттенки встречаются в разных звуковых положениях и потому с трудом поддаются сравнению.

§38. Гласные среднего подъема. Задние гласные этого подъема в русском языке не встречаются. Гласные среднего ряда слышатся только в неударяемых слогах, причем обыкновенно сопровождаются некоторым ослаблением голоса и отличаются особенной краткостью, так что с трудом поддаются определению на слух; наиболее ясно средние гласные среднего подъема слышатся во 2-м до ударения слоге между звонкими согласными: *до́рогой*, *гово́рить*, *загу́бить*. Непосредственно перед ударением эти гласные вообще не встречаются, кроме немногих энклитических слов, а именно союзов (не местоименных слов) *да*, *что*, *так*, *как*, например: *лебе́дь*, *рак да шу́ка*; *раска́зать*, *что солны́це встало*; *так что же?*; *как вдруг* и т. п., куда такая гласная перенесена по аналогии с теми случаями, где эта частица находилась в положении за слог до ударения. В фонетической транскрипции мы будем передавать полувзвонкие средние неокругленные звуки среднего подъема буквой «ъ». Передние (палатальные) звуки того же подъема — различные виды *e*¹⁴; в литературном произношении *e* обыкновенно является только под ударением, причем нетрудно различить два оттенка: один, — более открытый, ненапряженный — перед твердыми согласными и в конце слова: *бе́лый*, *отец*, *небо*, *э́тот*, *на стене* и т. п., другой — более закрытый, напряженный — перед мягкими неслоговыми звуками: *де́нь*, *вече́р*, *виде́ние*, *моей*, *эти*; напряженное *e*, по-видимому, является также в немногих случаях, когда *e* произносится без уда-

¹⁴ Вернее, при передаче буквами русской азбуки — «э», потому что буква «е» в русском письме в начале слов означает не один гласный звук, а звуковое сочетание *jэ* и даже *jo*, а после согласных не только самый звук *e*, но также и мягкость этих согласных; кроме того, «е» часто употребляется и для обозначения звука *o* после мягких согласных. Я пользуюсь буквой «е», как более употребительной, но в том значении, какое она имеет в большей части славянских и латинских алфавитов.

рения: *всё это*. В отличие от многих других языков, в том числе и от украинского, все согласные, кроме *ж, ш, ц*, перед *е* в великорусском мягки; твердые согласные перед *е* произносятся только иногда в недавних заимствованиях из иностранных языков. Несколько более задние, чем в великорусском, именно переднесредние оттенки *е* представляет звук *е* в украинском: *мене, вмерла, молоденький*, т. е. различие между великорусским и украинским произношениями сочетаний согласных с *е* не только в том, что согласные перед *е* в великорусском мягки, а в украинском тверды, но и в характере самого гласного звука.

§39. Верхние гласные, или гласные верхнего подъема. Задний звук этого подъема, особого рода *ы*, литературному произношению несвойствен. Довольно заднее *ы* получается, когда стараются произнести *ы* отдельно, не в сочетании с предшествующим согласным звуком. Впрочем, в индивидуальном произношении некоторых лиц, правда, очень немногих, встречается заднее *ы* после шипящих. Средний звук того же подъема — обычное великорусское *ы*: *дым, стыдно, сырой, рыбак, слезы*; после губных и *л* звук *ы* более задний, чем после зубных; после шипящих он более задний перед твердыми и более передний перед мягкими. В великорусском письме *ы* обозначается не только буквою «ы», но и буквою «и», именно в тех случаях, когда он заменил собою старое *и* после отвердевших согласных *ж, ш, ц* (*жить, шил, ножи, спешу, цифра, станция* и т. п.), а также в начале слова после конечных твердых согласных предыдущего слова: *из избы, волк и кот, брат Иван* (читай: *изызыбы, волкыкот, братыван*); в безударных слогах после *ц* звук *ы* может обозначаться также и буквою «е» (*о торговце, цена, цедить*), а после шипящих буквами «е» и «а» (*жена, шестой, жених, жафа, шалун, шатёр*). Передний гласный звук верхнего подъема — *и*; в великорусском согласные перед *и* обязательно мягки, но в других языках перед *и* существуют согласные и не вполне смягченные, ср. сербск. *низак* (низок), франц. *partie* и пр. Что касается украинского звука, обозначаемого в украинской азбуке буквою «и» (*тихо, бити, нива* и пр.), то он обыкновенно произносится как звук средний между великорусскими *ы* и *и*, т. е., как передне-средний звук верхнего подъема. Все гласные верхнего подъема в московском произношении могут быть напряженными и ненапряженными; обыкновенно они являются напряженными под ударением: *быть, сыр, жил, под ивой, листья, вилы, тихо* и т. п., и ненапряженными без ударения: *бывать, сырой, жена, жених*,

листочек, пилить, гляди, веду (в последних двух словах буквами «я», «е» передается звук *и*) и пр.

Б. Гласные звуки округленные

§40. Обыкновенно округление губ при произношении округленных гласных соответствует поднятию языка: нижние гласные редко бывают округленными; если бывают, то округление губ обычно слабое; при средних гласных оно уже вполне определено, при верхних — сильное со значительным выпячиванием губ вперед. Но может быть сильное округление губ при гласных среднего подъема; тогда гласные звучат более закрыто, приближаясь по характеру звука к верхним: *o* с сильным округлением звучит как звук средний между *o* с нормальным округлением и *y*, звук *ö* с сильным округлением — как звук средний между *o* с средним округлением и *ï*. Такое *o* и *ö* с сильным округлением есть между прочим во французском языке. Может быть также и среднее округление при гласных верхнего подъема; гласные, получающиеся в этом случае, на слух представляют середину между гласными верхнего подъема с сильным округлением и гласными того же подъема неокругленными; так, *y* с средним округлением на слух похоже на звук средний между *y* и *ы*; звук *ï* с средним округлением на слух представляет как бы середину между *ï* с сильным округлением и *и*. Изменения в характере звука, вызываемые губным округлением (лабиализацией), объясняются тем, что при округлении удлиняется резонатор, представляемый полостью рта, и суживается отверстие резонатора, через которое выходит голос наружу; вследствие этого получаются более низкие обертоны, чем при неокругленных гласных.

§41. Округленные гласные нижнего подъема — различные виды *a*, склонного к *o*, — в литературном произношении вообще не встречаются, но могут являться в известных положениях, как особенность индивидуального произношения, вместо *a*.

§42. Гласные среднего подъема. Задняя гласная — звук *o* под ударением в начале слога и после твердых согласных: *он, озеро, кот, дочь* и пр.; после мягких неслоговых звуков перед твердыми и в конце слова (пишется «е») — та же гласная, но иногда и более передние оттенки, которые можно определять как заднесредние гласные звуки среднего подъема: *тётка, ёлка, возьмёшь*; между мягкими артику-

ляция *o* продвигается еще больше вперед; здесь обычно — средний, а иногда даже и передний звук среднего подъема, в последнем случае более или менее однородный с французским *eu* (*deux, pleurer*) и немецким *ö* (*Töchter, böse*): *мѣтенька*. Напряженные и ненапряженные оттенки округленных гласных среднего подъема различаются на слух довольно легко. В литературном русском произношении эти гласные обыкновенно ненапряженные. Без ударения *o* является лишь в немногих энклитических словах, например, в сочетании *он был*, и при этом звучит напряженно. Степень округления у всех округленных гласных среднего подъема в русском языке средняя. Кроме перечисленных гласных звук *o* неполного образования по голосу и притом очень краткое встречается за слог до ударения под влиянием соседних округленных (лабиализованных) согласных вместо *ъ*: *в полутьме*.

§43. Гласные верхнего подъема. Задний звук этого подъема — *у* — является как под ударением, так и без ударения не между мягкими неслоговыми звуками: *умный, глупый, буря, лютый, уметь, туда, судить, любовь, пою* (обозначается звук *у* в начале слова и после твердых через «*у*», а после мягких и в сочетании с *j* или *й* — через «*ю*»); между мягкими, а после ударения вообще после мягких обыкновенно произносится гласный звук более переднего образования, именно, средний гласный округленный звук того же подъема (пишется «*ю*», а после «*ч*» — «*у*»): *тюря, нюня, любит, возят* (читай: *возют*), *чуни, чудить*; наконец, передний гласный звук того же подъема, более или менее однородный с французским и немецким *ü*, в литературном произношении является только без ударения после гласных как замена сочетания *йу* или после ударения между мягкими неслоговыми звуками (пишется «*ю*»): *бывают, делают* (читай: *бывають, делають* с *у* среднего ряда или *бывайт, делайт* с *й* без *й*), то же *й* в диалектич. южновеликорусском *возють* (3 мн.; читай: *возіть* с *з* мягким). Округленные гласные верхнего подъема обыкновенно в русском языке являются напряженными под ударением: *умный, глупый, буря, лютый, любит*, и ненапряженными без ударения: *уметь, туда, судить, любовь, любить, бывают*.

Количество гласных

§44. В русском литературном произношении различие между гласными по количеству связано с ударением: ударяемые гласные произ-

носятся заметно дольше неударяемых. Неударяемые гласные, будучи короче ударяемых, различаются по количеству между собою: наименее краткая из них — в слоге непосредственно перед ударением. Если перед ударением больше двух слогов, то самой краткой является обыкновенно гласная 2-го предударного слога (за слог до ударения), которая склонна к выпадению; гласные 3-го и 4-го предударных слогов менее коротки, хотя и короче гласной слога, непосредственно предшествующего ударению, ср. слова *пост^ановить*, *ост^ановить*, *бла^годарить*, *отбла^годарить*, где маленькой буквой обозначен звук, который может выпадать. Гласные слогов после ударения вообще короче, чем гласные слога, непосредственно предшествующего ударению, причем наименее короткий из послеударных слогов, кажется, последний. Те краткие звуки, которые в данном языке короче других кратких звуков нормальной краткости, называются «иррациональными» (термин, употреблявшийся академиком Ф. Ф. Фортунатовым), или «редуцированными по количеству», или «очень краткими».

Хотя вообще безударные гласные звуки в русском литературном произношении короче ударяемых, но встречаются случаи, когда в 1-м предударном слоге (непосредственно перед ударением) произносятся долгие гласные. Это 1) те случаи, когда в этом слоге произошло стяжение гласных; такие слова, как *пообедать*, *кругообразный*, *старообрядец*, *вообще* могут произноситься с долгим *а* в первом предударном слоге, получившемся из стяжения двух гласных, обозначаемых на письме буквами «оо»; но такое произношение этих случаев является не единственным: возможно произношение с краткими гласными или с сочетанием гласных *ѡа*¹⁵; 2) случаи риторического удлинения предударной гласной для обозначения усиления качества: *хâроший*, *грâмадный*, *бâльшущий*, *здâровый* и пр.

§45. Голосность, или сонорность гласных в русском языке не одинакова. Как и количество, она убывает от ударения к неударяемым слогам. Самым звонким (голосовым) в московском произношении является гласный звук ударяемого слога, затем — слога, непосредственно предшествующего ударению; сонорность остальных неударяемых гласных стоит, между прочим, в зависимости от характера соседних согласных; именно, между звонкими согласными сонорность

¹⁵ О звуке ѡ см. § 38.

их больше, чем между глухими, ср. *дозволять* и *состоять*, *поставлять*, или *годом* и *глупость* и т. п.; в положении между глухими сонорность гласного звука может даже сойти на нет, т. е. гласный звук может заменяться одним выдыханием, которое заполняет паузу между согласными, но не дает впечатления определенного звука (такое произношение, например, возможно в слове *подтолкнуть* и т. п.); если один из этих согласных звуков длительный, то он в таком случае может становиться слоговым¹⁶, ср. такие слова, как *кошечка*, *кончивши*, *на рельсах* и т. п. (произносится: *кошчка*, *кончфшы*, *на рельсх*)¹⁷. Гласные неполного образования по голосу, т. е. с ослабленной сонорностью, часто называются «глухими». В этом значении термин «глухой» однороден, но не тождествен с тем же термином в применении к согласным, так как обозначает не полное отсутствие голоса, как у глухих согласных, а лишь его ослабление, так как звук, произносимый при полном отсутствии голоса, как состоящий из одного шума, воспринимается нами уже как согласный звук¹⁸.

Согласные звуки современного русского языка

§46. Гортанные согласные. Сюда в великорусском литературном произношении относится только гортанный взрыв, которым начинаются слова с начальными гласными в начале речи и после гласных; в середине речи после согласных предыдущего слова этот взрыв в русском языке отсутствует, да и в других положениях он очень слаб. В украинском и белорусском языках существует также гортанное придыхание, получившееся в этих языках из общерусского *г*; этот звук не следует смешивать с той фрикативной задненебной звонкой согласной, какая является в южновеликорусском наречии в соответствии с северновеликорусским и московским *г* и украинским придыханием и какая встречается и в московском произношении в немногих словах: *коготь*, *ноготь*, *когда* и др.

¹⁶ См. ниже § 58.

¹⁷ Жирным шрифтом обозначаю слоговые согласные.

¹⁸ Таково, например, немецкое *h* (*Hund*, *haben*), образуемое той же артикуляцией органов произношения, как и *a*.

§47. Задненебные, или веллярные. Сюда принадлежат наши твердые согласные: взрывные глухая *к* и звонкая *г* и фрикативные глухая *х* и звонкая, обозначаемая в фонетической транскрипции греческой буквой «γ»: *кот*, *город*, *пахать*, *когда* (в последнем слове буквою «Г» передается фрикативный звонкий звук). Звонкая фрикативная согласная в литературном произношении встречается лишь в некоторых словах церковного языка и в словах *лёгок*, *мягкок*, *коготь*, *ноготь* (в последних четырех под влиянием *х* в формах *лёгкий*, *мягкий*, *когти*, *ногти*), реже в словах *богатырь* и *богатый*, в которых произносится также и «Г» взрывное, затем перед *д* в словах *когда*, *тогда*, *где* и, наконец, перед звонкими согласными как замена звука *х*: *дух земли*, *серых гусей* и т. п. В южновеликорусском наречии звонкая фрикативная задненебная согласная является вместо всякого *г* литературного произношения. Согласные задненебные могут быть более задними или менее задними; обыкновенно, наши *х* и *γ* более задние звуки, чем *к* и *г*. Из сонорных звуков *к* задненебным относится так назыв. *р* «картавое», встречающееся в русском языке лишь как особенность индивидуального произношения, но обычное во многих других языках (например, во французском, немецком и пр.), и то *н*, какое является, например, в немецком *jung*, *danke*, т. е. перед *к* или вместо бывшего некогда сочетания *ng*. Отчасти к веллярным согласным принадлежит и великорусское *л* твердое, при произнесении которого *к* нёбу поднимается и часть задней части спинки языка; такое *л* называется поэтому веллярнозубным.

§48. Средненебные, или палатальные согласные. В современном великорусском языке сюда относятся: мягкие *г*, *к*, *х*, и *γ* или *ј*: *кислый*, *на руке*, *на ноге*, *погибнуть*, *хитрый*, *в ухе*, *боги* (в этом слове *γ* мягкое или *ј*), *яма* (= *јама*), *юноша* (= *јуноша*), *ёлка* (= *јолка*), *ельник* (= *јельник*) и пр. Положение языка при произношении средненебных может быть различным: чем более впереди лежат места касания языка к нёбу, тем согласные мягче. Русские *г*, *к*, *х*, *γ* (*ј*) мягкие принадлежат к числу очень передних и, следовательно, очень мягких средненебных звуков, например, по сравнению с немецкими средненебными в таких словах, как *mich*, *ruhig*, *liegen*. Относительно звуков *γ* мягкого и *ј* надо заметить, что обыкновенно буквой «j» обозначаются только наиболее передние оттенки звонких фрикативных средненебных согласных; что касается *ј* в русском языке, то оно, в тех случаях, когда является не

вследствие смягчения *г* фрикативного, образуется с довольно широкой щелью между языком и небом, вследствие чего шум от трения выдыхаемого воздуха при проходе через эту щель является сравнительно слабым; при дальнейшем расширении щели шум, характерный для *ж*, становится еще слабее, и *ж* переходит в *и* неслоговое (*й*). В русском литературном произношении собственно *ж* известно лишь в положении до ударения перед гласной (ударяемой и неударяемой); к приведенным выше примерам прибавлю: *моя, боюсь, питьё, свинья, еловый* (читай: *маја, бајус, питьё, свинья, яловый*), а после ударения и перед согласной обыкновенно уже не *ж*, а *и* неслоговое: *сарай, пойду, вымою* (= *вымойу*), *платье* (= *платьё*).

§49. Небнозубные согласные в нынешнем великорусском языке могут быть твердыми и мягкими. Твердые небнозубные произносятся с помощью корональной артикуляции языка; при произношении мягких небнозубных к этой артикуляции присоединяется еще сближение и передней части спинки языка с твердым небом. К небнозубным в русском языке принадлежат шумные взрывные *д* и *т* твердые и мягкие и фрикативные: а) так наз. свистящие *з* и *с* твердые и мягкие, б) шипящие *ж* и *ш* краткие только твердые: *жена, шум, шесть* и долгие, как твердые, так и мягкие; шипящие долгие твердые являются в таких словах, как *безжизненный, бесшумный, восшествие, разжиревший, без шубы, с женой* и т. п.; долгие мягкие шипящие: *возжжи, дрожжи, позже, уезжать, дождя, жука, ишу, счастье, извозчик, из чашки* и т. п. В обычном правописании долгое *ш* мягкое по большей части передается буквою «щ» или «сч», а долгое *ж* мягкое — «жж», «зж», «жд». Диалектически в великорусском очень распространено вместо *ж*, *ш* долгих мягких произношение *ж*, *ш* долгих твердых; реже, но притом иногда даже в московском литературном произношении, вместо долгих *ш*, *ж* мягких являются сочетания *ждж*, *шч* мягкие; в украинском и белорусском этим долгим согласным соответствуют *ждж*, *шч* твердые. Из названных согласных в русском произношении *д* и *т* твердые принадлежат к собственно зубным (точнее — зазубным), а остальные к передненебным. Из сонорных согласных к небнозубным в русском литературном произношении относятся плавные *л* и *р* и носовая *н* твердые и мягкие. Звук *н* произносится почти с той же артикуляцией передней части языка, как и *д*, но с открытым проходом воздуха через нос. При произношении русского *р* приподнятый кверху кончик языка, дрожа

под напором выдыхаемого воздуха, ритмически ударяется о верхние десны (альвеоли) над передними зубами; разница между артикуляцией *р* твердого и мягкого состоит в том, что при *р* мягком передняя часть языка поднята выше, проход для выдыхаемого воздуха уже и дрожащий кончик языка меньше, чем при *р* твердом. При *л* язык так соприкасается с нёбом, что получается один или два боковых прохода для выдыхаемого воздуха. При большей величине боковых проходов получается *л* открытое, при меньшей — *л* закрытое, дающее впечатление большей мягкости; чем закрытее *л*, тем оно мягче; великорусское *л* мягкое, например, в словах *лето, слезы, лист, люди, земля, пыль*, является очень закрытым. Что касается великорусского *л* твердого, то кроме того, что оно очень открыто, оно представляет еще ту особенность, что при произношении его, в то время как кончик языка соприкасается с пространством над передними верхними зубами, задняя часть спинки языка приближается к мягкому нёбу, вследствие чего такое *л* называется велярно-зубным.

§50. Губные согласные делятся на собственно губные, или билабиальные, для произношения которых сближаются или сжимаются обе губы, и губнозубные, когда нижняя губа приближается к передним верхним зубам. К чисто губным в русском языке принадлежат взрывные звонкая *б* и глухая *п*, а также сонорная носовая *м*, произносимая почти с теми же движениями губ, как и *б*. Согласные губные фрикативные — звонкая *в* и глухая *ф* в литературном произношении вообще принадлежат к губно-зубным, хотя в неударяемых слогах перед округленными гласными возможно произношение *в* чисто губного (билабиального): *головушка, корову* и т. п. В фонетической транскрипции билабиальное *в* принято обозначать буквою «w». Этот звук по своей артикуляции и на слух очень близок к *у*, отличаясь от него лишь бóльшим сближением губ и вследствие этого более заметным шумом. В зависимости от положения языка губные согласные в русском языке бывают а) твердыми, или веляризованными, если при произношении их задняя часть спинки языка приподнимается к мягкому нёбу, принимая приблизительно те же положения, как для гласных *о, у*, и б) мягкими, или палатализованными, если поднимается передняя часть спинки языка к твердому нёбу, как для произнесения звука *и*. В то время как палатализация повышает собственный тон (т. е. те обертоны, которые образуются в полости рта) согласных зву-

ков, веляризация, наоборот, способствует понижению этого тона, вследствие чего различие между твердыми и мягкими согласными в русском языке особенно значительно. Кроме названных губных согласных существует также губное *р*, получающееся от ритмического дрожания сближенных губ под напором выдыхаемого воздуха; такое губное *р* может быть звонким и глухим; звонкое губное *р* произносится, например, в том междометии, которое передается на письме как «брр...», а глухое — в междометиях, которыми останавливают лошадей (*тпру*) или призывают телят (*тпрусья*).

§51. Из аффрикат, т. е. слитных сочетаний согласной взрывной неполного образования с согласной фрикативной того же места образования, в русском литературном произношении существуют лишь небнозубные, а именно: 1) ш и п я щ и е: глухая *ч* мягкое (*чаща, червь, чистый, хочу* и пр.) и соответствующая звонкая аффриката, являющаяся лишь как замена *ч* перед звонкими шумными согласными, например, в слове, не употребительном, впрочем, в литературном языке, *учба* (учение), или в конце слова перед словом, начинающимся со звонкой шумной: *ночь бледнеет, печь блины* и пр.; в белорусском, украинском и некоторых северновеликорусских говорах шипящие аффрикаты тверды. Твердые шипящие аффрикаты, но с некроткой фрикативной частью получаются и в литературном московском произношении из сочетаний *д* и *т* со следующими шипящими: *поджаривать, отжил, под шубой, отшутиться* и пр.; 2) св и ст я щ и е — глухая *ц* твердое (*царь, отец* и пр.) и соответствующая звонкая, являющаяся как замена *ц* перед звонкими шумными: *владелец дома, отец дьякон*. В украинском и некоторых великорусских говорах твердым свистящим аффрикатам литературного произношения могут соответствовать мягкие свистящие аффрикаты, ср. малор. *отець*, род. ед. *вітця*. Мягкие свистящие аффрикаты существуют также в белорусском и некоторых северновеликорусских говорах как замена мягких взрывных зубных: *цёмный, дзед* (вместо *тёмный, дед*) и пр. Это явление называется дзеканье; слабое дзеканье, т. е. с очень короткой и слабой свистящей частью аффрикаты, слышится иногда и в литературном произношении. Дзеканье объясняется тем, что при произношении сочетаний мягких зубных взрывных с гласными между ними развивается переходный звук, т. е. язык не сразу переходит к положению, нужному для гласного звука, а через посредство положения, производящего мягкий

свистящий звук. Кроме того, в литературном произношении существуют твердые и мягкие свистящие аффрикаты с некроткой фрикативной частью из сочетаний зубных взрывных с последующими свистящими: *под забором, под землёй, отставка, под собой, от семьи* и пр.

§52. Латеральные согласные. Сюда принадлежат в русском языке согласные *д* и *т* перед *л* твердым или мягким с неполным «латеральным» взрывом, представляющим переход от полного смыкания органов речи к тому положению, какое является при произношении *л*: *метла, седлать, тлеть, длинный*.

§53. Фаукальные согласные. Такие согласные получаются при встрече согласных взрывных с носовыми того же места образования, т. е. *б, п, д, т* в сочетаниях *бм, пм, дн, тн* с *м, н* твердыми или мягкими. При произнесении их образуется затвор, нужный для произнесения соответствующих взрывных носовых (*б, п, д, т*), но обычного взрыва до произнесения следующих за ними носовых не получается: этот взрыв заменяется опущением небной занавески для пропуска звучащего воздуха через нос и ослаблением затвора: *обман, обменить, одна, передний, плотный, отнять* и т. п.

Согласные смягченные веляризованные и округленные

§54. Смягченными, или палатализованными, в современном великорусском языке являются все среднеязычные согласные, мягкие небнозубные и мягкие губные. На письме принято обозначать смягченные согласные теми же буквами, как и соответствующие им несмягченные согласные, обозначая самое смягчение употреблением после них букв *е, и, ю, я, ъ*.

§55. Веляризованными кроме губных и *л* (см. выше § 49) могут быть также и небнозубные; при произнесении веляризованных небнозубных вместе с поднятием кончика языка поднимается и задняя часть спинки языка. В русском литературном произношении твердые небнозубные, как и твердые губные, веляризованы.

§56. Округленные, или лабиализованные, согласные в великорусском литературном произношении редки и притом исключительно перед округленными гласными, но диалектически в русском языке встречаются довольно часто.

Количество согласных

§57. Почти все простые согласные (не аффрикаты) в русском языке могут быть и краткими и долгими, причем долгота согласных по большей части новая, возникшая в историческую эпоху при встрече двух однородных согласных после выпадения гласных между ними; такие долгие согласные на письме передаются двумя согласными буквами: *сзади, отдать, подданный, обыкновенный* и пр. О долгих шипящих см. § 49. Об аффрикатах с некроткой фрикативной частью см. там же. Аффрикаты с долгим затвором и краткой фрикативной частью в русском языке встречаются довольно часто; по большей части они получились при встрече взрывных зубных или зубных аффрикат со следующими зубными аффрикатами после выпадения гласной между ними: *вотчина, подцетить, ссориться* (здесь «-ться» читается как *ца*, где *ц* с долгим затвором).

Понятие о слоге. Звуки слоговые и неслоговые

§58. Деление речи в звуковом отношении на слоги основывается на попеременном усилении и ослаблении выдыхания или на таком же усилении и ослаблении звучности; звук или группа звуков между двумя моментами ослабления выдыхания или звучности с одним моментом наибольшей силы, так сказать, волна выдыхания или звучности, называется слогом. Главный, т. е. наиболее сильный или звучный, звук в слогe называется слоговым, а остальные, подчиненные ему звуки в том же слогe — неслоговыми. Так как гласные звуки обыкновенно более полнозвучны в сравнении с согласными, а согласные сонорные — в сравнении с прочими согласными, то эти звуки наиболее часто являются в роли слоговых; с другой стороны, согласные в сочетании с гласными обыкновенно бывают неслоговыми; поэтому гласные могут быть неслоговыми только в сочетаниях с гласными или при ослаблении их звучности, а согласные становятся слоговыми только в слогe, в котором нет гласного звука или гласный звук подвергся ослаблению своей звучности. В фонетической транскрипции слоговой характер звука обозначается, если нужно, кружком под буквой, а неслоговой — дугой.

§59. В великорусском литературном произношении все гласные обыкновенно слоговые; в неслоговом употреблении встречается *и* в

дифтонгах *ай, ей, ой, уй* и т. п., а также *йа, йу* и т. п. и трифтонгах *йе'й* (например, *третьей, лисье́й*) и т. п.; при этом дифтонги и трифтонги с *й* (т. е. *и* неслоговым) перед гласной — только в слогах после ударения. Во многих великорусских говорах, а также в белорусском и украинском известно и неслоговое *у*, соответствующее звукам *в, ф, л* литературного произношения в некоторых положениях. Согласные нашей речи обыкновенно неслоговые; слоговые согласные встречаются кроме некоторых междометий (*тш, кш, тс* и т. п.) только иногда в неударяемых слогах вследствие выпадения гласных этих слогов: *Иванна, ф театр, кошкка, ф самм дели, новва, на фельсх* (буквы, обозначающие слоговые согласные, переданы жирным шрифтом, долгое *м* передано двумя буквами) и т. п.

Понятие о грамматической форме

§ 60. Формой в языке называется звуковое выражение отношения понятия, выраженного целым словом или сочетанием слов, к другим понятиям. При этом различаются два случая: 1) первое понятие выражено словом или сочетанием, имеющим форму; второе понятие (отношение к которому определяется формой) выражено другими словами или сочетаниями слов в том же речевом комплексе, а отношение между первым и вторым понятиями выражено или частью слова, имеющего форму, или различными видоизменениями в звуковой стороне слова (так наз. формальной частью или формальной принадлежностью), или особыми, так наз. частичными (формальными) словами и другими способами; 2) первое понятие выражено целым словом, имеющим форму; второе понятие выражено или частью этого слова (так наз. основной), или известными звуковыми признаками слова (так наз. основной принадлежностью слова); отношение между первым и вторым понятием выражено или формальной частью этого слова, или различными изменениями в звуковой стороне слова.

Формы первого рода называются синтаксическими, второго — словообразовательными. Понятно, что для того, чтобы та или другая часть слова или звуковая принадлежность слова могла сознаваться, т. е. выделяться в нашем сознании из целого слова как основа или основная принадлежность, надо, чтобы она же, в том же звуковом виде

или с небольшими изменениями, повторялась и в других словах и со знавалась как имеющая то же значение; те же условия нужны и для выделения формальной принадлежности.

§61. Примеры синтаксических форм. В сочетании *он читает книгу* в слове *читает* окончанием *-ет* выражается отношение понятия *читает* к одному третьему лицу речи, в слове *книгу* окончанием *-у* — отношение понятия *книгу* к понятию *читает*; таким образом, присутствие окончаний *-ет* и *-у* в словах *читает* и *книгу*, связанных с определенными значениями, и составляет форму этих слов. В сочетании *книга лежит на столе* в слове *книга* окончанием *-а* это слово обозначается как независимое слово, от которого могут, однако, зависеть формы других слов в том же сочетании; в слове *лежит* окончанием *-ит* обозначено существующее в настоящее время отношение понятия *лежит* к понятию *книга* как к 3-му лицу речи; в сочетании *на столе* частичным словом (предлогом) *на* и окончанием *-е* — отношение между понятиями *книга лежит*, с одной стороны, — и *на столе*, с другой стороны. В сочетании *русские и поляки — славяне* частичным словом (союзом) *и* обозначено отношение понятий *русские* и *поляки* друг к другу, а интонацией целого сочетания и отсутствием глагольной связки — взаимное отношение между собой понятий *русские* и *поляки* с одной стороны и *славяне*, с другой стороны, в настоящем времени (присутствие связки *были* или *будут* указывало бы на взаимное отношение этих понятий в прошедшем или будущем времени). В сочетании *старая берёза упала* окончаниями *-ая* в слове *старая* и *-а* в слове *упала* обозначено отношение признаков *старая* и *упала* к существительному женского рода *берёза*, стоящему в именительном падеже; при этом суффиксом *-л* в слове *упала* указывается на то, что указанное соотношение понятий относится к прошедшему времени.

§62. Примеры словообразовательных форм. В слове *садовый* формой слова, а именно присутствием части *-ов*, выражено отношение этого слова к другим словам, существующим в языке, заключающим звуковое сочетание *сад-* (с вариантами *сат-* и *сад-* с *д* мягким) и обозначающим, в связи с присутствием этого звукового сочетания, разные понятия, связанные с понятием *сад*: *садовник*, *садовый*, *в саду*, *сад*, *садик* и пр. Ср. ту же часть *-ов* в таких словах, как *домовый*, *столовый* и пр., обозначающую те же отношения между этими словами и такими

словами, как *дом*, *домик*, *стол*, *столик* и пр., какое существует между словами *садовый* с одной стороны и *сад*, *садик* с другой.

§63. Способами звукового выражения соотношений слов или сочетаний слов между собою или так называемыми формальными признаками являются: 1) **аффиксы** (префиксы, суффиксы, инфиксы), или формальные части слов, т. е. такие части слов, которые обозначают отношение понятия, выраженного целым словом, к другим понятиям, выраженным другими словами; 2) так называемая **флексия основ**, т. е. такие звуковые признаки слов, которые, не составляя отдельной части слова, однако, имеют формальное значение; так, в словах *несу*, *нёс*, *несть* такой флексией основы является характер гласного звука основы (*и*, *о*, *е*) и твердость или мягкость *с*; 3) **частичные слова**, т. е. слова, не имеющие реального значения, а показывающие только соотношение понятий, выраженных другими словами, между собой; в русском языке сюда относятся предлоги, союзы, связка (глагол *был* и др.) и т. п.; 4) **ударение и интонация**; 5) **порядок слов**; 6) **паузы**. Первые два способа представляют формы самих слов, а остальные — формы словосочетаний.

Морфологический состав нынешнего русского литературного языка

§64. Слова, имеющие одинаковые формы или формы, соотносительные между собою по значению, могут объединяться в классы, называемые грамматическими классами, потому что эти классы слов служат предметом изучения грамматики как науки о формах языка. Грамматические классы могут быть более общими и менее общими. Кроме того, слова, принадлежащие по формам целых слов к разным классам, как, например, личные формы глаголов и причастия, могут принадлежать к одному классу по формам основ. Наиболее общими грамматическими классами являются классы:

- а) слов, имеющих формы, и
- б) слов, не имеющих форм.

§65. К словам, не имеющим форм, в русском языке относятся предлоги, союзы и другие частицы, так наз. неграмматические наречия (*как*, *так*, *где*, *здесь*, *там*, *тут*, *когда*, *очень*, *весьма* и т. п.), и некоторые заимствованные из иностранных языков существительные: *пальто*, *де-*

по, колибри, какаду и т. п. В разговорном языке можно заметить тенденцию склонять некоторые из таких слов: *без пальта, в пальте, под пальтом*, имен. мн. *пóльта, из бюра, в бюре* и т. п.

§66. В классе слов, имеющих формы, можно различать опять два класса:

- 1) слов, имеющих только словообразовательные формы, и
- 2) слов, имеющих также и синтаксические формы.

§67. К первому классу в нынешнем русском языке относятся а) глагольные неизменяемые слова — инфинитивы и деепричастия и б) имен-ные неизменяемые слова — грамматические наречия. В нынешнем русском языке обычны в настоящее время два способа образования грамматических наречий от прилагательных: 1) от прилагательных качественных с суффиксом *-о* (*о* только под ударением; без ударения слышится неясный звук, который передается буквами «о» и «е»): *хорошо, умно, глупо* и пр., 2) от некоторых относительных прилагательных с суффиксом *-и* или с приставкой *по-* и суффиксом *-и*: *рыцарски, по-барски, по-волчьи* и пр. Наречия на *-о* могут образовывать сравнительную степень: *умнее, глупее* и пр.

§68. Слова, имеющие синтаксические формы, распадаются в русском языке на два класса:

- 1) склоняемые слова,
- 2) спрягаемые слова, или глаголы.

§69. Склоняемые слова по значению форм склонения делятся на два класса:

а) существительные, у которых формы склонения не являются формами согласования,

б) прилагательные, у которых формы склонения являются формами согласования, т. е. такие слова, которые изменяются по падежам, родам и числам применительно к падежу, роду и числу существительного, к которому относятся.

§70. Формами падежей существительные обозначаются в речи или как независимая часть словосочетания (форма именительного падежа), или как название предмета мысли, стоящего в известном отношении к другим предметам мысли, обозначаемым словами, входящими в то же словосочетание (формы косвенных падежей). Формы рода и числа у существительных не являются по значению синтаксическими форма-

ми, потому что служат для обозначения разных предметов мысли, а не разных отношений имеющих эти формы слов к другим словам в той же речи. Формами согласования в падеже, роде и числе прилагательные обозначаются как названия постоянных признаков предмета, обозначенного существительным, с которым прилагательное согласовано. Таким образом, у прилагательных не только падежные формы, но и формы рода и числа являются синтаксическими формами как формы согласования.

§71. Таким образом, различие между существительными и прилагательными состоит в различном синтаксическом употреблении тех и других. Что касается различий в образовании форм, то можно заметить, что в нынешнем русском языке большая часть прилагательных образует падежные формы по типам, отличным от тех типов, по которым склоняется большая часть существительных, но это различие между существительными и прилагательными в образовании падежных форм не выдержано вполне, так как есть значительное число существительных, склоняющихся по типам, характерным для прилагательных (*портной, запятая, животное* и т. п.), а прилагательные притяжательные в муж. р. частью склоняются по типу, характерному для существительных.

§72. Различие между единственным и множественным числом в современном русском языке обозначается различиями в падежных окончаниях обоих чисел, и только часть имен существительных имеет во множ. ч. основу, отличную от основы единств. ч. (таковы: *мещанин* — *мещане*, *татарин* — *татары*, *хозяин* — *хозяева*, *телёнок* — *телята*, *друг* — *друзья* и т. п.).

§73. Род существительных определяется формами согласования прилагательных (*строгий судья, большая семья, дальний путь, белая грудь, худое имя, злая воля*), но обозначается также и известными различиями в образовании падежных форм самих существительных (*дух, душа, окно*, твор. ед. *путём, грудью*). В нынешнем русском языке мужеский, женский и средний роды различаются только в единственном числе; поэтому указания элементарных грамматик о различении рода так наз. *pluralia tantum* не имеют смысла. Мужеский и средний роды различаются между собой только в формах именительного и винительного падежей единственного числа. Кроме этих родов у имен мужеского рода

и во множественном числе в нынешнем русском языке различаются также одушевленный и неодушевленный род. Это различие обозначается только в винительном падеже, как в прилагательных, согласованных с существительными одушевленного и неодушевленного рода (*строгого судью, строгий суд, белого бычка, белый дом* и пр.), так и в самих существительных, в последних — за исключением единственного числа имен на *-а*.

§ 74. В категории прилагательных можно различать а) собственно прилагательные и б) причастия, т. е. такие отглагольные прилагательные, в основах которых обозначено время соединения данного глагольного признака с предметом, обозначенным именем, с которым согласовано причастие: *пишущий, писавший, написавший, писанный, написанный* и т. п. Причастия сохраняют глагольное управление; например, причастия от переходных глаголов с прямой переходностью могут сочетаться с винительным падежом имени: *художник, написавший эту картину*.

§ 75. В формах согласования прилагательных качественных и причастий страдательных современный великорусский язык различает двоякие формы: а) формы атрибутивные: *бедный старик, бедного старика, злая собака, злой собаки, добрые люди, добрых людей, прочитанная книга* и т. д. и б) формы предикативные: *старик беден, собака зла, люди добры, книга прочитана*. Предикативные формы прилагательных употребляются только в согласовании с независимым именительным падежом и обозначают сочетание признака, обозначенного основой прилагательного, с предметом, обозначенным именительным падежом существительного, не как уже данное, предполагающееся известным, а как открываемое в мысли. Основное значение атрибутивных форм — обозначение признака, выраженного основой прилагательного как атрибута, т. е. в данном уже для мысли сочетании его с предметом, обозначенным существительным, с которым согласовано прилагательное. Но атрибутивные формы могут употребляться и в предикативном значении, а прилагательные относительные и притяжательные и вовсе не имеют особых предикативных форм, отличных от атрибутивных.

§ 76. Формами спряжения или формами сказуемости называются такие формы, которые обозначают известный глагольный признак¹⁹, т. е.

¹⁹ См. *Д. Н. Ушаков*. Кр. введ. § 89 [Ушаков, 1923].

действие или состояние в открываемом мыслью сочетании его с субъектом признака (этот субъект может быть в речи и не выражен особым словом). Слова, имеющие формы спряжения, называются глаголами. Впрочем, обычно термин «глагол» понимается в более широком смысле, со включением в это понятие и причастий, и неизменяемых глагольных слов — инфинитивов и деепричастий. Формами спряжения в глаголе являются формы наклонения, времени и лица с их различиями по числам, а в русских формах прошедшего времени также формы рода и числа. Наклонением в глаголе называется такая форма, которая показывает отношение говорящего к проявлению признака, обозначенного основой глагола: представляет ли он себе этот признак как действительно проявляющийся, или проявившийся в прошедшем, или имеющий проявиться или только как возможный, как желательный или как настоятельно требуемый и т. д.

§77. В нынешнем русском языке существуют три формы наклонения: прямое, или изъявительное, когда действие или состояние, обозначенное основой глагола, представляется говорящим как действительно происходящее, происходившее или имеющее произойти, и косвенные: а) условное, когда данное действие или состояние представляется лишь возможным при известных условиях или желательным, и б) повелительное, выражающее требование, предложение или просьбу.

§78. Время в русском глаголе различается только в формах прямого, или изъявительного, наклонения и обозначает проявление глагольного признака, выраженного основой глагола, как современное речи, или предшествующее ей, или ожидаемое в будущем. В нынешнем русском языке глагол имеет три времени: настоящее, прошедшее и будущее; впрочем, все три формы имеет только часть глаголов, именно: глаголы несовершенного вида, остальные — глаголы совершенного вида — имеют только две формы времени: одну употребляющуюся в значении будущего времени и другую для прошедшего времени.

§79. Формами лица с их различиями по числам обозначается или лицо говорящее, или лицо, к которому обращена речь, или так наз. 3-е лицо речи; формой 1-го лица множ. ч. может обозначаться как множественность говорящих, так и совокупность лиц, объединяемых говорящим как солидарных с ним или однородных с ним в каком-либо отно-

шении. Формы всех трех лиц обоих чисел в нынешнем русском языке являются только в настоящем и будущем времени. Повелительное наклонение имеет только формы 2-го л. обоих чисел и две формы 1-го л. множ. ч. (на *-м* и *-мте*), из которых одна обозначает приглашение выполнить известное действие совместно с говорящим безотносительно к количеству лиц, приглашаемых к этому выполнению (форма на *-м*), другая обозначает такое же приглашение, обращенное к нескольким лицам или к такому лицу, в обращении к которому говорящий употребляет форму 2-го л. множ. ч. (форма на *-мте*). Многие глаголы несовершенного вида не имеют форм 1-го множ. повелительного наклонения. Формы прошедшего времени и условного наклонения не имеют форм лица, а вместо этого имеют формы согласования в роде и числе, сближающие их по этой черте с прилагательными, употребленными в предикативной форме. При этом условное наклонение не имеет особого суффикса, а образуется с помощью частичного слова *бы*.

§ 80. Изложенную классификацию слов языка, установленную на основании грамматических или формальных признаков, не следует смешивать с другими классификациями слов по неграмматическим признакам, например, по значению или по каким-нибудь внешним признакам, не стоящим в связи со значениями слов. Как мы видим, она сильно расходится с той классификацией, которая до сих пор господствует в учебниках грамматики, изучаемых в низшей и средней школе. В этих учебниках мы находим смешение грамматических и неграмматических принципов деления, что приводит к различным непоследовательностям и противоречиям. Так, выделение существительных и прилагательных в особые категории в учебной грамматике основано на грамматических признаках, но обычное определение этих категорий как названий предмета и названий качества не соответствует самому содержанию определяемых этими названиями классов. Так, не только слово *камень*, но отчасти и слово *каменный* можно рассматривать как название предмета, в первом случае того, о котором говорится, а во втором — того, из которого сделан другой предмет; слова *белый* и *белизна*, *добрый* и *доброта* одинаково являются названиями качества или признака предмета, но в первом случае этот признак относится к какому-то предмету, а во втором рассматривается в отвлечении от предмета. Остальные категории, или «части речи», в учебниках вы-

деляются уже на основании неграмматических признаков или признаков, несоотносительных с теми, на основании которых устанавливаются категории существительных и прилагательных. Так, к категории «имен числительных» в учебниках относятся слова, обозначающие число и принадлежащие по формам слов или к существительным (большая часть числительных количественных), или к прилагательным (остальные числительные количественные и числительные собирательные и порядковые), или к неизменяемым словам (*дважды, трижды* и пр.). Правда, некоторые из числительных количественных (*два, три, четыре, сорок, девяносто, сто*) представляют своеобразные особенности в склонении, а большая часть числительных количественных и в согласовании с именами предметов, подвергающихся счету, но это, с одной стороны, не основание для устранения их из категории имен, потому что и остальные имена склоняются по-разному, а различие в согласовании и управлении в других случаях не является основой для деления на части речи, а с другой стороны, не основание и для выделения вместе с ними в одну категорию и числительных порядковых, являющихся и по образованию форм, и по синтаксическому употреблению самыми обыкновенными прилагательными. К категории местоимений элементарные грамматики относят те склоняемые слова, существительные и прилагательные, которые по своему неграмматическому значению являются не словами-названиями, а словами местоименными²⁰. Опять-таки значительная часть местоимений, т. е. местоименных склоняемых слов, представляет такие особенности в образовании форм склонения, рода и числа, а частью и в согласовании, которых не имеют другие склоняемые слова, но и по этим особенностям они не объединяются в одну группу (такие местоимения неличные, как *тот, мой, весь* и пр., по образованию форм стоят ближе к прилага-

²⁰ Слова-названия — такие слова, которые имеют определенное значение независимо от данной речи: *стол, два, стоять, хорошо* и т. п.; слова местоименные — такие слова, значение которых определяется только из данной речи, так как они обозначают известное отношение к данной речи предметов мысли, обозначенных другими словами, или самые предметы мысли в их отношении к данной речи: *я, ты, он, кто, тот, который, твой, где, здесь, там, тогда, так* и т. п. Различие в значении между словами-названиями и словами местоименными — неграмматическое, так как не обозначается формами слов и не отражается на синтаксическом употреблении этих форм.

тельным, чем к личным местоимениям *я, ты, мы, вы*), а кроме того, часть местоимений (например, *какой, который, самый, всякий*) по образованию форм ничем не отличается от прилагательных. К категории глаголов в учебниках относится большая часть глагольных слов; по формам целых слов глаголы принадлежат к разным классам: а) спрягаемых слов (личные формы глагола и формы прошедшего времени), б) слов склоняемых и согласуемых (причастия) и в) слов, не имеющих синтаксических форм (инфинитивы и деепричастия). Правда, слова, относимые учебниками к классу глаголов, принадлежат к одному классу по формам основ, но таким образом этот класс оказывается не соотносительным с классом имен и местоимений, выделяемых не по формам основ, а по формам целых слов. Неграмматический принцип лег также в основу обычного деления существительных на собственные и нарицательные, конкретные и абстрактные; эти деления никакого значения для грамматики языка не имеют. Неудобство от проведения различных принципов при делении слов языка на так наз. части речи видно из таких примеров, как отнесение прилагательных *глухой, такой* и *другой* к трем различным частям речи (прилагательным, местоимениям и числительным), тогда как образование форм этих слов и их синтаксическое употребление совершенно одинаковы; во многих грамматиках слово *один* относится одновременно к двум частям речи только на основании неграмматических значений этого слова, и т. д.

Краткий очерк русской диалектологии

§81. Единство русской языковой группы. Русским языком в широком смысле в настоящее время называют всю совокупность говоров и наречий, на которых говорит весь русский народ или все русские народности: и великорусы, и малорусы, и белорусы. Но можно заметить, что объединение всех русских наречий по отношению к настоящему времени в один язык не совсем точно, потому что в настоящее время между малорусскими, белорусскими и великорусскими говорами в их целом нет постоянной живой связи; та связь, которая ощущается между ними,— уже в прошлом, и об одном русском языке мы можем говорить только по отношению к историческому прошлому этих говоров. Единство русского языка в его прошлом видно из тех особен-

ностей языка, которые и в настоящее время являются общими всем русским наречиям и говорам, отличая их в своей совокупности от остальных славянских языков. Таковы следующие черты, объединяющие все русские языки:

1. Полногласие, т. е. произношение *оро, ере, оло* между согласными в таких словах, где в большинстве славянских языков сочетания *ра, ре, ла, ле* и *ро, ре, ло, ле* между согласными: *город, берег, молодой, молоко* и пр. (см. выше § 12 и ниже §§ 154, 177).

2. Сочетания *ро, ло* в начале слова, так же как и в западнославянских языках, в некоторых случаях, где в южнославянских языках — *ра, ла*, как, например, в приставке *роз-*, в слове *локоть* и др. (см. ниже § 153).

3. Звук *у*, так же как и в чешском и сербском языках, там, где в польском *ę* и *ą* (*e* и *o* носовые) после твердых, в болгарском звук, обозначаемый буквою «ж», или *a*, в словенском *o*: *рука, иду* (см. выше § 12 и ниже § 172).

4. Звук *a* после мягких и шипящих там, где в польском *ę* или *ą* (*e* или *o* носовые) после мягких и шипящих, в сербском и болгарском *e*: *пятый, сяду* и пр. (см. выше § 12 и ниже § 172).

5. Звук *o* в начале слова в некоторых случаях, где во всех славянских языках *je* или *e*: *озеро, осень* и пр. (см. ниже § 176).

6. Сочетания *ор, ер, ол* между согласными там, где другие славянские языки имеют или слоговые *р, л*, или другие сочетания гласных с плавными, отличные от русских: *гордый, верх, полный, волк* (см. ниже §§ 156, 178).

7. Звук *ж* там, где в польском *dz*, в чешском *z*, в словенском *j*, в сербском *ђ* и в болгарском *жд*, т. е. во всех славянских языках другие звуки: *вижу, межа* и пр. (см. ниже §§ 146, 171).

8. Звук *л* мягкое после губных, как и в сербском, где в западнославянских языках и в болгарском мягкие губные без *л*: *земля, люблю, капля* (см. ниже § 161.3).

9. Одно *л* между гласными, как и в сербском и болгарском, там, где в польском и чешском *tl, dl* между гласными: *мыло, она села, молитва* и пр. (см. ниже § 161.1).

10. Сочетания *зв, цв* в начале слова, как и в сербском и болгарском, там, где в польском и чешском *gv, kv*: *звезда, цветок* и пр. (см. ниже § 147.3).

11. Беглое *o* там, где в польском и чешском беглое *e*, в сербском беглое *a*, а в болгарском беглое *ъ*: *сон* и пр. (см. выше § 12 и ниже §§ 131, 180—182).

12. *o* после шипящих там, где в остальных славянских языках *e* или другие звуки: *чёрный*, *шёл*, *шёлковый* (см. ниже § 199).

13. Звук *o* в окончаниях некоторых падежных форм прилагательных, как и в сербском, отлично от западнославянских языков, где в этих формах является *e*: *злого*, *злomu*, род. ед. ж. р. *злой* (см. ниже § 330).

14. *-т* или *-ть* в окончании 3-го л. ед. ч. глаголов 2-го спряжения и 3-го множ. глаголов 1-го спряжения (в 3 ед. глаголов 1-го спряж. и 3 мн. глаголов 2-го спряж. окончание *-т* или *-ть* не во всех русских говорах), тогда как в остальных славянских языках в этих формах в настоящее время окончания *-т* (или *-ть*) нет: *горит*, *сидит*, ю.-в.-р. *горить*, *сидить*, м.-р. *горить*, *сидить*, 3 мн. *идут*, *несут*, ю.-в.-р. *идуть*, *нлсут*, м.-р. *йдуть*, *несуть* (см. ниже § 474).

15. Одинаковые особенности в образовании видов, отличающие русские языки в целом от сербского, болгарского, словенского и отчасти чешского и лужицких языков.

Кроме указанных черт, все русские языки имеют и ряд других общих черт.

Соседи русских народностей

§82. Соседями русских на востоке и, частью, на севере и северо-западе являются различные турецкие и финские народности (т. е. народности, говорящие на турецких и финских языках), а на западе и юго-западе: а) балтийские народности — латыши и литовцы, б) славянские народности — поляки и словаки, в) мадьяры, принадлежащие к числу финских народностей, и г) румыны.

§83. Многие из восточных и северных соседей русских, говорящие на турецких и финских языках, под влиянием русских усваивают русский язык, и таким образом территория русского языка на востоке и на севере постепенно расширяется. Наоборот, на западе только литовцы и, отчасти, латыши до последнего времени подвергались подобному влиянию, и территория русского языка несколько расширялась за счет территории литовского языка, так что в числе западнорусских, именно белорусских говоров, есть такие, которые являются говорами

обелорусившихся литовцев; некоторые из таких говоров отличаются известными особенностями литовской фонетики, именно, произношением *к* вместо *х*: *карашо*, *калодная вада*. С образованием литовского и латышского государств взаимоотношение между балтийскими и русским языками должно было измениться. По соседству с польским и словацким языками замечается обратное явление: русский язык подвергается сильному влиянию польского и словацкого языков, которое должно было усилиться после того, как западная часть русской территории вошла в состав Польской и Чешско-Словацкой республик. Польское и словацкое влияние на западнорусские говоры состоит главным образом в усвоении отдельных слов польского и словацкого языков и, частью, в усвоении некоторых грамматических категорий.

Деление русской языковой группы

§84. Русская языковая группа в настоящее время распадается на три русские языка: великорусский, белорусский и малорусский²¹. Эти языки, в свою очередь, не являются однородными, распадаясь на наречия и говоры. Наиболее резко такая неоднородность выражена в великорусском языке, распадающемся на два значительно отличающихся одно от другого наречия: северновеликорусское и южновеликорусское. Белорусский язык также распадается на наречия севернобелорусское и южнобелорусское; впрочем, разница между севернобелорусским и южнобелорусским наречиями выражена не так резко, как разница между наречиями великорусского языка. Что касается малорусского языка, то большая часть его отличается однородностью, хотя по некоторым признакам и может быть разделена на наречия восточнoукраинское, западнoукраинское и галицкое, и только на севере малорусской территории так наз. северномалорусские, или полесские и подляшские, говоры и на крайнем западе, по обоим склонам Карпат, карпатские говоры довольно сильно отличаются по своему характеру от более или менее однородной массы украинских и галицких говоров.

²¹ Малорусский язык принято также называть украинским, так как большая часть территории, занятой малорусским языком, носит название Украины или Украйны. На украинском наречии малорусского языка говорит большая часть малоруссов, и это наречие легло в основу малорусского, или украинского, литературного языка.

§85. **Переходные говоры.** Между говорами названных выше языков и наречий благодаря взаимодействию между ними образовались переходные говоры, т. е. такие говоры, которые по своему происхождению или основе принадлежат одному наречию, но претерпели известные изменения под влиянием говоров другого наречия, сближающие их с этим последним, причем эти изменения носят закономерный характер. Такую закономерность лучше всего можно проследить на изменениях в звуковой стороне говоров, подвергшихся влиянию других говоров, т. е. переходным говором является такой говор, в котором заимствования из другого говора не ограничиваются отдельными, хотя бы и многочисленными, словами и частями слов, а изменяют в большей или меньшей степени самый звуковой строй такого говора. Так, говоры, переходные от северновеликорусских к белорусским и южновеликорусским, характеризуются между прочим усвоением заимствованной из белорусских или южновеликорусских говоров звуковой черты — аканья (см. §§ 92 и 93) во всех случаях, где встречаются безударные *o* и *a*, хотя бы самые слова с подобным произношением и не были заимствованы из белорусского или южновеликорусского. Получившиеся благодаря такому влиянию говоров другого наречия новые звуковые черты переходных говоров обыкновенно не вполне совпадают с теми звуковыми чертами говоров, служивших образцом, влиянием которых они вызваны. Так, аканье переходных говоров с северновеликорусской основой обыкновенно отличается от аканья белорусских и южновеликорусских говоров. Это объясняется тем, что звуковые черты переходных говоров, возникающие в подражание звуковым чертам других говоров, создаются при других условиях, на основе другого звукового строя, чем в говорах, служивших образцом для подражания.

§86. Из переходных говоров можно отметить следующие:

1. Широкою полосу переходных говоров на всем протяжении границы между северновеликорусским и южновеликорусским наречиями. Все эти говоры по своей основе северновеликорусские, подвергшиеся непосредственному или посредственному влиянию южновеликорусских говоров и усвоившие ряд черт, сближающих их с южновеликорусскими. Так как они и по своему характеру (по своим звуковым, грамматическим и словарным особенностям), и по географическому положению занимают середину между двумя наречиями великорусского языка, то их можно называть средневеликорусскими. Впрочем,

многие средневеликорусские говоры можно называть переходными только по отношению к прошлому. Таков, прежде всего, московский говор, или московское наречие; последнее при своем возникновении представляло говор переходный от северновеликорусского к южновеликорусскому, но затем обособилось от южновеликорусского влияния и само стало центром для тяготеющих к нему и изменяющихся под его влиянием великорусских говоров.

2. Переходные говоры между северновеликорусским и севернобелорусским наречиями. Эти говоры по своей основе северновеликорусские, претерпевшие известные изменения под влиянием белорусских. Значительная часть этих говоров, именно так наз. псковские говоры, могут быть названы переходными только по отношению к прошлому, так как переходный процесс закончился уже несколько веков тому назад. Остальные переходные говоры этой группы представляют изменения, явившиеся уже под влиянием не севернобелорусских, а псковских говоров.

3. Переходные говоры между севернобелорусским и южновеликорусским наречиями. Эти говоры по своей основе белорусские, изменившиеся под влиянием южновеликорусских говоров.

4. Переходные говоры между южнобелорусскими и северномалорусскими говорами. Эти говоры по своей основе северномалорусские, подвергшиеся влиянию южнобелорусских говоров.

5. Кое-где на границе южновеликорусского наречия с украинским — переходные говоры с малорусской (украинской) основой, подвергшиеся южновеликорусскому влиянию; таких говоров очень немного; на протяжении большей части границы между южновеликорусскими и украинскими говорами переходных говоров не отмечено.

§87. Особенности великорусского языка. Общими чертами всего великорусского языка являются следующие:

1. Из гласных звуков *o* и *e* древнейшей эпохи²² в закрытых слогах²³ вообще получились те же звуки, что и в открытых: *нос* и *носа*, *ось* и *оси*, *приход* и *прихода*, *озёр* и *озёра*, *семь* и *семеро*, с.-в.-р. *овца* и *овечка* (в обоих случаях *o*), южновеликор. *авца* и *авечка*. Ср. ниже § 230.

²² Т. е. эпохи, предшествовавшей образованию в.-р., б.-р. и м.-р. языков.

²³ Закрытые слоги — слоги, оканчивающиеся на согласный звук или *й*, открытые — оканчивающиеся на слоговой гласный звук.

2. Звуки древнейшей эпохи *e* и *ь* (если *ь* не выпадало)²⁴ перед твердыми согласными вообще перешли в *o* (пишется по большей части «ё») или «е»): *весёлый, берёза, тёмный, подённый, жёны* (ср. *веселье, березник, темь, день, женин*, где *e* и *ь* не перешли в *o*, потому что стоят перед мягкими согласными); без ударения такое *o* сохранилось в окающих с.-в.-р. говорах: *вёсна, нёсу, сёло, тёмно, играёт* и пр. и изменилось в других говорах. Ср. ниже §§ 217—218.

3. В соответствии с б.-р. и м.-р. *ы* и *и* перед *й* в в.-р. по большей части является *o* и *e*, а именно, в окончании им. ед. м. р. прилагательных: *злой, такой, большой, чей, сам-третьей*, с.-в.-р. *доброй, бедной*; в глаголах *мою* (= *мойу*), *моешь* (= *мойэши*), *вою, рою, крою, брею*, повелит. *мой, вой, рой, крой, брей, шей, пей, лей*; в таких словах, как *помойки, шея*.

4. Малорусским и белорусским *ры, ри, лы, ли* между согласными в в.-р. часто соответствуют сочетания *ро, ре, ло, ле* (в тех случаях, где в древнейшую эпоху были сочетания *рѣ, рь, лѣ, ль* с гласными звуками *ѣ* и *ь*): *дрова, крови, крошить, греметь, крестить, креста, глотать, блоха, яблоко, слеза, блестеть*.

5. Согласные звуки (кроме шипящих и *ц*) перед гласными *и, e* и перед тем *o*, которое произошло из старых *e* и *ь* (ср. п. 2) в громадном большинстве говоров мягки: *нить, тихо, нижний, десять, день, отец, вёсла, тётка, нёс*. Ср. ниже §§ 166—169.

6. В большей части в.-р. говоров сохранились старые сочетания согласных с *j*: *листья, платье, судья, коренья, веселье, налью, ночью, мышью*.

7. Сохранилось старое различие между *r* твердым и *r* мягким: *рад и ряд, грозна и грязна*.

8. Местн. ед. имен муж. и ср. р. и дат.-местн. имен ж. р. с основой на *г, к, х* оканчиваются на *-гѣ, -кѣ, -хѣ*: *в пирогѣ, в городкѣ, в ухѣ, ногѣ, рукѣ, сохѣ*.

9. В им. мн. многие существительные муж. р. и некоторые существительные ж. р. имеют окончание *a* с ударением на окончании: *городá, домá, мастерá, писаря́, учителя́, края́, старостá, зеленя́, податя́, пустошá* и пр.

Кроме названных особенностей в.-р. язык представляет ряд других отличий от б.-р. и м.-р. в произношении, грамматическом строе и словарном составе.

²⁴ О звуке *ь* см. ниже, § 131.

§88. Северновеликорусские особенности. Главными особенностями с.-в.-р. наречия, общими всем его говорам, являются следующие:

1. *Оканье*, т. е. сохранение старого различия между неударяемыми *о* и *а*, хотя бы и не во всех неударяемых слогах, причем старое *о* (получившееся не только из *о*, но из *ѵ*, *е*, *ь* древнейшей эпохи) произносится как *о*: *пойду, вода, жона, волна, блоха, вёсной, лёдок*, но: *зайду, давай, грязна* и пр.

2. Взрывное (мгновенное) *г*: *гофа, нога, другой* и пр., кроме немногих слов с *г* фрикативным.

3. *-т* твердое в окончании 3-го л. обоих чисел настоящего (и будущего) времени глаголов: *идёт, знает, стоит, ходит, несут, знают, сидят, носят*.

Кроме этих особенностей есть и другие, общие всем с.-в.-р. говорам.

§89. Особенности говоров с.-в.-р. наречия. С.-в.-р. наречие по своему составу неоднородно, и между говорами его существуют значительные различия. Назовем наиболее важные.

1. Старое *ѵ* (см. §§ 129, 130, 134) под ударением в одних (очень немногих) говорах произносится всегда как дифтонг *иэ*, в других — как *е* (реже *иэ*) перед твердыми и *и* перед мягкими (*хлеб, лето* или *хлиэб, лито*, но: *хлибец, на свити*), в третьих — всегда как *е*, и в части говоров — всегда как *и* (*хлиб, лито, мисец, вирить*).

Старое *ѵ* перед ударением перед твердыми в одних говорах произносится как *е* (*в лесу, петух*), в других — как *о* (*в лёсу, пётух*) и в части говоров (по большей части там же, где и ударяемое *ѵ* произносится как *и*) — как *и*; перед мягкими предударное *ѵ* в одних говорах произносится как *е*, в других — как *и*.

2. В некоторых восточных с.-в.-р. говорах ударяемое *о* старое (не из старого *ѵ*) при известных условиях (ср. ниже §231) произносится очень закрыто, близко к *у*, или как *уо*; в большей части с.-в.-р. говоров эта особенность или отсутствует, или не отмечена наблюдателями.

3. Звук *а* между мягкими неслоговыми звуками (обозначаемый обыкновенно буквою «я») под ударением в одних говорах изменился в *е*: *грэзь, петь, в шлепи, ейца* (но *грязный, пятый, шляпа*, где *а* перед твердыми согласными), в других сохраняется без изменения: *грязь, пять, в шляпе, яйца*.

4. Звуки *ц* и *ч* правильно различаются лишь в части с.-в.-р. говоров, в других говорах или они смешиваются (например, говорят: *церковь, отец*, но *цай, цистый, пецка*), или вместо обоих звуков произносится один звук, чаще всего *ц*: *церковь, отец, цай, цистый, пецка* и пр., но в части говоров *ч*: *курича, улица, яйчо, чистый, печка*, или звук, средний между *ц* и *ч*. При этом звук *ц* в части говоров произносится мягко: *отець, цяй, пецька* и пр., в остальных говорах твердо, наоборот, *ч* в части говоров, различающих *ц* и *ч*, произносится твердо: *чыстый, чэй*.

5. Звук *в* в конце слова и перед согласными в большей части с.-в.-р. говоров сохраняется как *в* губнозубное или изменился в *ф* (перед глухими и в конце слова не перед звонкими), но в части восточных говоров изменился в *у* неслоговое: *кроу, домоу, прауда, дауно* (*у* везде неслоговое). Такое же неслоговое *у* в тех же говорах произносится и вместо *л* твердого перед согласными и в конце слова: *воук, упау*.

6. Вместо *к* и *г* твердых после мягких неслоговых (т. е. после *й* и мягких согласных) в части восточных говоров с.-в.-р. наречия произносятся *к* и *г* мягкие: *хозейкя, Ванькя, конькём, цейкю, Ольгя* и пр.; в остальных говорах *к* и *г* твердые в этом положении сохраняются без изменения.

7. Твор. множ. во многих с.-в.-р. говорах оканчивается на *-м*, т. е. совпадает с дат. мн.: *с рукам, с ногам, с добрым людям, горючим слезам* и пр.; в некоторых говорах употребительны твор. мн. существительных на *-мы* или *-ма*, твор. мн. прилагательных на *-ма* и твор. мн. местоимений на *-мя* (примеры см. в § 402); в остальных говорах твор. множ. оканчивается на *-ми*, как и в литературном.

8. От глаголов I-го спряжения с основами на *г* и *к* во 2 и 3 ед. и 1 и 2 мн. в одних говорах сохраняются старые формы на *-чѣшь, -жѣшь, -чѣт, -жѣт* и пр.: *печѣшь, бережѣшь* и пр., в других вместо *ч, ж* являются *к, г* мягкие: *пекѣшь, пекѣт, берегѣшь, берегѣт*, в третьих (главным образом восточных) — *к, г* твердые: *пекош, берегош, могот, лягот, испеком* и пр.

9. От глаголов *дать* и *есть* в немногих северновеликорусских говорах употребляются формы 2 ед. *даси, ъси* (с ударением на конце); в большей части говоров 2 ед. от этих глаголов образуется так же, как и в литературном: *даш, ѣш*.

10. Окончание *-т* в 3 ед. глаголов 1-го спряжения и 3 мн. глаголов 2-го спряжения в одних говорах может отсутствовать: *несѣ, знае, сидя, любя* (но: *стоит, ходит, несут, знают*), в других говорах никогда не отпадает.

§90. Особенности, общие всему ю.-в.-р. наречию.

1. Аканье, т. е. совпадение безударных *a* и *o* в одном звуке. При этом в 1-м предударном слоге из *a* и *o* после твердых согласных по большей части бывает *a*, чем и вызвано название самого явления: *вады*, *дарить*, *тапор* и пр.

2. Совпадение безударных звуков, получившихся из ранее бывших звуков *e*, *ь*, *ѣ* и *a* («я») после мягких и шипящих в одном звуке: или *a* («я») или *e* или *и* и пр., смотря по говору и положению звука в слове: *вясной*, *сяло*, *вяду*, *цвяты* и пр., *вяла*, *дяла*, *пряла* в одних говорах, *вила*, *дила*, *прила* в других, *вела*, *дела*, *прела* в третьих, в *грязи*, *вяза*, *ни лянись* в одних говорах, в *грязи*, *визи*, *ни линись* в других и т. д.

3. Длительное (фрикативное) *г*: *нага*, *гости*.

4. Отсутствие смещения *ц* и *ч*: *чай*, *церковь* и пр.

5. Мягкое произношение *ч*: *чай*, *чистый*, *хачю*.

6. Твердое произношение *ц*: *цэрква*, *канцы*.

7. *ж* и *ш* долгие твердые на месте литературного *ж* долгого мягкого и *щ*: *дажжа*, *ежжу*, *ишшу*, *шшука*.

8. Отсутствие дзеканья.

9. Твор. мн. только на *-ми*: *с руками*, *с людьми*.

10. Род.-вин. личных и возвратного местоимений на *-е*: *мене*, *тебе*, *себе*.

11. 3 ед. и мн. глаголов на *-ть* (*т* мягкое): *идеть*, *знать*, *стоять*, *любить*, *дать*, *знать*, *стоять*, *любуют*; у глаголов 1-го спряжения, а при ударении па основе и у глаголов 2-го спряжения 3 ед. может быть и без *-ть*: *он иде*, *зная*, *читая*, *ходя*, *любя*.

Кроме того, ю.-в.-р. наречие в целом отличается от с.-в.-р. или части с.-в.-р. говоров и некоторыми другими чертами, между прочим характером и местом ударения, синтаксическим строем, словарным составом.

§91. Различия между ю.-в.-р. говорами.

1. По характеру аканья различаются: а) говоры с диссимилятивным аканьем, т. е. с произношением в 1-м предударном слоге *a* перед слогом с гласными *у*, *ы*, *и*, а также по большей части перед слогом с *o* и с *e* из старого *ѣ*, а перед слогом с гласными *a*, *e* и в некоторых случаях перед слогом с гласною *o* звука, отличного от *a* и несколько похожего на тот звук, который является вместо *o* и *a* в других неударяемых слогах: *въда*, *пънал*, *дъвай* и пр.; после плавных гласная в таком положении может отсутствовать: *галва*, *парсёнок*; б) говоры с недиссимилятивным

аканьем, т. е. с произношением *a* в 1-м предударном слоге независимо от гласной ударяемого слога: *вада, давай, садись, пайдём* и пр. Диссимилятивное аканье отмечено только кое-где в Курской г. Можно думать, что отсутствие указаний на диссимилятивное аканье в некоторых случаях объясняется неумением наблюдателей отличить гласный звук, являющийся в 1-м предударном слоге перед слогом с *a*, от звука *a*, являющегося в других случаях. Но несомненно также, что диссимилятивное аканье, бывшее раньше, во многих говорах утрачено.

2. В произношении гласных, явившихся из *e*, *ѣ* и *a* после мягких в 1-м предударном слоге, в ю.-в.-р. говорах различаются следующие типы:

а) *диссимилятивное яканье*, т. е. произношение гласных *и* или *e* в слоге перед слогом с ударяемым *a* и гласной *a* («я») перед слогом с ударяемыми гласными верхнего подъема: *вила, нисла, вилять* (или: *вела, несла, велять*), *бяфу, няси, цвяты*.

б) *сильное яканье*, т. е. произношение *a* («я») в 1-м предударном слоге независимо от характера гласного звука ударяемого слога: *вяла, нясла, вялять, бяфу, няси, цвяты, нясеш, сяло*.

в) *ассимилятивно-диссимилятивное яканье*, т. е. произношение *a* перед слогом с *a* и гласными верхнего подъема (*y*, *ы*, *и*) и гласных *e* или *и* перед слогом с гласными *e*, *o*: *вяла, нясла, вялять, бяфу, няси, цвяты, несеш, за селом, песок*.

г) *умеренное яканье*, т. е. произношение *a* («я») в положении перед твердыми согласными и звука *и* (реже *e* закрытого) перед мягкими неслоговыми звуками, независимо от характера гласного звука ударяемого слога: *вяла, нясла, бяфу, цвяты, за сялом, пясок, вилять, ниси, нисеш, бильё*.

д) *иканье*, т. е. произношение *и* или *e* закрытого во всех случаях: *вила, нисла, бифу, цвиты, сило, писок, вилять, ниси, нисеш*.

е) переходные от диссимилятивного к умеренному типы яканья, в которых диссимилятивность сохраняется только перед твердыми (тогда перед мягкими только *и*) или только перед мягкими (тогда перед твердыми только *a*).

По характеру произношения гласных звуков 1-го предударного слога перед слогом с гласными среднего подъема, обозначаемыми буквами «o» и «e», диссимилятивное яканье представляет следующие виды:

аа. *Задонский тип*: перед слогом с тем *o*, которое получилось из некогда бывшего гласного звука *ѣ*, а в отрицании и предлогах кро-

ме того перед слогом с тем старым *o*, которое в в.-р. говорах нигде не изменилось в *yo*, а также и перед слогом со звуками, получившимися из старых *e* и *ь*, произносится *e*, а перед слогом с тем старым *o*, которое в говорах изменяется в *yo*, и с тем *e* (или другими звуками), которое получилось из старого *ѣ*, произносится *a* («я»): *сяло, вясне, песок, за селом, ведешь, зелёный*.

бб. Обоянский тип: в тех случаях, где в говорах (аа) произносится звук *e*, здесь произносится *и*; в остальных случаях — *a* («я»): *сяло, вясне, песок, за силом, видишь, зилёный*.

вв. Суджанский тип: перед слогом с *o*, как из старого *o*, так и из старого *ь*, одинаково произносится *a*, а перед слогом с гласными *o*, *e* из старых *e*, *ь*, *ѣ* произносится *и*: *сяло, песок, за сялом, висне, видишь, зилёный*.

гг. Донской тип: перед слогом со всеми гласными среднего подъема произносится *и*: *сило, песок, за силом, висне, видишь, зилёный*.

Диссимильтивное и переходное аканье разных типов слышится главным образом в Курской и Орловской гг. и соседних с ними уездах Тульской и Воронежской гг., а также в Донских округах Донской обл., сильное — в Рязанской, Тамбовской, Воронежской, вост. части Тульской и северных округах Донской обл., ассимильтивно-диссимильтивное яканье отмечено в вост. уездах Рязанской г., в Лебедянском у. Тамбовской г. и Усть-Медведицком округе Донской обл.; точное распространение этого типа яканья и разграничение между ним и сильным яканьем на основании имеющегося материала сделать нельзя. Умеренное яканье является наиболее обычным типом произношения предударных гласных в южных уездах Московской г. и, кажется, большей части Тульской г. и кроме того встречается в говорах Рязанской, Тамбовской, Пензенской и др. губ. Иканье свойственно главным образом мещанским говорам, т. е. является чаще всего у жителей городов, у торговцев и т. п.; у обычного сельского населения редко.

3. Произношение *в* перед согласными и в конце слова. В говорах Орловской и Курской губ., в большей части Тульской г., кроме самых северных и восточных уездов, и в южных округах Донской обл. вместо *в* произносится *у*, которое является слоговым в начале слова и неслоговым после гласных: *у хату, удова, у поли, деука, голоука, годоу, кфоу, любоу*; в остальных говорах *в* в этом положении звучит как *в* губнозубное перед звонкими и *ѣ* в конце слова и перед глухими.

4. Произношение *к* после мягких неслоговых звуков. В большинстве говоров такое *к* непременно мягко: *хозяйка, чайкю, Ванья, Володька, кулька, уточья, с огонькём* и пр. В тех ю.-в.-р. говорах, где существует произношение твердого *к* после мягких (в Московской и в части Тульской, Тамбовской и Пензенской гг.), оно, по-видимому, объясняется московским влиянием.

5. В некоторых говорах сохранилось различие между двумя видами ударяемого *о*: именно, старое *о* в известных случаях произносится похоже на *уо* (см. выше § 89.2 и ниже §§ 157а, 226, 231). Такое произношение отмечено между прочим в Задонском и Землянском уездах Воронежской г., Михайловском у. Рязанской г., Елецком у. Орловской г. и кое-где в Курской г.

6. В окончании род. ед. муж. и ср. р. местоимений и прилагательных в одних говорах является *г* (фрикативное): *каго, чаго, яго, злога, синига* и пр., в других — *в*: *каво, чаво, яво, злова, синива* и пр.

7. Вместо *ф* в значительной части говоров слышится *хв* или *х*: *Хвёдар, Хвилит, хванарь, Хама* и пр.

Есть и другие различия между ю.-в.-р. говорами.

§92. Особенности ср.-в.-р. говоров. Главнейшими особенностями ср.-в.-р. говоров, т. е. переходных говоров с с.-в.-р. основой и ю.-в.-р. наслоением, являются следующие.

1. Аканье недиссимилятивное.

2. Произношение предударных гласных, соответствующих орфографическим «е», «я», различное. В большей части говоров эти звуки совпали в одном звуке. По качеству этого звука в 1-м предударном слоге можно различать следующие виды произношения.

Еканье, т. е. произношение в этом слоге звука *е* (не *ё*): *село, река, питак, гледи* (в Коломенском у. Московской г., Егорьевском у. Рязанской г., в Ардатовском и Арзамасском уездах Нижегородской г. и др.).

Иканье, т. е. произношение *и* или *е* очень закрытого, близкого к *и*: *сило, рика, питак, гледи* т. п.; свойственно сильно отличающимся друг от друга по другим чертам а) московскому, так назыв. литературному, языку образованного общества, б) говорам частей Псковской и Новгородской гг., в) говорам ю.-в. уездов Нижегородской и части Симбирской гг., а также и другим говорам.

Яканье: *ассимилятивное*, т. е. произношение *а* («я») только перед слогом с ударяемым *а*, а перед слогом с другими согласными *и* или *е*, по

крайней мере, перед мягкими гласными: *вялят, тябя, мянать, зятья, бяда*, но *вилиш, тебе, сминил, пити, мишечик, в биде*; перед твердыми: *биды* и *бяды, нису* и *нясу*; распространено главным образом в юго-западных уездах Тверской и с.-з. уездах Московской г.

Яканье умеренное (объяснено выше, § 91.2 г) распространено в части Псковской г., большей части Московской г., в Нижнем Поволжье и др. местах.

Яканье сильное (объяснено выше, § 91.2 б) распространено главным образом в средневеликорусских говорах Рязанской и Тамбовской гг.

В некоторых (очень немногих) средневеликорусских говорах, усвоивших аканье сравнительно недавно, продолжает сохраняться различие между предупредными звуками, соответствующими орфографическим «е» и «я»: иногда сохраняется предупредное *a* после мягких, а в соответствии с орфографическим «е» произносится *и* или *e* или разные звуки в зависимости от положения: *пятак, десяти*, но *велят, менять, делить, село, река* и т. п.; иногда различаются предупредные звуки, восходящие к старым *e* (или *ь*) и *ѣ*; например, говорят: *тепло, весна* и т. п., но *бида, писок* и т. п.

3. В говорах Рязанской и Костромской гг. отмечено произношение старого *o* в известных случаях как *yo* или похоже на *y* (ср. выше § 89.2 и 91.5); в других средневеликорусских говорах подобного произношения, по-видимому, нет.

4. На месте старого ударяемого *ѣ* в большинстве говоров произносится *e*; в части Костромской г. в этих случаях встречается произношение *и* (*мифить, вирить*), а в части Рязанской г. (редко) — *иэ*: *хлиэб*.

5. *a* между мягкими («я») в большинстве говоров не перешло в *e*: *грязь, пряник, стоять*, но кое-где произносят и *e*: *грэзь, преник, стоеть*.

6. Звук *в* в большинстве говоров не заменяется через *y*, а в конце слов и перед глухими произносится как *ф*; только в части Касимовского и Спасского уездов Рязанской г. и в Костромской г. встречается произношение *с* у слоговым в начале слова и *y* неслоговым после гласных вместо *в*: *унук, деука, кофру*.

7. Звук *г* взрывной почти везде.

8. Звуки *ц* и *ч* различаются этимологически правильно в средневеликорусских говорах Псковской, Новгородской и западной части Московской гг., а также в некоторых поволжских говорах; в других говорах (например, в восточной части Московской г., в ср.-в.-р. говорах

Владимирской, Рязанской, Тамбовской гг. и части Поволжья) на месте этимологических *ц* и *ч* является один звук, по большей части *ц* твердое, реже *ц* мягкое или шепелеватый звук, средний между *ц* и *ч*; в части говоров, различающих *ц* и *ч*, звук *ч* твердый (*молчы, чыстый*), в других, наоборот, очень мягкий, близкий к московскому *щ* (но отличающийся от него между прочим краткостью) или шепелеватый (само *ц* в таких говорах твердо).

9. *щ* и соответствующее звонкое сочетание звуков произносится в разных говорах различно: как *ш, ж* долгие твердые, как *ш, ж* долгие мягкие, как *шч, ждж* мягкие, как *с, з* долгие мягкие шепелеватые.

10. В некоторых говорах встречается шепелеватое произношение мягких *з, с* (т. е. вместо них произносятся звуки, средние между *з, с* мягкими и *ж, ш* мягкими).

11. В некоторых говорах (в Новгородской, Тверской, зап. части Московской г. и Касимовском у. Рязанской г.) отмечено дзеканье: *дзядзя, пайдаём, цябя* и пр.

12. В вост. части Московской г. и ср.-в.-р. говорах Владимирской, Рязанской и Нижегородской гг. встречается произношение *с, г, х* мягкими вместо твердых после мягких неслоговых звуков: *Ванькя* и т. п.; на западе ср.-в.-р. территории такое произношение неизвестно.

13. Конечные мягкие губные отвердели в части ср.-в.-р. говоров Новгородской, Тверской и зап. части Московской г.: *сем, голуб, кфов*; в остальных говорах губные в этих случаях мягки.

14. В акающих говорах Новгородской и части Тверской г. встречается произношение *с н* долгим вместо *дн*: *анна* (одна) и пр.

15. Твор. мн. в большей, по-видимому, части говоров оканчивается на *-ми*, в меньшей — на *-м*, т. е. совпадает с дат.

16. В окончании 3-го л. обоих чисел глаголов *-т* твердо на севере ср.-в.-р. территории и в большей части Поволжья и мягко на юге (кроме Поволжья).

Различия между ср.-в.-р. говорами вызваны частью различным характером ю.-в.-р. говоров, влиявших на изменение с.-в.-р. основы, частью — различиями в самой с.-в.-р. основе этих говоров. К различиям первого рода принадлежит, может быть, различие между сильным яканьем на востоке и несильным на западе, к различиям второго рода — различия, указанные в пп. 3, 4, 5, 6, 8, 9—11, 12, 13, 14 и др.

§92а. С.-в.-р. говоры с намечающейся переходностью. В некоторых с.-в.-р. говорах оканье заменено аканьем лишь отчасти, т. е. только при тех или других звуковых условиях, сохраняясь в остальных случаях. Быть может, ю.-в.-р. влиянием (непосредственно или через посредство переходных говоров) объясняется во многих с.-в.-р. говорах совпадение безударных *o* и *a* не в 1-м предударном слоге: *зълотой* и *зъ тобой*, *стѣрику* и *дѣведу*, *выдѣла* и *вѣтъчка*. В части с.-в.-р. говоров безударное *o* сохранилось только после твердых согласных, а после мягких перешло в *e*; т. е. вместо *вѣсна*, *сѣло*, *нѣсу* теперь говорят: *весна*, *село*, *несу*. В некоторых говорах при сохранении оканья после твердых согласных (*вода* и пр.) появляется яканье после мягких: *вясна*, *дья* и пр. Наоборот, есть говоры, в которых при аканье после твердых согласных (*вада*) сохраняется *o* после мягких (*вѣсна*). Наконец, можно заметить, что вытеснение *o* безударного после твердых и замена его звуком *a* происходит постепенно, при одних звуковых условиях раньше, чем при других. Так, в говоре Петровской вол. Егорьевского у. Рязанской губ. предударное *o* систематически заменяется звуком *a* только перед слогом с ударяемым *a*.

§93. Особенности переходных говоров от с.-в.-р. к б.-р.

1. Аканье недиссимилятивное.

2. Яканье сильное.

3. *ы*, как в б.-р., в соответствии с великорусским *o* или *e* перед *й* в таких словах, как *мыю* (1 ед.), *мый повел.*, *крыю*, *крый*, *шыю* (шью), *шый повел.*, в им. ед. муж. р. прилаг.: *злый*, *худый* и пр., в словах: *шыя*, *помыйки*. Впрочем, чаще в этих случаях произносятся *o* и *e* по-великорусски.

4. Звук *г* взрывной: *город*, *нога*.

5. Вместо *в* в конце слога может являться *у* неслоговое; наоборот, вместо *у* в начале слова нередко проносится *в*, а перед глухими согласными *ф*: *в меня*, *ф тебя*, *врожай* (т. е. *у меня*, *у тебя*, *урожай*).

6. В большей части говоров на месте орфографических «ц» и «ч» произносится один звук: *ц* твердое в одних говорах, *ц* твердое шепелеватое (среднее между *ц* и *ч*) в других, *ц* мягкое или шепелеватый звук, близкий к *т* мягкому, в третьих. В остальных говорах существуют оба звука, причем *ч* часто произносится твердо, как и *ц*. Надо думать, что и в этих говорах раньше на месте *ц* и *ч* был один звук.

7. В некоторых говорах этой группы является дзеканье, т. е. произносятся мягкие аффрикаты *дз, ц* вместо мягких *д, т*: *дзеци, цихо, дзет, ацец*.

8. В части говоров Псковской г. вместо мягких свистящих *з, с*, а также, в дзекающих говорах, *дз, ц* (из *д, т* мягких) произносятся шепелеватые звуки, близкие к *жс, шс, джс, ч* мягким, или же шипящие *жс, шс, джс, ч* мягкие.

9. Вместо *дн* обычно произносится *н* долгое: *онна*.

10. Встречаются неупотребительные в других великорусских говорах формы имен. мн.: *города, леса, береги*, хотя употребляют и формы: *города, леса, берега*.

11. Твор. мн. оканчивается на *-м*, совпадая с дат. мн.: *за грибам, с вам, с хорошим людям*.

12. 3 л. ед. и мн. ч. глаголов оканчивается обычно на *-ть* (*т* мягкое); окончание *-т* (твердое) встречается редко; в ед. ч. глаголов 1-го спряжения *-ть* может отпадать (не везде): *несеть* или *несе* и пр.

Из указанных черт на северновеликорусскую основу указывают пункты 4, 6, 8, 9, 11, белорусское же наслоение сказывается в пп. 1, 2, 3, 5, 7, 10, 12; впрочем, характер аканья и яканья этих говоров, отличный от характера аканья и яканья в соседних б.-р. говорах, уже этим самым указывает на переходность.

§94. Особенности б.-р. языка:

1. Аканье в широком смысле, т. е. совпадение безударных звуков, соответствующих орфографическим «о» и «а», и совпадение безударных звуков, соответствующих орфографическим «е» и «я».

2. *ы* (иногда *э*), *и* перед *й* или *ј* в ряде случаев, где в в.-р. *о, е*: а) в имен. ед. муж. р. прилагат.— *злый, худый* и *худый, який* и *якей*; б) в глагольных формах: повел. *мой, крый, вый, шый* и пр., 1 ед. *мью, крью, выю, шью* и пр., повел. *пий, лий, вий* и пр.; в) в словах: *шыя, помыйки* (= шея, помойки) и т. п.; г) в таких сложениях, как *отыйти, подыйти* и пр.

3. *о* из *е* ударяемого перед твердыми: *сёла, ишов*.

4. Мягкость согласных перед *е, и*: *нива, низкий, несьц*.

5. Сочетания *ры (ри), лы, ли* в соответствии с в.-р. *ро, ре, ло, ле* между согласными в таких словах, как *крышить, проглынул, криви, блищить* и др.

6. *у* редуцированное в начале слова перед согласной вместо *в*: *унук, улес*. После гласной такое *у* становится неслоговым: *за ўнуком*.

7. *ў* неслоговое перед согласными и в конце слова вместо *в* и *л* после гласных: *дереўня, попоў, воўк, тий, пайшоў*; впрочем, в существ. и прилаг. на *-л* и перед суфф.-ка обычно *л* сохраняется: *гол, стол, палка*.

8. Начальные *у* и *и* без ударения перед согласной редуцированы, а после слов, оканчивающихся на гласный звук, становятся неслоговыми: *ўнук, ўже, ўзнав, "голка, "грать*; за *ўнуком, не ўзнав, пыйграць, за йголкой*; такое редуцированное *и* может и совсем утрачиваться: *голка, грать*, предлог *з*.

9. Мягкие губные в конце слов и перед *ј* отвердели: *сем, голуб, кроў, сыт, семью, бью, пью* и пр.

10. *г* звучит как гортанное придыхание, обычно, не перед звонкими и сонорными, глухое: *нога, шрать*.

11. Дзеканье, т. е. произношение мягких свистящих аффрикат *дз, ц* вместо мягких *д, т*: *дзечи, дзет, цёмны*.

12. Долгие мягкие зубные и шипящие в соответствии с в.-р. сочетаниями мягких зубных и шипящих с *ј*: *платьте* (точнее: *плацьце*), *судьдя* (точнее: *судьдзя*), *брусья, Илля, вяселля, клочча, божжа*.

Сочетания *р* и губных с *ј* обыкновенно сохраняются: *перья, рыба, семья, кровью*, но в некоторых говорах и в этих случаях произносятся долгие *р* и губные: *перра, рыба, семмя, кровью*.

13. *р* твердое в соответствии с в.-р. *р* мягким: *рад, гразь, куру, бяроза, гарыть, рэзать*.

14. Твердость всех шипящих, в том числе *ч, щ* и соответствующих им звонких: *жыву, чыстый* и пр.

15. Произношение *щ* как *шч* твердое: *шчы, шчука*; соответствующее звонкое сочетание произносится как *ждж* твердое: *вожджы, ежджаць*. Диалектически известно и произношение с *ш, ж* долгими твердыми: *ишчука, вожджы*.

16. *ц* твердое: *цаф, цэп* и пр.; но *ц, дз* на месте *т, д* мягких произносятся мягко: *дзечи, жыць, дзядзя*.

17. Сохранение *к* твердого после мягких неслоговых звуков: *хозяйка, полька, каньком* и пр.

18. Свистящие перед падежными окончаниями местного и дат.-местн. на *-е* у основ на задненебные: *на лавце, на назе, на сасе, на пароде* и пр.

19. Сохранение старых звательных форм на *-е, -у*: *челавече, волче, куме, брате, сынку* и пр.

20. Отсутствие имен. мн. на *-а* от имен несреднего рода: *городаы, домаы, лесаы*.

21. Формы местоимений: род.-вин.— *мене, тебе, себе*, дат.-местн.— *табе, сабе*.

22. Звук *z* (*h*) в окончании род. ед. муж. и ср. р. местоимений и прилагательных: *то́га, ничо́га, злога, доброга*.

23. *т* (или *ц*) мягкое (*-ть, -ць*) в 3 л. обоих чисел глаголов. Диалектически эта форма встречается и без окончания *-ть* (только у глаголов 1-го спряжения и у глаголов с ударением на основе в ед. ч.).

24. Шипящие перед окончанием повелит. наклонения у глаголов с основой на заднебные: *пячы, помажы* и др.

25. Имен. множ. существительных при имен. числительных *два, три, четыре*: *два стады, три паны, чатыры мужики*.

26. Формы вин. множ. от названий животных (не лиц) совпадают с имен. множ., а не родит.: *есть раки, доить коровы, закладать кони*.

27. Предлог *з* вместо предлогов *с* и *из*.

28. Вопросительная частица *ти*.

Кроме того, б.-р. язык отличается от в.-р. и отчасти м.-р. известными особенностями в интонации, ударении и словаре.

§95. Деление б.-р. языка. Б.-р. язык распадается на два наречия: северо-восточное и юго-западное. Первое сближается по некоторым чертам с в.-р. языком, причем эта близость увеличивается от того, что значительная часть северо-восточных б.-р. говоров подверглась вторичному влиянию со стороны ю.-в.-р. наречия. Юго-западное б.-р. наречие, с своей стороны, представляет черты, сближающие его с с.-м.-р. наречием м.-р. языка.

§96. Различия между наречиями б.-р. языка. Главнейшие различия между северо-восточным и юго-западным наречиями б.-р. языка следующие.

1. *Аканье* в ю.-з. наречии недиссимилятивное; в с.-в. диссимилятивное, несколько отличное от диссимилятивного аканья ю.-в.-р. говоров: на месте орфографических *а* и *о* после твердых согласных в 1-м предупредительном слоге произносятся звуки, отличные от *а*, по качеству частью средние между *а* и *ы*, частью округленные, близкие к *о*, только перед слогом с ударяемым *а*; перед слогом со всеми другими гласными в 1-м предупредительном слоге *а* чистое: *взда, вады, ваде, даеть, гогадок* и пр.; глас-

ный звук, являющийся перед слогом с ударяемым *a*, в восточных говорах этого наречия близок к *ы* и, может быть, даже совпадает с *ы*, в западных, наоборот, звучит очень открыто и, может быть, частью перешел в *a*.

2. *Яканье* в ю.-з. наречии сильное, в с.-в.—диссимилятивное. Белорусское диссимилятивное яканье в большинстве с.-в. б.-р. говоров отличается от диссимилятивного яканья ю.-в.-р. говоров; именно, здесь в 1-м предударном слоге произносится *и* на месте орфографических *e*, *я* только перед слогом с *a*; перед слогом с другими ударяемыми гласными произносится *a*: *вяду*, *вядзеш*, *бярэш*, *бяром*, *сяло*, *пясок* и пр., но *вила*, *з сила* и пр.; поэтому такой тип яканья можно назвать белорусским. Но в части говоров Витебской, Смоленской и Калужской губ., принадлежащих к сев.-вост. б.-р. наречию, является и яканье, сходное с ю.-в.-р. яканьем Суджанского типа (см. выше § 91.2 вв).

В некоторых западных б.-р. говорах бывшей Гродненской и самых западных уездов Минской губ. (в теперешней Польше) отмечено еканье.

3. В ю.-з. б.-р. говорах имеется ряд черт, сближающих ю.-з. б.-р. наречие с м.-р. языком и отсутствующих в сев.-вост. б.-р. говорах. Таковы:

а. дифтонги (только под ударением) в соответствии с с.-м.-р. дифтонгами, ю.-м.-р. *i*.

б. имен. множ. на *-ѣ* (т. е. *e* в одних говорах и *иэ* в других): *рубле*, *жанце*, *дзявке*, *панэ*, *сталэ* или *рублизэ*, *жанцыэзэ*, *дзявкиэзэ*, *паньэзэ*, *стальэзэ*.

в. Именит. на *-ѣ* от существительных женского и ср. р. при числит. *двѣ*: *дзве рuce*, *дзве сяле* и пр.

г. 1 мн. наст. вр. и повелит. накл. на *-мо* (рядом с формами на *-м*): *идемо*, *даймо*.

д. 1 и 2 мн. повелит. на *-ѣм*, *-ѣте*: *бярэм*, *бярэця*, *нясем*, *нясеця* или *бярыэм*, *нясиэм*, *бярыэця*, *нясиэця* и пр.

е. Будущее сложное с *-иму*: *рабицьму*, *нясцимеш* и пр. (рядом с образованиями с *буду*), и др.

4. Окончание *-ть* (*-ць*) в 3 ед. наст. вр. глаголов 1-го спряж. и глаголов с ударением на основе отсутствует в ю.-з. наречии: *бярэ*, *нясе*, *зная*, *ходзя* и никогда не отпадает в сев.-вост. наречии: *нясець*, *знаиць*, *ходзиць*.

5. Окончание *-те* (*-це*) во 2 мн., если на него падает ударение, в ю.-з. наречии произносится со звуком *e*: *идзице*, *стайце*, *спице*, *дасце*, *ясце*, в сев.-вост.—со звуком *o*: *спице*, *дасце*, *ясце*.

6. Форма 3 ед. наст. врем. глагола *быть* в ю.-з. наречии произносится со звуком *e*: *есць*, *есь* или *e*, в сев.-вост.—со звуком *o*: *ёсць*, *ёсь*.

7. В 1 мн. наст. вр. у глаголов с основами на твердые согласные перед окончанием *-ом* в ю.-з. наречии произносятся те же твердые согласные: *идом, нясом, пяком* и пр., в сев.-вост.—согласные мягкие или шипящие: *идзём, нясём, пячом*.

В говорах северной части Витебской г. встречается цоканье.

§97. Переходные б.-р. говоры с ю.-в.-р. наслоением. Часть сев.-вост. б.-р. говоров подверглась ю.-в.-р. влиянию и образовала переходные говоры от б.-р. к ю.-в.-р. Признаками переходности этих говоров служат, между прочим, следующие черты.

1. Отсутствие дзеканья.

2. Произношение задненебного фрикативного звонкого звука вместо придыхания.

3. Наличие *р* мягкого, причем в некоторых из этих говоров *р* мягкое и твердое смешиваются: *бура, старяться, граница, грязь* и пр.

4. Мягкое *ч*: *чистый, хачю* и пр.

5. Долгие *ж* и *ш* в соответствии с *ждж* и *шч* чистых б.-р. говоров: *ежжу, пушшу* и пр.

6. Утрата у неслогового из *л*: *волк, зайшол* и пр.

7. Сочетания мягких зубных с *ј*: *свинья, платья* и пр.

8. Падежные формы на *-ге, -ке, -хе*: *наге, руке, сахе* и пр.

9. Именит. ед. прилаг. на *-ой*: *злой, худой* и пр.

10. *в* в род. ед. прилагат.: *злова* и пр.

11. Именит. мн. от имен муж. р. на *-а*: *города* и пр. Количество таких черт возрастает по направлению к востоку и убывает к западу. По-видимому, как переходные следует рассматривать и некоторые из тех говоров со смягчением *к* после мягких неслоговых, в которых *к* не смягчается после *ч*: *хозяйкя, деревенькя* и пр., но *дочка* и т. п.; отсутствие смягчения *к* после *ч* может указывать на то, что *ч*, которое теперь звучит в таких говорах мягко, раньше было твердым.

Малорусский язык

§98. Малорусские особенности. Главнейшие черты, общие всем чистым м.-р. говорам, следующие²⁵.

²⁵ Во всех м.-р. примерах орфография малорусская (украинская). О ней см. Приложение I.

1. На месте старых *o* и *e* в новых закрытых слогах²⁶ являются не те звуки, какие в открытых слогах: *нуос*, *нус* или *ніс*, *принюос*, *принюс* или *приніс*, *пієч* или *піч*, но: *носа*, *принесла*, *печи*. Что касается *o* и *e* не старых, а из бывших некогда *ъ* и *ь* (см. § 131), то такие *o* и *e* в новых закрытых слогах сохраняются: *сон*, *день* и пр. (из старых *сънь*, *дьнь*).

2. *e* (старое и из *ь*) перед старыми твердыми согласными последовательно перешло в *o* только после шипящих, как под ударением, так и без ударения: *шовк*, *жовтий*, *жонатий*, *чорний*, *чоловік*.

3. В соответствии с в.-р. *o* и *e* перед *й* является *и* в им. ед. муж. р. прилагательных: *добрий*, *такий*, *дурний* (или: *добри*, *таки*, *дурни*), в глаголах: *мию*, *рию*, *вию*, *крию* и пр., повелит. *мий*, *рий*, *вий*, *кий*, *пий*, *ший*, в существ. *шия*, *помийки*.

4. В соответствии с в.-р. *fo*, *fe*, *lo*, *le* между согласными из старых *рѣ*, *рѣь*, *лѣ*, *лѣь* в открытом слоге могут являться *ри*, *ли*: *кривавий*, *гриміти*, *глитати*, *слиза*, а в карпатских говорах также *иф*, ил: *кирвавий*, *силза*.

5. *v* не перед гласными в начале слова может переходить в *у* редуцированное, а после гласных в *у* неслоговое: *удова*, *праўда*, *воліў*.

6. *л* твердое перед согласными и в муж. р. прош. врем. глаголов перешло в *у* неслоговое или в *v*: *дав*, *вовк*.

7. *г* произносится как гортанное придыхание.

8. Все согласные перед *e* тверды.

9. В.-р. сочетаниям шипящих и мягких зубных с *j* соответствуют долгие (в одних говорах) или краткие (в других говорах) шипящие и мягкие зубные: *життя*, *колосся*, *весілля*, *ніччу* (ночью) или *житя*, *колося*, *весіля* и пр.

10. *щ* и соответствующее звонкое сочетание звуков произносятся как *шч* и *ждж*, по твердости или мягкости однородные с остальными шипящими звуками.

11. *ц* вообще мягко, но перед *e*, *и* отвердело: *криниця*, *криницю*, но: *отцеві* и пр.

12. Сохранились формы на *-зі*, *-ці*, *-сі* от имен с основами на *г*, *к*, *х*: *на дорозі*, *в лузі*, *жінці* (жене), *в кожусі*.

13. В именит. мн. не только местоимений, но и существительных с основами на мягкие согласные обычно окончание *-ѣ* (т. е. *-іє* в некото-

²⁶ Т. е. таких, которые получились вследствие выпадения гласных *ъ* и *ь* в следующем слоге.

рых с.-м.-р. и *-i* в остальных говорах): с.-м.-р. *коніе, гостіе*, ю.-м.-р. *мої, коні, гості*.

14. Отсутствует именит. мн. на *-а* от имен не среднего рода.

15. В род. ед. прилаг. и местоимений муж. и ср. р.— окончание *-ого*: *кого, доброго, всего*.

16. Окончание *-ть* или *-т* в 3 ед. глаголов 1-го спряжения отсутствует: *несе, знае, співає*, или *зна, співа* (но *хвалить, сидить, несуть, знають, мовчать* и т. п.).

17. В повелит. накл. глаголов с основами на *з, к* являются перед окончаниями шипящие *ж, ч*: *стережи, печи, стережіть, печіть*.

18. Форма 1 мн. повелит. накл. отличается от 1 мн. наст. или буд. вр.: 1 мн. наст. или буд. вр.: *беремо, станемо, пишемо, носимо*, 1 мн. повелит. накл.: *берім, станьмо, пишім, носім*.

§99. Деление м.-р. говоров. Большую часть м.-р. территории занимают южnomалорусские говоры, характеризующиеся тем, что в них старые *о, е* в новых закрытых слогах, как и старое *ѣ*, перешли в *і*: *кінь, віз, ніс, пік, ліг, піч, сім, сіно, на руці* (= конь, воз и вез, нос и нес, пек, лег, печь, семь, сено, на руке), а старые *ы, и* совпали в одном звуке, среднем между *ы* и *и*: *син, синий, дим, низ* и пр. (сын, синий, дым, низ). За исключением этих говоров остаются на севере м.-р. территории северномалорусские говоры, в которых на месте старых *о, е* в новых закрытых слогах являются или дифтонги, или гласные звуки, отличные от *і*, причем в тех говорах, в которых известны дифтонги, на месте старого *ѣ* тоже является дифтонг *іе*, а старые *ы, и* частью совпали в одном звуке, частью различаются, а на крайнем западе, по обоим склонам Карпат,—карпатские говоры, в которых *ы, и* различаются (*сын, дым*, но *синий, дивиться*), а из старых *о, е* в новых закрытых слогах частью является *і* (в большей части прикарпатских говоров на польском склоне Карпат), частью другие звуки (главным образом в закарпатских говорах, в пределах Чешско-Словацкой республики): *нус, нюс* (= нос, нес и др.). Южnomалорусская группа в свою очередь делится на восточноукраинские, западноукраинские, галицкие и гуцульские (в Карпатах) говоры; среди северномалорусских различают восточнополесские, западнополесские и подляшские говоры, а на Карпатах—говоры восточной группы (бойков, верховинцев, замшанцев и др.), и говоры западной группы, или руснацкие (лемков и лемаков).

§100. Различия между м.-р. говорами. Главные различия между южномалорусскими, северномалорусскими и карпатскими говорами указаны в § 99. Из остальных различий отметим следующие.

1. Звонкие шумные (*б, д, ж, з*, отчасти *в*) в конце слова и перед глухими сохраняют свою звонкость в украинских и с.-м.-р. говорах и перешли в глухие в остальных.

2. В таких словах, как *зілля, каміння, свиння, суддя, життя* и пр., в вост.-укр. и части с.-м.-р. являются долгие мягкие согласные, а в остальных говорах краткие: *зіля, каміня, життя* или *зіле, каміне, житє, свиня, судя* и пр.

3. Мягкое *р* в большей части с.-м.-р. и зап.-укр. говоров отвердело, в остальных говорах сохранилось.

4. Конечное *ц* в части м.-р. говоров (в галицких, гуцульских, части карпатских и с.-м.-р. и некот. др.) отвердело: *отец, місяц*; в остальных говорах мягко. Не в конце слова (не перед *е, и*) *ц* отвердело только в гуцульских говорах.

5. *-т* в окончании 3 л. глаголов мягко в вост.-укр., закарпатских и части с.-м.-р. говоров и твердо в остальных: *ходить, несуть* и *ходит, несут*.

6. *а* после мягких (буква «я») и шипящих под ударением в части с.-м.-р., зап.-укр. и галицких говоров и у гуцулов изменилось в *є* или *и*: *п'ять, мнєсо, сєду* и пр. или *йивір, взьити, тьшико, тельята, земльи* (им. ед.), *жьжилібно*, в остальных говорах сохраняются: *п'ять, мнясо, сяду, явір, взяти, тяжко, телята, земля, жалібно*.

7. Все шипящие (*ж, ш, ч, дж, ждж, шч*), кроме некоторых особых случаев²⁷, в большинстве м.-р. говоров тверды, кроме гуцульских и части с.-м.-р. говоров, в которых все шипящие произносятся мягко: гуцул. *жєба, жьжилібно, чьис*, с.-м.-р. *жяба, вінчяти, жіто*.

8. Вместо *и* в гуцульских и некоторых с.-м.-р., зап.-укр. и гал. говорах под ударением произносят *е*: *ходети, бєстфий, спєш*.

9. Вместо неударяемого *о* в части с.-м.-р., зап.-укр. и галицких говоров произносят *у*: *убід, муї, забуліла, ду вугню, мулуді, чулувік*.

10. Мягкие *т* и *д* в гуцульских и закарпатских говорах и части галицких говоров обыкновенно заменяются *к* и *г* взрывным мягкими: *кішко, хоків, залєків, сигєт, гідо, вигів* (= укр. *тяжко, хотів, залєтів, сидять, дідо, видів*; буква *г* во всех примерах обозначает *г* взрывное).

²⁷ Например, перед *і*: *душі, гроші, шість, жінка, мовчить* и в 3 мн. глаголов 2 спр.: *біжать, сушать, мовчать*.

11. В инфинитиве и прош. вр. глаголов *быть* и *бывать* в большей части м.-р. говоров, кроме части карпатских говоров, вместо *ы* является *у*: *бути, був, була, бувати, бував* и пр.; в части карпатских говоров, у так наз. «былаков», сохраняется *ы*: *быти, быв, была* и пр.

§101. Так называемые «руснацкие» говоры на крайнем западе м.-р. территории (говоры лемков и лемаков) отличаются от остальных м.-р. говоров, кроме того, следующими чертами:

1. Ударение в этих говорах всегда на предпоследнем слоге: *вóда, мо-лòдвий* и пр., кроме тех слов, где оно оказалось на последнем слоге вследствие стяжения: *бесидé, годé, онé* (= бесидуе, годуе, оное).

2. Из некогда бывших сочетаний *рѣ, рь, лѣ, ль* между согласными в открытых слогах получились сочетания с гласными перед плавной: *гырміти, хырбет, кырвавий, сызва* (гремять, хребет, кровавый, слеза).

§102. Г о в о р ы , п е р е х о д н ы е о т м.-р. к б.-р. На границе между с.-м.-р. и б.-р. говорами расположена полоса переходных говоров с с.-м.-р. основой, изменившихся под влиянием б.-р. говоров. Признаками переходности этих говоров служат следующие черты:

1. Аканье, часто неполное (например, в части таких говоров сохраняется старое различие между *а* и *о* после ударения).

2. *о* вместо *е* после мягких согласных перед твердыми согласными и в конце слова: *овёс, всё*.

3. Мягкие согласные в соответствии с м.-р. твердыми согласными перед *и* из старого *и*: *біти, тіхо* и пр., а в некоторых говорах также перед *о* из *е* (см. п. 2) и перед *е*; хотя в большей части таких переходных говоров твердые согласные перед *е* сохраняются.

4. Дзеканье; впрочем, повсеместно *дз, ц* мягкие вместо *д, т* мягких только после *з, с*: *розділити* и т. п.; в остальных положениях дзеканье распространено меньше.

Остальные черты переходных говоров с с.-м.-р. основой те же, что и в других с.-м.-р. говорах. Б.-р. черты переходных говоров убывают по направлению к области чистых с.-м.-р. говоров.

§103. Г о в о р ы , п е р е х о д н ы е о т ю.-м.-р. к ю.-в.-р. Такие говоры отмечены только кое-где на границе ю.-м.-р. с ю.-в.-р. и не тянутся по ней непрерывной полосой. Характерным признаком таких переходных говоров является аканье при твердом произношении согласных перед *е* и, частью, *и* и при м.-р. произношении *г* как придыхания.

§104. Польское и словацкое влияние на м.-р. говоры. Польское влияние сказывается на всем м.-р. языке, но состоит исключительно в наличии большего или меньшего количества заимствованных из польского языка слов; в западных м.-р. говорах это влияние отражается также на употреблении некоторых грамматических форм, по-видимому, заимствованных из польского, как, например, им. мн. от названий лиц муж. пола на *-ове*. Но в карпатских говорах польское и словацкое влияние отражается и на звуковом строе; особенно сильно такое влияние в руснацких говорах, где оно идет не от польского, а от словацкого языка, как показывают многочисленные заимствованные из словацкого языка слова с сочетаниями *ла, фа* вместо малорусских полногласных сочетаний: *младый, слама, драга, здравя* и др. Здесь словацким влиянием вызвано появление в известных случаях *ш* мягкого вместо *с*: *шьватый, зродитша, вше* (святой, родится, все), *ц* вместо *ч*: *овоц, миц, пец, уцтивый* (овощ, мощь, печь, учтивый), *ц* в окончании инфинитива: *спац, брац* и пр., формы I ед. глаг. на *-м*, I мн. на *-ме*.

Образование русских языков и наречий

§105. Состав в.-р. языка. Рассматривая особенности в.-р. языка и его наречий, мы можем заметить, что общие черты в.-р. наречий, объединяющие их в один в.-р. язык и отличающие в.-р. язык от других русских языков, новее, чем черты, характеризующие каждое из этих наречий (с.-в.-р. и ю.-в.-р.) в отдельности, и что процесс слияния их в один язык продолжается до сих пор. Наоборот, индивидуальные особенности с.-в.-р. и ю.-в.-р. наречий, как, например, цоканье в с.-в.-р., аканье и фрикативное *г* в ю.-в.-р., старше эпохи образования в.-р. яз. и указывают на то, что раньше отношение между этими наречиями было другое; так, можно думать, что то др.-р. наречие, из которого потом получилось ю.-в.-р. наречие, еще до образования в.-р. языка одно время было тесно связано с наречием, позднее образовавшим б.-р. язык или вошедшим в состав б.-р. языка, что еще раньше это наречие могло жить общей жизнью с предками и б.-р. и м.-р. языков (*г* фрикативное!), отделившись от севернорусского наречия.

§106. Состав б.-р. языка. Из двух наречий, на которые распадается б.-р. язык, ю.-з. наречие содержит ряд таких черт, сближающих его с м.-р. языком, которые нельзя считать вызванными м.-р. влияни-

ем, а следует рассматривать как черты, свидетельствующие о первоначальной близости ю.-з. б.-р. говоров к тому др.-р. наречию, из которого потом образовался м.-р. язык. Сев.-вост. б.-р. наречие не включает черт, указывающих на исконную близость его к предку м.-р. языка; наоборот, северные говоры этого наречия обнаруживают некоторую близость к с.-в.-р. наречию. В то же время б.-р. язык в целом представляет ряд общих черт с ю.-в.-р., из которых главная — аканье. Но можно заметить, что близость б.-р. к ю.-в.-р. в сев.-вост. б.-р. говорах органичнее, так что получается такое впечатление, что сев.-вост. б.-р. говоры, первоначально, может быть (если не все, то частью), близкие к предку с.-в.-р. наречия, затем пережили период общей жизни с предком ю.-в.-р. наречия, а после слились с говорами, образовавшими ю.-з. б.-р. наречие, и передали им черты, развившиеся во время единства их с предком ю.-в.-р. наречия.

§ 107. **Выводы.** Таким образом, нынешний состав русских языков и наречий позволяет думать, что первоначальное распределение русских наречий было другое. К тому др.-р. наречию, из которого потом образовалось с.-в.-р. наречие в.-р. языка и которое мы можем назвать севернорусским, первоначально принадлежали также говоры, образовавшие позднее северо-вост. наречие б.-р. языка, или, по крайней мере, часть этих говоров. В состав того др.-р. наречия, из которого позднее образовался м.-р. язык и которое мы назовем южнорусским, первоначально входили также говоры, образовавшие позднее юго-зап. наречие б.-р. языка. То наречие, из которого образовалось ю.-в.-р. наречие и которое вслед за академиком Шахматовым я буду называть восточнорусским, некогда стояло ближе к южнорусскому, чем к севернорусскому, а затем пережило период общей жизни с говорами, образовавшими сев.-вост. б.-р. наречие, во время которого развилось аканье. После этого восточнорусское наречие сблизилось с севернорусским, от которого еще задолго до этого отпали его юго-зап. говоры, а западно-русские говоры, легшие в основу сев.-вост. б.-р. наречия, сблизились с частью южнорусских говоров, которым передали аканье, и таким образом образовали б.-р. язык, который затем пережил период общей жизни с ю.-р. наречием. Те ю.-р. говоры, которые не вошли в состав б.-р. языка, образовали м.-р. язык.

§ 108. Более подробные сведения о диалектическом составе русских языков с детальным указанием диалектических границ см. в издании Московской Диалектологической Комиссии: «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, с приложением Очерка русской диалектологии. Составили члены Комиссии Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. М. 1915». К тому, что там говорится об аканье и яканье в ю.-в.-р. и б.-р. и о делении б.-р. говоров, следует сделать некоторые поправки согласно изложенному в настоящем очерке. При пользовании «Опытом диалектологической карты» следует принять во внимание новые политические границы на территории, занятой русскими языками. Эти границы следующие:

Граница России и Финляндии идет от Ледовитого океана, начиная от западного берега полуострова Рыбачьего (между Варангер-фьердом и Александровской бухтой), на ю.-з. к старой границе между Россией и Финляндией и затем по этой границе до Финского залива. Граница России с Эстонией идет от Финского залива к югу по р. Нарове и Чудскому озеру, далее вдоль западного берега Псковского озера и южнее в западной части Псковского у. Южнее Псковского у. Россия граничит с Латвией. Эта граница идет сначала приблизительно по старой границе между Псковской г. и Люцынским у. Витебской г., а затем направляется к югу, пересекая Дриссенский у. западнее г. Дриссы. Южнее Западной Двины Россия граничит с Польшей. Эта граница идет приблизительно по границе между Дисненским и Полоцким уездами до Минской г. Большая часть Минской г., кроме Новогрудского и Пинского уездов, западных частей Минского и Слуцкого уездов и самой западной части Мозырского у., входящих в состав Польши, составляет Белорусскую республику. Таким образом, граница между собственно Россией и Белоруссией идет по границе между Минской и Могилевской гг., а граница между Белоруссией и Польшей — по границе между Минской и Виленской г. и далее по Минскому, Слуцкому и Мозырскому уездам. Начиная от южной границы Минской г. Польша граничит с Украиной. Граница Польши и Украины идет в пределах прежней Вольнской г., приблизительно вдоль границы между Овручским и Ровенским уездами и далее по Ровенскому и Острожскому у. Около Острога граница поворачивает на запад к бывшей границе Острожского у. с Кременецким и идет на юг по вост. границе Кременецкого у. до Галичины и далее — по р. Збручу, т. е. по старой грани-

це между Галичиной и Подольской г. до Днестра. Граница Украины и Румынии идет от Каменца-Подольска по Днестру до Черного моря. Граница Украины и Белоруссии совпадает со старой южной границей Минской г. Граница между Россией и Украиной, начиная от границ обеих с Белоруссией вплоть до границ Области Войска Донского, совпадает со старыми границами между Могилевской, Орловской, Курской и Воронежской гг., с одной стороны, и Киевской, Черниговской и Харьковской гг.—с другой стороны, за исключением территории между Сновью (притоком Десны) и Десной, где граница идет по Черниговской г., оставляя Суражский, Мглинский, Новозыбковский и Стародубский уезды в пределах собственно России. Из бывшей Области Войска Донского в состав Украины входят западная часть Донецкого окр. со станицей Каменской, части 1-го Донского и Черкасского округов и Таганрогский округ, причем г. Новочеркасск входит в состав России. На Кавказе южная граница России идет по Кавказскому хребту. Граница между Эстонией и Латвией вся лежит вне территории, занятой русскими народностями. Граница между Латвией и Литвой идет по границе между Курляндской и Ковенской гг. и между Витебской и Ковенской г., граница между Литвой и Польшей—по южной части Сувалкской г. и далее—по границе между Ковенской и Виленской гг. и по Ново-Александровскому у. Ковенской г. Граница между Польшей и Чешскословацкой республикой идет по гребню Карпат, т. е. по старой границе между Австрией и Венгрией. Граница между Польшей и Румынией, по-видимому, совпадает со старой границей между Галичиной и Буковиной. Таким образом, великорусский народ почти весь теперь находится на территории Российской республики, кроме нескольких деревень на западе от Псковского озера, вошедших в состав Эстонии, и частей Донецкого и 1-го Донского округов Области Войска Донского, отошедших к Украине. Белорусский народ разделен между Россией, Белоруссией, Латвией и Польшей. Малорусский народ разделен между Украиной, Россией, Белоруссией (южная часть Минской г.), Польшей, Чешскословацкой республикой и Румынией.

Древнерусское правописание

§ 109. Письмо было заимствовано русскими у южных славян, именно у болгар в X в. Вместе с самым искусством письма на Русь проникли

и болгарские книги, как переведенные с греческого языка, так и оригинальные. Когда возникла русская письменность, она на первых порах представляла подражание той письменности, т. е. язык старославянский стал для русских писателей литературным языком. Некнижного, живого русского языка писцы старательно избегали, пытаясь выражаться по возможности чистым старославянским языком, и достигли в этом отношении известных успехов. Не только чисто литературный, но и деловой язык надписей, грамот и прочих юридических и других актов мог представлять подражание языку болгарских царских канцелярий, хотя и в меньшей степени. Ср. на монетах Владимира Святого надпись **Владимиръ на столѣ** вместо русского *Володимиръ* ..; в грамоте великого князя Мстислава Юрьевскому монастырю около 1130 г.: **Се азъ** вместо русского *язъ* и т. п. Кроме того, самая старославянская азбука была приспособлена к звукам старославянского, а не русского языка; поэтому для некоторых звуков не хватало букв, как, например, для сочетания согласных, являвшегося в таких словах, как **дъждь** (**жд** здесь старославянское правописание, не соответствовавшее русскому произношению)²⁸, позднее — для сочетания мягких согласных с *о* (*рублевъ*) и т. п.; для других звуков были лишние буквы, например, **оу**, **у** и «юс большой» для звука *у*, и орфография поэтому в русских памятниках была старославянская. Но русские писцы уже в XI в. (от X в. до нас не дошло памятников) при чтении старославянских текстов на место звуков старославянского языка подставляли свои звуки в тех случаях, когда соответствующие старославянские звуки отсутствовали в русском языке. Поэтому они читали по-старославянски, не порусски, **градъ**, **плѣнь**, **рабъ**, так как являющиеся в этих словах звуки и звуковые сочетания существовали и в русском языке (ср. *братъ*, *блѣднѣ*, *радъ*), но читали с *у*: *рука*, *мужъ* и пр. там, где в старославянских текстах стояла буква «юс большой», принимая ее за обозначение своего звука *у*. Вследствие подстановки на место звуков, обозначавшихся известными буквами ст.-сл. письма, звуков своего языка, соответствующих в других словах этим буквам, русские писцы некоторые старославянские слова стали читать, а иногда и писать несогласно ни с русским, ни со старославянским произношением. Так, старославянское

²⁸ В русском языке в XI в. в этом слове и в других однородных случаях произносилось *ждж* в южнорусских говорах и какое-то звуковое сочетание, передававшееся буквами «жг», в севернорусских говорах.

свѣшта, которое могло писаться **свѣща**, русские читали с *шч* мягким, хотя в русском языке этому слову соответствовало *свѣча* с *ч*. К такому искусственному, не согласному ни со старославянским, ни с русским живым произношением чтению, а частью и правописанию, восходят такие слова русского литературного языка, как 1 ед. *тrepешу*, род. ед. *ея* (по новому правописанию «еe») и др.

Благодаря такому чтению старославянских текстов те особенности старославянской орфографии, которые оставались при этом чтении не переданными в произношении писцов, мало-помалу стали изменяться, и таким образом возникло русское правописание старославянских текстов, опиравшееся на русское чтение этих текстов. Памятники старославянского языка с таким правописанием называются памятниками русского извода.

§ 110. Русское правописание старославянских текстов уже в XI в., от которого дошли до нас древнейшие памятники русского письма, не было везде вполне однородным: орфография памятников представляет большое разнообразие в зависимости от местности, от степени грамотности и других индивидуальных особенностей писцов. Очевидно, строго урегулированной орфографии не было; но известная орфографическая система была. Общерусские черты правописания с XI в. такие. Буквы «юс большой» и «оу», «юс малый йотированный» и «а йотированное» с самого начала смешиваются; уже с конца XI в. в большинстве памятников буквы «юс большой» и «юс малый йотированный» почти не употребляются (случаи их написания, по большей части единичные, попадают еще в некоторых памятниках 1-й половины XII в.). Вместо старославянского «жд» в тех словах, где этому сочетанию в русском языке соответствовало *ж*, пишется по большей части одно «ж»: **вижу, вожь** и пр., хотя встречается и «жд». Старославянское сочетание «шт» почти всегда передается буквою «щ»; только в некоторых памятниках XI и нач. XII в. встречается «шт» (**ищю, хощю, свѣща**). Старославянские сочетания *рѣ, рь, лѣ, ль* между согласными в тех случаях, когда в русском языке им соответствовали сочетания с гласными перед плавными, по большей части передаются согласно с русским произношением через **ър, ьр, ъл** (откуда позднее *ор, ер, ол*): так, уже в 1-м почерке так наз. Остромирова Евангелия: **вьрха, пьрсть, испльнь, нашьльнищя**; рядом с этим встречается написание, по-видимому, чисто графического происхождения, с гласными по обе стороны

плавных: **скърѣбь, съмърѣти, мълѣва, църкъви**; есть, однако, памятники, сохраняющие, правда, непоследовательно, старославянское правописание. Старославянское **Ѣ** пишется правильно только в тех словах, которым соответствуют русские слова с *ѣ*: **дѣло, тѣло, чловѣкъ, мнѣ** и пр.; в тех случаях, когда такого соответствия не было, правописание не выдержано; так, в старославянских сочетаниях *рѣ, лѣ*, соответствовавших русским полногласным сочетаниям *ре, оло*, писалось, начиная с XI в., и **рѣ, лѣ, и ре, ле: брѣгъ, мѣко и брегъ, млеко**; позднее по большей части возобладали написания с *е* (но **плѣнь**); в форме **тѣлесе** и т. п. часто пишется **е: телесе**, потому что русская форма звучала *тѣла*; в дат. местоимений **тебѣ, себѣ** часто писалось **е**, потому что в русском языке соответствующие формы звучали *тобѣ, собѣ* и были формы род.-вин. падежа *тебе, себе*.

§ 111. В части памятников XI и XII вв., по-видимому, главным образом южных, заметно стремление различать буквы «а йотированное» и «л» (юс малый нейотированный), «е йотированное» и «е» согласно старославянской орфографии, т. е. не только в начале слога, где это не представляло труда, но и после согласных. Последнее для большинства русских писцов было нелегко, потому что в русском языке все согласные перед *а* из *е* носового, а в большинстве говоров и перед *е* уже в XI в. были мягки, а потому для различения таких случаев, как **мола** и **глагола, вънати** и **вънѣ**, а в большинстве говоров и **небо** и **за нѣго**, русский язык не давал указаний. Поэтому русские писцы, придерживавшиеся в этом случае старославянской орфографической системы, иногда делали ошибки: писали «а йотированное» не только после «н» и «л», но и после «м»: **мна** и т. п.; тем не менее такие ошибки в памятниках, придерживавшихся этой системы, не очень многочисленны, потому что писцы, даже не зная точно старославянского произношения, могли усвоить правило писать «е и а йотированные» только после «н» и «л», преимущественно в формах местоимения *и* (**оу нѣго, за ню**), в глаголе **глаголати**, в склонении существительных, в глаголах с I ед. на *-ляю, -няю* и т. п. В памятниках, различающих «а йотированное» и «а», «е йотированное» и «е» после согласных, отмечается также различие между старославянскими *л* и *н* мягкими и немягкими особым значком при буквах «л» и «н». Опять-таки, и на это различие русский язык не давал указаний, и писцы должны были руководиться этимологическими соображениями (вроде того, что в формах *за нихъ*,

съ ними надо писать **н** с крючком). Понятно, что такое правописание в памятниках с этой системой не выдержано, и встречаются ошибки там, где писцу не помогали его этимологические соображения.

В остальных памятниках различие между старославянскими мягкими и немягкими *л* и *н* перед гласными *е*, *а* (юс малый), *и*, *ь* не обозначается; поэтому буква «е йотированное» употребляется только в начале слога, буква «е» всегда после согласных, а в начале слога там, где в русском языке было не сочетание *je*, а *e* без йотации (**етерьь, есе, евангелие**), буква «а йотированное» только в начале слога и буква «а» только после согласных. Впрочем, под влиянием правописания, различавшего буквы «е» и «е йотированное», «а» и «а йотированное» после согласных, встречаются иногда случаи смешения этих букв. Такие случаи, например, есть в севернорусских минеях конца XI в.

§112. В севернорусских памятниках с конца XI в. (древнейший — сентябрьская Минея Патриаршей Типографии приблизительно 1095 г.) севернорусское совпадение *ц* и *ч* в одном звуке вызвало смешение букв «ц» и «ч», которые употребляются там безразлично для обозначения звука, получившегося после совпадения *ц* и *ч*, в течение всего последующего времени; никакой попытки заменить эти буквы одной буквой в севернорусском правописании сделано не было. Кроме смешения «ц» и «ч» севернорусское правописание характеризуется обозначением звукового сочетания, являющегося в таких словах, как **дѣждь, пригвождень**, буквами «жг»: **дѣжгь, пригвожгень**.

§113. В некоторых южнорусских памятниках то же по происхождению звуковое сочетание передается через «жч»: **дѣжчь** Гал. Четвероев. 1144 г. (в этом памятнике это звуковое сочетание везде передается только в таком виде) и др.; очевидно, это написание читалось как *ждж* (как читалось написание «жг» в севернорусских памятниках, решить труднее). Соответствующее глухое звуковое сочетание обыкновенно везде передается буквою «ѣ», но есть памятники, в которых вместо «ѣ» пишется и «шч», причем это «шч» пишется не только в русских словах, но и в старославянских (где по-русски звучало *ч*): **ймоушче, отвѣшча** (Слова Григория Богослова XI в.).

§114. Кроме названных особенностей русского правописания, в русских списках старославянских текстов попадаются и другие отступления в сторону русского языка, как, например, полногласные формы:

оумерети и т. п., **язь** вместо **азь**, род. ед. ж. р. на **-ѣ**: **недѣльѣ**, **святоѣ**, **еѣ** и т. п., но все эти особенности не более как неизбежные ошибки писцов, вызванные недостаточной грамотностью или недостаточной внимательностью.

§115. Несколько в ином положении оказывались русские писатели и переводчики, когда приходилось не переписывать со старославянских оригиналов, а переводить с греческого или другого языка или составлять что-нибудь новое. Здесь пишущему могло не хватить того запаса знаний старославянского языка, который он почерпал из знакомства со старославянскими памятниками, и в его работу проникали русизмы такого рода, каких он избегал при переписке старославянских текстов. Так, писец Остромирова Евангелия дьякон Григорий, отличавшийся исключительной по сравнению с писцами других памятников русского письма грамотностью, пишет: *перегноувѣ*, *Володимира*, *Новѣгородѣ*; русский переводчик церковного устава не позже XI в. пишет: *наволоуѣ* и часто *сторона*, *переходить*, хотя во всех случаях, где приходится выписывать старославянский текст или употреблять слово, достаточно знакомое ему из старославянских текстов, он подобных ошибок не делает (см. Типогр. Устав № 142). Писец жития Феодосия Печерского конца XII в. часто пишет **печера** вместо **пеѣра**; вероятно, в таком виде это слово было в его оригинале.

§116. Всё же можно заметить, что русские писатели и переводчики домонгольской эпохи допускали в своих произведениях русизмы сверх тех, которые были установлены русским правописанием, ненамеренно и, насколько возможно, старались выдерживать литературный церковнославянский язык. Конечно, это легче было делать в таких произведениях, для которых имелись образцы для подражания в старославянских переводах и оригинальных произведениях. Поэтому церковнославянский язык чище и выдержаннее в службах русским святым, в житиях русских святых и в похвальных словах и поучениях, чем в летописях и исторических повестях. Отчасти по тем же причинам, отчасти и по другим церковнославянский элемент почти отсутствует в большинстве памятников юридического характера: в грамотах, Русской Правде и т. п.

§117. Изменения, происходившие в русском языке, отразились и на правописании памятников русского письма. Сильнее всего отразилась

на нем судьба гласных *ѣ* и *ѥ*. Эти гласные звуки как особые звуки, отличные от других гласных, существовали в русском языке в то время, когда русскими была получена письменность. Утрата этих звуков в одних случаях и совпадение их со звуками, получившимися из старых *o* и *e*, в других случаях сделали крайне затруднительным, иногда даже невозможным различение на письме букв «o» и «ѣ», «e» «ѥ» в одних случаях и положений, где нужно писать «ѣ» и «ѥ» и где их не нужно писать, в других случаях. Вследствие этого в конце концов в русском письме установилась орфография, по которой «ѣ» и «ѥ» там, где обозначавшиеся ими звуки совпали с рефlekсами старых *o* и *e*, были заменены буквами «o» и «e», а там, где соответствующие звуки выпали, могли не писаться. Но прежде, чем такая орфография установилась, в памятниках русского письма мы наблюдаем нередко случаи смешения букв «o» с «ѣ» и «e» с «ѥ».

Понятно, что с развитием русской письменности число русизмов в русском письме должно было увеличиваться. Самые церковнославянские тексты уже переписывались не со старославянских оригиналов, а с русских списков. Тем не менее церковнославянская традиция никогда не умирала.

§118. Сходную судьбу имел церковнославянский язык и у южных славян. И там болгарские и сербские переписчики вносили в церковнославянские тексты черты своих языков. Вследствие этого церковнославянские тексты, переписанные сербами, болгарами, румынами и русскими, стали сильно отличаться друг от друга. С целью ввести единообразие в правописание церковнославянских текстов в XIV в. в Болгарии была предпринята реформа правописания, связанная с именем Евфимия Тырновского.

§119. Эта реформа распространилась и на Русь, где ее успеху много содействовал митрополит Киприан (1390—1406 г.) и южнославянские деятели, прибывшие около этого времени в Россию, Пахомий Логофет и др. Введенная ими реформа вновь узаконила «юс большой», «жд» вместо русского «ж» в таких словах, как *одежда* и пр., сочетания «рѣ», «лѣ» между согласными вместо русских «ор», «ер», «ол» и др. особенности болгарского правописания и графики. Конечно, русские писцы, употребляя букву «юс большой», не умели отличать ее от букв «оу» или «у» и произвольно ставили одну букву вместо другой. Некоторые осо-

бенности этого нового правописания с течением времени были устранены: перестали писать «юс большой» и по-прежнему стали писать «ор», «ер», «ол» между согласными, но правописание «жд» осталось; остались и некоторые другие новшества, введенные этой реформой.

§ 120. Таким образом, материал для суждения о русском языке в древнейшую эпоху мы можем извлекать из всех памятников, писанных русскими людьми, хотя бы эти памятники были только списками с южнославянских оригиналов. Но тот материал, который дают такие списки, позволяет судить главным образом о фонетических особенностях русского языка, поскольку они отразились на правописании, значительно меньше — о морфологических и почти не дает представления о синтаксическом строе и лексическом составе русского языка писцов. Несколько более дают самостоятельные русские произведения и, отчасти, переводы церковного, поучительного и в особенности исторического характера, писанные хотя и по-церковнославянски, но не вполне выдерживающие этот литературный язык. Наконец, памятники делового письма: надписи, грамоты, договоры и пр. представляют более чистый русский язык, но зато по большей части очень бедны и однообразны по своему содержанию. Кроме того, при суждении о русском языке той или другой эпохи и области по юридическим памятникам следует помнить, что отражающийся в них язык и при самом незначительном влиянии литературного церковнославянского языка может быть все-таки далек от живого языка данной эпохи и области вследствие особой консервативности юридического языка: юридические формулы могут оставаться без изменения долгое время, хотя бы заключающиеся в них формы, слова и обороты давно были утрачены живым языком: так, новгородские грамоты XV в. иногда дословно и даже буквально повторяют содержание грамот XIII в.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ИСТОРИЯ ЗВУКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

I. Звуки, перешедшие в русский язык из общеславянского

§ 121. Начальный момент в истории русского языка устанавливается на основании сопоставления его с другими славянскими языками. Таким моментом является или эпоха распада общеславянского языка, или эпоха распада одного из языков, выделившихся из общеславянского, являющегося предком русского и каких-то других славянских языков. Так как вопрос о такой промежуточной эпохе между эпохой распада общеславянского языка и эпохой образования русского (общерусского) языка может быть решен только по выяснении состава общеславянского языка эпохи его распада, то перейдем к рассмотрению этого состава.

§ 122. Из о.-сл. языка перешли в о.-р. язык следующие звуки²⁹: гласные чистые *a, o, y, ы, e, и, ъ, ѓ, і*, носовые *oⁿ, eⁿ, ѓⁿ*; в некоторых положениях, быть может, были *ä, ö, ï*, которых мы не можем с достаточной уверенностью отличить в таких случаях от *a, e, y*.

Согласные губные *б, п, в (w), м*, зубные или переднеязычные немягкие *д, т, з, с, н*, плавные *л, р*, зубные мягкие *зⁱ, сⁱ, ж, ш, нⁱ*, плавные *лⁱ, рⁱ*, аффрикаты *ч, ц, дз* и, может быть, *дж*, причем, быть может, среди шипящих аффрикат (*дж* и *ч*) различались аффрикаты с кратким и долгим затвором, далее — среднеязычные *ж, к, х* и, может быть, *г^x*, гортанное придыхание *h*.

²⁹ Не следует забывать, что звуки любого праязыка не могут быть определены с такой же точностью, как звуки какого-нибудь живого языка. Поэтому обозначения: «о.-сл. *a*», «о.-сл. *e*» и т. п. — только приблизительные, даже условные названия тех или иных звуков о.-сл. языка, принадлежавших, как можно думать, к категории звуков **a** или к категории **e** и т. д. или близких к ним. При этом, например, под термином «о.-сл. *e*» следует понимать не только какой-нибудь один звук категории **e**, неопределимый более точно, но, может быть, и несколько звуков этой категории.

Гласная *и* в сочетании с гласными и гласные *ъ, ь* в сочетаниях с сонорными согласными могли быть неслоговыми; наоборот, сонорные согласные (*м, н, л, р*) в сочетаниях с *ъ, ь* и перед согласными могли становиться слоговыми.

Гласные

§ 123. *а* являлось в положении после согласных и *й* (т. е. *и* неслогового); что касается *а* в начале слова, то еще раньше в общеславянском языке перед всяким начальным *а* развивалось *й* или *ј*; ср. р. *яблоко*, м.-р. *ябко*, п. *jablko*, с. *јабука* с лит. *obūlas*, нем. *Apfel*, или р. *ягненок*, п. *jagnię*, с. *јагъе* с лат. *agnus*, и т. п. Отсутствие *ј* перед начальным *а* в некоторых старославянских и нынешних болгарских говорах (*азъ, агньць, аблько*) можно объяснять вторичной утратой начального *ј*. Но во всех славянских языках имеется несколько слов (союзов и местоимений) с начальным *а*, восходящим к о.-сл. эпохе: р. *а, ась, али, акой* (с ударением на *а*), *ажно, авось, ан*, ст.-р. *аче, аже*, п. *а, абу, асз, але, албо*, ст.-сл. **а, аже, акы, амо, аце**, с. *а, ако, али, амо* и т. д. Акад. Фортунатов связывает эти слова с латинским указательным местоимением *hic, haec* и пр. и думает, что в этих словах в о.-сл. было перед *а* придыхание, сохранившееся между прочим в лужицких языках и в говорах чешского языка. По мнению проф. Мейе, начальное *й* в о.-сл. развивалось первоначально только между гласными, а потому в начале тех слов, которые, как о.-сл. *а*, употреблялись преимущественно в начале речи, такое *й* не должно было развиваться; начальное же придыхание в чешском и лужицком могло быть вторичным. Остальные русские слова с начальным *а* заимствованы уже в русском языке из других языков: *алый* (турецк.), *алч-ныйй* (церк.-слав.) и т. п.

§ 124. *о* в о.-сл. могло быть только после твердых согласных и в начале слова: *добръ, огонь* и т. п., так как после мягких согласных еще раньше в о.-сл. оно изменялось в *е* (*земл'ејо^н, кон'емѡ*); правда, в р. и с.-з. славянских языках, а в падежных окончаниях и в ю.-сл. языках теперь есть *о* и после мягких и шипящих: р. *сѣла, сѣстры*, п. *síolo, síostra*, р. *жоны*, п. *žona*, р. *конѣм, землѣй*, с. *земљом, чашом*, но оно явилось позднее, как на это указывают и старинные памятники тех же славянских языков, и сами живые славянские языки; ср. с.-в.-р. *жона*, п. *žona* с русским же *женин*, ст.-сл., с. и б. *жена*, словен., ч. и словац. *žena*.

§ 125. *у* являлось в различных положениях; впрочем, после мягких неслоговых звуков, может быть, в о.-сл. было не *у*, а *ii* (см. § 136). Русское *у* восходит не только к о.-сл. *у*, но и к о.-сл. *o^u* (см. §§ 133, 172).

§ 126. *ы* могло быть только после твердых согласных; теперь оно сохранилось как звук, отличный от *и*, только в русских языках (не везде) и с.-з. славянских языках, но засвидетельствовано также памятниками ст.-сл. и ст.-ч. языков. В нынешних русских и с.-з. славянских языках *ы* не в начале слова является только после твердых губных и зубных (в широком смысле) согласных, в том числе после шипящих. Но из древне-р., ст.-п. и ст.-сл. памятников мы видим, что первоначально в этих языках, а следовательно и в о.-сл. *ы* могло быть также и после задненебных, ср. др.-р. и ст.-сл. **рѣкы, хытрыи, гыбѣль**, и что *ы* после шипящих вторичное, вследствие отвердения шипящих.

§ 127. *е* в о.-сл. вообще было только в положении после согласных; перед некогда бывшим начальным *е* еще раньше в о.-сл. развивалось *й* или *ј*, ср. р. *ѣж, еть* (наст. вр.), ст.-сл. **іѣжь, ієсть**, с. *jež, jest*, п. *jež, jest* с лит. *ežys, estī*, латин. *est* и т. п. Но 1) в некоторых словах, именно в указательной частице *э* и сложных с нею, *ј* перед *е* отсутствует во всех славянских языках; вместо него в б.-р., м.-р. и з.-слав. языках является придыхание: в.-р. *э, эво, эна, этот, этой*, м.-р. *геть*, б.-р. *этыій*, ст.-сл. **еда, еша, есе, етеръ** (в памятниках, различающих **е** и **іѣ**), с. *e, ево, еда, ено, ето*, п. *het*, ч. диалектич. *henten, hena, hevo*. Наиболее вероятным является объяснение акад. Ф. Ф. Фортунатова, по которому эта частица в о.-сл. звучала с придыханием: *he* (Фортунатов сопоставляет ее с латин. *hōnc, hīc* и греч. ἕτερος), которое в части славянских языков утрачено; 2) в других словах в большинстве славянских языков в начале слов перед *е* является *ј*, но некоторые ст.-сл. памятники указывают на отсутствие *ј*: **един, езеро, есень**; в русских языках в соответствии с таким *е* является начальное *о*: *озеро, осень, один, овин, олень, осетр*; по видимому, начальное *о* в соответствии с *е* ст.-сл. и *је* других славянских языков в русском является только в том случае, если в следующем слоге гласные *е* или *и*³⁰; поэтому можно думать, что в этом положении гласная *е* еще в о.-сл. подвергалась (может быть, только диалектически) какому-то изменению, вызывавшему далее диалектическое отпадение начального *ј*; русские языки восходят к тем говорам о.-сл. язы-

³⁰ *о* в *одна* по аналогии с *один*; в *ольха*, вероятно, *о* старое.

ка, в которых начальное *j* перед *e* в таком положении отпало; изменение же начального *e* в *o* произошло уже в эпоху отдельной жизни русского языка. Кроме начального *e* в словах, перешедших с таким звуком из о.-сл. языка, в русском языке подвергалось изменению в *o* и то начальное *e*, которое было в словах, заимствованных из других языков, ср. собственные имена *Ольга*, *Олёна*, *Остан*, *Овдотья*, *Офимья*, *Офрем* (ср. фамилию *Аффремов*), др.-р. *октенья*, *опитемья*, *oley* и т. п., заимствованные из скандинавского и греческого языков, где они звучали как *Helga*, Ἑλένη, Εὐστάφιος, Εὐδοκία, Εὐφημία, Ἐφραίμ, ἔκτενία, ἐπιτιμία, ἔλαλον. Помимо начального *e* в русском языке подвергалось значительным изменениям и *e* в других положениях. Об этих изменениях будет сказано в своем месте.

Примечание 1. Существует мнение, принадлежащее проф. А. Мейе, что перед *e* в названной выше указательной частице и сложных с нею словах в о.-сл. придыхания не было, а *j* или *ǰ* не развилось потому, что оно развивалось только между гласными в середине речи, а все эти слова являлись в о.-сл. только в начале речи, т. е. отсутствие начального *j* здесь вызвано теми же причинами, как и отсутствие начального *j* перед *a* в союзе *a* и некоторых частицах, начинающихся с *a*; придыхание же, имеющееся в б.-р., м.-р. и з.-сл. языках, развилось позднее. Признавая, что нет препятствий к тому, чтобы считать придыхание в названных языках вторичным, я тем не менее не думаю, чтобы в этих словах было в о.-сл. начальное *e* без придыхания, потому что всякое начальное *e* (а такое *e* в русском языке некогда было) переходило в русском языке в *o*.

Примечание 2. *e* не могло быть также после согласных заднебных (*g*, *k*, *x*), потому что они перед *e* еще раньше в о.-сл. переходили в мягкие шипящие: *печеши*, *леⁿжеши* (2 ед., ср. 1 ед. *пекoⁿ*, *леⁿгоⁿ*); после мягких свистящих *zⁱ* или *dzⁱ*, *ц*, *сⁱ* звук *e* мог быть только в падежных окончаниях (почему—см. ниже § 147): *отьцемъ*, *вьсⁱе*, *стьзⁱе^o*ⁿ или *стьзде^o*ⁿ (в словах *село*, *земля* и др. свистящие не были мягки).

§ 128. *и* являлось в разных положениях. Не после согласных следует различать *и* долгое (или *ju*, *ǰu*) и *и* краткое, или *ь* (перед *и* кратким, может быть, было *ǰ*, перед *ь* непременно должно было быть или *j*, или *ǰ*). *и* долгое можно предполагать в о.-сл. в таких словах, как р. *искра*, с. *искра*, ч. *jiskra*, в окончании им. мн. прилаг.: ст.-сл. **зълии**, р. *волчьи*, *чьи*, в падежных окончаниях существительных ж. р. с основой на *-ǰ*: р. *молнии* (дат.-местн. ед.) и т. п. Относительно случаев с *и* кратким или *ь* отдельные славянские языки не дают вполне ясных указаний на то, в каких случаях было *ь*, в каких *и*, ср. р. *ёмкий*, с. *јамац*, указывающие на старое *ь*, но ст.-сл. **имъше** (им. мн. м. р. прич.); в.-р. *игла*,

указывающее на старое *и*, но м.-р. *егла*, ч. *jehla*; р. *наём*, *боец*, с. *најам*, *бојац*, п. *пајетпу*, ч. *зајет*, *бојес*, но ст.-сл. **наимъ**, **достойнъ**, **воинъ** и пр., в.-р. литерат. *яиц*, *яичница*, в.-р. диалект. и б.-р. *яец*, *яешня*, м.-р. *яецъ*, п. *jajeczny*. Шахматов думает, что в подобных случаях о.-сл. язык первоначально имел *ѣ* под ударением и *йи* без ударения; потом одни формы могли влиять на другие. В положении перед слогом, в котором были *ѣ* или *ѣ* слабые (см. ниже, § 131), *и* краткое или *ѣ* не в начале слова выпали или перешли в *й* во всех славянских языках, ср. р. *займа*, *бойца*, с. *зајма*, *бојца*, п. *зајти* и пр.

После согласных *и* получилось в о.-сл. только из долгих гласных и дифтонгов балт.-сл. языка и потому в эпоху распада о.-сл. языка в большинстве случаев было долгим.

§ 129. ѣ. Звуком *ѣ* о.-сл. языка называется тот звук, к которому восходят звуки ст.-сл. и р. языков, обозначающиеся в памятниках этих языков буквою «ѣ». О.-сл. *ѣ* представляло дифтонг *ие*, как можно заключать из того, что 1) ему до сих пор соответствует *иэ* в архаических с.-в.-р. и с.-м.-р. говорах, а также в словацком и лужицких языках, и сочетание *ије* или *је* после согласной в некоторых говорах сербского языка (*дијело*, *дјед* и пр); 2) чешское *е* со смягчением предшествующего согласного звука из *ѣ* могло получиться только из *йе*, так как перед *е* согласные в чешском не мягки; 3) в тех русских и сербских говорах, где *ѣ* не сохранилось как дифтонг или сочетание *ије*, *је*, оно перешло в *е* или в *и*; также и в чешском из *ѣ* получилось или *е* или *и*, а такая двойственность легче всего объясняется из первоначального *ие*. В польском *ѣ* перед твердыми зубными перешло в *а*, а в остальных положениях в *е*, в обоих случаях со смягчением предшествующей согласной, в западноболгарском во всех положениях в *е*, а в восточно-болгарском в *а* перед твердыми согласными и в *е* в остальных положениях. Примеры: р. *дед*, б. *дѣдъ* (в новом правописании: *дяд*), с. *дјед*, п. *dziad*; р. *дету*, б. им. ед. *дѣте* (новое правописание *дете*), с. им. ед. *дијете* (мн. *дијеца*), п. им. мн. *dzieci*; р. *снег*, б. *снѣг* (новое правописание *сняг*), с. *снѣг*, п. *śnieg* и т. п.

§ 130. О.-сл. *ѣ* было двоякого происхождения: 1) из балт.-слав. *е* долгого и 2) из дифтонга *ой*³¹. Но еще раньше перехода *ой* в *ѣ* в о.-сл. в

³¹ Буква «о» здесь условно означает тот краткий гласный звук, который в эпоху распада о.-сл. языка звучал как *о* очень открытое, но был ли он звуком *о* в бо-

положении после мягких неслоговых звуков *e* долгое изменялось в *a* долгое³², а *o* переходило в *e*; поэтому вместо *ой* являлось *ей*, изменявшаяся затем в *и*³³; таким образом, *ѣ* в о.-сл. получалось только из тех *e* долгого и *ой*, которые были в положения не после мягких неслоговых звуков; но если перед *ой* были согласные задненебные, то при изменении *ой* в *ѣ* они переходили в мягкие свистящие: *рѣцѣ*, *нодѣ* и пр. Следовательно, перед *ѣ* в эпоху распада о.-сл. языка из мягких согласных могли быть только свистящие *ц*, *с*, *з* или *дз* и не могли быть шипящие. Следует заметить, что еще в о.-сл. *ѣ* в конце слова при каких-то условиях переходило в *и*; такое *и* было, например, в имен. ед. *мати* (ст.-сл. **мати** «мать»), им. мн. *вълицу*, *горди* (ст.-сл. **вълицу**, **гради** «волки, города», ср. нын. р. *черти*, *ради*, *знали*), повелит. *иди*, *помодзи* (нын. р. *иди*, *неси*, *помоги*) и пр.

§ 131. Гласные *ѣ* и *ь* в о.-сл. были короче других кратких гласных *и*, вероятно, менее звонки, а потому называются иррациональными и глухими, а также редуцированными. Они являлись только в положении после согласных или *й*, причем перед *ѣ* могли быть только согласные твердые, а перед *ь* — все согласные, кроме задненебных, изменившихся в этом положении еще раньше в шипящие. Гласные *ѣ* и *ь* были двух видов: 1) сильные — в 1-м слоге слова под ударением: *дѣско*^и и т. п. и перед слогом, содержащим слабые *ѣ*, *ь*: *сѣн*^ѣ, *въсѣ*^ѣ, *бѣрѣвъ*^ѣ*но*, род. мн. *бѣрѣвънѣ*^ѣ, *жѣнѣцѣ*^ѣ «жнец», род. ед. *жѣнѣца*^ѣ³⁴ и т. п., и 2) слабые — в остальных случаях: *сѣна*, *дѣска* и пр. Судьба их в славянских языках сходна: сильные *ѣ* и *ь* перешли в те или другие гласные полного образования, а слабые выпали. Указание же на то, что в о.-сл. существовали еще в эпоху его распада *ѣ* и *ь* слабые как особые гласные звуки, дают древнейшие письменные памятники ст.-сл. и русского языков, свидетельствующие о сохранении этих звуков в этих языках в эпоху

лее раннюю эпоху, когда произошло изменение этого звука в *e* и дифтонга на *й*, содержавшего этот звук, в *ѣ*, мы не знаем; он мог звучать и как *a* краткое; из того балт.-слав. звука, к которому восходит о.-сл. *o*, в балтийских (лит. и латыш.) языках получилось *a*.

³² Такое *a*, например, в словах *жаф*, *час*; в некоторых инфинитивах на *-ать* после шипящих: *кончатъ*, *молчатъ*.

³³ Такое *и*, например, в старой форме дат.-местн. ед. *земли*.

³⁴ В приводимых примерах *ѣ*, *ь* сильные передаются строчными буквами, а *ѣ* и *ь* слабые — маленькими буквами вверху строки.

появления на них письменности. Качество гласных *ъ* и *ь* в о.-сл. точно установить нельзя, потому что в разных славянских языках из них получились различные гласные звуки, но на основании того, что из *ъ* сильного получилось *o* в русском, ниже-лужицком, словацком и говорах ст.-сл. языка, *e* в польском, кашубском и чешском, *a* в сербском и *ъ* в болгарском (примеры см. в § 12), причем согласные перед этими звуками везде тверды, можно думать, что о.-сл. *ъ* в эпоху распада о.-сл. языка было звуком среднего ряда, неверхним (должно быть, среднего подъема), с слабым округлением (более слабым, чем в *o*) или даже без округления. Правда, в старых заимствованиях из германских языков звуком *ъ* передавалось германское *u* или *o* закрытое: *гъте* (готы), *кънязь* (*kuningas*), с другой стороны, в старых финских заимствованиях из славянского славянскому *ъ* соответствует *u*: *talkkuna* «толокно» и пр., но эти соответствия могут объясняться тем, что заимствования относятся к тому периоду о.-сл. эпохи, когда еще балтийско-славянское краткое *u* не перешло в *ъ*. Что касается *ь*, то смягчение согласных перед *ь* в русских, с.-з. славянских и болгарском языках указывает на то, что это был звук переднего ряда (палатальный), быть может, с некоторой оттяжкой назад, а переход его в *e* почти во всех славянских языках позволяет считать его близким к *e*. Разница между *ъ* и *ь* сильными и слабыми, вероятно, состояла в том, что *ъ* и *ь* сильные были менее краткими, т. е. были по количеству ближе к гласным звукам с нормальной краткостью, чем *ъ* и *ь* слабые.

§ 132. Кроме *ъ* и *ь*, редуцированными по количеству могли быть также *ы* и *и* в положении перед *й*. Эти *ы* и *и* редуцированные были менее краткими в первом слоге слова под ударением и в том случае, если в следующем слоге (после *ј*) было *ь* слабое или *и* краткое, и более краткими в остальных случаях (если после *й* следовала гласная полного образования). Более краткие *ы* и *и* редуцированные позднее в славянских языках должны были выпасть: в.-р. *братья*, с. *браћа*, п. *bracia*, в.-р. *свинья*, м.-р. *свиння*, с. *свиња*, п. *szwinia* и пр., в.-р. диалект. *умью*, *мью* при литерат. *умою*, *мою* и пр., ср. ст.-сл. и др.-р. **братина**, **свинина**, др.-р. *мью*. Менее краткие *ы* и *и* редуцированные в большинстве славянских языков имели ту же судьбу, что и *ы*, *и* нередуцированные, в том числе и в м.-р. и в б.-р., но в в.-р. на месте такого *ы* явилось *o* или, очень редко, *э*, а вместо *и* — звук *e*: *мою*, *мой* (повел.), им. ед. прилаг. *злой*, *худой* при диалектич. *мэю*, *мэй*, *злэй*, *худэй*; *шея*; повел. *пей*, *лей*, *шей*,

им. ед. *чей, сам-третьей, соловей*, род. мн. *друзей* и т. п.; ср. м.-р. *мию, мий, злий* (или *зли*), *шия, пий, чий, коний*, с. *мијем, зли, шија, пиј*, п. *тује, зһу, szyja*.

§ 133. *о, е* носовые. На существование носовых гласных в о.-сл. указывают только польский и кашубский языки, в которых носовые гласные сохранились, немногие македонские говоры, заменившие их сочетаниями гласных с носовыми согласными, и отчасти старославянский язык, в котором этим о.-сл. гласным соответствовали особые звуки, обозначавшиеся буквами «юс большой» и «юс малый». В остальных славянских языках носовые гласные перешли в неносовые. Определение о.-сл. носовых гласных как *о* носового и *е* носового условно, так как точно произношения их мы не знаем³⁵. О.-сл. *о* носовому в ст.-сл. соответствовал звук, обозначавшийся буквою «юс большой»; в некоторых говорах ст.-сл. языка и в языках русском, сербском, чешском, словацком и лужицких *о* носовое перешло в *у* неносовое, в словенском в *о*, в болгарском в *ѝ*, но в некоторых македонских говорах — в *ѝм, ам* перед губными и *ѝн, ан* перед зубными согласными, в польском и кашубском в *е* и *о* носовые (причем старые немягкие согласные перед ними не смягчились). Примеры: р. *зуб*, род. *зуба*, б. *зѝб*, макед. *зѝмб, замб*, с. *зуб*, словен. *zob*, ч. *zub*, п. *ząb*, род. *zęba* и т. п. (другие примеры см. § 12). Можно думать, что в тех говорах о.-сл. языка, к которым восходят русский, сербский, чешский и лужицкие языки, *о* носовое звучало близко к *у* носовому.

О.-сл. *е* носовому в ст.-сл. соответствовал звук, обозначавшийся буквою «юс малый»; в польском и кашубском на месте его являются *е* или *о* носовые с мягкостью предшествующей согласной (кроме шипящих, которые в этих языках отвердели); в южнославянских языках о.-сл. *е* носовое перешло в *е*, в русском и чешском в *а* с его видоизменениями, причем в русском согласные перед таким *а*, кроме *ж, ш* и *ц*, мягки, в чешском частью мягки, частью отвердели. Примеры: р. *мясо*, б. и с. *me-co*, ч. *maso*, п. *mięso*, р. *рјад*, б. и с. *ред*, п. *rząd*.

§ 134. «*ѝ* носовое» — условное название того звука или звукового сочетания о.-сл. языка, из которого в о.-сл. получился звук, обозначавшийся буквою «юс малый», в южнославянских языках *е*, а в русском и

³⁵ Существует мнение, что в ст.-сл. носовые гласные по качеству звука были ближе к *ѝ, ѝ*, чем к *о, е*.

западнославянских — *ǫ* и те звуки, какие вообще получались в этих языках из *ǫ*. Этот звук являлся только в окончаниях вин. мн. имен и местоимений муж. р. и род. ед. и им.-вин. мн. имен и местоимений ж. р. с основами на мягкие неслоговые звуки и получался, по-видимому, из более старого *jonc*; примеры: др.-р. *конѣ, своѣ, еѣ, землѣ, доушѣ*, нын. в.-р. *все* (им.-вин. мн.), *еѣ* (с фонетическим изменением конечного *ǫ* в *o* после *й*), диалектич. *мое, чье* (им.-вин. мн.), м.-р. *коні, мої, єї, доброї, землі*, где *ї* из о.-р. *ǫ*, п. *ziemie, dusze* и др.; в ст.-сл. в окончании этих слов писался «юс малый» или «юс малый йотированный» и обозначалась особым значком мягкость *л, н*. Следует заметить, что, по-видимому, при тех же фонетических условиях в русском и западнославянских языках в им. пад. ед. ч. муж. р. причастий наст. вр. получалось не *ǫ* носовое, а *e* носовое, откуда в русском *a*, в польском *e*; р. *зная*, п. *znaje*. Возможно, что здесь действовала какая-нибудь аналогия; например, *znajeⁿ* могло получиться вместо *znajǫⁿ* с *ǫ* носовым по аналогии с *ходеⁿ*.

Примечание. Изложенная здесь гипотеза, объясняющая русское *ǫ* и ст.-сл. «юс малый» в падежных формах из о.-сл. *ǫ* носового, принадлежит академику Ф. Ф. Фортунатову и принимается не всеми учеными. Не вдаваясь в подробности, обращу внимание на то, что выводить окончание *-ǫ* в названных падежных формах в русском языке из о.-сл. диалектического *ǫ* носового невозможно, потому что последнее в таком положении (после мягких несвистящих) в о.-сл.-языке фонетически не получалось.

§ 135. *ǫ*, быть может, являлось в о.-сл. из *e* в положении после мягких или полумягких неслоговых звуков пред твердыми согласными, если только эта черта не развилась в северо-западной славянской группе языков и в русском уже по выделении из о.-сл.

§ 136. *й* в о.-сл. могло быть в положении после мягких неслоговых и соответствовало звуку *y*, являвшемуся в других положениях. Перейдя из о.-сл. языка между прочим в ст.-сл. и в русский язык, звук *й* обозначался в древнейших памятниках этих языков буквою «ю», между прочим и после шипящих, при которых не было надобности в обозначении мягкости согласной: *шюмъ, бывъшю, чюти* и пр.

§ 137. Количество гласных в о.-сл. языке. Количество гласных в о.-сл. языке было неодинаково. Мы уже отметили, что там были гласные *ǫ* и *ǫ*, которые были короче других кратких гласных о.-сл. языка. Среди остальных гласных можно различать гласные краткие нормальной краткости и гласные долгие. Указания на различение

долгих и кратких гласных в о.-сл. дают главным образом сербский, словенский и чешский языки, в которых до сих пор существует различие между долгими и краткими гласными, и отчасти некоторые явления польского и русского языков. Так как условия, при которых являются долгие и краткие гласные в сербском, словенском и чешском языках, не одинаковы, то точное выяснение того, какие звуки в о.-сл. языке были долгими и какие краткими, затруднительно. Можно установить, что первоначально в о.-сл. языке были долгими те гласные, которые для эпохи распада о.-сл. языка определяются нами как *a*, *y*, *u*, *ы*, *ѣ*, *oⁿ*, *eⁿ*, *ѣⁿ*, а краткими — *o*, *e*, но к эпохе распада о.-сл. языка первоначальные долгие гласные в известных положениях (между прочим, по большей части в конце неодносложных слов) сократились, наоборот, *o*, *e* в некоторых случаях, по-видимому, могли удлиниться (например, перед слогом с гласными *ѣ*, *ь* слабыми или не в конце слова под восходящим ударением).

Согласные

§ 138. Губные е. В о.-сл. языке, по-видимому, были как губнозубная фрикативная согласная *v*, так и чисто губная, билабиальная *w*; последнюю, впрочем, нельзя отличить от о.-сл. *y* неслогового. Значительная часть говоров русских и ю.-слав. языков указывают на о.-сл. *w* или *y* неслоговое перед *ѣ*, *ь* и после согласных. *У* неслоговое перед *ѣ*, *ь* слабыми, быть может, еще в говорах о.-сл. языка переходило в *y* слоговое (причем *ѣ*, *ь* выпадали²), ср. м.-р., б.-р. и диалектич. в.-р. *удова*, *унук* с с. и б. *удовица*, *унук*, р. литерат. *вдова*, *внук*, п. *wdowa*, *wnuk*³⁶.

§ 139. Звук *ф* в о.-сл. языке не было; он развился в некоторых наречиях русского языка позднее, частью же является в заимствованиях из других языков. До сих пор звук *ф* неизвестен многим м.-р., б.-р. и ю.-в.-р. говорам.

§ 140. Небнозубные е. Плавная согласная *л* в о.-сл. языке была трех видов: 1. твердое веларнозубное *л* перед гласными *a*, *o*, *y*, *ы*, *ѣ*, *o* носовым и перед твердыми зубными согласными; 2. среднее («европейское») *l* перед палатальными гласными *e*, *и*, *ѣ*, *ь*, *e* носовым и перед

³⁶ М. б., так надо объяснять и **праоуда** Изб. 1073 г., **довѣтъ** 3 поч. Арх. ев., где не в 1-м слове слова *ѣ* не пропускается.

согласными кроме твердых зубных; 3. мягкое l^i , получавшееся в о.-сл. из сочетаний $s\ j$, а также после губных на месте j . Различать их мы можем потому, что в русском и польском языках l не перед согласными и l^i совпали в одном l^i , а l твердое не совпало с ними: р. село, слава, стол, п. *siolo, sława, stół*, р. лист, молитв, люди, воли, земли, блюдо, учитель, п. *list, modlić, ludzie, woli, bluda, uczyciel*, а в сербском совпали о.-сл. l твердое и l в одном l (сербы пишут «л»), а l^i не совпало с ними: село, слава, сто (конечное l изменилось в o и здесь слилось с предыдущим o), лист, молити, но: воли, људе, земљи, бљудо, учитељ.

§ 141. n, r мягкие, как и l^i , в о.-сл. получились вследствие изменения сочетаний n, r с последующим j и являлись перед всеми гласными, кроме $o, ы, ь, ѣ$ (но могли быть перед $ѣ$ носовым). В положении перед палатальными гласными ($e, u, ь, e$ носовым) большинство славянских языков не дает возможности отличать l, n, r мягкие от l, n, r немягких, кроме ст.-сл., в памятниках которого l, n, r мягкие отмечаются особыми значками, и сербского, в котором, впрочем, сохранились лишь n и l мягкие, обозначаемые буквами «лъ», «нь», отличные от l, n немягких, обозначаемых буквами «л», «н»: *ньива, његов*, но: *низак, небо*.

§ 142. $ж$ и $ш$ мягкие в о.-сл. были разного происхождения, а именно:

1. Из более старых $г, х$ перед палатальными гласными e долгим, $e, и, ь, e$ носовым; такого происхождения в нынешнем русском языке шипящие $ж, ш$ в *бежать, слышать* (старое e долгое после мягких, как мы видели, еще в о.-сл. перешло в a), *жена, душевный, жить, ушница, дружба, дружеский, ушко, ушёл, жать* и пр., ср. слова от тех же основ, но с $г, х$: *бегать, услышать, дух, уха, друг, ухо, уходит*; со словом *жена* родственно греч. $\gamma\upsilon\upsilon\eta$, со словом *жить* тождественно по происхождению литовское *gyti* «оживать», со словом *жив* лит. *gyvas* «живой»;

2. Из сочетаний $гj, хj$: *княжой, душа* и др.; ср. скандин. *kuningas*;

3. Из сочетаний $зj, сj$: *лижу, пишу* и пр.; ср. инфинитивы тех же глаголов: *лизать, писать*.

4. Из $з, с$ перед палатальными согласными l^i, n^i : *помышлять, вешний*, диалектич. *дражню*, ср. *мыслить, весна, дразнить*.

Согласные $ж$ и $ш$, как и согласные $l^i, n^i, r^i, ч$, в эпоху распада о.-сл. языка не могли быть перед $o, ы, ь, ѣ$ (но были перед $ѣ$ носовым).

Примечание 1. Вследствие изменения $з, с$ перед l^i, n^i в $ж, ш$ в о.-сл. явились сочетания *жл, шл, жн, шн*, с шипящими и $л, н$ мягкими в некоторых случаях, из которых потом эти сочетания были вытеснены по аналогии с другими случая-

ми. Ср. **иж нѣна** Арх. ев. 142, **съблажню ся** ib. 95, но там же чаще такие написания, как **възлюбѣши, из нѣго**, где *въз-, из-* по аналогии с употреблением тех же предлогов в других случаях. В в.-р. *дразню, казню* звук *з* по аналогии с *дразнишь, казнишь* и пр., где *н* в о.-сл. не было мягким. Наоборот, в диалектич. *дразнить ж* по аналогии с *дразню*.

Примечание 2. По-видимому, в говорах о.-сл. языка *ж, ш* могли получаться из *з, с* иногда в таких случаях, когда между ними и следующей мягкой согласной *л^і* или *н^і* являлось *ѣ* или *ь* слабое, ср. р. *шлю, шлѣшь* и пр. (в памятниках с XIII в.)³⁷, с. *шьем* или *шьѣм, шьѣш* или *шьѣш*, но ст.-сл. **сѣлѣж** и пр., др.-р. *ошлю голову* Акир XV в. и др., с. *ошьи* «ослиный» и др.

§ 143. *ч* мягкое в о.-сл. получилось в следующих случаях:

1. Вследствие изменения *к* перед палатальными гласными: *е* долгим (откуда позднее *а*), *е, и, ъ, е* носовым; такое *ч* в русских *молчать, печѣшь, мучить, сучок, червь, частый, четыре*, ср. *к* в *умолкнуть, пеку, мука, сук*, литовск. *kirmis* «червь», *kimsztas, keturi* «четыре», латин. *quattuor*;

2. Из бывшего ранее сочетания *kj*; такое *ч* в русских *лечу* (инфин. *лечить*), *молчу* и др., ср. *к* в *лекарь, умолкнуть*.

§ 144. Русским *ж, ш, ч* названного происхождения во всех славянских языках соответствуют те же шипящие звуки. Но русские *ж, ч* не всегда восходят к о.-сл. *ж, ч*. Именно:

1. Из некогда бывшего в о.-сл. языке сочетания *dj* в русском получилось *ж*, в ст.-сл. и болг. *жд*, первоначально мягкое, в сербском *ђ*, в словенском *ј*, в зап.-слав. языках свистящие: в чешском *z*, в польском *dz*; примеры: р. *вижу*, ст.-сл. **виждѣ**, б. *виждам*, с. *виђу*, ч. *vizi*, п. *widzę*, р. *межа*, б. *межда*, с. *међа*, словен. *теја*, ч. *teze*, п. *tiedza*, р. *пръжа*, б. *прежда*, с. *пређа*, словен. *preja*, п. *przędza* и т. д., ср. *д* в словах *видишь, пряду*, лат. *medius*, англ. *mid*;

2. Из некогда бывших в о.-сл. сочетаний *tj* и *kt* перед палатальными гласными в русском языке получилось *ч*, в ст.-сл. и болг. *шт*, первоначально мягкое, в сербском *ћ*, в словенском *ч*, в чешском и польском свистящая аффриката *с* (в нынешнем чешском и польском это *с* твердо); примеры: р. *хочешь*, ст.-сл. **хоштеши**, б. *щеш*, с. *ћеш*, п. *chcesz*, р. *свеча*, ст.-сл. **свѣшта**, б. *свѣщъ* (в новом правописании *свящ*), с. *свиѣћа*, ч. *svíce*, п. *świeca*, р. *печь* (инфин.), ст.-сл. **пешти**, с. *пећи*, п. *piec*, р. *ночь*, ст.-сл. **ношть**, б. *ношт*, с. *ноћ*, ч. и п. *noc*, ср. *т* в р. *хотеть, свет*, с инфин.

³⁷ Однако форма *сѣлю* и т. п. обычна и в р. нецерковных памятниках и очевидно существовала и в живом р. языке еще в XIII в.

печь ср. *пеку* и инфин. *нести* при *несу*, со словом *ночь* — лит. *naktis* «ночь», латин. род. ед. *noctis* «ночи», нем. *Nacht*.

§ 145. Из некогда бывшего в о.-сл. языке сочетания *здј*, так же как из сочетаний *згј* и *зг* перед палатальными гласными, во всех славянских языках получились сочетания с шипящими звуками: в в.-р. в московском произношении *ж* долгое мягкое, в говорах или сочетание *ждж* мягкое, или чаще *ж* долгое твердое и др., в б.-р. и м.-р. *ждж* твердое; для о.-р. эпохи предполагается сочетание *ждж* мягкое; в ст.-сл. было *жд*, первоначально мягкое, в болгарском *жд*, в сербском *жд*, польском *żdź*; примеры: р. литератур. *езжу*, м.-р. *їжджати*, ст.-сл. **наждж** или **ѣждж**, п. *jeżdże*, ср. р. *ездить*; р. *дождь*, род. *дождя*, ст.-сл. **дъждь**, б. *дъждь*, с. *дажда*, п. *deżdź* и *deszcz*; р. *дрожжи*, б. *дрожде*, с. *дрожда*. п. *drożdże*; в последнем слове в о.-сл. некогда, по-видимому, было сочетание *зг*.

§ 146. Из некогда бывшего в о.-сл. сочетания *стј*, так же как и из сочетаний *скј* и *ск* перед палатальными гласными, во всех славянских языках получились сочетания с шипящими: в в.-р. в московском произношении *ш* долгое мягкое, в говорах или сочетание *шч* мягкое, или *ш* долгое твердое и др., в б.-р. и м.-р. *шч* твердое, в ст.-сл. и болг. *шт*, в сербском *шт* и в польском *szcz*: р. *пушу*, диалект. *пуцать*, ст.-сл. **поуштж**, б. *пуцам*, с. *пуштам*, *пуштим*, п. *puszczę*, р. *ищешь*, ст.-сл. **иштеши**, б. *ищеш*, с. *иштеш*, п. *iszczesz*, ср. инфин. *пустить*, *искать*.

§ 146 а. Судьба старых сочетаний *здј*, *стј* во всех славянских языках позволяет думать, что эти сочетания еще в о.-сл. эпоху изменились в сочетания *ждж*, *шч*; на такие сочетания указывают русские, западнославянские и словенский языки; старославянские, болгарские и сербские *жд*, *шт* легко могли получиться из *ждж*, *шч*. Если сочетания *здј*, *стј* еще в о.-сл. изменились в *ждж*, *шч*, то, очевидно, и сочетания *дј*, *тј* в ту же эпоху изменились в шипящие аффрикаты *дж*, *ч*, но отличавшиеся от шипящих аффрикат *дж*, *ч* другого происхождения; можно думать, что аффрикаты из *дј*, *тј* отличались более долгим затвором и более слабым фрикативным элементом, что и вызвало переход их в *ђ* и *ћ* в сербском и в свистящие в западнославянских языках и перестановку затворного и фрикативного элементов этих аффрикат в древнеболгарском; после *ж* и *ш* затворный элемент аффрикат сокращался, и таким образом сочетания *ждж*, *шч* из *здј*, *стј* совпадали с подобными же сочетаниями из *згј*, *скј* или *зг*, *ск* перед палатальными гласными.

§ 147. Мягкие *ц*, *с*, *дз* при диалектическом *з* мягком получались в о.-сл. позднее того времени, как возникли шипящие, из звуков *к*, *х*, *г* в следующих случаях:

1. Раньше того времени, как дифтонг *ой* переходил в *ѣ* в положении после палатальных гласных *и*, *ь*, *е* носового, но не после того *ь*, перед которым были смягченные согласные (*л*, *н*, *р* и шипящие); возможно, что изменение *к*, *х*, *г* в *ц*, *с*, *дз* мягкие или отсутствие этого изменения зависело от характера гласной, следовавшей за этими согласными, или от каких-то других причин; вследствие перехода задненебных в смягченные свистящие гласные *о*, *ѣ*, бывшие после таких задненебных, изменялись в *е*, *ѣ*: изменению в *е* подвергалось и то *о*, которое было в дифтонге *ой* позднее, когда дифтонги *ой*, *ей* переходили в *ѣ*, *и*, новое *ей*, получившееся из *ой* после мягких свистящих, переходило в *и*. Примеры: р. *девица*, *отец*, *заяц*, *месяц*, *конец* (ср. *кон*, *на кону*), *подлец*, *хитрец*, *весь*, *нельзя*, *князь* и т. п., ст.-сл. **дѣвица**, **отьць**, **коньць**, **пришьльць**, **старьць**, **вьсь**, **польса** или **польза** и пр., но р. *пирожок*, *мешок*, *волчок*, *ручка*, *конёк* (от *конь*, где в о.-сл. было *н* мягкое), *кулёк* (здесь старое *л* мягкое)³⁸. На то, что *ой* после свистящих такого происхождения изменялось в *ей*, откуда позднее *и*, указывают ст.-сл. и др.-р. падежные формы дат. ед. **дѣвици** и т. п. и местн. ед. **отьци**, **коньци** и т. п. Однако в зап.-славянских и в русских языках немало случаев сохранения *к*, *х*, *г* в тех же положениях, ср. р. *кликать*, *двигать*, *лихо*, *старик*, *земляника*, м.-р. *пільга* («польза», но в др.-р., по-видимому, было и *пользя*, ср. **на пользю** Уст. XI—XII в. л. 25 об.)³⁹, *ни зги*, др.-р. *вху* (**вхоу же тоу землю хоутиньскоую** Грам. Варлаама около 1192 г.) «всю» и др.; есть такие случаи и в ст.-сл.: **ликъ**, **великъ**, **оученикъ**, **подвигъ**, **двигнеши** и пр., в сербском: *дјевојка*, *велик* и др.; некоторые случаи можно считать о.-сл., как, например, *ученик*, *велик*, р. *княгиня*, др.-р. *княгыни* и пр. Сюда же следует отнести и формы *всех*, *всем*, ст.-сл. **вьсѣмь**, **вьсѣхъ**, **вьсѣмь**, указывающие на то, что *х* здесь еще сохранялось до перехода *ой* в *ѣ*⁴⁰.

³⁸ Впрочем, в ст.-сл. и в этом положении является *ц*: **мышьца**, **рожьць**, **вальчьци**. Возможно, что это новообразования, или же диалектически в о.-сл. *к* изменялось в *ц* и после такого *ь*, перед которым были смягченные согласные.

³⁹ Р. *польза* заимствовано из церковнославянского языка, как показывает *з* твердое. Наоборот, мягкое *з*, по-видимому, указывает на русское происхождение.

⁴⁰ Можно думать, что еще раньше, чем *х* после *ь* изменялось в *с*, в говорах о.-сл. языка сочетание *въ* с *ь* слабым в косвенных падежах местоимения *въхъ* изменялось

Случаи с *х*, *к*, *г* вместо ожидаемых *с*, *ц*, *дз* или *з* мягких указывают на то, что переход задненебных в свистящие после *и*, *ь*, *е* носового в о.-сл. происходил при каких-то условиях, остающихся не вполне выясненными, и что, может быть, при некоторых условиях этот переход являлся не во всех говорах о.-сл. языка.

2. Позднее того времени, как *к*, *х*, *г* изменялись в свистящие после палатальных гласных, те же задненебные переходили в мягкие свистящие *ц*, *с*, *дз* или *з* мягкие перед *ѣ* и *и* из бывшего ранее дифтонга *ой*; примеры: м.-р. *руци*, *на нози*, *в кожуси*, б.-р. *руце*, *назе*, *сасе* (в в.-р. *ц*, *з*, *с* в этих формах не сохранились: *руке*, *ноге*, *сохе*), в.-р. *друзья*, др.-р. *рѣцѣ*, *руцѣ*, *на нозѣ*, *вълци* (им. ед.), *послуси*, *друзи*, *помози*, *рѣци*, *помозѣте*, *рѣцѣте* и др., ст.-сл. **рѣцѣ**, **носѣ**, **вълци**, **доуси**, **дроуси**, **помози**, **рѣци**, **помозѣте**, **рѣцѣте** (повел.). Того же происхождения *с* в косвенных падежах местоимения *весь* перед *ѣ*: *всех*, *всем*. Свистящие согласные такого происхождения позднее в в.-р. почти всюду были нефонетически заменены мягкими задненебными: *руке*, *ноге*, *сохе*, *мужике*, *друге*, *пастухе*, *пеки*, *пеките*, *помоги*, *помогите* и пр., в м.-р. и б.-р. сохранились только в падежных формах на *-ѣ* (примеры см. выше), а в повелит. наклонении глаголов заменены шипящими: м.-р. *печи*, *печим*, *печить*, *поможи*, *поможим*, *поможить* и пр.

Диалектически *к*, *г*, *х* подвергались переходу в *ц*, *с*, *дз* или *з* мягкие перед таким *в* (вероятно, в этом положении в этих говорах было не *в*, а *ш* или *у* неслоговое), за которым следовало *ѣ* или *и* из дифтонга *ой*: р. *цвет*, *звезда*, др.-р. *цвѣлити*, ст.-сл. **цвѣтъ**, **звѣзда**, **вълсви** (им. мн.), б. *цвѣт*, *звѣзда* (по новому правописанию *цвят*, *звязда*), с. *цвиѣт*, *звиѣзда*, *цвиѣлити*, словен. *cvet*, *zvezda*, но п. *kwiat*, *gwiazda*, *rozkwilić*. Русские языки вместе с ю.-слав. восходят к тем говорам о.-сл. языка, в которых задненебные в этом положении изменились в свистящие, а зап.-слав.— к таким говорам, в которых этого изменения не произошло. Но и в русском, и в ю.-слав. языках встречается иногда и *к* в том же положении: м.-р. *квіт*, *квітка*, *квіль*, б.-р. *квет*, в.-р. *квет* (Пск. и Олон. губ.), *квелый* и др., с. *квелити*.

в *у*, после которого *х* не подвергалось изменению; в таком случае в этих говорах *с* в этом местоимении фонетически получалось только *а*) в им. ед. м. р. (р. *весь*), б) в формах перед *ѣ* и *и* из *ой*, а по аналогии с этими формами проникало и в остальные формы.

Неясно, какую судьбу имели заднебные в о.-сл. перед *в*, если за ним следовала старая палатальная гласная: переходили ли они и в этом положении в свистящие лишь диалектически или везде, или же, наоборот, оставались без изменения. При последнем предположении *ц* в р. *цветсти*, *цветет* (др.-р. *цвисти*, *цвьтеть*) и с. *цвисти*, *цвиьети* объяснялось бы аналогией с *ц* в *цвѣтъ*, *цвѣлити*.

§ 148. Сочетания *ск*, *зг* перед *ѣ* из *ой* изменялись в одних говорах о.-сл. языка в *су* и, может быть, *здз* мягкие (указаний на такое изменение *зг* не сохранилось), в других — в *ст*, *зд* мягкие; в ст.-сл. памятниках встречается и «сц» (Сав. кн., Зогр. ев. **июдеисцѣмь**, **людьсци**) и «ст» (Супр. рукоп.: **дѣстѣ**, **чловѣчсти** и др.), но только «зд»: **дрѣздѣ**. В р. язык перешли сочетания *ст*, *зд*: **крѣстьяньстѣи**, **воиньстѣи** житие Феодосия в сп. XII в., **новгородьстии**, **заморьстии** и др. I Новгор. летоп. и т. п., а быть может, также и *су*, ср. «сц» в ю.-р. грамотах XIV в. и позднее: **лавровьсци**, **самборьсци** — гал. грам. 1422 г. В церковных памятниках встречается и «ст», и «сц», но определенных указаний на язык писцов из них извлечь нельзя. Сочетание *ст*, являвшееся в окончании именных основ на *-ск-* в некоторых падежах, рано стало нефонетически заменяться через *ск* мягкие: **золобѣ женьскѣ**, **в чловѣчскѣи доуши** Изб. 1073 г., **глубинѣ... морьскѣи** Уст. XI—XII в., **роуьскѣи земли**, **смолиньске** Сказание о Борисе и Глебе в сп. XII в., **оу смольнеске** грам. 1229 г. и др.

§ 149. О.-сл. *ј* мы не везде можем с достаточной уверенностью отличить от *й* (*и* неслогового). В начале слова перед согласными *ј* или *й* было двоякого происхождения: а) из старого балтийско-славянского *ј* и б) новое, развивавшееся перед начальным *а* и перед начальными палатальными гласными. По мнению Мейе, новое *ј* или *й* развивалось в о.-сл. только в середине речи между гласными, т. е. между конечной гласной одного слова и начальной гласной другого слова. Но те же случаи, в которых Мейе отсутствие начального *ј* в славянских языках объясняет положением соответствующих слов в начале речи, или допускают и другое объяснение, или не могут быть удовлетворительно объяснены и при этом предположении (см. § 127, прим. 1). Если предположить, что перед всеми палатальными гласными, кроме *и*, в о.-сл. развивалось в начале слова *ј*, то из балтийско-славянского *е* долгого в этом положении мы должны бы ждать в славянских языках *ја*, ср. *ја* в

середине слова в р. *бояться, стоять* и т. п. Быть может, такого происхождения начальное *ja* в *яд, ясли*, ст.-сл. **ядъ, ясли**, с. *асли* (если в этих словах о.-и.-е. корень *ed* с *e* долгим). Но то же слово *яд* в др.-р. языке было известно и с начальным *ѣ*: *ѣдъ*, ср. м.-р. *īd*, с. *ujed*; в других словах все славянские языки указывают на начальное *ѣ*: р. *ем, есть* (инфин.), *еда*, др.-р. *ѣм, ѣсти, ѣда*, с. *ujem, jesti*, ч. *jim, jisti*, п. *jem, jeść*, р. *edy, ezdumь, езда*, др.-р. *ѣду, ѣздити*, с. *jedem, jezditi*, ч. *jedu, jezdit*, п. *jade, jeździć*. Это говорит за то, что или в подобных случаях *j* развивался только при каких-то особых, невыясненных условиях, или что здесь кроме немногих случаев было не *j*, а *й*, после которого *e* долгое не подвергалось изменению в *a*. В части говоров о.-сл. языка *й* или *j* в начале слова не развивалось или могло отпадать перед таким *e* кратким, за которым следовало сочетание немягкой согласной с *e* или *u* (см. § 127).

Остальные средненебные согласные, какие теперь существуют в русском языке (например, в словах: *руке, ноге, гибель, кит, хитрый* и пр.), из о.-сл. получены не были, а явились уже в историческую эпоху жизни русских языков.

§ 150. Задненебные *г, к, х* в о.-сл. могли быть перед всеми непалатальными гласными, между прочим и перед *ы*, а также перед немягкими согласными. Сочетания *гы, кы, хы* впоследствии были утрачены славянскими языками, перейдя в сочетания средненебных с *и*, и засвидетельствованы лишь древними памятниками ст.-сл., русского, польского и чешского языков. Встречающиеся в нынешнем русском языке сочетания задненебных с *ы*, как *волк ы кот* (пишется «и»), *кыска*, междометие *кыш*, нового происхождения.

§ 151. Фрикативная задненебная согласная *г^х*, по-видимому, была только в окончании род. ед. м. и ср. р. местоимений и прилагательных *-ог^хо, -ег^хо* и, быть может, в немногих отдельных словах, например, в том слове, которое теперь в с.-в.-р. произносится *коровод*, а в ю.-в.-р. *куфрагод* (*х* в литерат. *хоровод* явилось нефонетически). Этот звук предполагается в о.-сл. потому, что в с.-в.-р. и кашубском он имел судьбу, отличную от судьбы о.-сл. *г* взрывного; именно, в с.-в.-р. и кашубском о.-сл. *г* взрывное сохраняется как взрывной согласный звук, ср. в с.-в.-р. *погода, дорогой, огонь, строго, другой, нога* и др.; в окончании же род. ед. муж. р. местоимений и прилагательных *-ого, -его* в некоторых с.-в.-р. говорах является *г* фрикативное, в некоторых отсутствует: *тоо, доброе* и

пр., в большей же части с.-в.-р. говоров является *в*: *тово, чево, доброво* (см. ниже § 265); в кашубском в этом окончании является *ш*: *kowa, powewa* и пр. В остальных славянских языках о.-сл. *г* взрывное и фрикативное совпали, в польском, нижнелужицком, словенском, сербском и болгарском — в звуке *г* взрывном, в ю.-в.-р., б.-р., м.-р., чешском и верхнелужицком — в *г* фрикативном или *h*.

О придыхании *h* в о.-сл. см. выше, по поводу звуков *а* и *е* — §§ 123 и 127.

О.-сл. сочетания с слоговыми плавными

§ 152. Такими в о.-сл. языке были или могли быть 1) все сочетания с плавной перед согласной или в конце слова и 2) сочетания плавных с последующим *ъ* или *ь* слабым не после гласных.

§ 153. Из некогда бывших в о.-сл. сочетаний *ор, ол с р, л* долгими слоговыми в начале слова перед согласными получились позднее, но еще в о.-сл. языке, благодаря удлинению гласной и перестановке, сочетания *ра, ла*, если на начальный слог падало так наз. восходящее ударение: ср. р. *ратай, рало, лакомый, лань*, ст.-сл. **ратай, рало, лакомь, лань**, с. *rataj, ralo, lakom, lane*, ч. *radlo, lakomy*, п. *rataj, radlo, lakomy, lak-nać, lań* с лит. *artojis* «пахарь», *arklas* «плуг», *alkanas* «голодный». Если же на первом слоге было нисходящее ударение или ударение было не на I-м слоге, то удлинение гласной происходило лишь в тех говорах о.-сл. языка, к которым восходят языки ю.-сл. и словацкий, но перестановка гласной и плавной тоже происходила во всех говорах: др.-р. *робъ, роботыни*, нын. р. диалектич. *робить, работа*⁴¹, *роля* (пашня), *роз-* (приставка), *росту, рост, локоть, лодка*, диалектич. *лони* или *лонись* «в прошлом году» и др., ч. *rob, robiti, robota, role, roz-, rostu, rost, loket, lodka, loni*, п. *rob, robić, robota, rola, roz-, roś* (инфинит.), *łokieć, łódź, łódka, łoni*, ст.-сл. **рабь, работа, раз-, расти, расть, въздрать, лакъть, ладии, лани**, с. *рабити, работа, раз-, растем, раст, лакат, лађа, лани* и пр., ср. с нем. *Arbeit*, лит. *alkune* «локоть», *eldija* «лодка». Диалектически в о.-сл. сочетание *ал* в начале слова могло сохраняться без перестановки, откуда ст.-сл. **алькати, альдии**.

⁴¹ Правописание *работа, расту, раз, возраст* и т. п. по происхождению церковнославянское. В с.-в.-р. и м.-р. в этих словах произносится *о*.

§ 154. В сочетаниях *ор, ол, ер, ел* с *р, л* долгими слоговыми между согласными еще в о.-сл. эпоху в части говоров, к которым восходят языки южнославянские, чешский и словацкий, происходило удлинение гласной, причем долгая плавная сокращалась, оставаясь слоговой; в остальных говорах, предках русских и большей части северо-западных славянских языков, гласная оставалась краткой. Вследствие этого в одних говорах получились сочетания с гласными *a, ѓ* перед краткой слоговой плавной, в других — с гласными *o, e* перед долгой слоговой плавной. Эти сочетания в большинстве славянских языков, кроме русского и, отчасти, кашубского, подвергались перестановке; в русском же из этих сочетаний позднее развилось так наз. полногласие. Таким образом, р. *борода, корова, мороз, берег, дерево, береза, голова, золото, молоко, молоть* и п. *broda, krowa, mróz, brzeg, drzewo, brzoza, głowa, złoto, mleko, mleć* восходят к о.-сл. диалектическим *борда, корва, морзъ, бергъ, дерво, берза, голва, золто, мелко, мелти* с краткими гласными и долгими слоговыми плавными, а ст.-сл. **брада, крава, мразъ, брѣгъ, дрѣво, глава, злато, млѣко, млѣти**, с. *brada, krava, mraz, brujez, drujevo, breza, glava, zlato, mleko, mlėti*, ч. *brada, kráva, mráz, dřevo, hlava, zlato, mléko, mlíti* — к о.-сл. диалектическим же *барда, карва, марзъ, бѣргъ, дѣрво* и пр. с долгими гласными и краткими слоговыми плавными. Ср. лит. *galva* «голова», *derva* «сосна», *karvė* «корова», нем. *Berg* «гора», *Bart* «борода», *Gold* «золото», *Milch* «молоко», англ. *milk*. Возможно, что перестановка гласной и плавной происходила еще в говорах о.-сл. языка.

§ 155. *ел* после шипящих перед твердыми еще в о.-сл. подвергалось какому-то изменению, в результате которого в сев.-зап. славянских языках получилось *ло*, а в южнославянских и в чешском не только *лѣ*, но и *ла*: п. *człon, złób*, ст.-сл. **члѣнъ, жлѣбъ**, с. *жлијеб* и *члан*. О русском *оло* из о.-сл. *ел* будет сказано ниже.

§ 156. В сочетаниях *ѣр, ѣл, ѣр, ѣл* между согласными в о.-сл. гласные были неслоговые, а согласные слоговые. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что 1) из о.-сл. *ѣр, ѣр* в сербском, словенском, чешском и словацком получилось по большей части *р* слоговое без гласной: с. *зрло, крма* «корм», *трг, мртав, тврѣ, зрно, срце, црн, први, смрт, врх*, ч. *hrlo, krm, trh, zrno, srdce, prv, smrt, vrch*, а из *ѣл, ѣл* частью *л* слоговое, ср. ч. *plný, vlk* и др., частью звуки, которые нельзя выводить из *ѣл, ѣл* с *л* неслоговым: ср. с. *пун, вук, мучати* «молчать», *сунце, пук, жут*, ч.

slunce, pluk; 2) в русских языках в этих сочетаниях ъ, ь перешли в о, е, что могло получиться лишь в том случае, если плавные после них были сначала слоговыми, а потом утратили слоговой характер; в противном случае ъ, ь должны были бы выпасть: *горло, корм, торг, мертвый, твердый, зерно, чёрный, первый, смерть, верх, долгий, солнце, полк, полный, жёлтый, волк, молчать*. Сочетания ѳр, ѳр, ѳл, ѳл с неслоговыми ъ, ь и слоговыми р, л в славянских языках получили различные изменения: из ѳр, ѳр в сербском и словенском во всех случаях, а в чешском в большинстве случаев получилось, как мы видели, р слоговое без гласной, но из ѳр после шипящей в чешском получилось *er: černý*; в польском из ѳр и из ѳр перед твердыми зубными получилось *ar: gardło, pokarm, targ, martwy, twardy, ziarno, czarny*, а в остальных случаях из ѳр—*er* и *erz: pierwszy, śmierć, serce, wierzch*; из ѳл, ѳл в сербском получилось у (примеры выше), в чешском из ѳл—*lu*, а из ѳл—*l* слоговое (примеры выше), в польском из ѳл—*lu* и *lo* после зубных: *dtug, tłusty, słońce* и *ul* не после зубных: *pulk*, а из ѳл—*el* перед твердыми зубными: *pełny* и др., *ol* перед твердыми зубными после шипящих: *zólty, czolno*, и *il* не перед твердыми зубными: *wilk, milczeć* (волк, молчать). В ст.-сл. языке во всех случаях произошла перестановка гласной и плавной; мы видим в ст.-сл. памятниках такие написания, как **мрътви, съмръть, тръжьникомъ, дльжьнь, испльнити, мльчааше** и пр. О судьбе этих сочетаний в русском языке см. ниже. Ввиду того, что в сочетаниях, получившихся из о.-сл. ѳр, ѳр, ѳл, ѳл между согласными, в одних славянских языках гласные утрачены, в других нередко являются после плавных, порядок звуков в о.-сл. определяется из показаний русских языков, с одной стороны, и балтийских или других индоевропейских, с другой, ср. лит. *gurklys* «горло», *turgus* «торг», *mirti* «умирать», *žirnis* «горох» (ср. р. *зерно*), *szirdis* «сердце», *pirmas* «первый», *virszus* «верх», *vilkas* «волк», нем. *Volk* «народ» (ср. р. *полк*).

Сочетания на слоговую плавную в конце слов в о.-сл. можно предполагать в форме 2 и 3 л. ед. ч. аориста на основании ст.-сл. **оумръѣ** «умер», **закла** «заколел» и т. п.

§ 156а. В сочетаниях *р^в, л^в, р^б, л^б*, с ъ, ь слабыми, в начале слов и после согласных плавные могли становиться слоговыми в одних говорах о.-сл. языка, оставаясь неслоговыми в других говорах. Слоговые плавные такого происхождения сохранились как слоговые в сербском

(с изменением *л* в *у*), частью в чешском; в русских языках гласные *о*, *е* после плавных в в.-р. и *ы*, *и* в б.-р. и м.-р. указывают тоже на первоначальные сочетания со слоговыми плавными, потому что иначе *ѡ*, *ѣ* слабые должны были бы выпасть. Примеры: в.-р. *крови*, *кровоавый*, *дрова*, *крошить*, *греметь*, *крестить* и т. п., б.-р. *кыви*, *кывавый*, *дрыва*, *кышиць*, *грымець*, *хрысциць*, м.-р. *криви*, *кривави*, *дрива*, *кришити*, *гримити*, *христити*, с. *крав*, *крви*, *дрва*, *кришити*, *грмѣти*, *крстити*, с *р* слоговым и ударением на *р* во всех приведенных словах, в.-р. *блоха*, *глотать*, *яблоко*, *слеза*, род. ед. *слезы*, м.-р. *блиха*, *глитати*, *слиза*, карпат. *яблыко* (обычно: *ябко*), с. *буха*, *гутати*, *ябука*, *суза*; к произношению со слоговыми плавными в начале слова могут восходить в.-р. диалектич. *ирва* (род. ед. = литер. *рва*), *иржать*, *ирветь* (3 ед.), *оржаной*, *илжеть* (лжёт), *ильгота*, *ольняной* и т. п., м.-р. *иржа*, *ирвати*, *ильну*, *ильняний*, *Ильвів* (Львов), с. *ржи*, *ржак*, *рђав* с ударением на *р*, *лагати*, *лажем* (лгать, лгу), *ланути* (льнуть), *ласти*, *ластац* (льстец) с ударением на *ла*. К о.-сл. диалектическому произношению с неслоговыми плавными могут восходить м.-р. формы с *р*, *л* неслоговыми или с пропуском *р*, *л*: *срѣбний*, *ябко*, в.-р. *кстить*, *кстины*, Псков (из Пльсковѡ), *рва*, *рватъ*, *ржи*, *ржаной*, *ржѣт*, *лжѣт*, *льну*, *лгать*, *льгота* и пр., польские *krwi*, *krszyc*, *krzyc* «крестить», *grzbiet* «хребет», «спина», *grzmięc* «греметь», *plwać*, *lza* «слеза», *lba*, *lgać*, *rdzawy* и пр. с неслоговыми *r*, *l*. Впрочем, мы не можем установить точно как того, восходят ли сербские, словенские и чешские слоговые плавные, сербское *у* из *лъ*, *ль* и сербские и русские сочетания плавных с гласными в таких случаях к о.-сл. слоговым плавным или развились в отдельных славянских языках после выпадения *ѡ*, *ѣ* слабых, так и того, получены ли польским и отчасти русским языками неслоговые плавные из о.-сл. диалектических неслоговых плавных или явились позднее вследствие утраты слоговыми плавными их слогового свойства.

Ударение

§ 157. а) Ударение в о.-сл. различалось по месту и по качеству. По месту оно было свободным, т. е. могло быть на любом слоге слова. Таким оно и осталось в русских языках, в чакавских говорах сербского языка, в болгарском и словенском языках, тогда как в штокавских говорах сербского языка ударение, вследствие переноса о.-сл. ударения на один слог к началу слова, не может быть на последнем слоге дву-

сложных и многосложных слов; в чешском ударение всегда на начальном слоге, а в польском и кашубском на предпоследнем слоге. Сохранив о.-сл. свободное ударение, русский язык и чакавские говоры сербского языка сохранили и о.-сл. место ударения, за исключением тех довольно многочисленных случаев, где ударение перенесено по нефонетическим причинам. В словенском и, отчасти, болг. помимо случаев нефонетического переноса ударения в одной категории случаев о.-сл. ударение на 1-м слоге перенесено на следующий слог фонетически.

По качеству ударение в о.-сл. языке было музыкально-эспираторным, т. е. состояло не только в усилении голоса, но и в повышении тона, причем различались по крайней мере два вида ударения: так наз. «нисходящее» на кратких и долгих слогах только в 1-м слоге слова и, может быть, в конце двусложных слов после слога с редуцированными гласными: *сьто, дьва, съпи, кьто*, ср. в в.-р. говорах, различающих *yo* и *o*: *хто, што* (но с предлогами: *на штоу*), словен. *sto, dva* с нисходящим ударением, и так наз. «восходящее» на кратких и долгих на любом слоге слова. Указания на эти два вида ударения дают некоторые факты р. яз., гл. обр. тех в.-р. говоров, которые различают *yo* и *o* под ударением, и словенский язык, а также сербский, чешский и отчасти польский языки. Эти указания следующие.

1. Р. полногласным сочетаниям в о.-сл. соответствовали сочетания «*o* или *e* + *l* или *ř* слоговые» между согласными (см. § 154). В тех случаях, когда на них падало ударение, оно могло быть или на гласной, или на плавной. В 1-м случае в р. яз. получилось ударение на 1-м слоге полногласного сочетания, что может быть только в 1-м слоге слова: *город, бороду, берег, дерево, волос, золото, голову, жолоб, волок*; при этом *o* 1-го слога в говорах, различающих *yo* и *o*, произносится открыто, как *o*; в сложении с предлогами ударение переносится на предлог: *за бороду, на берег, за волосы, под голову, на-волок*; ударения: *на дерево, на золото, под жолоб* — поздние. В словенском в этом случае в двусложных и трехсложных словах ударение перенесено на 2-й слог: *brado, drevo, vlašī, glavō* и является нисходящим; в односложных словах оно нисходящее: *grad, vlaš, breg*. В сербском в этом случае нисходящее ударение на 1-м слоге с долгой гласной: *град, браду, брег* или *бријеж*⁴², *древо* или *дријево*⁴², *влас, власи, злато, главу, жлаб*; в чешском в открытых слогах, а так-

⁴² и краткое, потому что старое *ǃ* здесь разложилось на два слога.

же в новых закрытых слогах не перед сонорными — сочетания с краткими гласными: *hrad, bradu, vlas, zlato, hlavu*, а перед сонорными, в том числе перед *v, j*, в новом закрытом слоге — сочетания с долгими гласными: *vrán*.

Если ударение в о.-сл. падало на плавную, то в р. языке получилось ударение на 2-м слоге полногласных сочетаний: *мороз, корова, сторожа* (им. ед. ж. р.), *беречь, стеречь, умереть, берёза, болото, головка, голодный, молочный, горох*; при этом вм. *o* ударяемого в говорах, различающих *yo* и *o*, произносится *yo*; в словенском — ударение восходящее: *mraz, krava, straza, graja* «загородка», *umreti, breza, blato, glavka, gladni*, в сербском по большей части нисходящее ударение с краткой гласной: *mraz, крава, врана, бреза, блато, гладни, млечни, драже* «дороже», но иногда и здесь является долгая гласная: *стража*.

Как увидим ниже, в.-р. *o* в говорах, различающих под ударением *o* и *yo*, словенский перенос ударения с 1-го слога, словенское нисходящее ударение на односложных словах и, отчасти, сербское *a* долгое с нисходящим ударением и чешское *a* краткое в 1-м слоге указывают на так наз. о.-сл. «нисходящее» ударение, а в.-р. диалектическое *yo*, словенское *a* с восходящим ударением и, отчасти, сербское *a* краткое и чешское *a* долгое — на так наз. о.-сл. «восходящее» ударение.

2. В 1-м слоге слова в части в.-р. говоров на месте о.-сл. *o* под ударением являются или *o*, или *yo*: 1) *дома, воду, слово, просо, кости, поле, роду, просто, гости, говора, сто, кто, што*; 2) *куожа, воуля, нуоша, нуоп, нуосиш* и др. В словенском в первом случае ударение переносится на следующий слог, где оно является нисходящим, а в односложных словах (в том числе и тех, которые стали односложными после утраты *ъ, ь* слабых первого слога), ударение нисходящее; во втором случае ударение вообще там же, где и в русском языке, и при этом восходящее, а звук *o* закрытый: 1) *vodo, slovo, prosno, kosti*⁴³, *sto, kto* с нисходящим ударением; 2) *vola, nosi*⁴³ и др. В сербском в обоих случаях *o* с нисходящим ударением, но в 1-м случае *o* часто бывает долгим, а во втором оно обычно краткое: 1) *воду* и др., 2) *воля, носии*⁴³ и др. В чешском в 1-м случае в первом открытом слоге слова, а также в новом закрытом слоге не перед сонорными *o* краткое, а перед сонорными, а также перед *v* и *j* — *ů*, а во 2-м случае *ů* как в закрытых, так и в открытых слогах.

⁴³ Выделены гласные тех слогов, на которых ударение.

3. Не в 1-м слого слова в в.-р. говорах, различающих ударяемые *o* и *yo* на месте старого о.-сл. *o*, произносится всегда *yo*, кроме слабоударяемых слов: *забуота*, *молокуо*, *окнуо*, *шифуокий*, *веснуой*, *рабуота*, *наруод*, род. *наруода* и пр. В словенском в соответствующих случаях является *o* закрытое с восходящим ударением: *zabota*, *naroda*, *poroda*, *proroka* и пр. В сербском и чешском языках ударение в этих случаях перенесено, и потому ясных указаний на характер ударения в о.-сл. в таком положении эти языки не дают.

Ввиду согласных указаний в.-р. говоров и словенского языка можно думать, что ударение в этом случае по качеству совпадало с тем ударением, какое было в 1-м слого на старом *o*, изменившемся в в.-р. говорах в *yo* и сохранившем свое место ударения в словенском языке.

4. Гласные *e*, *ѣ* и *ѵ* в 1-м слого слова во всем русском языке под ударением имели одинаковую судьбу независимо от характера ударения в о.-сл.: *e* одинаково изменялось в *o* или *e* в в.-р и б.-р. в зависимости от характера следующего согласного звука и сохранялось как *e* или изменялось в дифтонги в м.-р. в зависимости от судьбы редуцированных гласных следующего слога, *ѣ* одинаково во всем русском языке изменился в *o*, а *ѵ* в *e* и *o*. В словенском в одних случаях ударение с 1-го слога слова перенесено на 2-й слог, где является нисходящим, в других случаях сохранено на 1-м слого: 1) *nebo*, *pepel*, *jesen*, *jezero*, *melivo*, 2) *brdo*, *zrkalo*, *sela*. В штокавских говорах сербского языка в обоих случаях является одинаково нисходящее ударение на кратком гласном звуке: *jezero*, *вечера*, *небо*, *звено*, *брдо*, *грло*, *зрно*, *дрво*.

Судя по указаниям словенского языка, можно думать, что и на гласных *e*, *ѣ*, *ѵ* в о.-сл. языке различались те же два вида ударения, что и на *o*, причем одно из них в словенском и с этих гласных переносилось с 1-го слога слова на следующий слог, а другое сохранялось на 1-м слого; а в штокавских говорах сербского языка, в чешском и русском оба вида ударения, бывшего на 1-м слого, удержались на этом слого и совпали по качеству.

5. Ударение на 1-м слого с гласными о.-сл. языка *a*, *y*, *ы*, *и*, *ѣ*, *o* носовое и *e* носовое в славянских языках имело следующую судьбу:

В русском языке ударение в 1-м слого на этих гласных везде одинаково по качеству и не вызывает различных изменений этих звуков, но при положении после предлогов в одних словах переносится на предлог, в других не переносится (за исключением приставки *вы-*). В сло-

венском в одних случаях ударение с 1-го слога перенесено на следующий слог, где оно является нисходящим, в других сохранилось на 1-м слоге, частью как восходящее, частью как нисходящее: 1) *suho, druga, seno, dever, mladost*, 2) *kraja, leto, lipa, brata, mera, riba, lipami, sipati, delati, begati, jagoda, vidim* и др. В штокавских говорах сербского языка в соответствии со словенским перенесенным ударением обычно является нисходящее ударение на долгой гласной, в соответствии со словенским ударением на 1-м слоге — нисходящее ударение на краткой гласной: 1) *сухо, друга, сијено*⁴⁴, *сину*; 2) *краја, суше, видим, сједем, брата, мјера, синове, рибџа, дјелала*, но в некоторых случаях долгота сохраняется: *дача, тежа, суша*. В чешском в 1-м случае в первом слоге двусложных слов под ударением краткие гласные, во 2-м долгие.

6. Не в 1-м слоге слова в словенском старом (не перенесенное с 1-го слога) ударение по качеству по большей части совпадает с тем ударением, которое сохранилось на 1-м слоге, и потому можно думать, что и в о.-сл. ударение не на 1-м слоге по качеству более или менее совпадало с тем ударением 1-го слога, какое соответствовало словенскому перенесенному ударению и какое было на том *o*, которое в в.-р. говорах изменилось в *yo*.

Таким образом, мы устанавливаем два вида о.-сл. ударения (безотносительно к долготе или краткости гласных): 1) одно из них являлось только в 1-м слоге слова, а также в односложных словах или тех, которые стали односложными позднее во всех славянских языках; это ударение в словенском перенесено с 1-го слога на следующий слог, а в односложных словах сохранилось как нисходящее в части в.-р. говоров и в чешском языке отразилось на открытом произношении старого *o*; оно же было в о.-сл. на сочетании «*o* или *e* + плавная» между согласными в том случае, когда ударение падало на первую часть этого сочетания; 2) другое могло быть на любом слоге слова; в словенском языке это ударение сохранилось без переноса; гласная *o* под этим ударением становилась закрытой в словенском, чешском и в.-р., отчасти и в польском языках, откуда в.-р. начальное *vo* из о.-сл. *o*, в.-р. диалектич. *yo* (см. §§ 89.2, 91.5), словенское *o* закрытое с восходящим ударением, чешское *ů*, польское (иногда) *ó*; краткие гласные под этим ударением в чешском могли удлиняться; наоборот, в сербском долгие гласные под

⁴⁴ См. выше стр. 129, примеч. 42.

этим ударением по большей части сократились; это ударение было между прочим в о.-сл. на 2-й части сочетания «*o* или *e* + плавная» между согласными. Первый вид ударения принято называть «нисходящим», второй — «восходящим», основываясь на таких соображениях: 1. ударение с 1-го слога слова в о.-сл. языке переносилось на предлог или отрицание в 1-м случае и не переносилось во 2-м: а) р. *из дому, на воду, за слово, под носом, на поле, от роду, под гору, зафросто, на сто, ни за что ни про что, на небо, под вечер, на весну, засухо, на зиму, за сеном, недруг*, др.-р. *про гость*, с.-в.-р. диалект. *на озери*; б) р. *на кожу, из кожи, про волю, под ношей, уносишь, под горку, за зёрнами, за зеркалом, у края, из ряя, на сушу, под липой, на дачу, у брата, за брата, за меру, из рыбы, за ягодами, по ягоды* и пр. На то же явление указывают и сербский и словенский языки. 2. В односложных словах в словенском языке до сих пор различаются ударения нисходящее и восходящее; так как в этих словах не могло быть переноса ударения, то можно думать, что словенский язык сохранил в этих случаях о.-сл. качество ударения. Но во всяком случае различие между двумя видами о.-сл. ударения не могло ограничиваться только этим. Допуская, что все различие между ними было только в том, что первое было нисходящим, а второе восходящим, мы не можем объяснить, каким образом нисходящее ударение в словенском перенесено с 1-го слога на следующий слог, тогда как восходящее ударение на 1-м слоге сохранилось; неясно также, какими причинами вызвано удлинение гласных звуков под восходящим ударением в чешском, в.-р., отчасти польском языках. По-видимому, так наз. «нисходящее» ударение было по преимуществу музыкальным, а «восходящее» по преимуществу экспираторным, т. е. первое состояло в повышении голоса и сравнительно слабом его усилении, второе же заключалось главным образом в усилении голоса.

II. Отношение русского языка к другим славянским языкам

§ 158. Сравнивая отдельные славянские языки между собой, мы можем заметить, что они по своим особенностям объединяются в три группы: восточнославянскую, или русскую, к которой принадлежат русские языки — великорусский, белорусский и малорусский; западно-

славянскую, обнимающую языки польский и кашубский, верхнелужицкий и нижнелужицкий, чешский и словацкий; и южнославянскую, в которую входят языки болгарский, сербохорватский и словенский. Черты сходства между языками, входящими в одну группу, и различия между языками одной и языками другой группы не оставляют сомнения в ближайшем родстве языков каждой такой группы в отдельности, т. е. в том, что между эпохой распада о.-сл. языка и эпохой самостоятельной жизни каждого из нынешних славянских языков была общеюжнославянская эпоха для южнославянских, общезападнославянская для западных славянских и общерусская для русских языков, т. е. можно говорить о существовании в прошлом языков русского, западнославянского и южнославянского, позднее распавшихся на существующие теперь славянские языки. Но этим ближайшее родство между отдельными славянскими языками не ограничивается. Не говоря уже о более близком родстве между языками в пределах одной группы, можно заметить существование связи между языками, входящими в разные группы: так, например, чешский и словацкий языки ближе к южнославянским, чем языки польский, кашубский и лужицкие; далее, можно указать черты, сближающие русские языки, с одной стороны, с западнославянскими, с другой — с южнославянскими. Так как все совпадения русских языков с западнославянскими, отличающие эти языки от южнославянских, и, наоборот, совпадения русских языков с южнославянскими в чертах, отсутствующих в западнославянских языках, равно как и черты, сближающие чешский и словацкий языки с южнославянскими, нельзя объяснить случайностью, то следует допустить, что эпохе существования общерусского, общезападнославянского и общеюжнославянского языков предшествовали эпохи, когда группировки славянских языков были другие, причем эти группировки менялись, как показывает близость русских языков, с одной стороны, к западнославянским, с другой — к южнославянским, и т. д. Остается вопрос, следует ли эти группировки относить к эпохе после окончательного распада о.-сл. языка или смотреть на них как на группировку наречий одного о.-сл. языка, предполагая наличность живой связи не только в пределах каждой диалектической группы, но и между самими группами. Не решая этого вопроса, отмечу только те черты, которые указывают на отношение русских языков к другим славянским языкам.

§ 159. Русские языки представляют ряд черт, с одной стороны, отличающих их как от зап.-слав., так и от ю.-сл. языков, с другой — черты, сближающие их или с одной, или с другой группой славянских языков. Из них следует различать черты более или менее исконные, действительно указывающие на связь русских языков с теми или другими славянскими языками, и черты более поздние и случайные.

§ 160. Черты, отличающие русские языки от всех других славянских языков с самого момента выделения русского языка: 1) полногласие (см. §§ 12, 81, 177); 2) сочетания *ол*, *ор*, *ер*, между согласными из о.-сл. *ъл*, *ьл*, *ѣр*, *ѣр* (см. §§ 81, 178); 3) *ж* из о.-сл. *ѡ* (см. § 81); 4) *о* вместо начального *е* (см. §§ 81, 127). По другим чертам русские языки не занимают обособленного положения среди других славянских языков.

§ 161. Общие черты русских и южнославянских языков. С южнославянскими языками роднят русский язык следующие черты:

1. Переход о.-сл. сочетаний *дл*, *тл* в одно *л*, тогда как в зап.-слав. языках эти сочетания сохранились: р. *ель*, *еловый*, *сало*, *мыло*, *крьло*, *горло*, *молиться*, *молитва*, *шёл*, *мёл*, ж. р. *мела*, *плёл*, ж. р. *плела*, и др., с. *јела*, *јелов*, *сало*, *мило*, *крило*, *грло*, *молити се*, *молитва*, *ишао*, *мео*, ж. р. *мела*, *плео*, ж. р. *плела*, п. *jodła*, *jodłowy*, *sadło*, *mydło*, *skrzydło*, *gardło*, *modlić się*, *modlitwa*, *szedł*, *miótl*, ж. р. *miotła*, *plótl*, ж. р. *plotła*; в древнейших памятниках русского письма написания **крилъ**, **молитва**, **шьль** и т. п. одинаково передают как ст.-сл., так и русское произношение этих слов. Но в части в.-р. говоров, именно, в говорах бывшей Псковской области и нынешних Псковской, зап. части Новгородской и ю. части Петроградской губ. сохранились некоторые следы и другого произношения. Именно, в псковских памятниках XIV—XVI вв. встречаются написания: **бюгли ся**, **привегли**, **оусегли**, **сострѣкли**, **чькли** и т. п. (= *блюли ся*, *привели*, *въсѣли*, *сострѣли*, т. е. встретили, *чьли*, т. е. читали), где *г*, очевидно, из старого *д* перед *л* (ср. диалектич. *гля* = *для* и т. п.); в нынешних говорах Псковской и Петроградской губ. *Жерегло* (пролив между Чудским и Псковским озером = жерело), *жагло* (жало), *перецок* (из *перецокл* = *перечёл*), *прицклась* (*причлась*); там же и в зап. части Новгородской г. муж. р. прош. вр.: *пришот*, *ушот* (из *пришодл*, *ушодл*). В этих же говорах в других случаях, однако, является одно *л*: *мёл*, *плёл*, *сало*,

мыло, вилы, крылья, ёлка и пр. По-видимому, это потомки каких-то западнославянских говоров, оторвавшихся от западнославянской группы и вошедших в состав русского языка уже после его образования, причем эти говоры слились с остальными русскими говорами и утратили бóльшую часть зап.-слав. черт; этим объясняется, почему зап.-слав. *дл, тл* сохранились в таких говорах не последовательно, а лишь в некоторых словах и формах. Акад. А. А. Шахматов связывает особенности этих говоров с упоминанием Повести Временных лет, что «радимичи и вятичи от рода ляхов».

2. Переход о.-сл. *кѣѵ, гѣѵ* в *цѣѵ, дзѣѵ* (откуда *зѣѵ*-). См. выше § 147.3.

3. Черта, правда, сближающая русские языки только с сербохорватским, словенским и говорами ст.-сл. языка, но не с болгарским,— переход сочетаний губных *с j*, полученных из о.-сл. языка, в сочетания губных *с л* мягким. В о.-сл. сочетания губных *с j* в первом слоге слова во всех говорах о.-сл. языка изменились в сочетания губных *с л* мягким, ср. р. *блюдо*, б. *блюдо*, с. *бљудо*, ч. *blido*, п. *bluda*; сочетания же губных *с j* не в первом слоге слова перешли в сочетания губных *с л* мягким только в русском, сербском, словенском и говорах ст.-сл. языка, причем уже древнейшие памятники этих языков свидетельствуют о существовании этой черты. В зап.-слав. языках (во всех) и в болгарском о.-сл. сочетания губных *с j* дали мягкие губные, а в говорах ст.-сл. языка частью тоже дали мягкие губные, частью, по-видимому, сохранились как сочетания губных *с j*. Примеры: р. *грабли, земля, корабля, капля*, с. *грабље, зѣмља, капља*, п. *grabie, zietia, karia*, ст.-сл. **земля, зѣмьн** и **земн**, **капльн** и **капльн**, **корабльн** и **корабльн** и пр.

4. По-видимому, можно думать об эпохе совместной жизни предков русских и ю.-сл. языков, во время которой и развились черты, отличающие их от зап.-слав.

§ 162. Общие черты русских и западнославянских языков. С другой стороны, русские языки представляют немало очень старых совпадений и с зап.-слав. языками. Эти совпадения частью сближают русскую группу с зап.-сл. группой вообще, частью—с ближайшими языками этой группы: польским, кашубским и лужицкими.

1. Само полногласие свидетельствует об отсутствии удлинения *о* перед плавной в тех говорах о.-сл. языка, к которым восходят русские языки, а этим они сближаются не с ю.-сл., а с северо-западными славянскими языками (чешский язык в данном случае примыкает к ю.-сл. языкам).

2. Начальное *рo*, *лo* в таких словах, как *ровный*, *локоть*, сближает русские языки с зап.-слав., кроме словацкого. Эта черта такая же старая, как и отсутствие удлинения в сочетаниях гласной с плавной между согласными.

3. *ѣ* в окончании род. ед. и имен.-вин. мн. имен и местоимений ж. р. и вин. мн. муж. р. с основой на мягкий неслоговой звук, ср. м.-р. *еї*, *землі*, *коні* и т. п.; то же в зап.-слав. языках; в ю.-слав. звук, являвшийся в этих окончаниях, совпал со старым *е* носовым (ст.-сл. «юс малый»). (См. выше, § 134.)

4. Смягчение согласных перед палатальными гласными (*е*, *и*, *ѵ*, *ѣ*, *е* носовое, откуда теперь *а*), быть может, тоже сближает русский язык с северо-западными славянскими языками; правда, в м.-р. согласные перед *е*, *и* тверды, но это отверждение позднее.

5. В русском языке, как и в северо-западных славянских языках, *е* перед твердыми согласными перешло в *o*; в русском, как и в лужицких языках, этот переход не обусловлен характером следующей твердой согласной; в польском же и кашубском он является только перед твердыми зубными. Правда, этого перехода почти нет в м.-р. языке, но некоторые факты, между прочим, северномалорусский переход *е* в новых закрытых слогах в *yo* и *y*, свидетельствуют о том, что *е* перед твердыми некогда и здесь изменилось в направлении к *o*, и м.-р. произношение с *е* представляет вторичное изменение этого звука.

Кроме этих черт, можно указать ряд морфологических и лексических особенностей, общих русским языкам с зап.-слав., главным образом с сев.-зап. (польским, кашубским и лужицкими), которые заставляют предполагать эпоху общей жизни предков русских и зап.-слав. языков, подобно тому как присутствие в русских языках черт, общих им с ю.-слав., приводило к предположению об общей южно-восточно-славянской эпохе.

§ 163. Эти два различные ряда совпадений русских языков показывают, что наречия, легшие в основу русского языка, прежде чем обособиться в самостоятельный язык, пережили очень сложную историю. Мы не станем здесь решать вопрос, какие из черт, сближающих русские языки в целом с той или с другой группой славянских языков, являются диалектическими чертами о.-сл. эпохи и какие возникли после распада о.-сл. языка и вызваны позднейшими группировками славянских языков: этот вопрос выходит за пределы истории русского языка.

III. Общерусские изменения звуков

§ 164. Главные эпохи в истории русского языка. В истории русских языков можно установить две главных эпохи: 1) эпоху общерусскую, с момента выделения русского языка из о.-сл. или с момента прекращения связи с другими славянскими языками до распада общерусского языка, и 2) эпоху, наступившую после распада общерусского языка, т. е. эпоху одновременного существования нескольких русских языков; по отношению к великорусскому языку можно различать период от распада общерусского языка до образования великорусского языка и после образования великорусского языка. В зависимости от этого деления изложение истории русского языка можно располагать по эпохам: 1) изменения звуков, произошедшие в русском языке в общерусскую эпоху, и 2) изменения звуков, произошедшие в в.-р., б.-р. и м.-р. языках после распада общерусского языка. Но при таком делении мы не всегда можем отличить явления, возникшие в в.-р., б.-р. и м.-р. языках после распада общерусского языка, от диалектических явлений общерусской эпохи, так как уже в эту эпоху существовали заметные различия между наречиями общерусского языка; так, особенности южнорусские и севернорусские определились уже в общерусскую эпоху. Поэтому изменения звуков русского языка я буду рассматривать в другом порядке: 1) сначала изменения общерусские, затем 2) изменения не общерусские, но общие разным русским языкам и, наконец, 3) изменения, принадлежащие только одному из русских языков, хотя бы возникшие еще в о.-р. эпоху. Конечно, и при таком порядке изложения будет принята во внимание сравнительная хронология исторических явлений языка.

А. Изменения доисторические

§ 165. Доисторическими изменениями звуков мы называем те изменения, которые произошли еще до появления первых письменных памятников языка. Для русского языка такой доисторической эпохой является время до середины XI в. (точнее, до 1056 г., времени написания Остромирова Евангелия) или, если принимать во внимание документальные указания на некоторые особенности русского языка у Константина Багрянородного,— до середины X в.

К доисторическим изменениям звуков русского языка относятся следующие.

§ 166. Смягчение всех согласных перед палатальными гласными (тогда еще *e, u, ъ, ѳ, е* носовое). В о.-сл. согласные в этом положении были полумягки, как показывают южнославянские языки (главным образом, сербохорватский и старославянский), но в северо-западных славянских языках смягчились, как и в русском. Смягченные согласные этого происхождения (из о.-сл. полумягких перед палатальными гласными) сохранили мягкость в в.-р. и б.-р., но в м.-р. они мягки лишь перед заместителями старых *e* носового и *ѳ*, а также в конце слова и перед согласными после выпадения старого *ѳ* слабого, и тверды перед *e* (из о.-сл. *e* и *ѳ*) и перед *u*. Но эта твердость вторичная, на что указывают следующие факты. 1. В м.-р. перед *e, u* отвердели не только о.-р., но и о.-сл. мягкие согласные; согласные тверды не только в таких словах, как *низкий, лист, несеш, летить, тихо, горить*, где *н, л, р, с, т* из о.-сл. немягких (полумягких), но и в словах: *нива, над ними, земли, бури, до него, поле, лице*, где *н, л, р, ц* — из о.-сл. мягких, хотя перед другими гласными и в конце слов о.-сл. *н, л, р, ц* мягкие в м.-р. не отвердели: *кѣнь, коня, земля, буря* (в тех говорах, где сохраняется вообще *р* мягкое), *лица, на рѹцѣ*. 2. Мягкие согласные сохранились а) если конечные *e, u* отпали: *мать, повел. берѣть* (2 мн.), инфин. *ходить* (рядом с *ходити*) и т. п., б) в таких словах, как *тъомний, льон, слѣози* и т. п., в) в с.-м.-р. говорах перед дифтонгом *уо* или *ио* из старого *e* перед твердыми: *нюос, тѹотка* и пр. Отверждение согласных перед *e, u* в м.-р. вызвано, по-видимому, изменением в артикуляции самих гласных *e, u*, которые произносятся не при передних, а при передне-средних подъемах языка.

§ 167. Смягчение согласных перед гласными *u, ѳ, ѳ* могло быть отмечено только в тех памятниках русского письма, в которых различаются буквы «н», «л», с одной стороны, и те же буквы со значком мягкости, с другой стороны. Те памятники, в которых не употреблялись такие буквы, не располагали средствами для обозначения мягкости согласных перед звуками *u, ѳ, ѳ*. Но и те памятники, в которых буквы «н», «л» и те же буквы со значком для мягкости употребляются безразлично, не дают достаточно ясных указаний, потому что нельзя решить, понимал ли писец эти буквы как знаки для *н, л* мягких или нет.

Только те памятники, в которых мы видим стремление правильно различать эти буквы, при выдержанности правильных написаний могут говорить о различии между старыми мягкими и немягкими *н* и *л* в языке писца, а своими отступлениями от правильного правописания могут указывать на совпадение старых мягких *н* и *л* с новыми *н* и *л* мягкими, получившимися вследствие смягчения этих звуков перед *и*, *ь*, *ѣ*. Такое правописание мы встречаем в ряде памятников XI и XII вв. В этих памятниках обыкновенно буквы «н» и «л» со значком мягкости пишутся почти без исключений только на месте старых, т. е. о.-сл. смягченных *н* и *л*: так, во 2-м почерке Арх. ев. на 8 случаев правильного написания буквы «л» с крючком сверху, обозначавшим мягкость, и 8 случаев правильного написания «н» с крючком, обозначавшим мягкость, нет ни одного случая неправильного употребления этих букв; в Типогр. Уставе № 142 XI—XII в. немногие случаи написания такого «н» перед *ѣ*: **гнѣвь** («н» с крючком) 25 об. и т. п., кажется, обязаны своим появлением последнему переписчику, в оригинале которого было много, но, по-видимому, только правильных случаев с такими буквами. Но эта правильность в значительной степени объясняется тем, что эти буквы встречались в определенных категориях слов, которые нетрудно было запомнить: «н» с крючком — в косвенных падежах местоимения *и* с предлогами: *съ нимъ* и т. п., в прилаг. *господьнь*, в существительных на *-ня* или *-ни*, «л» с крючком — после губных в конце основы и у существительных на *-ля*, кроме того, те памятники, которые употребляли эти буквы также перед «юсом малым», могли руководиться правилом, что они пишутся в глаголах на *-няти* и *-ляти*. Но правильность в употреблении этих букв в самых грамотных памятниках русского письма XI—XII вв. однобокая: если писцы не делают ошибок там, где пишут их, то зато они очень часто пишут «н», «л» там, где следовало бы писать те же буквы с крючком, ср. во 2-м почерке Арх. ев.: **кънигы**, **кънижьникъ**, много раз (с буквою «н» с крючком это слово в Арх. ев. не пишется), **на нь**, **съ ними** (много раз), **преклонь**, **оуныше**, **послѣднии**, **земли**, **оучитель**, **оставльше** и мн. др. (во всех примерах «н», «л» без крючка), в Типогр. Уставе: **на земли**, **корабль**, **поклоньше**, **въ въшьнихъ**, **въ нь** и мн. др. Это указывает, что в написании букв «н», «л» со значком мягкости писцы руководились не произношением, а орфографическими соображениями, и что в их произношении эти буквы перед *и*, *ь*, *ѣ* не отличались от «л», «н».

§ 168. Смягчение согласных перед *e* носовым, точнее, перед тем гласным звуком, который произносился в начале исторической эпохи в русском языке на месте о.-сл. *e* носового, могло быть отмечено как теми памятниками, которые различали буквы «н», «л» без значка мягкости и со значком, так и теми памятниками, которые употребляли после согласных и букву «а йотированное», и букву «юс малый». Памятники, не употреблявшие букв «н» и «л» со значком мягкости и употреблявшие после согласных только «юс малый», не могут свидетельствовать о произношении согласных перед заместителем старого *e* носового, потому что одна и та же буква могла обозначать разные звуки, если эти звуки были близки друг к другу, а на письме не было средств для их различения. Памятники, употребляющие после согласных буквы «юс малый» и «а йотированное», позволяют судить о произношении звуков, обозначаемых этими буквами, если мы в правописании замечаем стремление различать эти буквы, поскольку это стремление не выдержано. Так, во 2-м почерке Арх. ев. мы находим стремление писать «а йотированное» в соответствии со ст.-сл. «а йотированным» или «юсом малым» после *н, л* мягких и букву «юс малый» в соответствии со ст.-сл. «юсом малым» после немягких и после шипящих: здесь обычно пишется «а йотированное» в местоим. **за нна** и т. п., в прилаг. **вышньнааго, нижньнааго**, в глаголах с длительной основой на *-яти*: **испълнаа ся**⁴⁵, **кланнаа ся, раздѣлающе**, в имперфекте: **цѣлаше**, в существ. на *-я*: **волна** и т. д. Но писцу не удастся выдержать ст.-сл. орфографию. Он часто пишет «л» после «л», «н», «р», «с» вместо «а»: **боляше, моляхоу ся, храняше, варяю, лазоря, сентямбрия, разаряна, самарянь, вся, всякъ** (много раз) и т. д.⁴⁶; с другой стороны, употребляет букву «а» после «м»: **имна** (много раз), **мна** (много раз), **время, беремна**, а иногда и после других букв: **блоудна** (запись). Эта невыдержанность указывает на то, что в языке писца согласные в сочетаниях, где он писал буквы «а» и «л», были одинаково мягки. В Ефремовской Кормчей

⁴⁵ Буквой «я» здесь и ниже передается буква «юс малый» (л).

⁴⁶ Большая часть (и очень много) ошибочных написаний с «л» вместо «а» приходится на долю имперфекта. Не объясняется ли это тем, что в имперфекте писец произносил *a* с предшествующей мягкой согласной в таких случаях, как *бляху, хотяше*, где он писал «л», руководясь правилом, что «а» пишется только после «л», «ч», «м» (последнее в силу какого-то недоразумения)? По аналогии с этими случаями он писал в имперфекте «л» и после сонорных.

XI—XII в. после «л», «н» пишутся «л» и «н» независимо от того, соответствуют ли «л» и «н» о.-сл. мягким или немягким согласным. В Типогр. Уставе рядом с правильными написаниями **обѣднана, кланнаюца** и т. п. обычны такие, как **косянтиня града, земля, поставляют ся, лазоря, вечерня, всяко** и т. п. То же правописание мы находим и в других памятниках XI—XII вв., употребляющих и «л», и «н» после согласных.

§ 169. Смягчение согласных перед *е* могло быть отмечено как в памятниках, различавших буквы «н», «л» без значка мягкости и со значком, так и в памятниках, употреблявших после согласных не только букву «е», но и букву «е йотированное». Памятники, употреблявшие после согласных только букву «е», не располагали средствами для различения мягких и немягких согласных перед *е*. Но мы имеем целый ряд памятников, различающих по употреблению буквы «е» и «е йотированное» после согласных; некоторые из этих памятников обнаруживают такую правильность в правописании этих букв, которая заставляет думать, что о.-сл. несмягченные согласные перед *е* в произношении писцов этих памятников звучали не так мягко, как о.-сл. смягченные согласные. Так, во 2-м почерке Арх. ев. после «л» и «н» последовательно пишется «е йотированное» (более 100 раз) во всех случаях, где согласные *л, н* восходят к о.-сл. *л, н* мягким, и так же последовательно «е» после о.-сл. немягких согласных (как после «л», «н», так и после других): **о нѣмь, понѣже, отнѣлѣже, поклонѣние, обременѣни, тоунѣ, мнѣ** (ср. ст.-сл. «меньше»), **глаголетѣ, чървлѣною, възлюблѣнѣ, вселѣноюу, землѣ** (зв.) и т. д., **привлекоу, възлеже, съплетѣше, облекоша, не погыбнѣть, имене, възнезапоу** и т. д. Единственный случай написания «ѣ» не после «л», «н» приходится на положение после мягкой шипящей: **наречѣши ся** 168. Объяснять эту последовательность одной грамотностью нельзя, потому что тот же писец обнаруживает непоследовательность в употреблении «л» и «н». В Мстисл. грам. около 1130 г. различаются «не» в **почнѣть, игомене, изоостанѣть** и «нѣ» в **донѣлѣже, осеннѣеѣ, въ нѣ**, и только один раз ошибочно написано **оу него**. Мстисл. грам. не списана со ст.-сл. текста, и можно думать, что различие между «не» и «нѣ» основано на произношении, и что **оу него** — описка или ошибка, вызванная какими-нибудь особыми причинами, и не указывает на произношение. В Ефремовской Кормчей нач. XII в. случаи написания «ѣ» вместо «е» и наоборот настолько

редки по сравнению со смешением «л» и «ю», что вызывают вопрос, не списана ли Ефр. Кормчая с такого списка, в котором буквы «е» и «ю» не смешивались лицом, которое уже не различало о.-сл. мягких и нем мягких перед *e*? В Типогр. Уставе XI—XII вв. о.-сл. сочетаниям *nⁱe* (с *n* мягким), *lⁱe* (с *l* мягким) постоянно соответствуют «нѣ», «лѣ» или «не», «ле» со значком мягкости у букв «н», «л»: **съ заоутрънѣю, на нѣмь, поклонѣнню, хвалѣннѣмь, волѣю, посылеть, г(осподи)не** (в последних двух словах «н», «л» с крючком) и т. п., и только один раз ч. **Сумеюне**, где «н» с крючком, и несколько раз встречаем написания «не», «ле» вместо «нѣ», «лѣ»: **съ заоутрънею, блгословень, глѣ, къ нему** и т. п. По-видимому, и здесь отступления от правильного обозначения мягкости согласных перед *e* принадлежат последнему переписчику; в оригиналах же его «не», «ле» и «нѣ», «лѣ» могли различаться правильно⁴⁷. Есть, однако, и такие памятники, писцы которых, будучи знакомы с орфографией, различавшей *n*, *l* мягкие и нем мягкие, этой орфографии не выдерживают. К таким памятникам принадлежат отчасти только что названные Ефр. Кормчая и Типогр. Устав, последние писцы которых не различали *n*, *l* мягких и нем мягких. В Остр. ев. встречаются написания **погыбнеть**, где «н» с крючком, **гниетоуть**, в 1-м почерке Арх. ев. **идѣ, крвьѣ**, в Гал. ев. 1144 г. **боудѣть** и др., в Добр. ев. 1164 г. **възлѣже, знамѣнѣе**, и т. д. Вывод, какой можно сделать на основании изучения подобных памятников, такой. Правильное различение «е» и «ю» после «н», «л» не может объясняться как чисто орфографическое явление и, следовательно, указывает на произношение самих писцов. Согласные в положении перед палатальными гласными *u*, *ь*, *ѳ* и звуком, получившимся из *e* носового, русские писцы в XI в. произносили мягко. В положении же перед звуками, обозначавшимися буквою «е», некоторые писцы различали в своем произношении старые смягченные согласные, которые произносили безусловно мягко, и те согласные, которые в о.-сл. еще не были смягченными и которые и они произносили не вполне мягко. Судя по тому, что в севернорусских мнѣях конца XI в. общеславянские смягченные и полусмягченные *l*, *n* перед *e* не различаются, что Ефр. Кормчая и Типогр. Устав, в которых правописание, различающее мягкие и нем мягкие *l*, *n* перед *e*, не выдер-

⁴⁷ Показания Типогр. Устава № 142 особенно ценны потому, что Устав, по-видимому, переведен на Руси, а не у южных славян.

жано, представляют севернорусские списки с южнорусских оригиналов, и что Арх. ев., в котором это правописание выдержано, написано, по-видимому, в Южной Руси, можно думать, что произношение, различавшее мягкие и полумягкие согласные перед *e*, свойственно было только южнорусским писцам, хотя и среди последних, как показывают 1-й почерк Арх. ев., Гал. ев. 1144 г., Добр. ев. и др., были такие, по крайней мере, в середине XII в., которые произносили все согласные перед *e* вполне мягко. Можно думать, что в части южнорусских говоров XI в. новое смягчение согласных перед *e* еще не было полным, а окончательное смягчение их в этом положении произошло несколько позже. Но более вероятно, что немягкое произношение *л*, *н* перед *e* в тех случаях, когда они соответствовали ст.-сл. немягким *л*, *н*, было только книжным или литературным и не совпадало с живым русским произношением. Что подобное явление было возможно, можно заключать на основании того, что в нынешнем русском произношении иностранные слова довольно легко усваиваются с немягкими согласными перед *e*: *это*, *Тэн*, *рэфлекс*, *дэзорганизация*, *Вольтэр*, *Гайнэ*, *пэнснэ*, *сэрсо* и пр., между тем как немягкие согласные перед *и*, *й* заменяются мягкими даже при чтении на иностранном языке; точно также остаются переданными в русском произношении иностранных слов и многие другие особенности иностранного произношения. Другим указанием на возможность книжного произношения немягких согласных перед *e* при свойственном живому языку в подобных случаях произношении мягких согласных является поморское старообрядческое произношение при чтении церковных книг сочетаний *бе*, *ве*, *де*, *не*, *пе*, *се*, *те* и др. с немягкими согласными, а сочетаний *бѣ*, *вѣ*, *дѣ*, *нѣ*, *пѣ*, *сѣ*, *тѣ* и пр. с мягкими; можно думать, что это произношение, не соответствующее живому произношению поморских старообрядцев, заимствовано русскими у южных славян в XIV—XV вв.

§ 170. Переход *ел*, *ъл* в *ол*, *ъл*. Еще раньше, чем согласные перед *e* в русском языке смягчились, в сочетаниях *ел*, *ъл* между согласными *e* переходило в *о*, а *ь* в *ѵ*. Очевидно, согласная *л* в этих сочетаниях уже тогда звучала очень твердо. Следовательно, изменение *e*, *ь* в *о*, *ѵ* в таких сочетаниях указывает на более раннее общерусское изменение *л* среднего в *л* велярно-зубное перед согласными, независимо от качества следующего согласного звука, т. е. не только перед твердыми, но и перед мягкими. Примеры: *волк*, *долг*, *толку*, *молчать*, *молоко*, *молоть*,

народн. и др.-р. *полон, жолоб*, ср. п. *wilk, milczec, mleko, mleć, plon*, ст.-сл. **млѣко, млѣти, плѣнь, жлѣбъ**. В древнейших памятниках русского языка (XI в.) это явление отразилось в написаниях с «ѣл» таких слов, как **вѣлкъ, пѣльнъ, мѣлчачоу, испѣлнивъ** и т. п., причем в тех памятниках, в которых является русское правописание подобных сочетаний с гласными перед плавной, перед «л» всегда пишется «ѣ».

§ 171. Переход *ч, дж* с долгим затвором (из *tj, kt* и *dj*) в *ч, дж*. Таким образом, новое *ч* совпало со старым из *k, kj*, что касается *дж*, то оно вообще переходило в *ж*, т. е. совпало с *ж* другого происхождения (из *г, gj*), но диалектически, быть может, сохранялось *дж*, ср. нын. м.-р. и б.-р. *виджу, саджу, саджений* = в.-р. *вижу, сажу, саженьий*. В памятниках XI в. и позднее *ж* такого происхождения почти всегда передается буквою «ж»: Остр. ев. **прихожоу, роженни** и др., Изб. 1073 г. **жажа, прѣже**, Арх. ев. **хожаше, межоу, дажь, не обижоу** и т. п. Что касается «ч», то в русских списках церковнославянских книг оно встречается значительно реже, в виде ошибок против нормальной орфографии, требовавшей в подобных случаях буквы «џ»: **џюждего, трепечоушта** Изб. 1073 г., **скръжьчеть, хочеши, хочю, Вячеслава, по џюжемь** 2 поч. Арх. ев., **ба ся богаче** Мин. 1095 г. (запись) и др.

§ 172. Изменение *о, е, ѣ* носовых в неносовые *а, у, ъ*. В ту эпоху, когда происходил этот переход, согласные перед *е* носовым уже были мягки и остались такими и в нынешних русских языках. Древнейшие указания на это изменение — у Константина Багрянородного, который передает русские (по Константину — славянские) названия Днепровских порогов $\text{Неа}\sigma\eta\tau$ (= *Неясъть*, где «я» из *jeⁿ*) и $\text{В}\epsilon\rho\upsilon\tau\zeta\eta$ (= *Вѣручий*, где «у» из *о* носового); в Остр. ев. «юс большой» и «оу» читаются одинаково за *у*, «а йотированное» и «юс малый йотированный» — одинаково за *ја* и «а» и «юс малый» после шипящих одинаково за *а*: **лоукавый, водоу, могоу, волю, оубиють, назыкь, жьня, почяхъ** и пр. Звук *ѣ* из *ѣ* носового передается уже в памятниках XI в. через «ѣ»: **отъ троицѣ** Изб. 1073 г., **недѣлѣ, Захариѣ, с(вя)тоѣ, ключѣ** Арх. ев., **с(вя)тоѣ м(учени)цѣ** Мин. 1095 г., **от съсоудохранильницѣ, въ всѣ же недѣ** Типогр. Уст. № 142.

§ 173. Отпадение начального *j* перед *у*. Начальное *j* в р. языке отпало как перед старым *у*, так и перед *у* из *о* носового. Таким образом получились в р. языке слова: *уный, уноша, уг, уха* и др., в со-

ответствии со ст.-сл. **юнь, юноша, югъ, юха** (во всех этих словах *j* старое, дославянское); *удыже* в соответствии со ст.-сл. **ѣдоу же, утфо** при ст.-сл. **оутро** и **ютро**; в памятниках XI—XII вв.: **оудыже** Арх. ев., **къ оужьнѣи странѣ** Типогр. Уст. № 142 XI—XII в., **оуноша** Ефр. Кормч. и др.

§ 174. Изменение *e* в *ö* перед твердыми согласными. Указание на это изменение извлекаем из перехода этого звука в *o* в в.-р. и б.-р. и из того, что в м.-р. после удлинения гласных в новых закрытых слогах и перехода их в дифтонги этот звук изменялся в дифтонг *йö* или *yo*, ср. нын. с.-м.-р. *нюос*, а также из того, что после шипящих в м.-р. перед твердыми согласными тоже *o*: *жона, чоловік* и пр.⁴⁸ В памятниках указанное изменение не могло быть отмечено за отсутствием в славянской азбуке особой буквы для *ö*; поэтому звук *ö* сознавался писцами как видоизменение звука *e* и обозначался буквою «е». Нынешнее в.-р. *o* в конце слова из *e* не восходит к о.-р. *ö*, а явилось нефонетически (ср. в имен. ед. р. не только *лицо, питьё, моё*, с.-в.-р. *полё*, но и с.-в.-р. *имё*) или же вследствие позднейшего диалектического перехода конечного *e* в *o* в части с.-в.-р. говоров.

§ 175. Переход *ь* в *ö* округленное. В то же время *ь* в таком же положении становилось округленным, т. е. близким к *ö*, но отличавшимся от *ö* из *e*, между прочим, особой краткостью и неполнозвучностью; отсюда в в.-р. и б.-р. *o*: *овёс, тёмный, шёл*, а в м.-р. *e*, но также и *o*: *овес* и пр., но *тьомный, льон, ішов, шовковий, слёзи*.

§ 176. Переход начального *e* в *o*. Русские *озеро, осень, один* и пр. можно возводить к о.-сл. диалектическим *езеро, есень, единь* (при *језеро, јесень, јединь* других говоров). Такому же переходу в *o* подверглось начальное *e*, а также *e* (не *je* или *йе*) после гласных в заимствованных словах, причем закон об этом переходе продолжал действовать еще в историческую эпоху — в XI в. В памятниках в подобных случаях *o* уже в XI в., хотя примеров очень мало, так как русское живое произношение противоречило церковной орфографии и книжному произношению: **одины** Изб. 1076 г., **одинь** 2-й поч. Арх. ев. и др., **окте-**

⁴⁸ Впрочем, изменение *e* в *o* после шипящих могло быть результатом и другого процесса, изменения в направлении к *o* после старых смягченных,—процесса, начало которого может относиться к эпохе до окончательного смягчения согласных перед *e*.

нина Типогр. Уст. № 142 XI—XII в., **озеро** Златоструй XII в., **Вифлеомъ, въ геону, Иосѣ** 2-й поч. Арх. ев. (впрочем, после *и* чаще «е йотированное»: **евангелиѣ** и др.) и т. п. Надо заметить, что в церковном произношении в XI и XII вв. греческие слова с начальным *е* и с *е* после гласных читались всегда без *ј* перед этим *е* (теперь принято их читать с *ј*); так, в русских церковных памятниках XI—XII вв. постоянно: **евангелие, еллина, Егуптъ, Елисавеоъ, архиереи, Иероусалимъ, перей, Нееманъ** и пр., тогда как в славянских словах всегда в начале слова «е йотированное» (кроме таких слов, как *еда, етеръ* и т. п.).

§ 177. Полногласие. В сочетаниях *ор, ер, ол* (последнее, как мы видели, не только из о.-сл. *ол*, но и из о.-сл. *ел*) с долгими слоговыми плавными между согласными после плавной развивался переходный, очень краткий звук, тождественный по качеству с гласным звуком перед плавной, причем плавная сокращалась и затем становилась неслоговой; в сочетании *ер^е* перед твердой согласной очень краткое *е* после *р* по общему правилу переходило в *ө*. Позднее *е, ө, о* после плавных в этих сочетаниях переходили в гласные полного образования еще в доисторическую эпоху, и таким образом получились сочетания *оро, ерө, ефе, оло* между согласными: *город, берёза, умереть, голова, молоко, жолоб* и т. п. В памятниках XI и XII вв. церковного письма примеры с русскими полногласными сочетаниями, как несвойственными церковнославянскому литературному языку, встречаются довольно редко, притом зачастую не в основном тексте, а в записях, приписках и т. п.: **Володимира, Новѣгородѣ** запись Остр. ев., **перегноувъ** приписка на поле писца Остр. ев., **поросяте, полонень** Изб. 1073 г., **оумерети, жеребина, беремна** 2-й поч. Арх. ев., **по середѣ, черева, норовъ, золотѣ** Миней 1095 г., **сторона, переходить, паволоцѣ, пороздьюю** (неделю, т. е. праздничную) Типогр. Уст. 142 XI—XII в., **измолода, городу, оболочашети и, воротъ, оболость** ж. Феодосия XII в., **половы, половець** Гал. ев. 1144 г. и др. В м.-р. *город, перед, голод* и т. п. *о, е* не перешли в дифтонги и в *і*, потому что стали гласными полного образования после того времени, как старые *о, е* удлинялись перед слогом с *ъ, ь* слабыми. Поэтому *і* в род. мн. *голів, беріз* и т. п. следует объяснять аналогией с другими род. мн. В русском языке, особенно в в.-р., много слов церковнославянского происхождения с ю.-слав. сочетанием «плавная + гласная» между согласными: *благо* (ср. др.-р. *болого*, между прочим в Слове

о полку Игореве), *глава, сладкий* (ср. м.-р. *солодкий*), главный (ср. м.-р. *головний* и в.-р. *головной* с другим значением), *плен* (ст.-сл. **плѣнъ**, др.-р. *полонъ*), *вред, пред, среда, упрекать* (ср. *перечить*), *требовать* (ср. др.-р. *притеребы*, название города в Галичине *Теребовль*), *время* (ср. др.-р. и м.-р. *веремя*), *прежде* (др.-р. *перезе*, в.-р. диалектич. *перез*) и мн. др.

§ 178. Изменение сочетаний *ѣр, ѡр, ѡл* между согласными. В сочетаниях *ѣр, ѡр, ѡл* (последнее из о.-сл. *ѡл* и *ѡл*) с неслоговыми *ѣ, ѡ* слоговыми плавными между согласными гласные стали слоговыми и перешли в *ѣ, ѡ* сильные, а плавные стали неслоговыми. Если в следующем слоге были *ѣ* или *ѡ* слабые, то плавные, быть может, еще раньше удлинялись, а затем, в то время, когда возникало полногласие, после них развивались гласные, тождественные по качеству с гласными перед плавными, т. е. *ѣ* или *ѡ*, а сами плавные сокращались и становились неслоговыми; *ѣ* и *ѡ* после плавных в таких сочетаниях были, по-видимому, слабее обычных *ѣ* и *ѡ* сильных, а потому сохранялись не везде и не при всяких условиях. Позднее эти *ѣ* и *ѡ*, если не выпадали, как и всякие *ѣ* и *ѡ* сильные, перешли в *о* и *е*. Такое изменение старых сочетаний *ѣр, ѡр, ѡл* между согласными в *ѣръ, ѡръ, ѡль* с дальнейшим переходом этих сочетаний в *оро, ёре, ерё, оло* называется вторым полногласием. Примеры на сочетания *ор, ол, ер* между согласными приведены выше (§§ 81.6, 156). Примеры 2-го полногласия: в.-р. *верёвка, долог* (долгий), *полон* (полный), диалект. *молонья, верёх, доложно, столб, кором*, м.-р. *горон* и пр., но также: *молния, верх, должно, столб, кофм, горн*, существ. *долг, смерть* и пр.; в в.-р. *смерётушка, столобок*, м.-р. *горобок* гласная после плавной, быть может, по аналогии. В письменных памятниках сочетания *ѣр, ѡр, ѡл* между согласными до конца XII в. обычно передавались начертаниями «ѣр», «ѡр», «ѡл»: **тържьникомъ, скърбь, на тържици, оутвърдити, търплю, съмърть, мъртвии, първии, мьва, мьвити, съльце, тьцѣте, запъртити** (Мстисл. грам. около 1130 г.), **държа** (ib.), **четвърга** (Типогр. Уст. № 142) и пр. Встречающиеся написания вроде **скръбь, зльчь** и т. п. представляют сохранение ст.-сл. орфографии, а такие, как **вьрьхоу, зрьно, скърбь, тьцѣте** (Остр. ев. и позднее),—искусственный прием письма, соединение церковнославянского правописания с русским. Поэтому достоверных указаний на второе полногласие памятники, правильно употребляющие «ѣ» и «ѡ», не смешивая их с «о» и «е», не дают.

Б. Изменения исторической эпохи

§ 179. Общерусские явления исторической эпохи — переход ъ, ь сильных в гласные полного образования *о*, *е*, утрата ъ, ь слабых, сокращение долгих гласных, изменения согласных, вызванные выпадением ъ, ь слабых, и некоторые мелкие явления.

Судьба гласных ъ и ь в русских языках

§ 180. Кроме тех ъ, ь сильных, какие были в о.-сл. языке, в о.-р. в доисторическую эпоху стали сильными ъ, ь перед плавными, за которыми следовала согласная, и диалектически развились новые ъ, ь после плавных. Кроме того, ъ и ь слабые, быть может, еще в говорах о.-сл. языка в положении перед гласными, ассимилируясь им, могли переходить в гласные полного образования, ср. в русских памятниках XI и XII вв. такие примеры, как: **изо обою** 13 слов Григория Богосл. XI в., **изоостанеть** Мстисл. грам. около 1130 г., **почтети** и Арх. ев., **видѣхомы и**, и т. п. Затем оставшиеся в языке ъ и ь слабые, сокращаясь, постепенно исчезали из произношения, а ъ и ь сильные в связи с этим переходили в гласные полного образования, именно, ъ — в *о*, ь округленное (см. выше § 175) — в *ö*, а ь неокругленное — в *е*. О времени выпадения ъ и ь слабых и перехода ъ, ь сильных в *о*, *ö*, *е* можно судить по памятникам русского письма. Эти памятники указывают на то, что ъ, ь сильные до 2-й половины XII в. во всех говорах русского языка, нашедших себе отражение в этих памятниках, произносились как особые звуки, отличные от гласных, обозначавшихся буквами «о», «е», так как последовательно передаются в них буквами «ъ» и «ь»; случаи написания «о» и «е» вместо «ъ» и «ь» до второй половины XII в. единичны, и притом в начале XII в. не чаще, чем в памятниках 3-й четверти XI в., а потому должны пониматься как случайно проникшие в них черты македонской графики, так как среди ст.-сл. памятников XI в., писанных в Македонии, есть такие, в которых вместо «ъ», «ь» пишутся иногда «о» и «е».

§ 181. Время утраты ъ, ь слабых. Звуки ъ, ь слабые в начальном слогом слов, по-видимому, вовсе не произносились или, по крайней мере, не сознавались пишущими как особые звуки в одних словах и могли выпадать в других словах уже в XI в. На это указывают почти все памятники русского письма XI и XII вв., в которых буквы

«ъ» и «ь» на месте ъ, ь слабых в первом слого слова очень часто пропускаются; в некоторых словах, как, например, *книга, князь, кто, много, два, вси, всего* и др., написания без «ъ» и «ь» в памятниках преобладают. Кроме первого слога, в памятниках XI и XII вв. «ъ» и «ь» нередко пропускаются в словах, сложных с приставками, в первом слого слова после приставки: *никто, никде, перегноувъ* (Остр. ев.), **възпи, изгна, възва, пославыи**, сюда же **лъжесвьдѣтелна** 2-й поч. Арх. ев., где «ъ» пропущен в первом слого второй части сложного слова. Возможно, что в 1-м слого слов ъ, ь были подвижными, т. е. могли выпадать еще в о.-сл. языке. В остальных положениях «ъ», «ь» в памятниках русского письма до второй половины XII в. почти не пропускаются; поэтому случаи пропуска «ъ», «ь» слабых не в 1-м слого слова в памятниках XI и первой половины XII в. следует объяснять или особыми условиями — таковы **къждо, комоуждо** и пр. Остр. ев. и др., **тъкмо** 2-й поч. Арх. ев. и др., **едва, довлѣеть** Арх. ев. и др., **желѣзною** Мин. 1095 г. и др.⁴⁹, или влиянием церковнославянской графики, или описками⁵⁰. Но со второй половины XII в. случаи пропуска «ъ» и «ь» на месте ъ, ь слабых не в первом слого слова начинают попадаться чаще, хотя встречаются памятники с выдержанным старым правописанием. Так, из двух переписчиков жития Феодосия Печерского (памятника русского происхождения, составленного до 1100 года) в списке 2-й половины XII в. второй переписчик не только последовательно сохраняет «ъ», «ь» на месте ъ, ь слабых не в 1-м слого слова, но чрезвычайно редко допускает пропуск этих букв и в первом слого, например, пишет: **дѣва, зѣлии, къто, чѣто, съпати, вси, всего** и т. п. и только слова **князь, много** по большей части пишет без «ъ». Первый переписчик пропускает буквы «ъ» и «ь» в начальном слого слов и в первом слого слов после приставки (**двою, кде, кто, птица, всѣхъ, зря, мню, пси, псати, что, злына, створи, сподоби, посла, призвавъ, презрѣти, оумреть, събравъше ся**), хо-

⁴⁹ В этих словах ъ, ь могли отсутствовать еще в о.-сл. языке.

⁵⁰ В единственном нецерковном памятнике русского письма 1-й половины XII в.— Мстиславовой грамоте около 1130 г.— «ъ» и «ь» пропускаются только в начальном слого: **князь, княжениѣ, Всеволодь, Всеволодоу**, в других слогах всегда пишутся: **дължъни, серебряно, даровъноѣ, почънетъ, роусьскоу, осенъниѣ**. В еще более старом памятнике— надписи на Тьмутороканском камне 1068 г.— «ъ» пропущено в слове **князь**, но сохранено в словах **въ лѣто, от Тьмуотороканя, мѣриль**.

тя и в этих положениях чаще пишет «ъ» или «ь», кроме таких слов, как **кто, книги, князь, много, вси**, которые обыкновенно он пишет без «ъ» или «ь». В остальных положениях случаи пропуска «ъ», «ь» у первого писца жития Феодосия единичны: **прилѣжно, скоудно, въгодника, правдника, пресвѣтла, двѣрми, горко, въ оуглѣ, ис прооугла**⁵¹, тогда как случаев написания «ъ», «ь» в этих положениях больше 300. Но в грамоте Варлаама Хутынского около 1192 г. уже не только **вхоу** (= всю), **съ двѣма, кто, злыми**, но и **пожни, божница**, хотя значительно чаще «ъ» и «ь» написаны правильно. В списках летописей XIV в., где обычно буквы «ъ», «ь» на месте ъ, ь слабых пропускаются, очень часты случаи сохранения «ъ», «ь» в частях, излагающих события XI и XII вв., очевидно, восходящих к оригиналам XII в. Вообще же в памятниках XIII в. и позднее пропуск «ъ» и «ь» на месте старых ъ, ь слабых — обычное явление. Позднее «ь» в соответствии со старым ъ слабым сохранилось в русском правописании в значении так наз. «мягкого знака»: *большой, редька, синька, медь, гость* и т. п.; в конце слов буквы «ъ» и «ь» удержались частью как знаки твердости и мягкости конечного согласного звука, частью просто как знаки конца слова (*идѣшь, ужь, прочь*) до последнего времени. Отсюда можно сделать вывод, что ъ, ь слабые в первом слоге слова могли выпадать еще в XI в., но окончательно исчезли из произношения как в 1-м слоге слова, так и в остальных слогах не раньше 2-й половины XII в.

§ 182. Время перехода ъ, ь сильных в *о, е*. Начало перехода ъ, ь сильных в *о, е* следует относить ко 2-й половине XII в. Именно, со 2-й половины XII в. случаи смешения букв «о», «е» с буквами «ъ», «ь» (т. е. написания «о», «е» вместо «ъ», «ь» и наоборот) перестают быть единичными, причем «о» и «е» вместо «ъ» и «ь» пишутся не только в таких случаях, где эти написания могли бы объясняться как отражение македонской графики, употреблявшей «о», «е» вместо «ъ», «ь», но и в русских сочетаниях «ор», «ол», «ер» вместо старых «ър», «ъл», «ър». Примеры: **соньмищихъ, ропыщѣте, надо всѣми, самарянескъ, стоуденець, перьста, мерьтвии, растергнууть, мерьтвына** и др. Добрилово ев. 1164 г. и др.; **за Волховомь** (1-е и 3-е *о* из ъ: в оконч. твор. ед. в XI и первой половине XII в. всегда писалось «-ъмь»), **на**

⁵¹ Особо стоит слово **тъкъмо**, в котором 1-й переписчик по большей части пропускает 2-е «ъ» (второй переписчик пишет это слово всегда с двумя «ъ»).

Волхевъци, Волмина, может быть, **противень** Варл. грам. около 1192 г., но там же правильно «ъ», «ь»: **рьль, диявольмь, от пожънь, въсь въкъ**. В Смоленской грам. 1229 г. (договоре смольнян с Ригою) в сп. А буквы «ъ» и «о», «ь» и «е» совершенно не различаются и произвольно ставятся одна вместо другой. Впоследствии буквы «ъ», «ь» в значении букв для гласных звуков совсем выходят из употребления, сохраняясь лишь в качестве знаков для обозначения твердости и мягкости, для обозначения конца слова и в разделительном значении; в значении же «гласных букв» остаются только «о» и «е». Такое правописание является преобладающим уже в конце XIII в., но единичные памятники, смешивающие «ъ» и «ь» с «о» и «е», попадаются еще в XV в. (таковы некоторые двинские грамоты). Таким образом, правописание русских памятников, начиная со 2-й половины XII в., показывает, что к этому времени звуки *ѣ* и *ѥ* уже перешли в гласные полного образования и совпали по качеству с *о*, *ѡ*, *е* из старых *о*, *е* в разных говорах р. языка (примеры смешения «ъ» и «ь» с «о» и «е» наблюдаются и в южнорусских — Добрил. ев. и др., — и в севернорусских — Варл. грам. и др., — и в западнорусских — Смол. грам. — памятниках), хотя возможно, что еще в конце XII и начале XIII в. существовали говоры, в которых *ѣ*, *ѥ* сильные сохранялись как звуки, отличные от звуков, обозначавшихся буквами «о», «е». Впрочем, и в тех говорах, где *ѣ*, *ѥ* сильные совпали с *о*, *ѡ*, *е* другого происхождения, это совпадение не везде было полным. Как увидим ниже, в южнорусском в тех положениях, в которых *ѣ* и *ѥ* переходили в гласные полного образования, т. е. в новых закрытых слогах, получившихся вследствие выпадения *ѣ*, *ѥ* слабых, старые *о*, *е* изменялись в дифтонги; в части же в.-р. говоров старое *о* сохранялось без изменения только в безударном положении и в первом слоге слов под нисходящим ударением, а под восходящим ударением (в любом слоге слова) изменилось в долгий очень закрытый звук, отличавшийся от *о* другого происхождения; гласная же *о* из старого *ѣ* такому изменению не подвергалась; таким образом, возникла разница между *о* старым в *село*, *вон* (указат. = *во* + *н*) и *о* из *ѣ* в *селом*, *вон* (наружу) и т. п.

§ 183. Второе полногласие. Выше (§ 178) было сказано, что, может быть, еще в древнейшую эпоху при положении сочетаний *ѣр*, *ѥр*, *ѣл* между согласными перед слогом с *ѣ*, *ѥ* слабыми после плавных могли развиваться звуки *ѣ* или *ѥ*, которые позднее переходили в *о*, *е*, как и всякие *ѣ*, *ѥ* сильные. Вместе с тем было указано на то, что досто-

верных указаний на это явление, называемое «вторым полногласием», памятники, не смешивающие «ѣ», «ь» с «о», «е», т. е. до 2-й половины XII в., не дают, потому что написания «ѣръ», «ѣрь», «ѣль» между согласными представляют лишь искусственный прием письма. После перехода ѣ, ь сильных в о, е звуки о, е явились и на месте тех ѣ, ь, которые развивались после плавных в случаях второго полногласия; такие о, е могут передаваться в памятниках, начиная с XIII в., буквами «о», «е»: **веребныя** (недели) Парим. 1271 г., **череньци** Новг. Кормч. 1282 г., двинские грам. XV в. и др., **черенца**, **короцму** (= корчму) Сильв. Сб. XIV в., **оумерель**, **молонья** Лавр. летоп., **до оумеретвых Иродова** ю.-р. Путенское ев. и др. Наиболее часты случаи 2-го полногласия в с.-в.-р., в остальных русских языках они значительно реже; из старинных памятников наибольшее число примеров на 2-е полногласие дают памятники севернорусские.

§ 184. Благодаря переходу ѣ, ь сильных в гласные полного образования и утрате ѣ, ь слабых возникли чередования основ с гласными о, ѿ, е и без них. Так, при имен. ед. *сон, отец, честь, лесть, флот, день, чернець, тесть, Полотеск* и т. п. явились формы род. ед.: *сна, отца, чти, льсти, фонта, дня, черенця* или *чернця, тсти, Полотска*, наоборот, при имен. ед. *дска* вин. ед. *доску*, род. мн. *доск*, при им. ед. *ручка, горка, стекло* род. мн. *ручек, горок, стекл* и т. д.; другие слова получили различный вид в зависимости от различного фонетического положения, например, *дом камян*, но *домо съ, домо т, день велик*, но *дне съ, днё т* (= день тот); предлоги *въ, съ, къ, подѣ* в одних случаях являлись без гласной: *в домѣ, с нимѣ, к тому, под землею*, в других — с гласной: *во снѣ, со мною, ко князю, подо мною, во образѣ* и т. д.; также и приставки: *вход, сбор, свѣт* (= совет), но *вошла, собрати, создати*. Там, где основа имела несколько ѣ или ь, являлись чередования форм, с утратой то одного, то другого из этих звуков: им. ед. *жнець, пришелец, Смольнеск* и т. п., род. ед. *женця, пришельця, Смоленьска*, имен. ед. *бревно* (из *бръвъно*), род. мн. *бервён* (из *бръвънѣ*) и пр. Ср. в письменных памятниках XII—XV вв. **без рьпта** Христиноп. апост. XII в., **сти** (= тестя) Панд. 1296 г., **цте, ко цтю** Ипат. летоп., **лсти, сборъ, свѣтъ** Лавр. летоп., **чти** Кормч. 1282 г. и позднее, **Смольнескъ** Риж. грам. около 1300 г., **Видьбескъ** Полоцк. грам. около 1265 г. и т. д.

§ 185. Изменения, вызванные аналогией вследствие изменения ѣ, ь. Позднее, в отдельных русских наречиях, в

силу обычной грамматической аналогии, являлось стремление или провести одну и ту же основу по всем формам от одного и того же слова, или внести единообразие в образование одних и тех же форм от разных основ. В первом случае возникали нефонетически такие формы, как *жнеца*, *пришлеца*, *брёвен*, *тестя*, *лести* и пр. по аналогии с формой имен. ед. или *доска*, *стекло*, *Полоцк*, *Смоленск*, *Витебск* и т. п. по аналогии с формами косвенных падежей, *собор*, *собира́ть*, *вошёл*, *сошёл*, *взошёл* по аналогии с *собрать*, *вошла*, *сошла*, *взошли* и пр. и, наоборот, *вшьеть* (ю.-в.-р.) 3 ед. вместо *вошьеть* по аналогии с *вишть*, *вишла*. Одна основа могла быть вытеснена другой в одной категории форм и сохраниться в другой категории, ср. в нынешнем русском *стекло*, но *склянка* (фонетические условия для выпадения *ь* одни и те же), *Смоленск* и *смольнянин* и т. п.; в некоторых случаях возникли парные формы, ср. нынешн. р. *собира́ть* и *сбифа́ть*, *пришелец* и *пришлец* и т. п. В зависимости от действия разных аналогий возникли и новые диалектические различия, ср. м.-р. *жнець*, род. ед. *женця*, где сохранилось старое чередование основ, и в.-р. *жнец*, р. ед. *жнеца*, где основа имен. ед. проникла и в косвенные падежи. Во втором случае по аналогии с чередованием различных основ в формах от одного имени возникало такое же чередование и у тех имен, где первоначально во всех формах была одна и та же основа, т. е. выпадала старая гласная полного образования (*o* или *e*) или вставлялась гласная там, где ее прежде не было. Так, по аналогии с чередованиями *сон* — *сна*, *лён* — *льна*, *возок* — *возка*, *день* — *дне* (позднее — *дня*), *честь* — *чти* и т. п. возникли чередования *ров* — *рва*, *во рву*, *лёд* — *льду*, *потолок* — *потолка*, *камень* — *камня*, *ремень* — *ремня*, *корень* — *корня*, диалект. *урок* — *урка*, *шесть* — *шти* и т. п., ср. др.-р. *рова*, *леду*, *потолока*, *камене*, *корене* и пр.; в м.-р. сохраняются старые формы *леду*, *каменя*, *кореня* и пр.; формы *леду*, *потолока*, *ремени* и т. п. известны, между прочим, и некоторым в.-р. говорам, ср. песню, записанную в Симбирской губ.: «Едет поп Емеля, а крест на ремени». Наоборот, явилось нефонетически новое *o* там, где не было раньше никакого гласного звука, например, в род. мн. *досок* вместо *доск* по аналогии с именами, имевшими суф. -*ька* (*палка*, *краска*, *плётка* и т. п.). Рассматриваемые явления могли возникнуть довольно рано; так, уже в ростовском житии Нифонта, в списке 1219 г.: **на камъни**, в Новгород. Прологе 1262 г. **во рвѣ**, Ряз. Кормчей 1284 г. **шти** (= шести) и т. п.

§ 186. Судьба *и* (*иь*) после гласных. Тот гласный звук или сочетание звуков, которое передавалось на письме в др.-р. и ст.-сл. памятниках буквою «и» после гласных в таких словах, как *мои* (им. ед.), *войско*, *заимати* и т. п., не перед слогом с *ѣ*, *ѣ* слабыми — это было или сочетание *иь*, или сочетание *йи* с *и* очень кратким, или одно *и* очень краткое — изменялось тогда же, когда *ѣ*, *ѣ* слабые выпадали, в *й* (*и* неслоговое), ср. нынешн. в.-р. *мой*, *твой*, *войско*, *поймать*, *бойца*, *яйцо*, *пойду*, *тройка* и пр., м.-р. *мій*, *твій*, *військо*, *яйце*, *пиду* и пр. В письменных памятниках XII—XVII вв. такое *й* передавалось буквою «и», но на то, что это «и» обозначает *й* (т. е. *и* неслоговое), могут указывать такие написания ю.-р. памятников, как **нѣ ицю**, **нѣ имоуть** Добр. ев. и др.: в ю.-р. памятниках «ѣ» вместо «е» пишется только в новых закрытых слогах.

§ 187. Изменение *јь*. Сочетание *јь*, обозначавшееся на письме буквою «и», потому что в ст.-сл. языке ему обыкновенно соответствовало *и*, с *ѣ* сильным, в то время, когда всякое *ѣ* сильное изменялось в *ѣ* и в *е*, тоже изменилось в *јѣ* перед твердыми и в *је* перед мягкими неслововыми звуками, ср. нынешн. в.-р. *заём*, *боец*, *раёк*, *питьём*, *военный*, диалект. *яец*, *яешня* и пр., м.-р. *яець*, *копйок* и пр. В письменных памятниках с XII в.: **възаемь**, **достоень**, **гноень**, **галилѣскь**, **самарѣскь** Добр. ев., **переемь** Р. Пр. 1282 г. и др.

§ 188. Сохранение *и* после гласных. Как мы видели, рядом с сочетанием *јь* в о.-сл. языке после гласных могло быть в тех же словах *и* или *йи*; такое *и* сохранилось, между прочим, и в русском языке: *яиц*, *яичница*. Что касается таких слов, как *хозяин*, *мои* (им. мн.), *са-раи* (им. мн.), то здесь в о.-сл. было *и* долгое, которое сохранялось как слоговое при всяком положении в слове.

§ 189. Судьба *ы*, *и* редуцированных в слабом положении. Звуки *ы*, *и* редуцированные в слабом положении, т. е. если далее не следовало *ѣ* слабого, выпадали одновременно с выпадением *ѣ*, *ѣ* слабых. На это указывают следующие факты: 1) такие *ы*, *и* в русских памятниках до конца XII в. обозначаются по большей части буквами «ы», «и»; буква «ь» вместо «и» встречается только в церковнославянских текстах, восходящих к ст.-сл. оригиналам; в Мстиславовой грамоте около 1130 г., грамоте Варлаама Хутынского около 1192 г., даже в Смоленской грам. 1229 г. по сп. А в таких случаях употребляется исключительно «и», в

житии Феодосия Печерского и Сказания о Борисе и Глебе по списку XII в. на несколько сот случаев «и» только по два примера с «ь» (**поутыє, г(оспод)ыє, д(е)ню, братьѣ**). Между тем с XIII в. в таких случаях написания с «ь» становятся частыми не только в церковных, но и в чисто русских памятниках. Так как «ь» в это время перестает употребляться в значении гласной буквы, то ясно, что оно и здесь не обозначает гласного звука. 2) В ю.-р. памятниках со 2-й половины XII в. перед таким «и» или «ь» вместо «е» пишется «ѣ»: **весьѣлье, зѣлье, трѣтьее** Добр. ев., а «ѣ» в этих памятниках пишется только в новых закрытых слогах; слог, предшествующий такому *и*, мог стать закрытым только в том случае, если *и* выпало. После выпадения *и* редуцированного перед *й* или *ј* получались сочетания согласных со следующим *й* или *ј*. Эти сочетания сохранились в в.-р. и изменились, кроме сочетаний губных *сј*, в долгие мягкие согласные, диалектически подвергавшиеся потом сокращению, в б.-р. и м.-р. Примеры: в.-р. *судья, житьѣ, веселье, семья, перья, пью, льѣтся, шью*, м.-р. *суддя, життя, весілля* (свадьба), *сім'я, пір'я, п'ю, наллю, лещьця* и пр. или *судя, жите* и пр. Случай выпадения редуцированного *ы* слабого представляет в.-р. диалект. *мью, ѳмью* (= мою), *умою*, м.-р. *мию* с *и* из *ы* сильного под ударением.

§ 190. Следствия утраты *ѣ, ѣ* слабых. Утрата гласных *ѣ, ѣ* и *ы, и* слабых вызвала в русских языках ряд изменений звуков гласных и согласных. К первым относится удлинение и некоторые дальнейшие изменения гласных звуков в новых закрытых слогах, получившихся после выпадения *ѣ, ѣ, ы, и* слабых следующего слога. Это явление находит себе соответствие в подобных же явлениях некоторых других славянских языков (польского, чешского и др.), но ввиду того, что это соответствие неполное и что самое явление датируется памятниками, относящими его ко 2-й половине XII в., следует считать его возникшим уже на русской почве. Здесь оно получило развитие только в ю.-р. группе говоров, а потому будет рассмотрено ниже, вместе с другими южнорусскими явлениями (см. § 230).

Изменения согласных, вызванные выпадением ѣ, ѣ слабых

§ 191. Благодаря выпадению *ѣ, ѣ* слабых согласные, бывшие перед этими гласными, оказывались в конце слова или перед согласными. Новые конечные согласные подверглись следующим изменениям.

§ 192. Отпадение конечных *л* (твердого и мягкого) после согласных. Некоторые конечные согласные после согласных выпадали; так, выпало *л* твердое после согласных в окончаниях прош. вр. глаголов: в.-р. *нёс, вёз, нёк, лёг, издох, грёб, утон, умер*, м.-р. *ніс, віз, нік, ліг, здох, грїб, вмєр* и пр.

л мягкое в конце слова отпало диалектически в в.-р. после губных; *руп, коран, жураф* или *рупь, корань, журафь* (и *журау*); в литературном в этих случаях конечное *л* сохраняется.

§ 193. Изменение конечных *л, р* после согласных. В других случаях конечные *л* и *р* после согласных изменились в *л, р* слоговые и далее в сочетания *ол, ел^і, ор, ер^і*; судя по памятникам, такому изменению могло подвергаться и *л* в окончании муж. р. прош. врем.: **не моголь** Типогр. ев. № 8, **потополь** грам. 1229 г. в сп. С и др.; позднее такие формы были всюду вытеснены формами без *л*. Наоборот, у имен с основой на *л* твердое после согласной в формах, оканчивающихся на *л*, по большей части является на конце *ол* (с фонетическими изменениями безударной гласной): *стёкол, вёсел, чисел, тёпел, узел*, диалектич. *узол, кругол, смугол*; в литературном в.-р. утвердились от некоторых имен формы без гласной перед *л* после твердой согласной (по-видимому, книжного происхождения), причем *л* в индивидуальном произношении может становиться слоговым: *подл, нагл, кругл, смугл*.

Конечное *л* мягкое после согласных могло становиться слоговым и далее изменялось в *ел^і*, а после задненебных в *ол^і*: в.-р. *уголь, земель, капель, грабель, гусель*, диалектич. *журавель, корабель, мысль, ясель* (род. мн.), м.-р. *уголь, земель, корабель, журавель* и др. В литер. в.-р. существуют формы с конечным *л* мягким непосредственно после согласной, причем *л* в индивидуальном произношении может становиться слоговым: *журавль, корабль, рубль, мысль*.

Конечное *р* после согласной становилось слоговым и далее изменялось *р* твердое в *ор*, а *р* мягкое в *ер^і*, а после задненебных в *ор^і*: в.-р. *хитёр, сестёр, ветер, угорь*, диалект. *игор, икор* (род. мн.), *мокор, хоробер, добер, мудёр, бобёр, вихорь* и пр., м.-р. *сестер, вітор* и *вітер, вихор* и пр. В литерат. в.-р. существуют формы с конечным *р* после согласной; в индивидуальном произношении такое *р* может становиться слоговым: *храбр, добр, мудр, добр, вихрь* и пр. Отпадение конечного *р* в в.-р.: *доп* (= *добр*), *Пёт* (= *Петр*) и т. п.— черта диалектическая.

Можно думать, что произношения с конечными *л*, *р* непосредственно после согласных — вторичные и возникли сравнительно недавно, путем аналогии или под книжным влиянием, скорее всего взамен форм с отпавшими конечными плавными.

Может быть, так же следует объяснять и появление гласных перед конечными носовыми в таких словах, как *огонь*, *восемь*, *песен*, *басен* (род. мн.), *тесен* (муж. р. прилаг.); ср. др.-р. *огнь*, *осмь*, *пѣснь*, *баснь*, *тѣснь*. Но в им. ед. имен на *-нѣ* конечное *н* мягкое не перешло в *ені*: *жизнь*, *казнь*, *болезнь*; в в.-р. говорах это *н* часто отпадает: *жись*, *болесь*, в литературном же произношении сохраняется и может становиться слоговым.

Примечание. Мягкость согласных (кроме заднеязычных) перед конечным *ор* из *р* слогового после согласных, по-видимому, указывает на то, что первоначальное такое *р* слоговое изменялось в сочетании с каким-то палатальным гласным звуком (приблизительно *е* или *ѳ*) перед *р*, перед которым согласные, кроме заднеязычных, смягчались, и уже потом этот гласный звук изменялся в *о*. Что касается мягкости согласных перед конечным *ол* из *л* твердого слогового, то ввиду др.-р. *потополь*, диалект. *узол* и т. п. можно думать, что из конечного *л* твердого после согласных фонетически получалось только *ол* без смягчения предшествующего согласного звука, а такие формы, как *вѣсел*, *тѣпел*, вызваны аналогией с такими словами, как *мѣтел*, *светел*, *козѣл*, *котѣл* и др.

§ 194. Отверждение конечных губных. Конечные губные отвердели повсеместно в тех положениях, где мягкость их не поддерживалась аналогией со стороны других форм. Поэтому согласная *м* в окончании 1 л. ед. ч. нетематических глаголов и в твор. и местн. ед. муж. и ср. р. имен и местоимений везде звучит твердо: *ем*, *дам*, *столом*, *возом*, *конѣм*, *зятѣм*, *им*, *всем*, *о нѣм*, *злым*, *в зелёном саду* и т. п., а губные в окончании имен. ед. имен существительных не везде: *голубь*, *сыть*, *темь* (темнота), *семь* и *голуб*, *сын*, *тем*, *сем*; конечные губные в имен. пад. ед. мягки в в.-р. литературном произношении и многих с.-в.-р. говорах и тверды в части с.-в.-р. говоров, в ю.-в.-р., б.-р. и м.-р. Но отверждение конечных губных — явление сравнительно позднее и в некоторых говорах, как, например, в новгородском и московском, не раньше XIV в. Письменные памятники указывают на то, что отверждение конечного *м* в 1 л. ед. ч. нетематических глаголов и в окончаниях твор. и местн. ед. наступало не одновременно при всяком положении, а после гласных палатальных раньше, чем после непалатальных.

§ 195. Сокращение конечных долгих согласных. Конечные согласные долгие должны были сократиться; такими оказыва-

лись лишь диалектически согласные *ш* и *ж* долгие из *шч* и *ждж*. Таким образом получились произношения *дош*, *товариш* и т. п. с кратким твердым *ш* в некоторых в.-р. говорах, в которых не в конце слова сохранились *ш*, *ж* долгие твердые или мягкие. Возможно, что диалектически и *ждж*, *шч* в тех говорах, где эти сочетания вообще оставались без изменения, в конце слова изменялись в *ж*, *ш*, которые отвердевали, как и *ж*, *ш* старые, но позднее такие конечные *ж*, *ш* твердые могли заменяться звуками *ж*, *ш* мягкими или сочетаниями *ждж*, *шч* нефонетически по аналогии с другими формами.

§ 196. Ассимиляция согласных. В положении перед согласной согласные ассимилировались следующему согласному звуку или упрощались. Ассимиляция выражалась в следующих явлениях:

1. В переходе глухих в звонкие перед звонкими шумными согласными. По памятникам этот переход можно проследить для Северной Руси лишь с XIII в. (*гдѣ* Рост. ж. Нифонта 1219 г., *здравъ* Новг. Пролог 1262 г. и др.), а для Южной Руси не раньше начала XIV в. В нынешн. в.-р. *здоров*, *свадьба*, *здесь*, *молотьба*, *сделать* (произносятся с *d'*, *z*), *где*, м.-р. *здоров*, *молотьба* (произн. с *d* мягким), *где*, *дзбан*, ср. др.-р. *сѣдоровъ*, *сватъба*, *сѣдесъ*, *кѣде*, *чѣбанъ* и пр.

2. В отвердении некоторых мягких согласных перед твердыми. В памятниках это явление выразилось в смешении букв «ъ» и «ь»⁵²; по ним можно видеть между прочим, что в ю.-р. наречии уже в XII в. могли отвердевать согласные губные и *д*, *т* мягкие перед твердыми зубными; в других случаях мягкие согласные перед твердыми сохранялись гораздо дольше, и некоторые мягкие согласные в известных положениях перед твердыми остаются мягкими во всех русских языках или в некоторых говорах до сих пор. Примеры на отвердевшие согласные: *красный*, *любезный*, *полезный*, *вредный*, *родной*, *ровный*, *плотный*, *учебный*, *царевна*, *родство*, *здание* и т. п., в.-р. литер. *верба*, *верх*, *первый*, *дерзкий*, *деревенский*, *земский*, *женский*, *царский* и пр. Примеры сохранения мягкости: *вольный*, *польза*, *вольготный*, *посольство*, *пальба*,

⁵² Но отсутствие ь в старинных памятниках в роде написаний **толко**, **полза** и пр. не говорит само по себе об отсутствии смягчения согласной. Кроме того, надо иметь в виду, что в некоторых церковных памятниках с XII—XVI вв. буквы «ъ» и «ь» вообще смешиваются под влиянием ю.-сл. оригиналов (древнейший памятник с таким смешением «ъ» и «ь» — слова Кирилла Иерусал. XI—XII в.).

редька, резьба, восьмой и пр., диалектич. *царьской, женьской, деревеньской, верьба, перьвый* и др.

3. В смягчении некоторых твердых согласных перед мягкими. В памятниках и это явление выразилось в смешении букв «ъ» и «ь», причем чаще мягкость согласных обозначается буквою «ь»: **възяша, възяти** Гал. ев. 1144 г., **възя** Добр. ев. и т. п. Позднее «ъ» в таком положении обычно не пишется. Примеры на смягченные согласные нового происхождения: *сделать, сменить, съездить, свидетель, въехать* и т. п., диалект. *дефьки, тряпьки, пропьки* и пр. Примеры твердых согласных, не смягчившихся перед следующими мягкими: *вниз, влюбиться, в лодке, подкинуть, в кибитке*, также *дефки, тряпки, пропки* с п твердым.

4. В переходе свистящих перед шипящими в шипящие: в.-р. *счастье* (произносится *щастье*; так и писалось еще в начале XIX в.), м.-р. *щастя* и т. п.

§ 197. Упрощение согласных. К о.-р. явлениям упрощения согласных в сочетаниях относятся:

1. Переход аффрикаты *ч* в фрикативную *ш* перед *н* и перед *т*: *што* (между прочим уже в Добр. ев.), в.-р. *конешно, скушно, сердешный, молошный, прачешная, пешной* и др., м.-р. *смашний, сердешный* и т. п. Позднее *ч* перед *н* и перед *т* могло вновь возникать по аналогии с другими формами или в новообразованиях, например, *начну* по аналогии с *начать, дачный* — новообразование от *дача, почта* — новое заимствование.

2. Сокращение долгих согласных перед согласными и после согласных. Так, из *чс* получалось в начале слова *ч*, не в начале слова *ц*, из *шс* в начале слова *ш*, не в начале *с* недолгое, из *ш* долгого и из *шч* перед согласной и после согласной *ш* недолгое: **чти** (= *чьсти*, нынешн. нефонет. *чести*, косв. пад.; в XIII—XIV вв. писали также и **чьти**) Новг. Кормч. 1282 г., Лавр. летоп., Домострой и др., **шти** (= *шести*, где *е* выпало нефонетически) Ряз. Кормч. 1284 и др. и нынешн. диалектич. в.-р.; в.-р. *купецкой, молодецкий, козацкий, муськой, волский, русский, тошно, тошнит, ямшик*, м.-р. *ткацтво, козацкий, руський*, др.-р. **ризкии** (чит. *риский*) Смол. грам. 1229 и мн. др. (из *купьч^ьский, молодьч^ьский, козач^ьский, муж^ьский, волж^ьский, рус^ьский, тощ^ьно, тощ^ьнить, ям^ьщик, ткач^ьство, риж^ьский*).

§ 198. Переход задненебных взрывных в фрикативные. Кроме того, взрывные задненебные перед *д, т* переходили во

фрикативные, ср. в.-р. *кто, нохти* (из *къто, нокъти*), *үде, коүда* (из *къде, когьда*), м.-р. *кто, нѣхті*. Переход задненебных взрывных в фрикативные перед задненебными взрывными — лишь диалектический великорусский, ср. московское *мяжкой* с с.-в.-р. *мяжкой*, м.-р. *мяжий*.

Явления, не стоящие в связи с утратой ъ, ѣ слабых

§ 199. Переход *ѣ* в *о* после шипящих. Переход *ѣ* в *о* после шипящих и, может быть, после *ј* — общерусский. Ср. в.-р. *жѣны, шорох, учёный, жжѣный, щѣтка, жѣлтый, шѣл, шѣлк, чѣрный, щѣлкать*, с.-в.-р. *гожо, щока* и пр., м.-р. *жона, чоловік, чобѣт, жовтѣй, ішов, шовковий, чорний* и пр.; после *ј* в м.-р. *јого, јому, копјок* и т. п., где *о* могло явиться и нефонетически, но *мое, твое* и т. п. В памятниках XII в. написания с *о* вместо *ѣ* после шипящих встречаются по большей части в виде единичных примеров: **тожо, пославшомоу** Гал. ев. 1144 г., **блажонѣ, держащомѣ, раздѣлившомѣ ся** и др. Слово Ипполита XII в. и т. п. Всё же можно думать, что эти написания являются отражением произношения и что полному отождествлению *о* после шипящих с *ѣ*, являвшимся в других положениях, на письме мешала мягкость шипящих, так как во всех других случаях согласные перед *о* были тверды. Переход *ѣ* в *о* после шипящих в м.-р. при отсутствии такого же перехода *ѣ* или *ѣ* в *о* после других согласных показывает, что *ѣ* из *ѣ, ѣ* после шипящих в XII в. звучало ближе к *о*, чем *ѣ* после других согласных, а это могло быть лишь в том случае, если *ѣ* изменялось в *ѣ* после шипящих, как после старых смягченных, раньше, чем о.-сл. немягкие согласные перед *ѣ* подверглись полному смягчению.

§ 200. Переход сочетаний *кы, гы, хы* в *ки, ги, хи*. Этот переход произошел во всех русских языках, но не одновременно. Для ю.-р. наречия он засвидетельствован памятниками с XII в. Писец Галицкого ев. 1144 г. знает *ки* вместо *кы* только в положении после мягких неслоговых звуков, а потому пишет «ки» только в разных падежных формах слов **небескѣи** и **чловѣчскѣи**, а в остальных случаях последовательно выдерживает написания «кы», «гы», «хы». Но уже в Добр. ев. «ки», «ги» вместо «кы», «гы» в славянских словах (в заимствованных с греческого словах «ки» писалось и раньше) встречается при всяком положении в слове: *великий, секира, гибѣль* и пр. Переход *кы* в *ки* в ю.-р. раньше ю.-м.-р. изменения всяких *и* и *ы* в *и* (м.-р. буква «и»). Поэтому

теперь *ки, хи, хи* с мягкими *k, h, x* и со звуком *и* (= м.-р. *i*) сохранились только в с.-м.-р. и некоторых карпатских говорах и перешли в *кыⁱ, хыⁱ, хыⁱ* с полумягкими согласными в ю.-м.-р. В остальных русских наречиях переход *кы, гы, хы* в *ки, ги, хи* произошел позже. В смоленских грамотах написания «ки», «ги» вместо «кы», «гы» встречаются уже в 1-й половине XIII в. (древнейшие примеры — в грамоте 1229 г.), что свидетельствует о том, что к этому времени в смоленском говоре рассматриваемый переход уже произошел, но в других западных памятниках иногда довольно упорно держится «ы» после «к», «г», «х», что, может быть, объясняется не только орфографической традицией. В в.-р. *кы, гы, хы* перешли в *ки, ги, хи* не раньше XIV в., так как вполне достоверных примеров таких написаний с «ки», «ги», «хи», которые не объяснялись бы новообразованием или заимствованием из ю.-р. оригиналов, мы не знаем. В нынешних в.-р. и б.-р. языках существуют и теперь сочетания *кы, гы, хы*, но они все возникли позднее: а) благодаря переходу начального *и* в *ы* после конечных твердых согласных предыдущего слова или предлога: *к ызбе, волк ы кот, дух ызганья* и пр., б) в словах, образовавшихся из междометий: *кыш, кыска* и т. п. В в.-р. глаголах на *-кивать, -гивать, -хивать* обыкновенно твердые задненебные, но после них не *ы*, а те же звуки, какие получились в в.-р. из *о* после ударения, по аналогии с глаголами на *-овать*. Следует добавить, что в р. яз. мягкие задненебные появились еще раньше, чем сочетания *кы, гы, хы* перешли в *ки, ги, хи*. Именно, средненебные явились нефонетически на месте мягких свистящих в формах склонения и спряжения основ на задненебные по аналогии с другими формами. Древнейший пример такой мягкой средненебной в сочетании *скѣ* — в Изб. 1073 г. **золобѣ женьскѣи**, не в сочетании *скѣ* или *ски* — только в с.-р. памятниках; древнейший пример — в севернорусской Минее 1095 г. **Дѣмькѣ** дат. ед.

§ 201. Переход *е* в *ä*. В конце слова *е* после *ј* и, быть может, после других мягких согласных в о.-р., по-видимому, изменяется в направлении к *а*, как можно заключить из того, что из конечного *е* получилось *а* в м.-р. говорах при положении его после *ј*, как без ударения, так и под ударением: *життя, весілля, каміня*, а в в.-р. говорах и в б.-р. — только без ударения, как после *ј*, так и после других мягких согласных: *коля, каменья, знаетья, крестьяня* и пр. Такое же *ä*, быть может, получалось в о.-р. из *е* после шипящих и *ј*, если в следующем сло-

ге были гласные *i* или *ĭ*; это *e* позднее в в.-р. и м.-р. говорах могло переходить в *a*, ср. с.-в.-р. диалектич. (поморское) *пшаница*, *жаних*, *жалеть*, *ядиный* и т. п., м.-р. диалектич. *залізо* (железо), *щаптити*, *печариця*, *ялина* и пр. Впрочем, появление *a* после шипящих в с.-в.-р. и м.-р. говорах может быть объяснено и без предположения о.-р. *ĭ*.

Ассимиляция гласных

§ 202. *ĭ* непосредственно перед *a* в имперфекте еще в доисторическую эпоху переходило в *a*, ср. уже в Остр. ев.: **вѣдѣаше**, **идѣаше**, **хотяхоу**, Арх. ев. **не хотѣаше**, **скърбѣаше**, **сѣдѣахъ**, **исходѣаше** (все примеры из 2 почерка); затем происходило стяжение, не позже XI в., ср. Изб. 1076 г. **бѣаше** и др., 2-й почерк Арх. ев.: **идѣахоу**, **хотѣахоу**, **видѣаше**, **бѣахоу**, **вѣдѣаше**, **прѣтѣаше**, **имѣаше**, **идѣаста** и др.

§ 203. Кроме того, в каких-то случаях в предупредных слогах гласные могли уподобляться гласным следующего слога. Такой ассимиляцией можно объяснить: а) *u* вместо *ĭ* в словах *дитина* (откуда, может быть, *u* перенесено и в слово «дитя»), *мизинец*, *снигурь*, *сидит* (вм. *сѣдит*, ср. др.-р. инфин. *сѣдѣти*); б) *a* вместо *o* в м.-р. и с.-в.-р. *багат*, *гаряч*, *гаразд*, *карабль*, *манах* и пр.; в) *e* вместо *o* в *ребѣнок* (первонач. уменьш. от *робѣ*), *теперь* (диалектически в обоих словах сохраняется *o*: *робѣнок*, *топерь*); г) *e* из *ь* вместо *ъ* в *медлѣть* (из *мѣдѣлити*, а последнее из *мѣдѣлити*, ср. др.-р. *мѣтчати* из *мѣдѣчати* = *медлѣть*); д) *e* вместо *ь* в в.-р. *серебро* (из *сѣребро* или *сѣребро*; в м.-р. *срѣбло*); е) *o* вместо *ĭ* в с.-в.-р. *цоловать*, м.-р. *цолувати* из *цѣоловати*. Эта ассимиляция могла быть очень старой, ср. *мѣдѣлити* Юрьевск. ев. XII в., *багатъ* в памятниках XII в., если только это не описки.

Отпадение конечных неударяемых гласных

§ 204. Конечное *u* неударяемое отпало, между прочим, а) в окончании 2-го л. ед. наст. вр.: *идѣшь*, *видишь* и пр.; б) в окончании 2 л. ед. повел. *станъ*, *бросъ*, *лягъ*; в) в окончании инфинитива: в.-р. *ходитъ*, *писать* (при диалект. *ходити*, *писати* и пр.), б.-р. *хадзиць*, *писаць* (рядом с *хадзици*, *писаци*), м.-р. диалект. *ходить*, *писать* (при *ходити*, *писати*); г) в некоторых наречиях: м.-р. *домів* и в.-р. *домой* (из *домови*), *коль*, *иль*, диалект. *позадъ* и др. (при *коли*, *или*, *позади* и пр.); д) в в.-р. *мать*, *дочь* при диалектич. *мати*, *дочи* (в м.-р. и б.-р. конечное *u* в этих словах сохра-

нялось). Но *и* сохранилось в некоторых других наречиях и предложениях: *сзади, спереди, ради* и пр. и в окончаниях падежных форм: *матери, кости, воли, сани* и пр. Можно думать, это конечное *и* сохранилось только там, где его отпадению мешала аналогия со стороны других форм, но возможно также, что в формах инфинитива и 2-го л. ед. наст. врем. русским языком уже из о.-сл. были получены и окончания *-ть, -шь*. В таком случае можно предполагать, что повел. наклонение и наречия представляли особые фонетические условия, способствовавшие отпадению конечного *и*, ср. отпадение конечного *е* во 2 множ. повелит. при сохранении *е* во 2 мн. наст. вр. в м.-р. Конечные *е, о, ы* отпадали только в наречиях и частичных словах, причем сохранились те же слова и с конечными гласными: в.-р. *здесь, авось, прочь, тут, там, чтоб, еслиб, зналаб* и т. п., м.-р. *опрѣч, там, тут, туд, коб* и пр., но и в.-р. *здесь, тама, тутто, чтобы* и пр., м.-р. *опроче, тамо, туди, би* и пр. Конечное *а* отпадает только в возвратной частице *ся*: в.-р. *боюсь, боялось, боялись*, м.-р. *боюсь, боятись* и пр. Отпадение гласной здесь, несомненно, стоит в связи с превращением формы возвратного местоимения в частичное слово. Конечный гласный звук не отпадал, если в предыдущем слоге раньше было *ѣ* или *ь* слабое или если далее следовало частичное слово с отпадавшим гласным звуком: *боялся, боишься, был бы, выжми, выспись, тутось, тамотка* и пр. В памятниках отпадение конечного *и* засвидетельствовано с XIII в. (если не считать форм инфинитива на *-ть* и 2 ед. на *-шь*): **оукрадь, оставьте, обидьте** и пр. Гал. ев. 1266—1301 г., **домовь** грам. 1189 г. в списке 1268 г. и др.

IV. Диалектические изменения звуков, общие разным русским языкам

§ 205. Еще до образования языков в.-р., б.-р. и м.-р. русский язык дробился на несколько наречий, значительно отличавшихся друг от друга. Древнейшее распределение этих наречий, какое мы можем восстановить на основании данных современных говоров и старинных памятников, отличалось от той группировки, какую говоры русского языка приняли к моменту образования в.-р., б.-р. и м.-р. языков. Именно, для древнейшей эпохи мы можем установить существование наречий: 1) севернорусского, большая часть говоров которого впослед-

ствии образовала северновеликорусское наречие, а другая часть — юго-западная — вошла в состав белорусского языка, 2) южнорусского, к которому восходят нынешний малорусский язык и южные говоры белорусского языка, и 3) восточнорусского, легшего в основу южновеликорусского наречия. Не совсем ясны первоначальные элементы нынешнего белорусского языка: образовался ли он только из части севернорусских и южнорусских говоров, подвергшихся сильному влиянию восточнорусского наречия, часть говоров которого тоже могла войти в состав б.-р. языка, или же существовало особое западнорусское наречие, близкое к восточнорусскому, которое и послужило зерном для белорусского языка, вобравшего в себя с течением времени часть говоров севернорусского и южнорусского наречий. Названные наречия стояли в разной степени близости друг к другу; по-видимому, первоначально восточнорусское наречие было теснее связано с южнорусским, чем с севернорусским, ср. общий им переход *z* в фрикативную согласную и др., но потом это соотношение изменилось.

А. Более общие явления

§ 206. Судьба о.-сл. *v^b*, *v^b* (*w^b*, *w^b*) не после согласных. Из о.-сл. *v^b*, *v^b* или *w^b*, *w^b* в русском языке в одних говорах получилось у или *й*, в других после выпадения *ъ*, *ь* слабых — *в* твердое или мягкое, которое потом в положении в конце слова и перед глухими согласными могло переходить в *ф*. В тех говорах, где получалось у или *й*, эти гласные становились неслоговыми после гласных, а в начале слова сохранились как гласные слоговые полного образования в в.-р.— у *поле*, *удова*, *унук*, *уздумал* и пр.— и подверглись редукции с переводом в неслоговые после слова, оканчивающегося на гласную, в м.-р. и б.-р. В настоящее время на месте старых *v^b*, *v^b* является у (или *й*) слоговое и неслоговое в м.-р., б.-р., юго-западной половине ю.-в.-р. говоров, в части восточной группы с.-в.-р. говоров и в некоторых ср.-в.-р. говорах, а *в* или *ф* — в большей части с.-в.-р. и ср.-в.-р. говоров и в восточных ю.-в.-р. говорах (см. обзор говоров, §§ 89.5, 91.3, 92.6). Но можно заметить, что в некоторых говорах произношение *в*, *ф* в таком положении сравнительно позднее и заменило собой более старое произношение с у, как, например, в говорах Псковской г., где *в*, *ф* являются, между прочим, и на месте старого у в начале слова: *в меня*, *ф тебя*, *вдарить*,

вмер; может быть, в Холмогорском у. Архангельской губ., где в XV в., как видно из двинских грамот, произносилось в этих случаях у, в северных уездах Калужской и Тульской гг., а также в нынешних галицких м.-р. говорах, в которых у редуцированное не после гласной тоже может переходить в *в* и *ф*: *взяў*, *фтік*, *фсього* и т. п.

Ту же судьбу, что и о.-сл. *ѵ*^б, имело в русском языке в положении после гласных и старое у: такое у в слове *завтра* (= ст.-сл. **заоутра**), которое произносится в одних говорах как *заутра* с у неслоговым (там же, где говорят *траука*, *прауда*, *кроу*), в других как *зафтра* (там же: *трафка*, *правада*, *кроф* или *крофь*). Но старое у в начале слов сохранилось как у и в тех говорах, в которых о.-сл. *ѵ*^б, *ѵ*^б (*ѵ*^б, *ѵ*^б) изменилось в *в*, *ф*: *в доме*, но *у дома*, *фстал*, но *устал*.

Произношение у вместо *ѵ*^б, *ѵ*^б должно было вызвать в памятниках смешение буквы «в» с «оу» или «у» или написание «оу» вместо «в» перед согласными. До конца XII в. подобных случаев в памятниках, если не считать единичных **праоуда** Изб. 1073 г., **ієже оуписаль ієсмь въписяхъ** Слова Григория Богосл. XI в., мы почти не находим, но с этого времени они довольно часты в памятниках южнорусских, смоленских, западнорусских, псковских, двинских и некоторых других. Из ю.-р. памятников в Добр. ев. только **доульїєть**, но в Гал. ев. 1266—1301 г.: **оудова**, **оузяти**, **от оустокъ**, Типогр. ев. XIII в. № 6: **навѣчиша**, **въгасити**, **оупрашахуть**, ев. 1283 г.: **оу праздникъ**, **оузложи**, **оу свѣдѣтльство**, **въши** (= уши), **въжась** и т. п.; в Смоленской грам. 1229 г. по списку А: **уздоумаль**, **оу ризѣ**, **оустоко** (= восток), **оузяти** и др.; в зап.-р. грам. 1349 г.: **оу руской земли**, **оу холмѣ**, **оу виноу**, **оузяти не оухочеть**; в псковской Типогр. Псалтыри № 47, XIV в.: **оу моуки** вин. мн., **оутораго** и др. Из новгородских памятников в некоторых тоже буквы «оу» и «в» смешиваются, например, в 1-й Новгородской летописи по списку Патриаршей Библиотеки: **оусрѣте**, **въ оуторникъ** и др., в Кормчей 1282 г.: **уторникъ**, **оу Вѣкшензѣ** и др., но в новгородских грамотах это смешение не наблюдается, что заставляет думать, что в самом новгородском говоре о.-сл. *ѵ*^б, *ѵ*^б не перешли в у. Нет смешения «в» и «оу» и в памятниках суздальских и московских, поскольку они не списаны с южнорусских и западнорусских оригиналов.

§ 207. Переход *г* в звонкую фрикативную задненебную согласную. Этот переход произошел в о.-р. эпоху в ю.-р. и восточнорусском наречиях, предках нынешних м.-р., б.-р. и ю.-в.-р.;

произношение γ на севернобелорусские говоры могло распространиться позднее, чем оно явилось в остальных говорах. Таким образом, в этих наречиях новое γ совпало со старым γ в род. пад. ед. ч. муж. р. местоимений и прилагательных. Позднее γ разного происхождения сохранилось в ю.-в.-р. и перешло в придыхание в м.-р. и б.-р. Время перехода g в γ точно установить нельзя, так как на письме g и γ (а затем h) долго обозначались одной буквой «г»; во всяком случае оно гораздо раньше, чем в с.-в.-р. На месте старого γ между двумя o диалектически появилось v , ср. с.-в.-р. **повост** уже в Лавр. летоп.; это слово, по-видимому, заимствовано с.-р. наречием из ю.-р. уже с фрикативным звуком, который затем имел здесь ту же судьбу, что и старое свое γ . К ю.-р. произношению γ восходит обычное русское произношение церковнославянского «г» как γ , сохраняющееся, между прочим, в словах церковнославянского происхождения. Быть может, на южнорусское произношение γ уже в X в. указывает передача названий Днепровских порогов у Константина Багрянородного «*Ὀστρὸβουνιτραχ*», «*Βουλνιτραχ*», если эти названия сообщил Константину южнорусс, старавшийся говорить на литературном болгарском языке. В латинских грамотах XIV в., писанных в Галичине, «г» в малорусских словах обычно передается через «h». В настоящее время в м.-р., б.-р. и ю.-в.-р. кроме h и γ существует также и g взрывное. Это g в ю.-в.-р. является исключительно из старого k перед γ : g *γороду*, g *γарé* и т. п., а в м.-р. и б.-р. также и перед другими звонкими согласными: м.-р. *ягжеж*, *дагде* и т. п., а также в заимствованных (из польского и мадьярского) словах: *гфечний* (милый), *грунт*, *газда* (хозяин) и пр. Такое g уже в XIV в. западнорусские и южнорусские писцы отличали от своего «г», произносившегося ими как h , и обозначали буквами «кг»: *Скифрикгайло*, *кды*.

§ 208. Переход звонких согласных в глухие. Переход звонких согласных в глухие перед глухими согласными, а также в конце слова не перед звонкими шумными произошел почти во всех в.-р. и б.-р. говорах, а также в западноукраинских и карпатских говорах м.-р. языка, но не одновременно: в в.-р. этот переход засвидетельствован памятниками, пишущими в таких случаях глухие согласные вместо звонких, с XIII в.; в зап.-р. памятниках написание глухих вместо звонких встречается только в середине слов перед глухими не раньше конца XIV в.; очевидно, в конце слова звонкие согласные перешли в глухие значительно позднее; в м.-р. говорах этот переход, по-видимому, еще позднее.

Судьба шипящих

§ 209. Шипящие *ж* и *ш* отвердели в в.-р., б.-р. и, частью, ю.-м.-р. и сохранили мягкость вообще в некоторых с.-м.-р., карпатских и галицких говорах; кроме того, мягкие шипящие сохранились в говорах части Жиздринского и Калужского уездов Калужской губ., а в некоторых переходных говорах Псковской губ. изменились в шепелеватые звуки *з^ж*, *с^ш* мягкие. В письменных памятниках отвердение шипящих отразилось в виде написаний «ъ» и «ы» после шипящих рядом с традиционными «ь» и «и»; древнейшие примеры таких написаний в в.-р. памятниках XIV в., а в западнорусских и южнорусских — XV в.⁵³, но возможно, что отсутствие более ранних примеров объясняется орфографической традицией, так как правило об употреблении после шипящих букв «и» и «ь» не представляет затруднений. Во всяком случае, отвердение шипящих в русских языках происходило одновременно: в в.-р. оно наступало, по-видимому, до прекращения действия закона о переходе *e* перед твердыми согласными в *ö* и затем в *o*; ср. в.-р. *ёж*, *молодёжь*, *лёжа*, *дёшево*, *надёжа*, *лепёшка*, *идёшь* и пр.; кроме того, из сопоставления этих слов с такими, как *отец*, *купец*, *тешить* и пр., можно заключить, что оно раньше отвердения *ц* и перехода *ѣ* в *e*. Впрочем, возможно, что произношение *o* из *e* перед шипящими в ю.-в.-р. заимствовано из с.-в.-р., ср. ю.-в.-р. диалектич. *дешево*, *головёшка*, *идёшь*. В б.-р. отвердение *ж* и *ш* происходило, по-видимому, одновременно с отвердением остальных шипящих и притом после прекращения действия закона о переходе *e* перед твердыми согласными в *ö*, *o*; поэтому в б.-р. *e* перед шипящими сохраняется как *e*: *ляпешка*, *дзешава*, *адзежа*, *маладзёш*, *нясеш* и пр. В м.-р., по-видимому, отвердение шипящих происходило не во всех положениях одновременно: раньше всего они, должно быть, отвердевали, как и остальные согласные, перед *e* и *и*; в ю.-м.-р. и теперь шипящие обыкновенно мягки перед *i* (из *ѣ* и дифтонгов) и иногда в окончании 3 л. мн. глаголов 2 спр.: *бiжять*, *сушять* и пр., быть может, по аналогии с другими глаголами.

§ 210. Сочетания *шч* (*щ*) и *ждж* уже в древнейшую эпоху претерпевали различные изменения. В южнорусском и части других русских говоров они сохранялись без изменения еще в историческую эпоху. В ю.-р. письменных памятниках рядом с традиционной передачей этих

⁵³ **Слышышь** в грамоте рижан в Витебск около 1300 г. может быть опиской.

сочетаний буквами «щ» и «жд» довольно рано появляются попытки передать их согласно русскому произношению. Для *шч* кроме «щ» уже в XI в. встречается написание «шч», причем этими буквами передается и то *шч*, которое произносилось русскими в церковнославянских словах вместо старославянского *шт*: **имоушче, отвѣшча, в шчоуждахъ** и пр. Слова Григория Богосл. XI в.; **о тышчи петровѣ** Тип. ев. XII в. № 1, позднее: **ловишча, у ловишчехъ** грам. Витовта 1392 г. и др. Но вообще обозначение *шч* через «шч» и в ю.-р. письме не привилось и попадает редко. Для *ждж* в XII в. создается обозначение «жч»; в Галицком ев. 1144 г. это единственный способ передачи этого сочетания: **дѣжчить, дѣжчь, ижченоуть, рожчыє, вѣжчелѣшл**; сочетание «жд» в этом значении там не встречается. То же правописание мы находим и в некоторых других ю.-р. памятниках XII в. (например, в Христиноп. апостоле) и позднее.

В севернорусских говорах о.-сл. *ждж* очень рано изменялось в звуковое сочетание, обозначавшееся в с.-р. памятниках уже в XI в. буквами «жг»: **дѣжгь, одѣжги, пригвожгена, ражгизаємы** и др. Минея 1095 г.; в той же Минее «жг» встречается и для передачи того церковнославянского «жд», которому в русском языке соответствовало *ж*: **прѣжге, рожгеноумоу, побѣжгень** и др.; очевидно, ц.-сл. «жд» писец в таких случаях отождествлял с тем звуковым сочетанием, какое он произносил в *дѣжгь* и т. п. Можно думать, что буквам «жг» в языке с.-р. писцов соответствовало произношение *жј*. То же правописание обычно и в других новгородских, псковских и полоцких памятниках XI—XV вв. Что касается сочетания *шч*, то оно одновременно с изменением *ждж* в *жј* должно было измениться в *шх* с очень мягким *х*. Это сочетание писцы обозначали буквою «щ» и, может быть, иногда буквою «ш», ср. Типогр. Минею № 221, XI—XII в., где рядом с **дѣжгь** и т. п. встречаются написания: **на соудиши, сѣмоушаєтъ, просвѣшаєтъ сл** и т. п., Новгород. ев. XIV в.: **терзаюшо, сходяшо, идушо**; такое правописание могло вызвать смешение букв «ш» и «щ», ср. в том же Новгород. ев.: **взяца, послоуцати**.

Наконец, в восточнорусских и значительной части севернорусских говоров о.-сл. *ждж*, *шч* перешли в *ж*, *ш* долгие; ввиду того, что произношение *жј*, *шх^і* из о.-сл. *ждж*, *шч* в настоящее время неизвестно, а правописание «жг» после XV в. выходит из употребления, можно думать, что сочетания *жј*, *шх^і* с течением времени тоже изменились в *ж*,

ш долгие и, может быть, в некоторых говорах в *ждⁱ*, *штⁱ* (ср. такое произношение в некоторых говорах Олонецкой и Вологодской губ.)⁵⁴. Изменение *жс^j*, *шхⁱ* в *ж*, *ш* долгие, первоначально мягкие и отвердевшие только впоследствии, ср. с м.-р. и б.-р. изменением сочетаний согласных с *с^j* в долгие мягкие согласные. Переход *ждж*, *шч* и *жс^j*, *шхⁱ* в *ж*, *ш* долгие в памятниках достоверными примерами не засвидетельствован, а написания «жд» и «щ» могут читаться различно; быть может, на произношение с *ж*, *ш* долгими указывают памятники, в которых «жд» или «жг» и «щ» смешиваются с «ж» и «ш». Долгие *ж* и *ш*, а также и сочетания *ждж*, *шч*, оказавшиеся после утраты *ѣ*, *ь* слабых в положении между согласными, после согласных и в конце слова, в значительной части говоров переходили в *ж*, *ш* недолгие, имевшие в этих говорах ту же судьбу, что и *ж*, *ш* краткие старые. Ср. такое произношение, как *тошно*, *ямшик*, *дош*, *товариш* с *ш* твердым, не только в тех в.-р. говорах, где *ж*, *ш* долгие отвердели, но и в некоторых из тех, в которых сохранились мягкие *ж*, *ш* долгие и *ждж*, *шч*. Долгие *ж*, *ш* в в.-р. отвердевали, быть может, одновременно с отвердением *ж*, *ш* недолгих. На время этого отвердения, быть может, указывает литер. *тёща* (заимств. из говора, где говорят *тёшша* с *ш* долгим твердым), с.-в.-р. *лёш*, *лёшша* (литер. *лещ*) и т. п.

Шипящие *ждж*, *шч* отвердели в б.-р. и м.-р. (написания с «жчы», «щы» в зап.-р. памятниках — с XVI в.), а в в.-р. в тех говорах, где они сохранились без перехода в *ж*, *ш* долгие и пр., остались мягкими. Позднее эти *ждж*, *шч* мягкие в части с.-в.-р. и ср.-в.-р. говоров сохранились без изменения, а в части, например, в московском, изменились в *ж*, *ш* долгие мягкие. Этот последний переход совсем недавний и не стоит в связи с более старым переходом *ждж*, *шч* в *ж*, *ш* долгие, происходившим в в.-р. говорах еще до отвердения *ж*, *ш*. Между прочим, Третьяковский и Ломоносов указывают на произношение «щ» как *шч* в московском образованном обществе в 50-х годах XVIII в.

§ 211. Звук *ч* отвердел, как и остальные шипящие, в б.-р. и значительной части м.-р. говоров (именно, в тех говорах, в которых отвер-

⁵⁴ Впрочем, более вероятным мне кажется предположение, что олонечкие и вологодские говоры с произношением *жд*, *шт* с *д*, *т* мягкими из о.-сл. *ждж*, *шч* восходят к таким с.-р. говорам, в которых старые *ждж*, *шч* не изменялись в *жс^j*, *шхⁱ*, и что *ждⁱ*, *штⁱ* в этих говорах получились непосредственно из *ждж*, *шч*.

дели и прочие шипящие). В письменных памятниках на отвердение *ч* указывают написания «чы», «чъ», появляющиеся в зап.-р. грамотах с XV в. В ю.-в.-р. и в тех с.-в.-р. говорах, в которых *ч* не перешло в *ц*, оно осталось мягким. То *ч* твердое, которое теперь существует в некоторых с.-в.-р. и ср.-в.-р. говорах, заменило собою более старое *ц*, получившееся из *ч*, под влиянием говоров, различающих *ц* и *ч*.

§ 212. Отвердение *ц*. Звук *ц* отвердел в ю.-в.-р., б.-р. и части с.-в.-р. говоров, причем в с.-в.-р. отвердевало и то *ц*, которое получилось из *ч*. Но в значительной части с.-в.-р. говоров *ц* осталось мягким и до сих пор. Отвердение *ц* везде происходило после прекращения действия закона о переходе *е* в *ё* и затем в *о* перед твердыми согласными: в.-р. *отец*, *купец*, *молодец*, б.-р. *ацец* и пр., и, следовательно, в в.-р. после отвердения шипящих. В памятниках написания «цы», «цъ», указывающие на отвердение *ц*, появляются очень поздно, не раньше XVI в. В б.-р. отвердело только *ц* старое, из о.-сл. *ц* (и, диалектически, из о.-сл. *ч*), новое же *ц* мягкое из *т* мягкого (см. ниже § 215, дзеканье) осталось мягким. Вряд ли это следует объяснять тем, что дзеканье позднее отвердения *ц*. Скорее всего, *ц* из *т* мягкого с самого начала звучало иначе, чем *ц* старое, например, с более слабым свистящим элементом или несколько шепеляво. Ср. Супрасльский летописный сборник 1520 г., где на месте «ть» иногда пишется «чь»: **хотячь**, **примечь** и т. п. и свидетельство Крижанича (XVII в.), что белорусы произносят *ходзичь* или *ходзиць*.

§ 213. Изменения *л* твердого. Звук *л* твердое в конце слога перешел в *у* неслоговое в м.-р., б.-р. и части с.-в.-р. говоров. С.-в.-р. диалектический переход *л* твердого в *у* неслоговое не стоит в связи с таким же малор.-белор. переходом. В м.-р. и б.-р. *у* неслоговое из *л* твердого в большей части говоров является только в окончании ед. ч. прош. врем. *даў*, *пиў*, *ўзяў* и пр. и в сочетани *оу* с *у* неслововым из *ол* в середине слова: *воўк*, *доўго*; в остальных случаях нефонетически восстановлено *л*: *стїл* и *стол* по аналогии со *стола*, *голка*, *горїлка* (б.-р. *гарѣлка*) по аналогии с *голочка*, *горїлойка* и пр., хотя в некоторых говорах и в этих случаях является *у* неслоговое и *w* (ср. карпатское *горївка*, *стїв* и пр.). В зап.-р. и ю.-р. памятниках этот переход засвидетельствован с XV в. написанием «в» вместо «л»: **не вдовзѣ** зап.-р. Минея 1489 г., **шов** и т. п.

§ 214. Выпадение *й* (неслогового *и*) между гласными и *й* между гласными в том или другом положении выпадало во многих русских говорах, но условия этого выпадения в разных говорах различны и не во всех случаях могут быть точно определены. В большинстве случаев выпадение *й* вызвало стяжение гласных или переход второй из них в неслоговую (такому переходу, например, подвергаются *и* и *у*, реже *е*). Почти о.-р. является выпадение *й* в род. и дат. ед. муж. р. притяжательных местоимений, вызвавшее затем стяжение *оѵ* или *оо* в в.-р., м.-р. и, частью, в б.-р.: с.-в.-р. *мово, твово, свово, мому* и пр., ю.-в.-р. и б.-р. *маго, тваго, маму* и пр., м.-р. *мого, твого, мому* и пр.; при отсутствии стяжения после выпадения *й* в б.-р. получилось *майго, твайго, майму, твайму* и пр. (*й* здесь из *ѵ* неслогового?). В с.-в.-р., б.-р. и м.-р. произошло (не везде) выпадение *й* и затем стяжение в окончаниях имен. и вин. ед. ч. ж. р., имен. ед. ср. р. и имен.-вин. мн. ч. прилагательных: *добра, стара, молода*, вин. *добрѹ, старѹ, молодѹ*, ср. р. с.-в.-р. *добро, старо, молодѵ*, м.-р. *добре, старе, молоде*, мн. с.-в.-р. *добры, стары, молоды*, м.-р. *добрі, старі, молоді* и *добрѹ, старѹ, молодѹ*; эти стяженные формы отличаются от бесчленных предикативных форм употреблением их в атрибутивном значении, а в некоторых случаях и ударением; кроме того, м.-р. окончание *-е* в им.-вин. ср. р. могло получиться только в результате стяжения. Рядом со стяженными формами диалектически и в с.-в.-р., и в б.-р., и в м.-р. существуют и нестяженные формы: *добраа, добруу, доброѵ*; из *доброѵ* и т. п. в некоторых карпатских м.-р. говорах получилась форма им.-вин. ед. ср. р. *добрѹй* и т. п. Сохранились также и формы без выпадения *й*: *добрая, добрую, доброѵ* (м.-р. *доброѵ*), частью в тех же говорах. В ю.-в.-р. *й* в этих формах не выпадало. Не так распространено выпадение *й* в глагольных формах и в других случаях после ударения. В с.-в.-р. выпадение *й* в таком положении обычно, причем в некоторых говорах *й* выпадает только после неударяемой гласной: *дѣлаѵт, сбѣгѵт, дѣлаш, сбѣгут*, в других также и после ударяемой: *знáѵш, умѣт* (или *умѣт*), *сильнѣа, копѣж* и *знаш, умеш, копѣж, хозяѵва, Матѵвѣѵ, скоря*. Выпадение *й* обыкновенно вызывает стяжение, хотя продолжают существовать формы и без стяжения, причем *е* после гласной может переходить в *ѣ* и в *а*. В тех же говорах *й* в рассматриваемом положении может и не выпадать; таким образом, иногда одно и то же лицо говорит: *гуляѵт, гуляѵт* и *гуляѵт*. Насколько мне приходилось замечать, в говорах Владимирской губ. формы, подобные *гуляѵт*,

являются главным образом в конце фразы или при фразном ударении на данном слове. Выпадение *й* в подобных случаях обычно и в м.-р.: 3 ед. *нема́, пита́, співа, завива* и т. п., 2 ед. *знаш, черпаш* и т. п., рядом с *немае, питае, співае* и пр.; в некоторых галицких и карпатских говорах после стяжения *ae* и *ie* получилось *e*: *знеш, меш, бесіде́, дякэ* (= *знаеш, маеш, бесіду́е, дяку́е*). Реже встречается выпадение *й* перед *у*, известное преимущественно западным галицким и карпатским говорам, но встречающееся и в вост.-укр., с.-м.-р. и ю.-б.-р. говорах: 1 ед.: *знау, співау*, 3 мн. *питауть, дауть, купууть*, причем перед *у* может развиваться *у* неслоговое: *даууть* и пр. Получившийся вследствие выпадения *й* в положении после слоговой гласной звук *у* в открытом слоге может становиться неслоговым: *маў* 1 ед. (= маю), *я ся боў* (1 ед. = боюсь), *голоў* вин. ед.; обычен этот переход в зап.-м.-р. говорах в форме твор. ед. ж. р.: *ногоў, душоў, динеў, доброў* и пр.

§ 215. Дзеканье. Дзеканье, т. е. произношение мягких свистящих аффрикат *дз* и *ц* вместо мягких взрывных *д* и *т*, теперь является в б.-р. и некоторых с.-в.-р. и ср.-в.-р. говорах. Когда оно возникло — неизвестно, потому что в письменных памятниках дзеканье обыкновенно не отражается, и только в очень немногих, начиная с XVI в., встречается изредка написание «ц» или «ч» вместо «т» перед «е», «и», «ь», «ѣ» (см. § 212) и еще реже — «дз» вместо «д». Трудно также решить, есть ли какая-нибудь историческая связь между дзеканьем в б.-р. и в с.-в.-р. говорах. Ввиду однородности б.-р. и с.-в.-р. дзеканья с польским дзеканьем существует предположение, что оно вызвано польским влиянием, что в составе нынешнего б.-р. племени есть потомки какого-то обрусевшего польского племени и что севернорусской народности тоже некогда приходилось входить в соприкосновение с поляками. О характере дзеканья в XVII в. и раньше см. § 212.

§ 216. Переход *йѣ* в *йе*. Конечное *ѣ* после *й* очень рано в значительной части говоров о.-р. языка изменялось в *е*. На такое изменение, быть может, указывает окончание *-е* вместо *-ѣ* в памятниках, не смешивающих «е» и «и» в русских словах: **навльшеє** ся род. ед. ж. 2 поч. Арх. ев., **їединоє** род. ед., **одиное** род. ед., **различныє** вин. мн. Чуд. Пс. XI в., в **алѣлоугиє** мѣсто Типогр. Уст. № 142, XI—XII в., **Еуфимиє** Мин. 1095 г., **Софыє, Ананыє, Мрыє Магдалынѣ** Добр. ев. 1164 г., **от братиє** Мстисл. ев. и др. Конечное *е* такого происхождения, как и *е* другого происхождения, могло переходить позднее в *о*: в.-р. *её, самое, тоё, всеё*, с.-

в.-р. вологодск. *бедныѣ, горькие*. Но диалектически, по крайней мере, в ю.-р. говорах, *ѣ* после *і* не переходило в *е*, ср. нынешн. ю.-м.-р. *доброї, синейі*.

Косвенные указания на то, что *ѣ* изменялось в *е* после *й*, дают те ю.-р. памятники XII и XIII вв., в которых на месте старого *е* в новых закрытых слогах перед мягкими неслоговыми звуками пишется «Ѣ» только в том случае, если перед этим *е* согласный звук, а не *й*, а на месте старого *йе* в том же положении пишется «ѣ» (Добр. ев., Типогр. ев. № 7, Гал. ев. 1266—1301 г. и др.). Очевидно, в этом положении *е* не изменялось в *ѣ*, а это может объясняться тем, что само *ѣ* после *й* (а в таком положении оно являлось только в конце слова из о.-сл. *ѣ* носового) изменилось в *е*. В других ю.-р. памятниках XIII в. и позднее пишется «Ѣ» и на месте старого *йе* в новых закрытых слогах перед мягкими: *моѣмъ, своѣи, стрѣнныѣ, бѣвныѣ* и др. Поликарп. ев.

Такому же изменению подвергалось диалектически *ѣ* и в начале слова. На это указывают многие памятники, начиная с конца XI или с начала XII в., не смешивающие «е» или «ѣ» с «Ѣ» в русских словах, но употребляющие, тем не менее, «ѣ» (позднее «е») вместо «Ѣ» в начале слова: *ѣсти, ѣдять* 1 поч. Арх. ев., *ѣдять, ѣсти* и др. Типогр. Уст. № 142, XI—XII в., *ѣхати, ѣсти* и пр.—новгор. грамоты и летописи, не смешивающие «е» и «Ѣ» в русских словах в других случаях, Лавр. летоп. и др. Однако в современных говорах указаний на это изменение не имеется, потому что *е* после *й* из *ѣ* в начале слова не подвергалось изменению в *е*.

Б. Великорусско-белорусские явления

Переход ѓ в о

§ 217. Звук *ѓ*, получавшийся из *е* и *ь* перед твердыми согласными, перешел в *о* во всем в.-р. и б.-р. не только после шипящих, но и после остальных мягких неслоговых звуков. Этот переход, вероятно, происходил и в в.-р., и в б.-р. приблизительно одновременно, и если он датируется для б.-р. эпохой до отвердения шипящих, а в в.-р. (только с.-в.-р.?) — после отвердения шипящих, то последнее может относиться только к прекращению действия закона об этом переходе, а не к первой стадии; кроме того, в б.-р. шипящие могли отвердевать позже. Письменными памятниками переход *е* в *ѓ* и далее в *о* не после шипящих почти не мог быть отмечен, так как буква *о* обозначала не только звук *о*, но и твердость предшествующего согласного звука, и только

случайно проскальзывают ошибки, свидетельствующие о таком переходе, например: **дновь** Новг. Кормч. 1282 г., **яромь** Новг. Пролог. 1356 г., **приносьше** Ипат. летоп., **слозы** зап.-р. сборн. XV в. и т. п. В некоторых псковских памятниках XV в. нередко «о» после «р»: *к берогу, в деравахъ, серобра* и т. п.; вероятно, писцы произносили *р* твердо.

§ 218. В *о* переходило не только то *ѳ*, которое получилось из о.-сл. *е*, *ь* перед старыми твердыми согласными, но и то *ѳ*, которое получилось из тех же гласных перед некогда мягкими согласными, отвердевшими до этого перехода. Такими являлись согласные губные и зубные, после которых некогда следовало *ь* слабое, оказавшиеся после выпадения *ь* слабого в положении перед известными твердыми согласными, а также шипящие независимо от положения. Но отвердевали ко времени этого перехода губные и зубные не все и не перед всеми твердыми согласными; также и шипящие к этому времени отвердевали не все. Кроме того, не во всех говорах отвердевали одновременно одни и те же согласные. Общим всем в.-р. и б.-р. говорам является отверждение всех согласных перед *л* твердым: *мѣтлы, сѣдла* и пр. и, по-видимому, отверждение губных перед твердыми зубными: в.-р. *тѣмный*, б.-р. *цѣмный* и пр.; *е* в *учебный, лечебный, царевна* и пр., вероятно, книжное. Из зубных, по-видимому, раньше, как в в.-р., так и в б.-р., отвердевали взрывные зубные перед твердыми зубными; звук *е*, бывший перед такими зубными, изменялся в *о* и в в.-р., и в б.-р.: *чѣтный* и пр.; что касается свистящих, оказывавшихся в положении перед твердыми зубными, то они в настоящее время тверды и в в.-р., и в б.-р., но гласная *е* или *ь* перед ними в одних словах почти всюду перешла в *о*: в.-р. *крѣстный*, б.-р. *хросный*, в других сохраняется как *е*: *полезный*; при литер. *слѣзно* известно диалектич. *слезно*. Таким образом, мы видим, что переход *е* в *о* происходил во всем в.-р. и б.-р. после утраты гласных *ь*, *ь* слабых, но закончился не везде одновременно. Что касается перехода *е* в *о* перед отвердевшими шипящими, то этот переход не является общим в.-р. и б.-р. языкам, а представляет диалектическое явление в.-р. языка и потому будет рассмотрен при обзоре в.-р. явлений.

§ 219. Переход *и* в *ы* после твердых согласных. Так как все согласные перед *и* смягчились еще в о.-р. эпоху, то перед *и* впоследствии могли быть тверды или согласные, отвердевавшие при всяком положении, т. е. шипящие, *ц* или *р*, или же конечные согласные предыдущего слова. Оказываясь в таком положении после отвер-

девших согласных или в начале слова после конечных твердых согласных предыдущего слова, *и* переходило в *ы* во всем в.-р. и б.-р. В старинных памятниках этот переход отражается в виде редких написаний «ы» вместо «и», редких — потому что правило о правописании «и» после шипящих и «ц» и в начале слова не представлялось трудным. Примеры: **в ыноую землю** Смол. грам. около 1230 г., **слышышь**⁵⁵, **в ыстобкоу** грам. рижан в Витебск около 1300 г., **живите, жырошкинь, живота, держыть** Дух. Димитрия Донского до 1389 г., **жылами, жыва, в ынъ законъ, в ымерь** и др. Лавр. летоп., **взыскаль** двинск. грам. XV в., **с ыною братьею** зап.-р. грам. 1386 г. и др.

В. Явления севернорусские

§ 220. Севернорусскими явлениями я называю те явления, которые возникли до образования в.-р. языка в севернорусских говорах, предках нынешних с.-в.-р. и северной части б.-р. говоров. Более поздние явления, распространившиеся только на с.-в.-р. и ср.-в.-р. говоры, рассматриваются в отделе изменений с.-в.-р.

Совпадение ц и ч в одном звуке

§ 221. Совпадение *ц* и *ч* в одном звуке произошло в с.-р. наречии уже в древнейшую эпоху. Как произносился тот звук, в котором совпали о.-сл. *ц* и *ч*, первоначально, мы не знаем. Скорее всего, это был или звук средний между *ц* и *ч* мягкими (ср. говоры, где и теперь произносится такой же звук, или же на месте о.-сл. *ц* и *ч* получился звук *ч*), или звук *ц* мягкое, так как в большинстве говоров на месте старых *ц* и *ч* является именно звук *ц* (твердый или мягкий); возможно, что в произношении этого звука были различия по говорам. С.-р. говоры, как было сказано, потом частью образовали с.-в.-р. наречие, частью вошли в состав б.-р. языка, где под влиянием других б.-р., нецокавших говоров по большей части утратили цоканье⁵⁶, т. е. стали различать этимологически звуки *ц* и *ч*.

§ 222. В памятниках совпадение *ц* и *ч* в одном звуке отразилось на смещении букв «ц» и «ч», которое является во всех с.-р. и с.-з. русских

⁵⁵ Если это не описка. Ср. § 209.

⁵⁶ Под «цоканьем» здесь условно понимается не только собственно цоканье, т. е. произношение *ц* вместо *ч*, но и вообще всякое совпадение старых *ц* и *ч* в одном звуке или их смешение.

памятниках, т. е. в новгородских, псковских, двинских, смоленских, полоцких, витебских и т. п., начиная с древнейших — с.-р. Миней 1095 и след. годов. Впрочем, надо оговорить, что смоленские, полоцкие и витебские памятники сохранились только с XIII в., а несомненно псковские — с XIV в. Кроме того, в смоленских, полоцких и витебских памятниках цоканье в XIV в. исчезает, очевидно, потому, что было утрачено и в живом языке писцов. Примеры: **троича, десничею, вѣньчи, коньчъ, роучѣ, облачѣхъ, мьльцаниѣ, бѣцелѣ, роуцька, въ прѣвѣ** и мн. др. Миней 1095 г., **оубиича, нѣчии, рѣци (речи), цастъ** и др. Ефр. Кормчая XII в., **заволоцыѣ, коупцины, очя** (= отца) Новг. грам. 1264 г., **церниговъци, ництоже, стояце** и др. 1 Новгор. летоп., **робичица, около Торопча, сѣцяхоуся** Лавр. летоп. (в Лавр. летоп. случаев смешения «ц» и «ч» вообще очень мало), **гочкыи, коупчемъ, немчицю** и др. Смол. грам. 1229 г. в сп. А, **соуличами, немъчиць, коуноемъчи** и др. Смол. грам. около 1240 г., **съконцаша ся, нацалника, темницьнымъ, старчи, ръчи** повел. Пск. Апост. 1307 г., **концаны, исправливающе** запись Пск. Пролога 1383 г., **полочъкая, немечькомоу** Полоцкая грам. 1265 г. и т. д. В некоторых смоленских грамотах уже в XIII в. буквы «ц» и «ч» не смешиваются, например, в списках Д и Е грам. 1229 г., в грамотах 1284 г.; это указывает на то, что их писцы, очевидно, различали *ц* и *ч* в своем произношении.

§ 223. Переход *ждж, шч* в *жј, шх^і*. Об этом переходе см. выше, § 209.

§ 224. Переход *дн* в *н* долгое. Этот переход в с.-р. диалектический, известный не всем с.-р. говорам. В настоящее время *н* долгое вместо *дн* является в значительной части с.-в.-р. говорам (во всех западных — поморских, олонецких и зап.-новгородских и в части говоров восточной группы) и во многих северо-восточных б.-р. говорах, где эту черту нельзя объяснить с.-в.-р. влиянием, а потому можно считать ее диалектической чертой, возникшей в с.-р. наречии до образования б.-р. и в.-р. языков.

Г. Южновеликорусско-белорусские явления

Аканье

§ 225. Аканье в широком смысле, т. е. не только совпадение безударных *а* и *о* разного происхождения не после мягких в одном звуке,

но и совпадение безударных *e*, *ѣ*, *o*, *a* разного происхождения после мягких, в памятниках отражается в виде более или менее частого смешения букв «а» и «о» и букв «е», «ѣ», «я» или «иа». Дошедшие до нас памятники с такими чертами правописания не старше середины XIV в.⁵⁷, и притом древнейшие из них отражают не ю.-в.-р. или б.-р., а московский говор. Между тем, сравнительное изучение акающих говоров показывает, что 1) аканье в тех говорах, к которым восходят по происхождению ю.-в.-р. и сев.-вост. б.-р. говоры, возникло до образования в.-р. и м.-р. языков и до малорусско-белорусской эпохи, т. е. раньше XIV в., и 2) аканье в московском говоре возникло позднее и по своему характеру отличается и от ю.-в.-р., и от б.-р. аканья. Поэтому при решении вопроса о происхождении аканья в ю.-в.-р. и б.-р. мы должны основываться главным образом на сравнительном изучении нынешних живых ю.-в.-р. и б.-р. говоров. Это изучение позволяет представлять возникновение аканья в таком виде.

§ 226. Гласные *a*, *o*, *e* разного происхождения (*a* из о.-сл. *a* и *e* носового, *o* из старых *o*, *ѳ*, *ѵ*, *e* и *e* из старых *e* и *ѵ*) и *ѣ* без ударения подверглись редукации и перешли в редуцированные гласные звуки, различавшиеся, по-видимому, в зависимости от твердости и мягкости предшествующего согласного звука. Гласные верхнего подъема — *у*, *ы*, *и* — редукации не подвергались. Таким образом, вместо старых о.-р. *давить*, *ходить*, *бери*, *держи* (из *държи*), *бѣлѣть*, *пяти*, *сады*, *носы*, *весны*, *слѣды*, *святыя*, *в саду*, *в роду*, *несу*, *сверкнул*, *бѣду*, *пряду*, *залуог* (об *уо* см. ниже), *рѣбуота*, *селуо*, *слезуой* (из *слѣзуой*), *слѣдуов*, *под пѣтуой*, *за дѣло*, *на горѣ*, *веснѣ*, *в гнѣздѣ*, *глядѣл*; *давай*, *вода*, *сестра*, *зерна* (из *зърна*), *стѣна*, *грязна*, *удалять*, *засорять*, *земля*, *сѣмья*, *глядять* 3 мн., *садок* (из *садѣкъ*), *годок*, *пером* (из *перѣмь*), *ленок*, *пѣсок*, *пяток*, *далѣко*, *солѣный*, *берѣза*, *дѣлѣж*, *прядѣм* 1 мн., *зайдеть* 3 ед., *зоветь* 3 ед., *веселье*, *цвететь* 3 ед. (из *цвѣтеть*), *козѣл*, *удалец*, *конец*, *деревенька*; *продал*, *выход*, *загубил*, *вырѣзал*, *вымела* и пр. стали произносить⁵⁸: *дѣвить*, *хѣдить*, *бѣри*, *дѣржи*, *бѣлѣть*, *пѣти*, *сѣды*, *нѣсы*, *вѣсны*, *слѣды*, *свѣтыя*, *в сѣду*, *в рѣду*, *нѣсу*, *свѣркнул*, *бѣду*, *прѣду*, *зѣлуог*, *рѣбуота*, *сѣлуо*, *слѣзуой*, *слѣдуов*, *под пѣтуой*, *зѣ дѣлѣ*, *нѣ горѣ*, *вѣснѣ*, *в гнѣздѣ*,

⁵⁷ Впрочем, случаи написания «а» вместо «о» есть уже и в Сийском ев. 1339 г., написанном в Москве, но их очень мало и они допускают и другое объяснение.

⁵⁸ Жирным ѣ обозначаю редуцированный гласный звук после твердых, жирным ѵ — после мягких.

гльдѣл; дѣвай, вѣда, сѣстра, зѣрна, стѣна, грѣзна, удѣлять, зѣсѣрять, зѣмля, сѣмья, гльдятъ, сѣдок, гѣдок, пѣром, лѣнок, пѣсок, пѣток, дѣлѣкъ, сѣлѣный, бѣрѣза, дѣлеж, прѣдѣм, зѣидеть, зѣветъ, вѣселѣе, цвѣтеть, кѣзѣл, удѣлец, кѣнец, дѣрѣвенькъ; продѣл, выхѣд, зѣгубил, вырѣзѣл, вымѣлѣ и пр., но душа, судить, писать, рыбац, воду, сѣстры, люди и т. п.

Затем получившиеся в безударных слогах редуцированные гласные звуки в первом предупредном слоге изменялись в *a*, если под ударением были гласные верхнего подъема (*y, ъ, и*), а также гласные *ѣ* и *о* старое (не из *ѣ*) под восходящим ударением; по-видимому, эти последние тогда звучали как гласные смешанной артикуляции, начинавшейся с верхнего подъема, или как дифтонги с гласной верхнего подъема в первой части; гласный звук или дифтонг, получившийся в этом положении из старого *o*, обозначим «*yo*». Ударение не в 1-м слоге слова в ту эпоху, когда различались восходящее и нисходящее ударения, в русском языке было обязательно восходящим; в 1-м же слоге могло быть как восходящее, так и нисходящее ударение. Старое *o*, находившееся в 1-м слоге под нисходящим ударением, продолжало оставаться открытым, не переходя в *yo*; поэтому перед слогом с таким *o* (что могло быть только в предлогах и отрицании), а также перед ударяемым слогом с гласными *a, o* из *ѣ, e, ѣ* и *e* из *e* или *ѣ* редуцированные гласные оставались без изменения. Таким образом возникли произношения: *давить, хадить, бяри, дяржи, бялить, пяти, сады, насы, вясны, сляды, святые, в саду, в раду, нясу, свяркнул, бяду, пряду, залуог, рабуота, сляуо, слязую, слядуов, пѣд пятауой, за дѣлѣ, нѣ гарѣ, вяснѣ, в гняздѣ, гльдѣл; но: дѣвай, вѣда, сѣстра, зѣрна, стѣна, грѣзна, удѣлять, зѣсѣрять, зѣмля, сѣмья, гльдятъ, сѣдок, гѣдок, пѣром, лѣнок, пѣсок, пѣток, дѣлѣкъ, сѣлѣный, бѣрѣза, дѣлеж, прѣдѣм, зѣидеть, зѣветъ, вѣселѣе, цвѣтеть, кѣзѣл, удѣлец, кѣнец, дѣрѣвенькъ, продѣл, выхѣд, зѣгубил, вырѣзѣл, вымѣлѣ; также: нѣ скорѣ, бѣз году* (и: *бѣз гѣду*), *чѣрѣз морѣ, нѣ в пору*.

Так как редуцированные гласные 1-го предупредного слога оставались без изменения, не переходя в *a*, не только перед слогом со старыми гласными нижнего и среднего подъема, но и перед слогом с теми *ѣ, и* редуцированными, которые позднее в в.-р. перешли в *o, e*, а в б.-р. по большей части сохранились как *ѣ, и* (ср. в говорах с яканьем обоянского типа: *нимой, слипой, сидой* и пр. им. ед.), то можно думать, что редуцирование безударных гласных и переход редуцированных гласных в *a* не стоят в органической зависимости от подъема, а, по-видимому, вы-

званы количественными отношениями: редукция неударяемых гласных могла вызываться их сокращением, причем исконно долгие *y*, *ы*, *и*, сокращаясь, не редуцировались; безударное *ѣ*, может быть, еще раньше изменялось в *e* и подвергалось редукции, как и старое *e*; безударное *a* было уже кратким до того времени, как наступало сокращение безударных гласных, и потому тоже подвергалось редукции. Из ударяемых гласных гласные *o* под нисходящим ударением (в первом слоге слова), *o* из старого *ѣ* и *e* разного происхождения первоначально были кратки, а гласные верхнего подъема *y*, *ы*, *и*, кроме *ы*, *и* редуцированных, первоначально были долги. Судя по тому, что редуцированная гласная первого предударного слога изменялась в *a* не только перед слогом с *y*, *ы*, *и* нередуцированными, но и перед слогом с *ѣ* и *o* старым под восходящим ударением и оставалась редуцированной не только перед слогом с *o* под нисходящим ударением, с *o* из *ѣ* и с *e* разного происхождения, но и перед слогом с *a*, можно думать, что в эпоху, непосредственно предшествующую возникновению аканья, гласные *ѣ* и *yo* были долгими (или произносились как дифтонги), а гласная *a* краткой, т. е. что ударяемое *a* еще раньше по каким-то неизвестным нам причинам сократилось. После редукции безударных гласных происходило сокращение долгих ударяемых гласных, причем такому сокращению могли подвергаться и дифтонги (если *ѣ* и *yo* были дифтонгами); краткие ударяемые гласные дальнейшему сокращению не подвергались. Сокращение долгих ударяемых гласных вызвало заместительное удлинение предударных редуцированных гласных, которые при этом переходили в *a*. Таким образом *a* в 1-м предударном слоге могло явиться только перед слогом с такими гласными, которые раньше были долгими, перед слогом же с гласными, которые раньше были краткими и потому сокращению не подвергались, являлись редуцированные гласные. Последние в положении после плавных могли становиться неслоговыми, причем плавные становились слоговыми; затем такие неслоговые редуцированные гласные после плавных могли выпадать, а слоговые плавные теряли свое слоговое свойство; если перед такой плавной была редуцированная гласная, то она переходила в *a*; таким образом вместо *гльѣва*, *пърѣсёнок* получалось: *галва*, *парсёнок* и т. п.

§ 227. Аканье первоначально возникло в тех говорах, к которым восходят нынешние ю.-в.-р. и сев.-вост. б.-р. говоры. С течением времени оно подвергалось различным изменениям. Прежде всего, изме-

нения были вызваны переходом *yo* и *ʧ* в гласные *o* и *e*; таким образом, в говорах, где произошел такой переход, гласные *yo* и *ʧ* совпали с гласными *o* и *e*. Это совпадение произошло во всех сев.-вост. б.-р. говорах после отделения их от ю.-в.-р., а позднее также и в значительной части ю.-в.-р. говоров, но в другой части ю.-в.-р. говоров различие между *yo* и *ʧ*, с одной стороны, и *o* и *e* — с другой, продолжало сохраняться и частью уцелело до последнего времени. В сев.-вост. б.-р. говорах, вследствие совпадения *yo* и *ʧ* ударяемых с *o* и *e*, редуцированные гласные, бывшие в 1-м предударном слоге перед слогом с гласными *o* и *e*, были заменены гласною *a*. Таким образом, звук *a* в 1-м предударном слоге в сев.-вост. б.-р. говорах явился не только перед слогом со старыми *y*, *ы*, *и*, *yo*, *ʧ*, но и перед слогом с *o*, *e* другого происхождения и перед слогом с *ы*, *и* редуцированными, ср. в нынешних сев.-вост. б.-р. говорах не только: *вады*, *ваде*, *вадой*, *дарить*, *сажу*, *нясу*, *сяло*, *вяди*, но и: *даеш*, *нясеш*, *сялом*, *пясок*, *сляный* и пр. В ю.-в.-р. говорах диалектическая утрата различия между *yo*, *ʧ*, с одной стороны, и *o*, *e* — с другой, привела к образованию донского и суджанского типов диссимилятивного яканья, между тем как в говорах, сохранивших это различие, развилось яканье задонского и обоянского типов.

§ 228. Дальнейшие изменения в характере аканья связаны с изменением редуцированных гласных в гласные полного образования в 1-м предударном слоге. В остальных слогах редуцированные гласные остались, в 1-м же предударном слоге по большей части перешли в гласные полного образования. Редуцированная гласная после твердых перешла в *a* в большей части ю.-в.-р. говоров и, кажется, в ю.-з. части сев.-вост. б.-р. говоров, и в *ы* — в значительной части сев.-вост. б.-р. говоров: *вада*, *давай*, *сама* и пр. в одних говорах, *выда*, *дывай*, *сыма* — в других. В части ю.-в.-р. говоров в этом случае являются гласные, несколько отличные и от *a*, и от *ы* и близкие по качеству к тем редуцированным гласным звукам, которые произносятся не в 1-м слоге слова, но отличающиеся от них полнотой образования. Таким образом получилось диссимилятивное аканье в тех говорах, в которых редуцированная гласная изменилась в тот или другой гласный звук, отличный от *a*, и недиссимилятивное там, где редуцированная гласная перешла в *a*, совпавшее с тем *a*, которое получалось раньше в 1-м предударном слоге перед слогом с бывшими долгими гласными. В говорах с диссимилятивным аканьем возникло два типа диссимилятивного аканья:

аканье б.-р. типа с предударным *ы* из более старой редуцированной гласной только перед слогом с ударяемым *а* и с предударным *а* перед слогом с другими ударяемыми гласными и диссимилятивное аканье ю.-в.-р. типа с гласной, отличной от *а*, перед слогом с ударяемыми *а*, *о* (из *ь*, из старого *о* в первом слого под нисходящим ударением, из *е* и *ь* и из *ы* редуцированного), *е* (из старых *е*, *ь*). Редуцированная гласная после мягких в 1-м предударном слого в б.-р. и значительной части ю.-в.-р. говоров изменилась в *и*, а в восточной части ю.-в.-р. говоров она перешла в *е* или *а* или, ассимилируясь гласной ударяемого слога, переходила в *а* только перед слогом с *а* и в *е* перед слогом с гласными среднего подъема. В тех говорах, в которых редуцированная гласная в 1-м предударном слого перешла в *и* или *е*, получилось диссимилятивное яканье, в первом случае белорусского, обоянского (там, где сохранилось различие между *уо* и *ѳ*, с одной стороны, и *о* и *е*, с другой), донского и суджанского типов (последние два типа там, где *оу*, *ѳ* совпали по качеству звука с *о*, *е*), во втором — задонского типа. В тех говорах, где редуцированная гласная после мягких перешла в *а*, совпавшее с тем *а*, которое получалось раньше в 1-м предударном слого перед слогом с бывшими долгими гласными, возникло сильное яканье. Наконец, изменение редуцированной гласной в *а* перед слогом с *а* и в *е* перед слогом с гласными среднего подъема привело к тому, что *а* в таких говорах в 1-м предударном слого после мягкой явилось и перед слогом с *а* и перед слогом с гласными верхнего подъема, где оно получилось еще раньше, а *е* — перед слогом с гласными среднего подъема, т. е. возникло ассимилятивно-диссимилятивное яканье (см. выше, § 83.2 в). Редуцированная гласная в начале слова в 1-м предударном слого в большей части сев.-вост. б.-р. говоров изменялась в *и*: *идна*, *иддать*, *ибманщик* и пр., но в ю.-в.-р. говорах подобному изменению подвергалась редуцированная гласная в начале слова только в слабоударяемых словах или не в 1-м предударном слого: *ипять*, *ибмануть*, а в остальных случаях переходила в *а*: *адна*, *аддать*, *абманщик*.

Таким образом, те изменения в аканье, которыми вызваны различия между акающими говорами, — изменения, связанные с переходом *уо*, *ѳ* в *о*, *е*, и переход редуцированных гласных 1-го предударного слога в гласные полного образования — возникли после прекращения связи между ю.-в.-р. и б.-р. говорами и, по-видимому, после образования б.-р. языка.

Примечание. В тех ю.-в.-р. говорах, в которых редуцированная гласная после мягких переходила в *e* или *a*, в слабударяемых словах, какими были между прочим частицы и местоимения, такая редуцированная гласная изменялась не в *e* и *a*, а в *i*: *мине, тебе, титерь* и пр.

§ 229. Судьба *ѣ*. Неударяемое *ѣ* в ю.-в.-р. и сев.-вост. б.-р. говорах совпало с неударяемым *e* еще раньше образования аканья и потому позднее имело ту же судьбу, что и неударяемое *e* старое. Под ударением *ѣ* в сев.-вост. б.-р. и в значительной части ю.-в.-р. говоров перешло в *e*, открытое не перед мягкими неслоговыми звуками и закрытое перед мягкими неслоговыми звуками, но в части ю.-в.-р. говоров *ѣ* такому переходу не подвергалось и кое-где сохранилось до сих пор как гласный звук или дифтонг, отличный от *e*, восходящего к старым *e*, *ь*. Переход *ѣ* в *e* в ю.-в.-р. говорах позднее времени отвердения шипящих. Вследствие совпадения *e* и *ѣ* в одном звуке зап.-р. и ю.-в.-р. памятники постоянно смешивают буквы «е» и «ѣ». Древнейшие достоверные примеры такого смешения «е» и «ѣ» в русских словах — с XIII в.

Д. Явления южнорусские

§ 230. Переход *o*, *e* старых в новых закрытых слогах в дифтонги. Утрата *ѳ*, *ь* слабых вызывала в ю.-р. заместительное удлинение гласных предшествующего слога, становившегося вследствие этой утраты закрытым. Долгие гласные нового происхождения — а такими были гласные *o*, *ö*, *e* из старых (о.-сл.) *o*, *e* — переходили в дифтонги, которые первоначально звучали, по-видимому, как *yo*, *йö*, *ие*. Этому изменению не подвергались *o*, *ö*, *e* после плавных в полногласных сочетаниях и те *o*, *ö*, *e*, которые получались из *ѳ*, *ь* сильных, очевидно, потому, что эти звуки до удлинения гласных в новых закрытых слогах были короче других кратких гласных и при удлинении их становились гласными нормальной краткости. В памятниках переход *o* и *ö* в дифтонги не мог быть отмечен за неимением букв для этих звуков, и потому писцы продолжали обозначать их буквами «о» и «е». Но дифтонг *ие*, получавшийся в новых закрытых слогах из *e* перед мягкими неслоговыми звуками, совпал со старым *ие*, обозначавшимся буквою «ѣ», а потому ю.-р. писцы стали его обозначать тоже буквою «ѣ», отличая от звуков *e*, *ö*, *йö*, обозначавшихся ими буквою «е». Такое употребление буквы «ѣ» в ю.-р. памятниках — со 2-й половины XII в.; древнейшие примеры — в Добрил. ев. 1164 г.: **камѣнь, учитѣль, пѣць,**

можѣть⁵⁹, зѣлье, во всѣи и др. Потомками ю.-р. говоров XII в. являются теперь м.-р. язык и ю.-з. говоры б.-р. языка. В м.-р. дифтонги сохранились в с.-м.-р. говорах и изменились в *и*, *у* и другие гласные, отличные от *е*, *о*, в остальных говорах (ср. примеры в §§ 98.1 и 99), тогда как *е*, *о* из старых ѣ, ѓ и после плавных в полногласных сочетаниях, а также старые *е*, *о* не в новых закрытых слогах сохранились как *е*, *о* (см. § 98.1). В ю.-з. б.-р. говорах дифтонги сохранились только под ударением, причем нередко нефонетически переносятся и в такие положения, где никогда дифтонгов не было.

У. История звуков великорусского языка

А. Явления великорусские

§ 231. Изменение *о* под восходящим ударением. Ударяемое *о*, на котором в о.-сл. было так наз. «восходящее» ударение, очень рано, еще до перехода старых ѣ, ѓ сильных в гласные полного образования, но после подобного изменения гласных после плавных в полногласных сочетаниях, следовательно, до образования в.-р. языка, в севернорусских и восточнорусских говорах удлинялось и становилось более закрытым. В начале слова перед таким *уо* (см. § 157а) развивалось *у* неслоговое, переходившее затем в *в*, ср. обще-в.-р. *восемь*, *вотрый* (литер. *острый* заимствов. из церк.-слав.), *вотчим*, *вотчина*, но литер., с.-в.-р. и диалект. ю.-в.-р. *оба*, *обод*, *оброть*, *обруч*, *овод* (точнее: *овад*), *окунь*, *отруби*, где *о* было под так наз. «нисходящим» ударением, ср. словенск. *osem*, *oster* с восходящим ударением на *о*, но *oba*, *obod*, *obrt*, *okon* «окунь», *otrobi*⁶⁰ с нисходящим ударением на 2-м слоге (ударяемые гласные напечатаны жирным шрифтом), а также в.-р. *овѣс*, *огонь*, *осѣл*, *отец*, где ударение в это время было на втором слоге. После согласных *уо* в в.-р. лишь диалектически сохранялось как звук, отличный от *о* от-

⁵⁹ В некоторых ю.-р. памятниках XIII в. и позднее, имеющих «Ѣ» вместо «е» перед мягкими в новых закрытых слогах, как, например, в Типогр. ев. № 6, в форме 3 ед. глаголов I спряж. постоянно — «еть». Возможно, что в говоре писцов таких памятников эта форма оканчивалась только на *-е* (без *ть*) или что здесь *е* вторичное, под влиянием форм на *-е*, *-емо*, *-ете*.

⁶⁰ О переносе о.-сл. «нисходящего» ударения с 1-го слога слова на следующий в словенском см. § 157а.

крытого, не подвергавшегося удлинению и являвшегося или из старых ъ, ь сильных, или из старого о в начальном слоге слова под так наз. «нисходящим» ударением; в части говоров уо перешло в дифтонг уо; в большинстве в.-р. говоров с течением времени различие между уо и о было утрачено. В ю.-в.-р. говорах с яканьем донского и суджанского типов утрата различия между уо и о произошла до образования этих типов аканья.

В памятниках различие между уо и о обыкновенно не отмечается; только в двух рукописях XVI в. Л. Л. Васильеву удалось заметить орфографический прием, с помощью которого писцы обозначали это различие под ударением: именно, в этих рукописях — Псалтири Петрогр. Публ. Б-ки F.I.7. и Сборнике Софийской б-ки в Петрогр. Дух. Акад. 1460 — различие между о и уо обозначается различными значками над буквою «о»: ударение на уо обозначается так наз. «каморой», а ударение на о — акутом или грависом. Камора ставится, между прочим, не только над «о», соответствующим старому уо, но и в том случае, если уо заменило собою нефонетически старое е после шипящих в падежных формах: *болшому* Сборн. (о с каморой), ср. *бальшуому* в говоре Задонского у. Воронежской губ. по аналогии с основами на твердые. Над о, соответствующим старому ъ или о под нисходящим ударением, камора не ставится: Сборн.: *изъ ока, овцы, обще, добромъ* тв. ед., Псалт.: *до облакъ, острови, богоу, животомъ* тв. ед. (во всех примерах о с акутом) и др., ср. там же: *воспоите* (о с каморой), где старое уо.

Можно думать, что это явление или, по крайней мере, удлинение о под так наз. «восходящим» ударением (но без перехода о в дифтонг?) было известно и тем говорам русского языка, к которым восходят сев.-вост. говоры б.-р. языка, потому что иначе трудно было бы объяснить предупредное а перед слогом с ударяемым о в белорусских говорах с диссимилятивным аканьем.

§ 232. Переход ы й, и й в ой, ей. Сочетания ый, ий с ы, и редуцированными сильными во всем в.-р. перешли в ой, ей: *злой, сам-третьей, зарой, напейся, мою, гостей, костей* и т. п., с.-в.-р. *доброй, прежней* им. ед. муж. р.; *вымой, Василей* и пр., ю.-в.-р. *беднай, добрай* им. ед. муж. р.; в *умою, покрою, зарою, повоет* и т. п. о по аналогии с *умой, покрой, зарой, мою, вою* и пр.; наоборот, диалектич. с.-в.-р. *мью* могло явиться по аналогии с *умью, вымью*, формами, сохранившимися в тех же говорах. Этот переход раньше перехода *гы, кы, хы* в *ги, ки, хи* в в.-

р., ср. в.-р. *другой, такой, глухой, всякой* им. ед. (если бы *гы, кы, хы* перешли в *ги, ки, хи* раньше, то мы имели бы — *другей, такей, глухей*); обычное правописание: *уругий, всякий* и т. п. несогласно с в.-р. живым произношением⁶¹ и восходит к церковному чтению подобных слов. В памятниках написания «-ой», «-ей», свидетельствующие о переходе *ый, ий* в *ой, ей*, появляются впервые во второй половине XIII в., но более или менее частыми становятся только в конце XIV в.

В некоторых в.-р. говорах, быть может, *ый* переходило в *ей*; такого происхождения в таком случае такие факты, как имен. ед. *гнедэй, слепэй, воронэй, молодэй, скупэй, другэй* и др. в говорах Олонецкой губ.; появившись сначала в этих формах, *е* далее нефонетически заменило собою звук *ы* и в других формах склонения прилагательных: *сырэй, сухэй, роднэй* им. мн.— южн. уезды Нижегородской губ. и Симбирская губ., *маладэя, стальнэя* — Орловская губ. В памятниках окончание *-ей* в подобных случаях встречается изредка уже в XIV и XV вв.: **свьискеи** (шведский) 1 Новгор. летоп., **въ Новей городокъ, рѣчней, красней, старей** — псковские летописи XV в., **сочкеи, купечкеи** — двинские грам. XV в.

§ 233. Переход *рѣ, рь, лѣ, ль* между согласными в *ро, рё, ре, ло, лё, ле*. Переход этот только в.-р. В с.-р. письменных памятниках он засвидетельствован написаниями с *о, е* после плавных с XIII в.: **въ дровѣхъ** Р. Пр. 1282 г., **крови** новгор. грам. 1199 г. в списке 1263 г. и др., **крови, яблоко** и др. Октоих и Торжественник конца XV в., писанный в ю.-в.-р. области. М. Гл. Арх. 626.

§ 234. *é* перед твердыми из старого *е*. При каких-то неясных условиях старое *е* перед твердыми согласными под ударением в некоторых с.-в.-р. и ю.-в.-р. говорах не перешло в *о*, или же произошел вторичный переход *о* после мягких в *е*. Такое *е*, например, является в некоторых говорах Вятской губ.: *берёза, зелёной, лед* и др., Рязанской губ.: *зелёный, перелёт птиц, села* (им. мн.), *сел* (род. мн.), *асёл* (осел), *четырёх* и т. п. (Ряз. у.).

Примечание. Акад. Шахматов предполагает, что *е* перед слогом с *ѣ, ъ* слабыми еще в о.-р. языке было закрытым и потому даже перед твердыми не переходило в *ё*, откуда затем *о*; звук же *о* в этом положении в в.-р. и б.-р. и дифтонг *уо* в

⁶¹ Распространенное у образованных людей, особенно вне Москвы, произношение «всякий» и т. п.— книжное.

с.-м.-р. явились нефонетически, по аналогии с теми случаями, где было *o* в открытом слоге. Но против этого, мне кажется, говорят следующие факты: 1) *e* закрытое в новых закрытых слогах в ю.-р. должно было перейти в *ѣ*; между тем в ю.-р. памятниках XII—XIII в. никогда не пишется «ѣ» на месте «е» в новых закрытых слогах перед твердыми; 2) в в.-р. *e* перед твердыми в закрытых слогах несколько не чаще, чем в открытых, и может быть также на месте старого *ѡ*.

§ 235. Изменения *e* перед шипящими. В значительной части в.-р. говоров *e* перед отвердевшими шипящими *ж* и *ш*, а частью и перед *ш* долгим, где такое *ш* долгое рано отвердевало, переходило в *o*: *лѣжа*, *ѣж*, *падѣж*, *одѣжа*, *дѣшево*, *лепѣшка*, *стѣшка*, *тѣшша*, ср. литератур. *тѣща*, заимствованное из говора, где это слово произносится с *ш* долгим твердым. Но в некоторых с.-в.-р. говорах *e* перед отвердевшими шипящими, как и перед некоторыми другими отвердевшими согласными, переходило не в *o*, а в *a*: *головяшка*, *покофмяжной*, *колясной* и пр., а в других с.-в.-р. и ю.-в.-р. сохранилось как *e*: *головешка*, *одежа*, *дешево*, *лепешка*, *надежда*, *промеж*, *перезж*, *смежный*, *чешет* (диалект. *чошет*), *брешет* и пр. Впоследствии слова из одних говоров заимствовались другими говорами, и теперь трудно установить, какие именно говоры восходят к говорам, сохранившим *e* перед шипящими, и какие — к говорам, допускавшим переход *e* в *o* или в *a*. Нынешний литературный язык представляет в этом отношении большую пестроту. Не считая таких слов, как *мятеж*, *падеж*, заимствованных из церк.-слав. языка, мы находим в нем несколько слов с *e*, восходящих к говорам, не изменявшим *e* в *o* перед шипящими: *чешет*, *брешет*, *головешка*, *смежный*, *промеж*; рядом с ними чаще *o*: *грабѣж*, *молодѣжъ*, *холостѣжъ*, *стѣжка*, *лепѣшка*, *серѣжка* и мн. др.; к говорам, изменявшим *e* в *a* перед отвердевшими согласными, восходит, кажется, слово *коляска*. Перед *щ* мы имеем, с одной стороны, правильно *лещ*, *клевщ* (*вещь* — слово, заимствованное из церк.-слав. языка), с другой — очевидно заимствованное из какого-то говора *тѣща*. Быть может, первоначально *e* перед шипящими переходило в *o* только в с.-в.-р. говорах, а произношение *o* вместо *e* перед шипящими в ю.-в.-р. заимствовано из с.-в.-р. говоров.

§ 236. Переход *ри* в *ры* после согласных. Этот переход в в.-р. диалектический, но очень распространенный. Во многих говорах сочетания *гри*, *фри*, а в некоторых также *стри* вследствие ассимиляции *р* предшествующему твердому согласному звуку изменились в *гры*, *кры*, *стры*: *грыбы*, *крыло*, *крынка*, *скрыпка*, *стрычь*; в других говорах со-

четание *ри* в этом положении сохраняется: *грибы, кринка, скрипка, стричь*. В памятниках написания «ры» вместо «ри» в подобных случаях попадают уже в XV в.

§ 237. Переход звонких согласных в глухие. Переход звонких согласных в глухие в конце слова и перед глухими происходил в в.-р. независимо от подобного же перехода в б.-р. и западных говорах м.-р. языков и притом раньше, чем в этих языках. В конце слова звонкие шумные согласные перешли в глухие независимо от характера следующих звуков, т. е. не только перед глухими и в абсолютном конце речи (перед паузой), но и перед словами, начинающимися с гласных или сонорных звуков, и только перед звонкими шумными согласными шумные могут быть только звонкими (за исключением положения перед *в: свой, твой* и пр.).

§ 238. Отверждение согласных перед *е*. В немногих в.-р. говорах, как с.-в.-р.—в Вятской, Владимирской и Нижегородской губ.,—так и в ю.-в.-р.—в Рязанской губ.,—согласные перед *е* отвердели: *дэрэвенька, молодэц, отэц, сэрге, пэч* и пр. Огромное большинство говоров этого явления не знает.

§ 239. Переход *ц* в *с*. В некоторых восточных с.-в.-р. и в некоторых ю.-в.-р. говорах *ц* перешло в *с*: *куриса, яйсо, молодес, сэрка, сариса* и т. п. По-видимому, это изменение произошло в тех и других говорах независимо. С этим диалектическим мало распространенным явлением не следует смешивать почти о.-в.-р. изменение *ц* в *с* после *с*: *ис сэркви, с сарём* и пр.

Б. Явления северновеликорусские

§ 240. Здесь мы рассмотрим только те явления, которые известны только с.-в.-р. наречию или части его говоров и неизвестны ни севернобелорусским, ни ю.-в.-р. говорам, а также некоторые явления, которые хотя и известны ю.-в.-р. говорам, но возникли несомненно первоначально в с.-в.-р. и заимствованы отсюда частью ю.-в.-р. говоров в сравнительно позднее время. По времени возникновения некоторые с.-в.-р. явления—раньше образования в.-р. языка и возникли еще в севернорусскую эпоху, но рассматриваются здесь, потому что неизвестны за пределами с.-в.-р. наречия.

Судьба *ѣ*

§ 241. Звук *ѣ* без ударения перешел в одних говорах в *е* во всяком положении кроме конца слова, в других — только перед твердыми согласными и после ударения, а перед мягкими до ударения перешел в *и*. Конечное *ѣ* без ударения вообще перешло в *и*, а под ударением в одних говорах сохранялось, а в других тоже перешло в *и*. Безударное *е* из *ѣ* в одних говорах не подвергалось дальнейшим изменениям, в других в положении перед твердой согласной переходило в *о*. Эти изменения происходили, по-видимому, раньше, чем изменения *ѣ* под ударением; в последнем положении *ѣ* долгое время сохранялось во всем с.-в.-р. как *ие*, а потом уже изменялось в одних говорах в *е* закрытое во всяком положении, в других — в *е* (закрытое или открытое) перед твердой согласной и *и* перед мягкой, в третьих — в *е* открытое перед твердыми и *е* закрытое перед мягкими и, наконец, в зап.-новгор. и некоторых других — в *и* во всяком положении. Гласная *о* из *ѣ* под ударением, встречающаяся в некоторых словах в некоторых с.-в.-р. говорах (ср. литерат. *гнёзда, звёзды, приобрёл, вёдра*), вероятно, перенесена из положений без ударения. Особо стоит конечное *ѣ* после *й*, которое, по-видимому, очень рано, еще в о.-р. эпоху (см. § 216), переходило в *е* и без ударения, и под ударением и затем диалектически, как всякое конечное *е*, могло переходить в *о*: *её, тоё, самоё, вологод. бедныё, горькиё* и пр. В диалектич. имен. множ. *моё* и т. п. — окончание *е* по аналогии с *все*. Что касается *ѣ* в начале слова, то, по-видимому, оно лишь в части с.-в.-р. говоров произносилось как *йе*. На такое произношение указывает большинство новгородских нецерковных памятников (грамот, летописей и т. п.) XIII—XVI в., московские грамоты XIV в., Лаврентьевский список летописи и др., в которых «ѣ» в русских словах не смешивается ни с «е», ни с «и» (в церк.-слав. словах такое смешение встречается), но в начале слова и после гласной вместо «ѣ» часто пишется «ю»: **юхати, ѳздити, юю** (род. ед. ж. р.), **понизовьскию** род. ед. ж. р. (ср. выше § 216). Нынешние с.-в.-р. говоры не дают ясных указаний на то, что *ѣ* в начале слова некогда произносилось иначе, чем в других положениях.

§ 242. С.-р. памятники по употреблению буквы «ѣ» можно разделить на несколько категорий: 1) значительная часть памятников следует правописанию, о котором только что сказано; 2) в других памятниках — московских грамотах и других московских и северных памят-

никах XV—XVII в.—«Ѣ» пишется правильно под ударением и заменяется более или менее часто (иногда даже последовательно) буквой «е» без ударения; 3) в третьей категории памятников «Ѣ» смешивается с «е» при всяком положении в слове; такое правописание — в старейших частях I Новгород. летоп. по списку Патриаршей Б-ки, в некоторых новгородских грамотах XIII—XV в., в некоторых двинских грамотах XV в. и др.; поскольку в этих памятниках не отразилась церковная манера чтения, можно думать о переходе в говоре писцов *ѣ* в *е*; 4) «Ѣ» заменяется буквою «и» или смешивается с «и»: а) только перед мягкими согласными, причем в остальных случаях «Ѣ» пишется правильно или смешивается с «е» (такое правописание в Евангелии XVI в., писанном в Вологде и др.); б) при всяком положении в слове: в некоторых двинских грамотах XV в., в некоторых новгородских памятниках начиная с XIV в. и некоторых псковских XV—XVI в.; в этих памятниках рядом с «и» вместо «Ѣ» пишется иногда (редко) также «е» вместо «Ѣ». Очевидно, в говоре писцов звук *ѣ* в одних положениях перешел в *и*, в других или сохранялся как звук, отличный от *е* и от *и*, или перешел в *е*, т. е. произношение *ѣ* было приблизительно или таким же, как в говорах вологодской группы, или таким, как в зап.-новгор. говорах. Правильное различие «Ѣ», «и» и «е» в большинстве новгородских памятников XIV—XV в. позволяет думать, что в Новгороде *ѣ* в это время отличалось от *и* и *е*; что памятники со смешением «Ѣ» и «и» не чисто новгородские и что переход *ѣ* в *и* в зап.-новгор. говорах не раньше конца XV в. Потомками старого новгородского говора могут быть нынешние говоры поморов, потомков новгородских выходцев. С другой стороны, «и» вместо «Ѣ» и «оу» вместо «в» в двинских грамотах сближает говор двинян XV в. с нынешними восточными говорами и отличает их от нынешних говоров той же области (Холмогорский и Архангельский уезды⁶²).

Диалектический переход а после мягких в е

§ 243. *а*, как неударяемое, так и ударяемое, в положении между мягкими в значительной части с.-в.-р. говоров изменялось в *е*; таким

⁶² Материал по употреблению буквы «Ѣ» в севернорусских памятниках XIII—XVI в. собран, хотя далеко не весь, в исследовании В. В. Виноградова [Виноградов, 1922]. К сожалению, классификация этого материала и его освещение в назв. книге не всегда удачны.

образом возникли произношения: *грезь, петь, ейца, в шлепи* (в шляпе) и пр. Древнейшие указания на такой переход — написания «е» вместо «я» или «а» — в памятниках XVI в. Впрочем, в псковских памятниках уже в XIV в. встречаются изредка случаи написания «е» вместо «я» или «а» не в конце слова (в конце слова «е» и «я» в псковских памятниках постоянно смешиваются): **приселет ся** 3 мн., **обнищеша, пчелы** Типогр. Псалтырь XIV в., № 29 (47) и др.

§ 244. Независимо от этого перехода в части с.-в.-р. говоров неударяемое *a* после мягких изменялось в *e* независимо от твердости или мягкости следующего неслогового звука: в *грезе, грезна, петак, пфеду, поес*, но: *пятый, грязный, пфяжа* (перед мягкими неслоговыми звуками в одних говорах *a*: *грязь, пять*, в других — *e*: *грезь, петь* и пр.).

§ 245. В возвратной частице *-ся* конечное *a* в тех случаях, когда оно не отпадало, в одних говорах сохранилось как *a*, в других изменилось в *e* или *o*: *боялсе, боялсе* или, с отвердением *s*: *боялсэ, боялсо*, наст. вр. *боитце, боитцо* и т. д. Так как конечное *a* после мягких не изменилось в *e* или *o* ни в формах имен. ед. ж. р. и род. ед. муж. р.: *воля, гостя*, ни в дееспричастиях: *лэжа, ходя, стоя*, ни в 3 л. множ. ч. глаголов 2 спр., там, где эти формы произносятся без конечного *-т*: *ходя,нося*, то надо думать, что вообще фонетически конечное *a* после мягких в *e* и *o* не переходило, и изменение *a* здесь вызвано особыми фонетическими условиями, в которых оказалось *ся* как частичное слово. Конечное *a* в этом слове редуцировалось подобно тому, как и конечное *e, и, ы* в других частицах и местоименных наречиях, а затем редуцированная гласная, получившаяся из *a*, изменялась, смотря по говорам, в *e, o* или вновь в *a* после двух согласных или долгой аффрикаты, если последние получались вследствие утраты *ь* или *ь* слабых перед *ся*, а в остальных случаях отпадала.

Переход *e* в *a*

§ 246. В конце слова неударяемое *e* во многих с.-в.-р. говорах перешло в *a*. Такое *a* является после *й* в окончании сравн. ст. *скорейя (ско-ряя, скория)* и т. п. и в им. ед. имен собирательных, получивших вследствие этого перехода значение им. мн.: *колья, гвоздья, каменья* и пр.; окончание *ю* или *йо* в им. ед. ср. р. прилагательных: *доброё* и т. п. в тех же говорах (но не в тех говорах, где говорят *гвоздьё*) явилось нефонети-

чески по аналогии с *моё, чьё* и т. п. Конечное *a* после мягких согласных (не о.-сл. мягких) является между прочим в некоторых олонецких, западноновгор. и др. говорах: *крестьяня, татаровя, гледитя, поидетя, будя, естя* (3 ед.) и т. д.

Указания на переход конечного *e* в *a* в памятниках появляются с XIV в. В Лавр. летоп. «я» вместо «е» еще очень редко: **трупья, деревяня**. В псковских памятниках XIV—XV в. часто пишется «я» вместо конечного «ю» и наоборот, что, впрочем, могло быть и б.-р. чертой. В других с.-в.-р. памятниках XV и XVI в. «я» вместо «е» попадает преимущественно в им. мн. на *-аня, -овя* и т. п. и в именах собирательных.

§ 247. В известных случаях переход конечного *e* в *a*, по-видимому, является общим всем с.-в.-р. говорам, а именно, в формах 1 и 2 множ. вспомогательного глагола *есмя, естя*, впоследствии утраченных, и род.-вин. личных местоимений *меня, тебя, себя*. Так как и те, и другие формы всегда имели ударение на конце, то можно думать, что *e* изменялось в *a* в слабоударяемом положении. В памятниках эти формы встречаются уже во 2-й половине XIV в.: **есмя**—новг. грам. 1375 г., моск. ев. 1393 г. и др., **меня** пск. Пролог 1383 г., **тобя** Духовн. 1388 г. и др.; в московских и др. северных памятниках XV—XVI в. они обычны.

§ 248. После шипящих перед мягкими в предупредном слоге переход *e* в *a*—диалектический, известный не всем с.-в.-р. говорам; он был вызван, вероятно, отвердением шипящих. Такое *a* в *жаних, жалезо, пшаница, пчалиной* и т. п. в говорах Архангельской, Олонецкой, Новгородской и части Вологодской губ.

§ 249. Перед шипящими и другими отвердевшими согласными переход *e* в *a*, кажется, происходил только в некоторых говорах до перехода *e* в том же положении в *o*, но потом произношения вроде *головяшка, колясной, словясно, лягче* и т. п. были по большей части вытеснены произношениями с *o* под влиянием других говоров и остались лишь в единичных словах.

Переход e в o

§ 250. Переход *e* в *o* перед отвердевшими согласными в с.-в.-р. происходил в некоторых положениях, в которых б.-р. и ю.-в.-р. говоры такого перехода не знают, вследствие позднего диалектического отвердения некоторых согласных; таково *o* перед отвердевшим *р* в

мёрзнуть, дёржыт, дёрской (дерзкий) и т. п., в окончании 3 ед. глаголов I спр.: *идёт* и т. п.

§ 251. Такой же переход происходил исключительно в говорах восточной (вологодской) группы после шипящих перед мягкими согласными: *жоних, жолезо, жонитъба, жолетъ, жокчи* (жечь), *крошонина, шозьдесят*. Как мы видели выше (§ 248), говоры поморской и олонечкой группы в том же положении имеют *а*.

§ 252. В конце слова *е*, как старое, так и из *ѣ* после *й*, переходило в *о* в говорах восточной группы и в некоторых других, как под ударением, так и без ударения: *спитѣ, ходитѣ, играйтѣ, кульѣ, скоряѣ, бѣдныѣ, горькиѣ, еѣ, самоѣ, моеѣ* и т. п. О диалектическом сохранении *е* в тех же положениях см. § 258, о переходе *е* в *а* см. § 246. Переход конечного *е* в *о* произошел после того, как формы *мене, тебе, себе* перешли в *меня, тебя, себя* (см. § 247).

§ 253. В некоторых говорах *е* может переходить в *о* в предупредных слогах, ассимилируясь гласной *о* следующего слога: *бѣрѣза* (Клинск. у., Моск. губ.), *дѣшѣвой, сѣрѣда* и пр.

§ 254. Переход *а* в *о*. Кое-где *а* переходит в *о* в предупредных слогах по ассимиляции с *о* следующего слога: *сопоги, новоз, зобота, зобор, долеко, довнѣхонько, пѣтно* и пр.

Переход *о* в *у*

§ 255. В говорах, различающих ударяемые *уо* и *о* (см. выше §§ 157а, 231), вместо *уо* иногда произносится *у*: *нужик* Вятск. (Васнецов [Васнецов, 1908]), *уоспудь, роздулья* иб. (Зеленин [Зеленин, 1913]), *воруниньськя* (воронинская) Егор. Ряз. (Дурново) и т. п., хотя обычно в этих говорах *уо* произносится как звук смешанной артикуляции, начинающейся с *у* и переходящей в *о*, или как дифтонг *уо*, или, может быть, иногда как *о* с сильным округлением.

§ 256. Неударяемое *о* перешло в *у*:

а) в значительной части с.-в.-р. говоров в начале слова за слог до ударения: *укунуть, угород, угурец, утофри, убманули, удеяло* и др., реже — непосредственно перед ударением: *упячь, укошко*; это *у* сохраняется в некоторых переходных акающих говорах;

б) во многих говорах, преимущественно олонечких и восточных, после губной или задненебной перед ударением: *булото, булѣзнь, пудѣм,*

пу́бду, мутылёк, буран (баран), *замурать, скуряе, кумар, кувиль* и пр., реже — не после губных и задненебных, но перед губной: *думовой* и т. п.;

в) в немногих с.-в.-р. и переходных говорах в окончании твор. ед. ж. р. на *-ую, -уй*: *палкуй, этуй, пряжую*; такое же *-ую* может явиться и вместо *-ою* и *-аю* в глаголах: *вымую, делую*.

§ 257. *е* перед твердыми из старых *е, ъ*. Без ударения звук *е* перед твердыми встречается нередко не только в говорах переходных или с намечающейся переходностью, но и в говорах, где нельзя предполагать влияния акающих говоров, именно — в поморской и западноновгородской, реже — в восточной группе; примеры: *весна, село, беру, несла* и т. п. По-видимому, в этих говорах при каких-то условиях предупредное *о* после мягких подвергалось вторичному переходу в *е*; при каких именно, неясно, потому что в тех же говорах известно и предупредное *о* после мягких: *горёвать* и пр. Впрочем, в говорах восточной группы в таких случаях, как *беру, несу* и т. п., *е* могло явиться и нефонетически по аналогии с *е* в остальных личных формах.

§ 258. *е* в конце слова. *е* в конце слова под ударением и без ударения правильно сохранилось в тех говорах, где оно не переходило в *о* и *а* (см. выше §§ 246, 247, 252; в *а* переходило только *е* неударяемое), т. е. в поморских, западно-новг. и некот. других: *спитё, пьётё, хо-рошэ, еэ, тоэ, знáете, скоряе* и пр.

Появление шепелеватых звуков

§ 259. В некоторых западных севернорусских говорах звуки *ж, ш, з, с* мягкие переходили в мягкие шепелеватые (средние между шипящими и свистящими) звуки; это происходило, очевидно, раньше общевеликорусского отвердения шипящих *ж, ш*. Этот переход засвидетельствован псковскими памятниками с начала XIV в., смешивающими буквы «ш» и «ж» с буквами «с» и «з»: *сапожи, псеницю, обьдавсею* и т. п. Впоследствии псковские говоры под влиянием других говоров частью утратили такое произношение, но частью сохранили и до сих пор.

§ 260. От этого совпадения *ж* и *ш* с *з* и *с* мягкими в псковских говорах следует отличать появление *с* вместо *ш* других говоров перед суффиксом *-н-* во многих, в том числе и в восточных с.-в.-р. говорах. Это *с* исключительно на месте старого *ч*: *молосной, пшенисной, девисъник, яисъница, сердесъней* (молочный, пшеничный, девичник, яичница, сер-

дечный) и т. п. и восходит непосредственно к *ц*, получившемуся вследствие с.-р. перехода *ч* в *ц*. Отсюда можно сделать вывод, что с.-р. переход *ч* в *ц* раньше о.-р. перехода *ч* перед *н* в *ш* и что *ц* перед *н* в с.-р. переходило в *с* мягкое, вероятно, в ту эпоху, когда в других говорах *ч* в том же положении переходило в *ш*.

§ 261. В некоторых других с.-в.-р. говорах (не псковских) мягкие *з*, *ц*, *с*, а в некоторых дзekaющих говорах также и *дз* и *ц* из мягких *д*, *т* получили шепелеватый оттенок, но не совпали со старыми *ж*, *ш*, так как последние к этому времени уже, очевидно, успели отвердеть; вместе с тем и старые сочетания *ждж*, *шч*, если не изменились раньше в *ж*, *ш* долгие твердые, стали звучать как шепелеватые звуки. Таковы некоторые говоры Вятской, Владимирской, Московской, Рязанской, Нижегородской и Казанской губ.

Появление звука **ф**

§ 262. В о.-р. звука *ф* не было. В заимствованных не книжным путем слова звук *ф* чужих языков заменялся звуком *п*: *парус* = фѣрос и др. В с.-в.-р. *ф* в заимствованных словах удерживается: *Филип*, *Фома*, *Тимофей*, *Офонасей* и пр.; рядом с ними сохраняются и имена с *п*, соответствующим иноязычному *ф*: *Осип*, *Степан* и др.

Примечание. В ю.-в.-р., б.-р. и м.-р. *ф* в заимствованных словах и теперь обыкновенно заменяется сочетанием *хв* или звуками *х* и *п*: *Хвилит*, *Хвѣдор* (м.-р. *Хведір*), *Хома*, *Осип*, *Остан*, *Опанас*, м.-р. *Ничитір* (*Никифор*) и пр.

§ 263. Кроме того, в с.-в.-р. развилось новое *ф* из *в* в конце слова и перед глухими, как и в восточных ю.-в.-р. говорах. Это *ф* в тех говорах, где *в^б*, *в^д* не перешли в *у*, вероятно, являлось в в.-р. одновременно с переходом остальных согласных в тех же положениях в глухие. В памятниках написания «ф» или «ѳ» в подобных случаях встречаются, кажется, только с XVI в. (*фнрок* грам. 1501 г.).

§ 264. В некоторых говорах, принадлежащих к олонечкой, восточной и поволжской группам, *ф* получилось также из сочетания *хв* перед гласными: *фост*, *фастать*, *форост*, *уфатить* (по-видимому, из одного из таких говоров заимствовано в литературном языке слово *филлин*); в некоторых восточных и поволжских говорах *ф* является на месте *х* в конце слова: *теф*, *моиф*, *добрыф*, *на рукаф*, значительно реже — из *х* перед согласными: *фто*, *лѣфкой*. Памятники не дают ясных указаний на время появления *ф* из *хв* или *х*, потому что употребление буквы «ф» и сме-

шение «ф» с «хв» или «х» в старинных памятниках не свидетельствует о существовании звука «ф» в языке писцов: этой буквой они обозначали те звуки, какие произносили в заимствованных именах, писавшихся с буквою «ф», а эти имена они могли произносить с *хв*, как и теперь произносят южные великорусы, белорусы и малорусы.

§ 265. Судьба старого *γ*. Этот звук в с.-в.-р. первоначально являлся в окончании род. ед. муж. и ср. р. местоимений и прилагательных (*его, кого, моего, злого, доброго* и пр.), в словах: *корогод, богатый, богатыйрь, погост*, в некоторых словах, взятых из ц.-сл. яз., и, может быть, некоторых других. Вероятно, бóльшая часть этих слов или их произношение заимствованы с русского юга (слово *богатыйрь* турецкое и звучит в турецких языках тоже с *γ*, но на Север, вероятно, проникло не непосредственно от какого-нибудь турецкого племени, а через южнорусское посредство). Кроме того, *γ* получилось из *k* и *g* взрывного перед звонкими согласными: *γде, коγда, всеγда* и пр. Позднее *γ* в некоторых олонецких и поморских говорах вообще переходило в *г*: *кого, злого, где, когды* с *г* взрывным, в остальных же олонецких и поморских говорах сохранилось как *γ*: *коγо, бедноγо, боγатой, коγды* и пр. В восточных, владимирских и поволжских говорах *γ* сохранилось перед гласными, кроме *о*, и выпало перед *о*, а затем на месте его между двумя *о*, реже в начале слова по большей части развивалось *в*: *боγатой, боγатыйрь, коб, бедноо* и *ково, бедново, коровод, повост*. Звук *γ* перед *д* твердым в некоторых восточных говорах перешел в *в* или *у* неслоговое: *ковды, всевды* или *коуды, всеуды*. В памятниках *в* в слове *повост* встречается уже в Лавр. летоп.: **повосты** (конец XIV в.); слова *осподарь* и *оспожинь* без начального *г* попадают в памятниках XV в., а *вспожин* — только в XVI в. Примеры с *в* в окончании род. ед. муж. и средн. р. прилаг. и местоимений из памятников до XV в. неизвестны; в XV в. они почти не встречаются (4 примера из памятников 1-й половины XV в. приведены у Соболевского, Лекции⁴, 126 [Соболевский, 1907]); так, в новгородских, двинских и московских грамотах XIV—XV вв. употребительны исключительно формы на *-го*; но с XVI в. в московских и сев.-в.-р. памятниках они нередки: Звенигор. грам. 1404 г. (в копии XVI в.): **въ прававо**, Сборн. XVI в., содержащий копии с московских княжеских и митрополичьих грамот XV в.: **своево христианства, лиха никакова** (грам. митр. Ионы) и др., Домострой О-ва: **ис чево** 87, **глупово слугу** 98, **меду простово** 154 и др.; Конш. Домострой: **всево** 23, **тово** 33 об., **портново мастера** 50 об. и др.

§ 266. Отвердение *t* в окончании 3 л. глаголов. Это явление можно считать фонетическим, если предположить, что в о.-р. эпоху *t* перед *ь* слабым смягчалось слабее, чем, например, перед *и* в инфинитиве, или что в эпоху отвердения *t* в 3-м л. инфинитив в с.-в.-р. чаще оканчивался на *-ти*. В таком случае *-ть* в окончании им. ед. существительных (*путь, зять, кость* и пр.) объяснялось бы влиянием косвенных падежей, а *-ть* в инфинитиве могло бы объясняться или влиянием форм на *-ти*, или более поздним отпадением *и*. В памятниках написания *-ть*, указывающие на отвердение, встречаются уже со второй половины XIII в.: **оучинить, придеть, оубьють** — новгор. грам. 1257—1263 г., **дѣлить** — Р. Пр. 1282 г. и т. д. Немногие случаи написания *-ть* в 3-м л. в некоторых памятниках XI и XII в. и позднее восходят к старославянским оригиналам и на отвердение окончания *-ть* в говоре писцов не указывают. По-видимому, окончание *-т* с *t* твердым в 3-м л. глаголов появилось не во всех с.-в.-р. говорах одновременно: в новгородских договорных грамотах и большей части двинских еще в XV в. постоянно *-ть*; теперь *ть* сохраняется только в 3 множ. глаголов 1 спр. в некоторых говорах Олонецкой губ.: *идуть, жнуть, гребуть, играють, поють*, но: *идѣт, ходит, стучат, гремят*. Окончание *-ть* в некоторых ср.-в.-р. говорах, может быть, ю.-в.-р. происхождения.

Примечание. Сохранение *-ть* в говорах Заонежья в 3 мн. на *-уть* при *t* твердом в 3 ед. и 3 мн. на *-ат* трудно объяснить фонетическими условиями. Поэтому акад. А. А. Шахматов предполагает, что вытеснению *-ть* через *-т* содействовала связь с формой указат. местоимения *тъ*. Но и это предположение не объясняет сохранения *-ть* только в окончании *-уть* при *t* в окончании *-ат*. С этой особенностью заонежских говоров интересно сопоставить тот факт, что с.-в.-р. говоры, знающие формы 3 л. без окончания *-т*, во множ. ч. образуют такие формы только от глаголов 2 спр.: *стуча́, сидя́, нося́*, а от глаголов 1 спр. имеют формы только с *-т*: *идут, несут, знают* и пр.

§ 267. Отвердение *л* мягкого. Этот звук отвердел в некоторых, преимущественно восточных говорах перед твердой зубной: *болшой, болной, силной, колоколна* и пр. Отвердение *л* мягкого произошло после перехода старого *л* твердого в *у* неслоговое в тех же говорах (ср. там же *воук, доуго, паука, меуко, поутора*⁶³, и потому новое *л* твердое уже не переходило в *у* неслоговое.

⁶³ Жирным шрифтом обозначено *у* неслоговое.

§ 268. Отвердение *с* мягкого. Звук *с* мягкое отвердел во многих, преимущественно в восточных, владимирских и поволжских говорах, в возвратной частице *-ся*: фонетически, по-видимому, оно отвердевало только в формах 3-го л. на *-тся* = *-ця* вследствие отвердения *ц* и в формах прошедшего времени на *-лся* вследствие ассимиляции *с* предыдущему *л*: отсюда твердое *с* могло распространиться на остальные формы нефонетически. На такое предположение наводят те с.-в.-р. и ю.-в.-р. говоры, в которых возвратная частица *-ся* звучит с *с* твердым именно в окончании *-тся* = *-ца* и в м. р. прош. вр. глаголов *-лса*, *-лсы*. Гласная *а* в возвратной частице, как было указано выше, отпадала при положении частицы *-ся* после гласных и изменялась в *о*, *е*, *и* (*ы*) там, где не отпадала; таким образом возникли произношения: *боюс*, *боимса*, *боимсэ*, *боимсо*, *боялсэ*, *боялсы* и т. п.

§ 269. Переход *ри* в *ры*. Сочетание *ры* вместо *ри* после твердых согласных известно, как мы видели, многим как с.-в.-р., так и ю.-в.-р. говорам. Но в некоторых поморских говорах *ри* изменяется в *ры* не только после согласных, но при каких-то условиях и после гласных: *говорыт*, *курыл*, *старык* и пр.

Смягчение согласных

§ 270. Смягчение задненебных после мягких неслоговых звуков. В части говоров восточной группы и в части владимирских и поволжских говоров задненебные *г*, *к*, *х* после мягких неслоговых звуков смягчились, т. е. перешли в мягкие средненебные: *Ванькя*, *деревеньскёй*, *дочкя*, *маменькя*, *чейкю*, *Ольгя*, *серьгю*, *ольхя*, *на верхю* и т. п. Вполне достоверных указаний на это явление в памятниках не найдено. Существует гипотеза, что это смягчение в с.-в.-р. заимствовано из ю.-в.-р. наречия.

§ 271. Смягчение зубных после мягких согласных. Зубные *д*, *т*, *н* после *л* мягкого смягчились в некоторых говорах Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Костромской и др. губ.: *льдю*, *по до льдём*, *льню*, *больняя*, *ильнёй* и пр.

§ 272. Переход *к*, *г* мягких в *т*, *д* мягкие. Этот переход в настоящее время распространен главным образом в говорах Владимирской группы, а также в средневеликорусских, реже — в говорах восточной группы; в этих говорах в *т*, *д* мягкие переходят всякие *к*, *г* мягкие, как

старые, так и получившиеся из *к, г* немягких после мягких: *рути, ноди, тислый, дибель, на рете, помодите, Ванья, огоньтю, кочердя* и т. п.

§ 273. Ассимиляция соседних согласных. Кроме перехода *дн* в *н* долгое, который можно считать еще севернорусским, так как он известен не только с.-в.-р., но и северным б.-р. говорам (см. выше § 224), хотя и засвидетельствован памятниками только с XV в., в с.-в.-р. говорах встречаются еще следующие случаи регрессивной ассимиляции (кроме ассимиляции по степени звонкости и мягкости): 1) переход *бм* в *м* долгое: *омман, омменять* и пр.; 2) переход *вн* в *мн*: *кромной* (кровный), *дамно* (давно) и т. п.; 3) переход *бв* в *в* долгое: *оввернуть, оворачивать* и пр.

§ 274. Диссимиляция соседних согласных. Рядом с диалектической ассимиляцией соседних согласных в других с.-в.-р. говорах наблюдается их диссимиляция. К таким случаям относятся: 1) переход *бм* в *гм* или *дм*: *огмануть и одмануть* и т. п.; 2) переход *дл* в *гл*: *гля* (предлог). Ср. также § 161.1. Впрочем, в других словах *д* перед *л* обычно сохраняется: *длинный*; 3) переход *н* долгого в *дн*: *Адна* (Анна) и пр.; 4) переход *мн* в *вн*: *повни, внога, гувно, надо вной* (т. е. помни, много, гумно, надо мной) и др. По большей части названные явления широким распространением не пользуются.

Выпадение согласных

§ 275. Выпадение *в* (у неслогового) перед *л* мягким. Звук *в* или *у* неслоговое перед *л* мягким выпадал в части с.-в.-р. говоров не позже XIII в.; на это выпадение указывают новгородские памятники с XIII в. и псковские с XIV в.: **присталивати** — Новг. грам. 1270 г., **на Ярослали дворѣ, ис Переяслаля** и др. — I Новгор. летоп., **постаяша, запсколяне** и др. — I Пск. летоп. Та же черта в смоленской летоп. Авраамки XV в.: **Ярослаль дворь, Ратьслаля, до Яколѣ оулицѣ** и др., по-видимому, перенесена из новгородских оригиналов, потому что другие смоленские памятники ее не знают. Позднее эта черта в большинстве с.-в.-р. говоров была утрачена, и только кое-где на западе Новгородской и в Псковской губ. сохранились единичные слова с пропуском *в* перед *л* мягким: *осталять, крoля*.

§ 276. Выпадение *в* (у неслогового) между гласными. *в* твердое или *у* неслоговое между гласными выпало перед *у* неударяе-

мым, а в некоторых говорах и перед у ударяемым. По-видимому, этот переход, если не диалектический переход о.-р. эпохи, то о.-в.-р., хотя диалектически *в* перед у сохраняется и в с.-в.-р., и в ю.-в.-р.; в нынешних с.-в.-р. говорах часты произношения: *деушка, короушка, кофору, за прау руку* и пр., реже: *вдоу, жиут* и пр. В некоторых говорах *в* иногда выпадает и перед другими гласными: *короа, по лаочки*. В памятниках пропуск «в» перед «у» («оу») встречается уже в XIV в., например, в Лавр. летоп., где такие написания, как **жиоуть, зооуть, нооугороду, протиоу** и т. п., довольно часты.

§ 277. Выпадение *д* мягкого между гласными. *д* мягкое во многих говорах (Московской, Владимирской, Ярославской, Костромской, Архангельской и др. губ.) выпало перед *и*; в этих же говорах *д* мягкое перед *е, о* может переходить в *ј*: *пои, гляи, погоите, лошаи, буит* (будет), *роимой, пойём, гляјел* и т. п.

Белорусское влияние на с.-в.-р. говоры

§ 278. С.-в.-р. наречие, слившись с ю.-в.-р. в один язык, подверглось влиянию со стороны ю.-в.-р.; это влияние выразилось в различных говорах в разной степени. Но еще раньше часть западных говоров с.-в.-р. наречия, именно, говоры псковские, подверглись влиянию б.-р. языка. Черты, вызванные в этих говорах б.-р. влиянием, перечислены в § 93. Вероятно, б.-р. влиянием был вызван и переход начального *у* в редуцированное *у* и в *у* неслоговое, откуда потом во многих псковских говорах *в*: *вбил, вдарил* (= убил, ударил) и пр. По памятникам б.-р. влияние на псковские говоры можно проследить с XIV в.: уже в этом веке появляется в псковском говоре аканье (в памятниках — смешение «а» и «о», «е» и «я» безударных); кроме того, написание «ро» вместо «ре», сравнительно частое в псковских памятниках XIV и XV вв., по-видимому, указывает на другую черту, теперь отсутствующую в псковских говорах, — отвердение *р*. Возможно, что здесь отразилась лишь западнорусская манера письма, подражание б.-р. писцам, а не черта живого говора писцов.

Южно-великорусское влияние на с.-в.-р. говоры

§ 279. Редукция неударяемых гласных. Во многих говорах, например, в Тверской, Московской, Владимирской и поволжских губерниях (не везде), гласные нижнего и среднего подъема (*а, о, е*), а в

некоторых случаях и гласные верхнего подъема (по крайней мере *ы*, *и*) перешли в гласные неполного образования, причем *о*, если не перешло раньше этого в *у*, во многих случаях утратило округленный характер и совпало с *а* в том или другом звуке неполного образования; тот же звук получился и из *ы*, в том случае, если он подвергся редукции: *стѣришына*, *лѣшедей*, *выгнѣли*, *устроишьть*, *этѣму*, *жолудѣк*, *вѣгоняшь*, *вѣдавать* и пр. (буквою «ѣ» обозначаю редуцированный звук); гласные звуки *е*, *а* и в некоторых случаях *о* после мягких совпали в одном редуцированном звуке, близком к *и*; тот же звук получился и из *и*, если он подвергся редукции: *чѣловек*, *дѣсети*, *пѣтухи*, *ифовый*, *принѣли*, *сѣмена*, *ветѣр*, *пѣсаря* и т. п. (жирным «ѣ» обозначаю редуцированный звук). Конечное *о* частью перешло в *а*: *многа*, *добрѣва* и пр.

§ 280. Аканье. Усвоение аканья с.-в.-р. говорами началось с самого начала в.-р. эпохи: уже от XIV в. дошли памятники, писанные в Москве и в других местах, со следами аканья, которые другими особенностями своего правописания указывают на с.-р. говор писцов. С того времени распространение аканья среди с.-в.-р. говоров продолжается непрерывно до настоящего времени, благодаря чему между ю.-в.-р. и чистыми, неакающими с.-в.-р. говорами образовалась широкая полоса переходных акающих говоров с с.-в.-р. основой. Хотя появление аканья в этих говорах относится к самым различным эпохам, от XIV до XX в., тем не менее в характере аканья этих «средневеликорусских» говоров можно усмотреть некоторые общие черты: так, аканье во всех этих говорах недиссимилятивное, звук *а* является почти исключительно в 1-м предударном слоге; гласные звуки не 1-го предударного слога по большей части редуцированы.

Различия в характере аканья ср.-в.-р. говоров зависят, с одной стороны, от того, что аканье усваивалось разными с.-в.-р. говорами не одновременно и в разные эпохи возникало при различных условиях, с другой стороны, от различного характера с.-в.-р. основы этих говоров и от различного характера аканья в самих ю.-в.-р. говорах, под влиянием которых развивалось аканье в переходных с.-в.-р. говорах.

Ср.-в.-р. аканье вызывалось и вызывается не органическими изменениями в образовании звуков, а подражанием ю.-в.-р. акающему произношению, причем характер этого подражания зависит от характера звукового строя того с.-в.-р. говора, который усваивает такое подражательное аканье.

Самым старым типом ср.-в.-р. аканья, кажется, следует считать аканье с умеренным яканьем (см. §§ 91, 92). В говорах с таким аканьем гласные безударных слогов, кроме *у*, *ь* и, частью, *ы*, *и* не в 1-м предударном слого, заменились гласными редуцированными (ср. примеры в § 279), а в 1-м предударном слого *а* оставалось без изменения, гласная *о* заменялась звуком *а*, а гласная *е* закрытое или сохранялась, или заменялась звуком *и*. Первоначально умеренное яканье явилось, по-видимому, в говорах, в которых *а* между мягкими перешло ранее в *е* (*грязна, пятак*, но в *грязи, пети*). Гласная *ѣ* в 1-м предударном слого в этих говорах перед твердыми, по-видимому, произносилась как *о* (*гнѣздо, сѣдой, рѣка* и т. п.) или как *е* открытое, которое заменялось через *а*. Таким образом, вместо старых *вода, воды, давай, садить, село, вѣсна, рѣка* или *река* (с *е* открытым), *грязна, пятак, веѣди, веѣлят, меѣнять, беѣги, в греѣзи, пеѣти* получились *вада, вады, давай, садить, сяло, вясна, ряка, грязна, пятак, веѣди, веѣлят, меѣнять, беѣги, в греѣзи* или *види, вилят, минять, биги, в гризи*. Под влиянием этих говоров позднее аканье с умеренным яканьем могло являться и в тех говорах, в которых до появления аканья *а* между мягкими не переходило в *е*: в *грязи, пяти, прядѣт* изменялись в *греѣзи, пеѣти, преѣдѣт*, чему способствовало то обстоятельство, что в других словах после мягких перед мягкими в 1-м предударном слого звука *а* не было. Вследствие простоты самого принципа умеренного яканья, аканье с яканьем этого типа с течением времени получило большое распространение, вытесняя оканье из ряда с.-в.-р. говоров.

По-видимому, старым типом ср.-в.-р. аканья является также московское аканье с иканьем: гласные безударных слогов, кроме 1-го предударного, как и в других ср.-в.-р. говорах, заменились редуцированными гласными, а в 1-м предударном слого гласные *о* и *а* после твердых совпали в одном звуке *а*, а гласные *а*, *о*, *е* после мягких — в одном звуке *е* закрытом или *и*. Можно думать, что иканье первоначально возникло в тех с.-в.-р. говорах, в которых безударное *а* после мягких перешло в *е* не только перед мягкими, но и перед твердыми (т. е. произносилось не только — в *грязи, пети*, но и *грязна, петак*), безударное *ѣ* произносилось во всех положениях как *е* закрытое (или, в некоторых положениях, как *и*), а на месте старых (о.-сл.) *е*, *ь* перед твердыми часто являлся звук *е*. Такие говоры существуют и в настоящее время, между прочим и там, где произношение *е* на месте старых *е*, *ь* перед твердыми нельзя объяснить влиянием переходных говоров. Москов-

ское аканье с иканьем было усвоено господствующими классами московского общества и потому получило широкое распространение среди чиновничества, торговых классов, мещан и др., между тем как среди крестьянского населения оно распространено гораздо меньше.

Позднее — другие типы ср.-в.-р. аканья: аканье с еканьем и с ассимилятивным яканьем.

§ 280а. Появление безударного *a* в м. и в конце слова. Такое *a* отмечено в Касим. у. Ряз. губ. в окончаниях множ. ч. прош. врем.: *дала, вытиля* и пр., в им. мн.: *дѣхья, самя* и тв. мн.: *риблятымя*. Но ввиду того, что конечное *и* в падежных окончаниях ед. ч. в том же говоре не заменяется через *a*, а в им. мн. заменяется только в немногих словах, можно думать, что *a* здесь получилось не из *и*. Вероятно, в том с.-в.-р. говоре, к которому восходит данный говор, мн. ч. прош. вр. и им. мн. могли оканчиваться на *ѣ* (где *ѣ* нефонетически по аналогии с основами на мягкие), а тв. мн. — на *мя*.

§ 281. Неполное аканье. В усвоении аканья с.-в.-р. говорами можно наблюдать известную постепенность. В настоящее время существуют говоры, в которых предупредные *o* и *a* после твердых или предупредные старые *e, ѣ, a* после мягких совпали не во всех случаях (см. §§ 92 и 92а), и можно думать, что подобные стадии проходили и некоторые из тех ср.-в.-р. говоров, в которых теперь аканье усвоено вполне.

§ 282. Утрата цоканья. Возможно, что среди с.-в.-р. говоров есть и такие, которые никогда не цокали. Тем не менее, утрата цоканья во многих с.-в.-р. говорах, в которых цоканье раньше несомненно было, идет не от этих нецокавших говоров, а от ю.-в.-р. наречия. Собственно говоря, утрата цоканья не фонетический процесс, так как заключается в усвоении ряда слов в нецокающем произношении, а не в изменении звуков самих по себе или в известном фонетическом положении. Поэтому при возникновении в каком-нибудь говоре тенденции к устранению цоканья может возникнуть смешение звуков *ц* и *ч*: появляются оба звука, но произносится *ч* на месте этимологического *ц* и наоборот: *чарь, черковь, курица, молодець, чай, цорный, цасто, пец* и т. п.; постепенно такое смешение заменяется этимологически правильным различием звуков *ц* и *ч*, но некоторые слова с цокающим произношением могут остаться; таковы, например, в западных говорах деепричастия на *-цы*: *пришотцы, ушотцы* (этимологически здесь долж-

но быть *-чи* из *-дши*: *пришедши* и пр.); такого же происхождения, быть может, московское *цапля*, ср. ю.-в.-р. *чапля*.

§ 283. Появление *ч* твердого. Хотя в ю.-в.-р. *ч* мягко, тем не менее, появление *ч* твердого в с.-в.-р. говорах может быть объяснено именно ю.-в.-р. влиянием, *ч* твердое является в с.-в.-р. ранее цокавших говорах вследствие того, что в этих говорах нет ни мягких шипящих, ни мягких аффрикат, а потому *ч* другого говора усваивается в виде *ч* твердого. Такое *ч* твердое известно теперь говорам западной группы, нецокающим и цокающим говорам Вятской, Костромской, поволжских и др. губ. В ср.-в.-р. говорах *ч* твердое редко.

В. Явления южновеликорусские

§ 284. Изменения в характере аканья. К ю.-в.-р. изменениям в характере аканья относится образование недиссимильятивного аканья и ю.-в.-р. типов диссимильятивного (задонского, обоянского, суджанского и донского), сильного и ассимильятивно-диссимильятивного яканья (см. выше §§ 91, 227, 228).

Позднее в части ю.-в.-р. говоров возникло умеренное яканье (при недиссимильятивном аканье). Можно думать, что умеренное яканье в ю.-в.-р. говорах вызвано позднейшим влиянием ср.-в.-р. говоров, так как оно распространено главным образом в таких говорах, в которых мы находим и другие черты, объяснимые ср.-в.-р. влиянием.

Вследствие неполного усвоения умеренного яканья возникли переходные типы яканья от чисто диссимильятивного к умеренному (см. § 91).

§ 285. Появление окончания *-у́я* и *-аю* в вин. ед. ж. р. прилагат. Окончание *-ую* в вин. ед. ж. р. прилагат. изменилось в ю.-в.-р. в *-у́я* под ударением и *-аю* без ударения, вероятно, в силу диссимильяции гласных: *зияляну́я*, *таку́я*, *добро́ю* (*а* в окончании *-аю* редуцировано). В 1 ед. глаголов — *талку́ю*, *га́рюю* и пр. — окончание *-ую* сохранилось без изменения, быть может, по каким-нибудь нефонетическим причинам (например, по аналогии с окончаниями *-аю*, *-ею* и *-у*, усиленной существованием окончания *-уя* в 3 ед.: *он талку́я*, *га́рюя*).

§ 286. Изменения безударных *ы*, *и*. Неударяемые *ы*, *и* во многих говорах не в 1-м предударном слоге подверглись редукции и в настоящее время сохраняются как редуцированные гласные звуки среднего и переднесреднего подъема, а при известной интонации пе-

реходят в *a*: им. мн.—*добраи, белаи* (= добрые, белые), *вабирать* (= выбирать), *пробал, вымал, вырал, выпял, барян* (пробыл, вырыл, вымыл, выпил, барин). Но конечные *ы, и* переходят в *a* (при известной интонации) только в частичных словах, в которых они подверглись редукции еще в о.-р. эпоху: *штоба, как ба, што ля* и т. п. Ср. в с.-в.-р. говорах не только *ли*, но и *ле*. Окончание *-a* в 3 ед. глаголов 2 спр. без ударения: *ходя, возя*—могло возникнуть и по аналогии с 3 ед. глаголов 1 спр.: *пиша, зная*.

В некоторых положениях (после слога с *у* и между округленными согласными) *ы* в некоторых говорах изменилось в *у*: *мужуки, пузурёк, умуваться*.

§ 287. Изменения неударяемых *a, o* не в 1-м предударном слоге. Редуцированный гласный звук, получившийся в ю.-в.-р. и сев.-вост. б.-р. из старых *a, o* не в 1-м предударном слоге, вообще в ю.-в.-р. сохранился как редуцированный гласный звук, изменяющийся при известной интонации в *a*: *выдал, сена, места* и пр., но в положении после твердых губных и задненебных или перед твердыми губными и задненебными диалектически изменился в *у*: *кумара, сумавар, тупара, супаги* и пр.

§ 288. Появление *в (w)* перед *o* и *у*. В западных и южных говорах ю.-в.-р. наречия перед начальными *у* и *o* (т. е. тем *o*, которое восходит к о.-р. *o* под «нисходящим» ударением, так как перед начальным *o* с «восходящим» ударением еще раньше развивалось *у* неслоговое, откуда во всем в.-р. *в* или *w*) развилось *в (w)* или *у* неслоговое: *вугла, вумерла, вóколо, воба, возера, восень* и пр.; в рязанских и северных говорах этого *в* нет.

§ 289. Изменение *к* твердого в *к* мягкое после мягких неслоговых. Переход *к* твердого в *к* мягкое после мягких неслоговых — *Ванькя, ретькя, с угалькя, ручейкём, чайкю, хозяйкя* и пр.—общий всему ю.-в.-р. наречию. На западе говоры с твердым *к* после мягких неслоговых должны рассматриваться как б.-р.; на севере говоры с твердым *к* или указывают этим самым на с.-в.-р. основу, или восстановили твердое *к* под влиянием московского говора. После *ч* как после мягкого согласного звука в большей части ю.-в.-р. говоров *к* твердое правильно изменилось в *к* мягкое: *дочкя, девочкя, уточкя, молочкё* и пр., но в некоторых западных говорах в этом положении сохраняется *к* твердое: *дочка*, хотя *ч* и звучит мягко. Относительно части

таких говоров можно думать, что они по своему происхождению б.-р. и что *ч* в них раньше было твердо. Но признанию всех таких говоров белорусскими по происхождению мешает наличие твердого *к* после *ч* в говорах с яканьем обоянского типа, которое не могло развиваться на б.-р. почве. Что касается звуков *х*, *у* после мягких, то они, кажется, остаются без изменения: *Ольга, с верьху*. Произношение *деньгими* с мягким *у* могло быть вызвано и нефонетическими причинами, ср. в тех же говорах: *за уткими*, где перед *к* мягким — твердая согласная.

Московское влияние на ю.-в.-р. говоры

§ 290. Вследствие того, что московский говор сделался языком наиболее культурных классов в.-р. населения и языком государственным, особенности этого говора, который и сам по происхождению является переходным говором, с.-в.-р. по своей основе, с ю.-в.-р. наслоениями, стали усваиваться и ю.-в.-р. говорами. Таким образом, в направлении влияния произошла перемена: ю.-в.-р. влияние на с.-в.-р. говоры сменилось московским влиянием и на с.-в.-р., и на ю.-в.-р. говоры. В ю.-в.-р. области московское влияние сказывается главным образом в говорах населения более культурных центров: городов, торговых местечек и пр., там, где более развиты отхожие промыслы, и, вообще, там, где население больше затронуто городской культурой. К чертам, вызванным московским влиянием, относятся следующие.

1. § 291. Аканье с иканьем, приблизительно таким же, как в Москве. Оно распространено главным образом среди городского населения и торговцев.

Возможно, что московским же влиянием вызвано и появление умеренного яканья. В таком случае и возникновение переходных типов яканья в конце концов восходит к московскому влиянию.

2. § 292. Появление *в* в окончании род. ед. муж. и ср. р. прилагат. и местоимений: *добрава, злова, каво, всяво* и пр. Хотя формы род. ед. с *в* и очень распространены в ю.-в.-р., но сохранение *у* в этой форме в наименее подверженных московскому влиянию говорах в разных частях ю.-в.-р. области позволяет думать, что *в* в этих формах явилось в ю.-в.-р. не органически, а заимствовано из московского говора. Собственно говоря, в этом случае мы имеем заимствование не фонетической черты, а грамматической формы.

3. § 293. Тоже нефонетическим является появление *ф* во многих ю.-в.-р. говорах в собственных именах и других заимствованных словах вместо *хв*: *Фёдор, Филипп, Фама, фанарь* и пр. Такое *ф* является главным образом в тех говорах, в которых звук *ф* уже ранее известен на месте старого *в* в конце слова и перед глухими. В говорах, более изолированных от московского влияния, сохраняется *хв*.

4. § 294. Появление *о* в род., вин. ед. ж. р. местоимений *её, таё, самаё, однаё* и пр.— это нефонетическое заимствование грамматической формы; в более архаичных говорах сохраняется *е*: *её, таё, самаё, однаё* и пр.

Быть может, нефонетически, как заимствование из московского, является в ю.-в.-р. и *о* перед шипящими: *идёи, дешёво, лепёшка* и т. п.

5. § 295. По-видимому, московским влиянием в некоторых ю.-в.-р. говорах Калужской и зап. части Тульской губ. вызван переход в *в* и *ф* того *у*, которое являлось в этих говорах из о.-р. *в^в, в^б*, так как первоначально *в* и *ф* из этих сочетаний получались только в восточных ю.-в.-р. говорах, а в западных говорах, к каким принадлежат говоры Калужской и западной части Тульской губ., те же сочетания дали *у* слоговое и неслоговое. Мы можем приблизительно установить и время этого перехода. Так, в части Калужской губ. границей между говорами с *у* вместо *в* и говорами, в которых это *у* заменилось звуками *в* и *ф*, является река Угра. Очевидно, временем перехода *у* в *в* и *ф* является то время, когда Угра была границей между говорами, подвергавшимися московскому влиянию, и говорами, не подвергавшимися этому влиянию, а такой эпохой был XV в., когда Угра была границей между Московским и Литовским государствами. В других говорах подобное изменение могло быть и позднее.

VI. Малорусско-белорусские явления

§ 296. Помимо черт, общих м.-р. языку с ю.-б.-р. говорами, возникших в древнейшую эпоху, когда говоры, составившие позднее м.-р. язык и ю.-б.-р. наречие б.-р. языка, были объединены в одном южнорусском наречии, б.-р. и м.-р. язык представляют ряд особенностей, общих обоим языкам в их целом и указывающих на существование особой эпохи белорусско-малорусского единства, наставшей после эпо-

хи существования южнорусского, севернорусского и восточнорусского наречий и предшествовавшей эпохе независимого существования б.-р. и м.-р. языков. Явления, возникшие в эту эпоху, следующие:

§ 297. Судьба *ы*, *и* редуцированных в сильном положении. О. -р. *ы* редуцированное сильное сохранилось как *ы* в б.-р. и тех м.-р. (карпатских и с.-м.-р.) говорах, где *ы* вообще не изменилось в *и* (м.-р. буква), в остальных м.-р. говорах изменилось в *и* (м.-р. буква), как и всякое другое *ы*: б.-р. *мью*, *вью*, *рю*, *крю*, *помыйки*, *злый*, *слятый* и пр., после *г*, *к*, *х*—*и*: *другий*, *такий* и пр., м.-р. *миу*, *виу*, *риу*, *зли*, *сліти*, *такий* и пр.; *и* редуцированное в глаголах сохранилось в б.-р. как *и*, изменившееся после шипящих и *р* в *ы*, а в м.-р. в большей части говоров, как и всякое другое *и*, изменилось в *и* (м.-р. буква): б.-р. *бий*, *вийся*, *лий*, *напийся*, *брюсь* (бреюсь), *пашый* (шей); такое же *ы* в *шыя* (шея); м.-р. *бий*, *вий*, *лий*, *пий*, *ший*, *шыя* и пр. Но в окончании *-ий* (из более старых *-ий* или *-ийи* с *и* кратким или *-ийь*) в имен. ед. и род. мн. существ. *и* в б.-р. и *и* (м.-р. буква) в м.-р. получились везде только без ударения: б.-р. *коний*, *гроший*, *Юрый*, м.-р. *коний*, *гроший*, *Юрий* и пр.; под ударением же и в б.-р., и в м.-р. обыкновенно *е*: б.-р. *салавей*, *вирабей*, *змей*, *гасцей*, *людзей*, *свиней*, *гусей*, *каней* и пр., м.-р. *соловей*, *змей*, *иней*, *ричей*, *ночей*, *дверей*, *дней*, *свиней* и пр., хотя в м.-р. встречается и *-ий* или *-ийь*: *соловий*, *гусий* и пр. По-видимому, в этих случаях уже в о.-р. могло быть *-ийь*, которое могло восходить еще к о.-сл. *-ьи* (*-ийи* с *и* кратким или *-ийь*), ср. сrb. *змај*, *Јурај*. Об *е* вместо *ы* перед *й* в сев.-вост. б.-р. говорах см. ниже § 305.

§ 298. Изменения *р^о*, *р^ь*, *л^о*, *л^ь* между согласными. В этих сочетаниях в 1-м слоге слова, а иногда и в других слогах в б.-р. и м.-р. на месте гласных *ь*, *ь* слабых явились гласные *ы*, *и* в большинстве м.-р. говоров, впоследствии совпавшие в одном звуке *и* (м.-р. буква). Появление их можно объяснять так. В эпоху выпадения *ь*, *ь* слабых эти гласные выпадали и после плавных, которые затем, оказавшись в положении между согласными, могли становиться слоговыми. После таких слоговых плавных развивался переходный гласный звук, переходивший затем в *ы* после твердых плавных и в *и* после мягких плавных, причем сами плавные становились неслоговыми. Примеры: б.-р. *слиза*, *слизы*, *блыха*, *блыхи*, *проглынула*, *клычиць*, *дрыжаць*, *кыиви*, *кыивавый*, *кыищиць*, *чернобрывый*, *грымець*, *хрысцыць* и др., м.-р. *слиза*, *слизи-*

ти, блиха, глитати, дрижати, криви, кривавий, кришити, тримати, криниця, чорнобривий, гриміти, дрива и др.; не в 1-м слоге слова б.-р. яблычка, м.-р. карпат. яблыко, завтричка. Диалектически в м.-р., именно, в гуцульских и карпатских говорах после выпадения *ѣ*, *ь* слабых после плавных и перехода плавных в слоговые переходный гласный звук развивался не после плавных, а перед плавными: кырвавий, кырниця или кырвавый, кырниця, гырміти, дырва, сылза и пр. В каких-то случаях плавные после выпадения *ѣ*, *ь* слабых не становились слоговыми, а или сохранились как неслоговые, или выпали: м.-р. хрстити, крвави с *р* неслоговым и кстити, срібний (серебряный), ябко (яблоко), б.-р. крвавый, трваць, дрвиць, хрциць с *р* неслоговым и кциць, кцины, ксту (кресту) дат. ед. и др. В ю.-р. и зап.-р. памятниках написания с «ы» после плавных в подобных случаях попадают уже с XIII в.: **яблыко** житие Савы Освящ. XIII в., **сѣдрыганиа** ю.-р. Архивская Лествица XIII в., **скрыжетъ** ю.-р. Луцкое ев. XIV в., **дрыжаху**, **кывава** и др. зап.-р. Четья 1489 г. и др.

§ 299. Переход *γ* в *h*. Переход *γ*, получившегося в ю.-р. и вост.-р. из о.-р. *z*, в придыхание *h*, по-видимому, общий м.-р. с б.-р., хотя, может быть, в некоторых б.-р. и м.-р. говорах сохраняется и *γ*. Надо заметить, что даже лучшие наблюдатели часто не отличают *γ* от *h*, обозначая оба звука одинаково, а потому трудно сказать, насколько распространено в б.-р. и м.-р. произношение *γ* при обычном *h*. О времени этого перехода ничего сказать нельзя. Буква «h» в галицких латинских грамотах могла обозначать как придыхание, так и звонкий фриктивный согласный звук *γ*.

§ 300. Изменения сочетаний согласных с *j*. Сочетания согласных небнозубных с *j*, получившиеся вследствие выпадения *и* редуцированного слабого или *ь* между согласной и *й*, перешли в долгие небнозубные, причем эти долгие согласные являются мягкими, кроме шипящих и *р* (в тех говорах, где шипящие и *р* вообще отвердели): м.-р. зѣлля, весѣлля, коріння, каміння, льяляти (лить), судья, браття, гряззю, волосся, пірря, звѣрря (в говорах с мягким *р*), збіжжя, подружжя, нічню и збижжа, подружжа, ніччу и др., б.-р. соллю (солью), вяселья, карэньня, судьдзя, свиння, плацьця, валосья, перра, ружжо, зацишиа (затишье), ноччу и др. Впрочем, сочетание *рj* в большей части говоров, главным образом, там, где *р* отвердело, не изменялось в *р* долгое, а сохранилось без изменения: б.-р. перья, падворья, мацерью и пр., м.-р. пірря, звѣрря и

пр. Сочетания губных с *j* только в части говоров изменились в долгие губные мягкие: б.-р. *рыббѣя*, *вираббѣм*, *любоввю* и пр., вообще же сохранились без изменения: б.-р. *вѣраббѣм*, *пѣрапббѣм*, *здоровѣя*, *симѣя*, *бѣюць*, *вытѣм*, *пѣяный* и пр., м.-р. *сѣмѣя*, *соловѣя*, *пѣе*, *бѣеця* и пр. Сочетание шипящей аффрикаты *ч* с *j* изменилось в аффрикату *ч* с долгим затвором: б.-р. *ноччу*, *клочча*, *сучча* и пр., м.-р. *нѣччу*, *обличчя*, *птиччя* и пр.; в б.-р. перешли в свистящие аффрикаты с долгим затвором и мягкие *д*, *т* долгие из сочетаний *дj*, *тj*: *судьдѣя*, *плаццѣя* и пр. В сочетаниях группы согласных с *j* это *j* выпало: б.-р. *щасця*, *воуча*, м.-р. *щастя* или *щастѣ*, *вовча* и пр. Позднее в части м.-р. и б.-р. говоров долгие согласные, получившиеся из сочетаний согласных с *j*, сократились: б.-р. диалектич. *вѣсѣя*, *судѣя*, *плацѣя* и пр., зап.-м.-р. *вѣсѣе*, *свинѣя*, *житѣе*, *судѣя* и пр. В памятниках достоверные указания на это явление в виде написания двух одинаковых согласных вместо сочетания согласной с «ь» или «и» не раньше XIV в.: **осуженню** ев. Верковича XIV в., **печаттю** Киевская запись 1510 г. и др.; на то же явление может указывать и написание одной согласной с пропуском «ь»: **от терьня** ю.-р. Путенское ев. XIV в., **брата** зап.-р. грам. 1405 г. и др.

§ 301. Отверждение *р* мягкого. Звук *р* мягкое отвердел в б.-р. и значительной части м.-р. говоров. Нынешнее *р* мягкое в вост.-б.-р. говорах, вероятно, вызвано ю.-в.-р. влиянием, так что можно думать, что раньше *р* мягкое не было известно во всей б.-р. области. На это указывают сохраняющиеся на крайнем востоке б.-р. территории, в говорах, носящих характер почти чистых ю.-в.-р. (в вост. части Калужской г.), отдельные слова с *р* твердым вместо мягкого: *пираезд*, *рашато*, *пирапутѣя* и т. п. Объяснять их заимствованием из б.-р. я не вижу достаточных оснований и думаю, что это — остатки старого произношения с твердым *р*, утраченного под ю.-в.-р. влиянием. В памятниках отверждение *р* выразилось в написаниях «ра», «ру», «ры», «ръ» и, вероятно, «ро» вместо «ря», «рю» «ри», «рь», «ре»; в зап.-р. памятниках такие написания появляются с конца XIV в.: **сентябра** грам. 1396 г., **терать** грам. 1398 г., **прегразным**, **трох**, **трома** Сборн. XV в. Публ. Б-ки, **разаньскыи**, **браньскыи**, **цръ**, **вихромь**, **трызноу** Летоп. Авраамки XV в. и т. п. В м.-р. теперь только твердое *р* является в с.-м.-р. говорах, где это можно бы объяснять и б.-р. влиянием, а также в зап.-украинских и галицких говорах; мягкое *р* сохранилось в вост.-украинских, карпатских и гуцульских говорах.

Примечание. Акад. А. А. Шахматов объясняет отвердение *р* мягкого в б.-р. тем, что в составе б.-р. народа было какое-то обрусевшее польское племя, изменившее русское *р* мягкое в *р* твердое вследствие отсутствия *р* мягкого в польском. М.-р. же диалектическое отвердение *р* мягкого, по его мнению, не стоит в связи с утратой *р* мягкого в б.-р. и возникло независимо. Мне, однако, кажется, что у нас нет достаточных данных отделять м.-р. отвердение *р* от б.-р., тем более, что территории б.-р. языка и м.-р. говоров с твердым *р* соприкасаются.

VII. История звуков б.-р. языка

§ 302. Отношение б.-р. языка к другим русским языкам. Почти все особенности б.-р. языка общи б.-р. языку или с в.-р. говорами, или с м.-р. и развились или раньше эпохи малорусско-белорусского единства (таковы аканье сев.-вост. б.-р. говоров и, может быть, дзеканье в них же), или в эпоху этого единства (все черты, сближающие б.-р. язык с м.-р. и рассмотренные в предыдущей главе, §§ 296—301). Даже наиболее характерные черты б.-р. языка — дзеканье и твердое *р* — общи б.-р. языку: первая с рядом с.-в.-р. говоров, вторая с значительной частью м.-р. говоров.

В то же время различия, существующие в настоящее время между сев.-вост. и ю.-зап. б.-р. говорами, позволяют выделить составные элементы б.-р. языка: северные говоры и до сих пор сохраняют некоторые с.-р. черты, южные представляют большее сходство с м.-р. языком, чем остальные.

По памятникам мы можем проследить, что наиболее характерная с.-р. черта — цоканье — было известно еще в XIII в. смоленскому и полоцкому (Полоцк, теперь Витебской губ.) говорам, но после в смоленских и полоцких памятниках она исчезает. Можно думать, что с.-р. говоры, войдя не позже XIII в. в состав зап.-р. наречия (откуда позднее — б.-р. язык), подверглись влиянию каких-то других говоров того же наречия и мало-помалу утратили цоканье, сохранившееся только на Севере.

С другой стороны, ю.-р. черты ю.-б.-р. говоров позволяют делать предположение, что они — потомки ю.-р. говоров, вошедших в состав зап.-р. наречия (б.-р. языка).

В то же время мы видим, что с объединением части с.-р. и ю.-р. говоров в одном зап.-р. наречии северные говоры утрачивают в этом на-

речи с.-р. черты, а южные тоже претерпевают изменения, вызванные влиянием каких-то других говоров. Если принять во внимание, что вместе с утратой с.-р. черт северными говорами и аналогичными изменениями южных говоров в б.-р. появляются черты, сближающие его с ю.-в.-р. наречием: аканье, изменение \acute{v} в e , отвердение $ц$, то можно прийти к выводу, что зап.-р. наречие в целом или в господствующей своей части, уже отделившись от говоров, с которыми раньше стояло в ближайшем родстве, переживало эпоху единства с говорами, образовавшими позднее ю.-в.-р. наречие, или что в состав зап.-р. наречия вошли, кроме с.-р. и ю.-р. говоров, какие-то говоры, родственные с говорами, образовавшими ю.-в.-р. наречие, которые заняли в зап.-р. наречии господствующее положение.

Благодаря тому, что белорусы и малорусы долгое время входили в состав одного литовско-русского государства, в языке того и другого народа развились некоторые общие черты, названные выше.

Вместе с тем, на б.-р. почве возникли некоторые другие явления, свойственные одному б.-р. языку. Таких явлений немного; часть их, может быть, относится еще к диалектическим явлениям эпохи белорусско-малорусского единства, если не раньше, часть несомненно возникла после распада литовско-русского государства. К первым, по видимому, относятся изменения в характере аканья сев.-вост. б.-р. говоров (см. § 303) и, может быть, некоторые другие явления, ко вторым — усвоение аканья ю.-зап. б.-р. говорами (см. § 304) и другие черты, сближающие ю.-зап. б.-р. говоры с сев.-вост. и отличающие их от с.-м.-р., а также некоторые черты, вызванные в.-р. влиянием.

Белорусское аканье

§ 303. Изменения в характере аканья, явившиеся в сев.-вост. б.-р. говорах. Первоначальное аканье, возникшее в тех говорах, из которых потом образовалось ю.-в.-р. и сев.-вост. б.-р. наречия, затем в сев.-вост. б.-р. говорах после их отделения от ю.-в.-р. изменилось в диссимилятивное аканье с яканьем б.-р. типа (см. §§ 92.1, 3, 226—228). Еще позднее, под влиянием ю.-в.-р. говоров с другими типами диссимилятивного аканья и яканья, в некоторых сев. и вост. б.-р. говорах возник новый тип диссимилятивного яканья, почти тождественный с суджанским типом яканья ю.-в.-р. говоров: в первом преду-

дарном слоге после мягких явилось *и* перед слогом с *а* и *а* перед слогом с гласными верхнего подъема, а перед слогом с гласными *о*, *е* разного происхождения (в том числе и *е* из *ѣ*) явилось *а* перед твердыми и *и* перед мягкими неслоговыми звуками. Такой тип яканья существует между прочим в Витебской г. и Мосальском у. Калужской губ.

§ 304. Возникновение аканья в ю.-зап. б.-р. говорах. Сближение сев.-вост. б.-р. говоров с той частью ю.-р. говоров, которые позднее образовали ю.-зап. наречие б.-р. языка, то сближение, результатом которого было образование б.-р. языка, вызвало распространение аканья и на ю.-зап. б.-р. говоры. Так как аканье возникло в этих последних не органически, а явилось в силу подражания аканью сев.-вост. б.-р. говоров, то и самый характер аканья здесь несколько иной: *а* является на месте всяких неударяемых *а*, *о*, *е*, *ѣ* не только в 1-м предударном слоге, но и в других предударных слогах; после ударения или тоже является *а*, или сохраняются старые неударяемые *о*, *е*. Усвоение аканья именно в таком виде объясняется 1) тем, что в сев.-вост. б.-р. гласным *о*, *е* ю.-р. говоров в большинстве случаев в 1-м предударном слоге соответствовал именно звук *а*; звуки *ы* и *и* являлись гораздо реже; 2) тем, что в ю.-р. говорах заметной разницы в произношении гласных звуков различных неударяемых слогов нет, а потому замена звуков *о*, *е* звуком *а* в 1-м предударном слоге вызывала такую же замену и в других предударных слогах. В ту эпоху, когда аканье проникало в ю.-б.-р. говоры, в ю.-р. уже произошло изменение гласных *о*, *е* в новых закрытых слогах в дифтонги *уо*, *ие*. В северных говорах ю.-р. наречия, вошедших затем в состав б.-р. языка, в положении без ударения дифтонг *ие* разного происхождения изменялся в *е*, а дифтонг *уо* в предударных слогах в *о*, а после ударения частью в *о*, частью, по-видимому, в *у*. При усвоении аканья неударяемые *е* и *о* из дифтонгов имели ту же судьбу, что остальные *о*, *е*, но безударное *у* из дифтонга *уо* должно было сохраниться как *у*, так как изменению в *а* подвергались только неударяемые *о* и *е*: *у чыстум*, *у цёмнум*, *у вяликуй*, *грушкуй* и пр., но *возам* тв. ед. (в тв. ед. существит. о.-р. язык имел некогда окончание *-ъмь*).

В зап.-р. памятниках ошибки в правописании, отражающие акающее произношение писцов, начинают попадаться с XV в. Так, в Минее Четвей 1489 г.: **багатьство, подабаеть, моланья, ягиптяны, вясло** и др., в грамоте 1478 г.: **да освещоного короля, за абою сторонъ, стати** и др.

Остальные чисто белорусские явления

§ 305. Изменение *ы* редуцированного в *е* или *ё*. Это изменение явилось только в некоторых сев.-вост. б.-р. говорах: *сляпэй, мёю* или *мёю* и пр.

§ 306. Судьба дифтонгов из о.-р. *о, е, ъ* в ю.-зап. б.-р. говорах. Ю.-р. говоры, образовавшие ю.-зап. наречие б.-р. языка, имели первоначально дифтонги на месте о.-р. *о, е* в новых закрытых слогах и *ъ*, звучавшие, приблизительно, как *уо, иё* и *ие*. Эти дифтонги сохранились только в части ю.-зап. б.-р. говоров; в небольшой части тех же говоров дифтонг *уо* вместо *о* стал произноситься и на месте старого *о* и даже *ъ* и в открытых слогах, иногда только по соседству с губными и задненебными, иногда и в других положениях. В остальных ю.-зап. б.-р. говорах дифтонги из старых *о, е, ъ* были утрачены и заменены гласными *о, е*.

§ 307. Общебелорусские черты: дзеканье, отвердение *р*, отвердение *ц*, отвердение шипящих и др., как общие б.-р. языку с другими русскими языками, рассмотрены раньше.

Южновеликорусское влияние на б.-р. говоры

§ 308. С распадением литовского государства взаимоотношение между б.-р. и другими русскими языками изменилось. Вост.-белорусские области раньше других вошли в состав в.-р. Московского государства, а потому подверглись более сильному ю.-в.-р. влиянию, чем области более западные. Влиянием этим вызваны между прочим следующие явления.

1. **§ 309.** Изменения в характере аканья. См. § 303.

2. **§ 310.** Утрата дзеканья. Дзеканье в большей части говоров Калужской губ., в вост. части Смоленской и в б.-р. части Орловской губ. или утрачено вовсе, или близко к утрате.

3. **§ 311.** Восстановление мягкого *р*. В говорах, подвергшихся более сильному влиянию ю.-в.-р. наречия, *р* твердое вместо этимологического *р* мягкого сохраняется лишь в немногих словах, а вообще *р* твердое и *р* мягкое различаются этимологически правильно; в говорах, где это влияние слабее, получилось смешение *р* твердого и *р* мягкого: *пярва, грянница, крясивый, гразь, пирапёлка* и т. п. Как фоне-

тическое явление можно рассматривать только самое появление *р* мягкого; восстановление же его в тех или других словах — явление нефонетическое и представляет простое заимствование слов с произношением *р* мягкого из ю.-в.-р.

VIII. История звуков малорусского языка

§ 312. Судьба дифтонгов *yo, iö, ie*. Названные дифтонги, получившиеся еще в ю.-р. наречии из о.-р. *o, e* в новых закрытых слогах и *ѣ* (см. § 230), в части с.-м.-р. говоров под ударением отразились в виде гласных смешанной артикуляции типа *yo, iö, iе, ie* или *уy, iй* (*yo, iо* и пр.—один звук, начинающийся с *у, iй* и пр. и постепенно переходящий в *o, ö* и пр.), а без ударения по большей части совпали с *o, e* из старых *o, e* в открытых слогах: *война́, родн'я́, ночни́, метла́, сельце́, семја́* (стар. *сѣмья*), *вѣчор, чѣбот, ягодка, радѣсть, пѣпел, лѣбедь, ѳсень* и пр.; но в предлогах и после ударения в некоторых морфологических категориях встречается и *у*: *туд нѣги, у чистум поли* и др.

В остальных м.-р. говорах дифтонги как без ударения, так и под ударением перешли в простые гласные, причем заместителем старого *yo* является в ю.-м.-р., у лемков (по большей части) и в части закарпатских говоров звук *i*, а в части с.-м.-р. и карпатских говоров звуки *у, iй, ö, e, и* (м.-р. буква), *ы*; заместителями *iö* — те же звуки (но в с.-м.-р. и карпатских чаще *у, iй*) и заместителем *ie* почти везде *i* со смягчением предшествующей согласной. В с.-м.-р. и северной части украинских говоров *у, iй, i* и т. п. из дифтонгов являются только под ударением, а без ударения произносятся по большей части *o, e*, как и в открытых слогах. Эта черта указывает на ближайшую связь в прошлом сев.-украинских говоров с с.-м.-р.

В памятниках переход дифтонгов в простые гласные (монофтонги) засвидетельствован написаниями «у», «ю», «и» вместо «о», «е», а переход *ie* в *i* также смещением букв «е» и «ѣ» с «и». Древнейшие достоверные примеры написания «у», «ю» вместо «о», «е» в таких случаях — XIV в.: **друздь, унукумь** — галицкая грам. 1359 г., **добровульно, у шюльжичювь** — грам. 1366 г., **по божьюмь** — грам. 1378 г. и др.; «и» вместо «о», «е» для обозначения *i* из дифтонгов *yo, iö* появляются значительно позже. А. Е. Крымский в грамотах XV в. нашел единственный пример

такого написания: **на иткилѣ** (= *відкіля* «откуда») — в буковинской грам. 1436 г., но в XVI в. эти написания уже не редки: в описях некоторых замков по Днепру 1552 г.: **гакивица, стороживъ** (= *сторожів* «сторожей» род. мн.) и др., в Урбаре: **двѣ сорокивци** (*сороковки*), **збѣжжа** (= *збіжжа*) и др. Смещение «Ѣ» с «и», указывающее на переход *ie* в *i*, появляется раньше: достоверные примеры такого смещения встречаются уже в памятниках XIV в., например, в Путейском ев.: **нестрои-нья, крѣнь сильныхъ** (= *кринь сельныхъ*) и др.; в грамотах XV в. такое смещение уже довольно часто: в молдавской грам. 1421 г.: **мисто, имп-ет, вири, есмо привисили** и т. п.⁶⁴

§ 312а. Появление *i* вместо безударного *у*. Во многих ю.-м.-р. говорах *i* без ударения иногда является не только на месте ю.-р. дифтонгов *уо*, *йѳ*, *ие*, но и на месте старого *у*, например, в таких словах, как *замѣж*, *дѣрова*, *мабѣть*, *гѣрок* (= *замуж*, *дуброва*, *мабути*, *огурок*, т. е. *огурец*), в с.-м.-р. и сев.-укр. говорах неударяемое *у* в таких случаях сохраняется. Такое *i* в ю.-м.-р. могло получиться в результате изменения *уо*, а последнее могло явиться вместо *у* нефонетически в ту эпоху, когда *уо* из старого *о* еще не подверглось дальнейшим изменениям. Возможно, что без ударения такое *уо* могло чередоваться с *у*, и по аналогии с этим чередованием в таких случаях, как *на дуом* и *на дум*, появилось чередование *за муож* и *замуж*. В слове *гѣрок* вм. *огурок*, как заимствованном из польского яз., можно видеть также антиполонизм, замену польского звука соответствующим своим, ср. м.-р. *дьякую* из польск. *dziękuje*.

§ 313. Изменение гласных *e*, *ö*, *и*. Гласные *e*, *ö* (из старых *e*, *ь*), *и* не после *ј* в м.-р. стали менее передними гласными. Это изменение стояло в связи с отвердением согласных перед этими гласными и происходило ранее диалектического перехода дифтонга *ие* в *i*. При этом гласная *ö* утрачивала округленный характер и таким образом совпала с *e*: ср. нынешн. м.-р. *пес*, *береза*, *зеленый*, *несла*, *село*. Что касается *ö* после шипящих, то такое *ö* еще раньше, быть может, еще в о.-р. эпоху

⁶⁴ Некоторые ученые, как, например, А. Е. Крымский (Украинская грамматика I. 206а слл. [Крымский, 1907]), приводят примеры смещения «Ѣ» с «и» в ю.-р. церковных памятниках XII в. Но большая часть этих примеров или описки, или представляют правильное старое правописание (т. е. представляют «и» на месте старого, о.-р. *i*).

изменилось в *o*, ср. нынешн. м.-р. *чоловік, вчора, пишно, шостий, жонатий, жолудь, шчока* и пр. Но в некоторых случаях *ö* (из старых *e* или *ь*) изменилось в *o* с сохранением мягкости предшествующего согласного звука: *льон, слъози, съомий, тьомний*; по-видимому, в этих словах сохранилась мягкая согласная под влиянием форм *льна, слъза, тьма, сіем*, и это сохранение мягкой согласной помешало звуку *ö* измениться в *e* менее переднее.

§ 314. Переход *e* (*ä*) в *a*. Конечное *e* (быть может, еще о.-р. *ä*) после *j* в большей части м.-р. говоров, кроме галицких и большей части с.-м.-р., перешло в *a*: *зілля, весілля, життя, клочча, колосся, подвір'я, насіння* (подсолнухи) и т. п. (здесь долгие мягкие согласные — из сочетаний согласных с *j*: *зелье* и пр.); в галицких и с.-м.-р. говорах обыкновенно в этом окончании является *e*: *житє, весіє* и пр.; сочетание *je* после гласных не перешло в *ja*: *моє, доброе* и *добрее*, может быть, потому, что в то время, когда *e* после *j* изменялось в *ä*, между гласными являлось не *j*, а *й*. Древнейшие примеры написания «я» вместо «e» в конце слова, указывающие на переход *je* (*jä*) в *ja*, относятся к XIII в.: **за оумножѣнья** ев. 1283 г., Типогр. ев. № 5, XIII в., **осолюшанія наше житие** Савы XIII в. и др.

Не в конце слова *e* (вероятно, уже о.-р. *ä*) переходило в *a* после *j* и шипящих перед мягкими, но затем, по-видимому, нефонетически это *a* заменялось звуком *e* и сохранилось лишь в отдельных словах и то не повсеместно: *щипити, печаруця, залізний* (железный), *ялина, ялиця* (ель), *часник* (чеснок), *пшаниця* и др.

§ 315. Совпадение *ы* и *и*. Звуки *ы* и *и* старые совпали в одном звуке в ю.-м.-р. и части с.-м.-р. Заместителем их теперь в одних говорах является звук средний между великорусским *ы* и *и*, в других — звук *ы*; последнее произношение больше распространено на западе. В ю.-м.-р. говорах обыкновенно звук, получившийся из о.-р. *ы* и *и*, является более задним (близким к в.-р. *ы*) после губных и менее задним (средним между в.-р. *ы* и *и*) после зубных. В карпатских говорах у бойков, лемков и закарпатских русских и в части с.-м.-р. говоров различие между *ы* и *и* старыми сохранилось.

Совпадение гласных *ы* и *и* в одном звуке должно было отразиться в письменных памятниках в виде смешения букв «ы» и «и». Такое смешение мы изредка находим уже в некоторых церковных памятниках с

XIII в.⁶⁵, например, в записи Галицкого ев. 1283 г.: **стидяхоу ся, сыръ** (= сирь) и в буковинских грамотах с XIV в., но в тех и других оно может объясняться и влиянием южнославянской графики; в ю.-р. же грамотах, писанных в пределах великого княжества Литовского, примеры такого смешения появляются значительно позже; во всяком случае, позднее XV в.

§ 316. Переход *a* после мягких в *e* и в *и* после мягких; переход *je* в *ji*. Звук *a* после смягченных согласных, в том числе после шипящих, в значительной части с.-м.-р. говоров, у гуцулов и в некоторых других галицких и карпатских говорах перешел в *e* с сохранением мягкости предшествующих согласных звуков: *петь*, *жель*, *чес*, *жебвы*, *шчестя*, *взев*, *кiньце* (конца), *мнэсо* (мясо), *егне* (= ягня «ягненок») и т. п. Это *e* у гуцулов и в некоторых галицких и с.-м.-р. говорах затем перешло в *i* или в звук средний между *ы* и *i* с сохранением мягкости предшествующих согласных; такому же изменению подверглось в этих говорах и старое *e* после *j*, реже после других согласных: *голосiт* (3 мн.), *взiв* и *взъив* (= взяв), *пiйита* (= пята), *къишко* (= тяжко), *чьис* (= час), *жъиба* (= жаба), *кнъизъ*, *богачи* (род. ед.), *йивiр* (явор), *йиден* (один), *йи* (= *ε*), *свойи* (= *своя* и *свое*), *тисть* (тесть), *отиц* (отец), *смирть* и пр.

§ 317. Переход *и* (из *ы* и *i*) в *e*. Ударяемое *и* (м.-р. буква) в некоторых с.-м.-р., галицких и карпатских говорах перешло в *e*: *дем*, *ходети*, *язек*, *жети*, *забев*, *дитена*, *дурней сен* (т. е. дым, ходить, язык, жить, забыл, дитина, дурной сын) и т. п.

Изменения неударяемых гласных

§ 318. Неударяемые *e*, *o*, реже *a* подверглись во многих говорах изменениям, в основе которых лежит общее стремление произносить неударяемые гласные более закрыто.

Неударяемое *e*, становясь более закрытым, затем в значительной части говоров перешло в *и* или *и^e* (м.-р. буквы): *сило*, *минi*, *до тiби*, или: *си^eло*, *ми^eни*, *до тiби^e* и пр.; также: *думайи*, *з Киiва* и пр. Такому же изме-

⁶⁵ У А. Е. Крымского в «Украинской грамматике», стр. 209—210 [Крымский, 1907], есть примеры из памятников XI и XII вв., но это — или описки, или, чаще, плод непонимания текста автором грамматики.

нению в с.-м.-р. говорах подвергается и *e* из *ѣ* и из *a* после мягких: *любить* 3 мн., *місіц*, *гніздо* и пр.

§ 319. Менее распространен переход неударяемого *o* в *y*, обычный только в зап.-украинских, галицких и с.-м.-р. говорах: *суло́ма*, *куня*, *гулодний*, *бугатугу*, *мувудей* (= *молодий*), *дру́гуго*, *субі*, *ду ліса*, *добруі* и др.; в остальных говорах, по-видимому, *o* неударяемое произносится довольно закрыто.

§ 320. Относительно более закрытого произношения неударяемого *a* в м.-р. сведений в научной литературе не имеется, но мне приходилось замечать более закрытый характер произношения неударяемого *a* сравнительно с ударяемым в речи жителей г. Харькова и Харьковского уезда. Частью такое неударяемое, главным образом, предупредное *a* даже переходит в звук среднего подъема, независимо от характера ударяемого гласного звука, сходный с тем звуком, какой является в говорах с диссимилятивным аканьем в слоге перед слогом с ударяемым *a*.

Отверждение согласных

§ 321. Отверждение согласных перед гласными из старых *e*, *и*. В этом положении отвердели все согласные, кроме *j*, в том числе и те, которые в остальных положениях являются мягкими. Так, согласный звук *ц* в большей части говоров и теперь является твердым только перед *e*, *и* (м.-р. буквы): *лице*, *з отцем*, *циган* и пр., но *отця*, *криниця*, *цюлувати*, *горобець* и пр.; шипящие в части с.-м.-р., галицких и карпатских говоров мягки до сих пор во всех положениях, кроме положения перед *e*, *и*. Это отверждение стоит в связи с изменением старых *e*, *и* в гласные более заднего образования (см. § 313), причем после *j* такого изменения не происходило. В некоторых с.-м.-р. и карпатских говорах согласные перед *и* (м.-р. буква), а частью и перед *e* в настоящее время мягки; по-видимому, здесь следует предполагать вторичное смягчение, частью — в с.-м.-р. области — под влиянием соседних б.-р. говоров.

§ 322. Отверждение шипящих. Шипящие отвердели вообще в ю.-м.-р. и части карпатских говоров, но и здесь нередко сохраняются мягкие шипящие в известных положениях; именно, почти везде мягки шипящие перед *i* из дифтонгов, а также долгие шипящие из соче-

таний шипящих с *j*: *жінка, біжить* 2 мн. повел., *душі, збіжся, ключя*, хотя встречаются говоры, в которых шипящие отвердели и в этих положениях; кроме того, в ю.-м.-р. распространены (не везде) формы 3 мн. 2 спр. с мягкими шипящими: *біжать, сушать, ускочать*; в некоторых говорах сохраняют полумягкое произношение *ч* и *дж*, как сами по себе, так и в сочетаниях *шч, ждж*. В значительной части с.-м.-р. говоров, у гуцулов и в части карпатских говоров шипящие до сих пор мягки во всех положениях, кроме положения перед гласными из старых *e, и*, где шипящие мягки только в тех говорах, в которых мягки и другие согласные.

§ 323. Отвердение *ц*. Звук *ц* в большей части м.-р. говоров отвердел только перед *e, и* (м.-р. буква), но у гуцулов и в некоторых буковинских говорах *ц* отвердело вообще и сохранило мягкость только перед *i* из дифтонгов *и*, частью, перед *и* (м.-р. буква), получившимся из *a* после мягких: *отец, росица, вівцу, цулуют* и т. п., но *молодців, церковци* им. ед. Наконец, в некоторых закарпатских говорах отвердело конечное *ц*, как и другие согласные в конце слова: *горнец, хлопец, заяц, місяц*.

§ 324. Отвердение *с* мягкого. В некоторых с.-м.-р. говорах отвердело *с* мягкое в возвратной частице *ся*: *бояуса*⁶⁶, *боятис* и пр. Ср. подобное же явление в некоторых б.-р. (у так наз. «сакунов») и во многих с.-в.-р. говорах (ср. выше § 268).

§ 325. Отвердение *р* мягкого. Звук *р* мягкое отвердел в большей части с.-м.-р. и значительной части зап.-украинских и галицких говоров. По-видимому, диалектическое отвердение *р* мягкого в м.-р. стоит в связи с общебелорусским отвердением *р* мягкого и потому рассмотрено выше, в § 301.

§ 326. Отвердение конечного *т* мягкого. Конечное *т* мягкое в 3 ед. и мн. наст. вр. глаголов отвердело в с.-м.-р., зап.-украинских, галицких и карпатских говорах и сохранилось вообще как *т* мягкое в вост.-украинских: вост.-укр. *ходить, сидят, несут*, зап.-укр. *ходит, сидят, несут*. Во 2 мн. повелит., где конечное *т* мягкое несколько иного происхождения, оно сохраняется как мягкое *т* в большей части украинских говоров, но в галицких, карпатских и части с.-м.-р. гово-

⁶⁶ у жирное передает неслоговое у.

ров тоже отвердело: *несит*, *йгит*⁶⁷ (= *йдить*, гуцул.), *озьмит* и пр. Наконец, в некоторых с.-м.-р. говорах *t* мягкое отвердело и в окончании инфинитива: *ночоват*, *ходит* и пр. Но конечное *t* мягкое в имен. ед. имен существительных во всех этих говорах мягко: *зять*, *шість* и пр., и отвердело только там, где отвердели все конечные согласные.

§ 327. Отверждение конечных согласных. Все конечные согласные отвердели в некоторых галицких и карпатских говорах: *кін*, *ячмін*, *гус*, *пят*, *нес* (2 ед. повел. = неси), *ход* (2 ед. повел. = ходи), *отец* и пр.

§ 328. Изменение сочетаний мягких губных с *a*. Эти сочетания во всем м.-р. перешли в сочетания твердых губных с *ja*: *п'ять*, *в'яну*, *прив'язав*, *голуб'ята*, *ім'я*, но сочетание *вя* в положении после согласных сохраняется: *святій*, *рїздвяний*. В некоторых закарпатских говорах, впрочем, являются и сочетания мягких губных с *a*: *пя-тый*, *жереб'я* (при *жереб'я*); возможно, что произношение без *j* здесь вторичное. В тех говорах, где *a* после мягких изменилось в *e* или *и*, в подобных случаях обыкновенно являются сочетания губных с *je* или *ji*: *пйеть*, *пйитница* (пять, пятница) и т. п.

Сочетание *mja* из *мя* почти повсеместно изменилось вследствие ассимиляции *j* предшествующему носовому согласному звуку в *мня*: *мясо*, *мякий*, *соломняний*, *мня* (= имя) и пр., а в сочетании с другими губными диалектически *j* перешло в *л* мягкое: *здоровля*, *жеребля*, *оловяний*, *сплять* (спят) и пр.; впрочем, широким распространением пользуются лишь формы 3 мн. глаголов 2 спр. с такими сочетаниями: *сплять*, *роблять*, *люблять* и т. п., где *л* мягкое могло явиться вместо *j* и нефонетически по аналогии с *л* мягким в 1 ед., а формы вроде *здоровля* с *л* мягким встречаются лишь в немногих, преимущественно с.-м.-р. и закарпатских говорах.

Изменение сочетаний мягких губных с *a* в сочетания губных немягких с *ja* отразилось в письменных памятниках появлением написаний вроде: **обвьязуемы ся** — буковин. грам. 1448 г. и т. п.

§ 329. Изменения *л*. Из о.-р. языка в м.-р. были получены, по видимому, два вида *л*: твердое велярнозубное и мягкое, т. е. те же два вида, какие сохранились в б.-р. и в.-р., в тех же положениях. Но с течением времени в м.-р. развилось и *l* среднее (так наз. «европейское»);

⁶⁷ ₂ взрывное.

по-видимому, первоначально оно возникло в результате отвердения *л* мягкого перед *е*, *и* (м.-р. буква), а также (быть может, не везде) перед согласными. В значительной части м.-р. говоров вследствие этого получилось три вида *л*: *л* твердое: *була*, *голос*, *бідолаха*, *лузає*; *л* среднее: *поле*, *летать*, *лист*, *липа*, *біли*, *тілки*, *сілський*; *л* мягкое: *воля*, *земля*, *люде*, *хліб*, *лід*, *льон*, *весілля*, зап. *весіля* и *весіле* и пр. В тех говорах, где старые *ы* и *и* совпали в одном звуке, *л* перед заместителем старого *ы* произносится так же, как и перед заместителем старого *и*.

В части говоров затем *л* твердое вытеснено *л* средним в некоторых отдельных случаях; так, в одном из миргородских говоров, описанном Ярошенко, *л* среднее является теперь в окончании женского и среднего р. ед. ч. прош. врем. (по аналогии с формами множ. ч.?): *bula*, *dala*, *bulo*, *dalo* и пр.

Во многих м.-р. говорах произошли дальнейшие изменения в судьбе *л*. В одних утрачено вовсе *л* твердое велярно-зубное, заменившееся *л* средним; такие говоры очень распространены на Востоке (например, в Харьковской губ.), известны и на Западе, например, в западной части Закарпатской Руси, где утрата *л* твердого могла быть вызвана словацким влиянием. Наоборот, в зап.-украинских и галицких говорах *л* среднее частью вытеснено *л* твердым и *л* мягким. Для примера могу указать на один из говоров Ушицкого у. Подольской губ., описанный Гр. К. Голоскевичем, где *л* твердое не только в таких словах, как *лапа*, *слухач*, но и перед *е*, *ы*: *лысый*, *лысточок*, *лэд*; перед согласными *л* твердое или *л* мягкое, но не *л* среднее: *далшы^е*, *білшы^е*, *сылно*, *кілка* и *тількы*, *більшыій*. Наконец, в некоторых с.-м.-р. и карпатских говорах *л* среднее и *л* мягкое сохранились, а *л* твердое перешло в *в* или *у* неслоговое: *сево*, *говуб*, *мувудей стрылець*, *пваче* (т. е. село, голубь, молодой стрелец, плачет).

Об изменении *л* твердого не перед гласными в *у* неслоговое, общем м.-р. языку с б.-р., см. выше § 213.

§ 330. Переход звонких в глухие. Звонкие согласные перед глухими и в конце слов вообще сохранились как звонкие в с.-м.-р., вост.-украинских и зап.-украинских (в последних не везде) говорах и перешли в глухие в галицких, карпатских и части зап.-украинских говоров. См. выше § 109.

§ 331. Появление звука *ф*. Звук *ф* явился диалектически в некоторых галицких говорах вместо *у* неслогового или *w* перед глухи-

ми согласными: *фкράла*, *фтіклá*, *фчóра*, *фсьогó* и т. п. Кроме того, *ф* получилось в некоторых галицких, карпатских и зап.-м.-р. говорах из сочетания *хв*, реже из *х*: *фіст* (хвост), *фалить*, *фатати*, *футор*, *Федір* (надо заметить, что вообще *хв* в м.-р. является как из о.-р. *хв*, так и из *ф* в заимствованных словах; в слове *Федір* и т. п. *ф* в галицких говорах в соответствии с *хв* украинских и с.-м.-р. говоров — *Хведір* — из того *хв*, которое само из *ф* в заимствованном слове).

§ 332. Переход у неслогового или *в* и *ф* в *г* фрикативное или взрывное и *к* или *х*. Такой переход произошел в некоторых галицких и карпатских говорах, преимущественно в положении перед согласными: лемк. *гдовець*, *г вінку*, *г другий бік*, *г нас*, *х поли*, *х сеї бабі* (= у сеї баби) и др., замишан. *гдовець*, *гдова* с *г* взрывным и др.

§ 333. Переход *т*, *д* мягких в мягкие *к* и *г* взрывное. Этот переход известен многим м.-р. говорам, но в украинских является редко и непоследовательно, ср. в миргородском говоре Полтавской губ.: *кіснотá*, но *діти*, *хотів* и пр. Более последовательно *к*, *г* мягкие в некоторых с.-м.-р. говорах, например, в б. Холмской и Минской губ.: *сигят*⁶⁸, *кјемив* (= *тямив*) и пр. Особенно распространено это явление в галицких и карпатских говорах; так, у гуцулов мягкие *т* и *д* по большей части вытеснены мягкими *к* и *г* взрывным: *гля*, *гїдо* (дед), *вигїв* (видел), *найгїт* 2 мн. повел. (найдите), *гєкую* (дякую⁶⁸), *кешко* или *кѣишко* (тяжко), *прикѣигнув* (притянул), *хокїв* (хотел), *свїкїт* 2 мн. повел. (светите), *залекїв* (залетел), *не пушчу кі* (не пущу тебя) и пр.

§ 334. Переход *к* в *т* мягкое. Кое-где у бойков и у гуцулов *к* после мягких неслоговых изменилось в *к* мягкое, ср. подобное изменение в ю.-в.-р. и части с.-в.-р. говоров (§§ 270 и 289). Это *к* мягкое затем перешло в *т* мягкое: *доньтя*, *службоньтю* и т. п.

§ 335. Появление звуков *дж* и *дз*. Звук *дж* в м.-р. в некоторых случаях восходит если не к диалектическому *дж* о.-р. эпохи, получившемуся непосредственно из о.-сл. *дж* с долгим затвором (из более раннего о.-сл. *дј*), то к такому *дж*, которое явилось нефонетически в ю.-р. наречии до малорусско-белорусской эпохи. Это то *дж*, какое является в 1 ед. глаголов с основной остальных форм на *д* и в причастиях страдательных прош. врем. от тех же глаголов преимущественно в с.-

⁶⁸ Во всех примерах *г* взрывное.

м.-р., зап.-украинских и сев.-украинских говорах: *виджу, ходжу, саджений* и т. п.; в этих формах *дж* является и в ю.-б.-р. говорах. Такого же происхождения, быть может, *дж* и в некоторых именах в середине слов в карпатских говорах: *пряджа, меджа, чуджий* и т. п. Несомненно новое, развившееся на м.-р. почве *дж* является в части украинских и закарпатских говоров в начале некоторых слов: *джерело, джаворонок, джук* и нек. др.

Аффриката *дз* является в некоторых м.-р. говорах в соответствии с з других говоров в некоторых отдельных словах: *дзвін, дзвонити* с производными, реже *дзвір, дзвякати, дзвізда, дзелений, дзеркало, дзелізо* (железо), *дзижчати* (жужжать), *дзерно, дзид* (овод), *дзябка*. Быть может, в некоторых случаях такое *дз* не новое, а восходит непосредственно к о.-сл. *дз*. Шахматов предлагает такое происхождение для *дз* перед *в* (*дзвін, дзвір, дзвізда* и т. п.),—но в некоторых случаях оно несомненно новое, как, например, в слове *дзерно*, ср. лит. *žirnis*.

§ 336. Переход *с* мягкого в *ш* и *з* мягкого в *ж*. В некоторых с.-м.-р. и карп. говорах звуки *с, з* мягкие перешли в *ш, ж* мягкие: *шіно, шміяти* (сметь), *шніг, швьятый* (и *шватый*), *желеный, вжятти* и пр., по-видимому, под влиянием польских и словацких говоров.

§ 337. Переход *н, д* мягких в *й*. Мягкое *н* перешло в *й* в положении перед *к* в галицких, карпатских и некоторых с.-м.-р. говорах: *тонейкий, сонейко* (солнышко), *солодбыйкий* (сладенький), *темнейкий, головойка, хустойка* (платок), *спатойки* (уменьш. от инфин. *спати*) и т. п.

Мягкое *д* в некоторых карпатских говорах перешло в *й* в том же положении, а также частью в конце слова и перед мягкими согласными: *порайко* (советчик, производное от основы *рад-*), *пой* (пойди), *порай* (постарайся = порадь), *райца* (ср. др.-р. *радъца*), *збуйвік, дванайцять* и т. п. В с.-м.-р. говорах такой переход, кажется, известен только перед *ц*: *моллойця, дванайцять*; возможно, что эта черта заимствована там из б.-р. говоров.

§ 338. Сокращение долгих мягких согласных. Долгие мягкие согласные, получившиеся в малорусско-белорусскую эпоху из сочетаний согласных *с, ж*, в галицких, карпатских и значительной части с.-м.-р. говоров при положении не в начале слов сократились: *житя, каміня, ключя, весіля* или *житє, каміне, ключе, весіле* и т. п. В начале слов долгие согласные такого происхождения по большей части сохрани-

лись: *льляти, зьзісти, вода льлеця*; под влиянием этих случаев долгие согласные сохранились и в сложных с приставками: *залле, иззів, ділляти* (зальет, съел, доливать), но иногда сокращаются и начальные согласные: *сьсяти* и *сьяти, сьє* (сиять, сияет).

§ 339. Выпадение *h*. В слове *четвер* и в словах *спасибі* или *спасибо, помагай бі* или *помай бі*, сложных с *Бог, h* отпало почти повсеместно. Вообще же *h* выпало в конце слова и между гласными, реже в других положениях, только в части с.-м.-р., галицких, буковинских и карпатских говоров: *на нічлі, порі, ў дороу, до друо тоо чобота, орох* (на ночь, порог, в дорогу, до другого того чобота, горох) и т. п. Два неудаляемых *o*, между которыми выпало *h*, могут в этих говорах стягиваться в одно: *до друо силá* (до другого села) и т. п.; между двумя *o* иногда в тех же говорах развивается *y* неслоговое: *до своуо краю, тоуо мудроуо*⁶⁹ (ср. § 265 о происхождении окончания *-ово* в род. ед. прилаг. в с.-в.-р.). Такое же *y* неслоговое развивается и перед *y*: *доруу*⁶⁹.

Белорусское и южновеликорусское влияние в м.-р. говорах

§ 340. Переходные к б.-р. говоры на с.-м.-р. основе. Большая часть с.-м.-р. говоров подверглась влиянию со стороны б.-р. говоров. Там, где это влияние было сильнее, оно вызвало образование переходных говоров. Последнее облегчалось тем, что ю.-б.-р. говоры издавна представляли много общих черт с м.-р., особенно с с.-м.-р. Главные фонетические черты, развившиеся в тех или других с.-м.-р. говорах под влиянием ю.-б.-р.,— аканье, дзеканье и появление мягких согласных перед *e, u* из старых *e, u*.

Аканье в с.-м.-р. переходных говорах не является полным: рядом с *a* и другими неокругленными звуками, заменившими старое *o* в безударных слогах, в одних случаях, это *o* продолжает сохраняться или перешло в *y* в других случаях. Определить точно характер аканья в переходных с.-м.-р. говорах пока не представляется возможным.

Дзеканье и мягкие согласные перед *e, u* распространяются в с.-м.-р., по-видимому, независимо от аканья. Есть переходные говоры с аканьем, но с сохранением твердых согласных перед *e, u* (м.-р. буква);

⁶⁹ Жирное *y* передает здесь *y* неслоговое.

наоборот, есть говоры, в которых аканья не замечается, но согласные перед *e, u* из старых *e, u* мягки и даже есть дзеканье⁷⁰.

§ 341. Переходные к ю.-в.-р. говоры на ю.-м.-р. основе. Ю.-в.-р. влиянию подвергались некоторые ю.-м.-р. (украинские) говоры на границе с ю.-в.-р. областью, а также в больших городах с их окрестностями. Вследствие больших различий между ю.-в.-р. и ю.-м.-р., чем между ю.-б.-р. и с.-м.-р., влияние ю.-в.-р. наречия на ю.-м.-р. говоры значительно слабее, и на границе между ю.-в.-р. и м.-р. нет той широкой полосы переходных говоров, какую мы находим на границе с.-м.-р. с б.-р. Зачастую ю.-в.-р. влияние не приводит к образованию переходных говоров, и говоры на границе м.-р. с ю.-в.-р. часто носят все признаки смешанных говоров: произношение при одинаковых фонетических условиях в одном случае по законам м.-р. фонетики, в других — по-великорусски, употребление одного и того же слова то в его м.-р. форме, то в в.-р. и т. п. Но рядом с этим, несомненно, существуют и переходные говоры. Отличительные черты этих переходных говоров: а) с одной стороны, сохранение м.-р. интонации, м.-р. гортанного *h*, хотя встречается и произношение с *g* фрикативным, у неслогового в соответствии с в.-р. у и *v, ch* твердого, м.-р. произношения сложных шипящих и некот. других м.-р. черт; например, часто сохраняется закрытое произношение *o*, не свойственное в.-р. говорам, немягкие губные перед *e, u*, реже среднее («европейское») *l* и пр.; б) с другой стороны, появление аканья, мягких согласных перед *e, u* и т. д. При этом аканье такими говорами усваивается в виде, несколько отличном от ю.-в.-р. и московского аканья: так, вместо *a* в предударном слоге (из старых *a, o*) иногда является звук, сходный с тем, какой произносится в говорах с диссимилятивным аканьем в слоге перед слогом с *a*, но здесь появление этого звука не ограничено положением перед слогом с *a* и гласными среднего подъема: *hъльвá, пьhóда, спръсуть* и пр.; кроме того, аканье таких переходных говоров может быть неполным: например, неударяемое *o* совпадает в одном звуке со звуком *a* в предударных слогах и сохраняется после ударения. Так как эти переходные говоры изучены недостаточно, то указать точно их распространение и дать более полную их характеристику теперь не представляется возможным.

⁷⁰ Выше, в обзоре говоров, условно с.-м.-р. говоры без аканья, но с мягкими согласными перед *e, u* и дзеканьем отнесены к чистым с.-м.-р., а к переходным — только говоры с аканьем.

Польское и словацкое влияние
на м.-р. говоры

§ 342. Польское влияние. Польское влияние отражается на всем м.-р. языке вследствие того, что м.-р. народ в течение долгого времени находился в политической зависимости от Польши, а с утратой этой зависимости сохранилась в значительной части м.-р. области зависимость культурная и экономическая. С переходом значительной части м.-р. народа вновь в состав Польского государства, несомненно, польское влияние в областях, отошедших к Польше, еще больше усилилось и может частью привести к вытеснению м.-р. языка в некоторых местах. Это влияние выразилось, главным образом, в словарных, частью в морфологических заимствованиях; польское влияние на фонетический строй м.-р. языка слабее вследствие того, что родство между польским и м.-р. языками еще дальше, чем между м.-р. и в.-р. Но так как малорусам в Польше приходится кроме своего родного языка знать и польский язык, то такое двуязычие неизбежно приводит и к фонетическим изменениям в м.-р. речи. К числу таких изменений следует относить диалектический переход *с*, *з* мягких в *ш*, *ж* мягкие (§ 336), а также фиксацию ударения на предпоследнем слоге в говоре галицких лемков и закарпатских лемаков (см. § 105). Можно объяснять польским влиянием также и сокращение долгих мягких согласных (*весіля* или *весіле*, ср. польск. *wiesiele*) и переход у неслогового в *в* и *ф*, но оба эти явления могли возникнуть и независимо от польского влияния. Более старое польское влияние еще малорусско-белорусской эпохи некоторые ученые усматривают в отвердении *р* мягкого.

§ 343. Словацкое влияние. Словацкое влияние сказывается только в закарпатских говорах. И здесь оно выражается, главным образом, в словарных и отчасти морфологических заимствованиях, но отражается и на фонетическом строе: в появлении *ш*, *ж* мягких вместо *с*, *з* мягких (в части говоров та же черта вызвана польским влиянием), быть может, также в утрате *л* твердого и замене его *л* средним и др.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ

I. История форм склонения и спряжения

A. История форм склонения в русском языке

1. Формы, перешедшие в русский язык из общеславянского

§ 344. Формы, перешедшие в русский язык из общеславянского, восстанавливаются на основании сопоставления русского языка со всеми другими славянскими языками. Но так как эти формы во всех славянских языках претерпели большие изменения, частью одинаковые, то большое значение для восстановления форм общеславянского языка получают показания древнейших письменных памятников славянских языков, в особенности языка старославянского, сохранившего в своих памятниках общеславянские формы в наибольшей цельности.

§ 345. Слова, имевшие формы склонения, в о.-сл., как и в о.-и.-с., принадлежали к двум классам: 1) слов, имевших только формы склонения, и 2) слов, имевших формы согласования. Но слова с формами согласования, т. е. прилагательные в широком смысле, отличаясь от существительных по синтаксическому употреблению и по присутствию форм согласования в роде, не отличались от них по самому образованию форм склонения, а именно, прилагательные в муж. роде образовывали падежные формы так же, как известные категории существительных муж. р., прилагательные в женском р.—так же, как известные категории существительных женского р. и т. д. Так, например, прилагательное *добръ* в м., ж. и ср. родах склонялось так же, как существительные м., ж. и ср. рода *возъ*, *жена*, *лѣто* и т. п. В то же время по различию в образовании форм склонения среди всех склоняемых слов различались 3 класса: 1) склонение именное, 2) склонение местоимений личных и 3) склонение местоименное; к первому принадлежали существительные имена (не местоимения), а также прилагательные и

причастия в так наз. бесчленных формах, ко второму — местоимения личные и местоимение возвратное, к третьему — местоимения неличные, а также прилагательные и причастия сложные или членные; формы сложных или членных прилагательных и причастий образовывались путем сложения их в их именных формах с формами указательного местоимения *иь, ја, је* (род. *јего* с *г* фрикативным и т. д.); поэтому такое склонение прилагательных и причастий в отличие от собственно местоименного склонения называется сложным; возможно, впрочем, что в некоторых говорах о.-сл. языка членные прилагательные и причастия образовывали некоторые формы и по собственно местоименному склонению, т. е. через присоединение падежных окончаний местоименного склонения непосредственно к основе.

§ 346. В формах склонения в о.-сл. различались падежи: прямой — именительный — и косвенные: винительный, родительный, дательный, творительный и местный; последний, в отличие от русского и других новых славянских языков, сохранивших этот падеж, мог употребляться и без предлога для обозначения места и времени. Кроме того, существительные и прилагательные имели формы трех чисел: единственного, двойственного и множественного, различавшиеся между собой тем, что падежные формы в каждом числе имели различные суффиксы (окончания). К формам единственного числа принадлежала также звательная форма, неточно называемая «звательным падежом», так как слова в звательной форме не являлись частями словосочетаний, а представляли слова-воззвания, стоящие вне предложения.

§ 347. В именном склонении различались: 1) склонение имен муж. рода, имевших в именит. ед. окончания *-ѡ* или *-ѡь*, и имен среднего рода на *-о*, *-е*, с родит. ед. на *-а*: *годѡь, конѡь, лѡто, полѡе*; 2) склонение имен муж. р., имевших в имен. ед. окончание *-ѡ*, а в род. *-у*: *сынѡь, волѡь, медѡь*; 3) склонение имен ж. р., имевших в имен. ед. окончание *-а* или *-и*, а в род. *-ы* от основ на твердые звуки и *-ѣ* носовое (см. § 134) от основ на мягкие звуки: *жена, земля, богынѣи*; к этому склонению принадлежали и некоторые имена лиц муж. рода: *војевода, со^ндии* (судья); 4) склонение имен муж. и жен. р., имевших в имен. ед. окончание *-ѡь*, а в род. *-и*: *гостѡь, звѣрь, жизнь, рѣчь*; 5) склонение имен, имевших в родит. ед. окончание *-е*: *камѡь, дньѡь, мати, свекры, имѡ^н, теле^н, слово, род. камене, дьне, матере, свекръве, имене, теле^нте, словесе*.

Падежные формы именных склонений различались между собою по окончаниям и, частью, по месту ударения; кроме того, у некоторых имен являлись различия и в самих основах форм склонения; эти последние различия сводились к различию между основой имен. ед. и остальных падежей у некоторых имен, принадлежавших к 5-й группе, и к изменению конечных задненебных (*z*, *k*, *x*) основы перед палатальными гласными *e*, *u*, *ь*, *ѣ* и *e* носовым.

Падежные окончания именных склонений в о.-сл.

§ 348. Имена на *-ъ*, *-ь*, *-о*, *-е* с р. ед. на *-а* можно делить на имена с основами: а) на твердые и б) на мягкие неслоговые звуки. Падежные окончания у тех и других были следующие: а) Ед.: им. *-ъ*, *-о*; в. = им. или р.; р. *-а*, д. *-у*, тв. *-омъ* или *-ъмь*; м. *-ѣ*; зв. *-е*. Дв.: им.-в. муж. р. *-а*, ср. р. *-ѣ*; р.-м. *-у*, д.-тв. *-ома*. Мн.: им. муж. р. *-и*; им.-в. ср. р. *-а*; в. муж. р. *-ы*; р. *-ъ*; д. *-омъ*; тв. *-ы*; м. *-ѣхъ*. б) Ед.: им. *-ь*, *-е*; в. = им. или р.; р. *-а*, д. *-у*, тв. *-емь* и *-ъмь*; м. *-и*; зв. *-у* и *-е* (*-е* только от имен на *-цъ*, *-дзь*: *отъче*, *къне^нже*). Дв.: им. в. муж. р. *-а*, ср. р. *-и*, р.-м. *-у*, д.-тв. *-ема*. Мн.: им. муж. р. *-и*, им.-в. ср. р. *-а*, в. муж. р. *-ѣ* носовое (см. § 134); р. *-ь*; д. *-емъ*; тв. *-и*, м. *-ихъ*.

§ 349. Как мы знаем (см. §§ 140—149), мягкими неслоговыми звуками в о.-сл. языке эпохи его распада были лишь *й* и согласные шипящие и свистящие *дз*, *ц* во всех случаях и могли быть *з*, *с*, *л*, *н*, *р*, а следовательно, формы склонения, указанные в пункте «б», могли иметь только имена с основами на эти звуки. Отсюда ясно, что такие имена, как *голубь*, *лебедь*, *зять*, в о.-сл. не принадлежали этому склонению. Гласные *ь*, *е*, *и*, *ѣ* носовое в падежных окончаниях мягких основ явились вследствие изменения гласных после мягких неслоговых звуков.

§ 350. Во всех нынешних славянских языках, сохранивших формы склонения, в. ед. от имен муж. р. этого склонения, обозначающих «одушевленные предметы», совпадает с р. ед. Отсюда мы могли бы заключить, что и в о.-сл. имена одушевленных предметов муж. р. имели ту же форму р.-в. ед. Но памятники ст.-сл. яз. и древнейшие памятники русского яз. показывают, что форма р. ед. в значении в. ед. первоначально употреблялась значительно реже; что наряду с ней употреблялась от имен одушевленных предметов и форма в. ед., совпадавшая с формой им. ед., и что, следовательно, в о.-сл. в эпоху его распада

от имен одушевленных предметов могли употребляться обе формы в. ед., а окончательная утрата формы в. ед. = им. ед. от этих имен в русском яз. относится уже к исторической эпохе.

§ 351. В тв. ед. ст.-сл. и нынешние ю.-сл. языки указывают на о.-сл. *-омь* от твердых основ, *-емь* от мягких: ст.-сл. *рабоьмь, конемь* (*н* мягкое), *селомь, полемь* (*л* мягкое) и т. п., сербск. *градом, коьнем, селом, морем*. Но русскому яз. в историческую эпоху было известно в этой форме только окончание *-ьмь, -ьмь*: во всех древних русских памятниках, не смешивающих *ѣ, ъ* с *о* и *е*, эти формы в одних часто, а в других даже последовательно пишутся с таким окончанием, начиная с Остр. ев.: **гнѣвьмь, числьмь, отьцьмь, ложьмь** и др. Немногие примеры с *-омь, -емь* в Остр. ев., очевидно, идут из ст.-сл. оригинала. Нынешнее великорусское окончание тв. ед. *-ом* с *о* открытым (не *уо*) в тех говорах, которые различают под ударением *уо* из старого *о* с восходящим ударением и *о* из старого *ѣ* (см. § 231), указывает определенно на о.-р. *-ьмь*, с *ѣ* в этом окончании; на *ѣ* указывают и ю.-в.-р. говоры с яканьем задонского и обоянского типов, в которых перед этим окончанием на месте старых *е, ѣ, ѣ*, а после мягких является *и* или *е*, а не *а*: *за силом* или *селом, писком* или *песком, питном* или *петном* и т. п.; также и м.-р. *-ом* (*паном, дѣдом, лѣсом, мѣстом*) и *-ем* (*конем, мѣсяцем, полем*) может указывать только на о.-р. *-ьмь, -ьмь*, так как из о.-р. *о, е* в закрытом слоге должно было получиться *і* (диалектич. *у*). В польск. и чешск. та же форма теперь оканчивается на *-em*: польск. *dworem, piaskiem, koniem, stowem, polem* и пр., чеш. *chlapeť, vrahem, slovem* и т. п., где *e* может восходить только к старому *ѣ* или *ѣ*. Отсюда можно заключить, что тв. ед. рассматриваемого склонения был получен русским, польским и чешским языками с окончаниями *-ьмь, -ьмь* еще из говоров о.-сл. яз. и что, следовательно, различие между ю.-сл. языками, с одной стороны, и русским, польским и чешским, с другой, по отношению к этой форме восходит к диалектическим различиям в о.-сл. языке. В самом же о.-сл. окончании *-омь, -емь* в этом склонении являлось более первоначальным, а *-ьмь* могло быть заимствовано из склонения имен на *-ѣ* с род. ед. на *-у*.

§ 352. Вин. мн. от основ на мягкие неслоговые звуки в этом склонении, как и род. ед. и им.-вин. мн. от имен ж. р. на *-а* или *-и*, и соответствующие формы местоименного склонения с основами на мягкие неслоговые звуки оканчивались, по-видимому, на «ѣ носовое». Это «ѣ но-

совое» в ст.-сл. перешло в *e* носовое: **конѣа**, **землѣа**, **мжжа**, **іѣа**, а в русском и польском совпало со звуками, получившимися из о.-сл. *ѣ* носового. Для русского яз. окончание *-ѣ* в этих формах засвидетельствовано памятниками с XI в.: Остр. ев. **недѣлѣ** р. ед. 12, **каплѣ** им. мн. 160, Арх. ев. **ключѣ** в. мн. 168 об., **три мѣѣ** в. мн. 126 об., **недѣлѣ** р. ед. 86 об. и др., Мстисл. грам. 1130 г. **за моѣ** в. мн. Это окончание сохранилось в м.-р. им.-в. мн. *коні*, *горобци*, р. ед. *землі*, *єї*, *гарної* и, частью, в б.-р. им. мн. *жанце*, *жанке*, р. ед. *зямле*, *тае*, *аднае*, а в в.-р. сохранилось только в формах местоименного и сложного склонения: р. ед. *єѣ*, им.-в. мн. *все*, *добрые*, а в формах именного склонения частью утрачено, частью, может быть, способствовало смешению форм р. и д. ед. имен ж. р.

§ 353. У имен с основами на задненебные (*г*, *к*, *х*) последняя согласная основы изменялась в свистящую (*дз* или *з*, *ц*, *с*) перед *ѣ* в местн. ед. и мн. и перед *и* в им. мн. и в шипящую (*ж*, *ч*, *ш*) перед *e* в зват. форме: *рак* — *рацѣ*, *раци*, *раче*; *другъ* — *друдзѣ* или *друзѣ*, *друдзи* или *друзи*, *друже*.

§ 354. Имена на *-ѣ* с р. мн. на *-у*. В эпоху распада о.-сл. языка по этому склонению изменялись лишь очень немногие имена, да и те подверглись сильному влиянию другого склонения имен на *-ѣ* (с р. ед. на *-а*). Поэтому уже в древнейших памятниках ст.-сл., др.-р. и других славянских языков имена, принадлежавшие в о.-сл. к этому склонению, могут образовывать те или другие формы по образцу имен с род. ед. на *-а*. Окончания падежных форм этого склонения в о.-сл. были: Ед. им.-в. *-ѣ*, р. *-у*, д. *-ови*, тв. *-ѣмь*, *-омь*, м. *-у* с ударением на окончании, чем эта форма отличалась от р. ед. с ударением на основе; зв. *-у* (с ударением на основе). Дв. им.-в. *-у*, р.-м. *-ову*, д.-тв. *-ѣма*, *-ома*. Мн. им. *-ове*, в. *-ы*, р. *-овѣ*, д. *-омѣ*, тв. *-ѣми*, м. *-ѣхѣ*, *-охѣ*.

§ 355. Форма в. ед. *сынѣ* еще в о.-сл. могла заменяться формой *сына*, по образцу склонения имен на *-ѣ* с р. ед. на *-а*; та же форма стала употребляться и в р. ед. рядом со старой формой *сыну*. Уже в ст.-сл. памятниках в в. ед. употребительны обе формы: *сынѣ* и *сына*, а в р. ед. *сына* даже чаще, чем *сыноу*; в др.-р. памятниках в в. ед. встречаются обе формы, а в р. ед. только *сына*; впрочем, в Духовной Климента XIII в. есть и *сыноу*. В нынешних славянских языках р. и в. ед. от слова «сынъ» почти везде исключительно на *-а*.

§ 356. На о.-сл. *-ѣмь* в тв. ед. указывает Остр. ев. (**сынѣмь**, **домѣмь**) и все др.-р. памятники; в ст.-сл. памятниках — только *-омь*; в нынеш-

них славянских языках формы этого склонения вообще совпали с формами склонения имен с р. ед. на *-а*. Поэтому уже в о.-сл. в эпоху его распада можно предполагать *-ъмь* в одних говорах, предках нынешних русских и западнославянских языков, и *-омь* в других говорах, предках южнославянских языков, причем диалектическое *-омь* надо считать перешедшим из склонения имен с р. ед. на *-а*.

§ 357. Дат. мн. этого склонения перешел из о.-сл. во все славянские языки только с окончанием *-омь*, засвидетельствованным как ст.-сл. памятниками, так и древнейшими памятниками русского и других славянских языков. Окончание *-омь* в этой форме заимствовано у склонения имен с р. ед. на *-а*.

§ 358. На о.-сл. *-ъхъ* в м. мн. указывает Остр. ев.: **домъхъ** и другие др.-р. памятники, а также нынешние м.-р. прикарпатские и закарпатские говоры, где распространены формы м. мн. на *-ох*: *лісох*, *синох*, которые могут восходить только к старым формам на *-ъхъ*, потому что старое *о* в закрытых слогах в тех же говорах перешло в *у* и *і*, ср. д. мн. от тех же имен и в тех же говорах: *лісум*, *синум* или *лісім*, *синім*. Но в ст.-сл. памятниках рассматриваемая форма оканчивается только на *-охъ*⁷¹, и то же окончание представляют ст.-польские и ст.-сербские памятники, где *о* можно возводить только к о.-сл. *о*. Поэтому можно думать, что окончание м. мн. *-ъхъ*, которое следует считать более первоначальным, сохранялось в о.-сл. в эпоху его распада лишь диалектически, между прочим, в тех говорах, из которых образовался русский язык, а в других говорах нефонетически изменилось в *-охъ*, где *о* — по аналогии с *о* в р. и д. мн.

§ 359. Имена на *-а*, *-и* с род. ед. на *-ы*, *-ѣ* носовое». Окончания падежных форм: а) Основы на твердые неслоговые звуки. Ед. им. *-а*, в. «*о* носовое», р. *-ы*, д.-м. *-ѣ*, зв. ф. *-о*. Дв. им.-в. *-ѣ*, р.-м. *-ою*, д.-тв. *-ама*. Мн. им.-в. *-ы*, р. *-ѣ*, д. *-амъ*, тв. *-ами*, м. *-ахъ*. б) Основы на мягкие неслоговые звуки. Ед. им. *-а*, *-и*, в. «*о* носовое», р. «*ѣ* носовое», д.-м. *-и*, тв. *-ейо^н* (с «*о* носовым» в конце), зв. ф. *-е*, *-и*. Дв. им.-в. *-и*, р.-м. *-ею*, д.-тв. *-ама*. Мн. им.-в. «*ѣ* носовое», р. *-ѣ*, д. *-амъ*, тв. *-ами*, м. *-ахъ*. В в. ед. и им.-в. множ. от некоторых имен, имевших в остальных падежах ударение на окончании, это ударение переносилось на основу: *но-*

⁷¹ Впрочем — только в памятниках, смешивающих *о* и *ѣ*. В Супр. и Савв. форма м. мн. этого склонения вовсе не встречается.

га, р. ед. *ногы*, в. ед. *ного^н*, им.-в. мн. *ногы*; *сльза*, р. ед. *сльзы*, в. ед. *сльзо^н*, им.-в. мн. *сльзы*.

Имена с основами на задненебные в д.-м. ед. изменяли конечную задненебную основы на свистящую: *нодзѣ* или *нозѣ*, *рѣцѣ*, *юсѣ* (им. ед. *нога*, *рѣка*, *юха* = уха).

§ 360. Имена на *-ь* с род. ед. на *-и*. Основы этих имен в о.-сл. оканчивались или на шипящие согласные (получавшиеся из задненебных перед гласными *и*, *ь*, *е*), или на такие согласные, которые в о.-сл. еще не были смягченными. Отсюда ясно, что к этому склонению принадлежали в о.-сл. между прочим все те имена, которые теперь в р. яз. оканчиваются в им. ед. на *-бь*, *-вь*, *-мь*, *-дь*, *-ть*, *-нь*, и не могли принадлежать имена, которые теперь оканчиваются на *-и*. Имена муж. рода этого склонения в.-сл. были немногочисленны. В русском яз. они позднее совпали по образованию падежных форм с именами на *-ь*, имевшими в род. ед. окончание *-а*, или перешли в женский род. Из слов, известных русскому языку, к этому склонению первоначально принадлежали следующие имена мужеского рода: *боль* (= большой), *гвоздь*, *голубь*, *гортань*, *гость*, *дѣготь*, *жѣлудь*, *зверь*, *зять*, *коготь*, *лапоть*, *лебедь*, *лось*, *медведь*, *мозоль*, *огонь*, *путь*, *рябь* (= рябчик), *соболь*, *тать*, *теть*, *червь*, *уголь*, мн. ч. *люди* (о.-сл. *людиѣ*) и, может быть, некоторые другие. Остальные имена этого склонения были женского рода. По этому же склонению изменялись числительные от пяти до девяти, являвшиеся в о.-сл. существительными ж. р., и числительное *три*, которое было прилагательным и потому имело формы только множ. числа, причем в им. пад. различались две формы: одна для муж. р. — *триѣ*, другая — для ж. и ср. р. — *три*.

Падежные окончания. Ед. им.-в. *-ь*, р.-д.-м. *-и*, тв. муж. р. *-ьмь*, ж. р. *-ьйо^н* (с о носовым). Дв. им.-в. *-и*, р.-м. *-ью*, д.-тв. *-ьма*. Мн. им. муж. р. *-ьйе*, в. муж. р. и им.-в. ж. р. *-и*, р. *-ьйь* или *-ийь* с *и* очень кратким, д. *-ьмь*, тв. *-ьми*, м. *-ьхь*. Местный п. ед. мог отличаться от остальных форм на *-и* местом ударения, которое в этом падеже могло быть на конце, тогда как в других падежах ед. ч. обыкновенно падало на основу. Все формы этого склонения, полученные русским яз. из о.-сл., заведены русскими письменными памятниками и, по большей части, сохранились и до сих пор, претерпев только известные фонетические изменения.

К этому же склонению относились в о.-сл. имена *очи* и *уши* в двойственном числе. Формы дат.-тв. этих имен перешли в ст.-сл. с окончанием *-има*: *очима*, *ушима*; те же формы встречаются и в др.-р. памятниках, а форма *очима* сохранилась в нынешних б.-р. и м.-р.; но рядом с ними др.-р. язык, по-видимому, имел и формы на *-ьма*: *очьма*, *ушьма*, откуда нын. диалектич. в.-р. *ушми*, встречающееся, впрочем, изредка и у писателей XVIII и XIX в., например, у Лермонтова. Формы *очьма*, *ушьма*, быть может, тоже о.-сл. происхождения; указания на это дают некоторые славянские яз., как, например, словенский.

§ 361. Имена с род. ед. на *-е*. Сюда в о.-сл. относились а) имена муж. рода с основной косвенных падежей на *-н*; в им. ед. они оканчивались в о.-сл., должно быть, первоначально на *-ы*, как показывают ст.-сл. **камы**, **пламы** (Супр.), но, по-видимому, еще в о.-сл. эпоху старая форма им. ед. могла заменяться формой в. ед. на *-ь*: *камень*, *полмень*, *ремень*, *дънь* и пр., которой и была потом вытеснена в отдельных славянских языках; б) имена ср. р. с основной косвенных падежей на *-мен*; в им. ед. они оканчивались на *-меⁿ* (с *e* носовым), откуда ст.-сл. **ма** (**има**, **сьма** и пр.), русское *-мя*; в) имена ср. р. с основной косвенных падежей на *-е^{nt}*; в имен. ед.— «*e* носовое» (это — названия детенышей; др.-р. *теля*, *козля*, *роя*, *двтя* и пр.); г) имена ср. р. с основной косвенных падежей на *-ес*; в имен. ед. *-о* (*слово*, р. ед. *словесе* и т. п.); д) имена ж. р. с основной косвенных падежей на *-ер*, в им. ед. *-и* (др.-р. *мати*, *дъчи*, р. ед. *матере*, *дъчере*); е) имена ж. р. с основной косвенных падежей на *-ьв*; в им. ед. *-ы* (ср. нынешнее в.-р. диалектич. *свекры*); эта форма им. ед. еще в о.-сл. могла заменяться формою в. ед. на *-вь*: *брьвь* и т. п. О других словах, принадлежавших некогда к этому склонению, см. ниже, §§ 362, 364, 365, 366.

Имена этого склонения еще в о.-сл. подверглись влиянию со стороны других склонений; впоследствии это влияние усилилось, и характерные формы этого склонения, кроме немногих, были всеми славянскими языками утрачены. Насколько можно судить по показаниям ст.-сл. памятников и древнейших памятников других славянских языков, окончания падежных форм этого склонения в о.-сл. в эпоху его распада были следующие: Ед. ч. им. см. выше, в. муж. и ж. р. *-ь*, ср. р. = им. ед., р. *-е*, д. *-и*, тв. муж. р. *-ьмь*, ж. р. *-ьйоⁿ* (с *o* носовым), м. *-е*. Дв. ч. им.-в. муж. и ж. р. *-и*, ср. р. *-ѣ*, р.-м. *-у*, д.-тв. *-ьма*. Мн. ч. им. муж. (и

ж.?) р. *-е*, в. муж. и ж. р. (и им. ж. р.?) *-и*, им.-в. ср. р. *-а*, р.-ъ, д. *-мѡ*, *-емѡ*, *-ѡмѡ*, тв. *-ми*, *-ѡми*, *-ѡи*, м. *-сѡ*, *-ехѡ*, *-ѡхѡ*.

§ 362. К тому же склонению, но только во множ. числе, относились: а) имена на *-инѡ*, образовывавшие мн. ч. без этого суффикса (ср. нын. р. *мещанин*, *боярин*, им. мн. *мещане*, *бояре*); б) имена с им. ед. на *-арѡ* и *-тель* с *р*, *л* мягкими, образовывавшие формы мн. ч. от основ на *-ар* и *-тел* с немягкими *р*, *л*; в ед. ч. они уже в о.-сл. склонялись по образцу имен на *-ѡ* с р. ед. на *-а*; в) числительное *четыре* (муж. р., ж. и ср. р.—*четыри*), не имевшее форм ед. ч. и употреблявшееся как прилагательное. Наконец, первоначально по этому склонению изменялись во всех трех числах имена *ногѡтъ* (*ноготѡ*), *локѡтъ* (*локотѡ*), *печатѡ*, числительное *десять* (в о.-сл. в этом слове после *с* было *е* носовое), причастия наст. и прош. вр. действительного залога и прилагательные в сравнительной степени, но в эпоху распада о.-сл. языка они сохраняли лишь некоторые формы по рассматриваемому склонению; так, в ст.-сл. и др.-р. памятниках мы находим формы, очевидно, восходящие к о.-сл.: р.-м. ед. *печате*, *десяте* (в ст.-сл. после *с* во втором слове читалось *е* носовое), им. мн. *печате*, *десяте*, р. мн. ст.-сл. **лакѡтъ**, др.-р. *локѡтъ*, *ногѡтъ*, *десять* (ср. нын. *пятьдесят*), тв. мн. *десяты*, *ногѡты*, ст.-сл. **лакѡты**; от причастий и прилагательных в сравн. степени сохранялась по этому склонению только форма им. мн. муж. р. на *-е*, а от причастий наст. врем. также им. ед. муж. р. на *-ѡи* или *-е* носовое (первоначально некоторые причастия наст. врем. в этой форме должны были оканчиваться на *-ѡ* носовое, но следов такого окончания этих причастий в славянских языках не сохранилось). Остальные формы от слов *печатѡ*, *ногѡтъ*, *десять*, ст.-сл. **лакѡтъ**, др.-р. *локѡтъ* и в ст.-сл., и в др.-р. образовывались, как от имен на *-ѡ* с род. ед. на *-и* (*десять* в ст.-сл. и др.-р.— ж. р.); о склонении причастий см. ниже, § 367.

§ 363. В вин. ед. в ст.-сл. и др.-р. памятниках встречается иногда окончание *-е*: *камене*, *матере*, *сверѡзве*. По-видимому, это по происхождению формы р. ед., получившие значение в. ед. Быть может, они употреблялись с таким значением еще в о.-сл.

§ 364. Окончание *-е* в им. мн. муж. р. засвидетельствовано памятниками ст.-сл. яз. для слова *дѡнь*, им. мн. *дѡне*, для имен на *-тель*, *-арѡ*, *-инѡ* и для причастий и сравн. степ. прилагательных; от имен *-тель*, *-арѡ*, *-инѡ* им. мн. на *-е* сохранился в русском яз. (с позднейшими фоне-

тическими изменениями); для остальных имен муж. р. этого склонения им. мн. на *-е* для о.-сл. яз. не восстанавливается ни показаниями ст.-сл., ни показаниями русского языка, но и тот и другой позволяют предположить уже в о.-сл. для этого склонения им. мн. на *-ъѣе* (ст.-сл. **камениѣ, корениѣ**) по аналогии с именами на *-ъ*.

§ 365. На о.-сл. *-ъ* в окончании р. мн. имен муж. и ж. р. рассматриваемого склонения указывают как ст.-сл. **каменьъ, дньъ, матеръ, дѣлательъ, лакътъ, именьъ, словесъ** и пр., так и русские *бояръ, крестьянъ*, др.-р. *дньъ*, нын. р. диалект. *дѣн*; но, по-видимому, уже в о.-сл. имена не среднего рода этого склонения, кроме имен с им. ед. на *-шь, -тель, -инъ*, могли образовывать р. мн. и на *-ъѣѣ* по аналогии с именами на *-ъ*, имена на *-аръ* и *-тель* — так же, как и другие на *-ъ* с р. ед. на *-а*.

§ 366. Дат., твор. и местн. мн. того же склонения, по-видимому, первоначально имели в в.-сл. окончания *-мъ, -ми, -сѣ*, присоединенные прямо к основе, но в эпоху распада о.-сл. яз. можно предположить сохранение форм с такими окончаниями только для имен на *-ане*. Остатками их являются встречающиеся в древнерусских памятниках окончания *-амъ, -ами, -ахъ* в таких случаях, как **селоунямъ** Сл. Кир. Иерус. 244, **содомлямъ** Арх. ев. 125, 174 об., **иероусалимямъ**, Типогр. Уст. 142 XI—XII в. 34 об. bis, **волочам** Смол. грам. 1229 г., **дворямъ** Новг. грам. 1371 г., **вавилонямъ, деревлямъ, въ деревляхъ, въ поляхъ** (= у полян), **полочахъ** и т. п. летописи (Лавр., Ипат. и др.), а также единичные примеры в ст.-сербской грамоте 1189 г.: *граѣямъ, дубровѣчамъ* и в ст.-чешск. *Dolas* (с *l* мягким = долянах)⁷² и др. В этих формах не совсем ясен по происхождению звук *a* в окончании⁷³. Возможно, что он явился по аналогии с формами ед. ч. и им., в. и р. мн.

Дат. мн. на *-емъ* и м. мн. на *-ехъ* можно предполагать в о.-сл. на основании употребительности этих окончаний у некоторых имен с основной на согласную, гл. обр. от основ на *-ес-, -ар-, -тел-* и *-ѣн-* в некоторых памятниках XI в., не смешивающих *ъ* и *е*. Вообще же обычными окончаниями д. и м. множ. в этом склонении были, по-видимому, в о.-сл. в

⁷² В окончаниях *-сѣ* и *-хъ* в о.-сл. звуки *с* и *х* одинакового происхождения — из балт.-слав. *с*, изменявшегося в о.-сл. в *х* после некоторых гласных, после *р* и после *к* и сохранявшегося как *с* после остальных согласных и после носовых гласных.

⁷³ Из *ан* перед согласными в о.-сл. должно было получиться *о* носовое, перешедшее в русском, сербском и чешском в *у*.

эпоху его распадаения *-ьмъ* и *-ьхъ*, а в тв. мн. *-ы* от имен ср. р. и имен на *-инъ*, *-арь*, *-тель*, *-ть* и *-ьми* от остальных. Впрочем, твор. мн. на *-ы* от основ на *-тел-* и *-ар-* уже в ст.-сл. памятниках XI в. встречается очень редко при обычном *-и*. От имен ж. р. с основами на *-ьв*, по-видимому, уже в о.-сл. являлись формы д., тв. и м. мн. на *-амъ*, *-ами*, *-ахъ*.

§ 367. К тому же склонению в о.-сл. некогда принадлежали и причастия действительного залога наст. вр., причастия прош. вр. действительного залога на *-ъ* или *-ьъ* и прилагательные в сравн. степ., но в эпоху распадаения о.-сл. языка остатками этого склонения являлись лишь формы им. ед. всех родов и им. мн. муж. р. В причастиях наст. вр. различались: 1) причастия от нетематических глаголов и тематических 1-го спряжения (с тематической гласной *e*) с основой на твердые согласные; эти причастия оканчивались в им. ед. муж. и ср. р. на *-ы*, сохранившиеся, впрочем, только в ст.-сл. яз., а в других славянских языках, в том числе и в русском, еще в доисторическую эпоху, если не в говорах о.-сл. яз., замененные другими гласными (см. ниже); остальные формы этих причастий образовывались от основы на *-oⁿtj*, откуда ст.-сл. **-жшт**, р. *-уч*, ср. ст.-сл. им. ед. муж. р. **сы**, **ѣды**, **иды**, **несы**, ж. р. **сжшти**, **ѣджшти**, **иджшти**, **несжшти**, др.-р. им. ед. ж. р. *ѣдучи*, *идучи*, *рекучи*, *несучи*; 2) причастия от тематических глаголов 1-го спр. с основой на *-j* или на смягченные согласные; они оканчивались в им. ед. муж. и ср. р. на *e* носовое, а остальные формы образовывали от основы на *-oⁿtj*, откуда ст.-сл. **-жшт**, р. *уч*, ст.-сл. им. ед. муж. р. **знаѣ**, **колѣ**, им. ед. ж. р. **знаѣжшти**, **колѣжшти**, др.-р. им. ед. ж. р. *знаючи*, *колючи*; 3) причастия от тематических глаголов 2-го спряжения (с тематической гласной *и*); они оканчивались в им. ед. муж. и ср. р. на *e* носовое, а остальные формы образовывали от основы на *-eⁿtj*, откуда в ст.-сл. **-шт**, в русском *-а* с мягкостью предшествующего согласного звука: ст.-сл. им. ед. муж. р. **хваѣ**, **боѣ сѣ**, им. ед. ж. р. **хваѣшти**, **боѣшти сѣ**, др.-р. им. ед. муж. р. *хваля*, *бояся*, ж. р. *хвалячи*, *боячи ся*. Причастия прош. вр. действительного залога в им. ед. муж. и ср. р. имели окончание *-ъ* или *-ь* (после мягких согласных звуков), а остальные формы образовывали от основ на *-ьш* или *-ьш*: ст.-сл. и др.-р. им. ед. муж. р. *несъ*, *знавъ*, *хваливъ* или *хвалѣ*, ж. р. *несъши*, *знавъши*, *хваливъши* или *хвалѣши*. Наконец, прилагательные в сравн. степ. в им. ед. муж. р. оканчивались на *-ь* или *-ь*, в им.-в. ср.-р. на *-је* или *-ѣе* или на *-е* со смягчением предшествующего согласного звука, а остальные формы

образовывали от основы на *-ъи*: ст.-сл. **добрѣи, добрѣе, добрѣиши; болии, боле, больши**. Им. ед. ж. р. причастий и прилагательных в сравн. степ. оканчивался на *-и* (примеры см. выше), им. множ. муж. р.— на *-е* (в ст.-сл. **сжште, ѣджште, иджште, несжште, знажште, хвалаште, несъше, знавьше, хвалъше, добрѣише, больше**), а остальные формы образовывались по образцу склонения имен муж. р. на *-ъ* с род. ед. на *-а* и имен ж. р. на *-а*.

Причастия наст. вр. от нетематических глаголов и от тематических глаголов 1-го спряжения с основами на твердые согласные звуки в им. ед. муж. р. в др.-р. яз. оканчивались не на *-ы*, как в ст.-сл., а на *-а* без смягчения предшествующего согласного звука: *дада, ѣда, ида, река, мога, неса, зова* и пр. Подобные же формы имеются и в чешском яз., где они сохранились до сих пор: *jda, moha, nesa* и пр. В старопольском те же формы оканчивались на *o* носовое без смягчения предшествующего согласного звука: *niosq, przydq, mogq* и пр.; в старосербском — на *e*: *nese* и пр. Носовые гласные звуки являлись в этом окончании и в некоторых древнеболгарских говорах XI в., как показывают некоторые ст.-сл. памятники, передающие эти звуки частью буквою «ж», частью буквою «л», частью особым знаком, отличным и от «ж» и от «л»; в русских копиях с подобных памятников мы находим в этих случаях «ж», «л» и «а». Слова Григория Богослова: **сжи, сли**, Изб. 1073 г.: **живаи 7 с., жь-рл 82 b, река** и пр.

Можно думать, что это — новообразования, возникшие или в отдельной жизни этих языков по аналогии с причастиями от глаголов 2-го спряжения и притом в русском, чешском и польском языках после того, как согласные перед старым *e* носовым смягчилось, так как иначе мы ждали бы в этих языках перед *a* и перед *o* носовым мягкие согласные, или еще в говорах о.-сл. яз.; в последнем случае, здесь являлся звук, близкий к *e* носовому, но более задний, не вызывавший впоследствии смягчения находившихся перед ним согласных. Примеры причастий на *-а* в памятниках — с XI в.: **река, приснотекаи** Изб. 1073 г., **пекася, вьсемогаи** Уст. XI в., **паса** Минея 1095 г., **зова, мога** Минея 1096 г., **чъта, ида, ѣда** Уст. XII в., **возма** Смол. грам. 1230 г., **река** и др. Р. Пр. 1282 г., **дада, ѣда** ж. Феодосия и др.; некоторые из этих примеров можно понимать как русскую передачу ю.-сл. форм на носовую гласную, отличную от *ж* и *л*, но в большей части случаев это, несомненно, русские формы.

Возможно, что и формы им. ед. муж. р. причастий наст. вр. от глаголов 1 спр. с основами на *-j* и на мягкие согласные первоначально звучали с *ѣ* носовым, которое было заменено *е* носовым лишь впоследствии.

Склонение местоимений личных в о.-сл.

§ 368. Местоимения личные и возвратные в о.-сл. имели следующие формы:

Число	Пад.	1-е л.	2-е л.	Возвр.
Ед.	И.	<i>ја</i>	<i>ты</i>	—
	В.	<i>мене, ме^н</i>	<i>тебе, те^н</i>	<i>себе, се^н</i>
	Р.	<i>мене</i>	<i>тебе</i>	<i>себе</i>
	Д.	<i>мѣнѣ, ми</i>	<i>тебѣ, тобѣ, ти</i>	<i>себѣ, собѣ, си</i>
	Тв.	<i>мѣнойу</i>	<i>тобойу</i>	<i>собойу</i>
	М.	<i>мѣнѣ</i>	<i>тебѣ, тобѣ</i>	<i>себѣ, собѣ</i>
Дв.	И.	<i>вѣ</i>	<i>ва</i>	—
	В.	<i>на</i>	<i>ва</i>	—
	Р.-М.	<i>найу</i>	<i>вайу</i>	—
	Д.-Тв.	<i>нама</i>	<i>вама</i>	—
Мн.	И.	<i>мы</i>	<i>вы</i>	—
	В.	<i>насѣ, ны</i>	<i>васѣ, вы</i>	—
	Р.-М.	<i>насѣ</i>	<i>васѣ</i>	—
	Д.	<i>намѣ</i>	<i>вамѣ</i>	—
	Тв.	<i>нами</i>	<i>вами</i>	—

Формы *ме^н, те^н, се^н, ми, ти, си, ны, вы* употреблялись как энклитики.

§ 369. Им. ед. местоимения 1-го л. являлся в о.-сл. в двойном виде: 1) *ја*, 2) *јазѣ*. Форма *ја* сохранилась во всех славянских языках, кроме болгарского и словенского (в ст.-сл. ее тоже не было), а форма *јазѣ* уцелела теперь только в болгарском (в виде *азѣ, ази*) и словенском (*jaz*), но была известна также древнерусскому, старопольскому и старочешскому языкам и освидетельствована памятниками этих языков. В ст.-сл. было только *азѣ* или *назѣ*. В ст.-сл. и болгарском *азѣ* произошло отпадение начального *ј* или *й* уже на почве этих языков.

В письменных памятниках русского языка *я* впервые встречается в XI в., именно — в Словах Кир. Иерус.: **нѣ на рекоу** 160; из памятников нач. XII в. *я* встречается в Мстисл. ев. до 1117 г.: **на изгоню бѣсы** (в ос-

тальных ев. текстах здесь *азѣ*); Мстиславовой грамоте 1130 г.: **а се на всеволодъ даль іесмь**; в той же грамоте есть и *язѣ*: **а се назъ даль роуюкою своєюю**. Последняя форма сохранялась в русском яз. довольно долго: в грамотах московских князей и даже в их частной переписке она встречается еще в XV и XVI вв., например, в письме вел. кн. Василия III к жене: **язъ здесь, даль богъ, живъ**. Грамоты московских князей обычно начинаются: **Се язъ, князь великий**.

§ 370. Дат. ед. местоимения 1-го лица получен русским яз. из о.-сл. в виде *мънѣ*, откуда литературное и с.-в.-р. *мне*, *мни*. М.-р. *мені*, б.-р. и ю.-в.-р. *минѣ* (= *менѣ*) восходит к о.-р. диалектическому *менѣ*, а эта форма, вероятно,—новообразование о.-р. эпохи (ср. аналогичные новообразования в сербском: *мени* и в словенском: *тени*).

§ 371. Формы дат.-местн. ед. местоимения 2-го л. и возвр. получены русским яз. из о.-сл. наравне с польским, кашубским и чешским с гласною *о*: *тобѣ*, *собѣ*, а в остальные славянские языки перешли формы с гласною *е*: *тебѣ*, *себѣ*; возможно, что эти последние были тоже получены русским языком из о.-сл. В русских письменных памятниках формы *тобѣ*, *собѣ* довольно часты уже с XI в., как в южных, так и в северных; встречающиеся там формы *тебѣ*, *себѣ* (в древнейший период исключительно в памятниках церковного письма)⁷⁴ могут рассматриваться как церковнославянские, на что указывает нередкое правописание их с *е* вместо *ѣ*: *тебе*, *себе* (например, в Арх. ев., где *тобѣ*, *собѣ* постоянно пишутся правильно: **не послуужихомъ тебе** 8б, **рекоша ко себе** 8б об. и др.). В нынешнем м.-р. только *тобі*, *собі*, в б.-р. *табе*, *сабе*, где *а* из *о*; в в.-р. рядом с *тобѣ*, *собѣ* довольно обычны и формы *тебѣ*, *себѣ*; в литературном—только последние; возможно, что они—книжного происхождения.

Местоименное склонение в о.-сл.

§ 372. По местоименному склонению изменялись в о.-сл.: 1) указательные местоимения: *тѣ*, *иѣ*, *сѣ*, *онѣ* и др.; 2) вопросительные *къ-то*, *чь* или *чь-то* (*то* здесь неизменяемая частица) и сложные с ними; 3) притяжательные: *мойѣ*, *твойѣ*, *свойѣ*, *нашѣ*, *вашѣ*, *чьѣ*; 4) слова: *всѣѣ* (с *с* мягким), *всѣакѣ* (с *с* мягким), *самѣ*, *мъногѣ*, *тјудѣ* (или *чудѣ*, где *ч* и *дж* с долгим затвором, ст.-сл. **штоуждѣ**, др.-р. *чужѣ*) и др.; 5) числитель-

⁷⁴ Хотя бы и русского происхождения, как ж. Феодосия и Сказание о Борисе и Глебе в Усп. Сборнике XII в.

ные: *единъ* или *инъ*, *дѣва*, *оба*. Местоимения *къ-то* и *чь* или *чь-то* не имели форм рода и числа; остальные местоимения имели падежные формы трех чисел и формы трех родов — мужского, женского и среднего. По образованию падежных форм местоименное склонение можно подразделять на а) склонение местоимений с основой на твердые неслоговые звуки, б) склонение местоимений с основой на мягкие (*й*, *ч*, *ш*, *дж*), а также местоимение *съ* (где *с* не было мягким), и в) смешанное склонение, к которому принадлежало местоимение *въсь*.

Окончания падежных форм: а) Ед. ч. муж. и ср. р.: им. муж. р. *-ъ*, ср. р. *-о*, в. = им. или р., р. *-ого* (с *г* фрикативным), д. *-ому*, тв. *-ѣмь*, м. *-омь*. Сюда же относились формы местоимения *къ-то*: им. *къ-то*, в.-р. *кого*, д. *кому* и пр. Ж. р.: им. *-а*, в. *о* носовое, р. *-о^нйѣ^н* (с *о* и *ѣ* носовыми), д.-м. *-ойѣ*, тв. *-ойо^н* (с *о* носовым в конце). Дв. ч.: им.-в. муж. р. *-а*, ж. и ср. *-ѣ*, р.-м. *-ойу*, д.-тв. *-ѣма*. Мн. ч.: им. муж. р. *-и*, им.-в. ж. р. *-ы*, ср. р. *-а*, в. муж. р. *-ы*, р.-м. *-ѣхѣ*, д. *-ѣмѣ*, тв. *-ѣми*. У местоимений с основой на *-к*: *къто*, *въсѣакѣ*, *такѣ*, *якъ* и др. звук *к* перед *ѣ* изменялся в *ц*: *цѣмѣ*, *въсѣацѣмѣ*, *тацѣмѣ*, *яцѣмѣ*. б) Ед. ч. Муж. и ср. р. им. муж. р. *-ѣ*, ср. р. *-е*, в. = им. или р., р. *-его* (с *г* фрикативным), д. *-ему*, тв. *-имь*, м. *-емь*. Сюда же относились формы местоимения *чь* или *чь-то*: им.-в. *чь* или *чь-то*, д. *чему* и пр.; в р., кроме *чего*, также *чьсо* и *чесо*. Ж. р. им. *-а*, *-и* (последнее окончание только у местоимения *си*), в. *о* носовое и *-ийо^н* (только *сийо^н*), р. *-ейѣ^н* (с *ѣ* носовым), д.-м. *-ейѣ*, тв. *-ейо^н*. Дв. ч.: им.-в. муж. р. *-а*, ж. и ср. р. *-и*, р.-м. *-ейу*, д.-тв. *-има*. Мн. ч. им. муж. р. *-и*, им.-в. ж. р. *-ѣ* носовое, а от местоимения *съ* — *сийѣ^н* (с *ѣ* носовым), им.-в. ср. р. *-а*, в. муж. р. *-ѣ* носовое, р.-м. *-ихѣ*, д. *-имѣ*, тв. *-ими*. в) Местоимение *въсь* образовывало с *ѣ* все формы, имевшие в окончании этот звук у местоимений в группе «а», т. е. тв. ед. муж. и ср. р., им.-в. дв. ч. ж. и ср. р., д.-тв. дв. ч., р.-м., д. и тв. мн. ч.: *въсѣмѣ*, *въсѣ*, *въсѣхѣ*, *въсѣмѣ* и др., а остальные формы — как местоимения в группе «б»: *въсе*, *въсего*, *въсему*, *въсемь*, *въсейѣ^н*, *въсейѣ*, *въсѣ^н* и др.

§ 373. Вин. ед. совпадал с род. ед. у местоимения *къ-то* (только: *кого*, как показывают все славянские языки, в том числе и ст.-сл.), а также в тех случаях, когда местоимение согласовалось с именем муж. р., имевшим форму р. ед. в значении вин., или указывало на такое имя, от которого род. ед. мог употребляться в значении вин.

§ 374. В род. ед. муж. и ср. р. о.-сл. язык имел окончание *-ого* или *-его* с фрикативным (длительным) *г*. См. §§ 151 и 265.

Относительно *ѣ* носового в формах местоименного склонения см. выше §§ 134 и 352.

§ 375. Форма им.-в. местоимения *чь* без частицы *то*, предполагаемая для о.-сл. яз. на основании ст.-сл. **ничъже** и т. п. и показаний сербского, польского, чешского и словенского языков, в русском яз. не сохранилась. Существование в русском яз. в какой-либо период род. *чьсо*, *чесо* или *чесого* и дат. *чесому* не может быть доказано; правда, эти формы встречаются в древнейших памятниках (XI—XII вв.), но исключительно церковных (Остр. ев., Арх. ев. и т. п.), и могут рассматриваться как церковнославянские. О форме им. ед. *чо* см. ниже § 408.

§ 376. Местоимение *въсь* в вин. ед. ж. р. могло в о.-р. звучать как *въхо^н*, откуда в историческую эпоху — *въху*; именно, в таком виде эта форма встречается в Духовной Варлаама Хутынского до 1192 г.: **въхоу же тоу землю хоутинскоую**. Несмотря на единичность этой формы не только в русских памятниках, но и во всех славянских языках, существование ее в XI в. и, следовательно, и раньше не подлежит сомнению. Так как она не могла возникнуть в русском яз., то необходимо предположить, что она получена в таком виде из о.-сл. яз. Для понимания ее напомним, что местоимение *въсѣь*, *въсѣа*, *въсѣе* и т. д. получилось в о.-сл. яз. из более старой формы *въхъ*, *въха*, *въхо* в ту эпоху жизни о.-сл. праязыка, когда старые задненебные после палатальных гласных при каких-то условиях смягчались и переходили в свистящие; следовательно, *с* мягкое здесь такого же происхождения, как и *ц* в словах *отец*, *лицо*, *девица* или *з* в *князь*, *колодязь*, *нельзя* и пр. Менее ясно *х* во *вхе поль* Новг. I летоп. Об о.-сл. *з*, *с*, *ц* из *г*, *х*, *к* после палатальных гласных см. выше § 147.

§ 377. Местоимение *койь* или *койъ* уже в о.-сл. образовывало одни формы от основы *кой*, другие — по сложному склонению прилагательных (см. § 379), а именно, основа *кой* являлась в род., дат. и местн. ед. муж. и ср. р., косвенных падежах ж. р. и род.-местн. дв. ч., но диалектически, по-видимому, могла быть и в других падежах; по сложному склонению от основы *к* образовывались формы им.-вин. и тв. ед. муж. и ср. р., вин. ед. ж. р. (рядом с формой от основы *кой*: *койо^н* и *ко^нйо^н*, откуда в русском *кою* и *кою*), им.-вин. и дат.-тв. дв. и все формы мн. ч. Впрочем, трудно сказать, перешли ли формы этого местоимения по сложному склонению из о.-сл. в русский яз.: из др.-р. памятников цер-

ковного письма они мне не известны. В.-р. формы им. ед. ж. р. и мн. ч. по местоименному склонению от основы *кой*: *коя* (им. ед. ж. р.), *кои* (им. мн.), *коих*, *коим*, сохранившиеся до сих пор и засвидетельствованные памятниками XIV—XV в., например, **коя** грам. до 1417 г. собр. Муханова, **кои** двинск. грам., **на коих** новгор. грам. 1373 г. и др., можно считать как новообразованиями, так и старыми формами, восходящими к о.-сл. эпохе. Ср. подобные же формы в старосербском и даже в ст.-сл. **коихъ** Зогр.

§ 378. Числительные *дѣва*, *оба* (муж. р.; ж. и ср. р. *дѣвѣ*, *обѣ*) в о.-сл. имели двойкие формы: по местоименному склонению: р.-м. *дѣвоу*, *обойу*, д.-тв. *дѣвѣма*, *обѣма* и по именному: р.-м. *дѣву*, *обу*, д.-м. *дѣвома*, *обома*. Первые формы перешли между прочим в ст.-сл. яз., а последние — в русский, польский и чешский, хотя всем этим языкам были известны и формы, образованные по местоименному склонению. В др.-р. памятниках встречаются и те, и другие: **двою** смол. грам. 1229 г., Р. Пр. по списку Моск. Патр. б-ки 1282 г., новг. грам. 1305—1308 г. и др., **съ дѣвѣма** Дух. Варл. Хут. до 1192 г., **дѣвою** Усп. Сб. XII в., Патр. Кормчая и Р. Пр. 1282 г. и пр. К старой форме *дву* восходит нынешнее *двух*; форма *двома* сохранилась в м.-р. Форма *двою* сохранилась лишь как наречие и в слове *двоюродный*.

Сложное склонение прилагательных

§ 379. Сложное склонение прилагательных членных или определенных образовывалось в о.-сл. через присоединение падежных форм местоимения *иь* к падежным формам именного склонения прилагательных. При слиянии произошли некоторые изменения, вследствие чего падежные окончания в эпоху распада о.-сл. яз. являлись приблизительно в таком виде. Ед. ч. муж. и ср. р.: им. муж. р. *-ыйь*, *-ийь* с *ы*, *и* редуцированными (у прилаг. в сравнит. степени также *-ѣйь*, у причастий наст. вр. *-е^нйь* и, может быть, *-ѣ^нйь*), ср. р. *-о^е*, *-е^е*, в. = им. или род., р. *-а^его* (с *г* фрикативным), д. *-уйему*, тв. *-ыйимь*, *-ийимь*, м. *-ѣ^емь*, *-ийемь*. Ж. р.: им. *-а^я*, *-и^я* (окончание *-и^я* только у причастий и прилагательных в сравнит. степ.), в. *-о^нй^н*, р. *-ыйѣ^н*, *-ѣ^нйѣ^н*, д.-м. *-ѣ^нй*, *-ийь*, тв. *-ой^н*, *-ей^н* и *-о^нй^н*. Дв. ч. им.-в. муж. р. *-а^я*, ж. и ср. р. *-ѣ^и*, *-и^и*, р.-м. *-уй^и*, д.-тв. *-ы^има*, *-и^има*. Мн. ч. им. муж. р. *-и^и*, *-е^и* (оконч. *-е^и* — у причастий и прилаг. в сравн. степ.), им.-в. ж. р. и в. муж. р. *-уйѣ^н*, *-ѣ^нйѣ^н*,

им.-в. ср. р. *-айа*, р.-м. *-ыхъ*, *-ихъ*, д. *-ымъ*, *-имъ*, тв. *-ыми*, *-ими*. Возможно, что еще в говорах о.-сл. яз. произошли и дальнейшие изменения в падежных окончаниях этого склонения, именно, выпадение *й* перед *е* и стяжение *ѣе* в *ѣ*, *ѣи* в *ѣ*, а *ие*, *ии* в *и*. На это указывает то обстоятельство, что стяженные формы тв. и м. ед. муж. р., д.-тв. дв. и косвенные падежи мн. ч. являются во всех славянских языках и засвидетельствованы уже древнейшими памятниками ст.-сл. и русского языков. Существование рядом с ними нестяженных форм тех же падежей не только в ст.-сл. памятниках, но и в оригинальных русских памятниках, правда, только церковного письма, как житие Феодосия Печ., позволяет думать, что некогда (до XII в.) в русском яз., может быть, существовали и те, и другие формы. Что касается нынешних сев.-в.-р. форм в роде *добрых*, *высоким*, то их трудно возводить к этим нестяженным формам и, по всей вероятности, следует считать поздними новообразованиями под влиянием им. мн.

§ 380. Формы сложного склонения прилагательных сохранялись почти без изменений в ст.-сл.; только окончания *-аего*, *-уему*, *-ѣемь*, *-иемь* могли изменяться в *-ааго*, *-ууму*, *-ѣѣмь*, *-иимь* (в ст.-сл. памятниках употребляются как формы на *-ааго* и пр., так и формы на *-ааго* и пр.). В западнославянских языках они подверглись стяжению, ср. поль. *dobrego*, *dobremu* и пр., чеш. *dobrého*, *dobrému* с *e* долгим как получившимся из стяжения. Что касается русского яз., то некоторые формы членных прилагательных уже в древнейших памятниках русского языка встречаются с окончаниями местоименного склонения, присоединенными не к падежной форме прилагательного, а прямо к основе, и в таком виде известны и нынешнему русскому языку на всем его пространстве или в большинстве говоров. Ввиду того, что подобные формы существуют издавна в сербском и отчасти в словенском и верхнелужицком языках, можно думать, что они возникли еще в говорах о.-сл. языка. Эти формы:

1. Род. ед. муж. и ср. р. на *-ого*, *-его*; древнейшие примеры — в Смол. грам. 1229 г.: *дѣтського*, *лучшего* и т. п. В более древних русских памятниках русского письма род. ед. муж. р. прилагательных вовсе не встречается, а в церковных памятниках обычны формы на *-ааго* и *-аго*; эти окончания довольно строго выдерживаются и в позднейших церковных памятниках даже русского происхождения: так, например, в житии Феодосия Печ. по списку XII в. нет ни одного примера на *-ого*;

формы на *-ааго*, *-аго* обычны и в летописях (например, в I Новгород. по списку Патр. б-ки, Лавр., Ипат. и др.) при более редких формах на *-ого*, *-его*, и даже в Русской Правде по списку 1282 г.: **свободнааго** 621, **желъзнаго**, **ветхаго** 625 об., **на конечнаго**, **до третьяго** 618 и др. рядом с формами на *-ого*, *-его*. Но в грамотах формы на *-ааго*, *-аго* почти не встречаются; трудно сказать, были ли они известны и живому языку; в летописях и Р. Пр. они могли бы объясняться влиянием церковной орфографии. В нынешних русских языках только *-ого*, *-его* с их дальнейшими изменениями.

2. Дат. ед. муж. и ср. р. на *-ому*, *-ему*; эта форма с таким окончанием встречается уже в некоторых церковных памятниках XI в., например, в Изборнике 1073 г. (**вышьнемоу**, **първомоу** и др.) и 1076 г., Минеях 1096 г. и др., рядом с обычной церк.-сл. формой на *-оуоумоу*, *-оумоу*. В летописях и других памятниках церковного письма за немногими исключениями, которые можно считать описками, — только *-ому*, *-ему* (Смол. грам. 1229 г.: **дѣтскому**, **горячему** и т. д.); в нынешних русских языках — только эта форма.

3. Местн. ед. муж. и ср. р. на *-омь*, *-емь*; древнейшие примеры — в той же Смол. грам. 1229 г.: **на готскомь березѣ**; ср. нын. в.-р. *-ом*: *добром*, *злом*, *меньшом* (в говорах, где старое *о* под восходящим ударением перешло в *уо*, в этих формах, как и в остальных падежах склонения прилагательных, произносится *уо*: *на худуом* и пр.), м.-р. украинск. *-ім*: *біднім*, закарпатск. *-ум*: *біднум*, где *і* и *у* из старого *о* в новом закрытом слоге (см. § 230). В др.-р. церковных памятниках исключительно *-ѣмь*, *-ѣмь* по-старославянски; та же форма встречается и в памятниках нецерковного письма, например, в Р. Пр. 1282 г.: **въ тоуне... ратаинѣмь**, **о мѣсяцнѣмь рѣзѣ**, а в летописях в таких оборотах, как: **на дворѣ теремьстѣмь**, **велицѣмь князи рустѣмь** (Лавр.), **в Неревьскомь конци**, **на Новѣмь тѣргу** (Новгор.), что, может быть, указывает на существование и этой формы в др.-р. живом языке. В грамотах — исключительно формы на *-омь*, *-емь*.

4. Род. ед. ж. р. на *-овѣ*, *-евѣ* (где *ѣ* из *ѣ* носового); древнейшие примеры — во 2-м почерке Арх. ев.: **стоѣ мчнцѣ** 169, **явльшеє ся звѣзды** 145; там же встречаются формы на *-оѣ* (вместо ст.-сл. форм на *-ыіе^н*); ср. также в Уст. XII в.: **платоѣ**, **платоѣ**, **девалтоѣ** и др., в Сказании о Борисе и Глебе в списке XII в.: **пагубноѣ**, **ветхоеѣ**, **деревяноѣ**. К этой форме восходят м.-р. род. ед. ж. р. на *-ої*, *-ої* (*ї* из старого *ѣ*): *старої*, *пе-*

редньої и диалект. *передней*; в.-р. род. ед. на *-ой* — новообразование. Форма на *-ыѣ*, *-ыѣ* (*и* после старых мягких нефонетически вм. *ѣ*), с фонетическим изменением конечного *ѣ* в *е*, встречается, между прочим, в московских юридических памятниках XIV—XVII вв.: **Скирменовские слободки** Духовная Димитрия Донского, **перяславские соли** грам. 1432 г., **торговые цѣны** Уложение 1649 г. и др. и сохранилась в некоторых с.-в.-р. говорах Архангельской и Олонецкой губ.: *молодые, горькие, кифтисные* и т. п.

5. Дат.-местн. ед. ж. р. на *-ой*, *-ей*; примеры — в Смол. грам. 1229 г. и позднее; в нын. в.-р. *-ой*: *молодой* и пр., м.-р. украинск. *-і* или *-ій*: *молодій, добрі*, где *і* из *о* в новом закрытом слоге, закарпатск. у: *добруй, синюй*. В церковных памятниках по-старославянски *-ѣи*; то же окончание дат.-местн. ед. ж. р. прилагательных встречается и в Р. Пр. по списку 1582 г.: **о задници бояръстѣи** и в новгор. летописях: **на Рогатеи улицы** и др.

6. Род.-местн. дв. на *-ою*, *-ею*; примеры — в памятниках XI в.: Арх. ев. **стою мчнкою** 133 об., Минея 1096 г.: **из мрачною адовною бокою** 139 и др.

2. Общерусские изменения форм склонения

§ 381. Мы рассмотрим здесь как те изменения форм склонения, которые произошли еще в о.-р. эпоху, так и те, которые возникли позднее, но тем не менее являются общерусскими, т. е. произошли во всех русских языках.

§ 382. Судьба форм двойственного числа. Двойств. число в формах склонения, как и в формах спряжения, утрачено всеми русскими языками: старые формы двойств. ч. вообще заменились формами множ. ч., а в тех случаях, где сохранились, совпали по значению с формами множ. ч. или получили другое значение. Начало этой утраты относится, несомненно, к о.-р. эпохе, но завершился этот процесс позднее, уже после распада о.-р. языка. В письменных памятниках случаи замены форм дв. ч. формами мн. ч. попадаются уже в XIII в.: в житии Нифонта 1219 г.: **помози рабомъ своимъ Ивану и Олексию написавшема...**, Смол. грам. 1229: **та два была... ехали**, и т. п., но еще в Лавр. летописи формы дв. ч. употребляются по большей части правильно, как и в новгородских грамотах XIV в. и даже, частью, позд-

нее, что, может быть, объясняется письменной традицией. По-видимому, формы дв. ч. раньше подвергались утрате не при числительных *два* и *оба*, при которых некоторые старые формы дв. ч. сохранились до сих пор; кроме того, дольше других могли держаться формы дв. ч. от названий парных предметов, которые раньше употреблялись преимущественно в дв. ч. Сохранившиеся в нынешнем русском остатки старых форм дв. ч. принадлежат именно к этим двум категориям; это 1) а) в.-р. *два разá*, *два рядá*, *два шагá*, где сохранилось старое ударение им. дв., и формы род. ед. муж. р. при им. п. числительных *два* и *оба*, отличающиеся, во многих случаях, от старых форм им. дв. ударением: *два города*, *два воза* и пр.; последние формы явились потому, что при утрате категории дв. ч. формы им. дв. были отождествлены с род. ед.; б) м.-р. *дві корові*, *дві книжці*, *дві відрі* и т. п., б.-р. *дзвѣ руцѣ*, *дзвѣ слялѣ* и т. п.; 2) в.-р. *рукава*, *берега*, *глаза* и пр. (с ударением на конце), *уши*, *двумя* (вместо *двома*) и пр., м.-р. *рукáва*, *вúса*, *повода*, *очи*, *вуши*, тв. *очима*, *плечима*, *двома*, б.-р.—род.-м. *ачу*, *вушу*, тв. *ачыма*, *ушыма*, *плячыма*, *дзвярыма*. Все эти формы давно уже перестали сознаваться как формы дв. ч. В.-р. формы на *-а* при числит. *два* были приняты за род. ед., а остальные формы получили значение множ. (с м.-р. *дві корові*, б.-р. *дзвѣ руцѣ* ср. м.-р. *два воли*, б.-р. *два браты* и т. п.), вследствие чего возникли новообразования: формы, являвшиеся сначала при числительном *два*, во всех русских языках стали употребляться и с числительными *три* и *четыре*: в.-р. *три ряда*, *четыре шага* и т. д., м.-р. *три корові*, *чотири селі* и т. п.; по аналогии со старыми *берега*, *глаза* явились в в.-р. им. мн. на *-а*: *города* и пр.; при тв. в.-р. *двумя*, м.-р. *двома*, б.-р. *двома* явились тв. в.-р. *тремя*, *четырьмя*, м.-р. *трома*, *чотирма*, *пятьма* и пр., б.-р. *трыма*, *чтырма*; наконец, в некоторых в.-р. говорах получили распространение тв. мн. прилагательных на *-ма*: *добрыма*, *большыма*.

§ 383. Судьба именного склонения прилагательных и причастий. Прилагательные, кроме притяжательных, и причастия в русском яз. по большей части утратили формы косвенных падежей по именному склонению вследствие того, что в качестве определения стали употребляться членные формы прилагательных, а бесчленные, таким образом, должны были сохраниться лишь при сказуемом, между прочим, в составе сложного сказуемого, где такие прилагательные являлись в форме им. пад.: *он красив*, *она добра*, *мы вам ради* или *рады* и т. п. В русских памятниках XII—XIII в. именные формы кос-

венных падежей прилагательных очень редки: Мстисл. грам. 1130 г.: **държа роусьскоу землю, блюдо серебряно**; Смол. грам. 1229 г.: **добра мужа, иньму добру человекѹ, дають ему Двину свободну** (членные формы в той же грамоте гораздо чаще), Новг. грам. 1265 г. **от хмелна короба**. В летописях XIV в. бесчленные формы косвенных падежей нередки, хотя значительно реже членных: 1 Новг. летоп.: **оубиша добра князя полотьского, бяше то мѣсто велми силно твердо... на каменни висоцѣ, придоша свѣи въ силѣ велицѣ, і створиша волость ихъ пугу, дѣлаша мость новъ чересь Волховъ** и др.; можно заметить, что дольше всего бесчленные формы косвенных падежей прилагательных сохранялись при употреблении прилагательных в качестве вторых косвенных падежей при сказуемом.

В нынешних русских языках, и в.-р., и б.-р., и м.-р., именные формы косвенных падежей прилагательных сохранились лишь в наречиях: *мало-помалу, помногу, подобру-поздорову, посуху, набело, вечерне, докрасна, изгрязна, засветло, вдалеке* и т. п., а также в качестве определений-эпитетов в языке песен: *садился на добра коня, выпил чару зелена вина, прижал к ретиву сердцу* и пр.; такие формы в песнях известны как в.-р., так и б.-р. и м.-р. языкам; очевидно, язык песен или самые эпитеты, в которых сохранились именные формы, вырабатывались в то время, когда эти формы были в языке вполне употребительны наряду с членными. С утратой именных форм прилагательных в значении определений членные формы стали употребляться и в составном сказуемом; наряду со старыми: *он беден, он был молод*, во всем русском яз. стали возможны обороты: *он бедный, он был молодой*, но в в.-р. они окончательно вытеснили именные формы только у прилагательных относительных, а у так наз. прилагательных качественных вообще не получили дальнейшего развития; в м.-р. и б.-р. обороты с членными формами прилагательных вытеснили старые обороты с именными формами прилагательных.

По-видимому, не все формы именного склонения прилагательных были утрачены русским языком одновременно, а именно, формы тв. ед. муж. и ср. р. и д.-м. ед. ж. р. и косвенных падежей множ. ч. были утрачены раньше, и притом всеми прилагательными, в том числе и притяжательными. Поэтому от прилагательных притяжательных на *-ов, -ин* в этих падежах употребляются формы только по сложному склонению уже в грамотах XIII—XIV в.; ср. в грамоте рижан в Ви-

тебск около 1300 г.: у **розбойникове клетки**, у **розбойникову клеть**, но: **со розбойниковымъ товаромъ**. От остальных прилагательных даже в языке песен в этих падежах являются тоже только формы по сложному склонению. Форма род. ед. ж. р. прилагательных по именному склонению сохраняется еще в языке песен: у *молоды жены* и пр., но утрачена прилагательными на *-овъ* и *-инъ*, образующими этот падеж, как д.-м. ед. ж. р. и косв. падежи мн. ч., по сложному склонению. В остальных падежах формы по именному склонению сохраняются только в языке песен и у прилагательных притяжательных (от которых формы этих падежей по сложному склонению неупотребительны), а в остальных случаях утрачены.

Как мы видим, именные формы косвенных падежей прилагательных утрачены были не сразу и, выходя из употребления, заменялись членными формами прилагательных. Несколько иную судьбу имели такие же формы прилагательных в сравнительной степени и причастий. В тех случаях, когда причастие должно было стоять в косвенном падеже, мы уже в древнейших памятниках нередко находим форму им. ед. ж. р. или им. множ.: Изб. 1073 г.: **повелѣ мнѣ прѣмѣноу сътворити рѣчи инако набѣдяште тождество разоумъ** (запись), ж. Феодосия Печ.: **оному съповѣдаючи ми 33, повелѣ ѣдиному от братии... несѣше въсыпати 52**, Пантел. ев.: **іако самому вълѣзыше в корабль сѣдѣти 67 об.**, Синаиск. Патерик XI в.: **видѣхомъ постыника слъзы изливаюци 28 об.**, Смол. грам. 1230 г.: **правити ему поемъши**, Р. Пр. 1282 г.: **урочи городнику закладаюче** и т. п. Очевидно, в живом языке сохранялись в это время только формы имен. пад. бесчленных причастий, и постановка их в косвенном падеже (чаще всего — в книжной форме дат. самостоятельного) представляла для писца трудности. В тех случаях, когда причастие в бесчленной форме должно было стоять в имен. пад., оно в памятниках XI—XIII в. обыкновенно правильно согласовалось в роде и числе с тем именем, к которому относилось⁷⁵; исключения вроде: **помоливъши ся епископъ**, ж. Нифонта 1219 г. 74, **исправя чтѣте** там же (запись), **жены кланяют ся тако молвя**, Новг. Кормч. 1282 г., л. 520,—единичны. Но в памятниках XIV в. чаще начинают попадаться случаи несогласования причастия с существитель-

⁷⁵ Впрочем, род правильно различался лишь в ед. ч., а во мн. употреблялась одна форма на *-е* (*-че*, *-ше*), по происхождению — муж. рода.

ным и в роде, и в числе: ев. 1354 г.: **Ись отшедши скры ся** 157 об., Лавр. летоп.: **забывъ молвахуть** (под 1177 г.) и др., ю.-р. грам. 1387 г.: **хто... слышитъ чтучи** и т. д. А это смешение указывает, что причастия в живом языке уже утратили или стали утрачивать, кроме форм косвенных падежей, утраченных раньше, также и формы рода и числа, т. е. таким образом превратились или были на пути к превращению в глагольные наречия уже в XIV в., как на севере, так и на юге Руси. Нынешние глагольные наречия, получившиеся из причастий, или так наз. деепричастия, как мы видим, восходят к старым формам им. пад., именно: а) в.-р. деепричастия на *-а*, *-въ*: *любя*, *неся*, *идя*, *сидя*, *лѣжа*, *зная*, *бегая*, *давая*, *уйдя*, *увидя*, *сплетя*, *став*, *сказав*, *узнав*, *написав*, *сходив*, *вернув*, *усидев*, *украва* и пр.—к старому им. ед. муж. р., б) в.-р., б.-р. и м.-р. деепричастия на *-чи* (*-учи*, *-ячи*), *-ши*, *-вши*: в.-р. *идучи*, *сидючи*, *знаючи*, *играючи*, *крадучись*, *написавши*, *узнавши*, *признавшись*, *проснувшись*, *лѣгши*, *принесши*, диалект. *пришоччи* и др., м.-р. *знаючи*, *мислячи*, *бравши* и пр.—к им. ед. ж. р. (на *-чи*, *-ши*) или к им. мн. муж. р. (на *-че*, *-ше*).

§ 384. Употребление формы род. пад. вместо вин. Об употреблении род. ед. вместо вин. ед. от имен одушевленных предметов, муж. р. и местоимений, когда они обозначают живые существа или относятся к именам, имеющим форму род. пад. в значении вин., см. выше § 360. В древнейших русских памятниках такое употребление встречается наряду со старым употреблением формы вин. пад., совпадающей с имен., причем в памятниках нецерковного письма уже в XII и XIII в. формы вин. = имен. от имен одушевленных предметов мужского рода в ед. ч. очень редки; так, в Смол. грам. 1229 г. только: **за лихих мужъ**; в остальных многочисленных случаях форма вин. ед. совпадает с род.: **своего лучьшего попа**, **умьна мужа**, **иметь татя**, **его** и пр. В других грамотах и особенно в Р. Пр. 1282 г. вин. ед. = имен. чаще: **убьють и**, **за борань** 619, **за холопъ** 626 об., **порежетъ конь** 625, **перейметъ чюжь холопъ** 626 об. и др., но в общем немногочисленны. В некоторых выражениях эти формы попадают и в грамотах XIV в.: **за одинъ** Дух. Симеона Гордого и Димитрия Донского и др., а в летописях по спискам XIV и XV в. они нередки, например, в Лавр. летописи даже в части после 1110 г.: **посла Володимеръ сынъ свой Романа...**, **сынъ свой другый Андрѣя** (под 1119 г.) и т. п., хотя формы вин.-род. чаще.

В о.-р. эпоху формы род. мн. стали также употребляться в значении вин. мн. от всех названий лиц, а диалектически, быть может, и от названий вообще живых существ, без различия рода. Правда, в памятниках до XV в. такое употребление очень редко и притом, кроме единичного: **мьтати жеребѣи кого напърьдѣ вѣсти... аже будутъ людие изь ыное земль тѣхъ послѣ вѣсти** в Смол. грам. 1229 г., все остальные примеры, известные мне, только в в.-р. памятниках: **а холопы и должники и поручники... тѣхъ выдаваю** Новг. грам. 1294—1301 г., **отпусти ихъ прочь** Новг. грам. 1304 и 1305—1308 г. и др.; **созва бояръ и кыянь** Лавр. летоп. под 1097 г. и т. п. Но с XV в. такое употребление становится обычным, хотя продолжают сохраняться и старые формы вин. мн., встречающиеся в памятниках нецерковного письма еще в XVI и даже XVII в. Теперь как в в.-р., так и в б.-р. и м.-р. вин. мн. от названий лиц почти всегда = род. мн., за исключением немногих архаичных случаев употребления старой формы вин. мн. = имен. мн. (такие случаи в м.-р. и б.-р. чаще, чем в в.-р.). Форма же вин. мн. от названий живых существ не лиц (т. е. от названий животных) = форме род. мн. только в в.-р. и некоторых восточнорусских м.-р. говорах, ср. в.-р.: *он купил лошадей, коров, погнал быков, зарежь петухов* и пр., м.-р. *купив коні, корови, погнав воли*, б.-р. *гани валы, падой каровы* и т. д. От местоимений и прилагательных форма род. пад. получила значение вин., если они относятся к словам, имеющим подобную же форму, точнее, — к существительным, обозначающим одушевленные предметы муж. р. в ед. ч.: *старого старика, верного слугу* и пр., и одушевленные предметы или только людей во множ. ч., независимо от их рода в ед. ч.: *старых стариков, серых волков, бурых медведей, бодливых коров, сильных лошадей, верных слуг, домашних животных* и пр.

Старые формы им.-в. ед. муж. и ср. р. местоимения *-иь, -је* были русским языком утрачены, причем форма вин. ед. была заменена во всем русском яз. формой род. ед. *-jego* независимо от того, обозначался ли этим местоимением одушевленный предмет или нет. Ср. в. Смол. грам. 1230 г.: **понесеть его** (= товар) **домовъ**, ев. 1357 г. **господь его** (= жребя) **требуеть** 88, Чуд. Н. Завет 1383 г. **вы отрываете его** (= слово) 68 и др.

Таким же образом старые формы вин. мн. всех родов того же местоимения были заменены в русском яз. формой род. мн. *-жихъ*.

Форма вин. ед. ж. р. того же местоимения *ју* тоже стала заменяться во всем русском яз. формой род. ед.; ср. в нынешних русских языках

вин. ед. в.-р. *ев* или *еѣ*, б.-р. *яѣ*, м.-р. *їѣ*, *еї*, *неї* (*ї* из *ѣ*), хотя диалектически сохраняется и старое *ю* в некоторых с.-в.-р. говорах и в м.-р. В памятниках *ев* в значении вин. ед. засвидетельствована, кажется, только с XIV в.: **бивъ ея** Сборн. XIV в. Рум. М., № 1548 г. 80; **вы выкупите ее** Дв. грам. XV в., № 7; **что ѣе пашут** Моск. грам., собр. Беляева, № 16; **пошлетъ ее** Вил. список, Литовск. летоп.; **ее малюють** Позн. зап.-р. сборн. XV в. и др.

§ 385. Совпадение форм им. и вин. мн. В о.-сл. эти формы различались только в муж. р., причем форма вин. мн. имен и местоимений муж. р. совпадала с формой им.-вин. мн. ж. р. В русском яз., по аналогии со словами ж. р., форма вин. мн. имен и местоимений муж. р. стала употребляться в значении им. мн. и мало-помалу почти вытеснила старые формы им. мн. В памятниках случаи употребления вин. мн. вместо им. мн. встречаются уже в XI в.: **старьци людьскыи** Арх. ев. 98 об., но до XIII в. такие случаи очень редки; с XIII в. они чаще, первое время преимущественно в с.-р. памятниках: Ростовское ж. Нифонта 1219 г.: **неислѣдованыя неизмѣрныя чины раставлени быша** 113; 1-я Новг. летоп.: **вѣрхы огорѣша и притворы** (под 1217 г.), **ядяху люди сосновую кору** 81 б и др., Новг. грам. 1270 г.: **приехаша послы**, Лавр. лет.: **а сторожѣ изымани, безбожныѣ же сынове измаилови**, и др. На то же употребление, вероятно, указывают и такие написания, как вин. мн. **идѣмъ въ ближняя вѣси и гради** в Милят. ев. 1215 г.; можно думать, что это — искусственно образованные формы вследствие неумения отличить вин. мн. от им. В нынешних русских языках окончания им. или им.-вин. мн. обычно восходят к о.-сл. окончаниям вин. мн.: в.-р.: *сады, морозы, тарики, пороги, грехи* (*ки, ги, хи* из *кы, гы, хы* фонетически), *гвозди, голуби, пути, люди, бедные* (*ые* из *ѣѣ*), *все* (*е* из *ѣ*) и т. д.; м.-р. *козаки, кожухи* (не *-ци, -си!*), *коні, горобці, всі* (*ї* из *ѣ*) и т. д., б.-р. *гарады, дамы, жанце, касце, людзи* и пр. М.-р. им.-вин. мн. *коти, ліси, городи* и пр. тоже восходят к старым вин. мн., как это видно из карпатских говоров, где *ы* и *и* старые не совпали: *коты, лісы, городы*.

Впрочем, в некоторых случаях старые формы им. мн. продолжали сохраняться и уцелели до сих пор. Таковы во всех русских языках им. мн. на *-ане*: в.-р. *горожане, крестьяне*, м.-р. *міщане* и пр., диалектически в в.-р. и здесь являются формы на *-ы*: *хресьяны, поезжаны* и пр. Кроме того, к старым формам им. мн. в в.-р. восходят им. мн. от некоторых имен лиц на *-е*: *бояре, баре* (диалектич. *бояря, баря*, где *я* фонетически

из *е*), также, быть может, *зятья, сыновья, кумовья*, с.-в.-р. былинные *татаровя, улановя*, им. мн. на *-и*: *черти, соседи, бубни, хрести* (в картах), им. мн. местоимений *они, одни, мои, твои, свои* и т. п. (при диалектич. *оны, мов* и пр.) и, наконец, некоторые предикативные формы мн. ч. прилагательных: *сыти, ради*, диалект. *пьяни, голодни, богати* и пр.; сюда же относятся и формы мн. ч. прош. вр.: *были, ходили, читали, вели, пекли, несли, шли* и пр. Что касается им. мн. *кони, ножи, лучи, цафи* и т. п., то здесь могла быть аналогия со стороны таких им. множ., как *гуси, гости, звери, огни, мыши, пути* (по происхождению вин. мн.) и пр. В м.-р. к старым формам им. мн. восходят, кроме имен на *-ане*, также, быть может, такие слова, как *люде*, и диалектич. формы на *-ове*, если они не заимствованы с польского или словацкого: *сусїдове, skleпарьове* и др.

§ 386. Судьба форм склонения имен на *-ъ* с род. ед. на *-у*. Начало взаимного влияния склонений имен на *-ъ* с род. ед. на *-а* и на *-у* относится еще к о.-сл. эпохе. В русском яз. последнее, как особая категория, совсем утрачено, но некоторые окончания этого склонения распространились на имена, принадлежавшие раньше к другому склонению: а) окончание род. ед. *-у*, б) окончание местн. ед. *-у* и в) окончание род. мн. *-ов*. Первое из этих окончаний получили имена собирательные и вещественные, преимущественно в значении так наз. род. разделительного, а частью и другие имена, не обозначающие одушевленных предметов (например, названия места и отвлеченных понятий). Примеры такого употребления в памятниках — XI—XIV в., ср. **от льноу** Изб. 1073 г., **от бою** ж. Феодосия Печ. XII в. 47 об., **въску** Смол. грам. 1229 г., **отъ лну** Новг. грам. 1265 г., **солоду**⁷⁶, **гороху** Р. Пр. 1282 г., **пльку** Лавр. летоп. и др. В нынешнем в.-р.: *народу, нашего полку прибыло, блюдо киселю, товару, хмелю, ячменю, льду, лну, сахару, с ветру, с возу, с краю* и пр.; б.-р. *кисялю, пяску, торгу* и пр.; м.-р. *роду, піску, бобу, фокку, розуму, чаю, звичаю* и др.

Местн. ед. на *-у* распространился, главным образом, на имена неодушевленных предметов с односложной (преимущественно непроизводной) основой с ударением в остальных косвенных падежах на основе, а также на имена с основой на заднеязычные согласные; впрочем, с

⁷⁶ Впрочем, в род. ед. *солоду*, вероятно, окончание *-у* старое, т. е. это слово принадлежало в о.-сл. к тому же склонению, как *сынъ, медъ* и др. (см. §§ 364—358), ср. лит. *saldus* «сладкий».

течением времени, в разных русских языках и наречиях условия, при которых является местный ед. на -у, несколько изменились. Примеры из памятников XIII в.: **въ миру** грам. 1229 г. (старая основа на -у⁷⁷), **на Торожку** Новг. грам. 1265 г., **въ гною** Парим. 1271 г., **на търгу** Р. Пр. 1282 г., **на снѣгу** Пандекты 1296 г. и др. В нынешнем литературном в.-р. яз. местный ед. на -у, обязательно с ударением на окончании, образуется только от односложных слов, не сложных с приставкой, являющихся в косвенных падежах также односложными или имеющих в остальных косвенных падежах ударение на основе, исключительно с предлогами *в* и *на*, только в чисто местном (не переносном) или временном значении: *во лбу, во рту, на льду, во рту, в роду, на миру, в дому, на возу, в году, на краю, в раю, в хмелю* и пр., а также от некоторых двусложных слов, имеющих в основе сочетания *оло, оро, ере* с ударением в остальных падежах на 1-м слоге: *на холоду, в пологу, в коробу, на вороту, на берегу, в терему*; также: *в полку, на коню*. В ю.-в.-р. нередко местн. на -у образуется от имен с основой на -к, причем ударение в этом падеже может оставаться на основе: *на чердаку, на большаку, на рынку, на девшинику, в садочку* и пр.; такого рода формы проникают и в литературный язык: *на бережку* Тург. и др. Примеры из б.-р. и м.-р. языков: б.-р. *на коню, на Дунаю, на конику, у чорным шоуку* (первое у неслоговое), *у Луцку* и др.; м.-р. *в снѣгу, в саду, на краю, в куреню, чаю, у садочку, в барвіночку, на хлопчику* и др.

Формы род. мн. на -ов от имен муж. р. получили преобладание перед формами на -ѡ, -ѡ и почти вытеснили эти последние. В памятниках церковного письма, например, в житии Феодосия Печ. и Сказании о Борисе и Глебе по спискам XII в.⁷⁷ формы на -овѡ еще редки: ж. Феодосия: **грѣховѡ** 29 об., 67, **пѣлковѡ** 38, **бѣсовѡ** 38, **от монастыревѡ** 32 и некот. др. при более частых формах на -ѡ, -ѡ. Старые формы чаще, чем формы на -овѡ, -евѡ, и в Лавр. летоп. (из форм на -овѡ отметим между прочим: **городовѡ, днейѡ, сторожовѡ** под 1096 г.), значительная часть которой восходит к оригиналам XII и XIII вв. Но в памятниках делового письма с XIII в. формы на -овѡ преобладают: Смол. грам. около 1230 г. **розбойниковѡ** bis, но: **своихѡ немѣчь**; Риж. грам. около 1300 г.:

⁷⁷ Формы на -овѡ, -евѡ в древнейших списках евангелий, как **грѣховѡ, врачейѡ** в Остром. и Арх. ев., могли перейти из ст.-сл. оригиналов, ср. те же формы в Зогр., Мар., Супр. и др.

ратмановъ, дѣдовъ, прадѣдовъ, отчовъ; Р. Пр.: **хлѣбовъ, оубороковъ, послуховъ** и др., но также: **локоть, колико будетъ возъ украдено**. В новгор. грамотах XIII и XIV вв. старая форма род. мн. только **дѣдъ** грам. 1265 г. и др., но **повозовъ** грам. 1265 г., **закладниковъ** грам. 1265 г. и др., а также: **кущевъ** грам. 1265 г. и др., **новгородцевъ** грам. 1265 г. и др., **закладневъ** грам. 1305 г. и др., рядом с **купьць** гр. 1305 г. и др. Ср. в нынешних в.-р. *лесов, городов, купцов, краёв, обычаев* и др., диалект. *рублёв, ножов, товарищев, приятелев* и пр., м.-р. украинск. *козаків, батьків, городів, хлопців, країв, дурнів, князів, сторожів* и др.

Старые формы род. мн. без окончания, восходящие к о.-р. формам на -ѣ, -ѣ, сохранились теперь повсюду лишь от имен с основой на -ан, -ар, имеющих в ед. ч. суффикс -ин: в.-р. *мещан, горожан, бояр, татар* и пр., м.-р. *міщан, варошан* и т. п.; кроме того, в м.-р. сохранились такие формы от некоторых имен при числительных: *п'ять (шість, сім* и пр.) *раз, рік* (лет), *віз, чобіт, чоловік, ворог* и пр.; то же в б.-р.; в в.-р. следы такого употребления в сочетаниях *пять (шесть, семь* и пр., *много, сколько) раз, человек, аршин*, но род. мн. *глаз, волос, сапог, чулок, солдат* употребляются и без числительных; ср. также диалектич. *без зуб, без рог*.

Формы дат. ед. на -ови в о.-р. также распространились на основы, принадлежавшие раньше к другим склонениям, причем основы на мягкие получили окончание -еви. Судя по тому, что в с.-р. памятниках XII—XIV вв. формы на -ови, -еви встречаются только от имен лиц, а в ю.-р., где они вообще чаще, преимущественно от имен лиц и одушевленных предметов, можно думать, что первоначально окончание -ови, -еви распространилось только на имена лиц или одушевленных предметов. Примеры в памятниках—с XII в.: Мстисл. грам. 1130 г.: **георгиеви**; Смол. грам. 1240 г.: **мастерови**; Новг. грам. 1265 г.: **Иванкови**; Смол. грам. 1284 г.: **гостеви** и др. (другие примеры см. в § 394).

Позднее формы на -ови, -еви в в.-р. были утрачены (см. § 394). О судьбе их в б.-р. и м.-р. см. ниже, § 420.

О судьбе остальных характерных форм склонения имен на -ѣ с род. ед. на -у, а именно: зв. на -у, им. мн. на -ове, тв. мн. на -ѣми, м. мн. на -ѣхъ, см. ниже.

§ 387. Судьба форм склонения имен на -ѣ с род. ед. на -и. Имена муж. р. этого склонения в ед. ч. стали склоняться по образцу имен муж. р. с род. ед. на -а: **татя** Смол. грам. 1229 и Р. Пр. 1282 г., **гостю** Смол. грам. около 1240 г. и Новг. грам. 1266 г., **гостеви**

Смол. грам. 1284 г. и т. д. Но в то же время и старые формы род.-дат.-местн. на *-и* от некоторых из этих имен продолжали употребляться довольно долго: дат. **гости** Новг. грам. 1317, 1325 и 1371 г., род. **тести**, дат. **тъсти** Лавр. летоп. под 1159 и 1207 г. и Ипат. летоп., род. и дат. ед. **зяти** Кормч. 1282 г., Новг. летоп., Ипат. летоп. и др.; в единичных случаях такие формы уцелели и до сих пор, именно, в в.-р. литературном *путь* — *пути* и пр., диалект. закарпатском *огни*.

Во мн. ч. это склонение меньше подверглось влиянию других склонений. О появлении в дат., твор. и местн. мн. окончаний *-амь*, *-ами*, *-ахъ* см. ниже § 390. Наоборот, окончания множ. ч. этого склонения частью распространились на имена муж. р., принадлежавшие первоначально другим склонениям. Так как это распространение в в.-р., б.-р. и м.-р. происходило не одинаково и не одновременно, то рассматривается вместе с другими явлениями, происходившими в отдельной жизни в.-р., б.-р. и м.-р. языков.

§ 388. Судьба форм склонения имен с род. ед. на *-е* (о.-и.-е. основы на согласные и на *-у* долгое). Как мы видели (§ 361), эти имена уже в о.-сл. образовывали или могли образовывать большую часть падежных форм так же, как и имена с им. ед. на *-ь* и род.-дат.-местн. ед. на *-и*. Этим сходством еще в о.-сл. было вызвано и дальнейшее сближение этих склонений. Так, в им. ед. имена муж. и ж. р., оканчивавшиеся первоначально на *-ы*, по-видимому, еще в о.-сл. могли получать окончание *-ь*, присоединявшееся к основе косвенных падежей: *камень*, *свекръвь* рядом с *камы*, *свекры*; в им. мн. имен муж. р. окончание *-е* засвидетельствовано для эпохи распада о.-сл. яз. только у существительного *дьне* (им. мн. от *дънь*) и имен с суффиксами *-тел-*, *-ар-*, *-ън-* (*-ан-*), а остальные уже в о.-сл. получили в этой форме окончание *-ийе*: *каменьийе* и др.; по-видимому, уже в о.-сл. могло быть и *дънийе*. В род. ед. в русских памятниках довольно долго сохраняется окончание *-е*: Лавр. летоп.: **дне**, **имене**, **матере**, **церкве**, **крове**; Ипат.: **корене**, **дне**, **матере**, **крове** и др., 1 Новг. летоп.: **дне**, **племене**, **матере**; Рижская грам. около 1300 г., гал. грам. 1389 г., грам. 1590 г. **дне**, Новгород. вкладная 1399 г.: **матере** и др. Может быть, к старым формам на *-е* восходят и нынешние формы род. ед. на *-е* в карпатских м.-р. говорах: *камене*, *корене*, *дѣтате*, *любве*. Окончание *-е*, по-видимому, могло проникать и в склонение имен на *-ь* со старым род. ед. на *-и*, ср. в списках Д и Е Смол. грам. 1229 г. **пуге**, **тате**, в Ипат. летоп. **зятѣ**; впро-

чем, подобные формы в памятниках редки. В то же время окончание род.-местн. ед. *-e* в русском яз. уже в древнейших памятниках может заменяться окончанием *-и*, которое впоследствии у имен ж. и ср. р. вытеснило почти всюду старое окончание *-e*: Арх. ев.: **въ камени** 12 об., **от крѣви** 117 об., **капля крѣви** 95 об. и др., **три десяти** 89 об., ж. Феодосия Печ. XII в.: **дни** (род. и местн.), Типогр. ев. № 6: род. **ремени** и пр.

Рядом с формами на *-e* и *-и* имена муж. р. стали образовывать также формы ед. ч. по образцу имен на *-ь* с род. ед. на *-а*. Старых примеров таких образований из памятников не могу привести; на то, что это явление общерусское, могли бы указывать в.-р. род. ед. *дня, камня, ремня, корня*, дат. *дню, камню, ремню, корню* и пр., б.-р. род. ед. *дня, камня*, м.-р. *дня, камня, ремня, корня*, дат. *днєвї*.

В род.-местн. дв. ч. уже в древнейших памятниках встречается форма **днью** (Арх. ев. 92, ж. Феодосия XII в.), но мы не имеем данных для того, чтобы решить, была ли такая форма в русском яз. или перенесена в эти памятники из ст.-сл.

О судьбе форм мн. ч. этого склонения см. §§ 401, 402.

Имена ср. р. с им. ед. на *-o* и с основой остальных падежей на *-ес* еще в о.-сл. могли склоняться по образцу имен ср. р. на *-o* с род. ед. на *-а*, образуя все падежи от основы им. ед., где конечное *-o* стало, таким образом, окончанием: *тѣла, тѣлу* и пр. В русском яз. еще в доисторическую эпоху формы от основ на *-ес* были вовсе утрачены. На это может указывать то обстоятельство, что в грамотах эти формы не употребляются, а в церковных памятниках, не смешивающих *ѣ* и *e*, при правильном правописании *тѣла, тѣлоу* и т. п., в формах *тѣлесе, тѣлеси* и пр. нередко пишется *e* вместо *ѣ*, как и в других старославянских словах, не существовавших в русском яз. Можно заметить, что в русском яз. не сохранилось не только падежных форм от основ на *-ес*, но и других образований с этими основами: *деревянный, деревяжка, словно, словница, словечко, тельный, чудной, чудак, чудиться* и др.; прилаг. *древесный, небесный, словесный, чудесный* — заимствования из церк.-слав. яз., а *чудесить* — новообразование от церк.-слав. мн. *чудеса*. Единственное существительное, у которого сохранилась о.-сл. основа на *-ес*, вследствие исконного употребления этого существительного преимущественно во множ. числе, — *колесо*, восходящее к о.-сл. им. ед. *коло*, род. ед. *колеса* и пр., тоже стало склоняться по образцу имен ср. р. на *-o* с род. ед. на *-а*,

но с сохранением основы на *-ес* во всех падежах. В др.-р. яз. было и *коло*, р. ед. *кола*, д. ед. *колу* и т. д., сохранившееся в таком виде в б.-р. и м.-р. В образованиях от этой основы в нынешнем русском яз. является и *колес-* и *кол-*: *колёсный*, *околесица*, *коляска* (из *колеска?*), но *окольный*, *околица*, *оловорот*, *кольцо* и пр.

§ 389. Влияние твердых основ на мягкие. К общерусским явлениям этой категории относится, может быть, замена окончания *-и* в местн. ед. имен муж. и ср. р. с им. ед. на *-ь*, *-е* и род. на *-а* окончанием *-ѣ*. Эта замена засвидетельствована с.-р. памятниками с XI в., впрочем, в единичных примерах: Миняя 1095 г.: **въ чловѣчѣ образѣ** 81 (описка?); более решительные указания на такую замену содержат памятники XIII в., например, Новг. Кормч. 1282 г.: **въ Ярославѣ** 575 и др. Ср. в нынешнем в.-р. *на конѣ*, *о царѣ*, *на ножѣ*, *о воробѣ* и т. п., м.-р. *ковалі*, *дурні*, *князі*, *сонці* и т. п. Впрочем, старые формы местн. на *-и* не были вытеснены формами на *-ѣ*: они продолжают писаться и в памятниках нецерковного письма, а в некоторых русских наречиях до сих пор употребляются предпочтительно перед формами на *-ѣ*, как, например, в б.-р. (см. ниже) и, частью, в м.-р., особенно, в зап.-м.-р. говорах. Конечное *-и* в с.-в.-р. говорах Архангельской губ. может тоже восходить к о.-р. *-и*, хотя может объясняться и фонетически из *ѣ*.

Остальные случаи влияния твердых основ на мягкие не общерусские.

§ 390. Распространение форм на *-ама*, *-амъ*, *-ами*, *-ахъ*. Имена существительные муж. и ср. р., не принадлежащие к склонению имен с род. ед. на *-и*, по аналогии с именами ж. р. на *-а* стали образовывать дат.-твор. двойств. и дат., твор. и местн. мн. с окончаниями *-ама*, *-амъ*, *-ами*, *-ахъ*. Впервые такие формы проникают в письменность довольно поздно — в с.-р. памятниках — во 2-й половине XIII в.: Парим. 1271 г.: **египтянамъ**, **безакониямъ**, **съ клобуками**, **матигорьцамъ** — запись; Ряз. Кормч. 1284 г.: **къ латинамъ**; в новгор. грамотах такие формы только с XIV в. (**по постояниямъ** 1305, **боярамъ**, **купцамъ** 1371, **дворянамъ** 1371 и др.); в двинских грам. XV в.: **селама**, **хмелниками**, **ловицахъ**; Лавр. летоп.: **лицах**. В зап.-русских и ю.-русских памятниках только с XV в. Старые формы продолжали употребляться рядом с новыми довольно долго, по крайней мере, на письме, ср. в.-р. Домострой по Конш. списку XVI—XVII в.: **по краемъ** и **по**

швомъ и по рукавомъ 50, съ яички 69 об., з блинцы и з грибы и съ рыжики 73 об., в заимехъ и в долгѣхъ 43, в сундукѣхъ 53, на возѣхъ 68 об., в пирозехъ 74 и др.; Уложение 1649 г.: помѣщикомъ, селомъ, приставы, въ мѣстѣхъ, въ городѣхъ, въ полкѣхъ и мн. др.; ю.-русское ев. Тяпинского XVI в.: ученикомъ, часомъ, ворота, в писмехъ, въ городехъ и др. В б.-р. и м.-р. говорах до сих пор рядом с формами дат. мн. на *-ам*, местн. на *-ах* употребляются и формы дат. на *-ом* (б.-р. *-ом*, украинск. *-ім*, с.-м.-р. и карп. *-ум*) и, реже, формы местн. на *-ѣх* (б.-р. *-ех*, м.-р. *-іх*) и *-ох* (из о.-р. *-ѣхъ?*), но окончания *-ам*, *-ами*, *-ах* и в м.-р. и в б.-р. теперь более обычны. Формы с теми же окончаниями от имен на *-ѣ* с род. ед. на *-и* (*звездам*, *гостям*, *косям*, *лошадям* и пр.), по-видимому, явились позднее и не являются общерусскими.

3. Великорусские изменения форм склонения

§ 391. Утрата звательной формы. Старые, перешедшие из о.-сл. звательные формы сохранились в м.-р. и б.-р. (с известными изменениями) и по большей части утрачены в в.-р. В грамотах, летописях и т. п. памятниках они встречаются до XVII в., но лишь в стереотипных формулах, в силу литературной традиции: *господине*, *княже*, *сыне*; в Лавр. летоп. рядом со старыми зват. формами встречаем: *дружина*, *Ольга*, *господа*. В нынешнем литературном яз. употребляются некоторые зват. формы, заимствованные из церк.-слав. яз., но в народном яз. они обыкновенно не сознаются как особая зват. форма. Впрочем, в в.-р. говорах встречаются и настоящие остатки старой зват. формы; это — с.-в.-р. *батюшко*, *Иванушко*, при имен. *батюшка* и пр.; в былине: *ой же ты ратаю-ратаюшко*, где *ратаю* — архаизм поэтической речи; ю.-в.-р. ряз.: *мамо*, *сястро*, *Ванько* и пр.

§ 392. Новые звательные формы. Во многих в.-р. говорах возникли новые зват. формы от имен на *-а*, восходящие к формам имен. ед. с утратою падежного окончания: *Маи*, *Вань*, *тятъ*, *дедуи*, *матуи* и пр. Некоторые же имена, употребляющиеся особенно часто как обращение, подверглись в этом употреблении еще большим сокращениям, например, в диалектич.: *ма*, *дя*, *боле* (= мать, дядя, болезный или болезная) и т. п.

§ 393. Формы на *-ѣ*, *-ѣ*, *-ѣ*. О.-сл. формы местн. ед. имен муж. и ср. р. и дат.-местн. ед. ж. р. на *-ѣ*, *-ѣ*, *-ѣ* и местн. мн. имен

муж. р. на *-зѣхъ*, *-цѣхъ*, *-сѣхъ* от имен с основами на задненебные (*з*, *к*, *х*) в в.-р. нефонетически были заменены формами на *-зѣ*, *-кѣ*, *-хѣ* и *-зѣхъ*, *-кѣхъ*, *-хѣхъ* по аналогии с другими формами тех же имен. Древнейший пример такой замены уже в с.-р. Минее 1095 г.: **Дѣмькѣ** (запись), но еще в новгор. грамотах XIII—XIV в. подобные формы редки⁷⁸: **дѣлгѣи** грам. 1305—1308 и 1371 г., **городкѣ** грам. 1314 г. и рядом: **волоцѣ** во многих грам., **волзѣ** грам. 1372 и 1373 г., **городцѣ** грам. 1317 г. В с.-р. грамотах XV в. формы на *-зѣ*, *-кѣ*, *-хѣ* уже преобладают, а двинские грам. XIV—XV в. знают только эти формы. Местн. на *-зѣх* встречается еще в Домострое: **въ пирозехъ**, при более частых формах на *-зѣх*, *-кѣх* (примеры см. выше, § 390); вероятно, это чисто книжная форма, каких в Домострое немало. В нынешнем в.-р. формы со свистящими неизвестны⁷⁹.

§ 394. Дат. ед. на *-ови*. Эта форма теперь в в.-р. утрачена, но еще в XIV в. в новгородском и полоцком говорах употреблялись формы с дат. ед. на *-ови*, *-еви* от имен лиц: полоцкая грам. около 1331 г.: **купцѣви**, **вѣсцѣви** (весовщику); Новг. летоп. **Драгуилови**, **Михалеви**, **отцеви** и др.

§ 395. Взаимное влияние склонений имен с основой на твердые и мягкие согласные. В в.-р. имена на *-а* с основой на мягкую подвергались влиянию имен с основой на твердую согласную; таким образом явились окончания дат.-местн. ед. *-ѣ* вместо *-и*, тв. ед. *-ою* вместо *-ею*: д. *землѣ*, *душѣ*, тв. *землѣю*, *душю*. Тем же влиянием основ на твердые объясняется и окончание *-и* в род. ед. и им.-вин. мн. вместо старого *-ѣ*, так как и в других случаях звуку *ы* после твердых согласных соответствует после мягких звук *и*: им.-в. мн. *земли*, *души*. С другой стороны, в в.-р. получили большое распространение и формы род. ед. на *-ѣ*, как от основ на мягкие, так и от основ на твер-

⁷⁸ Раньше, и притом даже в ю.-р. памятниках, появляются формы на *-скѣ*: Изб. 1073 г.: **золобѣ** **женьскѣ**, **въ чловѣчскѣи доуши**; Слова Григория Богосл. XI в. **воскѣ**, Типогр. Устав XI—XII в., № 142 **глюбинѣ** ... **морьскѣи** 40 и пр. Но формы на *-цѣ*, *-ствѣ* продолжают употребляться в памятниках так же долго, как и формы на *-цѣ* не после *с*. Ср. между прочим окончание *-це* из *-цѣ* в Рижской грам. 1300 г.: **Витебьце**, **Смоленьце** и в Псковском Прологе 1383 г.: **дѣще** (= *доске*) 49.

⁷⁹ Если не считать песенного (не разговорного) *во лужях* «в лугах», если это — из *въ лужѣхъ*. Говоры Курской губ. с произношением свистящих *вм. з, к* перед старым *ѣ*, *м. б.*, по происхождению не ю.-в.-р.

дые: *из землѣ, у сестрѣ, женѣ* и пр. Указанные изменения в формах род. и дат.-местн. ед. засвидетельствованы примерами из с.-р. памятников начиная с XI в.: Миняя 1095 г.: **из отроковичи 45, въ ветьсѣ одежи 93, стѣи гжѣ бцѣ** — запись; им.-в. мн. на *-и* в памятниках — с XIII в.: Милят. ев. 1215 г. **рабыни 103** и т. д. Примеры на *-юю* вместо *-ею* — только с XIV в.: **одежою** Моск. ев. 1393 г., **душою** Ипат. летоп., **землою** двинск. грам. XV в. Вероятно, позднее указанных изменений в с.-в.-р. появились также формы дат.-местн. ед. на *-ы* от твердых основ в соответствии с формами на *-и* от мягких: *к горы, на воды, на земли*; таким образом, формы род. и дат.-местн. ед. ж. р. в части с.-в.-р. говоров совпали. Древнейшие примеры дат.-местн. на *-ы* известны мне из двинских грамот XV в.: **в татбы № 85, по Лавкоты реки № 111, в тои малои Юры рѣкы № 33**. В именах муж. и ср. р. с основой на мягкую влияние имен с основой на твердую согласную выразилось в образовании местн. ед. на *-ѣ*: *на конѣ, царѣ, ружьѣ, копѣ* и пр. (явление общерусское? см. выше § 389) и местн. множ. на *-ѣхъ*; ср. в Лавр. летоп.: **кривичѣхъ** (под 859 г.), **конѣхъ** (под 945 г.), **сторожѣхъ** (под 968 г.) и др. Позднее формы местн. мн. на *-ѣх* и *-их* были утрачены во всем в.-р., а формы местн. на *-ѣ* почти вытеснили старые формы на *-и*, сохраняющиеся лишь в единичных случаях, например, в литерат. *в забытѣ*⁸⁰.

В говорах Архангельской и части Олонецкой губ. окончание *-и* является вместо всякого конечного *-ѣ*: *на кони, на земли, на столи, в руки, вощи* и пр., что может объясняться или фонетически, или влиянием мягких основ на твердые.

У имен прилагательных окончания *-ей* (как из старого *-ей*, так и из *-ий*), *-ею* заменились окончаниями *-ой*, *-ою* во всем в.-р.: *большой, чужой*, диалектич. с.-в.-р. без ударения на окончании: *прежней* и т. п.; но сохранилось *е* в *сам-третьей*, вероятно, потому, что окончание *-ей* в этом слове не могло ассоциироваться с окончанием *-ой* у других прилагательных, ср. *сам-друг, сам-пят, сам-шост*⁸¹.

§ 396. Местн. ед. на *-ѣ* от имен ж. р. на *-ѣ*. Эта форма, возникшая по аналогии с дат.-местн. ед. имен на *-а*, распространена во

⁸⁰ Орфографическое правило о правописании «и» после «и» (*знании, терпении*) никакой поддержки в языке для себя не находит; *и* в выражении «в житии» книжное.

⁸¹ И по происхождению *третьей* — бесчленная форма, так как здесь старая основа *третий*.

многих как северных, так и южных в.-р. говорах: *в грязѣ, на печѣ, в тѣнѣ* и т. п. Достоверные примеры на такие формы в письменных памятниках встречаются с XVI в.: Домострой Общ. Ист. и Др. Росс. **въ грязѣ** 130 и др. Окончание *-ѣ* от имен ж. р. на *-ѣ* могло явиться только в том случае, если ударение падает на окончание, а потому в дат. ед. таких имен, где ударение всегда на основе, сохраняется окончание *-и*.

§ 397. Имен.-вин. множ. на *-и*. Вследствие общерусского совпадения им. и вин. мн. имен муж. р. в одной форме, являющейся по происхождению формой вин. мн., им.-вин. мн. на *-и* в в.-р. должен был получиться лишь у имен муж. и ж. р. на *-ѣ* с род. ед. на *-и*: *гости, голуби, звери, люди, кости, речи* и пр. Но по аналогии с этими именами окончание *-и* в им.-вин. мн. распространилось и на другие имена с основами на мягкие неслоговые звуки, совершенно вытеснив о.-р. *-ѣ* (из о.-сл. *ѣ* носового): *кони, цари, рубли, кули, концы, лучи, земли, души, кожи, тучи, зори, бури* и пр. На распространение этой формы могли влиять: 1) сохранявшиеся еще, быть может, старые формы именит. мн. на *-и* от имен муж. р. *кони, цари* и пр., 2) аналогия со стороны им.-в. мн. на *-ы* от имен с основой на твердую согласную. В памятниках вин. мн. на *-и* вместо *-ѣ* — с XIII в.: Милят. ев. 1215 г.: **князи** 144 об., Рост. ж. Нифонта 1219 г.: **князи**; Пролог 1262 г.: **держате ножи и меци** 35 об. и т. д.

§ 398. Имен. множ. на *-а* от имен несреднего рода. В нынешнем в.-р. от многих имен муж. р., имеющих в формах ед. ч. ударение на основе, повсеместно употребляется им. мн. на *-а* с ударением на окончании, причем в остальных падежах мн. ч. ударение в таком случае тоже падает на окончание. Примеры: *берега, бока, глаза, жернова, повода, рога, рукава, бега, воза, века, года, дома, луга, снега, волоса, вороха, голоса, города, холода, тефема, вечера, мастера, номера, ордена, паруса, ястреба, колокола, окорока, профессора, повара, поезда, пояса, края, векселья, писаря, тополя, служителя, учителя* и др. Состав слов с им. мн. на ударяемое *-а* колеблется: одни и те же существительные в разных говорах, а иногда в одном и том же говоре могут иметь в им. мн. и окончание *-а* с ударением на нем, и окончание *-ы* или *-и* с ударением по большей части на основе, но иногда и на окончании⁸²: *волосы* и *волоса*, *годы* и *года*, *луги* (в песнях) и *луга*, *образы* и *образа* (с разным значением),

⁸² Черным напечатаны ударяемые гласные.

офицеры и *офицера*, *промыслы* и *промысла*, *снеги* (в песнях) и *снега*, *счёты* и *счета* (с разным значением), *хлебы* и *хлеба* (с разным значением) и др., *верхи* и *верха*, *возы* и *воза*, *мехи* и *меха* (с разным значением), *переды* и *переда*, *цветы* и *цвета* (с разным значением) и пр. Можно заметить, что в нынешнем в.-р. имен. множ. на ударяемое *-а* может образовываться, главным образом, от следующих категорий имен: 1) от имен с односложной основой, не сложных с предлогами, имеющих ударение во всех падежах ед. ч. или во всех, кроме местного, на основе: *бега*, *воза*, *года*, *дома*, *хода* (и *ходы*) и пр., но: *входы*, *сходы*, *въезды*, *съезды* (ср. *поезда*) и пр.; 2) от имен с двусложной и трехсложной основой, не сложных с приставкой *вы*, имеющих ударение во всех или во всех, кроме местного, падежах ед. ч. не на последнем слоге основы: *волоса*, *города*, *терема*, *вечера*, *мастера*, *учителя*, *поезда* и пр., но: *выстрелы*, *выезды*, *выходы*, *морозы*, *суставы*, *кадеты*, *солдаты*, *олени*, *медведи*, *походы*, *актёры* и пр. Но некоторые имена, не удовлетворяющие изложенным правилам, однако, имеют им. мн. на ударяемое *-а*: *рукава*, *обшлага* (в ед. ч. ударение на окончании: им. ед. *рукав*, *обшлаг*, р. ед. *рукава*, *обшлага*), *офицера* (в ед. ч. ударение на последнем слоге основы), диалект. *куста*, *моста*, *бурава*, *маляра*, *хомута* (в литерат. и большей части в.-р. говоров в этих словах окончание *-ы* или *-и*); им. мн. *переда* при им. ед. *перёд* предполагает существование им. ед. *перед* с ударением на первом слоге; такое ударение сохранилось в литературном яз. в косвенных падежах единств. ч., а в говорах и в им. ед.

Диалектически в ю.-в.-р. и с.-в.-р. говорах встречается имен. мн. на ударяемое *-а* от имен ж. р. с имен. ед. на согласный звук: *пустоша*, *мелоча*, *податя*, *зеленя*, *лошадя*, *матеря* и т. п. и от имен на *-а*: *староста*; последняя форма проникла и в литературный язык.

Рассматриваемые формы возникли, по-видимому, довольно поздно. В памятниках древнейшие примеры — конца XV в. и позднее: зап.-р. летоп. Авраамки (списанная с с.-р. оригинала) 1495 г.: **города**; Домострой по списку Общ. Ист. и Др. Р. XVI в.: **тагана** 125 (но в Конш. **таганы** 71, **повары** 83 об., **потрохи** 74); Уложение 1649 г.: **тѣ лѣса**; Стоглав в Каз. изд.: **мѣсяца**; Поэт. пов. об Азовском сидении в списках конца XVII в.: **лѣса темныя** (Орлов 98). Можно заметить, что формы им. мн. на ударяемое *-а* до последнего времени обнаруживают тенденцию к распространению за счет им. мн. на *-ы*, *-и* и что в начале XIX в., как можно видеть из грамматик Востокова и Греча и из произведений

русских писателей, число имен, имевших им. мн. на ударяемое *-а*, было меньше, чем в нынешнем литературном языке; некоторые существительные, которые в начале XIX в. могли иметь обе формы им. мн.— и на *-а* и на *-ы* или *-и*, как *вечеры* и *вечера*, *домы* и *дома*, *краи* и *края*, *куполы* и *купола*, *парусы* и *паруса*, *учители* и *учителя* и др., теперь имеют только одну форму на *-а* (впрочем, *учители* употребляется изредка с особым оттенком значения). Форма им. мн. *староста* с ударением на окончании проникла в литературный язык совсем недавно и не получила еще всеобщего распространения.

Появление им. мн. на ударяемое *-а* вызвано разными причинами: 1) некоторые слова, означавшие парные предметы, сохранили в им.-в. множ. старую форму двойств.: *рукава*, *рога*, *бока*, *глаза*, *берега*, *жернова*, диалект. *вѣса*, *уса* (ср. *вуса* им. мн. в м.-р.); 2) та же форма им.-вин. дв. от имен, не обозначавших парных предметов, могла получить значение им. мн., вероятно, сперва только при числительных⁸³, а затем и не при числительных; 3) некоторые имена собирательные ж. р. в им. ед. могли получать значение мн. ч., а этому способствовало употребление их со сказуемым во мн. ч.: *сторожа*, *господа*, *братья*, *зятья*, *шурья*, диалект. *княжься*, *дружься* и др.⁸⁴; 4) такие формы, как *учителя*, *писаря*, *зятья* и,

⁸³ Конечно, только в том случае, если по самому своему значению эти имена могли стоять в дв. ч. и с числительными; поэтому имена муж. р. вещественные, собирательные и т. п., не употреблявшиеся в дв. ч. или с числительными, обыкновенно не образуют им. мн. на ударяемое *-а*: *дары*, *лады*, *меды*, *вады*, *пирьы*, *полы* и т. п.

⁸⁴ Ср. ст.-сл. *стража*; в русском им. мн. *сторожа* ударение перенесено (впрочем, ср. **стража**, **стражо** со знаком ударения над последней буквой в Чуд. Н. Зав. 1383 г.), ср. *сторожа* им. ед. ж. р. с ударением на 2-м слове с утратой собирательного значения; *господа* им. ед. ж. р., ср. в Р. Пр. 1282 г.: **от господы**, Новг. грам. 1270 г.: **на господу**, 1 Новг. летоп.: **господѣ своей**, Пск. Пролог 1383 г.: **господы своя** и др.; *братья*, ср. Поуч. Владим. Моном.: **отъ братья моя**, **чти ползая яко братью** и пр.; *княжься*: Лавр. летоп.: **от всякоя княжься**, Новг. летоп.: **позванъ Полотскою князью**; *зятья*: Дух. вел. кн. Ивана Иван.: **кого ми дасть Богъ зятью**; *шурья*: Ипат.: **у шурья своя**, двинск. грам.: **с шурією своею** грам. 1265 г.: **в шурѣ свое мѣсто** и т. д. Примеры употребления сказуемого и определения во мн. ч. при именах собирательных: Сказ. о Борисе и Глебе XII в.: **приобрѣтоша братия**; Посл. митр. Никифора: **отвръжени быша латина**; Вопрош. Кирика 1282 г.: **господа вяжутъ**; Лавр. летоп.: **изъбрашася 3 братья**, **отвѣщавше дружина рекоша**; Ипат. летоп.: **братья русци**, **сѣдяху княжься**; Новг. грам. 1456 г.: **наши братіа**; Служебн. прп. Сергия XIV в.: **готовлющихся братья нашихъ** и т. д.

может быть, *князья, мужсья* могли получиться и фонетически из *учите-ле, писаре* (см. § 364), *зятыйе* (см. § 360) и, по аналогии с этой формой, *князийе, мужсийе* и т. п. с переносом ударения на конец слова (ср. *а* ударяемое в *емя, меня*); 5) при утрате различия по родам во мн. ч. могла действовать аналогия со стороны им.-вин. мн. имен ср. р., подкрепляемая аналогией форм, названных в пп. 1—3. Формы им. мн. *сыновья, кумовья* получились из старых *сынове* и т. п. (откуда фонетически *сыновя*) по аналогии с *братья, зятья, шурья* и пр.⁸⁵

Некоторые имена муж. р. в в.-р. образуют им. мн. на *-а, -ја* с ударением на основе: 1) немногие из этих форм, как *братья, хозяева*, могут восходить к им. ед. имен собирательных ж. р.; 2) большая часть им. мн. на *-ја* с ударением на основе, как *каменья, коренья*⁸⁶, *листья, колья, зубья, брусья, клинья, стулья*, диалектич. *волосья, поясья* и т. п., получилась из им. ед. собирательных ср. р. на *-ийе* (*ја* из *је* получалось фонетически); такого же происхождения и им. мн. на *-ја* от имен ср. р.: *деревья, поленья*; в части с.-в.-р. говоров, где конечное *-је* перешло в *-јо*, формы *кореньё, колья* и пр. сохраняются со значением им. ед. собирательных имен; 3) такие формы, как диалект. *крестьяна, мещана, поезжана, бояря* и пр., могли получиться из *крестьяня, мещаня, поезжаня, бояря* (где *я* фонетически из *е*) под влиянием косвенных падежей с основами на твердые согласные.

§ 399. Им. мн. на *-ы, -и* от имен ср. р. Окончание *-а* в им. мн. имен ср. р. вообще в в.-р. сохранилось только при ударении в этой форме на окончании, а при ударении на основе заменилось окончанием *-ы* после твердых и *-и* после мягких по аналогии с именами муж. р.: *озёры, ворота, болоты, брёвны, окны, гнёзды, сёлы, кольца, лица, ружьи*; у основ на задненебные явилось окончание *-и* с изменением конечной задненебной в мягкую средненебную: *яблоки, колечки, крылышки, ведер-*

⁸⁵ Диалектические с.-в.-р. *сынова, сватова* с ударением на конце (новгор., олон.), с.-в.-р. (новгор., олон., вятск. и др.) и б.-р. *сватовьё, сыновьё* со значением им. мн. также могли получиться из *сынове* и т. п. под влиянием других сходных образований. Акад. А. И. Соболевский (Лекции, 4 изд., 218, 220 [Соболевский, 1907]) предполагает, что некогда существовали собирательные ед. ч. *сынова, сыновье* и т. п. (ср. *татарва* и т. п.).

⁸⁶ Вряд ли *коренья, каменья* следует рассматривать как старую форму им. мн., так как она еще в о.-р. должна была замениться формой вин. мн.; старая же форма им. мн. могла сохраняться несколько дольше только у имен одушевл. предметов.

ки, яички, лыки и пр., диалект. *ухи* (= уши). Впрочем, в некоторых с.-в.-р. говорах известно и *-а*: *ворота, брёвна, колечка, крыльшка*. В литературном правописании по традиции продолжают писать (не после *к*) *а*.

§ 400. Род. мн. на *-ов, -ей*. Распространение род. мн. на *-ов* на имена муж. р. не только с основами на твердые, но и на мягкие — явление общерусское. Позднее окончание *-ов* после мягких в в.-р. частью было вытеснено окончанием *-ей*. Зато окончание *-ов* диалектически распространилось на имена ж. и ср. р. В нынешнем литературном русском (в.-р.) яз. род. мн. на *-ов (-ев)* от имен ж. р. вовсе не употребляется, а от имен ср. р. может употребляться, если основа оканчивается на *-к, -ј* или *-ц*, причем от основ на *-ц* только при ударении на основе: *облаков, ушков, яблоков, ружьев, кушаньев, солнцев, оконцев*, но *яичек, колечек, знаний, событий, колец, сердец*, также и *ружей, кушаний*. В в.-р. говорах род. мн. на *-ов* от имен ср. р. более употребителен: *местов, делов, гнёздов, озёров, болотов, семенóв* (= семян), *кольцев, серцов, полёв* и пр.; реже род. мн. на *-ов* от имен ж. р., но есть говоры как с.-в.-р. (в Вологодской, Вятской губ. и др.), так и ю.-в.-р. (Рязанск., Ворон. губ. и др.), где это окончание является обычным как у имен муж. и ср. р., так и у имен ж. р.: *девков, палков, сёстров, звездов, книгов, комнатов, барышнев, песнев, боронов* (борон) и др.

Имена муж. и ср. р. с основами на мягкие, кроме основ на *-ј* или *-й*, в в.-р. стали образовывать род. мн. на *-ей* по аналогии со старыми род. мн. *гостей, лебедей, ночей* и т. п.: *коней, царей, рублей, князей, писарей, учителей, морей, полей, камней, дней* и пр.⁸⁷ То же окончание получили и те существительные муж. р., у которых основа оканчивалась на мягкую согласную только во мн.: *соседей, чертей*, диалект. *комарей* (при им. мн. *комафи*), *крестей* (в картах), *поясей* (им. мн. *пояси* — пояски из соломы у снопов) и т. п. При этих формах от тех же имен в в.-р. диалектически продолжают сохраняться и старые формы род. мн.: *поль, дён, сынов* или являются формы на *-ов*: *рублёв, камнев, суседов* и т. п.

Часто встречаются в говорах (как в с.-в.-р., так и ю.-в.-р.) формы на *-ов (-ев)* при более распространенных формах на *-ей* от основ на шипя-

⁸⁷ Впрочем, род. мн. *дней, камней* могут восходить еще к о.-сл. *дънийь, каменийь*; в м.-р. *днів, каменів* — новообразования. Форма род. мн. *коней* может считаться общерусской ввиду м.-р. *коней*, б.-р. *коний*; по-видимому, в о.-р. или только в м.-р. и б.-р. это имя и некот. др. стали склоняться во мн. ч. по образцу таких имен, как *гости, люди* и пр., ср. м.-р. твор. мн. *кіньми*, что не привело к распространению окончаний *-ей (-ий), -ми* и пр. на все имена с основами на мягкие, как в в.-р.

щие: *ножей, барышей, ключей, лещей, товарищей* и пр. и *ножов, барышов, ключов, товарищов* и пр. Имена ср. р. с основами на шипящие обыкновенно не образуют род. мн. на *-ей* и *-ов*, а сохраняют старую форму: *плеч, пожарищ, топорищ, чудовищ*. От имен муж. р. с основами на *-ц* род. мн. на *-ей* явился лишь в тех с.-в.-р. говорах, где сохранилось мягкое *ц*, т. е. в Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской, Северо-Двинской и Череповецкой губ.: *купцей, концей, пальцей, мѣсяцей* и т. п.; в остальных в.-р. говорах *-цов* (*-цев*), как и в б.-р. и м.-р. От имен с основами на *-й* или *-ј*, а также, частью, от тех имен, у которых основа оканчивается на *-й* или *-ј* только во мн. ч., теперь в в.-р. обычны формы на *-ов*, *-ев*: *краёв, случаев, злодеев, воробьёв, муравьёв, кореньев, зятьёв, листьев, братьев*, диалект. *сыновьёв, дружьев, недружьев*; впрочем, от некоторых имен, имеющих основу на *-ј* только во мн. ч., встречаются и формы род. мн. без окончания: литерат. *сыновей, друзей, князей* или с окончанием *-ей* — диалектич. *сыновьей*. От имен ср. р. с основой на *-й* или *-ј* в литерат. яз. сохранились по большей части старые формы на *-ей* (пишется также без ударения *-ий*), где *-ей* относится к основе, а не к окончанию: *ружей, кушаний, знаний* и пр., хотя употребляются и формы на *-ев*: *платьев, ружьев, кушаньев* (в литерат. яз. XVIII и первой половины XIX в. таких форм было больше⁸⁸), но в говорах род. мн. на *-ов* от основ на *-ј* нередки. В в.-р. письменных памятниках род. мн. на *-ий* (откуда позднее *-ей*) от имен муж. р. с основой на мягкую встречается уже в XIII в.: ев. 1270 г.: **пѣнязии**, Кормч. 1282 г.: **без стихарии** и др., Переясл. грам. 1356 г.: **князии**, Лавр. летоп.: **мужи, князии**.

Окончание род. мн. *-ей* распространилось и на имена ж. р. на *-а*, но в гораздо меньшей степени. В литературном яз. теперь употребительны только формы: *свечей* (рядом со *свеч*), *возжей, ноздрей, юношей*⁸⁹; у Пушкина также *бурей, вельможей, сплетней*; в народных говорах встречаются и другие формы на *-ей*, даже от основ на твердые согласные: *свадьбей, косэй* (Симб.) и т. п.

§ 401. Дат., твор. и местн. мн. на *-ём, -ми, -ѣх*. Старые формы дат., твор. и местн. мн. имен на *-ь* с род. ед. на *-и* стали заме-

⁸⁸ Например, у Сумарокова, Хорев: *подозрѣнїевъ*; Державин, Прогулка в Царском Селе: *зданїевъ*; В. Майков: *желанїевъ, дѣйствїевъ* и пр.

⁸⁹ Впрочем, следует отметить, что в народных в.-р. говорах им. ед. от последнего имени обыкновенно звучит как *юнош* или *вѣюнш*, род. *юноша*, дат. *юношу* и т. д.

няться в в.-р., как и соответствующие формы других склонений, формами на *-ам*, *-ами*, *-ах*: *гостям*, *гостями*, *гостях*, *костям*, *костями*, *костях* и пр., но при этом оказались более устойчивыми, чем формы других склонений, и частью сохранились до сих пор. В литературном яз. уцелела только старая форма твор. мн. на *-ми*, и то от немногих имен: *лошадьми*, *детьми*, *людьми*, *дверьми*, *плетьюми*, *лечь костьюми*; в начале XIX в. встречались формы: *гвоздьми*, *ушми*; но в в.-р. говорах известны также и дат. и местн. мн. на *-ом*, *-ох*: *лошадём*, *гостём*, *костём*, *людём*, местн. на *лошадёх*, *в гостёх*, *в санёх* и др., при более обычных формах на *-ам*, *-ами*, *-ах*. Та же замена известна и б.-р. и м.-р. говорам, но в меньших размерах и не повсеместно. В в.-р. памятниках (летописях, грамотах и пр.) еще в XV в. формы на *-ам*, *-ами*, *-ах* от имен на *-ь* почти не встречаются (Шахматов в литогр. курсе приводит **персямь** Ипат. летоп., **пустошамь** грам. XV в. Арх. Калач. № 156), а в XVI в. еще очень редки: Конш. Домострой: **в гостяхь** 54, но **в печехь** 105 об. и др.

По аналогии со старыми формами на *-ми* кое-где возникли новообразования: *кнутьюми*, *свечми*, *слезьюми*, *душми*; впрочем, такие формы в в.-р. очень редки.

§ 402. Окончания дат. и твор. мн. в с.-в.-р. Окончание *-ми* (*-ами*, *-ыми*, *-ими*, *-ми*) в твор. мн. сохранилось без изменения в ю.-в.-р. и некоторых с.-в.-р. и переходных говорах, а в остальных с.-в.-р. и переходных говорах заменилось окончаниями *-мы*, *-ма*, *-мя* и *-м*; в последнем случае твор. мн. совпал с дат. мн. Из названных форм теперь наиболее распространены формы твор. мн. на *-м*, являющиеся в большей части с.-в.-р. и в значительной части переходных говоров; при этом такие формы образуются как от существительных, так и от прилагательных и местоимений: *с рукам*, *с ногам*, *сапоги со скобам*, *умывалась горюющим слёзам*, *за двём ночам*, *со своим друзьям*, *пойдём с нам* и пр. Формы на *-мы* теперь употребительны только в говорах Архангельской и Олонецкой губ., преимущественно от имен существительных: *с ногамы*, *с пескамы* *рудожолтыма*, но также: *намы*, *вамы*. Формы на *-ма* (по происхождению — старые формы дв. ч. со значением множ.) от имен существительных — только в Архангельской губ.: *с девкима*, *с робятома*, *за конима* и пр., а от имен прилагательных и местоимений также в некоторых говорах Олонецкой, Вологодской, Северо-Двинской, Череповецкой и Новгородской губ.: *всъма*, *со пивныма стокашоцьками*, *золотыма ключам* и пр. Наконец, формы твор. на *-мя* от числительных

два, три и четыре теперь в с.-в.-р. и переходных говорах почти повсеместны; те же формы являются и в литературном яз.: *двумя, тремя, четырьмя*⁹⁰; кроме того, в некоторых говорах Вологодской и Вятской губ. употребительны формы твор. мн. на *-мя* от местоимений с ударением на конце: *тѣмя, имя* (*што с ымя говорить?! и т. п.*), *всѣмя*, значительно реже (с ударением не на конце) — от прилагательных: *с большимя павками* (= палками), *за добрымя людям, худымя рукам* и пр. Окончание *-мя*, вероятно, получилось из более старого *-ма* под влиянием мягкости *м* в окончании *-ми*.

В части говоров, в которых дат. и местн. мн. совпали в одной форме на *-м*, под влиянием говоров, различающих эти два падежа, явились вновь формы на *-ми*, но употребляются рядом с формами на *-м* безразлично в обоих падежах: *к нами, по полями, к людьми* и пр.⁹¹

§ 403. Судьба форм склонения имен ср. р. на *-а* («я»). Имена ср. р. с им. ед. на *-а* и основой остальных падежей на *-ат* (о.-сл. *-e^{нт}*) в в.-р. вовсе утратили формы ед. ч., уцелевшие только в некоторых пословицах⁹² (не в разговорной речи), но сохранили формы мн. ч.: *телята, жеребята, поросята, ребята, щенята, мышата, медвежата* и пр. (или: *теляты, жеребяты* и т. д., ср. § 399). Формы ед. ч. этих имен стали заменяться формами ед. ч. уменьшительных на *-онок*: *телёнок, жеребёнок, поросёнок, ребёнок, мышонок, медвежонок* и пр., реже — уменьшительных на *-ок*: *щенок, телок* (= теленок); от этих уменьшительных существуют в в.-р. и формы мн. ч. с теми же основами: *телёнки, мышонки, щенки*, но, кроме множ. *щенки*, эти формы мало употребительны в в.-р. говорах. Благодаря существованию форм мн. ч. на *-ата* (*-аты*) при формах ед. ч. на *-онок* во многих в.-р. говорах появилась форма мн. ч. *опята* (р. *опят*, д. *опятам* и пр.) от существительного *опёнок* (гриб).

⁹⁰ В ю.-в.-р. в твор. мн. употребляются только формы на *-ми*: *двуми, трими* или *трьюми, четырьми*, с ударением на конце.

⁹¹ Такое употребление, по замечанию наблюдателей, свойственно главным образом школьникам и др. людям, пытающимся говорить «по-образованному».

⁹² Например, *Ласковое теля двух маток сосёт, Кабы нашему теляти да волка поймати*. Возможно, что первая из этих пословиц малорусского, а вторая книжного происхождения. Отметим, что Ломоносов в своей Грамматике считает еще правильным для русского яз. такие формы, как *жеребя, щеня* и пр.

Слово *дитя* (др.-р. *дѣтя*) частью стало склоняться как существительное ж. р.: дат.-местн. *дитѣ*, тв. *дитѣй*⁹³, частью изменилось в *дитѣ* и стало склоняться как другие имена ср. р. на *-о*: р. ед. *дитя*, д. *дитю* и пр. Формы р.-д.-м. ед. *дитяти*, тв. ед. *дитятей* или *дитятею* — чисто книжные, хотя и встречаются иногда у писателей, между прочим, у Пушкина⁹⁴; в народных в.-р. говорах они отсутствуют.

Имена ср. р. на *-мя* стали склоняться в ед. ч. так же, как имена ср. р. на *-е*, образуя косвенные падежи от основы им. ед., в котором конечная гласная была понята как окончание: р. ед. *имя*, *семя* и пр., д. ед. *имю*, *семя*, тв. ед. *имем*, *семем* и т. д.; в самом им. ед. конечное *-а* в части с.-в.-р. говоров (Вологодской, Вятской, Костромской, Новгородской, Владимирской и др. губ.) изменилось в *-о*: *имѣ*, *семѣ*, *времѣ* и пр. В литературном яз. сохранились формы от основ на *-мен*: р.-д.-м. ед. *имени*, *семени*, *времени*, тв. ед. *именем*, *семенем*, *временем* и т. д., вероятно, книжного происхождения; форм же вроде *нет время*, *в прошлом време*, *в пламе*, *со знаем*, *к темю* и т. п., обычных уже у писателей XVIII в. и у Крылова, позднейшие писатели (или их издатели) обыкновенно избегают. Во мн. ч. в в.-р. сохранились старые формы мн. ч. от основ на *-мен*: *имена*, *времена*, р. *имѣн*, *времѣн* и т. д. Диалектически, еще не позже XIV в., в с.-в. *-ен* в окончании основы изменялось в *-ан*, ср. в двинских грам. XV в.: **племяни** №№ 5, 7, **сѣмяна**, **сѣмянь** № 116, Лавр. летоп.: **времяне** и др.; в нынешних с.-в.-р. говорах Олон., Волог., Вятской, Арханг. и Новгор. губ.: *имян*, *времен*, *знамян*, *сѣмян*; форма род. мн. *семян* является и в нынешнем литературном яз.; литературному яз. XVIII и начала XIX в. была известна и форма род. мн. *времен* (ср. у Пушкина Евг. Он. IV. 7. в рифму с *обезьян*). В некоторых говорах явились и формы мн. ч. от новой основы ед. ч.: им.-в. мн. *семя*, *племя*, *время* с ударением на конце, дат. мн. *временям* с ударением на окончании, но эти формы вообще редки.

§ 404. Склонение имен *мать* и *дочь*. Старые формы им. ед. этих имен на *-и* сохранились лишь в части с.-в.-р. говоров в виде *мати*, *дочи* (жирным шрифтом обозначаю ударяемые гласные); в ос-

⁹³ Ср. у Грибоедова в «Горе от ума»: *Дитей возили на поклон* (II. 5), *А помню, ты дитей с ним часто танцовала* (III. 10).

⁹⁴ Капитанская Дочка, I: *Матушка... наказывала... Савельичу смотреть за дитятей*.

тальных в.-р. говорах конечное *-и* здесь отпало, вероятно, сперва в слове *мать*, а затем, по аналогии, и в *дочь*. В немногих с.-в.-р. говорах в им. ед. по аналогии с косвенными падежами явились формы *матерь*, *дочерь* (Новгор., Арханг., Олон. губ.). С другой стороны, под влиянием совпадения им. и вин. ед. от имен ж. р. с им. ед. на согласную формы *мать*, *дочь* во многих в.-р. говорах стали употребляться и в значении вин. ед.; такое употребление перешло между прочим и в литературный яз. Но старые формы вин. ед. *матере*, *дочере* частью сохранились в ю.-в.-р. говорах в виде *матеря*, *дочеря*, частью изменились в *матерю*, *дочерю*, по аналогии с именами на *-а*. Той же аналогией вызваны и ю.-в.-р. твор. ед. *матерьюй*, *дочерьюй* или *матерюй*, *дочерюй*. Во мн. ч. им. *матери*, *дочери* и кое-где в ю.-в.-р. *матеря*, *дочеря* с ударением на конце, р. *матерей*, *дочерей*, д. *матерям*, *дочерям* и пр.

§ 405. Склонение местоимений личных и возвратного. Формы род. вин. ед. личных и возвратного местоимений в ю.-в.-р. сохранились в виде *менé*, *тебé*, *себé* с *-е* ударяемым на конце, а в с.-в.-р. обычно в виде *меня*, *тебя*, *себя* с ударяемым *-а* на конце (впрочем, в некоторых с.-в.-р. говорах, например, в Олон. губ., известны и формы на ударяемое *-е*); различия между этими формами вызваны, по-видимому, фонетическими причинами (см. выше, § 247). Диалектически довольно рано возникли, вероятно, под влиянием дат. и тв. ед. формы род.-вин. *мъне*⁹⁵, *тобе*, *собе*, откуда позднее с.-в.-р. диалектич. *мня* (Арх., Олон., Костр., Новгор. и др. губ.); *тобя*, *собя* (Арх., Вятск., Пермск. и др. губ.); в в.-р. памятниках род.-вин. *тобе*, *собе* — с XIV в.: **оу тобе**, **близь тобе**, **оувѣдѣти тобе** Лавр. летоп., **безь тобе** Догов. 1362 г., **тобя** Догов. 1428 г., **у тобя** Моск. грам. XV в. Беляева № 16, **пред тобя** Конш. Домострой и др.

В дат.-местн. местоимения 1-го л. ед. в значительной части с.-в.-р., а также в переходных говорах и в литерат. яз. сохранилась старая форма *мнѣ*, а в остальных с.-в.-р. и в ю.-в.-р. получила преобладание форма *мене*, совпавшая по произношению с формой род.-вин. *мене*; о происхождении ее см. выше, § 370. В дат.-местн. местоимений 2-го л. ед. и возвратного большое распространение получили формы *тебѣ*, *себѣ*, вы-

⁹⁵ Впрочем, возможно, что форма род.-вин. *мъне* или *мъне* известна была еще говорам о.-сл. яз., ср. **мне** в некоторых ст.-сл. памятниках (Син. Пс., Син. Тр.), а также польск. *тніе*, чеш. *тте*.

теснившие старые *тобѣ, собѣ* из литературного яз., большинства переходных и части непереходных с.-в.-р. и ю.-в.-р. говоров. Но диалектически во многих с.-в.-р. и ю.-в.-р. говорах сохранились формы *тобѣ, собѣ* (ю.-в.-р. *табе, сабе*). В в.-р. нецерковных памятниках до XVII в., например, в новгор., двинских, московских и рязанских грамотах XIV—XVI вв., в Домострое и т. п. в дат.-местн. употребляются почти исключительно формы *тобѣ, собѣ*.

Старые формы дат. *ми, ти, си* и род.-вин. *мя, тя, ся* вообще, если не считать частиц *ся* и *си* при возвратных глаголах, в в.-р. были утрачены и сохранились лишь в таких выражениях, как *я те дам* (*те* там, где *e* предударное звучит иначе, чем *и*,— вместо *ти* под влиянием *тебе*), а также с предлогом *у*: *у мя, у тя* и в немногих других случаях.

К новообразованиям чисто великорусским принадлежат распространенные в с.-в.-р. говорах формы род.-вин. *тея, сея*, дат.-местн. *теѣ, сеѣ*; в некоторых ю.-в.-р. говорах встречаются также *таѣ, саѣ* (в Курской г., Новосильском у. Тульской г. и др.).

Местоименное и сложное склонение

§ 406. Взаимное влияние твердых и мягких местоименных основ. По аналогии с *към*⁹⁶, *тѣм*, *всѣм* окончание *-ѣм* явилось и в тв. ед. *чѣм, сѣм* (например, в выражении *и тѣм и сѣм*) вместо старых *чимь, симь*; древнейший пример написания *чѣмъ*— во второй Духовной Димитрия Донского; впрочем, в части с.-в.-р. говоров сохранилась и старая форма *чим*; в твор. ед. *им* (от местоимения *и*) звук *и* сохранился во всем в.-р. Во мн. ч. формы с *ѣ*: *до свѣх пор, моѣм, твоѣм, чѣм, моѣх, твоѣх, чѣѣх* и пр. по аналогии с *тѣм, всѣм, тѣх, всѣх* и т. п. явились в в.-р. лишь диалектически в некоторых с.-в.-р. и переходных говорах (например, во Владим., Тверской, Моск. губ. и др.), ср. *до свѣх мѣстѣ* в моск. грамотах XV в. Наоборот, *и* вместо *ѣ* по аналогии с формами *их, им, ими, моих, моим, моими, чѣих* и др. явилось в литератур. яз., а также в ю.-в.-р. и во многих с.-в.-р. говорах в формах: *одних, одним, одними, самих, самим, самими* (при диалект. *однѣх, самѣх* и пр.) и в с.-в.-р. говорах в формах: *всѣх, всѣм, всѣми*. На появление *и* в этих формах могло повлиять также *и* в им. мн.: *одни, сами, вси*. Ср. в

⁹⁶ *к* в *към* явилось в в.-р. нефонетически вместо *ц*. Древнейшие примеры этой формы с *к* в памятниках— с XIV в.

памятниках: **всиль** Дух. Климента XIII в., **всиль** Ряз. Кормч. 1284 г., **всими** Дух. Ивана Калиты и др., **самимь** Лавр. летоп. В род.-дат.-местн. и твор. ед. ж. р. *ей, всей, моей, чьей* и т. п. звук *e* диалектически заменился звуком *o*: *ёй, всёй, моёй, чьёй* и т. д. по аналогии с *той, одной, самой* и т. п. только в части в.-р. говоров как северных, так и южных, тогда как в других говорах и в литерат. яз. сохранилось *e*.

§ 407. Род. ед. муж. и ср. р. местоимений и прилагательных. Окончание *-ого (-его)* с фрикативным *g* в части с.-в.-р. говоров, именно, в говорах восточных, владимирских и поволжских фонетически заменилось через *-ово* (см. выше, § 265). При ударении не на конце вместо *-ово* в некоторых из этих говоров явилось позднее *-ова*: *этова, белова, злова*, по-видимому (там, где конечное *o* не переходит фонетически в *a*), по аналогии с род. ед. имен существительных и прилагательных притяжательных муж. и ср. р. Благодаря тому, что формы род. ед. на *-ово, -ова* с *v* явились и в московском говоре, они получили большое распространение не только в с.-в.-р., но и в ю.-в.-р. говорах и, частью, вытеснили старые формы с *g* там, где это *g* не изменилось в *v* фонетически.

§ 408. Употребление род. *чего* в значении им. и вин. Форма *чего* во многих в.-р. говорах стала употребляться в значении имен. и вин. падежей: *чего-то случилось; ты чего знаешь?; в чего?; на чего?* и т. п. (Моск. г. и др.). Когда возникло такое употребление — сказать трудно; но можно думать, что встречающаяся уже в двинских грамотах XV в. в значении им. и вин. пад. форма *чо*: **о Карпови участки чо княжоостровчи купили** № 88 и др., употребляющаяся в том же значении и в нынешних говорах Вологодской губ., по происхождению — стяженная форма род. падежа.

§ 409. Вин. ед. ж. р. местоимений. Подобно форме род. ед. *-ев* в в.-р. стали употребляться в значении вин. ед. также и формы *всёв, тов, однов, самов*, откуда фонетически (см. выше § 216) в части в.-р. говоров: *всёе, тоё, одноё, самоё*. Теперь употребление этих форм в значении вин. ед. распространено чуть ли не во всем в.-р. яз. (в литерат. только *её, самоё*, но уже в подмосковных говорах: *тоё, всёё, одноё*). Старые формы вин. ед. *всю, ту, одну* продолжают употребляться в значительной части в.-р. говоров наряду с новыми.

В некоторых в.-р (южных и северных) говорах формы *её, всёё, тоё* и пр. в значении вин. ед. изменились в *ею, всею, тою, одною, самою*, с уда-

рением на конце, по аналогии с вин. ед. *мою, твою, свою, чью, сию*. Ср. еще в двинских грам. XV в.: **выменял ею** № 7, в нынешнем литературном яз. у Л. Толстого: *неловко за самую себя* («Анна Каренина»).

§ 410. Окончание вин. ед. ж. р. прилагательных. В ю.-в.-р. окончание *-ую* изменилось под ударением в *-уя*: *зилянуя, худуя* и пр., а без ударения — в *-аю* (с *a* редуцированным или другим редуцированным неокругленным звуком): *беднаю, добраю, синию* и пр. Формы с окончанием *-аю, -ию* и т. п. вместо *-ую* без ударения распространены и в ср.-в.-р. говорах.

§ 411. Род. ед. ж. р. местоимений и прилагательных. Формы род. ед. ж. р. местоименного склонения на *-ѣ* в большинстве в.-р. говоров были утрачены и заменены формами на *-й*, т. е. род. ед. таким образом совпал с дат.-местн.: *ей, у ней, всей, той, одной, самой, моей, чьей, злой, белой, синей* и т. п. В памятниках это изменение засвидетельствовано уже с XIII в.; ср. Вопр. Кирика: **из нѣкоторои**, Р. Пр. 1282 г.: **първои, одинои, от бортънои**. Из старых форм на *-ѣ* наиболее устойчиво сохраняется в говорах со значением род. ед. форма *-еѣ* или *еѣ*⁹⁷, главным образом, без предлогов; в нынешнем литературном языке *ей* в род. ед. допускается только с предлогами: *у ней, от ней* (чаще: *у неѣ, от неѣ*), да и то главным образом в разговорном яз., с некоторым оттенком вульгарности, но только: *еѣ счастье, еѣ не было дома*; в русском литературном яз. первой половины XIX в. в сочетании с предлогами форма *ней* была более употребительна, чем теперь; в народных говорах форма *ей* в значении род. ед. употребляется и без предлогов. Что же касается форм *всеѣ, тоѣ, самоѣ, одноѣ* или *всеѣ, тоѣ, самоѣ, одноѣ*, то они получили почти везде значение только вин. ед. Но в некоторых с.-в.-р. говорах (Арханг., Олон. губ.) сохранились формы род. ед. ж. р. прилагательных на *-ыѣ, -иѣ* (или *-ые, -ие*), употребляющиеся в этих говорах также и в значении дат.-местн. пад.: *ко сестрицы родимые, на кроваточки тесовые* и т. п., рядом с формами на *-ой*.

§ 412. Твор. и местн. ед. муж. и ср. р. местоимений и прилагательных. В некоторых с.-в.-р., переходных и ю.-в.-р. говорах форма местн. ед. прилагательных и, отчасти, местоимений ста-

⁹⁷ Часто встречающееся у образованных людей (особенно не у москвичей) произношение *ея* в род. ед. обязано своим происхождением правописанию, перешедшему из церковнослав. письма.

ла заменяться формой твор. ед., и таким образом произошло совпадение обеих форм: *в яровым, на желтым песочку, на тем берегу, на одним месте* и т. п. Ср. подобное же явление в б.-р. С другой стороны, в некоторых из этих говоров стала употребляться форма местн. ед.: *ём, ком*, вместо твор. ед.: *за нём, с ком, за ком* и т. п., но только с предлогами.

§ 413. Имен. множ. местоимений и прилагательных. В о.-р. первоначально в им. мн. местоимений и прилагательных различались формы всех трех родов; затем это различие было повсюду (и в в.-р., и в б.-р., и в м.-р.) утрачено, и в значении им. множ. всех родов стала употребляться одна форма, именно, от прилагательных обычно — старая форма вин. мн. муж. р. = им. вин. мн. ж. р.: *худыѣ, добрыѣ* и пр., а от местоимений частью та же форма: *оны, одны, ты, самы, всѣ* и т. п., частью — старая форма им. мн. муж. р.; *они, одни, сами, вси, мои, твои, чьи, наши* и пр. В.-р. *тѣ, онѣ, однѣ*⁹⁸ вместо старых *ти, они, одни*, — явились по аналогии с *всѣ* и под влиянием косвенных падежей: *тѣхъ, однѣхъ* и пр. С.-в.-р. диалектич. *моѣ, твоѣ, своѣ, чьѣ* могли бы считаться старыми формами вин. мн. муж. р. или им.-вин. мн. ж. р., но ввиду того, что эти формы известны в тех говорах, где в род.-вин. ед. ж. р. окончание *-jo* из о.-р. *-йѣ*: *еѣ, тоѣ, самоѣ*, я думаю, что они возникли сравнительно поздно по аналогии с существовавшими уже *тѣ, онѣ, однѣ* и старым *всѣ*. Понятно, что вследствие совпадения им. и вин. мн. от имен неодушевленных предметов старые формы им. мн. могли получить и значение вин. мн. В памятниках: **тѣ (цари)** им. мн. Кормчая 1282 г., **тѣ люди** им. мн. Дух. Симеона Горд., **тѣ села** Дух. вел. кн. Ивана Иван. и Димитрия Донского, **тѣ (овца)** вин. мн. ев. 1355 г. и т. д.; **онѣ** им. мн. муж. р. Лавр. летоп., ев. 1357 г., двинск. грам. № 11; **мои** вин. мн. Новг. грам. 1314 г.; **с тѣми селы которыѣ...** Дух. Дим. Донского, **врата желѣзныя** вин. мн. Апост. 1391 г. и др. Старые формы им.-вин. мн. ср. р. встречаются в грамотах еще в XV в. и даже, изредка, в XVI в.: **по которая мѣста** грам. 1517 г.

Окончание им.-вин. мн. прилагательных *-ыѣ* (а после *г, к, х* фонетически *-иѣ*) сохранилось во многих с.-в.-р. и ю.-в.-р. говорах (с фонети-

⁹⁸ Литературное правописание *эти* при *те* объясняется тем, что конечные безударные *ѣ* и *и* в литературном произношении совпали. Различение им. мн. муж. и ср. р. *они, одни* и ж. р. *онѣ, однѣ* в дореформенном правописании не оправдывается живым языком.

ческим изменением конечного неударяемого *-ѣ* в *-jo, -je, -ja*: *добрыѣ, добрые, добрыя*), в других говорах изменилось в *-ыи (-ии)* по аналогии с им.-вин. мн. существительных и местоимений (например, таких, как: *случаи, обычаи, судьи, мои, твои, чьи* и т. п.): *белыи, злыи* и пр.; такое произношение является, между прочим, и в литературном яз. В некоторых акающих говорах (Моск., Тульск., Ряз. и др. губ.) окончание *-ыи* при ударении на основе изменилось в *-аи*: *добраи, беднаи* (со звуком *a* или редуцированным звуком, более открытым, чем *ы*). От прилагательных с основами на мягкие старое окончание вин. мн. *-ѣѣ* еще очень рано нефонетически изменялось в *-иѣ* по аналогии с прилагательными, имеющими основы на твердые согласные; в тех говорах, где окончание *-ыѣ* изменилось в *-ыи*, от основ на мягкие явилось *-ии*: *синии, ближнии* и пр.

§ 414. Формы прилагательных и местоимений на *-эй, -эи, -эх* и пр. В род.-местн. ед. ж. р., реже в им. и род.-местн. мн. прилагательных и местоимений в некоторых с.-в.-р. говорах явились окончания *-эй, -эи, -эх* и пр. (т. е. с *e* после твердой согласной): *тэй, однэй, молодэй, такэй, другэй* или *такей, другей*, реже: им. мн. *молодэи, такэи* или *такеи*, род.-местн. мн. *молодэх, такэх* или *такех* и пр. Подобные формы отмечены между прочим в Олон., Нижегород. и Симбирской губ. Что касается форм на *-эй* и т. п. в Псковской и Калужской губ. (*тэй, однэй, тэе, однэе* или *тэё, однэё* и др.), то, может быть, они и не стоят в связи с подобными формами в с.-в.-р. говорах, а объясняются б.-р. происхождением.

4. Белорусские изменения форм склонения

А. Явления, общие б.-р. яз. с м.-р.

§ 415. Свистящие *з, с, ц* перед *ѣ* в формах склонения имен с основами на задненебные сохранились: *в гаросѣ, у лузѣ, на рущѣ, назѣ, на дарозѣ, маладусѣ, сасѣ* и пр. В местн. ед. имен муж. р. формы со свистящими встречаются не часто, так как предпочитается местн. ед. на *-у*: *на куньку, в садочку, у кажуху, на лугу* и пр.

§ 416. Сохранилась о.-р. зват. форма: *попя, кумя, браця* (= *брате*), *Иване, мамо* и пр.; от имен муж. р. с основами на задненебные и шипящие и на мягкие неслоговые звуки зват. форма оканчивается теперь

на -у, как и в м.-р.: *сынку, галубочку* (но также: *чалавече, вовче, дзяче*), *коню, нигадзяю, мужу* и пр.

§ 417. Окончание *-ѣ* в местн. ед. существительных муж. и ср. р. и дат.-местн. ед. существительных ж. р. не распространилось на имена с основами на мягкие (или бывшие раньше мягкими) согласные: *на кани* (на коне), *по зямли, дзяжы* и пр.

§ 418. Местн. ед. на -у стал образовываться, между прочим, от имен с основами на задненебные (см. § 415) и от некоторых имен ср. р.

§ 419. Имен. мн. от имен не среднего рода на *-а* в б.-р. не употребляется.

§ 420. Дат. ед. имен муж. р. на *-ови, -еви* сохранился в некоторых ю.-з. б.-р. говорах, но употребляется теперь лишь от имен лиц: *бацькави, дзяцькави, сынави, кавалёви*. Ср. в зап.-р. грам. 1330 г.: **купцѣви, вѣспѣви**; в Минее Четье 1489 г.: **мужеви, огневи**; Сборн. XV в.: **волкови**.

§ 421. Твор. ед. от имен ж. р. типа *кость* и т. п. может оканчиваться не только на -у с удлинением предшествующей согласной (из о.-р. -*ју*): *ноччу, соллю, жизню*, но и на *-ою* или *-ой* (без ударения *-аю, -ай* и т. п.): *начою и начой, кóсцей* или *касцѣй* (= костью) и пр., по аналогии с именами на *-а*.

§ 422. Сохранился в ю.-б.-р. говорах им.-в. множ. на *-ѣ* (произносится *е* или *иэ, ыэ*) от имен и местоимений с основами на мягкие (или бывшие раньше мягкими) звуки: *кавалѣ, рублѣ, жанцѣ, маѣ, тваѣ* и т. п. Впрочем, формы на *-ѣ* от существительных редки, и обычно употребляются формы на *-и*, а конечное *-ѣ* в местоимениях частью могло бы объясняться и аналогией (ср. выше § 413).

§ 423. Род. мн. на *-ий* или *-ей* не получил большого распространения; окончание *-ей* в этой форме употребляется в б.-р. теперь обыкновенно только от имен, принадлежащих или принадлежавших к склонению с род.-дат.-местн. ед. на *-и*: *касцей* (= костей), *начей, гасцей, людзей* и т. п.; по аналогии с ними только: *коний* (коняй), *грошей* (как и в м.-р.), *дней*; редко: *акуней, палей* (от им. ед. *поле*) и т. п., но также и *канёв, акунёв, поль* или *палёв, маров* (= морей), *дзён* и *днёв*, и постоянно: *рублёв, мужов, лябядзёв, учыцяляв, писаров* и пр.

§ 424. Форма род. мн. получила значение вин. мн. только от имен лиц; от названий же животных употребляется одна общая форма для вин. и им. мн.: *дацця коровы, гани валы, закладывайця кони* и т. п.

§ 425. Сохранились формы имен. двойств. на *-ѣ* при числительном *двѣ* от имен на *-а* и *-о*: *двѣ рѹцѣ, палацѣ, сасѣ, сялѣ*. По аналогии — та же форма и при числит. *тры*. Наоборот, форма имен. двойств. на *-а* от имен муж. р., как и в м.-р., заменена формой им. мн.: *два браты, чалавѣки, стальы*.

§ 426. Сохранились старые формы склонения имен ср. р. на *я* с род. ед. на *-яти* (из о.-р. *-ате*): *жарабя, цяля, дзиця, вовча, дзевча* (жеребёнок, телёнок, дитя, волчонок, девочка) и пр., род. ед. *жарабяци, цяляци* и пр.

§ 427. В склонении личных местоимений можно отметить отсутствие, как и в м.-р., формы дат.-местн. *тебѣ, себѣ* с *е* (немногие отмеченные наблюдателями случаи, вероятно, — заимствования из в.-р.); употребляются исключительно формы *табѣ, сабѣ*.

§ 428. Склонение местоимений неличных частью совпало по формам со склонением прилагательных: им. ед. муж. р. *той, гэтый, гэный, нашый* (рядом с *наш*), ж. р. — *тая, гэтая, идная* (и *идна*), ср. р. — *тое* и пр., вин. ед. ж. р. — *тую, гэтую, адную* и пр., тв. ед. муж. р. — *тым, гэтым, адным* и т. п., мн. — *тыя, тых, тым, тыми* и др.

§ 429. Числительные *пять, шесть* и пр. стали образовывать формы косвенных падежей как формы мн. ч.: *пяцѣх, шасцѣх, пяцѣм, шасцѣм, пяцѣми, шасцѣми* и пр.

В. Явления, общие б.-р. с в.-р.

§ 430. Дат. и местн. ед. имен и местоимений муж. р. не подверглись такому смешению, как в м.-р.: местн. ед. на *-ови* отсутствует даже в южных б.-р. говорах; местн. ед. муж. р. местоимений и прилагательных никогда не оканчивается на *-ому*.

§ 431. Форма род. мн. на *-ей*, хотя и редко, стала образовываться и от имен ср. р. с основами на мягкие и *-р*: *палей, марэй* (см. выше §§ 400 и 423).

§ 432. Диалектически, впрочем, только по соседству с в.-р., в переходных говорах возникли новые зват. формы от имен на *-а* без окончания: *мам, цѣт* (*тётка*) и др.

§ 433. Диалектически в с.-б.-р. говорах (северная часть Витебской и Смоленской губ.), соседних с переходными с.-в.-р. по основе говорами, твор. мн. совпал с дат. мн.: *рукам, ныгам, гарадам, с залатым кальцам* и пр.

§ 434. В окончаниях твор. ед. имен существительных и дат.-местн. и твор. ед. местоимений ж. р. с основами на мягкие неслоговые звуки нефонетически явилось *о* вместо *е* по аналогии с основами на твердые: *зямлѣю, маѣй, всѣй*. Как и в в.-р., *о* в этих формах у имен существительных является теперь повсеместно, а у местоимений — диалектически, хотя вообще формы на *-ой, -ою* от основ на мягкие распространены больше, чем на *-ей, -ею*.

§ 435. В вин. ед. ж. р. прилагательных при ударении на основе является окончание *-аю* с его фонетическими изменениями (*-ыю, -ию* и т. п.): *добраю* и пр.

§ 436. Род. ед. местоимения *всеѣ, еѣ* в б.-р. может употребляться в значении вин. ед. рядом с формами *яю, ану, всю*.

С. Остальные б.-р. явления

Здесь я назову некоторые явления, или свойственные одному б.-р. яз., или встречающиеся одновременно диалектически, кроме б.-р., также и в в.-р. и м.-р. говорах, но вне непосредственной связи с б.-р.

§ 437. От имен муж. р. на *-а* некоторые формы в б.-р. стали образовываться так же, как и от имен муж. р. с им. ед. на согласную; при старых род. ед. *старшыны, судзи* (судьи), *старосты, пъяницы*, вин. ед. *старшыну, судзю, старосту, пъяницу* возникли дат. ед. *старосту* и пр., твор. ед. *старшыном, судзѣм, старостам, пъяницам* по аналогии с *батюшку, батюшком* или *мужику, мужиком*; род. мн. *старшынов, судзѣв, старостав, пъяницав* (буква «в» в конце читается как неслоговое у), между прочим, и в тех говорах, где от имен ж. р. род. мн. на *-ов* не образуется.

§ 438. По аналогии с именами, имеющими основы на мягкие неслоговые звуки, окончание *-ѣ* в род. ед. ж. р. и им.-вин. мн. распространилось диалектически и на имена с основами на твердые согласные, преимущественно на заднеязычные, причем согласные твердые перед этим окончанием не смягчились, кроме заднеязычных, перешедших в мягкие среднеязычные: *сястрѣ, вадѣ* (но также и: *прынѣс вадзе*), *травѣ, из фуке, мужыке, гаршке, мяхе, луге, жанке, дзявке* и пр.; ю.-б.-р. *валыѣ, дубыѣ, братыѣ* и т. д.; ср. *зямлѣ, кавалѣ, жанцѣ, касцѣ* и пр. Быть может, эти формы отразились на таких написаниях памятников, как **трусѣ, дворѣ, поткѣ** в Летоп. Авр. XV в., **игрѣ** — Библия. кн. XVI в.

§ 439. Сохранились по большей части старые формы мн. ч. склонения имен типа *зять, кость* и т. п.; не только род. мн. *гасцей, людзей, начей* и пр., но и дат. мн. *гасцём, людзём, начом, сянём, дзвяром* (= дворям), тв. *гасцymi, дзвярми, сянymi, местн. гасцёх, сянёх, начох, дзвярох, у лаццёх* и пр.; рядом с этими формами существуют и новые формы дат., твор. и местн. мн. на *-ам, -ами, -ах: начам, начами, начах, касцям, касцямми, касцях* и пр. Ср. подобные же формы в в.-р. и м.-р. говорах. В б.-р., как и в м.-р., по этому же склонению образуют падежные формы мн. ч. имена *конь* и *грош*: *коняй, грошай* (или *грошый*), *канем, грашом, коньми, грошми*.

§ 440. Во многих ср.-б.-р. и ю.-б.-р. говорах уцелели формы дат. мн. имен существительных муж. р. на *-ом* рядом с новыми формами на *-ам*: *папом, братом, бацьком, пастухом, жанцом, шавцом* (шевцам, т. е. портным), *кавалём, сталяром, дубом, зубом* и пр. и: *папам, братам* и т. д.

§ 441. В тех же говорах распространилась и форма местн. мн. на *-ох*: *папох, лясох, лядох, садох, дубох, питухох, братох, касцох, жанцох, капацох, караблэх*; от имен ср. р.: *по балатох*. Ср. в грам. 1432 г.: **у Троцох, члонкох, роздѣлох, мѣстичох**, Минея 1489 г.: **о вченикох**. На распространение этой формы могли влиять: а) остатки старой формы на *-эхъ* склонения имен на *-ъ* с род. ед. на *-у*: *сынох, дубох* и т. п.; б) аналогия со стороны имен с основами на мягкие, имевших ранее в род.-дат.-местн. ед. окончание *-и*; в) аналогия со стороны форм род. и дат. мн. с гласною *о*. Рядом с формой местн. мн. на *-ох* употребительна в б.-р. и форма на *-ах*.

§ 442. Род. мн. на *-ов*, кроме имен муж. р., стали образовывать многие имена ср. р., обыкновенно при ударении во мн. ч. на основе: *варотав, письмав*, но также: *вядзёр* и пр., а диалектически, главным образом в ю.-з. говорах, и имена ж. р. при ударении в других формах мн. ч. на основе: *сарокав, сётрав, маладзицав, лисицав*, но *дачок, дзявок*. Ср. **овцовъ** в Библии. кн. XVII в.

§ 443. Большое распространение в б.-р. получили формы местоимений и прилагательных на *-эй*: *тэй, аднэй, сляпэй, другэй*; по аналогии с ними в некоторых б.-р. говорах стали образовываться и формы твор. ед. существительных ж. р. на *-эй*: *галавэй* и т. п. Первоначально окончание *-эй* получалось, быть может, фонетически в им. ед. муж. р. вместо *-ый* и в род. ед. ж. р. вместо *-ыѣ*, а затем распространилось и на другие

падежи. Ср. такие же окончания в некоторых в.-р. говорах (см. выше § 414).

§ 444. Местн. ед. муж. и ср. р. местоимений и прилагательных в значительной части говоров, преимущественно средне-б.-р. и северно-б.-р., совпал с твор. ед.: *аб адным, на тым, на вараным конику* и т. п. Ср. аналогичное явление в с.-в.-р. и переходных в.-р. говорах.

V. Малорусские изменения форм склонения

§ 445. Зват. форма в м.-р. сохранилась, как и в б.-р.: *синку, добродію, чоловіче, мамо, жіно* и пр.

§ 446. Свистящие перед *ѣ* в склонении имен с основами на задне-небные сохранились, как и в б.-р.: *в лузі, у кожусі, на ріці* и пр.

§ 447. Формы местн. и дат.-местн. на *-и* от имен с основами на мягкие или бывшие раньше мягкими согласные по большей части сохранились: *на землі, на полі, в криниці* (*и* из старого *и*) и др., но частью заменились формами на *-ѣ*: *ковалі, в кишені, в каші, на селі* (*і* из старого *ѣ*) и др.

§ 448. В ин. множ. От имен лиц в м.-р., как и в б.-р., в значении вин. мн. стала употребляться форма род. мн.: *чоловіків, жінок, дочок* и пр.; от имен животных по большей части сохранилась старая форма вин. мн., совпадающая с им. мн.: *воли, коні, корови* и пр., как в б.-р. (см. § 424).

§ 449. Судьба форм двойств. ч. Старые формы им. дв. на *-а* от имен муж. р. при числительных *два, оба* были утрачены и заменены формами им. мн.: *два воли, городи* и пр.; зато сохранились формы им. дв. на *-ѣ* от имен ж. и ср. р.: *дві нозі, руки, відрі* рядом с *дві ноги, руки, два відра*. По аналогии те же формы стали употребляться и при числительных *три* и *чотири*: *три корові, чотири селі* и пр.

§ 450. Дат. ед. на *-ови, -еви*. Уже в древнейшую эпоху дат. ед. на *-ови* в южнорусских и некоторых севернорусских говорах мог образовываться не только от имен, имевших такое окончание этой формы еще в о.-сл., но и от других имен муж. р. с окончанием им. ед. на *-ѣ*; по аналогии с ними и имена с основами на мягкие неслоговые звуки могли иметь дат. ед. на *-еви*, ср. в Мстиславовой грам. 1130 г. **Георгиеви** и т. п. Позднее в севернорусских говорах эта форма была утрачена, а в

м.-р. получила большое распространение и даже стала употребляться предпочтительно перед формой на -у; ср. нын. украинск. *козакові, дубові, вісові, батькові, ковалеві, коневі, ножеві, богачеві, товаришові* и пр., и даже, хотя и редко, от имен ср. р. на -о, -е: *містові, полеві, мореві, сонцеві, життєві* и пр. Окончания -ови, -єви в вост.-м.-р. говорах очень рано, не позже XIV в., нефонетически изменились в -овѣ, -евѣ (откуда нын. -ові, -еві), по аналогии с -ѣ в дат. ед. личных местоимений и имен ж. р. На такое изменение могут указывать формы дат. ед. -овѣ, -евѣ в некоторых южнорусских памятниках XV в. В зап.-м.-р. (точнее: с.-м.-р., зап.-украинских, галицких и карпатских) говорах *и* в этих окончаниях осталось⁹⁹ без изменения в *ѣ* и *і*. Кроме того, звук *е* в окончании -еві или -єви во многих (преимущественно западных) м.-р. говорах нефонетически заменен звуком *о*, причем согласные перед ним стали мягкими, если они мягки в других падежных формах: *ковалььови, коньови, купцьови, гостьови, ножови, польови, морьови, життьови* и пр., по аналогии с *о* в *козакови, містови* и др.

§ 451. Местный ед. имен муж. и ср. р. Формы местн. ед. на -ѣ частью сохранились (с фонетическим изменением *ѣ* в *і*), частью были заменены формами на -у, которые между прочим стали образовываться и от имен ср. р. Теперь местн. на -у употребляется в м.-р. преимущественно от имен муж. р. с суффиксами -ѣк и -ик: *в садочку, на хлопчику* и т. п., реже от основ на мягкие: *в куреню, на звірю* и пр. Позднее благодаря совпадению дат. и местн. на -у и, может быть, по аналогии с именами ж. р., где дат. и местн. тоже совпадают, стало возможным употребление дат. ед. муж., а диалектически и ср. р. на -ові, -еві (или -ови, -єви) в значении местн., причем от некоторых имен местн. на -ові (-ови и пр.) употребляется теперь даже предпочтительно перед другими формами того же падежа. Примеры: украинск. *в вінкові, на батькові, на півневі* (*півень* — петух) и т. п., карпатск. *сынови, польови, життьови* и пр. Наконец, вследствие возможности совпадения дат. и местн. ед. муж. и ср. р. существительных и ж. р. прилагательных, в с.-м.-р. и укр. стали употребляться в значении местн. и формы дат. ед. муж. р. местоимений и прилагательных: *у всьому городі, в вишневому садочку* и т. п., рядом со старыми формами.

⁹⁹ Конечно, с тем фонетическим изменением, какому подверглось в м.-р. всякое старое *и* не после *ј*.

§ 452. Им. мн. от имен несреднего р. на *-а* в м.-р. не употребляется, кроме немногих слов: *повода*, *вуса*, *рукава* (жирным шрифтом — ударяемые гласные). Ср. выше § 382.

§ 453. Им. мн. на *-ове*. Формы им. мн. на *-ове* и, по аналогии с ними, на *-еве* от основ на мягкие, по-видимому, сохранялись в некоторых русских говорах в XII в. и позднее, причем употреблялись от некоторых имен, имевших такую форму, может быть, еще в о.-сл., т. е. изменявшихся в о.-сл. яз. по типу имен *сынъ*, *медъ* и т. п. (сюда, может быть, относится **борове** в Ипат. летоп. от существ. *боръ* — лес, сосна), а также от имен лиц: *попове*, *татарове*, *ляхове* и пр. Затем формы на *-ове* от имен неодушевленных предметов и животных были утрачены во всем русском яз., а от имен лиц сохранились лишь в некоторых с.-м.-р. (подляшских), галицких и карпатских говорах: *сынове*, *склепарьове*, *товаришове*, *сусидове* и пр. Возможно, что эти формы возникли уже в м.-р. говорах под влиянием польского или словацкого яз. В украинских говорах они неизвестны.

§ 454. Род. мн. имен существительных. Род. мн. на *-овъ* (укр. *-ів*, с.-м.-р. и карп. *-ув*) в большинстве говоров теперь образуется только от имен муж. р. с основами как на твердые, так и на мягкие неслоговые звуки: *волив*, *країв*, *ножів*, *царів* и пр. Диалектически формы на *-ов* стали образовывать и некоторые имена ср. р., ср. подольск. *полів*, карп. *морів*, *ягнятув*, и даже, хотя и редко, ж. р.: *матерів*, *ранів*, *землів* (литерат. укр. *матерів*, но *ран*, *земель*), но обычно имена ср. и ж. р. не образуют род. мн. на *-ов*. Имена на *-ъ* муж. р. типа *гость*, *зять* и пр. по большей части стали склоняться так же, как и другие имена муж. р. с основами на мягкие звуки, т. е. образуют род. мн. тоже на *-ов*: *локтив*, *гостив* (карп. *локтюв*, *гостюв*); наоборот, существительные *конь* (*кінъ*, *кунъ* и пр.) и *грош* (*грѣш*, *зруш* и пр.) склоняются во мн. по образцу имен ж. р. на *-ь*: *коней*, *грошей* (реже: *конів*, *грошів*). Диалектически в карпатских и др. говорах род. мн. на *-ий* стали образовывать имена муж. р. на *-рь*, *-ль*; *ліварий*, *учителей*. Наконец, в некоторых карпатских говорах возникли формы род. мн. на *-ах*: *морях*, *ключах*, *сонцях*, *волосях*, *локтях* и пр. по аналогии с формами местн. мн. под влиянием совпадения этих форм у местоимений и прилагательных.

§ 455. Дат. мн. на *-ом* (*-ем*) и местн. на *-ѣхъ* и *-ѣхь*. Эти формы от имен муж. и ср. р. сохранились в м.-р. лишь диалекти-

чески, главным образом, в карпатских говорах; впрочем, форма местн. на *-ix* (из *-ѣхъ*) по большей части вытеснена формой на *-ох* (из *-ѣхъ*): дат.: *лісум, чоловікум, сынум, конюм, ліварюм, містум, тілум, морюм, сонцюм, ключум*; местн.: *лісох, чоловікох, сынох, коньох, ліварьох, тілох, сонцьох, ключох* (реже: *лісіх* и пр.); в с.-м.-р. и укр. формы на *-ум* или *-ім* (из *-омъ, -емъ*) и на *-ix* (из *-ѣхъ*) теперь очень редки, преимущественно от некоторых имен с основами на мягкие: с.-м.-р. дат. мн. *хлопцюм, конюм* и пр., укр. *хлопцім, конім, грошім, гостім* (здесь *і* по аналогии), местн. *хлопціх, коніх, грошіх* (*і*, конечно, здесь явилось нефонетически), *лісіх* и *лісох*. Украинские формы дат. мн. на *-ем* или *-ом* и местн. на *-ех* или *-ох* от имен *коні, гроші, гості* и пр. см. ниже § 458.

§ 456. Судьба род. ед. имен ж. р. и им.-вин. мн. муж. и ж. р. на *-ѣ* из о.-сл. *-ѣ* носового. Эти формы вообще в м.-р. сохранились повсеместно: укр. род. ед. *землі, дині, бурі*, им. мн. *землі* и пр., *коні, ковалі, князі*, с.-м.-р. род. ед. *земліе* и пр., им. мн. *клубіе, пісніе, ножіе, купціе*. По аналогии с *конѣ, мужѣ* и т. п. им.-вин. на *-ѣ* в м.-р. стал образовываться и от других имен муж. р. с основами на мягкие согласные, ср. укр. *звірі, ведмеді, гості, гвозді* (реже — со старым *-и*: *гости, гвозди*) и пр. Диалектически окончание *-і* (из старого *-ѣ*) стало употребляться и от имен ж. р. на *-ѣ*, преимущественно в им. мн.: *ночі, кості* и пр.

§ 457. Твор. ед. имен ж. р. Окончание *-ою, -ею* диалектически распространилось на имена ж. р. на *-ѣ*: при обычном вост.-укр. *ніччу, річчу, сіллю* (= солью) и т. п. на западе, преимущественно в карпатских говорах, реже в галицких и зап.-м.-р., говорят также: *ночою* (Подольск. г.), *костею* и *костьою* и т. п. В некоторых карпатских говорах окончание *-ою* вследствие выпадения *-й* между гласными изменилось в *-оу* с у неслоговым: бойк. *жоноу, фукоу, дыньоу, кустьоу* (костью), *любовйюу* и т. п. (с у неслоговым; в слове *кустьоу* первое у из более старой формы *кустю*, ср. украинок. *кістю*, где у, *і* из *о*). Из этого *оу* в говоре лемков получилось *-ом*: *руком, дыньом, земльом, честьом* (= частью) и пр.

§ 458. Формы мн. ч. склонения имен на *-ѣ* с род. ед. на *-и*. Слова муж. р. этого склонения в м.-р. по большей части утратили старые падежные формы, заменив их другими, ср. украинск. род. мн. *звїрів, ведмедів*, дат. *звїрям, ведмедям, гостям*, твор. *звїрями, ведмедями, гостями* и пр. Как архаизм сохранились старые формы им.-вин.,

род. и твор. мн. только у немногих имен: им. *гости, гвозди* (при обычных *гості, гвозді*), *люди* (и *люде*), род. *гостей, гвоздей, людей*, или *гостий, гвоздий, людий*, твор. *людьми*, реже: *гістьми, гвіздьми*; по аналогии с ними образуются косвенные падежи от имен *коні, гроші*: род. мн. *коней, грошей*, или *коний, гроший*, твор. *кіньми* (карп. *куньми*), *грішми* (карп. *грушми*); диалектически те же окончания теперь встречаются и от других имен с основами на мягкие и шипящие, но редко. Имена ж. р. по большей части сохранили из старых форм только формы им. и род. мн.: *кости, діти* и пр., род. *костей, дітей* и пр.; в остальных же падежах получили окончания *-ам, -ами, -ах* по аналогии с именами на *-а*: *костям, костями, костях*. Старая форма твор. мн. на *-ми* стала употребляться значительно реже, чем новая на *-ами*, хотя и сохранилась почти повсеместно: укр. *кістьми* и пр., карп. *кустьми* и пр. (= костями). Формы дат. мн. на *-ем* и *-ом* (из о.-р. *-ьмь*) и местн. *-ех* и *-ох* (из о.-р. *-ьхъ*) сохранились лишь диалектически, и то при более частых формах на *-ам, -ах*: вост.-укр. *гостем, людем, костем* и пр., *костех* и т. д., с.-м.-р. и зап.-укр. *гостьом, людьом, коньом, костьом, гостьох, людьох, коньох, дитьох* и пр. Встречаются также в укр. формы дат. мн. на *-ім*: *дверім, сінім* (= сеням), реже — местн. на *-іх*: *грудіх*.

§ 459. Звуки *е* и *о* после мягких в окончаниях падежных форм. Звук *е* в окончаниях падежных форм не в конце слова во многих м.-р. говорах, преимущественно в зап.-м.-р., нефонетически заменился звуком *о* с мягкой или шипящей согласной перед ним, ср. вост.-укр. *коневі, богачеві, ковалем, землею* и т. п., зап.-м.-р. *коньови, богачови, ковальом, землею* и пр. по аналогии с основами на твердые, например, *чоловікови, волом, рукою* и пр.

§ 460. Склонение имен с о.-сл. основой на *-е^нт*. В м.-р. формы этого склонения (ср. выше § 361 в) сохранились с небольшими изменениями: в род. ед. окончание *-ате* заменилось окончанием *-ати*, повидимому, еще в о.-р. эпоху, хотя диалектически является и *-ате*: *теляти* и *теляте*; в дат.-местн. ед. теперь является окончание *-ати* в одних говорах и *-аті* в других; в последнем случае *і* по аналогии с именами ж. р.: *теляти* и *теляті*. В тв. ед. *-атем*, заменившееся в зап. говорах нефонетически через *-атьом* или *-атом*: *телятем* (вост.), *телятьом* и *телятом*; широкое распространение получили также формы, образованные непосредственно от основы им.-вин. ед., *телям, ягням*; в лите-

ратурном украинском яз. употребительны только последние от всех имен ср. р. на *-я*.

§ 461. Им. ед. прилагательных. Окончания им. ед. муж. р. *-ый, -ий* вообще сохранились без изменения, но конечное *-й* после *-ы* или *-и* во многих говорах отпадает: *добрый, синий* и *добри, сини*. Неслоговая гласная *й* выпадает также и в окончаниях им. и вин. ед. ж. р. и им.-вин. ср. р. между гласными. При этом в им. и вин. ед. ж. р. после выпадения *й* между двумя *а* или двумя *у* получились стяженные формы с *а* или *у* краткими (из более ранних *а, у* долгих): *добра, біла, добру, білу* и пр., хотя диалектически сохраняются кое-где и нестяженные формы: *добрая, добрую* и пр. В им.-вин. ед. ср. р. в большей части м.-р. говоров вследствие выпадения *й* в окончании *-оє, -еє* получилось стяжение, причем *-оє, -еє* (т. е. *оэ, еэ*) перешли в *-е*: *добре, біле* и пр.; рядом с этими стяженными формами сохранились и нестяженные *доброє, білоє* или *добреє, білеє* (где *е* заменило старое *о* нефонетически). В карпатских (главным образом, закарпатских) говорах вместо украинского *-е* в им.-вин. ед. прилагательных ср. р. является окончание *-ой*, очевидно, из *-ойе* после выпадения *й* через посредство *оє* с *е* неслоговым: *доброї, бідної, такої*: *такої чудо* и пр.

§ 462. Род. и дат.-местн. ед. ж. р. прилагательных. В м.-р. сохранились старые формы на *-овъ, -евъ* (см. § 382.4), откуда нынешние украинские формы на *-ої, -еї*: *доброї, синєї*. В дат.-местн. ед. ж. р. фонетически из о.-р. *-ой* получилось в украинском *-ий*, откуда далее *-і*: *добрі* и пр.; в с.-м.-р. и закарп. *-уй*: *добруй* и пр.

§ 463. Дат. ед. личных местоимений в нынешнем м.-р. только: *мені, тобі, собі* (ср. § 371); формы *тобі, собі* восходят к о.-сл. и о.-р. *тобѣ, собѣ*; форма *мені* — к о.-р. диалект. *менѣ* (ср. ю.-в.-р. *мине*).

§ 464. Склонение местоимений неличных, как и в б.-р., частью совпало по формам со склонением прилагательных, ср. формы: им. ед. муж. р. *цей* (= сей, этот), *той*, им. ед. ж. р. *цяя, тая*, ср. р. *цеє, тоє*, вин. ед. ж. р. *цюю, тую* и пр.

§ 465. Склонение числительных. Числительные от пяти до десяти и сложные с *десять* в м.-р., как и в б.-р., стали образовывать падежные формы по местоименному склонению и согласоваться в числе с определяемыми ими существительными: род.-местн. *пятьох, ше-*

стѣох и пр., дат. *пятьом*, тв. *пятьма* и пр.; впрочем, сохраняются и старые формы: *пяти*, *шести* и пр.

Б. История форм спряжения в русском языке

1. Формы спряжения, перешедшие в русский язык из общеславянского

§ 466. В словах о.-сл. и о.-р. языков, называемых в грамматиках глаголами, следует различать собственно глаголы, т. е. спрягаемые слова, и те глагольные слова, которые, имея основу, общую с основами форм спряжения, не являются сами формами спряжения. К таким глагольным словам в о.-сл. языке относились а) причастия, б) инфинитивы и в) супины. Уже на почве русского яз. позднее развилась новая категория глагольных слов, так наз. деепричастия. Некоторые причастия, а также инфинитивы, не будучи сами по себе формами спряжения, еще в о.-сл. входили в состав сложных или описательных форм спряжения.

§ 467. Формы спряжения, перешедшие в о.-р. яз. из о.-сл., состояли из форм лица с их различиями по числу и форм сказуемости, т. е. наклонения и времени. Формами лица в глаголах обозначалось отношение признака, выраженного глагольной основой, к известному лицу речи; при этом глагол в формах 1-го и 2-го лица всех трех чисел (единственного, двойственного и множественного) не требовал при себе в качестве подлежащего слова, обозначающего 1-е или 2-е лицо речи, так как эти лица подразумевались уже самой формой 1-го или 2-го лица глагола: например, о.-сл. *дамь*, *даси* по значению совпадали с нынешними русскими: *я дам*, *ты дашь*. Формами сказуемости называются такие формы, которые делают глагол грамматическим сказуемым, т. е. обозначают предмет мысли, на который указывает основа глагола, в открываемом мыслью сочетании его с другим предметом мысли. К формам сказуемости в глаголе о.-сл. яз. принадлежали формы наклонений: прямого, или изъявительного, и двух косвенных: повелительного и условного, и формы времени: настоящего, аориста, имперфекта, прошедшего сложного I или перфекта, прошедшего сложного II или *plusquamperfect*'а, будущего 1-го и будущего 2-го (условного).

§ 468. Что касается форм залога и вида, то эти формы по своему значению являются формами не словоизменения (синтаксическими), а формами словообразования (несинтаксическими), но в о.-сл. яз. в связи с различиями по залогам и видам стояли и известные различия в образовании и значении синтаксических форм спряжения. Из форм залога в о.-сл. яз. в эпоху его распада сохранялись полностью лишь формы залога действительного; глаголы, имевшие эти формы, по значению были частью переходными, частью непереходными. Кроме форм действительного залога, в о.-р. яз. перешли из о.-сл. причастия настоящего и прошедшего времени страдательного залога. Отсутствие форм спряжения возвратного и страдательного залогов возмещалось описательными выражениями: 1) сочетанием форм действ. залога с возвратным местоимением в вин. пад. *сеⁿ* (в о.-р. *ся*) для обозначения прямого возвратного действия и в дат. пад. *си* для обозначения непрямого возвратного действия; 2) сочетанием причастий страд. залога с формами спряжения вспомогательного глагола *быти* для описания страдат. залога. Описательная форма возвратного залога уже в о.-сл. могла получить значение страдательного.

Видовые значения в глагольные основы в о.-сл. вносились различным образом: или 1) известными словообразовательными суффиксами, или 2) сложением простых глагольных основ с приставками. В случаях первого рода в зависимости от присутствия или отсутствия тех или других суффиксов в глагольных основах различались формы вида кратного и некротного с известными подразделениями. Во втором случае, в глаголах, сложенных с приставками, эти приставки могли изменять значение несовершенного вида простых основ в значение вида совершенного, внося притом и другие, невидовые изменения в значение простых основ.

§ 469. Все глаголы о.-сл. яз. можно разделить на 2 класса, унаследованные им от общеиндоевропейского яз.: а) глаголы нетематического спряжения, у которых окончания личных форм наст. врем. присоединялись непосредственно к непроизводной основе; это — глаголы *јесъмь, ѡъмь, дамь, вѣъмь, имамь*; и б) глаголы тематического спряжения, у которых перед окончанием почти всех личных форм наст. вр. (кроме 1 л. ед. и 3 мн.) являлись гласные *e* или *и*, представлявшие первоначально суффиксы основы наст. вр.: 2 л. ед. *несеши* (или: *несешь*), *хвалиши*

(или: *хвалишь*), 3 л.: *несетъ*, *хвалитъ* и пр.¹⁰⁰ По характеру этой гласной в глаголах тематического спряжения в о.-сл. можно различать, как и в нынешнем русском яз., тоже 2 класса: 1-е тематическое спряжение с гласной *e* и 2-е тематическое спряжение с гласной *u*.

Большая часть глаголов образовывала формы спряжения, а также инфинитивы, супины и причастия от двух основ, называемых 1) основной настоящего врем. и 2) основой инфинитива: эти две основы различались между собой или суффиксами основы, или характером гласного звука внутри основы, или и тем и другим; часть глаголов имела одну и ту же основу наст. вр. и инфин. По присутствию или отсутствию различий между этими основами и по самому характеру этих различий глаголы могут быть разделены на несколько классов. Не перечисляя этих классов, укажу, что в тех случаях, когда основы различались только по характеру гласной, в основе наст. вр. могла быть или более краткая гласная, чем в основе инфинитива: *мьроⁿ* (др.-р. *мьру*), инф. *мерти* (др.-р. *мерети*, ст.-сл. **мрѣти**), или носовая гласная при неносовой в основе инфинитива: наст. вр. *леⁿгоⁿ* (р. *лягу*), *сеⁿдоⁿ* (р. *сяду*), аорист (образованный от основы инфинитива) *легохъ*, *сѣдохъ* и пр. Если же основы различались суффиксами, то в 1-м тематическом спряжении основа наст. врем. отличалась от инфинитивной или а) присутствием суффикса *j*, отсутствовавшего в инфинитивной основе, ср. 1 ед. наст. *знаj-оⁿ*, *колⁱ-оⁿ*, 2 ед. *знаj-еши*, *колⁱ-еши* (л мягкое из *lj*), инф. *зна-ти*, *кол-ти* (р. *колотъ*, ст.-сл. **клати**) и т. п., или б) отсутствием суффикса *a*, присутствовавшего в инфинитивной основе: 1 ед. *рѣв-оⁿ* (р. *рву*), *дѣj-оⁿ* (др.-р. *дѣю*), 2 ед. *рѣв-еши*, *дѣj-еши*, инф. *рѣва-ти*, *дѣja-ти*; или же в) тем и другим: 1 ед. *плач-оⁿ* (*ч* из *kj*), *орⁱ-оⁿ* (р. *орю*; *р* мягкое из *rj*), *пифуj-оⁿ* (*у* из *ou* с *у* неслоговым), 2 ед. *плач-еши*, *орⁱ-еши*, *пифуj-еши*, инф. *плака-ти*, *ора-ти*, *пифова-ти* (*в* из *у* неслогового). Глаголы 1-го спряжения с суфф. *n* (из общеиндоевроп. *ne/но*) в основе наст. врем. имели основу инфинитива или без этого суффикса: 1 л. ед. наст. вр. *стан-оⁿ* (р. *стану*), 2 ед. *стан-еши*, инф. *ста-ти*, *двигн-оⁿ* (или *двин-оⁿ* с выпадением *г* перед *n*), *двигн-еши* (*двин-еши*), аорист: *двиг-ъ*, *двиг-охъ*, или с суффиксом *ноⁿ*, ср. инфинитив того же

¹⁰⁰ В 1 ед. и 3 мн. первоначально были тематические гласные *o* (*у* тех глаголов, у которых в остальных лицах такой гласной было *e*) и *u* и окончания *-ом* и *-нти*; в 1 ед. тематическая гласная *o* слилась с гласной *o* окончания еще в дославянскую эпоху, а тематич. гласная *u* перед *-ом* изменилась в *j*; в 3 мн. в о.-сл. из *o + нти*, *u + нти* получилось *оⁿтъ*, *еⁿтъ*.

глагола *движно^н-ти* или *двино^н-ти* (р. *двинуть*). Глаголы с основной наст. вр. на согласную и основой инфинитива на *-а* могли в этой основе иметь гласную более краткую, чем в основе наст. вр.: 1 ед. наст. *беро^н* (р. *беру*) — инф. *бьрати* (р. *брать*) и т. п. Глаголы 2-го спряжения образовывали инфинитивную основу с суффиксами *-и*, *-ѣ* (из более раннего *е* долгого) и *-а* (кроме глагола *спати* «спать», из *е* долгого после смягченных согласных, см. § 130), а в основе наст. врем. имели в 1-м л. ед. (перед *о* носовым) *ј*, а в остальных формах, перед согласными звуками личных окончаний *-и* (см. § 471). Так как сочетания согласных *с ј* еще в о.-сл. изменялись в смягченные согласные (см. выше §§ 141—146), то в эпоху распада о.-сл. яз. основа глаголов 2-го спряжения в 1-м л. ед. ч. наст. вр. обязательно оканчивалась на смягченную согласную, а в остальных личных формах наст. вр. из смягченных согласных могли быть только те, которые получались из заднебных перед *и*, ср. в нынешнем русском чередование шипящих с зубными *д*, *т* и свистящими *з*, *с*, а также чередование сочетаний губных с *л* мягким с мягкими губными без *л* в формах 1-го л. ед. и остальных лиц глаголов 2-го спряжения: *вижу* — *видишь*, *молочу* — *молотишь*, *вожу* — *возишь*, *ношу* — *носишь*, *люблю* — *любишь*, *ловлю* — *ловишь*, *кормлю* — *кормишь*, *сплю* — *спишь*, *пушу* — *пустишь*: все эти чередования восходят к о.-сл. чередованиям смягченных согласных (из сочетаний *с ј*) с несмягченными согласными перед *и*; там, где в нынешнем русском языке является во всех формах одна и та же шипящая: *лежу* — *лежишь*, *молчу* — *молчишь*, *сушу* — *сушишь*, в о.-сл. была смягченная шипящая, получавшаяся вследствие изменения заднебных как перед *ј*, так и перед палатальными гласными, ср. р. *лёг*, *легла*, *умолк*, *сухой*. В 3 л. мн. ч. из сочетания *и + н* перед *т* в о.-сл. получилось *е* носовое, откуда русское *а* после мягких или шипящих: *сидят*, *летят*, *грозят*, *висят*, *спят*, *зремят*, *свистят*, *лежат*, *молчат*, *решат*.

§ 470. От основы наст. вр. образовывались, кроме форм наст. врем., также формы повелит. наклонения и причастия наст. врем. действит. и страдат. залога; от основы инфинитива — формы аориста и имперфекта, а также инфинитив, супин и причастия прош. вр. действ. и страд. залогов.

§ 471. Личные формы наст. врем. имели в о.-сл. следующие окончания: 1 ед. ч. от глаголов нетематического спряжения *-мь*, от глаголов тематического спр. *о* носовое (без тематической гласной перед этим окончанием): *дамь*, *ѣмь*, *јесмь*, *имамь*, *беро^н*, *хвал'о^н* (р. *беру*,

хвалю, где у из *о* носового); в остальных формах, кроме 3 мн., в тематическом спряжении перед окончаниями были гласные: в 1 спр. *е*, во 2-м *и*; 2 ед. от глаголов нетематического спряжения с первоначальными основами на согласные *-си*, от остальных *-ши* или *-шь*: *даси* (старая основа *dad*), *ѡси* (старая основа *ѡd*), *јеси* (основа *јес*), *имаши* или *имашь* (основа *има*), *береши* или *берешь*, *хвалиши* или *хвалишь*; 3 ед. *-тъ*; это окончание у глаголов тематического спряжения (первоначально только 1-го) и у глагола *јесъмь* могло отсутствовать: *дасть*, *ѡстъ*, *јестъ*, *имать*, *береть*, *хвалить* и *је*, *бере*, *хвали*. Дв. ч. 1 л. *-ѡѡ*, 2 л. *-та*, 3 л. *-та* и *-те* (*-тѡ*). Мн. ч. 1 л. *-мѡ*, *-мо*, *-ме*, *-мы*: *дамѡ*, *ѡмѡ*, *јесъмѡ*, *имамѡ*, *беремѡ*, *хвалимѡ* или *дамо*, *ѡмо*, *јесмо*, *имамо*, *беремо*, *хвалимо* или *даме* и пр. или *дамы* и пр., 2 л. *-те*: *дасте*, *ѡсте* (здесь *с* из *д* перед *т* явилось еще в общеиндоевроп. яз.), *јесте*, *имате*, *берете*, *хвалите*; 3 л. от глаголов 1-го тематического спряжения *-о^нтъ*: *беро^нтъ* и т. п. (др.-р. *беруть*, где у из *о* носового), от глаголов 2-го тематического спряжения *-е^нтъ*: *хвале^нтъ* (др.-р. *хвалять*, ср. нын. *сидят*, где *а* из *е* носового). От глаголов нетематического спряжения эти формы были следующие: *даде^нтъ*, *ѡде^нтъ*, *ѡѡде^нтъ* (здесь *е* носовое из более раннего *н*, становившегося слоговым между согласными), *со^нтъ*, *имо^нтъ* (здесь *о* носовое из *а* в конце основы + *н* перед согласной), ср. др.-р. *дадять*, *ѡдять*, *ѡѡдять*, *суть*, *имуть*. Окончание *-тъ* в 3 л. множ. могло отсутствовать.

§ 472. В русских памятниках с XIV в. встречается нередко 1 ед. *есми* (грам. Андрея Полоцк, до 1399 г., двинск. грам. XV в. и др.); по-видимому, эта форма с конечным *и* перешла в о.-р. яз. из о.-сл., где она, может быть, являлась вместо *јесъмь* перед *и*.

§ 473. Форма 2 ед. у глаголов тематического спряжения и глагола *имамъ* в о.-сл., по-видимому, являлась как с окончанием *-ши*, перешедшим в ст.-сл. яз., так и с окончанием *-шь*, на которое указывают все остальные славянские языки, в том числе и русский, имеющие в этой форме только окончание *-и*: поль. *masz*, *niesiesz*, *czynisz*, *znasz*, сербск. *имаш*, *несеш*, *видиши*, *чуваши*, болг. *имаш*, *береш*, *молиши*, *виждаши* и пр. Формы с окончанием *-ши*, впрочем, сохранились в одном из м.-р. карпатских говоров; в остальных же в.-р., б.-р. и м.-р. говорах теперь известны только формы на *-и*, восходящие к старым формам на *-шь*. В др.-р. церковных памятниках в силу церковной и книжной традиции обычные формы на *-ши*, а формы на *-шь* редки; древнейшие примеры—

XII—XIII в.: **тружаешь** ев. XII в. Киевского Музея, **прѣтъкнешь** ев. Румянц. Муз. № 104 XII—XIII в., **низъведешь я** Типогр. Псалт. XIII в. № 27, л. 87 об., **забудешь мя** там же 15, **попрешь лва** там же 147 и др.; довольно часты формы на *-шь* в севернорусском списке Кормчей 1282 г.: **будешь, переступишь, стоишь** и мн. др. Но в грамотах и других памятниках нецерковного письма с XIII в. (до XIII в. формы 2 ед. в таких памятниках вовсе не встречаются) обычны формы на *-шь*, а формы на *-ши* являются очень редко, очевидно, под влиянием церковного письма. Примеры с *-шь*: **посулишь** Смол. грам. 1229 г., **будешь, поедешь** Новг. грам. 1304 г. и др.

§ 474. На о.-сл. *-ть* в окончании 3 ед. и мн. указывает русский яз.; в древнейших русских памятниках и церковного, и делового письма эти формы пишутся почти исключительно с окончанием *-ть*; к о.-сл. *-ть* следует возводить не только *t* мягкое в окончании 3 л. в вост.-м.-р. и ю.-в.-р. и *ц* мягкое в б.-р., но и *t* твердое в с.-в.-р. и зап.-м.-р., ввиду показаний древних с.-р. и ю.-р. памятников, знающих только *-ть*; это *t* твердое объясняется позднейшим отвердением конечных согласных. В ст.-сл. формы 3 л. с окончанием *-ть* являлись лишь диалектически только от глаголов нетематических и, может быть, от глаголов 2-го тематического спряжения в ед. ч.¹⁰¹ В остальных случаях формы 3 ед. и мн. наст. вр. в ст.-сл. памятниках являются только с окончанием *-тъ*, которое можно считать новообразованием, возникшим, быть может, уже после распада о.-сл. яз. Нынешнее болгарское *t* твердое в окончании 3 мн. и, частью, 3 ед. наст. вр. может восходить и к этому *-тъ*, и к о.-сл. *-ть*. Остальным славянским языкам те же формы известны издавна только без окончания *-т*, кроме 3 ед. *єсть* (сербск. *jest*,

¹⁰¹ Интересно отметить, что *-ть* в этих ст.-сл. говорах являлось именно в той категории глаголов, в которой русский яз. знает только формы с окончанием *-ть* или *t*: ср. §§ 609, 627, 537; те же глаголы, которые в русском яз. могут иметь 3 ед. без *-ть*, в этих говорах являлись только с окончанием *-тъ*. По-видимому, эти ст.-сл. и русские говоры одинаково восходят к таким говорам о.-сл. яз., в которых окончание *-ть* могло отсутствовать в ед. ч. именно у тематических глаголов 1-го спряжения. Если так, то это соотношение между русскими и некоторыми ст.-сл. говорами служит подтверждением мнения акад. Ф. Ф. Фортунатова [Фортунатов, 1908], что ст.-сл. *-тъ* восходит к о.-сл. *-тъ*, приставлявшемуся первоначально только к формам 3 л. с суффиксом *-т*, отпадавшим в этой форме фонетически, но не с суффиксом *-ти* (откуда в эпоху распада о.-сл. яз. *-тъ*).

польск. *jest* и пр.). Формы без окончания *-ть* от глагола *јесѣ* и глаголов тематического спряжения перешли, между прочим, из о.-сл. яз. и в некоторые говоры ст.-сл. яз. (Зогр. **достои, подобаа, е**; Супр. **може, хоште, праздноуе, сѣди** и др.) и в русский яз. Из древнейших русских памятников церковного письма формы без *-ть* очень часты в Изборн. 1073 г.: **ѣ, буде, оумираѣ, боли, соу** и пр.; в остальных редки: **напише** запись О. Е., **обряце** запись Минеи 1095, **что ѣ тебѣ, приде** I поч. Арх. ев. и др.; в летописях и грамотах такие формы чаще; теперь они обычны в м.-р. и части б.-р. и в.-р. (северных и южных) говоров.

Окончание *-ть* перед *и* еще в о.-сл. могло фонетически изменяться в *-ти*; формы на *-ти* в этом положении перешли и в русский яз. и встречаются в древнейших памятниках, преимущественно южных, например, в I поч. Арх. ев.: **ѣмлети и, дасти и, оубиюти и** и др., в Усп. Сборн.

§ 475. Форма I-го л. мн. в о.-сл. могла оканчиваться на *-мь, -мо, -ме* и *-мы*. Окончание *-мь* перешло из о.-сл., между прочим, в ст.-сл. и русский яз.; ср. ст.-сл. **ѣмь, дамь, несемь, хвалимь** и пр., др.-р. *несемь, хвалимь*, нын. в.-р. *несём, хвалим* и т. п.; окончание *-мо* перешло в сербский и словенский языки и в южные говоры о.-р. яз., ср. нын. сербск. *јесмо, дамо, несемо, носимо*, м.-р. *дамо, їмо, несемо, учимо* и пр.; окончание *-ме* — в чешский, словацкий и болгарский языки, а также, по крайней мере, в форме I мн. *јесме*, — в северные говоры русского яз., ср. нын. чешск. *jsme, budete* и др., болг. *сме, чукаме, хвацаме*, диалект. *плетеме, молиме*. Окончание *-мы*, являющееся теперь в польском и лужицких языках, ср. польск. *jestesmy, niesiemy, czynimy* и пр., и известное также памятникам ст.-сл. и др.-р. языков, первоначально, вероятно, являлось только перед *и*, вследствие фонетического изменения конечного *-ь*, как показывают некоторые ст.-сл. и др.-р. памятники, в которых формы на *-мы* употребляются именно в этом положении (ср. в I поч. Арх. ев. **оубиѣмы и** 43), хотя позднее окончание *-мы* является и независимо от этого положения.

Наиболее обычным окончанием I мн. в древнейших русских памятниках и церковного, и делового письма является *-мь*, как и в ст.-сл. Формы на *-мо* нередки в южнорусских и западнорусских памятниках с XIV в. и обычны в нынешнем м.-р. и б.-р. рядом с формами на *-м*. Форма *есме* в севернорусских памятниках — с XIII в. (сев.-р. Хлудов-

ский Пролог 1262 г., новгор. грам. 1265 г. и позднее). Формы на *-мы* в нын. русском яз. не сохранились, но еще в XIII и XIV в. встречаются как в церковных памятниках, так и в грамотах, при этом в положении не перед *и* преимущественно от нетематических глаголов: **дамы, продамы**—грам. рижан в Витебск около 1300 г., **а то есмы положили**—договор тверского князя Михаила Александр. с Новгородом около 1370 г., **дали есмы**—ю.-р. грам. Панка 1387 г.

§ 476. Повелительное наклонение образовывалось от основы наст. вр. и имело формы всех лиц, кроме 1 ед. и 3 мн. Форма 2 и 3 ед. от нетематических глаголов: *бо^нди* (др.-р. *буди*), *ѡдѣ* (др.-р. *ѡжь*, ст.-сл. **ѡждь**), *дадѣ* (ст.-сл. **даждь**, др.-р. *дажь*), *вѡдѣ* (ст.-сл. **вѡждь**, др.-р. *вѡжь*); так же образовывалась форма 2 и 3 л. повелит. от глагола *видѣти*: *видѣ* (ст.-сл. **виждь**, др.-р. *вижь*). Форма 2 и 3 л. ед. тематических глаголов имела суффикс *и*: *неси*, *знайи*, *пиши*, *хвали* и пр. Остальные формы повелит. наклонения имели перед окончаниями суффикс *ѣ* у глаголов 1-го тематического спряжения с основами на твердую согласную: *несѣмъ*, *несѣте* и т. п. и суффикс *и* у остальных глаголов: *пишимъ*, *знайимъ*, *хвалимъ*, *пишите*, *знайте*, *хвалите*. У глаголов нетематического спряжения окончания в дв. и мн. ч. присоединялись к основам *бо^ндѣ*, *ѡди*, *дади*, *вѡди*, ср. др.-р. *будѣмъ*, *ѡдимъ*, *дадимъ*, *вѡдимъ*, *будѣте*, *ѡдите*, *дадите*, *вѡдите*. Окончания дв. и мн. ч. те же, что и в наст. врем.: 1 дв. *-вѣ*, 2 и 3 дв. *-та*, 1 мн. *-мъ*, *-мо*, *-ме*, *-мы*, 2 мн. *-те*. Согласные задненебные перед суффиксом *и* в ед. и *ѣ* в дв. и мн. переходили в свистящие: *мози*, *мозѣте*, *пѣци*, *пѣцѣте* и пр. Форма 2 и 3 ед. впоследствии утратила значение 3 ед. и сохранилась лишь со значением 2 ед. повелит.

§ 477. Аорист в о.-сл. образовывался от инфинитивной основы; при этом различались две формы аориста: а) аорист простой, личные формы которого образовывались через присоединение личных окончаний непосредственно к инфинитивной основе, и б) аорист сигматический, образовывавшийся с помощью суффикса *с*. Простой аорист образовывался только от глаголов 1-го тематического спряжения с основой на согласную несонорную и от глаголов с суффиксом инфинитивной основы *-но^н*, отпадавшим в этой форме (1 ед. *несѣ*, *двигѣ* и т. п.). Те же глаголы имели и формы аориста сигматического; остальные глаголы образовывали только сигматический аорист. В эпоху распада о.-сл. яз. формы аориста простого от упомянутых глаголов, кроме форм 2 и 3 ед., были, по-видимому, менее употребительны, чем формы аориста

сигматического, так как в большей части славянских языков утрачены еще в доисторическую эпоху. Сигматический аорист в эпоху распада о.-сл. яз. образовывался от основ на гласные и сонорные через присоединение суффикса *с* (с его фонетическими изменениями в *х* и *ш*) непосредственно к инфинитивной основе, а от основ на согласную несонорную двояким способом: 1) или непосредственно к основе с удлинением гласного звука основы: *чьсь* (ср. 1 ед. наст. *чьто^н*, р. *чту*), *бась* (1 ед. наст. *бодо^н* — *бодаю*), *нѣсь* (1 ед. наст. *несо^н*, р. *несу*), *рѣхъ* (1 ед. наст. *реко^н*, др.-р. *реку*), или 2) с помощью тематической гласной *о* без удлинения гласного звука основы: *чьтохъ*, *бодохъ*, *несохъ*, *рекохъ*. Глаголы не-тематического спряжения по образованию основы не отличались от тематических: 1 ед. аор.: *быхъ*, *дахъ*, *вѣдѣхъ*, *ѣсь* и *ѣдохъ* (при инфинитивах *быти*, *дати*, *вѣдѣти*, *ѣсти*); вместо 1 ед. *ѣсь*, 3 мн. *ѣсе^н* еще в говорах о.-сл. яз. могло являться *ѣхъ*, *ѣше^н* по аналогии с аористами на *-хъ*. Глагол *дати*, может быть, еще в говорах о.-сл. яз. мог образовывать аорист также от основы наст. вр.: 1 ед. *дадохъ*, 2 ед. *даде* и пр., сохранившийся в болгарском и сербском языках и известный также из старых памятников чешского яз. и поздних церковнославянских памятников русского извода (в последних только в форме 2 и 3 ед.).

Русским яз. из о.-сл. несомненно были получены только формы аориста сигматического, при этом от глаголов с основами на согласные — только формы с тематической гласной *о*¹⁰²: *чьтохъ*, *несохъ* и пр., кроме 2 и 3 ед., которые образовывались в др.-р. так же, как в ст.-сл., и представляли собою формы аориста простого (несигматического). Что касается остальных форм аориста несигматического и аориста сигматического от основ на согласные без тематической гласной *о*, то в русских оригинальных памятниках как делового, так и церковного письма они вовсе не встречаются, а в русских списках со ст.-сл. оригиналов очень редко.

§ 478. Рассмотрю только те формы аориста, которые несомненно перешли в русский яз. из о.-сл. Личные окончания сигматического аориста, относя суффиксы *с*, *ос* с их изменениями в *х*, *ох*, *ш*, *ош* к окончанию, были следующие. Ед. ч. 1 л. *-сѣ*, *-хъ*, *-охъ*: *ѣсь* (позднее *ѣхъ*), *је^нсѣ* (позднее *је^нхъ*, откуда р. *яхъ*), *начесѣ* (позднее *начехъ*, откуда р. *начихъ*),

¹⁰² Впрочем, от глагола *ѣсти* в древних русских памятниках встречаются и формы: *ѣхъ*, *ѣша*, *изѣб* и т. п. при обычных *ѣдохъ*, *ѣдоша*, *сѣбде*.

быхъ, дахъ, знахъ, писахъ, видѣхъ, хвалихъ, мерхъ (ср. ст.-сл. **мрѣхъ**, в др.-р. должно было быть *мерехъ*) и *мърохъ* (от основы наст. вр.), *борхъ* (ст.-сл. **брахъ**, в др.-р. эта форма должна была звучать: *борохъ*), *несохъ, могохъ, пекохъ*; 2 и 3, если основа оканчивалась на согласную несонорную, *-e: несе, може, пече*; если же основа оканчивалась на согласную сонорную или на гласную, то форма 2 и 3 ед. совпадала с основой: *бы, да, зна, пи-са, видѣ, хвали, мер* (ср. ст.-сл. **оумрѣ**; в др.-р. эта форма должна бы была звучать, как *умере*) и пр. Дв. ч. 1 л. *-совѣ, -ховѣ, -оховѣ: ѡсовѣ, даховѣ, несоховѣ* и пр., 2 и 3 л. *-ста, -оста: ѡста, даста, несоста* и пр. Мн. ч. 1 л.: *-сомъ, -хомъ, -охомъ: ѡсомъ, дахомъ, несохомъ*; рядом с *-мъ* в этой форме являлись также *-мо, -ме, -мы*, различавшиеся по говорам так же, как и в наст. вр.; 2 л. *-сте, -осте*, 3 л.: *-се^н, -ше^н, -оше^н: ѡсе^н* (позднее *ѡше^н*, откуда др.-р. *ѡша*), *даше^н* (др.-р. *даша*), *несоше^н* (др.-р. *несоша*) и пр. Звук *с* в окончаниях 1-го л. всех чисел и 3 мн. являлся только в образованиях аориста без соединительной гласной *о* от основ на согласную неплавную и на *е* носовое, причем от основ на *е* носовое формы с *с* уже в говорах о.-сл. яз. заменялись формами с *х* и *ш* по аналогии с формами аориста других глаголов; в ст.-сл. памятниках встречаются и те, и другие формы, т. е. как с *с*, так и с заменившими их *х* и *ш*, но в др.-р. памятниках мы находим только формы с *х* и *ш*: *възяхъ, прияхомъ, начаша* и пр.

§ 479. К односложным формам 2 и 3 ед. аориста еще в говорах о.-сл. яз. могло присоединяться окончание *-тъ*, ср. ст.-сл. **насть, дасть, бысть** (в *дасть* и *бысть* с по аналогии с **насть**), *питъ, пою^нтъ* и др. В русских памятниках обычны формы без этого окончания: *бы, да, изъѣ, нача, взя* и т. п., но в памятниках церковного и литературного характера, между прочим, в оригинальных житиях и летописях встречаются формы 2 и 3 л. ед. аор. нетематических глаголов на *-сть*: *бысть, дасть, съѣсть*, а в некоторых памятниках — и формы на *-тъ* от глаголов тематического спряжения: *приятъ, начатъ, оумрѣтъ* и мн. др. — житие Феодосия Печ. по списку XII в. По-видимому, и те и другие формы заимствованы из ст.-сл. яз., а *ѣ* в окончании *-сть* явилось по аналогии с *ѣ* в 3 л. наст. вр.

§ 480. И м п е р ф е к т в о.-сл. образовывался двумя способами: 1) через присоединение окончаний *-ахъ, -аше* и пр. к инфинитивной основе, если она оканчивалась на гласные *а* или *ѣ*; 2) через присоединение окончаний *-ѣахъ, -ѣаше* и пр. к основе наст. вр. в остальных случаях.

Окончание *-ѣахъ* и пр. изменялось в *-аахъ* и пр., если инфинитивная основа оканчивалась на мягкий неслоговой звук или на задненебную согласную вследствие перехода этой согласной перед гласною переднего ряда в шипящую. Этот переход показывает, что *ѣ* в окончании имперфекта — из более раннего *е* долгого, а не из *-ой*, и что появление этой формы раньше изменения *е* долгого после мягких в *а* и дифтонга *ой* в *ѣ*. Нетематические глаголы *быти*, *ѣсти*, *вѣдѣти* образовывали имперфект от основ *бъ*, *ѣдъ*, *вѣдѣтъ*: *бѣахъ*, *ѣдѣахъ*, *вѣдѣахъ* и пр. О.-сл. образования имперфекта сохранились в ст.-сл. яз., а в русском еще в доисторическую эпоху претерпели известные изменения, о которых см. ниже, § 495.

Личные окончания имперфекта в о.-сл. были следующие (суффиксы *х*, *с*, *ш* отношу к окончанию). Ед. ч. 1 л. *-хъ*, 2 и 3 л. *-ше*. Дв. ч. 1 л. *-ховѣ*, 2 л. *-ста* или *-шета* (*-шьта?*), 3 л. *-сте*, *-шете* (*-шьте?*) или *-ста*, *-шета* (*-шьта?*). Мн. ч. 1 л. *-хомъ* (*-мо*, *-ме*, *-мы*), 2 л. *-сте*, *-шете* (*-шьте?*), 3 л. *-хо^н*.

§ 481. В 3 л. ед. и мн. в о.-р. могло являться окончание *-ть*. Ср. Остр. ев. **моуждашь** 279, Арх. ев. **оугнѣтахоуть и** 138 об., **нарицахоуть и** 157 об. житие Феодосия Печ. по списку XII в. **идяшь** 31, **имяшь** 36, **творяхоуть** 36, **исходяхоуть** 59 об. и мн. др., Лавр. летоп. **оучашь** (под 955 г.), **предаяшь** (под 986 г.), **изимахоуть** (под 941 г.), **несяхуть** (под 1019 г.) и мн. др.; вообще, в памятниках XII—XIV вв. это окончание нередко. По-видимому, формы с окончанием *-ть* в имперфекте восходят еще к о.-сл. эпохе; правда, в ст.-сл. их нет, кроме единичного **запрѣцашь** в Сав. кн., но они встречаются в старосербских памятниках.

§ 482. Формы 2 и 3 дв. и 2 мн. в ст.-сл. памятниках русского извода XI—XII в. являются исключительно с окончаниями *-ста* и *-сте*: Остр. ев. **бѣста** 60 и др., и т. п., Арх. ев. **идяста** 83; те же окончания и в оригинальных русских сочинениях: житие Феодосия Печ. XII в.: **видяста** 58 и др., но в Лавр. летоп. рядом с **живяста** (под 1091 г.) и т. п. также: **оубивашета**, **отимашета** (под 1071 г.), **примерзняшета** (под 1074 г.); в севернорусских памятниках XIII—XIV вв. встречаются формы на *-шьте*, *-шьта*: Рост. житие Нифонта 1219 г.: **стояшьте** (3 дв.), Панд. 1296 г.: **пояшга**, ев. 1357 г.: **зряшьга**, **идяшьга**, **хожашьга** и др. Акад. А. И. Соболевский сопоставляет эти формы со сходными формами в старочешском и лужицких языках.

§ 483. Причастия наст. вр. действ. залога от глаголов нетематического и 1-го тематического спряжения образовывались с помощью суффикса *-oⁿtj* (откуда в русском *-уч*), а от глаголов 2 тематического спряжения — суфф. *-eⁿtj* (откуда в русском *-ач*), присоединявшегося к основе настоящего времени; в им. ед. муж. р. они имели, по-видимому, первоначально окончания *-ы*, *-ѣ* носовое и *-е* носовое. См. выше, § 367.

§ 484. Причастия наст. вр. страд. залога от глаголов 1-го тематического спряжения образовывались с помощью суффикса *-ом* после твердых согласных и *-ем* после мягких неслоговых звуков: *несомъ*, *бижемъ*, *пишемъ*, а от глаголов 2-го спряжения с помощью суффикса *-им*: *хвалимъ* и пр.; эти суффиксы присоединялись к основе наст. врем.; от глаголов *ѣсти* и *вѣдѣти* эти причастия: *ѣдомъ* и *вѣдомъ*.

§ 485. Причастие прош. врем. 1-е действительного залога образовывалось через присоединение к основе инфинитива суффикса *-ѣ* в им. ед. муж. р. и *-ѣш* в остальных формах склонения, если основа оканчивалась на согласную (в том числе и на *-р* и носовую): *ѣдѣ*, *несѣ*, (*у*)*мѣрѣ*, *начѣнѣ*, (*вѣз*)*ѣмѣ* и суффиксов *-вѣ*, *-вѣш*, если основа оканчивалась на гласную или *-л*: *бывѣ*, *давѣ*, *знавѣ*, *писавѣ*, *вѣдѣвѣ*, *хваливѣ*, *колѣвѣ* (откуда ст.-сл. **клавѣ**, р. *коловѣ*) и пр.; от глаголов 2-го тематического спряжения с инфинитивной основой на *-и* то же причастие могло образовываться с суффиксами *-ѣ*, *-ѣш* (*ѣ* — из *ѣ* после *j*), причем конечное *-и* основы переходило в *j* с дальнейшими изменениями получавшихся вследствие этого перехода сочетаний согласных с *j*: *люблⁱѣ*, *сад^jѣ* (ст.-сл. **саждѣ**), *ношѣ* (от глаголов *любити*, *садити*, *носити*) и пр. В русском яз. в историческую эпоху причастия прош. врем. на *-ѣ* не употреблялись, а были известны только причастия на *-ѣ* и *-вѣ*.

§ 486. Причастие прош. врем. 2-е образовывалось через присоединение к инфинитивной основе суффикса *-л*. Основы на согласные *-д* и *-т* утрачивали эти согласные перед *л* в тех говорах о.-сл. яз., к которым восходят языки русский и южнославянские (см. выше § 161.1). У основ на *-в* это *в* выпадало перед *л* во всех говорах о.-сл. яз., ср. р. *жил*, *слыл*, ст.-сл. **жилѣ**, **слылѣ**, польск. *żył* (наст. вр. в нын. польск. *żyje*, но в старопольск. *żywe*). Это причастие в о.-сл. употреблялось исключительно в составной форме перфекта в им. пад.

§ 487. Причастия прош. врем. страд. залога образовывались от инфинитивной основы с помощью суффиксов *-т* и *-н* или *-ен*.

1. Причастия с суффиксом *-т* образовывали глаголы I-го тематического спряжения с непроизводными основами на сонорные и на гласные *-и*, *-ѣ*, *-у*, *-ы*, а также глаголы с суффиксом *-но^н*; от всех этих глаголов, кроме глаголов с основами на носовые, в о.-сл., как показывает ст.-сл. и сербский яз., могли образовываться и причастия с суффиксом *-н* или *-ен*. Ср. в нын. русском: *колотый, распоротый, запертой, стёртый, взятый, начатый, сжатый, битый, одетый, обутый, вырытый, согнутый, двинутый* и пр., польск. *roztarty, zaczęty, żęty, bity, truty, kryty, wysuty, podźwignięty* и др., сербск. *клат, трт, узет, начет, жет, бит, изут, крим, дигнут* и пр., ст.-сл. **прострътъ, повить, пѣтъ, отвръсть, жать**, но также ст.-сл. **бранъ** (от глаг. *брати* = р. *бороть*), **закланъ, биенъ, одѣнъ, обоуень, открьвень**, сербск. *клан, бијен, обуен, кривен, швен* и пр.

2. Причастия с суффиксом *-н* — от глаголов с инфинитивной основой на *-а*, *-ѣ* и *-л*, ср. нынешн. р. *узнанный, виденный* и пр.

3. Причастия с суффиксом *-ен* — от глаголов с инфинитивной основой на согласную и на гласные *-и*, *-у*, *-ы*; при этом гласная *-и* в конце основы у глаголов 2-го тематического спряжения изменялась в *ј* с дальнейшими изменениями сочетаний предшествующего согласного звука с этим *ј*, а у непроизводных глаголов (которые могли образовывать также и причастия с суффиксом *-т*) гласные *и*, *у*, *ы* перед суффиксом *-ен* изменялись в *ий*, *ув*, *ѣв*: *биенъ, швенъ, обуень, покрьвень*; подобные причастия из о.-сл. перешли между прочим в ст.-сл. и в сербский языки; в русском причастия с суффиксом *-н* или *-ен* от глаголов с непроизводными основами на гласные *-и*, *-ѣ*, *-у*, *-ы* неизвестны.

§ 488. Инфинитив в о.-сл. образовывался с помощью суффикса *-ти* или *-тъ*, присоединявшегося к основе инфинитива. У глаголов с основами на задненебные сочетание *кт*, получавшееся от соединения согласного звука *г* или *к* в конце основы с *т*, принадлежавшим суффиксу инфинитива, подвергалось перед *и* или *ѣ* известным изменениям (см. выше, § 144.2), в результате которых получился тот звук о.-сл. яз., который дал в ст.-сл. *шт*, а в русском *ч*, ср. ст.-сл. **мошти, лешти, брѣшти, пешти, решти**, др.-р. *мочи, лечи, беречи, печи, речи*, нын. р. *мочь, лечь, беречь, печь, изречь*. У глаголов с основами на губные *-б*, *-в*, *-п* эти губные перед окончанием инфинитива выпадали: ст.-сл. **погрети** (похоронить), **жити, шити, тети** (бить, рубить); в нын. русском *грести* звук *с* явился нефонетически. У глаголов с основами на *-д*, *-т* в инфинитиве перед окончанием *-ти* являлось *с*: *плести, вести, брести* и пр., получен-

ное о.-сл. языком в этой форме еще из балт.-слав. праязыка¹⁰³. Формы инфинитива на *-ти* при ударении на окончании в русском яз. сохранились почти повсюду, а при ударении на основе — в м.-р. и в некоторых с.-в.-р. и б.-р. говорах, а также в языке песен, что указывает на большую употребительность их раньше. Но инфинитивы на *-чи* даже в тех случаях, когда ударение падало на окончание (*печи, мочи, беречи* и т. п.), уцелели только в немногих с.-в.-р. и б.-р. говорах и в м.-р., а в остальных говорах заменились инфинитивами на *-ч* с ударением на основе: в.-р. *печь, беречь* и пр. Формы на *-т* мягкое (в б.-р. *ц* мягкое) теперь распространены во всем русском яз., но в м.-р. менее употребительны, чем формы на *-ти*. Существование еще в о.-сл. инфинитивов на *-ть* можно предполагать на основании не только русского, но и польского яз., в котором издавна известны инфинитивы только на *-ć* (из о.-сл. *-ть*): *brać, nieść, chodzić* и пр., и лужицких языков. В русских письменных памятниках инфинитивы на *-ть* засвидетельствованы с XI в.: Остр. ев. **напълнить** 213, Изб. 1073 г. **почръпать** 257, Арх. ев. **въкоусить** 80 об. (везде по одному случаю). Но вообще в древнейших памятниках они редки: Добр. ев. 1164 г. **рость, мнить ся, помолить ся, взять**; житие Феодосия Печ. XII в. **напълнить** и т. д. Не чаще они и в грамотах: Смол. грам. 1229 г. **усадить, взяте** (= **взять**) при многочисленных инфинитивах на *-ти*; в новгор. грам. XIII—XIV вв. их вовсе нет, а из 87 двинских XV в. только в трех; но в зап.-русских и московских памятниках с XV в. они нередки. По-видимому, в древнейших южнорусских говорах и говорах новгор. и двинском инфинитивы на *-ти* были более употребительны, ср. их потомков, м.-р. язык и нынешние говоры Арх. и Вологодской губ.

§ 489. Супин образовывался в о.-сл. от инфинитивной основы с помощью суффикса *-ть*, т. е. отличался от инфинитива только конечной гласной.

Составные формы спряжения в о.-сл.

§ 490. Перфект (прошедшее сложное) в о.-сл. выражался с помощью сочетания причастия прош. врем. 2-го (на *-ль*) спрягаемого

¹⁰³ О.-сл. инфинитив *ити* (*идти*, ср. нын. *войти, зйти, уйти* и пр.) восходит к общендоевропейскому образованию от основы *ei*, ср. литовск. *eiti* (*идти*), латинск. *eo, is, it, imus, itis, eunt*, где *e* и *i* из *ei*.

глагола с личными формами наст. врем. вспомогательного глагола *быти*: *далъ јесъмь, ходилъ јесъмь* и пр.

§ 491. *Plusquamperfectum* (преждепрошедшее) выражалось посредством соединения того же причастия спрягаемого глагола с личными формами имперфекта глагола *быти* (*бѣхъ* и пр.) или аориста *бѣхъ*, ср. в Лавр. летоп. под 988 г.: **еще бо не бяху прияли святаго крещенья.**

§ 492. Будущее 1-ое сложное выражалось в о.-сл. сочетании инфинитива спрягаемого глагола с личными формами вспомогательных глаголов *имамъ* (или *ѣмо^н*), *хотѣю^н* (р. *хочу*), *начьно^н* (р. *начну*) и, может быть, *бо^ндо^н* (р. *буду*). Первые три способа образования будущего времени были известны ст.-сл. и др.-р. языкам; теперь обороты с глаголом *иму* употребляются в м.-р., б.-р. и некоторых с.-в.-р. говорах, с глаголом *хочу* — в болгарском и сербском (болг. *ща, щеш* и пр., сербск. *ћу, ћеш* и пр.). Образования будущего 1-го с глаголом *буду* теперь являются в русском (см. §§ 518, 532, 541) и зап.-слав. языках, но в русском эти образования, может быть, новые (в древнейших памятниках как церковного, так и делового письма их нет), а в польском являются рядом с формами будущего 2-го; поэтому в обоих языках употребление глагола *буду* в форме будущего 1-го могло бы объясняться влиянием будущего 2-го.

§ 493. Будущее 2-ое выражалось сочетанием причастия прош. врем. 2-го (на *-лъ*) с личными формами глагола *бо^ндо^н* (р. *буду*), употреблялось только во временных и условных предложениях для обозначения действия, которое должно предшествовать в будущем другому действию, и было близко по значению к условному наклонению. В др.-р. языке оно еще сохранялось, ср. в Дух. Симеона Гордого: **кого буду прикушлъ или хто ми ся буде въ винѣ досталъ** и т. д. Из нынешних славянских языков оно сохранилось в болгарском со старым значением и в сербском (у хорватов), польском и словенском в значении, одинаковом с будущим 1-м.

§ 494. Условное наклонение выражалось сочетанием причастия прош. вр. 2-го с личными формами аориста вспомогательного глагола *быти* — *быхъ* и пр. или условного наклонения того же глагола *бимъ* и пр. В русском яз. в древнейшую эпоху были известны только обороты с *быхъ*. Остатком их в нынешнем русском яз. является упот-

ребление частицы *бы* (по происхождению — 2 и 3 ед. аориста) с формами прош. врем. в значении условного наклонения. Никаких следов употребления оборотов с *бимь* в русском языке ни в древнем, ни в новом не находим.

2. Общерусские изменения форм спряжения

§ 495. Изменения в образовании имперфекта. Еще в доисторическую эпоху фонетически *ѣ* в окончании *-ѣахъ*, ассимилируясь следующему *а*, переходило в *а* с мягкостью предшествующей согласной: *бляхъ*, *горяхъ*, *идяше*, *живяше* и пр., затем, несколько позднее, наступало стяжение *аа* в *а*, ср. Изб. 1076 г.: **бяше**, Арх. ев. **вѣдяше**, **идяху**, **хотяше** и пр. Кроме того, шипящие согласные и сочетания губных с *л* мягким в конце основы, получавшиеся из сочетаний зубных (*д*, *т*, *з*, *с*) или губных с *ј*, у глаголов 2-го тематического спряжения с инфинитивной основой на *-и* могли нефонетически заменяться мягкими зубными нешипящими и мягкими губными без *ј*, являвшимися в основе инфинитива: Арх. ев. **исходяше** 150, житие Феодосия Печ. XII в. **прославяше** 38 об., **коупяше** 29 об., **отпоустяше** 49 об., **исходяхоуть** 59 об. и др.

§ 496. Утрата имперфекта. Имперфект встречается в списках русских житий святых и летописей, составленных в XI—XII вв., и это присутствие в них формы имперфекта, и притом несколько отличной от ст.-сл. формы, по-видимому, говорит за то, что имперфект существовал в русском яз. еще в XI—XII вв., но в грамотах, Русской Правде и других памятниках делового языка имперфект не встречается ни разу; можно думать, что он был утрачен живым языком не позже XII в.

§ 497. Утрата аориста. Аорист в южнорусских и западнорусских говорах был утрачен очень рано, так как из памятников, писанных в области этих говоров, встречается лишь в сочинениях церковного характера и летописях и вовсе отсутствует в грамотах и других памятниках делового письма¹⁰⁴. Но в севернорусских говорах аорист, по-видимому, сохранялся несколько дольше. Севернорусский список Русской Правды 1282 г., где находим два случая употребления аори-

¹⁰⁴ Уже в древнейшей, Мстиславовой, грамоте 1130 г. встречаются формы только прош. сложного.

ста: **отложиша, уставиша**, конечно, на это сохранение не указывает, так как эти формы могли принадлежать еще южнорусскому протографу XI в., но такие указания дают новгородские и двинские грамоты, в которых формы аориста, правда, больше в традиционных формулах, попадают изредка еще в XIV—XV вв.: **пояша** Новгор. грам. 1314 г., **повелѣше, послаше** грам. 1372 г., **се дахъ, се дасть, се выкупи, посадники вспросиша, а даша, обиниша, се роздилиша** двинские грам. XV в.

§ 498. Судьба *plusquamperfect'a*. Старая описательная форма *plusquamperfect'a* была утрачена не позже того времени, когда произошла утрата форм имперфекта, причем заменилась другим описательным оборотом: сочетанием причастия на *-ль* спрягаемого глагола с прош. сложным (перфектом) вспомогательного глагола: **быль отьяль** Новг. грам. 1265 г., **ишло было** Смол. грам. 1284 г. и т. п. Древнейшие примеры этой новой формы — XIII в.; старая же форма встречается и в XIV в. и даже позднее, но только в списках памятников, восходящих к XI и XII в., например, в частях летописей, излагающих события этого времени.

§ 499. Судьба форм перфекта (прошедшего времени). В 3-м л. всех чисел вспомогательный глагол мог опускаться еще в о.-сл. В русском яз. отсутствие его в этих формах составляет правило уже для древнейшей эпохи (ср. в надписи на Тьмутороканском камне 1068 г.: **гльбь князь мѣрилъ море по леду**); правда, в летописях, особенно древнейших, он встречается еще довольно часто, хотя и реже, чем отсутствует, но это употребление могло быть книжным. В формах 1-го и 2-го лица вспомогательный глагол стал опускаться в тех случаях, когда лицо было обозначено личным местоимением; употребление же личных местоимений при глаголах с течением времени стало чаще, чем раньше. Ср. уже в Мстиславовой грамоте 1130 г.: **а язъ даль роукою своею**, рядом с **а я Всеволодъ даль есмь** и др.

§ 500. История форм условного наклонения. Спрягаемые формы аориста вспомогательного глагола *быхъ, быхомъ, быша* и пр., входившие в состав описательной формы условного наклонения, в русском яз. заменились частицей *бы*, представляющей по происхождению форму 2 и 3 ед. аориста вспомогательного глагола: *если бы мы знали, я бы дал* и т. п., м.-р. *я би продав, ви би мали* и пр. Древнейшие при-

меры такой замены в памятниках — XIII в.: Милятино ев. 1215 г.: **аще бы въ Турѣ быша силы былы** и пр. Но в смоленских и зап.-русских грамотах, летописях и т. п. правильные старые образования условного наклонения продолжают употребляться довольно долго, ср. рижскую грам. около 1300 г.: **а бысте пустили жито**; зап.-р. грам. 1341 г.: **а быхомъ васъ пустили**; грам. 1445 г.: **што быхъ опять отдадь**. Формы 2 ед. и мн. условного наклонения в этих памятниках с XV в. начинают заменяться оборотами с *бы еси*, *бы есте*, где *бы* уже превратилось в частицу: **ани смѣли бы есте взяти** грам. 1440 г., **а бы еси собралъ** Позн. сборн. XVI в. Но формы 1 ед. и мн. в зап.-р. памятниках сохраняются еще в XVI в.: **ани быхъ поглѣдел** (Скорина), **а быхмо... не жаловали** (Катихиз. 1562 г.); *быхмо* — зап.-р. образование 1 мн. аориста, возникшее не позже XV в. В так наз. придаточных и условных предложениях с союзами *что*, *да*, *как*, *хотя*, *если* частица *бы* слилась с ними в одно слово, образовав таким образом новые союзы: *чтобы*, *дабы*, *как бы*, *кабы*, *хотя бы*, *если бы*.

В в.-р. вследствие того, что параллельно с так наз. придаточными, условными и т. п. предложениями в языке употребляются обороты с инфинитивами, причастиями и деепричастиями, приблизительно совпадающие с ними по значению, частица *бы* перешла и в эти обороты, внося в них значение условности. Употребление *бы* при инфинитиве известно как литературному яз., так и народным говорам: *я повѣду в город, чтобы повидаться с родными*; *как бы мне это сделать?* и пр. Реже, и притом только в литературном яз., употребляется *бы* в оборотах с причастиями. Ср. у Гоголя: «Боже! и погубить так безжалостно все лучшие годы своей юности, истребить, погасить искру огня, может быть, теплившегося в груди, может быть, *разлившегося бы* теперь в величии и красоте, может быть, также *исторгнувшего бы* слезы изумления и благодарности» (Портрет, 1-я ред., § 1) или «Спит ум, может быть, *обретший бы* внезапный родник великих средств» (Мертвые Души, ч. I, гл. 11); у Достоевского: «По-моему, если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытия, вследствие каких-нибудь комбинаций, никоим образом не могли бы стать известными людям иначе, как с пожертвованием жизни одного, десяти, ста и т. д. человек, *мешавших бы* этому открытию или *ставших бы* на пути, как препятствие, то Ньютон имел бы право... устранить эти десять или сто человек» («Преступление и наказание»).

§ 501. Утрата двойств. ч. в спряжении в живом русском яз. произошла, по-видимому, судя по памятникам, в XIII в., но в книжном яз. двойств. ч. употреблялось более или менее правильно еще довольно долго (до XV в. и дольше).

§ 502. Утрата супина. Употребление инфинитива вместо супина встречается в русских памятниках еще в XI в., ср. Остр. ев. **посла призвати** 80, но окончательная утрата супина значительно позже: правильное употребление его мы находим еще в грамотах XIII и XIV в., ср. Смол. грам. 1229 г.: **позвати на поле русина битъ ся** и др. (но там же: **ехали твердити миръ**), Новгород. грам. 1265 г. **ездити звѣри гонитъ**; грам. Кейстута 1341 г. **пустили тръговать** и пр. Позднее XIV в. супин в русских памятниках не встречается.

3. Великорусские изменения форм спряжения

Личные формы глаголов нетематического спряжения

§ 503. Формы 2 ед. *ѡси, даси* (с ударением на конце) сохранились лишь в части с.-в.-р. говоров (в Олон., Мурманской, Архангельской, Новгородской и Северо-Двинской губ.), в остальных же с.-в.-р. говорах и в ю.-в.-р. они заменились новообразованиями *еши, даши*, возникшими по аналогии с формами глаголов тематического спряжения и совпавшими по произношению со старыми формами 2 ед. повелит. накл. *ѡжь, дажь* (о форме *дажь* см. ниже, § 513). Эти формы могли возникнуть очень рано, еще в о.-р. эпоху, ср. м.-р. диалектич. *йш, даш*. В памятниках форма *ѡшь* в виде *ѡши* является впервые в XIV в. Псалт. Публ. Б-ки Ф. 4: **до избытка ѡши** 5.

§ 504. В 3 ед. и мн. конечное *т* (из *ть*) в *ѡсть, дасть, ѡдятъ, дадутъ* (об *у* в этой форме см. ниже, § 507) отвердело в с.-в.-р., но осталось мягким в 3 ед. *естъ, может быть, под влиянием мягкого т* в 3 ед. *есте и ести*. В ю.-в.-р. *т* мягко во всех формах 3 л.

Форма 3 ед. *је* сохранилась лишь в некоторых с.-в.-р. говорах (Арханг., Мурман., Олон., Новгород. губ.) рядом с формами *естъ* и *естя*. В остальных с.-в.-р. говорах и в ю.-в.-р. сохранилась только форма *естъ*. К форме *је* восходит также отрицание *нет* из *нѣ* (= *не је*) + *ту*.

§ 505. Форма 1 мн. от глагола *есмь* в в.-р. нецерковных памятниках XIV—XVII вв. встречается почти исключительно в виде *есме* (на-

пример, в новгор. летописях и грам. XIII—XVII в., между прочим, еще в грам. 1614 г., в Пск. апост. 1307 г. и др.) и *есмя* (в двинских грам. XV в., московских грам. и других московских памятниках XIV—XVII в. и др.). Последняя форма, вероятно, получилась вследствие фонетического перехода конечного *e* в *a* в слабуюдаряемом положении (ср. такое же *a* в в.-р. *меня, тебя, себя*). Формы на *-мо* в.-р. памятникам неизвестны.

§ 506. Формы 1 и 2 мн. от глаголов *дамь* и *ѡмь*, полученные из о.-сл., заменились в в.-р. новообразованиями от той основы, которая является в 3 мн.: *дадим, ѡдим, дадите, ѡдите*. На образование этих форм, вероятно, оказали влияние тождественные с ними формы повелит. наклонения. По памятникам эти формы отмечены с XIV в.: **не выдадите** Новг. летоп.

§ 507. В 3 мн. старая форма *дадять* изменилась, как и в м.-р. и б.-р., в *дадуть* (откуда нын. ю.-в.-р. *дадуть*, с.-в.-р. *дадут*), может быть, под влиянием причастных форм с *у*. По-видимому, это изменение относится к очень старому времени, так как является общерусским, но еще в в.-р. грамотах XIII в. встречается старая форма *дадять*: **дадять ему корму и подводы** Новгор. грам. 1294 г. и др.; форма *дадуть* известна по памятникам, кажется, только с XIV в.: **коли мои села князя великого дадуть, тогды и митрополичи дадуть** Уст. грам. в. кн. Вас. Дм. 1392 г. и др.

От глагола *ѡсть* в в.-р. сохранилась старая форма 3 мн.: ю.-в.-р. *ѡдять*, с.-в.-р. *ѡдят* или *ѡдя*.

§ 508. Формы глагола *есмь* в в.-р. вообще не сохранились, кроме 3 ед. (*есть, е*), вследствие того, что вообще личные формы этого глагола при подлежащих в русском языке издавна опускались, а при формах 1 и 2 л. в в.-р. с известного времени стали обязательно употребляться в качестве подлежащего личные местоимения; форма 3 ед. сохранилась благодаря употреблению ее в тех случаях, когда глагол *быть* не являлся связкой, а обозначал существование предмета. Утрату форм 1 и 2 л. глагола *есмь* в в.-р. можно относить приблизительно к XVI в.: до этого времени они встречаются не только в памятниках литературного языка, но и в грамотах, частной переписке и т. п. Встречающаяся в научной прозе форма 3 мн. *суть* — из церковнославянского яз. и живому русскому яз. не свойственна.

Личные формы глагола *имамь* по нетематическому спряжению утрачены, по-видимому, еще в о.-р. эпоху.

Личные формы наст. врем. глаголов тематического спряжения

§ 509. Формы 3-го л. ед. и мн. В в.-р. эти формы перешли из о.-р. как с окончанием *-ть*, так и без *-ть*. Формы без *-ть* сохранились лишь в части с.-в.-р. говоров и в большей части ю.-в.-р. говоров. В названных говорах формы 3 л. без *-т* употребляются теперь в ед. ч. только от глаголов 1 спряжения: *он знает, несет*, но *возит, стоит* и пр., а во мн. (значительно реже) — только от глаголов 2 спряжения: *оны говоря*, но *знают, несут*. В двинских грам. XIV—XV в. формы 3 ед. без *-ть* встречаются не только от глаголов 1-го спряжения: **изоиде** 15 и др., но и от глаголов 2 спр.: **поруши** 86, 88, но при этом употребляются только в условных предложениях: **а хто сии рядъ поруши** 86, **а хто почне наступати** 90, **а буде тируну не до земли** 36 и пр. Ср. в нынешнем литературном яз. единственную форму без *-т*: *буде* в том же значении. В нынешних с.-в.-р. говорах различия по значению между формами на *-т* и без *-т* нет. В ю.-в.-р. 3 ед. без *-ть* образуют не только глаголы 1 спряжения: *он зная (знает), несет*, но и глаголы 2 спр. с ударением на основе: *он ходя,нося*, но *говорить, стаить*; во мн. числе иногда тоже образуются формы без *-ть*, но только от глаголов 2 спр. при ударении на окончании: *они глядя, говоря*, но *знають, несутъ, ходють*. От тех же глаголов и в тех же говорах употребляются и формы на *-ть* или *-т*.

Конечное *-т* в 3 ед. и мн. из о.-р. *-ть*, бывшее в о.-р. после утраты конечного *ь* полумягким, затем отвердело в с.-в.-р. и стало мягким в ю.-в.-р. О времени отвердения *-т* в с.-в.-р. можно до некоторой степени судить по написаниям с *-ть* в памятниках делового (нецерковного) письма¹⁰⁵. В московских грамотах до 2-й половины XIV в. пишется в 3 ед. и мн. последовательно только *-ть*; впервые формы на *-ть* в достаточном количестве появляются в Дух. Димитрия Донского: **вѣдаетъ, перемѣнить, имуть, потянуть**; в новгородских грамотах и других памятниках XIII—XV вв. — только *-ть*; то же в двинских грам. XV в., но в некоторых двинских грамотах является окончание *-ть*. Отсюда можно заключить, что отверждение *-т* в 3 л. в с.-в.-р. происходило не одновременно. Теперь в некоторых говорах Олонецкой губ. окончание *-т* мягко в 3 мн. глаголов 1-го спр.: *идуть, несутъ* и пр. и твердо в остальных случаях.

¹⁰⁵ Формы на *-ть* в церковных памятниках XIV в., как Ев. 1354, 1355 и 1357 гг., могут и не быть отражением живого произношения.

§ 510. Во 2 мн. в о.-сл. многие глаголы с непроизводной основой имели ударение на конце: *пи́жѣтѣ, съспитѣ* и пр.; в некоторых с.-в.-р. говорах это ударение сохранилось, в остальных же, как с.-в.-р., так и ю.-в.-р., перенесено на основу; ср. арханг. *спитѣ*, вологод. *спитѣ* с литерат. *спите*.

§ 511. Различие между глаголами 1-го и 2 спряжения в формах наст. вр. сохранилось в с.-в.-р., а в ю.-в.-р.—только при ударении на окончании: *несѣш, встаѣш, стоиши, говориши, несутъ, встають, стоять, говорятъ*. При ударении же на основе тематические гласные *e* и *и* в формах 2 ед., 3 ед. на *-ть* и 1 и 2 мн. фонетически совпали в одном звуке, а в формах 3 ед. без *-ть* и 3 мн. глаголы 2 спряжения получили окончания *-а* (*-я*), *-уть* по аналогии с глаголами 1-го спряжения, и таким образом формы обоих спряжений совпали; ср., например, глаголы 1-го спряж. 1 ед. *знаю, поля* (инф. *полоть*) и 2 спр. *вижу, солю*, 2 ед. *знаиши, полиши, видиши, солиши*, 3 ед. *знать, полить, видеть, солить* и *зная, поля, видя, соля*; 1 мн. *знаим, полим, видим, солим*, 2 мн. *знаитя, политя, видитя, солитя*; 3 мн. *знають, полють, видють, солють*.

§ 512. У глаголов 1-го спряжения фонетически тематическая гласная в в.-р. должна была бы являться в виде *o* перед твердыми согласными и *e* перед мягкими: *идѣш* (*и* в в.-р. отвердело раньше перехода *e* в *o*), *идѣм*; быть может, также с.-в.-р. *идѣт*, если *-т* в 3 ед. отвердело до окончательного перехода *e* в *o*, но *идеть* (ю.-в.-р.), *идете* (ю.-в.-р. и с.-з.-р.). Но благодаря влиянию одних форм на другие такое чередование *e* и *o* в личных формах наст. вр. сохранилось лишь в немногих в.-р. говорах (например, в Тотемском у. Вологодской г. и некоторых др., где говорят: *пасѣш, пасѣт, пасѣм*, но *пасете*); в большинстве же говоров во всех четырех формах является одна и та же гласная, именно, в большей части с.-в.-р. и переходных и во многих ю.-в.-р.—*o*: *несѣш, несѣт, несѣть* или *несѣ, несѣм, несѣте*, а в остальных с.-в.-р. и в архаичных ю.-в.-р.—*e*: *несеш, несеть* или *несе* (в немногих с.-в.-р. говорах также: *несет*), *несем, несете*. Понятно, что в ю.-в.-р. говорах звуки *o* или *e* в этом окончании являются только под ударением.

Судьба форм повелительного наклонения

§ 513. Во 2 ед. повелит. наклонения из старых форм на *-ь* сохранилась только *ѣжь* (пишется «ешь»); форма *дажь* еще в XIV в. была непо-

нятна и заменяется в памятниках выражением *дай же*; теперь употребляется только *дай*; повелит. *вижь* сохранилось как частица, а в значении повелит. наклонения заменилось другими образованиями. Во 2 ед. на *-и* это *и* при ударении на основе могло отпадать еще в о.-р. Позднее в в.-р. неударяемое *и* в окончании этой формы по большей части совсем утрачено: *будь, стань, сядь, знай, пой, режь, ляг* и пр.; *и* сохранилось только после двух согласных: *молви, наполни, прыгни, тфесни* и пр., а также в сложных с приставкой *вы*: *выгляни, выложи, выкупи* и пр. Формы на *-и* с ударением на конце по большей части сохранились, хотя диалектически возникли формы с переносом ударения на основу и отпадением конечного *-и*: *положь, напой, становь, подь* (= пойди).

§ 514. Форма 1-го мн. повелит. в тех случаях, когда она отличалась от 1 мн. наст. врем., была заменена формой наст. врем.; вместо *идѣмъ, берѣмъ, споемъ, сдѣлаемъ* и т. п. стали говорить: *идѣм, берѣм, споем, сделаем*; но затем значение 1 мн. повелит. сохранили только формы 1 л. множ. глаголов совершенного вида, употреблявшиеся как формы изъявительного наклонения, со значением будущего времени, а в значении 1 мн. повелит. наклонения от глаголов несовершенного вида стала употребляться форма 1 множ. будущего сложного: *будем стоять, будем говорить* и пр., кроме немногих глаголов, от которых в значении 1 множ. повелит. может употребляться 1 мн. наст. вр. несовершенного вида: *идѣм, бежим, едем*. В памятниках замена 1 мн. повелит. формой 1 мн. наст. вр. появляется уже в XII—XIII в.

§ 515. Так как 1 мн. повелит. после утраты двойств. ч. стало обозначать приглашение совершить то или другое действие совместно с говорящим, обращенное или к одному второму лицу, или к нескольким вторым лицам, то для обозначения множественности вторых лиц к форме 1 мн. стал иногда прибавляться суффикс 2 мн. *-те*, причем формы без *-те* стали употребляться преимущественно (но не исключительно), если приглашение обращено к одному лицу: *пойдѣм* и *пойдѣмте*.

§ 516. 2 множ. повелит. Окончание *-ѣте* заменилось в в.-р. окончанием *-ите*: *идите, ведите, несите, живите* и пр. В в.-р. памятниках примеры 2 мн. повелит. на *-ите* вместо *-ѣте* встречаются уже в XIII—XIV вв.: Р. Пр. 1282 г.: **сведите ся**, Дух. новгородца Климента: **взьмите** и др. Окончание *-ите* как старое, так и из *-ѣте*, сохранилось преимущественно в тех случаях, когда на него падает ударение, а так-

же после двух согласных и в сложных с приставкой *вы-*, т. е. в тех же случаях, в которых сохранилось конечное *-и* во 2 ед. повелит., а в остальных случаях (т. е. при ударении на основе не после двух согласных) заменилось окончанием *-те*, которое таким образом во всех случаях стало приставляться непосредственно к форме 2 ед. повелит.: *будьте, станьте, сядьте, знайте, пойте, режьте, лягте*, диалектич. *положьте, напойте, становьте, подьте* и пр. Таким путем возникли и новообразования: *ѣжьте* (теперь пишут: «ешьте»), *дайте*. Уже в XIII в. в памятниках встречаются формы: *вижьте, вѣжьте, оставьте, обидьте* и пр.

§ 517. Изменение основ. У многих глаголов о.-р. яз. основы форм спряжения были неодинаковы в различных формах. Сюда относятся 1) а) глаголы, имевшие в 1 ед. и 3 мн. наст. вр. основу на задненебную, в остальных личных формах основу на шипящую, а в повелит. на свистящую: *пеку, печешь, пеци, лягу, ляжешь, лязи* и др.; б) глаголы 2 спряжения с основой 1 ед. на шипящую и на сочетание губной с л мягким, а остальных лиц наст. вр. на мягкую зубную нешипящую и на мягкую губную без л: *сажу—садишь, лечу—летишь, грожу—грозишь, прошу—просишь, езжу—ездишь, пушу—пустишь, рублю—рубишь, ловлю—ловишь, куплю—купишь* и т. п.; в) глаголы, имевшие разные гласные в основах наст. вр. и повелит.: *реку—рьци* и т. п.; 2) глаголы с различными основами наст. вр. и инфинитива. Вследствие стремления устранить эти различия в в.-р. возникли следующие изменения.

1. Во всем в.-р. свистящие в формах повелит. наклонения, стоявшие в чередовании с задненебными, заменены мягкими средненебными; это явление аналогично подобной же замене в склонении: *теки, пеки, бѣги, ляги*, откуда после отпадения *-и*: *ляг*. В памятниках такая замена встречается с XIV в.: *стереги* (Парим. Сергиевой лавры).

2. Диалектически у тех же глаголов шипящие в окончании основы личных форм наст. врем. заменились а) мягкими средненебными: *текеть, пекеть, стерегеть* или *текет, пекет, стерегет* и пр.: эти формы довольно обычны теперь в ю.-в.-р. и во многих с.-в.-р. и переходных говорах; литературный язык избегает их, но они все-таки проникают и сюда: *ткёт*; б) твердыми задненебными, после которых гласная обязательно *о*,— в восточных и поволжских с.-в.-р. говорах: 2 ед. *некош*, 3 ед. *текот, стерегот, могот, бегот, лягот*, 1 мн. *запрягом* и пр. (форма 2 множ. на *-оте* в материалах не отмечена).

3. Диалектически шипящие и сочетания губных с мягким л в 1 ед. глаголов 2 спряжения с основой остальных форм на зубные нешипящие и губные заменены этими звуками: *ходю, летю, ездю, пустю, возю, несю, люблю, кофмю, спю* и пр. Это изменение возникло независимо в части с.-в.-р. говоров (Арханг. г.) и части ю.-в.-р. Ср. подобное же явление в м.-р.

4. В различных говорах возникли новообразования инфинитива от основы наст. врем. и наоборот, если эти основы первоначально были различны, например, ю.-в.-р. *идить* вместо *ити*; такого же происхождения и наше *идти*; ю.-в.-р. диалектич. *жмать* вместо *жать*, касим. *вытфеть* вместо *вытереть*. Сюда же относится с.-в.-р. диалектич. *пекчи, мокчи* и т. п. вместо *печи, мочи* (литерат. *печь, мочь*), откуда далее *пекти, мокти* и пр. Основу наст. врем., измененную под влиянием инфинитива, представляют с.-в.-р. *тефу, стери, он отперёт* и т. п.

§ 518. Судьба форм будущего сложного. Из способов образования будущего сложного в в.-р. теперь сохранились обороты с *буду* и *иму*, причем последние — только кое-где в с.-в.-р. говорах (волог., костр., яросл.): *иму дѣлать, имём косить* и т. п.; в остальных — только *буду*... Кроме того, в в.-р. стал употребляться для образования будущего с особым видовым — начинательным — оттенком глагол *стану* с инфинитивом, а в литературном языке существует также оборот с глаголом *иметь*: *имеет быть* и пр. Но в в.-р. памятниках XIII—XVI в. обороты с глаголом *буду* почти не встречаются, а для образования будущего обыкновенно употребляются глаголы *учну* или *почну* и *иму*; в грам. Ольга Рязанского 1356 г. также: **того хочю боронити**. Примеры оборотов с глаголом *иму*: Дух. Симеона Гордого: **а хто сю грамоту иметь рушити, имуть вѣдати**; грам. Ольга Ряз. 1356 г.: **гдѣ имуть сѣдѣти**; грам. звенигородского князя Юрия Дмитр. 1404 г.: **а которые люди имуть жити**; двинские грам.: **а хто иметь мое... подвигивати** 5, **хто иметь наступати** 77 и пр.; обороты с глаголами *почну* и *учну*: двинск. грам.: **а кто почнетъ на сю землю наступать** 107, **а хто учнетъ отимати** 13 и др.; грам. вел. кн. Ивана Вас. Московского 1486 г.: **а хто у них... учнет жыти людей**; Конш. Домострой XVI в.: **учнетъ на люди глядя жити** 43 об., **учнуть спрашивати** 55, **не учнешь хранити** 122 и пр.

§ 519. Plusquamperfectum (новый, см. выше § 498) в в.-р. грамотах и других гражданских актах и сочинениях нецерковного ха-

рактера XV—XVII вв. встречается, но довольно редко, между прочим, в Истории Курбского, Разрядной книге 1615 г. и др. Теперь он сохранился лишь диалектически в некоторых с.-в.-р. говорах (Арханг. и Олон. губ.): *пошел был, воротилася была, заболела была*, ср. в онежских былинах: *эти королю были рѣчи не понравились*; в других в.-р. говорах plusquamperfectum утрачен. К plusquamperfectum'у восходит существующий в русском литературном яз. оборот: *было* с прош. временем глагола в значении начатого, но брошенного в прошедшем действия.

§ 520. Выражения перфекта и plusquamperfect'a в с.-в.-р. Причастие несклоняемое прош. врем. 1-е (деепричастие) стало употребляться во многих с.-в.-р. говорах как сказуемое, в значении перфекта: *он ушоччи* (его нет, потому что он ушел), *дом сгорѣвши* и т. п.; в сочетании со связкой в прош. врем. то же причастие получило значение plusquamperfect'a: *он был ушоччи, она была родѣвши*.

§ 521. История форм возвратного залога. Возвратное местоимение *ся, си*, превратившись в частицу для обозначения возвратного действия, в в.-р. стало употребляться исключительно после глагола и наконец слилось в одно слово с глаголом, к которому относится. Свободное употребление *ся* при глаголе в в.-р. памятниках встречается еще в XVI в.: Конш. Домострой: **в мале бо ся ослабиши 24, каково ся лучить 51**; Судебник 1550 г.: **чтобы ся недѣлчики не отпирали**, и даже грам. 1615 г.: **съ воры ся ему не водити**, но, быть может, лишь в силу письменной традиции. Слиянием частицы *ся* с глаголом вызваны дальнейшие диалектические изменения в образовании форм от возвратных глаголов. Так, в некоторых южных и переходных в.-р. говорах возникли формы 3 ед. и мн. от возвратных глаголов на *-тцеть* и *-тцуть*: *придетцеть, учутцуть* и инфинитивы на *-тцать*: *учитцать, забавлятцать* (Калужск. г., Егор. у. Моск. г. и Касим. у. Рязанской г.).

§ 522. И н ф и н и т и в. Инфинитивы на *-ти* при ударении на основе, а также инфинитивы на *-чи* сохранились лишь в песнях, а в разговорной речи — только в части с.-в.-р. говоров (а именно, инфинитив на *-ти* только в Вологодской, Северодвинской и Вятской губ., а инфинитив на *-чи* также и в Архангельской, Череповецкой и Новгородской губ.), а в остальных говорах вытеснены формами на *-ть* и *-чь* (с переносом на основу ударения, бывшего на конце у некоторых инфинити-

вов на *-чи*): *ходить, знать, лечь, мочь, печь, беречь* и пр. Инфинитивы на *-ти* с ударением на конце, а также с приставкой *вы-* от глаголов, имеющих ударение на конце не в сложении с этой приставкой, по большей части сохранились: *нести, вести, прийти, вынести, выйти* и пр., хотя диалектически рядом с ними встречаются и формы на *-ть* с переносом ударения на основу: *несть, рость, плесть, весть* и пр. В в.-р. памятниках с XIII—XVIII в. употребляются формы инфинитива и на *-ти*, и на *-ть*. Из новообразований инфинитива можно отметить такие формы, как о.-в.-р. *грести* (из о.-р. *грети*, 1 ед. наст. *гребу*), где *с* по аналогии с *вести, плести, брести, мести* и пр., диалект. в.-р. *итить*, где к форме инфинитива ввиду ее формальной неотчетливости прибавлена инфинитивная примета *-ть*, с.-в.-р. диалект. *вестить* (вести) и т. п.

§ 523. Причастия наст. врем. действит. залога. Старые причастия или утратили значение причастий и стали прилагательными (*текущий, лежащий* и пр.) или существительными (*пройда, рёва* и пр.), или же перешли в несклоняемые деепричастия еще в о.-р., но в литературном в.-р. языке получили большое распространение заимствованные из церк.-слав. яз. и образованные по аналогии с ними причастия наст. врем. от глаголов несовершенного вида на *-ущий, -ащий*: *идуущий, говорящий* и пр. От глаголов совершенного вида такие причастия вообще в литературном яз. не образуются, но изредка встречаются со значением причастий будущего времени: «Весьма рады, когда кто, *приедуущий* из столицы, найдет, что у них точно так же, как в Петербурге» (Гоголь); «Это (лошадь Пржевальского)—вид... вероятно, скоро *вымфуущий* совершенно» (С.-Пб. Ведом. 1901, 13 ноября); «У меня не хватает денег на поездку, *потребующую* много затрат» (Шахматов) и т. д.

§ 524. Деепричастия наст. врем. В о.-р. яз. первоначально причастия наст. врем., из которых потом получились деепричастия, образовывались лишь от глаголов несовершенного вида, но довольно рано возникли такие причастия или деепричастия и от глаголов совершенного вида со значением причастий или деепричастий прош. врем., например, уже в Смоленской грам. 1230 г.: **возма**; в записи Пантел. ев. XIII в.: **исправляче**; в севернорусском Хлуд. Прологе 1262 г.: **возьмя, займя, поймя**; в Лавр. летоп.: **лиша ся, пожга, внида** и др. Ср. в нын. в.-р.: *пройдя, прочтя, полюбя, не спросясь, сломя голову, высуня язык, сложа руки* и др. В нынешнем литературном яз. такие дееприча-

ствия менее употребительны, чем в 1-й половине XIX в.; ср. у Пушкина: *постучась, увидя, обидя, поклонясь, брося, заменя* и др.

У деепричастий наст. врем. на *-а* с основой на твердую согласную, соответствующих ст.-сл. причастиям на *-ы*, твердые согласные перед *а* в в.-р. заменились соответствующими мягкими согласными по аналогии с деепричастиями от других глаголов; таким образом получились нынешние в.-р.: *идя, плетя, ведя, неся, везя, гребя* и т. п. Древнейшие примеры этого изменения в церк. памятниках — с XII в.: Устав Патр. Б-ки (с.-р. список, восходящий к ю.-р. протографу): **идя** 23, **чътяи** 200, в Сл. Ипполита **грядя**; в грамотах и летописях с XIII в.; приведу некоторые примеры: Новг. летоп. **идя, ждя, рея**; Новг. грам. 1305 г. **повьргя**; двинск. грам.: **ркя** и т. п.; теперь формы на *-гя, -кя* в литературном яз. неупотребительны, а потому от глаголов с основой на задненебные деепричастия не образуются.

Деепричастия наст. врем. на *-чи* в в.-р. сравнительно редки и притом встречаются только с ударением на основе или на конце (не на 1-м слоге окончания *-учи* или *-ачи*); в деепричастиях от глаголов 2-го спряжения неударяемое *а* перед *-чи* нефонетически заменилось гласной *у* по аналогии с деепричастиями от глаголов 1-го спряжения: *идуци, живуци, крадучись, знаючи, вставаючи, играючи, сидючи, гляючи* и пр. В литературном яз. такие деепричастия почти неупотребительны. В некоторых ю.-в.-р. говорах возникли новые деепричастия наст. вр. на *-мчи* или *-вчи*: *лежамчи, седимчи, делаемчи, играемчи, выдаемчи, стреляемчи, глядемчи; дожидавчи, ходивчи* и т. п.

§ 525. Деепричастия прош. врем.

1. По аналогии с деепричастиями, образованными с суффиксом *-в*, этот суффикс распространился и на деепричастия от тех глаголов, которые раньше образовывали их без суффикса *-в*: *ѡв, сѡв, украв, заперев, взяв, сняв, начав* и пр. или *ѡвши, сѡвши, укравши* и пр. вместо старых: *ѡдѡ, сѡдѡ, украдѡ, заперѡ, вземѡ, снемѡ, наченѡ* или *ѡдѡши, сѡдѡши* и пр. Впрочем, сохранились и некоторые деепричастия без суффикса *-в*, исключительно в форме на *-ши*: *гребши, запершись, утерши, слезши, привезши*, диалект. *пришоччи, ушоччи* (из *пришедши, ушедши*), *украччи* (*украдши*), *снѣмши, наѣмши, взѣмши* и пр.

2. В ю.-в.-р. говорах возникли новообразования на *-мши*: *завладомши, увидамши, обумши* (= *обувшись*), *поднямши, дожамши, не тимши, не ѡмши, идѣмши, живѣмши, привезѣмши, принесѣмши, сбережомши, испечом-*

ши; «Девушка коровушку доила, подоемши молочка цедила, процежомши душу Ваню поила, напоемши уговаривала» (песня) и т. п., распространившиеся и на переходные и на некоторые чистые с.-в.-р. говоры. В части в.-р. говоров являются также деепричастия на *-лиши*, тоже представляющие новообразования: *бывалиши* и пр.

4. Белорусские изменения форм спряжения

§ 526. Личные формы наст. вр. глаголов нетематического спряжения. В б.-р. сохранились старые формы этих глаголов: 2 ед. *даси, яси* (ешь); 2 мн. *дасцё, ясцё* (чаще) и *дасце, ясце* (реже; главн. обр. на юге). 1 мн. *дамо, ямо* — только в ю.-б.-р. говорах (Минская губ.). В остальных говорах старая форма 1 мн. заменена новообразованием: *дадзём, ядзём* (большая часть говоров), реже: *дадзим, ядзим* (по соседству с в.-р. говорами и на юге). Диалектически стала употребляться в значении 2 мн. изъяв. наклонения форма *дадзицё, ядзицё* или *дадзице, ядзице* (ударение на конце). В 3 мн. по аналогии с о.-р. у в *дадуць* (вместо о.-сл. *даде"ть*, см. выше § 507) явилось также *ядуць* (едят). От вспомогательного глагола сохранилась лишь форма 3 ед. *ёсь, ёсцака, ё и есь* (*есць*), *е* (последние две формы только в ю.-б.-р. говорах).

§ 527. Личные формы наст. врем. глаголов тематического спряжения. В 3 ед. формы без окончания *-ць* (т. е. *ц* мягкого из о.-р. *-ть*) в северовост. б.-р. говорах теперь неупотребительны, а в ю.-з. б.-р. говорах являются только в 3 ед. невозвратных глаголов 1-го спряжения: *нясе, таргуя* и пр.; 2 мн. без *-ць* — только в очень немногих ю.-б.-р. говорах. С глаголами 1-го спряжения совпали по формам глаголы 2 спряжения при ударении на основе, как и в ю.-в.-р.; таким образом, от этих глаголов 3 ед. в ю.-з. говорах: *ходзя, любя* и пр., 3 мн. везде *ходзюць, любюць* и пр.

1 мн., как и в в.-р., имеет окончание *-м*. Окончание *-мо* — только на юге (Минская и ю. часть Могилевской губ.): *повдзимо, глядзимо, купимо, хочемо, станемо*.

Во 2 мн. сохранилось ударение на конце у тех глаголов, которые имели его на конце в о.-сл.: *идзицё, стаицё, спицё* или *идзице, спице, стаице* (последние формы — только на юге). Тематическая гласная у глаголов 1 спряжения под ударением правильно (фонетически) сохранилась как *е* во 2 и 3 ед. и 2 мн., а в 1 мн. в одних говорах сохранилось

о, получавшееся фонетически перед твердой согласной, в других же по аналогии с остальными формами явилось *e*: *нясеш, нясець* или *нясе, нясём* (и *нясом*) или *нясем, нясеця*.

§ 528. Судьба форм повелительного наклонения. Формы 2 ед. повелит. накл. имели приблизительно ту же судьбу, что и в в.-р. Конечное *-и* при ударении на основе отпало, а при ударении на окончании частью сохранилось, частью тоже отпало, с переносом ударения на основу; такую же судьбу имели и формы повелит. накл. от глаголов с приставкой *вы-*: *атступ, становся, пазгонь, пасоб, несъ, вынесъ, выкаць* (вѣкати) и пр.

В 1 мн. в б.-р. сохранились старые формы на *-ѣмъ* от основ на твердые согласные: *нясѣм, вядзѣм* и пр., а по аналогии с ними 1 мн. повелит. на *-ѣм* стали образовывать и другие глаголы: *хадзѣм, касѣм, лежѣм, намирѣмса* вместо старых: *ходимъ, косимъ, лежимъ, помиримъся*. Ср. уже в памятниках XV—XVI в.: **велѣмъ** грам. 1475 г., **терпѣмо** Позн. Сборн. XVI в., **подадѣмъ** Статут 1588 г. Окончание *-мо* в 1 мн. повелит. теперь является только в ю.-б.-р. говорах, причем формы с этим окончанием стали образовываться только от глаголов, имеющих во 2 ед. повелит. ударение на основе (как старое, так и перенесенное с окончания). Как и окончание *-те* во 2 мн. повелит., окончание *-мо* стало присоединяться непосредственно к форме 2 ед. повелит.: *рѣжмо, сядѣмо, бѣгаймо*. Ср. совершенно такой же способ образования 1 мн. повелит. на *-мо* в м.-р. В немногих ю.-б.-р. говорах по соседству с м.-р. стали употребляться в значении 1 мн. повелит. формы 1 мн. наст. вр. на *-ом*: *идом, пасядом* и др.

Во 2 мн. частью сохранились, частью возникли по аналогии формы с суффиксом *-ѣ*: *нясѣця, идзѣця, ходзѣця, накажѣця*, но лишь в части б.-р. говоров; в других говорах, наоборот, по аналогии со старыми *просите, колите, накажите* и под влиянием 2 ед. на *-и* от всех глаголов, имевших в этой форме ударение на суффиксе, 2 мн. стало образовываться с окончанием *-иця* (из *-ите*), т. е. не только *прасиця, пишыця*, где *и* старое, но и *нясиця, вядзиця, бярыця* и т. п., а от глаголов, имевших во 2 ед. ударение на основе (старое или перенесенное),— через присоединение окончания *-иця* прямо к форме 2 ед.: *станѣця, стойця, сытця, адгонѣця* и пр. Ср. совершенно такое же образование 2 мн. повелит. в в.-р. и, частью, в м.-р.

§ 529. Изменение основ.

1. У глаголов с первоначальной основой на задненебную в формах повелит. наклонения свистящие согласные были заменены шипящими,

как и в м.-р. и зап.-слав.: *пячы, намажы, бяжы, ляж* и пр. Ср. в зап.-русских летописях XVI в.: **поможи** и пр., XVI в.: **речи** (повелит.) и пр. Диалектически шипящею же заменились задненебные в 1 ед. тех же глаголов: *пячу, бяжу, стрыжу* и пр. В других говорах, наоборот, вместо шипящих являются мягкие средненебные перед суффиксом *-е*: *пякець* и пр.

2. В некоторых говорах в 1 ед. глаголов 2 спряжения вместо *ж* явилось *дж*, если в остальных формах является *д*: *виджу, ходжу, гляджу*. Ср. то же явление в м.-р. говорах.

3. В ю.-б.-р. говорах произошла замена мягких согласных в конце основы твердыми и шипящих задненебными в 1 мн. наст. врем. перед окончанием *-ом* у тех глаголов 1 спряжения, основа которых в 1 ед. и 3 мн. оканчивалась на твердую согласную нешипящую: *идом, вьдом, грызом, прынясом, вярномся, зграбом* (сгребем), *живом, магом, пяком, тавком* (толчем), *паядом* и т. п., должно быть, по аналогии с 1 ед. и 3 мн. Во 2 и 3 ед. и 2 мн. тех же глаголов в этих говорах перед *е* мягкие согласные сохранились, а шипящие заменились мягкими средненебными: *идеш, вьдзеш, сядзиць, магець, пякець* и пр.

4. Из образований инфинитива от основы наст. врем. и наоборот отмечу инфинитивы: *церици, вмерици, заперци* (тереть, умереть, запереть); *дзерици* (драть); *бярэхчы, памахчы* и *бярэхци, памахци, валакци, тавкци* (беречь, помочь, волочить, толочь); *гряци* (гресть) и др.; наст. вр. от глагола *пѣць* (петь): *пяю, пяець, пяюць* и пр. От глаголов с суффиксами *-ыва, -ива* по аналогии с глаголами с суффиксом *-ова* образуются формы наст. вр. *-ую*: *выговарую, обманую* и пр.

§ 530. Судьба форм прош. сложного (перфекта) в б.-р.— та же, что в в.-р.

§ 531. Судьба *plusquamperfect'a* (нового, см. § 498). *Plusquamperfectum* в зап.-русских памятниках встречается еще в XVII в.; в современном б.-р. сохраняются лишь его остатки, например, *я прыйшов быв, але яго не застав* (буква *в* читается везде как у неслоговое) и т. п. со значением, близким к значению в.-р. оборотов с *было*.

§ 532. Будущее сложное. Сохранились образования с *буду* во всем б.-р. и с *иму*; последние только в ю.-б.-р. говорах. Обе формы будущего 1-го встречаются и в древнейших зап.-русских памятниках: грам. Корибута 1388 г. **будемь держат**; статут 1529 г.: **будут стояти** 158; Тайна Тайных XVI в.: **иметь чужаго имения жадати**; грам. 1492 г.: **маеть онъ дань давати**. Обороты с глаголами *хочу* и *начну* в зап.-р. не-

церковных памятниках не встречаются. Глагол *иму* или *му* в нынешнем б.-р. ставится непременно после инфинитива и сливается с ним в одно слово: *рабицьму, хадзицьмеш, брацьмеце, нясцимуць* и пр. В памятниках уже в XVI в. в этой форме глагол *иму* занимает обыкновенно то же место, ср. Псалтырь XVI в.: **выхваляти иму, взывати имем** и пр. Кроме этих двух оборотов в б.-р. теперь распространены также образования будущего с глаголом *маю*: *чым маю драмаць, лѣпнѣй пайду спаць*, и т. д., развившиеся, вероятно, из того же о.-сл. оборота с *имамь*, к которому восходят и формы на *-му*.

§ 533. Возвратный залог в б.-р. имел ту же судьбу, что и в в.-р.

§ 534. Инфинитив. Инфинитивы на *-ць (-ть)* в б.-р. теперь являются при тех же условиях, как и в в.-р. (преимущественно от основ на гласную при старом ударении на основе, реже — с переносом ударения, бывшего раньше на окончании *-ти*, на основу), но инфинитивы на *-ци (-ти)* сохранились все-таки лучше, чем в в.-р., и могут являться даже от основ на гласную; инфинитивы на *-чи* с ударением на окончании в б.-р., как и в м.-р., сохранились.

§ 535. Деепричастия. В значении деепричастий в б.-р., как и в м.-р., сохранились преимущественно формы им. ед. ж. р. причастий на *-учи, -ачи, -ъши, -въши*: *просючы, сидзючы, йдучы, стоячы, бравшы, прыйшовшы* и пр.; деепричастия же на *-а* почти совсем вышли из употребления. Старые причастия с суффиксом *-ши* от основ на согласные заменились новообразованиями на *-вши*: *цвившы, взявши, прынявши, иззѣвши* (съевши), *увайшовшы* и пр. В восточных говорах известны теперь и деепричастия на *-мши*, должно быть, заимствованные из ю.-в.-р.

5. Малорусские изменения форм спряжения

§ 536. Личные формы наст. врем. нетематического спряжения. Старые формы наст. вр. *ім, дам, вім* (о.-р. *ѣмь, дамь, вѣмь*) сохранились. Во 2 ед. при обычных *іси, даси, віси* (с ударением на конце) диалектически возникли и новообразования: *йш, даш*, как в в.-р.; в 1 мн. теперь является окончание *-мо*: *імо, вімо, дамо* (с ударением на *о*), а за Карпатами и у лемков *-ме*: *іме, даме, віме* (с ударением на основе). От глагола *есмь* формы наст. вр. утрачены, кроме 3 ед. *є*, реже *єсть*; впрочем, в западных говорах употребляются теперь в несколько измененном виде формы 1 и 2 л. обоих чисел в значении связки или

суффикса в образованиях прош. врем.: *ходил-ем, ходил-есь, ходили-сьмо, ходили-сте* и т. п.

§ 537. Личные формы наст. врем. глаголов тематического спряжения. Во 2 ед. в говоре лемков сохранились формы на *-ши*: *маєши, йдеши*, в остальных говорах на *-ш*: *йдеш, сидиш* и пр.

В 3 ед. глаголов 1 спряжения в.-м.-р. сохранились только формы без *-ть*: *несе, бере, питає* или *пита, каже* и пр.; от глаголов на *-ть* (*-т*) и от глаголов 2 спряжения при ударении на основе с изменением (нефонетическим) конечного *и* в *е*: *ходе, носе*.

В 3 мн. сохранились формы только на *-ть* (*-т*).

Конечное *-т* в 3 ед. и мн. мягко в вост.-украинских и некоторых карпатских говорах и отвердело в сев.-м.-р., зап.-украинских, галицких и большей части карпатских говоров.

В 1 мн. в нынешнем м.-р. являются формы на *-м* и *-мо*: *несем, ходим* и *несемо, ходимо* и пр.; у лемков также *-ме*: *идеме, хвалиме, знаме* (формы на *-ме*, должно быть, заимствованы из словацкого яз.).

Во многих говорах произошло стяжение *ае* в *а* у глаголов на *-аю*: *знат, питат, нема, співа* и т. п.; у лемков подобное стяжение и в глаголах на *-ую*: *бесіде* (= *бесідує*).

§ 358. Судьба форм повелит. наклонения. Во 2 ед. окончание *-и* без ударения отпало: *стань, сядь* и пр. В 1 и 2 мн. по аналогии с *берім, ідім, беріть, ідіть* и т. п., где *і* правильно из *ѣ*, явились формы *ходім, просім, кажім, ходіть, просіть, глядіть, кажіть* и пр., вытеснившие старые формы на *-им, -ите*. При ударении на основе формы множ. ч. повелит. стали образовываться через присоединение окончаний 1 мн. *-мо* (*-ме*), 2 мн. *-те* прямо к форме 2 ед.: *їжмо, будьмо, бігаймо, їжте, станьте, побачте, виходьте* и пр. В окончании 2 мн. *-ите* отпало конечное *-е*: *беріть, ідіть, озміть, ходіть* и пр., диалектически и в этой форме конечное *-т* отвердело: *беріт, ходіт* и пр.

§ 539. Изменение основ.

1. От глаголов с основами на задненебные в формах повелит. наклонения о.-р. свистящие заменились шипящими, как и в б.-р.: *печи, печіть, біжи, біжіть* и пр. Диалектически шипящие явились и в 1 ед.: *біжу, можу, печу* и пр., реже в 3 мн. *можуть* и пр.

2. Диалектически в сев.-украинских говорах у глаголов 2 спряжения, имевших в 1 ед. основу на *-ж*, чередовавшееся с *-д* в остальных формах, это *ж* заменилось через *дж*: *виджу, ходжу, сиджу*.

3. Диалектически, именно, в некоторых украинских говорах, у глаголов 2 спряжения, имевших в 1 ед. основу на шипящую, чередовавшуюся с зубными нешипящими в остальных формах, эти шипящие под влиянием остальных форм заменены соответствующими мягкими нешипящими, т. е. теми же, какие являются в 3 мн.: *видю, ходю, стрітю, возю, просю* и т. п.

4. В большей части говоров, кроме говоров так наз. «былаков» (в западной части Карпатской Руси), вместо форм *быти, был, была, было, были* и т. п. явились формы: *бути, був, була, будо*. У *былаков* в этих формах сохранилось *ы*.

5. У глаголов с основами на задненебные вместо *-чи* в инфинитиве явились формы на *-кчи, -хчи* или *-кти, -хти, -гти*: *пекчи, втекчи, мохчи, берехчи* или *пекти, втекти, мохти, берехти* или *могти, берегти*. От глаголов *умру, утру* и пр. явились инфинитивы: *вмерти, втерти* и пр. У глаголов с суффиксом *-ова* в инфинитиве этот последний заменился суффиксом *-ува*: *бесідувати, годувати, малювати*, прош. вр. *бесідував, годував* и пр.

§ 540. Прошедшее сложное. В большей части говоров, как и в в.-р. и б.-р., связка в прош. вр. утрачена, но диалектически на западе являются формы прош. врем. с вспомогательным глаголом в 1 и 2 л. обоих чисел, слившимся с причастием на *-л* в одно слово: 1 ед. м. р. *ходилем*, ж. р. *ходилам*, 2 ед. м. р. *ходилисьмо*, ж. р. *ходилисьмо*, 1 мн. *ходилисьмо*, 2 мн. *ходилисьте*. Возможно, что эти формы — заимствование из польского языка.

§ 541. Будущее сложное. В образовании этой формы, как и в в.-р. и б.-р., различается два способа: 1) сочетание инфинитива спрягаемого глагола с глаголом *иму* сохранилось только в вост.-украинском и сев.-м.-р., причем обычно слово *иму* и пр. ставится после инфинитива, сливаясь с ним в одно слово: *робитиму, ходитимеш, знатиме, зрати-муть* и пр., реже: *иму робить* и т. п.; 2) сочетание *буду* и пр. с инфинитивом сохранилось повсюду, но в литературном укр. неупотребительно.

§ 542. Инфинитив на *-ть* в м.-р. менее употребителен, чем в в.-р.; инфинитив на *-ти* могут иметь все глаголы.

§ 543. Деепричастия на *-а (-я)* в м.-р. не сохранились, кроме единичного *мога* в выражении *як мога*; теперь в м.-р. употребляются деепричастия наст. вр. исключительно на *-чи*: *йдучи, мислячи* и пр., а прош. вр. — на *-ши*: *взявши, ходивши*.

П Р И Л О Ж Е Н И Е I

ОБЪЯСНЕНИЕ ТРАНСКРИПЦИЙ

Звуки о.-сл. и о.-р. языков, а также нынешних русских языков, кроме малорусского, передаются в настоящем «Очерке» буквами обычной русской азбуки с некоторыми изменениями и дополнениями. О значении буквы «е» см. § 33, буквы «Ѣ» — § 129, букв «ъ» и «ь» для древнейшей эпохи — § 132, «о^н», «е^н», «Ѣ^н» — §§ 122, 133, 134, буквы «ä» — § 32, букв «ö» и «ü» — §§ 37, 38, буквы «j» — § 43, буквы «w» — § 45; буква «h» обозначает гортанное придыхание, буквы «г^х» и «у» употребляются в одном и том же значении, для передачи звонкой фрикативной задненёбной согласной (см. § 42); маленькое «i» вверху справа от буквы обозначает мягкость согласной; буква «ъ» в примерах из нынешнего русского яз. обозначает средний гласный звук среднего подъема (см. § 33).

Примеры из ст.-сл. яз. передаются соответствующими буквами обычной русской азбуки с добавлением недостающих букв из церк.-слав. шрифта. Относительно значений букв ст.-сл. азбуки следует заметить.

Согласные буквы «ж», «ч», «ш», «ц» обозначали только мягкие звуки («жа» = русскому «жя»). Согласные буквы «г», «к», «х» могли обозначать мягкие согласные звуки только в греческих словах перед «и» и перед «е». Буквы «б», «в», «м», «п» вообще обозначали немягкие согласные звуки («бе» = русскому «бэ»), но в некоторых ст.-сл. памятниках обозначают, по-видимому, мягкие согласные звуки в тех случаях, в которых другие ст.-сл. памятники имели сочетания *бл*, *вл*, *мл*, *пл* с мягким *л* (*люблѣше* = *люблѣше* других памятников). Буквы «д» и «т» обозначали мягкие согласные звуки только в сочетаниях «жд», «шт» (из о.-сл. *dj*, *tj*) и в слове «господь»; в остальных случаях обозначали соответствующие немягкие согласные («де» = русскому «дэ»). Буква «з» в тех памятниках, которые различали «з» и «s», обозначала только немягкий согласный звук. Буква «s» обозначала аффрикату *дз*, первоначально мягкую. Буква «с» вообще не обозначала мягкого звука, но в местоимении «весь» с производными и перед «ѣ» и «и» в падежных окончаниях основ на *х* (и перед «вѣ», «ви» у основ на *хв*) могла читаться мягко. Буквы «л», «н», «р» обозначали как немягкие, так и мягкие согласные звуки, причем мягкость их обозначалась или особым значком над буквой, или употреблением после них т. н. «йотированных» букв. Гласные буквы: «е» = русскому *э* («еда» = *эда*, «небо» = *нэбо*), «оу» = русскому *у*; «ѣ», по-видимому, — дифтонг «еа» или «йя» (русские писцы в XI в. читали «ѣ» иначе); «ж» (юс большой) и «л» (юс малый) — носовые гласные звуки, приблизительно, *о* носовое и *е* носовое; «ѧ», «Ѯ». «ю», «ѧж», «ѧл», т. е. т. н. «йотированные» буквы — сочетания *ja*, *je*, *jy* (*jü*) и пр. или гласные *a*, *e*, *y* (*ü*) и пр.

после мягких согласных; «ъ» и «ь» — редуцированные гласные звуки, первый — среднего или заднего ряда, второй — переднего ряда; точное значение их не поддается определению; в части говоров ст.-сл. яз., по крайней мере, эти звуки были близки к *o*, *e*.

В примерах из древнерусских памятников «А» по большей части передается через «я», буквы «ѡ», «ѣ», «ѡ» = буквами «о», «кс», «пс». О значении букв в др.-р. письме см. §§ 109—119 и 165—328.

Звуки украинск., болг. и сербск. яз., пользующихся кирилловской азбукой, и языков польск., чешск., словенск., лит. и др., пользующихся латинской азбукой, передаются обычным правописанием, принятым на этих языках.

Особенности **украинской** азбуки сравнительно с русской. Буква «г» означает гортанное придыхание, «г с крючком кверху» — *g* взрывное, «е» = русскому *э* (т. е. в начале слова — звук *э* без йотации, после согласных — *э* и твердость самих согласных), «є» = «е» в.-р. орфографии (т. е. передает или сочетание *je*, или *e* после мягких), «и» — звук средний между в.-р. *и* и *ы*; «і» — звук *и*, перед которым согласные обыкновенно мягки; «ї» — или сочетание *ji*, или *i* после мягких зубных; «ь» — только мягкость согласных, в том числе и перед некоторыми гласными (*ковалѣви* чит. *ковалѣви*). Об остальных особенностях см. §§ 98—100.

Особенности **болг.** азбуки. «ѣ» перед твердыми согласными в произношении одних = русскому «я» (т. е. передает или сочетание *ja*, или *a* после мягких), в произношении других — *e* открытое; перед мягкими согласными — звук *e*; буква «ъ» не в конце слова и «ѡ» — один и тот же гласный звук, определяемый как неокругленный задний гласный звук среднего подъема; «о» безударное в литературном болг. яз. почти = русскому *у*; «е» безударное там же почти = русскому *и*; буквы «ъ» и «ь» в конце слова сами по себе особого звука не обозначают; буква «ь» после «н» обозначает мягкость согласного звука; «щ» читается как русское *шт*; «хв» = *ф* («захващамъ» чит. *зафаштам*); «дрѣво, прѣви» чит. *дрѣво, прѣви*, но «прѣвъ». «грѣмъ» — *прѣф, грѣм*. С 1921 г. в Болгарии введено новое правописание, по которому «ъ» и «ь» в конце слов не пишутся; в середине слов вместо «ъ» везде пишется «ж», вместо «ѣ» перед твердыми под ударением пишется «я», перед мягкими и без ударения — «е». В «Очерке» примеры из болг. яз. приводятся в старой орфографии; новая указана (не везде) только в скобках, потому что почти все болг. книги, имеющиеся в России, напечатаны до реформы.

Особенности **сербской** азбуки сравнительно с русской. Согласные буквы, кроме «ђ», «ћ», «ь», «њ», «ј», обозначают звуки не мягкие и не веляризованные; «е» = русскому *э* («еда» = *эда*, «небо» = *нэбо*); «ь», «њ» — звуки *л*, *н* мягкие («ња», «ља» = *ня, ля*); «ђ», «ћ» произносятся как русские *д*, *т* очень мягкие с шепелеватым оттенком или как *дж*, *ч* очень мягкие; «л» читается как *l* «европейское», среднее; «џ» — аффриката *дж*, т. е. тот звук, который в русском языке проносится вм. *ч* перед звонкими согласными (*дочь больна*): «отаџбина» (отечество); «х» произносится как придыхание или вовсе не выговаривается: «ходим» (хожу), «Христо» (собств. имя), чит. *ходим, христо* или *одим, ристо*; «ј» — звук *j* или *й*: «јагода», «змај» чит. *ягода, змай*; «р» может обозначать и слоговой плавный звук; слоговое свойство *р* между

согласными не обозначается, в начале слова и перед гласной обозначается двумя черточками над буквой «р». Ударения различаются не только по месту, но и по интонации; в обычном письме ударение не обозначается; в научной транскрипции обозначается значками, соответствующими четырем видам сербского ударения.

В **чешской** и **словацкой** азбуке буквы «a», «b», «d», «e», «f», «g», «i», «k», «l», «m», «n», «o», «p», «r», «t», «u» употребляются в том же значении, как и в латинской и немецкой азбуках; «s» = русскому *ц* (всегда); «h» — звонкое придыхание; «j» имеет те же значения, что и в сербской азбуке; «l» — среднее («европейское») *l*, не мягкое и не твердое; «s» всегда = русскому *с*; «y» — то же, что «i» (раньше произносилось как русское *ы*); «v» = русскому *в*; «z» = русскому *з*; буквы «č», «š». «ž» — шипящие = русским *ч, ш, ж*; «ř» — шепелявый звук, не совсем точно передаваемый через «рж»; «ḷ», «ň», «ď», «ť» — мягкие *l, n, d, t*; кроме того, мягкость согласных перед *e* обозначается значком над «e» — «ě»; сочетания «bě», «mě», «ře», «vě» произносятся как *bje, tje, pje, vje*; «ů» = *у* (русская буква) долготу; «ch» = русскому *х*. Знак ударения над гласной буквой означает долготу; само же ударение всегда на первом слоге.

В **польской** и **кашубской** азбуке — следующие отличия от чешской: «y» почти = русскому *ы*; «w» = русскому *в*; «l» — только *л* мягкое, несколько менее мягкое, чем русское («lato» — почти *лято*); «ą» — *о* носовое; «ę» — *э* носовое; «ó» = русскому *у*; «é» (диалектич.) — то же, что «i» или «y»; «f» почти = русскому *л* твердому; «ń» — мягкое *н* («kóń» = *кунь* «лошадь»); «ć», «ś», «ź» — мягкие шипящие или шепелеватые звуки вроде русских *ч, ш, ж* очень мягких; «ż» = русскому *ж*; «cz», «sz» = русским *ч, ш*; впрочем, польское *cz* всегда твердо, как и *ż, sz: czysty* чит. *чысты* «чистый»; «rz» в начале слова и после гласных и звонких согласных = русскому *ж*, после глухих и в конце слова = русскому *ш*; иногда, впрочем, этими буквами обозначается и сочетание *рз*, например, *mierzść* (чит. *мерзичь*); «i» после согласной перед гласной не произносится, а обозначает лишь мягкость согласного звука: *wiara, ziarno* чит. *вяра, зярно, nieść, ciepły* чит. *нещъ, чеплы* и пр. Согласные перед «i» читаются мягко. Согласные непосредственно перед «e» читаются твердо: *sen, deszcz, ogródek, ten* чит. *сэн, дэщч, огрудэк, тэн* (сон, дождь, огород, этот). Согласные «b», «d», «g», «v», «z», «ż» перед глухими и в конце слова читаются как соответствующие глухие; наоборот, «c», «f», «k», «p», «s», «t», «ch», «cz», «sz» перед звонкими читаются как соответствующие звонкие; «w» после «s» читается как *ф*: *swój = сфууй* (свой). Конечное «l» после согласных не читается: *niósł, plótł* = *нюс, плют* «нёс, плёл». Ударение в польском в неодносложных словах всегда на предпоследнем слоге.

Основные значения букв **словенской** азбуки те же, что чешской, но «h» = русскому *х*; долгота звуков не обозначается; «j» после «l» и «n» обозначает только мягкость этих согласных звуков; впрочем, в нынешнем словенском языке буквенное сочетание «lj» проносится обычно как *l* немягкое («европейское»), а «nj» — как «йн» или «нй» (*konj* = *койн*, *njega* = *нйега*); «l» перед согласными и в конце слова часто произносится как *у* неслоговое; «g» может читаться и как *г* взрывное, и как *г* фрикативное; вообще, словенское правописание передает нынешнее словенское произношение очень неточно.

Хорваты пишут латинской азбукой; значения букв хорватской азбуки в общем те же, что и в чешской. Но в настоящем «Очерке» хорватская азбука не встречается, так как примеры из сербохорватского яз. везде переданы сербской азбукой.

В старом **литовском** правописании значения букв и их сочетаний были в общем те же, что в польской азбуке («cz», «sz», «ź» = *ч, ш, ж*; «w» = *в*, «c» = *ц* и пр.); но буква «y» обозначала *и* долгое: *gyti* = *гити* с долгим *и* в 1-м слове («жить») и употреблялись буквы «ė» = *э* долготу закрытому, «ë» — дифтонг *иэ*, «ų» — дифтонг *юо*. В новом правописании введены те же обозначения звуков, что и в чешской азбуке (č, š, ž, v), но сохранены буквы «y» и «ė» для обозначения *и* и *э* долгих, вместо «ų» и «ë» пишется «uo» и «ie». В «Очерке», по недосмотру, примеры из литовского яз. встречаются и в той, и в другой орфографии.

По поводу встречающихся в «Очерке» **греческих** слов следует заметить, что в IX—X вв. нашей эры греч. произношение было близко к нынешнему, но отличалось от него между прочим тем, что звук, обозначавшийся буквою «υ», произносился (может быть, не всеми) еще как *й* (теперь эта буква читается как *и*). С ним совпадал и звук, обозначавшийся буквами «οι» (ποικίλν, φοίνιξ чит. *тюмин, фюникс*, где «ю» = *й*). Буквы «ε», «αι» читались (как и теперь) как *э*; буквы «ι», «η». «ει» — как *и*; долгота и краткость не различались; буква «β» не после «φ» или «μ» читалась как русское *в*¹⁰⁶; сочетания «φβ», «μβ» и «μλ» читались как русское *мб*; сочетание «ντ» — как русское *нд*; «ζ» = русскому *з*; «τζ» = русскому *ц*; «σμ» = русскому *зм*; сочетания «αυ». «ευ» перед сонорными и звонкими согласными читались как *ав, эв*, а перед глухими — как *аф, эф* или *ап, эт*.

¹⁰⁶ Впрочем, «β» после согласных, может быть, только диалектически, кажется, могла произноситься как *б*, ср. древнерусское *φрезбутер* = *πρεσβύτερος*.

П Р И Л О Ж Е Н И Е П

ДРЕВНИЕ ПАМЯТНИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Здесь названы памятники, упоминаемые в «Очерке», кроме тех, ссылки на которые взяты исключительно из «Лекций» акад. А. И. Соболевского [Соболевский, 1907], «Очерка» акад. А. А. Шахматова [Шахматов, 1915] и II т. «Белорусов» акад. А. Е. Карского [Карский, 1908].

1. Памятники церковного языка

1. Остромирово ев. 1056 г. (Публ. Б-ка). Писано для новгор. посадника Остромира. Большая часть, кроме первых 24 листов, заголовков и текста на лицевых изображениях, писана дьяконом Григорием. **Изд.** 1. Востокова, 1843 г. [Востоков, 1843]; поправки—в статье Козловского (см. ниже); 2 и 3. Савинкова, фото-литогр. 1883 и 1889 [Савинков, 1883, 1889]. **Иссл.** 1. М. Козловский; 1895 (Иссл. по р. яз., т. I) [Козловский, 1885—1895]. 2. А. А. Шахматов и В. Н. Щепкин, в приложении к книге: Лескин. Грамматика ст.-сл. яз., русский перевод, 1890 [Шахматов и Щепкин, 1890]; 3. Н. М. Каринский. О. Е., как памятник р. яз. (Ж. М. Н. Пр. 1903, 5) [Каринский, 1903]; 4. Ф. Ф. Фортунатов. Состав О. Е. (Сборн. статей, посвящ. В. И. Ламанскому, II, 1908) [Фортунатов, 1908]; 5. Н. М. Каринский. Письмо О. Е. (Сборн. Публ. Б-ки, 1920) [Каринский, 1820].

2. Изборник Святославов 1073 г. (Историч. Музей. Списан для вел. кн. Святослава с болг. сборника, переведенного с греч. для болг. царя Симеона. **Изд.** фото-литогр. Общ. Люб. Др. Письм. 1880 [Изборник, 1880]; поправки Шахматова в ASIPh. VI [Шахматов, 1880].

3. Архангельское ев. (Румянц. Музей). Писано в разное время разными лицами: 1) лл. 1—76 об. в конце XI в.; последние страницы этой части написаны, по-видимому, позже, чем первые стран. 2-й части; 2) непосредственное продолжение 1-й части, лл. 77—175; почерк и приемы письма сильно отличаются от 1-й части; в конце—запись писца—Мички—без даты (конец XI в.); 3) лл. 175—176 об.: письмо XI в. наведено чернилами позднее; 4) л. 177, не представляющий непосредственного продолжения л. 176 об.; почерк и приемы письма отличны как от 1-й, так и от 2-й части; эта стран. писана в 1092 г., почему и всё А. Е. не совсем точно называется часто ев. 1092 г.; 5) л. 177 об.—письмо XIII в.; 6) л. 178—178 об.—письмо конца XI в. **Изд.** трехцветной фото-цинкографией в 1912 г. [АЕ 1912] (ср. Н. Дурново. Изв. 2 АН. 1913 [Дурново, 1913; наст. изд., с. 703—707]. 2). **Иссл.** Н. Дурново. Ст.-сл. смягченные согласные в А. Е. Slavia II. 4 [Дурново, 1924; наст. изд., с. 354—367].

4. Тринадцать слов Григория Богослова XI в. (Публ. Б-ка). **Изд.** А. Будилович, 1875 г. [Будилович, 1875].

5. Синайский Патерик XI в. (Историч. Музей). Правописание памятника отличается неустановленностью и обилием русизмов, рядом с некоторыми архаизмами.

6. Чудовская Пс. с толкованиями Феодорита, XI в. (Историч. Музей). **Изд.** В. А. Погорелов (Памятники ст.-сл. яз., т. III, в. 1. 1910 [Погорелов, 1910]); **словарь** к ней: Погорелов, Варш. 1910 [Погорелов, 1910a]; **иссл.** 1) Он же, толкования Феодорита Киррского на Пс., 1910 [Погорелов, 1910b]; 2) Обнорский. К истории глухих в Ч. Пс. (РФВ. 1912. 4) [Обнорский, 1912a].

7. Пандекты Антиоха XI в. (Историч. Музей). **Изд.** приготвл. Бодянским (только небольшая часть). 1913. (Чт. в Общ. Ист. и Др. Росс.) [Бодянский, 1913]; **иссл.** Копко, в Изв. 2. АН. 1915. 3, 4. [Копко, 1915].

8. Минеи Служебные конца XI в. за сент., окт., ноябрь, янв., апр., июль и авг., сев.-русские; из них окт. и ноябрь датированы 1096 и 1097 г. **Изд.** Ягич. Служебные Минеи за сент., окт. и ноябрь... по рукописям 1095—1097 гг. [Ягич, 1886]. Остальные не изданы. **Иссл.** М. Корнеева-Петрулан. О яз. Служебной Минеи 1095 г. (РФВ. 1917) [Корнеева, 1917—1918].

9. Устав к кондакарём конца XI или нач. XII в. Типографской б-ки № 142. Устав, из которого в этой рукописи — только отрывок, переведен с греч. на Руси в середине XI в.; рукопись — сев.-р. список с ю.-р. оригинала.

10. Слова Кирилла Иерусалимского XI в. (Историч. Музей). Перевод ю.-слав. Список, рядом с значительным количеством русизмов, отличается сохранением некоторых черт ю.-сл. правописания и предпочтительным употреблением ъ перед ѓ, употребляющимся сравнительно редко.

11. Мстиславово ев. около 1115 г. (Историч. Музей). **Изд.** около 1/5 всей рукописи Г. Воскресенским. Ев. от Марка, 1894 [Воскресенский, 1894]. **Иссл.** Е. Ф. Карский (РФВ. 1895. 4) [Карский, 1895].

12. Галицкое ев. 1144 г. (Историч. Музей). **Изд.** Архим. Амфилохий. М. 1882 и 1884 (два тома) [Амфилохий, I—III].

13. Ефремовская Кормчая XII в. (Историч. Музей). **Изд.** Бенешевич. Древне-слав. Кормчая XIV титулов без толкований, т. I. 1906 [Бенешевич, 1906—1907]. **Иссл.** С. П. Обнорский. 1912. (Иссл. по р. яз., т. III, в. 1.) [Обнорский, 1912].

14. Добрилово ев. 1164 г. (Румянц. Музей). Писано попом Добрилом в Галиче южном. **Изд.** (отрывки) и **иссл.** А. И. Соболевский. Очерки по истории р. яз. 1884 [Соболевский, 1883—1884].

15. Типографское ев. № 1, середины XII в., по-видимому, южнорусское.

16. Успенский Сборник XII в. (Историч. Музей). Содержит жития святых за май, между прочим, русское житие Феодосия Печерского, напис. Нестором. Сказание о Борисе и Глебе, припис. мниху Иакову, и болг. житие Мефодия Моравского, а также и другие статьи. **Изд.** (половина Сборника, куда вошли, между прочим, все три назв. жития) Шахматовым и Лавровым, 1899 г. (Чт. в Общ.

Ист. и Древн. Росс. 1899) [Шахматов и Лавров, 1899]. **Иссл.** Лукьяненко. О яз. Несторова жития Феодосия Печ. по древнейшему из дошедших списков (РФВ. 1907. 1) [Лукьяненко, 1907]; 2. Инна Попова. Паннонское житие Мефодия... (РФВ. 1913) [Попова, 1913].

17. Типографское ев. № 7, XII в., ю.-р. **Иссл.** А. И. Соболевский. Очерки... 1884 [Соболевский, 1883—1884].

18. Устав Патриаршей Б-ки № 330, XII в. (Историч. Музей). Устав переведен на Руси в середине XI в. (ср. отрывок того же Устава в списке XI в.—выше, под № 9); настоящий список—сев.-русский, восходящий к ю.-р. протографу.

19. Ростовское житие Нифонта 1219 г. **Изд.** Рыстенко. Житие Нифонта (изд. напечат., но не выпущ. в свет). **Иссл.** Б. М. Ляпунов. Проф. Рыстенко и напечатанные им тексты жития Нифонта (Изд. Од. Библиогр. О-ва, т. V, в. 3—6) [Ляпунов, 1916].

20. Новгородская Кормчая 1282 г. (Историч. Музей). Содержит, между прочим, Русскую Правду (в ссылках на последнюю «Р. Пр. 1282 г.»).

21. Ев. 1283 г. (Рум. Музей). Писано поповичем Евсевием, ю.-р. **Иссл.** Голоскевич. Евсевиево ев. 1283 г. (Иссл. по р. яз. т. III, в. 2. 1914) [Голоскевич, 1914].

22. Житие Саввы Освященного XIII в. **Изд.**, параллельно с греч. текстом, Помяловским, 1890 [Помяловский, 1890].

23. Типографское ев. № 5, XIII в., ю.-р. **Иссл.** А. И. Соболевский. Очерки... 1884 [Соболевский, 1883—1884].

24. Пс. Типографской Б-ки № 27 (45), XIII в. Описана В. А. Погореловым: Б-ка М. Синод. Типографии, ч. I. Рукописи, в. 3. Псалтыри. М. 1901, под № 45 [Погорелов, 1901].

25. Новгородский Пролог 1356 г. Типографской Б-ки № 155. Отрывок **изд.** в моей Хрестоматии по ист. р. яз. 1914 г. [Дурново, 1914].

26. Псковский Пролог 1383 г. Типогр. Б-ки № 172. Отрывок **изд.** в моей Хрестоматии [Дурново, 1914]. **Иссл.** А. И. Соболевский. Очерки по ист. р. яз. 1884 [Соболевский, 1883—1884].

27. Псковская Пс. Типогр. Б-ки № 28 (46), XIV в. **Иссл.** 1. А. И. Соболевский. Очерки по ист. р. яз. 1884 [Соболевский, 1883—1884]; 2) Погорелов. Б-ка М. Синод. Типографии, ч. I. Рукописи, в. 3. Псалтыри. 1901 [Погорелов, 1901].

28. Октоих 1488. (Главн. Арх. 442), писан в пределах вел. княжества Литовского, ю.-в.-р. или б.-р.

29. Октоих и Торжественник конца XV в. Главн. Арх. № 626, писан в пределах вел. княжества Литовского, ю.-в.-р.

30. Устав церковный Главн. Архива № 560, XV в. после 1472 г., ю.-в.-р.

31. Устав церковный Главного Архива № 635, нач. XVI в., в.-р.

32. Вологодское ев. XVI в. (Публ. Б-ка). **Иссл.** Л. Л. Васильев (РФВ. 1907. 1—2) [Васильев, 1907].

33. Сборник Софийской Б-ки № 1460, XVI в., с.-в.-р. **Иссл.** Л. Л. Васильев (РФВ. 1917. 4) [Васильев, 1917].

34. Пс. Публ. Б-ки Ф. I. 7, XVI в., с.-в.-р. **Иссл.** Л. Л. Васильев (РФВ. 1917. 4) [Васильев, 1917].

35. Богдановский Златоуст XVI в. (из собр. Богданова. Публ. Б-ка). **Иссл.** Л. Л. Васильев (Изв. 2. АН. 1905. 3) [Васильев, 1905а].

36. Стоглав в списках XVI и XVII вв. **Изд.** 1. Кожанчиков (неудовл.) 1863; 2. Казанское (Правосл. Собеседник, по Казанским спискам); 3. Н. П. Субботин. Царские вопросы и соборные ответы [Субботин, 1890].

2. Памятники литературного нецерковного языка

1. Новгородская летопись по списку Патриаршей (Синодальной) Б-ки, XIII—XIV в. (Историч. Музей). **Изд.** Новгородская летопись по синодальному харатейному списку, изд. Археографич. Комиссией (снимок). 1875. **Иссл.** 1. Б. М. Ляпунов. Иссл. о яз. Синод. списка 1-й Новгород. летописи, в. 1. 1900 (Иссл. по р. яз. т. II, в. 2); 2. Е. С. Истрина. Употребление именных и местоименных форм имен прилагательных в Синод. списке 1-й Новгородской летописи (Изв. 2 АН. 1918. 1); 3. Она же. Синтаксические явления Синод. списка 1-й Новгород. летописи (Изв. 2 АН. 1919. 2, 1921). 1923.

2. Лаврентьевская летопись, 1377 г. (Публ. Б-ка). **Изд.** Несторова летопись по Лаврентьевскому списку, изд. Археографич. Комиссией (снимок). 1872. **Иссл.** Некрасов (Изв. 2 АН. 1896. 1 и 1897. 2) [Некрасов, 1896—1897].

3. Ипатъевский список летописи. XV в. **Изд.** Археогр. Комиссии [Ипат., 1872]. **Иссл.** Никольский (РФВ. 1899) [Никольский, 1899].

4. Акир XV в. Повесть об Акире в списке Общ. Ист. и Древн. Росс. № 189, второй половины XV в. (Румянц. Музей). Список псковский. **Изд.** А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. 1913 [Григорьев, 1913]. Поправки: Николай Дурново. К истории повести об Акире. 1915 [Дурново, 1915]. **Иссл.** Там же.

5. Домострой по списку Общ. Ист. и Древн. Росс. XVI в., с.-в.-р. **Изд.** И. Е. Забелин. 1881 (Чт. в О-ве Ист. в Древн. Росс. 1881 г.) [Забелин, 1881].

6. Домострой по Коншинскому списку, XVI в. (Публ. Б-ка); список ю.-в.-р., но восходит (не непосредств.) к с.-в.-р. оригиналу. **Изд.** (и, отчасти, иссл.) А. С. Орлов. Домострой по Коншинскому списку и подобным. 1910 (Чт. в О-ве Ист. и Древн. Росс. 1908. 2) [Орлов, 1908—1911].

7. Повесть об Азовском осадном сидении, списки XVII и XVIII в., ю.-в.-р. **Изд.** А. С. Орлов. Историч. и поэтич. повести об Азове. 1906.

3. Памятники делового (юридического) языка

1. Надпись на Тьмутороканском камне, 1068 г. Издавалась много раз. Последнее **изд.** фототипич. А. Спицын (Записки Отдел. Русской и Славянской Археологии Русского Археологич. О-ва, т. XI, 1915 г.) [Спицын, 1915].

2. Мстиславова грамота около 1130 г. Дарственная грамота вел. кн. Мстислава Владимировича новгородскому Юрьеву монастырю. **Изд.** 1. А. Маркс, фототип. (Древности Московск. Археолог. О-ва XXIV. 1913) [Маркс, 1914]; 2. Николай Дурново. Хрестоматия по истории русского яз. 1914 [Дурново, 1914] и др.

3. Грамота Варлаама Хутынского (духовная), около 1192 г. **Изд.** там же, где и предыдущая.

4. Смоленские грамоты XIII в. (Рижский городской архив). **Изд.** К. Е. Напьерский. Русско-Ливонские Акты. [СПб.,] 1868 (грамоты, кроме грамоты 1229 г., изданы неудовлетворительно). Древнейшая — договор Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. — сохранилась в 5 списках, обознач. буквами А, В, С, D, E, из них А и В, по-видимому, подлинники договора, С и D — немного позднее и E 80-х годов XIII в. По списку А грам. 1229 г. переиздана с издания (Напьерского) в моей Хрестоматии по ист. р. яз. 1914 г. [Дурново, 1914].

5. Рижские грамоты XIII—XIV в. (Рижский Городской Архив). Наиболее интересна по яз. обширная грамота Рижан к витебскому князю Михаилу Константиновичу, содержащая протест против действий князя и его наместника в Риге около 1300 г. Все рижские грамоты **изд.** (неудовл.) К. Е. Напьерским в Русско-Ливонских Актах 1868 г.

6. Полоцкие грамоты XIII—XIV в. (Рижский Городской Архив). **Изд.** (неудовл.) там же. Древнейшая — договор князей Гердена и Изяслава с литовским магистром 1264 г.

7. Новгородские грамоты XIII и XIV в. **Изд.** 1. Договоры новгородцев с немцами и грамоты их к немцам: К. Е. Напьерский. Русско-Ливонские Акты 1868 (неполно и неудовл.); 2. и **иссл.** — договоры Новгорода со своими князьями: Шахматов 1885—1895. (Иссл. по р. яз. т. I) [Шахматов, 1885—1895]; 3. Духовная новгородца Климента до 1270 г.: Срезневский. Сведения и заметки XXXV. 1867 [Срезневский, 1867—1881]. Древнейшие из новгородских грамот — договор Александра Невского с немцами не позже 1263 г., договор новгородцев с князем Ярославом Ярославичем 1264 г. и список 1263 г. с грамоты 1189 г.

8. Русская Правда по списку 1282 г. См. выше I (Памятники церковного письма). 19.

9. Грамота Ольга Рязанского 1356 г. (б. Архив Минист. Юстиции). **Изд.** 1. Моск. Архива Минист. Юстиции (снимок в красках) [АМЮ]; 2. Николай Дурново. Хрестоматия по ист. р. яз. 1914 [Дурново, 1914].

10. Южнорусские грамоты (галицкие, вольинские, буковинские и др.) XIV—XV. **Изд.** (некоторые): А. И. Соболевский и Пташицкий. Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV в. 1903 [Соболевский и Пташицкий, 1903].

11. Западнорусские грамоты XIV—XV в. (грамоты литовских князей и др.). **Изд.** (некотор.) — там же. **Иссл.** Карский. Белорусы, т. II [Карский, 1911].

12. Московские грамоты XIV—XVII в. Сюда относятся грамоты московских вел. князей и царей, удельных князей звенигородских, верейских, серпуховских и др., московских митрополитов и частных лиц. **Изд.** (некотор.) Соболевский и Пташицкий. Палеограф. снимки и пр. [Соболевский и Пташицкий, 1903]. **Иссл.** Л. Васильев. О звуке $\frac{1}{b}$ в московских грамотах (Изв. 2 АН. 1905) [Васильев, 1905]. Древнейшая из московских грамот — духовная Ивана Калиты около 1327 г.

13. Двинские грамоты XV в. **Изд. и иссл.** Шахматов (Иссл. по р. яз. т. II, в. 5). 1903 [Шахматов, 1903].

14. Сборник Патриаршей Б-ки № 562, XVI в., содержащий копии с грамот и посланий московских митрополитов, вел. князей, епархиальных архиепископов и др. XV и начала XVI в.

Другие древние памятники русского письма и языка частью перечислены у А. И. Соболевского (Лекции по ист. р. яз., изд. 4. 1907, стр. 10—18 [Соболевский, 1907]), в литограф. Курсе истории р. яз. Шахматова (часть I, Введение) [Шахматов, 1916], в I томе Белоруссов Карского [Карский, 1903] (зап.-р. памятники) и др. Библиотеки, архивы и рукописные хранилища, в которых находятся письменные памятники, перечислены в Лекциях Соболевского (стр. 5—10) [Соболевский, 1907] и в курсе слав.-русс. палеографии Карского [Карский, 1901]. В настоящее время рукописные собрания Патриаршей (Синодальной) Б-ки, Чудова, Симонова, Новоспасского и Новоиерусалимского монастырей, кремлевских соборов, Барсова, Вахромеева, Забелина, М. И. Соколова, Уварова, Хлудова и некотор. друг. находятся в Моск. Историч. Музее.

Кроме тех изданий древних памятников, которые названы здесь и в «Лекциях» А. И. Соболевского, многие памятники изданы в Сборн. 2 АН, Чт. в Общ. Ист. и Древн. Росс., Трудах Славянской Комиссии Моск. Археологич. О-ва, в изданиях Археографич. Комиссии (последние по большей части неудовлетворительны, кроме самых новейших) и др.

Отрывки из различных старинных памятников русского яз. имеются также в хрестоматиях по истории русского яз.:

1. Бусл а е в. Историческая Хрестоматия церковнославянского и русского языков. 1861 [Буслаев, 1861].

2. Н и к о л а й К а р и н с к и й. Хрестоматия по древнецерковнославянскому и русскому языкам, ч. I. [СПб., 1904]; изд. 2. 1913. Здесь изданы отрывки из некоторых памятников XI и XII вв.

3. Н и к о л а й Д у р н о в о. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. I. Памятники XI—XV вв. 1914 [Дурново, 1914].

П Р И Л О Ж Е Н И Е П

УКАЗАТЕЛЬ ПОСОБИЙ

I. По общим вопросам. (Введение, §§ 1—35.)

Д. Н. Ушаков. Краткое введение в науку о языке. Изд. 6. [Пг.,] 1923.

В. К. Поржезинский. Введение в языковедение. Изд. 4. 1916.

Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительное языковедение. Общий курс. [М.,] 1902 (литогр., не конч., 256 стр.).

(*Ст. М. Кульбакин.*) Народная Энциклопедия Харьковского Общества Грамотности, т. VIII. [Кульбакин, 1911].

Николай Дурново. Грамматический Словарь. [М.; Пг.,] 1924.

Э. Рихтер. Как мы говорим. [СПб.,] 1913.

А. И. Томсон. Общее языковедение. 2 изд. [Одесса,] 1910.

A. Meillet. Linguistique historique et linguistique générale. Paris. 1922.

II. О правописании. (Введение, §§ 21—34 и 109—120.)

Д. Н. Ушаков. Русское правописание. Изд. 2. [М.,] 1917.

А. И. Томсон. К теории правописания. 1903 [Томсон, 1903].

III. По физиологии и акустике звуков речи и о звуках русского языка. (Введение, §§ 37—59.)

Кроме назв. в отд. I:

Рад. Кошутић. Граматика руског језика. I. Гласови. А. Општи део. [Пг.,] 1919.

Н. Н. Дурново и *Д. Н. Ушаков.* Хрестоматия по великорусской диалектологии. [М.,] 1910. (Приложение: Образец литературного языка в московском произношении).

О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. [М.,] 1910. (Энциклопедия Слав. Филологии, вып. 5₂).

В. А. Богородицкий. Курс экспериментальной фонетики применительно к литературному русскому произношению. В. I—III. [Казань,] 1917 и 1922 г.

Jespersen. Lehrbuch der Phonetik [Есперсен, 1904]

IV. О грамматических формах вообще и о морфологическом составе русского языка. (Введение, §§ 60—80.)

Кроме назв. в отд. I:

Ф. Ф. Фортунатов. О преподавании грамматики русского яз. в средней школе. (Труды I-го съезда преподавателей русского яз. в военно-учебных заведениях 1904 или РФВ. 1905) [Фортунатов, 1904].

А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 2. [М.,] 1920.

Nicolas Dournovo. De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne. (Révue des études slaves. II. 3—4. Paris. 1922).

Он же. Cathégorie du genre en russe moderne. (Там же, IV. 1—2) [Дурново, 1924в].

Serge Kartsevski. Études sur le système verbal du russe contemporain. (Slavia I. 2—3. 4. Praha, 1922—1923).

Ф. Ф. Фортунатов. О залогах русского глагола. Изв. 2 АН. [СПб.,] 1899.

R. Nachtigall. Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung. I. Heidelberg. K. Winter. 1922. (Slavica. 7.)

Рад. Кошутин. Граматика руског језика. II. Облици. Београд, 1914.

V. О литературном языке. (Введение. §§ 37—79.)

Кроме назв. в отд. I—IV:

А. М. Пешковский. Объективная и нормативная точки зрения на язык. (Русский язык в школе, вып. I. [М.; Пг.,] 1923).

А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. [СПб.,] 1913 (литограф.).

В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. Изд. 4. [Казань,] 1913.

VI. О наречиях и говорах русского языка. (Введение, §§ 81—108.)

Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии. [М.,] 1915.

Николай Дурново. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Вып. 1. 1917 и вып. 2. 1918 [Дурново, 1917].

А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири, вып. 1. Иркутск, 1921.

Е. Ф. Карский. Белорусская речь. [Пг.,] 1918.

Не использованы в названных сочинениях вышедшие позднее мелкие статьи и материалы:

Труды Моск. Диалектологической Комиссии, вып. 8. 1919.

Материалы для изучения великорусских говоров, вып. XI¹⁰⁷. 1922. (Сборн. 2 АН. Т. 99. № 3).

С. А. Еремин. Описание Уломского и Ваучского говоров Череповецкого у. Новгородской губ. [Пг.,] 1922. (Сборн. 2 АН. 99, № 5.)

Ю. В. Петровская. К диалектологии рязанских говоров. Говор с. Матыр, Зарайского у. [Пг.,] 1922. (Там же, № 6.)

О м.-р. диалектологии см. дальше.

VII. О малорусском (украинском) языке. (Введение, §§ 98—104.)

Гларіон Свенціцький. Основи науки про мову українську. [Київ,] 1917.

С. М. Кульбакин. Украинский язык. 1919 [Кульбакин, 1919].

¹⁰⁷ Вып. X содержит только характеристики материалов, ничего не дающие для суждения о говорах.

О. Синявський. Украинский язык. 1923 [Синявський, 1923].

Всеволод Ганцов. Діалектологічна класифікація українських говорів. [Київ,] 1923. (Записки Історично-Філологічного Відділу Всеукраїнської Академії Наук, кн. IV.)

Он же. Характеристика польських дифтонгів. (Там же, кн. III.)

VIII. Об исторических условиях образования русского языка.

А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка. Ч. I. [Пг.,] 1916.

Он же. Древнейшие судьбы русского племени. [Пг.,] 1919.

Он же. Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка. (История русской литературы до XIX в. под ред. А. Е. Грузинского, т. I. 1916.) [Шахматов, 1916a]

IX. По другим славянским языкам.

1. Старославянский язык.

С. М. Кульбакин. Древнецерковнославянский язык. Изд. 3. [М.,] 1917.

[*А. Лескин.* Грамматика древнеболгарского (др.-церк.-слав.) яз. Перевел проф. Н. М. Петровский. [Казань,] 1915.

2. Нынешние славянские языки.

Флоринский. Лекции по славянскому языкознанию. 2 тома [Флоринский. I—II].

А. М. Селищев. Введение в сравнительную грамматику славянских языков [Селищев, 1914].

В. Н. Щенкин. Учебник болгарского языка. [М.,] 1909.

С. М. Кульбакин. Сербский язык. 1 изд. [М.,] 1915, 2 изд. [Полтава,] 1917.

Leskien. Grammatik der Serbo-Kroatischen Sprache. 1. Heidelberg. C. Winter. 1914.

André Mazon. Grammaire de la langue tchèque. Paris. 1921.

E. Smetànka. Tschechische Grammatik, в Sammlung Göschen, 2 изд. 1923 [Сметанка, 1923].

Улашин. Самоучитель польского языка. 1917 [Улашин, 1917].

А. Breznik. Slovenska slovnica za srednje šole. 2 изд. 1921 г. (Словенская грамматика на словенском яз.; указывается за отсутствием подходящих пособий на русском яз.; грамматика, хотя и предназначенная для средней школы, носит более или менее научный характер.)

Другие пособия, между прочим, словари, указаны в назв. кн. *Селищева*.

X. О звуковом составе общеславянского яз. Часть I, §§ 121.

С. М. Кульбакин. Древнецерковнославянский язык, изд. 3. [М.,] 1917.

А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. 1915, отд. I—IV. (Энциклопедия Слав. Филологии, вып. II₁.) [Шахматов, 1915].

Ф. Ф. Фортунатов. Лекции по фонетике старославянского яз. 1919. [Фортунатов, 1919]. (При пользовании книгой следует иметь в виду, что она представляет перепечатку не вышедшего в свет издания, печатавшегося в 1885—1890 гг., и многое в ней сильно устарело.)

Он же. Краткий очерк сравнительной фонетики индоевропейских языков. [Пг.,] 1922.

В. К. Поржезинский. Лекции по сравнит. грамматике славянских языков. Изд. 2. 1916 [Поржезинский, 1916a].

XI. История звуков русского языка.

А. Общие труды.

А. А. Шахматов. Очерк (см. отд. X).

Он же. Русский язык (см. отд. VIII).

А. И. Соболевский. Лекции по истории русского яз., изд. 4. [М.,] 1907.

Б. История звуков отдельных русских языков или история отдельных звуковых явлений.

Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II, в. I. 1908 [Карский, 1908].

Он же. Белорусская речь (см. отд. VI).

А. А. Шахматов. Исторический очерк украинского яз. (Украинский Народ. 1914) [Шахматов, 1914]. То же на украинском яз.: *Акад. О. Шахматов та акад. А. Кримский.* Нариси з історії української мови та хрестоматія старописьменської українщини. (Збірник історично-філологічного Відділу Всеукр. Акад. Наук, № 12. 1923.)

С. М. Кульбакин (см. отд. VII).

Николай Дурново. Диалектологические Разыскания (см. отд. VI).

Н. Н. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. Вып. I. 1922.

Л. Л. Васильев. О значении каморы (РФВ. 1917) [Васильев, 1917].

Другие работы по истории звуков русского яз. частью указаны в приложении к книгам *А. И. Соболевского* (Лекции), *А. А. Шахматова* (Очерк) и *Е. Ф. Карского* (Белорусы) и выше, в Приложении II к настоящей книге, а также в примечаниях к книге *Виноградова*. Большая часть статей и исследований по истории русского яз. помещена в следующих изданиях: Исследования по русскому языку (изд. 2 АН.), Сборник 2 АН., Известия 2 АН., РФВ., ЖМНП., Записки Наукового Товариства ім. Шевченка [Львов] и Arch. für slav. Philologie.

XII. О формах склонения и спряжения в общеславянском яз.

С. М. Кульбакин (см. отд. X).

Б. М. Ляпунов. Формы склонения в старославянском яз. I. Од<есса,> 1905.

Oldřich Hujer. Slovanská deklinace jmenná. Praha. 1910.

В. К. Поржезинский (см. отд. X).

XIII. История форм склонения и спряжения в русском яз.

А. И. Соболевский. Лекции (см. отд. XI).

Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II, в. 2. 1911 [Карский, 1911].

С. М. Кульбакин (см. отд. VII).

XIV. Словари русского языка.

И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. 3 тома. 1890—1912 [Срезневский, I—III].

[А. А.] *Дювернуа*. Материалы для словаря древнерусского яз. [М.,] 1894.

А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, вып. 1—14 (А—Суля) [Преображенский, I—XIV]. Окончание словаря сохранилось в рукописи.

Словарь русского языка, составл. 2 АН., т. I (А—Дя), II (Е—Зятюшко), III, в. 1 (И—Изда), IV. В. 1—9 (К—Крикун), V. В. 1 (Л—Лёгкий).

Вл. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 1-е 1863—1866, изд. 2-е 1880, изд. 3-е под ред. Бодуэна де Куртенэ, 1902—1909 [Даль, I—IV].

(*Б. Д. Гринченко*.) Словарь Украинского языка, собр. редакцией журн. «Киевская Старина». I—IV. [Киев,] 1907—1909.

И. Носович. Словарь белорусского наречия. [СПб.,] 1870.

А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. 1885 [Подвысоцкий, 1885].

Г. Куликовский. Словарь областного олонцкого наречия. 1898 [Куликовский, 1898].

Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. [Вятка,] 1908.

В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. [Смоленск,] 1914.

Кроме названных, существует ряд других областных словарей, напечат., по большей части, в Сборн. 2 АН., ЖСт., РФВ и некоторых местных изданиях.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Настоящий «Очерк» — переработка моих университетских курсов. Часть его — история форм склонения и спряжения — была напечатана в 1913 г. и здесь подверглась лишь самой незначительной переработке; остальное до сих пор существовало лишь в литографированных изданиях (последнее — 1914 г.), сравнительно с которыми сильно переработано, причем большая часть Введения и некоторые главы 1-й части написаны заново. В настоящем своем виде «Очерк» содержит несколько больше того, что можно требовать со студентов на экзаменах, потому что я думаю, что университетский курс должен не только служить пособием для экзаменов, но и быть также надежным руководством при самостоятельных занятиях русским языком как студентов, так и вообще начинающих ученых, преподавателей языка и специалистов по смежным областям научного знания, например, по другим славянским языкам, истории русских государств, народов и литератур, русской этнографии и т. п., которым приходится для своих специальных занятий обращаться и к истории русского языка. Я думаю, что всякий преподаватель В.У.З., который пожелает рекомендовать своим слушателям мой курс для подготовки к экзаменам, сумеет выделить в «Очерке» то, что он сочтет необходимым для усвоения. В то же время, имея в виду, главным образом, студентов, начинающих ученых и неспециалистов, я стремился не перегружать «Очерка» научным аппаратом, чтобы сделать его доступным для тех лиц, для которых он предназначен. С этой целью я привожу цитаты из памятников, живых говоров и писателей лишь в самом ограниченном количестве, в тех случаях, когда такие цитаты казались мне необходимыми для понимания текста «Очерка», и при этом по большей части не указываю страниц цитируемого памятника или издания и местностей, откуда взяты диалектические примеры; значительная часть цитат из древних памятников взята мною из «Лекций» акад. А. И. Соболевского (изд. 4. 1907) и «Очерка» акад. А. А. Шахматова; но часть памятников, главным образом, XI и XII вв. и грамот, использована самостоятельно; что касается примеров из живых говоров, то они взяты непосредственно из источников как изданных, так и неизданных. Чтобы не осложнять печатание и не удорожать книги, в настоящем издании сделано все возможное для упрощения как транскрипции звуков языка, так и передачи примеров из старинных памятников и иностранных языков. С этой целью звуки общеславянского и русского языков передаются буквами русского алфавита, примеры из старославянских и древнерусских памятников, по возможности, русским шрифтом; примеры из чешского и словенского языков в главах о звуках и формах общеславянского языка почти отсутствуют.

Николай Дурново

Москва

СТАТЬИ

Статьи, вошедшие в данный раздел, были впервые опубликованы в следующих изданиях:

К вопросу о языке Киевских листков // *Slavia*. 1922—1923. Roč. I, с. 219—227.

К истории звуков русского языка // *Slavia*, первая часть «Сочетание *ки* из общеславянского *кы* в Галицком Четвероевангелии 1144 года» — в 1922—1923 году, гоđ. I, с. 22—26; вторая часть «Старославянские смягченные согласные в Архангельском Евангелии» — в 1924 году, гоđ. II, seš. 4, с. 599—612.

К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола // *Slavia*. 1925. Roč. IV, seš. 3, с. 445—460.

Рефлекс **sk* в славянских языках — перевод с французского статьи: *Le traitement de *sk dans les langues slaves* // *Revue des Etudes slaves*. 1926. T. VI, fasc 3—4, с. 216—223.

Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка // *Южно-славенски филолог*, 1924, кн. IV, с. 71—94; 1925—1926, кн. V, с. 93—117; 1926—1927, кн. VI, с. 11—64.

Спорные вопросы о.-сл. фонетики // *Slavia*; первая часть — в 1924 году, гоđ. III, seš. 2, 3, с. 225—271; вторая часть — в 1927 году, гоđ. VI, seš. 2, 3, с. 209—232.

Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов // *Byzantinoslavica*. Praha, 1929. Roč. I, с. 48—85.

Мюнхенский алфавитарий // *Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук*. 1930. Сер. VII, № 3, с. 211—221.

К вопросу о времени распада общеславянского языка // *Zeitschrift für slavische Philologie*, Praha, 1931, с. 514—526.

Русские рукописи, различающие древнее «акутированное» *o* и *o* другого происхождения — перевод с французского статьи: *Manuscrits russes distinguant l'ancien o «acuté» et l'o d'une autre origine* // *Annales Academiae Scientiarum fennicae*. Helsinki. 1932. Ser. B, nid. 27, с. 7—13.

Славянское правописание X-XII вв. // *Slavia*. 1933. Roč. XII, seš. 1—2, с. 45—82.

Еще раз о ст.-сл. *kyjъ* — перевод с немецкого статьи: *Noch einmal aksl. kyjъ* // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Bd. II, H. 3/4. 1925, с. 381—382.

О возникновении обозначений гласных в славянских алфавитах — перевод с немецкого статьи: *Zue Entstehung der Vokalbezeichnungen in den slav. Alphabeten* // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Bd. III, H. 3/4. 1926, с. 368—372.

Старославянское *пръгъини* (*пръгъини*) — перевод с польского статьи: *Starosłowiańskie prъgъини (пръгъини)* // *Prace filologiczne*. 1926. T. 10, с. 105—109.

К вопросу о языке Киевских листков

Киевские листки по отразившимся в них особенностям языка занимают исключительное положение среди древнейших славянских памятников. С одной стороны, последовательное правописание **з, ц, шч** из общеславянских *dj, tj, skj, stj, sk'* на месте старославянских **жд, штг**, казалось бы, должно объясняться тем, что писец, внесший в текст памятника эти особенности правописания, был чех, так как только в старочешском языке общеславянские *dj, tj, skj, stj, sk'* отразились в виде *z¹, c, šč²*; с другой стороны, мы не только не находим в памятнике целого ряда других черт, отличающих чешский язык от старославянского, но видим, что во всех случаях, кроме указанного правописания **з, ц, шч**, в правописании памятника последовательно проведены такие черты старославянского языка, которые отличают его от старочешского, а именно: 1. правильное употребление юсов, свидетельствующее об отсутствии совпадения носовых гласных с неносовыми *и, а*, кроме одного случая — **НЕВЕСЬСКОУЖ** (instr. sing.) — который вследствие своей единичности не может рассматриваться как чехизм, наравне с употреблением **з, ц, шч**, и требует особого объяснения; 2. обозначение рефлексов общеславянских *ĭ, ja* и *a* после мягких одной буквой, отражающее произношение, в котором *ĭ, ja* и *ja* совпали; 3. сочетания **вѣ, мѣ, вѣ** из общеславянских *bj, mj, vj*; 4. одно **л**, соответствующее западнославянскому *dl* в словах **МОЛІГВЖ, МОЛІМЪ** и т. п.; 5. **с** в местоимениях **ВЬСЬ** и **ВЬСѢКЪ**; 6. dat. sing. местоим. **ЧЕВѢ**.

Кроме того, можно отметить единичные случаи: 1. смешение юсов в слове **ХОДАТАВЦЮ** (dat. sing. masc. part. praes.); 2. начальное **ра-** в слове **РАЗДРѢШЕНІЕ**; 3. **т** в слове **ТОУЗІМЪ** (по-чешски здесь было бы *с*).

¹ В польском и словацком *z (dz)*, что писец, не знавший особого знака для старославянского диалектического *z* (старослав. буквы **з, ѕ**), мог бы передать только через *d* или *dz*, а не через *z*.

² Современное *št'* в чешском, как известно, не раньше XIII—XIV в.

Эти особенности правописания Киевских листков вызвали разногласие среди ученых, касавшихся их языка. Одни (Miklošić, Фортунатов, Geitler, Kalina, Ляпунов, Щепкин, Грунский, Кульбакин), не допуская, чтобы переводчик или писец мог последовательно провести в своем правописании одни черты своего говора, ничем не обнаруживши других черт, предполагали, что Киевские листки отражают особый старославянский говор, в котором общеславянские *dj, tj, skj, stj, sk'* дали не *zd', st'*, как в других старославянских говорах, а *z, c, šč*. Другие, очевидно, считая возможной такую двойственность в отношении писца к сохранению старославянского правописания и передаче своего живого говора, видели в употреблении **ж, ц, шч** на месте старославянских **жд, шт** чехизмы (Leskien, Jagić, Oblak, Vondrák и др.). И то, и другое предположение мне представляется априорным. Для того чтобы решить вопрос о языке Киевских листков в ту или другую сторону, необходимо доказать, что предполагаемая некоторыми учеными двойственность в передаче черт своего и чужого языка возможна или невозможна.

Я думаю, что мы располагаем таким материалом, который позволяет решить, может ли писец, пишущий на языке, близко родственном его личному языку, но отличающемся от него некоторыми чертами, последовательно вносить в свое правописание известные особенности, отражающие черты его родного языка, так же последовательно сохраняя в остальном правописание, не соответствующее его живому произношению. Таким материалом являются между прочим древнейшие памятники русского письма XI и XII вв., представляющие частью списки со старославянских оригиналов, частью переводы, сделанные русскими переводчиками, но на старославянский язык, и даже оригинальные произведения русских авторов на том же языке. Изучая эти памятники, мы замечаем большое сходство между ними в передаче особенностей своего живого произношения. Именно, во всех их очень ярко отражаются такие черты русского языка, как переход носовых гласных в *и* и *'а*, изменение общеславянского *dj* в *ž* в соответствии со старославянским **жд**, а также морфологические явления: instr. sing. masc. и neut. на *-ъмь*, *-ъмь* и 3 sing. глаголов на *-тъ*; в памятниках севернорусских сюда присоединяется совпадение старых *с* и *ѣ* в одном звуке.

Переход *ѣ* в *и* только в немногих памятниках отражается в виде постоянного смешения **ж** с **оѣ** или **ю**; в большинстве же памятников уже с

XI в. **ж** почти не встречается, заменяясь последовательно буквами **оу** и **ю**; что касается употребления **ѡ**, **ѧ**, **Ѣ** и **Ѥ** после мягких, то в некоторых памятниках мы видим постоянное смешение этих букв (причем **ѡ** почти не употребляется, а **Ѥ** вместо **ѧ** пишется только после шипящих и **ѣ**), в других буква **Ѣ** последовательно пишется как на месте старославянского **Ѣ**, так и на месте старославянского **ѡ** (причем можно думать, что в старославянских прототипах этих памятников буквы **Ѣ** и **ѡ** писались как для передачи сочетаний *ja, je*, так и для передачи гласных *a, e* после смягченных *r, l*), буква же **ѧ** пишется правильно согласно старославянскому употреблению и только в редких случаях заменяется буквою **Ѥ** после шипящих и буквою **Ѣ** после других согласных; третья категория памятников отличается от предыдущей только тем, что буква **Ѣ** после согласных вообще в них не пишется, заменяясь буквой **ѧ**; таким образом, в этих памятниках **Ѣ** обозначает сочетание *ja*, явившееся в русском произношении на месте общеславянских *ja, je*, а буква **ѧ** — звук *a* после мягких (как старых, так и ставших смягченными на русской почве) из общеславянских *a, e*.

На месте старославянского **жд** из общеславянского *dj* в большинстве памятников почти последовательно пишется в согласии с русским произношением одно **ж**, и только изредка сохраняется старославянское **жд**, но в некоторых памятниках мы наблюдаем смешение обоих написаний, впрочем с преобладанием русского. Совпадение *с* и *щ* в одном звуке в севернорусских памятниках отражается в виде постоянного смешения букв **ц** и **ч**, свидетельствующего о том, что для писцов эти буквы были лишь графическими вариантами для обозначения одного и того же звука. По отношению к правописанию **ъ** и **ь** с плавными из общеславянских сочетаний типа *lbrl* древнейшие русские памятники представляют большие разногласия: в одних довольно последовательно выдерживается старославянское правописание с постановкой **ъ**, **ь** после плавных, в других мы встречаем частые отступления от старославянского правописания в виде написаний **ъръ**, **брь**, **ълъ** и т. п. или с постановкой **ь**, **ь** только перед плавными, в третьих старославянское правописание этих сочетаний почти не встречается, заменяясь русским правописанием с **ь**, **ь** перед плавными. Менее ярко выражено в древнейших памятниках русского письма русское изменение общеславянских сочетаний *zgj, zdj, zǵ*. Большинство памятников здесь сохраняет старославянское правописание с **жд**, но некоторые допускают, наобо-

рот, отступления от старославянского правописания, причем в севернорусских памятниках пишется **жг** или одно **ж**, по большей части непосредственно, рядом со старославянским **жд**, в южнорусских — **жѹ**.

Что касается остальных звуковых черт русского языка, то они отражаются в большинстве памятников лишь в виде немногочисленных, случайных ошибок против более или менее выдержанного старославянского правописания. Так, например, во 2-м почерке Архангельского Евангелия (не позже 1092 г.) на 100 с лишком листах **ѡзѣ** вместо старославянского **азѣ** только один раз, случаев полногласия всего 4 при огромном количестве неполногласных форм; слово **одинѣ** с начальным **о** всего 3 раза, тогда как написание **единѣ** встречается 6 раз, а **кдинѣ** — около 60 раз, буква **ѹ** в согласии с русским произношением в соответствии со старославянским **ѣ** встречается около 10 раз (почти все примеры в формах глагола **хѹюю** и в слове **ѹюжь**), тогда как **ѣ** в том же значении во всяком случае больше 60 раз (ср. обратное отношение употребления **ж** и **жд** из общеславянского *dj*: **ж** — 55 раз при 4 случаях сохранения старославянского правописания с **жд**).

Чем объясняется различное отношение писцов к передаче различных особенностей своего произношения? На это нетрудно ответить. Писцы старались писать не на своем языке, а по-старославянски, но в то же время не стремились к точной передаче старославянского произношения и заменяли звуки старославянского языка родными звуками во всех случаях, когда правописание не давало точных указаний на произношение или когда оно указывало на такие звуки или сочетания звуков, которые не встречались вовсе в русском языке. Так как букве **ж** во всех случаях в русском языке соответствовали те звуки, которые обозначались в других словах буквами **оѹ** и **ю**, то русский писец должен был смотреть на **ж** как графический вариант букв **оѹ** и **ю**, обозначающий те же самые звуки, а потому правильное различие букв **ж**, с одной стороны, и **оѹ**, **ю**, с другой стороны, как чисто графическое, не связанное с различным звуковым значением букв, представляло большие затруднения. В таком же положении русский писец находился и по отношению к буквам **ѡ** и **ѡ**, обозначавшим для него один и тот же звук. Легче было отличить **ѡ** и **ѡ**, так как **ѡ** в старославянских оригиналах писался только после согласных, а **ѡ** преимущественно в начале слова и после гласных. Но то обстоятельство, что после согласных **н** и **л** в старославянском письме могли быть обе буквы, а русский язык не

представлял данных для различения этих букв в таком положении, а также свойственное некоторым старославянским памятникам употребление **ѧ** вместо **Ѧ** в начале слова и после гласных привели к смешению **ѧ** и **Ѧ** в русском письме. Сочетание **ѦД**, очевидно, отсутствовало в русском языке в то время, когда русскими была усвоена старославянская письменность. Почти во всех случаях, где в старославянском было **ѦД**, в русском языке было **ѣ**, и потому русские писцы могли смотреть на это **ѦД** как на графический прием, читая это буквенное сочетание по-своему, как **ѣ**. Правда, сочетание **ѦД** писалось также в нескольких словах, которым в русском языке соответствовали слова не с **ѣ**, а с известными сочетаниями (в одних говорах **ѣѣ**, в других **ѣј** и т. п.), и в этих словах, по-видимому, понималось не как вариант для **Ѧ**, а как обозначение того звукового сочетания, какое произносилось в них в русском языке, но таких слов было очень немного (так, например, во всем евангелии — в полном тексте — случаев употребления такого **ѦД** не больше 20; из них часть — в словах, по-видимому, неизвестных русскому языку), и потому с сочетанием **ѦД** у русского писца не связывалось прочно представление ни о звуковом сочетании **ѣд**, ни о звуковых сочетаниях **ѣѣ**, **ѣј** и т. п. Для последних старославянская азбука не располагала подходящими способами обозначения. Не имея в своем языке сочетания **ѣд**, русские писцы в тех случаях, где старославянское **ѣд** восходило к общеславянским **zdj**, **zgj**, **zǵ**, произносили те звуковые сочетания, какие являлись в соответствующих словах в их родном языке, и, не удовлетворяясь написанием **ѦД**, не соответствовавшим этому произношению, искали других способов его письменной передачи; такими способами и являлись **ѦГ** в севернорусских памятниках (начиная с Минеи 1095 г.) и **ѦУ** в южнорусских.

В другом положении находились русские писцы, когда они встречались со старославянскими словами, заключавшими те звуки и сочетания звуков, какие были известны и русскому языку. В этих случаях передача старославянского правописания не представляла большой трудности. Русский писец правильно писал по-старославянски **брати сѧ**, **гласъ**, **дрѣво**, **пѣнь** и т. п., потому что в его языке были такие слова, как **братъ**, **глазъ**, **древънии**, **пѣсьнь** и т. п.; для него не представляли затруднения такие слова, как **ѣдинъ**, **ѣзеро**, **ѣсень** или **ѣдинъ**, **ѣзеро**, **ѣсень**, потому что и в его языке были слова с начальными **ѣ** и **je**: **ѣсе**, **ѣсть**, **ѣль**, **ѣжь** и др.; точно так же он писал **рабъ**, **растоу**, **ладниѧ**, **лакътъ**,

потому что в его языке были слова с начальными *ra, la*: **раган**, **развѣ**, **разъ**, **ладити сѧ**, **лакомъ**, **ласкавѣ** и др.; букву **ѣ** русские писцы поняли как обозначение того звукового сочетания, которое получилось из общеславянских *skj, stj, sk'*, потому что в этом значении эта буква употреблялась и в старославянском письме; встречая ту же букву в соответствии со своим *č* из общеславянского *lj*, русские писцы читали ее так же, как и в тех случаях, где она обозначала звуковое сочетание из общеславянских *skj, stj, sk'*, т. е., например, в слове **хоѣж** читали тот же звук, который произносили в слове **поѣж**, и т. д. Таким образом, отношение значительной части русских писцов к передаче на письме особенностей старославянского и русского языков можно определить так: писцы более или менее последовательно отступали от старославянского правописания в сторону передачи собственного произношения в тех случаях, когда не находили в своем произношении соответствующих этому правописанию звуков и звуковых сочетаний, и по возможности выдерживали старославянское правописание, если это правописание в глазах писца не представляло трудностей для прочтения.

Обращаясь к правописанию Киевских листков, мы видим, что употребление **з** вместо **жд** в этих листках представляет полную параллель употреблению **ж** вместо **жд** в русских памятниках. Противоречит русской передаче старославянского **шт** последовательная передача этого сочетания в Киевских листках в одних случаях через **ц**, в других через **шч**. Но эта черта, как мне кажется, может объясняться тем, что в той школе письма, представителем которой являлся писец Киевских листков или его предшественники, не употреблялась или редко употреблялась лигатура **ѣ**, тогда как русские писцы встречали ее настолько часто, что не отождествляли ее с сочетанием **шт**. Так как языку писца Киевских листков сочетание *št* не было свойственно, то он читал на месте его те звуки, которые были в его живом произношении, и обозначал эти звуки на письме буквами **ц** и **шч**, которые соответствовали этим звукам в других словах. Таким образом, причины, заставившие писца Киевских листков или его предшественников заменить старославянское **шт** буквами **ц** и **шч**, были те же, что и причины, побуждавшие русских писцов вместо **жд** писать **ж** и **жг** и **жч**.

Писец, который последовательно заменял старославянские **шт** и **жд** согласно своему произношению через **шч**, **ц** и **з**, непременно должен был бы с тою же последовательностью передать на письме и свое про-

изношение рефлексов общеславянских носовых гласных, если бы эти гласные в его произношении совпали с другими, неносовыми гласными, как об этом свидетельствуют уже древнейшие памятники русского и сербского письма. Поэтому последовательное употребление юсов и отсутствие смешения их с буквами **оу**, **ю**, **ѣ**, **а** свидетельствуют о том, что тот писец, которому Киевские листки обязаны употреблением **з**, **ц**, **шч** вместо старославянских **жд**, **шт**, обозначал посредством юсов звуки, отличные от *и*, *а* и т. п. неносовых звуков. Один случай написания **оу** вместо **ж** может объясняться или тем, что в языке одного из писцов, но не того, который внес в памятник правописание **з**, **ц**, **шч** вместо **жд**, **шт**, а другого, старавшегося не отступать от правописания оригинала, общеславянские *q* и *и* совпали в одном звуке, или тем, что писец, произносивший вообще *q* отлично от *и*, в данном случае произносил именно *и*. Это могло быть, например, в том случае, если писец произносил **ж** как и носовое, терявшее свое носовое свойство перед сочетанием *i* + *и* носовое. Впрочем, неясно, следует ли предполагать для языка писца форму твор. ед. женского р. прилагательных, восходящую к общеславянской форме на *-oiq*, ввиду написания **въѣунож**; с другой стороны, окончание **-жж** без замены **ж** через **оу** встречается в Киевских листках один раз в форме *akk. sing.*: **въкоупнжж**.

Что касается остальных черт старославянского языка, не свойственных чешскому языку, то правописание Киевских листков, несмотря на всю его выдержанность, не позволяет утверждать, что эти черты были свойственны языку писца Киевских листков или его предшественников: буква **ѣ** употреблялась писцом согласно глаголической орфографической традиции для обозначения рефлексов как общеславянского *ě*, так и общеславянского *ja* и *a* после мягких, подобно тому, как в нынешнем русском письме буква *e* употребляется и для обозначения звука *e*, и для обозначения звука *o* после мягких; другого способа передачи этих звуков ни писец Киевских листков, ни его предшественники не знали и потому должны были мириться с различными значениями этой буквы; сочетания *bl*, *ml*, *vl*, одно *l* между гласными, начальное *ra*, *s* перед **ѣ**, **ѣ**, **а** (ср. **всьеомгъи**, **всьѣухъ**, **всьа**), если даже писцы и не произносили их в словах, соответствовавших старославянским **пріемлемъ**, **молимъ**, **раздрѣшеник**, **всьѣ** и т. п., несомненно, встречались в их произношении в других словах, и потому сохранение старославянского правописания в этих и подобных словах не представляло для писцов за-

труднения, так же как и старославянское **тѣвѣ**. Букву **т** в слове **тоу-зимъ** писец мог написать как в том случае, если это *t* соответствовало его живому произношению, так и в том случае, если он в начале этого слова произносил *c*, так как начальное *t*, являвшееся в старославянском языке в этом слове, было известно писцу в других словах своего родного языка.

Таким образом, окончательные выводы из рассмотрения правописания Киевских листков мне представляются в таком виде.

1. Или а) писец одного из протерографов Киевских листков говорил на языке, в котором общеславянские носовые гласные еще не совпали с теми или другими неносовыми гласными этого языка, но в то же время на месте общеславянских *dj*, *tj* и *stj*, *skj*, *sk'* являлись звуки *z*, *c*, *šč*; этот протерограф был переписан лицом, произносившим *u* на месте общеславянского *o*, но настолько тщательно переписывавшим свой оригинал, что эта особенность произношения отразилась на его работе только один раз;

или б) особенности языка, относимые при первом предположении к писцу одного из протерографов Киевских листков, могли принадлежать как одному из предшественников последнего писца Киевских листков, так и самому последнему писцу; в таком случае написание **НЕВЕСЬСКОУЖ** в Киевских листках не свидетельствует о переходе всякого общеславянского *o* в *u* в языке писца, хотя может быть понято как указание на то, что в известном положении такой переход происходил.

2. Правописание Киевских листков ввиду их незначительного объема не дает указаний на то, были ли в языке писца Киевских листков и его предшественников такие особенности чешского языка, как мягкие губные без *l'* из общеславянских сочетаний губных с *j*, сочетания *dl*, *tl*, звук *š* в местоименной основе *vbš-*, начальное *ro-* из общеславянского *or-*, *c* в слове *cuzь*, dat. sing. *tobъ*: старославянское правописание в подобных случаях может свидетельствовать не только об особенностях языка писца, но и об известной грамотности, причем степень грамотности его могла не превышать степени грамотности значительной части русских писцов XI и XII вв.

Был ли писец Киевских листков или тот из его предшественников, который внес в свою работу правописание **з**, **ц**, **шч** вместо старосла-

вянских **жд, шт,** чех? Положительное решение этого вопроса становится возможным (но не необходимым) только при допущении предположения, что в чешском языке в то время, когда производилась эта работа, общеславянские носовые гласные еще не совпали с *и, а* неносовыми.

Написание **циркънаѣ** вряд ли дает указание на язык писца. Правда, в чистом старославянском говоре, не знавшем сочетаний «*вос. + liqu.*» между согласными, это слово, даже будучи заимствовано с таким произношением из другого славянского языка, должно было измениться согласно фонетическим требованиям старославянского языка, но, с одной стороны, мы встречаем в Киевских листках и написание **цѣркъкъвѣ**, не являвшееся по законам старославянской фонетики неудобопроизносимым, а с другой стороны, уже древнейшие памятники старославянского языка включают ряд слов, заимствованных с греческого языка, с сочетаниями «*вос. + liqu.*» между согласными.

Ударений в Киевских листках не рассматриваю, предполагая вслед за проф. Кульбакиным, что они не дают определенных указаний на родину писца.

К истории звуков русского языка

І. Сочетание *ки* из общеславянского *кы* в Галицком Четвероевангелии 1144 года¹

Галицкое Четвероевангелие — древнейший памятник русского письма с достоверными примерами, указывающими на изменение общеславянского *кы* в *ки* в славянских словах. Именно в нем рядом с обычным написанием *кты* мы встречаем несколько случаев, в которых написано *ки*. Можно заметить, что последнее написание является только в формах от двух прилагательных: *невесьскыи* и *чловѣуьскыи*. Примеры²: *нѣвѣскыи* Мф. 6. 26, *нѣвѣскыи* Мф. 6. 26, 32, Мрк. 11. 25, *нѣвѣским* Мф. 18. 35, *нѣвѣскимь* Мф. 18. 14, *нѣвѣскѣхъ* Мф. 24. 30, *невесьскѣмъ* Мрк. 4. 22, *члвкъскыи* Мф. 16. 27, Лк. 9. 44, 56, *члвкъскѣи* Лк. 9. 26.

В тех же словах значительно чаще пишется *кты*: *нѣвѣскыи* Мф. 5. 48, 6. 14, *нѣвѣскыѣ* Мф. 8. 20, 24. 29, *нѣвѣскыѣ* Лк. 8. 5, 9. 58, *нѣвѣскыѣ* Лк. 13. 19, *нѣвѣскыѣ* Лк. 21. 26, *нѣвѣскыѣхъ* Мф. 26. 64, *невесьскыи* Мрк. 14. 62, *подънѣвѣскыѣ* Лк. 17. 24; *члвкъскыи* Мф. 9. 6, 13. 37, 25. 13, Мрк. 2. 28, Лк. 7. 34, 11. 30, 12. 8, 17. 24, 30, 18. 8, 22. 32, 69, Ио. 3. 13, 6. 27, 12. 21, 34, *члвкъскыи* Лк. 12. 40, *члвкъскыи* Лк. 21. 36.

Отсюда можно бы сделать вывод, что у писца Галицкого Четвероевангелия орфографическая традиция значительно преобладала пе-

¹ Живя в Саратове, я не мог для своей статьи обратиться непосредственно к подлиннику, хранящемуся в Москве, и должен был пользоваться изданием еп. Амфилохия «Четвероевангелие Галицкое 1144 года» и пр. М. 1882 (два тома) [Амфилохий, I—III] и потому ссылки делаю на главы и стихи евангелий, но для выяснения вопроса, поставленного в настоящей статье, им пользоваться можно.

² В примерах не отмечаются такие варианты правописания, как употребление букв *и* и *ѣ*, присутствие и отсутствие надстрочных значков. Если пример встречается несколько раз, он выписывается с тем правописанием, с каким он является в первый раз.

ред соблазном передать на письме собственное произношение и что именно потому во всех остальных случаях он пишет **кѣ**. Но я думаю, что при несомненно сильно выраженной орфографической традиции вряд ли можно считать случайным, что **ки** пишется только в двух словах и в обоих по несколько раз. Многие слова с сочетаниями **кѣ**, **гѣ**, **хѣ** встречаются в этой рукописи нисколько не реже, иногда даже чаще и притом в тех же частях евангелия, где попадаются написания **небесьскни**, **уловѣуьскни** и т. п. с **ки**, и однако всегда пишутся только с **ѣ**. Ввиду этого я полагаю, что слова **небесьскѣи** и **уловѣуьскѣи** представляли особые условия, благоприятствовавшие изменению **кѣ** в **ки**. Так как я не могу представить себе никакой аналогии, которая могла бы вызвать подобное изменение именно в этих словах, то я допускаю для него только фонетическое объяснение. Изменение **кѣ** в **ки**, по моему мнению, здесь могло быть вызвано только влиянием предшествующих звуков. В тех примерах, в которых мы находим **ки** вместо **кѣ**, это сочетание стоит после *с* и после мягких звуков. Очевидно, на изменение **кѣ** в **ки** влияло именно или положение после *с* или положение после мягких звуков, или и то и другое вместе. Поэтому я рассмотрю случаи написания **кѣ** в этих положениях. Примеров же, в которых сочетания **кѣ**, **гѣ**, **хѣ** пишутся после **а**, **о**, **ѹ**, **ѣ**, **ѡ**, **р** — а таких случаев в Галицком Четвероевангелии довольно много — не выписываю.

После **с** с предшествующими немягкими гласными сочетания **кѣ**, **гѣ**, **хѣ** встречаются в следующих примерах: **дѣскѣ** Мф. 21. 12, Мрк. 11. 15, Ио. 2. 15, **вѣскѣсе** Лк. 13. 21, **изгѣвалѣ** Лк. 15. 24, 31, **вѣсхѣщають** Мф. 11. 12, **вѣсхѣщають** Мф. 13. 19, **вѣсхѣшаше** Лк. 8. 29, **вѣсхѣтѣтъ** Ио. 6. 15, **расхѣтитѣ** Ио. 10. 12, **вѣсхѣтитѣ** Ио. 10. 28, **вѣсхѣтитѣ** Ио. 10. 29, **пасхѣ** Ио. 11. 55, 12. 1.

После мягких слоговых гласных примеров с **кѣ**, **гѣ**, **хѣ** много:

после **ѣ**: **секѣра** Мф. 3. 10, Лк. 3. 9, **пекѣи** **са** Мф. 6. 27, Лк. 12. 25, **реѣи** Ио. 5. 12;

после **ѡ**: **грѣхѣ** Мф. 3. 6, 9. 6, Мрк. 1. 5, 2. 7, 10, Лк. 5. 24, 7. 49, 11. 4, **мѣхѣ** Мф. 9. 17 bis, Мрк. 2. 22 bis, Лк. 5. 37 bis, 38, **на лѣхѣ** Мрк. 6. 40 bis, **ѹлкѣ** Мф. 5. 19, 6. 1, 10. 32, 33, 23. 14, Лк. 7. 31, 12. 8, 9, 16. 15, **вѣкѣ** Мф. 6. 13, 21. 19, Мрк. 3. 29, Ио. 4. 14, 6. 58, 8. 35, 51, 52, 10. 28, 11. 26, 13. 8, 14. 16, **рѣкѣ** Мф. 7. 25, 27, **нѣкѣи** Мф. 21. 28, Лк. 9. 8, 19, 56, 10. 25, 30, 33, 11. 37, 45, 12. 13, 13. 6, 23, 14. 2, 15, 16, 16. 1, 19, 20, 18. 2, 18, 35, 19. 12, Ио. 4. 46, 9. 11, **нѣкѣа** Мрк. 7. 2, **нѣкѣа** Лк. 11. 36,

24. 22, Ѡ нѣкыѹхъ Лк. 9. 7, нѣкымъ Лк. 18. 9, 21. 5, нѣкы Ио. 11. 1, прѣгъывающе Мрк. 15. 19;

после и: кнѣж'нѣкы Мф. 2. 4, 23. 34, 27. 41, Мрк. 9. 14, 16, 15. 1, нн-ктын Мф. 6. 24, Лк. 16. 13, оученикы Мф. 9. 10, 12. 49, 14. 22, 15. 12, Мрк. 2. 15, 3. 7, 6. 45, 8. 1, 10, 33, 34, 9. 31, 12. 43, 14. 14, Лк. 6. 13, 20, 11. 1, 22. 11, Ио. 4. 1, 6. 3, 22, 11. 54, 18. 1, 2, грѣшникы Мф. 9. 11, 13, Мрк. 2. 16 bis, 17, Лк. 5. 30, 32, 15. 2, оубоїны Мф. 22. 7, свѣтїлнѣкы Мф. 25. 1, 3, 7, наимнѣкы Мрк. 1. 20, сребрнѣкы Мрк. 14. 11, ковнѣкы Мрк. 15. 7, разбоннѣкы Лк. 10. 30, 36, лѣкы Лк. 15. 25, праздниѣкы Лк. 23. 17, велнкын Ио. 7. 37, велѣкыѹхъ Ио. 21. 11, безакон'нѣкы Лк. 22. 37, пѣнаж'нѣкы Ио. 2. 14, книгы Мф. 1. 1, 5. 31, 26. 56, Мрк. 10. 2, 14. 49, Лк. 4. 18, 24. 32, 45, Ио. 5. 39, 7. 15, 38, 42, 10. 35, 19. 36, 37.

Как видим, многие случаи написания кы, гы, хы после є, ѣ, и попадают на тех же листах, на которых встречается написание ки в словах небесьскнн и ѹловѣуьскнн.

После старых ь и и неслогового примеров с сочетанием кы нет.

Сочетание скы после и неслогового пишется в следующих примерах: нюдѣискыѹ Мф. 2. 4, нюденскы Мрк. 10. 1, Лк. 5. 17, Ио. 18. 12, нюдѣскы Мф. 19. 1, кананенскын Мф. 10. 4, галїленскымъ Мф. 26. 69, галїленскыѹхъ Лк. 4. 44, галїленскы Лк. 5. 17, галїленскыѹ Ио. 12. 21, жїтїнскымї Лк. 8. 14, 21. 34, евренскы Ио. 5. 2, 19. 13, 20, 20. 16.

После старого ь (слабого) сочетание скы пишется в следующих примерах:

1. перед ьск — согласные мгновенные или сонорные: псалъмьскыѹхъ Лк. 20. 42, искарнотьскын Мф. 10. 4, Мрк. 14, 43, Ио. 12. 4, 14. 22, людьскыѹхъ Мф. 26. 47, пльтьскы Ио. 1. 13, магдалїн'скы Мф. 15. 39, сїдоньскы Мрк. 7. 24, далманоуѹфаньскы Мрк. 8. 10, латїньскы Ио. 19. 20, тюр'скы Мрк. 7. 24, декапольскы Мрк. 7. 31;

2. перед ьск — согласные шипящие или с: пррѹскыѹ Мф. 26. 56, пррѹьскы Мрк. 14. 49, бѣжьскыѹхъ Мрк. 2. 7, бѣжскыѹхъ Мрк. 3. 29, 7. 22, моужьскы Ио. 1. 13, грьуьскы Ио. 19. 20. Примеры на кы в прилагательных ѹловѣуьскынн и небесьскынн приведены выше. Можно заметить, что примеров написания скы после шипящих не в слове ѹловѣуьскынн очень немного (всего 7; из них 2 — в евангелии от Иоанна, в котором вовсе не встречается написание ки), немного больше, чем примеров с ки в слове ѹловѣуьскнн (таких примеров всего 4), и меньше, чем примеров написания кы в том же слове. Поэтому возможно, что

отсутствие написаний с **ки** в формах прилагательных **пророчьскыи** и **божьскыи** (слова **моужскы** и **гръчьскы** — в евангелии от Иоанна, где вообще нет примеров с **ки**) — случайно, что трудно предположить относительно отсутствия написания **ки** не в словах с суффиксом **бск** и в словах с суффиксом **бск** не после шипящих и **с**.

Вывод, какой можно сделать из анализа правописания Галицкого Четвероевангелия, такой. В том говоре, который отразился на правописании старого сочетания **кы** в этом памятнике (не решаю вопроса, был ли это говор самого писца или одного из его предшественников), это сочетание, как и сочетания **гы** и **хы**, не изменялось в **ки** ни после гласных **а**, **о**, **у**, **ы**, **ь**, ни после **с** твердого, ни после слоговых **е**, **ѣ**, **и**; сочетание **скы** изменялось в **ски** после шипящих и **с** мягкого и не изменялось после **и** неслогового и после остальных мягких согласных (можно думать, что **ь**, которое раньше стояло после этих согласных или после шипящих и **с** перед **ск**, к тому времени уже выпало). Вопрос, почему **скы** изменялось в **ски** после мягкого **с** и после шипящих и не изменялось после остальных мягких неслоговых звуков, мне кажется, можно решать так. Звук **с** после **и** неслогового, после мягких согласных другого места образования и после зубных взрывных и сонорных не смягчался, а потому и **кы**, следовавшее за этим **с**, оставалось без изменения; от соединения же **с** в сочетании **скы** с предшествовавшими шипящими и **с** мягким получалось **с** мягкое (из сочетаний: «**с** мягкое + **с**», «**ш** + **с**», «**ж** + **с**») и **ц** мягкое (из **ч** + **с**), которое затем и вызывало изменение следующего за ним сочетания **кы** в **ки**. Галицкое Четвероевангелие 1144 года не дает указаний на то, изменялось ли **кы** в **ки** только после мягкого **с** или также и после других мягких неслоговых звуков (примеров на положение **кы** после других мягких неслоговых звуков, т. е. после старого **ь** и **и** неслогового, непосредственно перед **к** в Галицком Четвероевангелии вовсе нет), а также и на то, распространялось ли подобное изменение на сочетания **гы**, **хы**. Поэтому ничто не мешает предполагать, что в говоре, отразившемся на правописании Галицкого Четвероевангелия, **кы** изменялось в **ки** вообще после мягких неслоговых звуков, и только случайно в памятнике нет примеров на положение **кы** не после мягкого **с**. Точно так же возможно, что такому же изменению после мягких неслоговых звуков подверглись в этом говоре и сочетания **гы**, **хы**, но утверждать это с достаточной уверенностью мы не можем: длительный задненёбный звук, являвшийся в рассмат-

риваемом говоре в этих сочетаниях³, мог быть более заднего образования, чем *к*, и потому мог иметь другую судьбу. Для истории изменения *кы*, *гы*, *хы* в *ки*, *ги*, *хи* в южнорусском важно отметить, что уже в языке писца Добрилова евангелия, писанного всего на 20 лет позже Галицкого, сочетание *кы* изменилось в *ки*, по-видимому, при всяком фонетическом положении. Другие южнорусские памятники 2-й половины XII в. указывают на то, что подобному изменению к этому времени подверглись и сочетания *гы*, *хы*⁴.

II. Старославянские смягченные согласные в Архангельском евангелии⁵

В русских памятниках XI и XII вв. мы находим двойное отношение к передаче старославянских смягченных согласных *l'* и *ń*. В одних эти согласные не отличаются от старославянских *l* и *n* несмягченных: писцы одинаково пишут *л* и *н* в словах **низоу** и **съ ними**, **небо** и **оу него**, **мола** и **глагола** и т. п. Другие придерживаются правописания, различающего эти звуки: старославянские сочетания *l'e*, *ńe*, *l'i*, *ńi*, *l'e*, *ńe*, *l'a*, *ńa* пере-

³ Надо думать, что общеславянское *g* в южнорусском изменялось в длительный звук еще до начала XII в.

⁴ При обсуждении моего доклада в Московской Диалектологической комиссии 10 июня проф. С. П. Обнорский не соглашался с моим объяснением, предполагая, что *-ски-* вместо *-скы-* у прилагательных явилось по аналогии со *-ски-* в окончании имен. множ., возникшим нефонетически вместо *-сти-* или *-ци-*. Но мне предположение С. П. Обнорского представляется менее вероятным, чем мое, потому что в южнорусских памятниках, к каким принадлежит и Галицкое Четвероевангелие, *-ски-* такого происхождения, т. е. именно в имен. множ. на месте старых *-ци-* или *-сти-*, встречается редко и, между прочим, вовсе отсутствует в Галицком Четвероевангелии, Добриловом евангелии и большинстве других южнорусских памятников XI—XIII вв. С другой стороны, не знаю, насколько легко могла бы действовать аналогия со стороны *-ски-* в имен. множ. на появление *-ски-* на месте *-скы-*. В севернорусских памятниках, где *-ск-* вместо *-ст-* или *-сц-* появляется уже в XI в., написания *-ски-* вместо *-скы-* до XIV в. не встречаются.

⁵ Настоящая статья представляет переработку статьи, помещенной в Сборнике в честь проф. Б. Ляпунова [Дурново, 1922а]. Переработка вызвана изменением моих взглядов, а также тем, что в Сборнике она появилась в совершенно неудобочитаемом виде, со множеством опечаток.

даются по возможности сочетаниями **лѣ, нѣ** или **лѣ, нѣ, ли, ни, ла, на** или **ла, на**, а старославянские *le, ne, li, ni, le, ne* с немягкими *l, n* — сочетаниями **лѣ, нѣ, ли, ни, ла, на**. Памятники первой категории не дают указаний на произношение писцами согласных перед звуками *e, i* и рефлексом общеславянского *ɛ*: писцы просто могли не иметь в своем письме средств для различения мягких и немягких согласных. Памятники 2-й категории могут дать довольно точные указания: выдержанное правописание, различающее правильно старославянские *l', n'* и *l, n* во всех случаях, должно указывать на различие этих звуков и в произношении писца; ошибки могут указывать на совпадение *l', n'* с *l, n* немягкими в тех или других положениях. При этом следует считаться с тем обстоятельством, что хотя в XI—XII вв. мы и не можем предполагать на Руси существование такого же строго нормированного правописания, как в настоящее время, все же следует предположить, что писцы не ограничивались механической перепиской своих оригиналов, делая ошибки каждый раз, когда им не хватало внимания, а руководились известными орфографическими правилами. Для большинства случаев, в которых в старославянском были звуки *l', n'*, орфографическое правило о правописании **л, н** (**лъ, нъ**) или **лѣ, нѣ, ла, на** было нетрудным: *l'* являлось после губных перед суффиксальными гласными (**възлюбленъ, земла, крѣпли, оставль, но влекоу**), *n'* в формах местоимения и с предлогами (**оу него, за на, съ ними, вънь**); кроме того, *n', l'* в глаголах 1-го спр. на *-яю, -ю* (**оумолаю, глаголюши** и пр.), в причастиях на *-ень* (**възбраненъ** и пр.), в отглагольных существительных на *-еник* (**закольник** и пр.), в имперфектах на *-яхъ* (**хранаахъ, оумолаахъ**) и пр. Для того чтобы усвоить это правило, не было надобности в знании грамматики. Зная их, писцы могли редко ошибаться в подобных случаях; зато в случаях, не подходивших под это правило, ошибки должны были встречаться чаще, если в произношении писцов *l, n* перед *e, i* и рефлексом общеславянского *ɛ* не отличались от старых *l', n'*.

В Арх. ев.⁶ буква **ѧ** правильно передает старославянские **ѧ** и **ѧ** не после согласных: **ѧвлю сѧ, ѧвити** 100 об., **ѧиволоу** 86, **ѧзнаменѧ** 88, **ѧоаху ѧо сѧ** 89 об., **ѧзъика** 81, **ѧоащинухъ** 80 об., **ѧѧ** 84, **ѧриати** 100 и мн. др.

⁶ Везде назв. «Арх. ев.» обозначает 2-й почерк Архангельского евангелия (лл. 77—174).

После согласных **га** правильно пишется для передачи старославянских **а** и **я** после старослав. **л**, **н** мягких: помъшлагюще 79, помъшлагають 79 об., помъшлагаете, слаглахуѣ 79 об., дивлаглахуѣ сж 81, люблагаше 84 об., дѣла 86 об. и др. (больше 7 раз), оучитела вин. ед. 94, волга твоя 96, оутѣшитела вин. ед. 100, земля им. ед. 110, 119 об., 154 об. bis, раздѣлающе 110—110 об., люблагаше 111 об., икакела им. ед. ж. р. 120 об., дивлаглахуѣ сж 123 об., оставлагаетъ 124, авела, оставлагаетъ сж 125 об., противлагющии сж, крѣла 132, ицѣлахуѣ сж, цѣлаше 134 об., римлантынга 137, помъшлагаете 140, зоровавела 141 об., крѣплагаше сж 148, родитела им. дв. 148 bis, 156, 156 об., нерслагане 150, помъшлагющемъ 152, невѣлимла им. ед. 154 об., крѣплаше сж 157, крѣла 157 об., 158 об. и др., помъшлагаше 160 об., априла 161, не оудовлають 161 об., люблагаше 162, оставлагемъ 162 об., крѣститела 164 об., крѣплаше сж 168, не оудовлають 168 об., нюла 169, ицѣлахуѣ 174 об., помъшлагата запись; клангата сж 81 об., гнга им. ед. ж. р. 88, поклангахуѣ сж 108, съ вшышнлаго 109 об.—110, до нижнлаго 110, съ вшышнлаго, до нижнлаго 111, поглавами, съ въ вонлами 113, послѣднлага им. ед. ж. р. 113 об., 121, клангахуѣ сж 114, съвазньла 117 bis, поклангающе сж 118, ѿ вшышнлаго, до нижнлаго 119 об., нюнга 132, 137 и др., господньла род. ед. м. р. 135, гнга род. ед. м. р. 143 об., 156 и др., испльнлага сж 148, възбранаше 152 об., завълонла им. ед. ж. р. 154 об., испльнлага 157, вшышнлаго 160 об., вшышнлаго 161, 168, авнлага 165 об., остлнлага 170, 171, изгангахуѣ 174 об.;

гла 81 об. и др. (много раз), ѿ земля 87 об., капла им. мн. 95 об., содомлагемъ 125, 174 об. (здесь **га** может передавать и о.-сл. *ę*, и о.-сл. *'a*), възземлаган 153, дѣлатела вин. мн. 158 об., 159, на родитела 164 об.

въ ближнты вси 78 об., о гла 108, въ гла же 160, 167, послѣднлага вин. мн. м. р. 159 об.

га после **л**, **н**, соответствующих ст.-сл. немягким **л**, **н**, не пишется, кроме одного случая: по пѣнлазю 159 (но по пѣнлазю 159 об. три раза).

га после **р** пишется сравнительно редко для передачи **а**, **я** после того **р**, которое было мягко в ст.-сл. или, по крайней мере, в говорах ст.-сл. яз.: црла вин. ед. 105 об., сепь|тламерла, ногламерла 137, съ вечерла 93.

га после **р**, соответствующего о.-сл. немягкому *r*, не встречается.

Один раз встречается **га** для передачи **а** после **ц**: отьца 100 об.

Кроме того, **га** пишется в некоторых словах в соответствии со ст.-сл. **ѣ**, в которых русский яз. уже в древнейшую эпоху имел **а** после мягких согласных: идласта 83, исходлаше 150, оцтьгано 114.

БАГЪРАНИЦЮ 113 об., РАЗРАТАН 118 об., ПРАМО 120 об., ВАРЖЕТЬ 121 об., НАЗРАНИНЪ 129, САМАРАНЪ 137 об., СЕПТАМБРА 137 об., 138, 139 об. bis., 140 bis, 141, 147 об., 149, 169 об., ѠКТАМБРА 137 об.— 138, 155 об., 169, 169 об., ДЕКТАМБРА 138 об., ѠКТОМБРА 140, ГЕНАРА 147 об., 161 об., МОРА 154 об., НОАБРА 155 об., ФЕВРАРА 155 об., 164 об., 165 об., ОЛТАРА 166, ГЕНВАРА 168, НОАМБРА 169, 174, СЪТВАРАШЕ 171 об.

После м: ИМАШЕ 149.

После других согласных: с: ВЪА им.-вин. мн. ср. р. 82 и др., ВЪСАЖЪ 88 об., 105, ВЪАЖЪ 104, 117 и др. (больше 10 случаев), ВЪСА им.-вин. мн. ср. р. 111 об. и др., ВЪАКА 122 об., 125 об., ВЪАКОГО 133, 173, ВЪАКОУ 137 об., 152 об., ВСАКА 151 неск. раз, О ВСАКОМЪ 154;

д: ИДАХОУ 82, ВИДАШЕ 85, ИДАШЕ 92, 97, 165, ВЪДАШЕ 93 об., 106 об., СЪДААХЪ 96 об., СЪДАШЕ 97, 98, 102 об., ИДАШЕ 102, 138 об., СЪДАШЕ 102, 121 об., ИДАСТА 122, ИДАХОУ 143, ЪДАШЕ 145 об., НЕ ВЪДАХЪ 153, МОУЖДАШЕ 167, НЕ ВЪДАШЕ 170;

т: НЕ ХОТАШЕ 82 об., ХОТАХОУ 83, 117, ХОТАШЕ 87 об., 124 об., ХОТАШЕ 103 об., 171 об., ХОТАХОУ 106 об., ОЦЪТАНО 108, НЕ ХОТАШЕ 108 об., 118, 146 об., ПРЪТАШЕ 110 об., 118 об., РАСТАШЕ 148, 148 об., 157, 168, КРСТАХОУ СА 149 об.;

в: БАХОУ 86 об., 96 и др., СКЪРБАШЕ 94, БАШЕ 101 об., 103 и др., БАСТА 123 об., 166;

в: МЪЛВАШЕ 127;

п: СЪПАШЕ (= СЪПААШЕ) 136 об.;

к: АКАКА 161 об.

После шипящих и ц буква **ѡ**, кроме одного случая: ОТЬЦА 100 об., не пишется; вместо **ѡ** часто пишется **а** (при сохранении и правильных написаний); реже вместо **а** пишется **ѡ**. Не выписывая всех случаев, приведу несколько примеров.

а в м. ѡ: НАУАША 77, ВЪНИДОША *ib.*, ВЪСХОДАЦА вин. мн. м. р. 78, УАДА 79, ТОУА 81 об., ѠВЬЦА им.-вин. мн. 85 и др., ДНА род. ед. 87, ВЪЗЛЕЖАН 91, СЛОУЖАН *ib.*, ВЪЗЛЕЖАЦЮ 92 и т. д.

ѡ в м. а: НАРИЦАКЪМЪН 93, ПАЦА род. ед. 162 об.

Случаев правильной постановки не выписываю.

Из приведенных примеров видно, что буквы **ѡ** и **а** после шипящих и ц для писца Арх. ев. имели одно и то же значение. Одно и то же значение имели и буквы **ѡ** и **ѡ** после согласных, различающиеся только орфографически. Правда, последовательное употребление только **ѡ**, а

не **ѣ**, в словах **вѣса**, **вѣсакъ** и почти последовательное **ѣ** вм. **ѣ** после **р** можно бы толковать как изменения в произношении самого писца сочетаний **са**, **ра**; если предположить, что **ѣ** указывало на большую степень смягчения согласного звука, то написания **са**, **ра** могли бы указывать на неполную мягкость **с**, **р** в этих сочетаниях. Но предположение о меньшей мягкости согласных перед **ѣ**, чем перед **ѣ**, плохо вяжется с употреблением **ѣ** в имперфекте не только после **д**, **т**, **б**, **в**, **п**, но и после **л**, **н**: на мягкое произношение согласных в имперфекте указывает и обычное правописание с **ѣ** как после **л**, **н**, так и (изредка) после **д**, **т**, и буквы **л**, **н**. Если принять предположение, что все согласные перед звуком, обозначавшимся буквою **ѣ**, были мягки, то незначительное количество случаев смещения **ѣ** и **ѣ** после **л**, **н** и правильная постановка **ѣ** после этих букв объясняется легкостью орфографического правила употребления **ѣ**, **ѣ** после **л**, **н**, обычное же употребление **ѣ** в словах **вѣса**, **вѣсакъ** и после **р** требует другого объяснения. Можно думать, что написания **вѣса**, **вѣсакъ** явились под влиянием ст.-сл. **вѣса** вин. мн. м. р. и им.-вин. мн. ж. р., причем отсутствие написания этих слов с **ѣ** могло зависеть и от того факта, что в ю.-сл. протографе Арх. ев. **ѣ** в этих местоимениях не писалось вследствие отвердения *s*. Но писец Арх. ев. тем не менее читал *věsa* и *věsakъ* с мягким *s*, в 1-м случае, может быть, потому, что *s* было мягко во всех остальных формах этого местоимения (*věsbъ*, *věse*, *věsego* и пр., *věsi*, им.-вин. мн. ж. р. и вин. мн. м. р. *věsa*), а во 2-м, может быть, потому, что такое произношение этого слова вообще было обычным в церковном чтении, которое могло восходить к ст.-сл. говорам, отличным от говора ст.-сл. протографа Арх. ев.⁷ Так же можно объяснять и неупотребительность сочетания **ра**: возможно, что в языке ю.-сл. протографа Арх. ев. *r* мягкое вообще отвердело, ср. отвердение *ř* в сербском при сохранении мягких *l*, *ň*. Правильная, за немногими исключениями, постановка **ѣ** и **ѣ** после **л**, **н** объясняется легкостью орфографического правила о постановке этих букв: большинство случаев написания **ѣ** приходится на долю глаголов на **-ѣти**; нетрудно было запомнить, что все глаголы на **-ѣти** и **-лѣти**,

⁷ Русское произношение этих слов с *s* (*вѣся*, *вѣсякъ*) могло поддерживать такое произношение в церковном чтении, но все же, если бы русские получили от южных славян произношение *věsa* и *věsakъ*, это произношение должно было бы удержаться и в русском церковном чтении, как не противоречащее фонетическому строю русского яз.

кромѣ **вѣнати**, **сѣнати** и **клати**, т. е. все без исключения глаголы с I-м ед. на **-ляю**, **-няю**, пишутся с **ѣ**. Нетрудно было запомнить и правило, что в падежных окончаниях существительных пишется **ѣ**: **волаѣ**, **землаѣ**, **оучитѣлаѣ**, **вонѣми**. Не под влиянием ли этого правила появились и **имѣ**, **берѣмѣ**, **врѣмѣ**, потянувшие дальше за собой и **мѣ**, **макъкъкъ**? Естественно было не сделать ошибки и в таких формах, как **римѣлантънѣга**, **въшьнѣгаго**. В тех случаях, когда слово не подходило под определенное правило, писец легче мог сделать ошибку; так, он правильно написал **понавами** 113, но ошибочно **по пѣнѣязю** 159, рядом с правильным **по пѣнѣязю**. В имперфекте, зная правило, что после **д**, **т**, **б**, **п**, **в** буква **ѣ** не пишется, он пишет **идѣашѣ**, **видѣашѣ**, **хотѣашоу**, **башѣ**, **мѣлѣвшѣ** и т. п., а под влиянием этих форм **волашѣ**, **хранѣшѣ** и пр., хотя употребляет и правильные формы **цѣлѣашѣ**, **възбранѣашѣ** и пр. Впрочем, **ѣ** в имперфекте после **л**, **н** писец Арх. ев. употребляет или после такого **л**, перед которым стоит губная, или у основ на **-ѣ**: **славѣашоу**, **дивѣлѣашоу сѣ**, **любѣлѣашѣ**, **крѣплѣашѣ сѣ**, **ицѣлѣашоу сѣ**, **помѣшлѣашѣ**, **кланѣашоу сѣ**, **възбранѣашѣ**; наоборот, **ѣ** — в имперфекте от глаголов на **-ѣти**, **-ити**: **волашѣ**, **мѣлѣашоу сѣ**, **молѣашѣ** и пр. Все это показывает, что в употреблении **ѣ** и **ѣ** писец руководился не произношением, а орфографическими правилами.

Согласные **л**, **н**, **р** перед **ѣ** в ст.-сл. в одних случаях были смягченными, в других полумягкими. В Арх. ев. ст.-сл. **л'**, **н'** перед **ѣ** передаются буквами **л**, **н** (один раз **н**), а **л**, **н** полумягкие буквами **л**, **н**. Для **р** мягкого и полумягкого одинаково употребляется буква **р**, может быть, потому, что **р'** в яз. ст.-сл. протографа Арх. ев. уже было утрачено. Примеры:

л правильно: **козѣлицѣ** 85 об., **въздѣлѣвшѣ** 89, 92 об., **проливает сѣ** 90 об., **везѣ вълагалѣнѣца** 91 об., **великъмѣ** 111, 115 и др., **колиждо** 125 и др. и т. д.

н правильно: **въ тѣмѣнѣнѣ** 85 об., **тѣрѣжѣнѣкомѣ** 85, **изгнѣнѣ** 88, **сѣтънѣнѣ** 111, **низѣриноуѣ** 165 и мн. др.

л правильно: **родѣтѣлѣнѣ** тв. мн. 132, **иакѣвлѣ** 160 об.

н правильно: **сѣ нѣмѣ** 168, **прѣдѣ нѣмѣ**.

Один раз **н'** написано в греческом слове, где следовало бы ждѣть **н** немягкое: **мелѣнтѣнѣнѣ** 137 об. (по аналогии с именами на **-ѣнѣнѣ**?).

Гораздо чаще ст.-сл. **л'**, **н'** перед **ѣ** передаются буквами **л**, **н**: **землѣ** 81 об., 119, 122 об., **волинѣ** 91, 140 об., **крѣплѣнѣ** 149 об., **сѣ дѣлѣтѣлѣ** 159; **кѣнѣжѣнѣнѣ** 80, 89 об. и др., **кнѣжѣнѣнѣкѣ**, **кнѣжѣнѣнѣкомѣ** 83, **сѣ нѣмѣ** 77 bis, 78 и др., **прѣдѣ нѣмѣ** 85 и др., **прѣдѣ нѣмѣ** 88 и др., **къ нѣмѣ** 90 и др., **ѣ**

нѣхъ 90 об., въ нѣхъ 91, ѿ нѣхъ 91, съ ними 95, 130 об., къ нимъ 103 об. и др., кнѣжники 108 об. и др., кнѣгами 110 об., на оутрѣнии 113 об., кнѣгы 120 и др., кнѣгы 123, кнѣжникъ 133, кнѣгъ 144 и др., въ кнѣгахъ 151, ѿ послѣжнихъ 159 об., послѣднии 159 об., 160, предъ ними 163 об.

Употребление *л*, *н* для передачи ст.-сл. и *l'*, *n'*, и *l*, *n* полумягких и ничтожное количество примеров с *л*, *н* показывает, что с последними у писца не связывалось представления о звуках, отличных от звуков, обозначавшихся буквами *л*, *н* в положении перед *i*, но в то же время не дает ясных указаний на то, различались ли в произношении писца *l*, *n* смягченные и полумягкие перед *i*. Впрочем, как увидим ниже, есть основания предполагать, что в положении перед *e* писец отличал буквы *л*, *н* от букв *л*, *н* по значению, связывая с первыми представление о более сильном смягчении, чем со вторыми. Если это предположение верно, то немногочисленность примеров с *л*, *н* перед *н*, может быть, говорит за то, что в произношении писца ст.-сл. полумягкие *l*, *n* не отличались от *l'*, *n'*, что следует толковать в пользу мягкости тех и других.

Ту же картину, что и перед *н*, дают написания *л*, *н* и *л*, *н* перед *ь*. Многочисленных примеров правильного употребления *л*, *н* перед *ь* не привожу.

л перед *ь* не встречается; *н* встречается в следующих примерах: въ нѣ 127 об., 130, гнѣ 166, во всех трех случаях правильно.

л, *н* для передачи ст.-сл. *l'*, *n'* перед *ь* встречаются в следующих примерах: оуцѣтель 94, оставль 96, пристоупль 96, пристоупльше 96 об., 103, оставльше 97, пристоупльшемъ 97, 102, съвѣдѣтель род. мн. 97 об., больша 78, 100, дѣлатель род. мн. 124 об., тавльшекъ сѣ 145, оуцѣтель род. мн. 148 об.; на нь 81 и др. (7 раз), въ нь же 90, 125, поклоньше сѣ 107 об., преклонь 111 об., 129, въ нь 127 об., оуньше 135 об., надъ нь 153 об., гньмь 168.

Буква *є* не после согласных правильно передает ст.-сл. *є* без предшествующего *j* или *i*:

ѣда 91 об. и др. (12 раз), етеръ 130, 165 об., етероу 126 об., етера 127, 138 об., ен 133 и др. (4 раза), архирен 83 и др., нерсамъ 83 и др., елнини 86 об. и др., еуагѣелик 89 и др., елеонскоую 92 и др., евренскы 105 об. и др., неремнемь 116 об. и др., еудожни 126, елисаветѣ 126 bis и др., елисаветъ 126, еуфимитѣ 130, архиеппа 138 об. и др., нерен 165 об. и др., егуптѣ 146 bis и др., въ нерданѣ 149 об. и др., нсанемь 147 и др., мрне 160 об., захарне 166 и т. д.

Буква **к** не после согласных правильно передает ст.-сл. сочетание *je* или *je*:

кго 77, 77 об., 78 об. и мн. др., **кмоу** 77, 77 об. и т. д., **кгоже** 77 и др., **кгда** 77, 80 об. и др., **вѣроукиши** 78 и др., **знакиши** 78, **помышлякѣ** 79 об., **оудобик** 79 об., **пъкѣ** 80, **свокго** 80 об. и др., **кже кѣтъ** 81, **клико** 81 и др., **оцѣпѣкѣ** 81 об., **оувькнѣ** 82 об., **оувькноу** 83, **твоки** 83 об. и др., **кръщенник** 83 об. и др., **испикѣта** 83 об., **кръщенникъмь** 83 об., **кже** 83 об. и др., **кѣ** 84 и др., **кѣже** 84 и др., **каменикъмь** 84 об., **кѣта** 84 об., **свок** 85 и др., **свокѣ** 85 и др., **знаменик** 86 об., **къмь** 87 и др., **на погребеніе** 89, **нарицакмааго** 89 об., **вокводамѣ** 89 об., **жаданикъмь** 90, **коньуакѣ** сѣ 90 об., **проливакѣ** сѣ 90 об., **пикѣ** 91, **моки** 91, **на погребеник** 92 об., **нарицакмыи** 93, **оуготовакъмь** 93 ... , **тревоукъмь** 102 об., **никока же** 105 ... , **написаник** 108, 110 об., **каменик** 110, **людик** 110 об., **на двок** 111, **бывъшек** 111 ... , **ѡрадынѣк** 125, **каменикъмь** 125 об., **оставлякѣ** сѣ 125 об., **съ тѣщаникъмь** 126, **цѣлованик** 126 и т. д.

Смешение **е** и **к** встречается редко. В некоторых случаях оно может указывать на существование различного произношения соответствующих слов. Таковы:

авик 79 об. и др. (больше 20 примеров) — **авие** 81 об. и др. (4 примера).
кгда 88 и др. (не меньше 14 примеров) — **егда** 85, 116 об. (2 примера).
кѣ 96, 97 об., 102 об., 166 об. (4 прим.) — **ѣ** 98 об., 100, 113 (3 прим.).
кдинѣ, **кдиного**, **кдиномоу**, **кдиного** и пр. 82 и др. (около 60 примеров) — **ѣдинѣ**, **ѣдиного** и пр. 83 об. и др. (6 прим.). В языке самого писца было **одинѣ** и пр. 96 об. и др. (3 примера).

квренскы 128 об. — **евренскы** 105 об., 128 об.

ѣуагѣелик 89 и т. п. (с конечным **к** 9 раз) — **ѣуангелик** 133 об. и др. (с конечным **е** более 20 раз).

неремкию 106 — **неремкѣ** 116 об., 146, **исанемь** 147, 149, 154 об.

В других случаях мы находим ошибочное написание **е** вместо **к** по неясным причинам: **его** 83, 110 об., **еже** 92, 128 об., **разоумѣте** 104 об., **на двое** 110, **божие** 125, **проливается** 125 об., **твое** 126, **нарицаемое** 128 об., **емоуже** 131, **есмь** 132 об., **есть** 140 об., **сънати** 145 об., **реченое** 147, **обрѣзанне** 147 об., **нареченое** 148, **своемь** 148 об.

Может быть, к ошибкам такого же рода, но в обратную сторону относится и упомянутое выше **квренскы** 128 об. и **кнсаведѣ** 160 (один раз) при 11 случаях написаний **елнсаведѣ** 126 bis и др., **елнсаветь** 126 и др.

В положении после согласных *к* пишется только для передачи ст.-сл. *ε* после *l'*, *ń*:

после *l'*: *излѣквѣ* 78, 108 об., *ославлѣкна* 79, *ославлѣкнѣти* 79, *ославлѣкноу-оумоу* 79, 79 об., *ославлѣкноуоумоу* 79 об., *глаголетѣ* 82 об., *избавлѣкни* 84, *блгдѣтелѣк* 91, *излѣквома* 91, *глѣкмааго* 92, *глѣтѣ* 94, 164, 168 об., *въ оставлѣкни* 94 об., *сѣвѣдѣтелѣкмѣ* 97, 102, *глѣкши* 98, *възлюблѣкнѣ* 100 об., *уѣрвлѣкноу* 107, 117 об., *прѣкмлѣквѣ* 110 об., *въсприкѣкмлѣквѣ* 118 об., *вънемлѣтѣ* 131 об., *прикѣкмлѣтѣ* bis 140 об., *въ прѣселѣкни* 141 об., *по прѣселѣкни* 142, *прѣселѣкниа* 142, *вселѣкноую* 143, *блговолѣкни* 144, *землѣ* зв. 145, *излѣквоу* 146 об., *възлюблѣкнѣти* 147, 153, 170, *бгоавлѣкниѣкмѣ* 149, 150, *бгоавлѣкнѣхѣ* 152, *по бгоавлѣкнѣхѣ* 153 об., *по бгоавлѣкни* 154 об., *о глѣкмихѣ* 156 об., *на въставлѣкни* 156 об., *прѣктыглѣкмо* 159 об., *помышлѣкниа* 157, *фанюилѣквѣ* 157, *избавлѣкни* 157, 168, *колѣвлѣкми* 157 об., *възглѣтѣ* 164, *авлѣкниа* 168, *прикѣкмлѣтѣ* 174;

после *ń*: *о окаменѣкни* 77 об., *въ нѣкмѣ* 78, *занѣ* 78, *къ нѣкмоу* 78 и др. (не меньше 7 раз), *ѡ нѣкго* 78 об. и др. (не меньше 4 раз), *на нѣкмѣ* 79 и др., *по нѣкмѣ* 80 и др., *ѡнѣклѣже* 81 об. и др., *изъ нѣкго* 82, *о нѣкмѣ* 82 об. и др., *о нѣкм* 84 об., *отъ нѣкго* 85, *понѣже* 85 об. и др. (не меньше 7 раз), *ѡ нѣкмѣ* 94 об., *ѡ нѣкѣ* 94 об., *на нѣже* 96 об., *до нѣкго* 104 об., *цѣнѣкнааго* 106 и др., *ѡ нѣкго* 112, *гнѣк* 123 об., *сѣ нѣкю* 126 об., *поклонѣкни* 127 об. bis и др., *мнѣ* (меньше) 131, *мнѣ* (меньше) ib., *из нѣкго* 134 об., *занѣже* 135 об., *тоуѣк* 137 об., *обрѣменѣкни* 139, *иж нѣкѣ* 142, *въ нѣкн* 142 об., *занѣ* 143 об. bis, 167, *до нѣкго же* 167.

Несколько раз для передачи ст.-сл. *l'*, *ń* перед *ε* употреблены буквы *л*, *н*:

глѣтѣ сѣ 128 об., *излѣвоу* 146 об., *бгоавлѣкнѣ* 153, *нлѣви* 153; *гнѣк* 123 об.

Только один раз написано *к* после шипящей: *нарѣуѣши сѣ* 168.

Во всех остальных случаях после согласных пишется только *ε*, причем ст.-сл. *l*, *n* полумягкие передаются только через *л*, *н*.

Примеры:

ε не после *л*, *н*: *можетѣ* 78, *хощетѣ* 80, *хожашѣ* 77, *помьруѣ* 111, *множицею* 81 об., *оумре* 82, *сребро* 105 об., *възметѣ* 80, *спсѣтѣ* 80 об., *прндѣтѣ* 80 об., *оутѣпоутѣ* 83, *на землѣ* 81 об., *всего* 85 об. и т. д.

ε после *л*: *привлѣкоу* 87 об., *възлѣже* 90, *възлѣжан* 91, *възлѣжѣцю* 92 об., *лѣнтно|нѣ* 93 об., *лѣнтномѣ* 93 об., *възлѣгѣ* 94, *лѣгеонѣ* 96 об., *галлѣнскѣнѣмѣ* 98, *сѣплѣтѣшѣ* 104 об. и др., *облѣкоша* 104 об. и др., *сѣвлѣкѣ-*

ше 107, исплѣтъше 107 и др., съвлѣкоша 107, 108 и др., клѣопова 111 об., тѣлеса 111 об. и др., лежалъ 121 об. и т. д.

ѐ после н: не хотѣаше 82 об., не кѣо 82 об., въскрьснеть 82 об., 83 и др., въ днѣ 84 об. bis и др., не потѣкнеть сѧ 84 об., потѣкнеть сѧ 84 об., недѣлѣ 86 об. и др., мене 87 об. и др., ижденеть сѧ 87 об., времеѧ 89 об. bis и др., днѣ 95 и др., преминеть 95 об., неси (ошибочно вм. нѣси) 105, кѹрнинеска 107 об. и др., кѹрнинескоу 108 и др., несѹ (прич. наст.) 113, иженете 125 об., не погыбнеть 127 об., принесѣши 130 об., непѣцнѹю 131, вънемлѣете 131 об., имене 131 об., не погывь|неть 132, вънесеник 138, вънемлѣете 164, вънезаапоу 170 и т. п.

Такую выдержанную правильность в употреблении ѐ и к после л, н трудно объяснять одной орфографической грамотностью писца. Конечно, он мог запомнить, что следует писать лк после губных, когда ѐ относится к суффиксу, что перед суффиксальным н после л, н пишется тоже к, что к пишется в формах глагола *глаголати* и в косвенных падежах местоимения и (оу нкго, къ нкмоу и пр.), что, наоборот, отрицание всегда пишется через ѐ: не, но все же, судя по употреблению букв л и ѧ, ѐ и ѣ (эти последние буквы он смешивает в нерусских словах) и др. чертам правописания Арх. ев. видно, что строгая выдержанность в орфографии в тех случаях, когда она не опиралась на произношение писца, была ему не под силу. Следовательно, сочетания лк, нк и лѣ, нѣ читались писцом отлично от сочетаний лѣ, не, т. е. в своем произношении писец сохранял то различие между *l', ѧ* мягкими и *l, n* немягкими, какое было в ст.-сл. языке. Иными словами, буква к употреблялась писцом для обозначения мягкого произношения тех согласных букв, которые перед ѐ он читал как немягкие согласные.

Отсутствие к после остальных согласных показывает, что каждая из них в чтении писца Арх. ев. перед ѐ имела только одно произношение, мягкое или немягкое. То же было и в ст.-сл., где шипящие и ц были только мягки, а остальные шумные согласные и м только немягки. Но согласные с и р в ст.-сл. имели двойное произношение; по большей части они были немягки, но с в формах местоимения *всь*, в том числе и перед ѐ (*всье҃го, всьемоу*) и р в ряде случаев, между прочим, и перед ѐ (напр., в им. ед. существительных ср. р. на -ре: *морѣ*, в им. мн. существительных на -арь: *мгытарѣ*, где мягкость р нефонетического происхождения, в причастиях на -ренъ и отглагольных существительных на -реник от основ на -ри: *сътворенъ, твореник*), были мягкими. Между тем

в Арх. ев. мы находим во всех подобных случаях после **р**, **с** только **є**; примеры:

є после **р**, соответствовавшего ст.-сл. **р** немягкому: **трѣвова** 77, **архи-ерен** 77, **простре** 77 об., **реує** 78, **реци** 79 об., **рекѣшю** 78 об., **оумре** 82, **въ третии** 82 об., **оумреть** 87, **рекоу** 87, **погревѣиѣ** 89, **сребръникъ** 89 об., **вре-мене** 89 об., **оумерети** 95, **время** 99 об., **жеревита** 110 об., **ребра** 112, **ремене** 152 и мн. др.;

є после **р**, соответствовавшего ст.-сл. **р** мягкому: **мѣггаре** 80, 151 об., **море** 80 об., 133, 173 об., **горе** 90 об., 94 об., **цре** 91, **на сѣмѣреннѣ** 126 об., **сѣмѣрѣнѣ** 139 об. и т. д.;

є после **с** в формах местоимения **всьь**: **всьета** 134 об. и др.

Очевидно, ст.-сл. **р**, **с** мягкие и немягкие перед **є** писец Арх. ев. произносил одинаково.

Произносил ли писец Арх. ев. все согласные, кроме *l*, *n*, перед *e* всегда мягко или же, наоборот, всегда твердо (точнее: немягко), в последнем случае, конечно, за исключением шипящих и **ц**, которых он не знал в твердом произношении? Первое предположение является маловероятным: если писец произносил все согласные перед *e* мягко, то почему такое произношение не распространилось на *l* и *n*, физиологически не менее склонные к смягчению, чем другие зубные согласные? В целой системе языка подобное выделение *l* и *n* было бы необъяснимо; под влиянием же ст.-сл. языка такое произношение не могло возникнуть, потому что в ст.-сл. остальные согласные перед *e* тоже не были мягкими. Поэтому надо думать, что и в произношении писца Арх. ев. согласные перед *e* не смягчались, кроме шипящих и **ц**, существовавших только в смягченном виде, и тех *l* и *n*, которые были мягки в ст.-сл.

Таким образом, правописание Арх. ев. как будто дает повод к заключению, что в языке его писца общеславянские немягкие согласные смягчились перед *i* и рефлексом о.-сл. *ę*; в положении же перед *e* не смягчились или, по крайней мере, смягчились не вполне и продолжали отличаться по степени мягкости от старых смягченных согласных; что старые смягченные *s* в формах местоимения *всьь* и *р* в положении перед *e* отвердели или, по крайней мере, утратили полную мягкость и таким образом совпали со старыми несмягченными *р* и *s* перед *e*. С отвердением (полным или неполным) *р* перед *e* в языке писца Арх. ев. можно бы сопоставить некоторые встречающиеся в Арх. ев. написа-

ния, как будто указывающие на отвердение *ʀ* и в других случаях: **при-
обращеть** 80 об., **ръзгы** 102 об., 110 об., **ризгы** с и, исправленным из **гы**,
108 (но рядом **ризгы** 107 об., 108, 109, 114, 147, 170 об., **ризоу** 115 об.,
ризѣ 139, **двѣ ризи** 151 об.), **сътворю** 117 об., **рокоша** 117 об. (ср. **рекоша**
117 и др.), наоборот, **ривгы** 163 (ср. **ръвгы** *ibid.*). Однако бóльшая часть
этих написаний легко объясняется как описки⁸, а **сътворю** может вос-
ходить к **сътворѣ** ст.-сл. протографа.

Но возможно и другое объяснение. Для меня почти несомненно,
что писец Арх. ев. читал с немягкими согласными перед **ѣ** и мягкими
перед **и** и **ѡ**, но было ли это его живым произношением? Думаю, что
нет, что в говоре писца, как и других его современников, все соглас-
ные перед *e* были мягки, как и перед *и*, *ѣ*, *ь* и перед рефлексом о.-сл. *e*,
но книжная орфоэпия требовала произношения немягких согласных
перед *e* на ст.-сл. лад, кроме тех случаев, где в самом ст.-сл. являлись
мягкие согласные. Не стану здесь доказывать этого положения, так
как считаю имеющиеся для этого данные пока не вполне достаточны-
ми⁹, останавлиюсь только на соображениях, которые заставляют меня
считать возможным существование такого книжного произношения в
конце XI в.

Из наблюдения над произношением иностранных слов в нынеш-
нем русском яз. мы видим, что несмотря на то, что в русском языке в
своих словах согласные перед *e* всегда мягки (кроме шипящих и *ц*, ко-
торые всегда тверды), иностранные слова усваиваются с немягкими со-
гласными перед *e* очень легко: *Тэн*, *Вольтэр*, *дэзорганизация*, *шоссэ* и пр.;
произношение многих подобных слов с мягкими согласными кажется
нам слишком вульгарным, тогда как не вполне смягченные согласные
перед *i*, *ii* усваиваются русскими с большим трудом, даже при чтении
на иностранном языке; поэтому русские не только произносят в заим-
ствованных из иностранных языков словах сочетания *t'i*, *t'a* или *t'ii* и
т. п. вместо иностранных *ti*, *tii* и пр. с не вполне смягченными соглас-
ными, но даже читают обыкновенно немецкие *Tisch*, *grün* как *t'is*, *gr'ün*.
Точно также остаются переданными в русском произношении ино-

⁸ Описки подобного рода встречаются в Арх. Ев. и при других буквах: **възаша**
118, 173, **пласавъши** 172 об.

⁹ Ср. А. А. Шахматов. Очерк древн. периода истории русск. яз. §§ 212 и 315
[Шахматов, 1915].

странных слов, по крайней мере, не при чтении на иностранном языке, и многие другие особенности иностранного произношения (напр., звонкие согласные в конце слова, носовые гласные и др.). Другим указанием на возможность книжного произношения немягких согласных перед *e* при свойственном живому языку произношении в подобных случаях мягких согласных является поморское старообрядческое произношение при чтении церковных книг сочетаний *бе, ве, де, те, се* и пр. с немягкими согласными, а сочетаний *бѣ, вѣ, дѣ, тѣ, сѣ* и пр. с мягкими, идущее, впрочем, вероятно, не с древнейших времен, а с XIV в.

Если мы примем предположение, что немягкое произношение согласных перед *e* у писца Арх. ев. было только его книжным, или литературным, произношением и не соответствовало современному ему живому русскому произношению, то и отвердение *р* и *с* перед *e*, отразившееся в правописании Арх. ев., мы должны относить на долю южнославянского протографа Арх. ев. Действительно, указания на частичное отвердение *р* мягкого мы находим в некоторых ст.-сл. памятниках, напр., в Супр. рукописи, Остром. ев. и др.

В нынешнем русском произношении иностранных слов немягкими в положении перед *e* могут быть все согласные, являющиеся в русском языке твердыми и в других положениях, кроме *l*, которое в иностранных словах, вошедших в русский язык, перед *e* произносится всегда мягко, вследствие того, что *l* европейское вообще воспринимается в русском языке как *l*. В русском языке XI в., по-видимому, существовали те же два вида *l*, как и в нынешнем русском языке, т. е. *l* и *l'*, поэтому приходится думать, что ст.-сл. несмягченное *l* перед *e* передавалось русскими в церковном чтении одним из тех *l*, какие были в живом языке, т. е. или *l* (твердым), или *l* (мягким). Правописание Арх. ев., очевидно, указывает на первое.

Арх. ев. по своему правописанию ст.-сл. смягченных согласных не стоит одиноко среди русских памятников XI—XII вв. Изучение этих памятников по отношению к этой черте правописания должно дать более точные указания на судьбу общеславянских смягченных в русском языке и на особенности книжного произношения на Руси в XI и XII вв. По-видимому, это последнее было неодинаковым в разных областях даже по отношению к тем чертам, которые не зависели от диалектических различий живого русского языка.

К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола

В своем капитальном труде «Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе»¹ акад. В. М. Истрин между прочим собрал богатый материал для решения вопроса о происхождении того славянского перевода Хроники Георгия Амартола, который сохранился в русских списках, и привел ряд убедительных доказательств в пользу того, что этот перевод был сделан на Руси в XI в. Однако некоторые из доводов акад. Истрина, на мой взгляд, нуждаются в пересмотре. Рассмотрю все его доводы в том порядке, как они изложены в исследовании².

Рассматривая фонетические и морфологические особенности русских списков Хроники, акад. Истрин обращает внимание на последовательное употребление в древнейшем списке Хроники — Троицком XIII в. — написаний с *ж* вм. старославянского *жд*: **вѣжь**, **всоуженикъмь**, **оутвержати сж** и т. п. и последовательное же написание слова **лодига** (последнее не только в Троицком, но и в поздних списках) через **о** и замечает: «Такое последовательное употребление двух русизмов ... наводит на вопрос: что более правдоподобно — приписывать ли эти русизмы первооригиналу или позднейшим переписчикам? Конечно, правдоподобнее будет первое предположение, так как в позднейшей

¹ Точное заглавие: *В. М. Истрин. Книггы времьньгыа и образньгыа Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Том I: Текст. Петроград, 1920; XVIII + 612 + 111 стр. (Предисловие, русский текст, указатель собственных имен, поправки.) Том II: а) Греческий текст «Продолжения Амартола», б) Исследование. Петроград, 1922; XXXI + 454 стр. (введение, греч. текст «Продолжения Амартола», греч. отрывки из истории императоров, славянские тексты выдержек из Амартола в Архивском Хронографе, Еллинском летописце и хронографической Палее, исследование — 117—434 стр., указатель.) Изд. Отд. Р. яз. и слов. Росс. Акад. Н.*

² Т. II, стр. 268—309.

переделке всюду *жд* на *ж* и *ла* в *ло* ни для одного переписчика не было никакой нужды»³. Но последовательное употребление *ж* вместо *жд* в соответствии с русским *ж* — особенность русского правописания XI—XIV вв., свойственная не только русским переводам, но и русским спискам южнославянских памятников⁴, и, следовательно, ничего не доказывает, кроме того, что Троицкий список русский. Что касается *ло* в слове *лодита*, то такое написание не требовалось русским правописанием XI—XIV вв.⁵, а потому последовательное *ло* в этом слове, как и в слове *локоть*, можно бы возводить к первоначальному чтению перевода, если бы нам не были известны русские списки XI и XII вв. с памятников, несомненно, ю.-сл. происхождения, в которых как раз эти слова пишутся с начальным *ло*: Изборн. 1073 г., 1-й почерк Арханг. ев., Гал. ев. 1144 г. и др.⁶ В то же время сама по себе эта черта может приниматься во внимание только при наличии других несомненных русизмов. Ср. Супрасльскую рукопись, памятник безусловно южнославянский⁷, в которой, однако, встречается та же черта.

³ Стр. 275, примеч.

⁴ См. мою статью: «К вопросу о языке Киевских листков» [Дурново, 1922—1923; наст. изд., с. 341—349].

⁵ В русских списках южнославянских памятников в этих словах обычно пишется *ла*.

⁶ См. JФ. IV. 78, 82, 84 [Дурново, IV—VI; наст. изд., с. 398, 401, 404].

⁷ Проф. Вондрак, основываясь, главным образом, на некоторых лексических особенностях Супрасльской рукописи, предполагает, что на ней отразилось южнорусское влияние. Действительно, в ней мы находим ряд слов, известных помимо нее только из памятников русского происхождения. Но таких слов в общем немного, и совпадение с русскими памятниками может объясняться содержанием Супрасльской рукописи, отличным от содержания других южнославянских памятников и требовавшим таких слов, которых не требовало содержание тех памятников, а также тем обстоятельством, что статьи Супр. рукописи переведены хотя и на славянском юге, но не там, где сделаны остальные южнославянские переводы. Насколько поспешно было бы заключение о русском влиянии на Супр. на основании присутствия немногих слов, общих с русскими памятниками, показывает хотя бы такое слово, как *прѣгыни* или *прѣгыниа*, встречающееся кроме Супр. только в русских памятниках, между прочим в повести об Акире, а также в том переводе Хроники Амартола, который акад. Истрин считает русским, и в житии монаха Власия, известном пока только в одном русском списке и переведенном, может быть, тоже на Руси. Форма *перегнини* или *перегнина* (не «перегина», как у Истрина на стр. 276) в Хронике Георгия Амартола показывает, что это слово не-

Скорее, чем употребление **ж** вместо **жд**, могло бы указывать на русское происхождение перевода употребление **ѣ** в соответствии с русским **ч** вместо старославянского **шт**. Но акад. Истрин на этом употреблении не останавливается, ограничиваясь словами: «Последнее (т. е. употребление **ѣ** вм. **щ**), впрочем, не так последовательно» (стр. 274). Эта черта, вызванная русским произношением, свойственна только русским рукописям, но не является чертой древнего русского правописания, т. е. старославянского **шт** в русском правописании XI—XV вв. передается через **щ**, а не **ѣ**, и **ѣ** в этом значении встречается в русских списках южнославянских памятников лишь как ошибка, в единичных примерах⁸. В русских переводах и оригинальных произведениях того же времени правописание то же, но в тех случаях, когда переводчик или автор не знал южнославянской параллели с *шт* к своему русскому слову с **ч**, можно ждать в памятнике последовательного написания этого слова с буквой **ѣ**. Наличие даже небольшого количества таких слов была бы очень показательна в пользу русского происхождения перевода. Это обстоятельство побудило меня бегло просмотреть ту часть Хроники, которая напечатана акад. Истриным по Троицкому списку. Изложу здесь результаты этого просмотра⁹. Через **ѣ** постоянно

когда было известно в русском языке (в XV в., как показывают все русские списки повести об Акире, это слово русским переписчикам было непонятно). В то же время написание **прѣгыни**, **прѣгыньнь** в таких памятниках, как повесть об Акире и житие Власия, показывают, что это слово было известно русским и в южнославянской огласовке, т. е. из южнославянских памятников, куда это слово не могло проникнуть из русского яз., потому что иначе оно и в югославянских памятниках являлось бы в русском звуковом виде. В настоящее время слово **прѣгыни** (-**ни**) сохранилось только в польском яз., и то только как собственное имя, в названиях местностей и гербов, в виде *przeginia* или *przegonia*. Первоначальное значение выясняется из Супр., где **въ прѣгынахъ и непроходимыиъ горахъ** соответствует греч. ἐν ἀγρίοις καὶ ἀνυπερβάτοις ὄρεσι, и повести об Акире, где **прегыни** соответствует тому слову сирийского текста, которое у Григорьева (Повесть об Акире) переводится «лесистая гора». Таким образом, это слово обозначает какую-то принадлежность горной местности (обрыв? ущелье?). Этимологически слово **прѣгыни** или происходит от готского *fairgūni*, или — общеславянское образование, из **per-gyb-ŋa*. См. Krynŋski. Pr. Fil. VII. 1909 [Крыньский, 1909], Durnovo, ib. X. 1924 [Дурново, 1926а].

⁸ См. назв. выше мою статью «К вопросу» и пр.

⁹ Так как просмотр был беглый, то не ручаюсь за то, что я не пропустил к.-н. случаев с написанием **ѣ** вм. **щ**.

пишется слово **ѹюжь** и сложные с ним (я насчитал не меньше 20 случаев), и только 2 раза мне встретилось **ѿюжихъ**, **ѿюжи**. Но в этом слове **ѹ** пишется часто и в русских списках старославянских памятников¹⁰. Остальные случаи написания **ѹ** вместо **ѿ** единичны: **наплеуницу** 43, **плеуистъ** 125₅, **желуеник**, **ропующемъ** 110₁₁, **растопующе** 265₂₄, **тъпуюемъ** 268₄, **стрѣчи** 128₂, **посѣчи** 381₁, и, может быть, **преуаташе сѧ** 325₃₀, если эта форма = старослав. **прѣштгааше сѧ**¹¹, и **меуаху сѧ** 371₁₄, если это не описка вместо **влеуаху сѧ**¹². Часть этих слов: **наплеуницу**, **плеуистъ**, **желуеник** в старославянских памятниках не встречаются и потому могли бы быть отнесены на долю русского переводчика, но могли явиться в таком виде и под пером русского переписчика, если в его оригинале в этих словах стояло **ѿ**. Можно заметить, что слово **плеци** в Троицком списке пишется всегда с **ѿ**. Церковнославянские параллели к **растопующе**, **тъпуюемъ** могли быть тоже неизвестны переводчику как очень редкие в церковнославянских памятниках, употребительных тогда на Руси. Но если в первоначальном тексте перевода в этих словах стояло **ѿ**, то оно тоже легко могло быть заменено переписчиком через **ѹ**, потому что произношение их через **щ**, неизвестное русскому языку в таком положении (после *n*), могло представлять для писца затруднение; поэтому он мог произносить эти слова по-русски. Что касается инфинитивов на **-чи**, то они не говорят ни за, ни против русского переводчика: писцу Троицкого списка инфинитивы на **-щи** были хорошо известны (ср. написания **реци**, **моци** и др.). Таким образом, употребление **ѹ** вместо **ѿ** в Троицком списке не дает определенных указаний на национальность переводчика. Можно только заметить, что против русского происхождения перевода не говорят и случаи написания **ѿ** в соответствии со старославянским **шт**, русским **ч**, так как все случаи такого написания, как я мог заметить, встречаются в общеизвестных русским грамотным людям XI—XIII вв. словах и формах, как, например,

¹⁰ Так, в Архангельском ев. **ѹюжемъ** 163 об., **ѹюжихъ** 153 об.; случаев с **ѿ** или **т** нет. Ср. также Изб. 1073 г. (1-й почерк), 13 слов Григ. Богосл. XI в., Кир. Иер. XI в., Минеи 1096 и 1097 гг., Мстисл. ев. до 1117 г., Гал. ев. 1114 г., нерусские статьи Усп. Сб. XII в. и др. См. **ЖФ**. IV. 78—87 [Дурново, IV—VI].

¹¹ По-русски мы ждали бы **прѣтяше** (глагол церковнославянский).

¹² Сравни аналогичные случаи в памятниках XI и XII вв. ю.-сл. происхождения — Словах Григ. Богосл., Кир. Иерус., 1-м и 2-м почерках Арханг. ев., Минеях 1096 и 1097 гг., Мстисл. ев., Гал. ев. 1144 г. и др. См. **ЖФ**. VI. 78—87 [Дурново, IV—VI].

аще, хоцещи, рещи, мощи, свѣща, ттысаща, ноць, печь, обрацеть, отвѣща, дщерь, причастия наст. врем. и т. п.

На одной фонетической черте Хроники акад. Истрин останавливается дольше. Это — полногласие¹³. Сначала он говорит, что «полногласные формы сами по себе ничего не могут говорить в пользу того или другого происхождения памятника»; самое большее, «если полногласные формы встречаются в одних и тех же словах во всех списках», они могут говорить за то, «что та редакция, от которой пошли наличные списки, была редакцией русской»¹⁴. В то же время «употребление церковнославянских сочетаний *ра, ла* и т. п. нисколько не говорит само по себе о южнославянском происхождении памятника», так как церковнославянские слова с такими сочетаниями могли быть хорошо известны и русскому переводчику¹⁵. Тем не менее он выписывает все слова с полногласием, встречающиеся в Хронике, и пытается решить, принадлежат ли они переводчику или позднейшим переписчикам. Для этого он делит эти слова на 3 категории: 1) слова, являющиеся в полногласной форме в одних и тех же местах Хроники в Троицком и позднейших списках, 2) слова, являющиеся в полногласной форме только в позднейших списках, а в Троицком в тех же местах представляющие формы старославянские, 3) слова, являющиеся в полногласной форме в позднейших списках и отсутствующие в Троицком¹⁶. Слова 2-й категории, по его мнению, в общем оригинале всех списков были в неполногласной форме, из слов 3-й категории часть могла быть в неполногласной форме, но большая часть, вероятно, являлась с полногласием¹⁷. Из тех слов, которые можно возводить к протографу всех списков, по крайней мере, часть, например, такие, как **ожереліе, холопъ, поромъ, городьць, перевозъ, король, городъ, мороморанъ, волоучи**, можно считать принадлежащими переводчику и таким образом указывающими на то, что переводчик был русский¹⁸.

¹³ Стр. 275—278.

¹⁴ Стр. 275.

¹⁵ Стр. 276.

¹⁶ Стр. 276—277.

¹⁷ Стр. 277. Акад. Истрин исходит из того факта, что в той части поздних списков, какая имеется в Троицком, большая часть полногласных форм (16) является и в Троицком и лишь меньшая (9) не находит себе соответствия в Троицком списке.

¹⁸ Стр. 277—278.

К этим осторожным и основательным соображениям акад. Истрина добавлю некоторые замечания. Полногласие не принадлежит к числу русизмов, узаконенных древнерусским правописанием. Поэтому в русских списках южнославянских памятников слова с полногласием могут являться лишь в единичных случаях; в русских же переводах и оригинальных памятниках употребление полногласных форм зависит от знакомства переводчика или автора с соответствующими словами литературного церковнославянского языка. При отсутствии такого знакомства ни переводчик, ни писец не могли образовать церковнославянские неполногласные формы от своих ц.-сл. слов с полногласием. Поэтому, например, русский переводчик церковного устава¹⁹ употребляет слова **паволока**, **сторона**, **переходить**, потому что не знает церковнославянской параллели слову *паволока*, а с церковнославянскими словами **страна**, **прѣходити** привык соединять несколько иные значения, но в других словах обычно выдерживает последовательно церковнославянское правописание с неполногласными сочетаниями. От переводчика Хроники Георгия Амартола, если он был русский, мы должны ждать того же: те слова, церковнославянское произношение которых переводчик знал, он скорее всего должен был употреблять в неполногласной форме, а те, которых он по-церковнославянски не знал,— в полногласной. Позднейшие переписчики в том случае, если они плохо знали церковнославянский язык, могли в единичных случаях слова с неполногласными сочетаниями первоначального перевода заменять по невниманию словами с полногласными сочетаниями²⁰; переписчики, более знакомые с церковнославянским языком, могли заменять более или менее последовательно встретившиеся им русские слова с полногласием церковнославянскими словами без полногласия. Можно думать, что если непосредственное, живое знакомство с болгарским языком в русском обществе с течением времени уменьшалось, то знание книжного языка, наоборот, должно было увеличиваться. Потому я думаю, что там, где чтению **полони** Троицкого

¹⁹ Рукописи Моск. Типогр. б-ки № 142 и Патр. Б-ки № 330; перевод сделан в XI в. См. ЈФ. IV. 82 и 85 [Дурново, IV—VI; наст. изд., с. 401, 404].

²⁰ Ср. слова с полногласием в Изборнике 1073 г., Архангельском ев., Минеях 1095, 1096 и 1097 гг., Гал. ев. 1144 г., житии Мефодия в Усп. Сб. XII в. и др. См. ЈФ. IV. 78—87 [Дурново, IV—VI]. В Остромировом ев. в самом евангельском тексте полногласные формы не встречаются ни разу.

списка XIII в. в позднейших соответствует **плѣни** (2 раза), более первоначально первое из них, а не второе, как думает акад. Истрин²¹. Слова **плѣнъ**, **плѣнити** были такими обычными словами литературного языка, что мало вероятно, чтобы переписчики разных списков в XIII в. и позднее так часто (в Троицком списке 5 раз, в поздних 6 раз, из них 3 раза общих для всех списков и 3 раза — в части, не сохранившейся в Троицком) заменяли это обычное слово своим русским. Скорее наоборот, переписчик Троицкого списка исправил два раза **полони** на **плѣни**; то же можно думать и о слове **половты** поздних списков, замененном в Троицком словом **плѣвты**²². Относительно большинства слов, являющихся в списках Хроники в полногласном виде, трудно сделать определенное заключение ввиду их единичности. Впрочем, можно заметить, что значительная часть их (**своробъ**, **порозъ**, **перегини**, **ожерелне**, **хоромъ**, **перевозъ**) в неполногласном виде не встречается и принадлежит к словам, не употребительным в известных на Руси в XI—XII вв. литературных памятниках южнославянского происхождения; наоборот, слова, встречающиеся в неполногласной форме (а таких огромное большинство), последовательно пишутся в таком виде, за немногими исключениями (**врани** и **ворони**, **мраморанъ** и **мороморанъ**, **плѣни** и **полони**, **плѣвты** и **половты**, **градъць** и **городъць**, **волоучити** и **възвлаучати**, **поплашатиса** и **пополошивъса**, **брегъ** и **берегъ**), и почти все, или по крайней мере их основы, принадлежат к словам (или основам), обычным в известных на Руси литературных памятниках южнославянского происхождения. Но есть два-три слова в неполногласной форме, очень редкие в подобных памятниках; сюда принадлежат **блатънъ** и **напрашити**. Это обстоятельство делает весьма вероятным, но не обязательным заключение, что так было уже в первоначальном тексте перевода, что слова в полногласной форме принадлежат русскому переводчику и что ему же может принадлежать употребление большинства слов в неполногласной форме.

Следующей чертой, указывающей на русское происхождение перевода Хроники, акад. Истрин считает приставку *вы-* в ряде глагольных

²¹ Стр. 277.

²² Но более ранние переписчики, XI и XII вв., могли заменить ст.-сл. **плѣни**, **плѣвты** русскими **полони**, **половты**. Ср. Изб. 1073 г., где часто **полонъ** и т. д., и Гал. ев. 1144 г., где последовательно **половты** и т. д. вм. **плѣвты** других списков Еванг. См. JФ. IV. 78 и 84 [Дурново, IV—VI; наст. изд., с. 397, 403].

слов²³. Несомненно, эта приставка была уже в первоначальном тексте перевода, и употребление слов с этой приставкой принадлежит переводчику. Но ввиду наличия слов с приставкой *вы-* в Синайской Псалтыри, Клоцевом сборнике и др., на что ссылается и сам акад. Истрин, рассматривать эту черту как безусловное указание на русского переводчика я бы не решился; показательное значение она приобретает лишь в связи с другими русизмами.

Далее акад. Истрин ссылается как на русизм на передачу греческого $\mu\beta$ в переводе Хроники через **мб**²⁴, замечая, что «такая передача ... встречается не всегда и до сих пор не объяснена удовлетворительно»²⁵, и устанавливая такое правило: «в памятниках русского происхождения *мв* = $\mu\beta$ будет объясняться влиянием церковнославянского, а употребление в памятнике **мб** будет служить одним из доказательств его русского происхождения»²⁶. Действительно, такая передача встречается в ряде переводов, русское происхождение которых можно считать доказанным²⁷, а также в оригинальных русских произведениях²⁸, и не встречается в ряде памятников южнославянского происхождения. Но нельзя сказать, чтобы южнославянские переводчики и писатели вовсе не прибегали к такой передаче. Ср. в Супрасльской рукописи²⁹: **амбакоумъ** (*bis*), **висамбонъ** (149), в Болонской Псалтири: **въ кумвалѣхъ** (пс. 150 *bis*), **кумвалъ** (толк. к пс. 150), **тумбанъ** (*τύμτανου*, пс. 80), в Погодинской Псалтири (южнослав. XII в.): **амбакоума**, в Шишатовском апостоле 1324 г.: **Амбросин**, **коумвалъ** и др., а также в русских списках переводных памятников южнославянского происхождения: в севернорусской служебной Минее 1095 г.: **амбакомъ**, **амбакоумъ**, в Феодоровой Псалтири Чудовской XI в.: **амбакоумъ**, в книге прор. Да-

²³ Стр. 278—279.

²⁴ Стр. 279—282.

²⁵ Стр. 280. Мне не совсем понятны последние слова. Вполне ясно, что греческое $\mu\beta$ часто передается славянскими переводчиками через **мб** согласно живому греческому произношению, существовавшему еще в X—XI вв. и сохранившемся до сих пор. Поэтому несколько не странно и **месаврь** = *μεσεμβρία* (ср. стр. 281).

²⁶ Стр. 281.

²⁷ Напр., повесть об Акире, житие Феодора Студита, житие Андрея Юродивого, Иосиф Флавий и др.

²⁸ Напр., Паломники Даниила, Антония Новгородского и др.

²⁹ Ср. выше (об отсутствии русского влияния в Супрасльской рукописи).

ниила по очень архаичному, сохраняющему старое правописание Чудовскому списку XV в. (Симеоновск. ред.): **амбакоумъ** и др. В южнославянском переводе Хроники Георгия Амартола, известном исключительно по сербским спискам, встречается **амбона**. Думаю, что нетрудно найти и другие примеры написания **мв** не только в поздних, но и в ранних памятниках южнославянского происхождения.

Следующим русизмом акад. Истрин считает передачу в Хронике отчества на *-ичь*: *Александромъ Филиповичемъ, Ксу)сь Сираховичь* и т. п.³⁰ Однако он сам оговаривается, что тот же суффикс в форме *-иштъ* встречается и в болгарском переводе Хроники Малалы. Я бы добавил, что он очень распространен в сербском языке. Но, действительно, в такой форме, в какой он употребляется в Хронике Амартола, этот суффикс русский, т. к. в болгарских памятниках он является в виде *-иштъ*, а в сербских (поздних) — *-икъ*. Поэтому осторожнее было бы сказать: употребление суффикса *-ичь* скорее всего указывает на русский перевод, потому что в болгарском и сербском языках он употребляется в другой форме, которая, вероятно, была бы сохранена русским переписчиком при переписке с южнославянского оригинала.

Важным указанием на русского переводчика акад. Истрин признает глоссы³¹, т. е. объяснение тех или других слов другими словами. Глоссы в Хронике двух родов: 1) или рядом с неперевередённым греческим словом дается его перевод: **кюуѣра** (αἴλουρον) **рекше коуноуѣ, архисоунагога рекше старѣйшинѣ свороуѣ, Неаполѣи рекше новѣ городѣ** и т. п., 2) или дается двойной перевод: **уѣтца** (ἀναγνώστα) **рекше дыгѣца, прозѣбоша** (ἀνεφύησαν) **рекше родиша сѣ** и т. п. Слова 1-й категории по большей части или собственные имена, или термины, перевод которых передает только значение слова, но не его техническое употребление; таковы: *дьякон, фромонии* (вид лодки), *идолы, история* и пр. Слова второй категории дают рядом с точным переводом слова его пояснение. Исходя из того предположения, что переписчики Хроники вряд ли могли узнать греческие слова в их славянской транскрипции, акад. Истрин предполагает, что глоссы, по крайней мере большая часть их, принадлежат самому переводчику³¹. Мне кажется это соображение само по себе не совсем убедительным: в первоначальном тексте перево-

³⁰ Стр. 282.

³¹ Стр. 283—289.

да греческие слова, конечно, были менее искажены, чем в дошедших до нас списках; узнавать греческие слова в славянской транскрипции русские люди могли, так как существовали пособия для изучения греческого языка, где греческие слова давались в славянской транскрипции³². Впрочем, независимо от этого соображения глоссы действительно скорее всего следует относить на долю самого переводчика, а не переписчиков. За русское происхождение глосс, а следовательно и перевода, по мнению акад. Истрина, говорят такие факты: 1. Глоссы вызывались «тем, что многие греческие слова, особенно технические, не были известны тем, для кого предназначались обе хроники (Амартола и Синкелла). На славянском же юге греческий язык был достаточно известен»³³. 2. Некоторые глоссы «вообще могут считаться русскими (т. е. не южнославянскими) словами»³⁴. 3. В глоссах к переведенным, т. е. уже славянским, словам глоссатор два раза ссылается на свой (**наш**) язык, очевидно противопоставляя его языку того славянского слова, которое поясняется глоссой³⁵. 4. В глоссах чаще, чем в других местах, является «русское правописание», т. е. написания, передающие русское произношение: **Новъ городъ, городець, перевозъ** и др.³⁶ Некоторые из этих доводов недостаточно убедительны: знание южными славянами греческого языка акад. Истрин несомненно преувеличивает; если даже южные славяне и были знакомы со многими встречающимися в Хронике греческими терминами, то первоначального значения соответствующих слов не как терминов могли и не знать; если в остальных глоссах переводчик не ссылается на «наш язык», то допустимо предположение, что глоссы с такой ссылкой принадлежат не переводчику, а переписчику; показательная сила «русского правописания» в глоссах та же, что и в других местах; скорее наоборот: если бы «русское правописание» встречалось только в глоссах, это дало бы повод заподозрить принадлежность их переводчику³⁷. Самым сильным

³² Ср. (впрочем, значительно позднее) «Рѣчь тонкословія греческаго» (изд. Max Vasmer, Russisch-byzantinisches Gesprächsbuch, Leipzig 1922).

³³ Стр. 288.

³⁴ Стр. 283.

³⁵ Стр. 283—284.

³⁶ Стр. 284.

³⁷ Самое указание акад. Истрина на то, что русизмы в глоссах гораздо чаще, чем в остальном тексте Хроники, страдает преувеличением. Он говорит, что «ру-

аргументом акад. Истрина является соображение, что глоссы даются к тем словам, которые могли быть непонятны читателю; непонятными для читателя могли быть только слова другого языка; следовательно, язык глосс и язык тех слов, к которым даются глоссы, разные; если второй из них южнославянский, то первый должен быть русский. В некоторых случаях, по-видимому, так и было, но в большей части случаев глоссы объясняются иначе: иногда они являются толкованием метафорического выражения, которое могло быть непонятно читателям не по незнанию языка, а по необычности метафоры: **апостоли прозвобоша рекше роднишася, теплѣйше рекше скорѣйше** и др.; в других случаях рядом с точным переводом какого-нибудь слова дается глосса, поясняющая, в каком смысле это слово употреблено в данном случае: **стына грома рекше проповѣдника**; иногда глоссы поясняют понятия, которые могли быть неизвестны читателю и независимо от незнания языка: **ръгѣ рекше морьскѣй свинни**.

Далее, как на русизм, допущенный переводчиком, акад. Истрин указывает на перевод слов **ἐκ γένους τῶν Φράγγων** от **рода варжеска соуцимъ**. Этот перевод, по его мнению, «указывает на переводчика рус-

сизмы встречаются именно в глоссах» потому, что «переводчик, следуя в изложении чужого текста обычному литературному правописанию ... в глоссах считал возможным (или, точнее, делал это бессознательно) следовать своему живому (русскому) произношению» (стр. 286). Однако это не так: в глоссах действительно дается несколько русских слов, но русские слова встречаются и помимо глосс, причем большая часть русских слов — не в глоссах (хотя процент русских слов в глоссах сравнительно с числом русских слов вне глосс довольно большой). Что касается правописания, то оно в глоссах — то же, что и в остальном тексте. Акад. Истрин ссылается на русское правописание **волканане** в глоссе, рядом с **вълкоуци** не в глоссе. Но последнее (это место встречается только в поздних списках) — несомненная болгаризация, следование модному в XV в. правописанию; в более ранних списках и здесь должно было читаться **волко-**: в Троицком списке, написанном до Киприановской реформы, в подобных случаях везде пишутся сочетания **ол, ор, ер** между согласными, и такое правописание обычно во всех русских рукописях XIII в., как русского, так и южнославянского происхождения. Почему переписчики XV в. сохранили **ол** в глоссе, заменив это сочетание через **лъ** в других случаях, — на это могут быть разные ответы, но сам переводчик тут ни при чем. Ссылка на русское правописание слов **солга, долгоживци, холмъ** именно в глоссах основана на каком-то недоразумении, потому что в Троицком списке на тех же страницах и в других словах то же правописание, а написания **лъ, рь** поздних списков несомненно явились не раньше конца XIV в.

ского, которому из письменных и устных источников были известны сказания о походах русских князей на Царьград»³⁸. Но это чтение встречается только в поздних списках³⁹, представляющих и по мнению акад. Истрина позднюю русскую переделку, и притом в таком месте, которое как бы напрашивалось на такую переделку. Поэтому можно думать, что слово **варлжеска** явилось здесь под влиянием летописи.

Русскому же переводчику приписывает акад. Истрин и глоссы: **Скоуѣнию рекше козарты** и **от Скоуѣфана рекше козарн**⁴⁰. Оба места сохранены и в Троицком списке, и, очевидно, были в протографе Троицкого и остальных списков; но были ли эти места в первоначальном тексте перевода, остается неизвестным.

По поводу глоссы **въ Фессалоникин рекше в Селоуны** акад. Истрин предполагает, что южнославянскому переводчику вряд ли нужно было пояснять слово **Фессалоники**, «так как на Балканском полуострове, конечно, это знали»⁴¹. Не думаю, чтобы знали очень хорошо: вряд ли это знали не умевшие читать по-гречески, а таких, надо думать, было большинство. Сами греки называли город не *Θεσσαλονίκη*, а *Σαλονίκη*.

Принадлежащим русскому переводчику акад. Истрин считает и перевод имени *Μουχούμειδ* через **Бохмит**⁴². Несомненно, чтение **Бохмит** — русское. Но так ли читалось в первоначальном тексте перевода, сказать трудно, потому что это имя встречается только в поздних списках, относящихся ко 2-й редакции, а в Троицком списке отсутствует. Между тем в поздних списках довольно часто встречаются замены слов, читающихся в Троицком списке, их синонимами⁴³. Кроме того, из поздних списков в списке Пб, дающем иногда архаичные чтения, это имя из 7 случаев в 5 читается как **Моамедъ**.

Русскому же переводчику, по мнению акад. Истрина, принадлежит и передача греч. τὸ Στενὸν и τὸ Ἱερὸν словом **Судъ**⁴⁴. Хотя и это слово

³⁸ Стр. 289.

³⁹ В Троицком списке соответствующая часть Хроники не сохранилась.

⁴⁰ Стр. 290.

⁴¹ Стр. 290—291.

⁴² Стр. 291.

⁴³ Акад. Истрин приводит (стр. 325—327) всего 100 случаев такой замены.

⁴⁴ Стр. 291—293.

встречается только во 2-й редакции, но, действительно, трудно предположить, чтобы его мог вставить позднейший переписчик.

Имена Аскольда и Ди́ра, встречающиеся только в одной группе поздних списков, по мнению акад. Истрина, могут быть поздней вставкой⁴⁵. Если бы можно было доказать принадлежность их первоначальному тексту перевода, то они служили бы сильным доводом в пользу русского переводчика.

К числу самых важных доказательств русского происхождения перевода Хроники акад. Истрин относит ее словоупотребление⁴⁶. Сопоставляя его с словоупотреблением других памятников, южнославянское или русское происхождение которых можно считать доказанным, акад. Истрин устанавливает, что в переводе Хроники встречается ряд слов, обычных в других переводных и оригинальных памятниках русского происхождения и неизвестных южнославянским памятникам. Таких слов он перечисляет всего 49⁴⁷; сюда надо прибавить еще 5 слов, которые он тоже считает русскими, но упоминает в других местах. При определении принадлежности того или другого слова русскому языку акад. Истрин руководится главным образом указаниями словарей Миклошича и Срезневского, лишь изредка обращаясь к некоторым памятникам, преимущественно русским, не использованным в этих словарях. Он признает недостаточность привлеченных им пособий для решения поставленного им вопроса, но, по-видимому, не стремится этот недостаток пополнить. Между тем недостаток материала из древнейших памятников в словарях Миклошича и Срезневского можно было до некоторой степени восполнить привлечением материала из словарей, сопровождающих издания некоторых отдельных памятников, а также из словарей отдельных славянских языков. Благодаря тому, что акад. Истрин этого не делает, в его список русских слов Хроники Георгия Амартола попали некоторые слова, обычные в нынешних южнославянских языках и, очевидно, существующие в них издавна. Таковы, например, слова: **волесть** или **волъсть**⁴⁸, **дружина** (в

⁴⁵ Стр. 294—295.

⁴⁶ Стр. 295—306.

⁴⁷ Стр. 298—305.

⁴⁸ Первонач. **волксть**, но срб. *болест* (в экавских говорах) и *болѣјест* вместо ожидаемого *болѣст* указывает на *ѣ* (под влиянием *болѣзнь*?).

значении — «воинская дружина»), **наговорити**, **неговорливъ** (ср. срб. *govorliv*), **недѣла** (в значении «седмица»), **хортница**, **вѣвѣ** (ср. в стар. срб. — «совет господ» в Дубровнике), **поплашитисѧ** (здесь сама неполногласная форма указывает на то, что это слово не русское). К русским словам отнесено также слово **вѣиль** (вельможа), хотя это слово и встречается в Супрасльской рукописи⁴⁹. Впрочем, и за вычетом этих слов, а также слов, русское происхождение которых не может быть доказано за недостаточностью материала, остаются слова, несомненно русские, которые можно относить на долю переводчика. Таковы слова: **окорокъ**, **холопъ**, **комоница**, **пѣще**, **поромъ**, **порозъ** (т. к. трудно предположить, чтобы переписчики заменили этими словами южнославянские *прамъ*, *празъ*), а также, должно быть, **корста**, **скѣди** и др. Может быть, сюда же следует прибавить и некоторые слова, не названные Истриным. Но из названных 54 слов третья часть (именно 18 слов) взята акад. Истриным из той части Хроники, которая сохранилась только в поздних списках, а именно, слова: **вѣньзти**, **грамотница**, **гридь**, **дружити**, **ловъ**, **мовьница**, **неговорливъ**, **обложити**, **окорокъ**, **оладь**, **орь**, **пристроити**, **скѣди**, **смолвитисѧ**, **сѣни**, **хортница**, **вѣно**. Если принять во внимание, что в той части Хроники, которая сохранилась в Троицком списке XIII в., поздние списки в 100 случаях заменяют слова, имеющиеся в Троицком списке, другими синонимическими словами (например, **тоскою** вм. **скорбью**, **округъ** вм. **около**, **азыка** вм. **гласа**, **лестъ** вм. **мечетъ**, **древле** вм. **преже**, **скотомъ** вм. **звѣрми**, **дѣти** вм. **чада**, **на обѣдѣ** вм. **на трапезѣ** и др.), то вопрос о принадлежности этих слов самому переводчику, а не редактору 2-й редакции, остается открытым.

Таким образом, из анализа словоупотребления Хроники выясняется, что слов, которые могут указывать на русскую национальность переводчика, ничтожное количество по сравнению с объемом всего словаря перевода, в котором акад. Истрин насчитывает 6800 слов⁵⁰. В то же время анализ, произведенный акад. Истриным, страдает односторонностью. Для более ясного представления о национальности переводчика следовало не только выделить те слова, которые можно считать русскими, но и выяснить, нет ли в Хронике таких слов, которые

⁴⁹ См. выше замечания по поводу мнения проф. Вондрака о русском влиянии на словарный состав Супрасльской рукописи.

⁵⁰ Стр. 227.

мало употребительны или вовсе не встречаются в памятниках, как русских, так и южнославянских, распространенных на Руси в XI—XII вв., и неизвестны позднему русскому языку, но встречаются в южнославянских памятниках, не распространенных на Руси, или известны южнославянским языкам. Если бы такие слова нашлись (а я думаю, что они найдутся), они свидетельствовали бы об участии в переводе Хроники южного славянина.

Из разбора доказательств акад. Истрина в пользу русского происхождения славянского перевода Хроники Георгия Амартола мы видим, что указаний на участие в этом переводе русского чрезвычайно мало, особенно если принять во внимание огромные размеры Хроники. Если предположить, что перевод сделан русским переводчиком в XI в. (а к более позднему времени мешают отнести перевод цитаты из него в русских памятниках, возникших во 2-й половине XI в.), то придется допустить совершенно исключительную для того времени начитанность переводчика в южнославянской письменности, выразившуюся в свободном пользовании не только грамматическими формами, не свойственными русскому языку, но и огромным запасом южнославянских слов, среди которых много незнакомых или почти незнакомых его грамотным русским современникам. В то же время те указания на русского переводчика, какие можно извлечь из изучения перевода Хроники, в некоторых случаях не допускают другого объяснения, как то, что в переводе (а не в позднейшей переработке) принимал участие русский. Ввиду этого мне представляется наиболее вероятным такое предположение, что русский переводчик работал над переводом Хроники в сотрудничестве с более опытными в этом деле переводчиками южными славянами. Если принять предположение акад. Истрина, что перевод Хроники Георгия Амартола входит в целую серию переводов, предпринятых великим князем Ярославом, то необходимо допустить, что этого нового и трудного дела русские переводчики одни, без помощи опытных руководителей, и не могли выполнить. Южные славяне, приглашенные для этой цели Ярославом, могли быть из разных частей Балканского полуострова.

Рефлекс *sk в славянских языках

Известно, что общеславянское сочетание *sk перед окончаниями *ě* и *i*, восходящими к древнему *oi*, дало *sc* и *st*¹ в южнославянских языках и *šč* в западнославянских языках; известно, что древнерусские тексты, особенно тексты нерелигиозного характера, содержат начиная с XI в., наряду с *sc* и *st* церковнославянского языка, несколько примеров с *sk*; и известно, что существует также несколько русских северо-западных рукописей конца XIII в. и позднейшего времени, которые имеют *šč*, подобно западным языкам². Но также известно, что почти ни один из славянских языков не сохранил это первоначальное состояние. Все языки, которые сохранили чередование *k/c* перед падежными и глагольными окончаниями, заменили одинаковым образом сочетания *st*, *šč* и, возможно, *sk* сочетанием *sc* почти во всех случаях³; а все славян-

¹ Мы находим *st* только в церковнославянских, древнерусских и старославянских текстах.

² См.: Мейе, 1924, § 140; Вондрак, 1924, § 278—286, с. 351—360; Шахматов, 1915, § 306, с. 176; Розвадовский, 1923, § 78, с. 184—186; Лощ, 1922, § 194, с. 147—148; Гебауэр, 1894, § 248, с. 315—318; Соболевский, 1910, с. 106—108. Другое объяснение форм на *šč* в древнерусском языке на северо-западе см.: Шахматов, 1915, § 498, с. 327—328.

³ Западнославянские языки сохранили только несколько форм на *šč* (или диалектное *št* из *šč*) в конце основ на *-sk-*; малорусский и белорусский языки не сохранили в конце таких основ ни одной формы на *sk* или *st*, хотя древнее существование этих форм засвидетельствовано южнорусскими и западнорусскими текстами XI—XIII вв.; ни один южнославянский язык также не дает форм на *st*, известных в церковнославянских и старославянских текстах. Все эти языки, за исключением хорватских и словенских диалектов, дают в падежных формах на *ě/i* основ на *-sk-* сочетание *sc*, которое вытеснило повсюду, или (в западной группе) почти повсюду, другие сочетания согласных (*st*, *šč* или *sk*) в последующую после падения слабых еров эпоху. В этих условиях мы не знаем, являются ли формы на *sc* в современных славянских языках южной группы и в южнославянских текстах периода по-

ские языки, которые заменили *k* на *c*, дают также замену сочетания *sk* на *st* и *šč*⁴.

Рефлекс начального *sk* перед *ě*, восходящим к древнему *oĭ*, нам менее известен, потому что есть только три или четыре основы (этимология этих основ не очень ясна), где мы можем допустить существование начального **skoĭ-* в общеславянском. Тем не менее я разделяю мнение тех, кто считает, что начальное сочетание *sk* перед *ě* обычно давало приблизительно те же рефлексы, что и сочетание *sk* перед *ě* или *i* падежных окончаний, т. е. что оно давало сочетание *sc* в южнославянских и *šč* в западнославянских языках. В русском языке можно ожидать *sk* или *st*, но также и *šč* в северо-западных диалектах.

В славянских языках есть несколько основ, в которых мы находим всегда одинаковые соответствия начальных согласных. Вот эти основы⁵.

1. **skoigьl-* или **skoigol:* ст.-сл. (сербские и русские тексты XIV в.) **сцѣ҃гль** «один, единственный», ц.-сл. **сцѣ҃гло** (самый ранний пример XII в.) «единственно, только»; с.-х. *цѣ҃гли* «единственный» (в икавском диалекте); польск. *szczegół* «деталь, подробность», *szczególny* «единственный», сил. *ščihelny* «единственный»; может быть, также чешск. *štíhlý* «тонкий». Существительное со значением «щегол» имеет иной древний вокализм, а именно *e*: слов. *ščegljec*, польск. *szczygiel*, м.-р. *щиголь*, в.-р. *щегól*⁶.

сле падения слабых еров первичными или они возникли путем аналогии на месте форм *c st*; также мы не можем точно указать, в каких диалектах первоначально существовало произношение *sc*, а в каких — произношение *st*. Формы на *sc* малорусского и белорусского языков, несомненно, являются поздними ввиду того, что они не встречаются в древнейших русских текстах.

⁴ Речь идет о великорусском языке и нескольких хорватских, словенских и словацких диалектах, включая литературные словенский и словацкий языки. Замена *sk* на *st* или *sc* в конце основ на *-sk-* в хорватских, словенских и словацких диалектах — это относительно недавнее явление. Что касается великорусского языка, то мы не можем сказать с полной уверенностью, знал ли русский язык на севере, за исключением его западных диалектов, иное сочетание согласных, нежели *sk*: севернорусские тексты XI—XIV вв. южнославянского происхождения имеют *st* и реже *sc*, но тексты собственно русского происхождения имеют только *sk* и *st*. Ничто нам не мешает рассматривать написание *st* как старославянское. О написании *šč* см. выше.

⁵ См. Вондрак, Шахматов, Розвадовский, Гебауэр, *op. cit.*

⁶ Эта же основа, но с *o* из древнего *e*: рус. *щѣ҃голь* «франт, петиметр, элегантный человек». См.: Соболевский, 1914, с. 448.

2. *skoip- «КОЛОТЬ»:

а. болг. *цѣпвам*, *цѣпя* «колю (дрова)» и т. д.; с.-х. *цијѣпати* «колоть (дрова)» и т. д.; слов. *cĕpati* (id.) и т. д., но также *šĕpa*, *šĕp*, *šĕpka*, *šĕpek* «осколок, щепотка»; чешск. *štěpiti*, *štípati* «колоть», др.-чешск. *šĕepati* и т. д., морав. диалект. *šĕepiti*, *šĕepati* и т. д.; польск. *szczepać* (id.) и т. д.; в.-луж. *šĕpčić* (id.), н.-луж. *šĕpčić* (id.) и т. д.⁷; в.-р. и рус. литерат. *щепать* *лучину* «колоть мелко дерево, готовить стружку», *щепка* «отколотаая древесная мелочь, осколок»⁸ и т. д., но м.-р. *скіпка* «щепка», *скіпати* «колоть» и т. д.⁹, б.-р. *скѣпка* «щепка, осколочек»; некоторые южновеликорусские диалекты имеют также *скепать*, *раскен*¹⁰. Древнерусские рукописи XIV в. и более поздние¹¹ имеют обычно *sk*: **скѣпаніе** Ипатьевская летопись, **поскѣпани** Слово о полку Игореве и т. д., **роскѣпати сѧ**, **роскѣпъ**, **проскѣпъ**¹² и т. д., но мы находим также в северных рукописях **пощепаша**, **щепка**, **щепы** «осколки дерева, щепки», **щѣпъ** или **щѣпъ** «убывание луны».

б. Ц.-сл. **прищѣпнѣти** «привить, прикрепить», **прищѣпнѣти сѧ** «привиться, прикрепиться» Пандекты Антиоха XI в. (3 примера), Ростовский Апостол XIII в. и Христинопольский Апостол XII в. и т. д.; в более поздних же рукописях мы читаем **прищѣпнѣти (сѧ)**, также в Шиштовацком Апостоле и Пандектах Антиоха XIV в.; с.-х. *прицијѣпати* «привить» и т. д.; слов. *cĕpiti*, *ocĕpati* (id.) и т. д.; чешск. *štěpovati* (id.), *šĕp* (др.-чешск. *šĕp*) «черенок для прививки» и т. д., словац. *štepenie* «прививка»; польск. *szczepić* «прививать, пересаживать», *szczep* «прививка, черенок для прививки» и т. д.; м.-р. *щеп* и *щѣпа* «прививка, черенок для прививки», *щепити* «прививать» и т. д., б.-р. *защѣпка* и т. д.; в.-р. *защеп* «косая трещина с краю, заноза» и т. д.

⁷ Все указанные языки имеют большое количество слов с этим корнем (и с тем же значением корня); см. большие словари этих языков.

⁸ Произношение *щепка* с *e* или *ie*, а не с *o* в большинстве великорусских диалектов свидетельствует о том, что первоначально в этом слове было древнее *ĕ*.

⁹ Вост.-слав. *šĕpa* в Карпатах у лемков, несомненно, представляет собой заимствование из польского.

¹⁰ См.: Шахматов, 1915, § 306, с. 176; Даль, I—IV.

¹¹ Более древние рукописи не дают слов с этим корнем.

¹² Это последнее слово встречается в летописях в предложении **бродѣ тьрганѣ проскѣпомъ**. Значение этого слова сначала было, вероятно, то же, что и значение с.-х. *prócięp* «разрез, расщелина вдоль в расколоте полене», болг. *процап* «расщепленная на конце палка».

с. Слов. *oščep* «копье»; чешск. *oštěp* (id.); польск. *oszczep* (id.), *oszczepisko* «древко копья»; др.-р. **оскѣпъ** «копье», **оскѣпнице** «древко» в Ипатьевской и других летописях, **ощепнице** «древко» в некоторых северных списках летописей; совр. м.-р. *оскѣпнице* «ручка, черенок грабель».

3. **skoji-*: болг. *оцѣрвам*, *оцѣря зъби* «оскаливаю зубы»; с.-х. *цѣрѣти зубе* «скалить зубы», *цѣрѣти се* «смеяться, оскаливая зубы» и т. д.; слов. *осѣрѣганіе* «гримаса» (ср. *škrieba* «ухмыляющийся, скалящий зубы человек», см.: Рамовш, 1924, с. 293); чешск. *štěřiti*, *štírěti zuby* (др.-чешск. *ščeřiti*) «скалить зубы», но также в др.-чешск. и в Моравии *škěřiti*, а в восточной Моравии *ceřiti* и т. д.; словац. *škerit' zuby* «скалить зубы», *škerit' sa* «смеяться, оскаливая зубы» и т. д., а также *cerit'*, *cerit' sa* и т. д. (ср. *škriadit' sa* «гримасничать»)¹³; в.-луж. *šćerić zuby*, *woščerac so* «скалить зубы» и т. д., н.-луж. *šćeris zuby* (id.) и т. д.; польск. *szczerzyć zęby* (id.), *oszczerza* «скалящий зубы, ухмыляющийся человек», кашуб. *wyšćerac* «скалить зубы»; в.-р. *щерить*, *ощериваться* (id.), *щера* и *ощера* «ухмыляющийся человек, зубоскал», с.-в.-р. *щера* «камень в трещинах, каменная плита», ср. имя собственное *Oščera* в грамоте 1486 г.; м.-р. *шкѣрѣти зуби*, б.-р. *шкѣрыць* и *шчѣрыць зубы* «скалить зубы».

Не все объяснения этимологии этих корней являются абсолютно неоспоримыми и ясными¹⁴, однако действительно трудно отделить большинство южнославянских примеров от западных и восточных, тем более что существуют одинаковые соответствия во всех языках для сочетания *sk* перед окончаниями *ě* и *i* из *oi*.

Начальное *sc* на стыке предлога с существительным или глагольной приставки с глаголом перешло в *s* во всех южнославянских языках. Этот переход засвидетельствован начиная с церковнославянских текстов XI в., где мы находим **нцѣлѣти** наряду с **нцѣлѣити**; но сначала этот рефлекс был только диалектным фактом: в противном случае такие написания, как **присцѣлѣити**, **сцѣгло**, были бы необъяснимы. В более позд-

¹³ *Oštirat'* (id.) имеет *št*, восходящее к общеславянскому *šč* перед древним *i*.

¹⁴ См.: Вондрак, 1924, loc. cit.; Миклошич, 1886, см. *scēg-*, *skēp-*, *skēr-*; Бернекер, I (*cēgl-*, *cēp-*, *cēr-*); Даничич, 1878 (*cigli*, *cijèpati*, *cjèriti*); Траутман, 1923, с. 265 (*skēpa-*); Зубатый, 1894 (*ščep-*), Зубатый, 1910; Лер-Сплавинский, 1911; Буга, 1912, с. 245; Рамовш, 1924, с. 278, 295; Петерссон, 1914; Шпехт, 1924; Вальде, 1906, см. *cippus*, *coespes*; Буазак, 1907, см. σκέλαρνος. Но большинство из этих ученых не представляет себе соответствий, существующих для этих корней во всех славянских языках.

них рукописях *sc* являлось лишь традиционным написанием и читалось как одно *c*: cf. написания типа **цѣлоумѣдрѣ**, **цѣбнѣ** на месте **цѣлоумѣдрѣ**, **цѣбнѣ** в сербских рукописях XIV и XV веков¹⁵. Судьба *sc* перед окончаниями не была такой же, что судьба начального *sc*: в первом случае *sc* перешло не в *c*, а в *st* или же сохранилось в форме *sc* без изменения.

В западнославянских языках начальное *sk-* перед *ě* из *oi* также давало *šć*, как и *-sk-*, находящееся перед окончанием. Только в более позднюю эпоху *šć* перешло в *st'* в чешских и словацких диалектах. Первоначальное изменение *sk* в *šć* в западнославянских языках связано с изменением всякого древнего мягкого *ś* в *š* в этих языках. Итак, можно думать, что сочетание *sk* перед *ě* и *i* из древнего *oi* перешло сначала в *śc* в западнославянских диалектах, как и в южнославянских диалектах, и что только позднее это *śc* дало *šć* одновременно с изменением мягкого *ś* в *š*.

Словенский язык, подобно другим южнославянским языкам, имеет в большинстве случаев *c*, но он знает также начальное *šć* в некоторых словах, подобно языкам западной группы. Этот факт показывает, что словенские диалекты в период, когда начальное сочетание *sc* переходило в *šć* в западнославянских языках, занимали переходную позицию.

Судьба начального сочетания *sk-* перед *ě* из *oi* была различной на русской территории. Диалекты великорусского языка, за исключением, может быть, некоторых южных диалектов, имеют повсюду *šć*, а диалекты малорусского и белорусского языков регулярно демонстрируют *sk*. Написания *sk* и *šć* в начале слова засвидетельствованы нами в рукописях XIV века, которые в большинстве своем являются списками с русских текстов XI и XII веков; написания с начальными *sc* и *c* очень редки и встречаются только в текстах южнославянского происхождения.

Малорусские и белорусские слова, имеющие начальное *šć* в соответствии с *c* (церковнославянское *sc*) южнославянских языков и с *šć* западнославянских языков, являются, как, например, термины прививки, польскими заимствованиями. О заимствовании свидетельствует не только начальное *šć*, которое не совпадает с начальным *sk* в других однокоренных словах, но также в малорусском языке вокализм *e* после *šć* на месте ожидаемого *i*. В противном случае должно было бы признать, что это *e* никогда не восходило к *ě*, но к древнему *e*, находясь перед ко-

¹⁵ См.: Даничич, 1878; Миклошич, 1850; Срезневский, I—III, и т. д.

торым первоначальное *sk* давало *šč* во всех славянских языках. Но мнение, что начальное *šče-* в приведенных нами малорусских словах происходит из общеславянского *šče-*, маловероятно, потому что эти слова неотделимы от тех слов южнославянских языков, которые подтверждают общеславянское *skě-*, ввиду того заимствование из польского языка в данном случае вполне естественно.

Итак, можно признать, что малорусский язык знал только один фонетический рефлекс начального *sk-* перед *ě* из *oi*, а именно *sk-*, тем более, что **ск** засвидетельствовано в русских текстах начиная с XIV века. То же сочетание должно было возникнуть в равной мере и перед *ě* и *i* из *oi* в окончаниях, и можно высказать мнение, что написание **ск**, которое часто встречается в русских рукописях начиная с XI века, отвечало тогдашнему южнорусскому произношению, в то время как написания **сц** и **ст** представляют старославянскую орфографическую традицию. Тот факт, что написание **ст** является обычным почти во всех текстах чисто русского происхождения и что оно также встречается в летописях чаще, чем написание **ск**, вовсе не исключает выдвинутую гипотезу, так как мы знаем, что большое число других старославянских написаний, таких как **ра**, **ла** на месте русских **оро**, **оло**, начальное **є** на месте начального **о** русского языка (**єзеро** и т. д.) и **ци** на месте русского **ч**, встречаются в древнерусских текстах значительно чаще, чем написания, которые соответствуют реальному русскому произношению¹⁶. Но вероятно также, что переписчики передавали двояким написанием, **ст** и **ск**, одно и то же произношение *st* с полумягким *t*, которое перешло в *sk* с мягким *k* только в более позднюю эпоху. Сочетание *sk* или *st* (с *t* полумягким) происходило, возможно, из более древнего *st*, которое в свою очередь произошло из *šč*. Однако у нас нет доказательства, что сочетание *sk* южнорусского языка возникло именно таким путем, и мы можем совершенно так же предположить, что первоначальное сочетание *sk* не изменялось в южнорусских диалектах общеславянского языка в *st* > *st* и т. д., а сохранялось в виде сочетания *sk*, которое могло перейти в *st*.

В великорусском языке, как мы видели, начальное *sk* перешло в *šč*, и можно ожидать, что *sk*, находящееся перед окончанием, равным об-

¹⁶ Есть тексты, которые знают только *sk*. В житии Бориса и Глеба XII века *sk* встречается 7 раз, а *st* ни разу, в житии Феодосия — два раза *sk* и один раз *st*, грамота 1229 г. имеет многочисленные примеры с *sk* и ни одного примера с *st*.

разом давало *šč*. И действительно в некоторых северо-западных русских текстах встречаются написания с *šč* перед окончаниями *ě* и *i*¹⁷. Однако полное отсутствие подобных форм во всех остальных северных древнерусских текстах, включая тексты, северное происхождение которых неоспоримо, противостоит точке зрения, что указанный переход был общим фонетическим законом севернорусского диалекта. В равной степени трудно признать, что *sk* в русских северных рукописях XI—XIII веков было заменено на *šč* по аналогии с другими формами, имевшими *sk*, так как основы на *k*, *g*, *x* сохраняли чередование с *c*, *z*, *s*. Итак, можно высказать мнение, что древнее *sk* перешло в *šč* в начале слова во всех севернорусских диалектах, но перед окончанием этот рефлекс имел место только в некоторых северо-западных диалектах, и что во всех остальных северных диалектах судьба *sk* в позиции перед окончанием была такой же, как в южных диалектах. Но я считаю также вполне вероятным, что во всех севернорусских диалектах первоначальное *sk* перед окончаниями перешло сначала в *šč*, подобно тому, как это было в начале слова, но возникшее сочетание *šč* рано было вытеснено в большинстве диалектов сочетаниями *št'* или *sk'* либо по аналогии со словами, которые не представляли консонантное чередование, либо под влиянием южных диалектов и литературного языка; вероятно также, что произношение с *šč* существовало сначала в разговорном языке, но не было принято языком литературным. Итак, именно судьба сочетания *sk* перед *ě*, *i* из *oi* разделила русские диалекты с древнейшего периода на две области: южнорусскую область, где всякое сочетание *sk* — либо начальное, либо перед окончаниями — давало *sk* (или, может быть, *št'*, перешедшее в *sk'* в более позднюю эпоху), и севернорусскую область, где начальное *sk* и, может быть, *sk*, находящееся перед окончанием, перешло в *šč*. Диалекты малорусского и белорусского языка и часть южных диалектов современного великорусского языка происходят из древней южной диалектной группы, а диалекты великорусского языка, за исключением части южных диалектов, происходят из древней северной диалектной группы. Я думаю, что произношение *sk* распространилось сначала на всей территории южновеликорусских (в узком смысле этого слова¹⁸) диалектов.

¹⁷ См.: Соболевский, 1910; Шахматов, 1915, § 306, с. 176.

¹⁸ Т. е. за исключением так называемых среднерусских диалектов.

Сочетание *sk* перед *ě* и *i* из древнего *oi* свойственно только группе южнорусских диалектов и не появляется больше ни в одном другом славянском языке¹⁹. Глагол м.-р. *шкѣрѣти*, словац. *škierit'* и морав. *škeřit* должен быть рассмотрен отдельно: единство происхождения этих форм не вызывает сомнения, но непонятно, какова их связь с соответствующими формами других славянских языков и как объясняется начальное *šk* рядом с м.-р. *sk* и словац. и морав. *šč* (*št*), которые обязательны в других словах.

Рефлекс *šč* объединяет великорусский с западнославянскими языками, и можно думать, что переход сочетания *sk* в *šč* произошел в великорусском и западных языках в результате одних и тех же причин. Именно, переход мягкого *ś* в *š*, включая мягкий *s*, развившийся из древнего *ch*, явился причиной изменения *sc*, возникшего из древнего *sk*, в *šč* в западнославянских языках. Великорусский язык изменил в *š* только *ś* перед *ć*, которое перешло в *č* в результате ассимиляции с предыдущим *š*. Итак, что касается изменения мягкого *ś* в *š*, согласованность между великорусским и западнославянскими языками не является полной. Тем не менее, процесс изменения *sc* в *šč* в великорусском и западнославянских языках и процесс изменения мягкого *ś* в *š* в западнославянских языках был одинаков, и мы можем считать, что он начался в эпоху совместного периода жизни этих языков.

Итак, мы можем рассматривать сочетание *šč*, восходящее к *sk* перед *ě* и *i* из *oi*, в качестве изоглоссы, которая отделяет западнославянские языки и севернорусское наречие от южнорусского наречия и южнославянских языков.

¹⁹ Если это *sk* происходит из более древнего *st'*, а это последнее — из древнего *sc*, то можно его сравнить с *st* церковнославянских текстов, которое известно только перед окончаниями, и тем самым увидеть черту, связывающую южные древнерусские диалекты с диалектами церковнославянских текстов.

Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка

1. Предварительные замечания

Старославянский язык, т. е. тот литературный язык, который создан был Кириллом и Мефодием и их учениками и усвоен южнославянскими и русскими книжниками, известен из рукописей, частью южнославянских, частью русских, писанных значительно позднее; так, древнейшие рукописи ю.-сл. письма не раньше конца X в., а древнейшие рукописи русского письма не раньше 2-й половины XI в. Эти рукописи представляют ряд отклонений от того первоначального типа ст.-сл. языка, какой сложился в IX и начале X в. Для суждения об этом первоначальном типе больше всего данных содержат рукописи, наиболее близкие по времени к IX в., т. е. рукописи с конца X до начала XII в. Большая часть таких рукописей, в том числе все датированные рукописи XI и начала XII в., писаны русскими писцами. Но до сих пор для суждения о фонетике и морфологии¹ ст.-сл. языка привлекались почти исключительно рукописи, писанные на юге славянства, по крайней мере в трудах общего характера², и только для одной рукописи, писаной русскими писцами, именно Остромирова Евангелия, делалось исключение, и то не всеми. Остальные памятники русского письма с

¹ Для суждения о словарном составе ст.-сл. яз. привлекаются и русские рукописи, не только XI—XII вв., но и более поздние, и притом с большим успехом, в работах Ягича, Евсеева, Соболевского, Михайлова, Погорелова и др.

² Из специальных монографий я знаю только две попытки извлечь из памятников русского письма материал для характеристики языка их ю.-сл. оригиналов; это — давнишнее, неудачное уже для того времени «Исследование» Будиловича о языке 13 слов Григория Богослова по списку XI в., вышедшее в 1871 г. [Будилович, 1871], и интересная статья Копко о языке Пандектов Антиоха XI в. в Изв. XX, 3 и 4 (1915) [Копко, 1915].

этой целью или не привлекаются, или привлекаются, как это делает Вондрак в *Aksl. Gramm.* [Вондрак, 1912], только для указания тех изменений, какие претерпел ст.-сл. язык на русской почве. Правда, русские рукописи отражают ю.-сл. орфографическую традицию в восприятии русских писцов, говоривших на другом языке и потому несколько ее искаживших, а в ю.-сл. рукописях отражается в значительной степени эволюция тех говоров, которые легли в основу ст.-сл. языка, но незначительное количество этих рукописей не дает возможности в достаточной мере судить ни об этой эволюции, ни о первоначальном типе ст.-сл. языка; искажения же, внесенные русскими писцами XI и нач. XII вв., очень незначительны. Поэтому русские рукописи, восходящие к ю.-сл. орфографической традиции первой половины XI в., имеют большое значение, помогая судить и о самом ст.-сл. языке, и об эволюции его у южных славян в X и XII вв. с большей ясностью, чем это можно сделать, пользуясь памятниками только ю.-сл. письма.

Чтобы разобраться в том материале, какой дают русские рукописи XI и начала XII вв. для суждения о фонетике и морфологии ст.-сл. языка и ю.-сл. говоров X и XII вв., я использовал большую часть рукописей московских рукописных собраний, которые можно относить к XI и первой половине XII в., привлекая частью и некоторые рукописи 2-й половины XII в., более архаичные по своему письму. Из рукописей, находящихся вне Москвы, я изучил по изданиям лишь немногие.

Так как материал, привлекаемый мною, по большей части до сих пор оставался неизвестным, то мне приходится в своей работе не только ссылаться на те или другие особенности правописания памятников, но приводить самый материал, что очень увеличивает ее размеры.

Анализ правописания русских рукописей XI и XII вв. привел меня к выводу, что большая часть русских писцов в своем правописании руководилась не столько написаниями своих непосредственных оригиналов и своим живым произношением, сколько усвоенной ими традиционной орфографией и особым книжным или церковным произношением. Влияние последнего особенно сильно было там, где рукопись писалась не для келейного употребления, а для публичного произнесения или для пения; таковы, например, Евангелие, Псалтирь, служебные минеи, кондакарь; при этом при чтении Евангелия на правильность церковного произношения могло обращать больше внимания, чем, например, при чтении Псалтири. Требования церковной

дикции были настолько настоятельны, что для нее (отнюдь не для передачи своего живого произношения!) писцы намеренно отступали даже от орфографии всех своих ст.-сл. оригиналов, сохраняя ее, насколько позволяла их грамотность, там, где она не мешала этой дикции. Ср. в первом почерке Остром. ев. последовательное употребление сочетаний с ъ, ѿ перед плавными при сохранении правильной за ничтожными исключениями постановки ѿ, хотя правильная постановка ѿ для писца была, конечно, гораздо труднее, чем последовательное употребление ѿ, ѿ после плавных согласно требованиям ст.-сл. орфографии. Орфография, усвоенная русскими книжниками, как и их книжное произношение, основывались на орфографии и произношении, принесенных на Русь ю.-сл. книжниками. В свою очередь орфография, с которой познакомили русских в XI в. ю.-сл. книжники, отражала различные стадии в развитии ю.-сл. говоров X и XI вв. и могла поэтому не соответствовать вполне ни ст.-сл. языку первоучителей, ни языку этих книжников. Самое литературное произношение южных славян, не находя себе полного соответствия в правописании, могло в то же время не совпадать и с живым народным произношением, хотя, конечно, это несовпадение не могло быть значительным. Усвоение ю.-сл. правописания русскими писцами осложнялось еще тем, что с появлением письменности на Русь проникли книги, орфографические системы которых были различны и частью расходились с теми системами, которые усваивали русские непосредственно от южных славян, прибывших на Русь; правописание ю.-сл. рукописей, служивших оригиналами для русских списков, не могло не отразиться на этих списках и в том случае, если оно сильно расходилось с общепринятым правописанием. Но старания сохранить написания непосредственного подлинника в том случае, если эти написания расходились с орфографическими навыками писцов, по большей части не было, как показывают рукописи, списанные несколькими писцами с одного оригинала. Таким образом, правописание русских рукописей XI и XII вв. представляло комбинацию усвоенной писцами традиционной орфографии с правописанием их непосредственных оригиналов, осложненную ассоциацией написаний с книжным произношением, которое в свою очередь находилось под известным влиянием живого народного произношения. В тех случаях, когда русская рукопись не являлась списком с ю.-сл. оригинала, а представляла оригинал или список перевода, сделанного

русскими переводчиками, или оригинального русского произведения, в такой рукописи мы, конечно, не найдем следов непосредственного ю.-сл. оригинала, но особенности традиционной орфографии остаются те же, что и в рукописях, списанных с ю.-сл. оригиналов. Так, в Успенском Сборнике XII в., писанном двумя писцами, правописание первой половины жития Феодосия, писанной первым писцом, не отличается от правописания переводных повести прор. Иеремии и жития Афанасия, а правописание второй половины жития Феодосия, писанной вторым писцом,—от правописания писанных им же житий Ирины и Иова, между тем как правописание этих двух частей жития, восходящих к одному оригиналу, сильно разнится. Поэтому такие рукописи могут привлекаться для выяснения особенностей ст.-сл. языка и правописания, усвоенных русскими писцами, с таким же правом, как и списки с ю.-сл. оригиналов. На этом основании я пользуюсь в своей работе не только русскими рукописями, восходящими к ю.-сл. оригиналам, но и русскими Сказанием о Борисе и Глебе и житием Феодосия Печерского в списке XII в.; списками церковного устава, переведенного, по-видимому, на Руси в середине XI в., и списком так наз. Синайского Патерика, относительно которого не уверен в том, переведен ли он на славянском юге или на Руси³. Но приписки и записи в русских рукописях XI и XII вв., а также такие памятники делового письма, как надпись на Тьмутороканском камне 1068 г. и Мстиславова грамота около 1130 г., я не привлекаю.

Не имея в виду исчерпать все даваемые памятниками русского письма указания на ст.-сл. язык и правописание и на их эволюцию у южных славян в X и XI вв., остановлюсь лишь на следующих фактах:

1) носовые гласные: *a)* замена **ж**, **ѣ** буквами **оу**, **ю** и смешение **ж**, **ѣ** с **оу**, **ю**; *b)* смешение **ѡ**, **ѣ** с **а**, **ѡ**; *c)* смешение **ж** и **ѡ**; *d)* следы замены **ѡ**

³ Сомнения в том, что Син. Патер. переведен на юге славянства, а не на Руси, до сих пор никем не высказывалось; наоборот, все ученые, занимавшиеся его изучением, единогласно высказывались за ю.-сл. происхождение перевода. Однако соображения, приводимые в пользу этого, мне представляются недостаточно убедительными. В то же время, так как обилие русизмов в правописании и лексике Син. Пат. может объясняться и манерой писца, не имевшего перед собой выработанной традиционной орфографии и не овладевшего в достаточной мере литературным языком, но при этом не считавшего для себя обязательным точное сохранение правописания и словоупотребления оригинала, то вопрос о месте перевода Син. Пат. для меня является открытым.

через **ѣ**; *е*) следы 3-й носовой (в имен. ед. причастий с основой на твердую);

2) некоторые случаи, относящиеся к употреблению **ѣ** и **ѣ**: *а*) сохранение и пропуск **ѣ** и **ѣ**; *б*) замена **ѣ** и **ѣ** буквами **о** и **ѣ**; *с*) **ѣ** вместо **ѣ** после шипящих⁴;

3) сочетания **ѣ** и **ѣ** с плавными;

4) употребление **ѣ**;

5) начальные **ѣ** и **ѣ**;

6) начальные **ро** и **ло** из о.-сл. *or, ol*;

7) ст.-сл. **л**, **н**, **р** смягченные;

8) ст. сл. **ѕ**, **ц** и **с** смягченные;

9) шипящие и сочетания *шт*, *жд*: *а*) передача ст.-сл. **жд** из *zdj* или *zgj*; *б*) передача ст.-сл. **жд** из *dj*; *с*) передача ст.-сл. **шт** из *stj*; *д*) передача ст.-сл. **шт** из *tj* и *kt*; *е*) обозначение мягкости шипящих;

10) так наз. *l* epentheticum;

11) твор. ед. на **-ѣмь**, **-ѣмь**, **-имь** и **-омь**, **-ѣмь**, **-ѣмь**;

12) 3 л. глаголов на **-ѣ** и без окончания;

13) несигматический аорист.

Чтобы не увеличивать непроизводительно размеры и без того непомерно разросшейся статьи, я не вступаю в полемику и, по возможности, избегаю ссылок на своих предшественников. Думаю, что главнейшие труды по вопросам, рассматриваемым мною, моим читателям известны, и надеюсь, что умолчание о выводах моих предшественников, совпадающих с моими или противоположных им, не будет принято в первом случае за желание приписать себе чужие мысли, а во втором за игнорирование чужих мнений. Но не могу не упомянуть о том, что считаю себя во многом обязанным Шахматову, в исследованиях которого много сделано для выяснения роли ю.-сл. элементов в русском церковном или литературном языке с древнейшей эпохи.

II. Обзор рукописей

Перечислю использованные мною памятники русского письма с теми замечаниями, гл. обр. палеографическими, которые мне кажутся

⁴ Вопросы о мене **ѣ** и **ѣ** не после шипящих ввиду его сложности здесь не рассматриваю.

необходимыми для составления о них предварительного понятия, и с указанием тех несомненных русизмов, которые не вошли ни в одну из русских орфографических систем XI и XII вв. и встречаются в рукописях лишь как отступления от системы⁵, так как такие русизмы наиболее ярко рисуют отношение писцов к передаче своего живого произношения. Библиографических указаний на издания и статьи, посвященные отдельным памятникам, не делаю: их можно найти у проф. Ст. М. Кульбакина — «Древнецерковноставянский язык» [Кульбакин, 1917], и у меня — «Очерк истории русского языка» [Дурново, Очерк; наст. изд., с. 1—337]⁶.

1. Остромирово евангелие 1056 г. [ОЕ]⁷. Основная часть (евангельский текст) писана двумя писцами: 1) лл. 1—24 об. [ОЕ¹] и 2) лл. 25—289. [ОЕ²]. В части, писанной вторым писцом, заголовки и календарные заметки писаны частью первым писцом, частью третьим, не писавшим ничего, кроме заголовков [ОЕ³]. Первый писец отличается большей последовательностью в проведении определенной орфографической системы: он везде передает *l, r* начертаниями ѡл, ѡр, ѡр, постоянно пишет в имперфекте ѡа в нестяженных формах и ѡѣ в стяженных; в остальных отношениях он выдерживает ст.-сл. орфографию с такой же правильностью, как и второй писец. Второй писец допускает колебания там, где его орфографические навыки и церковное произношение расходились с правописанием оригинала, и в передаче *l, r* чаще следует ст.-сл. орфографической традиции. Русизмов, не вошедших в русские орфографические системы XI и XII вв., в ОЕ¹ нет, в ОЕ² — окончание -ѡ вместо -а: каплѡ им.-мн.; в ОЕ³ — ѡцѡ род. ед.

⁵ Ниже, говоря о «русизмах», я имею в виду только такие русизмы, а не русизмы орфографической системы.

⁶ Так как большая часть существующих изданий памятников русского письма не свободна от опечаток и других неточностей, то пользоваться ими можно только при сверке изданий с подлинными рукописями. То же следует сказать и о статьях и исследованиях, посвященных языку этих памятников, тем более, что часть их (напр., работы Обнорского и Корнеевой) написана на основании не вполне точных изданий. Совершенно неудовлетворительными, дающими превратное понятие о языке исследуемых памятников, являются работы Розенфельда и Шимановского о языке Изборников 1073 и 1076 г.

⁷ В квадратных скобках — обозначения, принятые мною в дальнейшем изложении.

2. Изборник 1073 г. [И 73]. Основная часть писана двумя писцами: 1) лл. 1—86 (не до конца) и 264—265 об. [И 73¹] и 2) лл. 86—263 об. [И 73²]. Кроме того, одна страница, л. 127 об., оставшаяся пустой, была заполнена кем-то в начале XV в. Графика 1-го и 2-го писца представляет много общего: оба употребляют **ы**, йотированное **ѣ** и, изредка, **л**, **н**, оба передают сочетание *ju* в начале слова и после гласных буквою **ж** (И 73¹) или **ѣж** (И 73²), оба обозначают мягкость согласных с помощью значка *spiritus lenis* над согласной или, чаще, следующей гласной; оба употребляют **ж** и **ѣж**, **є** и **ю**, **ѡ** и **ѡѡ** или **ѡѡ** почти безразлично, не обозначая написанием йотированных букв непременно мягкость; в то же время графика и правописание каждого писца отличается и своими индивидуальными чертами. Первый писец различает *spiritus lenis*, который он ставит для обозначения мягкости согласных, пропуска **ъ** и **ь**, а также в начале слова и после гласных над буквами **а** и **є**, и *spiritus asper*, ставящийся им над буквами **и**, **о**, **оу**, **ж** в начале слова и после гласных; кроме того, он употребляет также знак **ѣ** для обозначения пропуска **оу** в конце строки; второй писец употребляет только один знак *spiritus lenis*; первый писец постоянно пишет **ы**, буква **ѣ** у него почти не встречается; второй писец пишет постоянно **ѣ**, а букву **ы** только в конце строки; первый писец обыкновенно сочетание *ju* обозначает буквою **ж** нейотированной; второй везде пишет **ѣж**. В правописании в собственном смысле главное различие между первым и вторым писцом состоит в том, что первый писец передает *l, r* постоянно написаниями **ѡл**, **ѡр**, **ѡр**, а второй обычно сохраняет ст.-сл. порядок и только изредка пишет **ъ**, **ь** по обе стороны плавных или перед плавными; кроме того, первый писец постоянно пишет **обѣ**- и **донѣдеже**, второй — **обѣ**- и **донѣдеже**. Русизмы у обоих писцов сравнительно часты: И 73¹: полногласие: **вереди**, **ѡрепла**, **ѡдѡробѣ**, **вередити**, **полонѣ** (несколько раз), **полонѣникѣ**, **полонѣѡкъмѣ**, **безѡеловѣѡнок** (при обычном **ѡловѣкъ**); **ѡ** вместо **шт** довольно часто, но только в основе **ѡѡжда**- или **ѡѡж**-; падежные формы на **-ѣ** вместо **-ѡ**: **тронцѣ**, **своѣѣ**; несколько раз дат.-местн. **товѣ**, **совѣ**. К русизмам, может быть, относятся и редкие случаи с **о** в приставке **роз**-: **дорозѡмѣннѣ**, **рославлѣннѣ**, а также слово **ѡдѡва**.

И 73²: полногласие: **порѡсѡте** 251 а; с пропуском **о** перед плавной: **сломена** 160 в (ср. **слѣменьхѣ** ib.); также часто **є** перед **л** в основе **ѡеловѣкъ**- и один раз: **ѡоловѣка** 179 с; обычно с двумя **є** пишется основа **се-**

рѣвр-; -ѣ и -ѣ в падежных окончаниях вместо -а: отъ неѣ, оу неѣ; дат.-местн. товѣ, совѣ (редко); начальное ро, ло значительно чаще, чем в И 73¹: роботати, ровѣ, рови р. ед. ж., розви, розвойникты, роздѣлаѣмоѣ, розлнчѣ, розоумѣти, розоумѣ, распл сѣ, лодниѣ, локѣтъѣ и др.

3. Туровские евангельские листки⁸ [ТЛ], всего 10 листов (19 страниц). Очень архаичны по начертаниям букв и по правописанию. Русизм только: серебро 2 раза.

4. Тринадцать слов Григория Богослова XI в. [ГБ]. Очень обширная рукопись в 376 л. большого формата. Списана с глаголического оригинала, следы которого остались в виде встречающихся несколько раз глаголических букв, смешения кое-где ѣ и га и некоторых других ошибок. По правописанию очень архаична и стоит в сильной зависимости от своего ю.-сл. оригинала. Русизмов очень немного: полногласие: холокѣнхѣ 122 α (ср. хлакѣимѣ 180 β), воротитѣ сѣ 246 α; Будилович в Иссл. [Будилович, 1871] указывает также городоу 73 β, но в изд. напечатано градоу; остальные примеры полногласия, указываемые Будиловичем, в приписках; ср. «антирусизм» планенниѣ (= плѣн-) 360 β; ѣ вм. шт: постѣчи 102 δ, ѣуждѣ 122 β, ѣужего 376 α; чаще (раз 10 или больше)—шѣ вм. шт. Текст рукописи подвергся позднее правке, причем поздний корректор на лл. 1—10 β переправил почти все ѣ в сильном положении на ѣ, а также внес и некоторые другие поправки. На дальнейших листах следы таких поправок очень редки.

5. Слова Кирилла Иерусалимского XI в. Московской Патриаршей Б-ки № 478 (Моск. Историч. Музей) [КИ]. Большая рукопись на 270 листах. Текст рукописи подвергся позднее правке, состоявшей главным образом в том, что справщик выскабливал букву ѣ в слабом положении в середине слова и иногда исправлял ѣ и ѣ на о, ѣ и ѣ; впрочем, эти поправки очень заметны и почти всегда можно отличить случаи с пропущенным ѣ от случаев с выскобленным ѣ, а также о, ѣ, ѣ, написанные писцом, от о, ѣ, ѣ, переправленных поздним корректором из ѣ, ѣ. Русизмов немного: ро вместо ра в соответствии с русским оро: възвровоениѣ 255 (ср. ниже, № 6, Син. Пат.), начальное о вместо ѣ: одиндѣ 41, осень 157 об., в греч. слове: осекѣѣ 126; несколько раз ѣ в основе ѣуждѣ- или ѣуж-: ѣуждѣ 2 об., ѣужего 9 об., ѣужихѣ 206 об., а также: трепеѣушѣте 35 об., хѣуетѣ 224 об., възвровоениѣ 225; ѣ вместо ѣ

⁸ Я пользовался литографированным факсимильным изданием 1868 г.

в падежных окончаниях (во всех примерах только после ц): **роудильни-цѣ** им. мн. б, **ис тьмьницѣ** 58 об., 164 об., **птицѣ** им. мн. 82, **из дѣвицѣ** 128 об.; несколько раз дат.-местн. **товѣ**, **совѣ**; довольно часто: **серебро**, **серебрьникъ** и пр. Может быть, русизм — начальное **ро**: **рознжай** 81 об., **розоумѣжште** 84 об., **роспатни** 157, 157 об., 176, **рознѣхъ** 182 об., **поровотати** 249 об.

6. Синайский Патерик, точнее: Луг Духовный (Λειψὸν Πνευματικὸς) или Лимонарь (Λειψωνάριον) Иоанна Мосхова, рукопись XI в. Моск. Патриаршей Б-ки № 551 (Моск. Историч. Музей) [СПт], на 182 листах небольшого формата. Вопреки мнению большинства исследователей, но в согласии с Шахматовым, отношу эту рукопись к XI в.: в ней нет начертаний, появляющихся только в конце XI в. или позднее; в то же время встречается, особенно на страницах, писанных косым почерком, очень архаичное **ѣ** с мачтой не выше уровня строки и с очень низко опущенным коромыслом, напоминающее **ѣ** в Сав.; очень архаичный характер носит попадающийся на некоторых страницах наклонный почерк. Правописание рукописи отличается неустановленностью, отсутствием выдержанной системы и обилием русизмов: полногласие: **золотъникъ ...⁹**, **оумерети ...**, **верема**, **уевениѣ**, **небережахоу**, **перегноуѣ**, **оборотити**, **хворостниа**, **мороморѣ** и др.; нередко в таких случаях **о** только после плавной: **злотъникъ ...**, **-кты**, **-цѣ**, **повлоуи**, **плонниша**, **оврониша см** (= **оборониша см** = защитились), **вротты**; начальное **о** вместо **е**: **одинѣ ...**, **одинюю ...** и пр., очень часто, наряду с **ѣдинѣ** и пр., **олнко ...** (часто), **олншьды**; **у** вместо **шт**: **уюжь**, **уюжимѣ**, **уюждимѣ** и пр., **хочешин ...**, **хочемѣ**, **объуѣ**, **дъуѣкж**, **шьпъующа**, **скръжьующа**; **-ѣ** вместо **-а** в падежных окончаниях: **до земаѣ**, **своѣ волты**, **лоуѣ**; дат.-местн. **товѣ ...**, **совѣ**; слово **оже** (часто), чередующееся с **еже** и **кже**; вероятно, русизмами являются и начальные **ро**, **ло**: **робж** (в. ед. ж.), **робою**, **ровница**, **ровнища**, **робота**, **роздвигѣ**, **роспорѣши**, **росыпа**, **локѣтню**, а также слова: **оце** (часто) и **одѣва ...**

7. Пандекты Антиоха XI в. из собрания б-ки Новоиерусалимского монастыря (Моск. Историч. Музей) [ПА]. Рукопись не очень большого формата на 308 листах, списана, по-видимому, с ю.-сл. глаголического оригинала несколькими переписчиками, которые довольно близко следовали своему оригиналу, отступая в угоду ему от устано-

⁹ Многоточием заменяю слова «несколько раз».

вившейся орфографической традиции. Русизмов немного: полногласие: **чѣрес** | **днь** 21, с пропуском **о** перед **р**: **хроминж** (= **храминж**) 251; кроме того: **серебро**, **серебра** **bis**, **товѣ** 1 раз; три раза — начальное **ро**: **въздроста**, **роботы**, **розгнѣвайтъ**.

8. Чудовская Псалтирь с толкованиями Феодорита XI в. [ЧПС]; рукопись на 175 листах. Правописание выдержано; русизмов немного: полногласие: **нштерева** (= **из ѹрѣва**); ср. «антирусизм»: **планеннй** (вм. **плѣн-**) 48 г; начальное **о** вместо **ѡ**: **одинок**; **-к** (из **-ѣ**) в падежных окончаниях вместо **-а**: **кдинок**, **одинок**, **различьнык**, **совѣ**.

9. Архангельское евангелие, конца XI в. [АЕ]. Писано несколькими писцами: 1) л. 1—76 об. [АЕ¹], 2) л. 77—175 [АЕ²], 3) л. 177 (лицевая сторона) [АЕ³], 4) л. 178—178 об. [АЕ⁴]. АЕ² является непосредственным продолжением АЕ¹, но писец АЕ² начал свою работу раньше, чем было закончено АЕ¹; первый писец, начиная с л. 73 об., старался уместить окончание своей работы на оставшихся 3½ листах, и потому на этих 7 страницах число строк вместо 21, как на первых 73 листах, колеблется от 22 до 25. В конце АЕ², на лл. 174 об.—175, находится запись, в которой второй писец называет свое имя — Мичка, но не сообщает даты. Следующие 3½ стр. (лл. 175—176 об.), содержащие воскресные утренние евангелия, кончая евангелием седьмым, писаны, по-видимому, тем же писцом, который писал лицевую сторону л. 177 (АЕ³), содержащую конец десятого воскресного утреннего евангелия и запись писца с датой 6700 (= 1092) г.: приблизительно то же число строк на странице, та же высота букв и те же особенности правописания, но позднее письмо на этих страницах (лл. 175—176 об.) было кем-то наведено другими чернилами с искажением первоначальных начертаний букв. Т. о., между лл. 176 и 177 надо предполагать пропуск двух листов, содержавших воскресные евангелия с конца седьмого, кончая началом десятого. Так как третий писец начал свою работу, в таком случае, непосредственно вслед за записью Мички, с середины 175 л., то АЕ² следует относить к более раннему времени, чем АЕ³, т. е. ко времени не позже 1092 г. Что касается АЕ¹, то оно написано во всяком случае не раньше АЕ²; судя по архаичным начертаниям букв, можно думать, что писец АЕ¹ не восполнял утраченное начало АЕ², а выполнял тот же заказ, что и писец АЕ², разделенный между двумя лицами, и относить АЕ¹ и АЕ² к одному времени. АЕ⁴ писано в конце XI в., но в органической связи с АЕ¹, АЕ² и АЕ³ не стоит. Л. 177 об. в

XI в. оставался пустым и был заполнен позднее (в XIII в.?). АЕ¹, АЕ² и АЕ³ сильно отличаются друг от друга и по начертанию букв, и по правописанию. АЕ¹ написано крупным небрежным и неизящным почерком, но начертания некоторых букв, например, **ѣ**, очень архаичны; изредка употребляется **ж**, мягкость согласных не обозначается; **є** и **к**, **л** и **п** не различаются; правописание не выдержано. Почерк АЕ² мельче и изящнее: **ж** почти не употребляется; **к** и **є**, **л** и **п** различаются с большой правильностью (**л** и **п** — не в смысле ст.-сл. орфографии); употребляются изредка буквы **л** и **н**, и вообще довольно строго различаются **л** и **н** мягкие и немьгкие¹⁰; правописание представляет определенную, довольно строго выдержанную систему. Почерк АЕ³ еще мельче и отличается некоторой манерностью; начертания букв иные; **п** не употребляется, а пишется исключительно **л**; мягкость согласных не обозначается. Оригиналы АЕ¹ и АЕ², может быть, разного происхождения: в АЕ¹ употребляется несигматический аорист и есть некоторые словарные отличия от АЕ², ср. **соукаминѣ** АЕ¹, **смоковину** АЕ² и др. Русизмы АЕ¹: полногласие: **по берегу** 31 об.; **у** вместо **ци**: **уюждемь**, **уюжди ихъ** 6, **възлеуи** 5, **нареуи сѧ** 12 об.; **-ѣ** вместо **-л** в падежных окончаниях: **ѣ** вин. мн. 5; несколько раз **товѣ**, **собѣ**; также, может быть: **локѣтъ** 28 об. Русизмы АЕ²: полногласие: **оумерети** 95, **жеревиѧ** 120 об., **веремѧ** 139 об.; начальное **о** вместо **є**: **одинѣ** bis, **одиного**; **у** вместо **ци**: **хочешѧ** bis, **хочете** bis, **хочю**, **по уюжемь**, **уюжихъ**, **скръжьуеть**, **валѣслава**, ошибочно **ѡпоуѣати**; **-ѣ** в падежных окончаниях вместо **-л**: **недѣлѣ**, **еуфиниѣ**, **пррѣѣ**, **захарниѣ**, **лунѣ**, **стѣ** р. ед., **мѣѣ**, **кдюѣ** в. мн.; **-к**: **тавьшек сѧ звѣзды**; несколько раз **товѣ**.

10. Отрывок церковного устава и кондакаръ Московской Типографской Б-ки № 142, конца XI в. [У 142]. Устав занимает лл. 1—24, кондакаръ лл. 24—124 об. Перевод устава тот же, что в У 330 (см. ниже 18). Рукопись писана несколькими писцами, почерки которых очень сходны, но орфографические приемы различны. В большей части рукописи (лл. 1—32, 35 внизу, 45 об.—46, 53—68, 69—124 об.) строго выдержано различие между **є** и **к** и между **ѣ** и **є**; буква **л** пишется только после согласных (в том числе и после мягких сонорных **л**, **н**), а **п** в начале слова и после гласных; почти последовательно употребляются **л**, **н** для обозначения этимологических мягких

¹⁰ См. мою статью: в *Slavia*, г. II, s. 4 [Дурново, 1924; наст. изд., с. 354—367].

l, n перед *ε, и, ѡ, ъ, а* также в основах, начинающихся с *гнѣ-*, в слове *нѣгнѣ* и в падежных окончаниях основ на мягкие, перед *-ѣ*; *l, r* передаются сочетаниями с *ѣ, ъ* перед плавными; вместо *жд* из о.-сл. *dj* пишется *ж*. В меньшей части (лл. 32—35, 35 об.—45 об., 68 об.—69) часто смешиваются *ε* и *ѣ*, буквы *ѡ* и *ѡ* не различаются; вместо русских *ѣл, ѣр, ѣр* часто пишется *лѣ, лѣ, рѣ, рѣ* и *ѣлѣ, ѣрѣ, ѣрѣ* и т. п.; мягкость *л, н* не обозначается или обозначается неправильно; часто пишется *жд* в соответствии с русским *ж*. Несколько случаев смешения *ц* и *ч*, например, *срдѣевѣдьѣ* 25 об. и 26, *мѣнце* зв. м. р. 73 указывают на севернорусское происхождение писцов. Русизмы в Уставе (1—24): полногласие: *паволоцѣ ...*, *сторона ...*, *стороню ...*, *сторонѣ ...*, *переходить ...*, *породьноюю*; начальное *о* вместо *ε*: *октенина ...*, *-нини*; *ч* вместо *ц*: *ачѣ*; *-ѣ* в падежных окончаниях вместо *-ѡ*: *бес плѣтрѣ, ѿ съсоудохранильницѣ, плѣтрѣ* (ср. в. ед. *плѣтрю*), *нѣлѣ ...* род. ед., *всѣ же нѣлѣ* вин. мн.; *-ѣ*: *въ алѣгнѣ мѣсто*; в кондакаре (в бóльшей части): полногласие: *середокрестик, на жеребѣаати* (в нотном тексте), *на жеребни, ищерева*, также: *чѣловѣколюбѣѣ*; *ч* вместо *ц*: *чюждааго* 123; *-ѣ* в падежных окончаниях вместо *-ѡ*: *мѣнцѣ, влѣцѣ, влоудьницѣ*; *-ѣ*: *илиѣ, приснодѣвѣѣ марик, на ѡалиѣ*; в меньшей части: *ро* вместо *ра* в соответствии с русским *оро*: *огродивѣ сѡ*; *-ѣ* в падежных окончаниях вместо *-ѡ*: *мѣницѣ, мѣцѣ анастасик, дѣнницѣ*; дат. местоим. *тобѣ*.

11. Служебная Миня за сентябрь Московской типографской Б-ки, писанная, по-видимому, в 1095 или 1096 г. [М 95]. Рукопись писана небрежно и содержит много описок. Русизмы: полногласие: *посередѣ* 19 раз, *черева ...*, *норовѣ, золотѣ*; также: *чѣловѣчѣскою*; *ч* вместо *ц*: *придоуѣ*; *-ѣ* в падежных окончаниях вместо *-ѡ*: *троницѣ, землѣ, воурѣ, дѣвицѣ боотроковицѣ, стоѣ мѣцѣ еѣфимиѣ, стоѣ пьрвоуѣнцѣ ...*, *възбраньницѣ, агницѣ, дѣвицѣ*; дат. местоим.: *тобѣ*; часто сев.-русское смешение *ц* и *ч*; вероятно, русизм — начальное *ро* вм. *ра*: *рожгѣ, рожженѣими*.

12. Служебная Миня за октябрь, 1096 г., Моск. Типогр. Б-ки [М 96], сев.-русская. Характер правописания в общих чертах тот же, что и в М 95: так же много описок; то же смешение *ц* и *ч* и употребление *жч* вм. *жд*. Русизмы: полногласие: *середѣ ...*, *соловини, боротелеѣѣ*, с пропуском *о* перед *р*: *проздьнѣство*; *ч* вместо *ц*: *нѣвѣѣствѣнѣимѣ, тѣпѣюѣща, чюже, чюжего, чѣжимѣ*; дат.-мест. местоим. *собѣ ...*; *-ѣ* в падежных окончаниях вместо *-ѡ*: *еѣлампиѣ, зиновиѣ*.

13. Служебная Минея за ноябрь, 1097 г. [М 97]; сев.-русская. Писана несколькими писцами; все писцы М 97 не обозначают мягкости л и н, смешивают **ѣ** и **ѥ**, **ѡ** и **ѡ**, **ѣ** и **ѣ** и очень часто делают описки, но есть между ними и различия, например, в передаче ст.-сл. **ръ**, **рь**, **лъ**, **ль** и др. Русизмы: полногласие: **ицерева**, **въ ѹеревѣ**, **ѹерево**, **ѹерева**; начальное **о** вместо **ѣ**: **озеро**; **ѣ** вместо **ѣ**: **ѹоужемь**, **ѹоужемь**, **ѹоужею**, **хоуеши**; **-ѣ** вместо **-ѡ**: **Ѡ землѣ**.

14. Кирилловская часть Реймского евангелия, конца XI или нач. XII в. [РЕ], стр. 1—32¹. Графика и правописание своеобразны: везде **ы** с точкой посередине; йотированные буквы не употребляются: вместо **ѡ** и **ѡ** пишется **ѡ**, вместо **ю** и **ѡ** — **ж** и **оу**, и только один раз написано **ѥ**: **волѥ**, и один раз **ю**: **въпрашаюѣ**; буква **ѣ** вовсе не употребляется, заменяясь везде буквою **ь**. Русизмы: **-ѣ** после согласных, **-ѣ** после гласных вместо **-ѡ** в падежных окончаниях: род. ед. **недѣлѣ** 2, **пользѣ** 3, **Ѡ неѣ** 7, **съ оноѣ** 27, вин. мн. **вьсѣ** 4, **стѣзѣ** 18, 20, **столицѣ** 32, **своѣ** 19; может быть, русизмом является и начальное **ро** вместо **ра**: **росташе** 12 (ср. **расташе** 17).

15. Мстиславово евангелие до 1117 г. [МЕ]. Рукопись на 213 л. большого формата; писано очень тщательно; правописание в общем выдержано, хотя в некоторых случаях и являются колебания, например, в употреблении **ж** и **ж**, в передаче ст.-сл. **лъ**, **ль**, **ръ**, **рь**. Отмечу употребление **д** с крючком для обозначения **д** мягкого в сочетании **жд** 2 раза. Русизмы: начальное **о** вместо **ѣ**: **одиною** 174 а, **одина** 182 с; **ѣ** вместо **ѣ**: **ѹоуждемь** 17 d, **по ѹоужемь же** 196 с, **ѹоужинѣ** 197 а, **меѹоуще** 154 а, б, **меѹѣмь** повелит. 159 с; **-ѣ** в падежных окончаниях вместо **-ѡ**: **п'тицѣ** в. мн. 34 б, им. мн. 38, 57 с, 78 d, **оу мьытарьницѣ** 38, **отъ вонѣ змѣрьныѡ** 130 б, **овьцѣ** р. ед. 189 б, **отъ землѣ** 211 а, **овьцѣ** им. мн. 196 с ..., **своѣ овьцѣ** в. мн. 196 с, **г. ѡцѣ** 166 б; особенно часто в календарных заметках: **мѹнцѣ** (много раз), **блѹдъницѣ** 171 а, **влѹцѣ** **ѣцѣ** 204 d, **марѣ** **магдалыѣ** 202 а, **ѣфимѣ** 168 б, **пелагѣ** 171 а, **пррка оснѣ** 172 с и др.

16. Галицкое евангелие 1144 г. [ГЕ]. Правописание очень выдержано, но орфографическая система отличается некоторыми своеобразными особенностями; так, например, последовательно пишется **жѹ** вместо ст.-сл. **жд** из о.-сл. **zđj**, **zgj** и **zg** перед палатальными гласными: **дѣжѹѣ**, **одѣжѹѣ**, **нжѹенѣтъ**, **въжѹадаѣ** **сѡ**, **нжѹиѹи** и т. п., так же последовательно дат.-местн. **товѣ**, **совѣ**, в обоих случаях согласно с

русским живым произношением. Другие русизмы: полногласие: **половты**, **половелъ** 6 раз, **половел**, **половелты**, **исполовелъ** Мф. 13, **солона** Мрк. 9₁₅, **оумерети** Мф. 26₃₅; также: **уеловѣуьскъ** Мрк. 14₂₁; в основе **сребр**-один раз написано **є** перед **р**: **серебрьникъ** 58 об.; **у** вместо **ц**: **уюжихъ** Мф. 17₂₅, **уюжихъ** Мф. 17₂₆, **скръжьуеть** Мрк. 9₁₈; **-ѣ** вместо **-а** в падежных окончаниях: **воѣ** вин. мн. 66 об. (Мф. 27₆₅); может быть, русизмом является и начальное **ло** в словах: **локъть** 13, 148 об., **въ лодью** 192 об.

17. Типографское евангелие № 1, XII в. [ГЕ 1]. Очень архаично по правописанию; вряд ли моложе ГЕ. Русизмы: полногласие: **половты** 6 об., **жеребци** 20 об.; также: **уеловѣкты** 8 об. (ср. **уловѣкъ** 13); **у** вместо **ц**: **уюжднихъ** 30 (ср. *ib.* **тоужднихъ**), **тыспауга** 134; **-ѣ** в падежных окончаниях вместо **-а**: **птицѣ** в. мн. 12, **ильѣ** р. ед. 190, **притчуѣ** им. мн. 191 об.; может быть, русизм и: **лодыа** 65 об. (ср. *ib.* **въ ладни**).

18. Устав Патриаршей Библиотеки № 330, XII в. [У 330]; 273 листа. Писан в области севернорусского наречия, как показывают случаи смешения **ц** и **у** (**въ бѣина мѣсто** 18 об., **оѣю** д. ед. существует. 67, **дѣцю** в. ед. ж. р. прилагат. 142, **дѣць** им. ед. м. р. прилагат. 150 об., **на коньѣ** 125 об., **научтъѣи** 220 об., **тагъцьѣк** и др.) и употребление **жг** (**ражгати** 235 об.), но и **те**, и другие немногочисленны. Русизмов очень много: полногласие: **сторона**, **-ты**, **-ѣ**, **-оу** много раз 20, 23 об., 24, 29 об. и др., до конца рукописи, **пороздъныта**, **-нок**, **-ноѣ**, **-ноѣю** и пр. много раз 40 об., 41, 43 об. и др. (неполногласная основа прилагат. **праздънредко**, но обычно: **праздъникъ**), **оупорожняють же** 63 об., **сорочиньскок** 210 об., **воронимъ** (препятствуем) 211, **огородою** 265, **передьнихъ** 36, **березозоль** 162 об., **перетворени** 169, **перелетѣти** 261, **не бережемъ** 240, **паволокоу** 14 об., **паволоцѣ** 29, **солона**, **-оу**, **-оѣю** много раз 208, 209 об. и др.; **полозаци** 220 об., **вологты** 243, **паполомоу** 273 об., **възгололице** 273 об. и др.; начальное **ро** вместо **ра**: **порознь** много раз; начальное **о** вместо **є**: **одинъ**, **-на**, **-ноу**, **-ного**, **-номоу**, **-нои**, **-ною** и пр. много раз во всей рукописи; **осеньни** 246 об.; **у** вместо **ц**: **уюжемоу** 219; **-ѣ** после согласных, **-ѣ**, **-ѣ** и **-ѣ** после гласных в падежных окончаниях вместо **-а**: **нѣлѣ** 5 об. и др., до **землѣ** 216 об. и др., **банѣ** 224 об., **уашѣ** в. мн. 205 и др. много раз, **хроушѣ** 208, **пльницѣ** р. ед. 209 об., **маслицѣ** им. мн. 209, **пшеницѣ** р. ед. 243 об., 244, **ильѣ** 19 об., **пармиѣ** 156, 185 об., **въ келиѣ** 220, **ектениѣ** 270, **своѣ вок** 218, **мьнишьскыѣ** 216 об., **добрыѣ** 226, **оуроуьныѣ** 243, **патоѣ** 26 об., 34, **семотѣ**, **осмок**, **деватѣ** 72; **пармне** 33, 171, **третник** 25, **третнек** 26 об., **осмок** 23, **деватѣ** 26 об., **пороздънок** 43 об.

19. Ефремовская Кормчая XII в. [ЕК]. Обширная рукопись на 310 листах очень большого формата. Русизмы: ро вместо ра в соответствии с русским оро: сковродѣ, сковродопеѹци; ср. также: ѹловѣка, -ѹскааго, -кѣ (ср. ѹловѣкѣ); ѹ вместо ѹ: пеѹи сѹ, реѹи, нареѹи, рѣѹи infp., острѣѹи сѹ, клеѹеѹюще, -ѹю, вѣдѣнѣѹюе, хоѹеть, мѹѹѹють, дѹѹе-ре, сестриѹиѹа, ѹюжд- и ѹюж- 29 раз; -ѣ вместо -ѹ в падежных окончаниях: ѹтъѹѣ, мѣѣѣ, соѹѹѣѣ, обѹѣѣ; может быть, русизм — роста им. ед. прич. (= расты).

20. Успенский Сборник XII в. [УС]; содержит жития святых за май, а также слова и поучения; писан двумя писцами: 1) лл. 1—46 об. [УС¹] и 2) л. 46 об. до конца [УС²]. Я просмотрел только лл. 1—115 (по изданию) и 265 об.—270 (по рукописи). В состав УС входят между прочим две русские статьи: Сказание о Борисе и Глебе (УС¹, лл. 8—26) и житие Феодосия Печерского (УС¹ и УС², лл. 26—67 с). Сравнение правописания этих статей с правописанием остальных статей, восходящих к ю.-сл. протографам, очень важно для выяснения русского правописания XII в. В приемах письма обоих писцов много общего; сравнительная архаичность в употреблении ѣ и ѥ, которые пропускаются очень редко и еще реже заменяются буквами о, ѹ, отсутствие областных орфографических приемов (например, ѣ вместо ѹ перед слогом с ѣ, ѥ или написаний шѹ, жѹ и т. п.), но есть и заметные различия. Второй писец был грамотнее и не воспроизводил при переписке тех написаний оригинала, которые считал ошибочными; благодаря этому в части жития Феодосия, переписанной вторым писцом, меньше русизмов, чем в части, переписанной первым писцом; на долю самого первого писца русизмов переписанного им начала жития Феодосия отнести нельзя, потому что в Повести прор. Иеремии и в житии Афанасия в УС¹ таких русизмов почти нет, между тем как в Сказании о Борисе и Глебе они чаще, чем в житии Феодосия. Перечислю русизмы УС по статьям:

УС¹: 1) Повесть прор. Иеремии (л. 1—5 а): ѹ вместо ѹ: ѹюжен 4 с; 2) житие Афанасия (5 а—8 б): клеѹеѹють 7 б; 3) Сказание о Борисе и Глебе (8 б—26 а): полногласие (не считая собственных имен князей и городов, которые везде и в Сказании, и в житии пишутся в полногласной форме): простерети 9 с, золото 9 d, воротилѣ 10 d, вѣ оторопѣ 12 а, колодама 15 б, ѹересѣ днѣ 15 d, берестню 15 d, сторонѣ 16 с, (в)орода 18 а, деревѹанѹ 19 с, волостѣмѣ 20 б, перенесению 20 с, деревѹанѣ 20 с, на головѣ 20 d, деревѹанѹ 21 а, огородѣникомѣ 21 б и др., всего 29 случаев;

начальные **ло**, **ро** вместо **ла**, **ра**: **лодию** 13 d, **локътъ** 22 d, **ростригъ** 8 с; начальное **о** вместо **е**: **одинъ** 20 с, ср. также **осе** 15 d, **одъва** 3 раза; **у** вместо **ци**: **хочю** 10 b, **хочете** 14 b, **хочеша** 14 с, **оуюженъ** 13 с, **уюжа** 17 d, **принутьоуе** 18 d, **пеуеръскын** 20 с, **пеуеръскааго** 25 b; **-ѣ** вместо **-а** в падежных окончаниях 30 раз; **совѣ** 15 с; 4) житие Феодосия: полногласие: **измолода** 26 с, **городоу** 31 а и др., всего 16 случаев; начальное **ро** вместо **ра**: **ростгаше** 27 b; начальное **о** вместо **е**: **одином** 46 с, ср. **оже** 32 b, **одъва** 32 d; **у** вместо **ци**: **пеуеръскаго** 26 а, **пеуеръскын** 35 b, 37 b, **пеуеры** 32 с, 37 а, **попечи са** 37 а, **въдаваюе** 40 а, **сѣуи** 42 с bis; **-ѣ** в падежных окончаниях вместо **-а**: **вѣцѣ** 26 b, **вѣцѣ** 26 b, **келнѣ** 37 b и др., **недѣлѣ** 37 d, **вьсѣ** 38 d, **тьмьницѣ** 40 с; **совѣ** 30 с bis.

УС²: 1) житие Феодосия: полногласие: **золота** 47 d, **сопворотилъ** 53 d; также: **уеловѣци** 47 а, **уеловѣкомъ** 56 с; **у** вместо **ци**: **хочеть** 58 d; **-ѣ** вместо **-а** в падежных окончаниях: **хлѣбъцѣ** 51 с, **ѿ братнѣ** 52 а и др., **ѿ братѣ** 59 а, **ѣ** в. мн. 52 а, **пригъръцѣ** 54 d, **свѣцѣ** **гороуцѣ** 56 d; 2) житие Ирины (67—84 а): полногласие: **уересла** 76 с, d; **у** вместо **ци**: **хочеша** 70 d, **уюжъ** 73 а; **-ѣ** вместо **-а** в падежных окончаниях: **уашѣ** 67 d, **отроковицѣ** 68 d; **совѣ** 70 b; 3) житие Иова (84 b—86 d): **уеловѣкъ** 84 а—b; 4) Слово о кресте (87 а—90 а): русизмов нет; 5) Видение Исаии (90 а—95 а): **семаго**, **семок** bis, **семѣмъ**; 6) житие Христофора (95 а—102 b): **пожерети** 98 с; житие Мефодия (102 b—109 с): полногласие: **въсколоша** 104 а—b, **корола** 106 d, **король** 106 d—107 а, **королевн** 107 а, **королю** 108 d, **уерось** 106 d; **у** вместо **ци**: **оующше** 107 а, **уюжен** 107 с; Слово о Мефодии (109 с—115 а): русизмов нет; Слово Кирилла Александрийского об отцах Ефесского собора (265 с—270 b): русизмов нет.

Из перечисленных памятников непосредственно по рукописям изучены мною И 73, КИ, СПт, АЕ, У 142, МЕ, ТЕ 1, У 330; по изданиям, но с проверкой по рукописям: М 95, ГЕ (впрочем, значительная часть ГЕ просмотрена непосредственно по рукописи), УС; по изданиям без сверки с рукописями: М 96, М 97, ТЛ, ГБ, РЕ¹¹; об ОЕ сужу исключительно по статьям Козловского [Козловский, 1885], Шахматова [Шахматов и Щепкин, 1890], Фортунатова [Фортунатов, 1908] и Каринского [Каринский, 1903; 1920], о ПА—по статье Копко [Копко, 1915], но со-

¹¹ Издание РЕ, как фототипическое, передает оригинал вполне точно; менее надежно факсимильное издание ТЛ; издание ГБ безусловно не вполне удовлетворительно, но намеренных исправлений текста издателем не заключает.

мнительные и неясные места проверены мною по рукописи; для ЧПс я пользовался исследованием и словарем Погорелова [Погорелов, 1910] и статьей Обнорского [Обнорский, 1912а], но сомнительные места проверил по рукописи¹²; о ЕК сужу по статье Обнорского [Обнорский, 1912], но сомнительные места проверил по рукописи.

Не все памятники изучены мною с одинаковой полнотой. Наиболее внимательно я пересмотрел И 73, КИ, АЕ, У 142, первую половину МЕ, более бегло ГБ, СПт, М 95, М 96, М 97, вторую половину МЕ, ГЕ, У 330; из ТЕ 1 я бегло просмотрел менее половины; при просмотре ГЕ и напечатанной части УС останавливался не на всех явлениях, подлежащих изучению в настоящей работе.

III. Носовые гласные

Ст.-сл. памятники ю.-сл. письма указывают на существование в языке их писцов трех носовых гласных: 1) **ж**, 2) **л** и 3) третьей носовой гласной, являвшейся лишь диалектически в им. ед. м. и ср. р. причастий наст. вр. с основой на твердые в соответствии с **ты** других говоров и передававшейся частью особой буквой (Зогр., Мар.), частью безразлично буквами **ж** и **л**; обозначу этот звук условно буквою *q*, не предрешая этим вопроса об его произношении. В русском языке носовых гласных не было, и русские читали вместо них соответствующие звуки своего языка: вместо **ж** — *у*, вместо **л** — *а* с предшествующей мягкостью, вместо *q* — *а*, и потому на письме смешивали **ж** и **лж** с **оу** и **ю**, **л** и **лж** с **а** и **лж**, а в им. ед. причастий **ж** и **л** с **а**. Кроме случаев такого смешения, в памятниках русского письма встречаются и другие случаи неправильного употребления юсов, восходящие к уклонениям ю.-сл. правописания и произношения. Рассмотрю эти случаи в таком порядке: 1) смешение **ж** и **лж** с **оу**, **ю** и **л**, **лж** с **а**, **лж**; 2) смешение **ж** и **л** между собой; 3) смешение **л** с **е**; 4) следы *q*.

1. Смешение **ж** и **лж** с **оу**, **ю** и **л** и **лж** с **а**, **лж**

Из всех названных выше памятников только ОЕ, ТЛ и ГБ отличают юсы от букв **оу**, **ю** и **а**, **лж** более или менее правильно, представляя,

¹² Сверка обнаружила ряд неточностей в издании и в работах Погорелова и Обнорского.

впрочем, довольно значительное число случаев со смешением этих букв. Так, в ОЕ на с лишком 2000 случаев правильной постановки **ж** и **ѣ** насчитывается 62 случая **ж** вместо **ѣ**, 40 случаев **ѣ** вместо **ж**, 65 случаев **ѣ** вместо **ю** и 150 случаев **ю** вместо **ѣ**, т. е. всего немного более 300 случаев ошибочной постановки этих букв или замены их другими. В ТЛ подобных случаев всего 9: **хоѣлоѣ** в. ед. 7, **трѣѣѣѣѣ** 10, **принмоѣ** I ед. 12, **мелюци** 15, **нмоѣциюоѣмоѣ** 18, **нмоѣцижоѣмоѣ** 18 (два случая в одном слове), **мѣдѣцию** 19, **идоѣциамѣ** 19, тогда как случаев правильного употребления **ж** и **ѣ** более сотни. Значительно чаще при обычно правильном употреблении **ж** и **ѣ** случаи смешения этих букв с **ѣ** и **ю** в ГБ. В остальных памятниках русского письма **ж** и **ѣ** употребляются только как дублиеты к буквам **ѣ** и **ю**, причем **ж** иногда отождествляется не только с **ѣ**, но и с **ю**. В части памятников уже в XI в. **ж** и **ѣ** вытеснены или почти вытеснены буквами **ѣ** и **ю**. К памятникам, употребляющим **ж** и **ѣ** или только **ж** более или менее часто, но не отличающим их по значению от **ѣ** и **ю**, принадлежат И 73¹, И 73², КИ, СПт, ЧПс¹³, ПА, РЕ, ТЕ I; редко употребляется **ж** при отсутствии **ѣ** в АЕ¹, МЕ, ЕК, одном из почерков М 97; совсем или почти не встречаются **ж** и **ѣ** в АЕ², М 95, М 96, большей части М 97, У 142, ГЕ, У 330, УС¹, УС² и др.

Ввиду того, что случаи смешения **ж** и **ѣ** с **ѣ** и **ю** в ОЕ, ТЛ, ГБ, И 73¹, И 73², ПА и др. значительно чаще, чем другие русизмы, предполагают (Козловский [Козловский, 1885], Фортунатов [Фортунатов, 1908]), что это смешение было уже в ю.-сл. оригиналах этих памятников. Но доказать этого нельзя, так как частые случаи такого смешения могли быть вызваны тем, что для русских писцов правильное различение **ж** и **ѣ**, с одной стороны, и **ѣ** и **ю**, с другой, было труднее, чем со-

¹³ Отмечаемый Погореловым [Погорелов, 1910] перевес случаев правильной постановки **ж**, **ѣ** перед неправильной в ЧПс получился от того, что писец по совершенно понятным основаниям в личных формах глагола предпочитает **ж**, а в падежных окончаниях (в. ед. ж. р., где правильно **ж**, и в дат. ед. м. р. и р.-м. дв. ч., где правильно **ѣ**) употребляет **ѣ** и **ж** безразлично, в то же время решительно предпочитает **ѣ** перед **ю**, употребляя последнюю очень редко. Но так как формы в. и тв. ед. ж. р., формы причастий и личные формы глаголов с **ѣ** встречаются гораздо чаще, чем формы д. ед. м. р. и р.-м. дв. ч., где правильно **ю**, но где писец так же пишет **ѣ**, то случаи правильного употребления **ѣ** гораздо чаще, чем неправильного. Та же манера письма по отношению к **ѣ** и в И 73² и РЕ: в начале слова и после гласной их писцы вовсе не пишут **ю**, употребляя только **ѣ** или **ж**.

хранение других особенностей ст.-сл. правописания, не соответствовавших русскому произношению. Носовых гласных в русском языке не было, и писцы вместо них читали те же звуки, которые произносили в соответствующих случаях в своем языке; поэтому и ст.-сл. **ж** русские читали как **у**. Правильному употреблению **ж** и **ѣж** мешало и то обстоятельство, что в падежных окончаниях являлись и **ж** и **оу**, и **ѣж** и **ю**, ср. **равоу** д. ед. м. р. и **равѣж** в. ед. ж. р. и т. п., при этом даже в формах от одних и тех же основ, представлявшихся русскому писцу тождественными: **сестрѣж** в. ед. и **сестроу** р.-м. дв., **мокиѣж** тв. ед. и **мокию** р.-м. дв. Между тем различие **ѣ** и **ѣ** или **ѣ** облегчалось тем, что **ѣ** могло быть только в начале слов, после гласных и после **л** и **н** (см. ниже); большая часть других случаев несовпадения русского произношения со ст.-сл. правописанием не могла затруднять писцов потому, что русское церковное произношение в этих случаях не совпадало с русским живым произношением.

На то, что смешения **ж** и **ѣж** с **оу** и **ю** могло не быть в ю.-сл. оригиналах памятников русского письма, указывают между прочим такие русизмы русских рукописей, которых безусловно не могло быть в их ю.-сл. оригиналах, но которые тем не менее так же часты в русских рукописях, как и смешение **ж**, **ѣж** с **оу**, **ю**. Самым показательным из них является смешение **ѣ** и **ѣ** с **а** или **ѣ**, вызывавшееся тем, что русские читали **ѣ** как **а** после мягких неслоговых звуков¹⁴. С буквой **ѣ** писцы могли смешивать **ѣ** только после шипящих и **ѣ**, иногда также после **р**; обычно же после **р** и в остальных случаях **ѣ** и **ѣ** могли смешиваться только с **ѣ**. Правильное различие **ѣ**, **ѣ** и **ѣ**, **ѣ** облегчалось тем, что в ст.-сл. письме **ѣ** встречалось только в начале слова и после гласных, а из согласных только после **л** и **н**; **ѣ** и **ѣ** после шипящих в основах являлись только в очень немногих словах, правописание которых нетрудно было поэтому запомнить; в начале же слова и после гласных **ѣ** было только в основах слов **ѣса**, **ѣзыкѣ**, **ѣти** и **ѣумѣ**¹⁵, в остальных основах было **ѣ**; относительно употребления **ѣ** и **ѣ** после шипящих и **ѣ** и **ѣ** или **ѣ** в остальных случаях в суффиксах и окончаниях нетрудно было

¹⁴ Предположение Л. Васильева, что в произношении некоторых писцов согласные перед **ѣ** не были мягки, основано на ошибочном толковании правописания памятников [Васильев, 1913].

¹⁵ Как раз во всех этих основах в ОЕ встречается **ѣ**, а основа **ѣумѣ** написана несколько раз исключительно с **ѣ**.

заметить, что **а** или **ѡ** пишется у глаголов на **-ати** и **-ѡти**, кроме **клати** и сложных с **ѡти** и **ѡѡти**, в имперфекте, в суффиксах прилагательных и в тех падежных окончаниях, где и по-русски произносилось **а** (им. ед. **доуша**, **вола**, род. ед. **мѡжа**, **цѣсарѡ** и пр.), а **ѡ** — в суффиксах причастий, в 3 л. мн. ч. наст. вр. и аориста и в тех падежных окончаниях, где по-русски произносилось **ѡ** (род. ед. **доушаѡ**, **волаѡ**, в. мн. **мѡжаѡ**, **цѣсарѡѡ** и пр.). Однако, несмотря на видимую легкость различения **а**, **ѡ** и **ѡ**, **ѡ**, смешение этих букв встречается в памятниках русского письма почти так же часто, как и смешение **ѡ**, **ѡ** с **оу**, **ю**. В ОЕ, где наиболее выдержано употребление этих букв, случаев смешения **ѡ** и **ѡ** с **а** и **ѡ**, главным образом после шипящих и других смягченных согласных, а также в начале слова и после гласных, более 200 (8 случаев смешения **а** и **ѡ** после шипящих, 157 случаев с **ѡ** вместо **ѡ**, 9 случаев с **ѡ** вместо **ѡ** и 43 случая с **ѡ** вместо **ѡ**) на 1500 (приблизительно) случаев правильной постановки **ѡ**, **ѡ** и несколько большее число случаев с правильными **а** и **ѡ** в тех же положениях. Почти так же правильно употребление этих букв в ГБ. Но в ТЛ, где так выдержано употребление **ѡ** и **ѡ**, смешение **ѡ** и **ѡ** с **а** и **ѡ** значительно чаще: 16 раз написано **ѡ** или **ѡ** вместо **а** или **ѡ** и 8 раз **ѡ** вместо **ѡ**. В остальных памятниках русского письма употребление этих букв не стоит в зависимости от первоначального различия обозначаемых ими гласных. В большей части памятников **ѡ** и **ѡ** (**ѡ** почти не встречается) различаются лишь в зависимости от положения: **ѡ** пишется в начале слова и после гласных, а в некоторых памятниках также после этимологических смягченных сонорных, **ѡ** — после согласных, в некоторых памятниках за исключением положения после ст.-сл. смягченных сонорных. Таково, например, употребление **ѡ** и **ѡ** в И 73², ЧПс, АЕ¹, АЕ², большей части У 142, МЕ, У 330, УС¹, УС²: буквы **ѡ** в начале слова и после гласных, **ѡ** после согласных (кроме смягченных сонорных) в этих памятниках почти не встречаются; сравнительно редки отступления от этой системы в И 73¹, СПт, М 96 и ЕК, причем в И 73¹ эти отступления по большей части представляют следы ст.-сл. орфографии. В М 97 и ТЕ 1 в начале слова и после гласных обычно пишется **ѡ** (**ѡ** в этом положении встречается редко), после согласных рядом с **ѡ** часто пишется **ѡ**. Наоборот, в ГЕ после согласных пишется только **ѡ**, в начале слова и после гласных — **ѡ** и **ѡ**. Смешанно употребляются буквы **ѡ** и **ѡ** в М 95 и меньшей части У 142, причем в обоих часто **ѡ** после согласных. В КИ обычно **ѡ**

и ѡ, а ѡ употребляется сравнительно редко. Исключительно ѡ в соответствии как ст.-сл. ѡ, так и ст.-сл. ѡ пишется в АЕ³ и РЕ.

Употребление ѡ и ѡ в памятниках русского письма носит такой характер, который мог возникнуть только на русской почве и потому определенно говорит за то, что и распространенность смешения ж, ѡ с оу, ю могла явиться в памятниках русского письма независимо от того, было ли такое смешение в их ю.-сл. оригиналах или не было.

2. Смешение ж и ѡ

В русских рукописях такое смешение могло явиться только под влиянием их ю.-сл. оригиналов, причем могло отразиться также и в смешении оу, ю, написанных вместо ж, ѡ, с а, ѡ, написанными вместо ѡ, ѡ. Если не считать таких чередований, как тѣсѡца и тѣсѡца, горѡць и горѡць, встречающихся во многих русских рукописях и не имеющих отношения к рассматриваемому явлению, то остаются три рукописи со следами смешения ж и ѡ:

- АЕ¹: 1. творити ѡ (= творитѣ ѡ) прѣлюбѣ 39.
 2. ѡко хощете да творю (= творѡтѣ) вамѣ ѡвѣци 49 об.
 ЧПс: 1. съхранѣша ѡ || же (= ѡ же) приѡша вѣрѡ 29 а—б.
 2. на борѡштинѣх ѡлѣты 73 в.
 3. не гѣвѡштѣ рече имѡть дѣрѡжавѣ 67 в.
 4. вѣсѡ тварѣ крѣмѡ и строю² (= строѡ) 164 а.

Менее ясны другие случаи, приводимые Погореловым:

5. развоѡници во сѡтъ (в греч. тексте: φησίν = сѡтъ?) рѡтъници 38 а.
 6. на нѡ же вѣсѡдѣ (греч. ἐπέβη — вѣсѡде > вѣсѡде?) 79 в.
 7. тѣ съвѣрѡши зорѡ (в. ед. = зорѡ — или мн.?) и сѡньце 121 г.

Несколько больше таких случаев в ПА:

1. ѡко насыти дѡша тѣща и дѡша алуоуца наплѣни благѣ Пс. 106₉ (греч.: ψυχὴν κενὴν καὶ ψυχὴν λειψῶσαν, ср. Син. Пс. дѡш тѣщѡ: и дѡш лауѡщѡ); можно заметить, что вместо «насыти дѡша» писец сначала написал «насыти | ша» и потом уже приписал д.

2. вѣсѡмѣ оуѡждаѡ не иштѡ (οὐ ζητῶν) своѡ пользѡ 1 Кор. 10₃₃. То же чтение в Слепченском апостоле (оуѡждаѣхѣ не ищѡ) и в не-

скольких ю.-сл. текстах XIV в.; ср. **нѣ искъти** Рост. Апост. 1220 г., **нѣ ница** большая часть русских текстов XIV в.

3. **и въвьрьгоуѣтъ ѿжъ** (αὐτούς) **въ пешть огнѣмъ горжштѣжжъ** Мф. 13₅₀.
То же чтение в Савв.

4. **и любить милостѣина** (ἐλεημοσύνην) **и сждѣтъ гѣ. милость и сждѣтъ храните. грѣхѹи твоа милостѣинами** (ἐλεημοσύναις) **оуѣсти** 213.

5. **посѣласте ми трѣбованне. приемѣ вса ѿзвѣтъкоуѣта. ѿспльнихѹи приими** (ἀπέχω πάντα καὶ περισσεύω πεπλήρωμαι...) 216.

6. **за естѣствнжжъ ихѹи любѣтѣе и троидѣ егоже прѣтрьпѣвага** (ὕπομένουσιν 3 мн.) **о въскрѣмлени ихѹи. и пѣуаль ѿже имжѣтъ днѣ и ноцѣ** 238 об.

7. **и оупасетѣ правѣдннкѣ дшжъ** (ψυχάς) **скотѣ своихѹи** 248.

8. **пользжъ исправленне** (ὠφελείας διόρθωσις) 249 об.

9. **невѣрни. пауе же моуѣени вжджѣтъ за лѣжа** (διὰ τὸ ψεῦδος) **и хѹи** 277.

10. **зрьцала унста и бесквернна. приатива свѣтлонауалнѣпа. и бгонауалнѣпа лѣуа. снпа** (ταύτην sc. ἀκτίνα) **же пакѹи незавиднѣ въ проуала въсъпажца** (ἀναλάμποντα i. e. ταύτην) 277 об.

11. **оуицажжѣе присно дшш** (ψυχὴν) 283.

12. **страхѹи бжн ноудитѣ нѣи брати са съ зольжъ. намѣ же борющемѣ са. благодѣтъ гна оуѣвиваѣтъ га** (αὐτήν sc. κακίαν = зѣль) 288.

13. **нѣ оуѣонте са оуѣвиваѣжцинѣхѹи тѣло. а дшш нѣ могоуѣци оуѣвити. бонте же са пауе имоушѣтааго властѣ по оуѣвѣннѣ дшш** (τὴν ψυχὴν) **и тѣло погоуѣвити** 289 об.—290.

14. **слѣшахомѣ бо кѣтера пришьдѣша на въстокѣ. предѣтѣуа** (πρόδρομον) **антихрѣстова, хотѣца ...** 298 об.¹⁶

Большая часть этих примеров объяснима и без предположения смешения. Так, в 1, 4, 9, 11 писец мог употребить множ. число: в первом примере ед. ч. в оригинале имеет обобщающее значение и потому могло быть заменено множественным, в четвертом множ. **МИЛОСТѢИНА** могло явиться под влиянием дальнейшего **МИЛОСТѢИНАМИ**, в девятом и одиннадцатом множ. число слов **ЛѢЖА** и **ДШШ** может стоять в связи со

¹⁶ Все приведенные примеры указаны Копко (Изв. 20. 3. 169—170) [Копко, 1915]. Я лишь сверил их с рукописью и греч. текстом в изд. Миня и увеличил для ясности размер выписок, чтобы иметь возможность отнести к ним критически. Остальные примеры, приводимые Копко, не могут быть отнесены к случаям мены **л** и **ж**.

множественностью субъектов, обладателей этих признаков. Наоборот, в примере 7 могла быть обратная замена множ. числа единственным. В примерах 2, 5, 6 могло быть смешение личных форм с причастными по синтаксическим причинам. В примере 13 $\overline{дшл}$ неправильно отнесено к слову $\overline{оубьѣньнѣ}$, причем на написание это могло повлиять $\overline{дшл}$ на предыдущей строке. В примере 10 писец мог принять $\overline{лоуѣл}$ за вин. множ. и согласовать с этим словом дальнейшие прилагательные. Для остающихся примеров тоже могут быть подысканы другие причины. Тем не менее, вся совокупность примеров, указанных Копком, говорит за присутствие случаев смешения $\overline{ж}$ и $\overline{л}$ в ю.-сл. оригинале ПА. То же можно думать и о ю.-сл. оригинале или прототипе ЧПс. Труднее сделать решительный вывод из двух примеров такого смешения в АЕ¹.

Неясно $\overline{лѣжоуѣемѣ}$ (= $\overline{лежаштемѣ}$?) и $\overline{въстаюѣемѣ}$ в КИ, 153 об.

3. Смешение $\overline{л}$ и $\overline{ѣ}$

Следы такого смешения можно видеть в И 73², КИ и ПА:

И 73²: по $\overline{кдиного сл}$ $\overline{имать}$ (3 ед.) 93 с, $\overline{женѣы за моуѣе}$ (в. мн.) 147 а, $\overline{поамлюѣтъ сл}$ 212 в, $\overline{гавлѣаннихѣ}$ 261 в.

КИ: $\overline{имѣ твоѣл}$ 3, $\overline{раскаѣтъ сл}$ 3 ед. 94, $\overline{принесѣтъ же сл}$ 3 ед. 242 об.¹⁷; $\overline{приемѣѣе}$ 250 — вероятно, описка (иначе: $\overline{ж} > \overline{л} > \overline{ѣ}$), $\overline{обрѣѣемѣ}$ 258 — нефонетическое новообразование.

ПА: $\overline{излюבודѣашѣ}$ 3 мн. 48, $\overline{лаѣштѣѣѣ}$ в. мн. 85 об., $\overline{огрѣѣѣѣѣ сл}$ в. мн. 279, $\overline{ѣѣѣѣѣ}$ 244 об.

Единичные случаи смешения $\overline{ѣ}$ и $\overline{л}$ встречаются и в других рукописях:

ЧПс: $\overline{надежде}$ 92₁, $\overline{приносѣшѣта}$ (= $\overline{ѣ}$) 64 об.

АЕ²: $\overline{отроуѣ}$ зв. (вм. $\overline{отроуѣл}$) 168.

Вероятнее всего можно предполагать наличие случаев смешения $\overline{л}$ и $\overline{ѣ}$ в оригиналах И 73² и КИ, но примеров недостаточно для решительного вывода; случаи смешения $\overline{л}$ и $\overline{ѣ}$ в ПА и тем более в ЧПс и АЕ² допускают и другое объяснение.

4. Следы $\overline{ѣ}$

В ю.-сл. оригиналах памятников русского письма $\overline{ѣ}$, если встречалось, передавалось буквами $\overline{ж}$ и $\overline{л}$. Такие написания мне известны

¹⁷ Место неясное: $\overline{да принесѣтъ же сл нынѣ дѣщери}$ (так!) $\overline{соунагогова}$; в греч. $\overline{\text{παραφερῆσθαι νῦν καὶ ἡ θυγάτηρ τοῦ ἀρχισυναγώγου}}$.

только из трех русских рукописей, восходящих к ю.-сл. оригиналам: И 73¹: **живѣи** 7 с, **жьрѣ** 82 в; ГБ только в причастии **сѣи**: **сж** 111 а, **сжи** 70 а, 157 а, **сѣ** 125 а, **сѣи** 334 г; ЧПс **сжи** 74 в, 80 г, **живжи** 9 б, **словжи** 97 в. Что касается написаний У 330: **ида** 23, **ѹтъѣи** 200, то, по-видимому, это — новообразования, возникшие в русском языке и с течением времени вытеснившие старые причастия на **-а** после твердой. В тех же рукописях обычны встречающиеся в большом количестве причастия на **-ѣи**. Очевидно, эти последние были обычны и в ю.-сл. оригиналах и прототипах русских рукописей XI и XII вв. и в таком именно виде являлись и в русском церковном произношении, как показывают все русские рукописи XI и XII вв. и русские церковные рукописи более позднего времени, в которых причастия на **-ѣи** господствуют. Кроме отмеченных причастий на **ж** и **л**, в памятниках русского письма XI и XII вв. встречаются немногочисленные примеры причастий на **-а** с основой на твердую согласную: И 73²: **река** 118, **приснотекаи** 247 а, **принѣма** 214; КИ: **вѣлка** 60; СПт.: **не сѣда** 176; У 142: **пека сѣ**, **вѣсемогои** 119; М 95: **зова** bis; М 96: **зова** bis, **зѣва**, **не мога**, **всемага**; М 97: **жива** bis, **зова** (много раз); МЕ: **ида** 204; У 330: **ѹтъа** 174 об., **ида** 197, **ѣда** 221 об.; УС¹, Сказ. о Бор. и Гл. **река** 13 в, ж. Феодосия: **донда** 31 а, **не дада**, **пека** 42 в; УС², ж. Феодосия: **ѣда** 50 с, ж. Мефодия: **всемогои** 102 в; ЕК: **жива** 6 раз, **пека сѣ**, **вѣкѣи**, **вѣргѣи**, **отѣтъргѣи**, **мога**, **сѣ** и **сѣи** 4 раза, **вѣда** 2 раза, **ѹтъа**. В тех же рукописях господствуют от основ на твердую причастия на **-ѣи**, встречающиеся в очень большом количестве. В ОЕ, ТЛ, КИ, АЕ¹, АЕ², РЕ употребляются исключительно причастия на **-ѣи**. Незначительное количество примеров причастий на **-а** не позволяет решить, следует ли в них видеть русизмы, независимые от того, что было написано в ю.-сл. текстах, или русскую передачу (согласную с русским живым произношением) ю.-сл. причастий на **-а**. В последнем случае можно бы думать, что причастия на **-а** не только встречались изредка в ю.-сл. рукописях, проникших на Русь в XI в., но и существовали в живом языке некоторых из бывших тогда на Руси южных славян.

IV. Некоторые дополнения и разъяснения к I—III

I. Задача настоящей работы — определить: 1) какие факты ст.-сл. языка и живых ю.-сл. языков и их говоров отразились в русских руко-

писях XI и XII вв., 2) как относились русские писцы к передаче этих фактов, 3) где написаны те ю.-сл. рукописи, которые проникли на Русь в X и XI вв. и послужили оригиналами или образцами для русских писцов и 4) кто были те южные славяне, у которых русские учились старославянскому языку. Последние два вопроса могут быть решены лишь после подробного анализа правописания русских рукописей XI и XII вв., и потому рассмотрение их я откладываю до конца своей работы, а пока намеренно говорю лишь о южных славянах, не предвещая вопроса о том, были ли это болгары или сербы, или и те и другие, или сначала одни, потом другие, и т. д. А ргіогі предполагаю только несомненным, что учителями ст.-сл. яз. у русских были именно южные славяне, а не те греки, которых присылал цареградский патриарх и которые могли предварительно, до поездки на Русь, ознакомиться со славянским языком и в Царьграде, и на Афоне, и в городах империи со славянским населением¹⁸. Вопрос о южных славянах, бывших на Руси в XI и XII вв., может быть решаем не только на основании анализа правописания русских рукописей XI и XII вв., но и на основании других исторических и историко-литературных данных. Анализ этих данных, насколько мне известно, производится бывшим профессором Московского Ун-та академиком М. Н. Сперанским.

II. Русские рукописи, которыми я пользовался, перечисляются у меня в приблизительно хронологическом порядке. Т. е., я, например, думаю, что ТЛ старше других недатированных памятников XI в., что КИ, по-видимому, моложе, чем ГБ, и старше СПт. Основанием для последнего предположения является очень архаичный характер письма КИ. Обилие русизмов в СПт., по-моему, объясняется не тем, что русизмы накопились при последовательной переписке памятника русскими писцами, а тем, что определенная орфография еще не установилась. Можно доказать, что некоторые тексты, писанные русскими писцами, заключали меньше русизмов, чем их оригиналы. Таковы, например, Сказание о Борисе и Глебе и житие Феодосия в УС; по-видимому, последнему писцу, а не оригиналу, принадлежат некоторые архаизмы ОЕ, и т. д. Для суждения о времени написания недатирован-

¹⁸ Думаю, что такое ознакомление и даже основательное знакомство не представляло трудности, так как славян было много чуть ли не во всех больших городах европейской части империи.

ных рукописей необходим анализ их палеографических особенностей; к сожалению, хороших изданных снимков с большей части русских рукописей XI и XII вв. не имеется, с других имеется их очень недостаточное количество. Этот пробел пополняет великолепный, приготовленный к печати проф. Н. М. Каринским и уже отпечатанный, но до сих пор не выпущенный в свет альбом снимков с работ всех русских писцов XI в. и значительной части писцов XII в. в натуральную величину [Каринский, 1925].

Кроме перечисленных рукописей, я пользуюсь в дальнейших очерках и некоторыми другими, материал из которых привлекался мною лишь случайно и несистематично. Таковы:

Юрьевское евангелие 1120 г. Моск. Патриаршей Б-ки [ЮЕ]. Переписано, по-видимому, на Севере.

Типографская Минья № 122, XII в. [М 122], севернорусская.

Служебная Минья Патриаршей Б-ки № 159, XII в. [М 159], севернорусская.

Сборник Троицкой Лавры XII в. № 12 [ТрС].

III. Повторяю, что обозначение третьей носовой через *q* в моей статье совершенно условно и вызвано тем, что из трех букв, употребляемых в славянских латинских алфавитах для обозначения носовых гласных — *q*, *q̇* и *q̈*, две последних употребляются для обозначения носовых, соответствующих ст.-сл. **ж** и **л̆**. Вопрос о том, следует ли видеть в третьей носовой новообразование, явившееся лишь в некоторых ю.-сл. говорах сравнительно поздно, или диалектическое явление о.-сл. языка сравнительно отдаленной эпохи, в настоящей работе рассмотрению не подлежит.

Правописание ОЕ, ТЛ и ГБ указывает на то, что их писцы в своем правописании руководились, по-видимому, такими образцами (все равно, были ли то их оригиналы или другие тексты, по которым они учились правописанию) и, может быть, таким ю.-сл. произношением, в которых **ж** (**ѣж**) и **оу** (**ю**) различались, но это обстоятельство не устраняет возможности того, что скорому исчезновению **ж** в других памятниках русского письма содействовали другие ю.-сл. образцы, не различавшие **оу** и **ж**, и другое ю.-сл. произношение, в котором **ж** читался за *и*.

Большая часть примеров замены **ж** через **л̆** и **л̇** и замены **л̆** через **оу**, **ю**, **ж** в АЕ¹, ЧПС и ПА является в тех положениях, в которых мы нахо-

дим смешение **ж** и **л** и в староболгарских памятниках. Это делает весьма вероятным предположение, что в названных примерах действительно отражается староболгарское смешение **ж** и **л**, но полной уверенности в этом не дает, потому что почти все примеры допускают и иное объяснение.

Являются ли случаи смешения **л** и **є** в некоторых русских рукописях XI в. простыми описками или отражают фонетическое явление какого-то ю.-сл. говора, сказать нельзя; но тот или другой ответ может стать более вероятным после выяснения других особенностей правописания тех же рукописей.

V. Гласные **ъ** и **ь**

Вопрос об употреблении **ъ** и **ь** в ст.-сл. оригиналах и образцах памятников русского письма осложняется тем обстоятельством, что судьба **ъ** и **ь** в говорах, отразившихся на памятниках ю.-сл. письма, сходна с судьбой их в русском языке. Выпадение **ъ** и **ь** слабых свойственно как ю.-сл. языкам, так и русскому: в ст.-сл. памятниках ю.-сл. письма оно засвидетельствовано в XI в.; в русском языке это выпадение в середине XII в. было уже совершившимся фактом; о том, было ли оно в русском языке раньше, приходится судить по памятникам ю.-сл. происхождения, в которых пропуск букв **ъ** и **ь** в известных положениях мог быть отражением как ст.-сл. орфографии, так и произношения русского писца. Точно так же и ю.-сл. говорам, и русскому языку свойственно было такое изменение в произношении **ъ** и **ь**, которое вызывало на письме замену соответствующих букв буквами **о** и **е**. К середине XII в. в русском языке это изменение уже произошло, если не везде, то в значительной части говоров. Слудет ли поэтому относить случаи с **о**, **е** вместо **ь** и **ъ** на долю русских писцов или такой ю.-сл. орфографии, которая отражала ю.-сл. диалектические явления? И только третья особенность ю.-сл. письма — смешение в известных случаях букв **ъ** и **ь** между собою — не находила по большей части себе поддержки в русском языке. Но некоторые случаи мены **ъ** и **ь** могли являться и в русском языке, ср. нынешние русские слова *тонкий*, *медлить*, где *о* и *е* из **ъ** и **ь**, при старых **тънъкъ**, **мъдълити** и др.

Однако внимательное рассмотрение показаний русских памятников позволяет до некоторой степени разобраться в том, что следует от-

носить на долю ст.-сл. орфографии и что — на долю русских писцов. Естественно предположить, что чем меньше в какой-нибудь рукописи несомненных русизмов и чем больше таких ю.-сл. черт, которые не были свойственны установившейся на Руси орфографии, тем большее право имеем мы рассматривать употребление **ѣ** и **ѡ** в такой рукописи как отражающее орфографию ее ю.-сл. оригинала.

Отступления памятников от идеального употребления **ѣ** и **ѡ** сводятся к следующим фактам: 1) пропуск **ѣ** и **ѡ** в известных положениях и словах, 2) замена **ѣ** и **ѡ** гласными **о** и **ѣ**, 3) смешение **ѣ** и **ѡ** между собою. На первом явлении я останавлиюсь лишь бегло, не входя в его детальное рассмотрение, по вопросу же о смешении **ѣ** и **ѡ** ограничусь лишь случаями замены **ѡ** через **ѣ** после шипящих, считая вопросы, касающиеся употребления **ѣ** и **ѡ**, заслуживающими по своей важности особого рассмотрения.

1. Сохранение и пропуск **ѣ** и **ѡ**

Памятники XI в. (останавливаюсь не на всех) представляют следующую картину:

В ОЕ¹ **ѣ** и **ѡ** сохраняются с большой последовательностью; пропуск **ѣ**, **ѡ**, исключительно слабых, является только следующих случаях: **книгамѣ**, **книгы** (ср. **кѣнигѣ** - 3 раза, **кѣнаѣ** - 2 раза), **тѣкмо** 1 раз (ср. **тѣкѣмо** 4 раза), **от-** 1 раз, **створ-** 7 раз (до л. 17, ср. **сѣтвор-** 6 раз на лл. 19—24), **всакѣ** 2 раза; кроме того, 6 раз написана основа **вс-** со значком; все случаи пропуска **ѣ** и **ѡ**, кроме одного примера **всѣмоу** — на лл. 1—16. Ср. **тѣкмо** Зогр., Сав., Син. Пс., **от-** Зогр. и др., **створи** и пр. Зогр., Мар., Сав., **всѣкѣ** Зогр., **всакѣ** Сав., **кнаѣи** Супр., **изгна** и пр. Сав. Вставное **ѡ** встречается 2 раза в слове **оумьрѣтъ** 17.

В ОЕ² **ѣ**, **ѡ** сохраняются еще более последовательно: постоянно: **кѣнигѣ**-, **тѣкѣмо**, **сѣтвор-** (**сѣтворѣ** только 1 раз), **всакѣ** и пр.; отсутствуют **ѣ** и **ѡ** в следующих случаях: **сребро** 4 раза, **сребрьникѣ** 2 раза (**сѣребро** около 15 раз), **-ждо** 5 раз (**-жѣдо** и **-жѣдо** много раз), **сѣгнѣвъ** 1 раз (ср. **разгнѣвъ** и много раз **изгнѣ**), в приставке **от-** 19 раз (чаще **отѣ**-), **възѣлка** 1 раз; написания **вѣторник** 2 раза и **вѣднѣм** принадлежат писцу ОЕ³. Отсутствие **ѣ**, **ѡ** обозначено значком: **пѣница** 3 раза, **сѣтворѣ** 1 раз, **горѣ** 1 раз и постоянно **ѣлка-**, **ѣлѣ-** (ср. в ОЕ¹: **възѣлѣкати** **сѣ**). С другой стороны, **ѣ** написано 1 раз в приставке **възѣ-**: **възѣлюбилѣ** и

7 раз в приставке **изъ-** (перед **о** 2 раза, перед **ю**, перед **ж** и перед **ц**, **ч**, **ш**). Вставное **ь** — 2 раза в словах **оумьръѣтъ** и **оумьръѣша**.

Различие между **ОЕ¹** и **ОЕ²** может объясняться или различием их оригиналов, или различным отношением самих писцов к этим оригиналам, или и тем и другим. Можно заметить, что все случаи пропуска **ъ** и **ь**, отличающие **ОЕ¹** от **ОЕ²**, встречаются на лл. 2—16; дальнейшая часть **ОЕ¹** по употреблению **ъ** и **ь** по некоторым другим признакам сходится с **ОЕ²**; поэтому можно думать, что писцы **ОЕ** списывали с оригинала (или оригиналов), писанных двумя писцами: 1) лл. 2—16 и 2) лл. 17—289. Нет никаких данных после того, как выяснилось наличие двух писцов в самом **ОЕ**, утверждать, что первый оригинал или первый писец оригинала **ОЕ** был русский; скорее это можно предположить относительно второго оригинала или второго писца оригинала (лл. 17 сл.). Во всяком случае, показания только **ОЕ¹** и **ОЕ²** не позволяют решить, следует ли видеть в правильности употребления **ъ** и **ь** в **ОЕ** отражение архаичного ю.-сл. оригинала или нивелировку, произведенную русскими писцами, а в последнем случае — явилась ли эта нивелировка только в результате знакомства писцов с архаичным ст.-сл. правописанием или подсказывалась также русским языком писцов.

В **ТЛ** пропуск **ъ** и **ь** всего 2 раза: **что**, **мнози**; 1 раз **ъ** — в приставке **изъ-**: **изъвъѣсиша**.

В **ГБ** пропуск **ъ** и **ь** встречается между прочим в таких случаях, как **все**, **всѣмь** и т. п., **отъгнаник** и т. п., **книжьнок**, **кто**, **к томоу**, **многъ**, **множанша**, **мнѣ**, **птица**, **пшеница**, **створи**, **створено** и т. п., **что** и др.; в суффиксальных слогах между прочим пропущено несколько раз **ь** в суффиксе **-ьн-**: **законна**, **благовонна**, **тъмно**, **образнок**, **съставноу**. Но те же основы и суффиксы в огромном большинстве случаев пишутся с сохранением **ъ** или **ь**: **вьсе** или **въсе**, **изгънати**, **кънигы**, **къто**, **мънога**, **сътвори**, **что** и пр. Все случаи с пропуском **ъ** и **ь** в **ГБ** находят себе соответствие в ст.-сл. памятниках ю.-сл. письма, и при этом бóльшая часть уже в **Зогр**.

В **И 73¹** пропуск **ъ** постоянно лишь в основах **книг-**, **кназ-** и **мног-** и в дат. личн. местоим. **мнѣ**; впрочем, и в этих словах **ъ** пишется в конце строки и 2 раза встретилось не в конце строки: **мъного**, **мнѣ**; часто пропускается **ь** в основах **вьс-** (**пѣс**), **дън-** и притом не только в слабом положении: **днѣ** (или **днѣ**), **дний** (или **дний**), но и в сильном **днь** (несколько раз без титла), реже пропускаются **ъ** и **ь** в основах **дъв-** и **мьн-**

(мнить и пр.) и словах **къто** и **уьто**; **пътица** 2 раза написано с **ъ** и один раз без **ъ**; основа **срѣвр-** всегда пишется без гласной буквы после **с**; всегда пишутся с **ъ** или **ь**, между прочим, основы **вьра-**, **зъда-**, **пъса-** (**пъса са** 83 об.), **пъс-** (**пъсомъ** 71 об.), **уьт-** и др.; основа **алък-**, **алъу-** (**алъкати**, **алъуьба** и пр.) пишется всегда с **ъ** и только один раз без **ъ**; в основе **зъл-** буква **ъ** пропущена только 2 раза при большом количестве случаев с **ъ**; в приставках и предлогах **ъ** не пропускается; так, постоянно пишется **въсел**¹⁹, **съмотр-**, **сътвор-** и только по одному разу написано: **вселѣнникъ** 8 б и **смотри** 79 а. В суффиксах **ъ** и **ь** вообще не пропускаются и только раз пропущено **ь** в суффиксе **-ьн-** (после **в**, **в**, **г**, **з**, **м**, **н**, **р** и шипящих); сюда не относятся встречающаяся несколько раз основа **празн-**, рядом с **праздн-**, и прилагательное **желѣзныи**; кроме того, 2 раза пропущено **ъ** в слове **смокви** (один раз со знаком пропуска) и 1 раз в слове **ѣлма**. В конце слова пропуск **ъ** или **ь** в славянских словах встречается 3 раза, из них 2 — после **т** перед **са** в 3 л. возвратных глаголов. Предлоги и приставки **вез**, **въз**, **из**, **раз** пишутся без гласной в конце, но в положении перед гласными **о**, **оу**, и пишется также **везъ** и **изъ**; кроме того, по одному разу: **ь безъуьствѣють** 47 с, **изъасть**. Три раза встретилось вставное **ь** в славянских словах (не в конце строки!): **письменьхъ** 6 об., **седьмь** 37 б, **колесънничуьникоу** 60.

В И 73² **ъ** и **ь** пропускаются всегда в слове **кто** и почти всегда в основах **вс-** (**пѣс**), даже в сильном положении (**всь** несколько раз), **мног-** и в дат. личн. местоим. **мнѣ**; чаще без **ъ** и **ь**, чем с ними, пишутся основы **зъл-**, **къназ-** и глагольные основы **мьн-** и **мьр-**; одинаково часто пишутся с **ъ** и без **ъ** основы **алък-** (**алъу-**) и **съл-**; сравн. степ. **мьнѣ** встретилась только 2 раза, оба без **ь**; **пшеница** 1 раз с **ъ** и 2 раза без **ь**; основы **гъна-**, **дъв-**, **дън-**, **къниг-**, **път(иц)-**, **уьт-** и слово **уьто** чаще пишутся с сохранением **ъ** и **ь**, чем без них; несколько раз написано **уьсо** (обычно **уьсо** или **уьесо**); два раза встречается род.-вин. **мне** 103 а, 149 а вместо **мене** (ср. **мне** в Син. Пс. и Син. Требн.); постоянно: **серебро** и пр. Из основ, сложенных с приставками, **въсел-** всегда пишется с **ъ** (иногда встречается **оуьсел-**), **створ-** несколько чаще, чем **сътвор-**, а **смотр-** без **ъ** обычно; **съмотр-** с **ъ** пишется редко. Другие случаи пропуска **ъ** в приставках и предлогах немногочисленны: **смръти**, **смьрти** 100 б, **скроуше-**

¹⁹ Слово **въселкнага** пишется всегда с **оу**: **оуьселкнага**; один раз написано: **оуьселать са** 37 б, в остальных случаях — **въсел-**.

ниѧ 101 d, сконьѡниѧ 103, ѡклонитѣ сѧ 155 d, слоуѡанимь 230 с, спрьва 167 а, в' семь 91 d, в себѣ 113 а, 168 а, к тебе 151 с, 183 b, от' того 89 с. Раз тридцать пропущено ѡ в суффиксе -ѡн- (часто после в и м; также после д, з, н, п, т, ѡ), два раза даже в сильных положениях: разѡмнѣ 123 b, искоренѣнѣ; основа празн- (всегда без значка над н) чередуется с празднѣн-; основы близн- (близноѡ, близно и пр.), желѣзн-, напрасн- везде правильно написаны без ѡ. В других суффиксах ѡ и ѣ пропускается реже: книгунѣ 88 d, ѡрьѡѡ 221 об., ослѣ 121 с, словесны 100 с, вѡх'ма. Несколькo раз пропущены ѣ и ѡ в конце слова: разоѡм' 154 с, от'глоуѡит'сѧ, зѣл' 200 а, вѣлѣм' 229 а. В большей части случаев, но не везде, пропущенные ѣ и ѡ заменены надбуквенным значком. Предлоги без, вѣз, из, раз правильно пишутся без конечных ѣ и ѡ, но перед гласными (о, оѡ, и) не менее 10 раз написано безѣ; перед согласными 4 раза безѣ: безѣ трѡѡдовѣ 93 а, безѣ томлениѧ 105 а, безѣ вѣстаженниѧ 207 d, безѣ соба 221 об., 2 раза вѣзѣ: вѣзѣвѣсьнѣша 190 d, вѣзѣвѣшитѣ 201 d; перед j 2 раза изѣ: изѣ ѡмѣ, изѣ ѡжжскѣнѣхѣ 260 с. Суффикс -шьдѣ (многашьдѣ, шестѣнѣшьдѣ) всегда пишется с ѡ или ѣ; суффикс -шти встречается 2 раза: многашти 117 с, седѣншти 142 d. Вставные ѣ, ѡ в славянских словах: бесѣ соба 132 d, клѣтѣвѣноѡ.

Причину различия между И 73¹ и И 73² в употреблении ѣ и ѡ надо искать в орфографических навыках русских писцов И 73, и притом именно в них, а не в языке писцов, потому что, по всей вероятности, оба писца говорили одинаково и только по-разному усвоили традиционную орфографию и неодинаково относились к своему оригиналу. Поэтому случаи расхождения между И 73¹ и И 73² говорят за то, что, по крайней мере, один из писцов отступил в своем правописании от оригинала, но случаи совпадения могут объясняться не только тем, что то же правописание было в их оригинале, но и общностью их орфографических навыков. Сравнение правописания И 73 с правописанием древнейших ст.-сл. памятников ю.-сл. письма позволяет сделать вывод, что совпадение И 73¹ и И 73² по отношению к пропуску ѣ и ѡ в основах дѣв-, дѣн-, кѣниг-, кѣнѣз-, мѣног-, мѣнѣ-, пѣт(иц)-, в словах кѣто и ѡто и в суфф. -ѡн- может восходить или к их ю.-сл. оригиналу, или к ю.-сл. орфографической традиции. Пропуск ѣ и ѡ в основах алѣк-, гѣна-, зѣл-, мѣр-, ѡт- и в приставке сѣ- перед к и в основе сѣтвор- в И 73² находит себе соответствие в ст.-сл. памятниках ю.-сл. письма, ср. также ОЕ¹, где последовательное написание сѣтвор- на

лл. 2—16 и **сѣтвор-** на лл. 18—24 показывает, что первое написание принадлежит не писцу, а его ю.-сл. оригиналу. Не оправдывается ст.-сл. памятниками ю.-сл. письма только пропуск **ѣ** в основе **сѣл-** и в приставке **сѣ-** в основе **сѣмотр-**. Но с пропуском **ѣ** в первом случае ср. пропуск **ь** в основе **осѣл-** в Сав. На то, что пропуск **ѣ** и **ь** в основах **сѣл-** и **осѣл-** мог быть очень старым, указывает изменение *с* в этих основах в *ш* в сербском и в русском в тех случаях, когда *л* было мягким, ср. срб. *ошѣи*, *шѣем*, *шаѣем*, русск. *шлю*, ст.-русск. *ошль*. Если случаи пропуска **ѣ** и **ь** в И 73² возводить к ю.-сл. написаниям, то сохранение **ѣ** и **ь** в тех же положениях в И 73¹ можно объяснить орфографической тенденцией русского писца И 73¹ восстанавливать **ѣ** и **ь** в тех случаях, когда пропуск их не соответствовал его орфографическим навыкам. Что такая тенденция могла быть, показывают русские списки русских переводов и житий XI и XII вв. Так, в церковном уставе по списку У 142 и в Сказании о Борисе и Глебе в УС¹ формы прилагательного **вьсь** с **ь** (**вьсе**, **вьси** и пр.) преобладают перед формами без **ь**, а во второй части жития Феодосия в УС² и в У 330 эта основа пишется почти всегда с **ь**; основа **гъна-** в житии Феодосия в УС¹ и УС² пишется всегда с **ѣ**; основа **зѣл-** во всех этих памятниках пишется всегда с **ѣ** и только в первой половине жития Феодосия в УС¹ рядом с такими написаниями встречаются написания с пропуском **ѣ**; почти везде пишется с **ь** и глагольная основа **мьн-**. Основа **мьр-** в житии Феодосия и У 330 пишется с **ь**. Основа **сѣл-** в уставе в У 142 и У 330 и во второй части жития Феодосия в УС² пишется только с **ѣ**; в Сказании о Борисе и Глебе написания с **ѣ** преобладают, и только в первой части жития Феодосия в УС¹ написания с пропуском **ѣ** чаще. Основа **ѣт-** только в части У 142, заключающей церковный устав, по большей части пишется без **ь**; во всех остальных названных памятниках постоянно с **ь**. В приставке **сѣ-** в основах **сѣмотр-**, **сѣконьч-**, **сѣказ-**, **сѣкроуш-** в обоих списках устава и в Сказании о Борисе и Глебе **ѣ** последовательно сохраняется; в основе **сѣтвор-** **ѣ** постоянно пишется в У 142 и Сказании, в ж. Феодосия в первой части (УС¹) преобладают написания без **ѣ**, но во второй части (УС²) **ѣ** почти не пропускается. Ввиду этих данных можно думать, что некоторые отличия И 73² и И 73¹ в употреблении **ѣ** и **ь** могут восходить к написаниям ю.-сл. оригинала, потерпевшим известные изменения в И 73¹. Но в то же время следует признать, что как И 73¹, так и И 73² не сохранили правописания своего ю.-сл. оригинала в его первоначальном виде.

В Ки без ъ и ь всегда пишется слово **кнѣзь** и почти всегда основы **книг-**, **мног-**, **пт(иц)-**, слова **кто**, **нѣкто**, **никто**, **мнѣ**, **мною**, **что**, **дондеже** и сочетание **к томоу** (примеры с ъ, ь очень редки: **бескънижьника** 206, **бескънижьнѣа** 227, **пѣтици** 67, **пѣтичь** 187, **на мѣнѣ** 91 об., 153 и т. п.); по большей части без ъ пишется и основа **зл-** при несколько меньшем, но значительном количестве написаний **зѣл-**; в основах **вьс-** (**пѣс**), **дѣв-**, **мьн-**, **уьт-**, **сѣтвор-** и в слове **кѣде** обычно ъ или ь сохраняется, но случаи с пропуском ъ и ь довольно часты, особенно у основ **вс-** и **створ-**; в основе **дѣн-** и в словах **вѣселкнѣа**, **кѣтѣа** и **ельма** ъ или ь пропущены только по одному разу: **днѣмь** 155 об., **вселенѣа** 164, **едѣа**, **елма** 184, при большом количестве примеров с сохранением ъ и ь; основа **пѣса-** встречается один раз с ь: **напѣсати** 96, основа **сущевит.** **пѣс-** 2 раза: **пѣсомъ** 57 об., **пѣси** 137; в остальных основах ъ и ь сохраняется. В приставках, кроме случаев, отмеченных выше, ъ не пропускается; в предлогах, кроме сочетания **к томоу**, ъ пропущено один раз: **в сѣвѣ** 82; в суффиксах ь пропущено в следующих единичных случаях: **кѣждо** 254 об., **оумною** 226 об., **телеснѣишѣа** 136 (ср. **тѣлесн-** много раз), **соупѣрно** 158 об., **свѣтлою** 3 об. (ср. **свѣтъл-** много раз); суффикс **-шьдѣ** (исключительно в слове **многашъдѣ**) всегда пишется с ъ или ь; частое **оумьрш-** при обычном **оумьръш-** представляет другое образование, ср. **оумрьш-** Сав. Кроме того, отметим обычное **алк-** при редком **альк-**, один раз **сребро** 176 об. при обычных **срѣвро** и **серебро** (последнее чаще), несколько раз **желѣзн-**, **вѣство**. Предлоги и приставки **вез**, **вѣз**, **из**, **раз** пишутся без ъ или ь, но перед гласными (**о**, **оу**, **и**, **е**) и перед **ј** (**к**, **п**) пишется **везь** (2 раза перед **о**, 4 раза перед **и**), **изь** (**изь оца** 6 раз, **изь оузь**, **изь к-** 4 раза, **изь е-** 2 раза, **изь л-** 2 раза); 2 раза встречается **изь** перед согласной **г** (91, 105 об.) и 2 раза **везь-** перед согласными **т**, **ч** (223, 200); 2 раза предлоги **из** и **вѣз** написаны с **о** перед **о**: **изо оуно** 163, **вѣзобразноу** 259 об. Сильное ь пропущено 2 раза в слове **всь** 44 об. (один раз — со значком пропуска) и один раз в слове **злъ** 57 об.; ср. пропуск **ѣ** в словах **тѣмь** (= **тѣмь**) 8 раз, **тѣми** (= **тѣми**) 1 раз.

В ЧПС без ъ и ь всегда или почти всегда пишутся лишь основы **книг-**, **кнѣз-**, **мног-**, **пт(иц)-**, слова **кто**, **что**, **множ**, **мнѣ** и сочетание **к томоу**, но при этом пропуск гласной в основах **книг-**, **кнѣз-** и **мног-** и в словах **кто** и **мнѣ** по большей части, а в основе **пт(иц)-**, словах **что** и **множ** и в сочетании **к томоу** всегда обозначается надбуквенным значком. Четыре раза без ъ написаны слова **тѣкъмо** и **тѣкъма** при одном

случае с ъ: **тѣкъма**. Несколько раз пропущено ъ в частице **ждо** и словах **ѣлма**, **толма** и **дѣлма** при обычных **ждо**, **дѣлма**. Остальные случаи пропуска ъ и ъ единичны: между прочим исключительно с ъ или ѣ пишутся основы **вс-** (пѣс, более 200 раз), **дѣв-**, **сѣл-** и всегда, за единичными исключениями, основы **гѣна-**, **дѣн-** (32 раза), **зѣв-**, **зѣл-** (75 раз), **пѣс-**, **ѣт-**, приставка **сѣ-** в основе **сѣтвор-** (129 раз при одном случае с пропуском ъ; в остальных основах с приставкой ѣ ни разу не пропущен); в суффиксе **-ѣн-** пропуск ъ встречается 9 раз; кроме того, один раз пропущено ъ в слове **враждоу** 149 г и 2 раза в основе **сѣрдѣ-** 23 в, 166 а. Относительно формы **оумьршоу** см. выше. Предлоги и приставки **без**, **вѣз**, **из**, **раз** правильно пишутся без ъ; **изѣ** написано 5 раз; 4 раза перед ѣ в сочетании **изѣ егѣпта** (но 1 раз — **из егѣпта**; также: **из одинок**) и один раз перед согласной: **изѣ далече**; приставка **без-** в сочетании с основой **алѣк-** (**алѣу-**) везде является в виде **вѣза**: **вѣзаалѣужѣ** и пр. Один раз написано **вѣсѣ правѣды**.

В ПА без ъ или ѣ часто пишутся основы **вс-** (пѣс), **зл-** (главн. обр. **злов-**), **кнѣз-**, **книг-**, **мног-**, **мѣн-** и слова **кто** и **ѣто**; только по одному разу пропущено ъ в слове **двож** и ѣ в слове **поѣтетѣ** и два раза ѣ в основе **зда-**. Несколько раз пропущено ъ в приставке **сѣ-** в сложных с приставками основах **скровништ-** (4 раза), **скроуш-** (5 раз) и **смотр-** (8 раз) и по одному разу в словах **свѣтомѣ** (βουλή) и **в'злезѣше**. Одиннадцать раз пропущено ъ в предлогах **вѣ**, **кѣ** и **сѣ**. Очень часто пропускается ѣ в суфф. **-ѣн-**, главным образом, после **н** (более 100 случаев), реже после **в** (около 50 случаев), **м** (24 раза), **д** (около 30 раз), **т** (около 20 раз), **ѣ** (35 раз), **ш** (около 20 раз), **в** (11 раз), **ж** (6 раз), **п** (4 раза), **л** (4 раза), **р** (3 раза); пропуск ъ, ѣ в других суффиксах редок: 2 раза в основе **свѣтл-**, 2 раза в основе **горк-** и 4 раза в суффиксе **-ѣц-**.

В СПт ъ и ѣ обыкновенно пропускаются в основах **книг-** и **мног-** (написание **мѣног-** встречается сравнительно редко, написания **кѣкниг-** я не встретил) и в словах **кто** и **мнѣ** (первое слово с ъ мне не встретилось; написание **мѣнѣ** — на л. 151), часто пропускается ѣ в основе **вс-** (пѣс) и слове **ѣто**, рядом с обычными написаниями **вс-** и **ѣто**. Кроме этих случаев, с пропуском ъ или ѣ написаны следующие слова: **перегноѣвѣ** 113 об., **одва** 126 об. (ср. **одѣва** 54 об., 111 и др., **ѣдѣва** 17), **днин** 166 об. (ср. **дѣн-** много раз), **зла** 166 (ср. **зѣла**, **зѣло**, **зѣлѣ**, **безѣловнѣ** и др. много раз), **оумретѣ** 175 об (ср. **оумретѣ** 79, 121 об.), **дондеже** 167 об. (ср. **донѣдеже** 24 и др.), **пѣтица**. В приставках ъ обыкновенно сохраня-

ется; между прочим, постоянно с ъ пишутся основы **сѣмотр-**, **сѣмьрт-** и **сѣтвор-**, но один раз встретилось **спроводи** 114 об. Предлог **къ** пишется без ъ в сочетании **к томоу**; также 1 раз: **к' товѣ** 144 об. (ср. **къ тевѣ** 163 и др.). В суффиксах **ь** пропускается очень редко: **вѣрнаго** 79 об., **везмѣрнаго** 121 об., **тѣлеснѣ** 71 об. (ср. **тѣлеснѣи** 176), **стар'ца** 66 об.; **елма** 177 и др. (ср. **ельма** 118 и др.); между прочим **ь** постоянно пишется в суффиксе **-шьды**: **многашьды** (часто), **тришьды**, **олишьды**; суффикс **-шти** встречается в написании **ци**: **мъногаци** 166 об.

В АЕ¹ **ѣ** и **ь** пропускаются очень редко; между прочим, всегда пишутся с **ѣ** или **ь** часто встречающиеся основы **гѣна-**, **зѣла-**, **мѣи-**, **мѣр-** (но в таких формах, как **оумрети** = ст.-сл. **оумрѣти**, правильно **ь** отсутствует), **сѣл-** и др., и в твор. личного местоим. **мѣною**; в глагольной основе **уѣт-**, встречающейся много раз, только один раз пропущено **ь**: **уѣтоу**; в остальных случаях **ь** сохранено; ни разу не пропущено **ѣ** в приставках; так, всегда (много раз) пишется: **сѣтвор-** и т. п. Очень редко пропускаются **ѣ** и **ь** в основах: **дѣв-**, **кѣниг-**, **кѣназ-**, **мѣног-** (9 раз, при 38 случаях сохранения **ѣ** не в конце строки; в конце строки всегда пишется **ѣ**) и в словах **мѣнѣ** (дат. местоим.), **уѣто** и **уѣсо** при большом количестве написаний с **ѣ** или **ь**; значительно чаще пропускается **ь** в основе **вѣс-** (**пѣс**), хотя и здесь случаи с сохранением **ь** чаще; наоборот, в словах **кѣто** и **никѣто** **ѣ** по большей части пропускается. Постоянно без **ѣ** и **ь** пишутся слова **тѣкмо** (с пропуском **ѣ** после **к**), основы **сребр-** и **алка-** или **алу-** и сочетание **к томоу**. Без **ѣ** после **п** написаны слова **рѣптахоу** и **птица**, встречающиеся всего по 2 раза; один раз написано **пси** (рядом: **пѣсомѣ**), два раза **руѣ** (в остальных случаях в той же основе пишется **ѣ**). В суффиксах **ѣ** и **ь** ни разу не пропущены (сюда не относятся слова **желѣзныи** и **тѣснаа**). Один раз пропущено **ь** в конце слова: **сѣтворит**.

В АЕ² **ѣ** и **ь** пропущены в следующих основах и словах: **вѣра-** 7 раз (**вѣра-** 7 раз), **довѣкътѣ** 1 раз (**довѣл-** нет), **вѣс-** (**пѣс**) больше 20 раз (**вѣс-** 20 раз), **вѣи** (**кѣи**) 2 раза, **гѣна-** 3 раза (**гѣна-** 4 раза, **гѣноуѣвѣ** 2 раза), **дѣ-** 19 раз (**дѣв-** 6 раз), **раздра сѣ** 1 раз, **-ждо** 1 раз (**-ждо** 4 раза), **зѣла-** 8 раз (**зѣва-** 3 раза), **зѣл-** 14 раз; один раз **ѣ** пропущен в сильном положении (**зѣлыа** 1 раз), **вѣзпи-** 8 раз (**вѣзѣпи-** 5 раз), **вѣзм-** 3 раза (**вѣзм-** 15 раз), **зѣр-** 19 раз (**зѣр-** 5 раз), **кѣде** 4 раза (**кѣде** 5 раз), **тѣкмо** 10 раз (**тѣкѣмо** 1 раз), **книг-** и **книжны-** 23 раза (с **ѣ** — 4 раза), **кназ-** 4 раза (с **ѣ** не встречается), **кто**, **никто**, **нѣкто** 15 раз (**кѣто** 1 раз), **к томоу** 3 раза (**кѣ**

томоу 1 раз), глагольн. основа мнѣ-, мнѣ- 4 раза (мѣнѣ- 4 раза), сравн. степ. мнѣ 1 раз (мѣнѣ- 2 раза), мног-, множ- 57 раз (мѣног- 4 раза), мр- 3 раза (с ъ в слабом положении эта основа не встречается), дондеже 8 раз (донѣдеже 2 раза), наѣа 1 раз (пѣса- 2 раза), птеньца 1 раз (пѣтиць 2 раза), сл- 27 раз (слѣ- не в конце строки 3 раза, слѣю 1 раз), сребр- 9 раз, сто 1 раз, простре 1 раз (простѣри 1 раз), отре 1 раз (отѣре 1 раз), оцта 1 раз (оцѣта 2 раза, оцѣтано 2 раза), поутети 3 ед., утоша, ути (уѣт- 3 раза). В приставке съ-: лѣжесвѣдетѣла 1 раз (сѣвѣдѣтел- 11 раз), свѣтъ (βουλή) 1 раз, сплетѣше 1 раз (сѣплет- 2 раза), створ- 4 раза (сѣтвор- 27 раз). В суффиксе -ѣн- буква ъ пропущена 7 раз: подовно (подовѣн- 4 раза, преподовѣнаго, потребѣн- bis и др.), довѣли (ср. довѣльно, оумѣвальницю и др.), тѣмѣници (тѣмьници 2 раза), маловѣрни, дѣвѣрници, дѣвѣрница, дѣвѣрникъ (ср. горьницю); в суфф. -ѣл- 1 раз: козлица (козѣлиць 1 раз), перед м в падежном окончании 2 раза: пѣназѣма, дѣвѣрми (ср. трѣмнѣ днѣмнѣ, уѣтѣрѣмнѣ, мѣтѣтарѣмнѣ). ѣ и ѣ в конце предлогов без, вѣз, из, раз только 2 раза перед гласной о: изѣ облака bis²⁰, в остальных случаях перед согласной: безѣ влагалица, безѣ пирѣ, безѣ сапогѣ, изѣ мроша, изѣ нѣго, разѣвѣрзи сѣ, разѣвѣрзоста сѣ; кроме этих примеров, названные предлоги всегда пишутся без ѣ или ѣ. Вставные ѣ и ѣ: расѣпѣнѣшенѣ, исѣхѣодащнѣихѣ bis, исѣтоуѣнѣникѣ, сѣвлажѣню сѣ, не погѣѣѣнѣеть bis. В причастных формах оумѣрша, оумѣрши, оумѣршию, может быть, нет пропуска ѣ, ср. выше КИ, ЧПс. Точно так же и аор. оумѣре, отре, простре могут отражать не только ст.-сл. оумѣре, отре, простѣре, но и ст.-сл. оумѣрѣ, отрѣ, простѣрѣ.

В У 142 ѣ и ѣ пропускаются обычно в основах дв- (с ѣ я не встретил), кнѣз- (с ѣ не встречается), мног-, множ- (с ѣ очень редко, только в Кондакаре) и в словах кто, никто, что (написания кѣто, уѣто редки); очень часто, но, кажется, реже, чем с ѣ, пишутся с пропуском ѣ основы вс- (пѣс) и всѣк-; без ѣ написаны также слова кѣе 12 об., 80 об., пшѣннѣюно 24, пшѣница 45. Слово всѣленѣа (где ѣ нефонетически вместо ѣ) обычно пишется с ѣ, реже — с пропуском ѣ. Основа кѣннѣг- мне встретилась только один раз: кѣннѣгѣуна 18 об. Без ѣ пишется постоянно основа сребр-. Твор. личн. местоимения мною 31 об. написан без ѣ. Всегда пишутся ѣ или ѣ, между прочим, в основах вѣпнѣ- и вѣзѣпнѣ-, гѣна-, гѣнѣ-, зѣва-, зѣр-, мѣр-, слѣ-, тѣл-, багѣр- и др., в приставках вѣ- и сѣ-,

²⁰ Но ср. вѣзѣгра сѣ 126 об., вѣзѣгранѣе 135 (вѣзѣмають 173).

например, в основах **въсел-**, **съконь-**, **съмотр-**, **сътвор-**, встречающихся довольно часто в обеих частях рукописи. За исключением называемых ниже единичных случаев в обеих частях рукописи всегда пишутся **ъ** и **ь** в основах **зъл-** и **(оу)пъба-**, в слове **донъдеже**, в суффиксах **-ьн-**, **-ък-**, **-ъш-** и др. В первой части, содержащей Устав, обычно пишутся без **ь** очень часто встречающиеся основы **вечерн-** и **ут-** (**утѣтъ**, **утоутъ**, **утѣ** и т. п.); несколько раз пропущено **ь** и один раз **ъ** в слове **в(ъ)-тор(ь)нѣ** и несколько раз **ъ** или **ь** в слове **дондеже**; кроме того, **ъ** или **ь** пропущены в следующих примерах: **паткы** 1 об., **четвьрга** 5, **мнѣ** 5 об. (**мънѣ** в этой части несколько раз), **ставшю** 6, **к томоу** 12, **мнитъ са** 1 об. (ср. **мън-** несколько раз), **имже** 2, **двьрми** 10 (ср. **двьрми** несколько раз), **пѣвцю** 10, **тъмници** 22 об., **дпаконнѣ** 14. Надо заметить, что эта часть писана очень сокращенно, и потому не всегда можно решить, имеем ли мы дело с орфографическим явлением, отражающим произношение, или сокращенным написанием. В Кондакаре в тех же положениях **ъ** и **ь** почти всегда сохраняются, кроме единичных примеров: **вѣрнага** 53, **отлгчанъ** 94, **триднєвѣна** 96 об.; кроме того, в части, писанной другим писцом: **оупвакмъ** 35 об., **утемъ** 34 об., **зловѣрьными** 36, **вѣрна** 34 об., **вѣрными** 37, **оумно** 48 об., **к теѣѣ** 62 об. Предлоги **без**, **въз**, **из**, **раз** пишутся без **ъ**, но предлоги **безъ** и **изъ** перед гласными **а**, **о**, **оу** 7 раз написаны с **ъ**: **безъ алѣ** 21 об., **безъ апла** 23, **безъ антифонъ** 11, **безъ оца** 46 об., **безъ оуспѣха** 85 об., **изъ олтаря** 18 об., **изъ осми** 99 об.; один раз написано **изъ** перед согласной: **изъ власти** 60, и один раз: **вєсъ пѣтрѣ**. Отметим также **ь** в **распростърети** 63. Правильно отсутствует **ь** в словах: **колєсницю** 24 об., **любьзноуоумоу** 56 об., **оупразни** 118.

В М 95 **ъ** и **ь** обычно пропускаются только в основе **мног-** или **множ-** (более 70 раз; написания с **ъ** очень редки) и очень часто в основах **вс-** (более 100 случаев на 300 с лишком случаев с **ь**) и **зл-** (около 20 случаев из 50) и в дат. местоим. **мнѣ** (около 10 раз), причем в основе **вс-** **ь** пропускается иногда и в сильном положении: **всь**. По несколько раз пропущены **ъ** и **ь** в основах **дв-**, **кнѣз-**, **багър-** и **ут-**, в словах **кто** и **дондеже** и в суффиксах **-ьц-** и **-ьн-** (гл. обр. после **н** и **р**) при обычном написании тех же слов, основ и суффиксов с **ъ** или **ь**. Кроме того **ъ** и **ь** пропущены в следующих примерах: **птичє** (ср. **пѣтеньца**), **дщєрь** (**дѣщєрь** несколько раз), **мною**, **възпиа**, **ѡгна**, **ингда**, **пожроу**, **мнѣвъ**, **ѡ тла**, **хананскты**, **любьзно**, **к томѣ**, с **нвѣѣ**, **покаганикѣ** при сохранении **ъ** или **ь** в тех же словах или положениях в других случаях. В приставке **съ-** в ос-

новах **сѣмотр-**, **сѣтвор-** и т. п. ѣ везде сохраняется. Предлоги и приставки **везъ**, **вѣзъ**, **изъ**, **разъ** пишутся без ѣ; **везъ** и **изъ** с ѣ встречаются 5 раз перед гласными **о** и **оу**: **везъ оца** bis, **изъ оца**, **изъ оца**, **изъ оца**, **изъ оца** (ср. 1 раз **изовѣрѣтоша**); перед *j* один раз **изъ**: **изъяснилъ**. Вставное ѣ: **нѣравъ**, **кѣзънъ**.

В М 96 ѣ и ь по большей части пропускаются в основах **вс-** (несколько раз даже в сильном положении: **всѣ**), **мѣног-** и **вѣзъпи-** (но **вѣпи-** всегда с ѣ), в суффиксе **-ьн-** после **р** (главн. обр. в основах **вѣрн-** и **мирн-**) и в суфф. **-ьл-** в основе **свѣтл-**, даже в сильном положении: **свѣтлъ**, но те же слова встречаются и с сохранением ѣ или ь. Сравнительно часто пропускается ѣ в основе **зл-**, пишущейся, впрочем, чаще (много раз) с ѣ. Редко встречающаяся основа **дѣв-** и слова **кѣто** и **уѣто** пишутся чаще без ѣ или ь, чем с ними; наоборот, в основах **кѣназъ-**, **мѣн-** и **уѣт-** ѣ и ь обычно сохраняются и пропущены только по одному разу; с ѣ и без ѣ пишется основа **багѣр-**: **багѣраницю**, **обагѣрнами** и **багѣрницею**, **обагѣривѣше са**; только с ѣ или ь встречаются основы **зѣр-**, **кѣниг-**, **алѣк-**, **сѣл-**, **сѣзъ-** и др. и слова **кѣде**, **сѣде**, **уѣсо**. В приставках ѣ не пропускается, кроме слова **вселената**, где **в** не сознавалось как приставка; один раз пропущено ѣ в предлоге **кѣ**: **к нима-**, в суффиксах пропуск ь нередок: кроме случаев, отмеченных выше, ь в суффиксе **-ьн-** пропущен не менее 20 раз, даже один раз в сильном положении: **силнъ**, в суффиксе **-ьц-** раз восемь, из них два — в сильном положении: **конць** bis, по два раза в суффиксе **-ьк-** и **-ьств-**: **горка** (пикра́), **горкыта**, **тѣржство**, и один раз в суфф. **-ьск-**: **варѣварскы**. Несколько раз пропущены ѣ и ь в конце слова, чаще всего в личных окончаниях глаголов (6 раз в 1 мн. и 1 раз в 3 ед.) перед **тъ** или **ти**, раза четыре в им. ед. существ. и др. Существует. **хравѣръ** пишется также с **о** и без гласной буквы во втором слоге. Правильно отсутствует ь в инфинитивах **оумрети** и **жрети** и в основах **колесницъ-**, **любъзнъ-**. Предлоги и приставки **везъ**, **вѣзъ**, **изъ**, **разъ** правильно пишутся без ѣ; **везъ** и **изъ** встречаются перед **о**: **везъ ѡца**, **изъ оца**; кроме того, один раз **изъ** перед **в**: **изъ вѣстоуьныхъ** и **изъ** перед **та**: **изъясни**. Два раза написано **исъ**: **исъпыталъ**, **исътвонхъ**; 1 раз: **нѣравъ**.

В М 97 ѣ и ь почти всегда пропускаются в основе **вс-**, даже в сильном положении, в основах **мѣног-** и **мѣнож-** и, по большей части, в основе **зѣл-** при довольно значительном, однако, числе случаев с сохранением ѣ; без ѣ или ь пишутся также обычно редко встречающиеся

основы **ѣт-** и **кнѣз-** и местоимения **кто** и **ѣто**; кроме того, **ѣ** или **ь** пропущены в следующих примерах: **дондеже**, **мнѣ**, **ѣтмнѣ**, **раздраноу**, **двѣма**. В приставках **ѣ** пропускается обычно в слове **вселенѣа**, раза два в глаголе **вселити**, может быть, вследствие графического сходства со словом **все**, и по одному разу в примерах: **сблюдаюци**, **свѣмѣ**, **низложи** (ср. **низѣ**- много раз); в **размотрѣа** пропуска **ѣ** нет: здесь — редкое образование без приставки **сѣ-**. В основе **сѣтвор-** и т. п. **ѣ** не пропускается. Сравнительно часто пропускается **ѣ** в предлоге **къ** в сочетаниях с местоимениями: **к томоу**, **к тебѣ**, **к немоу**. Значительно чаще пропускается **ь** в суффиксах, особенно в суфф. **-ѣн-**, где **ь** пропущено не менее 70 раз, из которых более двух третей падает на положение после **р** (**вѣрѣнѣмѣ**, **всемирно**, **блѣгодарно**, **невѣѣрна** и пр.), остальные — на положение после **в**, **б**, **д**, **л**, **м**, **н**, **п** (между прочим, в слове **телесѣнѣнѣ** постоянно пишется **ь**); из других суффиксов часто пропускается **ь** в суфф. **-ѣл-** в основе **свѣтѣл-**, даже в сильном положении: **свѣтѣлѣ**, **пре-свѣтѣлѣ**, реже — в суффиксах **-ѣц-**, **-ѣств-**, **-ѣск-**, **-ѣк-** и **ѣ** в суфф. **-ѣш-**: **конца**, **вѣнца**, **творца**, **враѣство**, **мирскоѣ**, **горкаѣ** и пр. Несколько раз пропущены **ѣ** и **ь** в конце слова. Приставки **вѣзѣ-** и **изѣ-** с конечным **ѣ** встречаются редко: **вѣзѣобразѣ**, **изѣведе**.

В РЕ **ь** пропущено в следующих основах и словах: **мног-** и **множ-** 9 раз, **ѣа-** (**ѣано** 10 и др., **наѣати** 8 и пр.) 9 раз, **дв-** (**два** 11 и др., **двѣ** 21 и пр.) 5 раз, **кто**, **нѣкто**, **никто** 5 раз, **зл-** (**злѣ** 4, **злѣсловесити** 6, **злѣ** 27) 3 раза, **невѣсн-** (**-снѣхѣ** 9, **-снѣмѣ** 30) 2 раза и по одному разу: **дниѣ** 10, **вѣзмѣте** 26, **кдѣ** 12, **тѣкмо** 26, **книгахѣ** 20, **мниѣ** 30, **множ** 23, **мнѣ** 23, **мнѣвьша** 17, **младенѣ** 16, **ѣто** 32 (ср. **мьнога** 26, **писано** 19, **написати** **сѣ** 9, **дѣва** 11, **дѣвож** 15, **къто** **тег**, **дѣниѣ** 24, **вѣзѣмоуѣ** 24—25, **къдѣ** 13, **кънижѣники** 13, **мьниѣ** 5, **мьнѣ** четыре раза, **младенѣ** 9, 28, **ѣто** шесть раз). Постоянно с **ь** пишутся основы: **вѣс-** (**вѣсе**, **вѣси**, **вѣсѣ**, **вѣсѣкъ** и пр.) более 25 раз, **сѣл-** (**посѣла**, **посѣлоу**, **посѣлавѣ** и пр.) 6 раз; с **ь** написаны также слова: **вѣдаѣ** 9, **сѣвѣра** 13, **вѣдова** 12, **вѣдови** 29, **вѣселеноуѣж** 8, **вѣѣра** 30, **правѣд-** **тег**, **дѣщи** 3, 12, **призѣва** 1, 5, **вѣзѣвахѣ** 14, **вѣзѣпѣте** 16, **оуѣзрѣти** 21, **альѣжѣни** 4, 27, **вѣзѣлька** 24, **донѣдеже** **тег**, **оуѣпѣваѣти** 16, **пѣтѣнѣца** 11, **пѣшениѣж** 22, **сѣдѣ** 32 и др.; постоянно пишется **ь** в приставках: **сѣтвор-** 8 раз, **сѣказа** 21 и др., **сѣвѣдаѣ** 10, 18 и пр. Без **ь** написано 1 раз: **сѣвѣрѣниѣкоу** 32.

В МЕ в евангельском тексте **ѣ** и **ь** всегда или в огромном большинстве случаев пропускаются в словах **кто**, **ѣто**, **мнѣ** (дат.) и в основах

мног- и пт- (птиць, птеньца и пр.); без ъ всегда пишутся также основы алк- (алч-) и сребр-; значительно чаще случаи с пропуском ъ и ь, чем с их сохранением, в слове тѣкѣмо и в основах въс- (лѣс) и дѣв-, а также в твор. мѣною. Но в формах существует. въсь (кѣмѣ) ь почти всюду сохранен. В глагольной основе ѹтъ- буква ь пропускается довольно часто: в первой половине рукописи бѣльшая часть случаев сохранения ь падает на случаи, когда тот или иной согласный звук основы подвергся изменению или выпадению: ицѣтени, рацѣтетѣ, ѹли и т. п.—в этих случаях ь никогда не пропускается;—в других случаях написания с ь редки: ѹти 65, ѹтѣи 110 b; но во второй половине рукописи ь в этой основе по бѣльшей части пропускается. Формы существует. пьсь несколько раз написаны с ѣ: ѣи 81 с, ѣомѣ 31 с, 65 d, также: пси 66 a; реже с сохранением ь: пси, пьсомѣ 68. В словах ѹсо и донѣдеже и основе зѣл- ь и ѣ по бѣльшей части сохраняются, но и количество случаев с пропуском ѣ и ь довольно значительно. В основах въра-, гѣна-, зѣва-, зѣда-, мѣн- (глагол. и сравн. степ.), мѣр-, пьса-, сѣл-, тѣм- и в словах кѣде и сѣде буквы ѣ, ь или вовсе не пропускаются, или пропускаются очень редко. В основах, сложных с приставками, ѣ и ь не пропускаются: въсели сѣ, сѣказаетъ сѣ, сѣкроушата, сѣмотрите, сѣтвори и т. п.; только один раз: сѣмотрите 100 b. В предлогах конечное ѣ сохраняется, и только предлог къ нередко пишется без ѣ, исключительно в сложениях с местоимениями: к ѣоמוу, к ѣемоу, к ѣимѣ, к ѣима, к ѣебѣ много раз. В суффиксах ѣ и ь сохраняются; пропуск я заметил только 6 раз в суфф. -шьдѣ: двашдѣ 115 с, тришдѣ 115 с, сѣдмишдѣ 91 d, 92 a, 106 d, сѣтишдѣ 104 b (рядом с -шьдѣ), раза четыре в прилагат. вѣрѣи (при обычном вѣрѣн-), два раза в слове колѣи 82 d, 87 b и один раз в слове онѣе 110 с (ср. онѣе 92 с). В конце слова почти всегда пропускается ь перед сѣ в 3 л. обоих чисел возвратных глаголов и 2 раза в 1 ед. аориста возвратных глаголов. В принадлежащем тому же писцу мелком почерке, где писец писал сокращенно и менее заботился о грамотности, кроме обычных и в крупном почерке пропусков, 2 раза пропущено ь в слове вѣрѣик и один раз в 1 ед. возвр. глагола. Предлоги и приставки без, въз, из, раз пишутся обычно без ѣ; ѣ написано в следующих случаях: перед гласными: безъ ѣца 33 b, безъ ѣснованиа 75 с, безъ ѣѣство 82 с, безъ ѣустава 65 (ср. безъ ѣма 169 d), изъ ѣесе 31 с ter, 75 b, изъ ѣности 102, изъ ѣстѣ 187 с (ср. изъ ѣстѣ 42 с и др.), перед согласными: безъ сѣкровица 119 b, безъ пирѣ, безъ влагалица 141 a, ср.

также **вЪзыгрантѣ сѧ** 73 d и **вЪздаалка-** много раз при более редком **вЪздалка-**.

В ТЕ 1 **ѣ** и **ь** пропускаются часто; так, в немногих сделанных мною выписках, относящихся к этому явлению, всюду пропущены **ѣ** и **ь** в основах **вѣс-** (*пѣс*), **книг-**, **п'тиц-** (с обозначением пропуска обычно надбуквенным значком), сложной с приставкой основе **створ-**; без **ѣ** и **ь** написано также: **ѹто** 54, **д'ва** 100, **прит'ѹѣ** 191; с **ь**: **ѡп'роша сѧ** 14, **мн'ѣвъше** 95. Часто пропускаются **ѣ** и **ь** в суффиксах: **настав'шааго** 11 об., **ѹтв'р'гѣ** 172 об., **в'ѣс'на** 15 об., **т'м'ницѧ** 9 об., **пристав'ницѣ** 89 об., **свир'ца** 16 об., **жерев'ци** 2 об., **генисарет'сцѣ** 100. Правильно отсутствует **ь** в **изм'рѣша** 5 об., где лишним является только надбуквенный значок. **ѣ** в приставке **вЪзъ-** и предлоге **изъ:** **вЪзъал'ка** 6 об., **изъ отроуины** 74.

В У 330 в основах **ѣ** и **ь** пропускаются в словах **вЪзвахъ** (неск. раз), **кто**, **т'къмо**, **кдѣ**, **пшено**, основе **мног-** или **множ-**, в словах **подвоинци** (часто) и **подвоиноу** 164, но в остальных случаях основа **дѣв-** всегда пишется с **ѣ** (**дѣва**, **дѣвѣ** и пр.); с **ѣ** или **ь** и без них пишутся основы **вѣс-** (*пѣс*), **зѣл-**, **к'ниг-**, в словах **вѣселенага**, **м'нѣ**, **ѹто**, **ѹсо**, **дон'деже**, **пшеница**; всегда с **ѣ** или **ь**: **зѣда-**, **зѣр-**, **вѣра-**, **вѣпи-**, **мн-** (глагол.), **оуп'ва-**, **ѹт-**. Часто пропускается **ь** и **ѣ** в суффиксах: **-н-**, главным образом в основах: **в'ѣрн-** (много раз), **вѣчерн-**, **ѡл'трн-**, **стиховн-**, **трапезниц-**, а также в следующих примерах: после **р**: **вторника** 9, **поварници** 216, после других согласных: **прѣставникъ** 36, **коупно** 220 об., **довѣланѣ** 210, **разѡмнѣнишихъ** 218 об.; **ьл**: **свѣтлостъхъ** 115, **-тъш-**: **рекшю**, **-кше** много раз (**рекъшю** реже), **повелѣвшю** 200, **-шдѣ** и **-шда**: **тришдѣ**, **тришда** и пр., **-ьк-**: **ѹашкѣ** 205, **тажко** 216, **горѹѣк** 237, **-ѣк-**: **тѣнками** 225; те же суффиксы обычно пишутся с сохранением **ѣ** или **ь**. В приставках **ѣ** сохраняется: **сѣмотренни** 55 об., **сѣтваракѣ** 40 об. и т. п., кроме основы **расматра-**, которая всегда пишется без **ѣ**, и слова: **вторника** 9. В предлогах **ѣ** пропущен только в сочетании **к томоу** 39 об. Предлоги **вѣзъ**, **изъ** с **ѣ** встречаются только перед гласными: **изъ олтарѧ** 62 об., **вѣзъ инѣхъ** 66 об., **вѣзъ оумываниѧ** 160, **изъ ѡца** 178 об.

В УС¹ в переводных житиях примеров с пропуском **ѣ** и **ь** немного: часто пропускается **ѣ** в основе **мног-** (с **ѣ** только один раз в ж. Афанасия) и в основе **вѣс-** (*пѣс*), которая, впрочем, чаще пишется с **ь**. Только с пропуском **ѣ** встречается твор. **мною** 3 раза (повесть Иеремии) и основа **пт-** (**птичѣ**, **птицахъ**, **птица** 3 с, d), 2 раза **дондеже** и по одному разу **кто**, **ѹсо**, **книгѣ**. Кроме того, пропущены **ѣ** и **ь** 4 раза в основе

створ-, 3 раза **что**, по 2 раза **посла-** и **зл-**, по одному разу: **сѣбра**, **мнѣти**, **сде** при более частых написаниях всех этих основ и слов с **ъ** или **ь**. Из случаев сохранения **ъ** и **ь** отмечу дат. **мѣнѣ** только с **ъ** 3 раза. Предлоги **безъ** и **изъ** с **ъ** встречаются только по одному разу, оба раза перед гласной: **изъ истааго** 3 а, **безъ ислѣдованнн** 5 б, ср. в Сказании о Борисе и Глебе **изъоврѣтъ** 8 с. В житии Феодосия постоянно или почти всегда без **ъ** или **ь** пишутся слова и основы **дондеже** 8 раз, **тъкмо** 8 раз (с **ъ** 2 раза), **книг-** 5 раз (с **ъ** 1 раз), **кназ-** 22 раза (только без **ъ**), **мног-** 60 раз (с **ъ** 9 раз), **мнѣ** 7 раз (с **ъ** один раз), частица **ждо** 7 раз (с **ь** 2 раза); только без **ъ** или **ь** написано также **мною** 2 раза, **птица** 1 раз, **пси** 1 раз, **сде** 3 раза. Чаше с пропуском **ъ** или **ь**, чем с сохранением, пишутся основы **вс-** (**пѣс**) 90 раз (с **ь** 45 раз), **посла-** 5 раз (с **ь** 2 раза), **зр-** 6 раз (с **ь** 4 раза), слово **кто** 12 раз (с **ъ** 5 раз); без **ъ** написано также: **двою**, **двѣнадесятѣ** (**дѣв-** 1 раз), **ѣдва** (ср. **одѣва** 1 раз), **мню**, **мнѣти** (с **ь** 3 раза), **оумреть** (с **ь** 1 раз), **псати** (с **ь** 1 раз), **что** 3 раза (с **ь** 4 раза), **усо** 2 раза (с **ь** 4 раза). Чаше с **ъ** или **ь**, чем с их пропуском, пишутся **зѣва-** 6 раз (**призѣвавъ** 1 раз), **зѣл-** 11 раз (**зл-** 4 раза), **кѣде** 4 раза (**кде** 1 раз), **сѣп-** 9 раз (**оуспе** 1 раз), **вѣра-** 5 раз (**сѣбравъше сѣ** 1 раз). Только с **ъ** или **ь** пишутся основы **бѣд-**, **гѣна-**, **тѣц-**, **дѣн-**, **пѣц-**, **тѣм-**, **нагѣн-**, **уѣт-**, постоянно с **о** — **оупова-**. В суффиксах пропуск **ъ** и **ь** в единичных примерах: **рекшек**, **прилѣжно**, **скоудно**, **калноу**, **въгодника**, **правѣдника**, **горко**, **пресвѣтла**, **двѣрми**, **храбри** (ср **рекш-** часто, **прилѣжн-** 3 раза, **скоудно** 2 раза, **въгодник-** и **оуг-** 3 раза, **правѣдник-** 3 раза, **свѣтъл-** 5 раз, **двѣрми** 2 раза, **-льн-** 4 раза и т. д.); написания **прѣдвн-**, **прѣвн-** 8 раз и **нѣсн-** 4 раза при **прѣдвн-** 23 раза, **нѣсн-** 3 раза, по-видимому, должны рассматриваться как сокращенные написания. Ни разу не пропущено **ь** в суфф. **-шьды** и др. Только без **ъ** два раза написана основа **оугл-**: **въ оуглѣ**, **ис прооугла**. В приставках всегда пропускается **ъ** в основе **створ-** 11 раз, 2 раза в основе **сподов-** (с **ъ** больше 3 раз) и 1 раз: **сплатана**; в предложениях **ъ** пропускается очень редко в сочетании с местоимениями: **к немуу** 5 раз, **в неи** 2 раза, **с нимь**, **к томуу**. Правильно без **ъ** или **ь** написано **присно**, **на деснѣи**, **тѣсно**, **колесницахъ**.

В УС² в житии Феодосия **ъ** обычно пропускается только в основах **кназ-** 19 раз (с **ъ** 9 раз) и **мног-** 57 раз (с **ъ** 12 раз); кроме того, по одному разу пропущено **ъ** и **ь** в дат. **мнѣ** (с **ъ** 1 раз) и прич. **мнѣщемъ** (**мьн-** 10 раз); в остальных случаях **ъ** и **ь** ни разу не пропущены; так, исключительно с **ъ** или **ь** пишутся основы **вс-** (более 100 раз), **дѣв-**, **зѣл-** и

слова **донъдеже, къде, тькъмо, кьто, ьто**. В суффиксах **ъ** и **ь** ни разу не пропущены. В приставках **ъ** пропущено только два раза в основе **створ-** (с **ъ** много раз).

Из приведенного обзора видно, что русские рукописи XI и XII вв. относятся к пропуску **ъ** и **ь** не одинаково. В **ОЕ²** **ъ** и **ь** почти не пропускаются даже в основах, наиболее часто встречающихся в остальных рукописях с пропуском **ъ** или **ь**; в **ТЛ, КИ, СПт, АЕ¹, РЕ, УС²** **ъ** и **ь** пропускаются, за немногими исключениями, только в основах, но не в приставках и суффиксах; близко к ним стоят **ЧПс, У 142, М 95, МЕ**, в которых **ъ** и **ь** в приставках сохраняются, а в суффиксах пропускаются очень редко; в **М 96, М 97 и У 330** **ъ** и **ь** пропускаются и в основах, и в суффиксах, но не в приставках; в **И 73¹, И 73², АЕ², УС¹** **ъ** и **ь** пропускаются, кроме того, и в приставках, но пропуск **ъ** и **ь** в приставках и суффиксах сравнительно редок; в **ГБ**, где вообще пропуск **ъ** и **ь** редок, этот пропуск в приставках и суффиксах не реже, чем в основах; очень часто **ъ** и **ь** пропускаются в суффиксах, значительно чаще, чем в основах и приставках, в **ПА**. Наиболее ю.-сл. характер представляет в этом случае правописание **ГБ** и **ПА**; в остальных могла сказаться в той или другой степени русская система правописания.

Не стану выяснять, почему в одних случаях пропуск **ъ** и **ь** встречается чаще, в других реже, в каких случаях такой пропуск отражает явление ю.-сл. (в том числе еще ст.-сл.) орфографии, в каких может объясняться из русского языка писцов и в каких вызван обеими причинами; ограничусь только общим замечанием, что частый пропуск **ъ** и **ь** в словах **кто, ьто, мне, мнѣ, мноѡж, тькъмо**, в основах **вс-, мног-, пс-** (**пъсъ**), **пъса-, пт-** (**птица, птеньць**), в основах, сложных с приставками, по крайней мере, в основе **створ-**, и в суффиксах **-ьн-, -ьц-, -шьды** и др. как орфографический прием восходит к ю.-слав. правописанию, что, конечно, не исключает возможности соответствия этого правописания живому русскому произношению; к ю.-сл. правописанию восходят и некоторые редкие случаи пропуска **ъ** и **ь**, не соответствующие установившемуся на Руси церковному произношению: таково, например, написание **оуп'вакмъ** **У 142**. С другой стороны, и сохранение **ъ** и **ь** в некоторых памятниках в таких положениях, в которых другие памятники русского письма и значительное число памятников ю.-сл. письма имеют частые написания без **ъ** и **ь**, тоже может восходить к другому, более

архаичному ю.-сл. правописанию, хотя и в этом случае не исключена возможность, что это сохранение поддерживалось и живым русским произношением. Но ввиду стремления писцов выдерживать усвоенную ими у южных славян орфографию, отступая от нее только в тех случаях, когда это требовалось *церковным* произношением, можно думать, что последовательное сохранение или последовательный пропуск њ или њ в том или другом случае мог опираться в своей основе только на ю.-сл. орфографию или усвоенное от южных славян церковное произношение, и только отступления от системы или, наоборот, более последовательная, чем можно ожидать от писца, выдержанность системы могут отражать живое произношение писцов, в первом случае расходящееся с церковной орфографией или произношением, во втором случае — совпадающее с ними. Для суждения об орфографических навыках писцов и об их ю.-сл. оригиналах интересно отметить, что, по-видимому, в оригиналах некоторых из памятников русского письма њ и њ пропусались чаще, чем в самих памятниках, списанных с этих оригиналов. Так, например, можно думать об оригиналах ОЕ², И 73¹, УС² и, может быть, некоторых других. Если случаи пропуска њ и њ в ОЕ восходят к его оригиналу и несвойственны усвоенной писцом ОЕ² орфографии, то естественно предположить, что русские писцы XI в. были знакомы с памятниками, лучше выдерживавшими правильное употребление њ и њ, чем ОЕ².

Благодаря этому мы имеем возможность за сложным правописанием памятников русского письма вскрыть следы такого состояния языка, когда њ и њ ни в одном положении не пропусались. На такое состояние указывают, с одной стороны, те слова и положения, в которых во всех памятниках русского письма њ и њ никогда не пишутся, с другой стороны, те слова и положения, в которых њ и њ пишутся более или менее часто во всех или хотя бы в некоторых памятниках. По отношению к присутствию или отсутствию њ и њ в этом архаичном состоянии языка можно различать 1) случаи, в которых њ или њ между согласными не было, 2) случаи, в которых њ и њ были, и 3) случаи, в которых и там являлись колебания.

1. Не перечисляя всех случаев, в которых по указанию памятников русского письма њ и њ между согласными в ст.-сл. языке отсутствовали, обратим внимание лишь на следующие факты:

а) Почти во всех ст.-сл. памятниках ю.-сл. письма инфинитивные основы **мрѣ-**, **трѣ-**, **стрѣ-** нередко пишутся с **ь** перед **р**, где **ь** нефонетическое по аналогии с основами *praesens*'а. Именно, такие написания встречаются в Зогр., Мар., Син. Требн., Клоц. и Супр.; известны они и ОЕ². Отсутствие написания **оумрѣ-** в Сав. непоказательно, потому что в Сав. **ь** пропускается и в основе *praesens*'а **оумр-**, а основы **стър-** и **стрѣ-** обе пишутся и с **ь**: **простърни**, **простърѣ**, и без **ь**: **простри**, **прострѣ**. Только в Син. Пс., где основа **оумрѣ-** или ее вариант **оумрѣ-** не встречается вовсе, основы **простър-** и **прострѣ-** различаются правильно. Русские писцы в своем языке не находили данных для правильного различения групп **мър-**, **стър-**, с одной стороны, и **мр(ѣ)-**, **стр(ѣ)-**, с другой, если эти группы не различались в их оригиналах или в усвоенном ими от южных славян правописании, потому что в своем языке имели во втором случае полногласные сочетания: **оумерети**, **простерети**, которые могли помочь им различать на письме **мъре-**, **стъре-** и **мрѣ-**, **стрѣ-** только в том случае, если это различие уже дано было в их ю.-сл. оригиналах и образцах. Между тем памятники русского письма, не пропускающие **ь** в этом положении, правильно различают **оумрѣти**, **оумрѣтъ** или **оумретни**, **оумретъ** (там, где **ѣ** после **р** в неполногласных сочетаниях заменяется буквою **е**) без **ь**, с одной стороны, и **оумьреть**, **оумьроша**, **оумьре** с **ь**, с другой стороны²¹. Такое правильное различие может

²¹ Так, в ЧПс **оумрѣти** 8 а, 166 в, **прострѣхъ** 130 а, **прострѣша** 118 в, но: **оумьреть** буд. 8 а, **умьрете** буд. 159 в, **простърж** 47 в, **простъреть** сл буд. 169 г, **простърни** 146 в, **простъре** 150 в, **стъреть** 12 а; в АЕ¹: **оумретни** 11, 12, **оумреть** 54 об., но **оумьреть** буд. 11 об., **оумьроша** 4, **простъре** сл 60 об.; в МЕ: **оумрѣти** 81 с, **оумретни** 97 d, **оумрѣтъ** 16 в, но **оумьреть** буд. 20 в, с, 26 а, 97 с bis, 107 с, **оумьреть** буд. 16 в, 96 bis, **оумьрете** 14 в, **оумьроша** 11 а, 12 в, 97 с, **стъреть** 96, **простърни** 189 с; ввиду этих форм 3 ед. аор. **оумьреть** 9 в bis, 16 в, **оумьре** 7 раз, **простъре** 189 с надо понимать как форму на старое **е**, не **ѣ**. Менее определенные указания дают И 73², СПт и АЕ², в которых **ь** в основе **мър-** может пропускается: в И 73²: **оумрѣти** 115 с, **оумретни** 115 с, **нзмрѣша**, **оумрѣша** 127 в, **прострѣти** 129 и **оумьрете** 213 в, **оумьрѣтъ** 146 с, но также: **оумьрете** 213, **оумьроуть** 146 с. В СПт: **оумретни** 121 об., **оумреть** 76 и **оумьреть** буд. 79, 121 об., **оумьре** 108 об., 164 об., но также: **оумреть** буд. 175 об. В АЕ²: **оумретни** 87 об., 103 об., 105 и **простърни** 77, **отъре** 131, но без **ь** написано также: **не оумреть** 86, **нзмьроша** 146 об. В И 73² формы от основы наст. пишутся с **ь**: **оумьремъ** 6 в, **простърете** 28; форм от основ инфин. я не встретил. В У 142 правильно написано: **оумрѣ||ти** 64 об.—65; форм от основы наст. врем. я не встретил. Инфинитивная основа с **ь** в пам. русского письма почти не встречается. Кроме ОЕ², я заметил только **распростърети** в У 142 и ЕК.

восходить только к такому ю.-сл. правописанию, в котором основы **мрѣ-** и **стрѣ-** писались без **ь**, т. е. по отношению к этому факту ст.-сл. памятники русского письма отражают более архаичную стадию языка, чем памятники ю.-сл. письма.

б) Памятники русского письма, как и памятники ю.-сл. письма, указывают на исконное отсутствие **ь** перед **н** после **з** и **с** в основах **близн-** (**близно**, **близнок** И 73, **близньць**), **десн-** (**деснага**, **десница** и пр.), **желѣзн-**, **ложесн-**, **лювьзн-**, **напрасн-**, **присн-**, **тѣсн-**, **ѡсн-** и нек. др.²². Ни в одной из них нельзя видеть фонетического выпадения **ь**, хотя бы о.-сл. эпохи. Последовательное написание **ѣ** и **ь** в сочетаниях **сѣн-**, **сѣн-**, **зѣн-** в ряде одних памятников, лучше сохраняющих **ѣ** и **ь**, частое в других, пропускающих **ѣ** и **ь** и в других положениях, решительно говорит за то, что ни о.-сл., ни ст.-сл. язык древнейшей эпохи не знали выпадения **ь** и **ѣ** в этом положении²³.

с) На старое отсутствие **ь** после согласной перед суффиксом **-ств-** указывает и засвидетельствованное многими памятниками русского письма слово **вѣство**²⁴, где еще в о.-сл. утрачена согласная **к** перед суффиксом **-stu-**²⁵.

д) Отсутствовало уже в древнейшей засвидетельствованной памятниками стадии ст.-сл. языка конечное **ѣ** или **ь** в приставке **разъ-**²⁶. О предлогах **везъ**, **възъ**, **нзъ**, **объ** и **отъ** см. ниже.

²² В русских рукописях XI и XII вв. эти основы встречаются довольно часто и ни разу не написаны с **ь** перед **н**, между прочим и в таких формах, как **лювьзнѣ** им. ед. См. Фортунатов, О составе ОЕ [Фортунатов, 1908], Meillet, Études 433 сл. [Мейе, I—II]. Впрочем, Meillet восстанавливает, по-моему, ошибочно для о.-сл. не **лювьзн-**, а **лювьзѣн-**, хотя ни памятники ю.-сл., ни памятники русского письма на **ь** перед **н** в этой основе не указывают, а в новых славянских языках гласная после **з** могла явиться позднее.

²³ Поэтому ошибочно и мнение Щепкина (Сав. Кн. 139) [Щепкин, 1901], будто основа **зна-** в о.-сл. некогда имела **ь** между **з** и **н**, выпавшее еще в о.-сл. эпоху.

²⁴ Напр., ОЕ, КИ (часто), МЕ, ГЕ, ТЕ I и др.

²⁵ Ср. Фортунатов, о. с. [Фортунатов, 1908], Meillet, о. с. 306 [Мейе, I—II]. Ошибочно рассуждают Щепкин, Сав. Кн. 138 [Щепкин, 1901] и Вондрак, AKSL. Gr. 187 [Вондрак, 1912], считающие возможным в этом слове выпадение **ь** в о.-сл., так как в таком случае мы должны были бы ждать уже в ст.-сл. **мѣнство**, **мѣство**, **роство**, **оуѣство** и т. п.

²⁶ Такие примеры, как **разъвььрзи сѣ** и **разъвььрзоста сѣ** АЕ², конечно, не могут свидетельствовать о том, что раньше эта приставка оканчивалась на **ь**.

2. Нет надобности перечислять все случаи, в которых **ѣ** и **ѡ** в архаичной стадии ст.-сл. языка, какую позволяют восстановить памятники русского письма, были; ограничусь замечанием, что пропуск **ѣ** и **ѡ** в основах **бѣра-**, **довѣла-**, **вѣпи-**, **вѣс-** (**πῶς** и **κόμη**), **вѣстак-**, **гѣна-**, **гѣн-** (**сѣ-гѣнжти** и т. п.), **багѣр-** (**обагѣри**, **багѣрѣнѣ** и пр.), **дѣв-**, **дѣн-**, **дѣра-**, **зѣва-**, **зѣл-**, **вѣзѣпи-**, **зѣд-**, **вѣзѣм-**, **кѣниг-**, **кѣназ-**, **мѣн-** (**мѣнити** и **мѣнии**), **мѣног-**, **мѣр-**, **вѣнѣм-**, **сѣнѣм-**, (**оу**)**пѣва-**, **пѣс-** (существ.: **пѣси**, **пѣсомѣ** и пр.), **пѣса-** (**пѣсати**, **напѣсано** и пр.), **пѣт-** (**пѣтица**, **пѣтѣнѣцѣ** и пр.), **пѣшен-** (**пѣшено**, **пѣшеница** и пр.), **сѣл-** (**сѣлати**, **посѣлю** и пр.), **тѣм-**, **тѣр-**, **стѣр-**, **уѣт-** и др., в словах **кѣде**, **кѣто**, **мѣнѣ**²⁷, **мѣножѣ**, **донѣдежѣ**, **уѣсо**, **уѣто**, в частице **жѣдо**, а также в суффиксах (например, в суффиксах **-ѣн-**, **-ѣц-**, **-ѣл-**, **-ѣд-**, **-ѣш-**, **-шѣдѣ** и др.), приставках (например, в сложных с приставками основах **сѣмотр-**, **сѣтвор-** и др.) и предлогах (например, в сочетании **кѣ тѣмоу**) по указанию памятников русского письма принадлежит более поздним наслоениям, так как даже в тех словах, которые чаще всего пишутся без **ѣ** или **ѡ**, как **кѣто**, **мѣнѣ**, **мѣножѣ**, **мѣногѣ** и др., случаи сохранения **ѣ** и **ѡ** имеются почти во всех памятниках, а в некоторых написания с **ѣ** или **ѡ** даже господствуют.

3. Уже в древнейшей стадии ст.-сл. языка были колебания в одних и тех же или родственных основах и словах между случаями с гласными **ѣ** или **ѡ** и отсутствием этих гласных. Сюда относятся, по показанию русских рукописей XI и XII вв., между прочим:

а) основы **алѣк-** или **алѣу-** (ОЕ¹, И 73¹ и др.) и **алк-** или **алу-** (ОЕ², ЧПс, АЕ¹, МЕ и др.);

б) основы **сѣревр-** (ОЕ²) и **сревр-** (большая часть памятников русского письма);

с) основы **праздѣн-** и **празн-**. В последней основе **з** правильно изменялось в **ж** в тех случаях, когда **н** становилось мягким: **оупраздѣнати** и пр. (подобные формы с **ж** встречаются в большей части русских рукописей XI и XII вв.). То же чередование было и в русском языке, как показывает церковный устав в списках У 142 и У 330, где встречаются формы **пороздѣноу** У 142₁₂, У 330₄₃ об., **пороздѣнѣпа** У 330₄₁, ₄₁ об. и

²⁷ На старое **ѣ** указывают все не смешивающие **ѣ** и **ѡ** памятники русского письма, в которых эта форма пишется с гласной между **м** и **н**. Из ст.-сл. памятников ю.-сл. письма **ѣ** встречается в Мар. и Син. Пс.; **ѡ** в тех же и других памятниках могло явиться фонетически из **ѣ**.

др., **пороздьнок** р. ед. ж. 43 об., а также **порозньма** У 330₄₀ об., **оупорожняють же** У 330₆₃ об. Основа *porožŋi-* из *poroznj-* сохранилась в нын. р.: *порожний, опорожнять*; основа из *porozdъn-* в нын. р. не сохранилась. Обе основы восходят к о.-сл. чередованию, которое получилось не вследствие выпадения *ъ*, а вследствие образования основ с разными суффиксами: *-ъn-* и *-n-*, причем в последнем случае *d* перед *n* выпало. По-видимому, с тем же суффиксом *-n-* образовано было прилаг. *goraznъ* (из **gorazdnъ*), ср. в записи ОЕ: **горазнѣк**; я не склонен видеть в этом слове выпадение *ъ*, потому что думаю, что в языке дьякона Григория *ъ, ъ* слабые вообще, по крайней мере не в первом слоге и не в конце слова, сохранялись;

d) слова **тъкъмо** (**тъкъма**) и **тъкмо**;

e) предлоги **безъ, възъ, изъ, о(в), о(т)** и **безъ, възъ, изъ, объ, отъ**. Предлоги **безъ, възъ, изъ** с **ъ** являлись главным образом перед гласными **а, о, оу, ж** и перед *j*, а предлог **безъ** также перед **и** и, может быть, перед **ѣ**. Из сопоставления таких случаев, как **изати, изъмж, изъясни** (или **изъясни**), видно, что эта дифференциация произошла еще в о.-сл. раньше, чем развивалось *j* перед начальными палатальными гласными. Конечное *ъ* этих предлогов могло ассимилироваться следующими *а, о, и*, переходя в те же гласные звуки: **възаалка, безо отъца, изо оуню, изоу оутръ, възобразьнок** и пр.;

f) суффиксы числительных наречий **-шьды** и **-шти**: **мъногашьды, клишьды, двашьды, седмншьды** и пр. и **мъногашти, седмншти** и пр., встречающиеся в памятниках русского письма первый почти всегда с **ъ**, второй — всегда без **ъ** и притом не только в виде **-шти**, но и в виде **-ци**, по происхождению различны, и фонетическое сходство между ними случайно. По-видимому, **шт** в суффиксе **-шти-** произносилось так же, как и **шт** из о.-сл. *tj* и *stj*.

Можно думать, что русские писцы XI в. или их ю.-сл. учителя в деле ст.-сл. письма были знакомы с архаичным правописанием, передававшим такое состояние ст.-сл. языка, когда **ъ** и **ь** ни в каких положениях не пропускались. Возможно, что усвоению этого правописания сначала содействовало и русское живое произношение, сохранявшее *ъ, ъ* слабые как гласные звуки. Но содействовать оно могло только там, где совпадало с показаниями ст.-сл. правописания или где в ст.-сл. письме было колебание с заметным преобладанием написаний, соот-

ветствовавших русскому произношению. Там, где ст.-сл. памятники ю.-сл. письма имели более или менее последовательно написания, не соответствовавшие русскому произношению, русский писец должен был усваивать слова с такими написаниями как чужие слова, отличные от слов его языка, и потому писать их так, как писалось в оригинале, по крайней мере в тех случаях, когда такие написания поддерживались произношением бывших на Руси ю.-сл. грамотеев.

Но на Русь проникли, и в большом количестве, и памятники, не выдерживавшие этого архаичного правописания по отношению к сохранению **ѣ** и **ѡ**. В языке южных славян, бывших на Руси в XI в., существенных отличий от языка писцов таких памятников не было. В русском языке или значительной части его говоров **ѣ** и **ѡ** между согласными в некоторых положениях выпали не позже третьей четверти XI в. В копиях с таких памятников ю.-сл. письма, в которых буквы **ѣ** и **ѡ** между согласными пропускались, а также под влиянием правописания таких памятников, произношения южных славян и собственного произношения русские писцы также пропускали **ѣ** и **ѡ** между согласными, и такие пропуски имеются во всех памятниках русского письма, не исключая ОЕ². Отношение к сохранению **ѣ** и **ѡ** уже у ю.-сл. писцов было различное в силу их различной грамотности, различных орфографических приемов и различия в их оригиналах и их собственном произношении, так как писцы были из разных областей. На эту пеструю ю.-сл. орфографию наслаивались особые орфографические приемы русских писцов, основанные на особенностях русского церковного произношения, неоднородного в разных русских областях. Отсюда крайняя пестрота правописания русских писцов по отношению к сохранению **ѣ** и **ѡ**. Разобраться в ней — работа сложная и трудная, но до известной степени выполнимая.

2. Смешение **ѣ**, **ѡ** с **о**, **ѡ**

Если не считать таким смешением чередование **ѣ**, **ѡ** с **о**, **ѡ** в instr. sg. m. и n., **ѡ** с **ѡ** в dat. pl. основ на согласные, **ѡ** с **ѡ** и **ѣ** в loc. pl. тех же основ, **ѡ** с **ѡ** в местоим. **ѡ**ѡсо и **ѡ**ѡсо, **ѣ**, **ѡ** с **о**, **ѡ** в местоим. наречиях **ѣ**ѡгда, **ѡ**ѡгда, **нѣ**ѡгда, **ѡ**ѡѡгда и **ѡ**ѡгда, **ѡ**ѡгда, **ѡ**ѡгда, **нѡ**ѡгда, **ѡ**ѡѡгда и **ѣ** с **о** в предлогах-приставках **нѣ**ѣ, **ѡ**ѣѣ и **нѡ**ѡ, **ѡ**ѣѡ, перед *o*²⁸, то ока-

²⁸ К случаям смешения **ѡ** с **ѡ** или **ѣ** не относятся написания **мѡѡ** с **ѡ** во всех памятниках русского и во всех старших памятниках ю.-сл. письма, **младѣнѡѡ** с **ѡ** в

жется, что смешение **ѣ, ъ с о, ѐ** в памятниках русского письма XI и 1-й полов. XII в. и в некоторых памятниках 2-й полов. XII в. гораздо реже, чем в любом памятнике ю.-сл. письма X—XII в.²⁹

Вовсе не нашел я случаев смешения **ѣ, ъ с о, ѐ** в ТЛ, АЕ¹, РЕ, ТЕ 1, У 330; очень редки такие случаи в ОЕ¹, ОЕ² и 73¹, и 73², КИ, СПТ, ЧПС, АЕ², У 142, МЕ, ГЕ и УС²; вот все случаи, замеченные мною:

ОЕ¹: **смоковъницеѣѣ**, bis;

ОЕ²: **смоковъници**, -цѣ³⁰;

и 73¹: **самоше|стъноу** 25 d;

и 73²: **о** в м. **ѣ**: **недовољни** 168, **жрь|новъ** 190 с—d³¹; **ѣ** в м. **о**: **народѣмъ** dat. pl. 97 с, **вѣръ** 106 b; последние 2 примера, по-видимому, описки. Особо стоят **золов-** (около 10 раз) и **серевр-** (часто). Правильно, как и в других памятниках р. и ю.-сл. письма **ѐ** в **стегнѣ** «μῆρόν» 242 а и **ѣ** в **стыгнахъ** «πλατεΐαις» 169 об. и т. п.

КИ: **о** в м. **ѣ**: **смоковномъ** 142, **-ное** 177 об., **довољни** 214 об.³², **грознъ** 81 об., в м. **ѣ**: **бездѣтоно**, 110, **свѣтолость** 244 об.³³; **ѐ** в м. **ѣ**: **виновенъ** 56, **търновеныи** 155³⁴, **аересктынхъ** 82 об., **уѣтени**□ 251; **ѣ** в м. **ѐ**: **воудѣтъ** 78, **нариуѣтъ во са** 87, **прѣждъ вѣкѣ** 94, **дажъ** 193. Примеры **бездѣтоно**, **свѣтолость**, **уѣтени**□, **воудѣтъ**, **нариуѣтъ**, вероятно, описки.

СПТ: **о** в м. **ѣ**: **ото мене** 71, **оуповани**□ 23, **оуповаше** 176 об.; **ѐ** в м. **ѣ**: **сесь камень** 131 об.; **ѣ** в м. **ѐ**: **пышница** (описка?).

ЧПС: **о** в м. **ѣ**: **дождь|да** 76 а, **вѣздвигоша** acc. pl. part. 162 б, **пѣсьско морьсктын** 93 г³⁵; **ѐ** в м. **ѣ**: **сегда** 122 б³⁶, **когожедо** 82 а, **владѣте** 3 sg. 42 г,

памятниках р. письма почти всюду (с **ѣ** только ГБ 111 β; из ю.-сл. в Сав., не смешив. **ѣ с ѐ**, везде **младеньць с ѐ**) и **скждѣѣ** во всех старших памятниках р. письма только с **ѣ** (в ю.-сл. обычно **ѣ**, иногда **ѐ**).

²⁹ Киевские листки не являются памятником ю.-сл. письма.

³⁰ Ср. *ibid.* **смокъвьница**, **смокъвниѣ**.

³¹ Ср. *ibid.* обычно: **довѣльн-**, **жрьнѣв-**. А. Meillet, *Études* II. 438 [Мейе, I—II] считает для ст.-сл. правильной форму **довољнѣ**. Но в Супр. обычно **довѣльнѣ**; в р. рукописях XI и XII вв. в огромном большинстве случаев **довѣльнѣ**, изредка также **довѣльнѣ**.

³² Ср. **смѣкъвѣ** 142, **смокъвь** 142 об. и др., **довѣльно** 13 об.

³³ Первое **о** позднее (не раньше XIII в.) переправлено на **ѣ**.

³⁴ **ѣ** в первом слоге позднее (не раньше XIII в.) переправлено из **ѐ**.

³⁵ **воспоѣ** — изд. 97 с.—опечатка; в рукописи **вѣспоѣ**.

³⁶ Ср. **сѣгда** 4 раза.

вѣзвѣстите 3 sg. 100 в; **ѣ** вм. **ь**: **ръвѣникъ** 89 в; **ѣ** вм. **ъ**: **веселать сѧ** (= **вѣс...**) 93 б, **веселаштиихъ сѧ** (= **вѣс...**) 74 г; **ь** вм. **ѣ**: **въньгда** 112 г³⁷. Большая часть этих случаев — описки или ошибки, вызванные непониманием текста.

АЕ²: **о** вм. **ъ**: **подь смоковню** 78 bis, **ко себе** 86 об.; **ѣ** вм. **ь**: **шедъ** 89; **ь** вм. **ѣ**: **имьньмь** 118.

У 142: **ь** вм. **о**: **оупьдобивъше сѧ** 33 об.

МЕ: **жьрновьныи** 91 об.³⁸

ГЕ: **оупова-** неск. раз. (при обычном **оупъва**)³⁹.

УС²: **оупова-** 5 раз (1 р. в ж. Феодосия, 1 р. в ж. Мефодия и 3 раза в переводных житиях⁴⁰), **воуковъ** gen. pl. 105 с (ж. Мефодия), **вѣровахомо** 79 с, **мегидескъ** 77 d (ж. Ирины), **мосивескъ** 83 а (ib.), **спсенааго** (прилаг.) 89 с.

Из этих примеров основа **смоков-** встречается с **о** почти во всех памятниках ю.-сл. письма, не только в Зогр., Мар., Асс. и т. п., но и в Сав., Супр. Написания типа **довольни**, **жьрновь**, **воуковъ**, **шедъ**, **самошестьноу**, **мегидескъ**, **виновенъ**, **спсенааго**, **грознь** принадлежат также к числу обычных в памятниках ю.-сл. письма X—XII вв. Объяснять эти примеры влиянием русского живого произношения и думать, что в р. яз. уже в XI в. при каких-то условиях **ъ**, **ь** произносились как **о**, **ѣ** или были близки к этим звукам, нельзя; писцы ОЕ пишут **о** вм. **ъ** только в такой основе, которая не была известна русскому яз. и встречается с **о** почти во всех памятниках ю.-сл. письма, даже не смешивающих в других случаях **о** и **ъ**; правописание обоих писцов И 73 не отличается строгой выдержанностью; допуская значительное число русизмов в своей работе, писцы непременно передали бы в более многочисленных примерах и свое произношение **о**, **ѣ** вм. **ъ**, **ь** сильных, если бы так произносили; писцы СПт еще менее умели скрывать свое живое произношение; в КИ, при обширных размерах этого памятника, единственный пример, который можно приписать языку русского писца, если думать, что в его яз. **ь** сильное изменилось в **ѣ**, это — **виновенъ**, пример, подобных которому много во всех памятниках ю.-сл. письма; пи-

³⁷ **въньгда** 128 в.

³⁸ Ср. **жьрнѣвъ** 46, **жьрнѣвныи** 102 об., **жьрнѣвахъ** 136.

³⁹ **шедъ**, **водръ** и т. п. в изд. Амфилохия — опечатки.

⁴⁰ Ср. **оупъва-** неск. раз (между прочим в ж. Феодосия).

сец УС² не заменяет њ сильного буквою о ни в ж. Феодосия, ни в переводных житиях и њ сильного буквою е ни в ж. Феодосия, ни в других статьях, кроме ж. Ирины. Кроме того, в памятниках с бoльшим числом русизмов—в У 142, ТЕ 1, У 330—таких примеров я вовсе не нашел, хотя ТЕ 1 и У 330 относятся к XII в.

Ввиду сказанного названные случаи смешения њ, њ с о, е следует возводить к ю.-сл. прототипам. Но единичность их свидетельствует о том, что они не были свойственны правописанию, усвоенному р. писцами этих памятников, т. е., в конечном счете, правописанию их ю.-сл. учителей и значительной части их ю.-сл. образцов; что хотя они и перешли из ю.-сл. оригиналов, но и там встречались лишь как отступления от системы. Возможно, что в отдельных юсл, оригиналах и образцах смешение њ, њ с о, е в подобных случаях встречалось чаще и что русские писцы устраняли его, руководясь своей грамотностью и своим произношением, отличавшим њ, њ от о, е. Но собственное произношение могло помочь русским писцам различать њ, њ и о, е в ц.-сл. тексте только в том случае, если и в знакомой им ю.-сл. орфографии это различие уже было проведено достаточно строго; иначе ю.-сл. написания с о, е вм. њ, њ и наоборот должны были восприниматься писцами как ц.-сл. варианты соответствующих русских слов, аналогичные вариантам свѣща : свѣѡа, пѣтица : пѣтицѣ и т. п. Следовательно, если такое смешение и было известно некоторым ю.-сл. оригиналам памятников русского письма, то усвоенной ими ю.-сл. орфографии как системе оно не было свойственно. А так как из ю.-сл. говоров X—XI вв. правильно отличали њ, њ от о, е только вост.-болг., то первоисточником р. орфографии следует считать орфографию вост.-болг., смешение же њ, њ с о, е следует объяснять или следами старой македонской орфографии в вост.-болг. текстах, служивших оригиналами для р. писцов, или тем, что р. писцам, усвоившим вост.-болг. орфографию, приходилось списывать с текстов не вост.-болг. происхождения; в обоих случаях писцы, руководясь как своей орфографической грамотностью, так и своим собственным живым произношением, помогавшим им писать грамотно, могли устранять при переписке случаи смешения њ и њ с о и е, бывшие в их оригиналах.

Написания ото мене, ко себе, оуповани□ и т. п. не оправдываются правописанием памятников ю.-сл. письма и, следовательно, внесены русскими писцами, но основаны, несомненно, не на живом исконно-

русском произношении: здесь ѣ было слабым и не могло произноситься как о в живом языке. Основа (*u*)*pъva-* русскому яз. не была известна; иначе она непременно с течением времени изменилась бы в (*u*)*fa-*, как и в других слав. языках, благодаря отсутствию родственных основ с ѣ сильным. Поэтому надо думать, что правописание ее с о, обычное в большей части памятников XII в. и постоянное во всех памятниках XIII в. и позднее, передает книжное произношение ее со звуком о. О происхождении такого произношения и об употреблении буквы о в м. ѣ сильного см. дальше.

Чаще смешение ѣ, ъ с о, е в ГБ и ПА.

В ГБ вообще ѣ, ъ и о, е различаются правильно, но все же случаев смешения значительно больше, чем в памятниках, рассмотренных выше. Так как я пользовался изданием, а не рукописью, то трудно сказать, все ли случаи такого смешения принадлежат рукописи или же некоторые из них надо относить на долю опечаток. Кроме того, ввиду присутствия в рукописи несомненных поздних поправок ъ на ѣ возможно, что часть случаев с о в м. ѣ и, может быть, с е в м. ъ принадлежит не писцу XI в., а позднему корректору, может быть, XIII в., ср. подобные поправки в КИ. Но значительное преобладание в издании случаев правильного употребления ѣ и ъ позволяет думать, что случаи смешения ѣ, ъ с о, е, вызванные опечатками или исправлениями позднейшего корректора, вряд ли многочисленны и что, по всей вероятности, большая часть таких случаев принадлежит самому писцу. Вот случаи с о, е в м. ѣ, ъ, замеченные мною при беглом просмотре: о в м. е: кождо 71 α, льгокъ 75 α, гладокъ 80 α⁴¹, кото 78 β, довольно 152 δ, 309 γ⁴²), моногомъ 260 β, воспоминающе 275 β, воскрѣшени□ 310 γ, со-
бъраномъ 371 δ; е в м. ъ: обѣуено 14 δ, обѣуенаго 272 α, вѣзметъ 40 α, поворено 69 β, приснодвижено□ 81 β, оубожество 119 β, мжжестволубиѣ 293 α, блгословественными 297 γ—δ, множествѣ 311 β, беуьстенъ 37 α, отъшестыѣ 44 γ, съшедъшихъ сж 67 γ, подвиженъ adj. 92 об., отъшестѣя 166 β, сраменъ 167 γ, благоревьно 170 α, безденнаѣ 210 β; часты окончания -еухъ, -емъ у существ. не только с основами на согласную, но и с основами на -і: страстехъ, звѣремъ и т. п. Случаев с ѣ в м. ъ

⁴¹ См. Иссл. 10 [Будилович, 1871]; в изд. льгъкъ, гладкъ.

⁴² Ср. довьльн- 253 α, 265 γ и др.

не выписываю, потому что все они похожи на поправки позднейшего корректора.

Из приведенных примеров большая часть тех, где **о**, **е** вм. **ъ**, **ь** сильных, обычна в большей части памятников ю.-сл. письма; **о** вм. **ъ** слабого мне встретилось всего 2 раза, оба перед слогом с **о**, где оно объяснимо и как описка, и как отражение ассимиляции **ъ** звуку **о** следующего слога (ср. **золоба**, **серебро** в И73²); **е** вм. **ь** слабого один раз перед слогом с **е**, где оно может быть понято как описка или как отражение ассимилятивного процесса, в остальных случаях — в суфф. **-ьн-** и **-ьств-**, ср. нын. русские *множество*, *мужество*, *убожество*, а также *качество*, *количество*, *пишество*, *излишество*, *вещество*, *празднество* и т. п. Все такие слова в русском яз. ц.-сл. происхождения; поэтому нет оснований предполагать, что в ГБ подобные написания передают явление живого русского яз., а не книжное произношение ц.-сл. слов, тем более что ГБ, по видимому, — непосредственный список с глаголического оригинала и содержит некоторые ю.-сл. черты, не свойственные большинству памятников русского письма XI и XII вв.

Много случаев написания **о**, **е** вм. **ъ**, **ь** в ПА:

о вм. **ъ** сильного: **жръновъ**, **любовьж** 11 раз, **любовъж**, **любовь** 6 раз, **любовъ** 4 р.⁴³, **послѣдокъ**, **кротокъ**, **крѣпокъ**, **макокъ**, **напрьсокъ**, **сонья** 3 р., **сони□мъ**, **сонъ**, **довольнѣ** bis, **съ зольж**, **тоуно**, **сонмомъ**, **само тъ** пом. sg. m., **храворъ**, **сотъкнжш** **са**, **совъкоупленнемъ**, **несозданое**, **совъмѣсти**, **то** пом. sg. m. bis; **о** вм. **ь** сильного: **ѡромъ**; **о** вм. **ъ** слабого: **възненавидѣно** асс. sg. m., **велико и дивно** пом. sg. m., **зъло** gen. pl., **соннихъ**, **ко боу**, **благо** асс. sg. m., **со хъмъ**; **е** вм. **ь** сильного: **праведн-** и **праведн-** более 40 раз, **ѹестънън** bis⁴⁴, **шедъш-**, **пришедъш-**, **ишедъш-** 4 р., **поѹестънъ**, **день**, **темницж**, суфф. **-ен-** вм. **-ьн-** больше 30 раз (**правьдентъ**, **безжменъ**, **истинентъ**, **подовентъ** и пр.), суфф. **-ец-** вм. **-ьц-** не меньше 6 раз (**валъѹецъ**, **старецъ** и др.); **е** вм. **ь** слабого: **наѹенетъ**, **наѹени**.

Так как в ПА русизмов очень мало, а ю.-сл. черт больше, чем в других памятниках р. письма, то частое употребление **о**, **е** вм. **ъ**, **ь** сильных следует относить на долю правописания ю.-сл. оригиналов ПА, тем более что употребление **о**, **е** вм. **ъ**, **ь** в ПА не отличается от такого же употребления в значительной части памятников ю.-сл. письма, рез-

⁴³ Ср. **любъвьь** неск. раз. В остальных памятниках р. письма до 2-й полов. XII в. везде только **любъвь**.

⁴⁴ Ср. **ѹестънън** ib.

ко отличаясь от употребления тех же букв во всех памятниках русского письма.

В УС¹ постоянно о вм. ъ слабого в основе оупова⁴⁵ и обычно е вм. ь сильного во всех формах прич. шедъ (ишедъ, пришедъ и пр.)⁴⁶ при несколько более редких правильных написаниях с ь⁴⁷; сюда же пришель ж. Бор. и Гл. 8 d и ошествиѣ ж. Аф. 7 с.⁴⁸ Остальные случаи о, е вм. ъ, ь сильных единичны: довольномъ ж. Феод. 42 с⁴⁹, вопль Чуд. Бор. и Гл. 24а⁵⁰, о вм. ъ слабого: золодѣи ж. Феод. 29 b; е вм. ь сильного: науенъ ж. Феод. 33 с, рьвени ib. 33 с⁵¹; е вм. ь в сочет. *tblt*: церкты Чуд. Бор. и Гл. 19 а, ищернигова ib. 25 b, ѹетвертѣи ж. Феод. 34 d; е вм. ь слабого: всемоу Чуд. Бор. и Гл. 25 с, бжествьноуоуоу ж. Феод. 45 b.

Чаще случаи написания ъ, ь вм. о, е: ъ вм. о: смѣкъв- Пов. Иерем. 13 раз⁵², клиръсъмъ ж. Аф. 5 d, радъстънъ ж. Бор. и Гл. 10 с, преподъвънѣимъ Чуд. Бор. и Гл. 20 с, нѣкотърѣи ib. 21 а, всеволъдъ ib. 22 d, крѣтъкъ ж. Феод. 30 d, 42 d⁵³, въжъственѣи ib. 27 с, въгъмъ ib. 31 b, мѣстъ то ib. 31 b, измълъ ib. 36 b, рѣкъхъ (вм. рекохъ или рѣхъ) ib. 40 b, недъоумѣи ib. 30 а, онѣи dat. sg. f. ib. 32 d, стъврѣша мѣмъ dat. pl. 37 с, англѣмъ dat. pl. 39 d, подъвънъ ib. 39 d; ь вм. е: именьмъ ж. Бор. и Гл. 11 d, приметь ib. ж. Феод. 33 с, 45 b⁵⁴, ѹюдъсьмъ Чуд. Бор. и Гл. 22 d, не ищеть ж. Бор. и Гл. 11 с, въ ньмъ ж. Феод. 35 b, бжествьнѣи ib. 29 с, бжествьноуоуоу ib. 45 b, тревоуѣтъ 2 pl. ib. 37 а.

Такие написания, как ищернигова, церкты, ѹетвертѣи, по-видимому, указывают, что в р. яз., по крайней мере там, где написан УС, к тому

⁴⁵ Ж. Аф. 1 р., ж. Бор. и Гл. 3 р., ж. Феод. 4 р.

⁴⁶ Пов. Иерем. 6 р., ж. Аф. 3 р., ж. Бор. и Гл. 5 р., Чуд. Бор. и Гл. 10 р., ж. Феод. 34 р.; всего 58 р.

⁴⁷ Пов. Иерем. 2 р., ж. Аф. 1 р., ж. Бор. и Гл. 2 р., Чуд. Бор. и Гл. 11 р., ж. Феод. 24 р.; всего 40 р.

⁴⁸ Ср. шьстви мъ Ж. Аф. 5 b, пришьствни ib. 7 а, шьстви ж. Феод. 39 с.

⁴⁹ Ср. довълно Пов. Иерем. 2 d, довълно ж. Аф. 5 d, довълнѣ Чуд. Бор. и Гл. 24 d, довълно ж. Феод. 37 а.

⁵⁰ Ср. сохранение ъ слабого (сильного?) в въпни Чуд. Бор. и Гл. 24 а.

⁵¹ Ср. рьвни ib. 45 d.

⁵² Ср. смокъв- ib. 3 раза.

⁵³ Ср. крѣтъкъ ib. 35 с, крѣтость 42 d, 45 d.

⁵⁴ Ср. именьмъ ib. 33 b и др.

времени **ь** сильное уже совпало с **ѣ**⁵⁵. Тем не менее, кроме этих примеров, случаи замены **ѣ** и **ь** сильного через **о**, **ѣ** почти отсутствуют, а те, которые имеются, могут объясняться и из ю.-сл. правописания⁵⁶, что указывает на очень хорошее знание орфографии, не смешивающей **ѣ**, **ь** с **о**, **ѣ**, писцом УС¹. Из случаев написания **ѣ**, **ь** вм. **о**, **ѣ** бóльшая часть похожа на описки — при всей грамотности писца, описки в УС¹ нередки и помимо случаев написания **ѣ**, **ь** вм. **о**, **ѣ**. Но объяснять все случаи подобного рода описками трудно, тем более что подобные написания встречаются и в других памятниках р. письма, именно, в М 95, М 96, М 97.

Сходны между собою по своему отношению к смешению **ѣ**, **ь** с **о**, **ѣ** М 95, М 96, М 97 и ЕК.

В М 95 **о**, **ѣ** вм. **ѣ**, **ь** сильных не встречаются; один раз **ѣ** в сочетании *tblrt*: **жестосерьдѣнѣмѣ**. Это написание не может восходить ни к ю.-сл. правописанию, ни к ю.-сл. произношению и, следовательно, принадлежит русскому писцу. Но так как других примеров с **ѣ** или **о** в сочетаниях типа *tblrt* ни в одном памятнике XI и нач. XII вв. нет (УС и ЕК позднее), то нельзя считать его указанием на живое произношение писца и следует объяснять его так же, как и другие случаи смешения **ѣ**, **ь** с **о**, **ѣ** в М 95.

Зато нередко в М 95 **о** и особенно **ѣ** вм. **ѣ**, **ь** слабых:

о вм. **ѣ**: **неплодове**; кроме того, раз в 10 **о** вм. **ѣ** в конце слова, около 20 раз **ѣ** переправлено из ошибочно написанного **о** и 8 раз из **о**, написанного вм. **ѣ** в первой части буквы **ѣ**.

ѣ вм. **ь**: **весе** nom. sg. m., **положе** nom. sg. m., **роженѣ** instr. pl. (= **рожнѣ**), **нвсенана**, **весеснальна**, **весемирна**, **весещедрителѣ**, **многострастене**, **бговидеѣ** (voc.), **словесена**, **ковеѣгѣ**, **страстотърѣпѣ** voc.

Несколько раз написаны **ѣ**, **ь** вм. **о**, **ѣ**:

ѣ вм. **о**: **крѣпѣсть**, **снѣднѣе**, **кѣлицѣствѣмѣ**, **ѣкѣ**, **крѣви** nom. pl. «**дбѣмѣ**»; **ь** вм. **ѣ**: **ложснѣхѣ**, **извлѣѣ** 3 sg. aog., **благодѣтъль**, **вѣнѣуносьѣ**, **вѣнѣуносьѣца**, **вьльѣ**, **камьнѣмѣ**, **словьсьмѣ** bis.

⁵⁵ То обстоятельство, что все 3 случая — в русских статьях, не достаточно для того, чтобы делать из этого какие-либо выводы, потому что обе переводные статьи в УС¹ занимают только 7 1/2 листов, ж. Бор. и Гл. 9 1/2 л., Сказ. о Чуд. Бор. и Гл. 8 л. и ж. Феод. 21 л. Впрочем, возможно, что р. оригинал Сказ. о чудесах, как более поздний, уже имел написания **-ѣр-** вм. **-ѣр-**.

⁵⁶ Кроме **золодѣнѣ**; этот пример, если не описка, может быть сопоставлен с **золѣба** в И 73.

В М 96 случаев смещения **ъ**, **ь**, с **о**, **е** меньше: **о** вм. **ъ** сильного: кра□оугольнѣи; ср. храворъ, храворьскы⁵⁷; **о** вм. **ъ** слабого: прово; **е** вм. **ь** слабого: спсеноюю, тьрновено□; **ъ** вм. **о**: зъва прич., къторѣи, гръздѣ, тавилъ sg. п.; **ь** вм. **е**: кольсница⁵⁸.

В М 97 **о** вм. **ъ**: грознѣ, грознѣи, грознови□, оуповани□ 3 раза⁵⁹, придоху 1 sg. аог., дѣло доврѣхъ gen. pl., домо nom. sg.; кроме того 7 раз он, ои вм. ты, 10 раз ои переправлено на ты, 6 раз ошибочно написанное **о** в конце слова переправлено на **ъ** и 1 раз не в конце слова.

е вм. **ь** сильного: съпр□столенѣ, рьвеннѣ⁶⁰, **е** вм. **ь** слабого: благодате-нами, нѣсенѣи, нѣмаствено, роженѣ instr. pl., срѣценѣи, тьржествоу-□мѣ, уетемѣ, **е** вм. **ъ**: прозавеша.

ъ вм. **о**: грѣхъвнага, гажвинѣу, багътѣль; **ь** вм. **е**: тельсьнаго, всельнь-скыпа, вользнѣнѣга (здесь **ь** вм. **ѣ**), въплѣщѣно, зиждительви, прѣоумѣ-но жѣ.

В ЕК написания **о**, **е** вм. **ъ**, **ь** сильных, несмотря на огромные размеры памятника, единичны:

о вм. **ъ** сильного 1 раз: уинохъ loc. pl.⁶¹; **е** вм. **ь** сильного 6 раз: вецемѣ, дѣлженѣ⁶², пришестви□, ежествѣнѣи bis, невѣжестви□;

о, **е** в сочетаниях типа *tyrt* 4 раза: волн□нига, съвершен- 3 раза⁶³.

Гораздо чаще **о**, **е** вм. **ъ**, **ь** слабых:

о вм. **ъ** слабого 12 или 13 раз: золовѣрини, църковѣ bis, два или три раза в конце слова, в остальных случаях — перед слогом с **о**; 2 раза он вм. ты;

е вм. **ь** слабого 45 раз, в том числе 2 раза перед слогом с **е** и несколько раз после слога с **е**: съверавѣшихъ сл, вѣществовати, зѣдани□, седе, ко□мѣждо, 13 раз в суфф. -нѣ-, 8 раз в суфф. -ьск-, 8 раз в суфф. -ьствѣ- (после л, р и шипящих), 2 раза в суфф. -ьцѣ- и 9 раз в конце слова.

ъ вм. **о** 11 раз, из них 6 перед слогом с **ъ** и 1 раз после слога с **ъ**;

⁵⁷ Ср. хравѣра ib., хравѣр- 7 раз М 97. Впрочем, по-видимому, р. языку было известно и храворъ со старым **о**.

⁵⁸ Ср. колесница ib.

⁵⁹ Ср. гръзнѣ 3 р., гръзнѣи 2 р., оупѣва 2 раза с **ъ**.

⁶⁰ Ср. ibid. 6 раз с **е**.

⁶¹ Указ. Обнорским довольни — опечатка издания; в рукописи — **ъ**.

⁶² **е** переправлено самим же писцом на **ь**.

⁶³ Указ. Обнорским совершиша — опечатка издания.

ь в м. ѳ больше 60 раз; из них 35 раз в суфф. причастия -ьн- (в м. -ѳн-); в остальных случаях по большей части перед слогом с ь или после слога с ь.

Написания **волнѳннѳ** и **сѳвершенѳ** могут указывать на то, что в яз. писца ЕК или его оригинала ь, ѳ в подобных случаях уже совпали с ѳ, ѳ, что, однако, почти не отражается на его правописании.

В М 95, М 96, М 97 и ЕК много описок; поэтому часть ошибочных написаний ѳ, ѳ в м. ь, ѳ и наоборот можно отнести на долю описок; в некоторых случаях могло быть ошибочное понимание текста. Но за вычетом подобных случаев картина правописания этих памятников остается та же: случаев написания ѳ, ѳ в м. ь, ѳ в сильном положении почти нет, и почти все они, несомненно, восходят к ю.-сл. орфографической традиции; случаев же с ѳ, ѳ в м. ь, ѳ в слабом положении и случаев с ь, ѳ в м. ѳ, ѳ сравнительно много. Такая орфография могла возникнуть только там, где ь, ѳ сильные не совпали с ѳ, ѳ; но если ь, ѳ сильные отличались от ѳ, ѳ, то тем более должны были отличаться ь, ѳ слабые. Следовательно, употребление ѳ, ѳ в м. ь, ѳ в слабом положении и ь, ѳ в м. ѳ, ѳ не могло соответствовать русскому живому произношению; но оно не соответствовало и ю.-сл. орфографической традиции. Источник таких написаний надо искать в русском церковном произношении. Руководясь в вопросе о том, где писать ь, ѳ и где ѳ, ѳ, своим живым произношением, русские писцы писали правильно ь, ѳ там, где в их родном языке было ь, ѳ, но сбивались в словах церковных, не исконно русского происхождения, а также там, где в их живом языке соответствующих звуков не было или даже были звуки ѳ, ѳ. Т. е. те слова этих памятников, в которых мы находим ѳ, ѳ в м. ь, ѳ слабых, вероятно, или ц.-сл., как **неплодове**, **оупованиѳ**, **зеданиѳ**, **тѳржествоуѳмѳ**, или в русском живом языке произносились уже без ь: **все**, **сѳбравшихѳ са**, **сде** и т. п. Появление ѳ, ѳ в м. ь, ѳ в таких случаях объясняется тем, что ь, ѳ здесь должны были произноситься при церковном исполнении, особенно при пении и чтении нараспев. В церковном же произношении ь, ѳ, очевидно, звучали как ѳ, ѳ. Такое произношение, отличное от русского живого, могло вызываться тем, что русские воспринимали ю.-сл. ь, ѳ как ѳ, ѳ, что могло быть как в том случае, если южные славяне, бывшие на Руси, произносили действительно ѳ, ѳ в м. ь, ѳ, так и в том случае, если они различали эти звуки, но иначе, чем русские; благодаря этому русские могли замечать разли-

цу между своим и ю.-сл. произношением њ, њ и не замечать разницы между ю.-сл. произношением њ, њ с одной стороны, и о, є — с другой. Не отличая ц.-сл. њ, њ, отсутствовавших в их живом языке, от о, є, русские писцы могли и вместо этимологических о, є написать њ, њ: труднее было смешать с о, є те њ, њ, которые были и в русском живом языке.

Выводы:

1. В основе правописания русских рукописей XI и XII вв. лежит ю.-сл. правописание, строго различавшее њ, њ, с одной стороны, и о, є, с другой; это правописание, очевидно, восточно-болгарское.

2. Большая часть памятников, выдерживающих это правописание, содержит и некоторые слова с о, є вм. њ, њ. Эти слова с таким правописанием не принадлежат русским писцам и могут указывать на отдаленные оригиналы, писанные в области ю.-сл. говоров, знавших переход њ, њ сильных в о, є, или на влияние таких говоров на те ю.-сл. говоры, в которых њ, њ сильные не совпали с о, є; именно, последние могли заимствовать у первых некоторые слова с о, є вм. этимологических њ, њ, может быть, отсутствовавшие в этих говорах первоначально.

3. В русских рукописях правильное различение њ, њ, с одной стороны, и о, є, с другой, поддерживалось: 1) живым русским произношением, различавшим эти звуки в XI и 1-й полов. XII в., 2) сохранявшейся в течение известного времени на Руси старой традицией церк. произношения, основанной на произношении части южных славян, бывших на Руси в XI в., различавших в своем произношении эти звуки.

4. Кроме ю.-сл. рукописей, строго различавших њ, њ и о, є в XI в., на Русь проникли и рукописи, смешивавшие њ, њ с о, є. Но их влияние на русское правописание по отношению к этой черте было гораздо менее значительным, может быть, потому, что большая часть таких рукописей появилась на Руси уже тогда, когда русское правописание уже более или менее установилось. Наиболее ярко ю.-сл. правописание, смешивавшее њ, њ с о, є, отразилось на ПА и, в меньшей степени, на ГБ.

5. Между южными славянами, бывшими на Руси в XI и XII вв., от которых русские усваивали церковное или литературное произношение, были и такие, которые произносили њ, њ сильные как о, є или, по крайней мере, так, что русские воспринимали њ, њ в их произношении

как **ѡ**, **ѣ**. Так же произносили они **ѣ**, **ѡ** слабые при пении, а иногда, быть может, и при чтении нараспев, и так же читали буквы **ѣ**, **ѡ** при обучении письму. По-видимому, южные славяне с таким произношением появились на Руси несколько позже, чем те южные славяне, в произношении которых русские улавливали разницу между **ѣ**, **ѡ**, с одной стороны, и **ѡ**, **ѣ**, с другой. К концу XI в. южных славян, в произношении которых русские не могли уловить разницу между **ѣ**, **ѡ** и **ѡ**, **ѣ**, было столько, что усвоенная у них дикция начинает в русском церковном чтении и пении вытеснять прежнюю дикцию, отличавшую **ѣ**, **ѡ** от **ѡ**, **ѣ**. Таким образом возникло русское церковное произношение **ѣ** и **ѡ** как **ѡ** и **ѣ**, отличавшееся от русского живого произношения, в котором лишь позднее и то не всюду **ѣ**, **ѡ** сильные совпали с **ѡ**, **ѣ**. На письме русские, произнося в церковном чтении **ѣ**, **ѡ** сильные как **ѡ**, **ѣ**, различали соответствующие буквы, руководясь своим живым, нецерковным произношением. Поэтому в словах ц.-сл. происхождения, где такая проверка была невозможна, чаще встречается **ѡ**, **ѣ** вм. этимологич. **ѣ**, **ѡ**, чем в словах исконно-русских. Может быть, поэтому в значительной части памятников русского письма так правильно выдерживается **ѣ** и **ѡ** перед **м** в окончании instr. sg. m. и n. subst., хотя бóльшая часть ю.-сл. оригиналов имела в этой форме **ѡ** или **ѣ**, и только окончание **-ѡмь** после гласной русские писцы не умели передавать иначе, потому что буква **ѡ** после гласных в значении *jъ* не употреблялась, а русское окончание *-jъмь* было ближе к ст.-сл. **-ѡмь**, чем к **-имь**. Редкие написания с **-имь**, вероятно, восходят к ю.-сл. оригиналам, ср. редкие примеры с таким окончанием в Клоц., Асс., Хил. и Супр.

6. В некоторых случаях **ѣ**, **ѡ** слабые в ц.-сл. словах стали произноситься как **ѡ**, **ѣ** не только при пении и чтении нараспев, но и при других условиях. Сюда относятся, например, такие случаи, как **ѡупованиѡ**, **множество**, **соборѣ**, **совѣтъ**, **во имѡ** и мн. др.

7. Определенных указаний на то, что на Русь в XI в. перешли между прочим и рукописи, знавшие только **ѡ** вм. **ѣ**, но не **ѡ** вм. **ѡ**, и что среди южных славян, бывших на Руси, были и такие, говор которых отличался этой чертой, памятники русского письма не дают, хотя возможно, что преобладание случаев с **ѣ** вм. **ѡ** и наоборот перед случаями с **ѡ** вм. **ѣ** и наоборот в некоторых памятниках русского письма вызвано именно этим.

3. Мена ѣ и ъ

Мена ѣ и ъ в русских рукописях XI и XII вв.— явление чрезвычайно сложное, отражающее факты разных периодов разных ю.-сл. говоров, причем ю.-сл. правописание по отношению к этой черте, несомненно, подвергалось изменениям и на русской почве. Рассмотрение всех относящихся сюда случаев требует особой работы, и потому я ограничусь здесь анализом употребления в памятниках русского письма ѣ вм. ъ после шипящих, а остальных случаев коснусь лишь в самых общих чертах.

Случаи мены ѣ и ъ не после шипящих встречаются во всех памятниках русского письма, но в большей части их ограничиваются лишь немногими словами или известными окончаниями. Сравнительно часты случаи смешения ѣ и ъ только в ГБ, ПА и особенно в КИ, где очень часто ъ вм. ѣ. Совершенно особняком стоит РЕ, где ѣ вовсе не пишется, заменяясь во всех случаях буквою ъ. Несомненно, правописание, часто смешивающее ѣ и ъ или последовательно заменяющее ѣ буквою ъ, по происхождению не русское и восходит к подобному ю.-сл. написанию.

Замена ъ через ѣ после шипящих ярков выражена только в ОЕ², ГБ и ПА.

В ОЕ²— 115 случаев с ѣ после шипящих (из них 7 после жд), в том числе 63 в сильном положении (из них 57 в основе шъд-), при обычном, значительно большем числе случаев сохранения ѣ и в сильном, и в слабом положении.

В ГБ ѣ после шипящих очень часто как в слабом, так и в сильном положении, но значительно чаще после шипящих пишется ъ.

В ПА ѣ после шипящих— более 400 раз, преимущественно в слабом положении; в сильном— только 37 раз; из них 15— в основе шъд-.

Единичные примеры с ѣ после шипящих:

И 73²: пѣшъ|шьскыихъ 116 а, чѣто 114 с, 202 d, многашъды 99 с, 107 а, шести|шъды 142 d, притъчъ 152 b.

КИ: вѣшълъ 36, дѣждъ 62, 147 об., 202, ницѣто 127.

ЧПС: чѣто 38 б, моужъ 38 а, дѣждъ 75 г.

АЕ¹: пришъдъ.

М 97: рожъши, породъши, рожъши, раждъже сѣ, моужъскомоудрно.

УС²: дѣждъ ж. Феод.

ЕК: дѣлжѣни.

Написание жрътвоу И 73¹, 33 об. сюда не относится; оно могло заменить собою жрътвѣж оригинала. В ОЕ¹, И 73¹, ТЛ, СПт, АЕ², У 142, М 95, М 96, РЕ, МЕ, ГЕ, ТЕ 1, У 330, УС¹ случаев с ъ после шипящих я не нашёл.

Присутствие ъ после шипящих в большом количестве в рукописях с наибольшим количеством ю.-сл. черт в правописании и с наименьшим количеством русизмов и отсутствие или присутствие лишь в единичных примерах в рукописях с большим количеством русизмов, а также в рукописях XII в. показывает, что эта черта — наследие ю.-сл. традиции. В то же время то обстоятельство, что даже в русских рукописях с наибольшим количеством случаев с ъ после шипящих эта черта не проведена последовательно и случаи эти реже, чем случаи правильного написания ѣ, показывает, что ю.-сл. правописанию, усвоенному русскими в XI в., эта черта уже не была свойственна и сохранялась в рукописях лишь как пережиток.

VI. Начальные ѐ и □⁶⁴

Из больших ст.-сл. памятников ю.-сл. письма только Супр. различает начальные ѐ и □; остальные в начале слова пишут только ѐ и, таким образом, не дают указаний на то, произносили ли писцы в начале слова только *e* без йотации, или, наоборот, всегда с йотацией — *je*, или же произносили в одних случаях *e*, в других *je* и только не различали этого на письме.

В Супр.⁶⁵ постоянно пишутся с начальным ѐ греческие слова, утвердительное слово **ѐн** и прилаг. **ѐтеръ**; последовательное употребление этих слов только с начальным ѐ, в то время как, например, dat. sg. □и всегда пишется с □, указывает на то, что с буквами ѐ и □ в начале слов

⁶⁴ Некоторый материал, касающийся употребления начальных ѐ и □ в ст.-сл. памятниках ю.-сл. и русского письма, приведен мною в статье «Спорные вопросы о.-сл. фонетики. I. Начальное *e* в о.-сл. языке» // *Slavia* III. 2—3 [Дурново, 1924а; наст. изд., с. 495—541]). Поэтому, говоря о тех памятниках, показания которых использованы мною в назв. статье с достаточной полнотой, я, чтобы не повторяться, ограничусь краткими ссылками.

⁶⁵ См. мою назв. статью.

писцы Супр. соединяли разные значения, т. е. читали, очевидно, в 1-м случае *e* без йотации, а во втором — *je*.

Колебание между начальными **ѐ** и **ѡ** в словах **ѐсе**, **ѐда**, **ѐзеро**, **ѐлень**, **ѐша** и **ѡсе**, **ѡда**, **ѡзеро**, **ѡлень**, **ѡша** ввиду немногочисленности примеров можно бы считать однородным с случаями написания с начальным **ѐ** и таких слов, которые вообще пишутся с начальным **ѡ**, как **ѐстьство**, **ѐго**, **ѐмоу** и др., но нельзя не заметить, что слова **ѐсе**, **ѐда**, **ѐзеро**, **ѐлень**, **ѐша** встречаются с начальным **ѐ** (при этом, кроме **ѐсе** и **ѐша**, по нескольку раз) до л. 471, где в других словах **ѐ** вместо **ѡ** написано всего 7 раз и то только после **и** или в конце строки; поэтому более вероятно, что написания названных слов с начальным **ѐ** отражают произношение, колебание же между **ѐ** и **ѡ** указывает или на разные орфографические системы, или скорее всего отражает разное произношение, т. е. можно думать, что рядом с произношением **ѐда** существовало и произношение **ѡда** и что в то время, как в одних говорах **ѐлень** и **ѐзеро** произносились с начальным *e*, в других те же слова звучали с начальным *je*; текст Супр. переписывался несколько раз писцами с разными говорами. Возможно, что и два случая написания **ѐдва** до л. 471 с начальным **ѐ** тоже отражают произношение, ср. последовательное написание **ѐ** в этом слове в памятниках русского письма. Менее оснований видеть отражение произношения в двух случаях написания основы **ѐдн-** (**ѐднауѐ** и **ѐднако**)⁶⁶ и одном случае написания **ѐлико** до л. 471, хотя ср. **ѐднауѐ** в ТЕ 1 и словенское *eden* и частое **ѐлико** в ГБ, ЧПс, КИ и СПт. В остальных двух случаях с начальным **ѐ** до л. 471, которые, несомненно, не отражают произношения с начальным **ѐ** без йотации, это **ѐ** написано в конце строки, очевидно, за недостатком места.

Почти все рукописи XI и XII вв. русского письма отражают по отношению к начальным **ѐ** и **ѡ** ю.-сл. систему орфографии, однородную с орфографией Супр. и, следовательно, отличную от орфографии Сав. и глаголических памятников.

В ОЕ¹ и ОЕ² начальное **ѡ** пишется последовательно в косвенных падежах местоимения **и** (**ѡго** и пр.), в формах глаголов **ѡсмь** и **ѡмьж**, в основах **ѡдин-** и **ѡлик-** и в словах **ѡгда** и **ѡже**. Очень редко в тех же словах пишется **ѐ**, со значком наверху, и только один раз **ѐ** без значка в слове **ѐгда**. Слово **ѡце** обыкновенно, много раз,—с начальным **ѡ**, но

⁶⁶ После л. 471 **ѐ** в основе **ѐдн-** написано всего 3 раза.

9 раз написано **ѣще**, без значка над **ѣ**. Постоянно с начальным **ѣ** пишутся греческие слова (очень редко **ѣ**, никогда □), а также: **ѣда** (много раз), **ѣи** (утвердит. и зват. частица; много раз), **ѣзеро** (4 раза), **ѣтеръ** (3 раза), причем **ѣда** 2 раза, **ѣи** 1 раз и **ѣтери** 2 раза написаны со значком над **ѣ**. По одному разу написаны с начальным **ѣ** без значка слова **ѣдѣва** и **ѣльма**.

В ГБ на первых 7 листах и на последних 85 листах, начиная с л. 281, буква □ почти не пишется, и сочетание *je*, так же как и *e* без йотации, по большей части одинаково передается через **ѣ**, и только изредка встречается □, исключительно в тех словах, которые пишутся с □ и в рукописях, различающих **ѣ** и □: **ѣже**, **ѣго**, **ѣмоу**, **ѣсмь**, **ѣсть**, **ѣдинъ**. Но в большей части рукописи (л. 8—280) □ и **ѣ** последовательно различаются; немногие, почти единичные случаи неправильного написания **ѣ** могли быть перенесены из глаголического оригинала, но могут быть и опечатками, каких в издании много. Начальное **ѣ** постоянно пишется⁶⁷ в греческих словах (не менее 60 раз), в словах: **ѣда** (более 25 раз), **ѣльма** (около 50 раз), **ѣдѣва** (не менее 9 раз), **ѣтеръ** (не менее 6 раз, см. 152 б, 261 б и др.), **ѣлень** (раза 4—25 δ, 119 β, 220 δ и др.); □ встретилось только в словах: **ѣммелна**, **ѣда** 3 раза, **ѣльма** 1 раз; слово **ѣзеро** в этой части рукописи не встречается; на л. 282 α оно написано с начальным **ѣ**. Почти везде написана с начальным **ѣ** основа **ѣлик** (**ѣлико**, **ѣлика**, **ѣлицѣхъ** и пр.), встречающаяся на лл. 8—280 более 100 раз; с начальным □ та же основа встретила мне всего 13 раз; слово **ѣлишьды** встретилось всего 2 раза с начальным **ѣ**. Колебание наблюдается в слове **ѣще** или **ѣште**, которое в начале рукописи (после л. 7) чаще пишется с начальным □, а во 2-й половине (имею в виду только часть рукописи до 281 л.) рукописи чаще с начальным **ѣ** (я отметил 24 случая **ѣште** или **ѣще** и 31 случай с начальным **ѣ**), и в слове **ѣгда**, написанном около 20 раз с □ и не меньше 10 раз с **ѣ**. Основа **ѣдин**- обычно (до л. 200 не менее 125 раз) пишется с начальным □, гораздо реже (но все же более 40 раз) с начальным **ѣ**. Непонятное колебание наблюдается в основе **ѣстьств**-, написанной 18 раз с начальным □ и 15 раз с начальным **ѣ**. Более или менее постоянно пишется начальное □ в словах: **ѣже** (более 160 раз), **ѣго** (до л. 200 не менее 80 раз), **ѣмоу** (до л. 240 около

⁶⁷ При подсчете я не принимал во внимание заглавных букв; возможно, что заглавные буквы издания не соответствуют заглавным буквам оригинала.

50 раз), **Ѡмь** (2 раза), **ѡм**, **Ѡи**, **Ѡь** (всего 16 раз), **Ѡ** в. ед. ср. р. (2 р.), **Ѡсмь** и **Ѡсмь** 1 ед. и мн. (22 раза), **Ѡси** (27 раз), **Ѡсть** (до л. 200 не менее 200 раз), **Ѡста**, **Ѡсте** (всего 6 раз), **Ѡ** 3 ед. (6 раз). Начальное **Ѡ** в этих словах встречается в следующих случаях: **Ѡже** (до л. 200 — 12 раз), **Ѡго** (до л. 200 — 2 раза), **Ѡмоу** (до л. 240 — 4 раза), **Ѡм**, **Ѡи** (всего 4 раза), **Ѡ** в. ед. ср. р. (1 раз), **Ѡси** (2 раза), **Ѡсть** (до л. 200 — 4 раза), **Ѡсмь** и **Ѡсмь** 1 мн. (5 раз). Глагол **ѡмь** без приставки встретился только 1 раз с начальным **Ѡ**: **Ѡмьже**.

Как было указано выше, ГБ списаны с глаголического оригинала; следовательно, правильное различение **Ѡ** и **Ѡ** в этом памятнике восходит не к оригиналу, а к усвоенной писцом орфографии.

В И 73¹ в начале слов пишется и **Ѡ**, и **Ѡ**; та и другая буква употребляются непоследовательно. Рядом с написаниями **Ѡ** 3 ед. 8 а и др., **Ѡсть** 11 с и др., **Ѡта** 19 а и др., **Ѡдино** 16 а и др., **Ѡликоже** 29 d и др., **Ѡже** 4 с и др., **Ѡгда** 16 b и др., **Ѡльма** 13 а и др., **Ѡстьства** 14 а и др. и т. п. встречаются, правда значительно реже, и написания: **Ѡ** 3 ед. 6 а и др., **Ѡсть** 35 b и др., **Ѡго** 23 d и др., **Ѡдиноуадын** 6 d и др., **Ѡже** 41 с и др., **Ѡгда** 27 d и др., **Ѡльма** 18 b и др., **Ѡстьства** 6 с и др. и т. д. Наоборот, рядом с обычными написаниями: **Ѡда** 16 b и др., **Ѡи** (утверд. и зват. частица) 50 b, **Ѡпискѡпа** 24 а и др., **Ѡвъ Ѡфестѣ** 23 а, **Ѡретичьствѣ** 59 а, **Ѡгуптѣвны** 64 b и т. п., встречаются иногда написания **Ѡда** 9 d, **Ѡи|оуѠ** 18 d, **Ѡлиньскы|та** 19 d, **Ѡретикы** 23 а, и т. п. Впрочем, слова **Ѡсмь**, **Ѡси**, **Ѡ**, **Ѡсть** и пр., **Ѡго**, **Ѡмоу**, **Ѡь** и пр., **Ѡже**, **Ѡгда**, **Ѡдинъ**, **Ѡлико**, **Ѡстьство**, **Ѡльма** по большей части пишутся с **Ѡ**, наоборот, греческие слова обычно — с начальным **Ѡ** и только изредка с **Ѡ**.

В И 73² в начале слов почти всегда — **Ѡ**, не только в таких словах, как **Ѡ** 86 d, **Ѡсть** 86 d, **Ѡже** 92 с, **Ѡгоже** 87 с, **Ѡлико** 93 а, **Ѡдино** 93 с и т. д., но также и в греч. словах: **къ Ѡфесийѡмъ** 86 b, **къ Ѡангганѣ** 92 с, **къ кѡсевнижъ ѡпоу** 88 а, **Ѡпискоупъ** 95 с, **къжпть|скоѠ** 105 b, **Ѡлинес** 249 b и т. д., и в таких словах, как: **Ѡда** 95 с и др., **Ѡзерѣ** 238 b, **Ѡдѡва** 87 d и др. Начальное **Ѡ** чрезвычайно редко: **Ѡинномъ** 88 b, **Ѡсть** 153 а.

В ТЛ начальные **Ѡ** и **Ѡ** правильно различаются. Начальное **Ѡ** между прочим имеется в словах **Ѡь** 2, **Ѡдинъ** 4, 15, **Ѡдина** 15, **Ѡликоже** 11 и др., начальное **Ѡ** в словах: **Ѡи** (утверд. частица) 1, при **Ѡзерѣ** bis 4, **Ѡда** 19; остальные слова, пишущиеся в других памятниках с начальным **Ѡ**, в ТЛ не встречаются.

В Ки вообще начальные □ и є различаются; колебания в написании не мешают судить об орфографии, которой пользовались писцы.

С начальным □ пишутся формы глаголов □смь и □млю (□смь, □си, □сть, □, □смъ, □смы, □сте, □м□ши, □млетъ, □м□мь, □ми, □лема), косв. падежи местоим. и (□го, □моу, љъ, □и, □) и существ. □стьство. С начальным є те же слова отмечены много в следующих случаях: єсмь 87, 209, єси 67 об., 72 об. bis, 86 об., єсть 44 об., 45 об., 52 и др. (на лл. 44 об.—87 об.—28 раз; встречается и позднее), є 3 ед. 50 об., 84, 86, не єми 114, не ємете 165 об., єго 21 об., 68 об., 69 и др. (9 раз, из них 8 раз єгоже), ємоу 59, 68 об., 85, 86, єи д. ед. 79, єстьств- 65 об., 77, 78 об., 87 об. Ср. □смь больше 8 раз, □си больше 8 раз, □сть на лл. 44 об.—87 не меньше 48 раз, до л. 44 об. постоянно, после л. 87 гораздо чаще, чем єсть, □ больше 20 раз, не □ми 2 раза, □м□ши, □м□тъ, □м□мь, □м□ма не меньше 6 раз; □стьств- до 65 об. только с □, позднее — не меньше 10 раз; □го значительно больше 25 раз, □моу больше 20 раз, □ъ не менее 3 раз (69, 83, 227 об.), □ в. ед. ср. р. 74 об.⁶⁸

Колебание замечается в написании основы □дин- и слов □лико, □гда, □же и □ще (□ште). Основа □дин- с □ на лл. 42 об.—87 об. отмечена мною 45 раз, єдин- с є — 34 раза; до л. 42 об. пишется только □дин-, после л. 87 об. и □дин-, и єдин-; но первое гораздо чаще: отмечу также □дьни 138 об. Слово □лико отмечено мною с □ только 5 раз: 40 об., 63 об., 102 об., 157, 196 об. и 8 раз с є: єлико 13 об., 27 об., 70, 95, 118, 118 об., 196 об., 226. Слово □гда с □ всего 7 раз: 7 об., 15, 16, 24 об., 68 об., 205, 234 об., с є — 10 раз: єгда 49 об., 60, 71 bis, 74 об., 78, 83, 86, 89 об. bis. Слово □же с □ — 23 раза: 27 об., 55, 56 и др., с є — 31 раз: єже 39 об., 44, 50, 53 об. и др. Слово □ще или □ште с □ — 8 раз: 35, 40 об., 168, 211 об., 219, 226, 237, 239, с є (єште и єще) — не менее 31 раза⁶⁹.

⁶⁸ Цифры не вполне точные; во всяком случае примеров с □ значительно больше, потому что до л. 87 об. я выписывал, по возможности, все случаи написания приведенных слов с є и только часть случаев с □; после л. 87 об. я случаев с □ почти не выписывал, а случаи с є выписывал не всегда, но отмечал страницы, на которых приведенные слова пишутся только с □; из этих отметок видно, что ошибочное употребление є вместо □ после л. 118 встречается очень редко.

⁶⁹ Цифры могут быть не совсем точны, но во всяком случае не ниже действительных и не должны быть очень далеки от них; впрочем, случаев написания с є должно быть больше, чем отмечено мною; но это не меняет факта очень большого относительно числа примеров с є.

Только с начальным **ѣ** пишутся слова: **ѣдва** 85, **ѣлма** 77, 170 об., 172 об., 184, 211, **ѣи** (утверд. частица) 116 об., **ѣша** 12 об. bis, **ѣли** (частица) 52 об. bis, 76, 76 об., 82 об., **ѣлень** 118, 226 об.⁷⁰, а также бóльшая часть греческих слов.

Почти всегда с начальным **ѣ** пишутся слова: **ѣтеръ** (-а, -оу и пр.) 2, 2 об., 6, 9, 21 об., 31 об. bis, 33 и др. (я выписал 29 случаев) и **ѣда** 2 bis, 4 об., 7 об., 42 и др. (я выписал 29 случаев); с начальным **ѣ** мне встретилось только **ѣтер-** 57 об., 209, 220 (всего 3 раза) и **ѣда** 191 (один раз).

Греческие слова почти всегда пишутся с начальным **ѣ**: **ѣвангелиѣ** (-а, -и и сокращенно) 2, 10 об., 21 об., 57 об. bis, 58 (4 раза), 59 об. и мн. др., **ѣвреомъ** 93 и др., **ѣгуп(ь)т-** 78, 89 об. bis, 91 об., 156 и др., **ѣзъ ѣдема** 149 об., **ѣзекиа** 16, **ѣклансастъ** 9 об., **ѣлеон-** 36, 117 об., **ѣлинж** (= Елену) 49 об., **ѣлин-** 6 об. bis, 30, 47, 51 об., 55, 56, 72 и др. (не меньше 10 раз), **ѣлисава** 127 об., 219, **ѣлисѣвинахъ** 35, **ѣнманоуиль** 124, **ѣппъ** 56 об., 196 и др., **ѣпистолиа** 156 об., **ѣресь** (-и и пр.) 6 об., 31 об., 40, 49 об., 53 bis, 75 об., 193, **ѣретик-** 6 об. bis, 30 об., 31, 32 и др. (больше 20 раз), **ѣсхадоу** 54 об., **ѣтинопьска** 106, **ѣузъ** 59, 84 об., **отъ ѣфесьскааго** 63, **ѣфратовъ** 123 об., **ѣфратинъ** 108 об., **ѣхидьн-** 23 bis, 53 об., и т. п. С **ѣ** я отметил только: **ѣвангелиѣ** (-а, -и и пр.) 21 об., 31 об., 69, 146 об., 163, 169, **ѣгупт-** 53 об., 253, **по ѣклансастоу** 9.

В СПт начальные **ѣ** и **ѣ** различаются:

ѣ пишется почти всегда в формах глаг. **ѣсмь**, **ѣмьж**, в косв. падежах местоим. **и** (**ѣго**, **ѣмоу**, **ѣа**, **ѣи** и пр.), в существ. **ѣстьство**, в основе **ѣдин-** и в словах **ѣже** и **ѣгда**. Случаи написания этих слов с начальным **ѣ** очень редки: **ѣсмь** 24, 24 об., 28 об., **ѣсть** 22 об., 56 об., 160 об., **ѣ** 3 ед. 122 об., **ѣго** 27, 151 об., **ѣмоу** 24 об., 62, **ѣа** 164 об., **ѣи** д. ед. 15 об., 63, 151, **о ѣдиноумь** 22, **ѣже** 24 и некот. др.; слово **ѣгда** ни разу мне не встретилось с **ѣ**⁷¹.

В слове **ѣлико** замечается колебание: на 8 отмеченных мною случаев написания этого слова с **ѣ** (5 об., 7 об., 56, 75 об., 96, 119, 148 об., 177 об. приходится 6 случаев написания **ѣлико** 7 об., 11 об., 115, 120, 155 об., 159 и один раз **ѣлики** 154 об.

⁷⁰ Может быть, сюда же относится **ѣленьскою** 15, **ѣленьскыа** 170 об.

⁷¹ Случаев написания начального **ѣ** вместо **ѣ** в СПт несколько больше, чем отмечено мною, но всё же эти случаи очень немногочисленны по сравнению со случаями написания тех же слов с начальным **ѣ**.

Частица **ели** встретилась мне 1 раз с **е**: **ели** 99 об. и 1 раз с **□**: **□ли** 148 об., **едъва** 1 раз с **е**: 17.

Всегда или почти всегда с начальным **е** пишутся слова: **еда** 14, 32 об., 62, 93 об., 151 об., 168, **еи** (утверд. частица) 64 об., 90, 96, 128 bis, 131 и др. (не менее 18 раз), **етер-** 70 об., 79 об. bis, 163, **ельма** 118, 121 об. и **елма** 177, **еще** 8 об., 31, 76 об., 122 об., 153 и др. (не менее 9 раз). Начальное **□** встретилось мне в этих словах только: **□и** 62, 123 и **□ще** 5, 57 об., 160.

В греческих словах — постоянно **е**: **евагриа** 123 об., **еван(ь)гели□** 61, 97 об. и др., **евренскымы** 148, **евъстатита** 80, **евъсторигита** 3, **еггатъѣнинъ** 117 об., **Ѡ егеона** 59 об., **егнар'скы** 59 об., **егупт-** 51, 81, 86, 157, **егупт'ѣн-** 36, 78, 123, **егуптьтскыа** 108, **егупьщан-** 170 об. bis, **елеонъ** 58 об., **елеутерниж** 101, **елеуторниж** (-и) 101 об. bis, **елиньскы** 109 об., **еллин-** 97, 130 об., **елноньстѣ** 134 об., **елпидита** 108 об., **елусисъ** 113 об., **емнохъ** 97, 114 об., 129 об., **емноухъ** 95, 95 об., **въ ен'наатъ** 101, **епискоуп-** (-ъ, -оу, -ѣ, -ы) 23 об., 65, 70, 77 об., 87 об., **ѣпп-** (-ъ, -а, -оу, -ж) 76 об., 80, 80 об., 88, 97 об., 122 об. и др., **епискоупство** 64 об., 86, **епискжпиа** 101 об., **епистолиж** (-и) 101 об. bis, **ереси** 160, **еретик-** 8 об., 124 об., 148, **въ ерихо** 69 об., **егенин** 127, **еглогин** (собств. имя и мера вместимости) 51, 59, 88, 101 об. и др. (не менее 12 раз), **егсевин** 84 об., **егтоухита** 102 об., **егхниж** 105, **въ ефестѣ** 124, **ефина** 87, **ефремни** 22 и др., **ефоудъ** 148 и т. д.

В ЧПС **□** постоянно⁷² пишется в словах **□гда**, **□же**, **□ште**, в падежных формах местоимений **и** и **ниже** (**□го**, **□га**, **□** и пр.), в личных формах глагола **□смь**, в основе **□स्थ्य-** (много раз) и в глаголе **жмляж** (**□мляють** 1 раз, **□млеми** 1 раз); основа **□дин-** с начальным **□** написана более 90 раз, но несколько раз встречается с начальным **е-** (**едино** 52 г и др.); с начальным **е** пишутся постоянно или почти постоянно греческие слова (более 90 раз), а из славянских: **еда** 8 раз, **елма** 1 р., **въ езера** 1 раз, **елико** раз 10; **□** в греч. словах встретилось всего 5 раз: **□зекиж** bis, **□гупт-** bis, **□ванган□** (ср. **езекни**, **езекижъж**, **егупт-** около 40 раз, **еваггели□** много раз и др.) и в слове **□лико** 2 раза. Кроме того, 1 раз написано: **и □дъва**.

В ПА в начале слов пишется обыкновенно только **е**: **его**, **емоу**, **естъ**, **еже** и пр.

⁷² Не считая заглавных букв, где обычно вместо **□** пишется **Ѣ**.

В АЕ¹ вообще в начале слов пишется □ как в тех словах, которые в других памятниках пишутся с начальным □, так и в тех, которые в других памятниках пишутся с начальным **є**, ср. □**тер-** 11, 31 об., 32 об., 37 об. и др. (13 раз), □**да** 2 об. bis, 4, 5 об., 6 об. и др. (12 раз), □**и** (утверд. частица) 37, □**два** 57, □**зеро** 56 об., □**вн̄гли**□ 27, **клини** 11, **клеонь-сцѣи** 45, **кфрѣмъ** 11, **кхиднова** 34 об., также **кце** 12, 13 об., 14 и др. (7 раз), □**гда** 2 bis, 3 и др. (9 раз), □**лико** 2 об., 3, 5, 6, 55 об., □**же** 8 об., 16 об., □**динъ** 9 об., 17 и др., **оль** (= □**ль**) 58 и т. д. Начальное **є** встречается очень редко, независимо от того, как пишутся те же слова в других памятниках: **етери** 9, **ени** (утвердит. частица) 33 об., **ѣѣа** 3 об., 10 об. и др., **еже** 38 об., **егда** 32, **единъ** 28 об., **есмы** 4 об., **еси** 4, **естъ** 6, **емлетѣ** 3 об., 8 (ср. □**млетѣ** 3 об., 15 об.), **его** 1, 29, 45, **емоу** 2, 13 об., 29 об., 40, 41, 52.

В АЕ² начальное □ пишется в формах глагола □**смь**, в косв. падежах местоим. **и**, в основе □**дин-** и в словах □**гда**, □**же**, □**лико**⁷³; написания с **є** в этих словах единичны, и только в основе □**дин-** 6 раз написано **є** (случаев с □ в этой основе около 60); слово □**це** пишется с □ и с **є**; всегда с начальным **є** пишутся слова **ени** (утверд. частица), **ѣда**, **етерьъ** и греческие слова; в последних 2 раза написано □ (примеров с **є** около 100). Один раз написано **есе** 93.

В основной, большей части У 142 начальные □ и **є** строго различаются: я не заметил ни одного случая смешения этих букв. С начальным □ пишутся постоянно формы глаг. □**смь**, косв. падежи местоимения **и**, существ. □**стѣство**, основа □**дин-** и слова □**лико**, □**гда**, □**же**. С начальным □ пишется также □**це** 6 об. bis. К сожалению, я не заметил, встречается ли это слово в других местах. С начальным **є** пишутся постоянно греческие слова. Слова **ѣда** и **елень** встречаются только по одному разу и написаны правильно с **є**: **елень** 113 об., **ѣда** 114. Слов **ени** (утверд. частица), **ени**, **еша**, **ѣтъва**, **етерьъ**, **есе**, **ельма** я не встретил.

В меньшей части У 142 (лл. 34—36 об., 42, 47—52 об.) замечается колебание в написании начальных □ и **є**. С одной стороны, здесь встречаются написания **еси** 34, 36, 36 об., **его** 33, **емоу** 48 об., **естѣствоу** 48 об., при более частом написании тех же слов с начальным □, с другой стороны — написания: □**ванъгели**□ 34, 42, □**дема** 47 об., **въ** □**демѣ**

⁷³ В журн. Slavia III. 2—3, стр. 230 [Дурново, 1924а; см. наст. изд., с. 500] ошибочно: **льма**.

50 об., **Рѣси** 52 об. при более частом написании тех же и других греческих слов с начальным **ѣ**.

В М 95 первый писец в начале слов пишет только **ѣ**: **ѣгда**, **ѣже**, **ѣси**, **ѣсть** и пр.; остальные писцы употребляют и **ѣ**, и **ѣ**, но почти их не различают; так, в части, писанной Дѣмкой (с л. 97), в греческих словах **ѣ** значительно чаще, чем **ѣ**, но в славянских словах, имеющих начальное **ѣ** в рукописях, различающих **ѣ** и **ѣ**, написания с начальным **ѣ** лишь немногим чаще, чем написания с **ѣ**. В слове **ѣленьмь** 122 а написано правильно **ѣ**.

В М 96 случаи правильного употребления начальных **ѣ** и **ѣ** гораздо чаще, чем неправильного; я насчитал при беглом просмотре всего 40 случаев написания начального **ѣ** вместо **ѣ** при 350 с лишком случаев с **ѣ** (в таких словах, как **ѣгда**, **ѣдинъ**, **ѣже**, **ѣси**, **ѣго** и пр.); наоборот, в греческих словах обычно (более 30 раз) **ѣ** и очень редко **ѣ** (я насчитал всего 9 случаев). Слово **ѣлико** встретилось один раз с начальным **ѣ**; слово **ѣще** один раз написано с **ѣ** 106 а и 2 раза с **ѣ**: **ѣще** 96 а, 105 а.

В М 97 правописание по отношению к употреблению начальных **ѣ** и **ѣ** неоднородно. В начале рукописи, до л. 37, пишется обычно **ѣ**: **ѣси**, **ѣсте**, **ѣгоже** и пр., а **ѣ** встречается очень редко, например, **ѣгоже**, **ѣсть** 10 а. Наоборот, начиная с л. 42 правильное употребление **ѣ** и **ѣ** значительно чаще, чем случаи смешения; **ѣ** обычно пишется в словах: **ѣгда**, **ѣже**, **ѣго**, **ѣмоу**, **ѣни** (дат. ед.) и т. п., **ѣси**, **ѣсть** и пр., **ѣстьствъ-**, **ѣдин-**, и случаи написания каждого из этих слов с начальным **ѣ** одинаково редки; с **ѣ** написано также **ѣлико** 116 б; греч. слова пишутся обычно с начальным **ѣ**: **ѣретниѣскыѣ**, **ѣретникомъ**, **ѣгоѣптъ**, **ѣз ѣдема**, **ѣѣжинъ**, **ѣоѣангелиѣмь**, **ѣкатерина**, **ѣфиопъ**, **ѣлиньскоѣю** и др. (я насчитал всего 20 случаев); начальное **ѣ** в греч. словах встретилось 9 раз: 4 раза в основе **ѣѣаггелъ**, 3 раза в основе **ѣретниѣ-** и в словах: **ѣлиньск-** и **ѣвгъѣ**. С начальным **ѣ** написаны также слова: **ѣзеро** 103а, **ѣще** 138 а.

В РЕ в начале слов пишется только **ѣ**: **ѣсмь** 2, **ѣ** в. ед. ср. р. 10, **ѣж** 8, **ѣго** 18, **ѣни ѣдино** 3 и т. п.; буква **ѣ** встречается только 2 раза, оба не в начале слова: **ѣремнѣмь** 15, **ѣолѣ** 21.

В МЕ начальные **ѣ** и **ѣ** различаются очень строго: с начальным **ѣ** постоянно пишутся формы глаголов **ѣсмь** и **ѣмлю** (**ѣсмь**, **ѣси**, **ѣсть**, **ѣ**, **ѣсвѣ**, **ѣсмъ**, **ѣсте**, **ѣмлетѣ**, **ѣмла**), косв. падежи местоим. **ѣ** (**ѣго**, **ѣмоу**, **ѣни**, **ѣ** и др.), основа **ѣдин-** и слова **ѣлико** (не менее 12 раз), **ѣгда**, **ѣже**. Только один раз я отметил **ѣлико** 71 об.; других случаев написания **ѣ**

вместо □ я не нашел. С начальным **є** постоянно пишутся слова **єи** (утвердит. частица) 25 об. bis, 29, 34 об., 35 об. и др. (15 раз), **єда** 4 об., 12 об., 13 об., 14 и пр. (около 40 раз), **єтер-** (-ть, -оу, -и, -ты) 3 об., 4 об., 13 об., 26 об., 27 и др. (12 раз), **єзеро** (-а, -оу, -ѣ) 28 об., 29 bis, 33, 46 и др. (13 раз), **єще** (около 40 раз), а также греческие слова: **євдокиѣ** 192 об., **єврѣискы** 11 об., **єлеоньсцѣи** 63 об., **єлешньстѣи** 94 об., **єлемь** 123, **єлнньска** 65 об., **єлини** 20 об., **при єлисен** 71 об., **єлѣа** 67 об. bis, **єлѣи** ib., **ємаоуць** 3, **єнманоуциль** 180, **въ єнонѣ** 5 об., **єуангели** □ 13, 43 об., 132 об., **єуфимитѣ** 201 об., **єфремъ** 20 и др. По одному разу с начальным **є** написаны слова **єльма** 82 об. и **єдва** 89. С начальным □ ни одно из этих слов мне ни разу не встретилось.

В ЮЕ употребление □ и **є** приблизительно то же, что и в МЕ. Начальное □ пишется, между прочим, постоянно в основе □дин- и в словах □лико, □же, □гда; с начальным **є** эти слова в ЮЕ мне не попадались; начальное **є** пишется правильно в словах **єда** 4, 15 об., 18, 19, 20, 21, 32 об. (4 раза), 76, 92 и др., **єи** (утверд. частица) 43, 44, **єзеро** (-ѣ) 35 bis, 59, 90 об. bis, **єтеръ** 72, **єще** 25, 26 bis, 27 об. и др. и в греческих словах, например: **ємаоуць** 2, **въ єнонѣ** 5, **єфреємъ** 24 и др. С начальным □ из этих слов встретилось только □да 13 об., 18, **кѣще** 18.

В ГЕ начальное □ последовательно пишется в формах глаголов □смь и □млю (□смь, □си, □сть, □, □свѣ, □ста, □смъ, □сте; □млетъ, □млете, □млють, □млющаго), в косв. падежах местоимения и (□го, □моу, □мь, **ѣ** или □а, □и, □ю), в существ. □стѣство, в основах □дин- и □дн-, в словах: □гда, □же, □лико; с начальным **є** эти слова не пишутся⁷⁴. Слово □ще пишется обычно с начальным □, но несколько раз встретилось **єще** 37, 112 об., 162 и др. Начальное **є** постоянно пишется в словах **єи** (утвердит. частица), **єда**, **єзеро** (-а, -ѣ) 124 bis, 134 об. bis, 135, а также в греческих словах; один раз встретилось **єдва** 139 об.

В ТЕ I начальные □ и **є** строго различаются. Начальное □ последовательно пишется в формах глаголов □смь и □млю, в косв. падежах местоимения и, в существит. □стѣство, в основе □дин- и в словах □лико, □гда, □же. Только один раз написано **єгда** 125 об., по-видимому, из-за недостатка места (слово **єгда** здесь — в конце строки) и 3 раза написано киноварное **Є** вместо □ в словах **Єгда** 11 об., 126 и **Єлико** 71, но эти буквы написаны другим лицом. Один раз написано **єдънаѣ ли** 29. На-

⁷⁴ В **Єдънадесѣте** Мф. 28₁₆ начальное **Є** киноварное и написано другим лицом.

чальное **ѣ** пишется последовательно в греческих словах и в словах: **ѣи** (утвердит. частица) 10 bis, 16 об., 26 об. и др. (не меньше 8 раз), **ѣда** 13 bis, 13 об., 16, 22 и др. (не менее 20 раз), **ѣтер-** (**ѣтеръ**, **-а**, **-и** и пр.) 15², 31 об., 34, 40 об. и др. (около 60 раз), **при ѣзерѣ** 100 bis, 178 об., **ѣще** 32, 36 об., 54 и др. (не меньше 15 раз); с начальным **ѣ** эти слова мне не попадались.

В У 330 начальное **ѣ** пишется постоянно в словах **ѣси**, **ѣсть**, **ѣмлють**, **ѣмлюще**, **ѣстьства**, **ѣго**, **ѣмоу**, **ѣа**, **ѣи**, **ѣю**, **ѣ** (в. ед. ср. р.), основе **ѣдин-** и словах **ѣгда**, **ѣже**, **ѣлико**, **ѣлишьды**; **ѣ** в этих словах мне попалось только 2 раза: **ѣже** 121 об. и **въ ѣдиногѣ** 38. Слово **ѣще** также пишется всегда с **ѣ** (не менее 20 раз). С начальным **ѣ** написаны слова: **ѣда** 250 об., **ѣтероу** 97, **при ѣзерѣ** 165, **ѣдъва** 91 об., **ѣлма** 242, 248, 273, **ѣлми** 278⁷⁵, а также греческие слова с начальным **ѣ**, которых в У 330 очень много.

УС¹ состоит из статей разного происхождения: 1) Повесть прор. Иеремии, л. 1 а—5 а (И), 2) житие Афанасия Александрийского, л. 5 б—8 б (А), 3) Сказание о Борисе и Глебе, л. 8 б—18 а (Б), 4) О чудесах Бориса и Глеба и о построении церкви Б. и Гл., л. 18 б—26 а (Б), 5) первая половина жития Феодосия Печерского, л. 26 а—46 д (Ф).

Начальное **ѣ** во всех статьях последовательно в формах глаг. **ѣсмы**, косв. падежах местоим. **и**, в основе **ѣдин-** и в словах **ѣлико**, **ѣгда**, **ѣже**; глагольная основа **ѣм(л)-** встретилась 2 раза: **ѣмлетъ** Б 11 с, **ѣмы** и Ф 43 с. Только один раз **ѣ** **ѣдиношь** Ф 42 а. **ѣще** с начальным **ѣ** 2 раза в И, 5 раз в Б и 10 раз в Ф; **ѣще** — 1 раз Б 20 а. С начальным **ѣ** написаны слова: **ѣда** во всех статьях—А 7 а, 7 б, Б 23 с, Ф 45 б, **ѣтера** И 2 а, **-о** 2 б, **ѣтеро** А 6 б, **-ы** 6 д, **-ѣ** 7 а, **ѣлма** Б 18 д, **ѣдва** Ф 34 а, а также все греческие слова во всех статьях и русское собственное имя **ѣловиуъ** Б 11 д.

УС² состоит из статей разного происхождения; я просмотрел 1) вторую половину жития Феодосия, л. 46 д—67 с (Ф), 2) житие Ирины, л. 67 д—84 а (Ир), 3) житие Иова, л. 84 а—86 д (две статьи, Ио), 4) Слово на явление креста, л. 87 а—90 а (Кр), 5) Видение Исаии, л. 90 а—95 а (Ис), 6) Мучение Христофора, л. 95 а—102 б (Х), 7) житие Мефодия и похвальное слово Кириллу и Мефодию, л. 102 б—115 д и 8) Сло-

⁷⁵ С начальным **ѣ** эти слова не встречаются.

во Кирилла Александрийского об отцах Ефесского собора, л. 265 с—270 б (К).

Во всех статьях начальные **ѣ** и **ѡ** различаются, но случаев с написанием **ѣ** вместо **ѡ** и наоборот значительно больше, чем в УС¹. Я отметил следующие случаи написания **ѣ** вместо **ѡ**: **ѣси** Ир 71 d bis, **ѣсть** Ф 49 с, Ир 71 а, 74 а, Ио 86 б, Хр 95 с, 96 а, М 102 с, **ѣго** Ф 53 а, d, Хр 95 d bis, 100 с, К 269 d, **ѣмѡ** (и **ѣмоу**) Ф 48 с, Ир 72 d, 75 б, Ио 86 а, Ис 91 б, Хр 95 с, d, М 106 с, **ѣа** Ир 68 а и др. (4 раза), **ѣи** Ир 71 б, 72 б, **ѣгда** Ио 86 а, **ѣже** Ф 56 б и др. (5 раз), М 102 с, К 265 а, 268 б, **ѣдин-** Ф 59 а, 65 с, Ио 85 а, Кр 89 d, Ис 94 б, **ѣлико** Ир 79 d, при очень большом количестве написания тех же слов с **ѡ**⁷⁶.

ѡце почти везде пишется с начальным **ѡ**; написание **ѣце** мне встретилось только в Кр. 88 с.

Слово **ѣльма** встретилось только в К два раза, оба с начальным **ѡ**: **ѡльма** 265 d, 267 d.

С начальным **ѣ** всегда или почти всегда пишутся слова: **ѣи** (утверд. и зват. частица) Ф 53 d, Ир 72 а и др. (3 раза), М 107 а, **ѣда** Ф 54 а и др. (7 раз), Ир 74 а, Ио 84 с, М 106, Хр 96 а, 100 d, **ѣтер-** Ир 69 d и др. (3 раза), Ио 84 а, 85 d, Ис 90 с и др. (раз 5), М (4 раза), **ѣрльв** К 268 а bis, **ѣдѡва** Ф 60 б, 66 а, Хр 101 и др. Из этих слов с начальным **ѡ** мне встретилось только **ѡтерѡ** Ис 93 а, ср. также **ѡтери** 169 (там же: **ѣтеро**).

Греч. слова пишутся постоянно с начальным **ѣ**; начальное **ѡ** встретилось мне лишь в следующих случаях: **ѡинномѡ** Хр 100 б, и **ѡиньско** К 266 б, **ѡресь** М 103 d.

Об ЕК см. Slavia III. 2—3, стр. 229—230 [Дурново, 1924а; наст. изд., с. 500].

Таким образом, русские рукописи XI и XII вв. по отношению к употреблению начальных **ѣ** и **ѡ** представляют тройкое правописание: 1) правописание, различающее **ѣ** и **ѡ**,— в ОЕ¹, ОЕ², ТЛ, И 73¹, КИ, СПт, ЧПс, АЕ², М 96, МЕ, ЮЕ, ГЕ, ТЕ 1, У 330, УС¹, УС², ЕК, бóльшей части ГБ, основной части У 142 и бóльшей части М 97; 2) правописание, упо-

⁷⁶ **си** Ф 3 раза, Ир больше 20 раз и т. д., **сть** Ф 25 раз, Ир около 30 раз, Ио 6 раз и т. д., **го** Ф больше 20 раз, Ир не меньше 10 раз и т. д., **моу** Ф 15 раз, Ир больше 20 раз и т. д., **гда** Ф 10 раз, Ир 6 раз и т. д., **же** Ф больше 50 раз, Ир 7 раз и т. д., **дин-** Ф больше 30 раз, Ир больше 10 раз, Ио около 10 раз и т. д., **лико** Ф, Ио, Ис, М по несколько раз.

требляющее в начале слов только **ѣ**,— в ПА, РЕ, в начале и в конце ГБ, 1-м почерке М 95 и начале М 97 и 3) правописание, употребляющее в начале слов только **к**— в И 73² и АЕ¹. Эти три правописания не во всех рукописях являются выдержанными: единичные отступления от правописания, различающего **ѣ** и **к**, встречаются в СПт, ЧПс, АЕ², УС², а ГБ, И 73¹, КИ, М 96 и М 97 представляют значительное число таких отступлений; в рукописях, не различающих начальных **ѣ** и **к** и употребляющих в начале слова только одну из этих букв, изредка, кроме РЕ, попадаетея и другая буква. Наконец, в части рукописей начальные **к** и **ѣ** употребляются безразлично, и вскрыть за этим употреблением следы правописания, различавшего **к** и **ѣ**, трудно. Таковы меньшая часть У 142 и бóльшая часть М 95.

Трудно приурочить каждое из этих правописаний к определенной области. Правописание, различавшее начальные **к** и **ѣ**, было наиболее распространенным и известно было как на Юге, так и на Севере. Правописание, знавшее в начале слов только **ѣ**, хотя и было известно, но распространением не пользовалось; из рукописей с таким правописанием ГБ, ПА и РЕ обнаруживают несомненную близость к своим ю.-сл. протерографам и по другим чертам своего правописания; остальные две, не обнаруживающие такой близости, несомненно, писаны на Севере, но этого обстоятельства недостаточно для того, чтобы утверждать, что правописание с одним **ѣ** привилось только на Севере. Единственное, на что с несомненностью указывают такие памятники, как ГБ, ПА и РЕ, это на то, что в XI в. на Русь проникали между прочим и рукописи, писанные глаголицей или с орфографией, свойственной глаголическим памятникам, и что были русские писцы, которые умели читать глаголические рукописи. Но этот вывод, конечно, не новый. Выяснить точно, какие из сохранившихся русских рукописей восходят к глаголическим оригиналам, трудно, потому что, как мы видели, писцы при переписке обычно изменяли правописание оригинала согласно своим орфографическим навыкам.

Рассматривая памятники, различающие начальные **ѣ** и **к**, мы видим, что их правописание отличается большой однородностью; пишутся с начальным **ѣ** греческие слова, а также следующие славянские слова:

ѣи ОЕ, ТЛ, КИ, СПт, АЕ², МЕ, ЮЕ, ГЕ, ТЕ 1, УС²;

ѣда ОЕ, ГБ, ТЛ, КИ, СПт, ЧПс, АЕ², У 142, МЕ, ЮЕ, ГЕ, ТЕ 1, У 330, УС¹, УС², ЕК;

ѣдѣва ОЕ, ГБ, КИ, МЕ, ГЕ, У 330, УС¹, УС², ЕК⁷⁷;

ѣтеръ (-а и пр.) ОЕ, ГБ, КИ, СПт, АЕ², МЕ, ЮЕ, ИЕ 1, У 330, УС¹, УС², ЕК;

ѣзеро ОЕ, ТЛ, ЧПс, МЕ, ЮЕ, ГЕ, ТЕ 1, У 330;

ѣлень ГБ, КИ, СПт, У 142.

С начальным **ѣ** почти во всех рукописях этой категории пишется и слово:

ѣлма или **ѣлми** ОЕ, ГБ, КИ, СПт, ЧПс, МЕ, У 330, УС¹, ЕК.

Написание **кълма** с начальным **къ** только в И 73¹ (часто, при более редком **ѣлма**) и в УС² bis.

К этой же группе относятся и слова, встречающиеся лишь в единичных рукописях с начальным **ѣ**:

ѣсе АЕ²

ѣша КИ

ѣрѣвь УС² bis.

По-видимому, к той же группе относится и слово

ѣли КИ, ср. **ѣли** и **къли** СПт.

Колебание между начальными **ѣ** и **къ** наблюдается в слове **ѣштѣ** (**къѣ**):

къштѣ (**къѣ**) ОЕ, ЧПс, У 142, ГЕ, У 330, УС¹, УС²;

ѣштѣ (**ѣѣ**) КИ, СПт, МЕ, ЮЕ, ТЕ 1, М 97;

къштѣ и **ѣштѣ** ГБ, АЕ², М 96, ЕК.

При этом в ОЕ и ГЕ, где обычно **къштѣ**, и в КИ, где обычно **ѣштѣ**, встречаются изредка и другие написания: в ОЕ и ГЕ — **ѣштѣ** (**ѣѣ**), а в КИ — **къштѣ** (**къѣ**).

Везде с начальным **къ** пишутся падежные формы местоимений **и** и **иже**, личные формы глагола **късмь**, глагольная основа **към(л)**:-; почти везде с начальным **къ** пишутся слова:

къгда ОЕ, ГБ, СПт, ЧПс, АЕ², У 142, МЕ, ЮЕ, ГЕ, ТЕ 1, У 330, УС¹, УС², М 96, М 97, ЕК;

къже ОЕ, ГБ, СПт, ЧПс, АЕ², У 142, МЕ, ЮЕ, ГЕ, ТЕ 1, У 330, УС¹, УС², М 96, М 97, ЕК и основы:

къстьств- ГБ, КИ, СПт, ЧПс, ГЕ, М 97, ЕК;

⁷⁷ и **къдва** в ЧПс (1 раз), может быть, объясняется положением после **и**.

ѣдин- ОЕ, ГБ, ТЛ, КИ, СПт, ЧПс, АЕ², У 142, МЕ, ЮЕ, ГЕ, ТЕ 1, У 330, УС¹, УС², М 96, М 97, ЕК;

ѣлик- ОЕ, ТЛ, АЕ², У 142, МЕ, ЮЕ, ГЕ, ТЕ 1, У 330, УС¹, УС², М 97; ср. **ѣлишьды** У 330.

Основа **ѣдин-** во всех рукописях — гораздо чаще с **ѣ**, чем с **ѡ**, но в некоторых из них число случаев с **ѡ** довольно значительно по сравнению с другими словами с начальным **ѣ**, ср. ГБ, КИ, ЧПс, АЕ²; **ѡгда** с начальным **ѡ** — один раз в ОЕ, довольно часто в ГБ и чаще, чем с **ѣ**, — в КИ; **ѡже** с начальным **ѡ** в КИ — чаще, чем **ѣже**; в остальных рукописях обычно **ѣже**; основа **ѡлик-** с начальным **ѡ** пишется почти всегда в ГБ и ЧПс, чаще, чем с **ѣ**, в КИ и почти так же часто, как и **ѣлик-**, в СПт; единичное **ѡлико** в М 97 можно понимать различно; **ѡлишьды** с начальным **ѡ** — в ГБ и ЕК.

Написания, имеющиеся в большей части памятников русского письма, не могут рассматриваться во всех случаях как отражение русского живого произношения⁷⁸, потому что в русском языке не было слов **ѡтеръ**, **ѡгда** и, по-видимому, **ѡже**, а слова, соответствовавшие книжным **ѡзеро**, **ѡлень**, **ѡлико**, **ѡлишьды**, **ѡдинъ**, произносились иначе. Написания **ѡзеро**, **ѡлень** нельзя объяснять и как комбинацию ст.-сл. **ѡзеро**, **ѡлень** с русскими *озеро*, *олень*, потому что в таком случае подобной комбинации следовало бы ждать и у слов **ѡдинъ**, **ѡлико**, **ѡже**. Следовательно, эти написания восходят к ю.-сл. орфографии, а последняя базировалась на ю.-сл. произношении. В этом последнем те слова, которые в русских рукописях писались с **ѡ**, звучали с начальным *e* без йотации, а слова, писавшиеся с **ѣ**, звучали с начальным *je*. Грамотность большинства русских писцов в употреблении начальных **ѣ** и **ѡ** может говорить за то, что упомянутое ю.-сл. произношение было усвоено и ими.

Отступления от правильного употребления начальных **ѣ** и **ѡ** в русских рукописях касаются слов **ѡгда**, **ѡже**, **ѡлма**, **ѡлико** и **ѡдинъ**⁷⁹. Первое из них, неизвестное живому русскому языку, могло напоминать писцам, как слово частичное, похожие по звукам частицы **ѡда** и **ѡдъва**, обе с начальным **ѡ**. Для некоторых писцов, как, например, для писца ГБ, это было тем легче, что в их оригиналах в начале слов вообще писалось только **ѡ**. Все остальные слова, встречающиеся в русских рукописях с начальным **ѡ** вместо орфографического **ѣ**, русскому живому языку

⁷⁸ См. Slavia III. 2—3, стр. 233 слл. [Дурново, 1924а; наст. изд., с. 504 слл.].

⁷⁹ Чередование **ѡштѣ** и **ѡштѣ**, очевидно, было уже в ю.-сл.

были известны с начальным **о**, и возможна аналогия со стороны греческих слов, а также слов **езеро** и **елень**, которые в живом языке произносились с начальным **о**, а должны были писаться и читаться с **ѣ**. Для **елинко** возможна также аналогия со стороны частиц **ели** и **ельма**⁸⁰. Слово **ельма** в большей части русских рукописей пишется с **ѣ**, что должно указывать на ц.-сл. произношение с *e* без йотации. Но Супр., И 73¹ и УС² указывают на произношение с йотацией. Может быть, было и то, и другое.

Трудно судить по правописанию русских рукописей о том, насколько усвоенное русскими от южных славян произношение, различавшее начальные *e* и *je*, было устойчивым. Частые отступления от правописания, различавшего **к** и **ѣ**, в ГБ могут объясняться правописанием глаголического оригинала и не свидетельствовать о книжном произношении писца. Возможно, что так же следует объяснять отступления от того же правописания и в некоторых других памятниках, например, в КИ. Но возможно также, что первоначальное церковное произношение, различавшее начальные *e* и *je*, уже в XI в. стало заменяться другим произношением, с начальным *je* во всех случаях, и это другое произношение и вызвало отступления от установившейся орфографии у менее грамотных писцов. Оно же легло в основание орфографии, употребляющей в начале слов только **к**. Эта последняя орфография возникла очень рано, так как засвидетельствована уже И 73² и АЕ¹, но не получила большого распространения. Возможно, что и эта орфография принесена южными славянами.

Наблюдение над употреблением начальных **ѣ** и **к** в русских рукописях XI и XII вв. приводит к интересному выводу, что правописание этих рукописей, как система, не передает ни произношения русских писцов, ни орфографии южнославянских протерографов каждой отдельной рукописи, и только отступления от этой системы указывают или на произношение отдельных писцов, или на орфографию их оригиналов. Но зато орфографические системы русских рукописей свидетельствуют об орфографии, принесенной на Русь южнославянскими книжниками, и о произношении, легшем в основу этой орфографии.

⁸⁰ Ср. *Фортунатов*. Лекции по фонетике ст.-сл. яз., стр. 281 [Фортунатов, 1919].

VII. Ѣ

По употреблению Ѣ памятники русского письма частью сходятся со ст.-сл. памятниками ю.-сл. письма, писанными кириллицей, частью представляют некоторые особенности, не свойственные памятникам ю.-сл. письма и характерные именно для русского извода. В ю.-сл. употреблении буквы Ѣ в памятниках, писанных кириллицей, можно различать 3 группы случаев: I) случаи, где Ѣ не чередуется с Ѧ или а; II) случаи, где Ѣ в разных ст.-сл. памятниках кирилловского письма чередуется с Ѧ или а, но не восходит к о.-сл. *ja* или *a* после мягких, и III) случаи, где Ѣ пишется после смягченных согласных или не после согласных и соответствует этимологическому *ja* или *a* после мягких. В I группе русские памятники позволяют различать по крайней мере два звука, обозначавшиеся буквою Ѣ: А) то Ѣ, которое в памятниках русского письма передается буквою Ѣ и, иногда, буквою е, и В) то Ѣ, которое в них передается или может передаваться через Ѧ или а. Сюда относятся следующие случаи: 1) Ѣ в суффиксе отыменных прилагательных -Ѣн- (*камѢнъ*, *дрѢвѢнъ* и т. п.), 2) Ѣ в суффиксе -Ѣн- существительных, произведенных от названий местностей и обозначающих жителей этих местностей (*егѢптѢннѢ* и т. п.), 3) Ѣ в основе *прѢм-*, 4) Ѣ в суффиксе имперфекта -Ѣа- или -Ѣ-. Ко II группе относятся некоторые основы с начальным Ѣ, чередовавшимся с *ja*, а именно 1) основа Ѣд- в значении «edere» и 2) основы Ѣд-, Ѣзд-, Ѣха- в значении «vehī», а также 3) слово *нѢнѢ* с производными; частое Ѣ в этом слове почти во всех памятниках кирилловского письма позволяет отделять его от случаев с написанием Ѣ вместо Ѧ или а после мягких. В III группе можно различать А) случаи, где Ѣ обозначало те же звуки, что и буквы Ѧ или а или близкие к ним, восходящие к о.-сл. *ja* или *a*, и В) случаи, где Ѣ, по видимому, не обозначало звуков *ja* или *a*, а обозначало звуки, явившиеся в известных положениях нефонетически, по аналогии с таким Ѣ, которое не чередовалось с *ja* или *a*; сюда относятся 1) Ѣ в окончаниях повелительного наклонения после смягченных согласных и 2) Ѣ в суффиксе сравн. степ. после шипящих. По этим рубрикам я и рассмотрю употребление Ѣ в памятниках русского письма.

I A

1. **ѣ** в случаях этой группы вообще в памятниках русского письма пишется правильно; но в то же время во всех этих памятниках встречаются случаи написания вместо такого **ѣ** букв **є** или **к**; вместе с тем попадаются случаи написания **ѣ** вместо **є**; редких случаев употребления буквы **и** вместо **ѣ** я не касаюсь, потому что эти случаи, несомненно, не стоят в связи ни с ю.-сл. правописанием, ни с ю.-сл. произношением.

Однако употребление **є** вместо **ѣ** в памятниках русского письма сводится или к единичным примерам при огромном количестве случаев правильного написания, или к определенным категориям.

Памятников, в которых **є** вместо **ѣ** только в нескольких единичных примерах, немного. Сюда относятся 1) ОЕ, где **є** вместо **ѣ** встречается только 3 раза — все примеры в ОЕ²: *несмь, прѣжевъзлеганиа, въмета-кмо* (ср. *въмѣта* — 7 раз, *отъмѣта* — 6 раз), 2) ТЛ, где **є** вместо **ѣ** написано только один раз в неполногласном сочетании после **р**: *посредѣ*, 3) ЧПс, где **є** вместо **ѣ** написано всего 8 раз: *привлечуеть* 71 б, с обозначением мягкости *л*, дат. *себе* 117 а, *приметати сѧ* 167 г, *теломь* 114 в, *първек* 167 г, *вждете* 3 дв. повелит. 109 а, *глете* повелит. 124 г, *мождена* 69 в (ср. постоянно *овлѣуеть* и пр., *себѣ* дат. 14 раз, *тебѣ* дат.-местн. 73 раза, *себѣ* 1 раз, *възмѣтаекъ, ѡтъмѣтаѣште сѧ, тѣл-* 6 раз, *тѣлес-* 7 раз, *първѣк* 8 раз, *мождѣна* и пр.), 4) ТЕ 1, где случаев написания **є** вместо **ѣ** я вовсе не отметил. Как увидим ниже, написания *въмета-кмо, посредѣ*, дат. *себе, приметати сѧ* относятся к тем группам случаев, в которых и в других памятниках русского письма встречается написание **є** вместо **ѣ**, *вждете* и *глете* в ЧПс могут быть описками или случайной заменой повелит. наклонения изъявительным; во всяком случае, на произношение *ѣ* эти единичные примеры указаний не дают. Очень редко пишется **є** вместо **ѣ** в КИ и ПА, несколько чаще в ГБ, И 73¹ и УС², но во всех этих памятниках **є** вместо **ѣ** в известных категориях случаев довольно обычно. В остальных памятниках **ѣ** вообще не заменяется через **є**, кроме некоторых категорий, в которых, наоборот, часто пишется **є**. Эти категории следующие:

а) основа *мѣта-*; в этой основе единичные написания с **є**, при обычных написаниях с **ѣ**, встречаются, кроме ОЕ и ЧПс, также в И 73²: *отъметати сѧ* 219 с, АЕ¹: *метаекте* 7 об. (ср. 2 раза с **ѣ**), МЕ: *метавъше*

161 b (в остальных случаях ђ), КИ: *меташи* 149 об. bis (ср. *отъмѣтающен* 138), ПА: *приметати са, изметамъ* (ср. *мѣта*- несколько раз), УС¹ в Сказ. о Борисе и Глебе 2 раза (ср. *ѡмѣтахоу са* — ж. Афанасия), УС²: *въметати* в ж. Ирины; часто *мета*- в ГБ: *отъметаник* 17 а, 120 а, 267 d, *метакмомъ* 261 b, *отъметакмъ* 312 b и др. (*отъмѣтали са, възмѣтали* 312 b); наоборот, в ГЕ постоянно в этой основе пишется ђ;

б) неполногласные сочетания с рѣ; с этих сочетаниях написания с *е* отсутствуют только ОЕ, ГБ, ЧПС, ТЕ 1 и У 330; очень редко пишется *е* при обычном ђ в ТЛ (см. выше), И 73¹: *посредоу* 34 d, *на средоу* 78 с, *тревоу* 67 d (ср. *срѣдоу, трѣвоук* много раз), КИ: *посредѣ* 61, 82 об., 235, *средѣ* 232, *времене* 113 об., и *урева* 168, *уреве* 268, *жревил* 149 об. (ср. *посрѣдѣ* 55 и др., *срѣды* 118 и др., *врѣмѣ* 33 об. и др., и *урѣва* 64 об. и др., *жрѣвил* 149 об. и др.), ПА: *посредѣ* 3 раза, *средѣ, средж, древѣ, древоу, нетрквиви, нетрквивън, УС²*: в ж. Феодосия: *престаше, потребоу, преселнвъшемъ са, древанѣ, в ж. Ирины: времена, превѣуьнън; в остальных памятниках чаще: в И 73² 17 раз в основе *сред-*, *посредоу, посредѣ, въ средоу* и др. и 8 или 9 раз в других случаях: *оумрети* 107 b, *потрѣвѣ* 133 b, *уресь* 115 с, 152 а, 206, *жревил* 192 b, *уреве* 194 а (ср. *посрѣдоу, трѣвѣ, урѣсь, жрѣвил, урѣв* много раз); в СПт часто *е* в приставке *пре-* и предлоге *предъ* рядом с частыми же написаниями *прѣ-, прѣдъ*, реже *е* в других случаях: *древанѣ* 36, *древы* 58 об., *оумретъ* 76, *урепинѣ* 85 об., *трѣвѣ* 120, *уреве* 158 об. и т. д. при частых написаниях с ђ как в тех же, так и в других основах; в АЕ¹ случаев написаний с *е* довольно много, хотя ђ в подобных случаях пишется чаще более чем вдвое; в У 142 (в большей части, не смешивающей *е* и ђ) очень часто *е* в сокращенном написании слова *срѣ* на лл. 1—24, нередко также в слове *посредѣ* и в основе *урев-* при обычных написаниях тех же основ с ђ; в других словах *е* редко: *потребити* 25 об., *трѣвица* 32, *жревати* 84 об., *поурети* 88; в остальных случаях пишется постоянно ђ; в М 97 *е* часто, особенно в приставке *пре-* и основе *сред-*, но ђ значительно чаще; сравнительно часто *е* в РЕ: на 32 страницах памятника написано *е* по 3 раза в основах *сред-* и *урев-* и 7 раз в остальных случаях, при обычном ђ; в ЕК Обнорский по изданию насчитал около 220 случаев с *е*, в том числе в приставке *пре-*, предлоге *предъ* и слове *прежде* около 140 случаев, в предлоге *уресь* 22 раза, основах *врем-* 15 раз, *трѣв-* 27 раз, при 243 случаях с ђ не в приставке *прѣ-*, предлоге *прѣдъ* и слове *прѣжде*; в последних ђ значительно чаще, чем *е* (по-видимому, не меньше 400 слу-*

чаев); очень часто **ѣ** в М 95, М 96, МЕ и ГЕ: трудно сказать, какие написания преобладают, с **ѣ** или с **ѣ**; обычно **ѣ**, при редких написаниях с **ѣ**, в АЕ², УС¹ и меньшей части У 142;

с) в неполногласных сочетаниях с **лѣ**. В большей части памятников в этом положении **ѣ** не пишется, а пишется правильно **ѣ**; таковы ОЕ, ТА, И 73¹, И 73², ГБ, СПт, ПА, АЕ¹, У 142, ГЕ, ТЕ 1, У 330, УС²; в единичных случаях написано **ѣ** в ЧПс (см. выше), КИ: **ПЛЕНЕННИК** 213 об. (ср. **ПЛѢНА** 109 об., **ПЛѢВЪНЫМИ** 59 об., **МЛѢКА** 84 об., **МЛѢКО** 127), М 95: **ПЛЕВЕЛЫ**, **ПЛЕННИК**, М 96: **ОБЛЕКОСТА СЛ** (при 7 случаях с **ѣ**); чаще **ѣ** в М 97: **ВЛЕКОМА** bis, **ПРИВЛЕУЕ**, **ЗВЛЕУЕ**, при более частом **ѣ**, и ЕК, где **ѣ** в этом положении 5 раз, случаев с **ѣ** не менее 30; обычно **ѣ** при редком **ѣ** в АЕ², МЕ, УС¹;

д) в дат.-местн. **ТЕБЕ**, **СЕБЕ**. Совсе не встречаются формы на **ѣ** только в ОЕ, ТА, ТЕ 1 и УС², где постоянно **ТЕВѢ**, **СЕВѢ**, и в ГЕ, где так же постоянно **ТОВѢ**, **СОВѢ**. В СПт при обычном **ТЕВѢ**, **СЕВѢ** и **ТОВѢ**, **СОВѢ** встречается **о** **СОБЕ** 24; в ЧПс **СЕБЕ** 1 раз 117 а (ср. **СЕВѢ** 14 раз, **ТЕВѢ** 73 раза); в КИ **ТЕБЕ**—раза 3 (99 об., 236, 247 об.) при обычных **ТЕВѢ**, **СЕВѢ**; в ПА **ТЕБЕ** 4 раза, **СЕБЕ** 4 раза; обычно **ТЕВѢ**, **СЕВѢ**; в И 73² **ТЕБЕ** 10 раз, **СЕБЕ** 7 раз, рядом с правильными **ТЕВѢ**, **СЕВѢ**, но в русских формах **ТОВѢ** (5 раз), **СОВѢ** (5 раз) всегда **ѣ**. Часто **ТЕБЕ**, **СЕБЕ** рядом с правильными **ТЕВѢ**, **СЕВѢ** в ГБ, АЕ¹, У 142, ЕК и обычно, при редких случаях с **ѣ**, в И 73¹, АЕ², М 95, М 96, М 97, МЕ, ТЕ 1, У 330, УС¹; при этом дат.-местн. **ТОВѢ**, **СОВѢ** везде, где встречается,—в И 73², СПт, КИ, ЧПс, ПА, АЕ², У 142, М 95, М 96, М 97, У 330, УС⁴, ЕК,—пишется постоянно с **ѣ**, кроме одного случая в СПт;

е) в основе **ТЕЛЕС-** и, в У 142, **ДЕЛЕС-**. Только с **ѣ** в 1-м слоге обе основы пишутся в ОЕ, ГБ, И 73², СПт, ЧПс, ТЕ 1, МЕ, УС²; в И 73¹ два раза в основе **ТѢЛЕС-** **ѣ** переправлено из **ѣ**—25 в, 57 в, в остальных случаях везде **ѣ**; в КИ основа **ТѢЛЕС-** 2 раза с **ѣ**: **ТЕЛЕСНѢШИПА** 136, **ТЕЛЕСА** 187, в остальных случаях с **ѣ**; в АЕ² один раз **ТЕЛЕСА** 169 об. при нескольких случаях с **ѣ**. Довольно часто, но реже, чем с **ѣ**, пишется та же основа с **ѣ** в М 96 и М 97: **ТЕЛЕСЫ**, **ТЕЛЕСЬНОЮ** и пр. В ЕК в падежных формах существительного **ТѢЛО** написано **ТѢЛЕС-** 36 раз и **ТЕЛЕС-** 14 раз, а в прилагательном **ТѢЛЕСЬНЫИ** 12 раз **ѣ** и только один раз **ѣ**. В У 142, М 95, МЕ, У 330 и УС¹ постоянно **ТЕЛЕС-** с **ѣ**, как в существительном, так и в прилагательном; **ТЕЛЕС-** только 2 раза в МЕ. Основа **ДѢЛЕС-** пишется с **ѣ** только в У 142; в остальных—с **ѣ**. Основа **ТѢЛ-** (**ТѢЛО**, **ТѢЛА** и пр.) во

всех названных памятниках пишется постоянно с ѣ; только в ЧПС один раз **ТЕЛОМЪ** и в меньшей, смешивающей е и ѣ, части У 142 два раза **ТЕЛО**;

ф) вместо ѣ в начале слова (пишется к, реже е). Такое к или е могло быть только в основах **ѣд-**, **ѣзд-** и **ѣха-**. В ОЕ, ТЛ, И 73¹, И 73², КИ, СПт, ЧПС, ПА, АЕ², М 95, М 96, М 97, МЕ, ТЕ 1, УС¹, УС² и ЕК такое к или е не встречается. В ГБ я отметил **едь** (им. ед. сущ.) 96 β при частых ѣ и па в той же основе, в ГЕ один раз написано **кеть** Мф. 9₁₁; в остальных многочисленных случаях — ѣ, па и а; в У 330 один раз: **кденин**; в остальных случаях — ѣ и па. В АЕ¹, У 142 и РЕ начальное ѣ не встречается: в АЕ¹ в основе **ѣд-** постоянно пишется к: **къмь** 68, **кън** 68, **кеть** 50 об., **къждь** 2 об., 59 об., **кети** 2 об. и др., **къдаль** 4 об. и др., **къхоль** 63 об., **къдъше** 73 и т. п.; в У 142 в этой основе пишется к 4 раза и па 3 раза, в РЕ единственный пример: **еды** (прич.). В связи с этим стоит употребление к или е в конце слова вместо русского ѣ (= ст.-сл. а) в падежных окончаниях: У 142: **алѣгик** 9, **анастасик** 45 об., **илик** 72, **приснодѣвик** **мрик** 76 об. и др., РЕ: **ѡ нее**, **свое**, **оное**, У 330: **порозднок**, **третник** род. ед. ж., **девалтое**, **палтое** род. ед. ж., **пармие** род. ед., **вок** вин. мн.; в ГБ, АЕ¹ и ГЕ я подобных случаев не встретил, но они попадают и в некоторых памятниках, не имеющих к вместо начального ѣ: АЕ²: **павльшек** **сл** род. ед. ж. 145;

г) в существительных на **-ѣник**. Примеры с е в этих случаях встречаются только в ГБ: **оутръпению** 33 γ, **овьсѣдению** 248 β, 273 δ, М 97: **повелению**, **-къмь** несколько раз, УС¹: **невѣденин**, **соумнениа**, **говеникъмь**, ЕК: **мьникникъмь**, **соумьникниа** bis при 12 случаях с ѣ. Можно заметить, что всем этим памятникам известно смешение ѣ и е;

д) в четырех памятниках, знающих смешение ѣ и е, помимо случаев, указанных в пп. а—г, е вместо ѣ встречается более или менее часто в основе **овръѣт-**, а именно, в меньшей, смешивающей е и ѣ, части У 142 е в этой основе написано 3 раза: **оврете** 47, 50 об., **овретъших** 48, в М 95 — 2 раза: **овретъ**, **овретеннѣ** (обычно, много раз, ѣ), в М 96, может, 2 раза, в УС¹ — часто, во всех статьях, в переводных чаще, чем **овръѣт-**; в русских (Сказ. о Борисе и Глебе и житие Феодосия), наоборот, **овръѣт-** чаще, чем **оврет-**. Интересно отметить, что в основе **сърѣт-** во всех рассматриваемых памятниках постоянно пишется ѣ.

Кроме названных категорий случаев, **ѣ** вместо **ѣ** в рассматриваемых памятниках русского письма почти не встречается. Вот все случаи такого употребления:

ОЕ: несть, прѣжевъздеганиа.

И 73¹: гнкѣвъ 28 с, гнкѣва 32 а, прогнѣвакши 31 с (та же основа с **ѣ** — очень часто), вероужъ 21 с, обитѣль 27 с, съвѣдетельства 45 с, ѡблѣцѣмъ сѧ 54 в, съвѣдетѣль 69 а, оугрѣшьгкк 75 d.

И 73²: некъыми 120 в, кгоупътене 161 d, роуце им. дв. 195 d.

ГБ: лютеншеми.

КИ: рыцѣте повел. 168, наменѣнъи 182 об.

СПт: помещѧ сѧ 14.

ЧПс: теломъ 114 в, пьрвек 167 г, бждѣте 3 дв. повелит. 109 а, глѣте 2 мн. повелит. 124 г, мождѣна 69 в (ср. тѣл- 6 раз, тѣлес- 7 раз, пьрвѣк 8 раз, мождѣна).

ПА: съвѣдетельства.

АЕ²: обѣтель 90, 100 об., обитѣли с **ѣ**, переправленным из **ѣ**, 143, опреснѣкъ 93, лъжесвѣдетѣла 97, неси 2 ед. наст. 105 (ср. обитѣли 99, опрѣснѣкъ 89 об., 90 и др.).

У 142, в меньшей части рукописи: добродѣтелими, добродѣтельми, темъ bis, ѹловекъ, разоумевыи, съвета, юспешно, видехомъ, не нк вероуи, въскоре, роукоденствѣмъ, тело bis, место, вселенен, въ тѣзыце, сънеденъ, проведаетъ, о всех; случаев с правильным употреблением **ѣ** и в этой части гораздо больше.

М 95: прѣменно.

М 97: на тѣле, посреде; о мнѣ, добродѣтелими (ср. дѣтѣль), възлетѣла, вселѣнен, разбогатѣв, притекающимъ (ср. притѣкающимъ).

ГЕ: несте Мрк 12₂₆.

УС¹: в переводных статьях: недовѣдомъимъ, прибеже; в Сказ. о Борисе и Глебе: пеуенегомъ, съмерению, понеделникъ, обитѣли, повеленюк, лепо, пременении, бесове; в житии Феодосия: възвещении, ѡбеже, неделѣ, верьне, съмереноу, ослепленыи, прозвѣтѣрове местн. ед. м., излезе; **ѣ** в подобных случаях гораздо чаще.

ЕК: довѣлетъ (ср. с **ѣ** 17 раз), инемъ дат. мн., поне bis (ср. понѣ 9 раз), опреснѣкъ (ср. с **ѣ** 2 раза).

В остальных рукописях я подобных случаев не нашел.

И 73¹: **вънѣшнѣж** тв. ед. 17 d, **въ сѣмь** 47 а (переправл. из **въсѣмь**), **въ описатѣлѣ** 25 b; неясно для меня, к каким правильным написаниям восходят примеры: **хоудоужѣ** 13 с, **терѣсхомь** 56 b.

И 73²: **истѣсемь** 208 d.

ГБ: **тѣлѣсьныа** 139 α, **гнѣтоутъ са** 167 δ, **сѣдѣ** 21 β, **вѣтѣха** 101 γ, **велѣхвальнаа** 16 а (поздняя поправка из **вельхвальнаа**? ср. **пѣсиаа** ib. и много подобных поправок на лл. 1—10); неясно **сѣ ли** 113 α.

КИ: **оусѣлѣкѣтъ** 12, **лѣжоуцемъ** (= **лежащемъ**) 153 об.

ЧПс: **прилѣжаниа** 39 б (ср. **прилежаниѣ**, **-а**, **-имь** 3 раза, **-жати**, **-жавъшааго** 3 раза, **-жить** 2 раза), 2 раза в отрицании **не**: **авѣ имать разоумъ** и **многословеснѣ** (= **много словесъ не**) **трѣвоукѣтъ** 70 г, **нѣ пѣвѣти** 169 г, **сүрѣнѣ** им. мн.; в слове **оубоѣмь** тв. ед. 146 а буква **ѣ** из чего-то переправлена; по-видимому, писец не понял текста и хотел прочесть: **оубо ѣмь**; было же написано, вероятно, **оубоимь** или **оубоимь**; **ѣ** вместо **ь**: **рѣвѣуикъ** 89 б.

АЕ²: **възлѣжан** 91 (ср. с **ε** 2 раза), **вѣсѣда** 98, **отроуатѣ** род. ед. 146 (ср. **отроуатѣ** 146, 167 об.), **отроуатѣ** местн. ед. 144.

У 142 в меньшей части (смешивающей **ε** и **ѣ**): **каплѣ** зв. 32 об., **ючитѣла** 34 об., **жидовѣ**, **пѣщѣ** 45.

М 95: **повѣлѣвакѣтъ**, **вѣлѣниѣмь**, **үрѣвѣса**, **сѣти**, **нѣврѣжно**, **нѣ пѣсѣка**.

М 97: **нѣизмѣннѣноу**, **овуатѣ** им. дв., **нѣистѣлѣныа**, **възидѣ**, **сѣдѣтѣла**, **вселѣнен**, **всѣгда**; в словах **вѣрьгоста** и **авѣствнѣ**, где **ѣ** вместо **ь**, написание **ѣ** похоже на позднюю поправку написанного правильно **ь**. М 97 писано несколькими писцами, и случаи смешения **ε** и **ѣ** по большей части принадлежат, кажется, только одному из них.

РЕ: **обрѣмѣнени**.

МЕ: **обрѣмѣнѣ** 35 d.

ТЕ I: **въкысѣ** аор.

ЕК: **принесѣнѣмь**, **о нѣмь** (*περὶ αὐτοῦ*), **в сѣмь** (*ἐν τούτῳ*), **въспомнѣнаго**, **телесѣ**, **възрастѣ** аор., **понѣже**, **рѣчи** infin.

В И 73¹, И 73², ГБ, ЧПс, У 142, МЕ и ГЕ в основах, начинающихся с **гнѣ-**, обозначается, хотя непоследовательно, мягкость **н** перед **ѣ**: И 73¹: **прогнѣва** 9 а, **прогнѣваша** 9 с, **подъгнѣтѣ** 29 а, **гнѣва** 29 с и др. (но также: **гнѣвъ** 40 с и пр.), И 73²: **гнѣваѣмь** 94 в, **гнѣвъливъ** 94 с, **гнѣвъмь** 104 а и др. (чаще без обозначения мягкости: **прогнѣва** 87 а, **гнѣвати** 104 а, **гнѣвъ** 105 с и др.), ГБ: **гнѣвъѣ** 307 β, **гнѣвъъ** 325 α и др., ЧПс: **гнѣвъ-** 46 раз (но 4 раза **гнѣвъ-**), **гнѣвзд-** 4 раза (только с **н**), **възгнѣшта-**

жшти 1 раз, У 142: гнѣвъ 25 об., 27, прогнѣвакши⁸¹ 23 и др. (но ср. гнѣваа са 78 об. и др.), МЕ: гнѣвакѣ са, гнѣвааи са, гнѣздити са, оугнѣтаахуѣтъ, възгнѣтивъше и др., ГЕ: разгнѣва са 5 (Мф. 2₁₆), гнѣвъмъ 73 об. (Мрк. 3₅), гнѣзда Мф. 8₂₀, оугнѣтаахуѣтъ 79 (Мрк. 5₂₄) и др. (но также: гнѣва 6, разгнѣва са 48)⁸¹. Об обозначении мягкости *н*, *л* в слове **нѣнѣ**, перед *ѣ* в окончаниях повелительного наклонения и перед русским *ѣ* в падежных окончаниях основ на мягкие см. ниже. В остальных случаях мягкость *н*, *л* и других согласных перед *ѣ* нигде не обозначается.

Употребление **ѣ** вместо **ѣ** и обратно резко отличает памятники русского письма XI и XII вв. от памятников ю.-сл. письма X и XI вв. Естественно предполагать, что оно явилось на русской почве, а не перенесено из ю.-сл. оригиналов. Но в то же время характер этого употребления показывает, что оно основано не на живом русском произношении:

а) **ѣ** в основе **мѣта-** нередко и в памятниках ю.-сл. письма (например, в Зогр., Мар., Син. Пс.) и на произношение *ѣ* вообще не указывает, как явившееся нефонетически;

б) и **с)** неполногласные сочетания, в которых чаще всего в памятниках русского письма является **ѣ** вместо **ѣ**, в русском живом языке отсутствовали; следовательно, **ѣ** в таких случаях передает только русское произношение иностранных слов;

д) в памятниках, употребляющих дат.-местн. **тебе, себе** и род.-вин. **тебѣ, себѣ**, встречается и дат.-местн. **товѣ, совѣ**, всегда с **ѣ** за одним только исключением (**сове** СПт). Так как памятники ю.-сл. письма и ю.-сл. языки не знают форм **товѣ, совѣ**, то в употреблении их в памятниках русского письма следует видеть русизм; в таком случае формы **тебѣ, себѣ** для русского писца могли быть чужими, а потому и заменялись обычными для писца формами род.-вин. **тебе, себе** или дат.-местн. **товѣ, совѣ**;

е) в памятниках, имеющих **ѣ** в 1-м слоге основы **телес-**, формы от основы **тѣл-** всегда пишутся правильно с **ѣ**; естественно думать, что основа **тѣлес-** живому русскому языку не была известна;

⁸¹ Ср. А. Васильев. Об одном случае смягченного звука *н* в общеславянском языке, явившегося не посредством следующего за ним древнего *j*. РФВ. LXX (1913, 3—4), стр. 71—76, где приводятся примеры подобного написания также из ю.-р. Христинопольского апост. XII в. и Толстовского Сбор. XIII в.

ф) так как в памятниках, заменяющих начальное **ѣ** через **ѡ**, такое же **ѡ** пишется и вместо русского **ѣ** в падежных окончаниях основ на мягкие после гласных, то можно думать, что употребление **ѡ** в обоих случаях передает черту русского языка — совпадение **ѣ** в начале слова и после гласных с *je* или *je*. Впрочем, нынешние русские языки не дают указаний на переход начального **ѣ** в *je* или *je*, а только на такой переход конечного **ѣ** после гласных, и то только в в.-р. Поэтому показания памятников русского письма XI и нач. XII вв. можно толковать и как указание на церковное произношение начального **ѣ** как *je*, отличавшееся от живого русского произношения;

г) употребление **ѡ** вместо **ѣ** существительных на **-ѣник** — явление морфологического порядка и на произношение **ѣ** не указывает;

д) относительно правописания с **ѡ** **обрѣт-** можно заметить, что большая часть писцов, писавших **ѡ** вместо **ѣ** в неполногласных сочетаниях, отличали эту основу от основ с неполногласными сочетаниями и писали ее только с **ѣ**, как, например, писцы АЕ¹, АЕ², У 142, МЕ, ГЕ; в последнем эта основа встречается очень часто исключительно с **ѣ**. В то же время из памятников, имеющих в этой основе **ѡ**, УС¹ представляет много случаев написания ее с **ѣ**, тогда как в неполногласных сочетаниях после **р** буква **ѣ** в этом памятнике почти не пишется. Это, по-видимому, указывает на то, что основа **обрѣт-** существовала в тогдашнем русском языке, что облегчало правильное ее написание; написание же с **ѡ**, соответствующее церковному произношению, естественно в текстах, предназначенных для пения (служебные минеи и кондакарь).

Из остальных случаев часть: **сѣвѣдетель**, **-ла**, **-льствина**, **-льства** в И 73¹, ПА, АЕ², **кгоупътене** И 73², **наменъти** КИ и некот. др., — по-видимому, описки; единичные случаи в ОЕ, СПт, ГЕ вследствие своей единичности ни на что указывать не могут, но остаются случаи, которых нельзя объяснить только описками или ошибками, не имеющими фонетического значения. Таковы, например, случаи употребления **ѡ** вместо **ѣ** в И 73¹, АЕ², меньшей части У 142, М 97, УС¹. Часть их, может быть, нерусские слова (**овитѣль**, **опрѣснѣкъ**, **вѣселкапа**?), но есть среди них и несомненно русские. Тем не менее вывода о совпадении **ѣ** и *e* в говоре писцов делать нельзя, потому что в несомненно нерусских словах в тех же памятниках **ѡ** вместо **ѣ** гораздо чаще; скорее всего можно думать, что церковное произношение повлияло и на правописание таких слов, которые были известны писцам и из своего языка. Я

думаю, что у недостаточно грамотных, но твердых в церковном произношении писцов, особенно в текстах, предназначенных для пения, подобное явление возможно.

3. а) формы род.-вин. **тѣбѣ, себѣ** могли явиться потому, что формы **тѣбѣ, себѣ** вообще в русском языке отсутствовали, и писец, зная о существовании их в церк.-слав., мог не помнить их настоящего значения и потому употребить в значении род.-вин., так как такие формы, в их церковном произношении, больше походили на свои формы род.-вин. **тѣбе, себе**, чем на формы дат. **тобѣ, собѣ**.

б) Написания **дрѣвлѣ, дрѣвльни, дрѣвьни** могут представлять лишь орфографическую передачу нерусских слов⁸²: во всех памятниках, в которых в этих словах пишется **ѣ**, случаи сохранения **ѣ** в неполногласных сочетаниях более или менее часты, причем с **ѣ** пишется между прочим и основа **дрѣв-** или **дрѣвес-** (дерево), стоящая к этим словам близко по звукам (так, например, в И 73², АЕ¹, У 142, ЕК, УС²; в МЕ и ГЕ, где **дрѣвлѣ** и пр. постоянно пишется с **ѣ**, в основах **дрѣв-** и **дрѣвес-** пишется и **ѣ**, и **ѣ**); в М 95 там, где слова **дрѣвлѣ** и **дрѣво** встречаются рядом, они нередко пишутся с одинаковыми гласными, оба с **ѣ** или оба с **ѣ**;

в) Может быть, и слово **сребро** в такой форме было для русских писцов или некоторых из них чужим; в живом русском языке ему соответствовало *серебро*; от последнего писцу нетрудно было образовать неполногласную форму **срѣвро**: основа **срѣвр-** встречается только в тех рукописях, где в неполногласных сочетаниях постоянно или по большей части после **р** пишется **ѣ**.

д) Правописание **приѣжно** рядом с **прилежати, прилежаник** в ряде памятников показывает, что писцы различали эти слова в своем произношении; иначе такое орфографическое различие при отсутствии его в ст.-сл. письме было бы непонятно. Это произношение могло быть свойственно русскому языку, но могло быть усвоено русскими писцами и у южных славян; в последнем случае правописание русских рукописей указывало бы на такое ю.-сл. произношение, которое не отразилось в памятниках ю.-сл. письма.

⁸² Основа **дрѣв(л)-** русским языкам не известна: слова *древний, древность* и пр. по происхождению ц.-слав.

е) Последовательное написание **скждѣль** с производными с **ѣ** указывает на то, что эти слова писались так уже в усвоенной русскими ю.-сл. орфографии и что эта орфография находила себе подкрепление и в известном русском произношении южных славян, и в живом русском языке; при отсутствии хотя бы одного из этих условий такая последовательность являлась бы необъяснимой.

ф) Из случаев написания **-ѣник** вместо **-еник** написание **зѣмѣник** в ЧПс, конечно, вызвано стремлением осмыслить слово; в остальных случаях имеется нефонетическая замена одного суффикса другим.

г) Хотя **младѣньць** с **ѣ** засвидетельствовано Клоц., где это написание нельзя рассматривать как ошибочное написание **ѣ** вм. **ѣ** и следует считать передачей варианта, существовавшего в ст.-сл. яз., но последовательное **младѣньць** в У 330 трудно возводить к этому варианту. Для русского переводчика устава это слово было церковнославянским, а из церковного употребления он мог знать его только с **ѣ**, как показывают все остальные памятники русского письма. Скорее здесь действовала аналогия со словом **пърѣньць**. Что касается написания **младѣнца** в меньшей части У 142 (в кондакаре), то это написание, очевидно, нельзя отделять от других случаев написания **ѣ** вместо **ѣ**.

Из остальных случаев написания **ѣ** вместо **ѣ** некоторые представляют описки, как, например, **въ сѣмь**, **описатѣлѣ**, **тѣлѣсьныа**, **ѣрѣвѣса**, **оустѣлѣтъ**, **бѣлѣда** и некот. др., некоторые являются в чужих, нерусских словах: таковы **истѣсемь** и указанные как описки **тѣлѣсьныа** и **ѣрѣвѣса**, но остаются случаи, которые нельзя объяснить ни описками, ни ошибками, не связанными с произношением. Но таких случаев очень немного.

Ничтожное количество случаев смешения **ѣ** и **ѣ** в словах, известных живому русскому языку, при значительном количестве случаев замены **ѣ** через **ѣ** только в словах церк.-слав., показывает, что в живом русском языке, по крайней мере в тех его говорах, которые отразились на известных нам письменных памятниках, звуки, обозначаемые буквами **ѣ** и **ѣ**, различались; совпадение этих звуков в живом языке можно предполагать в части говоров только для **ѣ** (из о.-сл. «ѣ носового») и **ѣ** или **ѣ** в конце слова после гласных, и, может быть, для **ѣ** и **ѣ** в начале слова⁸³.

⁸³ Показания памятников XI и XII вв. сами по себе недостаточны для того, чтобы с уверенностью считать передачу **ѣ** через **ѣ** в начале слова за отражение живого произношения писцов. Но за возможность такого понимания говорит подоб-

В то же время случаи замены ѣ через ѣ в церк.-слав. словах свидетельствуют о том, что таким написанием русские писцы передавали не свое живое произношение ѣ , а церковное, отличное от живого и основанное на южнослав. произношении ѣ (хотя, быть может, и не совпадавшее с ним), и что ю.-сл. ѣ воспринималось русскими, по крайней мере в некоторых положениях, как звук, отличный от русского ѣ , а в некоторых случаях отождествлялось ими с церк.-слав. ѣ^{84} . Последнее же произносилось ими как ѣ , причем часть писцов произносила согласные перед таким ѣ мягко только в том случае, если они были мягки и в ю.-сл. произношении, а в остальных случаях согласные перед ѣ в произношении этих писцов не смягчались⁸⁵; но часть писцов произносила, по-видимому, и в церковном чтении все согласные перед ѣ мягко. Церковное произношение ѣ и ѣ в церковном чтении, надо думать, не ограничивалось словами церк.-слав. происхождения, но распространялось и на слова и формальные части слов, существовавшие и в живом русском языке, но в правописании этих последних писцы могли руководиться своим живым произношением и потому обыкновенно ѣ и ѣ не смешивали.

В каких же случаях церк.-слав. ѣ отождествлялось русскими писцами с ѣ и как произносилось в тех случаях, когда не отождествлялось с ѣ ?

ное же употребление ѣ в части новгородских грамот XIV в., где церковная орфографическая традиция очень слаба.

⁸⁴ Может показаться маловероятным, что церковное произношение звуков ѣ и ѣ русскими писцами отличалось от живого, в то время как в других случаях те же писцы заменяли звуки ст.-слав. яз. мало похожими на них звуками своего языка (напр., произносили у , а вм. ж , л и др.). Но я и не предполагаю, что в церк. русском произношении являлись звуки, отсутствовавшие в живом яз., но комбинация их могла быть другой, иногда даже необычной для языка, подобно тому как теперь русские свободно произносят в иностранных словах немалое количество согласных перед ѣ или такие сочетания (там, где к , г не изменились в к' , г' после мягких неслоговых), как *Кяхта* и пр. В ст.-слав. и др.-р. задолго до перехода кы в ки и до появления таких морфологич. новообразований, как *Дьямѣкѣ*, *морьскѣ*, произносились мягкие к' , г' в словах, взятых с греч. яз., как *Кирилль*, *ангель*.

⁸⁵ См. мою статью «К истории звуков русского языка. II. Смягченные согласные в языке 2-го писца Архангельского Евангелия». *Slavia* II. 4 [Дурново, 1924; наст. изд., с. 354—367], а также статью Л. Васильева «С каким звуком ассоциировалась буква ѣ » и пр. *РФВ.* 69 (1913. 1—2) [Васильев, 1913]. Подробнее этого вопроса я предполагаю коснуться в одной из следующих глав настоящей работы.

Замена *ѣ* через *ѐ* в церк.-слав. словах, если не считать случаев, где такая замена, несомненно, нефонетического происхождения, встречается не во всех памятниках, а там, где встречается, ограничивается известными положениями, не во всех памятниках одними и теми же. Ничего не говорят ни о живом русском, ни о церковном произношении *ѣ* такие случаи, как *ѐ* в основе *мета-*, в дат.-местн. *тебе*, *себе* или *ѣ* в род.-вин. *тебѣ*, *себѣ* и в словах *прилѣжно* и *скоудѣль*, кроме того что русские писцы вообще *ѣ* и *ѐ* различали, не имели в своем языке форм *тебѣ*, *себѣ* и произносили *прилѣжно* и *скоудѣль* с *ѣ*. Т. о., большая часть случаев смешения *ѣ* с *ѐ*, которые могут указывать на русское церковное произношение *ѣ*, падает на употребление *ѐ* вм. *ѣ* в неполногласных сочетаниях, в основе *телес-* и, может быть, в начале слова.

Употребление *ѐ* вместо *ѣ* в неполногласных сочетаниях могло бы объясняться компромиссом между русским и ю.-сл. произношением соответствующих слов: писцы не писали *ѐ* перед гласной, потому что его не было в ц.-сл., и писали *ѐ* после гласной, потому что в их живом языке было *e*, подобно писцу СПт, писавшему *злотникъ*, *оврониша са* и т. п., где *ло*, *ро* соответствовало русским *оло*, *оро* и ц.-сл. *ла*, *ра*. Но в таком случае мы должны бы ждать и в других памятниках рядом с написаниями *ре* вместо *рѣ* также написаний *ло*, *ро* вместо *ла*, *ра*, а вместо *лѣ* не *ле*, а *ло*, и притом тем чаще, чем чаще пишется *ре*; между тем такие написания, кроме СПт, почти не встречаются⁸⁶.

Из названных случаев употребления *ѐ* вместо *ѣ* чаще всего *ѐ* пишется в неполногласных сочетаниях после *р*. В ряде рукописей, знающих *ѐ* вм. *ѣ* в неполногласных сочетаниях после *р*, в таких же сочетаниях после *л* и в основе *тѣлес-* пишется правильно *ѣ*. Таковы ГБ, ТЛ, И 73¹, И 73², ПА, СПт, АЕ¹, ГЕ, УС²; из них только в ГБ, АЕ¹ и ГЕ встречается *ѐ* вм. *ѣ* в начале слова. Случайностью отсутствие *ѐ* в этих случаях можно объяснять только в ТЛ и ПА. Можно поэтому думать, что писцы этих памятников воспринимали ю.-сл. *ѣ* после *р* иначе, чем после *л* и в основе *тѣлес-*. Это могло быть вызвано какими-то особенностями в ю.-сл. произношении звука *р*. Такой особенностью была, по-видимому, твердость этого звука, указания на которую мы находим в русских рукописях XI и XII вв. В тех из них, которые различают мягкие и немяг-

⁸⁶ Несколько примеров подобных написаний из других памятников приведено Шахматовым, Очерк [Шахматов, 1915].

кие *л* и *н*, мягкость *р* не обозначается, что свидетельствует об отсутствии мягкого *р* в церковном произношении, а это отсутствие вызывалось, очевидно, тем, что *р* мягкое в известном русском ю.-сл. произношении отвердевало⁸⁷. По-видимому, отверждение *р* в ю.-сл. шло довольно далеко и перед палатальными гласными не останавливалось на степени полумягкости; т. е. *р* полумягкое перед палатальными гласными становилось более твердым, что вызывало, между прочим, какие-то изменения в произношении сочетания *рѣ*, заставлявшие русских воспринимать его как тождественное с сочетанием *ре* в ю.-сл. произношении. В словах, известных живому русскому языку, писцы сочетаний *рѣ* и *рѣ* не смешивали, т. е. произносили, очевидно, *рѣ* отлично от *ре*.

В остальных случаях писцы названных памятников, не смешивающих *ѣ* с *е* ни в неполногласных сочетаниях после *л*, ни в основе *ѣлес-*, очевидно, воспринимали ю.-сл. *ѣ* как звук, отличный от *е*. Немногие встречающиеся в этих рукописях случайные написания *е* вм. *ѣ* могли явиться под влиянием употребления *е* вм. *ѣ* в неполногласных сочетаниях после *р*. Отождествление писцами *ѣ* с *е* после отвердевшего согласного звука может дать повод к предположению, что в остальных случаях ю.-сл. *ѣ* воспринималось ими как *е* со смягчением предшествующего согласного звука: на это мог бы указывать тот факт, что как раз в тех рукописях, писцы которых, по-видимому, читали согласные перед *е* смягченно, различие между церковным произношением *е* и *ѣ* утрачено и *е* вместо *ѣ* встречается чаще, во всяком положении; с другой стороны,—нынешнее книжное произношение поморских старообрядцев, читающих согласные твердо перед *е* и мягко перед *ѣ*. Но это предположение не оправдывается показаниями рукописей XI и XII вв. Если бы различие между церковным произношением *е* и *ѣ* состояло в том, что перед *ѣ* согласные произносились мягко, а перед *е* твердо, то надо было бы ждать смешения не только *ѣ* с *е* в начале сло-

⁸⁷ Л. Васильев, о. с. РФВ. 69 [Васильев, 1913] предполагает, что подобные случаи указывают на твердость *р* в языке самих писцов, сравнивая с этими указаниями твердость *р* в значительной части нынешних малорусских говоров и в белор. Но в таком случае следовало бы ждать в тех же памятниках более частых указаний на твердость *р* в русских словах, тогда как на самом деле примеры на отверждение *р* не перед *е* очень немногочисленны и являются, главным образом, не в словах живого русского языка.

ва и после гласных, которое мы действительно в некоторых рукописях и находим, но также ѣ и ꙗ после л, н и ѣ с е после ц⁸⁸. Однако случаи такого смешения в рукописях не чаще, чем в других случаях: после ц: **овлѣцемъ сѧ** И 73¹, **роуце** И 73², **рыцете** КИ; после н буква ꙗ или е с обозначением мягкости *н* встречается только в И 73¹ (**гнквѣ** и пр.), но как И 73¹, так и другие памятники XI и XII вв. показывают, что *н* в сочетании **гнѣ** отличалось от *н* перед ѣ в других случаях именно смягченностью, т. е., очевидно, *н* и *л* перед ѣ в других случаях не произносились смягченно⁸⁹. Но все эти факты в совокупности, а именно совпадение ѣ с е после отвердевшего *р*, после *ј* или *ѣ* и после смягченного *н*, делают вероятным предположение, что ю.-сл. ѣ в произношении, известном русским писцам, звучало приблизительно как *je* или сложный звук, начинавшийся с артикуляции *i*; после отвердевшего *р*, как и после начального *ј* или *ѣ* и после смягченного *н* в сочетании **гнѣ**-, это *i* (*i*) в значительной степени скрадывалось; поэтому русские писцы воспринимали ѣ в этих случаях частью как ѣ, частью как е, а в остальных случаях как свое ѣ, произносившееся сходно с ю.-сл., но, по-видимому, с несколько более сильным элементом *i* в первой части звука.

Те писцы, которые читали согласные перед е мягко, отождествляли обыкновенно ц.-сл. ѣ во всех случаях не со своим ѣ, а со своим е. То же, по-видимому, делали и некоторые писцы, читавшие согласные перед е немягко (АЕ² и, отчасти, КИ). Это могло вызываться тем, что, как я уже заметил, ю.-сл. ѣ могло произноситься с более слабым элементом *i* в первой части звука, чем русское ѣ, и потому частью писцов и при-

⁸⁸ После шипящих не в окончаниях писалось только е, и потому смешения е и ѣ могло не быть. Впрочем, сюда бы могло быть отнесено **мождена** в ЧПС, **хоудожѣ** И 73¹.

⁸⁹ Показательна, между прочим, передача ѣ после л. В этом положении только 1 раз в ЧПС е с обозначением мягкости л: **привлечуеѣтъ** 71 об. (здесь чужое слово могло просто ассоциироваться со словами, имевшими в основе сочетание «губная + л»); в остальных случаях во всех рукописях ѣ ни разу не заменяется буквой ꙗ или е с обозначением мягкости л, несмотря на то, что в неполногласных сочетаниях встречалось почти исключительно после губных (**влѣкоу**, **млѣко**, **плѣнѣ** и пр.), т. е. в таком положении, где перед е обычно являлось л мягкое. В АЕ², строго различающем л мягкое и немягкое перед е, в неполногласных сочетаниях **лѣ** последовательно заменяется через **лѣ**, т. е. с немягким л.

том преимущественно теми, которые читали согласные перед *e* мягко, воспринималось не как свое *ѣ*, а как свое *e*.

Как мы видим, писцы, читавшие согласные перед *e* немягко, не смягчали согласных, по крайней мере сонорных *л* и *н*, и перед *ѣ*. Но в определенных категориях случаев писцы читали смягченные сонорные и перед *ѣ*; эти случаи следующие: 1) падежные формы на *-ѣ* (из «*ѣ* носового») от основ на мягкие: *землѣ*, *копѣ* и пр., 2) 2 дв. и мн. *imperat.* от основ на мягкие: *глаголѣте*, *вънемлѣте*, 3) сочетание *гнѣ-* и 4) слово *нѣнѣ*; для случаев 2 и 4 мягкие сонорные засвидетельствованы памятниками ст.-сл. письма; в случае 1 *л*, *н* читались мягко, как и в остальных падежах и как в ц.-сл. форме тех же падежей (*землѣ*, *копѣ*); для случая 3 мягкое *н* памятниками ю.-сл. письма не засвидетельствовано, но должно предполагаться на основании того, что встречается в памятниках русского письма, сохранивших много ю.-сл. черт⁹⁰; поэтому к ю.-сл. произношению, вероятно, восходит и *ражнѣвахъ см* И 73², л. 99 а, где *ж* из *з* перед *н* мягким вследствие выпадения *i*; невыдержанность в обозначении мягкости *н* перед *ѣ* может свидетельствовать о том, что живому русскому языку различие *н* мягкого и немягкого перед *ѣ* не было свойственно, или о том, что *гнѣ-* с *н* мягким произносили не все южные славяне, выговором которых руководились русские в своем церковном произношении.

Итак, русские рукописи XI и XII вв. отражают русское церковное, не всегда совпадавшее с живым, произношение *ѣ*, наслонившееся на усвоенную русскими писцами ю.-сл. орфографию. Это церковное произношение у разных писцов было различным: 1) некоторые писцы, может быть, правильно различали *ѣ* и *e* в книжном произношении, как и в живом; 2) другие писцы читали *ѣ* так же, как церковное *e*, в неполногласных сочетаниях после *р* и, вероятно, вообще после *р*, а некоторые из них также и после *ј* или *ѣ* и после *н* мягкого в сочетании *гнѣ-*; 3) третьи читали всякое *ѣ* так же, как церковное *e*; при этом писцы, различавшие в церковном чтении *л* и *н* мягкие и немягкие перед *e*, различали их и перед *ѣ*. Церковное произношение *ѣ* в тех случаях, когда оно отличалось от *e*, по-видимому, совпадало с русским живым произноше-

⁹⁰ Л. Васильев РФВ. 70 [Васильев, 1913а] видит в этом отражение явления живого русского яз., но я с ним не согласен; я считаю изменение *dnѣ > dnѣ* о.-сл., но в живом русском яз. *nѣ* и *нѣ* в XI в., по моему мнению, звучали повсюду одинаково как *нѣ*.

нием *ѣ*. Южные славяне, произношение которых отразилось на правописании *ѣ* в памятниках русского письма, по-видимому, произносили *ѣ* как дифтонг *je* или звук сложной артикуляции, начинавшейся с *i* и отличавшейся от русского *ѣ* большей краткостью или слабостью первого элемента.

Эти замечания относятся только к случаям I А. Случаи I В показывают, что с буквой *ѣ* в ю.-сл. правописании связывалось и другое значение.

I В

1. В суффиксе прилагательных *-ѣн-* исключительно *а* или *а* пишется в ОЕ: *каманъ* ОЕ¹, *багъраницѣ* bis, *багъранѣ*, *трънанъ*, *науънанътихъ* ОЕ²; И 73¹: *просано* 13 d, *висьраныа* 59 b, *рамани* 59 d, *багъраница* 58 об.; КИ: *каманѣ* 34 об., 90, 121, 161, *камано* 81, *каманахъ* 135, *пльтаную* 68, *пльтанама* 76, 76 об., 123 об., *воданы* 78, *дрѣванъ* 114 об., *дрѣванѣмъ* 125 об., *дрѣванааго* 125 об. bis, 136, *дрѣваноѣ* 192 об., *багъраницоу* 142, *багъраноую* 155, *багъранъ* 202, *мѣданоу* 143 об., *раманъ* 146 об., *власанъ* 192, *крѣванѣ* 270; СПт: *древанъ* 36, *древанѣ* 117 об., *древанътимъ* 171, *древаноѣ* 171, *стъкланиуноуѣ* 51 об., *роуманъствомъ* 122; АЕ²: *багъраноу*, *багъраноую* 104 об., *багъраницоу* 108, 113 об., 114, *оцътано* 108, *оцътано* 114; У 142: *дрѣваного* 64 об., *дрѣванѣмъ* 83, *мѣданъ* 70 об., *леданѣ* 75 об., *багъраницоу* 58 (то же в меньшей части 40); М 95: *баграницоу* 3 раза, *мѣданоу*, *пламанътиа*, *каманометаниа*, *древанътиа*, *власанъти*, *багъраницоу*, *мѣданъ*, *пламано*; М 96: *баграницоу*, *обагъранами*, *пламаного*; М 97: *пламанътиа*, *пльтанѣмъ*, *камано*; МЕ: *каманъ* 6 d, *науънанътихъ* 17 b, *власаници* 35 b, *стъкланици-* 51 c bis, 84 d, 111 b bis, 135 a, 135 b, *древанътимъ* 62 d, *дрѣванътимъ* 71 b, *древаноѣ* 89 c, *багъраниц-* 81 c, 153 c bis, 153 d, 157 об. bis, 158 a, *багъраноу* 152, *оцътано* 154 a, 158 a; ГЕ: *стъкланица* несколько раз, *каманъ*; ГЕ 1: *стъкланици* 45, *оцътано* 87, *каманътихъ* 136 об.; У 330: *льнаноу* 223, *баграницоу* 177 об., *дрѣванътимъ* 205, *пъртанами* 224 об., *власанътихъ* 223 об., *въланътихъ* 224 об. и др.; УС¹: *баграница*, *древан-* неск. раз, *каман-* неск. раз, *древанътимъ* Сказ. о Борисе и Глебе, *рамано* житие Феодосия; УС²: *льнанѣмъ*, *дрѣван-* 3 раза, *древанѣ*, *власаница*, *багъраница* ж. Феодосия, *дрѣвано*, *мѣданъти* 3 раза, *мрамораноу* ж. Ирины; ЕК: *каманъ*, *мѣданъ*, *дрѣванъ*, *багъраница* и др.; в И 73², ГБ, ЧПс, ПА при обычном *-ан-* или *-ан-* встречаются редкие примеры с *-ѣн-*: И 73²: *-ан-* 6 раз: *стъ-*

кланица 105 с, роуманты 112 d, каманами 153 b, каманѹи 154 a, багърано 247 b, оцѹтана 251 b; -ѹн- 6 раз: багърѹѹници 173 b, жлѹтѹѹницами 196 d, иглѹни 232 b, пазънѹнѹ 229 b, мѹдѹноу 238, рамѹнѹ 261 d; заметим, что с ѡ написаны слова, встречающиеся в Евангелии, кроме роуманѹ, а с Ѣ—слова, которых там нет, кроме багърѹѹници (прилаг. от иглѹа в ев. с другим суффиксом: иглѹниѹ); в ГБ почти всегда -ѹн-: раманимѹ 16 δ, мраморанѹи 77 β, каманѢ 218 δ, -нѹ 299 γ, -нѹа 375 γ, багъраницеѹ 267 α, -ци 283 γ, пламаноу 292 α, мѹданага 349 α, крѹвѹнѹа 355 γ; -ѹн- очень редко: рамѹни 290 δ, непѹтѹѹнѹ 330 α; в ЧПС 3 раза -ѹн-: мѹданага 80 г, глинанѹи 12 а, пѹтанѹ 20 а и один раз -ѹн-: камѹнага 58 б; через Ѣ написан тот же суффикс и после жд, где в ст.-сл. было а: мождѹни 69 в, мождена ib. (ср. можданѹ Син. Пс.); в ПА 6 раз -ѹн-: трѹстанѹ, дрѹванни, дрѹванѹ, зѹданѹ, пѹтана, пѹтанѹ и 1 раз -ѹн-: пѹтѹни.

2. Суффиксы существительных -ѹн- (первоначально только после шипящих, *j* и смягченных сонорных) и -Ѣн- (первоначально во всех остальных случаях) в памятниках русского письма частью различаются правильно, частью смешиваются, причем в последнем случае обыкновенно преобладает суффикс -ѹн- со вторичным смягчением предшествующих согласных. Не стану выписывать случаев с правильным употреблением суффикса -ѹн- после шипящих, *j* и л мягкого: во всех памятниках, кроме случаев, приводимых ниже, в этом положении постоянно пишется а, га или ѡ. Остальные случаи следующие: ОЕ: после р в ОЕ¹ один раз назарѹнинѹ, в ОЕ² назарѹнин- 3 раза, самарѹн- 3 раза, самарѹнѹни, назарѹнинѹ 2 раза, самарѹнинѹ, самарѹѹнинѹ, самарѹѹнехѹ; после т: ѹзѹнтѹѹнинѹ по одному разу в ОЕ¹ и ОЕ²; И 73¹: после р—ѡ: александранемѹ, самарѹниѹж, после т—Ѣ: ѹздранѹнтѹѹнехѹ, ѹгѹптѹѹне, ѹгѹптѹѹнехѹ; в И 73²: после р—ѡ: самарѹнина, после т на л. 136 три раза ѡ. кѹптѹанемѹ, кѹптѹанѹи, кѹптѹане, а после 136 л. везде Ѣ: кѹптѹѹне 4 раза, кѹптѹѹнѹ, но один раз а: кананѹтанѹнѹ 262 а; ГБ: после р несколько раз ѡ и га: морѹнина 13 β, самарѹнинѹ 131 δ, сарѹнѹнѹа (т. е. самарѹнѹни) 124, самарѹнехѹ 266 α и один раз Ѣ: самарѹѹнина 159 γ; после т—Ѣ: егѹптѹѹнина 254 γ, -нѹмѹ 341 β, -немѹ 371 δ, ниневгитѹѹне 317 α; КИ: после р—ѡ: самарѹне, самарѹнѹи (по неск. раз), самарѹнина, назарѹнина; после н и т—Ѣ: кѹринѹѹнинѹ 155 об., егѹптѹѹнемѹ 156; СПт: после с, т, р—Ѣ: персѹнѹнѹю 5, персѹнѹноу 105 об., егѹптѹѹнѹ 36, егѹптѹѹнинѹ 78, 123, моавитѹѹнѹноу 66 об., таронитѹѹне 85, фаранитѹѹнѹ

85 об., еггѣтѣнинъ 117 об., александръѣнъ 51, тоурѣнинъ 116, после к — ѣ: кѣзикѣнинъ 134 об. и ѡ: кападоканина 79 об., после шипящих — а: егѣ(п)-цианъ 170 об., моавицианинъ 124 об.; ЧПс: после т постоянно ѣ: амманитѣны, аскалонитѣне, гавашнитѣне, егѣптѣне, измаилитѣне, излѣитѣны, моавитѣне и пр. 27 раз; после р и губных обычно тоже ѣ (без л после губных): ассѣрѣнина, самарѣны, сѣрѣне и пр. 11 раз, араѣне, остроѣне, роѣмѣне и пр. 4 раза, но по одному разу с ѡ: самаранѣныги, риманѣстии; после н только один раз ѣ: палестинѣны и 18 раз ѡ: вавѣлоганѣ, македонганъ, ассаринганѣ, палестинганѣны и пр.; ПА: после р один раз ѡ: самаранѣ и один раз ѣ: самарѣны, после т — только ѣ, 9 раз: соѣманитѣныню, егѣптѣныни, тезѣвитѣнина, искареотѣнинъ, критѣнемъ, моавитѣныни и др.; АЕ¹: после р — ѡ: самаран — 8 раз; АЕ²: после р — ѡ: назаранинѣмъ 98, 103, -нинъ 129, самаранъ 137 об., после т — ѣ: илѣитѣнинъ 78; У 142: всегда ѡ: самаранѣныги 15 об. bis, 81 об., егѣптанѣна 3, егѣптанѣ 66, измаилитанѣ 35; в меньшей части рукописи: егѣптганѣ 45; М 95: почти постоянно ѡ или ѡа: агартанѣ, гортоѣнаномъ, кританѣнемъ, нинеѣтанъ, но один раз ѣ после т: ѣезѣвитѣнинъ и один раз ѣ после ж: соѣграженинъ; М 96: после р — ѡ: самаранѣско, после т — ѣ: измаилитѣне, по одному разу; РЕ: только ѡ: самаранѣскъ, назаранинъ, излѣитанѣны; МЕ: после р — ѡ: назаранин- 4 раза, самаранин- 5 раз, самаранѣны- 3 раза, самаранѣскъ, после т — ѣ: излѣитѣнин- 2 раза; ГЕ: после р — ѡ: александранѣноѣ, самаранъ, назаранинѣмъ и пр.; ТЕ 1: после р — ѡа: самаранъ; У 330: везде ѡ: сѣлоѣнаномъ, егѣптан-, пѣрсан- по 2 раза; УС¹ в переводных статьях — ѡ: вавилонанѣми, александранѣ; ЕК: ѡ: анаранѣ, самаранѣ и др., один раз просле т — ѣ: издранитѣны.

3. Основа прѣм- (прѣмо, въпрѣмити, прѣмъ и пр.) пишется с ѣ в ОЕ², ГБ, ЧПс, ТЕ 1; по несколько раз с ѣ и по одному разу с ѡ в КИ и ПА; только с ѡ в И 73¹, И 73², АЕ², У 142, М 95, МЕ, ГЕ, У 330, УС¹.

4. В имперфекте на -ѣахъ почти во всех памятниках русского письма, кроме ТЛ, вместо ѣа более или менее часто пишется ѡа, ѡа или, со стяжением, ѡ, ѡ, причем во всех памятниках, кроме ОЕ и ГБ, формы с ѣ или отсутствуют, или очень редки; так, в АЕ¹, У 142, М 95, М 96, РЕ, ТЕ 1 эти формы пишутся только с ѡ, ѡа или ѡа, ѡа; в других памятниках ѣ пишется только в имперфекте от бѣгѣти (бѣашѣ, бѣахъ и пр.) и от имѣти (имѣашѣ, имѣашѣ и пр.): так, в И 73¹ при обычных формах с ѡа (ѣахѣоѣ 19 с, ѣа|шѣ 35 b, 57 с—d, 73 с, 75 a, b, имѣахѣоѣ 52 с, живѣахѣоѣ 19 b, словѣахѣоѣ 26 a, бѣа|дѣахѣоѣ 26 b, богатѣашѣ 74 d, живѣашѣ 75 a,

скърѣлаше 75 b, вѣдалаше 85) я отметил только по одному разу вѣаше 9 а и имѣаше 19 а; в АЕ² — только один раз вѣахочу 78 об.; в ГЕ и У 330 встречаются (редко) только формы имѣаше и имѣахочу; в И 73², МЕ, УС¹, УС² и ЕК формы вѣаше, вѣахж, имѣаше, имѣахж и имѣаше, имѣахж встречаются более или менее часто; отмечу вѣѣста И 73², л. 212 об.; в ЧПс при обычных формах с ѡа и ѡа формы с ѣ только 2 раза: нѣахочу и имѣаше; в КИ — только 1 раз имѣаше; в М 97 один раз написано: растѣаше; в ОЕ¹ нестяженные формы пишутся только с ѡа (18 раз), стяженные — только с ѣ (10 раз); в ОЕ² обычны формы с ѣа (133 раза), один раз ѣ: зръѣста; формы с ѡа и ѡа встречаются только 7 раз; в ГБ до л. 51 пишется только ѣа, с л. 51 до 74 ѣа часто только в имперфекте от вѣйти: вѣаше, вѣахж, рядом с формами вѡаше, вѡахж; у других глаголов очень редко, обычно же ѡа и ѡа; с л. 74 до конца рукописи ѣа и ѡа употребляются безразлично; в ПА при обычных формах с ѡа встречается несколько случаев написаний с ѣа. Для понимания правописания ОЕ², ГБ и ПА следует заметить, что в ОЕ² ѣа пишется часто и вместо этимологического ѡа после о.-сл. л, н, р мягких (26 раз при 42 случаях с ѡа); наоборот, в ГБ ѣа в таких случаях почти не встречается (я отметил только мнѣаше 40 а при обычном мнѡаше: от основы мнѣ-?); в ПА ѣа в таких случаях не отмечено, но есть несколько случаев с ѣ вместо ѡа в других формах.

Какие выводы о ю.-сл. произношении XI в. мы можем сделать на основании правописания памятников русского письма в указанных случаях? Рассмотрю это правописание по пунктам.

1. Как мы видим, суффикс прилагательных -ѣн- пишется постоянно с ѡа или ѡа почти во всех памятниках русского письма, даже таких, в которых влияние русского языка почти не сказывается или где обычны другие ю.-сл. черты правописания, не свойственные русскому правописанию, как ОЕ, И 73¹, КИ, ТЕ 1; в тех памятниках, где мы находим написание этого суффикса с ѣ, это написание встречается чрезвычайно редко и притом, по-видимому, в словах, церковнославянское произношение которых не было известно писцам: это ясно из И 73², где написание с ѣ встречается почти исключительно в словах, неизвестных из Евангелия и Псалтири; рамѣни в ГБ можно сравнить с рамѣнъ в И 73²; повторение слова плѣтъѣнъ в ГБ и ПА может тоже говорить за то, что церк.-слав. произношение этого слова писцам было малоизвестно. Памятники, в которых попадаются единичные случаи написа-

ний с ѣ,—ГБ, ЧПС и ПА—принадлежат к числу таких, в которых наиболее ярко сохранился ю.-сл. облик правописания, и тем не менее в них старослав. правописание суффикса -ѣн- является лишь в виде исключений. Такая последовательность в употреблении ѣ или ѣа вместо этимологического ѣ не только не может быть удовлетворительно объяснена предположением, что написание ѣ или ѣа в суффиксе -ѣн- основано только на русском произношении писцов, но и делает это предположение совершенно недопустимым: помимо того, что для русских писцов не представляло труда произнести в этом суфф. тот звук, который они произносили там, где писали ѣ, а следовательно и написать правильно, невероятно, чтобы писцы, стремившиеся не написать порусски, списывая с ю.-сл. оригиналов, так последовательно заменяли ю.-сл. правописание правописанием, основанным на русском живом произношении. Очевидно, они не только сами произносили этот суффикс с а, но и воспринимали как а тот звук, который произносился в этом суфф. ю. славянами. Это могло быть только в том случае, если этот звук в ю.-сл. произношении, известном русским писцам, отличался от звука, передававшегося буквой ѣ в случаях I А, большею близостью к а. Различие в произношении ѣ в случаях I А и в суфф. прилаг. -ѣн- может восходить еще к о.-сл. эпохе, ср. различную судьбу этих звуков не только в русском яз. и в том ю.-сл. произношении, на какое указывают памятники русского яз., но и в слов. и срб.; звук е в суфф. -ен- в икавских и јекавских говорах: *леден, дрвен, гвозден, меден, мједен, сламен, сукнен* и др. говорит против тождества гласного звука в этом суфф. с ѣ уже в древнейшую эпоху жизни срб. яз.; в тоже время против того, что сербский яз. в этом суфф. получил из о.-сл. яз. гласные е или е, говорит тот факт, что после старых смягченных в этом суфф. является последовательно а: *воштан, мождан, кожан, ражан, землян, коноплян* и пр.⁹¹ Ниже я буду обозначать звук, являвшийся в произношении ю.

⁹¹ По мнению Зубатого (AS I Ph. 15 [Зубатый, 1893]) и Meillet (Ét. 434 [Мейе, I—II]), повторяемому Вондраком (Vgl. gr.² 480, стр. 529—531 [Вондрак, 1924]), этот суфф. в о.-сл. первоначально являлся в виде -ѣно-, откуда в положении после мягких -ѣно-; уже после этого изменения в диалектах о.-сл. яз. ѣ перед н изменялось в е; с таким е этот суфф. перешел из о.-сл. в русск., срб. и слов. языки. Но я думаю, что русские памятники говорят больше за гипотезу Шахматова (Изв. VI. 4 [Шахматов, 1901], очерк, § 11 [Шахматов, 1915]), что здесь уже в о.-сл. был звук, отличный от ѣ и более близкий к а (по Шахм. ѣ). Отделять же срб. -ен-, поль. -ian-

славян в суффиксе прилаг. *-bn-*, через *b₂*, а звук, являвшийся в случаях I A, через *b₁*. В ст.-сл. азбуке оба звука передавались одной буквой, потому что в говоре, для которого составлялась азбука, всякое *b* звучало близко к *a*.

2. В написаниях *-bn-*, с одной стороны, и *-an-*, *-an-*, с другой стороны, в большей части примеров, встречающихся в памятниках русского письма, следует видеть правильное отражение образований с двумя суффиксами: *-bn-* и *-jan-*: первый имеется во всех примерах, где написано **ѣ** после **с**, **т**, **н**, **р** и губных, второй — там, где написано **а**, **а** и **а** после **л**, **н**, **р** и шипящих; в памятниках, различающих *л* и *н* мягкие и нем мягкие, правильно обозначается мягкость *л*, *н* перед суфф. *-an-* (*-an-*) и не обозначается перед **ѣ**. Последовательное употребление **а** и **а** после *л* и смягченного *н* во всех памятниках, где такие образования встречаются, и **ѣ** после **с**, **т** и губных в ОЕ, И 73¹, ГБ, КИ, СПт, ЧПс, ПА, АЕ¹, М 96, МЕ показывает, что их писцы различали эти суффиксы и в своем произношении. Судя по тому, что написания с **а** после **т** появляются уже в И 73² и далее имеются в У 142, М 95, РЕ и У 330, можно думать, что в русском яз. уже в XI в. этот суфф. звучал с *a* и что, следовательно, написания с **ѣ** передают ю.-сл. правописание и произношение, как оно воспринималось русскими, т. е., что в этом суфф. ю. славяне произносили *b₁*.

3. Написания *prъm-* и *pram-* не дают ясных указаний на то, как читалась эта основа у ю. славян. Русские, несомненно, произносили *a*.

4. Употребление **а** или **а** в имперфекте вм. ст.-сл. **ѣ** в памятниках русского письма настолько последовательно, что не может быть объяснено только как отражение живого русского произношения. Так, писец ОЕ¹, отличавшийся большою грамотностью, ни разу не написавший **у** вместо **ц**, **ло** и **ро** вместо **ла**, **ра** и **ѣ** вместо **а** в падежных окончаниях, только 4 раза употребивший **ж** вместо **жд** и сделавший всего 40 ошибок против правильного употребления обоих юсов, в суффиксе имперфекта последовательно 18 раз пишет **аа**, употребляя, однако, с такой же последовательностью **ѣ** в стяженных формах имперфекта. Не менее последовательно пишут в имперфекте **аа** оба писца И 73, употребляющие **ѣ** иногда только в имперфектах от глаголов **бъти** и **имѣти**; из 2 случаев **ѣ** в КИ один падает на форму **имѣаше**, другой —

и пр., возводя его к о.-сл. *-en-* (с *e* неносовым!), как это делает Лескин (Srb-kr. Gramm. § 538 [Лескин, 1914]), нет оснований.

на стяженную форму; в ЧПс **ѣ** пишется только в имперф. **имѣаше** при обычном **имла-** и только один раз в другом глаголе; даже переписчики ПА, списывавшие свой оригинал довольно точно, не справляясь с традиционной орфографией и произношением, в имперфекте пишут **ла** чаще, чем **ѣа**. Более поздние памятники, почти не употребляющие **ѣ** в суффиксе имперфекта, кроме как в имперфектах от глаголов **бѣти** и **имѣти**, не так показательны. Обычны имперфекты с **ѣа** только в ОЕ² и в ГБ; но в последнем на лл. 51—74 **ѣа** встречается тоже почти исключительно в имперфектах от глаголов **бѣти** и **имѣти**, а после л. 74 формы с **ла** или **лаа** употребляются не реже, чем формы с **ѣа**. Ввиду этих данных, я думаю, что употребление **ла** в имперфекте вместо **ѣа** в памятниках русского письма основано на известном русском писцам произношении южных славян, читавших в этих формах *b₂* (ср. [Шахматов 1901; 1915]). Что касается имперфекта от глаголов **бѣти** и **имѣти**, где при обычном **л** нередко встречается и **ѣ**, то от глагола **имѣти**, по-видимому, существовал имперфект **имѣлахъ**, ср. **имѣаше** в МЕ и частое **имѣаше**, **имѣаше** и т. п. в других памятниках, тогда как в имперфекте от других глаголов пишется обычно **ла** или **ѣа**; в форме **имѣлахъ** и пр. перед *j* южные славяне, очевидно, произносили *b₁*, воспринимавшееся русскими писцами как *b*. Менее ясно сохранение ст.-сл. правописания русскими писцами в **бѣаше**, **бѣахъ**; стяженная форма имперфекта, в которой южные славяне, судя по ОЕ¹ и КИ, произносили *b₁*, не могла повлиять на употребление **ѣ** только в этом глаголе; как раз в памятниках русского письма стяженная форма имперфекта от глагола **бѣти**, правда не в самых ранних, где она не встречается, пишется с **л**. Но вообще стяженные формы с *b₁* могли влиять на сохранение написаний с **ѣ** и в нестяженных формах.

II

1. В основе **ѣд-** «едеге», главным образом, в формах глагола **ѣсти**, а также в словах **ѣдь**, **ѣдьца**, **ѣда** и некот. др. только **ѣ** или **к** пишется в ОЕ¹, ТА, АЕ¹, М 97, УС¹ (только в Сказ. о Бор. и Гл.) и один раз в М 96, обычно **ѣ** при единичных примерах с **па**—в СПт, ЧПс и ТЕ 1; **ѣ** значительно чаще, чем **па**—в ОЕ², И 73¹ и И 73²; и **ѣ**, и **па** в этой основе пишутся в У 142, РЕ, МЕ, ГЕ, У 330 и УС²; **па** чаще, чем **ѣ**, в ГБ; обычно **па** при редком **ѣ** в КИ и при единичных примерах с **ѣ**—в АЕ²

и ЕК; в М 95 только один раз встречается **ѡдь**. В основе **ѡд-** «venenit» только **ѡ** — в М 96 и М 97; **ѡдъ** и **ѡдовитъныхъ** М 95. Написания с **ѡ**, конечно, восходят к ю.-сл. правописанию и произношению, но и написания с **ѡ**, обычные в древнейших памятниках, избегающих русизмов, как ОЕ¹, ОЕ², ТЛ, И 73¹, ЧПс, несомненно, идут оттуда же; интересно, что написания с **ѡ** к концу XI в. становятся более употребительными; по-видимому, южные славяне, с которыми русские познакомились раньше, говорили и писали несколько иначе, чем южные славяне, появившиеся на Руси в конце XI в.

2. Основы **ѡд-**, **ѡзд-**, **ѡха-** или **нѡха-** «vehi» встречаются в памятниках русского письма сравнительно редко. В основах **ѡд-** и **ѡзд-** только **ѡ** пишется в ОЕ¹: **ѡдѡахъ** bis, КИ: **ѡздацинимъ** 189, СПт: **ѡѡдѡше** 95, **ѡѡдѡше** 20 об., ЧПс: **ѡжденикѣ**, **ѡзда**, **ѡздаштороумоу**, М 97: **ѡзда**, ГЕ: **ѡдоуца**; и **ѡ**, и **ѡ** в М 96: **ѡздацаго**, **ѡзда**, МЕ: **ѡдѡахоу** 8 d bis, **ѡдоуцемъ** 77 d, **прѡѡдѡмъ** 77 с, но: **ѡди** 72 а (2 ед. повел.), УС² (ж. Феодосия): **ѡдоуцю**, **ѡздацю**; только **ѡ** — в ОЕ²: **ѡджцемъ**, **прѡѡде** bis, **прѡѡдѡмъ**, И 73¹: **ѡздитъ** 14 с, ГБ: **прѡѡждения** 338 а; в основе **ѡха-** пишется **ѡ** в АЕ¹: **прѡѡхавъше** 37, **прѡѡха** УС², и **ѡ**, и **ѡ** в ГЕ: **прѡѡхавъше** bis, **прѡѡха**, **ѡѡхашѡ**, в ТЕ 1: **прѡѡхавъше** 28, -**шю** 66 об. (примеры с **ѡ** я не выписал); только **ѡ** в ОЕ²: **прѡѡхавъше**. Надо думать, что колебание между **ѡ** и **ѡ** в основах **ѡд-** и **ѡзд-** было уже в знакомом русским писцам ю.-сл. правописании; менее ясно, известно ли было этому правописанию и языку южных славян, бывших на Руси, **ѡ** в основе **ѡха-**, т. е. **ѡ** в АЕ² и памятниках XII в. может быть русизмом.

3. Наречия **нѡнѡ** и **нѡнѡвоу** и прилагательное **нѡнѡшьни** пишутся только с **ѡ** в ОЕ¹, ОЕ², ЧПс, РЕ, ГЕ, ТЕ 1, с **ѡ** значительно чаще, чем с **ѡ** или **ѡ**, в И 73², ГБ, АЕ¹, АЕ², У 142, МЕ, У 330, УС², и с **ѡ**, и с **ѡ** в КИ и СПт, с **ѡ** значительно чаще, чем с **ѡ**, в ЕК, и только с **ѡ** или **ѡ** в И 73¹, М 97 и УС¹; при этом мягкость **н** перед **ѡ** или **ѡ** обозначена в И 73¹, И 73², ГБ, СПт, ЧПс, большей части У 142, МЕ и ГЕ. Не являлись ли в ст.-сл. эти слова первоначально в двояком виде: **нѡнѡ** и **нѡнѡ**, причем позднее под влиянием первого **н** мягкое проникло и в вариант с **ѡ**? Ср. в Супр. **нѡнѡ**, **нѡнѡ** и **нѡнѡ**.

4. Слово **травѡ** с производными пишется с **ѡ**: **трѡѡва**, **трѡѡвнюк** и пр. в ОЕ², И 73², КИ и с **ѡ** в ЧПс, АЕ¹, МЕ, ГЕ.

III A

Из изложенного видно, что звук, обозначавшийся в русском языке (как **ѣ**), и в книжном произношении русских писцов, и в произношении приезжавших на Русь южных славян (отличался) от звуков, обозначавшихся в русском письме буквами **л**, **ла**, **а**. Употребление **л** и **ла** вместо буквы **ѣ** ю.-сл. рукописей, как мы видели, частью указывает на существование в известных категориях в ю.-сл. говорах особого звука, отличного от **ѣ**. Поэтому обратное употребление **ѣ** вместо **ла**, как не опирающееся на русское, хотя бы церковное, произношение и на усвоенную русскими орфографию, не встречается в грамотно написанных текстах, писцы которых более или менее твердо усвоили традиционную орфографию и церковное произношение, как, например, в ОЕ¹, ЧПс, АЕ², МЕ, УС², и в текстах, в которых не заметно стремление точно копировать ю.-сл. оригинал, как в СПт, АЕ¹, У 142, М 95, М 97 и др., и в значительном количестве попадает только в трех списанных с ю.-сл. оригиналов текстах, писцы которых старались только точно копировать оригинал, не руководясь при этом ни своими орфографическими навыками, ни церковным произношением, именно, в ОЕ², ГБ и ПА. Употребление **ѣ** вместо этимологического *ja* в этих рукописях сводится к следующим случаям:

1) после *л*: в ОЕ² 21 раз написано **ѣа** в имперфекте от основ на -л мягкое: **молѣаше**, **хоулѣахъ**, **днвлѣахъ сѧ** и т. д. и 11 раз в формах глаголов на -лати: **подавлѣихъ сѧ**, **срамлѣихъ сѧ**, **помышлѣихте**, **раздѣлѣихца** и др.; в ГБ несколько раз в глаголах на -лати: **оумѣлѣихца** (σωφρονίζοντας) 68 α, **исцѣлѣихшта** 160 α (ср. **оусрамлган сѧ** 128 β и др.), а также в словах: **полѣнты** (λειμώνες) 35 δ, **полѣнамъ** 44 β (ср. **полганы** 209 γ), **илѣ** р. ед. 216 β; в ПА не встречается;

2) после *н* мягкого: в ОЕ² 3 раза в имперф.: **кланѣаше сѧ** и др. и 4 раза в окончаниях прилагательных с основой на -н мягкое: **влизньнѣаго**, **взышьнѣаго**, **послѣднѣнѣа**, **гнѣнѣ**; в ГБ 2 раза в падежных окончаниях существительных: **грѣднѣнѣми** 14 δ, **ванѣ** им. ед. 117 α; в ПА 2 раза в глаголах: **сѣблажнѣти**, **сѣоупражнѣихштинѣхъ сѧ** и 3 раза в падежных окончаниях: **на нѣ** в. ср. р., **вонѣ** им. ед. bis;

3) после *р* первоначально мягкого: в ОЕ в имперфекте 2 раза: **творѣаше** bis и в причастии **сѣмѣрѣнѣи сѧ**; в ГБ 2 раза: **оударѣнникъ** 78 δ, **прѣмждрѣихцихъ** 165 γ; в ПА 2 раза: **варѣхтъ**, **вѣрѣ** им. ед.;

4) в словах **вьсѣкъ** ОЕ², **вьсѣ** вин. мн. ср. р. bis, **всѣ** им. ед. ж. р., **всѣ** вин. мн. ср. р. ПА;

5) после гласных только в ГБ: **приѹасти|ѣ** род. ед. 241 β, **приѣзнии-вѣише** 267 β (ср. **ѣзва** много раз с **ѣ**);

6) после шипящих: ГБ: **овѣнїшѹѣ** 128 β, ПА: **ѹлѹѣ** вин. мн. ср. р.;

7) после губной, с пропуском *l* epentheticum: **оѹморѣтвѣють** ПА.

В остальных памятниках **ѣ** вместо **ѣ** в единичных примерах:

И 73¹: **оѹѣсаѣ** 61 а, **не срамѣисѣ** bis 44 а, **ѣзва** 51 b (ср. **ѣзвы** 56 с);

И 73²: **дѣлѣ** 155 d, при обычном **дѣлѣ**;

КИ: **оѹсѣлѣють** (= **вьселѣють**) 12, **недѣлѣхѹѣ** 123;

ЧПс: **мождѣни** (ср. **можданѹ** Син. Пс. 79 b) 69 в;

ГЕ: **оѹсрамѣють сѣ** Мф. 21₃₇ (ср. **посрамѣють сѣ** Мрк. 12₆);

ТЕ 1: **оѹсрамѣють сѣ** ib.;

УС¹: **ѣзвы** (Сказ. о Бор. и Гл.).

Из этих примеров отмечу повторяющиеся случаи: 1) в основе **срамѣ-** вместо **срамѣ-**: И 73¹ bis, ГЕ и ТЕ 1, в последних в одном и том же евангельском стихе, 2) в слове **ѣзва** — И 73¹, УС¹, 3) после шипящих — И 73¹, ЧПс, 4) после **л̂** — И 73², КИ.

Из рукописей, в которых встречается **ѣ** вместо **ѣ**, ГБ несомненно, а ПА вероятно списаны с глаголических оригиналов; остальные к глаголическим оригиналам не восходят, но указывают на диалектические черты их прототипов; интересно отражение такой ю.-сл. диалектической черты в написании **ѣзвы** в *русском* Сказании о Борисе и Глебе.

III В

1. От глаголов с основой на шипящие и мягкие сонорные с тематической гласной наст. врем. *e* формы повелит. наклонения во всех памятниках русского письма, где такие формы встречаются, обычно оканчиваются на **-ѣмѣ**, **ѣте**, **-ѣта**: **плаѹѣмѣсѣ**, **сѣраѹѣмѣ**, **покажѣте**, **ицѣте**, **вьсѣлѣмѣ**, **глаголѣте**, **вьнемлѣте** и т. п., но всегда: **наоѹите**, **дѣржите** и т. п.; формы с *и* от тех же основ встречаются реже, ср. ОЕ²: **осажите**, **плаѹите сѣ**, **глаголите**; ГБ: **покажимѣ сѣ** 281 γ, **вьсплаѹимѣ сѣ** 316 β и т. п.; еще реже — формы с гласной *a*: ОЕ²: **ицѣте**, **сѣважѣте**, ГБ: **одеждѣте сѣ** 279 β. От глаголов с основой на *-j* после гласной повелит. на **-ѣмѣ**, **ѣте** очень редко: я нашел только **оѹвиѣмѣ** и в МЕ (58 b, 96 а, 106 с, 203 b) и ГЕ в одном и том же евангельском стихе; в ОЕ² в

том же месте читается **оубнѣмъ**, а в ТЕ 1 **оубнѣмъ**; в остальных случаях в формах повелит. накл. от основ на гласную + *j* пишется *и* в ОЕ², ГБ, МЕ, ГЕ, ТЕ 1, УС¹.

2. В суффиксе сравн. степ. после шипящих в большей части памятников пишется *а*, и **ѣ**: **мъножакъ**, **мъножанша** и **мъножѣк**, **мъножѣша** и т. п.

Формы повелит. наклонения с **ѣ** после шипящих и смягченных сонорных настолько часты в памятниках русского письма, что не могут рассматриваться как отражение ю.-сл. диалектической манеры употреблять **ѣ** в значении *a* или *ia*; такое объяснение допустимо было бы разве только для ОЕ², ГБ и ПА; почти последовательное написание этих форм с **ѣ** во всех памятниках русского письма указывает на то, что они и читались с *b*, а это возможно было только в том случае, если и в ю.-сл. произношении являлось *b* (и именно *b*₁), а не *a*. Это церковное произношение, по-видимому, соответствовало и живому русскому произношению с *b*, к которому восходит нынешнее белорусское и малорусское произношение этих форм, но основывалось не на нем, потому что русские писцы в своей орфографии в XI и нач. XII вв. никогда не руководились русским произношением в тех случаях, когда ю.-сл. письмо в их восприятии не представляло для них фонетической трудности. По-видимому, так же надо понимать и написание **ѣ** в сравнит. степени после шипящих. Что касается **ѣ** в повелит. наклонении после гласных, то оно, по-видимому, основано главным образом на орфографии ю.-сл. оригиналов; в произношении и южных славян, и русских, по-видимому, преобладали или употреблялись исключительно формы с *и*.

Спорные вопросы общеславянской фонетики

Памяти акад. Ф. Ф. Фортунатова
к десятилетию со дня его смерти (20 окт. 1914 г.)

Среди гипотез Ф. Ф. Фортунатова, относящихся к звуковому составу о.-сл. праязыка, есть несколько таких, которые приняты чуть ли не всеми его учениками и не разделяются почти никем из остальных славистов. К числу таких гипотез принадлежат между прочим гипотезы о происхождении начальных *a* и *e*, сохранившихся во всех славянских языках без йотации, из о.-сл. *ha* и *he*, об о.-сл. *ǃ* носовом и др. Пересматривая вопросы, связанные с определением звукового состава о.-сл. языка, для своего курса по истории русского языка, я не мог не остановиться и на этих гипотезах. Детальный анализ этих вопросов привел меня к убеждению, что многие из его построений, казавшиеся другим искусственными и недостаточно обоснованными, коренятся в глубоком изучении фактов славянских языков и представляют наиболее простое и вероятное решение затронутых им вопросов.

I. Начальное *e* в общеславянском языке

Как показывают ст.-сл. *ѣстъ*, с.-х. *jest* и *je*, ст.-п. *jest*, р. *есть* и т. д., перед начальным *e*, полученным о.-сл. языком из балт.-сл., в о.-сл. развивалось *i* или *j*, сохранившееся во всех слав. языках, кроме части болг. и макед. говоров (ср. болг. *e* = *есть*). Т. о. начальное *je* из балт.-слав. *e* совпало в славянских языках со старым балт.-слав. *je* (ср. ст.-сл. *ѣго*, в.-р. *его*, *ёво*, *яго*, м.-р. *його*, п. *jego* и пр.). Однако 1) в южнослав. и в в.-р. яз. имеется ряд слов с начальным *e* без йотации, которым в зап.-слав., м.-р. и б.-р. соответствуют слова с начальным *he* или *e*; 2) несколько слов, имеющих в ю.-сл. и зап.-слав. языках начальное *je*, в русских языках начинается не с *je*, а с *o* (*озеро* и пр.); 3) основам *jedin-*,

jedъn-, *jedn-* с.-х. и зап.-слав. языков в словенском соответствуют основы *edin-*, *eden-*, *edn-* с начальным *e*, а в русских — основы *один-*, *одн-* с начальным *o*; 4) существует несколько слов с чередованием начальных *je* или *e* и *o* в разных славянских языках.

Для выяснения вопроса о происхождении начального *e* и чередований *o* — *e* — *je* в разных слав. языках постараюсь пересмотреть, по возможности, весь материал, имеющийся в славянских языках. Начну с показаний памятников ст.-сл. языка.

1. Показания ст.-сл. памятников

Памятники ст.-сл. яз. по отношению к передаче начальных *e* и *je* делятся на две категории: а) глаголические памятники и Саввина книга не различают начальные *e* и *je* и потому не дают материала для решения вопроса, в каких случаях в говорах, отражаемых этими памятниками, слышалось начальное *je* и в каких — начальное *e*; б) Супр. и большая часть русских памятников XI и XII вв., наоборот, строго различают начальное *ѣ* и *ѥ*; правильность в употреблении этих двух букв настолько выдержана, что исключается возможность случайности. При анализе показаний русских памятников следует помнить, что написание в начале слов *ѥ* или *ѣ* в памятниках XI и XII вв. дает по большей части указание не на живое произношение писцов, а на их литературное произношение, не совпадавшее с живым, в котором некоторые из слов, употребляющихся там последовательно с начальным *ѥ* или *ѣ*, произносились с начальным *o*, как показывают те же памятники. Ввиду этого мы имеем право пользоваться этими показаниями для суждения о ст.-сл. произношении.

В Супр.¹ буквы *ѥ* и *ѣ* различаются довольно строго. Буква *ѣ* в начале слова пишется постоянно в следующих словах: *ѣго*, *ѣмоу*, *ѣа*, *ѣи* (дат. ед. ж. р.), *ѣжъ*, *ѣ* (им.-вин. ср. р. и 3 л. ед.), *ѣсмъ* (1 ед. и мн.), *ѣси*, *ѣстъ*, *ѣсте*, *ѣстство*, *ѣстствънъ*, *ѣже*, *ѣкико*, *ѣкликъ*, *ѣдин-* (*ѣдинъ*, *ѣдина* и пр.), *ѣдн-* (*ѣдно*, *ѣднжъ*, *ѣднауе* и пр.), *ѣдва* (9 раз), *ѣгда*, *ѣлма*, *ѣми*, *ѣште*, *ѣи*. Букву *ѥ* в названных словах я встретил только 7 раз до стр. 471 и 27 раз на протяжении остальных 100 страниц; эти случаи: *ни еднауе* 33₂₁, *съ нами еднако* 60₂₆, *по ѣстствоу* 95₂, *праведънынъ една*

¹ Имею в виду только основную часть рукописи, без стр. 131, писец которой придерживался другой орфографической системы.

128₈, и ѓдва 297₂₅, и елико 136₁₈, тако е|сть 195₁₅; стадин . еи же (дат. ед.) 471₁₉, кго еСТЬСТВО 471₂₁, вьсѣмъ еСТЬ|СТВОМЪ 472₁₇, ноужди еСТЬСТВОУ 474₁, нашего еСТЬСТВА 474₁₂, и еста 475₁, досаждаѣши|мъ емоу 481₂₂, рьци емѣ 483₂₇, и единеньк 493₁₉, кже есмъ 502₁₂, невидима еСТЬСТВА 502₁, кже е| (= еСТЬ) 502₆, ржкоу его 506₆, не видѣвшинимъ его 506₁₂, большоу его 514₆, огньнааго 523₂, мола его 527₁₉, коснжвъ са его 566₁₃, на ногоу его 570₁₉, и еже 506₁₈, нъ елма 507₄, даша еи 515₂, дати еи 515₄, тавивъши са еи 518₈, тоу ед'нж 521₅, снѣ еднотадъ 536₂, къ ед'нои 540₂₈, при огромном количестве случаев написания большей части тех же слов с начальным **ѣ**. Можно заметить, что во всех случаях до стр. 471, где правописание **ѣ** и **ѣ** не выдержано строже, буква **ѣ** вместо **ѣ** встречается или после и (в 5 случаях), или в конце строки; начиная со стр. 471, начальное **ѣ** вместо **ѣ** попадаетея при всяком положении, но и здесь оно очень редко по сравнению со случаями правильного написания **ѣ**. Кроме случаев с начальным **ѣ** вместо **ѣ**, на последних 90 страницах Супр. встречается десятка два случаев написания **ѣ** вместо **ѣ** после гласной в середине слова.

Только **ѣ** пишется в начале слов, взятых с греческого: еѣа, еѣга, еѣаггелнк, елинъ, елинъѣни, епискоупъ, еѣшпъскыа, еѣтихни, едикин, елиспонта, еѣптъ, етни, еѣтѣхнакъ, епархъ, еѣктимонъ, ефесъ, ехидны, ереси, езекиа, елисаветѣ, еѣфимиа, еѣдокиа, еѣгенин, елипин, ефратъ и мн. др.; бо́льшая часть названных слов встречается по нескольку, а некоторые — по многу раз, так что общее количество таких случаев значительно больше ста; букву **ѣ** в греческих словах я встретил только 2 раза: **ѣлисен** 283₂₅ (в начале строки) и: **ѣлина** 569₄, где начальное *e* оказалось в положении после *i*. В тех греческих словах, в которых *e* приходилось после другого гласного звука, как, например, 'Αέτιος, Βηθλεέμ, ἱερεύς, в Супр. пишется тоже **ѣ**; впрочем, после и изредка встречается и **ѣ**; так, обычно правильно: **ѣетнѣ** 69₁₅, **въ виѣлееми** 451₂, **ѣероусалимъ** 84₁₅, **нераѣ** 169₁, **перемни** 191₁₁, **незакели** 351₁₃ и др., но также: **ѣероусалимъ** 277₂₂, **ѣкремни** 357₁₁, **ѣкреа** 450₁₆, **ѣкремниа** 460₁₃, ср. выше и **ѣлина**, и дальше: **ѣесе**, **любви ѣесе** и обратные случаи написания **ѣ** вм. **ѣ** в том же положении.

Из славянских слов только **ѣ** пишется в следующих словах:

1) **ѣи** (утвердит. частица), 11 раз (стр. 101, 132, 159, 205, 224, 250, 314, 423, 471);

2) **ѣтеръ** (-а, -и, -омъ), 9 раз, из них 7 до стр. 471 (452, 463, 464, 465, 468, 472, 497) и только один раз после и.

Слово **ѣсе** встречается 7 раз, из них 5 — с начальным **ѣ** и 2 раза — с начальным **к**; в обоих последних случаях **кѣсе** в середине фразы после **и**: **по божин же люб'ви кѣсе мѣи** 88₂₃, **и кѣсе твоек** 369₂₅; **ѣсе** с начальным **ѣ** один раз в середине фразы: **дѣло ѣсе** 37₂₂ и 4 раза — в начале фразы; к сожалению, эти 4 случая — после стр. 471 (стр. 476, 478, 486, 504), чем показательность их при их незначительном количестве и разбросанности несколько уменьшается.

Колебание между начальным **ѣ** и **к** наблюдается в словах:

1) **ѣда**, всего 11 раз (стр. 16, 115, 170, 221, 239, 296, 475 bis, 494, 515, 568), из них 6 раз до стр. 471, и **къда**, всего 25 раз, из них 20 раз до стр. 471 (стр. 14, 27, 76, 79, 90, 115, 135, 180, 215, 231, 240, 249, 314, 369, 391, 432, 436, 439, 440, 443, 475, 516, 520, 527);

2) **ѣзеро**, всего 4 раза: **въ севастиѣ ѣзеро** 76₁₀, **посрѣдѣ ѣзера** 76₁₉, **въ ѣзеро** 78₁₈, **ни ѣзера** 483₁₁, и **кѣзеро**, всего 3 раза: **къ кѣзероу** 76₉, **вѣваше кѣзера** 76₁₇, **кѣзеро** 90₃;

3) **ѣлень**, всего 3 раза: **дѣва елени** 223₇, **артемонъ . еленьма** 223₂₇, **гласѣ еленіи** 224₁₂, и **клень**, 5 раз: **и кленіи** 224₃, **отъ кленію** 224₃, **и клени** 224₁₈, **отъ | кленію** 224₂₂, **гласѣ клене** 224₂₇;

4) **ѣша** 131₉ и **къша** 386_{6,7}; все три раза в начале фразы.

Ф. Ф. Фортунатов к случаям колебания между начальным **ѣ** и **к** относит также написания **къда** и **ѣда**. Но мне кажется, что те два случая написания **ѣ** в этом слове, какие имеются в Супр., вполне аналогичны с написаниями **ѣднауѣ** 33₂₁, **ѣднако** 60₂₆, **ѣлико** 136₁₈ при очень большом количестве написаний **къда**, **къднауѣ** и т. п. и **кълико** и со случаями обратного употребления **к** вместо **ѣ** в единичных случаях, как **кълисен** 283₅, **къроуѣсалимъ** 277₂₂ и др. (см. выше). Что же касается чередования **ѣда** и **къда**, **ѣлень** и **клень**, **ѣзеро** и **кѣзеро**, то рассматривать одни из этих написаний как описки, считая другие соответствующими произношению писца, нельзя, и приходится думать об отражении двоякого произношения, с *e* и с *je*, принадлежавшего, очевидно, по крайней мере по отношению к словам *ѣзеро* и *ѣлень*, двум говорам; чередование **ѣда** и **къда** может также указывать на разные говоры, но может указывать и на существование в одном говоре двух слов с одним значением: *eda* (ср. с.-х. *ěda*) и *jeda* (ср. словен. *jěda*).

В Остром. ев.² **ѣ** и **ѣ** различаются; впрочем, вместо **ѣ** изредка, особенно в конце рукописи, встречается **ѣ́** или **ѣ̀**, т. е. со значком наверху, например, **ѣ́млетѣ** 15 г, **ѣ́го**, **ѣ́ни** (дат. ед.), **ѣ́смь** 263 в и др. Постоянно с начальным **ѣ** пишутся греческие слова (очень редко **ѣ́** и никогда **ѣ**), а также слова **ѣда** (много раз), **ѣни** (много раз), **ѣзеро** (4 раза), **ѣтеръ** (3 раза), впрочем, **ѣда** 2 раза, **ѣни** 1 раз и **ѣтери** 2 раза написаны со значком над **ѣ**. По одному разу встречаются с начальным **ѣ** слова **ѣдъва**, **ѣгда** и **ѣлма**; из этих слов **ѣдва** и **ѣлма** встречаются с начальным **ѣ** и в других русских памятниках, различающих **ѣ** и **ѣ**, но **ѣгда** везде пишется с **ѣ**, за немногими исключениями, которые можно считать описками. Слово **ѣце** обыкновенно в Остр. ев. пишется с **ѣ**, но 9 раз написано **ѣце**, что, конечно, не случайность. Остальные слова всегда пишутся с начальным **ѣ** или, редко, с **ѣ́**, **ѣ̀**.

В Синайском Патерике XI в.³, кроме лл. 24—26 об., где в начале слова пишется обычно **ѣ**, а **ѣ** встречается очень редко, вообще различие между **ѣ** и **ѣ** выдержано довольно строго: **ѣ** пишется постоянно в словах: **ѣго**, **ѣмоу**, **ѣва**, **ѣа** и **ѣа**, **ѣни** (дат. ед.), **ѣж**, **ѣсмь**, **ѣси**, **ѣсть**, **ѣ** (3 ед.), **ѣсте**, **ѣсвѣ**, **ѣста**, **ѣстьство** (-а, -оу и пр.), **ѣдин-**, **ѣгда**, **ѣмлетъ**, **ѣже**, **ѣнко**; **ѣ** в этих словах встречается лишь в единичных случаях: **ѣго** 27, **ѣмоу** 62, **ѣни же** (дат. ед.) 15 об., **ѣни** (дат. ед.) 132, **ѣсть** 22, 56 об., **ѣ** (3 ед.) 122 об., **ѣсмь** 28 об., **ѣ единномъ** 22; также **ѣдинного** (**ѣ** киноварное) 4 об., **ѣнко** 7 об., 11 об., 115, 120. **ѣ** постоянно пишется в начале греческих слов, но в середине после **и** изредка встречается **ѣ**: **ѣнѣмьскъ** 3 и др.; слово *Иорданъ* чаще пишется с **ѣ** (**ѣрданъ**), чем с **ѣ** (**ѣрданъ**); крайне редко **ѣрданъ**. Из славянских слов с начальным **ѣ** постоянно пишутся слова **ѣда** 14, 60, 93 об., **ѣтеръ** 63, 70 об., 73 bis, 163, **ѣни** («да») 64 об., 90, 96, 128 bis, 131, 134, 140, 141, **ѣлма** 118, 121 об., **ѣлма** 177; но один раз: **ѣни оуѣ** 62; **ѣце** с начальным **ѣ** 3 раза: 31, 76 об., 122 об. и один раз с **ѣ**: **ѣце** (л. 57 об.); кроме того, по одному разу написано с начальным **ѣ**: **ѣдъва** 17, **ѣни** (вопросит. частица) 99 об. С начальным **ѣ** пишется основа **ѣдин-** (много раз) и слова: **ѣже** (несколько раз), **ѣце** (часто), **ѣншьды** (44, 55), **ѣдъва** (54 об.).

² Пользуюсь статьей М. Козловского в «Исследованиях по русскому языку», т. I [Козловский, 1885].

³ Рукопись Моск. Патриаршей Б-ки № 551 (Моск. Историч. Музей); полностью не издана; отрывки напечатаны Срезневским (неудовл. Свед. и Зам. [Срезневский, 1879]).

В Ефремовской Кормчей XII в.⁴ начальное **ѣ** пишется в тех же словах, как и в Супр., Остромир. и Син. Пат.: **ѣго**, **ѣсть**, **ѣгда**, **ѣже** и пр.; написание **ѡ** в этих словах встречается в единичных случаях, но вследствие обширного объема памятника (310 листов) этих случаев больше, чем в других памятниках, различающих **ѡ** и **ѣ**. Обнорский отмечает следующие случаи: **ѡдин-** (3 р.), **ѡго** (1 р.), **ѡмь** (местн. ед., 1 р.), **ѡи** (дат. ед., 1 р.), **ѡгда** (2 р.), **ѡсмь** (1 р.), **ѡсмь** (1 р.), **ѡсть** (4), **ѡже** (3 р.), **ѡстьствьномуу** (1 р.). Начальное **ѡ** более или менее последовательно пишется в греческих словах; однако встречается, хотя и очень редко (Обнорский насчитал до 20 случаев), и **ѣ** (**ѣиньѣ**, **ѣреси** и др.). Из славянских слов всегда с начальным **ѡ** пишутся слова **ѡда**, **ѡтерѣѣ**, **ѡдѣва**, **ѡлма**, **ѡншьды**, но и в этих словах 4 раза написано **ѣ**: **ѣишьда** (1 р.), **ѣда** (3 р.). Слово *еще* пишется 10 раз с **ѡ** и 10 раз с **ѣ**. Слов **ѡзеро**, **ѡлень** и, по-видимому, **ѣнко** в Ефр. Кормчей нет.

Во 2-м почерке Архангельского е в.⁵ **ѣ** пишется последовательно в словах: **ѣсмь**, **ѣси**, **ѣсть**, **ѣста**, **ѣго**, **ѣмоу**, **ѣи**, **ѣа**, **ѣ** (вин. ед. ср. р.), **ѣже**, **ѣлма**^{5а}, **ѣгда**, **ѣдин-** (в этой основе около 60 раз), и только 15 раз в этих словах встретилось **ѡ**: **ѡго bis**, **ѡмоуѣ**, **ѡже bis**, **ѡсмь**, **ѡсть**, **ѡгда bis**, **ѡдин-** 6 раз. Значительное число случаев с **ѡ** в основе *един-*, м. б., не случайно. Ср. ниже Чуд. Пс. и 1-й почерк Усп. Сб. **ѡ** последовательно в греческих словах (в начале слова не менее 80 раз), и только 2 раза написано **ѣ**: **ѣвренскыѣ**, **ѣнсаветѡѣ**, при одном случае написания **ѡвренскыѣ** и нескольких случаях написания **ѡнсаветѡѣ** и **ѡнсаветѣ**. Из славянских слов всегда пишутся с **ѡ** **ѡда** 12 раз, **ѡтер-** 5 раз и **ѡи** 4 раза. Слово **ѡсе** встречается 1 раз, с начальным **ѡ** (л. 93). Колебание — в написании **ѡще** 5 раз, **ѣще** 4 раза. Слова *езеро* и *елень* не встречаются. Три раза написано **ѡ** в основе **ѡдин-** (96 об., 101 об., 129).

В Уставе XI в.⁶ **ѣ** пишется всегда в тех же словах, в том числе и в основе **ѣдин-**, а также в слове **ѣще**; случаев написания **ѡ** в этих словах я

⁴ Пользуюсь статьей С. П. Обнорского «О языке Ефремовской Кормчей XII века» (Иссл. по русскому яз. III. 1 [Обнорский, 1912]). Ефр. Кормчая издана Бенешевичем: Кормчая XIV титулов без толкований [Бенешевич, 1906—1907].

⁵ См. издание «Архангельское Евангелие 1092 г. М. 1912» и мою статью «К истории звуков русского языка» II. Slavia II. 4 [Дурново, 1924; наст. изд., с. 354—367].

^{5а} Эта форма приведена ошибочно — см. наст. изд., с. 459, сн. 73. — *Прим. ред.*

⁶ Устав с кондакарем б-ки Моск. Синод. Типографии № 142; не издан. Писан несколькими писцами, придерживавшимися различных орфографических систем. Я привлекаю только те части рукописи, писцы которых различали **ѡ** и **ѣ**.

не нашел; начальное **ε** постоянно в греческих словах, а кроме того в словах **εлень** 113 об. и **εда** 114, встретившихся только по одному разу; остальные слова, имеющие в других памятниках начальное **ε**, здесь не встречаются.

В Чудовской Псалтыри конца XI в.⁷ **κ** пишется в тех же словах: **κгда** 29 раз, **κсмь** 23 р., **κси** 23 р., **κсть** 135 р., **κ** (3 ед.) 1 р., **κсте** 3 р., **κстьств-** 42 р., **κ** (вин. ед. ср. р.) 7 р., **κго** 161 р., **κмоу** 61 р., **κж** 6 р., **κта** 9 р., **κи** 4 р., **κже** 124 р., а также в словах **κште** 14 р. и **κдъва** 1 р. В основе **κдин-** начальное **κ** 95 р., но та же основа 15 р. пишется с начальным **ε**; случайным такое написание считать нельзя, потому что в других словах **ε** вместо **κ** в Чуд. Пс. не пишется. **ε** правильно пишется в греческих словах (96 раз), но 4 раза встречается **κ**: **κзекниж** bis, **κгүптѣ**, **κгүптѣскааго**. Из славянских слов с начальным **ε** пишутся **εлико** 11 раз при **κлико** 2 раза, **εда** 11 раз, **εлма** 1 раз, **εзера** 1 раз. Последние 2 примера, сами по себе непоказательные ввиду их единичности, становятся показательными при сравнении правописания Чуд. Пс. с правописанием Остр. ев., Ефр. Кормчей, Мстисл. ев., Гал. ев. 1144 г., Устава Патр. Б-ки XII в. и др. Один раз написано: **из одинок** (148 об.).

В Мстиславовом ев.⁸ около 1115 г. с начальным **ε** пишутся последовательно греческие слова, а также слова **εда**, **εи** (по многу раз), **εтеръ** (Мрк. 9₁₇), **εще**, **εзеро** (по несколько раз); с начальным **κ** эти слова не встречаются; в остальных словах, в том числе в словах **κгда**, **κже**, **κлико**, **κдин-**, везде пишется **κ**.

В Юрьевском ев. около 1120 г.⁹ употребление начальных **ε** и **κ** такое же, как и в Мстиславовом ев., т. е. с **ε** пишутся греческие слова, а также слова **εи**, **εда**, **εще**, **εзеро** (слово **εтеръ** не встретилось), а с **κ** — остальные; **κ** вместо **ε** встретилось один раз в слове **κще** (л. 18) и два раза

⁷ Изд. Погореловым в Памятн. ст.-сл. яз. III. 1 [Погорелов, 1910]; см. его же Словарь к толкованиям Феодорита Киррского на Псалтырь. Варш. 1910 [Погорелов, 1910а].

⁸ Роскошная рукопись Моск. Патриаршей Б-ки; хранится в Моск. Историч. Музее Ср. Карский, РФВ. 1895 [Карский, 1895]; П. Симони. Мстиславово Евангелие. Петерб. 1910; ев. от Марка по этому списку изд. Воскресенским: Евангелие от Марка... Сергиев Посад 1894 [Воскресенский, 1894]. Я просмотрел только ев. от Марка.

⁹ Рукопись Моск. Патриаршей Б-ки в Моск. Историч. Музее, бывш. Новоиерусалимского монаст. № 1.

в слове **ѣда** (13 об. и 18) при большом количестве написания этих слов с **є**; ср. также **иѣроуѣсалимѣ** 12 об. при обычном: **въ иѣроуѣсалимѣ** и т. п.

В Галицком Четвероевангелии 1144 г.¹⁰ начальное **ѣ** последовательно пишется в словах **ѣго**, **ѣмоу**, **ѣмь** (местн. ед.), **ѣа** или **ѣа**, **ѣю**, **ѣсмь**, **ѣси**, **ѣсть**, **ѣ** (вин. ед. ср. р. и 3 ед.), **ѣсмь**, **ѣсте**, **ѣстьствоу**, **ѣдин-**, **ѣико**, **ѣднауе**, **ѣмлющаго**, **ѣмлють**, **ѣмлетъ**; только один раз встретилось киноварное (очевидно, написанное другим лицом) **є** в слове **ѣдна надесате** Мф. 28₁₆¹¹. Начальное **є** постоянно в греческих словах, а также в словах **єи** («да») 11 раз, **єда** 47 раз, **при єзерѣ** 2 раза, **въ єзеро**; один раз встретилось слово **єдва** 139 об. Слово **ѣще** пишется по большей части с **ѣ** (22 раза), но 4 раза встретилось с начальным **є**.

В Типографском Четвероевангелии XII в. № 1¹² начальное **ѣ** последовательно пишется в тех же словах, как и в Галицком 1144 г.; только 2 раза написано киноварное заглавное **ѣ** и один раз строчное **є** в слове **єгда** (л. 125 об.)¹³ при очень большом числе случаев написания того же слова с **ѣ**; один раз написано киноварное заглавное **ѣ** в слове **ѣико** (в остальных случаях везде **ѣико**); кроме того, с начальным **є** написано один раз **єднауе ли** 29 (других примеров с основой **ѣдин-** или **ѣдн-** мне не встретилось), но в основе **ѣдин-** всегда **ѣ**. Всегда пишутся с **є** греческие слова, а из славянских: **єи**, **єтер-** (-ъ, -а, -ты, -омъ, -и, -оу, -ж), **єда**, **єще** (по многу раз), **єзеро** (встретилось 2 раза: **при єзерѣ**).

В Уставе Патриаршей б-ки XII в. № 330¹⁴ начальное **ѣ** последовательно пишется в словах **ѣго**, **ѣмоу**, **ѣа**, **ѣ** (вин. ед. ср. р.) и т. п., **ѣси**, **ѣсть** и пр., **ѣмлють**, **ѣдин-**, **ѣико**, **ѣгда**, **ѣже**, **ѣще**, **ѣишдты**; я заметил только два исключения: **въ єдиноу** 38 и **єже подовакеть** 121 об. Начальное **є** пишется последовательно в греческих словах, причем попадает и на месте греч. **ι**, **ει** — **єрмоси** (неск. раз), и греч. **ο** — **єнуѣриа** 169 об. Из славянских слов с начальным **є** пишутся: **єдѣва** 91 об., **єтероу** 97, **при єзерѣ** 165, **єлма** 242, 248, 273, **є|лми** 278 (в последнем случае на-

¹⁰ Рукопись Моск. Патриаршей Б-ки № 444; издано не вполне исправно Амфилохийем: Галицкое Четвероевангелие 144 года [Амфилохий, I—III].

¹¹ В издании Амфилохия несколько раз ошибочно напечатано **є** вместо **ѣ**.

¹² Рукопись б-ки Моск. Синодальной Типографии; не издано.

¹³ **є** в конце строки, где для **ѣ** не хватило места.

¹⁴ Хранится в Моск. Историч. Музее. Рукопись представляет очень исправный севернорусский список с южнорусского оригинала. Устав переведен в Южной Руси при Феодосии Печерском. Памятник не издан.

писание **ѣ** не вызвано недостатком места, потому что места достаточно). Все перечисленные слова встречаются с **ѣ** и в других памятниках, различающих **ѣ** и **ѡ**, и потому не должны считаться описками. С начальным **о** пишется основа **один-** (**-ъ, -а, -оу, -ою, -олю** и пр.) много раз, хотя и реже, чем с **ѡ**, а также: **и осеньнии ноци** 246 об.

В части Успенского Сборника конца XII в.¹⁵, писанной первым почерком, начальное **ѡ** пишется последовательно в словах: **ѡго, ѡмоу, ѡмь** (местн. ед.), **ѡ** (вин. ед. ср. р.), **ѡа, ѡѣ, ѡю, ѡи** (дат. ед. ж. р.), **ѡсмь, ѡси, ѡсть, ѡ** (3 ед.), **ѡсѣѣ, ѡста, ѡсмь, ѡдин-** (**ѡдинъ, -а, -ого** и пр.), **ѡгда, ѡже, ѡще**, а также в словах: **ѡмлетъ, ѡмы** и («взяв его»), встречающихся по одному разу. Буква **ѣ** в этих словах встречается только 2 раза: **ѡ единомь** л. 42 и **ѡще** л. 20; кроме того, два раза встречается начальное **о**: **ни къ одной же** л. 46 и **оже** л. 32. Начальное **ѣ** пишется последовательно в греческих словах: **ѣпистолиа, ѣпискоупъ, ѣпитимиа, ѣретникъ** и др., а также в словах **ѣда** и **ѣтеръ** (**-а, -о, -ы** и пр.); один раз встретилось **ѣдва** л. 34; то же слово в других двух случаях пишется с **о**: **одѣва** 26, 32 (с **ѡ** это слово не встречается).

Часть Успенского Сборника, писанную 2-м почерком, не рассматриваю, потому что там правописание начальных **ѣ** и **ѡ** не вполне выдержано¹⁶.

Итак, в Супр. и в русских памятниках XI—XII вв. начальное **ѡ** последовательно выдерживается в косвенных падежах местоимения **ѡго, ѡмоу** и пр., в наст. вр. глагола **ѡсмь** во всех формах, в основе **ѡстѣств-**, во всех формах наст. врем. глагола **ѡмѣж** и в словах **ѡже** и **ѡгда**; почти всегда пишется **ѡ** в основе **ѡдин-**, где начальное **ѣ** встречается лишь изредка, гораздо реже, чем **ѡ** в Остр., Арх., Чуд. Пс. и Усп. Сб.; с начальным **ѡ** пишется везде **ѡико**, кроме Чуд. Пс., где это слово значительно чаще с **ѣ**, чем с **ѡ**: слово **ѡишьды** я встретил только в Ефр. Кормчей,

¹⁵ Рукопись Моск. Успенского Собора, содержащая майскую Минею Четью с житиями Бориса и Глеба и Феодосия Печерского; хранится в Патриаршей Б-ке. 1-я половина, содержащая всю часть, написанную 1-м почерком, и часть 2-го почерка, издана Шахматовым и Лавровым в Чтениях в Общ. Ист. и Древн. Росс. 1899 г. [Шахматов и Лавров, 1899].

¹⁶ Более подробные и точные сведения об употреблении **ѣ** и **ѡ** в Ефр. Кормчей, Чуд. Пс., Мстисл. ев., Юрьевск. ев. и в других русских памятниках XI и XII вв., не привлекаемых в настоящей статье, см. в моей статье «Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка», которая печатается в журн. «Журн. Филолог» [Дурново, IV—VI; наст. изд., с. 391—494].

где оно чаще пишется с **ѣ**, и в Уставе XII в., где в начале его пишется **ѣ**. С начальным **ѣ** пишутся всюду греческие слова, а из славянских **ѣи** и **ѣперъ**; слова **ѣда**, **ѣзеро**, **ѣлень** в Супр. встречаются как с начальным **ѣ**, так и с начальным **ѣ**; в русских памятниках — только с начальным **ѣ**; слово **ѣсе** в Супр. — с начальным **ѣ** и с начальным **ѣ**, последнее только после **и**, из русских памятников мне встретилось только 1 раз в Арх. ев. с начальным **ѣ**, но ввиду нескольких случаев написания в этом памятнике **ѣ** вместо **ѣ** показательность этого примера является недостаточной. Слова **ѣще**, **ѣлма** или **ѣлми** и **ѣдъва** в Супр. пишутся только с **ѣ**, но в русских памятниках встречаются и с начальным **ѣ**, и с начальным **ѣ**. Правописание русских памятников в этих случаях может передавать живое русское произношение, совпадавшее со ст.-сл. только там, где все русские памятники последовательно пишут **ѣ**, а также в словах **ѣи**, **ѣсе**, **ѣще**, **ѣдъва** и **ѣдъва** и, м. б., **ѣда**. Слова **ѣперъ** и **ѣлма** (**ѣлми**), по-видимому, живому русскому языку XI—XII вв. не были известны, а греческие слова и слова **ѣзеро**, **ѣлень**, **ѣдинъ**, **ѣлико** и **ѣлишьды** произносились, как показывают те же памятники, с начальным **ѣ**. Следовательно, правописание названных слов с **ѣ** отражает ст.-сл. правописание, причем выдержанность этого правописания указывает на то, что ему соответствовало и произношение, и притом не только ст.-сл., но и русское книжное, восходящее к церковнославянскому. Несомненно, начальное **ѣ** в памятниках, различающих начальные **ѣ** и **ѣ**, произносилось как **ѣ** без йотации, а начальное **ѣ** — как **ѣѣ**. Что в греческих словах начальное **ѣ** произносилось и старославянскими и русскими писцами, различавшими **ѣ** и **ѣ**, как **ѣ** без йотации, можно заключать на основании следующих соображений. 1. Если бы произносилось **ѣѣ**, то в ст.-сл. письме не было бы надобности передавать произношение **ѣѣ** в своих словах буквою **ѣ**; если предположить, что произношение с начальным **ѣ** без йотации было свойственно только южнославянским писцам, а русские усвоили готовое правописание, не усвоивши произношения, то во всех русских памятниках XI в. следовало бы ждать больше ошибок; между тем правописание начального **ѣ** в греческих словах выдержано не только в списках со ст.-сл. оригиналов, но и в списках русских переводов XI в., как, например, в списках церковного устава. 2. В тех же памятниках последовательно пишется **ѣ** в начале тех славянских слов, которые, несомненно, и в ю.-славянских, и в русском языках и тогда звучали без йотации, как **ѣи**, **ѣда**; чередование начальных **ѣ** и **ѣ** в слове **ѣще** — **ѣще** вполне соответствует

чередованию *e* и *je* в этом слове и в нынешних слав. языках; с другой стороны, в тех же памятниках последовательно пишется **к** в тех словах, которые тогда и в южнославянских, и в русском яз., несомненно, произносились с начальным *j*. 3. Если бы употребление **ѣ** в рассматриваемых случаях было только орфографическим приемом, то непонятна встречающаяся изредка замена **ѣ** через **к** после **и**, а также обычная в русских памятниках замена такого **ѣ** в середине слова после **ѣ** буквою **о**. 4. Русское *o* без йотации в этих словах не могло получиться из начального *je*, так как *j* в этом положении в других словах в русских языках сохранилось.

Таким образом, мы приходим к выводу, что начальное *e* в словах, взятых с греческого, и южные славяне, и русские в XI в., а русские и в XII в., читали без йотации. Но в живом русском произношении начальное *e* в этих словах уже в XI в. изменялось в *o*, как показывают некоторые памятники конца XI или начала XII вв., в которых изредка проскальзывает такое произношение: **оклиснастьъ**, **оксапсалмъ** Панд. Ант., **октениа** (несколько раз) Устав XI в., **омилианъ**, **овръѡмъ**, **окропнискоу**, **ольпидиу**, **опагафоу**, **встиръ**, **оликесен**, **овионѣи** Ефр. Кормчая и др. В церковном чтении начальное *e* в греческих словах сохранялось еще и в XII в. и только в середине слов после *e* заменилось через *o* по требованию живого произношения: **виѡлеѡмъ**, **геѡна** и пр. Из этих примеров, представляющих слова, в которых *o* из *e* нельзя объяснить живой традицией, видно, что закон об изменении начального *e* в *o* для писцов конца XI в. был еще живым законом и что церковное произношение с начальным *e* их затрудняло, в середине же слов после *e* оказывалось еще труднее. Позднее начальное *e* в церковном чтении, как несвойственное живому языку, который вовсе не знал начального *e* или знал его только в немногих указательных и частичных словах, было заменено сочетанием *je*, что у русских произошло, по-видимому, в XIII в. В живом же русском языке во всех греческих словах, усвоенных русским языком до XIII в. и известных вне церковно-литературного употребления, за одним исключением, как увидим ниже, начальное *e* заменилось через *o*.

2. Начальное *o* вм. *e* в греческих словах в русском языке

В старинных русских памятниках, церковных и нецерковных, встречаются следующие греческие слова и собственные имена с начальным *o* вместо греч. *e* (ϵ , α), не сохранившиеся в нынешних русских языках:

опорькистѹъ и **опорунистѹъ** (сл. Кирилла Иерусал. XI в.) из ἐπορικιστής, **оклиснастѹъ** (Панд. Ант. XI в.) из ἐκκλησιαστής, **оксапсаалмѹъ** (ib.) из ἐξάψαλμος, **октениа** (Устав XI в., Хождение Даниила и др.) из ἐκτένεια, **опитимиа** и **опитемья** (Кормч. 1282, Церк. Устав Ярослава, Вопр. Кирика, 1 Новгород. летопись, Хлуд. Стоглав) из ἐπιτιμία, **омболѹъ** (1 Новгород. летопись, Хождение Антония) из ἔμβολος, **оксамитѹъ** (Сл. и п. Игор. и др.) из ἐξαμίτος, **Опимаха** (Погод. список Псковской летописи) из Ἐπίμαχος, **Опикурѹъ** (Пчела XIV в.) из Ἐπίκουρος, **Осопѹъ** (Пчела XIV в.) из Αἴσωπος, **охиднова** (Юрьевск. ев. 1120 г.), ср. греч. ἐχίδνη. Ср. также написание **енѹфриа** в Уставе Патр. Б-ки XII в., л. 169 об., где *e* вместо *o* говорит о том же явлении (греч. Ὀνούφριος). Как мы видим, начальное *o* является как в словах, вошедших во всеобщее употребление, так и в словах малоизвестных. Это свидетельствует о том, что закон о переходе *e* в *o* был еще живым, когда писались перечисленные памятники или их оригиналы, т. е., по крайней мере, в XI и XII вв.

В нынешних русских языках начальное *o* вместо греческого *e* имеется в словах: *оладья* из ἐλάδιον, диалектич. ю.-в.-р. *ахид* из *охидна*, а последнее из ἐχίδνη, и в собственных именах: *Омельян* (ср. **омилианѹъ** Ефр. Кормчая и др.) из Αἰμιλιανός, *Олёна* (ср. **Олены** Стихирарь XII в.) из Ἐλένη, *Олизар* из Ἐλεαζάρος, *Олисеи* (ср. **Олистѹа** Кормч. XII в., ж. Нифонта 1219 г.) из Ἐλισσαίος, *Олфѣр* (ср. **олевѹъ-фериа** ж. Нифонта 1219 г., **олуфериа** Парим. 1271) из Ἐλευθέριος, *Олисѹфья* из Ἐλισάβεθ, *Опистимья* из Ἐπιστιμία, *Олгунья* (ср. **Овгенья** Добр. ев. 1164, Студ. Устав и др.) из Εὐγενία, *Овдотья* из Εὐδοκία, *Овдоким* (ср. **овдокимѹъ** Вопр. Кирика 1282 г.) из Εὐδόκιμος, *Офимьян* из Εὐθυμιανός, *Опнат* из Ὑπάτιος, прочит. как Εὐπάτιος, *Остан* (ср. **овѹстафник** Праздники XII в., **встафен** Грам. 1284 г.) из Εὐστάσιος, *Овсѣй* из Εὐσέβιος, *Овстрат* (сюда же, вероятно, и *Острята* в летописи под 1208 г.) из Εὐστράτιος, *Овтух* или *Алтух* (ср. фамилию *Алтухов*) из Εὐτύχιος¹⁷, *Офумья* из Εὐφημία, *Офросинья* (ср. **Офросинья** надпись на кресте 1161 г.) и *Опфросинья* из Εὐφροσύνη, *Опроско* (упомин. в 1650 г.) из Εὐφρόσυνος, *Офрѣм* (ср. **Офреме** Кормч. XII в. и др.) из Ἐφραίμ, *Онѹха* из Ἐνὼχ.

Кроме названных греческих слов начальное *o* вместо *e* является в русском яз. и в именах *Олег*, др.-р. **Ольгѹъ**, и *Ольга*, заимствованных из

¹⁷ Греч. υ и οι в X и XI вв. южные славяне и русские обычно передавали через оу или ю.

скандинавского яз., где эти имена звучали с начальным придыханием — *Helgi* и *Helga* (ср. то же имя у Константина Багрянородного: Ἑλγα), — отпавшим в русском языке.

Акад. А. И. Соболевский в Лекциях¹⁸ отрицает русское происхождение начального *o* вместо *e* в словах, взятых из греч. яз., указывая на то, что такое *o* будто бы обычно в ст.-сл. и ср.-болг. памятниках, и на то, что *o* на месте начального *e* известно и в среднегреческих и новогреческих говорах, откуда и перешло вместе с самими словами в русский язык. Однако ссылка А. И. Соболевского на ст.-сл. и ср.-болг. памятники ошибочна. **Оуктѣмонъ** в Супр. (изд. Северьянова, стр. 136_{26–27}) [Северьянов, 1904] и **орѣмоуѣньскы** в Син. Пс. 51⁶ — несомненные описки; в первом случае писец заглавных букв, привыкший всегда перед **ѣ** писать букву **о**, нечаянно и здесь написал ту же букву; если бы он произносил здесь *o*, то написал бы не **оуктѣмонъ**, что можно прочесть только как *uklĭmonъ*, а **ооуктѣмонъ**; в остальных случаях — а таких в Супр. очень много — писцы Супр. нигде не заменяют начального **ѣ** через **о**, и самое имя **ѣуктѣмонъ** в двух других случаях (136₂₉ и 137₂₃) написано правильно. В Син. Пс. 55⁶ читаем **иорданъскы** и **орѣмоуѣньскы**; по-видимому, писец написал **ѣѣѣ** вместо **ѣѣѣ** под влиянием **ѣѣѣ** в начале строки. Вообще же мы должны считаться с тем фактом, что собственные имена и отдельные слова, заимствованные из греческого языка в значительной степени через посредство южных славян и притом, по большей части, книжным путем не позже XI в., в русских языках повсюду звучат с *o*, и такое произношение не только засвидетельствовано памятниками начиная с XI в., но и сохранилось до сих пор. Произношения же вроде *евангелие*, *еврей*, *епископ*, *Египет*, *Евгений*, *Евграф*, *Епифан*, *Ефим* и т. п., с начальным *j*, очевидно, явились позднее и связаны с книжной манерой, неизвестной еще писцам XI и начала XII вв., читать начальное *e* в греческих словах как *je*. У южных же славян, которым гораздо больше русских приходилось иметь дело с живыми греческими говорами, те же слова произносятся везде с начальным *je*, реже *e*, а если и встречаются заимствованные из греческих говоров слова с начальным *o* вроде указываемого А. И. Соболевским ново-болг. *охтик*, то как раз такие, которые русским языкам неизвестны. Кроме того, как правильно заметил М. Фасмер¹⁹, при заимствовании из живых

¹⁸ Изд. 4, М., 1907, стр. 32—33 [Соболевский, 1907].

¹⁹ М. Фасмер. Греко-славянские этюды [Фасмер, 1906—1909].

греческих говором заимствованные слова должны были бы получить тот вид, какой они имеют в этих говорах²⁰; на самом деле этого нет. Указание А. И. Соболевского, что в греческих говорах начальное *o* из *e* чаще бывает перед *υ*, не имеет значения: греч. Ἐλένη так же легко изменилось в *Олёна*, как и Εὐστάσιος в *Остан*, и только перед *τ* ни в нынешнем, ни в старом русских языках мне не известно ни одного случая с начальным *o* из *e*: *Ераст*, *Еремей*, *Ерёма*, *Ермак* (?)²¹, *Ермолай*, *Ермоген*, *Ермил*.

3. Еще о произношении начальных **ѣ** и **ѥ** в ст.-сл. памятниках

Если начальное **ѣ** в греческих словах в Супр. и русских памятниках XI и XII вв. следует читать как *e* без йотации, то, очевидно, такое же начальное *e* произносилось и в тех славянских словах, которые там пишутся с начальным **ѣ**; начальное же **ѥ** передает произношение *je*. Сравнивая показания этих памятников с показаниями живых славянских языков, мы можем видеть, что: 1) тем словам, которые в них пишутся только с **ѥ**, в живых славянских языках соответствуют слова с начальным *j* всякий раз, когда имеется соответствующее слово; 2) словам **ѣи**, **ѣда** соответствуют слова с начальным *e* в с.-х. яз.; 3) слову **ѣсе** соответствуют словенские *esej*, *esi*, *esede*, и то же начальное *e* в указательных словах во всех славянских языках (в м.-р., б.-р. и зап.-слав.— начальное *he*); 4) словам **ѣзеро**, **ѣлень** соответствуют р. *озеро*, *олень*, н.-л. *heleń*, в остальных слав. языках — слова с начальным *je*; 5) основам *jedin-*, *jedn-*, при которых в некоторых памятниках существует и основа **ѣдин-**, в большинстве славянских языков соответствуют основы *jedin-*, *jedn-*²², но в русском *один-*, *одн-* (при *един-*, *едн-*), в словенском *edin-*, *eden-*, *edn-*, *en-*; 6) словам **ѣдѣва**, **ѣштѣ** и **ѣдѣва**, **ѣштѣ** и в новых славянских языках соответствуют также различные варианты: *jedva* и *odva*: *ješče*, *ešče* и *ošče*²³;

²⁰ А кроме того, вряд ли в греческих народных говорах были такие слова, как *Отикур*, *оклисиаст*.

²¹ Если это собственное имя образовано от имени *Ермолай* или *Ермил*, а не нарицательное имя («ручной жернов»), употребленное в значении собственного. См. Преображенский, ЭСЛ. I, 216 [Преображенский, I—XIV].

²² Буквою *ь* обозначаю разные звуки, восходящие к о.-сл. *ь*.

²³ Буквами *šč* обозначаю разные звуки, восходящие к о.-сл. *šč*.

7) слов **ѣтеръ**, **ѣлма**, **ѣлико** в нынешних славянских языках нет; впрочем, с *eterъ* ср. в.-л. *votery*. Это обстоятельство решительно говорит за то, что различие начальных **ѣ** и **ѣ** в названных памятниках не было только орфографическим: для отдельных писцов оно могло быть орфографическим или во всех случаях, или по отношению к отдельным случаям; так, например, можно думать, что некоторые писцы, допускающие колебание в некоторых словах, произносили эти слова всегда одинаково, а написание, не соответствующее их произношению, перенесли из своих оригиналов, но в основе и этого последнего, несомненно, лежало живое произношение этих слов с **ѣ** или **ѣ**. Т. е., правописание Супр. и русских памятников отражает произношение 1) *e* во всех словах, встречающихся с начальным **ѣ**, 2) *e* во всех этих словах, кроме **ѣдин-**, 3) *e* только в словах **ѣн**, **ѣда**, **ѣсе**, **ѣтеръ**, **ѣзеро**, **ѣлень**, 4) *e* только в словах **ѣн**, **ѣсе**, **ѣтеръ**.

4. Слова с начальными *e* и *je* в славянских языках

Выяснивши произношение начальных **ѣ** и **ѣ** в ст.-сл., обращусь к рассмотрению фактов, свидетельствующих о судьбе начальных *e* и *je* в славянских языках.

1. Начальное *je* во всех славянских языках имеем в следующих случаях²⁴:

В косвенных падежах местоимения *jь*:

род. ед. ст.-сл. **ѣго**, ч. *jeho*, п. *jego*, др.-р. **ѣго**, с.-в.-р. *ěgo*, *ěvo*, ю.-в.-р. *ygo*, *yigo*, *yavo*, *yivo*, б.-р. *ygo*, м.-р. *yogo* и *ego*;

дат. ед. м. р. ст.-сл. **ѣмоу**, ч. *jemu*, п. *jemu*, с.-в.-р. *ěmu*, ю.-в.-р. и б.-р. *ymu*, м.-р. *yomu* и *emu*;

местн. ед. м. р. ст.-сл. **ѣмь**, в.-р. диалект. *ěm*, м.-р. *im*;

им.-вин. ед. ср. р. ст.-сл. **ѣ**, с.-х., слов., ч., п. *je*, др.-р. **ѣ**;

род. ед. ж. р. ст.-сл. **ѣа**, с.-х. *je*, слов. *jě* (*njě*), ч. *jí*, п. *jej*, др.-р. **ѣѣ**, с.-в.-р. *ěv* и *ěj*, ю.-в.-р. *ye* и *jie*, б.-р. *ye*, м.-р. *ej*;

дат.-местн. ед. ж. р. ст.-сл. **ѣи**, с.-х. *joj*, ч. *jí*, п. *jej*, в.-р. и б.-р. *ej*, м.-р. *ij*;

тв. ед. ж. р. ст.-сл. **ѣѣ**, в.-р. *eu*.

²⁴ Перечисляю только слова, известные с начальным *j* в русских языках.

В ед. ч. наст. врем. глаг. *jesť*:

1 ед. ст.-сл. **ѣсмь**, с.-х. *jěсам*, ч. *jsem*, п. *jestem*, ст.-п. *ješm*, др.-р. **ѣсми**;

2 ед. ст.-сл. **ѣси**, с.-х. *jěси*, ч. *jsi*, др.-р. **ѣси**;

3 ед. ст.-сл. **ѣстъ**, с.-х. *jěст*, ч. *jest*, п. *jest*, р. *есть*, б.-р. *есть* и *ѣсть*

или ст.-сл. **ѣ**, с.-х., слов., ч., п. *je*, др.-р. **ѣ**, в.-р. диалект. *e*, б.-р. *e*, м.-р. *ε*;

1 мн. ст.-сл. **ѣсмъ**, с.-х. *jěсмо*, ч. *jsme*, др.-р. северн. *есме*, *есмя*, ю. *есмо*;

2 мн. ст.-сл. **ѣсте**, с.-х. *jěсте*, ч. *jsste*, др.-р. **ѣсте**.

В следующих отдельных словах:

ч. *jebati*; то же *je* сохраняется и во всех формах этого глагола независимо от характера следующих звуков; в остальных славянских языках, в том числе и в русских, начальное *j* сохраняется также в всех формах этого глагола;

м.-р. *евня*, *евя*, б.-р. *евня*, *ёвна*, *ёвня* «овин»;

ст.-сл. **ѣгда**, б.-р. *егда ни егда*, п. *jegdy*;

ст.-сл. **ѣдъва** (и **ѣдъва**, см. ниже), с.-х. *jěдва*, слов. *jedvaj*, ст.-ч. *jedva*, ст.-п. *jedwa*, др.-р. и в.-р. *едва* (о словах *odva*, *odvaj* см. ниже);

ст.-сл. **ѣдин-** (**ѣдинъ**, **-а**, **-о**, **-ѣни**, **-ница**, **-ѣць**, **-акъ**, **-ити** и др.), с.-х. *једин-* (*једин*, *-и*, *-ац*, *-ица* и др.), ч. *jedin-* (*jediný* и др.), п. *jedyn-* (*jedynu*, *jedyniес* и др.), в.-л. *једун-*, в.-р. *един-* (*единый*, *-акой*, *-ачество*, *-ёшенек* и др.), м.-р. *един-* (*един-*, *-ий*, *-ак*). О слов. *edin-*, р. *один* см. ниже;

ст.-сл. **ѣдын-** (**ѣдынъ**, **ѣдна**, **ѣдно**, **ѣднаѹе** и др.), с.-х. *једьн-* (*један*, *једно*, *једна*, *једнак* и др.), ч. **jedьn-* (*jeden*, *jedna*, *jedno*, *jednaký*, *jednati* и др.), п. **jedьn-* (*jeden*, *jedna*, *jedno*, *jednaki*, *jednać* и др.), в.-л. *једен* и пр., н.-л. *јаден*, *јаднаć* и др.; в.-р. диалект. *едн-* (*едный*, *-ая*, *-ое*, *-а*, *-ёшенек*, *едновá* и др.), м.-р. *едён*, *ідён*, *ідна́*, *еднёнький* и до. О слов. *eden*, *edn-*, р. *одна* и пр. см. ниже;

ст.-сл. **ѣже**, с.-х. *jěре*, *јер*, ч. *ježto*, в.-р. *еже-* (не только литерат. *ежегодный*, *еженедельный* и пр., но и народн. *ежедён*, *ежедёнком* и пр.);

ч. *ježák*, п. *ježak*, м.-р. *їжáк*, *єжáк*, в.-р. диалект. *ежáк* «еж»;

в.-р. *ежевѹика*, м.-р. *ежевика* (ягода), ср. слов. *ježevica*;

ч. *ježovina*, в.-р. *ежевина* «ежовая кожа»;

ч. *ježevka*, п. *ježówka*, н.-л. *ježowka*, в.-р. *ежовка*;

с.-х. *јѣжев*, ч. *ježový*, п. *jeżowy*, в.-р. *ежовый*;

с.-х. *јѣжина*, ч. *ježina*, п. *jeżyna*, в.-р. диалект. *ежина*, м.-р. *ѣжина*, ср. слов. *ježíca*. О р. *ожина* см. ниже;

н.-л. *ježuk*, в.-р. и б.-р. *ёжик*, м.-р. *їжик*. О б.-р. *вожик* см. ниже;

с.-х. *jěжити се*, слов. *jěžiti se*, ч. *ježiti se*, п. *jeżyc się*, н.-л. *ježiš se*, в.-р. *ѣжиться*, м.-р. *ѣжитись*, причем *j* сохраняется во всех формах этого глагола: в.-р. *ѣжусь*, *ѣжатся* и пр.;

ц.-сл. **ѦЖЬ**, с.-х. *jěж*, слов. *jěž*, ч. *jež*, п. *jeż*, в.-л. и н.-л. *jež*, в.-р. и б.-р. *ѣж*, м.-р. *ѣж*; *j* сохраняется во всех формах этого имени: в.-р. *ежá*, *ежу́*, *ежбѣм*, *ежé*, *ежу́*, м.-р. *ежá* и пр. О др.-р. **ѦЖЬ** см. ниже;

с.-х. *jela*, ст.-ч. *jedla*, п. *jodla*, в.-л. *jedla*, н.-л. *jedla* «елка»;

ч. и п. *jedlina*, др.-р. **ѦЛННА**, в.-р. диалект. и б.-р. *елина*, м.-р. *ели́на* и *ялина*, ср. с.-х. *јелика*, слов. *jelič*, м.-р. *ялиця* «елка»;

с.-х. *jěлов*, слов. *jelov*, ч. *jedlový*, п. *jedłowu*, в.-р. *елѡвьий*, м.-р. *елѡвий* и *ялѡвий*;

слов. *jělka*, в.-р. *ѣлка*, м.-р. *елка*, ср.-п. *jodelka*;

ц.-сл. **ѦЛЬ**, слов. *jěl*, ст.-ч. *jedl*, ст.-п. *jedl*, в.-р. *ель*, м.-р. *ель*, *яль*; *j* сохраняется во всех падежных формах этого имени: в.-р. *ели*, *елей*, *елью*, *елям*;

ст.-сл. **ѦЛНКО**, ч. *jelikož*, др.-р. **ѦЛНКО**, м.-р. *елико мога*. О ст.-сл. **ѦЛНКО**, др.-р. **ѦЛНКО** см. ниже;

ст.-сл. **ѦЛНШЪДЪТЪ**;

в.-р. *ѣлзать*, *елозить*, м.-р. *елозити* и *ялозити*;

п. *jelki*, в.-р. и б.-р. *ѣлкий*, м.-р. *ѣлкий* «горьковатый»;

в.-р. *елѡха* «ольха», *елѡховый*;

ц.-сл. **ѦЛЪХА**, с.-х. *јоха*, *јова* (в на месте выпавшего *х*), ч. *jelcha*, в.-р. *ѣлха*. Впрочем, с.-х. *јоха* и ч. *jelcha* могут восходить и к о.-сл. *jelъcha*;

с.-х. *јовов*, в.-р. *елѡховый*;

с.-х. диалектич. *jelša*, словен. *jelša* и *jolša*, словац. *jelša*, ср. в.-р. *елишанка*, *елишаник*, *елишанный*; с.-х., словен. и словац. слова могут восходить к о.-сл. основе **jelъš-* и **jelъš-*; в.-р. только к основе *jelъš-* (слово *Елишанка* с твердым *л* известно и в говорах, где *l* мягкое ни в каких положениях не отвердевает);

ч. *jelšina*, в.-р. *елишина*;

с.-х. *јелашје*, в.-р. *јелошник*. Основы — те же, что в *jelša*, *елишанка*;

ц.-сл. **ѦЛЪХА**, с.-х. *јоха*, ч. *jelcha* (см. выше **ѦЛЪХА**), м.-р. *ѣлха* (о р. *ольха*, п. *olsza* и *olcha* и т. п. см. ниже);

ч. *jelec*, п. *jelec*, в.-р. *елец*, м.-р. *елець* и *ялецъ*; *j* сохраняется и в остальных формах: в.-р. *ельца*, *ельцу*, *ельцом*, *ельце*, *ельцы*;

ст.-сл. **ѦЛЪ**, в.-р. и б.-р. *еле*, м.-р. *еле*;

ст.-сл. **ѦМЛЪ**, **ѦМЛѦШИ**, **ѦМЛѦТЪ** и пр., с.-х. *јемљем*, слов. *jetljet*;

в.-р. *репей* (? , встречается только у Маркевича) при *арупей* (ю.-в.-р. Щигр.); обычно: *репей*, *репейник*, ср. ст.-сл. **рѣпини**, **рѣпинкѣ**, ч. *řepík*, п. *rzep*;

в.-р. *репенитъся*, м.-р. *репенитись*;

ч. *jerš*, *jereš*, п. диалект. *jersz*, в.-р. *ѣри*, м.-р. *ѣри*, *ѣорш*, *ѣорж*; *j* сохраняется во всех падежах: в.-р. *ѣриа*, *ѣриу*, *ѣриом*, *ѣрише*, *ѣриш*;

в.-р. *ѣрошитъ*;

морав. *jaršit'sa*, в.-р. *ѣршитъся*. В словах *ѣри*, *ѣрошитъ*, *ѣршитъся* начальные *je-*, *jo-* могли получиться и из о.-сл. *je-*, и из о.-сл. *jь-*;

ст.-сл. **ѣстѣство**, п. *jestestwo*, др.-р. *ество*, р. литерат. *естество*;

ст.-сл. **ѣште**, с.-х. *jouste*, *jou*, слов. ст. *ješče*, нын. *jošče*, ст.-ч. *ješče*, нын. ч. *ještě*, п. *jeszcze*, н.-л. *ješći*, др.-р. **ѣще**, в.-р. *ещѣ* (ср. ю.-в.-р. *яшиш*). О ст.-сл. **ѣште**, р. *еще* и *ощо* см. ниже.

2. Начальное *o* в русских языках в соответствии с начальными **ѣ** и **ѣ** в ст.-сл. и *je-* в остальных слав. языках имеется в следующих словах:

ст.-сл. **ѣзеро** и **ѣзеро**, с.-х. *jezero*, слов. *jezero*, ч. *jezero*, п. *jezioro*, в.-л. *jezor*, н.-л. *jazor*, р. *озеро*;

ст.-сл. **ѣлень** и **ѣлень**, с.-х. *jelen*, слов. *jelen*, ч. *jelen*, п. *jelen*, н.-л. *jelen* и *heleń*, р. *олень*;

ц.-сл. **ѣсень**, с.-х. *jesen*, слов. *jesen*, ч. *jesen* и *jeseň*, п. *jesień*, др.-р. **осень**, в.-р. *осень*, м.-р. *осинь*, род. ед. *осени*;

с.-х. *ječetra*, слов. *jeseter*, ч. *jesetr*, п. *jesiotr*, в.-р. *оцѣтр*, м.-р. *оцетѣр*;

ц.-сл. **ѣрѣвь** и **ѣрѣвь**, с.-х. *jerëb* и *jaëb*, *jeëbica*, слов. *jerëb*, *jerebica*, ч. *jeřáb* (журавль), *jeřábek*, п. *jerzábek*; н.-л. *jerjeb* и *herjeb*, др.-р. **орѣвь**, м.-р. **орѣбок**; в в.-р. начальное *o* отсутствует;

слов. *jerebina*, ч. *jeřabina*, п. *jarzëbina*, н.-л. *jerjebina* и *herjebina*, м.-р. **орѣбина**; в в.-р. без начального *o*: **рѣбина**;

ст.-сл. **ѣдин-** и (редко, в русских пам.) **ѣдин-**, с.-х. и ч. *jedín-*, п. и в.-л. *jedyn-*, н.-л. *jadyn-*, слов. *edin-*, р. **один** (др.-р. **одинъ**, **одина**, **одино**, **одиного**, **одиною**, **одинъи** и пр., нын. р. им. ед. м. р. **один**, **одинаков**, **одинок** и пр.);

ст.-сл. **ѣдын-** и (очень редко) **ѣдын-**, с.-х. *jedan*, *jedn-*, ч., п. и в.-л. *jedem*, *jedn-*, н.-л. *jaden*, *jadn-*, слов. *eden*, *edn-*, р. **одн-** (**одна**, **одно**, **одного**, **однако** и пр.);

ст.-сл. **ѣлико** и (редко) **ѣлико**, ч. *jelikož*, др.-р. **олико**;

ст.-сл. **ѣлишьдты** и (редко) **ѣлишьдты**, др.-р. **олишьдты**;

с.-х. *ježina*, ч. *ježina*, п. *ježynka*, в.-р. диалект. и м.-р. *ожина*, ср. слов. *ježíca*;

н.-л. *ježuk*, б.-р. *вожик*;

ц.-сл. **КЖЬ**, с.-х., слов., ч., п. и л. *jež*, др.-р. **ОЖЬ**;

ст.-сл. **КЖЕ**, с.-х. *jeře*, ч. *ježto*, др.-р. **ОЖЕ**;

в.-р. *овин*, ср. м.-р. *евня*;

ю.-в.-р. (Щигр.) *арупей*, ср. р. (у Маркевича) *ерепей*.

О словах *ольха* и *омела* см. ниже.

3. Начальное *e* в ю.-сл. и в.-р. и *e* или *he* в зап.-слав., б.-р. и м.-р. является в следующих словах:

указательная частица *e*: ст.-сл. **ЕСЕ**, с.-х. *e*, *eve*, *evo*, *ene*, *eno*, *ete*, *eto* и др., слов. *e*, *ede*, *esej*, *esa*, *eso* и пр., *esi*, *esede*, *etej*, *eta*, *eto* и пр., *etam*, *etak*, *eti*, *ete*, *evo*, *езде* и др., ч. *hen*, *heň*, *hev*, *heno*, *heč*, *henka*, *hentam*, *het*, *hevka*, диалект. *en*, *enopo*, п. *he*, *hec*, *hen*, *henen*, *henoj*, *heň*, *het*, *hevo*, диалект. *ene*, *eno*, *enož*, *et*, *ež* и др., н.-л. *he*, *hewi*, *hewkol*, *hewon* и др., в.-р. *э*, *эво*, *эвона*, *эдак*, *экой*, *эна*, *этом*, *эта*, *это* и пр., *энтот*, *энта*, *энто* и пр., *этакой* и др., б.-р. *эно*, *эньий*, *этак*, *этуды*, *этьий*, *этая*, *этое* и пр., м.-р. *гев*, *гевади*, *гевси*, *ген*, *генде*, *генто*, *гэнтова*, *гет*, *геть*; от *гэнтова* новообразование: *гентоватииний*;

ст.-сл. **ЕДА**, с.-х. *ěda* вопросит. частица, ср. ст.-сл. **КДА**, слов. *jeda*;

ст.-сл. *ei*, с.-х. *ěja* «да»;

ст.-сл. **ЕШТЕ**, слов. *ešče*, ч. *eště* (мор. *ešče*), п. диалект. *eszczе*, н.-л. *hešč*, *hešče*, *hušč*, *hušcer*, др.-р. **ЕЩЕ**, в.-р. диалект. *еще* (в.-р. *ишчó*, *ишто* могли получить и из *ešče*, и из *ješče*, и из *išče*). Ср. выше **КЩЕ**, в.-р. диалект. *иштó* и *оштó*;

ст.-сл. (редко) **ЕДИН-**, слов. *edin-*;

ст.-сл. (редко) **ЕДЪН-**, слов. *eden-*, *edn-*, ч. диалект. *eden*, *edon*, *edom*;

слов. *en*, *ena*, *eno* (один), *enák*, *enáčaj*, *enáčba* и пр.; ч. *enot*;

ст.-сл. (очень редко) **ЕДЪВА**. В остальных слав. языках только *jedva*, *odva* или *ledva* (ч. *ledva*, *ledvu*, п. *ledwo*, *ledwie*, в.-л. *led'ma*, н.-л. *ledba*, м.-р. *ледво*, *ледви*, б.-р. *ледва*); в последнем случае имеется слияние частицы *lě* (ср. ст.-сл. **ЛЪ**) с *edva* (или *jedva*?);

ст.-сл. **ЕЛЬМА**, **ЕЛЬМИ**;

ст.-сл. **ЕТЕРЪ**, ср. н.-л. *votery*.

Слова *ельма* и *етеръ* в нын. слав. языках неизвестны, и потому нельзя сказать, какого происхождения здесь начальное *e*.

4. Начальные *jь*²⁵, *e*, *je* и *o* чередуются в следующих словах:

ст.-сл. **ѠШГѢ** — **ѠШГѢ**, болг. *jouite* — *ouite* (отсюда — *uimte*), с.-х. *jouš*, *jouite* (где *jo* объясняется контаминацией *jeuime* с *ouite*), *ouite*, слов. стар. *ješče*, нын. *jošče* (из контаминации *je-* и *o-*), *išče* (из *jь-*), *šče*; ч. *ještě* и *eště*; п. *jeszcze* и *eszcze*; в.-л. *hišće* (из *jь-?*), др.-р. **ѠЦЕ**, **ѠЦЕ** и **ѠЦЕ**; в.-р. *eučē* (ср. ю.-в.-р. *яшшо*), *еще*, *ицо*, *ишшо* (где и м. б. из старых *je*, *e*, *i*), *ouimo*, б.-р. *яшчѣ*, *ашчѣ*, м.-р. *eučē*, *ičē*, *učē*;

ст.-сл. **ѠДВА** — **ѠДВА**. Кроме назв. выше *jedva* также: слов. *odvaj*, др.-р. **ѠДВА**, в.-р. диалект. *odva*;

ст.-сл. **ѠСЕ** — **ѠСЕ**; слов. *esej* и пр., п. диалект. *oś*, др.-р. **ѠСЕ**, в.-р. *авось*, м.-р. *oсѣ*;

с.-х. *ето*, слов. *eto* и пр., п. *het* и *oto*, в.-р. *это* и *вот* (из *óto*), м.-р. *гето* и *ото*, *отой*;

с.-х. *желито*, чак. *olito*, слов. *jelita* и *olito*, ч., п. и л. *jelito*; в в.-р. та же основа без начальных *je* и *o*: *литонья*;

ц.-сл. **ѠЛЬХА**, с. *joxa*, ч. *jelcha*, м.-р. *ѣльха* и п. *lcha*, в.-р. *ольха*, м.-р. *вѣльха*;

с.-х. и слов. *jelša* и слов. *olša*, *jošša* (из контаминации *jelša* и *olša*), ч. *olše*, но словацк. *jelša*, п. *olša*, луж. *wolša*;

ц.-сл. **ѠМЕЛА** (из **jьmela*), с.-х. *имела*, *мела*, *омела*, ч. *jmělí*, *omělí*, диалект. *jemela*, словацк. *omela*, п. *jemioda*, в.-л. *jemjelina*, н.-л. *jemjelina*, *jemjol* и *hemjelina*, *hemjol* (начальное *he* в н.-л. указывает на о.-сл. *e*), в.-р. *омѣла*, м.-р. *омелá* и *имѣла*;

ст.-сл. **ѠРЬЛЪ**, с.-х. *opao* (род. ед. *opла*), слов. и ч. *orel*, п. *orzel*, в.-л. *orjol*, р. *орел*, но н.-л. *jerel* или *herel*;

олово — во всех слав. языках с начальным *o*, но в ц.-сл. встречается **ѠЛОВО**, в болг. *елов*;

с.-х. *ясика*, слов. *jasika* и *jesika*, ч. *osika*, п. *osika* и *osina*, в.-л. *vosyna*, в.-р. *осина*, м.-р. *осика* и *осина*.

Из приведенных примеров ясно, что в словах 1-й группы начальное *j* перед *e* было еще в о.-сл. яз.; точно так же правильное соответствие в.-р. и ю.-сл. начального *e* в словах 3-й группы м.-р., б.-р. и зап.-слав. начальному *he* или *e* позволяет решительно утверждать, что это соответствие не случайно и что в о.-сл. в словах этой группы не было начального *j* или *i* перед *e*. Так как начальное *h* в зап.-слав. языках яв-

²⁵ Т. е. звуки, восходящие к о.-сл. *jь*.

ляется и в других случаях, между прочим и в словах, заимствованных из других языков без начального *h*, то можно думать, что придыхание в начале слова развивалось в зап.-слав. языках уже после их выделения из о.-сл., но нет пока препятствий и считать это *h* в некоторых случаях исконным. Таким образом, начальное *e* или *he* в словах 3-й группы может восходить только к начальному *e* без йотации или *he* о.-сл. языка. Чтобы выяснить, было ли в этих словах в о.-сл. начальное *e* или *he*, и если было *e*, почему перед ним не развивалось или отпало еще до распада о.-сл. языка начальное *j*, рассмотрим предварительно слова 2-й и 4-й группы.

5. Русское начальное *o* в соответствии с *e* и *je* других славянских языков

Различие между славянскими языками по отношению к словам 2-й и 4-й группы может объясняться или 1) различной судьбой начального *e*, *je* или *o* в разных славянских языках при каких-то фонетических условиях, или 2) влиянием аналогии одних слов на другие, различным в разных славянских языках, или 3) тем, что слова с различными начальными звуками в славянских языках восходят к различным о.-сл. словам, указывая таким образом на дославянское чередование *e* и *o* и т. п. Однако влияние в этом случае аналогии одних слов на другие предположить трудно, потому что почти все они стоят изолированно. Остаются 1-е и 3-е предположения. Последнее является наиболее правдоподобным для частиц ст.-сл. **есе** и др.-р. **осе**, ст.-сл. **кдѣва**, в.-р. **едва** и с.-х. **одвај**, др.-р. и в.-р. диалект. **одва**, ст.-сл. **кште** и **еште** и б. **оце**, в.-р. **ошио**. Начальное *e* в ст.-сл. **есе** — указательная частица, указывающая на ближайший предмет и имеющаяся в том же или в других соединениях во всех славянских языках; русское склонение в *этом*, с *этим*, к *этому* указывает на то, что эта частица еще сравнительно недавно ощущалась как отдельное слово. В то же время в славянских языках существует и указательная частица *o*, являющаяся между прочим в в.-р. **вот** (*во* из *o* под старым восходящим ударением), м.-р. **ото**, **оце**, **оцей** (= *от* + *сей*), **озьде**, с.-х. **ото**, п. **оѣ** и др. С этой частицей *o* могло быть образовано и др.-р. **осе**, к которому, м. б., восходит и нынешнее в.-р. **авось** (из *a* + *осе*, где *o* под восходящим ударением). Так же, по-видимому, следует объяснять и чередование *e* или *je* и *o* в словах **jedva**

(*edva*) и *odva*, *ješče* (*ešče*) и *ošče*: и здесь мы имеем слова, в начале которых являются различные частицы, отразившиеся в нынешних славянских языках в виде *je*, *e* и *o*, причем чередование *je* и *e* может восходить к старым различиям в месте или качестве ударения. Такое предположение является наиболее вероятным также и потому, что различные варианты произношения этих слов сохраняются и до сих пор в одних и тех же славянских языках: слов. *edvaj* и *odvaj*, б. *еще* и *още*, с.-в.-р. *едва* и *одва*, *ешшо* и *ошшо*; последнее слово известно между прочим с начальным *i* и без начального гласного звука из о.-сл. *jь* в некоторых слав. языках, знающих то же слово с начальным *je*, *e* или *o*. К словам с о.-сл. чередованием начальных *je* и *o*, по-видимому, следует отнести и ст.-сл. **ѠЖЕ** и др.-р. **ОЖЕ**; т. е., можно думать, что эти два слова восходят к разным словам о.-сл. языка. Написание **ѠЖЕ** в Супр. и древних памятниках русского письма без варианта **ЕЖЕ** показывает, что слово **ѠЖЕ** во всех ст.-сл. говорах, различавших начальные *je* и *e*, произносились с *je*, а не *e*, т. е. отношение между ст.-сл. **ѠЖЕ** и др.-р. **ОЖЕ** не то, какое между ст.-сл. **ѠЗЕРО** и р. *озеро*.

Иначе следует отнестись к предположению, что варианты: ст.-сл. **ѠЗЕРО** и пр., с.-х. *језеро* и пр., р. *озеро* и пр. восходят к дославянским чередованиям: это предположение не объясняет, почему такое же чередование начальных *e*, *je*, *o* с тем же распределением по языкам: *e* в ст.-сл., *je* в с.-х., слов. и зап.-сл. и *o* в русских, является и в словах, заимствованных с греч. яз. Делая такое предположение, кроме того, приходится допустить, что различные говоры о.-сл. языка удержали с балт.-слав. эпохи каждый группу слов, звучавших иначе, чем в других говорах; при этом слова с одинаковым звуковым видом, отличным от звукового вида тех же слов в других говорах, относились к совершенно различным областям: никакой внутренней связи между словами *озеро*, *олень*, *осень*, *осётр* нет. Мы знаем, что о.-сл. язык за тысячелетний период своей жизни претерпел чрезвычайно большие изменения, свидетельствующие об очень тесной связи между его говорами в течение очень продолжительного времени, и при таких условиях сохранение в течение всего этого периода целой группы слов, свидетельствующей о звуковых различиях между говорами предшествующей эпохи, мне представляется совершенно невероятным. Допуская такое чередование, приходится допускать три чередующихся варианта: 1) с начальным *je*, 2) с начальным *e* и 3) с начальным *o*, и решать, каким балт.-

слав. вариантам соответствует чередование между начальными *je* и *e* в этих словах; правда, начальное *e* имеется и в некоторых указательных и бесформенных словах, но можно ли связывать с ними такие слова, как *езеро*, *елень*? Предположение, что в этих словах отражается дославянское чередование начальных *e* и *o*, впервые, кажется, было высказано А. И. Соболевским²⁶ и затем повторено Г. А. Ильинским²⁷. Они стараются подкрепить свои положения ссылкой на слова, в которых начальному *o* русских языков в других славянских языках соответствуют не только начальное *je*, но и *o*, или такие слова, которые в большинстве славянских языков имеют начальное *o*, но в некоторых встречаются и с начальным *je* (см. слова 4-й группы), или такие, которые и в русских, и в других славянских языках известны и с начальным *je*, и с начальным *o*; сюда же эти ученые относят и такие слова, в которых чередование *je* и *o* может быть связано с различием основ: б.-р. *вожик*, др.-р. *ожь*, м.-р. *ожина*, в.-р. *ёж*, м.-р. *ёж*, б. *еж* и *јеж*, с.-х. *јежак*, ч. *ožanka*, в.-р. *ольха* и *ёлха*. Я думаю, что эти случаи надо разделить: с одной стороны, мы имеем группу одинаковых соответствий, причем для некоторых слов этой группы установлено тройное соответствие, для других не установлено только благодаря отсутствию материала; с другой стороны — изолированно стоящие слова. Случаи типа *ёжь* — *ожь* и тем более типа *еж* — *ожик*, *ежевика* — *ожина*, *ольха* — *елошник* ничего не доказывают, потому что если предположить, что начальное *o* вместо *je* явилось в русском языке фонетически, то придется допустить, что это изменение произошло лишь в определенных фонетических условиях, и в таком случае нельзя сопоставлять между собой случаи, где *o* и *je* даются в разных (с точки зрения о.-сл. яз. или др.-р. яз. доисторического периода) фонетических условиях, или в таких словах, которые могли подвергаться аналогии со стороны слов, где начальные звуки слова находились в других фонетических условиях. Так, если в русских *ежевика* и *ожина* различие между начальными *je* и *o* правильно зависит от фонетических условий, то *ожь* рядом с *ёж* могло быть вызвано аналогией со стороны *ожик*.

Нельзя ссылаться, как это делает А. И. Соболевский, для доказательства и на ч. *ožanka*, этимологическая связь которого с р. *ёж* и *ежевика*

²⁶ Лекции по истории русского яз. Киев 1889 [Соболевский, 1889], повторяется во всех изданиях, см. изд. 4-е, М. 1907, стр. 31 [Соболевский, 1907].

²⁷ Праславянская грамматика. Нежин 1916, § 119 [Ильинский, 1916].

не доказана. Исходя из этих соображений, мы можем сопоставлять м.-р. *ільха* с в.-р. *ольха*, но сопоставления в.-р. *ёлха* с в.-р. *ольха* и т. п. ровно ничего не доказывают, как и сопоставление, делаемое А. И. Соболевским, русского *олень* со ст.-сл. **алънии** (основа — та же, что в р. *лань*).

Так как одна ссылка на существование вариантов: *omela* — *jemela*, *orьbь* — *jerelь*, *olovo* — *jelovo* не доказательна, то сторонники дославянского чередования *e* — *o* во всех подобных случаях указывают на различные соответствия слов с подобным чередованием в других и.-е. языках: р. *озеро* — ср. греч. ἄχερούσια «болотная вода», географич. имя в Эпире: Ὀζερός (Ильинский), *олень* = латыш. *alnis*, пр. *alne* (Ильинский, Соболевский), *осень* = пр. *assanis* (Ильинский), готск. *asans* (Ильинский, Соболевский), *одва* = лит. *advos* (Соболевский), *еще* и *още* = латин. *usque*, греч. ἔστε (Соболевский), *омела* = лит. *amalas* (Соболевский). Из этих параллелей необходимо исключить параллели из прусского яз., ввиду того что в прусском обычно *a* из начального *o*-балт. *e*: пр. *assaran* = лит. *ežeras*, латыш. *ezars*; пр. *ālne* = лит. *elnė*; пр. *addle* = лит. *eglė*, латыш. *egle*; пр. *aketes* = лит. *ekėčios*; пр. *assegis* = лит. *ežegys*; пр. *asy* = лит. *ežė*, и даже пр. *asmai*, *assai*, *ast* и пр. = лит. *esmi*, *esi*, *esti* и пр.; следовательно, прусское начальное *a* не указывает на первоначальное *a* = слав. *o*. Латышское *alnis* с большим правом можно связывать со ст.-сл. **алънии** и **лань**, ч. *laně*, п. *lani*, р. *лань* и пр., чем с р. *олень*. Те случаи, в которых в лит. яз. славянскому начальному *o* соответствует *e*, как, например, *eldija* = ст.-сл. **алъдин**, **ладин**, р. *лодья*; лит. *epušis* при латыш. *apše* = *оса*; лит. *erelis* = *орел*, вряд ли помогают выяснению вопроса в сторону гипотезы А. И. Соболевского и Г. А. Ильинского. Параллели же из других языков говорят еще меньше: греч. ἄχερούσια может быть родственно с русским *озеро*, но это последнее гораздо ближе стоит к ст.-ст. **езеро**, ч. *jezero*, лит. *ežeras*; др.-р. **ожь**, б.-р. *ожик* может быть родственно с армянским *ozni*, но оно гораздо теснее связано с р. *ёж*, *ежовый*, с.-х. *јеж*, лит. *ežys*, и т. д. Как появилось в Греции название местечка Ὀζερός, мы не знаем, но строить на нем какие-либо заключения без знакомства с греческими и албанскими говорами Эпира, пока нам неизвестно из ю.-слав. языков слово *озеро* с начальным *o*, нельзя.

А. И. Соболевский в «Лекциях» ограничивается указанием на параллели из славянских и неславянских языков и замечанием, что начальное *e* без йотации сохранилось во всех славянских языках, как показывают р. *этот*, с. *еда* и т. п. Но это не доказательство, так как проис-

хождение начального *e* без йотации в таких словах само нуждается в объяснении.

Г. А. Ильинский приводит и некоторые другие соображения. Возражая против гипотезы А. А. Шахматова, что в о.-сл. *e* после смягченных согласных, в том числе и после *j* в начале слова, переходило в *ä* при положении перед слогом с гласными переднего ряда и что перед таким *ä* затем начальное *j* отпадало²⁸, Ильинский говорит: «Предположение диссимиляции звука *e* перед следующим узким гласным находится в противоречии с тенденцией не только русского, но и других славянских языков сохранять *e* после мягких гласных именно в этом положении». Не решая пока вопроса, вызвано ли отпадение *j* тем, что *e* перешло в *ä*, как думал Шахматов в 1894 г. и позднее, или тем, что *e* не изменилось ни в *ö*, ни в *ê*, как думал Шахматов в 1915 г., замечу, что предположение Шахматова об изменении в *ä* того *e* после мягких, которое не изменилось в *ö* или *ê* под влиянием следующих за ним звуков, не противоречит тем тенденциям в изменении звуков, какие существовали в о.-сл. яз., ср. изменение *ē* в *ā* после смягченных, происходившее в более раннюю, но не особенно удаленную эпоху. Далее, по мнению Ильинского, «это предположение не имеет фактической опоры, так как о.-р. *жалъзо* ... может быть образовано от корня **ghēl-*, а *жана* — от корня *gēn-*». Но предположение Ильинского совершенно невероятно: произношение *жалъзо*, *жаних* существует в таких с.-в.-р. окающих говорах, в которых слово *жена* никогда не произносится с *a*: говорят: *жонá*, *жоньá*, вин. ед. *жóну*, мн. *жóны*, *жон*, уменьш. *жóнка*, *жóнушка*; при этом везде, где существует произношение *жаних*, *жанитъся*, существует и произношение *жалъзо* (если не говорят *залъзо*), *пчалíной*, *пшаница*²⁹ при *o*, *e* в других случаях: *сёло*, *вёсна*, *велят*, *деревня*, *веди* и др.; следовательно, переход *e* в *a* в этих словах фонетический. Так же неубедительно и замечание Ильинского: «Еще более невероятен факт исчезновения начального *j* в группе *jä*: где другие примеры подобного отпадения?» Других примеров и нет, потому что по Шахматову *e* после начального *j* изменялось в *ä* только перед слогом с гласными полного

²⁸ Ильинский, Прасл. грамм., стр. 139 [Ильинский, 1916]. Изложенное здесь мнение Шахматова позднее (см. Очерк, стр. 236 [Шахматов, 1915]) было им изменено.

²⁹ Программы Моск. Дialeктол. Комиссии по с.-в.-р. говорам №№ 19, 66 и пр. [Программы, 1911].

образования переднего ряда, т. е. именно в той группе, в которой русские языки имеют начальное *o*; в остальных случаях, где в русских языках — начальное *je* или *jo*, в следующем слоге являются другие гласные или же гласные *i*, *e*, если и являются, то стоят в чередовании с другими гласными, как, например, р. *ели*, *ежи*, ср. им. ед. *ель*, *ёж*. Ильинский пытается отвести и указание Фортунатова на написания **ЕЛЕНЬ**, **ЕЗЕРО** в Супр. и памятниках русского письма³⁰, предполагая здесь возможность «влияния южнославянской орфографической традиции». Но сам Фортунатов не только не отрицает этой возможности, но и смотрит на эти написания как на известный тип ст.-сл. орфографии, потому что они могли передавать только ст.-сл. произношение, а не русское, в котором эти слова произносились с начальным *o*. Но дело в том, что последовательность написания известных слов с начальным **є** в памятниках, строго различающих **к** и **є**, может быть объяснена только как отражение известного произношения, но не русского, а ст.-сл., хотя и усвоенного русскими как церковное или литературное.

Ввиду этих соображений я считаю предположение об отражении в соответствиях *jezero* — *озеро* и т. п. дославянского чередования основ с начальными *e* и *o* маловероятным, а доводы в пользу такого предположения, приводимые А. И. Соболевским и Г. А. Ильинским, частью недоказательными, частью основанными на явно ошибочных утверждениях³¹.

Следовательно, наличие в разных славянских языках трех произношений (не считая позднейших изменений) начального слога таких слов, как *езеро*, *елень* и пр., именно — *e* в ст.-сл., *je* в с.-х., слов., ч., в.-л., п., *je* или *he* в н.-л. и *o* в русских языках, должна объясняться как видоизменения одного и того же первоначального произношения. Таким произношением могло быть или *e*, сохра-

³⁰ Фортунатов, Лекции по фонетике старославянского яз., стр. 279 [Фортунатов, 1919].

³¹ Заслуживает внимания наблюдение Розвадовского (RSI. VII. 18—21 [Розвадовский, 1915]), что начальное *e* балтийских и *je* славянских языков в соответствии с *a* и *o* других и.-е. языков является последовательно перед слогом с *e*; это обстоятельство позволяет ему сделать очень правдоподобное предположение, что в таких случаях балт.-слав. *e* получилось из *a^o* вследствие ассимиляции звуку *e* следующего слога; при таком предположении русское *o* в словах *озеро*, *елень*, *осень* и *осетр* может объясняться только вторичным изменением начального *e* в *o* на русской почве.

нявшееся в начале слов при каких-то условиях в одних говорах о.-сл. яз. и получавшее йотацию в других говорах, или *je*, утратившее йотацию в одних говорах и сохранившее ее в других. И в том, и в другом случае с.-х., слов., ч., в.-л., п. *je* восходит к о.-сл. эпохе, р. *o* и н.-л. *he* получились из первоначального *e*. На происхождение русского *o* в этих словах именно из *e*, а не из *je*, указывают слова с начальным *o*, заимствованные из греч. яз. и звучавшие там и в церковнославянском чтении XI и XII вв. с начальным *e*, а также тот факт, что начальное *j* перед старым *e* в русских языках сохраняется между прочим и в тех положениях, где это *e* изменилось в *o*: в.-р. *ёлка*, *ёмкий*.

В Супр. в соответствии с начальным *o* русских языков и *je* других славянских языков начальное **ѣ** встречается только в 2 словах: **ѣзеро** и **ѣлень**, известных нам из русских памятников XI и XII вв., различающих **ѣ** и **ѡ**, исключительно с начальным **ѣ**. Как уже замечено Фортунатовым, в обоих словах это начальное *e* является в слоге перед слогом с гласною *e*, независимо от ударения, являющегося в **ѣзеро** на 1-м слоге, а **ѣлень** на 2-м. В том же положении является русское начальное *o* в соответствии с *je* других славянских языков в словах *осень* и *осётр*; из памятников ст.-сл. языка эти слова неизвестны. Рассматривая те слова, в которых везде, в том числе и в русских языках, имеется начальное *je*, мы видим, что в этих словах во 2-м слоге или является другой гласный звук, или же *e*, являющееся в этом слоге, относится к суффиксу форм словоизменения и чередуется с другими гласными в других формах; таково *e* в ст.-сл. и др.-р. 2 мн. **кстѣ**, др. сев.-р. **ксмѣ** при 1 ед. **ксмь**, 2 ед. **кси**, 3 ед. ст.-сл. **кстѣ**, **к**, р. *есть*, *e*, 1 мн. ст.-сл. **ксмъ**, др. ю.-р. **ксмо**, также ст.-сл. **кмлѣши**, **кмлѣтъ** при 1 ед. **кмлж**, 3 мн. **кмлжтъ**, и только в словах *ерепениться*, *ежевика* и *ежовый* в нын. в.-р. имеются звуки из старого *e* в устойчивом положении. Впрочем, слово *ерепениться* неясного происхождения: если оно родственно со словом *репейник* (ср. употребленное Маркевичем слово *ерепей*), то после *r* можно здесь предполагать старое не *e*, а *ѣ*. Слово *ежовый* могло быть новообразованием, возникшим позже перехода *e* в *o*; если же это слово старое, то *je* здесь могло явиться и по аналогии со словом *ѣж*. Остается одно *ежевика*, в котором трудно предполагать аналогию со стороны слова *ѣж*. Имея в виду, по-видимому, это слово, Фортунатов предположил, что отпадение *j* перед *e* имело место только перед немягкими (по Фортунатову — полумягкими) согласными, за которыми следовало *e*, а перед

мягкими сочетание *je* сохранялось без изменения в *e*³². Если принять это предположение, то из закона Фортунатова исключений не будет, и можно думать, что слова *осень* и *осетр* в ст.-сл. звучали с начальным *e*.

Кроме 4 названных слов в русских языках известны с начальным *o* при *je* других славянских языков основы *один-* и *одн-* и слова б.-р. *вожик* (во из о.-р. *o*), м.-р. *ожина*, др.-р. **ОЖЕ**, **ОЖЬ**, **ОЛИКО**, **ОЛИШЬДЪ**, м.-р. *орябрь*, *орябина*. О слове **ОЖЕ** см. выше. Слова **КЪЖЬ**, **КЪРЪБЬ** и **КЪРЪБИНА** в древнейших ст.-сл. памятниках не встречаются, и потому мы не знаем, как они произносились в ст.-сл. Основы **КДИН-** и **КДЪН-** и слова **КЛИКО**, **КЛИКЪ**, **КЛИШЬДЪ** в ст.-сл. звучали с *je*, хотя, по-видимому, были говоры, в которых и они произносились с начальным *e*. Все эти слова имеют то общее со словами *езеро*, *елень* и пр., что в следующем слоге являются палатальные гласные. Однако, рассматривая слова, в которых в русских языках сохраняется *je* (с его позднейшими фонетическими изменениями), мы встречаем и среди них слова с палатальными гласными следующего слога: в спряжении глагола **КСМЬ** палатальные гласные в последнем слоге в с.-р. говорах были во всех формах: 1 ед. **КСМЬ** и **КСМИ**, 2 ед. **КСИ**, 3 ед. **КСТЬ**, 1 мн. **КСМЕ**, 2 мн. **КСТЕ** (двойств. ч. можно в расчет не принимать), в ю.-р. во всех, кроме 1 мн. **КСМО**; то же в падежных формах существительных **КЪЖЬ**, **КЪЛЬ** и в тех словах, к которым восходят нынешние *елец* (род. *ельца*), *ежевика*, *ерепениться*. Очевидно, на отпадение начального *j* перед *e* влияли только некоторые палатальные гласные следующего слога: обращаясь к тем случаям, где гласная следующего слога устойчива, мы можем выделить, с одной стороны, основу *один-* (др.-р. **ОДИНЪ**, **ОДИНА**, **ОДИНО**, **ОДИНОГО** и пр., в.-р. *одинок*, *одинаков* и пр.), др.-р. **ОЛИКО**, **ОЛИШЬДЪ**, м.-р. *орябок*, *орябина*, с другой — в.-р. *елец*, *ельца*, и отсюда сделать вывод, что *j* перед *e* в начале слова отпадало, если в следующем слоге было *i* или *e*, и не отпадало, если в следующем слоге было *ь*. В таком случае получают объяснение все слова с начальными *je*, *jo* и пр. из старого *je*: в формах *его*, *ему*, *e* (3 ед.), *есмо*, *ёлха*, *елховый*, *елховый*, *ёлка*, *елозить*, *еловый*, *ёрзать*, *ею*, ст.-сл. и др.-р. **К** (вин. ед. ср. р.) *j* не отпало, потому что дальше не следовали палатальные гласные; в таком же положении было и *je* в ст.-сл. **КГДА**; в в.-р. диалект. местн. ед. *ём* (= литерат. *нём*) и в словах: *ёж*, *елец*, *ель*, *елью*, *ельник*, *ёри* *j* не отпало, потому что дальше следовало *ь*; в словах *еси*, *есте*, *есме* (от-

³² Фортунатов. Лекции по фонетике старослав. яз. 279—281 [Фортунатов, 1919].

куда позднее *есмя*), *ежи*, *ёжитсяся*, *ели*, м.-р. *ялина* *j* сохранился по аналогии с другими формами; связь *ёжитсяся* с *ёж* очень сильная; м.-р. *ялина* предполагает, что в эпоху утраты *j* перед *e* существительное *jelina* было менее употребительно, чем *jelъ* и т. п. С другой стороны, в б.-р. *вожик* могло сохраниться начальное *o* потому, что в части русских говоров это уменьшительное название ежа рано стало более употребительным, чем неуменьшительное *еж*; той же причиной может объясняться и появление в др.-р. слова **ожь** вм. **ежь** под влиянием *ожик*. Из контаминации старого *jež* и нового *ož* получилось б.-р. *ёж* (в б.-р. фонетически *e* перед шипящими не изменилось в *o*). Такого же происхождения и р. *одна*, *одного* и пр. В нынешних русских языках основа *один-* сохраняется только в им. ед. муж. р. и в производных; аналогия с этими производными не могла сама по себе повлиять на изменение основы *jedъn-* в *odn-*; что касается аналогии со стороны имен. ед. муж. р., то вообще влияние формы имен. или имен.-вин. пад. ед. ч. на изменение основы других падежных форм — факт, довольно обычный в языках, ср. в славянских языках вытеснение основ *sloves-*, *nebes-*, *čudes-*, *těles-*, *koles-* и пр. основами *slov-*, *neb-*, *čud-*, *těl-*, *kol-* и пр., в русских языках также, по большей части (кроме литературного яз.), основы *imen-*, *znamen-*, *plemen-* и др. заменены основами *im̃-*, *znam̃-*, *plem̃-* и др., по крайней мере в ед. ч. В русском *колесо* имеется обратная замена, вероятно, потому, что это существительное часто употреблялось во множ. ч. Но в случаях *один*, *одна*, *одно*, *одного* и пр. аналогия со стороны формы *одинъ* затрудняется тем, что основа *odn-* является и во всех падежах, в том числе и имен. ед., женского и среднего родов. Кроме того, появление основы *odn-* по аналогии с *odin-* не совсем однородно с заменой основы косвенных падежей основой имен. пад., потому что там в результате аналогии является общая основа для всех падежей, здесь же основы остаются различными. Тем не менее я думаю, что аналогия здесь всё-таки допустима: она не повлекла за собой полной замены основы *jedn-* основой *odin-* вследствие различного места ударения и облегчалась тем, что старая основа *jedъn-* ко времени действия этой аналогии звучала уже с *o*, как *jodn-*, или со звуком, близким к *o*. Старая основа *jedn-* до сих пор сохраняется в с.-в.-р., б.-р. и м.-р. говорах, где ее нельзя объяснять заимствованием из других славянских языков. В церковнославянском яз. русских памятников имеется только основа **ѡдин-**, а основа **ѡдн-** не встречается или встречается настолько редко, что не мог-

ла быть усвоена русскими языками этим путем; в б.-р. и м.-р. языках в некоторых случаях можно предполагать заимствование из польского яз., но такого заимствования нельзя видеть в в.-р. Впрочем, в в.-р. говорах рядом с основой *jedn-*, *jodn-* известна и основа *jedin-*; во многих случаях можно считать ее заимствованием из церк.-слав. языка, но возможно, что еще в о.-р. эпоху были говоры, в которых начальное *je* перед слогом с *i* не подвергалось изменению в *e*, откуда *o*, и что часть с.-в.-р. говоров, имеющих основу *jedin-*, восходит именно к таким говорам; впрочем, более вероятно, что в тех случаях, когда произношение *единый* и т. п. в с.-в.-р. трудно объяснить заимствованием из церк.-слав. яз., это произношение явилось под влиянием *една* и т. п. Можно заметить, что в некоторых с.-в.-р. говорах при основе *jedn-* неизвестна основа *jedin-*, а только *odin-*.

Исходя из положения, что вместо начального *je* других славянских языков в русском яз. явилось *o* только в положении перед слогом с *e*, *ε*, *i*, при этом перед слогом с *e* не перед старыми смягченными согласными, мы можем предполагать, что в слове *омёла* *o* могло явиться как из ст.-сл. *o* (ср. словенск. *omela*), так и из о.-сл. *je* (ср. п. *jemiola*, н.-л. *jemelina* и *hemelina*), что в слове *овин* *o* могло быть тоже из о.-сл. *je* и что, следовательно, это слово можно считать стоящим в ближайшем родстве с м.-р. *евня*, *евя*, б.-р. *евня*, *ёвня* и *ёвна*, лит. *jauja*, что в древнерусском *олнко* и *олишьды* *o* могло получиться из о.-сл. *je*, но в словах *одва*, *още* или *ощо*, *оже* и *ольха* *o* не может восходить к о.-сл. *je* и предполагает наличие о.-сл. вариантов с *o* и *je*. Ст.-сл. *етерь* могло получиться из *jeterь* подобно тому, как *езеро*, *елень* получились из *jezero*, *jelenь*; в таком случае это слово, если бы сохранилось в русских языках, должно было бы звучать с *o*. Впрочем, слово *етерь* допускает и другое объяснение, по видимому, более вероятное.

Если в.-р. *овин*, м.-р. *евня* и пр. родственны с лит. *jauja*, то в этих словах русские *o* и *je* восходят к старому о.-сл. *je* из *jo*, а не из *e*; т. е. в.-р. начальное *o* в *овин* получилось из *e*, явившегося вследствие отпадения перед ним исконного *j*; в таком случае и в остальных русских словах с начальным *o* в соответствии с *je* других славянских языков можно предполагать вторичное отпадение *j*, развивавшегося в о.-сл. перед всяким начальным *e*.

В ю.-в.-р. *арупей* «репейник» начальное *a* неизвестного происхождения. Если оно из *e*, то это слово позволяет думать, что изменение на-

чального *e* в *o* происходило в русском яз. или в части говоров русского яз., если слова *ерепей* и *ерепениться* того же происхождения, также и перед слогом с *ѣ*.

Таким образом, рассмотрение вопроса о происхождении начального *o* в русском яз. в соответствии с *je* или *e* других славянских языков приводит нас к необходимости принять гипотезу Фортунатова, сформулированную им еще в 80-х годах прошлого века. Эта гипотеза в настоящее время получает такой вид:

1. Начальное *j* или *ĭ* отпало перед *e* в положении этого *e* перед мягкой согласной + *e* в ст.-сл., о.-р. и н.-л. языках; начальное *e* в о.-р. изменилось в *o*, а в говорах н.-л. яз. перед таким *e* развилось *h*.

2. Ту же судьбу имело начальное *j* перед *e* перед слогом с *ę* в о.-р. яз., как показывает нын. м.-р. яз., и в н.-л.; в ст.-сл. и в.-р. слова, указывающие на это изменение, не сохранились.

3. Начальное *j* перед *e* в положении этого *e* перед мягкой или мягкой согласной + *i* отпало только в о.-р. яз., причем возможно, что в некоторых говорах о.-р. яз. такого отпадения не происходило; начальное *e*, получившееся в о.-р. после отпадения *j* или *ĭ*, еще в о.-р. эпоху перешло в *o*; в ст.-сл. языке *j* или *ĭ* в этом положении сохранялось, по крайней мере, в большей части говоров, отразившихся на правописании русских текстов в XI—XII вв.³³

Фортунатов относит отпадение *j* или *ĭ* в указанных положениях перед *e* к о.-сл. эпохе, и такое предположение является наиболее вероятным.

Шахматов, принимая в общем гипотезу Фортунатова, внес в нее некоторые поправки, в которых, как мне кажется, настоятельной надобности нет. В последнем своем капитальном труде³⁴ он исходит из того соображения, что сохранение *j* перед начальным *e* и другими звуками, получившимися из более старого *e*, и его отпадение стоят в связи с произношением *e* в 1-м слого слова после начального *j*. Таких произношений, по его мнению, можно различать три: перед твердыми *ǫ*:

³³ Ср. Фортунатов, Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка (Петрогр. 1919), стр. 278—281 [Фортунатов, 1919]. Разрядкой я отмечаю свои дополнения к гипотезе Фортунатова.

³⁴ Очерк древн. периода истории р. яз. (Петрогр. 1915) [Шахматов, 1915].

jōti, jōtka и пр., перед слогом, заключавшим слабое *ь*,—*ê* (закрытое) и в остальных случаях *e* незакрытое; перед *ō* и *ê* йотация в русском языке (отпадение *j* Шахматов относит не к о.-сл., а к о.-р. эпохе) сохранялась, а перед *e* незакрытым *j* отпадало. Таким образом, *e* после смягченных, *ь* сильное, *i* и *ѣ* во 2-м слоге одинаково должны были вызывать отпадение начального *j* перед *e* так же, как и *e* после несмягченных; поэтому *ежевика* и *елец*, как противоречащие этому, должны быть объяснены влиянием аналогии. Но если такая аналогия может считаться вполне естественной для слов типа *елец*, то для произношения *ежевика* аналогия со стороны *ѣж* маловероятна; поэтому сохранение *j* в этом слове должно объясняться какими-то фонетическими условиями. Не являлся ли таким условием переход в сочетании «смягченный согласный звук + *e*» от йотовой артикуляции языка при произношении мягкого согласного звука к артикуляции *e*? В сочетаниях «немягкий согласный звук + *e*» и «немягкий согласный звук + *i*» такого перехода не было, а в сочетании «мягкий согласный звук + *i*» переход от йотовой артикуляции согласного звука к артикуляции *i* почти незаметен (ср. в о.-сл. отсутствие йотации перед начальным *i*). Это объяснение, как мне кажется, подходит и к ст.-сл. и н.-л. языкам, в которых *j* перед *e* отпадало лишь при положении этого *e* перед мягким согласным звуком + *e*: ассимиляция 1-го слога 2-му («отсутствие йотовой артикуляции + *e*» и «йотовая артикуляция — *e*» в обоих слогах) происходила только при наиболее благоприятствовавших этому условиях. В положении перед слогом с *ь* отпадению *j* мешала недостаточная отчетливость гласного звука (*ь*) следующего слога и, может быть, несколько более задняя артикуляция этого звука. Выставляю эти соображения лишь предположительно, имея в виду, главным образом, установление фактической стороны.

Отпадение *j* или *ĵ* перед *e* в начале слова нет препятствий возводить к говорам о.-сл. языка. Позднее, уже в русском языке, и притом в эпоху, близкую к исторической, начальное *e* такого происхождения, как и начальное *e* в словах, заимствованных из других языков, изменилось в *o*. Что это изменение уже произошло к тому времени, от которого дошли до нас древнейшие памятники русского письма, видно из того, что слова с начальным *o* такого происхождения встречаются уже в памятниках XI в. Установившееся в литературном правописании правило писать в подобных случаях **ѣ** или **ѡ** согласно церк.-слав. произноше-

нию является причиной того, что написания таких слов с начальным *o* чрезвычайно редки, но, например, в одном из древнейших русских письменных памятников, Синайском Патерике XI в.³⁵, отражающем стадию еще не установившегося правописания, написания **одинѣ**, **одного**, **одною**, **олик**, **олишьдѣ** обычны (там же нередки и написания **о-ва**, **оже**, **оце**, где *o* другого происхождения), основа **один-** встречается также в Изб. 1076 г., Словах Кирилла Иерус. XI в. (**одиньдѣ** л. 41), Словах Григория Богосл. XI в., Арх. ев., Чуд. Пс. и др.; *o* в словах **озеро**, **осень** известны мне только из памятников XII в. (**осеньник** — Мстисл. Грам. 1115 г., Устав Патр. Б-ки № 330 XII в., **озеро** Златоструй XII в.); *o* в греч. словах см. выше.

Изменение начального *e* в *o* в русском языке я представляю себе не в той последовательности, какую обычно предполагают ($e > \ddot{o} > o$); для меня неясно, какие причины могли вызвать изменение начального *e* в \ddot{o} : и тот, и другой звук до отпадения *j* были известны только после *j* и согласных, но при этом \ddot{o} являлось только после мягких согласных не перед мягкими и полумягкими; здесь же *e* оказалось в положении не после мягких, и притом перед полумягкими или мягкими. Ничего по соседству, что могло бы вызвать лабиализацию *e*, не было. Необычность начального *e* состояла только в отсутствии палатального начала. Я и думаю, что это обстоятельство могло вызвать непосредственно не лабиализацию *e*, а передвижение артикуляции назад, к среднему ряду, и уже после этого лабиализацию получившегося звука среднего ряда, т. е. $e > \dot{\ddot{o}} > \ddot{o} > o$. Вторая стадия этого явления аналогична произошедшему в русском яз. изменению $\ddot{v} > o$: звук \ddot{v} был получен русским языком из о.-сл. как звук неокругленный или с очень слабым округлением.

6. Слова с начальным *e* или *he* во всех славянских языках

Перехожу к тем случаям, в которых в ю.-сл. (в том числе и ст.-сл.) и в.-р. языках является начальное *e*, а в м.-р., б.-р. и зап.-сл. — начальное *he* или *e*³⁶. Несомненно, что в этих словах йотации не было. Почему же

³⁵ Рукопись Моск. Патриаршей Б-ки № 551.

³⁶ Говоры разных славянских языков, в которых и в этих словах является *j*, как, например, в русском диалектич. *этот* и т. п., безусловно имеют здесь вторичную йотацию более старого начального *e*.

такое *e* сохранилось без изменения в *o* в русских языках? Очевидно, это *e* чем-то отличалось от того начального *e*, которое в русском яз. перешло в *o*. Это отличие, надо думать, не касалось качества *e*: мы видели, что начальное *e* разного происхождения перешло в русском яз. в *o* при самых разнообразных положениях.

Есть попытка объяснить сохранение начального *e* в славянских языках без йотации и без перехода в русских языках в *o*, принадлежащая А. Meillet³⁷. По его мнению, начальное *e* в о.-сл. являлось только в начале фразы, где перед таким *e* не развивалось *ǰ*; в середине же фразы перед начальным *e*, которое в таком случае оказывалось в о.-сл., вследствие отпадения конечных согласных, всегда после гласного звука, развивалось *ǰ*; поэтому начальное *e* без йотации сохранилось в славянских языках только в тех словах, которые употребляются только или преимущественно в начале фразы; такими именно и являлись указательная частица *e*, вопросительная частица *eda* и утвердительное слово *ei*. По мнению Meillet, Супр. еще сохранила следы первоначального различия между начальным *e* в начале фразы и *je* в середине фразы: в слове **ксе** пишется **к** в середине фразы и **ε** в начале фразы. Однако гипотеза Meillet, безукоризненная с точки зрения физиологии звуков речи, не оправдывается фактами языка. В Супр. **есе** встречается и в середине фразы: **дѣло есе**; что касается **ксе**, то это написание встречается только после **и**: **по божиѣ же любви ксе мѣ** и **и ксе**; в Супр. есть и другие случаи написания **к** вместо **ε** после **и**, именно, в греческих словах, в которых в начале слова и после гласных в остальных случаях пишется всегда **ε**. В той же Супр. постоянно пишется с начальным **ε** слово **εтеръ**; между тем это слово из 9 раз только один раз стоит в начале фразы, в остальных случаях — после определяемого им существительного; то же мы замечаем и в памятниках русского письма XI и XII вв., где **εтеръ** обычно стоит не на первом месте, и у нас нет никаких оснований предполагать, что в о.-сл. эпоху порядок слов был иной. Meillet высказывает предположение, что написания **εтеръ**, **εзеро** и **елень** представляют следы той манеры письма, какая имеется в Сав. Однако, если бы мы имели дело со следами другой орфографии, то строгая последовательность, которую мы замечаем не только в Супр., но и во многих

³⁷ Sur l'initiale des mots vieux slaves **есе** et **а**. Статьи по славяноведению II. 387—391 [Мейе, 1906].

памятниках русского письма, была бы необъяснима. Может быть, отражение правописания, не различающего **к** и **є**, представляют случаи с начальным **є** вместо **к** на последних 100 страницах Супр., но эти случаи носят совсем иной характер. Употребление **є** в словах **єТЕРЬ**, **єЗЕРО** и **єЛЕНЬ** в русских памятниках Meillet объясняет тем, что эти слова, по крайней мере, в таком произношении, не были известны писцу из живого языка, а потому правописание, свойственное Сав., и сохранилось только в этих словах. Но в таком же положении были и слова **КДИНЬ**, **КЛИКО** и **КЛИШЬДЫ**, которые, однако, в большей части памятников так же последовательно пишутся с **к**. Следовательно, написания **єТЕРЬ**, **єЗЕРО**, **єЛЕНЬ** в памятниках русского письма отражают старославянскую орфографию, однородную по отношению к этому пункту с орфографией Супр., и указывают на ст.-сл. говор, в котором *етерьь*, *езеро* и *елень* произносились с начальным *e*. А в таком случае объяснять ст.-сл. начальное *e* из положения в начале фразы мы не можем. Факты живых славянских языков тоже не подтверждают этой гипотезы. И сербское *eda*, и словенское *jeda* одинаково употребляются только в начале фразы, и такое положение этих частиц в начале фразы следует относить еще к о.-сл. эпохе; однако в словенском в этом слове имеется начальное *je-*, хотя словенскому языку и известны случаи с начальным *e*, восходящие к о.-сл. эпохе. В то же время словенские *eden*, *edna*, *edno*, *ena*, *eno* и пр. имеют начальное *e* без йотации, несмотря на идущее исстари употребление этих слов как в начале, так и в середине фразы. С начальным *e* оказывается и слов. *ešče*, ч. *eště*, в.-р. диалект. *эце*, хотя это слово теперь, как и в древнейшую эпоху, не прикреплено к началу фразы. Наконец, и из указательных слов, начинающихся с частицы *e*, далеко не все употребляются теперь в славянских языках в начале фразы, и, по видимому, так же было и в о.-сл. эпоху.

Каково бы ни было происхождение начального *e* в таких словах, как *ese*, *eda*, *ei*, в о.-р. языке в начале этих слов должно было произноситься не то, что произносилось в словах *ezero*, *elenь*, *edinь* и пр. до изменения этих слов в *ozero*, *olenь*, *odinь* и пр.: если бы в начале и тех, и других слов произносился один и тот же звук, то дальнейшая судьба его была бы одинакова. Между тем мы выяснили, что в словах *озеро*, *олень*, *одинь* и пр. *o* получилось из бывшего ранее, полученного из говоров о.-сл. яз. начального *e* без йотации. Чем же отличалось от этого *e* то, что произносилось в начале слов *eda*, *ei* и пр.?

Можно предположить, что *e* в начале частиц и указательных слов произносилось с другим выдыхательным приступом или другой интонацией, чем то начальное *e*, которое в русском яз. перешло в *o*. Так, некоторыми выдвигается предположение, что частичные и указательные слова, сохранившие начальное *e* во всех славянских языках, произносились в о.-сл. языке с эмфазой³⁸. Действительно, при эмфазе вполне естественно сохранение звука, изменявшегося при других условиях. Но эмфазу в о.-сл. и, позднее, в о.-р. можно предположить только для некоторых слов, известных в славянских языках с начальным *e*; таковы утвердительная частица *ei*, вопросительная частица *eda* при ударении на 1-м слоге, указательная частица *e* в некоторых соединениях, произносимые в славянских языках нередко с эмфазой и теперь. Можно думать, что и в о.-сл. эпоху не все слова, сохранившие в славянских языках начальное *e* без йотации, произносились с эмфазой. По крайней мере, уже в Супр. слово *есе* является в таких положениях, в которых оно не могло произноситься с эмфазой; без эмфазы произносятся в разных славянских языках и многие указательные слова с начальным *e*; слово *ešće*, встречающееся с начальным *e* в нескольких славянских языках, очевидно, никогда не произносилось с эмфазой, так же как и словен. *eden* и т. п.

Различием в характере ударения еще менее можно объяснить сохранение начального *e* во всех славянских языках без йотации в одних случаях и появление йотации перед *e* в других случаях, а также различную судьбу начального *e* без йотации в русском языке. Правда, различия в качестве ударения между *eda* и *eto* и т. п., где, по-видимому, было старое восходящее ударение, и *jesenъ*, где, как показывают словенский и великорусский языки, ударение было нисходящим, могут вызвать вопрос, не объясняется ли сохранение *e* без йотации присутствием восходящего ударения, которое, как более сильное в экспираторном отношении, могло способствовать удержанию старого произношения, изменившегося при слабом (нисходящем) ударении или при отсутствии ударения. Но это предположение не может объяснить всех случаев, потому что среди слов с начальным *j* перед *e* есть и такие, кото-

³⁸ На таком предположении настаивали между прочим при обсуждении моего доклада в Московской Диалектологической Комиссии проф. А. М. Селищев и Н. М. Каринский.

рые в о.с.-л. имели восходящее ударение на 1-м слоге; с другой стороны, слово *ešče* вряд ли могло иметь в о.-сл. восходящее ударение на 1-м слоге.

Остается гипотеза Фортунатова³⁹, что в тех словах, где в славянских языках является начальное *e* без йотации или *he*, это *e* или *he* восходят к дославянскому *he*. Старое придыхание перед *e* сохранялось в о.-сл. яз. только при ударении на 1-м слоге и уцелело в м.-р., б.-р. и зап.-слав. языках, а в ю.-сл. было утрачено. То обстоятельство, что в ст.-сл. памятниках слова **ѣда** и **ѣи** не отличаются по написанию от **езеро**, **елень**, позволяет думать, что в ст.-сл. эпоху написания древнейших ст.-сл. памятников оно уже не сохранялось. Что касается русских памятников, то там придыхание не могло быть обозначено уже потому, что не имело для себя особой буквы в ст.-сл. азбуке; кроме того, русские писцы, читая по-старославянски, могли не передавать его и в своем чтении. Что придыхание в словах типа *eda*, *ei* в русском яз. сохранялось в то время, когда начальное *e* (из *je* или в иностранных словах) изменялось в *o*, можно заключать из того, что в этих словах *e* не подверглось такому изменению; если бы придыхание отпало раньше, то начальное *e* должно было бы измениться в *o*, как и в других словах. Впрочем, нам известны два случая, где начальное *he* под ударением⁴⁰ в заимствованных словах дало не *e*, как следовало думать, а *o*, как и начальное *e*. Это собств. имена *Ольга* и *Ольгъ* из скандин. *Helga*, *Helgi*. Возможно, что придыхание в этих заимствованных словах звучало слабее и потому отпало раньше.

Существование в чешских и польских говорах слова *ešče* с начальным *e* при начальном *he* в таких словах, как *heto*, в тех же говорах Фортунатов объясняет тем, что *h* отпадало в о.-сл. яз. не только перед неударяемым, но и перед слабоударяемым *e*, но это отпадение происходило позднее, чем отпадение *h* перед неударяемым *e*, после того, как перед начальным *e* в о.-сл. развилось *i*; поэтому перед слабоударяемым *e* из *he* йотации не происходило⁴¹. Если принять эту гипотезу, то придется предположить, что слово *еще* и в о.-р. яз. при ударении на

³⁹ Фортунатов, Лекции..., стр. 238—243 [Фортунатов, 1919].

⁴⁰ При ударении не на 1-м слоге начальное *h* в заимствованных словах в о.-р. отпадало еще раньше, как и в о.-сл., причем перед *e*, *a* развивалось *i* или *j*. Ср. в летописях *Якунъ* из *Nakôn*.

⁴¹ Лекции, стр. 241—242 [Фортунатов, 1919].

1-м слоге, как слабоударяемое, звучало с начальным *e*, а не *he*, и, следовательно, должно было измениться в *оше*, а в.-р. диалектическое *еще* могло получиться лишь из *hěšče* с сильным ударением на 1-м слоге.

7. Чередование начальных *e* (*he*)—*je*—*jь*—*o* в славянских языках

Чередование *ešče*—*ješče*, *eda*—*jeda*, *edva*—*jedva* могут объясняться тем, что в о.-сл. эти слова употреблялись с двояким ударением—на начальном и на последнем слоге. В первом случае перед *e* сохранялось начальное *h*, отпадавшее лишь позднее, во втором *h* отпадало, и перед начальным *e* развивалось *i* или *j*. Позднее варианты с начальным *e* (*he*) и *je* могли влиять друг на друга⁴².

Так же объясняется и чередование слов. *eden*, *ena* и пр., с.-х. *jědan*, *jědna* и пр., р. *odín*, *odná* и пр. Слов. *eden* восходит к о.-сл. слову с ударением на 1-м слоге, с.-х. и р. указывают на о.-сл. ударение не на 1-м слоге. Если в начале этого слова было придыхание, оно при ударении на 1-м слоге должно было сохраниться, откуда правильно слов. *eden*, *ena* (с отпадением придыхания уже на ю.-сл. почве), при ударении не на 1-м слоге—отпасть; в последнем случае перед *e* развивалось *j*, отпадавшее позднее в о.-р. яз., если во 2-м слоге являлось *i*; таким образом из о.-сл. **hedinъ*, **hedьnъ* и пр. с ударением не на 1-м слоге правильно получалось с.-х. *jědan*, *jědna*, п. *jeden*, *jedna*, р. *один*, *одна* или *една*. В слов. *edin* начальное *e* могло явиться позднее по аналогии с *e* в *eden*⁴³.

Чередование *ešče* или *ješče* и *ošče* (б. *оште*, в.-р. *ошио*, др.-р. **оце**), *jedva* или *edva* и *odva*, *ese* и др.-р. **осе** может объясняться тем, что в начале этих слов в о.-сл. могли быть частицы *e* (*he*) и *o* (*ho?*); русское *оше* могло получиться и из о.-сл. *ešče* со слабым ударением на 1-м слоге. С.-х. *joušte* представляет контаминацию *ješhte* с *oušte*⁴⁴. М.-р. *шче*, слов. *išče*, в.-л. *hišče*, н.-л. *hyšć*—из о.-сл. **jьšče*, а последнее могло получиться из редукции безударного частичного слова *ešče*.

Чередование *jetela* и *otela*, *orylъ* и н.-л. *herjol* или *jerjol* получает объяснение, если принять гипотезу Розвадовского о балт.-слав. измене-

⁴² Ср. Фортунатов, стр. 241, 242.

⁴³ Ср. Фортунатов, стр. 242, 243.

⁴⁴ Ср. Фортунатов, стр. 241, 242, 251.

нии начального a^o в e перед слогом с e . Именно, балт.-слав. корни $*a^om-$, $*a^or-$ должны были сохраниться без изменения перед суффиксами $*-olo$, $*-ilo$ (ср. лит. *amalas*, слав. *orьbъ*) и измениться в $*em-$, $*er-$ перед суффиксами $*-ela$, $*-eljo-$ (ср. слав. *jemela*, лит. *erelis*). О.-сл. яз. получил эти слова в двойном виде; позднее в говорах о.-сл. яз. *emela* могло изменяться в *omela* по аналогии с несохранившимся в нынешних славянских языках $*omolъ$, а *orьbъ* в *erьbъ* по аналогии с несохранившимся $*erebъ$. Русское *омела* могло получиться и из *omela*, и из *emela*.

Остаются необъясненными чередования *jemela* — *imela*, *jelša* — *olša*, *jelcha* — *olcha*, *jelito* — *olito*. Это чередование приходится возводить к о.-сл. эпохе, но чем оно вызывалось там, мы сказать не можем.

8. Время изменения начального e в o в русском языке

Наличие o из начального e уже в Син. Патерике и Изборнике 1076 г. показывает, что к этому времени начальное e в русском яз. уже изменилось в o . В то же время такие слова, как **оклнснастѣтъ**, **оксапсалмѣтъ**, **опорькистѣтъ**, **Опикоурѣтъ** и т. п., в памятниках конца XI и XII вв. свидетельствуют о том, что в то время, когда писались эти памятники или их оригиналы, закон об изменении начального e в o был настолько живой, что захватывал и слова, только что заимствованные из греческого яз. и не успевшие войти во всеобщее употребление. Когда этот закон возник, мы установить не можем. Киевская княгиня *Ольга* у Константина Багрянородного в X в. называется Ἐλγα, но это имя могло быть передачей того имени, которым называла княгиню ее скандинавская дружина (придыхания тогдашние греки не могли передать). Со скандинавскими именами *Helgi* и *Helga* русские славяне познакомились в X в., но произношение этих имен с o могло явиться как в X в., так и позднее.

Дополнения

Моя статья была послана в редакцию раньше, чем вышла 2—3 св. II т. журнала *Slavia* с обширной статьей проф. Г. А. Ильинского, посвященной тому же вопросу [Ильинский, 1923—1924]. Хотя, прочитавши ее, я не вижу надобности менять в чем-либо свои взгляды и аргументацию, но некоторые дополнения считаю нелишним сделать.

На стр. 233, возражая Колосову, И. указывает на то, что слово **олѣн**, встречающееся в древнерусских памятниках рядом с **єлен**, представляет правильную передачу лат. *oleum* и известно ст.-сл. памятникам. В данном случае он совершенно прав, и для меня непонятно, каким образом это слово попало в «Очерк» Шахматова (§ 231) [Шахматов, 1915] наряду со словами, перешедшими непосредственно из греческого языка и имеющими начальное *o* только в русских памятниках, притом в памятниках церковного письма, по большей части в виде редких исключений, тогда как слово **олѣн** в русских церковных памятниках обычно, а в ю.-сл. нередко.

На стр. 236, возражая Ягичу, И. говорит, что статья Ягича «заставляет верить в переход 'е в 'о перед мягкими, тогда как в других случаях этот переход наблюдается только перед твердыми». По отношению к Ягичу это отчасти верно, потому что Ягич связывает изменение начального *e* в *o* в русском языке с позднейшим русским изменением *e* в *o* перед твердыми (т. е., надо думать, тогда лабиализованными) согласными. Но вообще эти два явления не однородны, и одно другому не мешает. Возможность перехода в русском языке в *o* именно начального *e*, а не *je*, И. опровергает вопросами: «Почему тогда произошло расширение (sic), которое происходит (так: наст. вр.!) перед твердыми согласными после мягких? Позвоительно ли предполагать, что зачинное *e* имело ту же судьбу, как *e* после мягких? Против этого говорит междометие *э*, но не особенно решительно ... Да и построение беспризвучной формы неудобно, потому что все славянские языки указывают на *j*». Но предполагаемое Колосовым, Фортунатовым и др. изменение начального *e* в *o* в русском языке — явление другой эпохи и вызывалось иными условиями, чем изменение *e* в *o* после мягких. Кроме того, как раз именно не все остальные славянские языки указывают на начальное *j*: Супр. и древнейшие памятники русского письма указывают на ст.-сл. говоры, в которых именно в этих случаях (**єзеро**, **єлень**, **єрльвь**) было начальное *e* без йотации; к таким же говорам с начальным *e* только в этих случаях восходят и н.-л. *heleń*, *hemjelina*, *hemjoł*, *herjeb*, *herjebina*.

На стр. 237 И. повторяет сказанное им в Прасл. грамм. [Ильинский, 1916], что «написания **єлень**, **єсень**, **єдинъ** и т. п. ... отражают влияние югослав. орфографической традиции; так как в русс. языке эти слова звучали с начальным *o*, то писец оставлял их, как несколько чуждые для своего уха, в том же виде, в каком находил их в своем оригинале». Но южнославянской орфографической традиции, усвоенной русскими писцами, свойственно было последовательное употребление начального **ѣ**; поэтому написание в русских памятниках с начальным **ѣ** без йотации только известной группы слов указывает на такие южнославянские оригиналы, в которых начальное **ѣ** без йотации писалось именно в этой группе. Что такие южнославянские оригиналы существовали, показывает Супр., которая по употреблению начальных **ѣ** и **ѣ** совпадает с значительной частью русских памятников XI и XII вв. Кроме того, можно заметить, что русские писцы произносили с начальным *o* в живой речи не только *олень* и *озеро*, но и слова *одинъ*, *оже*, *олико* и, однако, писали их обычно с начальным **ѣ**, тогда как слова *елень* и *езеро* (не *есень*, неизвестное мне из памятников, различающих начальные **ѣ** и **ѣ**) во всех памятниках, не смешивающих **ѣ** и **ѣ**, последовательно пишутся с начальным **ѣ**.

Там же по поводу слов *есе*, *еже* (!), *еда* И. замечает: «Ведь, как показал Meillet..., они слышались обыкновенно в начале предложений». Meillet не «показал» этого, а только предположил, что отсутствие начального *j* в словах *есе* и *еда*⁴⁵ могло быть связано с употреблением их в начале предложений. Мои замечания по поводу этого см. выше.

Далее И. говорит: «Что же касается до нлж. *he-* (в словах *heleń* и пр.), то доказательная его сила равна почти нулю, и именно потому, что звук *h* появляется в этом языке не только перед *e-*, но и перед другими гласными, в том числе даже перед *i*». Верно, что *h* в начале слова в части н.-л. языка развилось перед всеми начальными слоговыми гласными, но только перед слоговыми, а не перед *i* и не перед *j*. Следовательно, слова *heleń*, *hemjelina*, *herjeb* и пр. в н.-л. восходят непосредственно к словам с начальным *e*, тогда как в других словах присутствие начального *j* перед *e* во всем н.-л. языке указывает на то, что в ту эпоху, когда в н.-л. языке перед начальными гласными развивалось *h*, в этих других словах было начальное *je*.

Замечания И. на стр. 240 по поводу гипотезы Шахматова представляют повторение того, что говорилось им в Прасл. Гр., и рассмотрены мною выше.

На стр. 250 и 251 И. противоречит сам себе, утверждая сначала, что *a* в прусском *assarān* «не позволяет сомневаться» в том, что в слове *озеро* звук *o* из старого *o* или *a*, а не из *e*, а потом, что в прусском *assanis* «начальное *a* может фонетически заменять *e*». Вернее второе.

Главную часть статьи И. составляют его этимологии каждого отдельного слова, имеющего в русском языке начальное *o* в соответствии с начальным *je* других славянских языков. В этих этимологиях он доказывает возможность существования в о.-и.-е. языке дублетов с начальными *o* и *e*, к которым восходят, с одной стороны, русские слова с начальным *o*, с другой — слова других славянских языков с начальным *je*. Я уже привел выше соображения, по которым считаю гипотезу И. в целом совершенно невероятной, и потому простая возможность существования таких дублетов в о.-и.-е. языке не является для меня аргументом в пользу того, что выдержанная система соответствий русского языка с другими славянскими и балтийскими языками восходит к этим предполагаемым о.-и.-е. дублетам и что, таким образом, общерусский язык сохранил отношения, существовавшие еще раньше конца балтийско-славянской эпохи, т. е. не меньше, чем за 1000 лет до его образования. Ввиду этого не считаю нужным оспаривать вероятность сближений, делаемых Ильинским, не идущих далее простой возможности.

Впрочем, несколько замечаний все-таки сделаю. На стр. 251, чтобы связать предполагаемое им для основ *ozer-* в р. *озеро* и *ezer-* или *jezer-* в соответствующих словах других славянских языков о.-и.-е. чередование *o* и *e* с греч. ἀζερούσια, И. выводит начальное *α* этого слова из о.-и.-е. *e*, т. е. допускает, что в о.-и.-е. языке

⁴⁵ Не в слове **южк**, о котором Meillet не говорит и которое всегда пишется с начальным **ю**.

общая основа этих слов являлась в 3 вариантах, из которых по крайней мере два предположены только для того, чтобы объяснить происхождение *o* в одном только русском *озеро*⁴⁶.

Любопытно рассуждение на стр. 262: «Сопоставление бр. *евня* и лт. *jaũja* с гр. ζεία» ... и т. д. до конца абзаца. Это рассуждение странно читать у И., который легко выводит из одного значения «палка» значения «колоть» и «стоять» (Сборник в честь Ляпунова [Ильинский, 1922], ср. *Slavia* II, 131 [Дурново, 1923]), связывает семасиологически *тельзу* со *слегой* (Изв. XXIV, 1. 118 [Ильинский, 1922а]), *багор* с понятием «ломать» (ib. 120), *ковригу* с *ковычкой*, *клюкой* (м.-р. *ковінька*), *ковылём*, *снопом* (п. *kawiorek*), *кивером* и *локоном* (ib. 123—124), понятие «мучить» с *лемехом*, *лесом* и *ямой* (см. ниже) и т. д. В данном же случае мне представляется одинаково вероятным и то, что первоначальное значение слова *овин* исходило из понятия печи, и то, что оно исходило из понятия зернового хлеба. *Овин* — «помещение для сушки зернового хлеба в снопах». Если в сознании изобретателей этого слова в момент его изобретения данным было понятие «зерновой хлеб в снопах», то названием могло быть выражено понятие «место для сушки»; если же данным было понятие «печь» (печи бывают разные), то названием должно было быть выражено понятие «зерновой хлеб в снопах».

К стр. 264. Происхождение сев.-великор. *омеж* (Даль [Даль, I—IV], Шахматов), *омех* (Преобр. ЭС [Преображенский, I—XIV]; откуда?), *омешики* (олон. старины) и для меня, как и для Шахматова, неясно. Соблазнительно сопоставить это слово с с.-х. *жемьеш*, как и делает Шахматов, и предположить существование в о.-сл. варианта **jemešь*, откуда **emešь* и далее в русском языке **omešь*. Но форма **jemešь* или **emešь* славянскими языками не засвидетельствована, и потому возможно, что это два разных слова; в последнем случае этимология сев.-великор. *омеж* для выяснения вопроса о причинах соответствия русского начального *o* начальному *je* других славянских языков безразлична. Гипотезу И., что с.-в.-р. *омеж* родственно неславянским словам, начинающимся с *от-* или *ото-* (а также *soto-*, *јото-*? ср. пример. «гр. ὀμοῖος»)⁴⁷ и связанным с понятием «мучить», сербскому диалектич. *Ѡтога* «лес»

⁴⁶ Ссылка И. на существование в Эпире географ. названия ^ωΟζερος ничего не говорит: если это название действительно заимствовано греками непосредственно из какого-то слав. языка, то *o* вместо *e* могло развиться и на греч. почве, т. к. греческим эпирским говорам известен переход начального *e* в *o* в своих словах (см. Kreitschmer в *Schriften der Balkankommission* VI. 141—142, Hatzidakis, *Einleitung* etc.); каким изменениям должно было подвергнуться то же название, если оно перешло к грекам через албанское посредство, не знаю.

⁴⁷ В аттич. и κοινή слово ὀμοῖος имело только значение «подобный, одинаковый». Но у Гомера нередки выражения: ὀμοῖος πλόεμος, νεῖκος ὀμοῖον, ὀμοῖος θάνατος. Обычное толкование их пытается исходить из того же понимания слова ὀμοῖος (ср. Passow [Пассов, 1912], Вейсман [Вейсманнов лексикон, 1731] и др.), но некоторые (ср. Menge-Güthling, *Griech.-Deutsch. Wörterb.*) переводят здесь ὀμοῖος как «мучительный», предполагая в этом слове тот же корень, что и скр. *atīwā* и др.

и о.-славянскому *jata* «яма», и что в то же время о.-сл. *jata* «не имеет ничего общего» с похожими словами других и.-е. языков, обозначающими яму, как, например, лтш. *jīta*, греч. ἄμρα, я решительно отказываюсь понимать: какие семасиологические и фонетические признаки И. считает достаточными, чтобы допускать или отвергать родство тех или других слов?⁴⁸

На стр. 266 по поводу соответствия м.-р. *орябок*, *орябина*, церк.-сл. **кРАВЬ**, с.-х. *жерев*, *жеревика* и пр. И. замечает, что «формы с **к**- не чужды и др.-русс. яз., ср. **кРАВЬ** (Усп. Сб. XII в.)». Но в Усп. Сб. слово **ЕРАВЬ** (не **кРАВЬ**!) встречается лишь в Беседе Кирилла Александрийского о Богородице и оо. Ефесского собора, в переводном памятнике не русского, а церк.-слав. происхождения, и вообще это слово известно в таком виде (с начальным **ε** или **κ**) только из памятников церк. письма, а потому не может рассматриваться как исконное слово др.-р. языка. Самое написание **ЕРАВЬ**, повторенное в Усп. Сб. дважды на л. 268 с начальным **ε** без йотации: **κΓΔ ΕΡΑΒΥ** и **εΨΠΓϚ ΕΡΑΒΥ**, может, хотя и не наверное, указывать на то, что 2-му писцу Усп. Сб. или писцу его оригинала это слово было известно в церковном произношении без йотации, т. к. этот писец в общем довольно последовательно, хотя и не так, как первый писец, различает начальные **ε** и **κ**. Так, в названной «Беседе» (лл. 265 об.—270) **κ** пишется постоянно в словах: **κγο** (2 раза), **κγοже** (3 р.), **κμοу** (6 р.), **κμοуже** (4 р.), **κяже** (15 р.), **κже** (35 р.), **κси** (2 р.), **κсть** (1 р.), **κдинь** (2 р.), **κдина** (1 р.), **κдино** (1 р.), **κдиногo** (2 р.), **κдиноу** (1 р.), **κдинородьца** (2 р.), **κльма** (2 р.), **κще** (2 р.); **ε** — в греч. словах **неремина**, **елиньскоу**, **архнѣппа** (2 р.), **ефесьскѣти**, **ефесьстѣ**, **ефесьскѣтимъ**, **еферьскаго**, **въ еуангелии**, **евнглиста**, **евангелистомъ**, **евангльскѣта**, **евангльстѣи**, **еммануилъ**, **елѣа**, а также в слове **еравь** (2 р.); буква **ε** вместо **κ** в словах 1-й категории является в следующих примерах: **εΨϚϙ ϙε же погонанимъ** 268^б, **оцихъ еже (в)ъ ефесьстѣ съ||ворѣ** 265 об^{а—б}, **ороужнемъ** 269 об^а, **прѣслоуша его** 269 об^б; наоборот, **κ** вместо **ε**: **κрѣискѣти** 266^а, и **κаньско** 266^б, в обоих случаях после **и**. Если же слово **ЕРАВЬ** в церковном чтении произносилось с начальным **ε** без йотации или восходит к ст.-сл. оригиналам, где оно писалось с **ε**, то оно, очевидно, входит в ту же группу, как и слова *езеро* и *елень*, что подтверждается и н.-л. говорами, где слова с той же основой произносятся с начальным **he-**: *herjev*, *herjebc* и пр., а следовательно и м.-р. *орябок*, *орябина* можно выводить из о.-сл. слов с основой *ereb-* без начального **j** в говорах. Что касается чакавского *orebice*, то строить на нем какие-либо выводы я не решаюсь.

Не знаю, как в таком случае должно объясняться густое придыхание перед *o*. Кроме того, такое понимание мне представляется натянутым, так как эпитет «мучительный» к понятиям войны, боя и смерти в бою не подходит, особенно в героическом эпосе; скорее можно бы ждать эпитета со значением «уничтожающий, истребительный» и т. п. А в таком случае и сопоставление греч. ὀμοῖος с санскр. *atīvā* и пр. теряет всякую убедительность.

⁴⁸ Делая такое замечание, я, однако, не берусь решать, стоит ли слав. *jata* в родстве с лтш. *jīta* или греч. ἄμρα, вследствие недостаточного знакомства с другими и.-е. языками.

На стр. 267 И. не совсем верно понимает Фортунатова, говоря по поводу русского *омёла*, что Фортунатов «сам не совсем был уверен в доказательной силе этого примера». Для Фортунатова этот пример сам по себе не являлся доказательством перехода в русском яз. начального *e* без йотации в *o*; такой переход доказывается другими примерами, но н.-л. *hemjot* и *hemjelina* говорят за то, что в говорах о.-сл. яз. и в этом слове, как и в словах *езеро* и *елень*, *j* перед *e* отсутствовало, и таким образом подтверждают гипотезу Фортунатова в той части, где говорится об о.-сл. диалектическом отпадении (или отсутствии) *j* перед *e*, за которым следовала немягкая согласная, если в следующем слоге были гласные *e* или *ė*; русское же *омёла* с одинаковым правом может выводиться и из о.-сл. диалектического *emela*, и из *omela*.

На стр. 267—270 И. пытается решить вопрос о происхождении числительного *jedinъ*, русск. *один*. Этот вопрос мне представляется в сущности неразрешимым, поскольку он выходит за пределы о.-сл. эпохи, потому что нам неизвестны слова других и.-е. языков, которые могли бы быть приведены в связь с этим словом славянских языков. Можно только предполагать ввиду существования в слав. языках основы *in(o)-* с тем же значением (ср. ст.-сл. *инокъ*, *инорогъ*, *иночадъ*), что слово *jedinъ* или *jedъnъ* сложное и что во вторую часть его входит та же основа *in-* или *ъn-*. Эту последнюю можно с некоторой вероятностью, как это и делает большая часть ученых, сблизать с др.-лат. *oinos* (класс. лат. *īnus*) и т. п., видя в ней слабую ступень того же корня, с о.-и.-е. *ī* (ср. Фортунатов, Краткий очерк сравн. фонетики 161 [Фортунатов, 1922]). Но та часть слова, которая стоит перед этим *-inъ* или *-ъnъ*, остается все равно необъяснимой, независимо от того, будем ли мы связывать ее с начальным *jed-* в слове *jedъva* или нет. Гипотезы же, отвергающие присутствие в слове *jedinъ* основы *in-*, не выходят из области чистых гаданий. Говоря словами И. (стр. 269), существование в о.-и.-е. яз. и фортунатовского *hed-*, и бругманновского *edhi-*, и предполагаемых Ильинским *edhi-*, *edho-* и *odhi-*⁴⁹ одинаково «не подтверждается никакими позитивными фактами, почему на беспристрастного читателя» эти гипотезы (по И., только гипотеза Фортунатова) производят «впечатление придуманных ad hoc». Гипотеза же Педерсена, принятая и Бернекером EW [Бернекер, I—II], что здесь к слову *inъ* присоединилась форма имен.-вин. пад. ср. р. *ed*, представляется мне маловероятной. Хотя форма *ed* и может быть восстановлена для о.-и.-е. языка, но самое соединение ее с формами всех падежей и чисел местоимения *inъ* я считаю невозможным. Но если мы не можем гадать о том, были ли в о.-и.-е. яз. частицы *ed-*, *hed-* и т. д., то мы можем сделать некоторые выводы относительно произношения числительного *jedinъ* в эпоху распада о.-сл. языка на

⁴⁹ Бругманн, как и И., не выделяет из слова *jedinъ* в качестве его второй части основу *in-* или *ъn-* со значением «один», а разлагает *jedinъ* на части: *e* (указат. частица) + *dhi* (формант наречия с местным значением = греч. *θι*) + *no* (суффикс). См. KVGg. §§ 441, 495, 580 [Бругман, 1902—1904]. Не понимаю, как из этого соединения могло получиться слово со значением «один» и чем гипотеза, отказывающаяся удовлетворительно объяснить только нач. *jed-*, хуже.

основании сопоставления показаний всех славянских языков. Именно, в словенском и говорах чешского яз. это слово звучит с начальным *e*, а не *je*. Между тем в словенском начальное *j* очень устойчиво, и предполагать отпадение его в этом слове на почве словенского языка у нас нет оснований. Следовательно, форму без йотации надо относить к говорам о.-сл. языка. Чем же это отсутствие *j* могло быть вызвано? Отсутствие *j* перед *e* в зависимости от характера гласных следующего слога было известно только тем говорам о.-сл. языка, к которым восходят ст.-сл. (или его говоры), русский и часть н.-л. языка; словенский язык указывает на говоры, в которых *j* являлось перед всяким начальным *e*. Ни положением в начале фразы, ни эмфазой отсутствие *j* перед *e* в числительном *edinъ* объяснить нельзя. Но вполне естественно предположить, что начальное *e* без йотации в слове *eden* в словенском такого же происхождения, как в словенском *esej* и т. п. Как я указал, предлагаемое Meillet объяснение начального *e* в этих словах из положения в начале фразы встречает ряд затруднений, как и объяснение этого *e* из эмфазы, и единственным приемлемым остается предположение Фортунатова, что в начале этих слов в о.-сл. было *h*, восходящее к о.-и.-е. *h*, тем более что это предположение отнюдь не является произвольным, придуманным, как кажется Ильинскому, ad hoc, так как оно не только позволяет связать указательную частицу, сохранившуюся в славянских языках в виде *e* или *he*, с латинской основой *ho-*, являющейся в лат. указательном местоимении *hoc* и пр., и славянское **ѣтеръ** с соблазнительно похожим на него греч. ἕτερος, но и объясняет происхождение придыхания в этих словах лат. и греч. языков; по крайней мере ученые, не разделяющие гипотезы Фортунатова, удовлетворительной этимологии лат. *hic* и пр. и греч. ἕτερος не дали⁵⁰. О.-и.-е. указательная основа или частица *he-* могла быть родственна с той частицей *e*, которая является в греч. ἕκεῖ, ἕκεῖνος, лат. *equidem* и др.; возможно, что *h* в начале слова в о.-и.-е. в эпоху его распада могло быть только перед ударяемыми гласными. Исходя из этих соображений, можно думать, что и словенское *eden* и пр. восходит к о.-сл. *hedъnъ* и пр. Но другие славянские языки (за исключением болгарского), в том числе и русский, не указывают на о.-сл. *hedъnъ*, так как и начальное *o-* русских языков, и начальное *je-* других славянских языков не могут восходить к о.-сл. *he-*. Следовательно, произношение *hedъnъ* и пр. в о.-сл. было только диалектическим, рядом с *jedъnъ*, *jedimъ* или *edinъ*, причем это различие могло зави-

⁵⁰ Ср. у Meillet, *Introd.*⁵ [Мейе, 1922]: «le latin a un démonstratif dont l'élément radical ne peut être rapproché d'aucun radical des autres langues» (287); F. Sommer, *Handb. D. latein. Laut- und Formenlehre* [Зоммер, 1914]: «An einer sichern etymologischen Verknüpfung von *hic* fehlt es bis jetzt» (§ 286). Т. к. лат. *h* вообще восходит к о.-и.-е. *gh*, то для *hic*, *hoc* и пр. предполагают обычно о.-и.-е. основы *ghi-*, *gho-* и сближают его с санскр. частицей *hi*, греч. χι (οὐχί, ναίχι), слав. (б., с., м.-р.) *зи* (Fick. *Vgl. Wb.* [Фик, I—IV], ср. Brugm. *KVGr.* § 848 [Бругман, 1902—1904]) и с санскр. *ha*, греч. *χε*, слав. *же* (Fick. *Vgl. Wb.*, Brugm. *KVGr.* § 851). Но эти частицы нигде указательного значения не имеют и везде ставятся после слов, к которым они относятся, и потому сближение с ними не может считаться убедительным.

сеть от места или качества ударения. Но русское *один* вполне объяснимо из о.-сл. диалектического *edinъ* без йотации, на существование которого указывают некоторые русские памятники церковного письма XI и XII вв., имеющие написание *единъ* хотя и редко, но не настолько, чтобы можно было объяснять его описками.

На стр. 269—270 и 272—275, говоря об этимологии слав. *jedinъ* и пр. и р. *один* и пр., а также об этимологии слав. *ješče* и *ošče*, И. не учитывает наличия в славянских языках кроме форм с начальными *je*, *o* и *jo* также форм с начальным *e* (см. выше) в тех слав. языках, в которых начальное *j* перед *e* вообще не отпадало.

На стр. 275 И. правильно считает ст.-сл. **ѡже** и др.-р. **оже** разными словами, хотя и преувеличивает, утверждая, что между ними нет «ничего общего». За то, что это разные слова (И. доказательств этому не приводит), говорит между прочим то обстоятельство, что **ѡже** в памятниках, различающих начальные **ѡ** и **ѣ**, всегда пишется с начальным **ѡ**, в противоположность словам **ѣзеро** и **ѣлень**, которые в русских памятниках церковного письма этой категории всегда пишутся с начальным **ѣ**, и в отличие от слов **ѣдинъ**, **ѣлико**, **ѣлишьды**, которые хотя изредка, но чаще, чем можно ждать от описки, попадают также с начальным **ѣ**.

Об *ese* и *oce* см. у меня выше. Добавлю, что *oce* вполне допускает и объяснение из о.-сл. **ese*, но на **hese* указывают как словенское *esej*, так и указательные слова всех славянских языков с начальным *e* или *he*. Впрочем, возможно, что было и **ese*, где придыхание отпало вследствие другого качества или места ударения; такое **ese* в русском яз. по общему правилу могло изменяться в *ose*.

К стр. 276. Древнерусские *олико* и *олишьды* ввиду 1) наличия *o* в слове *один* тоже только в русских языках, 2) изредка встречающегося в памятниках русского письма, не смешивающих **ѡ** и **ѣ**, написания этих слов с **ѣ** и 3) установленного соответствия русского *o* начальному *je* других славянских языков и начальному *e* говоров ст.-сл. и н.-л. языков перед слогом с *e*, нет никакой надобности не считать получившимися из о.-сл. *eliko* и *elišdy*.

Свою гипотезу И. пытается подкрепить м. пр. ссылкой на некоторые единичные примеры из русских говоров с начальным *je* вместо ожидаемого *o* или из других славянских языков с начальным *o* вместо ожидаемого *je*. На этих примерах я не останавливался выше ввиду их единичности и недоказательности. Сюда относятся в великор. говорах новгор. *езеро* и *лезеро*, ряз. *есень*, тамб. *есенясь*, в хорв. яз. чак. *orebiće*; сюда же можно добавить и чеш. *oseň* (Kott. Č.-N. Sl. [Kott, I—VII]), о котором И. не говорит, но на которое ссылается А. И. Соболевский (Лекции⁴ 31 [Соболевский, 1907]). Откуда взял И. новгор. *езеро* и *лезеро*, не знаю⁵¹: в известных

⁵¹ О **кззеро**—**лезеро** писал М. Колосов. «Говоря о древностях языка Паозерья, некоторые лица в Новгороде уверяли меня, что местами там можно слышать слово *озеро* в древней форме **кззеро**. Там, где я был в Паозерье (Ям., Кор., 36), такой формы нет. Считаю, однако, вполне возможным, что форма **кззеро** местами существует; но, без всякого сомнения, она не остаток доисторической древности, а очень позднее явление, предполагающее между собой и *озеро* посредствующую форму *йозеро*. Это явление того же рода, что встречающееся местами свр. *ен*, *ены* из *он*, *оны*—че-

мне диалектологических материалах эти слова мне не попадались. Думаю, что это заимствование из церк.-слав.; поблизости от Новгорода такое заимствование вполне естественно. Как чужое слово, *езеро* легко могло подвергнуться и изменению в *лезеро*; в своих словах начальное *je* в в.-р. остается без изменения. Тамбовское *есеи́сь* (только у Даля), вероятно, — *исини́сь*; в таком случае начальное *и* здесь такого же происхождения, как и в ю.-в.-р. *игури́ць* (при каких-то условиях из редуцированного безударного гласного звука). Слово *есень* встретилось только у Даля, у которого оно помечено как рязанское; другие записи по южновеликорусским говорам такого слова не знают. Не извлек ли его Даль из твор. ед. *исянью́*, где начальное *и* такого же происхождения, как и в нередких в ю.-в.-р. *игаро́т*, *иднаму́*, *итанфи*, *ибману́ть*, *ипя́ть* (ср. мои Диал. Раз. I. 33 [Дурново, 1917]) и др.? Чак. *ore-biše* известно мне только по ссылке Шахматова на Белича, без более точных указаний; в других источниках это слово с начальным *o* мне не попадалось; точно так же неизвестно мне из чеш. яз. и слово *oseň*; в словаре Котт'а оно приведено без указания источника. Строить какие-ниб. выводы на таком неизвестном материале я не считаю себя вправе: существование этих единичных слов не меняет того факта, что в сербском и чешском языках русскому *осень* и малорусским *о́рябок*, *о́рябина* правильно соответствуют слова с начальным *je-*, как и словам *олень*, *о́сётр*, *один*⁵².

Взглядов Ягича, Вондрака, Бернекера и др. я не касался, хотя «Критич. Зам.» Ягича [Ягич, 1890], Vergl. Gr. Вондрака [Вондрак, 1924] и Etym. W. Бернекера [Бернекер, I—II] были мне известны, потому что не вижу необходимости вступать в полемику и этим увеличивать и без того слишком разросшуюся статью там, где доказательства от этого не становятся более убедительными.

рез *йон*, *йоны*». В примечании 2-м сообщено: «При форме *кзеро* слышится, как говорили мне, и *лезеро*. Это л есть, конечно, видоизменение йота». М. А. Колосов, Заметки о языке и народной поэзии в области северно-великорусского наречия (Сборник Отд. Рус. Яз. и слов. И. Ак. Н. Т. XVII. 1877 г.), стр. 12. Ссылка на это сообщение была сделана им в своем «Обзоре звуковых и формальных особенностей народного русского языка» (Варш. 1878), стр. 167. Недавно сообщение Колосова использовал П. А. Бузук в своей статье «Лингвистические заметки», Ученые Записки Высшей школы г. Одессы, т. II, 1922, стр. 26.—Прим. А. Селищева.

⁵² В письме ко мне И. указывает еще один пример: *одынаѹе* в Син. Пс. 101^б₁₉. Но там написано *їнаѹе*, как в Пог., и лишь позднее, неизвестно кем, надписано сверху *ѡ ѡ ѡ*.

2. Гласные из *en, et* перед носовыми в общеславянском⁵³

(Посвящается профессору И. Зубатому)

Проф. Зубатому, кажется, первому принадлежит попытка объяснения тех случаев, в которых ст.-сл., польск. и чеш.-слов. языки имеют гласные, совпадающие с рефлексами старого *ě*, а русский, с.-х. и словен.— гласные, совпадающие с рефлексами старого *e*. Он обратил внимание на то, что в этих случаях такие гласные стоят перед *n* или *m*, и предположил, что они восходят к первоначальному сочетанию *en*, изменявшемуся в положении перед носовыми согласными в одних говорах о.-сл. языка в *ē*, откуда далее *ě*, а после смягченных *a*, в других— в *e*. Сюда относятся, по мнению проф. Зубатого, *a*) глагол, известный из ст.-сл. памятников в виде **помѣнѣти**, реже **поманѣти**, а из памятников русского письма только в виде **поманюти**, *b*) суффикс прилагательных, являющийся в ст.-сл. в виде **-ѣн-**, в пол. **-an-**, чеш.-слц. **-ěn-**, р. **-an-** (в старых памятниках **-ан-**, реже **-ган-**), с.-х. **-en-**, со значением, по большей части, «сделанный или состоящий из такого-то материала», ср. ст.-сл. **камѣнѣ**, **дрѣвѣнѣ**, **роумѣнѣ**, др.-р. **каманѣ**, **дереванѣ**, **роуманѣ** и пр., и *c*) по-видимому, основа, известная из ст.-сл. памятников в виде **прѣм-**, а из русских в виде **прам**⁵⁴.

Проф. Вондрак предположил, что ту же судьбу в о.-сл. могло иметь и сочетание *em* перед *n*; такое *em*, по его мнению, было первоначально в о.-сл. ***lěнь** из ***temnъ**, где *ě* из *em* перед *n* получилось во всех говорах о.-сл. языка, и в том слове, которое в русском языке сохранилось в виде **грянуть** «прогреметь» (об ударе грома), из первоначально-го ***gremnonti**; в последнем р. **'a** — из о.-сл. *e*⁵⁵.

⁵³ Настоящая статья написана более двух лет тому назад. За это время мои взгляды на некоторые вопросы, затронутые в ней, изменились. Но в корректуре я ограничился лишь частичными поправками, оставив нетронутыми некоторые второстепенные подробности, которые теперь понимаю иначе, и соображения, которые разделяю и теперь, но нахожу недостаточно обоснованными в статье. В основном мое понимание тех звуков слав. языков, которые я вывожу из неносового гласного звука о.-сл. языка, обозначаемого мною через *ě₂*, остается то же.

⁵⁴ См. Zubatý, *AslPh.* XV. 496 слл. [Зубатый, 1893]; Meillet, *Ét.* 434, 436—843 [Мейе, I—II]; он же, *Le slave commun* § 392 [Мейе, 1924]; Vondrák, *VGr.*² I, 80, 529 слл. [Вондрак, 1924].

⁵⁵ Vondrák, *ВВ.* 29. 173—178 [Вондрак, 1905]; *VGr.*² I. 80, 83, 191, 416, 643 [Вондрак, 1924].

Акад. Шахматов выставил гипотезу, по которой в этих, а также и в некоторых других случаях в говорах о.-сл. языка не было носового гласного звука, а являлся особый неносовой гласный звук, определяемый им как *ǎ* и получившийся, по его мнению, нефонетически вместо *ě*⁵⁶.

Мои наблюдения над правописанием памятников русского письма XI и нач. XII вв. привели меня к выводу, что уже южные славяне, с которыми русские имели дело в XI в., произносили в глаголе **помѣнж-ти** и в суффиксе прилагательных **-ѣн-** гласный звук, отличный и от того звука, который они обозначали буквою **ѣ** в других случаях, и от того, который они обозначали буквою **ѡ**. Этот гласный звук, обозначаемый мною через *ǎ*₂, получался, по моему мнению, из особого чистого (неносового) гласного звука о.-сл. языка, отличавшегося, по крайней мере, в говорах о.-сл. языка, от *ě*, являвшегося в других случаях, большей открытостью. В дальнейшем изложении пользуюсь для этого звука о.-сл. языка обозначением *ǎ*₁.

Недавно⁵⁷ я узнал, что проф. кн. Н. С. Трубецкой также предполагает в этих случаях еще в о.-сл. неносовой гласный звук, отличный от *ě* и определяемый им как *ē* открытое. По мнению кн. Трубецкого, такое *ē* открытое получалось в говорах о.-сл. языка из всякого *ē* перед носовыми согласными⁵⁸.

Остановлюсь подробнее 1) на соображениях, заставляющих меня предполагать в о.-сл. или его говорах существование в известных случаях особого неносового звука, отличного от *ě*, рефлекс которого в отдельных славянских языках совпали либо с рефлексами о.-сл. *ě*, либо с рефлексами о.-сл. *el*, и 2) на выяснении того, при каких условиях являлся этот звук (*ǎ*₂) в о.-сл. Начну с примеров, указанных проф. Зубатым.

⁵⁶ См. Шахматов, Изв. VI, 4, 269 слл. [Шахматов, 1901]; Очерк §§ II. 197—202 [Шахматов, 1915].

⁵⁷ В 1925 г.

⁵⁸ Свои соображения кн. Трубецкой подробно изложил в письме ко мне. С его любезного разрешения я позволил себе воспользоваться некоторыми из предложенных им этимологий (*polěno, sěň, těme*). Замечу, что кн. Трубецкой предполагает в о.-сл. *ě*₂ (обозначение мое, но принятое и им) также и в суфф. существительных *-ѣнин-*, *-ѣн-*. На слово *гольмъ* я первоначально не обратил внимания и воспользовался указанием кн. Тр. Наоборот, р. *лѣмка* (чеш. *lítes* и пр.), *дрянь*, *няня* кн. Трубецкой не привлекает.

а) Если признать из двух вариантов ст.-сл. памятников **помѣнѣти** и **поманѣти** первый, как засвидетельствованный старшими памятниками, более первоначальным, то чередование этих вариантов можно объяснять тем, что звук **ѣ** был заменен звуком **а** под влиянием форм **помянати**, **помынѣти**, **память**. Такое объяснение годилось бы и для памятников русского письма, но ввиду того, что такое же **а** в соответствии со ст.-сл. **ѣ** имеется и у прилагательных с суффиксом **-ѣн-**, можно думать, что происхождение **а** в этом глаголе в русских памятниках такое же, как и в суффиксе **-ан-**. В нынешнем русском языке этот глагол известен исключительно с 'а, ср. не только *inf.* *помянуть*, где *я* может быть и орфографическим, но и 2 *sg.* *помянешь*, 3 *sg.* *помянет* и пр. В с.-х. литературном *помѣнути е* могло получиться и из о.-сл. *ě*, и из *е*, и из *е*. В чеш.-слц. и пол. имеются гласные, восходящие к о.-сл. *е*: чеш. *řřipomenouti*, *upomenouti*, *uzpomenouti*, слц. *řřipomenút'*, пол. *upromionąć*, *wspromionąć*. Возможно, как и предлагает проф. Зубатый, что чеш.-слц. и пол. глаголы не тождественны по происхождению со ст.-сл. Показания русского и с.-х. языков не противоречат тем, какие дают те же языки относительно суффикса прилагательных типа **камѣнь**.

б) В суффиксе прилагательных типа **камѣнь** ст.-сл. имел **-ѣн-** не после смягченных, **-ан-** после смягченных; нынешние ю.-сл. языки не после старых смягченных имеют *-en-*; при этом в с.-х. такое *-en-* является как в экавских, так и в екавских и икавских говорах; после старых смягченных в с.-х. обычно *-an-*, но в части говоров также *-en-*; в остальных ю.-сл. языках только *-en-*; в чеш.-слц. во всех случаях — *-ěn-*⁵⁹, а в русском (в широком смысле, т. е. в в.-р., м.-р. и б.-р.), пол.-каш. и в обоих луж. во всех случаях *-an-*, с мягкими или шипящими согласными перед *a*⁶⁰. Примеры⁶¹:

Ст.-сл. **вагрѣнь**, р. ц.-сл.⁶² **вагъранъ**, **вагъраница**, б. *багрена* «ложная акация», с.-х. *багрѣн* (XIII в.), *багрѣна* «ложная акация», слн. *bagrĕn*, в.-р. *багрѣнный*, м.-р. *багрѣнный* (в в.-р. и м.-р. — из ц.-сл.); с.-х. *Bresteni* — мес-

⁵⁹ Т. е. *-en-* или *-jen-* с известными изменениями предшествующих согласных.

⁶⁰ В в.-р. и б.-р. вследствие тех изменений, которым подверглись в этих языках неударяемые гласные, показательным является *-an-* только под ударением.

⁶¹ Примеры взяты по большей части из словарей; исчерпывающей полноты я не преследовал.

⁶² «р. ц.-сл.» — слова, встречающиеся в ц.-сл. памятниках русского письма XI и нач. XII вв.

течко около Сплита (в области икавского говора), в.-р. *берестяной*, п. *brześcianu*; б. *брашненъ*, с.-х. *брашнен*, м.-р. *борошняний*; ст.-сл. **ВЛАСЪНЪ**, р. ц.-сл. **ВЛАСАНЪ**, **ВЛАСНИЦА**, в.-р. *волосяной*, *волосянка*, м.-р. *волосяний*, п. *włosianu*, в.-л. *włosanu*; р. ц.-сл. **ВОДАНЪ**, с.-х. *воден*, слн. *vodĕn*, в.-р. *водяной*, *водянка*, м.-р. *водяний*, чеш. *vodĕná*, в.-л. *wodzánú*; слн. *vetrĕn*, в.-р. *вѣтряный*, *ветряная мельница*, *ветрянка*, м.-р. *вѣтряний*; р. ц.-сл. **ВЪЛНАНЪ**, б. *вълненъ*, с.-х. *вўнен*, слн. *voĭnĕn*, м.-р. *вовнянка*, чеш. *vĭnĕnú*, п. *wetnianu*, в.-л. *woĭnianu*; р. ц.-сл. **ГЛИНАНЪ**, с.-х. *глинен*, слн. *glinĕn*, в.-р. *глиняный*, м.-р. *глиняний*, чеш. *hlinĕnú*, п. *glinianu*, в.-л. *hlinjanu*, н.-л. *glinjanu*; ст.-сл. **ДРЪВЪНЪ**, р. ц.-сл. **ДРЪВАНЪ**, др.-р. **ДЕРЕВАНЪ**, в.-р. *деревянный*, м.-р. *деревяний*, чеш. *dřevĕnú*, п. *drzewianu* и *drewnianu*, в.-л. *drjewjanu*, н.-л. *drjejanu*; б. *дървенъ*, с.-х. *дрѣвен*, в.-р. *дровяной*, м.-р. *дровяний*, чешск. *drvěnú*; ст.-сл. **ИГЪЛЪНЪ** (Изб. 1073), р. ц.-сл. **ИГЛАНЪ**, б. *игленъ*, с.-х. *йглен*, слн. *iglĕn*, п. *iglanu*; ст.-сл. **КАМЪНЪ**, р. ц.-сл. **КАМАНЪ**, б. *каменъ*, с.-х. *кӓмен*, слн. *kámen*, м.-р. *кам'яний*; б. *костенъ*, с.-х. *кӓстен*, слн. *kostĕn*, в.-р. *костяной*, м.-р. *костяний* и *кӓстяний*, чеш. *kostĕnú*, п. *kościanu*, в.-л. *kościanu*; р. ц.-сл. **КРЪВАНЪ**, б. *кръвенъ*, с.-х. *крвен*, в.-р. *кровяной*; с.-х. *крупен*, в.-р. *крупяной*, п. *kruřianu*; р. ц.-сл. **ЛЕДАНЪ**, б. *леденъ*, с.-х. *лѣден*, слн. *le-dĕn*, в.-р. *ледяной*, в.-л. *lodžanu*; ст.-сл. **ЛЪНЪНЪ**, р. ц.-сл. **ЛЪНАНЪ**, б. *лененъ*, с.-х. *лӓнен*, слн. *lapĕn*, в.-р. *льняной*, м.-р. *льняний*, чеш. *lnĕnú*, п. *lnianu*; б. *масленъ*, с.-х. *мӓслен*, слн. *maslĕn*, в.-р. *мӓсляный*, м.-р. *мӓсляний*, п. *mařlanu*; б. *меденъ*, с.-х. *мѣден*, слн. *medĕn*, в.-р. *медвяный*, м.-р. *мѣдяний* «медовый»; ст.-сл. **МЪДЪНЪ**, р. ц.-сл. **МЪДАНЪ**, б. *мѣденъ*, с.-х. *мјѣден*, слн. *mĕden*, в.-р. *медянка*, м.-р. *мидяний*, чеш. *mĕdĕnú*, п. *miedzianu*, в.-л. *tje-džanu*; в.-р. *нитяный*, м.-р. *нитяний*, чеш. *nítĕnú*, п. *nićianu*; б. *овсенъ*, с.-х. *ӓсен*, слн. *ovsĕn*, в.-р. *овсяный*, м.-р. *вівсяний*, чеш. *ovsenú*, п. *owsianu*; ст.-сл. **ОЛОВЪНЪ** «свинцовый» (как во всех слав. языках, кроме русского), р. ц.-сл. **ОЛОВАНЪ**, б. *оловенъ*, в.-р. *оловянный*, чеш. *olovĕnú*, п. *olowianu*, в.-л. *wolojanu*; ст.-сл. **ОЦЪТЪНЪ**, р. ц.-сл. **ОЦЪТАНЪ**, б. *оцетенъ*, п. *ocćianu*, чеш. *octĕn*; в.-р. *перяной*, м.-р. *пер'ян*, п. *pierzanu*, лж. *pjerjanu*; ст.-сл. **ПЛАМЪНЪ**, р. ц.-сл. **ПЛАМАНЪ**, с.-х. *плӓмен*, слн. *platĕn*, м.-р. *пӓлом'яний*; б. *платненъ*, слн. *platnĕn*, в.-р. *полотняный*, м.-р. *полотняний*, чеш. *platnĕnú*, п. *plotnianu*; слн. *platĕn*, р. *платяной*, чеш. *platĕnú*; ст.-сл. **ПЛЪТЪНЪ**, р. ц.-сл. **ПЛЪТАНЪ**, слн. *poĭtĕn*, б. *плътеный*; р. ц.-сл. **ПРОСАНЪ**, б. *прӓсенъ*, с.-х. *прӓсен*, слн. *prosĕn*, в.-р. *просяной*, м.-р. *просяний*, п. *prořianu*; р. ц.-сл. **ПЪРТАНЪ**, с.-х. *прѣтен*, слн. *prtĕn*, в.-р. *портянка*, м.-р. *портяний* и *портняний*, п. *parćianu*; р. ц.-сл. **ПЪПРАНЪ**, б. *пӓпреный*, с.-х. *пӓпрен*, слн. *parpĕn*

ka, в.-р. *пръяный*; ст.-сл. **рамѣнѣ**, р. ц.-сл. и др.-р. **рамано**, в.-р. *рамјано*; ст.-сл. **роумѣнѣ**, р. ц.-сл. **роуманѣ**, с.-х. *румен*, слн. *rutēn* и *rutēn*, в.-р. *румјанный*, м.-р. *рум'яний*, чеш. *rutěny*, п. *rutianu* (и *rutionu*); м.-р. *рутяний* и *рутвяний*, чеш. *rouěny*, п. *rucianu*, в.-л. *rućanu*; слн. *setēn*, в.-р. *бессемјанка*, м.-р. *сім'яний*; б. *сламенъ*, с.-х. *слāмен*, слн. *slatnēn*, м.-р. *солóm'яний*, чеш. *slatěny*, п. *slotianu*, лж. *slotjanu*; ст.-сл. **стъклѣница**, р. ц.-сл. **стъкланница**, б. *стѣкленъ*, с.-х. *стākлен*, слн. *sklēn*, *steklēn*, в.-р. *стеклјанный*, м.-р. *склјаний*, чеш. *skleny* и *skleněny*; б. *сукненъ*, с.-х. *сѹкнен*, слн. *suknēn*, м.-р. *сукнјаний*, п. *suknianu*, лж. *suknjanu*; в.-р. *травяной*, м.-р. *трав'яний*, п. *trawianu*; ст.-сл. **трьнѣнѣ**, р. ц.-сл. **трьнанѣ**, б. *търненъ*, слн. *trnēn*, чеш. *trněny*; ст.-сл. **ѡумѣнѣ** и **ѡумѣнѣ**, р. ц.-сл. **ѡуманѣ**, с.-х. *јѣчмен*, слн. *ještēn*, п. *ječtiani*.

После старых смягченных:

Ст.-сл. **воштанѣ**, в.-р. *вошанный* и *вошаной*, м.-р. *вошаний*, чеш. *voštěny*; б. *дѣсченъ*, с.-х. *дāшчан*, слн. *deščēn*, в.-р. *чан* (из *дѣшчāн*), м.-р. *дошаний*; б. *земень*, с.-х. *земѣан*, слн. *zemljēn*, в.-р. *земляной*, *землјанка*, м.-р. *землјаний*; ст.-сл. **кожанѣ**, б. *коженъ*, с.-х. *кожан* и *кожен*, слн. *kožēn*, в.-р. *кѡжаный*, *кожāн*, м.-р. *кожанецъ*, чеш. *kožený*, п. *kožanu*, в.-л. *kožanu*; б. *конопенъ*, с.-х. *конопѣан* и *конопѣен*, слн. *konopljēn*, в.-р. *коноплјанный*, м.-р. *коноплјаний*, п. *konoplānu*, в.-л. *konopljanu*; ст.-сл. **можданѣ**, с.-х. *мождан*, *можден* и *можжен*; б. *огненъ*, с.-х. *огѣан* и *огѣен*, слн. *ognjēn*, м.-р. *огнјаний*, чеш. *ohněny*; слн. *reščēn*, в.-р. *песчанный*, м.-р. *пищанецъ*; ст.-сл. **рожанѣ**, м.-р. *рожаний*, чеш. *řížený*, п. *rožanu*; б. *рѡженъ*, с.-х. *ржан*, *ражан* и *ржен*, слн. *ržēn*, в.-р. *ржаной*, чеш. *rženy*, в.-л. *rženy*; ст.-сл. **оусниганѣ**, слн. *usnjēn*, чеш. *uspěny*.

Тот же суфф. в ст.-л. **прахнѣнѣ**, **оусмѣнѣ**, **пазѣнѣнѣ**, **цвѣтѣуанѣ**, с.-х. *свилен*, *гвозден* и *гвозѣен* (старая форма, с *a* после шипящей, сохранилась в названии с. *Гвождјани* в Боснии), в.-р. (частью только диалектич.) *безымјанный*, *жестяной* (ср. *жестянка*), *кремјанный* (пск., смол. Даль), *котлјанный* «котельный, темно-синий», *лубяной* (ср. *Лубянка*), *письмјанный* (и *письмѣнный*) «умеющий писать» (ср. с.-х. *пѣсмен*, слн. *pištēn* с тем же значением), *племјанный* (ср. ю.-в.-р., б.-р. и м.-р. *племѣнный* с другим суфф.), *ремјанка* «птичка *Sitta europaea*» (Даль; ср. пол. *rzotianu*), *слухмјанный* (и *слухмѣнный*) «послушный», *солянкой* (ср. *Солянка*), *стремјанный*, *стремјанка* «приставная лестница», *темјанный* (Даль)⁶³, *шерстя-*

⁶³ Ср. *Поставиша избу новую темяную*—2-я Новг. летоп. под 1569 г. (Срезневский).

ной и др.; м.-р. *вурдяний, горохвяний, жерстяний, слухмяний* и др., п. *gna-cianu, skórzanu, taśtianu* и др. Неясно 'а в в.-р. *каляный* «жесткий, затверделый».

Вывести гласные звуки, являющиеся в этом суффиксе во всех слав. языках, из одного и того же уже известного нам звука о.-сл. языка невозможно. К о.-сл. *ě* могли бы восходить только ст.-сл. **ѣ**, чеш. *ě*, слц. *e*, пол. 'а и, м. б., болг. *e*; что касается с.-х. *e*, являющегося, между прочим, и в тех говорах с.-х. языка, где из старого *ě* получились только *i* или *je*, русского 'а, словен. *e* и в.-луж. 'а, то эти звуки можно бы возводить к о.-сл. *e*⁶⁴; к о.-сл. *e* может восходить и болг. *e*. Но н.-луж. 'а нельзя выводить ни из о.-сл. *ě*, ни из о.-сл. *e*⁶⁵.

Наиболее простым казалось бы объяснение, принимающее, что различные гласные слав. языков в этом суффиксе восходят к о.-сл. колебанию *ě* и *e*, которое может объясняться различной судьбой сочетания *en* перед *n*. В н.-луж. в таком случае пришлось бы предположить аналогию со стороны таких прилагательных, как *kožan* и т. п.⁶⁶ В сравнении с этим объяснением более запутанной и менее правдоподобной с первого взгляда представляется гипотеза Шахматова⁶⁷. Он обращает внимание на то, что подобное различие между славянскими языками в произношении гласных звуков, совпадающих частью с рефлексам старого *ě*, частью с рефлексам старого *e*, частью отличающихся от тех

⁶⁴ См. Zubatý, Шахматов, Vondrák, оо. сс. Leskien, Unters. II [Лескин, 1885, 1893], S.-Кг. Gr. § 537, 538 [Лескин, 1914] предполагает, что с.-х. *en* в этом случае восходит к о.-сл. *en* и что этот суфф. тождествен с суфф. *-en-* в таких прилагат., как *zelen*. Предположение Л. маловероятно ввиду несомненной связи с.-х. прилагательных типа *lèden* с однородными прилагательными других слав. языков, а также с с.-х. образованиями с суфф. *-an-* после старых мягких. См. об этом в назв. работах Зубатого, Мейе и Шахматова.

⁶⁵ Ср. Шахматов, Изв. VI. 4. 281—282 [Шахматов, 1901].

⁶⁶ Впрочем, препятствием для такой аналогии должно было служить то обстоятельство, что прилагательных с суфф. *-an-* после смягченных было гораздо меньше, чем прилагат. типа *katěнь*. Но не исключена возможность и других объяснений н.-луж. *-an-*. Поэтому мне кажется, что само по себе н.-луж. *-an-* не делает гипотезы Зубатого неприемлемой.

⁶⁷ Подробное обоснование этой гипотезы в Изв. VI. 4 [Шахматов, 1901], конспективное изложение — в Оч. § 11, ср. ib. §§ 197—202 [Шахматов, 1915]. В статье Шахматов предполагал о.-сл. *ǣ* также в *imprepat.* и в начале слов с чередованием *ě-* и *ja-*. В Оч. об *imprepat.* не говорится, а начальные *ě-* и *ja-* объясняются иначе.

и от других, наблюдается в различных категориях, именно, кроме прилагательных типа *камѣнь*, также в суффиксе, образующем названия лиц по месту жительства или сословию, являющемся в ст.-сл. в виде *-ѡн-ин-* (*словѣнинъ* и пр.), далее, в словах, известных из ст.-сл. памятников в виде *пѣѡмо* и *сѣѡмо*, и в имперфекте на *-ѡхъ* (в русских памятниках *-лахъ*). Во всех этих случаях, по его мнению, в о.-сл. было *ä*, являвшееся вместо старого *ē* по аналогии с родственными образованиями, имевшими *a* после смягченных. Самые доказательства Шахматова представляются мне неубедительными. Маловероятно, по моему, возникновение переходного звука по аналогии; аналогия скорее всего привела бы к замене одного звука другим, уже существующим в языке. Не вижу оснований для изменения суффикса прилагательных *-ĕn-* в *-an-* или *-än-* по аналогии с суффиксом *-'an-*, потому что прилагательных отыменных с суффиксом *-ĕn-* было гораздо больше. Наконец, судьба суффикса вещественных прилагательных типа *камѣнь* и суффикса племенных названий типа *словѣне* была различна в славянских языках с самого начала, как показывают уже памятники русского письма XI в. Тем не менее, я думаю, что, выводя различные звуки слав. языков в рассматриваемом суффиксе из одного о.-сл. неносового звука, отличного и от *ĕ*, и от *e*, и от *e*, и определяя последний как более открытый, чем *ĕ*, Шахматов был прав.

Характерно совпадение между русскими, лехитскими и лужицкими языками, где в этом суффиксе одинаково является *a* после мягких и шипящих, с одной стороны, и между всеми нынешними ю.-сл. языками, где не после старых смягченных одинаково имеется *e*. Ср. ряд других явлений, объединяющих русские языки с лехитскими и лужицкими и отсутствующих в чеш.-сл. и ю.-сл., а также явления, общие всем ю.-сл. языкам, в отличие от русских и зап.-сл. Не делая пока из этого дальнейших выводов, обращаю внимание на некоторые факты, способствующие выяснению вопроса о том, какие гласные могли быть в рассматриваемом суффиксе в о.-сл.

Во всех ц.-сл. памятниках русского письма XI и XII вв., восходящих, по большей части, к памятникам ю.-сл. письма X и XI вв. и держащихся даже и в тех немногих случаях, когда они не восходят к ю.-сл. оригиналам, орфографии, усвоенной от ю.-сл. писцов, интересующий нас суффикс прилагательных пишется почти всегда с *л*, реже с *п*; это правописание проводится гораздо последовательнее, чем все другие русизмы, как, например, *оу* вм. *ѡ*, *па* вм. *ѡ* и *л*, *ѡр* вм. *рѡ*, *ж*

вм. **жд**, не говоря уже о таких сравнительно редких русизмах, как **Ү** вм. **Ѹ**, полногласие, **-ѣ** в падежных окончаниях вм. **-а** и т. п.⁶⁸ Такая последовательность тем более замечательна, что прилагательных с суффиксом **-ѣн-** не так много и они не так редко встречаются, чтобы нельзя было запомнить их правописание. Усвоить их произношение с **ѣ** было нетрудно, потому что в языке писцов были такие слова, как *вѣно*, *мѣна*, *сѣно*, *ствѣна*, *колѣно* и др.; следовательно, эти прилагательные не представляли большей трудности для усвоения, чем слова с неполногласием, или с **щ** вм. русского **ч**, или с начальным *ра* вм. русского *ро*, и во всяком случае правописание и произношение их было легче усвоить, чем правописание слов с **ж**; кроме того, некоторые из них живому русскому языку того времени вряд ли были известны; между тем писцы Остр. ев. и Панд. Ант. очень редко ошибаются в употреблении **ж**, а в суффиксе прилаг. **-ѣн-** писцы Остр. ев. всегда пишут **а** или **ѣ**, а писцы Панд. Ант., несомненно списанных с ю.-сл. оригинала,— почти всегда, хотя в других случаях не делают почти никаких уступок в пользу русского языка⁶⁹. Характерно, что при последовательном написании **ан** в суффиксе прилагательных вещественных те же памятники часто пишут правильно **ѣ** в племенных и местных названиях с суфф. **-ѣн-** (**-ѣнин-**): *егѹпѣтѣѣнинѣ*, *издранлитѣѣнинѣ*, *ниневгитѣѣне*, *палестинѣнѣны*, *персѣнѣнию*, *аравѣне*, *островѣне*, *роѹмѣне* и пр., повторяют известное и из ст.-сл. памятников ю.-сл. письма колебание между **ѣ** и **а** после **р**: *самарѣнинѣ*, *самаранинѣ* и *самаранинѣ* (но *тоѹрѣнинѣ*, *соѹрѣне* и

⁶⁸ Подробно об этом — в моей статье «Русские рукописи XI и XII вв. как памятники ст.-сл. языка», печатающейся в *Вжжнсл. Филолог* [Дурново, IV—VI; наст. изд., с. 391—494] (глава «ѣ»). Из просмотренных мною 14 рукописей XI в. только в 4 (2-й почерк Изб. 1073 г., Слова Григория Богосл., Пандекты Антиоха, Чуд. Пс.) встречаются единичные примеры написания этого суфф. с **ѣ** при обычных написаниях с **а**. Из них Слова Григ. Бог., несомненно, непосредственно списаны с глаголич. оригинала. Непосредственный ю.-сл. оригинал надо предполагать и для Панд. Ант. и, вероятно, для Изб. 1073 г. Все эти рукописи не были богослужебными, т. е. не предназначались для публичного произнесения в церкви (Чуд. Пс. содержит не богослужебный текст, а толкования на Псалтирь). Во всех их наблюдается, между прочим, стремление к правильному употреблению букв **ж** и **ѣ** и другие ю.-сл. черты. В Остр. ев., при всей его грамотности, в этом суффиксе везде написано **а**. В просмотренных мною рукописях XII в. я не встретил ни одного случая с написанием **ѣ** в рассматриваемом суффиксе.

⁶⁹ См. Копко, Изв. XX. 1915, кн. 3 и 4 [Копко, 1915].

др.)⁷⁰, хотя, казалось бы, здесь ошибиться было легче, потому что в своем языке писцы имели в таких случаях только *-ан-*, кроме слова *словѣне*⁷¹, да и в ю.-сл. текстах находили в подобных словах чаще суффикс *-ан-* со старыми смягченными согласными перед этим суффиксом, чем суффикс *-ѣн-*. Естественно такое различие в правописании того и другого суффикса не считать случайностью. Но чем вызывалось это различие? Ни ю.-сл. правописание, употреблявшее в обоих случаях **ѣ**, ни русский живой язык, имевший в обоих случаях *a*, оснований для такого различия не давали. Очевидно, последовательное написание суффикса прилагательных с **ѣ** не было только русизмом и не являлось простым капризом русских писцов, которым почему-то этот русизм оказался дороже всех других русизмов. Но если оно не может объясняться из языка русских писцов, то оно не может также указывать на правописание их не сохранившихся оригиналов, отличное от правописания всех известных нам памятников ю.-сл. письма. Трудно допустить, чтобы ю.-сл. оригиналы русских рукописей, сходясь с этими памятниками по всем другим чертам, только в одном случае представляли правописание, не встречающееся ни в одной из дошедших до нас рукописей ю.-сл. письма. Что в этих оригиналах в этом случае писалось **-ѣн-**, показывают хотя единичные, но все-таки известные и русским рукописям случаи такого написания. Между прочим, 2-й писец Изб. 1073 г., который чаще других (именно, 6 раз) употребляет написания с **-ѣн-** (*игъѣни*, *мѣдѣноу* и др.), пишет **ѣ** исключительно в словах, не встречающихся с этим суффиксом в Евангелии и Псалтири⁷², а слова, известные из евангельских текстов, пишет всегда с **ѣ**. Все это заставляет предполагать, что *написание -ѣн- передает русское церковное произношение*⁷³. В

⁷⁰ После старых смягченных почти всегда правильно *a*: *морганинѣ*, *нероусалимлане*, *римлане*, *граждане*, *соугражанинѣ*, *крестъганинѣ*, *егѣпциане*, *моавициане* и др., но также *мождѣнѣ* ЧПС.

⁷¹ См. Шахматов, Изв. VI. 4, стр. 285 [Шахматов, 1901].

⁷² Прилагат. от *игла* в Еванг. с другим суффиксом: *иглинѣ*. Нет оснований думать, что слова, встречающиеся в названных русских памятниках с суфф. **-ѣн-**, были менее известны живому русскому языку, чем те слова, которые в них пишутся только с **-ан-**. Можно только утверждать, что церковное произношение первых было менее известно.

⁷³ М. б., именно поэтому написание **-ѣн-** — только в текстах, не предназначенных для произнесения в церкви.

этом последнем русские воспроизводили, как могли, произношение южных славян, с которыми они встречались. Что же это было за произношение? Это не было тем произношением, которое южные славяне передавали буквою **а**, потому что в таком случае оно отразилось бы хотя в некоторых из памятников ю.-сл. письма в виде написания в подобных случаях буквы **а**. Но это было такое произношение, которое русские писцы воспринимали как близкое к их произношению буквы **а**, т. е. к произношению *a* или *ǎ* после мягких, но самими южными славянами безусловно не отождествлялось с *a*. Т. е. это был звук, отличный от звуков, обозначавшихся в других случаях буквами **ѣ**, **а**, **ѐ**, **ѡ**. Обозначу его \acute{a}_2 . Отсутствие особой буквы для \acute{a}_2 в ст.-сл. азбуке показывает, что в том говоре, для которого составлялась азбука, \acute{a}_2 не отличалось от \acute{a}_1 или было к нему настолько близко, что составители азбуки не считали нужным для него изобретать особый знак, а в говоре тех южных славян, произношение которых послужило образцом для литературного и церковного произношения русских, отличалось настолько, что русским ю.-сл. \acute{a}_2 казалось более близким к их звуку, передававшемуся буквою **а**, чем к \acute{a}_1 , причем, конечно, такому отождествлению или сближению способствовало и русское произношение в таких случаях звука *a*⁷⁴. То обстоятельство, что южные славяне, в говоре которых \acute{a}_2 отличалось и от \acute{a}_1 , и от **а**, продолжали передавать этот звук буквою **ѣ**, объясняется так же, как и всякое употребление одной буквы для разных звуков в любом алфавите.

Не вижу препятствий к тому, чтобы возводить это \acute{a}_2 к особому чистому звуку о.-сл. языка, отличному как от *ǣ* в других случаях, так и от *ǣ*. Обозначу его $\acute{ǣ}_2$. Главным основанием для предположения, что в данном случае в одних говорах о.-сл. языка было *ǣ*, в других $\acute{ǣ}_2$, является совпадение рефлексов $\acute{ǣ}_2$ с рефлексами старого *ǣ* в русском, сербо-хорв. и словен. языках, т. е. как раз в тех языках, в которых носовые гласные, если были, то были утрачены очень рано, раньше, чем в тех языках, в которых $\acute{ǣ}_2$ совпало с $\acute{ǣ}_1$. Гласные, получившиеся из $\acute{ǣ}_2$ в русском, с.-х. и слн. языках, — неносовые, как и гласные, получившиеся из о.-сл. *ǣ*, и нет никаких указаний, что они были когда-нибудь носовыми, кроме того, что они совпали с теми неносовыми гласными, которые полу-

⁷⁴ Т. е. \acute{a}_2 , может быть, и не казалось бы русским близким к *a*, если бы русские сами в своем живом языке не произносили в соответствующих случаях звука *a*.

чились из старого ϵ . Те же языки, в которых носовые гласные сохранились или были утрачены уже в историческую эпоху, как раз указывают на то, что ϵ было получено ими из о.-сл. как гласный звук неносовой⁷⁵. Возможно, что ϵ_2 , будучи чистым гласным звуком, совпадало по качеству с неносовым элементом звука ϵ , но самое отсутствие носового резонанса или носового исхода помешало его совпадению с рефлексами о.-сл. ϵ в тех говорах, где ϵ дольше сохраняло носовой элемент. С другой стороны, из тех языков, в которых ϵ_2 совпало по своей судьбе с ϵ_1 , в пол.⁷⁶ и ст.-сл. можно предполагать еще для древнейшей эпохи открытое (близкое к a) произношение гласных, получившихся из о.-сл. ϵ_1 ; наоборот, там, где уже в древнейшую эпоху произношение звуков из о.-сл. ϵ_1 было закрытым (ближе к i), именно, в общерусском и в с.-х., ϵ_1 и ϵ_2 не совпали.

Все это позволяет заключить, что о.-сл. ϵ_2 было чистым (неносовым) гласным звуком, по качеству близким к гласному (неносовому) элементу о.-сл. ϵ , а может быть, и совпадавшим с ним, по крайней мере диалектически; от ϵ_1 этот звук отличался большей открытостью; это ϵ_2 совпало с ϵ_1 главным образом там, где само ϵ_1 получило более открытое произношение, и продолжало оставаться более открытым, чем ϵ_1 , там, где последнее получило закрытое произношение. Как и ϵ_1 , этот звук являлся только в положении не после смягченных согласных; после смягченных ему, как и ϵ_1 , соответствовало a , на что указывают ст.-сл. и с.-х.; в других языках, где ϵ_2 не совпало с a , а именно, в болг., чеш.-слц., слн. и говорах с.-х., звук a после смягченных в таких случаях нефонетически заменился теми звуками, какие получились из ϵ_1 .

с) О.-сл. ϵ_2 можно предполагать и в р. *грянуть* «прогromеть, ударить» (*грянул гrom; гrom не грянет, мужик не перекрестится*; в Слове о полку Иг.: *грянули мечи о шеломах*), чеш. *hřepítí* с тем же значением, засвидетельствованным памятниками начала XV в. в виде прагет. *hrzenul*.

⁷⁵ ϵ_2 совпало с ϵ_1 в ст.-сл., пол.-каш. и чеш.-слц. и с рефлексами ϵ в рус., с.-х. и слн. Носовые гласные в 1-й из этих групп в X в. еще существовали: в чеш.-слц. утрачены были, по-видимому, не раньше 2-й полов. X в. В рус. и слн. в середине X в. носовых уже не было; по-видимому, рано они были утрачены и в с.-х.

⁷⁶ В пол. ϵ_1 перешло в 'а (еще в пралехитскую эпоху) только перед твердыми зубными; в суфф. - ϵ_2 п- звук ϵ_2 являлся также перед твердой зубной; о том, было ли в о.-сл. ϵ_2 не перед твердыми зубными, и если было, какую имело судьбу в пол., см. ниже.

Что здесь *e* не по аналогии с *hĕne*, где *e* могло бы восходить и к о.-сл. *e*, показывает сохранение *a* в памятниках того же времени в глг. *hřanŭti*, 1 sg. praes. *hřani*, прагет. *hřanul* (но 2 sg. *hřeneš* и т. д.) «падать», соответствующем, по-видимому, р. (на)грѣнуть (из о.-сл. *grędnŭti*).

d) Может быть, *ě*₂ было и в русском, неизвестном из старых памятников, *застрѣну*, *встрѣну* при прош. *застрѣл*, *встрѣл*, инфин. *застрѣть*, *встрѣть*, указывающих на исконное отсутствие неносовой согласной после *e* (*g*, *k* сохранились бы в прош. и дали бы *č* в инфин., *d*, *t* дали бы в инфин. *s* перед *t*, согласные *b*, *p* сохранились бы в прош., *v* должно было сохраниться перед *n*). Существующие попытки этимологии этого глагола предполагают здесь пропуск согласной и, следовательно, допускают, что в прош. или инфин. или и в том и в другом нефонетически старая форма была заменена другой⁷⁷. Ввиду трудностей, связанных с принятием этих этимологий, можно бы думать также об основе **strem-*; согласно предыдущему, **strem-nŏm* должно было бы дать *strĕĕno*; тогда *a* в *застрѣну* объяснялось бы из *ě*₂, а в *застрѣл*, *застрѣть* — из *e*. Но трудности и при этой этимологии остаются: неясно чередование в этом глаголе в в.-р. говорах *a* с *ĭ*⁷⁸ и имеющееся в некоторых в.-р., м.-р. и б.-р. говорах *g* перед *n* и в прош. врем.⁷⁹ Появление *ĭ* вместо *a* можно объяснять ассоциацией с глг. *встрѣну*, *встрѣл* «встречу, встретил», но для появления *g* подходящую аналогию найти трудно, если не предполагать в этом глаголе первоначальную основу **streg-* (см. примеч. 77). Возможно, что формы с *g* представляют остатки другого глагола.

⁷⁷ А. И. Соболевский (РФВ. LXVI, 349 [Соболевский, 1911]) предполагает **strep-* (та же основа, что в *стряпать* «готовить кушанье»). Эту этимологию принимает Шахматов (Очерк соврем. литерат. языка, 193 [Шахматов, 1925]), считая форму прош. *застрѣл* нефонетич. заменой старого (нигде не засвидетельствованного) **застял*; больше оснований связывать р. *застрѣть*, *встрѣть* с п. *zastrąć*, *ustrąć*, прош. *zastrągl*, *ustrągl* «застрять» из **string-*, ср. лит. *stringu* «застреваю» (см. Trautmann, BSIW. 290 [Граутман, 1923]). Ср. ниже, примечание 79.

⁷⁸ Рядом с *застрѣну*, *встрѣну*, *застрѣл*, *встрѣл* и пр. в в.-р. говорах существует и: *застрѣну*, *встрѣну*, *застрѣл*, *встрѣл* и пр. См. словари Даля [Даль, I—IV], Преображенского [Преображенский, I—XIV], академический [Акад. Сл.].

⁷⁹ Ср. в.-р. диалектич. *застрѣгнуть*, *застрѣгла* (при обычных *застрѣну*, *застрѣть* или *застрѣнуть*, *застрѣла*), м.-р. *застрѣнути* и *застрѣгнути*, но только: *застрѣти*, б.-р. *застрѣць* (*ць* < *t'*), но также: *застрѣгнуць*.

е) Слова *прѣмъ*, *прѣмо*, *прѣмити* и т. п. в ст.-сл. памятниках ю.-сл. письма пишутся только с **ѣ**. В русских языках — только *'а*: в.-р. *прям*, *прѣмо*, *упрѣмый*, *впрѣмъ*, м.-р. *прямій*, *прѣмо*, б.-р. *прѣмо*. Это соотношение может указывать на о.-сл. **prě₂mъ* и пр. Не противоречат ему и чеш. *pṛíto*, *pṛítu*, с.-х. литерат. *préma*, слн. *pṛět*, *pṛěta*. Но показания древнейших памятников русского письма по отношению к этой основе не совпадают с показаниями их относительно суффикса прилагательных *-b₂n-*. Правда, уже в памятниках русского письма XI в. написания **прамъ**, **праммо** значительно чаще, чем написания с **ѣ**, но в памятниках, лучше выдерживающих ю.-сл. правописание, написания **прѣмъ**, **прѣмо** и пр. обычны, так что может явиться вопрос, не представляет ли написания **праммо** просто русизм, не отражающий ю.-сл. произношения⁸⁰. Другие слав. языки также дают не те соответствия, какие мы видели в рассмотренном выше суффиксе прилагательных. Именно, в старинных с.-х. памятниках, писанных в области екавских и икавских говоров, встречаются написания **прѣ́мо**, **прѣ́ма**, **прѣ́ма**, *prima*⁸¹; в нынешних икавских говорах имеется и *prema*, и *prima*. Первое из них могло бы указывать на *ě₂*, но может быть и заимствованием из экавского говора. Словац. *ia* в *pṛiáto*, если не явилось нефонетически, не может восходить ни к *ě₁*, ни к *ě₂*, а только к *el* или *'a*. Проф. Зубатый предположил, что словац. *pṛiáto* заимствовано с пол. или м.-р. Первая возможность исключена, потому что в пол. нет и не могло быть такого слова, которое могло бы быть воспринято в слц. как *pṛiáto*. Но заимствование из м.-р., именно, из карпатских говоров, где соответствующее слово произносится как *pṛiáto*, вполне возможно⁸². Кроме этих слов, в моравских говорах чеш. языка, в словацк., в пол. говорах в Верхней Силезии и на Карпатах и в с.-х. существуют также слова с основой *pram*

⁸⁰ Так, в Словах Григ. Богосл. и Чуд. Пс., где суфф. прилагат. почти всегда пишется с **ѣ**, и в Остр. ев., где в этом суфф. — только **ѣ**, — постоянно **прѣмъ** и пр.; написания с **ѣ** преобладают и в Панд. Ант. и Словах Кир. Иерус. и встречаются даже в рукописях XII в.; с другой стороны, в Изб. 1073 г., представляющем наибольшее число случаев написания суфф. *-ѣn-* с **ѣ**, пишется только **праммо** и т. п.

⁸¹ См. Даничић. Рјечник [Даничич, 1878]; Rešetar. AslPh. XIII, 16 [Решетар, 1891].

⁸² Не понимаю, почему эту возможность отвергает Шахматов. Предположение его, что слц. *ia* здесь из того же *ä*, какое было в суфф. прилаг. типа *drevený*, маловероятно, потому что в этом суфф. слц. имеет не *ia*, а *e*.

(мор., пол., сил. и словац. *fram*, с.-х. *fram*, *прама*, *прамак*) с теми же или близкими значениями. Стоят ли они в ближайшем родстве с названными выше, сказать трудно, но давнее взаимодействие между ними несомненно, что затрудняет и решение вопроса о взаимоотношении между ст.-сл. *прѣмъ*, с.-х. *прем*, р. *прым* и т. д.

ф) Ст.-сл. *сѣмо* «сюда» соответствуют нын. болг. *сѣмо* и *сам*, др.-р. *сямо*, нын. р. *сям* в выражении *там и сям*, чеш. *set* (ст.-ч. *šěto*), п. *siam* и *sat*. Эти соотношения могли бы также указывать на о.-сл. *ě₂*, но против этого говорит правописание *сѣмо* в р. ц.-сл. памятниках (между прочим в Остр. и других евангельских текстах) только с *ѣ⁸³*. Если в этом слове старое *ě₁*, то *a* могло явиться нефонетически, по аналогии с *tamo*, *kato*, *opato*, *ovato*. В нын. р. *сям* звук *a* чуть не в рифму с *там*.

г) Ст.-сл. *голѣмъ* «большой», болг. *голѣмъ* в с.-х. соответствует *гòлем*, *голѣма*, *голѣмо*, *голѣмно* с нач. XVI в. только с *e* как в экавских, так и в екавских и икавских говорах⁸⁴, хотя в некоторых песнях встречается и *голиѣмно благо* (только в этом сочетании), в р. диалектич. *голямый*, *галлямо*, в чеш. у писателей XV—XVII вв. встречается *holemý*⁸⁵, в пол. в XVI и XVII в. употребляются слова *golemy*, сравн. ст. *golemszy*, а также с приставкой: *zgolemo*, *zgolemy*⁸⁶. В р. ц.-сл. памятниках, начиная с XI в. (Слова Григ. Бог., Панд. Ант.), это слово пишется только с *ѣ*, но оно не встречается вовсе в текстах, предназначенных для произнесения. Поэтому здесь можно предполагать о.-сл. *ě₂*; пол. *golemy* с *e* может свидетельствовать о совпадении *ě₂* в польском с *ě₁*: *ě₂*, как и *ě₁*, изменилось в *u* только перед твердыми зубными. Впрочем, см. следующий пример.

h) Сходно соотношение между в.-р. *лѣмка* «ремень через плечо для тяги или носки, шлейка, кайма, ошейник на телѣнка», *лѣмчить* «отора-

⁸³ В Син. Патер. также *само*.

⁸⁴ См. Rječnik Југосл. Акад. [Словарь, 1880]. Слова *голем*, *големо*, между прочим, часты у писателей XVIII в., писавших на икавском наречии, Маргитича, Ластрича и Кадрича, *големан* (с *e*) — у Перегриновича XVI в. и Мрнавича XVII в., писавших также на икавском наречии. До XVI в. в с.-х. памятниках эти слова пишутся обычно с *ѣ* и один раз в грамоте 1421 г., отражающей икавский говор, — *голимому* (dat. sg.).

⁸⁵ Gebauer, Slovník st.-č. [Гебауэр, 1903], Kott. Č.-ň. slovník [Котт, I—VII].

⁸⁶ Между прочим у Жебровского (XVII в.) в переводе Метаморфоз Овидия, в рукописных лечебниках XVI и XVII в. и др. См. Linde, Słownik jęz. polsk. [Линде, 1854—1860].

чивать в строчку», *лямец* или *лямыцы* «подкладка хомута», *лямить* (у Даля пск., тв.) «тянуть, медлить», п. *lata* «золотая или серебряная кайма, галун, полотно или лезвие пилы», *lamka* «лямка», *lameczka* «тесемка», *lamiec* «подкладка хомута», *lamować* «обшивать каймой»⁸⁷, *lemiec* «воротник» (заимств. с чеш.); чеш. *lem* «кайма», *lemiec* (ст.-чеш. *lémes*) «воротник», *lemovati* «обшивать каймой, подрубать (например, платок)», словац. *lem* «оборка, бордюру, воротник», *liem*, *liemes*, *lémes*, *lémes* с тем же значением. Пол. *lata* в его нынешних значениях заимствовано из франц. *lame* «тонкая металлическая нить, канитель, галун», но из французского слова трудно объяснить все остальные значения слов с основой *lam*-⁸⁸. Поэтому можно думать, что в польских словах с основой *lam*- совпали заимствованное франц. *lame* и исконная славянская основа *lě₂m*-. С польским заимствованным *lata* ср. хорв. *lāta* «лезвие сабли, ножа, галун, бляха», заимств. с итал. Не стоят, по-видимому, в родстве с этими словами ни с.-х. *lijeмати* «ударять, бить», ни м.-р. *лемнути* «удалиться, отступить, стащить»⁸⁹. Надо, однако, заметить, что исконность основы *lě₂m*- для славянских языков не может быть доказана; слова с этой основой отсутствуют в м.-р. и ю.-сл. языках; в в.-р. они засвидетельствованы только с XIX в., в чеш.—не раньше XV в., в польском не раньше 2-й пол. XVI в. Кроме того, если предположить их исконность хотя бы только для зап.-слав. языков (в русском они могли быть, как названия частей упряжи, заимствованы с пол.), остается непонятным пол. *a* вм. ожидаемого *e* перед *m*. Предположение, что *ě₂* перед *m* при каких-то условиях давало *a*, рискованно.

'а в русском в соответствии с польским 'а не из о.-сл. 'а имеется также в следующих случаях:

і) р. *дрянь* «негодная вещь», п. *drzanek* «дранка», ср. чеш. *dřeň* и *dřen*. Чеш. слова представляют правильные образования от глаг. *dříti* (из **derti*); в русском и польском инфинитивная основа того же глагола является в виде *dra-* (*drać*, *драть*, из о.-сл. **dьra-*), и от нее имеются образования с суфф. *-n-*: р. *драный*, *дрань*, *дранка*, п. *drany*, *drań* и пр., с кото-

⁸⁷ Встречаются уже у писателей конца XVI в. и позднее.

⁸⁸ В этих основах в пол. звук *a* — не в тех положениях, в которых старое *ě* изменялось в *a*, а в чеш. *e* не в тех положениях, в которых старое *a* изменялось в *e*.

⁸⁹ Ср. обратное мнение Зубатого AslPh. XVI, 398 [Зубатый, 1894].

рыми р. *дрянь*, п. *drzanek* стоят, по-видимому, в связи. Можно думать, что русское *дрянь* < *дрань* вследствие вторичного смягчения *r* при каких-то недостаточно ясных фонетических условиях.

к) Р. *няня*, п. *niania*, ср. б. *нени*, *ненчо* — ласкательное обращение к отцу, с.-х. *нена* и *нана*, лж. *nan* — то же, что б. *ненчо*. Различные гласные, являющиеся в разных слав. языках, могли бы также объясняться из \check{e}_2 , но ввиду того, что это — слово детского языка и р. *няня* трудно отделять по способу образования от р. *дядя*, *тятя*, *мама*, *папа*, присутствие в этом слове о.-сл. \check{e}_2 остается под сомнением.

л) Ю.-в.-р., б.-р. и м.-р. имеют *a* после вторичной мягкой также в глг. *тямить* «соображать, помнить» с производными, не находящем себе соответствия в других славянских языках. Если это не заимствование, то *a* здесь или из *e*, за которым выпала неносовая согласная, или из \check{e}_2 .

В р. диалект. *острямок* при *остра́мок*, вероятно, имеется вторичное смягчение *r*.

При каких условиях являлось в о.-сл. или его говорах \check{e}_2 ? Мы видим, что, по мнению проф. Зубатого, *ѣ* в ст.-сл. *помѣнѣти*, *камѣнь*, *роумѣнь*, *прѣмѣ* восходит к первоначальному *en* перед носовой согласной; проф. Вондрак добавляет сюда р. *зрянуть* «прогреметь», где, по его мнению, р. *'a* восходит к первоначальному *em* перед *n*. К мнению проф. Зубатого и Вондрака присоединяется и Meillet. Что касается прилагательных с суфф. *-ѣн-*, кроме *камѣнь*, *пламѣнь*, *роумѣнь*, то они, по мнению тех же ученых, могли подвергнуться влиянию со стороны прилагательных типа *камѣнь*, *роумѣнь*. Если принять эту гипотезу, то окажется, что почти во всех случаях, где можно предполагать о.-сл. \check{e}_2 , этот звук объясним или из сочетаний *en*, *em* (*ēn*, *ēm*) перед носовыми, или по аналогии со словами, где \check{e}_2 было такого происхождения, а в остальных случаях происхождение \check{e}_2 неясно. Можно ли предположить, что \check{e}_2 получалось только из *e* или *ē* перед долгой носовой согласной или перед двумя носовыми согласными? Кроме того, так как суфф. *-ѣн-* в большей части прилагательных с этим суффиксом фонетически не может быть выведен из первоначального *-enn-*, то остается вопрос, можно ли для всех их предположить аналогию со стороны немногих прилагательных то (?) основ на *n*, как *камѣнь* и *роумѣнь*. С другой сто-

роны, чтобы утверждать, что из *en*, *et* перед носовыми в о.-сл. получилось \check{e}_2 , надо доказать, что в этом положении в о.-сл. не получалось других звуков, например, \check{e} или \check{e}_1 . Наконец, если мы выясним, что из *et*, *en* перед носовыми, действительно, получалось \check{e}_2 , останется вопрос, не получалось ли \check{e}_2 и в других случаях. Для ответа на эти вопросы я рассмотрю 1) случаи с несомненным о.-сл. \check{e} перед носовыми согласными, 2) случаи с несомненным о.-сл. \check{e}_1 перед носовыми согласными.

На о.-сл. \check{e} перед *t* примеров я не знаю; \check{e} перед *n* является только в нескольких глаголах с суфф. *-nq/-ne-* (*no*), причем во всех их выпала перед *n* неносовая согласная. Несомненно, \check{e} в них развивалось раньше выпадения согласных перед *n*. Эти глаголы — следующие⁹⁰: *вѣнуть* (за-, у-) < **vędnŋti*, *глянуть* (взглянуть) < **ględnŋti*, *на-грѣнуть* < **grędnŋti*, *крѣнуть* (ср. с.-х. *кренути*) < **krędnŋti*, *прѣнуть* (вос-) < **prędnŋti*, *тянуть*⁹¹ (ст.-сл. **ВЪСТАГНЖТИ**) < **tęgnŋti*, ст.-сл. **ОХЛАНЖТИ** < **xlędnŋti*⁹².

Случаи с \check{e}_1 перед носовыми известны из слав. языков как с *n* после \check{e}_1 , так и с *t*.

\check{e}_1 перед *n* было 1) в суфф. существительных, обозначающих народности, сословия или жителей известной области или города, являвшемся в ед. ч. в виде *-ĕ₁nin-*, а во мн. *-ĕ₁n-*, 2) в причастиях на *-nъ* от глаголов с основой на \bar{e} и в отглагольных существительных на *-ĕ₁nije-* от тех же глагольных основ, 3) в суффиксе существительных *-ĕ₁nъс-* и 4) в словах⁹³ *вѣно*, *вѣнць*, *глѣнъ* (?), *голѣнъ*, р. *грѣнѣок* (ср. п. *grzanek*), р. *дѣну* (ср. б. *дѣнж*, с.-х. *дженем*, *дженути*, слов. *denet*), *зѣница* (ср. р. *зѣнки*), *колѣно*, *лѣнъ*, *лѣнѣсть*, *лѣнъ* (ср. м.-р. *лѣнивий*, *лѣнощѣ*, *лѣнъ*), *мѣна*, *полѣно*, **пѣ-**

⁹⁰ Чтобы не увеличивать статьи, ограничиваюсь примерами из русского языка, т. к. в других слав. языках не знаю таких глаголов с суфф. *-nq-* и с выпавшей перед этим суффиксом неносовой согласной, которые бы не сохранились и в русском языке, кроме ст.-сл. **ОХЛАНЖТИ**.

⁹¹ *g* перед *n* выпало только в русском, ср. *двинуть*, *дѣрнуть*, *тронуть*. Случаи вроде *дрогнуть* — новообразования, а такие, как *вергнуть*, — из ц.-сл. В начале слов *g* перед *n* в р. яз. не отпадало, но зато само *n*, по-видимому, изменялось в \check{n} краепалатальное, как показывают памятники русского письма XI и XII вв. См. Л. Васильев, РФВ. LXX, 1913, 71—74 [Васильев, 1913а]. Слова *гной* и *гнусный* в литерат. яз. по происхождению ц.-сл.: *гній*, гер. *gnöu* с производными в м.-р. со значением «навоз» могло быть заимствованием из пол.; *гнусавый* — позднее?

⁹² Сохранился в поздних (XIII в.) р. ц.-сл. памятниках, ср. **ОХЛАДАННІЕ** Супр.

⁹³ Чтобы не увеличивать размеров статьи, ограничиваюсь примерами из ст.-сл. яз. и лишь в случае отсутствия слова в ст.-сл. языке беру пример из другого языка.

НАЗЪ, *пѣна, рѣнь*, р. *стрѣну, стѣна, стѣнь, сѣно, сѣнь, тимѣно, тѣлѣнь* (?), **ТѢНА** (р. *тѣнь*), *хрѣнь*.

1. Суфф. существит. *-ĕ₁nin-*, *-ĕ₁n-* в о.-сл. чередовался с *-janin-*, *-jan-*; отсюда в ст.-сл. имеются образования с обоими суффиксами: *-ĕ₁nin-* (*-ĕ₁n-*): *аравѣне, островѣне, словѣне, етиопѣне; роумѣне; кѣринѣнинъ, палестинѣне, селоуѣне; александрѣне, ассѣрѣне, самарѣнѣи, сѣрѣне, тоурѣнинъ; ефесѣне, персѣнинъ; амманитѣне, аскалонитѣне, гаваонитѣне, егѣптѣне, издранитѣне, измаилитѣне, критѣне, моавитѣне, ниневгитѣне, тезвитѣнинъ, соуманитѣнѣи* и т. п.; *-janin-* (*-jan-*): *римляне, содомляне, вавѣлоняне, македоняне, палестиняне, селоуяне; александряне; назаряннинъ, самаряннинъ и назаряннинъ, самаряннинъ; ефешяннинъ; егѣпштаняне, криштяннинъ, моавиштяннинъ* и пр. Только с суфф. *-janin-*: *гражданинъ, граждане*. Правильно *-anin-* от основ на мягкую и на *i*: *землянинъ, анарянѣ, моряннинъ, крестиянинъ* и пр.

То же правописание представляют и ц.-сл. рукописи русского письма XI и XII вв., хотя рядом с правильным *егѣптѣне, измаилитѣне, ефесѣне* или *егѣпштаняне, ефешяннинъ* и т. п. встречаются и написания *егѣптаняне, измаилитяне, критяномъ, ниневгитянѣ, издраилитянѣ, персяне* и т. п., исключительно в названиях чужих, известных только по книгам народов в церковных памятниках. Это правописание передает русское произношение подобных слов, но не указывает на то, что в русском суфф. *-ĕ₁nin-* изменился в *-anin-*, а лишь на то, что в живом русском языке суфф. *-ĕ₁nin-* был неупотребителен.

В русском языке образования с суфф. *-ĕ₁nin-*, *-ĕ₁n-*, по-видимому, первоначально были. Такое образование представляло существит. **СЛОВѢНЕ** с производными, которые еще в XIII—XIV вв. не только в церковных памятниках, но и в таких, как летописи, Русская Правда и т. п., писалось постоянно с **Ѣ**. Сюда же следует относить и собств. имя *Городѣнь* в Минее 1096 г. (образование с суфф. *-ĕ₁n-*, параллельное образованию *горожан-* с суфф. *-jan-*). Но вообще образования с суфф. *-ĕ₁n-*, *-ĕ₁nin-*, если и были в р. яз., то были рано утрачены. Русские названия народностей и жителей городов и областей уже в древнейших памятниках образованы исключительно с суфф. *-jan-* или с совсем другими суффиксами: *деревяне, островяне, вожане* (Водь), *горожане, слобожане, полочане* (по р. Полоте), *смоляне, дворянинъ, миряннинъ, куряне, сѣверяне* и пр., *былинн. залѣшанин* (за лесом); что в *смоляне, дворянинъ* и пр. *'а*

из старого *ja*, а не из *ǣ*, можно думать на основании остальных примеров, где *a* могло быть только из *ja* (иначе мы имели бы: *водяне, городяне, полотяне* и пр.). Правильно только *-anin-* от основ на мягкую, на *i* и на задненебные: *поляне, морянинъ, бужане, волыняне* и пр. Написания **Ѣ***ФЕСАНЕ, ЕГҮПТАНЕ* и т. п. в церковных памятниках русского письма XI и нач. XII в. встречаются не чаще, чем правильные написания с **Ѣ**: **Ѣ***ФЕСѢНЕ, ЕГҮПТѢНЕ*, и, очевидно, имеют *a* по аналогии с русскими именами на *-анинь*, чему могло способствовать чередование **Ѣ** и **Ѧ** в ст.-сл. после *n* и *r*. В нынешнем русском суффикс *-итянин*: *островитяне, москвитянин, псковитянка* и т. п.—поздний и явился по аналогии с *аммонитянинъ* и т. п., где ст.-сл. переводчики приставили свой суффикс *-ѣнин-* к греч. суффиксу *-īt-*, частью же — приспособление латин. суфф. *-itanus*.

В с.-х. издавна известны только образования с суфф. *-janin-*: *грађанин, мјеитанин, острѣланин, римлянин, дворанин, горанин, задранин* и т. п. Никаких следов существования суфф. *-ǣnin-* в с.-х. я не знаю.

В чеш. также засвидетельствованы только образования с суфф. *-janin-*, *-jan-*: *Ateňan, Bosňan, Čiňan, Drážďany, Rakušan, Europan, Říman, zetan, ostrovan, dolan* не могут быть объяснены ни из *-ǣn-*, ни из *-ǣn-*; ст.-чеш. *brožěnin, měščeňin* имеют *e* вследствие перегласовки, ср. геогр. назв. *Brozany*.

В польском рядом с образованиями с суфф. *-janin: mieszczanin* и пр., существуют и образования с суфф. *-ėnin: grodzianin, włościanin*. Если это — не новообразования позднего времени, то *a* заменило в них старое *e* по аналогии с более многочисленными именами с суфф. *-anin*. В *dworzanin, krakowianin, krakowianka* и т. п. можно предполагать как старое *-janin*, так и старое *-ėnin* (в последнем случае — с нефонетической заменой старого *ǣ* не перед твердым *n* через *a*). О.-сл. **slověne* в пол. является в виде *słowianie*; здесь *a* могло быть новым, как и в *grodzianin*.

В луж. языках сохранился тоже только суфф. *-janin-*.

Таким образом, нынешние славянские языки не дают указаний на то, было ли в о.-сл. в суфф. *-ėnin-* *ǣ*₁, но памятники русского языка до XV в. и ц.-сл. памятники русского письма XI и XII вв. указывают на *ǣ*₁.

По происхождению суфф. существительных *-ǣn-*, *-ǣnin-*, очевидно, тождествен с однозначным суффиксом *-ėna-* в лит.: *Tilžėnas* «житель Тильзита», *kalnėnas* «горец», *girėnai* «полехи» и т. п., греч. *-ην-*: *λειχήν, -ῆνος, Ἔλληνας*, т. е. восходит к старому **-ėn-*.

2. Прич. прош. страд. от основ на \bar{e} могли образовываться в о.-сл. с суфф. $-n-$; таким образом, в этих причастиях перед n являлось в о.-сл. $\bar{e} >$ ст.-сл. ѣ , п. $'a, 'e$, чеш. $'\bar{e}$ с его изменениями, ср. ст.-сл. **одѣнъ**, **трьпѣнъ**, **оумѣнъ**, **видѣнъ**, **повелѣнок**, отглагол. существ. **одѣнник**, **трьпѣнник**, **оумѣнник**, **видѣнник**, **вѣдѣнник**, **повелѣнник**, **хотѣнник**, **сѣдѣнник**, **имѣнник**, **горѣнник** и др., ст.-чеш. *jěn, sěn, děn* (и *dien < dín*), *viděn, věděn, hřien, uměn, trpěn, rozuměna, widiena, powiedeno, hledieno* и пр., нын. чеш. отглагольные существительные на $-\bar{e}ní$: *umění* и пр.; п. *cierpiany, chciano, myślany, widzia-ny, wspomniano* и пр.; отглагольные существительные на $-\bar{e}nie$: *imienie, umienie, uwidzenie* и пр. Но вопрос о том, было ли в этих причастиях в о.-сл. \bar{e}_1 или \bar{e}_2 , осложняется тем, что причастия этого типа не сохранились ни в с.-х., ни в русском. И в с.-х., и в русском ст.-сл. причастиям на $-\text{ѣн-}$ соответствуют или причастия с суфф. $-t-$: с.-х. *capret, nazret*, р. *odѣt, согрѣt*, или причастия с суфф. $-en-$ от основы наст. врем.: с.-х. *виѣen, врѣen, жеѣen* и пр., р. *вѣрченый, обѣженый, насѣжено*, диалект. *ви-жено, глѣжено*. Р. литерат. *видѣнный* и *вѣдѣнный* — из ц.-сл.; в *вѣлѣно*, если само слово не заимствовано из ц.-сл., ѣ может быть только орфографическим, унаследованным от ц.-сл. орфографии. Но отглагольные существительные на $-\bar{e}nije$ употребительны и в с.-х. и в р.; таковы р. *повелѣнѣе, видѣнѣе, вѣдѣнѣе, заглядѣнѣе, горѣнѣе, гудѣнѣе, сожальнѣе, имѣнѣе, кипѣнѣе, разумѣнѣе, сидѣнѣе, скрипѣнѣе, терпѣнѣе, умѣнѣе, хотѣнѣе*. Большая часть их взята из ц.-сл. или представляет поздние литературные образования. Остальные, ц.-сл. или позднее литературное происхождение которых не очевидно, все же не могут с достаточной уверенностью считаться унаследованными от о.-сл. языка. Но в русском языке сохранились некоторые следы о.-сл. причастий на $-\bar{e}nъ$, не заимствованных из ц.-сл. К таким следам можно относить былинное имя *Хотѣн* (в былине о Хотене Блудовиче) и, если принять этимологию Трубецкого, слово *полѣно*. В обоих случаях $-\text{ѣ}$, указывающее на о.-сл. \bar{e}_1 . На то же \bar{e}_1 в причастиях прош. страд. указывает и последовательное, без исключений, написание ѣ в таких причастиях во всех памятниках русского письма, тогда как \bar{e}_2 эти памятники почти всегда передают через а или я .

3. Суфф. $-\bar{e}nъсь$. В ст.-сл. этот суфф. известен нам только в 3-х словах: **младѣнъць**, **пръвѣнъць**, **пѣтѣнъць**, рядом с которыми употреблялись и производные с суффиксом $-enъсь$: **младенъць**, **пръвенъць**, **пѣтенъць**; первое из этих слов являлось также в виде **младънъць**. В ц.-сл.

памятниках русского письма *ѣ* почти постоянно пишется только в слове **прѣвѣнць**; в слове же **младенць** почти всюду **ѣ**. Из других слав. языков мне эти слова не известны; в р. литер. языке они взяты из ц.-сл. Что здесь было *ě*₁, видно из того, что слово **прѣвѣнць** усвоено русским языком с самого начала со звуком *ѣ*. По происхождению *ě*₁ в суффиксе *-ě₁ньсь*, очевидно, из *ē*.

4. Из слов, в которых можно предполагать о.-сл. *ě*₁ перед *n*, слова *гльнѣ*, *тимѣно* и *тльнѣ* не известны ни с.-х., ни русскому языкам, и потому *ě*₁ в них можно предполагать только на основании того, что в ц.-сл. памятниках русского письма они пишутся только с **ѣ**; кроме того, слово *тльнѣ* было усвоено и русским литературным языком со звуком *ѣ*. По происхождению *ě*₁ в перечисленных выше словах, насколько можно полагаться на предложенные для них разными учеными этимологии⁹⁴, восходят или **а)** к старым *ē*, *oi* перед неносовой согласной, выпавшей в положении перед *n* позднее: *вѣно*⁹⁵, *гльнѣ*⁹⁶, *лѣнѣ*⁹⁷, *стѣвну*, или **б)** к старому *oi* или *oit* непосредственно перед *n*: *гльнѣ*⁹⁶, *мѣна*⁹⁸, *нѣна*⁹⁹, *стѣна*¹⁰⁰, *сѣно*¹⁰¹, *сѣнь*¹⁰², *хрѣнѣ*¹⁰³, или **в)** к старому *ē* непосредственно перед *n*: *вѣно*⁹⁵, *гольнѣ*¹⁰⁴, *грѣнок*¹⁰⁵, *дѣну*¹⁰⁶, *колѣ*

⁹⁴ Пользуюсь этимологиями, имеющимися у Meillet *Études* [Мейе, I—II], Бернекера SIEW [Бернекер, I—II], Boisacq'a, DÉGr. [Буасак, 1907], Walde LEW [Вальде, 1910], Траутмана BSIW [Траутман, 1923], Преображенского ЭСл. [Преображенский, I—XIV] и Вондрака VGr² [Вондрак, 1924].

⁹⁵ Из **uēdn-* (ср. гр. *ϕεδνον*, др.-в.-н. *widemo* и пр.); это сопоставление мне кажется более вероятным, чем с лат. *vēnus* (из **uēno-*).

⁹⁶ Из **gloitn-* или **gloimn-*.

⁹⁷ Из *lēdn-* (ср. греч. *ληδεῖν*). Но мне представляется более удачным сопоставление с лат. *lēnis*, лит. *lėnas*, латш. *lēns* < **lēn-*.

⁹⁸ Из **moīna*.

⁹⁹ Из **(s)roimnā* или **(s)roimā*.

¹⁰⁰ Из **stoin-*, ср. гот. *stains*.

¹⁰¹ Из **kojn-* или **skhojn-?*

¹⁰² Из **skoĭ-нь?*

¹⁰³ Сопоставляют с *кєраѣв*.

¹⁰⁴ Из *gol* + суфф. *ѣнь?*

¹⁰⁵ Из *grē-no?* Ср. п. *grzanek* Преобр., ЭСл. [Преображенский, I—XIV].

¹⁰⁶ Из **dē-nq*. Новообразование?

но¹⁰⁷, лѣнь⁹⁷, полѣно¹⁰⁸, тѣлѣнь¹⁰⁹, или **d**) к старому *et* (*ēt*) перед *n*: **тѣ-
на**¹¹⁰. Не все этимологии одинаково убедительны; тем не менее мож-
но сделать вывод, что *ě* перед *n* в о.-сл. получалось и из *oi*, и из *ē*. Для
-*oi*n- > -*ě*₁n- я считаю достаточно показательными *мѣна* и *пѣна*, для
-*ē*n- > -*ě*₁n- не столько приведенные единичные слова, этимология ко-
торых очень не ясна, сколько др.-р. *словѣне* и *Городѣнь* и былинное
Хотѣн и правописание существительных с суффт. -*ѣнин*-, -*ѣн*- и причас-
тий на -*ѣнь* во всех старых памятниках русского письма. Что касается
слова **тѣна**, **тѣнь**, то сопоставление этого слова с р. *грянуть* заставляет
или предположить, что **тѣна** не из **temnja*, или искать других причин,
вызвавших появление *ě*₁ вместо ожидаемого *ě*₂. Такими причинами
могли быть или ассоциация с *сѣнь*, как предполагает проф. Трубецкой,
или положение перед таким *n*, за которым следовала палатальная
гласная. В последнем случае в рассмотренных выше словах *няня* и
дрянь звук *a* в русском не из *ě*₂.

*ě*₁ перед *t* было в следующих случаях: 1) в падежных суффиксах ме-
стоименного склонения твор. ед. -*ѣмь*, дат. мн. -*ѣмъ* и тв. мн. -*ѣми*, 2) в
I ед. глаголов *вѣмь* и *ѣмь*, 3) в основах слов **дрѣмати**, **нѣмь**, **сѣмня**,
сѣмь, **тѣмь**. В названных падежных окончаниях *ě*₁, несомненно, из *oi*
перед *t*, в I ед. глаголов **вѣмь** и **ѣмь** — из *oi* и *ē* перед *d*, выпавшим
позднее, в **сѣмь** — из *ē* перед *t*; в остальных этимология не совсем яс-
на; возможно, что в **нѣмь** и **сѣмня** *ě*₁ — из *oi* перед *t*, а в **тѣмь** — из *ē*
перед выпавшим позднее *g*¹¹¹. Таким образом, мы видим, что *ě*₁ перед
t, как и перед *n*, получалось, как и в других положениях, и из более
раннего *oi*, и из *ē*.

¹⁰⁷ Возводят к *kol-ēno*. Но о.-сл. суффт. существительных **-ēno* под сомнением, потому что может предполагаться только в *колѣно*, *полѣно* и *тимѣно*, этимология которых не выяснена.

¹⁰⁸ Вондрак возводит к о.-сл. **pol-* (**polti* «колоть») с тем же загадочным суффт. -*ēno*, как и в *колѣно*. Более вероятна этимология Трубецкого: *полѣно* — субстанти-
вированное причастие прош. от глаг. **polēti* (ст.-сл. **полѣти**) «гореть».

¹⁰⁹ По-видимому, от глагольной основы **tylě-* (ст.-сл. **тѣлѣти**).

¹¹⁰ Из **temnъ*. Vondrák, VGr². 80, 191, 416 [Вондрак, 1924].

¹¹¹ *нѣмь* сопоставляют с англосакс. *benoetan* «обратить», др.-инд. *nēmas* «поло-
винный», где *ē* из дифтонга; семасиологически оба слова очень далеки от слав. *нѣмь*. Для **сѣмня** предполагают о.-и.-е. тему *koim-*. Слово **тѣмь** проф. Трубецкой
возводит к **tēgmen* (ср. лат. *tego* «покрываю»).

шивается, что давали в положении перед носовыми сочетания других гласных с новыми согласными?

Можно заметить, что о.-сл. *o* (> ст.-сл. **ж**, п. *q*, *el*, слн. *o*) перед носовыми засвидетельствовано только в приставке *sq-* (ст.-сл. **сжмынѣти**, **сжмракъ**, п. *sqmnienie*, слн. *somniti* и пр.), известной в том же положении и с *u*: ст.-сл. **соумьнѣникъ** (Супр.), слн. *sumnēti*, п. *sumnienie*, *sumnienie*, слн. *sumežliv*, п. *sumiot*. Можно думать, что в этом положении всюду фонетически получилось только *u*, а *o* или его рефлексy явились по аналогии со словами, имеющими *sq-* не перед носовой¹¹³. Но ввиду того, что в тех же языках известна приставка *su-* и не перед носовыми: ст.-сл. **соу҃гоубо**, слн. *susek* и др., п. *sugłówek*, *sukrwica*, *sustaw*, такое предположение не идет далее большей или меньшей степени вероятности.

Сочетание *ān* перед *m*, по-видимому, дало в о.-сл. *a* неносовое; такое *a* имеется в р. ц.-сл. **вавилонамъ**, **неро҃салим҃ламъ**, **содом҃ламъ** и т. п., стар. с.-х. **гра҃хамъ**, **дубровѣчамъ**, др.-р. **волоуамъ**, **поламъ**, **деревламн**, где *-амъ*, *-ами* — из **-an-mъ*, **-an-mi*. По аналогии с *a* в дат. и тв. мн. явилось *a* и в местн. мн.: ст. с.-х. **височахъ**, **гра҃хахъ**, др.-р. **поллухъ**, **деревллухъ**, **полочухъ**, ст.-чеш. *Dol'as*, *Březas*, *Lužas*: в этой форме ст.-чеш. правильно сохранял старое *s* после носовой, замененное в ст. с.-х., др.-р. и в более поздних памятниках ст.-чеш. нефонетически звуком *x* по аналогии с местн. мн. всех остальных имен¹¹⁴.

¹¹³ См. Ramovš, ČMF. VIII, 1921, 1 п. [Рамовш, 1921].

¹¹⁴ Zubatý, AslPh. XV, 498 [Зубатый, 1893]; Flajšhans, Мvѣмa, 17 слл.

Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов

Предисловие

Некоторые из мнений, высказываемых мною в настоящей работе, основаны не на объективных данных, а на априорных соображениях и потому не претендуют на полную доказательность. Тем не менее, решаю их опубликовать в надежде, что самая кажущаяся или действительная их парадоксальность облегчит пересмотр затронутых мною вопросов, который приведет, может быть, к более положительным результатам, чем достигнутые до сих пор. Представляя свои соображения на суд лиц, знакомых с литературой вопроса не хуже меня, считаю лишними всякие библиографические примечания и ссылки и воздерживаюсь от всякой полемики. Мнение тех критиков, которые считают главным достоинством научной работы библиографическую осведомленность автора и обстоятельность в передаче чужих мнений, для меня неинтересно. Упомяну лишь, что в своей работе я воспользовался отчасти и теми устными и письменными указаниями и замечаниями, какие были мне сделаны лицами, с которыми я делился своими соображениями, прежде чем решиться на их опубликование. Всем им мое сердечное спасибо.

Предварительные замечания

В нижеследующем изложении буквы славянского алфавита как кирилловского, так и глаголического передаются буквами русского гражданского шрифта с дополнениями из церковнославянского, болгарского и сербского со следующими отступлениями от транскрипции, принятой Ягичем: глаголическое «зѣло» везде называется по имени, чтобы не употреблять букву «з» и не поддерживать в читателе традиционного взгляда, вряд ли правильного, что глаголическое «зѣло», по-

добно позднему кирилловскому «Ѣ», соответствует греческому «Ϝ» («вау» или «стигма»); «Ѥ» описывается или передается через «Д» (у Ягича «А») и буква «Ѧ» через «Л» (а не «Ѧ»), как у Ягича).

Глава I

К вопросу о происхождении и сущности старославянского языка

Свв. Кирилл и Мефодий своими переводами положили начало тому славянскому литературному языку, который в древнейшей известной нам его форме мы называем *старославянским*. Из определения его как литературного вытекает, что под этим термином следует понимать известную норму, которой стремились следовать писатели, переводчики и писцы, писавшие на этом языке, и которую нельзя отождествлять с их индивидуальным языком или живым говором. Старославянскому литературному языку принадлежат только те из языковых черт, извлекаемых нами из его древнейших памятников, которые проводятся пишущими на нем как *нормы*, с тою последовательностью, какую им дозволяет их грамотность; черты, не проведенные в этих памятниках последовательно и представляющие лишь уклонения от принятых пишущими норм литературного языка, самому старославянскому языку, как языку литературному, не принадлежат и должны рассматриваться как отражение тех или других живых говоров или другого литературного языка. Из того же определения следует, что хотя в основе старославянского языка лежал живой говор и что а ргіогі возможен литературный язык, всеми своими чертами совпадающий с живым говором и не заключающий элементов других говоров или языков, мы не имеем права предполагать без достаточных оснований, что старославянский язык, каким мы его знаем, всеми своими чертами совпадал с тем или другим славянским языком или говором.

Являясь литературным языком разных славянских народов, старославянский язык представлял разные варианты в зависимости от различий в языке пользовавшихся им народов и с течением времени испытал всюду сложную эволюцию, значительно удалившую выросшие из него позднейшие литературные славянские языки, как, например, церковнославянский язык болгарской, сербской, русской и чешско-мо-

равской редакции и, наконец, русский литературный язык, от старославянского языка в его первоначальном виде. Хронологической гранью между языком старославянским и развившимся из него церковнославянским языком болгарского, сербского, русского и чешско-моравского изводов я бы предложил условно считать период утраты первым (т. е. именно этим литературным языком, а не говором переписчиков старославянских памятников) двух наиболее характерных фонетических архаизмов: 1) наличия самостоятельных, отличных от других гласных и различающихся между собой, звуков ѓ и ѣ как в сильном, так и в слабом положении и 2) присутствия так называемых носовых гласных. Принятие этого условия устранило бы колебания в отношении того или другого памятника к числу старославянских или нестарославянских¹.

Различиями в языке народов, пользовавшихся старославянским языком как литературным, вызвано существование двух главных вариантов этого языка: 1) чешско-моравского, представленного лишь Киевскими листками (КЛ)² и Пражскими отрывками (Пр. отр.) и единичными словами в писанных латиницей Венских и Пражских глоссах XII в., но отразившегося также в виде единичных моравизмов в написаниях Мар. ев., Син. Пс. и Клоц.³ и 2) болгарского, представленного остальными памятниками старославянского языка, как собственно болгарскими, так и македонскими, сербскими и русскими⁴. Правописание памятников *чешско-моравской* редакции характеризуется употреблением «ѣ» из общеславянского *dj*, «ц» из общеславянского *tj* и *kt* перед палатальными, «шч» из общеславянского *stj*, *skj*, «ѣмь» и «ьмь» в instr. sg. m.; памятников болгарской редакции — «жд» из общеславянского *dj*, *zdj* и *zgj*, «шт» и «ц» из общеславянского *tj*, *kt* перед палатальными, *stj* и *skj* и обычно (кроме памятников русского извода) — «омь» и «емь» в instr. sg. m.

¹ См. Приложение I.

² Доводы в пользу чешского происхождения КЛ собраны Р. Якобсоном в подготовленной к печати статье «О происхождении и о стихотворной форме Киевского Миссала».

³ Мар. *роѣство, виѣжь*, Син. Пс. *невѣѣства, оѣице*, приставка *вѣ-* 9 раз, м. б., *вѣроѣѣмѣшааго, плаѣа* part., *вѣса земла* nom. sg., Клоц. *роѣство* и *роѣствоѣ* 3 раза.

⁴ См. главу II.

Варианты или редакции старославянского языка не следует смешивать со славянскими диалектами, отражающимися в памятниках старославянского языка. Уже в древнейших памятниках болгарской редакции отражаются черты разных болгарских, македонских, сербохорватских и русских говоров; таково смешение њ и њ, указывающее на совпадение гласных њ и њ вообще или при известных условиях; смешение њ и њ с њ и њ, указывающее на говоры, в которых њ и њ совпали с њ и њ; смешение юсов, указывающее на болгарское диалектическое совпадение њ и њ при известных условиях; смешение ж с њ или њ, а њ с њ или њ, указывающее на деназализацию носовых гласных; отсутствие т. наз. *l epentheticum* после губных; в чешско-моравских Пражских отрывках — смешение ж и њ и написание дл вм. л из общеславянского *dl* и др. Поскольку эти особенности встречаются в памятниках лишь как ошибки, т. е. как случайные, непоследовательные отклонения от норм, принятых писцами, они не могут рассматриваться как особенности диалектов старославянского языка, а только как отражение говора писцов. Но как только подобные написания становятся систематическими, они указывают на возникновение нового варианта старославянского языка или на новый этап в его развитии, выходящий за пределы того, что мы называем старославянским языком.

Так как церковнославянская традиция в чешско-моравской области рано прервалась и представлена там только двумя небольшими отрывками, отдельными глоссами и немногочисленными следами в более поздних чешских переводах, причем старший и более ценный из старославянских отрывков чешско-моравского происхождения — Киевские листки — представляя чистый, строго выдержанный образчик чешско-моравского варианта старославянского языка, по своему составу, однако, уклоняется от старшей кирилло-мефодиевской традиции, Пражские листки слишком незначительны и содержат много ошибок писца, а Венские и Пражские глоссы, не сохранившие носовых гласных, являются поэтому памятниками не столько старославянского, сколько церковнославянского языка чешско-моравской редакции, то старославянский язык с достаточной полнотой оказывается представлен только текстами болгарской редакции в широком смысле слова (т. е. болгарскими, македонскими и русскими). Поэтому вполне естественно, что многие ученые, оставляя чешско-моравские памятники старославянского языка в стороне, отождествляют его с его болгарским

вариантом и рассматривают как литературный диалект староболгарского языка, хотя в сущности старославянский язык южнославянских и русских текстов — только один из вариантов старославянского языка. Но было бы слишком поспешно отождествлять болгарский вариант старославянского языка с языком Кирилла и Мефодия.

Чтобы отчетливее представить отношение старославянских памятников друг к другу и к кирилло-мефодиевской традиции, представлю пути славянской письменности в виде генеалогической таблицы.

Из приведенной схемы видно, что представления о языке Кирилла и Мефодия и их переводов, извлекаемые исключительно из памятников южнославянских и русских, основаны на одностороннем материале и могут быть ошибочны, потому что одни южнославянские и русские памятники не дают указаний на те изменения, какие претерпел ст.-сл. язык при своем переходе из Солуни в Моравию и Паннонию, а оттуда в Болгарию, и не позволяют отделить черты, свойственные языку Кирилла и Мефодия, от позднейших, внесенных в ст.-сл. язык лишь после появления учеников Мефодия в Болгарии. Более надежные данные о языке Кирилла и Мефодия могут быть получены лишь путем сопоставления текстов ю.-сл. и русских с текстами чешско-моравскими. Такое сличение позволяет установить с полной уверенностью южнославянское происхождение ст.-сл. языка. Как в ю.-сл. и русских, так и в чешско-моравских памятниках ст.-сл. языка имеются, между прочим, следующие особенности правописания, указывающие на ю.-сл. основу ст.-сл. языка: 1) л из о.-сл. *j* после губных, 2) одно л из о.-сл. *dl, tl*, 3) с в местоименной основе **вьс-** (из чешско-моравских памятников только в КЛ), 4) т в о.-сл. основе *tudj-*, 5) dat.-loc. sg. проп. **тѣвѣ**, 6) может быть, начальное **ра-, ла-** из о.-сл. *or-, ol-* в неаккутованных словах, если в чешско-моравских памятниках это не словакизм.

Что касается правильного употребления носовых, то можно думать, что т. наз. носовые гласные не только в болгарских и македонских, но и в чешско-моравских говорах сохранялись еще в X веке, так что эта черта ст.-сл. языка на его происхождение не указывает.

Но сличение между собою ю.-сл., русских и чешско-моравских памятников ст.-сл. языка оставит без ответа вопрос о том, какую судьбу имели в языке Кирилла и Мефодия и вообще в ст.-сл. языке до образования его чешско-моравского и болгарского вариантов о.-сл. *dj, tj, k't', stj, skj, zdj, zgj*, так как памятники чешско-моравские в этом случае со-

вершенно расходятся с ю.-сл. и русскими, причем ясно, с одной стороны, что передача рефлексов названных сочетаний в чешско-моравских памятниках возникла, несомненно, уже на чешско-моравской почве, а с другой, что и передача их в текстах ю.-сл. и русских, как отвечающая вполне болгарской фонетике, могла также возникнуть и после прихода учеников Мефодия из Моравии и Паннонии в Болгарию, заменивши собой какую-нибудь другую передачу⁵. Единичные орфографические и морфологические моравизмы в Мар., Син. Пс. и Клоц., показывают, что на Балканский полуостров проникали рукописи, писанные мораванами или для мораван; возможно, что такие рукописи были принесены еще в конце IX в., учениками Мефодия, но, несомненно, эти же ученики принесли с собой и тексты, писанные первоначальной орфографией, употреблявшейся Кириллом до поездки в Моравию, и не подвергшиеся систематической моравизации. Была ли эта предполагаемая первоначальная орфография в основном та же, что и орфография ю.-сл. текстов XI в. или другая? Сличение ю.-сл. и русских текстов с чешско-моравскими, как уже сказано выше, на этот вопрос ответа не дает. Но есть другие источники для суждения о языке Кирилла и Мефодия. Это — славянская азбука, изобретенная Кириллом, о составе которой, кроме старших славянских текстов, говорят также славянские стихотворения конца IX или начала X в. с акростихом, древнейшие перечни букв славянской азбуки и глаголическая цифровая система.

Из двух древнейших славянских азбук более отчетливые указания на язык составителя дает *глаголица*. Что глаголица изобретена Кириллом, можно считать установленным: нет оснований сомневаться в достоверности показаний т. наз. паннонских житий и Храбра об изобретении славянской азбуки Кириллом, а в таком случае за глаголицу кроме юсов, ясных по своему составу в глаголице и необъяснимых в кириллице, если признавать ее связь с глаголицей, иначе, как стилизацией юсов глаголических, говорит и то соображение, что вряд ли жития и Храбр могли говорить об изобретении (хотя бы и по образцу

⁵ Следует помнить, что старший памятник чешскоморавской редакции, КЛ, отдален от времени деятельности Кирилла и Мефодия, может быть, на целых 100 лет, а старшие памятники болгарской редакции, по всей вероятности, не менее, как на 100 лет, т. е. на промежуток времени, не меньший того, какой отделяет, положим, Остромирово ев. от Галицкого ев. 1144 г. или Мирославова ев. от Мариинского.

греческой) Кириллом полной славянской азбуки, если бы речь шла о кириллице, потому что в этой последней только 14 букв, отсутствующих в греческом унциале, действительно, изобретены, остальные без изменения как начертаний, так и значений перенесены из греческого унциала⁶.

Следующие особенности состава и начертаний глаголицы могут указывать на язык, для которого составлена славянская азбука: 1) одна буква **ѣ** для *ja*, для *a* после смягченных и для *ě*; 2) особая буква **дзѣло** для мягкой свистящей согласной, получившейся в о.-сл. из *g* перед *ě* и *i* из *oj* и после палатальных гласных, отличная от буквы для *z* (**з**); 3) особая буква **ѣ**, употребляющаяся для передачи греч. *γ* перед палатальными гласными, но занимающая в славянском алфавите место не рядом с буквой, соответствующей греч. *γ* в других случаях, и не в конце алфавита; 4) особая буква **ѣ**, служащая в текстах болгарской редакции для передачи рефлексов о.-сл. *kt* перед палатальными гласными, *tj*, *stj* и *skj* и отсутствующая в текстах чешско-моравской редакции; 5) передача т. наз. носовых гласных посредством сочетаний или лигатур из букв для *o* и *e* и особой буквы, не встречающейся вне такой лигатуры, с буквой, означавшей неопределенную носовую согласную; 6) может быть, также отсутствие особого обозначения для *i* или *j* или хотя бы для сочетаний *i* или *j* с *e* и *e*.

1) *ja*, *a* после смягченных и *ě* передаются одной буквой только в глаголице; в кириллице — две буквы, **ѣ** и **ѣ**, с различным этимологическим значением, причем буква **ѣ** имеется во всех памятниках, **ѣ** почти во всех и притом уже в самых старших. Если в кириллице обе буквы с разным значением существуют издавна, то может явиться вопрос, не было ли в этом случае двух букв с различным значением и в первоначальной глаголице. На вопрос этот следует ответить отрицательно. Если бы в первоначальной глаголице для *ě* и для *ja* и *a* после мягких были разные буквы, то обе они должны были удержаться в чешско-моравском письме, потому что в чешском и словацком языках эти звуки всегда различались этимологически; однако никаких следов другой буквы нет не только в глаголических памятниках болгарского и македонского письма, но и в чешско-моравских. Принимая во внимание высокие достоинства и полноту славянской азбуки, следует думать, что существование в глаголице одной буквы для *ja*, *a* после смягченных и *ě*

⁶ См. главу III.

свидетельствует об отсутствии этимологического различия между этими звуками в говоре, для которого составлялась азбука, т. е. что если в языке и существовало объективное различие между звуками *a* после мягких и *ja*, с одной стороны, и звуком *ě*, с другой, то это различие было обусловлено фонетически (или вообще речевыми условиями) и как этимологический факт отсутствовало. Такое соотношение между этими звуками являлось в IX в. только в болгарских и македонских говорах, где совпали не только старые *ě* и *a* после смягченных и *ja* и *ě* не в начале слова после гласных, как во всех славянских языках, но и *ě* и *ja* в начале слова, различающиеся во всех других славянских языках; потомками таких говоров являются нынешние болгарские и македонские говоры, имеющие начальное *ja* как из о.-сл. *ja* (*яма*), так и из о.-сл. *ě* (*ямь*). Произносился ли гласный звук из старых *ě* и *ā* после *j* и смягченных (о.-сл. *'a*) в говоре, для которого составлена азбука, иначе, чем *ě* не после *j* и смягченных, как в большей части нынешних болгарских и македонских говоров, или одинаково, как в нынешних ю.-вост. болгарских и македонских говорах, на это глаголица прямых указаний не дает, потому что в этих положениях эти звуки если и различались объективно, то не различались этимологически и могли поэтому без ущерба для чтения обозначаться одной буквой.

2) Для свистящей согласной из старого *ǵ* особая буква «зъло» имеется только в ю.-сл. глаголических текстах. В чешско-моравских в звуковом значении эта буква не встречается: в КЛ отсутствуют самые слова и формы, где можно было бы ее ждать, в Пр. отр. **нозѣ** написано с буквой «з». В соответствии же со словац. *dz*, чеш. *z* из *dj* в обоих текстах пишется «з», и та же буква пишется в соответствии со староболг. «**жд**» и в моравизмах Мар., Син. Пс. и Клоц., где вообще буква «зъло» имеется. Отсутствие особой буквы для свистящей из старого *ǵ* и передача свистящей из *dj* через «з» в чешско-моравских текстах могли быть вызваны как тем, что чешско-моравское правописание возникло в области, где эти свистящие не отличались от *z*, так и тем, что соответствующая буква в первоначальной глаголице отсутствовала. Но последнее маловероятно. Если бы буква «зъло» была введена в глаголическую азбуку позднее, вряд ли она заняла бы соответствующее место в глаголической цифровой системе и в глаголическом алфавите (после «**є**» и перед «**з**»). Кроме того, глаголическая буква «з» напоминает греческую букву *ϑ* и может считаться стилизацией этой последней. Составитель

глаголицы мог использовать для передачи славянского *z* эту букву только в том случае, если буква *z* им была использована для какого-то другого звука, близкого по своему произношению к греческому звуку, передававшемуся буквой «ζ»; таким звуком и могла быть звонкая свистящая из старого *ǵ*; т. е. можно думать, что буква «зѣло» соответствует как раз греч. «ζ». Если в первоначальной глаголице были обе буквы, различавшиеся этимологически, то очевидно, что в языке, для которого составлена азбука, им соответствовали два этимологически различных звука. Различие между ними состояло не только в степени палатальности: славянские азбуки не имели особых букв для палатальных *l, n, r, s*, и нет оснований думать, что палатальное *z* в этом отношении представляло исключение. Поэтому надо думать, что из о.-сл. *ǵ* перед *ě* и *i* из *oj* и после палатальных гласных в этом языке было не *z*, а *dž*. Так как в сербохорватских и словенских говорах в этом случае уже издавна *z*, а не *dz*, то и эту особенность азбуки можно понимать как указание на принадлежность говора Первоучителей к болгарской или македонской группе, хотя и не такое решительное, потому что мы не знаем, когда (может быть, после IX в.) в сербохорватском и словенском первоначальное *dž* изменилось в *z*.

3) Загадочной является буква « ». В древнейших текстах она употребляется только для передачи греч. *γ* перед палатальными гласными, притом по большей части в таких греческих словах, которые вряд ли были известны славянам до принятия христианства, да и позднее вряд ли употреблялись в обиходной речи. Для передачи того звука, какой в подобных случаях произносили греки или славяне, когда хотели воспроизвести греческое произношение, изобретать особую букву и помещать ее в алфавите не рядом с буквой, соответствующей греч. *γ* в других случаях, не было никакого смысла. В греч. словах грамотный в греческом письме составитель азбуки субъективно даже вряд ли мог отличить соответствующий звук от греческого *γ* не перед палатальными, если не имел подобного звука в своей славянской речи. Невероятно, чтобы этот звук существовал кроме слов, сознававшихся чужими, только в одном-двух словах греческого происхождения (вроде, напр., слова **ан ель**), настолько усвоенных славянским языком, что они уже не ощущались как чужие. На место непронизносимого греч. *γ* перед палатальными в таком случае мог быть подставлен только какой-нибудь звук, уже существовавший в своем языке. Мы даже не мо-

жем быть уверены в том, что эта буква в глаголице уже с самого начала употреблялась для передачи греческого γ перед палатальными. Константин Болгарский, несомненно, знал эту букву, потому что в его стихотворении с акростихом соответствующий стих имеется⁷. Но вместо слова, начинающегося с этой буквы, он начинает соответствующий стих с произвольно выбранного слова, этой буквы не заключающего. Между тем греческих слов, начинающихся с γ перед палатальными, он не мог не знать, ср. другое анонимное болгарское стихотворение с акростихом X в. в Ярославском молитвеннике, где соответствующий стих начинается с греческого слова **εονα**. Все это заставляет предположить, что буква « γ » была изобретена для передачи какого-то славянского звука, не встречавшегося в начале слова. Правда, в древнейших глаголических памятниках она ни в одном славянском слове не встречается, но отсюда еще нельзя заключать, что и первоначально она ни в одном славянском слове не писалась: могло быть, что звук, для которого она была изобретена, отсутствовал и в том моравском говоре, который отразился на правописании чешско-моравских текстов, и в тех болгарских говорах, которые отразились на правописании древнейших ю.-сл. и русских текстов, и что в обеих диалектических группах соответствующий звук совпал с какими-то другими и потому не требовал для себя особого обозначения. Что же это был за звук? В сербохорватских глаголических памятниках начиная со 2-й половины XII в. и в тех сербохорватских кирилловских памятниках, которые сохранили букву « γ », эта буква и соответствующая ей глаголическая буква употребляются не только для передачи греч. γ перед палатальными, но иногда и для передачи сербохорватских рефлексов о.-сл. *dj*. Возможно, что это и было первоначальное значение буквы « γ ». В таком случае чешско-моравское правописание *должно* было устранить эту букву из своих слов, потому что из *dj* чешский язык имел звук *z*, для которого в азбуке была другая буква, как устранило и букву «**ц**» в значении рефлекса о.-сл. *tj*, заменив ее буквою «**ц**», как сербохорватское и русское правописание устранили букву «**ж**», сербохорватское — букву «**ѣ**», а русское — сочетание «**жд**» в значении рефлекса о.-

⁷ См. Приложение II.

сл. *dj*⁸. Точно так же и болгарское правописание, возникшее в области говоров с *dj > žd'*, должно было устранить букву « » из своих слов по аналогичным причинам. Если буква « » первоначально обозначала рефлекс о.-сл. *dj*, отличный и от чешско-моравского *ž*, и от болгарского *žd'*, то говор, для которого составлена азбука, по судьбе о.-сл. *dj* мог принадлежать к одной группе с нынешними сербскими и зап.-македонскими. Так как против принадлежности его к сербской группе говоров говорит судьба в нем о.-сл. *ě* и, может быть, о.-сл. *ǰ* после палатальных и перед *ě* и *i* из *oj*, то остается одна возможность принадлежности его к группе зап.-македонской. Наблюдатели определяют звук, являющийся в этих говорах более или менее часто на месте о.-сл. *dj*, как *ǰ* палатальное или краепалатальное. В IX в. произношение его могло отличаться от нынешнего (напр., более передней артикуляцией, долготой и т. п.), но вряд ли значительно.

4) Буква «ц» в ю.-сл. и русских текстах употребляется наряду с «шт» для передачи звуковых сочетаний из о.-сл. *kt* перед палатальными гласными, *tj*, *stj* и *skj*. В чешско-моравских текстах «ц» не встречается: на месте о.-сл. *k't'* и *tj* там пишется «ц», а на месте *stj*, *skj* — «шч». Это обстоятельство в связи с тем, что «ц» отсутствует и в старшем ю.-сл. глаголическом тексте — Зогра. и очень редко пишется во второй половине Мар., а из кирилловских памятников отсутствует и в Супр., и что этой буквы нет и в акростихах древнейших славянских стихотворных молитв конца IX или начала X в., дает повод предполагать, что она в первоначальной славянской азбуке как глаголической, так и кирилловской отсутствовала и была введена позднее как лигатура «ш + ч» из-за того, что сочетание «шт» встречалось писцам на каждом шагу и являлась потребность его сократить. Однако против этого говорит то, что «ц» в славянском алфавите занимало первоначально место непосредственно после «w», раньше букв «ц», «ч» и «ш», как видно из ее цифрового значения; в акростихах древнеболгарских стихотворений буква «ц» отсутствует, но соответствующие ей стихи между стихами, начинающимися с «w» и «ц», имеются. Лигатуры того типа, какой

⁸ Обращу внимание на то, что «жд» в этом значении уже систематически заменяется через «ж» в Архангельском ев., которое отделяется от начала письменности на Руси промежутком времени вряд ли много большим промежутка, отделяющего КЛ от начала письменности в Моравии.

представляет начертание «ц», если считать его лигатурой из «ш + т», с написанием второй буквы под первой, в древнейшем славянском письме не встречаются. Действительная лигатура «ш + т» в старом славянском письме существует, но совершенно иная, с «т» наверху. Да и употребление «ц» в славянских текстах XI в. не такое, чтобы давало повод видеть в этом начертании лигатуру. Скорее здесь отражаются разные орфографические системы, из которых система с «ц» вытеснила с течением времени систему с «шт», что не дает еще повода считать первую позднейшей. Конечно, предположение, что «ц» было уже в славянской азбуке, изобретенной Кириллом, основанное на ее цифровом значении, ее месте в алфавите и очевидной ненужности ее в болгарском письме XI в., свидетельствующей о том, что она являлась в этом письме лишь в силу традиции какой-то другой системы письма, где она была нужной,—только гипотеза, не подкрепляемая объективными данными, но, по-моему, не менее правдоподобная, чем основанная исключительно на аргументе а silentio гипотеза о позднейшем возникновении этой буквы. Если «ц» было уже в первоначальной славянской азбуке, то из этого еще не следует, что она и там имела то же значение, с каким она известна из ю.-сл. и русских текстов XI в., т. е. что она обозначала сочетание *št'* или *šč'*. Во втором случае устранение ее из чешско-моравского правописания было бы непонятно, в первом излишне. Решаюсь высказать догадку, что «ц» в доморавской славянской азбуке было знаком для глухой параллели тому звуку, который обозначался буквою « », т. е. для звука, являвшегося в солунском говоре на месте о.-сл. *tj* и *kt* перед палатальными гласными. Естественно, что в чешско-моравском письме она была заменена буквою «ц», а в болгарском, вследствие совпадения рефлексов *tj* и *k't'* с рефлексами *stj* и *skj*, должна была или распространиться и на эти последние, или заместиться сочетанием «шт», передававшим первоначально только рефлекс сочетаний *stj* и *skj*. Эта догадка не противоречила бы предположению о том, что говором, для которого составлялась славянская азбука, был именно солунский говор.

Гипотеза, что в солунском говоре IX в. рефлексам о.-сл. *dj*, *tj* и *kt* перед палатальными гласными были не *žd'* и *št'*, а звуки, давшие в нынешних македонских говорах *ǰ* и *k'*, требует принятия другой гипотезы, что в македонских говорах с двойными рефлексам о.-сл. *dj*, *tj* и *k't'*,

именно, с *g'*, *k'* в одних случаях и *žd'*, *št'* в других, последние являются позднейшим наслоением, т. е., что первоначальные для этих говоров *g'*, *k'* вытесняются в них сочетаниями *žd'*, *št'* (или *ždž*, *šč*) под влиянием болгарских говоров. Думаю, что серьезных препятствий к принятию этой гипотезы нет.

5) Глаголические начертания юсов представляют комбинацию букв для *o*, *e* и какой-то третьей палатальной гласной с буквой для неопределенной носовой согласной и т. о. указывают на то: 1) что соответствующие этим начертаниям звуки произносились в языке, для которого составлена азбука, как сочетания известных гласных с носовой согласной или как гласные носовые и 2) что гласные звуки в этих сочетаниях на носовую или неносовую элемент этих носовых гласных воспринимались говорящими на этом языке или составителем азбуки в первых двух случаях как звуки, более или менее тождественные с *o* и *e*, а в третьем — как звук, нетождественный с другими гласными того же языка. Во всяком случае первые два не были *ъ* и *ь* носовыми, а первый не был также и *и* носовым; если бы было последнее, то составитель азбуки мог бы, пожалуй, передать *и* носовое комбинацией букв из буквы для *o* и буквы для неопределенной носовой ввиду сложности начертания для *и*, но третья носовая должна бы была звучать как *ii* носовое, и не было бы надобности для обозначения ее неносового элемента создавать особую букву, раз славянский алфавит располагал уже двумя буквами для *ii*.

Среди македонских говоров до сих пор есть такие, в которых ст.-сл. юсам соответствуют сочетания гласных с носовыми; но нет надобности усматривать именно в них непосредственных потомков говора Первоучителей, потому что и в остальных македонских говорах, так же как и в словенских и, по-видимому, чешско-моравских, деназализация носовых гласных произошла после IX века. В македонских, как и во всех южнославянских говорах с неносовыми гласными из старых носовых, о.-сл. *e*, поскольку не совпало с о.-сл. *o*, всюду дало *e*; тот же звук получился в болгарских и македонских говорах и из старого *ь*; поэтому судьба *e* в южнославянских языках не дает никаких указаний для локализации говора Первоучителей. По судьбе старого *o* нынешние македонские говоры представляют 2 группы: в более южных, занимающих территорию, в состав которой входит и территория старого солунского говора, старое *o* частью совпало со старым *ъ* в одном звуке,

именно в звуке *ѡ* или *o*, частью дало *a*; в более северных старое *q* вообще дало *u*. Если признать, что те или другие из них стоят в генетической связи с говором Первоучителей⁹, то надо допустить, что в них изменение о.-сл. *q* в *ѡ* носовое, откуда позднее *ѡ* или *a* неносовые, или в *u* носовое, откуда нынешнее *u* неносовое¹⁰, произошло после IX века. Т. о., более точная локализация говора, для которого была составлена славянская азбука, связана с ответом на вопрос, когда произошло болгарско-македонское изменение о.-сл. *q* в *ѡ* носовое или северномакедонское и сербское изменение его в *u* носовое, до или после IX века; если признать, что первое произошло до IX в., а второе — после, то продолжателями старосолунского говора по отношению к судьбе *q* придется считать не нынешние южномакедонские, а нынешние северномакедонские говоры; при обратном предположении можно таких продолжателей видеть и в южномакедонских говорах. Впрочем, и при первом предположении возможно, что в тех говорах, где с течением времени о.-сл. *ѡ* и *q* совпали в одном звуке *o*, гласная *ѡ* носовое, получившаяся в них из о.-сл. *q* еще в доисторическую эпоху, как и в остальных болгарских и македонских говорах, вторично изменялась в *o* раньше, чем *ѡ* неносовое изменилось в *o*, и составление азбуки относится к тому периоду, когда *ѡ* носовое уже перешло в *o*, а *ѡ* неносовое еще сохранялось. В таком случае продолжателями старого солунского говора по судьбе *q* пришлось бы считать нынешние *дебрские* говоры. Вообще вопрос о том, в каком отношении стоят по судьбе о.-сл. *q* нынешние македонские говоры к тому говору, для которого была составлена славянская азбука, остается неясным.

6) Отсутствие особого обозначения для *je*, *jė* или *je*, *jė* в глаголице и, по-видимому, в первоначальной кириллице свидетельствует о том, что в говоре, для которого составлялась азбука, *e* и *ie* (*je*), равно как и *ė* и *jė*

⁹ Если признать, что в генетической связи с говором Первоучителей стоят не нынешние южномакедонские, а нынешние северномакедонские говоры, то придется предположить, что первоначальный солунский говор был с течением времени вытеснен из своей прежней территории болгарскими говорами.

¹⁰ На то, что между старым *q* и нынешними *ѡ* и *u* были ступени с *ѡ* и *u* носовыми, указывают, с одной стороны, диалектическое македонское *ѡт* и *ѡн* из о.-сл. *q*, с другой — передача рефлексов о.-сл. *q* через «up» в латинской транскрипции хорватских и чешских имен в X в. и *un* в немецких и финских заимствованиях из славянских языков.

(*je*), в одних и тех же положениях не встречались. После согласных, очевидно, было только *e* и *e*: те сочетания, которые в известной группе кирилловских памятников передаются через сочетания «н» и «л» с «е» и «л» йотированными, звучали, надо думать, с *n* и *l* палатальными и *e* или *e*; а сочетания губных *s**j*, имевшиеся в болгарских и моравских говорах X и XI в., в том говоре отсутствовали. Что касается *e* в середине слова после гласных, то памятники и болгарской, и чешско-моравской редакции указывают на то, что буква «е» в этом положении передавала сочетание *je* или *je*, потому что *e* без йотации после *a* и *b* в своих словах изменялась в этом говоре в *a*, а после *e*, что могло быть только в греческих словах,— в *o*: **ЕОНА, ВИТЛЕОМЪ** и т. п.¹¹; после *i*, по-видимому, и в этом говоре, как и в говоре, отразившемся на правописании Супр., *e* в греческих словах получало перед собою *i*. Остается вопрос, различались ли в этом говоре *e* и *e*, с одной стороны, и *je*, *je* (*je*, *je*), с другой стороны, в начале слова, или же в начале слова могло быть только *je*, *je* (*je*, *je*) или, наоборот, только *e*, *e* без йотации. В нынешних болгарских и македонских говорах очень распространено произношение с начальным *e* без йотации; в некоторых из них сочетание *je* или *je* в начале слова отсутствует вовсе. Но очень трудно допустить, чтобы такое произношение сохранилось в этих говорах от IX в., а не явилось позднее, вследствие отпадения начального *i*.

Обратному предположению, что в начале слова перед *e* обязательно являлось *i* или *j*, противоречат, во-первых, греческие слова с начальным *e*, которые вряд ли произносились с йотацией, а во-вторых, указания живых славянских языков, которые все имеют ряд слов со старым начальным *e* (в зап.-славянских языках в этих случаях является также *he*). Сюда принадлежат некоторые указательные, частичные и эмоциональные слова, как сербские *evo*, *eto* и пр., русское *этот*, словац. *hej*, словен. *ep* и т. п. В говоре, отразившемся на написаниях Супр. и правописании русских рукописей XI и XII вв., сюда относились слова **есе**, **еда**, **ен** и др. Кроме того, в части ю.-сл. говоров, отразившейся на правописании тех же памятников, начальные *e* и *je* (*je*) различались и в своих полнозначных словах: с начальным *e*, наприм., там произноси-

¹¹ Что произносили славяне в греч. словах на месте *e* после *a* и *u*, неясно, потому что в древнейших текстах, предназначенных для публичного произнесения, такие слова, как **аеръ**, **летни**, **оуена**, **оуеспасанъ**, не встречаются.

лись слова **ЕЗЕРО**, **ЕЛЕНЬ**, **ЕРАВЬ**, **ЕТЕРЪ** (сюда же, вероятно, относится и **ЕСЕНЬ**, не засвидетельствованное старшими памятниками с таким правописанием), а с начальным *je* (*je*) — формы глаголов **КСМЪ**, **КМЛЖ**, косвенные падежи местоимения и (**ЮГО**, **КМОУ** и пр.), слово **ЮДИНЪ** и др. Это различие сохранилось до сих пор в некоторых болгарских и македонских говорах, различающих *ezero*, *esen* и пр., с одной стороны, и *je*, *jedin* и т. п. — с другой. Различие начальных *je* и *e* в подобных случаях — очень старое, так как засвидетельствовано русским и нижнелужицким языками. Рядом с говорами, различавшими начальные *e* и *je* (*je*), были, очевидно, издавна и такие южнославянские говоры, в которых начальное *e* без йотации могло быть только в известной группе эмоциональных, частичных и указательных слов, а в своих полнозначных словах являлось только *je* (*je*). Наличие в говоре Первоучителей начального *e* без йотации в нескольких частичных и эмоциональных словах и произношение с начальным *e* греческих слов не требовало введения различных обозначений для начального *e*, с одной стороны, и начального *je* — с другой: слова частичные и эмоциональные с начальным *e* помимо того, что были очень немногочисленными, занимают вообще в языковой системе особое положение, и отсутствие йотации перед *e* в этих словах было, так сказать, обусловлено функционально. Что касается греческих слов с начальным *e*, то достаточно было сознавать их как чужие слова, чтобы читать их правильно, потому что греческих слов с начальным *je* в славянских текстах не было: греч. *ye* читалось как **ѣ**, и только позднее стало читаться у славян как *je*, а греч. *ie* славяне читали как *ije*. Различались ли в говоре Первоучителей начальные *e* и *je* в своих полнозначных словах, сказать нельзя, потому что это различие было обусловлено фонетически и, следовательно, для языкового сознания могло отсутствовать.

* * *

Некоторые указания на язык, для которого составлялась азбука, дают *древнейшие болгарские стихотворения с акростихом*.

1. Из того, что оба старших стихотворения начинаются со слова **АЗЪ**, которое в то же время является и старым названием первой буквы алфавита, мы можем заключить, что в этом слове было начальное *a*,

а не *ja*, так как последнее было бы передано буквою «Ѣ», что не позволило бы начать стихотворение с этого слова. Произношение *азъ* предполагает и произношение *авлъко*, *агода*, *агна* и пр. В настоящее время такое произношение сохранилось только в вост.-болг.; в зап.-болг. и в македонск. в этих словах по большей части — начальное *ja*: *iasь*, *iaгне* и пр. Возможно, что *j* перед *a* в таких словах в зап.-болг. и макед. вторичное: при каких-то условиях оно отсутствует и здесь: *авлъко*. В сербохорватском и остальных славянских языках в таких случаях издавна только *ja*.

2. В стихотворении Константина Болгарского стих, соответствующий букве « » , начинается с произвольно выбранного слова. Это свидетельствует о том, что Константин для этого стиха не мог подобрать слова, начинающегося с « ». Так как в случае отсутствия своих слов, начинающихся с той или другой буквы, Константин пользовался для акrostиха греческими словами (*упостась*, *фарисей*), то можно думать, что в славянской азбуке, которой пользовался Константин, буква « » еще не имела того значения, с каким она нам известна из азбучной молитвы Ярославского молитвенника и старших глаголических текстов, начиная с КЛ, т. е. еще не употреблялась для передачи греческого γ перед палатальными гласными и, следовательно, употреблялась только для передачи какого-то славянского звука, не встречавшегося в начале слова. Этим звуком мог быть согласный звук из о.-сл. *dj*, так как в славянских языках нет слов, начинающихся с рефлекса о.-сл. *dj*. В стихотворении Ярославского молитвенника соответствующий стих начинается со слова *ѡна*, т. е. буква употреблена в том же значении, как и в старших глаголических текстах.

3. В обеих старших ст.-сл. молитвах с акrostихом букве «Ѡ» соответствуют стихи, начинающиеся с буквы «п». Можно думать, что это совпадение не случайно и что буква «п» здесь соответствует греч. ψ , которое заменило собою букву «Ѡ», как занимающее в алфавите почти то же место (рядом с ω , хотя и не перед ним, как греч. ψ , а после). Отсутствие же стихов, начинающихся с «Ѡ», может объясняться тем, что в языке авторов не было слов, начинающихся со звука, обозначаемого этой буквой. Это могло быть лишь в том случае, если в славянском письме буква «Ѡ» не передавала рефлексов о.-сл. *stj*, *skj*, так как в ст.-сл. текстах, содержащих кирилло-мефодиевские переводы, слова, начи-

нающиеся с «шт» и «ц», такого происхождения обычны. Наоборот, «ц» или «шт» (в памятниках чешско-моравской редакции «ц») из о.-сл. *tj* в начале слова почти не встречается. В древнейших ст.-сл. текстах «шт» или «ц» такого происхождения — только в основе **штоужд-**, которая однако известна о тех же памятниках с начальным **т**: **тоуждь**. Судя по тому, что в нынешних ю.-сл. языках эта основа известна только с начальным **т** и в КЛ пишется также с начальным **т**, можно думать, что то же было и в языке Первоучителей, т. е. что там эта основа начиналась с *t*, а не рефлекса о.-сл. *tj*. Была в о.-сл. и другая основа, начинавшаяся с *tj*, — *tjut-*, являющаяся в русском *чутьё, очутиться*, ст.-сл. **оцютити**, срб. *hýteti* «молчать, чувствовать», *hýtliv* «молчаливый», чеш. *cit* «чутье, чувство», *čítiti* «чувствовать». Но в древнейших ст.-сл. текстах эта основа встречается только в глаголе **оцютити**; слов с той же основой без приставки там нет, и возможно, что их не было и в языке Константина Болгарского и автора стихотворной молитвы Ярославского молитвенника или что они считали удобным для акростиха брать только слова из св. Писания.

4. После стиха на букву «Ѣ» в обоих старших стихотворениях с акростихом следует стих на буквы «хв», а затем стих на букву «ѣ»; таким образом, нет стиха на букву «ж», но стих на букву «л» имеется, только не рядом со стихом на букву «ѣ», а после стиха на букву «ю». Предполагать случайный пропуск стиха на букву «ж» переписчиками обоих стихотворений нет оснований. Возможно предположение, что или «ж» и «ѣ» считались вариантами одной буквы, а стих, начинающийся с «хв», соответствует какой-то другой букве, или же этот стих соответствует букве «ж», но в языке авторов обоих стихотворений не было слов, начинающихся с «ж». Второе было бы возможно только в том случае, если бы в языке авторов перед начальным звуком, передававшимся буквою «ж», обязательно являлся неслоговой звук (*w* или *ǰ*); первое только в том случае, если звуки, обозначаемые буквами «ж» и «ѣ», этимологически не различались, а объективное различие между ними было обусловлено фонетически или вообще речевыми условиями. Это могло быть именно в том случае, если перед начальным звуком, передававшимся буквою «ж», развивался неслоговой звук *w* или *ǰ*: в первом случае различие между этими звуками было бы обусловлено положением после непалатальных и после палатальных, во втором случае на-

чальный гласный звук, передававшийся буквою «ѣ», оказавшись после *i*, должен был измениться в палатальный гласный звук, передававшийся буквою «ѣ̣», и таким образом различие между этими гласными звуками оказывалось бы также фонетически обусловленным. Ввиду этого первое предположение оказывается лишним: составителю азбуки не было надобности вводить две буквы для звуков, этимологически не различавшихся. Впрочем, оба предположения не подтверждаются и старшими памятниками ст.-сл. языка, правильно различающими «ѣ» и «ѣ̣» в начале слова. Поэтому надо искать другую причину отсутствия стиха на букву «ѣ̣». Такой причиной могло быть и то, что в славянском алфавите особой буквы «ѣ̣» не было; была свободная, не связанная в лигатуру комбинация: «о» + буква, передававшая неопределенную носовую согласную, между тем как «ѣ̣» было такой же комбинацией *особой* буквы с буквой для неопределенной носовой согласной. Именно эта особая буква, а не ее комбинация с буквой для неопределенной носовой, и занимала в алфавите место перед «ю». Если так, то и последней буквой алфавита не была буква «ѣ̣», представляющая в глаголице комбинацию «ѣ̣» с буквой для неопределенной носовой согласной, а именно эта последняя. Но соответствующие ей стихи в обоих стихотворениях указывают, что уже во время Константина Болгарского эта буква могла употребляться и в значении «ѣ̣», как в Зогр.; но такое употребление не было исконным. Такое понимание указаний акростихов делает объяснимым, почему буквы «ѣ̣» и «ѣ̣» отделены в алфавите одна от другой буквой, обозначающей неносовой гласный звук («ю»): первая часть комбинации, соответствовавшей кирилловскому «ѣ̣», не обозначала сама по себе носовой гласной, а буква «ѣ̣» обозначала носовую согласную. За то, что в первоначальном алфавите перед «ю» было не «ѣ̣», а только буква, составляющая первую часть комбинации, передаваемой в кириллице через «ѣ̣», говорит и древнейший славянский алфавитарий XI в., в котором в глаголическом алфавите на соответствующем месте имеется именно эта буква¹².

Что касается *названий* букв славянского алфавита, то из них, кажется, нельзя извлечь надежных данных для суждения о языке Первоучителей, кроме тех, какие можно добыть и иным путем. Притом нет

¹² См. Приложение 3-е.

достаточной уверенности в том, что все эти названия первоначальны. Название буквы « » не сохранилось. Название буквы «ц», по-видимому, вторичное. Название «юсь» первоначально относилось к букве «ю», как видно из *Abesepagium bulgaricum*; следовательно, не сохранилось названий еще двух или трех гласных букв.

Таким образом, сравнение между собою показаний старших текстов болгарской и чешско-моравской редакции и анализ состава и начертаний глаголической азбуки в связи с анализом акростихов древнейших ст.-сл. стихотворений позволяет сделать вывод, что говор, для которого Кирилл составил в Солуни азбуку и на который он начал переводить еще там Евангелие, отличался следующими чертами:

1. Произношением начального *a* без йотации в слове *азъ* и, надо думать, в других словах, известных с начальным *a* из старших памятников и нынешних болгарских и, частью, македонских говоров;

2. отсутствием этимологического различия *ja* и *ě*, т. е. одинаковыми их рефлексами при одинаковых фонетических положениях, в том числе и в начале слова;

3. сохранением гласных *ъ* и *ь*, отличных от других гласных того же говора, не совпадавших между собой и сохранявшихся как самостоятельные гласные и в сильном, и в слабом положении;

4. произношением сочетаний гласных *o* и *e* (*a* не *ъ* и *ь*) с неопределенной носовой согласной (надо думать, редуцированной) из о.-сл. *o*, *e*;

5. отсутствием этимологического различия *e* и *je*, равно как и *e* и *je* (в одном и том же фонетическом положении или при одинаковых функциональных условиях могло быть только *e* и *e* или *je* и *je*);

6. произношением *l* из о.-сл. *dl*, *tl*;

7. произношением сочетаний губных с *l'* из о.-сл. сочетаний губных с *j*;

8. произношением *g* и *k'* палатальных или других палатальных согласных, отличных от других согласных того же говора (между прочим, и от палатальных согласных из о.-сл. *stj*, *skj* и *zdlj*, *zgj*), из о.-сл. *dj*, *tj* и *kt* перед палатальными гласными;

9. формами прилагательных членных с окончаниями gen. sg. m. *-ajego* или *-aago*, dat. sg. m. *-ujetu* или *-uutu*, loc. sg. *-ějetь* или *-ěětь* и т. д.;

10. формами dat. sg. личного местоимения 2-го лица и возвратного *tebě, sebě*;
11. формами praes. 2 sg. на *-ši*, 3 sg. и pl. на *-tъ* и 1 pl. на *-mъ*;
12. формами nom. sg. m. причастий на *-y*;
13. начальным *t-* в прилагательном *tudjъ* (в текстах болг. редакции **тоудъ**, в КЛ **тоудимъ**).

Из перечисленных черт черты 7, 10 и 13 указывают на принадлежность говора к числу южнославянских; 1 и 2 — к группе болгарской или македонской; черта 8 при наличии черт 1 и 2 может указывать только на Зап. Македонию; присутствие в нынешних зап.-македонских говорах *i* перед начальным *a*, совпадение *ъ* и *ь* с *o* и *e*, отсутствие *l'* после губных, частые, а в ю.-макед. говорах господствующие, но не вытеснившие окончательно старых *ǰ* и *k'* сочетания *ǰd*, *št* и *ǰdž*, *šč* на месте о.-сл. *dj*, *tj* и *k'*, *l'* можно рассматривать как черты вторичные.

Все это позволяет с известной уверенностью утверждать, что говор, для которого была составлена азбука и который лег в основу ст.-сл. литературного языка, был современным Кириллу говором славянского населения окрестностей Солуни и принадлежал к той группе македонских говоров, потомками которой являются нынешние западно-македонские говоры, начиная от самой Солуни.

Этому говору не суждено было, однако, стать литературным языком. Со своей азбукой и начатым переводом Евангелия Кирилл должен был идти в Моравию, где речь местного населения была несколько иная. Особенности местного говора не могли не отразиться на текстах, переписанных и, тем более, переведенных в Моравии и Паннонии, и с течением времени привели к созданию чешско-моравского варианта ст.-сл. языка, в котором некоторые чешско-моравские черты проявились уже с полной последовательностью. Когда, по смерти Мефодия, его ученики пришли в Болгарию, среди них были и сотрудники Кирилла, работавшие с ним, может быть, еще в Солуни; между принесенными ими книгами были и такие, правописание которых еще не было приспособлено к моравскому или паннонскому произношению, но были и книги, переписанные мораванами, заключавшие в своем правописании моравизмы. Но говор той части Болгарии, куда прибыли ученики Мефодия, или, может быть, то болгарское *κοινή*, ко-

торым говорили при дворе царя Бориса, отличался не только от говоров паннонских и моравских, но и от солунского говора. На месте о.-сл. *dj*, *tj* и *k'*, *t'* в нем, несомненно, были те же сочетания, что и на месте о.-сл. *zdj*, *stj* и *skj*, и именно — сочетания *žd'*, *št'*; по-видимому, в нем старое *ь* после шипящих изменилось в *ѣ*; само *ь*, может быть, при каких-то условиях изменилось в *о*, а *ѣ* — в *е*. Это не могло не отразиться на ст.-сл. правописании. Ни первоначальное правописание, о котором мы можем только гадать, ни правописание моравское, передававшее рефлексы о.-сл. *dj*, *tj* и *k'*, *t'* иначе, чем рефлексы *zdj*, *stj* и *skj*, не могли сохраниться. От первоначального правописания не сохранилось никаких следов, кроме наличия букв, ненужных в новом болгарском правописании; от правописания моравского в текстах, писанных вне пределов Чехии или Моравии, — единичные ошибки в виде написания «з» и «ц» на месте болгарских «жд» и «шт» из о.-сл. *dj*, *tj*, *k'*, *t'* в Мар., Син. Пс. и Клоц. Полному торжеству болгарского правописания способствовала та работа, какая велась при дворе Симеона Болгарского, сказавшаяся не только на возникших тогда переводах и новых редакциях старых переводов, но и на текстах, переписанных в провинциальных захолустьях с текстов досимеоновских.

Глава II

Редакции (литературные диалекты) старославянского языка

Литературные нормы ст.-сл. языка болгарской редакции не были одинаковы всюду, где эта редакция была принята. Тем не менее, несмотря на все различия между текстами македонскими и восточно-болгарскими, трудно указать такие черты, которые были бы нормированы в той или другой группе, как черты, характерные для нее. В правописании такими чертами являются, может быть, различие «ѣ» и «ю», «л» и «ѡ» и «ѣ» и «ѡ» в текстах одной группы и неразличение их в текстах другой группы. Но эти черты — чисто орфографические, которые вряд ли указывают на какие-либо существенные различия в самом литературном языке. Отсутствие «л» после губных в Супр. не является чертой, проведенной вполне последовательно; т. о., и Супр. в этом отношении не окончательно порывает со старыми нормами. Присутст-

вие форм асигматического и архаичного сигматичного аориста в текстах одной группы и отсутствие таких форм в текстах другой группы также недостаточны для того, чтобы говорить о разных — македонском и восточноболгарском — литературных диалектах старославянского языка, потому что и в тех и других текстах формы вторичного сигматического аориста обычны. Словарные различия между текстами македонскими и восточноболгарскими сводятся к пополнению общего словаря словарными дублетами: кирилло-мефодиевские переводы и в восточноболгарских списках сохраняют в общем старый словарь, а симеоновские переводы и в македонских списках включают слова восточноболгарского происхождения.

Собственные нормы, отличные от норм южнославянских, вырабатываются в XI в. в правописании *русских текстов*. Уже в текстах, еще сохраняющих **ж** и сравнительно правильное употребление «**ъ**» и «**ь**», проявляется тенденция к последовательному проведению некоторых особенностей правописания, связанных с особенностями самого языка и несвойственных правописанию ю.-сл. текстов, а именно: 1) написания «**ъ**» и «**ь**» перед плавными или по обе стороны плавных: эта черта последовательно проведена уже в первом почерке Остром., 2) написание «**ж**» вм. «**жд**» из *dj*; правда, ни в одном из памятников, сохраняющих **ж**, эта особенность еще не проведена последовательно; тем не менее подобные написания настолько многочисленны, что не похожи на простые ошибки писцов, а свидетельствуют о зарождении новой орфографии, 3) instr. sg. m. на **-ъмь**, **-ьмь**, как и в текстах чешско-моравской редакции, 4) 3-е л. глаголов на **-тъ**, 5) «**а**» или «**ѡ**» в суфф. прилагательных **-ан** вм. ю.-сл. **-ѡн**.

Однако и эти особенности старших русских текстов не так значительны, как особенности, отличающие ст.-сл. тексты чешско-моравской редакции от текстов болгарской редакции, и недостаточно отчетливо выделяют русский литературный диалект старославянского языка.

Глава III

Происхождение и взаимоотношение славянских алфавитов

Греческое письмо IX в. представляло две разновидности: уставный унциал, употреблявшийся в официальных надписях и роскошных спи-

сках Евангелия, и скорописные минускулы. Между обоими типами письма было большое различие: некоторые минускульные буквы совершенно не похожи на соответствующие унциальные, другие если и похожи, то все же заметно и отличаются от унциальных. Эти две разновидности, различаясь между собою функционально, сознавались функциональными разновидностями одного алфавита, несмотря на то, что не совпадали между собой даже по составу: в минускульном письме было несколько лигатур, носивших характер особых букв (ει, ζ и др.); минускульное начертание «β», похожее на русское курсивное «и», может быть, не соответствует по происхождению унциальному «В».

Та же двойственность перешла и в славянское письмо: греческий устав сохранен в кириллице, греческому минускулу соответствует глаголица. И не случайно, быть может, старшие официальные славянские надписи — кирилловские, а старшие глаголические рукописи не отличаются роскошью и тщательностью выполнения. Поэтому а priori можно думать, что оба алфавита, вернее обе разновидности одного славянского алфавита, и кириллица и глаголица, были созданы или задуманы одновременно, для разных функций; говоря о кирилловском алфавите, имею в виду не все буквы этого алфавита, а только дополнительные к греческому, так как до изобретения славянской азбуки славяне могли пользоваться обеими разновидностями греческого письма в применении к своему языку, не внося в греческий алфавит никаких изменений и дополнений. Ни старые жития Кирилла и Мефодия, ни черноризец Храбр в том случае, если были знакомы и с глаголицей, и с кириллицей, не имели никакой надобности говорить о двух славянских азбуках, потому что для них это была одна азбука, только в разных применениях, как для современных им греков унциал и минускул были одной азбукой, как одной азбукой для нынешнего европейца являются прямой шрифт и курсив, буквы заглавные и строчные.

В научной литературе господствует совершенно неправильное представление о глаголице как письме более трудном, вычурном и менее ясном, чем якобы более простая, легкая и ясная кириллица. Это представление основано на недоразумении. Для резьбы на камне кириллица, содержащая только прямые линии и в умеренном количестве простейшие геометрические кривые (дуги, овалы и полуовалы), конечно, легче глаголицы. Но для письма на пергамене глаголица, значительная часть букв которой может быть написана без отрыва руки и представ-

ляет различные комбинации простейших петель и дуг, конечно, *легче, удобнее и скорее кириллицы*. Становясь на точку зрения ученых, видящих в глаголице слишком вычурное письмо и предполагающих, что глаголица была вытеснена кириллицей будто бы потому, что последняя удобнее и легче, мы должны признать курсивное письмо нынешней русской и латинской азбуки не только более сложным, но и более трудным, чем печатные инициалы этих азбук; на самом деле для письма первое, конечно, легче. Будучи более легкой для письма, чем кириллица, глаголица несомненно уступала в этом отношении греческим минускулам, зато превосходила их в четкости.

Нет оснований сомневаться в том, что глаголица изобретена Кириллом. И жития, и Храбр говорят об изобретении им полной славянской азбуки, что не подходит к одной кириллице, в которой только дополнительные буквы сочинены. Греки, современники Кирилла, писали исключительно минускулами; унциалами пользовались только в надписях и при изготовлении особенно роскошных рукописей, и трудно было бы понять, что за охота была Кириллу применять их к славянскому письму и там, где требовалась спешность.

Основной принцип, которым руководился Кирилл при составлении азбуки, такой: в славянскую азбуку перенесены все греческие обозначения для тех звуков, которые являлись общими (хотя бы до известной степени) обоим языкам, и созданы новые обозначения для звуков, отсутствовавших в греческом языке или не имевших особых обозначений в греческом письме. В тех случаях, когда греческое письмо располагало одним обозначением для двух звуков, существовавших и в славянском языке и этимологически в этом последнем различавшихся, Кирилл также создавал вторую букву для одного из этих звуков. Такого происхождения, может быть, буква «б» и буква, обозначающая в глаголической азбуке неопределенную носовую согласную и соответствовавшая греческ. «γ» перед небными согласными. Принцип этот особенно ясен из числа и начертаний букв для гласных: для каждого гласного звука славянского языка, имеющегося и в греческом языке или отождествлявшегося с известным звуком греческого языка,—столько же букв или обозначений, сколько и в греческом письме, и звук *и*, передававшийся в греческом письме двумя буквами, передается так же и в славянском письме. Этот принцип не выдержан только по отношению к букве «ц» — соответствующий звук был и в тогдашнем

греческом языке и передавался в греческом письме двумя буквами «тζ». Но там этот звук имелся только в чужих словах, ясно ощущавшихся как чужие, и потому отступление от греческой традиции в этом случае понятно. Те греческие буквы, которые обозначали греческие звуки, отсутствующие в славянском языке, в своем основном значении взяты не были. Букву ф славяне читали как *р*, и в этом значении, но только для греческих слов с этой буквой, она была принята и в славянский алфавит; нечто подобное было и с буквой «ψ», которая употреблялась только в греческих словах, тогда как для звука *й* в славянских словах приспособлена была буква «ю» («ю»).

Буквы θ, ξ и ψ, звукового соответствия которым в славянском языке не было, оказывались лишними. Не только θ, но и сочетания *ks* и *ps* были для славян IX в. непроизносимы; заимствованные из греческого языка слова с *ks* и *ps* произносились славянами с гласным звуком *ъ* или *ь* между согласными: **пъсалътърь**, **екъсаръхъ**. Для потребностей славянского письма тех букв, которые были взяты из греческого письма в тех же или приблизительно тех же значениях, какие они имели в этом письме, было недостаточно; требовались новые буквы; естественно было воспользоваться для этого прежде всего теми греческими буквами, которые не могли быть взяты в первоначальном значении. Действительно, греческое θ легко узнать в начертании глаголической буквы «з» («земля»); если глаголическое «зѣло» соответствует греческому «ζ», а «ψ» греческому «ι», то глаголическая буква «з» («земля») занимает то же место, что и греческое «θ», после буквы, соответствующей греческому «ζ», и перед буквой, соответствующей греческому «ι», так как буква, соответствующая греческому «η», именно Ѡ, хотя и имеется в глаголической азбуке, но в алфавите и цифровой системе особого места не занимает, считаясь дублетом к «ψ». Если глаголическое «з» соответствует греческому «θ», то можно думать, что и греческие «ξ» и «ψ» в глаголице также использованы для передачи славянских звуков, отсутствовавших в греческом. Наибольшее сходство с греческим курсивным «ξ» из глаголических букв представляет « » в том начертании, в каком оно встречается в наиболее архаичных по начертаниям букв рукописях — Киевских листках, Пражских отрывках, Зогра и Мар.: эту букву можно рассматривать как стилизацию греческого минускульного «ξ», поставленного на бок. Заметим, что из славянских букв, не имеющих себе полного соответствия (по значению) в греческом алфавите, только «з»,

« » и «ж» оказались в середине азбуки. Что касается греческого ψ, то не оно ли послужило источником для «ц»? Среди курсивных начертаний «ψ» можно найти такие, которые напоминают кирилловское «ц»; как «ψ» в греческом алфавите, так и «ц» в славянской азбуке стоит рядом с «w», хотя в разном порядке; в обоих сохранившихся болгарских стихотворениях с акростихом X в. букве «ц» соответствуют стихи, начинающиеся со слов с начальным «п»: *печаль, пѣснь*, что может указывать на «ψ»¹³. За то, что буква «ц» была самостоятельной буквой, а не лигатурой и входила в состав древнейшего славянского алфавита, говорит, между прочим, ее место в глаголице раньше «ц», «ѣ» и «ш» и ее цифровое значение. Правда, ее нет в чешско-моравских глаголических текстах, в Клоц. и Зогр., а из кирилловских — в Супр. и Македонск. листке, но в чешско-моравских текстах ей в значении рефлекса о.-сл. *lj* соответствует «ц», а потому отсутствие ее в этих текстах непоказательно, а наличие ее в Ассем., 1-м почерке Мар., Макед. и Григоров. вряд ли следует относить на долю меньшей архаичности их по сравнению с Зогр., Клоц. и 2-м почерком Мар. Из кирилловских текстов «ц» имеется в Сав. и Хиланд., памятниках по палеографическим признакам не менее, если не более архаичных, чем Супр.

Порядок букв, взятых из греческого алфавита, в глаголице сохранен первоначальный и нарушается только вставкой букв, отсутствующих в этом алфавите, но не перестановкой. Поэтому помещение в глаголице буквы ѳ после Ѡ, явно соответствующей греческому ι, свидетельствует о том, что ѳ никак нельзя выводить из греч. η, занимавшего в греч. алфавите место раньше ι, а должно объясняться иначе, скорее всего из греческой курсивной лигатуры ει.

¹³ По-видимому, и старое название буквы «ц» не соответствовало ее произношению. В *Abecedarium bulgaricum* вслед за названием w — «ot», стоящим по ошибке над «паукообразным χ», непосредственно следует «ре» (т. е. кирилловскими буквами — «пѣ» или «пѣѣ»); в глаголической цифровой системе непосредственно после w следует ц; в старших стихотворениях с акростихом после стихов на букву w идут стихи, начинающиеся со слов «печаль» и «пѣснь», и в Сказании Храбра по списку Московской Духовной Академии, очевидно, той же букве соответствует название «пѣѣ». В *Abecedarium bulgaricum* название «ре» стоит, правда, над буквой «ц», но это потому, что буква «ц» пропущена, так же как и название буквы «ц». См. Приложение 3-е.

Состав глаголической азбуки довольно точно определяется древнейшими болгарскими стихотворениями с акростихом, именно, азбучной молитвой Константина Болгарского и азбучной молитвой в Ярославском молитвеннике XIII в. Акростиhi обеих молитв содержат 36 букв¹⁴. Буквы **ѡ**, **ѣ**, **ѧ**, **Ѩ**, **ѩ** в первоначальный алфавит не входили, так как не были самостоятельными буквами, а представляли комбинации из двух букв. В обоих старших стихотворениях с акростихом 22-й стих начинается с греческого слова *тѡстасъ*, а стиха, начинающегося с «**ѡ**», нет¹⁵. Нет и стиха, начинающегося с «**ѧ**»¹⁶, а стихи, начинающиеся с «**ѩ**» и «**Ѩ**», соответствуют, очевидно, первый — той букве, которая писалась в начале сочетания, передаваемого в кириллице через «**ѩ**»¹⁷, а второй — той букве, которая писалась в конце сочетаний, обозначавших так наз. носовые гласные, и передавала первоначально неопределенную носовую согласную. Что касается «**ѣ**», то это настолько свободная комбинация двух букв, что во второй части ее могла писаться любая из букв, означавших звук *i*, а в первой части там, где *ѣ* и *ѡ* совпали, одинаково и **ѣ**, и **ѡ**, причем в древнейших текстах такая комбинация почти не встречается в виде лигатуры. Буква «**ѡ**» и буква, писавшаяся в Зогр. и Мар. в окончании *nom. sg. part. praes.* основ на согласную, явились в глаголице, вероятно, позднее и в первоначальной глаголице отсутствовали. Противоречие между этими акростихами, содержащими 36 букв, и Сказанием черноризца Храбра, насчитывающего их 38, объясняется тем, что Храбр в число славянских «писмен»

¹⁴ 1. а, 2. б, 3. в, 4. г, 5. д, 6. е, 7. ж, 8. «зѣло», 9. «земля», 10. і, 11. и, 12. ѡ, 13. к, 14. л, 15. м, 16. н, 17. о, 18. п, 19. р, 20. с, 21. т, 22. ѣ, 23. ф, 24. х, 25. ѡ, 26. ц, 27. ц, 28. ч, 29. ш, 30. ѣ, 31. ѡ, 32. ѧ, 33. ѣ, 34. первая часть ѩ, 35. ю, 36. а.

¹⁵ Буква «**ѡ**» (не «**ѡ**»!) имеется на соответствующем месте и в *Abecedarium bulgaricum*, где она носит название «*hic*» (т. е. «*ik*»). См. Приложение 3-е.

¹⁶ Буквы «**ѧ**» нет и в *Abecedarium bulgaricum*, и в глаголическом алфавите славянского алфавитариума 1-й полов. XI в. См. Приложение 3-е.

¹⁷ Ср. славянский алфавитарий XI в., где соответствующее место перед буквой «**ю**» занимает именно эта буква, т. е. 1-я часть глаголического «**ѩ**». См. Приложение 3-е.

включал и «двогласные»; таких двогласных в славянском письме было две: «**оу**» и «**ы**»¹⁸.

Загадочной является 33-я буква славянского алфавита, не оставившая никаких следов в славянском письме. Соответствовала ли она какому-нибудь начертанию греческого письма или передавала какой-нибудь славянский звук? Первое исключено; можно бы думать о греческом «**ϑ**», но тогда бы она занимала место рядом с буквой «**зѣло**», да и соответствующие стихи начинались бы с греческих слов на букву «**ϑ**»; кроме того, греч. **ϑ** обычно передавалось по-славянски через **т**; через **хв** могло бы быть передано греч. **φ**, но этой букве в славянском алфавите на своем месте соответствовала особая буква «**ф**», читавшаяся как *р*. Если 33-я буква славянского алфавита передавала какой-то славянский звук, то какой? Тот ли, с которого начинаются первые слова соответствующих стихов обоих стихотворений, или другой, т. е., в таком случае, звук, не встречавшийся вообще в начале слова? Во втором случае пришлось бы гадать, был ли в ст.-сл. языке такой этимологически самостоятельный звук, не встречавшийся в начале слова и, очевидно, неизвестный славянским говорам XI века, отразившимся на правописании дошедших памятников, что мне представляется бесцельным. В первом же случае такими звуками могли быть или звук *х*, или звуковое сочетание *хв*. В пользу того, что это был звук *х*, говорит наличие в глаголических текстах двух совершенно непохожих начертаний для *х*, именно, «**х**» обычного рисунка и «**х** паукообразное». Правда, «**х** паукообразное» в тексте встречается только один раз, именно, в Ассем., в слове «**хлъмъ**», но в обоих старших абecedариях XI в. имеются оба начертания как отдельные буквы, причем в одном из них они оба помещаются рядом, между «**ф**» и «**ѡ**»*, в другом непосредственно после «**ф**» стоит «**х** паукообразное», а «**х**» обычного рисунка — после «**ш**» перед «**ъ**». Если в первоначальном славянском алфавите, действительно, было две буквы для *х*, то одна из них могла передавать греческое «**х**» перед палатальными гласными: так как в славянских словах *х* в таком положении не встречалось, то славяне, желая воспроизвести такое *х*, могли произносить такой звук, который сами ощущали как звук, отличный от их *х*. В пользу такого толкования может говорить то обстоя-

¹⁸ Что «двогласные» Храбр включал в свой подсчет славянских букв, можно думать потому, что в свой подсчет букв греческого письма он включил, чтобы насчитать их 38, все двогласные (αι, οι, ει, υι, αυ, ου, ευ, ηυ, α, η, φ).

тельство, что в обоих акростихах 24-й букве славянского алфавита соответствует прилагательное от греческого слова с χ перед палатальной согласной: χ еровьскж, χ ѣровимьскжж; именно эта буква и могла носить название «хѣръ». Впрочем, в *Abecedarium bulgaricum* название «хѣръ» («*hier*») надписано не над «паукообразным x », стоящим непосредственно после «ф» и названным ошибочно «от», а над обычным « χ »¹⁹.

Против такого понимания глаголических начертаний для x говорит то соображение, что изобретателю славянской азбуки не было надобности при наличии в греческом письме одной буквы для x придумать вторую букву, раз славяне греческое « χ » перед палатальными и не могли прочесть иначе, чем читали; кроме того, во всех славянских глаголических текстах как в славянских, так и в греческих словах пишется всегда одна и та же буква, именно, обычное « x », а «паукообразное x » встречается единственный раз как раз не в греческом слове**. Если предполагать, что 33-я буква алфавита читалась как xv , а 24-я — как x , то создание особой буквы для xv можно бы объяснить тем, что для греков xv было совершенно непроизносимо и могло восприниматься ими как неразложимый звук, или же, что это сочетание и в солунском славянском произношении не равнялось простой сумме отдельных звуков x и v , а потому и на славянский слух казалось неразложимым и ощущалось как один звук. В связи с этим могло стоять и позднее изменение этого сочетания в ю.-сл. языках в f (ср. подобное же изменение в сев.-великорусском). Но и такое предположение висит в воздухе, потому что все ст.-сл. памятники передают сочетание xv не особой буквой, а написанием « χ в». Таким образом, вопрос о 33-й букве славянского алфавита остается неразрешенным.

Указания на состав славянской азбуки имеются и в Сказании Храбра. Из старшего списка Сказания можно извлечь указание на то, что буквы «зѣло» и «ю» во время Храбра передавали звуки, для которых греческое письмо своих обозначений не имело, т. е., что греческому « ζ », очевидно, соответствовала тогда буква «земля», а звук, обозначавшийся буквою «ю», ощущался как звук, отличный от греческого « υ ». Было ли так и раньше, когда азбука составлялась, неизвестно. Приводя слова, которых нельзя написать буквами греческой азбуки, Храбр

¹⁹ Возможно также, что «*hier*» надо читать как «*jer*» (ерь) и что это название ошибочно надписано над « χ », а *** должно относиться к следующему « ψ ».

называет все буквы, отсутствовавшие в греческом письме, с которых могли начинаться славянские слова, в порядке славянского алфавита. Здесь нет поэтому букв «**ъ**», «**џ**», «**ѣ**» и «**ѡ**»; нет «**ѧ**», потому что в глаголической азбуке «**ѧ**» как особая буква отсутствовал, но есть «**ѧ̄**» и «**Δ**»; последняя в том значении, в каком она является в акростихах обеих старших азбучных молитв и в старших южнославянских глаголических текстах—Зогр., Мар. и Асс. Нет в этом перечне и загадочной 33-й буквы славянского алфавита. В списке Московской Духовной Академии имеются более подробные сведения о славянском алфавите, тоже, несомненно, очень старые, хотя вряд ли восходящие к самому Храбру. Здесь перечислены славянские буквы, взятые из греческого письма, и буквы, изобретенные Кириллом и отсутствующие в греческом письме. К последним причислены и «**ѣ**» и «**ю**», хотя можно думать, что и эти буквы восходят к греческим двоегласным «**αι**» и «**οι**». В числе греческих букв после «**ω**» названы буквы «**π̄ѣ**», «**χ̄л̄ѣ**», «**т̄ѣ**»; можно думать, что это—искаженные названия букв ψ, ξ и θ, но неясно, почему они помещены в конце азбуки и притом в порядке, противоположном тому, в каком они стоят в греческом алфавите; кроме того, Храбру или автору этого перечня названия греческих букв, если они входили в славянский алфавит, должны были быть известны. Разгадку, кажется, следует искать в акростихе стихотворения Ярославского молитвенника. Там кроме двестишней, начинающихся с несомненно греческих и несомненно славянских букв, имеются двестишия, начинающиеся со слов «**п̄ѣсньми**» (26), «**х̄валами**» (33), «**т̄ѣбѣ**» (37). Таким образом, можно думать, что автор перечня судил о первоначальном славянском алфавите по акростиху азбучной молитвы и, зная, что славянских букв, соответствующих двестишиям 26, 33 и 37, нет, решил, что эти стихи соответствуют каким-то греческим буквам, которые и назвал по первым буквам этих двестишней²⁰. К числу славянских букв, отсутствующих в греческом письме, в том же перечне отнесены буквы **б**, **ж**, «**зѣло**», **л**, **ц**, **ѣ**, **ш**, **ѣ**, **шь**, **ь**, **ѣ**, **ѧ**, **ю**, **Δ**. Буква «**л**», очевидно, соответствует букве «**λ**»; буква «**ц**» на своем месте (26-е) отсутствует, как и в акростихах обоих старших стихотворений; отсутствует и 33-я буква алфа-

²⁰ Названию «**п̄ѣ**», может быть, соответствует название «**ре**» в *Abeceniarius bulgaricus*, написанное над «**ц**», но, по-видимому, соответствовавшее пропущенной в этом абecedарии букве «**ц**». См. Приложение 3-е.

вита, но зато между «ѣ» и «ѡ» вставлено «шь», «мь»; в остальном перечне славянских букв совпадает и по числу, и по порядку с составом славянских букв обоих акростихов. Буква «л» вместо « » имеется и в акростихе азбучной молитвы Константина; но если думать, что она взята в Сказании Храбра оттуда, то непонятно, почему автор рассматриваемого перечня в одном случае руководился акростихом азбучной молитвы Ярославского молитвенника, в другом — Константина. Не появилось ли «л» в результате неправильного прочтения кирилловского « », в некоторых рукописях XIII в. похожего немного на «л»? Или же с буквы «л» начиналось первоначальное название этой буквы? Как попали в этот перечень буквы «шь» и «мь» и что они должны были обозначать, остается неясным, но интересно отметить, что в славянском алфавите, относимом Ягичем к I-й полов. XI в., между «ѣ» и «ѡ» в глаголическом алфавите читается «ші» или «џі», а в кирилловском «џ»²¹ ****.

Если глаголица в целом — совершенно особая азбука, для которой начертания букв греческого курсива послужили лишь источником, то *кириллица* — не что иное, как греческий унциальный устав, перенесенный в славянское письмо без всяких изменений и только дополненный недостающими в греческом письме буквами. К начертаниям, целиком воспроизводящим греческие начертания и сохранившим в славянской азбуке то же значение, какое они имели и в греческой, принадлежит и «ѡ» (позднее «ю»), если не считать соединительного штриха, относительно которого мы не знаем, был ли он уже в первоначальной кириллице.

Новыми буквами в кириллице были — в, ж, џ, ц, ч, ѣ, ш, ѣ, ѡ, ѣ, ж, ѡ, л, д. Буква « », правда, не встречается в болгарских, македонских и русских текстах и известна только из сербских начиная с конца XII в., но это не дает еще права утверждать с уверенностью, что ее не было в первоначальной кириллице, она могла быть, как ненужная, утрачена кириллицей болгарской; в русское письмо, восходящее к болгарскому, она, очевидно, попасть не могла; македонская кириллица XI в. представлена незначительными отрывками, а сербские кирилловские тексты самые старшие — конца XII в. Кроме того, эта буква имеется уже в кирилловском алфавите славянского алфавита, отно-

²¹ См. Приложение 3-е.

симого Ягичем к 1-й половине XI в.²¹ Буква «ѣ» в кириллице, так же как и соответствующее ей начертание глаголицы, передавала первоначально не йотацию «ѣ», а особый гласный звук с назализацией (ѣ носовое?), отличный по качеству от звука, обозначавшегося буквою «ѣ». Буква «ѣ» обозначала *ɛ* и соответствовала тому глаголическому начертанию, которое почему-то в кирилловской транскрипции принято передавать через «ѣ». Глаголической букве, употреблявшейся первоначально для передачи неопределенной носовой согласной, в кириллице соответствовала буква **Ѣ**, получившая, как и соответствующая глаголическая буква, значение буквы для **ѣ** без йотации²², причем в кирилловских памятниках, употребляющих эту букву в таком значении, буква «ѣ» стала употребляться для передачи *ɛ* с йотацией. Что касается букв «ѣ», «ѣ», «ѣ» (в некоторых памятниках также «ѣ», «ѣ») с крючком вправо для обозначения палатальных согласных, то это — не самостоятельные буквы, а те же, что и буквы «ѣ», «ѣ», «ѣ» (resp. «ѣ», «ѣ») без крючка, и явились позднее: их нет в Сав. и Супр., а в Остр., Изб. 1073 г. и Словах Кирилла Иерусалимского преобладают более архаичные способы обозначения мягкости с помощью надстрочного значка. Буквы «ѣ» и йотованное «ѣ» как знаки для йотованных гласных в первоначальной кириллице, очевидно, отсутствовали, а «ѣ» с подобным же значением, если и было, чего мы не можем доказать, то графически не отличалось от греческого уставного *ιε*.

Тот принцип, который положен в основу глаголицы, — сохранения всех греческих обозначений для звуков, общих или приблизительно общих греческому и славянскому языкам, и введения новых букв или обозначений для всех этимологически различившихся звуков славянского языка, отсутствовавших в греческом, — сохранен и в кириллице: последняя различает в общем те же звуки, что и глаголица, и передает их способами, вполне аналогичными тем, какими пользуется и глаголица.

Различия сводятся к следующему:

1. Уже в старших кирилловских памятниках в греческих словах пишутся буквы «ѣ», «ѣ», «ѣ», каких нет в этом значении в глаголице; бук-

²² Старшие указания на употребление глаголического «Ѣ» в таком значении дают, по-видимому, стихотворные молитвы с акростихом Константина Болгарского и Ярославского молитвенника. Но еще в КЛ и Син. Пс. «Ѣ» в таком значении не употребляется.

ва «г» также употребляется согласно греч. правописанию в греч. словах там, где в глаголице вместо нее пишутся «Ѧ» («□»), «Ѧ» («н») и «Ѧ».

2. Для звуков *dž* и *z* в старших кирилловских текстах употребляются не две различные буквы, как в глаголических, а одна — «Ѧ»; та же буква с крючком (Хиланд., Унд., Макед., Добром., Охр., Погод., Григор., Слепч. и др.) — не самостоятельная буква, а то же «Ѧ», только со знаком мягкости, и вряд ли имелась в кириллице с самого начала: в Сав. и Супр. этого начертания нет, хотя Сав. писана в Вост. Болгарии, где *dž* и *z*, надо думать, в то время различались; что касается буквы «Ѧ», то она вряд ли употреблялась в звуковом значении в первоначальной кириллице; древнейшие рукописи, писанные в области говоров, различавших *dž* и *z*, или употребляют букву «Ѧ» в обоих значениях, или пользуются в первом значении буквою «Ѧ» с крючком; старшие рукописи, употребляющие в этом значении букву «Ѧ», — Слепч. апост. и Боянское ев. — не раньше конца XII в.; в греческом письме буква «Ѧ» не обозначала звонкого согласного звука, а только *st* или *s*; следуя принципу придавать буквам греческого алфавита только те звуковые значения, какие соответствующие буквы имели в греческом письме, составитель кириллицы и не мог использовать греческое «Ѧ» в другом значении, и значение *dž* эта буква получила лишь с течением времени вследствие того, что за буквой «Ѧ» к тому времени окончательно закрепилось значение буквы для *z* («ѦѦѦѦ»), а буква «Ѧ» в цифровой системе занимала место как раз перед этой буквой и потому естественно могла занять и в алфавите свободное место буквы «ѦѦѦѦ».

3. Одной букве «Ѧ» глаголической азбуки в кириллице соответствуют две буквы — «Ѧ» и «Ѧ»; если верно, что глаголич. «Ѧ» соответствует греческому «Ѧ» (начертание его могло получиться из греч. унциального «Ѧ» с «*i subscriptum*»), то в кириллице мы бы ждали вместо него сочетание греческих унциальных А и І, ср. кирилловское «Ѧ» из греч. «Ѧ», и букву «Ѧ» можно бы рассматривать как перевернутое первоначальное «Ѧ»; в таком случае лишней по сравнению с глаголицей буквой кириллицы было бы «Ѧ». И «Ѧ», и «Ѧ» засвидетельствованы самыми старшими памятниками кирилловского письма: «Ѧ» есть во всех кирилловских памятниках, «Ѧ» из древнейших нет только в надписи 993 г., в листках Ундольского и Македонск. листке; последние два по архаичности уступают Сав., Хиланд. и Зогр. листкам, где «Ѧ» есть; кроме того, «Ѧ» имеется в Темничской надписи и в тексте Райградско-

го сборника, на листе, писанном вряд ли позже 2-й половины X в., в слове **латрѣна**; важно отметить, что обе кирилловские буквы не представляют стилизации глаголического «Ѣ».

4. Глаголическим буквенным комбинациям с буквой, обозначающей неопределенную носовую согласную, в кириллице соответствуют особые буквы для «носовых гласных» — «Ѧ», «ѧ», «Ѩ», что, может быть, стоит в связи с ненужностью в кириллице, придерживавшейся другого способа, чем глаголица, в передаче греческих слов, особой буквы для неопределенной носовой согласной.

Употребление в кириллице букв «Г», «Ѧ», «ѧ», «Ѩ» в греческих словах согласно греческому правописанию (**аггелъ**, **геона**, **Ѧома**, **езархъ**, **Ѩалъмъ**), тогда как в глаголице в подобных случаях правописание соответствовало славянскому произношению (**аѦгелъ**, **Ѧеона**, **Ѧома**, **екъсархъ**, **пъсалъмъ**), стоит в связи с тем, что начертания всех глаголических букв отличались от греческих, и воспроизводить греческое правописание в глаголице не имело смысла, тогда как в кирилловском правописании такое воспроизведение было естественно. Но с этой особенностью кириллицы стояло в связи и начертание тех букв, которые в глаголице были взяты из греческого алфавита, но для обозначения звуков, отсутствовавших в греческом языке. Такими буквами в глаголице, по-моему, были буквы «ѧ», «Ѩ» и «ѩ» (из греч. θ, ξ и ψ); ясно, что в кирилловской азбуке нельзя было в рисунке их сохранить начертания соответствующих букв греческого унциала, чтобы не дать повод к неверному чтению; поэтому глаголические «Ѩ» и «ѩ» были стилизованы в духе остальной кириллицы, но так, чтобы их нельзя было смешать с уставными «ѧ» и «Ѩ»; стилизация состояла в том, что у обеих букв были устранены петли; кроме того, у буквы «Ѩ» сокращена нижняя часть (вместо двух дуг оставлена одна) и рисунку придана симметричность.

Особенности кириллицы, отличающие ее от глаголицы, п. 2 и 3, а может быть, и 4, стоят в некотором противоречии с распространением глаголицы и кириллицы в XI в.: кириллица тогда употреблялась преимущественно на Востоке — в Болгарии, глаголица — на Западе — в Зап. Македонии, сербохорватских областях и в Моравии. Между тем различие «Ѣ» и «Ѧ», свойственное кириллице и отсутствовавшее в глаголице, вовсе не требовалось болгарским языком, где в начале слова одинаково было *ja* и в *Ѧамъ*, и в *Ѧако*, и было необходимо на Западе,

где в этом положении *ě* и *ja* различались: **ѣль, ѣко**. Западное (моравское, сербохорватское, зап.-македонское) письмо не нуждалось в различении *z* и рефлекса о.-сл. *g* перед *ě* и *i* из *oj*, а восточному оно было необходимо; между тем в западном, глаголическом письме это различие проведено, а в восточном, кирилловском — нет.

Кирилловские начертания для так наз. «*носовых гласных*» могут указывать на то, что соответствующие звуки осознавались на родине кириллицы как монофтонги, а глаголические начертания указывают на произношение их как дифтонгических сочетаний на носовые. Опять-таки, монофтонгизация подобных сочетаний в Моравии и на Западе Балканского полуострова произошла раньше, чем на Востоке.

Эти данные как будто указывают на то, что особенности кириллицы, отличающие ее от глаголицы, возникли не на Востоке. Можно думать, что Кирилл в Македонии не закончил задуманного им составления славянской азбуки: он закончил составление обычного ходового полукурсивного письма — глаголицы — и сразу приступил к переводу Евангелия, отложив до другого времени составление славянского уставного письма. Эта последняя задача была выполнена уже его сотрудниками, по тому же плану и на основании тех же принципов, в Моравии или Паннонии; при выработке славянского устава они учли необходимость различать *ě* и *ja*, тем более что и в солунском говоре, при фонетической обусловленности и, следовательно, этимологической незначимости различия между *ě* и *ja*, объективно фонетически оно могло быть значительным; в то же время они не стали вводить двух букв для *dž* и *z*, как в глаголице, тем более что обозначение мягкости у буквы «*z*» было достаточно и для того, чтобы не смешать всегда палатальное *dž* восточных говоров со всегда непалатальным *z* тех же говоров.

Таким образом, первоначальная кириллица по своему составу значительно меньше отличалась от глаголицы, чем та, какую мы знаем из памятников XI в. Она имела буквы «□» и «ѣ» и не имела йотованных «▲» и «ѣ» и осложненных крючком букв для палатальных согласных («*z*», «*л*», «*н*» с крючком). Неясно, была ли в ней буква «*ю*»; по-видимому, нет; впрочем, если она и была, то вряд ли имела то значение, в каком она употребляется в памятниках XI в.

Эта первоначальная кириллица не позже X века подверглась изменениям. Буква «ѣ» получила значение «йотованной буквы», т. е. стала обозначать тот же звук, что и «*ж*», но только с предшествующим *j* или

палатальностью предшествующих согласных; буква «Ѡ» была перевернута и также получила значение йотованной буквы; то же значение получили буквы «Ѣ» и «Ѥ», и были созданы новые йотованные буквы — «Ѧ» и йотованное «Ѣ»; впрочем, раньше, чем возникло «Ѧ», различие между *e* и *je* могло передаваться употреблением «Д» в первом значении и «А» во втором. Система йотованных букв возникла, по-видимому, в Восточной Болгарии. Может быть, к началу X в. относится устранение буквы «□» из болгарского правописания, в кириллице полное, а в глаголице в славянских словах; тогда же и «Ѡ» как в кириллице, так и в глаголице получила там значение буквы для *šl'* или *šč*. Русские получили в конце X в. кириллицу от болгар со всеми названными изменениями: без «□», с буквой «Ѡ» в значении *šč* и с полной системой йотованных букв. Позднее, уже в XI в., в болгарской кириллице появились буквы с крючком для обозначения палатальности: их нет в Сав., Супр. и Новгород. листках, но уже в Хиланд. и Унд. имеется «Ѣ» с крючком, а в Хиланд. и в старших русских рукописях — «А» и «Н» с крючком, откуда видно, что эти буквы проникли в русское письмо приблизительно в середине XI в.

Кириллица, хотя и возникла, может быть, в Моравии, однако там не привилась, вероятно, потому, что не встретилось надобности в ее применении. Поэтому, когда впоследствии потребовалось уставное письмо там, где к кириллице не привыкли, а связей с Византией не было, в этих областях стал вырабатываться новый, глаголический устав. Но глаголическое письмо старших глаголических памятников вовсе не носит характера устава.

* * *

ТАБЛИЦА

Строка	Глаголич. цифровая система	Abecenarium bulgaricum	Аббецедарий Ягича		Стихотворн. молитва Константина Болг.	Стихотв. молитва Яросл. молитвенн.	Сказание черноризца Храбра		
			глаголиц. кирилл.	кирилл.			1-я ред.	2-я ред.	3-я ред.
1.	† (1)	† — as	(†)	(А)	азъ	азъ	азъ	азъ	азъ
2.	Ѡ (2)	Ѡ — bócbobi	(Ѡ)	(Б)	Боже	боѡра	богъ	*Б	бъ
3.	Ѧ (3)	Ѧ — uédde	(Ѧ)	(В)	вндимъимъ	въ ноци	в	в	вѣдѣ
4.	Ѣ (4)	Ѣ — glágoli	(Ѣ)	(Г)	господи	грѣховьныхъ	г	г	глаголь
5.	Ѥ (5)	Ѥ — dóbro	(Ѥ)	(Д)	да	десницъ	—	Д	добро
6.	Ѧ (6)	Ѧ — hiést	(Ѧ)	(Е)	еже	егда	—	Е	есль

7.	𐌸 (7)	𐌸 — gíuete	(𐌸)	(ж)	ЖИВЪЖЦИМЪ	ЖИТИЕ	ЖИКОТЬ	*ж	ЖИВОТЬ
8.	𐌶 (8)	𐌶 — zéllō	(𐌶)		ЗЪЛО	ЗЪЛО	ЗЪЛО	*з	ЗЪЛО
9.	𐌸 (9)	𐌸 — zémia	(𐌸)	з	ЗАКОНЪ	ЗАБАЖЖЪШААГО	—	з	ЗЕМАГА
10.	𐌷 } (10)	𐌷 — íse	(𐌷)	(и)	ИЖЕ	ИЗБАВИ	—	и	ИЖЕ
11.				—	(ї)	—	—	—	ї
12.	𐌹 (20)	𐌹 — ísei	(𐌹)	—	і проситъ	іезекиниы	—	—	—
13.	𐌺 (30)	—	(𐌺)	л	«ЛЕТИТЬ»	ЕОНЪ	—	*л	ЕМОНОУ
14.	𐌻 (40)	𐌻 — cāco	𐌻	(к)	КЪ	КОВЬНИКЪ	—	к	КОЕ
15.	𐌼 (50)	𐌼 — lúddie	(𐌼)	(л)	ЛЮДИЕ	ЛОВЬЦА	—	л	ЛЮДИЕ
16.	𐌾 (60)	𐌾 — mustlíte	(𐌾)	(м)	МИЛОСТИ	МЪГТАРЮ	—	м	МЪСЛЪЖ
17.	𐌿 (70)	𐌿 — nas	(𐌿)	(н)	НЪ	НОЦНИЖ	—	н	НА
18.	𐌺 (80)	𐌺 — on	(𐌺)	(о)	ОТЬУЕ	ОУИ	—	о	ОНИ

Продолжение таблицы

Строка	Глаголич. цифровая система	Abecedarium bulgaricum	Абцеда- рий Ягича		Стихотворн. молитва Кон- стантина Болг.	Стихотв. молитва Яросл. молитвенн.	Сказание черноризца Храбра		
			авагани.	кирилла.			1-я ред.	2-я ред.	3-я ред.
19.	ꝥ (90)	ꝥ — rócoi	(ꝥ)	(п)	просащюоуоуоу	простъри	—	п	пилаата
20.	ꝛ (100)	ꝛ — recí	(ꝛ)	(р)	рлцѣ	рлцѣ	—	р	рыцѣта
21.	ꝥ (200)	ꝥ — cslóuo	(ꝥ)	(с)	силж	сѣвѣдын	—	с	слово
22.	т (300)	т — tordo	(т)	(т)	тты	трепетомъ	—	т	трыновынь
23.	ꝥ (400)	ꝥ — hic	(ꝥ)	(ч)	впостась	впостась	—	оу	оударенъ
24.	Ѡ (500)	Ѡ — fort	(Ѡ)	(ф)	фараона	фарисѣевъ	—	ф	фараона
25.	ꝛ (600)	см. стр. 32	(ꝛ)	(х)	херовьскж	херовимьскжж	—	х	херовими
26.	—	ꝥ —	(ꝥ)	—	см. стр. 38	см. стр. 38	—	—	—
27.	Ѡ (700)	— ot	—	w	ууьстьнага	w прѣсѣатага	—	w	—
28.	Ѡ (800)	— pe	Ѡ ?	п	«печаль»	«пѣсьныи»	—	Ѡѣ	—
29.	ꝥ (900)	ꝥ —	ꝥ	н (ц?)	цѣломядрно	царю	црькѣвь	*црькы	*црѣтво
30.	—	Ѡ — saraué	Ѡ	у	уюдеси	уиномъ	уагание	уагание	уловѣколюбна
31.	—	ш — sa	ш	ш	шестокрилатъ	см. стр. 34	широта	*широта	шестокрилан
32.	см. стр. 25	ꝛ — hiér	см. стр. 25	—	см. стр. 25	см. стр. 25	—	—	—
33.	—	ꝥ — pellér	ꝥ	ꝥ?	ꝥ	ꝥ	—	ꝥ	еромъ
34.	—	—	ш-ꝥ?	ци?	шьствоуѣж	шьствини	—	*шь	цо
35.	—	—	—	—	—	—	—	*мь	—
36.	—	—	ꝥ	ь?	и.мени	инного	—	*ь	—
37.	—	Δ — hiet	Δ	ѣ	гавѣ	гак	ѣдь	*ѣдь	гак
38.	—	см. стр. 26	—	—	хвалаж	хвалами	—	хлѣ	—
39.	—	—	ꝥ?	?	ѣже	ѣже	ѣдоу	*ѣды	еже (юже?)
40.	—	ꝥ — iusz	ꝥ	ю	юнь	юже	юность	*юность	юдене
41.	—	Ѡ — hie	—	ж	—	—	—	—	—
42.	—	—	Ѡ	Δ	лзъкъ	лзъкомъ	лзъкъ	*лзъкъ	лсте

43.	—	—	Ѣ	▲	—	—	—	—	—
44.	—	—	—	—	—	—	—	Ѣ	—

* Звездочкой обозначены буквы, которые редактор 2-й редакции Сказания Храбра считает не взятыми с греческого алфавита, а придуманными для передачи славянских звуков, не находящих себе соответствия в греческой азбуке.

В прилагаемой таблице оба алфавита «абecedария Ягича» восстановлены гипотетично на основании описания Ягича, так как я не мог найти следов той фотографии, какая была у Ягича, и выяснить ее происхождение. Недавно, уже после того, как таблица была отпечатана, проф. Трубецкому, по счастливой случайности, удалось установить, что описанный Ягичем абecedарий находится в рукописи Мюнхенской Государственной библиотеки № 14485. По моей просьбе, проф. Трубецкой любезно прислал мне и фотографию с Мюнхенского абecedария, на основании которой в таблице в обоих алфавитах «абecedария Ягича» должны быть сделаны поправки согласно описанию этого абecedария на стр. 610—611 моей статьи. Неверно восстановлены в таблице буквы глаголического алфавита «Ѡ», «ѡѣ», «ѡ», буква после «ѡ», «ѡ» (букв «ѡѣ» нет) и буквы кирилловского алфавита «ѡѣло», «ѡѣ», «ѡ» (в таблице «ѡ»), «ѡ» (после «ѡ»), «ѡѣ».

Приложение 1-е

Список старославянских памятников со старославянским правописанием

Руководясь вышесказанными соображениями, сюда можно отнести следующие памятники:

А. чешские: 1. Киевские листки, 2. с оговоркой, Пражские отрывки (несмотря на многочисленные отступления от правильного употребления ѡ, ѡѣ, ѡ и ѡ, всё же в правописании Пр. отр. замечается тенденция писать эти буквы именно там, где их требовала старославянская орфография).

Б. южнославянские: 3 (1). Зографское ев., 4 (2). Мариинское ев., 5 (3). Ассеманово ев., 6 (4). Клоцов сборник, 7 (5). Синайская псалтырь, 8 (6). Синайский требник, 9 (7). Македонский глаголич. листок, 10 (8). Григоровичев глаголич. листок, 11 (9). Охридские еванг. отрывки, 12 (10). Саввина книга, 13 (11). Супрасльская рукопись, 14 (12). Хиландарские листки, 15 (13). Листки Ундольского, 16 (14). Зографские листки, и 17 (15), с оговоркой (довольно бессистемное употребление ѡ

и ъ), Погодинская псалтырь; не принадлежат к числу собственно старославянских по своему правописанию глаголические Венские листки и Гршковичев отрывок, не употребляющие юсов, кирилловские Македонский листок, Добромирово ев., Охридский апостол и другие памятники, употребляющие только њ или только ъ или употребляющие эти буквы совершенно безразлично, Мирославово и Вуканово ев., употребляющие, как правило, хотя и с исключениями, ѠѢ и Ѣ вместо ж и ѡ и представляющие ряд других нормированных отступлений от норм старославянского правописания.

С. русские: 18 (1). Куприяновские (Новгородские) листки, 19 (2). Остромирово ев., 20 (3). Туровские еванг. листки, 21 (4). XIII слов Григория Богослова, и, с оговоркой (употребление ж почти бессистемно или нормировано несогласно со старославянским правописанием): 22 (5). Изборник 1073 г., 23 (6). Пандекты Антиоха, 24 (7). Чудовская псалтырь, 25 (8). часть списка слов Кирилла Иерусалимского, 26 (9). первый почерк Архангельского ев.

Приложение 2-е

Старшие славянские стихотворения с акростихом

Форма акростиха заимствована славянами из Византии. Но славянский алфавит был менее приспособлен к этой форме, чем греческий. В греческих стихах каждая буква алфавита могла начинать собою стих, потому что каждой букве соответствовал звук, встречающийся и в начале слова. В славянском же алфавите были буквы, не встречающиеся в начале слова, как «њ», «ѡ» и др. Поэтому при составлении стихотворений с акростихом приходилось стихи, соответствующие буквам, не встречающимся в начале слова, начинать с произвольно выбранного слова, данной буквы не заключающего. Вовсе опустить стих на соответствующую букву алфавита было нельзя, потому что тогда нарушался бы определенный фиксированный счет стихов.

Из славянских стихотворений с акростихом, напечатанных Соболевским, только два относятся к начальному периоду славянской письменности и дают указания на состав и порядок древнейшего славянского алфавита. Это: 1. *азбучная молитва Константина Болгарского* в Мо-

сковском списке Учительного Евангелия Константина XII—XIII в. и 2. азбучная молитва в Ярославском молитвеннике XIII в. Начальные буквы стихов и их порядок в обеих молитвах следующий: 1. а, 2. б, 3. в, 4. г, 5. д, 6. е, 7. ж, 8. «зѣло», 9. з, 10. и, 11. і, 12. л, □, 13. к, 14. л, 15. м, 16. н, 17. о, 18. п, 19. р, 20. с, 21. т, 22. ү, 23. ф, 24. х, 25. ѡ, 26. п, 27. ц, 28. ү, 29. ш, 30. ш, —, 31. и, 32. ѿ, 33. хв, 34. ѡ, 35. ю, 36. ѡ.

Порядок букв в обоих стихотворениях, кончая буквою «ү»,— тот же, что и в глаголической цифровой системе. Буквы для *i* здесь, как и там, занимают два места (10-е и 11-е), так как буквы «иже на треугольнике» и «иже на ножке» считались разновидностями одной буквы, хотя по происхождению это, по-видимому, разные буквы. На 12-м месте только в молитве Ярославского молитвенника имеется «□» («□ѡна»); в молитве Константина Болгарского соответствующий стих читается: «лѣтитъ (во) нѣнѣ словенско пѣмѣ». Предполагать здесь значительную порчу нет оснований; очевидно, Константин не знал слов, начинающихся с «□», что могло быть только в том случае, если «□» еще не получило значения буквы для передачи греческого «γ» перед палатальными, а употреблялось только в славянских словах и обозначало такой звук, который в начале слов в старославянском языке не был известен; таким звуком мог быть рефлекс о.-сл. *dj*. Молитва Ярославского молитвенника, в которой «□» употребляется для передачи греческого «γ» перед палатальными, позднее молитвы Константина. На 22-м месте в обоих стихотворениях — греческое слово «*впостась*»; соответствующее место в алфавите и первоначальной славянской цифровой системе занимало не «оү», а «ү». На 26-м месте вместо «ц», занимающего это место в глаголической цифровой системе, в обоих стихотворениях «п»: пѣвали в стихотворении Константина, пѣсьми в Ярославском молитвеннике, что отнюдь не свидетельствует в пользу того, что в старославянском алфавите первоначально не было буквы «ц», а говорит лишь о том, что в старослав. языке не было слов, начинающихся со звука, передававшегося буквою «ц»; это могло быть лишь в том случае, если первоначально «ц» обозначало только рефлекс о.-сл. *tj* и *k'v*, но не *stj* и *skj*. Возможно, что начальное «п» в обоих стихотворениях соответствует букве «ψ» греческого алфавита, но самое введение «ψ» в акростих остается неясным, потому что других греческих букв, отсутствовавших в славянском алфавите,— θ и ξ — в акростихе нет. Стихи 30

и 31 должны бы соответствовать буквам славянского алфавита њ и њ. Так как слов, начинающихся с њ, в славянских языках нет, то 30-й стих в стихотворении Константина Болгарского начинается с другой буквы — «ш» («шѣствоуѡа»; возможно, что вторую букву этого слова Константин читал как њ). В стихотворении Ярославского молитвенника соответствующий стих пропущен. Букве њ на 31 месте в обоих стихотворениях соответствуют стихи с начальным «и» («имени», «иногo»); эта замена не является большим нарушением акростиha, потому что начальное њ старославянском языке совпало с *i* и этимологически от него не отличалось. На 33-м месте оба стихотворения имеют «хѡ» («хѡалѡ», «хѡаллми»). Какой букве соответствует этот стих, неясно (см. Приложение 3-е).

Приложение 3-е

Abecenaria bulgarica

Из сохранившихся перечней славянских букв наибольшую цену для суждения о первоначальном славянском алфавите имеют два: так наз. Abecenarium bulgaricum, изд., между прочим, Ягичем (табл. VII), XI или XII в., содержащий только глаголический алфавит, и другой перечень, по Ягичу, XI в., содержащий оба алфавита, но, к сожалению, неизданный (о нем см. у Ягича ЭСЛФ. 3, 137 [Ягич, 1911]). В первом из этих перечней нет букв □, ц, њ и ѡ; вместо 1-й части ѡ и буквы Δ — одна буква ѡ (состоящая в глаголице именно из соединения 34-й и 36-й буквы алфавита); в то же время есть буква «зѡло» и оба начертания «х», обычное и «паукообразное», причем второе занимает место обычного «х» глаголической цифровой системы, а обычное «х» стоит между «ш» и «ѡ». Порядок букв вполне согласен с порядком букв в цифровой системе и старших акростиhaх, и только буква «х» в обычном начертании, очевидно, не на месте: ее место должно быть или рядом с паукообразным «х», или после «ѡ»****. Пропуск букв □, ц, њ и ѡ вряд ли случайный: буква «□» в славянских словах не встречается ни в одном из старших глаголических текстов, а употребление ее в греческих словах, по-видимому, явление вторичное; буква «ц» отсутствует в моравской глаголице, а также в Зогр. и Клоц. и почти отсутствует во

2-й половине Мар.; буква «w» вообще в глаголических текстах пишется очень редко и отсутствует в чешско-моравской глаголице; буква «ь» отсутствует, между прочим, уже на добавочных страницах Киевских листков и Зогра. Буква «ѣ» при отсутствии букв «ѧ», «Д» и «А», может быть, получилась благодаря соединению двух букв алфавита — первой части комбинации, соответствовавшей кирилловскому «ѣ», и буквы «Д». На то, что первая часть «ѣ» занимала первоначально в алфавите место как особая буква, указывает второй из древнейших перечней славянских букв. Названия «ot» и «pe», написанные над буквами «паукообразное х» и «ц», очевидно, принадлежат не этим буквам, а пропущенным «w» и «ц», занимавшим в алфавите место между «х» и «ц» как раз в том же порядке. Что буква «ц» могла носить название вроде «pe» (т. е. «пѣ» или «пѣ» и т. п.), можно думать на основании обоих старших акростихов, где этой букве соответствуют слова «печаль» и «пѣсь», и названия какой-то славянской буквы «пѣ» в Троицком списке Сказания Храбра. Если *Abecedarium bulgaricum* чешско-моравского происхождения, то замена названия буквы «ц» названием буквы «ц» вполне возможна потому, что звуки, обозначавшиеся этими буквами, в чешском языке совпали.

Очень интересен перечень славянских букв обоих алфавитов, и кирилловского и глаголического, упоминаемый Ягичем и относимый им к первой половине XI в. В глаголическом алфавите этого перечня всего 38 букв, т. е. то же число, что у Храбра, но по составу он вряд ли совпадает с тем алфавитом, какой имел в виду Храбр, потому что в нем нет «w», нет «ou» или «v» и есть «А» при отсутствии «ѧ». Зато в этом алфавите имеются «□», «ц» на своем месте, но перевернутое, несколько искаженного рисунка (ср. в том же алфавите перевернутое «ш», а в *Abecedarium bulgaricum* поставленное на бок «v»), оба начертания «х», причем оба помещены непосредственно после «ф» перед «ц», и обычное начертание «х» поставлено перед «паукообразным», оба знака для глухих («ъ» и «ь»), первая часть «ѣ» как особая буква, без второй части, на своем месте, перед «ю», и «Д» правильно после «ю». Между «ъ» и «ь», по-видимому, должно было стоять «ы», но вместо этого написано, кажется, «ші». Впрочем, ср. «шь» на том же месте в перечне славянских букв в Троицком списке Сказания Храбра и «шьствоуѣ» в соответствующем букве «ъ» стихе азбучной молитвы Константина Болгарского. После «Д» имеется «А», отсутствовавшее в первоначальном алфавите,

но «ѡ» нет. Неясно из описания Ягича, какая буква на 22 месте, «Ѵ» или «ѴѴ».

В кирилловском алфавите того же перечня очень важно наличие буквы «Ѡ». Если правильна датировка, предложенная Оттенталем (1-я половина XI века), то это — старшее свидетельство о присутствии буквы «Ѡ» в кирилловском алфавите, не уступающее по древности старшим памятникам кирилловского письма. Далее, интересно в этом алфавите повторение одной и той же буквы «Ѣ» с незначительными вариантами в значении «зѣло» и «земля», указывающее на то, что особой буквы или буквы «Ѣ» с крючком для «зѣло» в тогдашнем кирилловском письме не было. Отсутствие буквы «Ѧ», может быть, не указывает на отсутствие этой буквы в тогдашнем кирилловском письме, а только на то, что писец в своем перечне руководился составом букв глаголического алфавита. Две буквы между «Ѱ» и «Ѵ» соответствуют буквам «Ѳ» и «ѳ» глаголического алфавита и, вероятно, представляют искажение кирилловских «Ѳ» и «ѳ». Впрочем, возможно, что писец не знал начертания кирилловского «Ѳ» — в передаче глаголического «Ѳ» он также допустил искажение, — а потому вместо нее написал первую букву ее названия («п»). Между «ш» и «Ѣ» здесь — три буквы; первая и 3-я из них соответствуют буквам «Ѥ» и «ѥ» (первая из них может быть понята как «Ѥ» в обратном положении); средняя должна бы соответствовать букве «Ѧ»; вместо этого — «Ѳ», ср. «ші» в глаголическом алфавите того же перечня (может быть, «Ѳі»), «шь» в Троицком списке Сказания Храбра и «шьствоуѣа» в стихотворении Константина Болгарского. Буква после «Ѣ», вероятно, — «Ѧ» (вместо «ѡ»), т. е. должна соответствовать занимающей то же место букве глаголического алфавита; вряд ли это — кирилловская параллель ко второму «Ѧ» глаголического алфавита. После «ю» здесь — «Ѧ», «Ѧ» и «Ѧ» в соответствии одному «Ѧ» первоначального глаголического алфавита; по сравнению с глаголическим алфавитом того же абecedария лишняя буква «Ѧ». Греческих букв θ, ξ и ψ в алфавите нет*****.

Добавление в корректуре

Второй абecedарий, содержащий оба славянских алфавита, вписан на стр. 1507 латинской рукописи Мюнхенской б-ки № 14485, X—XI в. Писавший не знал славянских азбук и искажил некоторые буквы. На-

чертания глаголических букв восходят к старым типам, не моложе нач. XII в. Их угловатость может отражать старую западную манеру КЛ и Пр. отр. В обоих алфавитах по 38 букв; каждая буква отделена от другой двоеточием. В глагол. алфавите порядок букв, кончая «w», тот же, что в глагол. цифровой системе; «зѣло», «земля» (последняя сильно искажена) и «□» на своем месте. Вместо «o» — буква вроде лат. «u». На 22-м месте не «ѳ», как в акростихах, а «oѳ»; на 24 — «x» обычного начертания. «w» очень искажено, но на «паукообразное x» не похоже. После «w» — фигура, совсем не похожая на глаг. «ф» и представляющая лишь отдаленное сходство с «□» в Пр. отр.; далее «ц» и «ѳ». Рядом с «ѳ» стоит, не отделяясь двоеточием, как бы перевернутое «ш» с высокими мачтами, написанное как будто другими чернилами. Буквы «ш» и «ѳ» переставлены: сначала «ѳ», потом «ш». После «ш» — буква, похожая на «ѳ» или на начертание «ѳ» в Abecen. bulg. Далее «ѳ», «ѳ», «паукообразное x», совершенно отчетливое (ср. на том же месте «xв» в обоих акростихах, «xлѳ» у Храбра), потом — буква, похожая на греч. «ψ» с кружком внизу хвоста, глагол. «ѳ», «ѳ» и «ѳ». Т. о., за исключением перестановки «ш» и «ѳ», вставной буквы между «ш» и «ѳ» и последней буквы состав и порядок букв глагол. алфавита в Мюнх. абecedарии точно совпадают с составом и порядком букв обоих акростихов. Ввиду того, что 26-я буква совершенно непохожа на «ц», в кирилловском алфавите Мюнх. абecedария ей соответствует «п», а акростихи и Храбр не дают точных указаний на ее значение, давая на соответствующем месте слова, начинающиеся с «п», остается невыясненным, действительно ли на этом месте первоначально было «ц» или какая-то другая буква. Буква, похожая на греческое «ψ», по месту соответствует стихам акростихов, начинающимся с «ѳ», и, несомненно, представляет несколько искаженное начертание первой части глаголического «ѳ».

В кирилловском алфавите буквам «зѣло» и «земля» соответствует повторенное два раза «з», глаголическому «□» — кирилловское «□» очень архаичного рисунка, сходное с «□» в Вукановом ев.; 22-е место занимает «oѳ», 24-е — «п»; «ц» искажено (написана буква, похожая на лат. «N»), «ѳ» с глубокой чашечкой, «ш» раньше, чем «ѳ»; последнее сильно искажено; затем — «ц» с длинным хвостом, стоящим на строке; вместо «ѳ» — буква «ѳ»; далее «ѳ»; «паукообразному x» соответствует искаженное «o»; после него «ю» и «ж» с приставленной сбоку справа наклонной чертой: писец, видимо, хотел написать «ѳ»; далее буква, напоминаю-

щая одно из начертаний «А» в Сав., но без нижней перекадины, и «А». Отсутствие «па» и «ж» объясняется тем, что писец в перечне кирилловских букв руководился порядком букв глаголического алфавита.

Примечания

В оттиске статьи «Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов», находящемся в библиотеке Института русского языка РАН, имеет место правка, сделанная Н. Н. Дурново. Приводим эту правку:

* Вместо слов «они оба помещаются рядом, между „ф“ и „w“» Н. Н. Дурново вносит следующие: «, Мюнхенском, х обычного рисунка — после ф, а х „паукообразное“ — после ѳ (см. стр. 610)»

** На полях Н. Н. Дурново пишет следующий комментарий: «греч(ескому) х перед палатальным соответств(ует) х обычного типа».

*** В сноске 19 вычеркнуты слова «ошибочно надписано над „х“, а».

**** В части предложения «интересно отметить, что в славянском абecedарии, относимом Ягичем к 1-й полов. XI в., между „ѳ“ и „ѵ“ в глаголическом алфавите читается „ши“ или „ѳи“, а в кирилловском „ѳи“» внесено следующее изменение: «интересно отметить, что в славянском абecedарии, относимом Ягичем к 1-й полов. XI в., между „ѳ“ и „ѵ“ в кирилловском алфавите читается „ѳи“».

***** Предложение: «Порядок букв вполне согласен с порядком букв в цифровой системе и старших акростихах, и только буква „х“ в обычном начертании, очевидно, не на месте: ее место должно быть или рядом с паукообразным „х“, или после „ѳ“» правится следующим образом: «Порядок букв вполне согласен с порядком букв в цифровой системе и старших акростихах, и только буква „х“ в обоих начертаниях, очевидно, не на месте: х обычного типа должно быть после ф, а паукообразное „х“ после „ѳ“».

***** Перечеркнуты два абзаца третьего приложения, начиная со слов: «Очень интересен перечень».

Мюнхенский алфавитарий

Академик Ягич в Энциклопедии Славянской Филологии, вып. 3, стр. 137 [Ягич, 1911], упоминает об имевшейся у него фотографии с одного славянского алфавитария, заключавшего оба славянских алфавита — и кирилловский, и глаголический. С какой рукописи снята эта фотография и как она попала к нему, Ягич не помнил. Судя по короткому описанию Ягича, алфавитарий очень интересен: в кирилловском алфавите имеется □, после **w** — буква **п** согласно с акростихами старших славянских стихотворных молитв и показанием *Abecenařium bulgaricum*, где после «ot» следует «pe»; в глаголическом алфавите буквы¹ □, **к** и **м** старого типа; имеется **χ** обычного рисунка и «паукообразное»; после **л** — буква, напомнившая Ягичу глаголическое **ц**, что дает право думать, что это — не что иное, как первая часть глаголического **ю**; наконец, нет буквы **ж**, согласно с акростихами. Заинтересовавшись этим алфавитарием, я наводил справки о нем в Вене и Белграде, но безрезультатно.

Совершенно случайно на след этого алфавитария попал профессор Венского Университета Трубецкой, любезно сообщивший мне о своей находке следующее:

«Один приват-доцент Венского Университета, германист, получил от ориенталиста С. Эурингера из Баварии фотографию латинской рукописи с приписанными славянскими алфавитами; С. Эурингер просил справиться у венских славистов о точной датировке этих алфавитов. Приват-доцент принес фотографию мне ... и С. Эурингер снабдил фотографию письмом, в котором дает вполне точные данные о ее происхождении. Фотография эта представляет из себя снимок с последней страницы латинской рукописи конца X или начала XI в., хранящейся в Мюнхенской Публичной Библиотеке (*Staatsbibliothek*) под

¹ Глаголические буквы даю в кирилловской транскрипции. Об *Abecenařium bulgaricum* см. у Ягича *ib.*, стр. 136, и табл. VII, снимок 16 [Ягич, 1911].

рубрикой Cod. Latin. 14485. Содержание рукописи — латинские стихотворные духовные драмы немецко-латинской поэтессы Hrotswitha, жившей в X веке в Баварии (по-видимому, в Регенсбурге). Найдена была эта рукопись в XVI в. в монастыре St. Emmeram в Регенсбурге (нашел ее Conrad Celtes). Рукопись издана Winterfeld'ом „Hrotsvitae opera“ в серии *Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum separatim editi*, Berlin, 1902 (на стр. 3 рукопись описана).

По моей просьбе Трубецкой прислал мне фотографию Мюнхенского абецедария, которая позволяет дополнить и исправить описание Ягича, оказавшееся не совсем точным. Позволяю себе далее, описывая абецедарий, не ссылаться, кроме немногих случаев, на описание Ягича.

Рукопись, в которую вписан абецедарий, — X—XI в., но сам абецедарий писан другим лицом, значительно позднее; когда именно, сказать трудно, потому что писец, как видно из искажения им и кирилловских, и глаголических букв, не знал ни того, ни другого славянского алфавита и потому не мог проявить своей привычки к тем или другим начертаниям, выдающей писца, списывающего с более старой рукописи. Поэтому мы можем ставить вопрос не о том, когда абецедарий писан, а о том, к какому времени могут относиться те типы кирилловских и глаголических букв, какие писец этого абецедария копировал.

В обоих алфавитах по 38 букв. Каждая буква отделена от соседней двоеточием. В глаголическом алфавите для **ѣ** дано два знака: обычное глаголическое **ѣ** и перевернутое **ш** с высокими мачтами, не отделенные друг от друга двоеточием. Число букв абецедария точно соответствует числу букв славянского алфавита, указанному Храбром², но вряд ли Храбр, насчитывая 38 букв, имел в виду тот же состав букв: в обоих алфавитах есть **ѧ** (т. е. **Ж**), но нет **Ѧ**: если Храбр включал в число 38 букв **ѧ**, то должен был включить и **Ѧ**, а если не включал **Ѧ**, то не мог включить и **ѧ**.

В кирилловском алфавите по два раза повторены буквы **з** и **п**; это повторение явно объясняется желанием дать кирилловские соответствия всем буквам глаголического алфавита; оба **з** и оба **п** соответствуют разным буквам глаголического алфавита; поэтому и отсутствие буквы

² Сказание Храбра по нескольким редакциям издано Ягичем в «Рассуждениях южнославянской и русской старины» (Исследования по русскому языку, т. I) [Ягич, 1896]. См. также Лавров. Кирило та Методій, Київ, 1928, стр. 137—149 [Лавров, 1928].

Ѧ в кирилловском алфавите может объясняться как тем, что этой буквы не было в известном составителю кирилловском письме, так и тем, что одной букве глаголического алфавита составитель алфавитария считал достаточным указать только одно соответствие.

Дать художнику оригинал

Рис. 1. Часть страницы Мюнхенской рукописи, содержащая алфавитарий, в натуральную величину

Состав кирилловского алфавита следующий: 1) а, 2) б, 3) в, 4) г, 5) д, 6) є, 7) ж, 8) з, 9) љ, 10) и, 11) і, 12) Ѡ, 13) к, 14) л, 15) очень искаженное м, 16) н, 17) о, 18) п, 19) р, 20) с, 21) т, 22) оу, 23) ф, 24) х, 25) w, 26) п (в глаголическом алфавите этой букве соответствует особая буква), 27) буква, похожая на латинское N, которую можно понимать как перевернутое на другую сторону и искаженное и, 28) у, 29) ш, 30) закорючка, которую можно понимать как сильно искаженное перевернутое њ, 31) ц с высокой ножкой на строке, 32) ч, 33) ѣ, 34) сильно иска-

женное **ѳ**, 35) **ю**, 36) **ѣ**, но вместо вертикальной черты слева приставлена к головке буквы наклонная черта справа, 37) **Δ** той формы, какая встречается в Сав., с внутренней перекадиной наклонной, но без нижней перекадины.

Состав глаголического алфавита (передаю в кирилловской транскрипции): 1) **а**, 2) **в**, 3) **ѡ**, 4) **г**, 5) **д**, 6) **ѣ**, 7) **ж**, 8) **ѕ**, 9) искаженное **з**, 10) «иже на треугольнике», 11) «иже на кружке», 12) **□**, 13) **к**, 14) **л**, 15) **м**, 16) **н**, 17) вместо глаголического **о** — буква, похожая на латинское **и**, 18) **п**, 19) **р**, 20) **с**, 21) **т**, 22) **ѡ҃**, 23) **ѳ**, 24) **χ** обычного типа, 25) искаженное **w** (но не паукообразное **χ!**), 26) особая буква, несколько напоминающая **□** в Пр. Отр., 27) **ц**, 28) **ѣ**, рядом с которым написано перевернутое **ш**, 29) **ѣ**, 30) **ш**, 31) «иже на ножке», 32) **ь**, 33) **ѣ**, 34) «паукообразное **χ**», 35) буква, напоминающая греческое **ψ**, но с кружком внизу хвоста; очевидно, это несколько искаженное начертание первой части глаголического **ѣ**³, 36) **ю**, 37) **Δ** (т. е. буква, употребляющаяся в Син. Пс. для передачи греч. **γ** перед **γ**, а в бóльшей части македонских глаголических текстов для **ε** после согласных), 38) **ѣ** (т. е. лигатура, употребляющаяся в КЛ для **ε** вообще, а в бóльшей части македонских текстов для **je**).

Как видно, буквы кирилловского алфавита точно соответствуют буквам глаголического алфавита, кроме одной перестановки в кирилловском (**ю** и **ѣ**) и одной перестановки в глаголическом (**ѣ** и **ш**); сверх того глаголическим **і** («иже на ножке») и **ѣ** на 31 и 32 месте в кирилловском ошибочно соответствуют **ц** и **ѣ**; 26-й букве глаголического алфавита в кирилловском соответствует **п** и паукообразное **χ** — **ѳ**.

Из начертаний букв кирилловского алфавита некоторые воспроизводят очень архаичные типы, бывшие в употреблении не позже XII в.: **а** с петлей, обращенной острым концом вправо, а не вниз, **и** с горизонтальной перекадиной посередине, симметричное **ж**, **□** с верхней не перечеркнутой линией, **н** с перекадиной, идущей наискось от левой верхней части левой мачты к нижней части правой, **р** с маленькой головкой, **w** с высокой середкой, симметричное **ѣ** с очень глубокой круглой чашечкой, **ц**, стоящее в строке, **ѣ** с боковой чертой, идущей от головки, без соединительного штриха (ср. **ѣ** в Сав.), **Δ** с косой средней перекадиной (имеется только в Сав.); остальные начертания не характерны для датировки.

³ Ср. *Byzanto-Slavica*, I, стр. 62—63, 73 [Дурново, 1929; наст. изд., с. 594, 611].

В глаголическом алфавите фигуры некоторых букв носят угловатый характер: петли у **г**, **ж**, **з**, **и**, **л**, **п**, **х** квадратные, у других букв приближаются к квадратным. При всем том типы букв не напоминают типов хорватской угловатой глаголицы, а соответствуют старым типам, так что угловатостью глаголический алфавит сближается скорее всего даже не с такими образцами старшей хорватской глаголицы, как Венские отрывки, отрывок Гршковича, Кркские лоскуты и Кркская надпись (ср. иные начертания для **е**, **м** и др.), а с такими памятниками, как Пражские отрывки, вставные листки Зогра., *Abecenaġium bulgagisum*. К старому, дохорватскому типу относятся начертания букв **а**, **д**, **е**, **з**, **и** (иже на кружке), **□**, **к**, **м**, **оу**, **ф**, **ь**; кроме того, имеются буквы, отсутствующие в хорватской глаголице,— «паукообразное» **х**, первая часть **ж** и буквы **д** и **л**. Остальные буквы для датировки менее характерны. Отмечу начертание **в** с хвостом, примыкающим не к левой мачте, а к середине между левой и средней, как в Клоц. и Син. Пс.; фигура **□** ближе всего к начертаниям этой буквы в Зогра., Венских отрывках и отрывках Михановича; в **л** верхняя часть лежит на двух нижних, как в Пражских отр., Ассем., добавочных листках КЛ; в **оу** обе части слиты, как в Ассем., Мар., Син. Пс. и позднейших, 2-я часть горизонтальными штрихами, заходящими за правую часть буквы, делится на 3 части; **ъ** и **ь** имеют форму восьмерки как в Клоц., Мар., Ассем., Син. Пс. и Син. Требн., **ѣ** с усеченной верхушкой, как в Пражских отр., Син. Пс., Охр. ев. отр. и др.; **w**, несмотря на искажение, напоминает **w** в Венских отрывках.

Все палеографические черты указывают на то, что источник обоих алфавитов Мюнхенского абecedария был не позже XII века.

Мюнхенский абecedарий имеет большое значение для суждения о первоначальном составе славянского алфавита. Прежде всего отметим совпадение порядка букв этого абecedария с порядком букв акростихов старших славянских стихотворных молитв — Константина Болгарского и Ярославского молитвенника⁴. Кончая **w**, этот порядок совпадает с порядком букв в глаголической цифровой системе. После **w**, между этой последней, с одной стороны, и акростихами и Мюнхенским абecedарием, с другой, является как бы расхождение. В глаголической

⁴ Тексты обеих молитв — у Соболевского, *Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии* (сборн. ОРЯС, т. 88) [Соболевский, 1910], ср. Лавров, Кирило та Методій, стр. 192 [Лавров, 1928].

цифровой системе непосредственно после **w** следует **ц**; в глаголическом алфавите Мюнхенского алфавитария — особая буква, не похожая на **ц**; в кирилловском алфавите того же алфавитария ей соответствует **п**; в обоих старших стихотворениях с акростихом — слова на букву **п**; в *Abecenarium bulgaricum* соответствующей буквы нет, но за названием «ot», стоящим над паукообразным **χ**, но соответствующим, очевидно, букве **w**, следует название «ре», стоящее над буквой **ц**; то же название для какой-то буквы — «пѣ» — имеется и во 2-й редакции Сказания Храбра. Эти соответствия как будто указывают, что загадочную 26-ю букву глаголического алфавита Мюнхенского алфавитария надо читать как *p*. Ввиду того, что для звука *p* в глаголическом алфавите, помимо этой буквы, уже были две буквы — **п** и **ф**, — соответствовавшие греческим **π** и **φ**, можно бы думать, что она, в свою очередь, соответствовала греческому **ψ**. Рано исчезнув из глаголического письма, она и в цифровом значении была заменена другой буквой. Но при таком предположении непонятно, почему она оказалась в алфавите после **w**, а не перед ним; почему ее нет ни в одном глаголическом тексте, хотя бы для передачи греческого **ψ**,⁵ и почему вместо нее в цифровом значении взято именно **ц**? Неупотребительность тех или иных знаков в буквенном значении в славянском письме не мешала употреблять их в цифровом значении. В глаголических текстах, не употребляющих букв **ѕ**, **□**, **ц**, **w**, в цифровом значении эти буквы не заменяются другими; в кириллице издавна в цифровом значении употреблялись **ѕ** и **ѣ**, не употреблявшиеся в качестве букв, и только позднее, когда появилось несимметричное **ѣ**, оно вытеснило и старую цифру **ѣ**. Если предположить, что 26-й буквой первоначального алфавита не было **ц**, а была буква со значением *p* (или *ps*), то **ц** придется признать новой буквой. Действительно, до последнего времени принято было видеть в ней лигатуру **ш + т**; я в 1926 г. предположил толковать ее как лигатуру **ш + ѣ**. Но теперь и то, и другое предположение представляется мне маловероятным. Кроме того что лигатур такого типа не существовало, славянские рукописи XI в. показывают, что славяне, произносившие сочетания *št* и *šč*, не ощущали никакой потребности обозначать их одной буквой, и многие, звавшие букву **ц**, тем не менее предпочитали писать две бук-

⁵ Замечу, впрочем, что и буква «паукообразное **χ**», несомненно бывшая в первоначальном глаголическом алфавите, во всей глаголической письменности встречается только один раз.

вы или прибегать к лигатурам обычного типа. Предположение же, что в первоначальном алфавите были обе буквы — и 26-я буква глаголического алфавита Мюнхенского алфавитария со значением *p* или *ps*, и буква **ц** — не находит себе поддержки ни в самом этом алфавите, ни в акростихах старших болгарских стихотворений, ни в Сказании Храбра. Если же предположить, что 26-й буквой первоначального славянского алфавита было именно **ц**, на которое указывают глаголическая цифровая система и венские алфавитарии, правда поздние, изданные Копитаром (Glag. Cloz. XXIX) и Кидричем (Novi Zapiski VII, 145), то 26-ю букву глаголического алфавита Мюнхенского алфавитария можно объяснить как искажение какой-то глаголической буквы, стоявшей в источнике Мюнхенского алфавитария вместо **ц** потому, что составитель не знал буквы **ц** из глаголического письма, а передача ее через **п** объяснялась бы тем, что с этой буквы начиналось ее название, так как в начале слов она не встречалась, ср. названия «ерь», «ерь», «еры» или позднее название для **□** — «дерь». Какая буква в таком случае явилась образцом 26-й буквы глаголического алфавита Мюнхенского алфавитария, сказать трудно. Наибольшее сходство с ней представляет буква **□** в Пражских отрывках. Лишним штрихом по сравнению с этой последней в букве Мюнхенского алфавитария является только крючок слева в верхней части буквы. Почему тогда составитель алфавитария или его глаголического алфавита взял именно эту букву? Не потому ли, что она ближе всех соответствовала известному составителю по какой-то непонятной для нас традиции первоначальному произношению этой буквы? Ср. в сербских кирилловских текстах уже в XIV в. употребление **□** не только для передачи сербского *ḣ*, но и для передачи сербского *ḧ*⁶.

После **ц** в глаголической цифровой системе следует **ц**. Та же буква следует за 26-й буквой алфавита и в обоих алфавитах Мюнхенского алфавитария, и в обоих акростихах, и в сказании Храбра; в *Abecedarium bulgaricum* **ц** следует за **х**, но между **х** и **ц** пропущено **w** и **ц** (или «ре»).

На букве **ц** заканчивается глаголическая цифровая система, и о дальнейшем порядке букв и составе первоначального славянского алфавита мы можем судить только по показаниям алфавитариев, Храбра и акростихов.

⁶ Ср. *Byzanto-Slavica*, I, стр. 56—58, 68—69, 78, 79 [Дурново, 1929; наст. изд., с. 575—577, 582—583, 598].

28-е место во всех этих источниках занимает буква **ѣ**, следующая за **ц** и в поздних славянских алфавитах. Неясно, что значит перевернутое **ш** рядом с **ѣ**, но не как особая буква, в глаголическом алфавите Мюнхенского алфавитара. После **ѣ** во всех источниках (как и в поздних алфавитах), кроме глаголического алфавита Мюнхенского алфавитара, следует как 29-я буква алфавита **ш**. После **ш** в кирилловском алфавите Мюнхенского алфавитара, на 30-м месте,— **ѣ**; тот же порядок и у Храбра. Этот порядок следует признать первоначальным. В стихотворной молитве Константина Болгарского на 30-м месте стоит стих, начинающийся с буквы **ш**, но так как буква **ѣ** не может начинать собой слова, то этот стих может соответствовать букве **ѣ**. В поздних алфавитах (между прочим у Дивиша в XIV в. и в греческом списке русских названий славянских букв, изданном Бандури)⁷ между **ш** и **ѣ** стоит **ц**, в *Abecenarium bulgaricum* — **х** обычного типа. И в том и в другом случае следует видеть позднейшую вставку. В глаголическом алфавите Мюнхенского алфавитара буквы **ш** и **ѣ** переставлены⁸.

31-я буква глаголического алфавита Мюнхенского алфавитара **і** («иже на ножке»), причем ножка спускается ниже строки. Ягич понимает ее как вторую часть буквы **ѣ**. Может быть, и так; в таком случае **ѣ** перед **і** мог быть пропущен еще в оригинале, если там не было еще перестановки **ш** и **ѣ** (т. е. в протографе могло быть: **ш**, **ѣ**, **ѣ**, **ь** и т. п. с двумя **ѣ** подряд). Буква **ѣ** между **ѣ** и **ь** имеется во всех более поздних кирилловских алфавитах, начиная с алфавитара Дивиша 1360 г. и списка Бандури. В кирилловском алфавите Мюнхенского алфавитара между **ѣ** и **ѣ** стоит **ц**, а **ѣ** после **ѣ** пропущен. В *Abecenarium bulgaricum* буквы **ѣ** нет; нет и стиха на эту букву в обоих старших стихотворениях с актостихом. Можно думать, что в первоначальный алфавит **ѣ**, как «двоегласная», не входило, но в подсчете 38 букв Храбра учитывалось, а затем очень рано, не позже XII в., заняло место в алфавите между **ѣ** и **ь**.

На 32-м месте в глаголическом алфавите Мюнхенского алфавитара — буква **ь**, в кирилловском — **ѣ**, а **ь** пропущено. В акростихах буквы **ь** глаголического алфавита соответствуют слова, начинающиеся с бу-

⁷ См. в книге Лаврова, Кирило та Методій, Київ, 1928, стр. 150 [Лавров, 1928].

⁸ Возможно, что перестановка вызвана тем, что в прототипе после **ѣ** стояло то же **ш** или **ц**. Ср. **ц** после **ѣ** в кирилловском алфавите того же алфавитара. Во 2-й редакции Сказания Храбра между **ѣ** и **ь** имеется «шь».

квы и. В более поздних алфавитариях везде после **ѣ** также **ь**; в *Abecedarium bulgaricum* буквы **ь** нет.

На 33-м месте в обоих алфавитах — **ѣ**, согласно с акростихами и более поздними алфавитариями, где **ѣ** всюду непосредственно после **ь**. В *Abecedarium bulgaricum*, где **ѣ** и **ь** отсутствуют, **ѣ** следует непосредственно после **ь**.

На 34-м месте в глаголическом алфавите Мюнхенского алфавитария — «паукообразное **х**», в точном согласии с обоими акростихами, дающими после стихов на букву **ѣ** слова, начинающиеся с **хв** (**хвалѣ**, **хвалами**); к этой букве должно относиться и название «**хлѣ**» во 2-й редакции Сказания Храбра; в кирилловском алфавите Мюнхенского алфавитария здесь — искаженное **ѣ**. Так как греческое **ϑ** в глаголических текстах передается обычно через **т**, то можно думать, что в древнейшую пору так же читалось и кирилловское **ѣ**; поэтому написание в Мюнхенском алфавитарии кирилловского **ѣ** в соответствии с глаголическим «паукообразным **х**» не свидетельствует о том, что такое соответствие первоначально, а не придумано самим составителем алфавитария. Соответствие же между «паукообразным **х**» Мюнхенского алфавитария и **хв** акростихов решительно указывает на то, что это **х** в первоначальном славянском алфавите составляло особую букву, функционально отличную от обычного **х**, и занимало место непосредственно после **ѣ**. Название буквы «**хѣръ**» относилось в таком случае не к нему, а к обычному **х**, занимавшему место перед **ѣ**. Обычное **х** создано было только для передачи греческого **χ** перед палатальными гласными, а потому в обоих стихотворениях ему соответствует греческое слово **херовимьскѣ** (или **херовьскѣ**). Но почему-то, может быть, благодаря большей простоте рисунка, оно очень рано совершенно вытеснило «паукообразное **х**», изобретенное для передачи славянского непалатального **х** (или только славянского **хѣ** или **х** округленного?). В *Abecedarium bulgaricum*, где «паукообразное **х**» стоит после **ѣ**, а **х** обычного рисунка между **ш** и **ѣ**, порядок очевидно нарушен. Возможно, что нарушению порядка способствовало сходство «паукообразного **х**» с **ѣ** и названия **х** обычного рисунка «**хѣръ**» с названием буквы **ѣ**: в латинской транскрипции XII в. одинаково «**hier**».

На 35-м месте в глаголическом алфавите Мюнхенского алфавитария стоит буква, которую я читаю как первую часть глаголического **ѣ**; в алфавитарии начертание этой буквы несколько искажено, главным об-

разом тем, что верхушка открыта; тем не менее узнать в нем соответствующую букву, как она пишется в КЛ, Пражских отр. и Син. Требн., нетрудно. В обеих старших стихотворных молитвах на соответствующем 34-м месте, после стихов на буквы **хв**, в полном соответствии с глаголическим алфавитом Мюнхенского абецедария, стоят стихи, начинающиеся с **ѡ** (**ѡже**). В Сказании Храбра также в обеих старших редакциях **ѡ** стоит перед **ю**. Ввиду этого порядок букв глаголического алфавита Мюнхенского абецедария в этом месте надо признать первоначальным.

На 36-м месте в глаголическом алфавите Мюнхенского абецедария, непосредственно после первой части **ѡ**, стоит буква **ю**. Тот же порядок — в обоих акростихах (соответствующие стихи начинаются со слов **юнь** и **юже**) в обеих старших редакциях Сказания Храбра.

В кирилловском алфавите Мюнхенского абецедария 35-я и 36-я буквы алфавита переставлены: на 35-м месте буква **ю**, на 36-м — **ѡ** (вместо не имеющейся в кирилловском алфавите особой буквы для гласного элемента носового звука или сочетания, передаваемого буквой **ѡ**); тот же порядок и в *Abecedarium bulgaricum*, где первая часть глаголического **ѡ** как особая буква отсутствует, а после **ю** следует **ѡ**. В более поздних кирилловских абецедариях **ѡ** отсутствует, а вместо него стоит **ѡ**, но названия, которые носят в этих абецедариях буквы **ю** и **ѡ**, именно «ю» и «юс», свидетельствуют, что буква **ѡ** здесь заменила букву **ѡ**. На основании *Abecedarium bulgaricum*, где название «yusz» стоит над **ю**, можно думать, что это название первоначально относилось именно к этой букве, а буква **ѡ** носила название «ю» (т. е. первоначально — «ѡ»); позднее, при перестановке букв, названия не были переставлены.

37-я буква глаголического алфавита Мюнхенского абецедария — **ѡ** (так я передаю букву, которую по почину Ягича принято передавать через **ѡ**). В кирилловском алфавите ей соответствует **ѡ** особого начертания; в обеих старших стихотворных молитвах — слова, начинающиеся на букву **ѡ**. В акростихах это — последняя буква алфавита. В *abecedarium bulgaricum* этой буквы нет.

Последняя, 38-я буква глаголического алфавита Мюнхенского абецедария — **ѡ** (в транскрипции Ягича — **ѡ**); в кирилловском алфавите ей соответствует **ѡ**.

По сравнению с акростихами старших славянских стихотворных молитв в Мюнхенском абецедарии на 2 буквы больше, несмотря на то

что в обоих славянских алфавитах нет как особой буквы буквы ψ , которая занимает в акростихах 22-е место. Вместо буквы ψ , на которую указывают оба акростиха, в обоих алфавитах Мюнхенского алфавитария имеется $\sigma\psi$. Лишние буквы: в глаголическом алфавите — $\dot{\iota}$ на 31-м месте, между ш и ь , и л (л) на последнем, 38-м месте; в кирилловском — ш после ѣ на 31-м месте и л на 38-м месте; кроме того — ѣ на месте ь . Такой состав алфавита, поскольку он отличается от алфавита акростихов, несомненно, не первоначальный: в первоначальном, несомненно, на 22-м месте было не $\sigma\psi$, а ψ , и вряд ли было л (в транскрипции Ягича л), потому что если бы оно было, то должно было бы быть и л ; между тем л нет не только в обоих алфавитах этого алфавитария, но и в *Abecedarium bulgaricum*, где есть л , и у Храбра. Поэтому я думаю, что Храбр, говоря о 38-ми буквах, имел в виду 36 букв акростихов и «двогласные» $\sigma\psi$ и ѣ .

Выводы:

1. Первоначальный глаголический алфавит имел, не считая «двогласных», 36 букв.

2. В этот алфавит входили, между прочим, все буквы глаголической цифровой системы. Неясно только, была ли 26-й буквой алфавита буква ψ , занимающая это место в глаголической цифровой системе, или какая-то другая, не встречающаяся в глаголических текстах буква, место которой заняла потом буква ψ . Первое предположение представляется более вероятным.

3. Буква «паукообразное χ » входила в алфавит как особая буква, функционально отличная от χ обычного рисунка, и занимала в нем место непосредственно после ѣ .

4. Букв л и л в первоначальном глаголическом алфавите не было, но были буквы: первая часть глаголического л , занимавшая место перед ю , и буква для неопределенной носовой или носового резонанса носовых гласных, занимавшая в алфавите последнее место.

5. Буква з , равно как и буквы с крючком для обозначения палатальности, в первоначальном кирилловском алфавите отсутствовали.

6. Буква \square была уже в первоначальной кириллице.

К вопросу о времени распада общеславянского языка

Вопрос о времени распада о.-сл. языка ставился в науке не раз и решался чрезвычайно различно. Одни ученые относили это распадение к эпохе Великого передвижения народов, т. е. приблизительно к IV—V в. нашей эры, другие считали его более поздним, и недавно проф. Трубецкой высказался в том смысле, что эпохой распада о.-сл. языка следует считать эпоху т. наз. падения глухих, закончившегося на юге славянства только в X в., а на севере лишь в XIII в.¹ Это разногласие связано с разным пониманием того, что следует считать моментом распада языка, а также с разными априорными взглядами на внешние условия единства языка, каковы политическое единство, а также цельность, замкнутость и небольшие размеры территории, занимаемой языком.

Одно время думали, что путем сравнения языков можно воссоздать их единый праязык, отличавшийся полным единством и не дробившийся на диалекты. Метод воссоздания такого праязыка был очень прост. Если черте a_1 одного языка в родственных языках соответствуют черты a_2, a_3, a_4 и т. д., позволяющие восстановить для праязыка черту a , черте b_1 того же языка соответствуют черты b_2, b_3, b_4 и т. д., восходящие к черте b праязыка, и черте c_1 — черты c_2, c_3, c_4 и т. д., восходящие к черте c праязыка, то самый праязык восстанавливался как сумма этих восстановленных черт: $a + b + c$ и т. д. Такой праязык был, конечно, фикцией, хотя бы все его черты были восстановлены правильно. Могло быть, что в то время, когда существовала черта a , черта b еще не существовала, или что по отношению к этой черте та дифференциация, которую мы наблюдаем в языках-потомках, уже произошла, и т. д. Всякие попытки воссоздать эпоху полного единства заранее обречены на неудачу. Предположение такого полного единства непременно сво-

¹ LНPh. I, стр. 319 [Трубецкой, 1925].

дилось бы к предположению, что всякая группа родственных языков в конечном счете восходит к говору одной и притом изолированной семьи.

Но эпоха языкового единства, предполагаемая нами на основании сравнения родственных языков,— отнюдь не фикция, если только под языковым единством мы будем понимать не отсутствие различий между входящими в это единство языковыми идиомами, а наличие единства в эволюции хотя бы только некоторых сторон языковой системы. При таком понимании языкового единства нет надобности предполагать, что общий язык слышался лишь на небольшой территории, обусловливавшей возможность постоянного общения. Не говоря о нынешних языках, вроде английского, русского, испанского, сохраняющих единство, несмотря на свое распространение в разных частях земного шара, так как это единство в значительной степени поддерживается печатью, школой и ускоренными способами сообщения, чего не было в общеславянскую эпоху, мы можем указать на такие факты, как образование греческого *κοινή* в эпоху наибольшей экспансии греческого языка или единство латинского разговорного языка на всей территории Римской империи значительно позднее эпохи Августа, устанавливаемое сравнительным изучением нынешних романских языков.

Нарушается единство языка только тогда, когда прекращается связь между его диалектами и они начинают развиваться каждый своим, совершенно независимым путем. Обыкновенно условия для такого разрыва готовятся заранее, и два языка, выделившиеся из одного общего языка, часто представляют непосредственное развитие двух разных его наречий. Ввиду этого часто бывает невозможно решить, когда кончается эпоха общего языка и начинается эпоха независимого развития выделившихся из него языков.

Уже древнейшие свидетельства о славянских наречиях показывают, что некоторые из нынешних различий между славянскими языками восходят к различиям, существовавшим еще до возникновения славянской письменности.

Глаголическая азбука, которая была изобретена, по свидетельству Храбра, Константином Философом до своего отправления в Моравию (863 г.), если не существовала еще раньше², показывает, что в славянском говоре, для которого эта азбука составлялась, звуки, передаваем-

² Н. Н. Дурново. Мысли и предположения и пр. *Byz.-Slav.* I [Дурново, 1929—наст. изд., с. 566—612]; Н. К. Никольский. К вопросу о русских письменах, упоми-

мые в кириллице буквами «Ѣ» и «Ѧ», этимологически не различались; следовательно, уже в это время произношение о.-сл. *ě*, по крайней мере, в начале слов по говорам было различно.

В свою очередь, кирилловская азбука, сформировавшаяся не позже конца IX или начала X в.³, не имеет особой буквы для звонкого свистящего звука из о.-сл. *g* перед *ě* и *i* из *oi* и таким образом может свидетельствовать о том, что она возникла в области говора, имевшего в таких случаях не *dž*, сохранявшееся в других говорах, а *z*⁴.

Старшие славянские письменные памятники X и XI в., писанные глаголицей, кириллицей и латиницей, дают между прочим указания на различную судьбу о.-сл. сочетаний *tj* (*c* в Киевских листках, *št* в болгарских текстах, *č* в русских и звук, передаваемый через *k* и отличный от *č*, во Фрейзинг. отрывках)⁵, *dj* (*z* в Киевских листках, *žd* в болг., *ž* в русск., *j*⁶ во Фрейз.), *dl*, *tl* (*l* в болг., русск. и Киевских листках, *dl* во Фрейз.⁷ и Пражских отрывках⁸), *bdm* (*m* в русских текстах, *dm* в остальных), *g* перед *ě*, *i* из *oi* (*dž* в одних текстах, *z* в других), на диалектическую утрату *l'* после губных не в начале слова (примеры уже в Зогр.), на различные окончания род. ед. и имен.-вин. мн. имен женск. р. и вин. мн. имен муж. р. с основой на мягкие (*ě* в русских текстах, *el* в южнославянских) и твор. ед. имен муж. и ср. р. (*ьмь*, *ьмь* в Киевских листках и русских текстах, *омь*, *емь* в южнославянских).

Некоторые из этих различий подтверждаются для X в. и другими источниками: у Константина Багрянородного рефлекс о.-сл. *tj* в рус-

наемых в житии Константина Философа в Известиях по русскому языку и словесности АН СССР, 1928, I, 1, стр. 1—37 [Никольский, 1928].

³ Старшим памятником кирилловского и глаголического письма являются Преславские надписи X в. (не позже 969 г.). См. К. Миятев. Симеоновата църква в Преслав и нейният епигр. материал.—Български преглед I (1929), 1, с. 112—122 [Миятев, 1929]; М. Н. Сперанский. Из славянской эпиграфики.—Доклады АН СССР, 1930 В, № 3 [Сперанский, 1930].

⁴ Дурново, о. с., стр. 19—29.

⁵ О рефлексе о.-сл. *tj* во Фрейз. отр. см. Fg. Ramovš. Hist. Gram. II, § 152 [Рамош, 1924].

⁶ *j* во Фрейз. передается обычно буквою *g*.

⁷ Точнее, во Фрейз. II. В I *dl* нет, зато один раз *crilatcem*. См. Ramovš, о. с. § 107.

⁸ У 1-го писца Пражских отр. рядом с *dl*: *модлѣтвами*, имеется и *л*: *свѣтилънѣ*, *свѣтила*'на, *свѣтила*', у 2-го — только *dl* (*свѣтидлъна* и пр.).

ских именах передается через $\tau\zeta$ и τ , так же как и о.-сл. $\check{\zeta}$ ⁹; у него же рефлекс о.-сл. dj в польском имени $\text{Lev}\zeta\text{an}\acute{\text{v}}\text{o}\text{i}$ или $\text{Lev}\zeta\text{en}\acute{\text{v}}\text{o}\text{i}$ передается через ζ , а в хорватском $\text{Me}\check{\text{y}}\text{ur}\acute{\text{e}}\text{t}\text{o}\check{\text{u}}\text{s}$ через γ ¹⁰.

Старыми являются и некоторые диалектические различия, на время появления которых в памятниках мы указаний не находим.

Ко времени до утраты $\check{\text{r}}$ и $\check{\text{v}}$ в слабом положении и до перестановки гласной и плавной в сочетаниях типа *tert* относится общелужицкое (зап.-слав.?) изменение r после глухих перед палатальными гласными в глухое \check{r} и нижнелужицкое изменение всякого r после глухих в шипящий звук.

Общее южнорусским и чешско-словацким говорам изменение $g > \gamma > h$ возникло, надо думать, раньше утраты назализации в чешском, так как в противном случае трудно было бы объяснить различную судьбу т. наз. о.-сл. $\check{\text{r}}$ в чешском перед k и перед h : в первом случае мы имеем $\check{\text{r}}$, во втором a ¹¹.

Севернорусское совпадение c и $\check{\text{c}}$, засвидетельствованное уже старшими, правда, относящимися лишь к концу XI в. сев.-русскими памятниками, может также восходить к значительно более старому времени¹².

Диалектические различия в судьбе сочетания sk перед $\check{\text{e}}$ и i из $o\check{i}$ ¹³, надо думать, вряд ли моложе о.-сл. изменения k перед теми же гласными в c и, во всяком случае, старше начала славянской письменности; документальные указания на такие различия находим уже в старших памятниках славянского письма.

Нет документальных указаний на время появления в зап.-славянских говорах $\check{\text{s}}$ из о.-сл. смягченного x ; написания c v в Киевских листьях могут объясняться югославянской традицией литературного языка (в Пражских отрывках конца XI в. в таких случаях всюду уже $\check{\text{s}}$).

Судя по примерам, собранным Шварцем¹⁴, уже до начала славянской письменности существовали диалектические различия, связан-

⁹ Примеры см. Дурново, Введение в историю русского языка, Брно 1927, стр. 206.

¹⁰ См. P. Skok. *Kako bizantiski pisci pišu slovenska mjesna i lična imena*, II — *Slarohrvatska prosvjeta* 1927, 3—4 [Скок, 1927].

¹¹ См. Н. Трубецкой, *Slavia* VI. 4, стр. 667—671 [Трубецкой, 1927/1928].

¹² О причинах отсутствия смещения c и c в некоторых старших новгородских памятниках см. Дурново. Введение, стр. 18 [Дурново, 1927].

¹³ Дурново. *RĚSl.* VI. 1926, 3—4 [Дурново, 1926 — наст. изд., с. 383—390].

¹⁴ *ZSl Ph.* IV. 3—4 [Шварц, 1927].

ные с перестановкой гласной и плавной в о.-сл. сочетаниях типа *ort* и *tort*: старшие указания на такую перестановку относятся к концу VIII в., в то время как другие указания свидетельствуют, что диалектически эти сочетания сохранялись без изменения и позднее; древнейшие румынские заимствования с такими сочетаниями могут восходить только к IX в., а в русских говорах, как показывает передача русских племенных и географических названий у Константина Багрянородного, подобные сочетания сохранялись еще в середине X в.¹⁵; на северо-западных окраинах славянского мира сочетания типа *tort* могли сохраняться без изменения и дольше¹⁶.

Звуки *ѣ* и *ѣ* в то время, к которому относятся старшие славянские переводы, т. е. в конце IX и в начале X в., сохранялись как особые гласные звуки и в сильном и в слабом положении во всех славянских диалектах, по крайней мере, в чешско-моравских, южнославянских и русских. Фрейзингенские отрывки (нач. XI в.), отражающие говор, в котором *ѣ* и *ѣ* уже выпали, сохранили тем не менее более 10 случаев написания *i* и *e* (последнее только 2 раза, оба раза на месте *ѣ*) на месте выпавших *ѣ* и *ѣ*, указывающих на то, что в то время, когда славянская письменность стала пользоваться латинским алфавитом (в конце IX в.?), *ѣ* и *ѣ* в слабом положении еще сохранялись. На произношение их старшие памятники глаголического и кирилловского письма точных указаний не дают, свидетельствуя только о том, что в IX и начале X в. эти гласные в чешско-моравских, южнославянских и русских диалектах отличались от всех других гласных и различались между собой, а в конце X и в XI в. это различие сохранялось еще в русских говорах. Греческие писатели еще в X в. передают славянское *ѣ* в русских словах через *ou*, в хорватских — через *ou* и *o*, и только один раз, по-видимому, *ѣ* в хорватском слове передано через *i*: Σιδράγυα у Константина Багрянородного (= Сьдрага?); славянское *ѣ* они же передают после *β* и в русских, и в хорватских словах через *ou*, в остальных случаях — через *i*

¹⁵ Дурново. Введение, стр. 207—208 [Дурново, 1927].

¹⁶ У Константина в хорватских именах, при обычных написаниях с перестановкой гласной и плавной, имеются написания и без перестановки: Βάρτζω «Брачь», Τερβουβία «Трѣбынье»; конечно, на современное Константину хорватское произношение этих имен такие написания вряд ли указывают, но могут указывать на то, что эти имена в такой форме были известны соседям хорватов, усвоившим их от хорватов же, но несколько раньше.

и ε (ε главным образом перед ρ)¹⁷. Но латинские документы X и XI в. и паннонские Фрейзингенские отрывки передают и славянское δ , и славянское δ в хорватских, словенских и зап.-славянских словах только через i , реже через e . Такая передача может свидетельствовать о том, что греки воспринимали славянские δ и δ как звуки, более близкие к u и i , чем к другим гласным звукам, и что в то время, как латинский алфавит стал впервые применяться к славянскому письму, на славянском Западе δ и δ ощущались как звуки, более близкие к i , чем к другим гласным звукам. Пропуск гласных букв, соответствовавших славянским δ и δ , в конце слова и изредка в слабом положении в середине слова в греческих и латинских источниках X в. показывает, что в этом положении эти гласные уже тогда были редуцированы и при каких-то условиях могли выпадать. В старших румынских, балтийских и финских заимствованиях из славянских языков, относящихся к VIII и IX вв., славянские δ и δ одинаково передаются через u и i с теми изменениями, какие явились уже на почве этих языков и должны быть признаны позднейшими. Можно думать, что δ и δ еще в IX в. во всех славянских говорах были близки к u и i , и только в X в. между славянскими диалектами появились некоторые различия в произношении этих гласных.

По вопросу о судьбе дифтонгических сочетаний на носовую (т. наз. о.-сл. ρ , ρ) в зап.-славянских, словенских и хорватских диалектах в IX—X вв. материал подобран Шварцем¹⁸; из этого материала видно, что в этих диалектах носовые в подобных случаях сохранялись еще в середине X в.¹⁹; в болгарских говорах они были утрачены еще позд-

¹⁷ Дурново. Введение, I. с. [Дурново, 1927], P. Skok, о. с. [Скок, 1927].

¹⁸ ZSl Ph. V, 1—2, стр. 124—134 [Шварц, 1928].

¹⁹ Шварц не приводит материала из Константина Багрянородного и памятников чешского письма X—XI вв. Этот материал не противоречит данным, имеющимся у Шварца: Константин в хорватских именах в соответствии с т. наз. о.-сл. ρ и ρ пишет $\rho\upsilon\upsilon$ и $\varepsilon\upsilon$: Μουρντιμῆρος, τῆς Ζεντίνας, Πεσέντα, Κοσέντζης, также и в чешском имени Σφενδοπλόκου, известном ему, вероятно, от хорватов. Из чешских письменных памятников Киевские листки X в. не имеют ни одного достоверного примера на деназализацию т. наз. носовых гласных; но правописание Пражских отрывков конца XI в. и Венских и Пражских глосс XII в. свидетельствует об отсутствии носовых гласных (или старых дифтонгических сочетаний на носовые) в языке писцов: в Пражских отр. ж написан правильно только 3 раза при 16 случаях написания $\rho\upsilon$ вм. ж и одном случае ж вм. $\rho\upsilon$; ρ , по б. ч., пишется правильно, но

нее; в русских в середине X в., как показывают свидетельства Константина Багрянородного, их уже не было²⁰, но в IX и начале X в. они еще сохранялись, как видно, между прочим, из свидетельств арабских географов конца IX в.²¹ При этом и свидетельства греческих и латинских писателей, и написания Фрейзингенских отрывков, и славянские заимствования в румынских, балтийских и финских языках показывают, что в русских диалектах IX в. и в чешско-моравских и сербохорватских диалектах X в. т. наз. о.-сл. *o* соответствовало или *u* носовое, или дифтонгическое сочетание «*u* + носовая согласная», а в словенских до утраты носовых — *o* носовое (или дифтонгическое сочетание «*o* + носовая согласная»)²².

Почти все названные различия между славянскими говорами принадлежали к числу т. наз. фонетических, т. е. являлись результатом различных фонетических изменений их общего достояния. Морфологическая система всех славянских диалектов к началу славянской письменности была почти одна и та же. Различия между славянскими диалектами, как окончание *-e* в одних говорах, *-ě* в других говорах в известных падежных формах мягких основ, твор. ед. существительных муж. и ср. р. на *-оть*, *-еть* в одних говорах, *-ьть*, *-ьть* в других, dat.-loc.

эта правильность не свидетельствует о носовом произношении: и здесь 3 раза написано *a* вм. *ä* в окончании 3 мн. аориста: *коупниша* и др. В Венских и Пражских глоссах *un*, *en* в соответствии с о.-сл. *o*, *e* единичны: *vednuunt* (= *вѣднѹтъ*) Венск. гл. (при 9 случаях *u* вм. *e* и 6 *e* вм. *e* — хорватизм?), *censto* (= *чѣсто*) Пр. гл. (при 24 *u* вм. *o*, 14 *a* и 6 *e* вм. *e*) и указывают лишь на старую традицию письма, именно, на то, что старые сочетания на носовые сохранялись в чешском языке в то время, когда чехи стали применять латинский алфавит к своему письму.

²⁰ [Дурново 1927, с. 207].

²¹ Там же, с. 204.

²² Во Фрейз. отр. есть единичные примеры с *en* на месте о.-сл. *e* и *on* и *un* на месте о.-сл. *o*: *vuensih* I.23 (вм. *vuensih?* = *вѣцьшихъ*, ср.: Рамовш, о. с., с. 263), *poronso* I (= *поржѹж*), *malomogoncka* II.48 (= *маломогѹца*), *sunt* II (= *сѹтъ*), *vuern* III (= *вѣрѹ*); в остальных примерах всюду *e* (больше 30 раз), *o* (раз 30) и *u* (больше 40 раз) и два раза *a* вм. *e* (*nedela* g. sg. I. 16 и *grechi vuasa* acc. pl. III). Написания с *u* и *un* можно рассматривать как чехизмы и хорватизмы. Наличие написаний *en*, *on*, *un* позволяет предполагать для Фрейз. отр. прототипы, писанные тогда, когда т. наз. носовые гласные сохранялись в паннонских и чешских или хорватских говорах, или указывает на орфографическую традицию, идущую с того времени и еще не изжитую ко времени написания Фрейз. отр. (нач. XI в.?).

личных и возвратного местоимений *tebě, sebě* в одних говорах, *tobě, sobě* в других, род. ед. личного местоимения 1-го л. *мене* в одних говорах, *тѣне* в других, были совсем незначительны.

В словаре различия между славянскими диалектами к тому времени уже были, но выяснить, насколько они были значительны, трудно.

Хотя значительная часть названных фонетических различий между славянскими диалектами, существовавших ко времени начала славянской письменности, сводилась к наличию в той или другой диалектической группе некоторых звуков и звуковых сочетаний, отсутствовавших в других диалектических группах (таковы, напр., свойственные лишь части говоров аффриката *dž*, сочетания *dl, tl*, сочетания губных с *j*, звуки, получившиеся в сербохорватской группе из общеславянских *dj, ti* и передававшиеся в сербохорватской группе из общеславянских *dj, tj* и передававшиеся греческими писателями через γ , к, длительное γ в одних говорах при взрывном *g* других говоров, глухое шипящее \check{r} перед палатальными гласными в лужицк.), но в общем эти различия все же невелики и сами по себе единства звуковой системы о.-сл. языка не разрушали. В некоторых случаях разная судьба тех или других бывших ранее звуков и звуковых сочетаний сводилась к замене их такими звуками или звуковыми сочетаниями, какие уже имелись во всех славянских говорах: таковы, напр., звуки, получившиеся в большей части славянских диалектов из о.-сл. *dj, tj*, звуки *m* и *dm* из *bdm, ra, ro, oro* и т. д. из старых *or* и т. п. Поэтому если все звуковые различия между славянскими диалектами к началу славянской письменности ограничивались только названными, то при почти полном тождестве морфологической системы и известном единстве обиходного словаря славянские диалекты до середины X в. различались не больше, чем диалекты любого нынешнего языка более или менее значительного народа, во всяком случае не больше, чем нынешние диалекты великорусского, или украинского, или польского, или сербохорватского языка. Поэтому все эти различия сами по себе еще не позволяют говорить о славянских диалектах того времени как о самостоятельных языках и относить окончательное распадение о.-сл. языка к эпохе, предшествовавшей началу славянской письменности.

Остается вопрос, действительно ли все различие между славянскими диалектами к началу X в. сводилось только к названным чертам, а в остальных отношениях их звуковая система, как и морфологическая,

была в общем единой? Не было ли различие между ними уже тогда более значительным? Как мы знаем, звуковые системы нынешних славянских языков коренным образом различаются и притом такими чертами, которые характеризуют не отдельные, иногда очень небольшие группы слов (напр., *m* в русских, *dm* в остальных славянских языках только в основе числит. 7, начальное *o* русских языков при *e* и *je* в других славянских языках всего в 5—6 основах и т. д.), но всю звуковую систему языка. Таковы: различный характер ударения (разноместное и одноместное, политоническое и монотоническое), этимологическое различие и неразличие долгих и кратких гласных или долгих и кратких согласных, различие и неразличие по качеству ударяемых и неударяемых гласных, наличие или отсутствие этимологически различаемых твердых и мягких вариантов согласных, зависимость или независимость качества гласных от соседних согласных или от гласных соседних слогов и т. д.; сюда же можно присоединить и такие различия частью морфологического характера, как сохранение или отсутствие этимологического чередования небных и свистящих или шипящих в склонении и спряжении и наличие или отсутствие новых этимологических чередований звуков в склонении и спряжении (ср. чередование *o* и *i* в украинском, *o* и *u* в польском и чешском, *r* и шипящих в польском и чешском)²³.

Все названные различия свидетельствуют о полной коренной перестройке о.-сл. звуковой системы, следовательно, о полном разрыве между диалектами о.-сл. языка и образовании самостоятельных славянских языков. Возникло ли хоть одно из этих различий ранее завершения последнего о.-сл. явления, т. наз. падения глухих?

Часть их несомненно позднее X в., но есть среди них и такие, относительно времени возникновения которых памятники и свидетельства иностранцев определенных указаний не дают. Ни в тех, ни в других долгота и краткость гласных не обозначались. Не обозначались, по большей части, и ударения. Если Константин Багрянородный ставит в моравском имени Святополка ударение не на начальном слоге, а на второй основе, то отсюда еще не следует, что с тем же ударением произносили это имя и мораване, потому что Константин слышал его от

²³ Это те чередования, которые Трубецкой называет «морфологическими». См. Travaux du cercle linguistique de Prague 1, стр. 85 слл. [Трубецкой, 1929] и Polabische Studien, 138 слл. [Трубецкой, 1929a].

хорвата. В Киевских листках ударения обозначены, но неизвестно, передают ли эти обозначения чешские ударения или расставлены потому, что в чешском языке к тому времени разноместное ударение уже было утрачено и тец чех без знаков ударения не мог бы прочесть правильно. Ничего не можем мы сказать на основании памятников или свидетельства иностранцев и о том, существовало ли в русских и польских говорах до второй половины XI в. противопоставление твердых и мягких согласных.

Есть, однако, основания думать, что и утрата различия между долгими и краткими гласными, и утрата интонационных различий, и стабилизация ударения на первом или предпоследнем слоге слова, и создание соотносительных категорий твердых и мягких согласных, все это — явления, вызванные т. наз. падением глухих. Я не стану подробно останавливаться на мотивировке этого положения, подробно рассмотренного другими²⁴, и приведу лишь некоторые доводы.

Долгие и краткие гласные этимологически не различаются теперь в русском, болгарском, польском и лужицких языках. В польском языке утрата количественных различий между гласными — явление исторической эпохи, и существование таких различий в прошлом засвидетельствовано старшими памятниками польского языка²⁵. Старых памятников лужицких языков мы не имеем, и нет препятствий думать, что и там эта утрата произошла не раньше, чем в польском. В русских и болгарском языках утрата количественных различий между гласными могла стоять в связи с появлением долгих согласных, этимологически отличных от кратких; последнее же было вызвано утратой *ъ* и *ь* между согласными в слабом положении, и таким образом утрата количественных различий между долгими и краткими гласными в русских и болгарском языках может датироваться эпохой после т. наз. падения глухих.

К тому же времени можно относить и утрату этимологически различающихся интонаций слова, т. е. замену т. наз. политонического ударения монотоническим²⁶ в зап.-славянских, русских и болгарском язы-

²⁴ R. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologique du Russe comparée à celle des autres langues slaves. Prague, 1929, стр. 48 слл. [Якобсон, 1929].

²⁵ См. J. Łoś, Gram. Polska, cz. I, §§ 109—120 [Лощ, 1922].

²⁶ О терминах «политонический» и «монотонический» см. Дурново. Введение, стр. 217—218 [Дурново, 1927].

ках и замену разноместного ударения одноместным в зап.-славянских языках. О времени утраты интонационных различий в великорусском можно судить на основании того, что во всем великорусском старое акутованное *o* имело другую судьбу, чем неакутованное, тогда как на малорусский и белорусский языки эта черта не распространилась. Это могло произойти только после того, как говоры, образовавшие с течением времени южновеликорусское наречие, оторвались от южнорусской группы, к которой они принадлежали раньше, и примкнули к севернорусской, что произошло не раньше XI и не позже середины XII в. Следовательно, до этого времени интонации слова в русских диалектах еще различались. Что касается времени утраты разноместного ударения в зап.-славянских языках, то во время написания Киевских листов разноместное ударение в чешском языке еще сохранялось; если бы оно было утрачено в живом языке, оно не могло бы сохраниться и в церковном языке, в котором последовательно проведены даже такие чехизмы, как *c* и *z* из о.-сл. *tj* и *dj*. Утрата разноместного ударения в зап.-славянских языках была вызвана какими-то другими радикальными переменами в звуковой системе языка. Такими переменами могли быть только изменения, связанные с т. наз. падением глухих. Те звуковые изменения, какие произошли в зап.-славянских диалектах раньше, старой звуковой системы не нарушали и сами по себе не могли привести к замене разноместного ударения одноместным.

С падением глухих можно связывать и возникновение соотносительных категорий твердых и мягких согласных в языках русских, польском и болгарском, т. е. появление не обусловленных фонетическим положением твердых и мягких вариантов значительной части согласных. Правда, встречающееся изредка уже в старших памятниках русского письма употребление буквы **ѣ** вместо **ѡ**; а также букв **ѡ** и **ѣ** в соответствии со старославянским **ѣ** после старых непалатальных согласных (напр.: **мѣ**, **егѣпѣтанѣ**, **егѣпѣтанѣ**, **живѣахоѣ**, **ходѣахоѣ** и пр.) как будто указывает на то, что мягкие и твердые варианты согласных различались в русских диалектах еще до падения глухих, а правильное различие *л* и *н* непалатальных и палатальных перед *e* в таких памятниках, как 2-й почерк Архангельского ев. и др., можно понимать как отражение книжного произношения, расходившегося с живым, но можно заметить, что употребление **ѣ** как вместо **ѡ**, так и в соответст-

вии со старославянским **ѣ** после старых непалатальных согласных в памятниках русского письма XI в. исключительно редко, а в некоторых из них не встречается вовсе, что **ѣ** в соответствии со старославянским **ѣ** после старых непалатальных согласных встречается в них изредка только в немногих формах, где его употребление морфологически обусловлено²⁷, причем мы не можем утверждать с уверенностью, что сочетания старых непалатальных согласных с **ѣ** в таких случаях в старших памятниках русского письма всегда следует читать как сочетания мягких согласных с *a*. Наконец, единичные случаи употребления **ѣ** вместо **ѣ** после старых непалатальных согласных в русских рукописях конца XI в., если читать их как сочетания мягких согласных с *a*, можно ставить в связь с тем, что в тех же рукописях мы находим и указания на утрату в известных положениях (напр., в первом слоге основы) **ѣ** и **ѣ** слабых.

Итак, нет препятствий для предположения, что славянский язык до т. наз. падения глухих, т. е. до утраты **ѣ** и **ѣ** в слабом положении и перехода их в гласные полного образования в сильном положении, был единым, а те различия между славянскими языками, возникновение которых следует относить к более ранней эпохе, были для этого языка лишь различиями диалектическими. Некоторые из таких различий были вызваны общими тенденциями: так, изменение сочетаний *dj*, *tj* в палатальные согласные — явление общеславянское, различия касаются лишь качества этих палатальных согласных; различные изменения сочетаний *or*, *ol* и т. п. вызваны общей тенденцией к устранению этих сочетаний, и т. д. Поэтому нет оснований считать и другие изменения общеславянского достояния, общие нескольким славянским языкам, которые могут быть датированы эпохой до падения глухих, возникшими в разных славянских языках или наречиях независимо. Такими диалектическими явлениями общеславянского языка я считаю деназализацию носовых в сербохорватском, словенском, чешском, словацком, лужицких и русских языках, изменение *g* в *γ*, откуда позднее *h*, в чешско-словацкой и ю.-русской группах и нек. др.

Если коренная перестройка общеславянской системы в славянских языках была вызвана утратой **ѣ** и **ѣ** в слабом положении и изменением

²⁷ Дурново. Русские рукописи XI и XII в. как памятники старославянского языка. Ё. Јф. VI [Дурново, VI—наст. изд., с. 391—494].

их в гласные полного образования в сильном положении, то следует допустить, что она происходила в славянских языках неодновременно; и что в то время, как одни славянские языки уже отошли от того состояния, в котором они находились в о.-сл. эпоху, другие продолжали сохранять особенности и тенденции о.-сл. языка. Эпохой распада о.-сл. языка можно считать как момент утраты о.-сл. единства, т. е. тот момент, когда в самом прогрессивном говоре т. наз. падение глухих уже совершилось и в связи с этим произошла перестройка звуковой системы о.-сл. языка, независимая от соответствующих явлений других говоров, так и всю эпоху, в течение которой завершились падение глухих и перестройка звуковой системы о.-сл. языка во всех его говорах, так как до конца этой эпохи оставались говоры, сохранявшие общий строй о.-сл. языка.

Насколько предположение о сохранении о.-сл. единства до самого падения глухих, т. е., по крайней мере, до середины X в., соответствует историческим данным?

Единство языка поддерживается главным образом двумя факторами: единством политическим и единством культурным. При наличии того и другого или даже одного из них размеры и разбросанность территории, занимаемой языком, играют второстепенную роль. Политически мы застаем славян раздробленными уже в VIII и IX вв.: одни из них, казалось, прочно связали судьбу с немецкими государствами, другие политически зависели от Византии, третьи — от скандинавов, четвертые — от хазар. То же мы видим и в их культурной жизни. Определенно обозначается культурная связь одной части славян с культурой латинско-немецкой, другой — с культурой арабской и третьей — с византийской культурой. Казалось бы, ни о политическом, ни о культурном единстве говорить нельзя. Но события IX и X вв. способствуют объединению славян разных до того политических и культурных ориентаций. Таково, напр., создание в IX в. державы Святополка Моравского, объединившего под своей властью значительную часть западных и часть южных славян, и в X в. державы Святослава Русского со столицей в Преславе, в состав которой входили славяне русские и болгарские. Только завоевание Паннонии мадьярами (985) кладет конец объединительным политическим тенденциям среди славян.

Сильнее и глубже объединительные тенденции и факторы в области культуры. Самым значительным культурным фактором, объединив-

шим на время все славянство, было создание славянского литературного языка и принятие всеми славянами христианства с богослужением на славянском языке. В 60-х годах IX столетия Ростислав Моравский просит византийского императора прислать ему миссионеров, которые ввели бы богослужение на славянском языке. В переговорах Ростислава с императором ни разу не поднимается вопроса о нетождестве славян моравских и болгарских. Константин и Мефодий, не знающие другого славянского языка, кроме языка славян солунских, едут смело в Моравию и успешно выполняют свою миссию. Мало-помалу их язык становится не только церковным, но и литературным языком всего славянского мира: в конце X и в XI в. на нем пишут, читают, проповедуют и служат и в Новгороде, и в Киеве, и в Преславе, и в Охриде, и в Велеграде, и на Сазаве. Произведения на этом языке, возникшие на юге славянства, переписываются и читаются и в Чехии, и на Руси, равно как и написанные в Чехии — и на Руси, и на Балканах. Нет указаний на пользование старославянским языком как литературным у лехитских и лужицких славян. Но мы знаем о тесных политических и культурных связях поляков и верхних лужичан с чехами в X и в XI вв. и о культурных связях русских и поляков в XI в. Единство литературного языка само по себе еще не свидетельствует о единстве языка живого, но во всяком случае распространение старославянского литературного языка во всем славянском мире при неблагоприятной политической ситуации легче всего находит себе объяснение в общепонятности этого языка и в единстве славянского живого языка; в то же время единство славянского литературного языка было тем фактором, который должен был способствовать сохранению единства разговорного общеславянского языка, если оно было в то время, когда старославянский язык стал единым литературным языком всего славянства. Только с того времени, когда немецкое духовенство с помощью князей в Паннонии, Чехии и Моравии добилось запрещения славянского богослужения и письменности в этих странах, общеславянский литературный язык перестал существовать, а вместе с ним порвалась последняя культурная связь, способствовавшая сохранению единства общеславянского языка. Последним моментом, завершившим этот разрыв и ставившим крест над единым литературным языком всего славянства, было разорение Сазавского монастыря в Чехии в 1095 г.

Русские рукописи, различающие древнее «акутированное» *o* и *o* другого происхождения

Л. Л. Васильев первым обратил внимание на русские рукописи, в которых древнее «акутированное» *o* (при острой интонации) отличается от *o* другого происхождения знаком, называемым «камора» (циркумфлекс), который стоит только над *o*, восходящим к «акутированному» *o*; Васильев дал подробное описание двух таких рукописей (обе они XVI в.), найденных им в библиотеках Ленинграда¹. Хотя с тех пор, как Васильев написал свое исследование (оно было закончено в 1913 г.), прошло 18 лет, с того времени не было открыто других рукописей с такими же знаками над буквами.

Недавно мне удалось найти еще четыре рукописи с такой же орфографией в рукописном собрании Псковского музея, а именно:

1. Евангелие, код. № 2, датируемый второй пол. XVI в. (1560—1570? гг.) и написанный, вероятно, в Пскове или его области.

2. Фрагмент евангелия, № 52, нач. XVI в. (филигрань: польский шестиконечный крест, относимый Лихачевым к 1519 г.); из этой рукописи я смог извлечь только следующие примеры:

Въ время ѿнѡ; привеѡша; ктѡ же; миноѡбы; митроѡбы; оупоѡбиса; въ заѡнѣ; что bis; еѡ bis; въсклѡнса; преклѡнса.

3. Последование часов (часы царские в Великий Пяток), нач. XVI в., переплетена с другими рукописями середины и конца того же века в единый код. № 86, написанный в Пскове во времена великого князя Василия III перед его разводом с первой женой Соломонией.

4. Евхологий, называемый Служебной Минеей, второй пол. XVI в., № 542, написанный в деревне Чирское Псковского района.

В Пскове я провел только одну неделю (осенью 1929 г.) и поэтому не смог надлежащим образом ознакомиться с этими рукописями. У ме-

¹ Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв. К вопросу о произношении звука *o* в великорусском наречии (Сборник по русскому языку и словесности Академии Наук СССР). Л., 1929.

ня было время только выписать относительно большое число отрывков из рукописи № 2; отрывки из других рукописей совершенно недостаточны и могут служить только для доказательства идентичности их орфографии с орфографией рукописей, рассмотренных Васильевым. До тех пор пока не изучен способ употребления знаков, поставленных над буквами в других рукописях великорусского происхождения XVI в., нельзя сказать с уверенностью, является ли это употребление исключительной особенностью рукописей, написанных в районе Пскова, и не существовало ли оно также в каких-то местностях вне этого района.

Во всех рукописях, названных выше, над гласными стоят следующие знаки:

1. «Спиритус» ([˘]) над гласными как ударными, так и безударными в начале слов и иногда после другой гласной:

№ 2: [˘]гѡ, [˘]ѡтыдѣ, [˘]достѡинъ, [˘]прѣмланн, [˘]юдницѸ и т. д.; № 86: [˘]ѡемла, [˘]ви-ѡлеѡме, [˘]оѹготѡви, [˘]гѡ, [˘]твоѡгѡ и т. д.; № 542: [˘]ѡвланнѣмъ, [˘]хоѹжьшѣе, [˘]ѡлимпѣа и т. д.

2. «Вария» ([˘] , ѡреѣа, тупое ударение) над последней гласной слова как ударной, так и безударной и иногда (рукопись № 2) над гласной последнего закрытого слога: № 2: [˘]главѸ, [˘]далеуѣ, [˘]внитѣ, [˘]словѡ, [˘]ѡарисѣе, [˘]безѡднаѡ, [˘]мѡн пом. sg. m., [˘]нѣмын; [˘]прѣмлѣтъ, [˘]петровъ, [˘]зѸвомъ и т. д.; № 86: [˘]землѣ, [˘]тѡдѣ пом. sg. m., [˘]мыслѣн, [˘]красотѡю и т. д.; № 542: [˘]ѡлимпѣа, [˘]страстен и т. д.

3. «Оксия» ([˘] , ѡѣѣа, острое ударение) над любой ударной гласной любого слога слова: № 2: [˘]юдницѸ, [˘]из ѹреѡа, [˘]ѡко, [˘]нѡ землн, [˘]вѡдитъ, [˘]прока-
женъ, [˘]свекрѡвъ, [˘]главы, [˘]кѡ и т. д.; № 86: [˘]лѣта, [˘]красѣнъ, [˘]селѡ и т. д.; № 542: [˘]златомѸ, [˘]слово, [˘]прѣателеѣе, [˘]оѹкраснѣе и т. д.

4. «Камора» ([˘] , ѡлеченное ударение) над гласными как ударными, так и безударными, особенно над *о*; над другими гласными только в конце слова. О функциях «каморы» над *о* см. ниже. Примеры каморы над другими гласными: № 2: [˘]мнѣ, [˘]тѡ, [˘]злѡ пом. pl., [˘]хѸлы, [˘]тѣ, [˘]кженѣ, [˘]тмѡ и т. д.; № 52: [˘]женоѹ, [˘]женѡ, [˘]моѹси, [˘]тѣ; № 86: [˘]мнѣ; № 542: [˘]тѡ, [˘]землѡ, [˘]бѣ.

Итак, из четырех знаков, которые ставятся над буквами, только оксия (острое ударение) является акцентным знаком. Этот знак может быть объединен с циркумфлексом и с каморой, и в этих случаях он занимает второе место. В рукописи № 2 и особенно в рукописи № 542

острое ударение часто опускается; в рукописи № 542 оно почти никогда не пишется на втором месте после каморы; в рукописи № 86 оно опускается редко; подобный пропуск имеет место в большинстве случаев только после каморы. Примеры: № 2: **вѣрзи, горѣшино, прїимѣте, затворѣте, злато, о девѣтодесѣтїи и девѣти, погребѣсти, смоковничнѣе, принесѣша, нарѣды** и мн. др.; № 86: **до конца, добрѣтоу, безакѣнїе** и т. д.; № 542: **покрѣвь, прїѣтелищє, вѣдрѣужєнь, багатѣство, чєлвѣчєскагѣ, тєзѣимєнитгагѣ, добрѣтоу, гакѣ** и мн. др.

Функции каморы над *o* в двух ленинградских рукописях, идентичные тем функциям, которые я имел возможность изучить в отношении этого знака, определены Васильевым в цитированной работе; я буду исходить из этого определения, характеризуя употребление каморы в перечисленных выше псковских рукописях.

Не будучи акцентным знаком, камора ставится над *o* исключительно в качестве диакритического знака для обозначения особого варианта звука *o* (ниже я его обозначаю *ô*), который отличается от звука *o*, обозначаемого буквой *o* без каморы. Впрочем, в рукописях № 2 и 542 камора часто опущена там, где можно было бы ее ожидать; так, в рукописи № 2: **вѣходите, хѣщєте, кѣшницѣ, не бѣнса, мѣжетѣ, мнѣга, мнѣго, прѣснѣтѣ, нѣсхѣдѣ, свѣбѣднн, возмѣгѣша, сокрѣвнѣщѣ, совѣю, тѣмою, женѣю, подѣвєнѣ, свѣбѣты, нарѣдѣ, изгѣнншн, дрѣгѣмѣ, ѣдинаго, прокаженаго** и т. д.; № 542: **вєнчєнѣсцн, вѣлєю, смїренаго**; аналогичные случаи свидетельствуют, что во всех перечисленных словах мы должны были бы найти *ô*.

Камора встречается как над ударными, так и над безударными *o* (в некоторых случаях), что свидетельствует о том, что звук *ô* мог встречаться не только в ударных слогах, но и в безударных. Ударный *ô* восходит в большинстве случаев к древнему «аккутированному» *o*; ср. в рукописи № 2: **вѣла, мѣн, тѣвѣн, свѣн, мнѣю, ѣ кѣмѣ, мнѣзи, мнѣжає, гѣршїѣ, кѣшницѣ, мѣжетѣ, хѣщєтѣ, хѣдѣтѣ, не бѣнса, срѣдннѣкѣ, нарѣдн, закѣна, гѣспѣдѣ, свѣбѣтѣ, живѣтѣ, добрѣ, содѣмлѣнѣ, нѣстѣуникѣ, разѣбѣнннѣкѣ, закѣнннѣкѣ, пєтрѣвн, градѣвѣ, вѣ время ѣнѣ, когѣ, чєсѣ, свѣгѣ, сєгѣ, котѣраго, зєлѣ, достѣннѣ, вѣзмѣжно, вєзвѣднѣла, нєѣдѣбѣ, гѣтѣвѣлѣ, снѣдѣннскїѣ, вѣспрѣснѣтѣ, прнхѣдѣтѣ, вѣзмѣжет, помѣгѣтѣ, ѣмѣчѣтѣ, ѣбѣтєсѣ, нзѣдѣхѣ, нѣдѣша, прннесѣша, прнвєргѣша, опрѣшѣсѣ, прїнѣдѣша, нзѣвѣдѣша, ѣжѣсѣшѣсѣ, нзѣвєргѣша, гѣдѣхѣмѣ, вѣзмѣгѣхѣмѣ, нѣдѣста, не вннѣдѣтѣ, ѣподѣвнсѣ** и т. д.; в рукописи № 86: **мнѣжєствѣ, мѣн, тѣвѣн, вѣдѣн, безакѣнїѣ,**

госпѡдь, доврѡтою, красотѡю, помѡщникъ, селѡ, грѣхѡвь, ѣгѡ, тогоѡ, своегѡ, сегѡ, зилѡ, слонѡвнѣи, непорѡбѡнаа, высѡкѣи, восхѡщѣе, помѡлатса, помѡжетъ, оугѡтѡвѣи, покѡнѡтса; что касается каморы в нѡваго, см.: Васильев, о. с., с. 44—45; в рукописи № 542: мнѡга, мнѡжае, доврѡтоу, живѡттъ, закѡнѡ, безакѡнѣю, нѡбны, ѡтрокѡвице, сегѡ, ѡ негѡ, живѡнѡснымъ, радѡстно и т. д.

Большинство перечисленных примеров встречается в наших рукописях несколько раз, некоторые из них даже очень часто, *о* с каморой можно видеть значительно чаще, чем без нее.

И наоборот, если буква *о* передает звук *о*, восходящий к *ѡ* или к *о* с нисходящей интонацией, в большинстве случаев камора над буквой не ставится. Примеры ударного *о*, восходящего к *ѡ*: № 2: скѡрвь ..., дѡлгъ ..., дѡлжника ..., дѡлжень ..., хѡлмѡ, мѡлвѣ, мѡлѣннѣи, тѡржищѣи, вѡплъ ..., вѣ сѡсѡдѣхъ ..., стѡмъ instr. sg., тѡи nom. sg. m., кѡждо, тѡкмо ..., кѡ дрѡгѡ ..., вѡ дни ..., вѡнъ ..., свѡкрѡвь ..., смѡкѡвница ..., пѡтѡкъ, цѡркѡвнѣи, ѣспѡлнъ ..., ѣспѡлнѣшаса, ѡмѡлѣить и т. д. Часто в подобном случае первый слог содержит *ѡ*, над которым никогда не стоит камора: вѣ время ..., вѣ ѣма ..., вѣ ѡрево, вѣ вѣки ..., вѣ градѣ, вѣнъ ..., сѣ властѣю, сѣсѡды, вѣзметъ ..., вѣзмѣте ..., вѣзрастѡ, дѡлжникъ, вѡнами, тѡлѡцѣте; № 86: трѡстѣ, крѡвинѣ, вѣ скѡрвѣхъ ..., ѡумѡмъ, ѣспѡлни, вѡ ѡревѣ; № 542: крѡвь, плѡтъ ..., плѡти ..., плѡтѣю ..., плѡтъски, вѣсплѡтенъ, вѣплѡщѣена, вѣплѡщѣемъ, вѣплѡщѣса.

Ударный *о* без каморы, восходящий к *о* с нисходящей интонацией: № 2: ѡва ..., ѡко ..., ѡчи ..., ѡночь ..., ѡ князи ..., ѡ крове ..., ѡ рода, дѡмъ ..., дѡмѡ ..., рѡдъ ..., рѡда и т. д., грѡвѣ ..., дѡлѡ, пѡлѡ, гнѡи, гѡлѡвь, грѡмова, нѡзѣ nom. du., гѡрѣ dat. sg., вѡдѡ, сѡль, нѡчь ..., нѡчи и т. д., мѡре ..., мѡрта и т. д., слѡво ..., слѡвесы и т. д., прѡпнѡ, пѡ стѡ, дѡ крове, дѡ времени, дѡнѡдеже, пѡздѣ и т. д. Всегда с острым ударением без каморы пишутся следующие слова: плѡдъ, лѡно, скѡро, прѡсто, дѡврѣ, нѡво, нѡвы; № 86: ѡчѣма, дѡмъ ..., грѡвѣ, слѡво, крѡтости, гѡры; № 542: слѡво ... (очень часто), слѡвеса ..., дѡра, рѡди, рѡдѡви, вѡды, крѡткнѡхъ; также: нѡво².

Исключения.

1. *о* с каморой, заменяющее древнюю форму с *ѡ*, встречается в следующих случаях:

² Многоточия служат здесь для указания случаев, которые встречаются несколько раз или же очень часто.

№ 2: **вѡнь** и **вѡнь** много раз (**вѡнь** — только два раза); конечно, это сочетание принадлежит только письменному языку; ср. острое ударение без каморы над *о*, восходящим к *ѡ*, после *в* в словах **вѡнь**, **вѡпль**, **вѡдни** и сохранение *ѡ* в **вѡ время**, **вѡ има**, **вѡ вѣки** и т. д.;

плѡтъ — два раза (один раз **плѡти**); ср. тот же почерк в ленинградских рукописях (Васильев, о. с., с. 19—20) и в рукописи № 86; но в рукописи № 542 мы находим очень часто и последовательно только форму **плѡтъ** и т. д.

сѡнмище, **сѡнмищи** и т. д., 5 раз (**сѡнмище** — 3 раза, **сѡнмищи** — один раз); это слово также принадлежит письменному языку;

лакѡтъ — два раза;

крѡвь — один раз (**крѡве** — 3 раза); в рукописях № 86 и 542, как и в ленинградских рукописях, встречается только форма **крѡвь** и т. д. с острым ударением;

сѡтникъ — один раз (но также **сѡтникъ** и **сѡтникѡ**); примеры **крѡвь** и **сѡтникъ**, кажется, являются ошибками переписчика.

№ 86: **вѡни** (слово, принадлежащее письменному языку), **плѡтъ**, **плѡтъю** (см. выше).

№ 542: **любѡвѡю** — 2 раза; ср. ту же орфографию в ленинградских рукописях (Васильев, о. с., с. 20—21).

2. *о* с каморой на месте древнего ударного *о* с нисходящей интонацией:

№ 2: **гѡре** — много раз; можно предположить, что *ѡ* имеет в этом случае эмоциональное происхождение (ср. сохранившееся *о* в **мѡре**); **вѡа**; по поводу *ѡ* в слове **пѡмните** см.: Васильев, о. с., с. 101—103.

№ 86: **вѡды** — один раз; из-за недостаточного количества примеров, взятых мной из этой рукописи, трудно сказать, надо ли рассматривать этот случай как ошибку переписчика или объяснять его каким-либо другим образом.

Тот факт, что *о* венчается только острым ударением без каморы там, где мы могли бы ожидать последнюю — что часто имеет место в рукописях № 2 и 542, объясняется в большинстве случаев простым опущением каморы, аналогичным частому опущению других знаков; но там, где подобные случаи в слове или в какой-нибудь форме встречаются часто, тогда как буквы, увенчанные каморой, составляют недостаточное количество, подобное явление может служить свидетельством того, что в подобных случаях произносилось *о*, а не *ѡ*. *ѡ* подобного рода есть в рукописи № 2 в словах **кѡ**, **ѡ**, **никѡже**, **ниѡже**, **пѡ** (в ле-

нинградских рукописях три последних слова пишутся с каморой), в рукописи № 86 в слове **чтѣ** (в моих записях нет примеров других слов).

Камора ставится над безударным *o* в следующих случаях:

1. в окончании род. пад. муж. р. ед. ч. местоимений и прилагательных: № 2: **непрáведнагѣ**, **галилѣйскагѣ**, **ѿ ветхагѣ**, **крѣпкагѣ**, **крѣпкагѣ**, **ѡвогѣ**, **лѡкавагѣ**, **вашегѣ**; № 86: **володѣмерскыгѣ**, **перѡвороженагѣ**; № 542: **нашегѣ** ..., **вашегѣ** ..., **ѡбцагѣ**, **щедрагѣ**, **конечнагѣ**, **истиinnaгѣ**, **тезѡименитагѣ**, **непостоаннагѣ**, **сѡборнагѣ** ..., **прѡшедшагѣ**, **вышнагѣ** ..., **испытáющагѣ** и т. д.;

2. в рукописи № 542 — в сложных словах с **много-** и **добро-**: **мнѡгѡстрадалнаа**, **мнѡгѡвидныа**, **мнѡгѡчѣтнѣ**, **мнѡгѡбравителнѣю**, **добрѡтелнѣ** (слог **дѣ** отсутствует);

3. в энклитиках **дѣ** и **тѣ** и в проклитике **нѣ** (в последнем *ѣ* из древнего *ѣ*); многочисленные примеры таких частиц всегда с каморой найдены мной только в рукописях № 2 и 542;

4. в рукописи № 2 — только в слове **дѡмѡхъ** (один раз).

В сложных словах с **много-** и **добро-** и в окончаниях род. пад. ед. ч. муж. р. прилагательных *o*, вероятно, заимствовано у соответствующих наречий, употребляемых независимо, и у род. пад. ед. ч. муж. р. местоимений типа **чтогѣ**, **сегѣ**, **моегѣ** и т. д., в которых это *o* было ударным.

Славянское правописание X—XII вв.

При суждении о языке прошлых эпох по письменным памятникам исследователи часто недостаточно учитывают роль правописания и орфографических навыков писцов, а также принципиальное различие между языком книжным и живыми говорами писцов. Только этим можно объяснить нередкие даже у самых видных исследователей утверждения вроде того, что передача *ě* и *ja* в Киевских листках одной буквой **ѧ** свидетельствует будто бы об открытом выговоре звука *ě* в языке писца этого памятника¹, что смешение букв может указывать не только на совпадение звуков, передававшихся этими буквами, но и на то, что эти звуки различались в произношении, но были близки друг к другу², или что нормы литературного языка и правописания X—XII вв. существуют только в воображении ученого³.

Нередко в работах, посвященных анализу правописания старинных памятников языка, все написания памятника сводятся к двум источникам: написаниям оригинала и передаче живого произношения писца. Несомненно, такой подход ошибочен. Как правило, писцы вообще не стремятся к передаче своего *личного* произношения⁴. Это видно из того, что в любом старинном тексте ряд особенностей произношения писца проскальзывает только в виде немногих ошибок против принятого писцом правописания. Не менее ошибочно думать, что

¹ Ср. В. Щепкин, Рассуждение о языке Саввиной книги, 1901, стр. XXII [Щепкин, 1901]; Ст. Кульбакин, *ЖФ.* V, 324 [Кульбакин, 1925—1926].

² Ср. А. Шахматов, Исследование о Двинских грамотах, стр. 84, 86, 89 [Шахматов, 1903]; В. Виноградов, Исследования, стр. 183 слл. (Изв. ОЯС, XXIV. 1) [Виноградов, 1923].

³ Ст. Кульбакин, *ЖФ.* VIII, 206 [Кульбакин, 1928—1929].

⁴ Из этого, однако, не следует, что неграмотные писцы, недостаточно знакомые с правописанием и книжным произношением, не могли руководиться в написании тех или других слов своим личным произношением и допускать большое число ошибок против принятого правописания.

сколько-нибудь грамотные писцы стремились к точной передаче написаний своих непосредственных оригиналов. В этом мы можем убедиться из рассмотрения рукописей, списанных одним писцом с разных оригиналов или, наоборот, разными писцами с одного оригинала. Таких рукописей сколько угодно. Так, Супр. вся писана одним писцом с разных оригиналов, но части страниц 131 и 218 писаны другим писцом, списывавшим с тех же оригиналов, с которых списывал соседние страницы первый писец; в Остр. лл. 1—25 писаны одним писцом с разных оригиналов: лл. 1—16 с одного оригинала, лл. 17—25 с другого; в то же время лл. 17—25 и дальнейшие списывались с одного оригинала, но разными писцами; в русском Успенском сборнике XII в. житие Феодосия Печерского списывалось двумя писцами с одного оригинала; статьи перед житием Феодосия первым из них, статьи после жития Феодосия вторым, но с других оригиналов, и т. д. Во всех этих случаях мы видим, правда, что правописание оригиналов отражается более или менее заметно и на правописании самих памятников: о различии в правописании частей, восходящих к разным оригиналам или протографам в Супр., см. у van Wijk'a⁵ и Marguliès'a⁶; правописание первых 16 листов Остр. заметно отличается от правописания лл. 17—25 а⁷, а правописание Сказания о Борисе и Глебе в Успенском сборнике — от правописания жития Феодосия Печерского⁸; но в то же время правописание главного писца Супр. в целом резко отличается от правописания второго писца⁹, а различия между правописанием 1-го и 2-го писца Остр. ев., равно как и между правописанием 1-го и 2-го писца Успенского сб., более значительны и более систематичны, чем различия в правописании частей, списанных одним из писцов этих памятников с разных оригиналов. Разное отношение писцов к правописанию их непосредственных оригиналов и вызванные этим либо близость правописания писанных ими рукописей к правописа-

⁵ Zur Komposition d. aksl. Codex Suprasliensis, 1925 [Ван-Вейк, 1925].

⁶ Der aksl. codex Suprasliensis. Heidelberg 1927 [Маргулиес, 1927]. Ср. Slavia VIII. 352 сл. [Дурново, 1929].

⁷ Фортунатов, Состав О. е.—Сб. статей в честь В. И. Ламанского II. 1908 [Фортунатов, 1908].

⁸ JФ. IV, стр. 86 [Дурново, IV — наст. изд., с. 405—406].

⁹ Marguliès, о. с. стр. 12—13 [Маргулиес, 1927], ср. Slavia VIII, стр. 355 [Дурново, 1929].

нию оригинала, либо его относительная независимость стояли в связи как с индивидуальными способностями и грамотностью писцов, так и с характером списываемого текста. Писцу не приходилось следить буква за буквой за написаниями оригинала при переписке хорошо знакомых ему текстов, напр., Евангелия; наоборот, при списывании малопонятного богословского трактата, где переписчику были неясны самые слова и их грамматическая зависимость, трудно было писцу руководиться своим знанием книжного языка и правописания и приходилось ближе держаться написаний оригинала; таким образом, а priori можно предполагать, что зависимость правописания рукописи от правописания ее непосредственного оригинала тем меньше, чем больше знаком писцу переписываемый текст. Так как естественно, что более ценные рукописи, каковы напрестольные списки Евангелия, поручались более опытным, т. е. более грамотным писцам, то всего менее приходится искать следов правописания непосредственных оригиналов в тщательно изготовленных списках Евангелия¹⁰. Такие списки по выдержанности правописания могли стоять выше своих непосредственных оригиналов, т. е. тех, часто, м. б., черновых списков, с которых писец списывал, так как вряд ли писцу в его келью давались для работы тщательно выправленные напрестольные списки Евангелия.

Если писцы старинных рукописей не стремились ни к передаче собственного живого произношения, ни к точному воспроизведению написаний оригинала, то должен был быть какой-то иной принцип, которым они руководились в своей работе. Таким принципом было следование нормам книжного или литературного языка и правописания. Такие нормы выработались очень рано. Несомненно, у славян, пользовавшихся глаголическим и кирилловским письмом в X—XII вв., был один общий литературный язык, а следовательно и некоторые общие нормы этого языка и правописания. Конечно, эти нормы не были так строго выработаны, как аналогичные нормы нынешних европейских языков и орфографических систем, и не были всюду и у всех одинаковы. Не было такого общего центра, который диктовал бы эти нормы всем, да и в областных центрах не было таких органов, которые могли бы установить полное однообразие норм литературного языка и

¹⁰ Конечно, и здесь нельзя отрицать наличие таких следов, как показывает, напр., 1-й почерк Остром. ев.

правописания для всей области; поэтому нормы литературного языка и правописания различались не только по областям (ср. чешский вариант старослав. яз. с **ц** и **з** из о.-сл. **tj*, **dj*, болгарский с **шт** и **жд** и русский с **ц** и **ж** и т. д.), но и по школам: так, восточноболгарское правописание, которого придерживается 2-й писец Остром. ев., сильно отличалось от восточноболгарского же правописания Сав. кн. Общение между областями приводило часто не только к объединению, но и к разъединению; напр., в Новгороде одни писцы могли придерживаться норм, выработанных в самом Новгороде, другие брали себе за образец киевские нормы. Смены одних норм другими (напр., на Руси в XI в. изменения, вызванные заменой вост.-болг. влияния македонским) также вызвали появление различий между правописанием писцов, происходивших из одной области. Кроме того, нормы литературного языка и правописания нарушались писцами, не получившими достаточной подготовки. Тем не менее, в большей части славянских текстов X—XII вв. нетрудно отделить нормы литературного языка и правописания, каким следовали писцы, от тех написаний, какие являются отклонениями от этих норм, вызванными недостаточной грамотностью или невнимательностью писцов или слишком буквальным следованием оригиналу.

Поэтому при анализе старинных памятников со стороны их правописания и языка первой задачей исследователя является определение норм литературного языка и правописания, какими руководились их писцы. Без этого нельзя составить понятие и о чертах живого некнижного языка писцов, отражающихся на написаниях памятника.

В задачи настоящей статьи не входит определение норм литературного славянского языка X—XII вв. со стороны грамматической и словарной; для понимания правописания старинных памятников нам важно выяснить только звуковую сторону этого языка в его отношении к звуковой стороне местных живых народных говоров в широком смысле, т. е. определить как различия в их звуковой системе, так и различия в звуковых соответствиях между этим языком и живыми говорами в родственных словах и формальных частях слов, не мешавшие понимать эти слова или формальные части слов как диалектические разновидности одних и тех же слов или их частей, как, например, ст.-сл. **МОЛИТВА** и чешск. *modlitva*, ст.-сл. **МЕЖДА** и русское *межа*, ст.-сл. **СВѢЦА** и русское *свѣча*, ст.-сл. **ГЛАВА** и русское *голова* и т. п.

Старославянский язык, представлявший сначала литературное оформление одного из македонских говоров, со стороны своего произношения (грамматическая и словарная сторона в данном случае нас не интересует) всюду в той или другой мере приспособлялся к местному живому произношению: так, чехи в X в., читая по-старославянски, произносили *c, z* там, где болгары произносили *šl, žd*, сербы, часть македонян и русские в XI в. читали старославянское *ж* как *и* и т. д. Таким образом, создались различавшиеся по произношению областные варианты или диалекты старославянского языка. Кроме таких областных диалектов, возникали и такие варианты в произношении, которые различались не по областям, а по группам или школам; в одном говоре одна группа грамотных людей могла, читая по-старославянски, произносить некоторые звуки и слова иначе, чем другая. Так, на Руси в XI в. существовало разное произношение старославянского начального *e* в иностранных словах и в словах *езеро, елень* и *есень*: одни произносили в этих случаях *e* без йотации, другие с йотацией (в русском живом языке в этих случаях было *o*); подобные же различия, не связанные с определенной областью, были, по-видимому, в произношении *ъ, ъ, жд* и др. Наконец, книжное произношение различалось и по своим разновидностям у одних и тех же лиц: произношение при пении отличалось от произношения при чтении нараспев — об этом свидетельствуют сохранившиеся нотные рукописи XI—XII вв., — а произношение при чтении нараспев (так читались, напр., Евангелие, Апостол, паримии) могло отличаться от произношения при обычном чтении. Могли быть различия и между произношением церковным и литературным нецерковным, но для суждения об этих различиях в X—XII вв. у нас не хватает материала. Несомненно, церковное произношение отличалось, хотя и не везде, от канцелярского, которое в то время могло совпадать с живым, как можно думать на основании таких памятников, как боснийская грамота бана Кулина и севернорусская грамота Варлаама, обе конца XII в. Но материал, представляемый памятниками канцелярского письма, в настоящей статье рассмотрению не подлежит.

Несмотря на приспособление к местному живому произношению, литературное старославянское или церковнославянское произношение если не всюду, то по большей части отличалось от живого народного произношения, подобно тому, как отличается от живого народ-

ного произношения и литературное произношение нынешних европейских народов: если у некоторых современных народов литературное произношение стремится слиться с разговорным *koivŭ*, напр., у русских, то у других, напр., у чехов, упорно сохраняется различие между произношением книжным и произношением разговорного *koivŭ*.

Различия в произношении между местными литературными диалектами старославянского или церковнославянского языка и местными народными говорами по большей части не касались их звуковой системы; эта последняя была в значительной мере одна и та же, т. е. местные литературные диалекты старославянского и церковнославянского языков вообще, за немногими исключениями, о которых будет сказано ниже, содержали те же звуки и в тех же положениях, как и соответствующие им местные народные говоры. Так, в чешском варианте старославянского языка, представленном Киевскими листками X в., на месте о.-сл. **tj*, **kt'* и **dj* были *c* и *z*, как и в живом чешском говоре того времени, а не *št*, *žd* (как в болг.) или *č*, *đ* (как в сербохорв.), отсутствовавшие в звуковой системе тогдашнего живого чешского говора; отличавшие его от этого говора произношения типа *molimъ* с *l* вместо чешского живого *dl* и *prijem'embъ* с *l* палатальным после губной, засвидетельствованные Киевскими листками, не противоречили звуковой системе живого чешского говора, имевшей в других словах и одно *l* между гласными, и *l* палатальное после губных; в местоимении *вьсьь*, которое в Киевских листках пишется всюду через *c*, в том случае, если в живом говоре писца о.-сл. *s* палатальное к тому времени уже изменилось в *š*, писец мог читать *s* непалатальное, имевшееся, напр., в своем *вьсьь* «деревня», произнося, таким образом, это местоимение иначе, чем оно звучало в его собственном живом говоре, но в согласии с звуковой системой этого говора. Неясно в таком случае с точки зрения соответствия звуковой системе тогдашнего чешского живого диалекта только **сц** в **невесььсцѣи** (л. 3 об. вн.), если в этом диалекте к тому времени из о.-сл. *sk* перед *ě* из *oj* являлось *šč*¹¹.

В русском литературном диалекте церковнославянского языка в конце XI и в XII в. в соответствии с первоначальными старославян-

¹¹ Правильное употребление **ж** и **л**, **ѣ** и **ь** не противоречит звуковой системе тогдашнего чешского говора, потому что т. наз. носовые гласные в X в. в нем еще сохранялись, а **ѣ** и **ь** еще не совпали.

скими *o*, *ö*, *jé* и *e*, отсутствовавшими в русских живых говорах, произносились *u*, *ü*, *ja*, *ä*, как и в этих говорах; значительная часть грамотных людей произносила также *ž* на месте о.-сл. **dj*, согласно с русским живым произношением, а не *žd*, отсутствовавшее в этом произношении. Отличавшие русский диалект церковнославянского языка от живого русского говора произношения с *šč* из о.-сл. **tj* и **kt'*, с сочетаниями *ra*, *la*, *re* между согласными из о.-сл. **or*, **ol*, **el*, **er*, начальными *ra*, *la* из о.-сл. **or*, **ol* не с акутовой интонацией и т. п. не противоречили звуковой системе этого живого говора, так как в нем имелись и сочетание *šč*, и сочетания *ra*, *la*, *re* между согласными и в начале слова.

Таким образом, почти все различия в произношении между местными диалектами старославянского или церковнославянского литературного языка и соответствующими местными народными говорами состояли в том, что в соответствующих словах и формальных частях слов в литературном языке вместо одних звуков народного говора произносились другие звуки, имевшиеся в этом говоре в тех же положениях, но в других словах. Некоторые различия такого рода могли не передаваться правописанием: так, в русском книжном произношении принято было в XI—XII вв. **ѣ** и **ь** читать как *o* и *e*¹², а **ѣ** как *e*¹³; впрочем, такое произношение не было повсеместным: уже во 2-й половине XI в. часть грамотных людей, по-видимому, и в церковном чтении произносила **ѣ**, **ь** и **ѣ** так же, как и свои *o*, *e* и *e*.

Такие отличия литературного или книжного произношения от местного живого народного произношения, которые расходились и с звуковой системой местного живого говора, были немногочисленны. Большая часть их сводилась к особенностям в произношении иностранных слов. В греческих словах *k*, *g*, *x* перед палатальными гласными читались в старославянском языке всюду как *k̑*, *g̑*, *x̑* палатальные или краепалатальные: *kitъ* (ср. **киговѣ** Зогр. 28), *angelъ* (ср. **ан елъ** КЛ), *arxierej* (**архиренен**) и т. п.; только в сербохорватском и зап.-македонском вариантах старославянского языка звуки *k̑* и *g̑* совпали со звуками местных живых говоров, получившимися из о.-сл. **tj*, **kt'*, **dj*; в других диалектах старославянского языка *k̑*, *g̑* палатальные не находили себе

¹² См. **ЖФ**. VI, стр. 19—21 [Дурново, VI—наст. изд., с. 448—450], Шахматов, *Очерк древн. периода* § 344 [Шахматов, 1915].

¹³ См. **ЖФ**. VI, стр. 49 слл. [Дурново, VI—наст. изд., с. 478 и сл.]; Шахматов, *о. с.* §§ 265 и 285 [Шахматов, 1915].

соответствия в местных живых говорах; звука же *x* палатального не было ни в одном живом славянском говоре. Звук *f*, отсутствовавший во всех живых славянских говорах X—XI вв., при передаче греческих и латинских слов мог заменяться славянским звуком *p*; на такую замену могут указывать нередкие в старославянских памятниках, особенно в памятниках русского и сербского письма, случаи смешения **ф** и **п** в греческих словах. Но ввиду того, что в Киевских листках, где **ф** в латинских словах написано 9 раз, и в ряде южнославянских и русских текстов такое смешение не наблюдается вовсе, можно думать, что по крайней мере часть грамотных славян читала греческое *φ* и латинское *f* как *f*. Наконец, в кирилловских текстах, различающих **ѐ** и **ѐ**, греческое *ε* и *αι* в начале слова, а частью и после гласных последовательно передается через **ѐ**, что указывает на произношение *e* без йотации; можно думать, что такое же произношение было и там, где писали глаголицей или в кирилловском письме не различали **ѐ** и **ѐ**. Но в живом говоре *e* после гласных обязательно сопровождалось йотацией, а начальное *e* являлось только в болгарском имелось и в других словах (**ЕЗЕРО**, **ЕЛЕНЬ**, **ЕСЕНЬ**, **ЕРАВЬ**), но и там было обусловлено фонетическим положением. Таким образом, начальное *e* и тем более *e* после гласных в греческих словах в литературном произношении расходилось со звуковой системой живых славянских говоров X—XI вв. Впрочем, в положении после гласных старославянский язык по большей части устранил *e* без йотации, заменив его через *je* после *i*: **ИКОУСАНИМЪ**, **ИКРЕМИА** и через *o* после *e*: **ЕОНА**, **ВИТЛЕОМЪ**, благодаря чему расхождение между произношением иностранных слов и звуковой системой живых славянских говоров стало менее значительным.

Несогласие между звуковой системой литературного языка и живого местного народного говора в произношении славянских слов можно предполагать в некоторых русских вариантах старославянского и церковнославянского языка. В некоторых, правда, немногих старославянских памятниках русского письма XI в. в болгарское *жд* как из о.-сл. **zdj*, **zgj*, **zǰ*, так и из о.-сл. **dj* выдерживается настолько последовательно, что трудно считать подобные написания только орфографическими, не соответствующими книжному произношению писцов. Между тем звуковой системе русских живых говоров XI в. сочетание *žd* не было свойственно: *ž*, как и другие шипящие, могло стоять только перед гласными и перед палатальными согласными; между тем *d* в этом

сочетании в книжном произношении русских грамотных людей не было палатальным. Только позднее, благодаря выпадению *ь* в слабом положении, в русских языках стало возможным сочетание *žd* с *d* непалатальным. Но в XI в. *ь* после *ž* перед непалатальным *d* сохранялось. Несовпадением между книжным произношением *žd* и звуковой системой живого языка объясняется то, что тенденция к устранению *žd* из книжного языка замечается очень рано: *žd* постепенно было вовсе устранено из языка в тех случаях, где оно соответствовало о.-сл. **dj*, и заменено русским *ж*; старшие памятники, указывающие на такую замену, относятся к XI в. (Архангельское ев. и др.). В тех случаях, где книжное **жд** соответствовало о.-сл. **zdj*, **zgj*, **zǰ*, писцы частью сохраняли **жд**, частью заменяли это начертание начертаниями **жг** (на севере) и **жү** (на юге). Последнее начертание указывает, что в книжном произношении употреблявших его писцов несвойственное звуковой системе языка сочетание *žd* было вовсе устранено и заменено соответствовавшим ему этимологически сочетанием живого говора *žž*. Начертание **жд** можно понимать и как передачу книжного произношения с *žd*, сохраненного для тех немногих случаев, где в живом говоре было *žž*, и как условную, несовершенную передачу какого-нибудь другого произношения: если, напр., писцы читали *žž* согласно со своим живым произношением, они могли затрудняться или даже не испытывать надобности в более совершенной передаче этого сочетания на письме, ср. сохранение написания «дождь» в русском письме до сих пор. Но севернорусское написание в таких случаях **жг**, очевидно, нельзя читать ни как *žd*, ни как *žž*, и надо думать, что оно передавало книжное произношение *žǰ* с *ǰ* краепалатальным, получившимся из смягчения *d* после палатального *ž* в книжном сочетании *žd*; т. е. в севернорусском литературном диалекте получилось явление, противоположное тому, какое несколько ранее произошло в болгарском, где старое палатальное *d* в сочетании *žd'* утратило палатальность. Сочетания *žd'* (ср. в Мстиславовом ев. 1214 г. два раза **жд**, где *д* с крючком, обозначающим мягкость) и *žǰ* тоже отсутствовали в звуковой системе живого севернорусского говора, как и *žd* с *d* непалатальным, но были, очевидно, более удобопроизносимы, так как в говоре были сочетания *ž* с палатальными *l'* и *ń*.

Другим звуковым сочетанием литературного языка, которое могло противоречить звуковой системе живых русских говоров XI в., было

сочетание *sc*. Фонетически это сочетание старославянского языка восходит к о.-сл. **sk* перед *ě* и *i* из *oj*. В русских говорах оно в этом положении дало *sk* на юге и *šč* на севере. Но в сущности *sc* трудности для произношения ни на юге, ни на севере для русского читателя не представляло, потому что оба компонента этого сочетания в живых говорах имелись, а сочетание их, если *s* было здесь палатализованным, не противоречило законам о сочетании согласных, действовавшим в тогдашних русских говорах; вероятно, в живом языке существовало и самое сочетание *sc* из вторичных сочетаний предлогов *без*, *из* и др. со словами, начинавшимися с *c*. На севере, благодаря совпадению *c* и *č*, сочетания *sc* и *šč* на письме не могли различаться, так как совпали в произношении. Впрочем, можно заметить, что **сц** в конце основы, может быть, именно потому, что не встречалось в живом языке и не вполне отвечало звуковой системе живого языка, в русских рукописях XI—XII вв. пишется значительно реже, чем **ст**¹⁴.

Различие между книжным и живым народным произношением вызывалось тем, что нормы литературного языка у большинства славян были заимствованы из других славянских диалектов, отличных от живых диалектов тех местностей, где употреблялся тот или другой местный вариант старославянского языка. Так, *l* вм. чешского *dl* в таких словах, как **МОЛНѢВА**, в чешском варианте старославянского языка, совпадение рефлексов о.-сл. **tj*, **dj* с рефлексами о.-сл. **stj*, **zdj*, неплогласные сочетания вместо полногласных и пр. в русском варианте и т. д. вызваны южнославянской основой старославянского литературного языка. Однако далеко не все звуковые особенности тех южнославянских говоров, которые лежат в основе чешского и русского вариантов старославянского языка, сохранялись в книжном произношении этих вариантов. Так, в чешском варианте старославянского языка X в. сохранились македонские *l* из о.-сл. **dl*, палатальное *l'* после губных в конце основы, *t* в слове **ТОУЗИМЪ** (остальные нечешские черты — дат. **ТѢБѢ**, падежные формы прилаг. на **-аго**, **-оумоу**, приставка **из-** — нефонетические), но южнославянские рефлексы о.-сл. **tj*, **kt'*, **dj*, **stj*, **skj* заменены чешскими; неизвестно, до какой степени сохранялось или

¹⁴ У великорусов церковное произношение до сих пор сохраняет некоторые звуковые черты, несвойственные звуковой системе живого говора чтецов; таковы твердые согласные перед *e* в церковном произношении поморских старообрядцев, фрикативное *γ* и оканье в московском церковном произношении.

заменено чешским македонское произношение звуков *ǫ*, *ǔ*, *ǫ̇*, *q*, *e*¹⁵. В русском варианте старославянского языка сохранились южнославянские сочетания *ra*, *la* между согласными и в начале слова там, где в русских живых говорах были другие сочетания, но т. наз. носовые гласные заменены неносовыми; болгарское сочетание *št* заменено сочетанием *šč* (лишь в части слов согласно русскому живому произношению); иначе, чем в болгарском, стали произноситься *ǫ*, *ǔ* и *ǫ̇*; болгарское произношение сочетания *žd* сохранялось только у части грамотных людей, у других было заменено через *ž* в одних случаях и через *žž* или *žg* в других.

Сопоставляя звуковые черты, сохранившиеся в том или другом местном варианте старославянского или церковнославянского языка от его первоначальной основы, с теми звуковыми чертами этой основы, которые в нем не сохранились, а заменены соответствующими звуковыми чертами того местного говора, среди которого этот вариант возник, мы видим, что наиболее устойчивыми являются те первоначальные черты этого языка, которые не противоречат звуковой системе соответствующего местного говора, менее устойчивыми — те, которые ей противоречат; т. е. сохраняются те звуки и звуковые сочетания, которые имеются в данном местном живом говоре, и заменяются звуками, имеющимися в этом говоре, те звуки и звуковые сочетания, которые в нем отсутствуют; случаи, когда в местном литературном диалекте являются звуки или звуковые сочетания, отсутствующие в местном живом говоре, очень редки.

В таких случаях, как замена *q* через *u* и *žd* через *ž* в русском литературном диалекте старославянского языка, звуки основного диалекта были заменены соответствующими им этимологически звуками местного живого русского говора, благодаря чему, напр., такие слова, как *ruka*, *vižü*, совпали в этом диалекте по произношению с соответствующими им словами живого народного говора. Но иногда звуки диалек-

¹⁵ В чешском говоре X в. *ǫ* и *ǔ* отличались от других гласных и различались между собой, но звучали, надо думать, иначе, чем в македонском, где они были ближе к *o*, *e*; *ǫ̇* в начале слова не совпало с *ja*, как в макед., но в книжном языке чехи могли читать *jasti* по-болгарски вместо своего *jěsti*; *q* и *e* в чешском говоре X в. звучали как *u* и *ä* носовые, в македонском, по-видимому, как *o* и *e* носовые или *ǫ* и *ǔ* носовые (или сочетания соответствующих неносовых гласных с редуцированным носовым согласным звуком).

та, лежавшего в основе местного литературного диалекта, отсутствовавшие в местном живом говоре, заменялись другими звуками этого говора, не соответствовавшими им этимологически. Так, в русском литературном диалекте старославянского языка звук болгарского диалекта, передававшийся буквою **ѣ** и соответствовавший этимологически русскому *ѣ*, но отличавшийся от него по произношению, был заменен не этим звуком, а звуком *e*, надо думать, потому, что был по произношению ближе к русскому *e*, чем к *ѣ*, и воспринимался русскими как *e*¹⁶. В том же диалекте звуковое сочетание *ѣѣ* заменило собою болгарское *št* не только там, где и в живом русском говоре было *ѣѣ*, но и там, где в этом говоре было *ѣ*. Наконец, в севернорусском варианте старославянского языка, как мы видели, возникло новое звуковое сочетание *žg*, отсутствовавшее и в основном литературном диалекте, и в местном живом говоре.

Славянское правописание X—XII вв. было построено на двух принципах: фонологическом и традиционном. Первоначальное славянское правописание было, конечно, чисто фонологическим. Традиционный принцип, поскольку он расходился с фонологическим, являлся там, где возникал новый литературный диалект с отличной от прежнего звуковой системой, и выражался в том, что известные написания продолжали по традиции сохраняться не только там, где они соответствовали звуковой системе этого диалекта, но и там, где они не могли быть мотивированы литературным произношением.

Славянские алфавиты, вообще говоря, были хорошо приспособлены для передачи звуков славянского языка. При помощи их можно было передать почти все звуковые различия, имевшие этимологическое значение в том говоре, для которого они были составлены. В обоих алфавитах не хватало только особых знаков для палатальных *l'*, *n'*, *r'*, *s'*, *d'*, *t'* (последние два — в сочетаниях *žd'*, *št'*); впрочем, если в этом говоре были палатальные *d'*, *t'* в сочетаниях *žd'*, *št'*, то не было еще сочетаний *žd*, *št* с *d*, *t* непалатальными; следовательно, палатальность *d'*, *t'* была обусловлена фонетическим положением, и потому надобности в особых знаках для *d'*, *t'* палатальных не было. Особые знаки палатальности при буквах **л**, **н**, **р** и др. были введены позднее: их нет еще в Ки-

¹⁶ С течением времени литературное произношение *ѣ* совпало с живым, но к этому времени *ѣ* уже было заменено звуком *e* в церковнославянских словах, отсутствовавших в том же виде в русском живом языке.

евских листках, а также в Син. Пс., Клоц., Сав., и они очень редки в Мар. Отсутствие в глаголическом алфавите особого обозначения для звука *j* объясняется тем, что этот звук не нес самостоятельной функции в звуковой системе говора, для которого алфавит составлялся: сочетание *ja* было только вариантом звука *ě* в начале слова и после гласных (ср. **ѣсти** = *jasti* и **сънѣсти** = *sněsti*); в сочетании с другими гласными появление *j* было фонетически обусловлено¹⁷. Употребление одной буквы **Ѧ** в глаголическом письме для *ě* и для *a* после палатальных согласных было связано с тем, что последнее в звуковой системе говора было лишь вариантом звука *ě*, фонетически обусловленным; формы типа **съважѣте** с **ѣ**, отличным от **Ѧ**, явились позднее¹⁸.

В кириллице, представляющей следующую, по сравнению с глаголицей более приспособленную к славянской речи, стадию в эволюции славянского алфавита, для *ja* и *ě* были введены различные знаки. Это дало возможность различать начальные *ja* и *jě* (напр. **Ѧже** и **ѣмь**) и *a* и *ě* в таких словах, как **вьста** и **вьсѣхъ**. Впрочем, правописание от этого выиграло, по-видимому, немного, потому что в литературном произношении в начале слова осталось по-прежнему только *ja*, а не *jě* (**Ѧмь**, **Ѧсти**), а различие между *a* и *ě* после палатальных и непалатальных согласных продолжало оставаться фонетически обусловленным. Другое нововведение кириллицы, делавшее кирилловское письмо более точным и фонетическим и, по-видимому, явившееся в ней не с самого начала, это — приспособление так наз. йотированных букв **Ѧ**, **Ѧ**, **Ѧ**, **Ѧ** для передачи йотации и, частью, палатальности предшествующих согласных.

Понятно, что если в какой-нибудь системе письменных знаков отсутствуют средства для передачи тех или других звуковых различий, то из письменных памятников, применяющих эту систему, нельзя определить, существовали ли эти звуковые различия в звуковой системе языка их писцов. Поэтому если наличие в глаголице одной буквы для *ě* и для *ja* может свидетельствовать о том, что в говоре, для которого она составлялась, *ě* и *ja* этимологически не различались, то оно, во вся-

¹⁷ Отсутствие особого обозначения для *j* в глаголическом алфавите показывает, что составитель исходил из чутья славянской, а не греческой звуковой системы. Грек не мог не ощущать разницы между славянскими начальными *e* и *je*, *a* и *ja*.

¹⁸ См. ЈФ. V, стр. 64 [Дурново, V — наст. изд., с. 494]; в Зогр., Мар., Сав. **ѣ** после шипящих в этой форме, по-видимому, передавало еще звук *a*.

ком случае, ничего не говорит о том, различались ли или нет эти звуки в живом или книжном языке писцов глаголических памятников. Точно так же не дает таких указаний и правописание некоторых южнославянских кирилловских памятников XII в., не употребляющих буквы **ѧ**. Тем не менее можно делать вывод о закрытом или открытом произношении *ǫ* в языке их писцов¹⁹. Подобным же образом все глаголические памятники и кирилловские памятники, не употребляющие буквы **Ѧ**, сами по себе не дают указаний на то, различали ли писцы таких памятников в своем произношении *e* и *je* в начале слова и после гласных, а памятники, не обозначающие особыми значками или другими способами палатальности согласных, как Киевские листки, Син. Пс., Клоц. сб., Сав. кн. и др., не дают указаний на то, различали ли или нет писцы в своем произношении *l*, *n*, *r*, *s* и др. согласные непалатальные и палатальные. Точно так же из галицко-волынских памятников XII—XIII вв., употребляющих **Ѣ** для передачи звука, получившегося из *e* в новых закрытых слогах перед мягкими, нельзя извлечь никаких указаний на то, различали ли их писцы в своем произношении звук, получившийся из старого *o* в новых закрытых слогах, с одной стороны, и *o* в других положениях, с другой стороны, или не различали. Во всяком случае грубой ошибкой было бы из отсутствия такого различия в графике тех или других памятников делать заключение об отсутствии соответствующих различий и в произношении, живом или книжном, писцов.

Старославянское правописание, основанное на фонологическом принципе соответствия звуковой системе одного из южнославянских говоров, с течением времени стало применяться и там, где звуковая система местного говора была несколько иной; да и в том говоре, в применении к которому создавалось это правописание, звуковая система со временем тоже изменилась. Как мы видели, эти различия между звуковой системой говора, легшего в основу старославянского языка, и звуковыми системами других славянских говоров, представители которых усваивали старославянский язык в качестве литературного, вызвали появление местных литературных диалектов старославянского языка, звуковая система которых отличалась от его первоначальной

¹⁹ Ср. противоположное мнение Кульбакина — *Le vieux slave*, § 33 [Кульбакин, 1929].

звуковой системы, но не совпадала со звуковыми системами соответствующих живых местных говоров. Это отличие новых местных литературных диалектов старославянского языка от его первоначального типа вызвало и приспособление правописания к этим диалектам и именно к ним, а не непосредственно к тем живым говорам, на почве которых они возникли. Т. е. произношение, существовавшее в том или другом местном живом говоре, могло влиять на изменение норм правописания только в том случае, если оно становилось литературным для данной области. Само же живое произношение, поскольку оно не усваивалось литературным языком, могло отражаться на правописании писцов лишь в виде более или менее частых, в зависимости от их грамотности, ошибок.

Правописание, как везде, и у славян в X—XII вв. не сразу приспособлялось к звуковой системе местных литературных диалектов старославянского языка. В течение известного времени оно продолжало сохранять традиционные написания, не оправдываемые звуковой системой местного литературного диалекта. К таким традиционным написаниям в части рукописей XI и XII вв. принадлежат написания, сохраняющие этимологическое различие между **ѡ, ѡѡ, ѡ, ѡѡ**, с одной стороны, и буквами, передающими заменившие их в местном произношении носовые гласные, с другой стороны, а также написания, правильно различающие этимологические **ѡ, ѡ** с одной стороны и гласные **о** и **ѡ** с другой.

Утрата носового элемента т. наз. носовых гласных в значительной части славянских говоров XI в. должна была вызвать устранение их и замену их соответствующими чистыми гласными и в звуковой системе литературных диалектов, образовавшихся на почве этих говоров. Благодаря этому старое правописание, правильно передававшее эти носовые гласные особыми буквами, теряло свою фонологическую опору и должно было усваиваться исключительно памятью и зрительным путем. При недостаточной систематичности тогдашнего образования ошибки были неизбежны. Тем не менее нам известны рукописи, несомненно написанные в области диалектов, утративших носовые гласные и заменивших их соответствующими чистыми гласными, в которых такие ошибки немногочисленны, и тенденция к этимологическому различению букв **ѡ, ѡѡ, ѡ, ѡѡ**, с одной стороны, и букв, обозначающих заменившие их чистые гласные,—с другой, сказывается вполне отчетливо.

Так, в Мар. ев. на 4000 случаев (число приблизительное) правильного этимологического употребления букв **ж**, **ѣ** и такое же число правильного употребления букв **оу**, **ю** имеется только около 30 случаев с **оу**, **ю** вместо **ж**, **ѣ** и около 70 случаев с **ж**, **ѣ** вместо **оу**, **ю**, т. е. число случаев правильного написания **ж**, **ѣ** на месте о.-сл. *q*, *ǰ* больше 99%, а число случаев правильного написания **оу**, **ю** на месте о.-сл. *u*, *i* больше 98%. В книжном произношении писца, надо думать, в обоих случаях было *u*, *i*²⁰.

В Новгородских листках XI в. при 32 случаях правильного употребления букв **ж**, **ѣ** и 28 случаях правильного употребления букв **оу**, **ю** нет ни одного случая смешения этих букв; ввиду других признаков, указывающих на русское происхождение этого памятника, и того факта, что в Остром. ев., писцы которого, несомненно, читали **ж** и **ѣ** как *u* и *i*, можно выделить куски, размером превышающие размер Новгородских листков, также не имеющие ни одного случая смешения **ж**, **ѣ** с **оу** и **ю**, можно думать, что отсутствие такого смешения в Новгородских листках не свидетельствует о различии носовых и заменивших их неносовых гласных в произношении писца, а может объясняться грамотностью писца и его стремлением следовать традиционной орфографии.

На лл. 2—16 Остром. ев. на 130 случаев правильного написания **ж**, 59 **ѣ**, 173 **оу** и 31 **ю** только один раз написано **ж** вм. **оу** в слове **тѣдѣ** и 2 раза **ѣ** вм. **ю** в род. двойств. Ряд последовательно проведенных русизмов не оставляет сомнения в том, что писец в своем произношении (не только живом, но и книжном) не отличал звуков, передававшихся буквами **ж**, **ѣ**, от звуков, передававшихся буквами **оу**, **ю**.

В правописании лл. 17—25а Остром. ев. при тенденции писать **ѣ** (17 раз на месте **ѣ** и 11 раз вместо **ю**) в начале слога и **ю** (4 раза вм. **ю** и 7 раз вм. **ѣ**) после **л**, нарушаемой только 2 случаями этимологически правильного написания **ю** в начале слога и 2 случаями правильного написания **ѣ** после **л**, буквы **ж** и **оу** правильно различаются этимологически: на 74 случая правильного написания **ж** и 130 случаев правильного написания **оу** только один раз **оу** написано ошибочно вместо **ж** (**коупѣли**).

²⁰ 15 случаев написания **о** вм. **ж** (обратных случаев **ж** вм. **о** нет) вряд ли указывает на произношения *o* вм. *q*. Ср. в том же Мар. не менее 6 случаев написания **о** вм. **оу**.

В части Остром. ев., писанной дьяконом Григорием, лл. 25в—204с на с лишком 3000 случаев этимологически правильной постановки **ж** и **ѣ** и приблизительно такое же число этимологически правильной постановки **оу**, **ю** только в 56 случаях написано **ж** вм. **оу**, в 51 — **ѣ** вм. **ю**, в 34 — **оу** вм. **ж** и в 116 — **ю** вм. **ѣ**. И здесь, как и на лл. 17—25а, смешение **ю** и **ѣ** относительно гораздо чаще, чем смешение **оу** и **ж**, и также наблюдается тенденция к преимущественной постановке **ѣ** в начале слога и **ю** после согласных. При всем том количество этимологически правильных написаний **ж**, **ѣ**, **оу**, **ю** по сравнению с общим числом случаев, где надо было написать эти буквы, достигает 96—98 %.

Несколько чаще ошибки против этимологически правильного употребления букв **ж**, **ѣ**, **оу** и **ю** в 13 словах Григория Богослова XI в. Но и там число случаев написания **ж**, **ѣ** в соответствии со ст.-сл. **ж**, **ѣ** и **оу**, **ю** в соответствии со ст.-сл. **оу**, **ю** достигает 80 % всех случаев употребления этих букв.

Син. Пс. писана в области диалекта, в котором на месте ст.-сл. **ж** произносилось *о*. Но писцы придерживались традиционного правописания, правильно различавшего **ж** и **о**. Случаи, где в соответствии со ст.-сл. **ж** правильно написано **ж**, составляют 98 % всех случаев, где надо было написать **ж**, а случаи, где **ж** написано вм. **о**, — только 0,5 % по отношению к числу всех случаев, где надо было согласно традиционному старославянскому правописанию написать **о**.

Утрата носового свойства о.-сл. *ѣ* вызвала в южнославянских говорах совпадение этого звука с *е*, а в русских — совпадение его после *ј* и палатальных согласных с *а*. Это звуковое изменение не могло не отразиться и на литературных диалектах XI—XII вв., русских и южнославянских.

е вм. ст.-сл. **ѣ**, может быть, было в произношении писца Син. Пс., который тем не менее правильно выдерживает старославянское правописание, различающее этимологические **ѣ** и **ѣ**, и только раз 20 пишет **ѣ** вм. **ѣ** и наоборот.

У первого писца Остром. ев. на лл. 2—16d буквы **ѣ** и **ѣ** после шипящих и **ц** и буквы **ѣ** или **ѣ** и **ѣ** в начале слога и после палатальных сонорных написаны более 250 раз и ни разу не смешаны²¹; у него же на

²¹ Приводимые Козловским [Козловский, 1885—1895] примеры, в которых, по его мнению, **ѣ** написано вм. **ѣ**, — **своѣ** 2 d₄ (вин. мн. ср. р., греч. τὰ ἴδια Иоанн. 1₁₁) и **ѣже** (дѣла) 15а_{3, 11} — имеют **ѣ** правильно.

лл. 17—25а правильно, кроме одного случая, различаются **ѡ** и **ѧ** после шипящих, но в начале слога обнаруживается тенденция писать **ѧ** (на месте ст.-сл. **ѡ** только 3 раза написано **ѡ** и 9 раз **ѧ**). Очевидно, писец в данном случае руководился не своими орфографическими привычками, а правописанием своих оригиналов, которых у него было два: 1) лл. 2а—16d и 2) лл. 17а—25а. Но тот же писец строго выдерживает на всех 24 листах такие русизмы правописания, как **ѡр** и пр. между согласными, 3-е л. глаголов на **-тъ**, imperfecta на **-ѧахъ**. Таковую последовательность можно объяснять или тем, что оба его оригинала, различаясь в правописании носовых гласных, по отношению к этим чертам представляли тождественное правописание и, следовательно, оба писаны русскими писцами, или тем, что таковы были нормы правописания, которыми руководился последний писец. В первом случае следует предположить, что писец оригинала или протографа первых 15 листов Остром. ев. руководился нормами правописания, соединявшими правильное различение носовых и заменивших их в русском произношении чистых гласных с последовательным проведением ряда орфографических русизмов. Во втором случае приходится думать, что 1-й писец Остром. ев. точно следовал оригиналу в правописании носовых гласных не потому, что старался вообще точно копировать оригинал, а потому, что, не зная твердо правописания носовых гласных, полагался на оригинал именно в этом случае.

В части Остром. ев., писанной дьяконом Григорием, **ѡ** и **ѧ** правильно различаются после шипящих (на 270 листов только один пример с **ѧ** вм. **ѡ**: **ѧУѧѧ** 145а), а **ѡ** (иногда пишется **ѡ**) и **ѧ** в начале слога и после палатальных сонорных почти правильно (случаев этимологически правильных написаний с **ѡ** или **ѡ** и **ѧ** около 90%); сравнительно большое количество ошибок (10%) указывает на то, что в произношении **ѡ** и **ѧ** не различались.

Характерным образчиком правописания, различавшего этимологически **ѡ**, с одной стороны, и **ѧ** и **ѧ** после шипящих — с другой, при отсутствии различия в произношении передаваемых этими буквами звуков, является правописание Синайского Патерика XI в. Главный писец этой рукописи, написавший более 160 листов, пишет после палатальных **ѧ̆**, **ѧ̆**, **ѧ̆** только **ѡ** как на месте ст.-сл. **ѡ** (**ѡ**), так и вместо ст.-сл. **ѧ**, а после **ш** и **ѧ** только **ѧ** как на месте ст.-сл. **ѧ**, так и на месте ст.-сл. **ѡ** (случаев написания **ѡ** после **ш** и **ѧ**, по большей части этимологически

правильных, всего около 6%), но в начале слога и после ж и ч правильно этимологически различает ѡ, с одной стороны, и га и а, с другой, проводя это различие почти последовательно; так, он пишет: гави сѡ, гадъ, гаже n. sg. f. и n.-a. pl. n., гако, гаможе, гасно, гастн, братниѡ, дагаше, днаволъ, днакъ, дроугага n. sg. f., знога g. sg., свогѡ n. pl. n., снѡ n. du. m., моужа a. sg., оужастн, блажа , ѡбѣжа, врача g. sg., крѣпгъга , обыгаю, пегальнъ, съконьгати, рагаше, гасъ, гашница и т. п., но: ѡ a. pl. m. и f., ѡже a. pl. и f., ѡзыкъ, ѡтъ, ѡумени, бол сѡ, жѡ, тоѡ, моѡ a. pl. m., пригти, пригтънъ, дръжа part., жаждеж, жатвѣ, хыжа g. sg., нагхъ, обгати, рага, гадѡ, гадъ, гасъ и т. п. Число случаев этимологически правильной постановки ѡ и га в начале слога превышает 90% всех случаев употребления этих букв в этом положении; а число случаев этимологически правильной постановки ѡ и а после ж и ч почти достигает 90% всех случаев употребления этих букв после ж и ч. Такое правописание не могло бы получиться, если бы писцы ограничивались только старанием точно скопировать оригинал и своим личным произношением, а свидетельствует о создании определенных орфографических норм.

Другая черта правописания, встречающаяся в рукописях XI—XII вв., но не передававшая местного литературного произношения, это — правильное различение ѣ и ѡ, ѣ и ѡ в рукописях, писанных в тех областях, где литературное произношение этих звуков не различало. Такое произношение возникло впервые на почве местных, вероятно, македонских живых говоров, заменивших ѡ и ѡ в сильном положении звуками ѡ и ѡ. Устранение особых звуков ѡ и ѡ в сильном положении из звуковой системы живого говора естественно повлекло за собою и утрату этих звуков литературным произношением; и в нем, как и в живом говоре, старые ѡ и ѡ в сильном положении совпали с ѡ и ѡ. Эта особенность македонского литературного произношения была усвоена и другими литературными диалектами старославянского языка, между прочим, и там, где в живом местном говоре ѡ и ѡ в то время отличались от ѡ и ѡ, напр., русским литературным диалектом.

Из числа южнославянских памятников XI в. к текстам, различавшим в своем правописании ѡ и ѡ в сильном положении, с одной стороны, и ѡ и ѡ — с другой, несмотря на совпадение ѡ и ѡ в сильном положении с ѡ и ѡ в книжном произношении писцов, относится, по-видимому, только Зогр.; в книжном произношении писцов Сав. кн. и Супр. ѡ и ѡ,

по-видимому, различались, а глаголические южнославянские рукописи XI в., кроме Зогра., заменяют в своем *правописании* (т. е. более или менее последовательно) ъ в сильном положении буквою ѣ согласно произношению. Писцы Клоц. и частей Мар. и Син. Пс., в произношении которых (только ли книжном или также и в живом) совпали не только ъ в сильном положении и е, но и њ в сильном положении с о, в своем правописании, однако, сохраняют этимологическое различие между њ в сильном положении и о, хотя и допускают ошибки против этимологически правильной постановки этих букв²². Различное отношение писцов к замене ъ через ѣ, с одной стороны, и њ через о — с другой может объясняться тем, что существовал диалект, в котором ъ в сильном положении изменилось в е, а њ продолжало сохраняться как звук, отличный от о; правописание, заменяющее ъ через ѣ и сохраняющее њ, могло возникнуть на почве такого говора и сохраняться по традиции там, где њ в сильном положении совпало с о.

Русские усвоили от южных славян в конце X в. правописание, различавшее этимологически правильно њ и ъ, с одной стороны, и о и е — с другой. Но оттуда же (может быть, немного позднее, напр., в середине XI в.) они усвоили и книжное произношение њ как о и ъ как е, причем это произношение было перенесено и на њ и ъ в слабом положении. Таким образом, это правописание должно было различать буквы, функциональное различие между которыми не базировалось на книжном произношении. Тем не менее это правописание в большей части случаев не представляло затруднений для русских писцов, потому что в русском живом произношении в XI и нач. XII в., а в значительной части говоров и позднее, њ и ъ всюду отличались от о и е. Поэтому русские писцы могли руководиться правилом писать њ и ъ там, где в соответствующих словах и формах русской живой речи слышались звуки њ и ъ, а о и е там, где слышались звуки о и е. Поэтому правописание тех слов и форм, в которых старославянским њ и ъ в русских живых говорах соответствовали свои звуки њ и ъ, в русских рукописях XI и XII вв. является обычно более выдержанным, чем во всех южнославянских рукописях того времени, и расхождение с первоначальными нормами

²² Это различие в отношении глаголических текстов XI в. к замене њ сильного через о и к замене ъ сильного через е обыкновенно не учитывается. Ср. Kul'bakin, *Le vieux slave*, §§ 316 и 318 [Кульбакин, 1929].

старославянского правописания замечается по большей части только в тех словах и формах, которых не было в живых русских говорах или в которых старославянским ѓ и ѣ в русских живых говорах соответствовали *o* и *e* или наоборот. Так, русские писцы часто писали **оуповати**, потому что основы **оупъва-** не было в живых русских говорах, и **-ѣмь**, **-ѣмь** в твор. ед., потому что так звучали эти окончания в живом русском произношении, и эти написания уже в некоторых рукописях XI в. становятся орфографическими нормами: в обоих почерках Остром. ев. написания с **-ѣмь** составляют 96 % всех случаев употребления формы *instr. sg.* от основ на *-o* и на *-u*, а в обоих почерках Арханг. ев.— все 100 %, и т. д.; основа **оупова-** уже в некоторых рукописях XI в. пишется исключительно с **o**. Видеть в написаниях **-ѣмь**, **-ѣмь** в русских рукописях южнославянскую традицию нет достаточных оснований; в таком случае мы ждали бы у основ на *-j* окончания **-имь**, потому что *jь* в южнославянском говоре, легшем в основу старославянского языка, дало *i*. Между тем почти все²³ русские рукописи XI и XII в. пишут **-имь** в *instr. sg.* только в слове **оукромь** и в немногих единичных примерах, а в других словах пишут последовательно **-къмь**, согласно литературному произношению²⁴. Помимо этих случаев, почти все примеры замены **ѣ** через **o** и **ѣ** через **e**, какие встречаются в русских рукописях XI и нач. XII в., или механически перенесены из протерографа (таких примеров много, между прочим, в Пандектах Антиоха), или находятся в словах, неизвестных из своего говора русскому читателю, или имеют **o** и **e** только на месте ѓ и ѣ в слабом положении; примеры последнего рода имеются, главным образом, в служебных минеях, рукописях, содержащих тексты для пения.

В конце слов в южнославянских диалектах старославянского языка буквы **ѣ** и **ѣ** в XI в. не читались. Так как отпадение ѓ и ѣ в конце слова в южнославянских говорах не сопровождалось дифференциацией предшествующих согласных по твердости и мягкости, как позднее в

²³ Исключение представляет часть Остром. ев., писанная дьяконом Григорием: здесь на 26 примеров с **-къмь** (из них только 14 в славянских словах) имеется 11 примеров с **-имь** (все в славянских словах).

²⁴ В живых русских говорах было *-jьтъ*, так как в русских говорах *jь* в сильном положении вообще не изменялось в *j*; при открытом произношении ѣ в русских говорах XI в. написание **-къмь** лучше передавало и живое русское произношение, чем написание **-имь**.

русских языках, то русские писцы для того, чтобы правильно различать ъ и ѿ в конце слова, должны были руководиться своим местным живым произношением, а потому в окончании 3-го л. глаголов писали не -тъ, а -тъ: такое правописание является нормой во *всех* русских рукописях XI—XIV вв.

К числу букв, различавшихся в правописании, но читавшихся в русском литературном диалекте старославянского языка одинаково, принадлежали буквы **ѣ** и **ѣ̣**. И в этом случае, как и в случае с буквами **ѡ** и **ѡ̣** и **ѣ** и **ѣ̣**, правильно различать буквы помогало русское живое произношение. Звук, передававшийся буквою **ѣ̣**, в том южнославянском диалекте, какой лег в основу русского литературного диалекта, отличался от *e*, но он отличался и от соответствовавшего ему этимологически звука *ě* русских говоров, и русские отождествили его в своем произношении не со своим *ě*, а со своим *e*. Но в правописании буквы **ѣ̣** и **ѣ** продолжали различаться этимологически, и русские писцы, которым литературное произношение не давало указаний на то, где писать **ѣ̣**, где **ѣ**, руководились при различении этих букв своим живым произношением, в котором старославянскому **ѣ̣** нормально соответствовало *ě*, а старославянскому **ѣ** — *e*. В тех случаях, когда такого соответствия не было, русские писцы были лишены другого критерия различения **ѣ̣** и **ѣ**, кроме правописания своих оригиналов, а потому делали ошибки. Сюда относились, главным образом, следующие случаи: а) старославянские неполногласные сочетания с **рѣ̣**, **лѣ̣**, соответствовавшие русским живым полногласным сочетаниям с *ере*, *оло*, б) dat.-loc. sg. **тѣ̣ѣ̣ѣ̣**, **сѣ̣ѣ̣ѣ̣**, соответствовавшие русским *тобѣ̣*, *собѣ̣*, и с) основы **тѣ̣ѣ̣ѣ̣с-**, **дѣ̣ѣ̣ѣ̣с-** при русских *тѣ̣л-*, *дѣ̣л-*. Естественно, что русские писцы стремились устранить эти трудности, и уже в XI в. в некоторых русских рукописях употребление **ѣ** вместо **ѣ̣** в большей части подобных случаев становится орфографической нормой.

В тех случаях, когда традиционное правописание не находило себе опоры ни в книжном, ни в живом произношении писцов, последние должны были руководиться известными этимологическими правилами. До нас не дошло славянских руководств по правописанию старше XIV в.: можно думать, что их и не было, но что известные орфографические традиции существовали, несомненно. Некоторые орфографические правила усвоить было нетрудно. Напр., русские и сербские писцы, читавшие **ѡ** и **ѡ̣** одинаково как *и*, легко могли запомнить право-

писание таких часто встречавшихся слов, как **БЖДЕТЬ**, **РЖКА**, **МЖЖЬ**, **ОУВО**, **ДОУША** и др., и еще легче усвоить правило, что в глагольных суффиксах и окончаниях и в падежных окончаниях женского рода пишется **-ж**, а в падежных окончаниях мужского рода и двойственного числа **-оу**. Подобными же правилами могли руководиться русские писцы при различении **а** или **па** и **л** или **ла**, а сербские при различении **л** и **е**.

При всем том, особенности правописания, не опиравшиеся на произношение, были гораздо труднее, чем особенности, находившие себе в произношении поддержку, и потому с течением времени устранялись. У недостаточно грамотных писцов — а такие составляли большинство — число случаев этимологически неправильного употребления букв, обозначающих звуки, не различавшиеся в произношении писцов или различавшиеся иначе, могло сравняться с числом случаев правильного их употребления. Позднее старая традиция правильного различения этих букв могла совсем забыться, и буквы, обозначающие первоначально разные звуки, становились простыми дублетами с одним звуковым значением. Так, в нескольких русских рукописях XI и нач. XII в. мы встречаемся с безразличным употреблением букв **ж** и **оу** (иногда **ж** и **ю**); в новгородских рукописях XII в. и позднее мы наблюдаем безразличное употребление букв **ц** и **ч**; в XIII в. появляются русские рукописи с безразличным употреблением букв **о**, **е**, **с** одной стороны, **ь**, **ь** — с другой, и т. д. Однако в славянском правописании мы замечаем тенденцию к устранению беспорядочного употребления двух букв в одном значении. Такие правописания, как новгородское, в котором с XII до XVI в. продержалось безразличное употребление букв **ц** и **ч** в одном значении, сравнительно редки. По большей же части славянское правописание избегало подобных функционально безразличных дублетов, или вовсе устраняя один из них, или дифференцируя их, исходя из новых принципов. Так, из русского правописания очень рано были устранены буквы **ж**, **жж**, **ла** как дублеты к читавшимся так же буквам **оу**, **ю**, **па**, из сербского письма — буква **л** как дублет к **е** и т. д.; в Галиче, в юго-зап. Руси, в XII в. возникает правописание, дифференцирующее буквы **ѣ** и **е** по новому принципу, отличному от традиционного, не соответствовавшего литературному произношению галичан XII в., и т. д.

Во всех таких случаях изменение правописания вызывалось отличием звуковой системы местного литературного диалекта от звуковой системы того местного литературного диалекта, на почве которого воз-

никло первоначальное правописание, и сводилось к устранению таких традиционных написаний, которые передавали звуковые различия, отсутствовавшие в этом местном диалекте, и в приспособлении правописания к местному диалектическому литературному произношению, которое, как мы видели, могло не совпадать с живым народным. Так, в правописании некоторых русских рукописей XI и XII в. буква **ѡ**, читавшаяся как *ja* или как *a* после палатальных сонорных, была заменена буквою **ѡ** не только там, где и в живых народных говорах произносилось *ja* или *a*, но и в падежных окончаниях, где в русских живых говорах было *ѣ*, т. е. звук, в других случаях передававшийся буквою **ѣ**: **кѡ**, **землѡ**, **конѡ** и пр.; в этом случае правописание приспособлялось к местному литературному произношению, отличному от живого. Вообще, нам точно неизвестны славянские рукописи XI—XII в., правописание (т. е. система нормированных написаний) которых соответствовало бы вполне живому некнижному произношению писцов; из этого произношения правописание обычно передает только те черты, которые были свойственны и литературному диалекту; черты же живого произношения, несвойственные литературному диалекту, отражаются на правописании памятников X—XII вв. только в виде более или менее частых ошибок, т. е. уклонений от норм правописания. В грамотно написанных рукописях число таких ошибок редко достигает 10% соответствующих написаний.

Приспособление орфографии к книжному произношению вызывалось не только стремлением облегчить и нормировать работу писцов, но и стремлением точнее передать это книжное произношение. Как уже указывалось, оно расходилось с живым народным произношением. Между тем многие тексты писались не для келейного употребления и не для чтения в узком кругу товарищей и родных, где произношение было неважно, а для публичного произнесения с кафедры или для исполнения хором. В таких случаях важно было не только выдерживать традиционное написание, но и в самих написаниях дать указания на то, как соответствующее слово должно звучать при исполнении. Таким образом, в результате стремления приспособить правописание к потребностям устного исполнения возникали и такие изменения в традиционном правописании, в которых иначе не представлялось надобности. Так, в русских текстах XI в., особенно предназначенных для публичного произнесения, как, напр., в списках Евангелия,

южнославянские написания **лѣ**, **ль**, **рѣ**, **рь** между согласными в известных случаях последовательно заменяются написаниями с **ѣ**, **ь** перед плавными или по обе стороны плавных. Само по себе русское живое произношение, которому эти написания соответствовали, не могло дать толчок к такому правописанию: русские писцы, произносившие *слѣза*, *трѣсть*, могли прочесть и *мльчати*, *трѣгъ* вместо своих *мълчати*, *тѣргъ* подобно тому, как они читали *свѣца*, *глава*, потому что вообще не заменяли своими тех южнославянских форм, которые были для них произносимы, и если русские писцы в данном случае отступали от южнославянского правописания и писали последовательно и сознательно согласно с живым русским произношением, то только потому, что этого требовало книжное произношение, а это последнее базировалось не на русском живом произношении, а на усвоенном русскими южнославянском произношении, различавшем слоговые плавные и плавные со следовавшими за ними гласными **ѣ** и **ь**.

Приспособление правописания к местному диалектическому литературному произношению совершалось постепенно, и обыкновенно новое, приспособившееся правописание в течение известного времени боролось с традиционным, пока не вытесняло его окончательно. Так, в сербском и русском правописании были устранены с течением времени буквы **ж** и **ѣж**, потому что и в сербском, и в русском литературных диалектах они читались как *и* и *ѣи* и, следовательно, были для писцов лишь дублетами к буквам **ю** и **ѣю**. На русской почве такое правописание, в котором отсутствие **ж** и **ѣж** являлось уже нормой, возникло еще в XI в.: сташие памятники с таким правописанием — 2-й почерк Арханг. ев. и служебные минеи 1095 и 1096 годов; но окончательное торжество этого правописания — не раньше 2-й половины XII в.; правда, рукописи, употребляющие **ж**, уже в начале XII в. очень редки, в отличие от рукописей XI в., которые почти все употребляют и **ж**, и **ѣж**. Впрочем, в последних безразличное употребление **ж** и **ѣж**, с одной стороны, **ю** и **ѣю** — с другой, или употребление, различающее эти буквы не по этимологическому признаку, преобладает над правописанием, отличающим **ж** и **ѣж** этимологически от **ю** и **ѣю**. У сербов правописание с **ж** и **ѣж** сохраняется дольше, чем у русских, и еще в Мирославовом ев. конца XII в. при обычных **ю** и **ѣю** изредка встречается и **ж**.

Такую же судьбу, как **ж** и **ѣж**, имело в русских рукописях и **ѣ**. Уже в XI в. вырабатывается правописание, вовсе не употребляющее этой бу-

квы и заменившее ее всюду через **ѡ**, с которым **ѡ** совпало по своему звуковому значению. В старославянском правописании, употреблявшем букву **ѡ** и правильно отличавшем ее от буквы **Ѡ**, эта буква писалась в начале слога и после палатальных сонорных; так как палатальность сонорных обозначалась, кроме того, особыми знаками палатальности, то некоторые рукописи в этом положении употребляли не **ѡ**, а **Ѡ**, сохраняя **ѡ** только для положения в начале слога. В зависимости от этого и русские рукописи, заменявшие **ѡ** через **ѡ**, придерживаются двойных орфографических норм. В одних, очень немногих, представителем которых является 2-й почерк Арханг. ев., **ѡ** пишется и в начале слога, и после сонорных; зародыш такого правописания мы видим еще в Остром. ев., на лл. 17—25 и в части, писанной дьяконом Григорием; в других, старшими представителями которых является Чудовская псалтырь и отрывок устава и кондакарь Типографской библиотеки № 142, **ѡ** пишется только в начале слога, а после палатальных сонорных пишется **Ѡ** с обозначением палатальности сонорных особыми значками при согласных буквах. Последнее правописание, только с устранением ставших ненужными значков палатальности, к XIII в. стало общепринятым у русских писцов.

В сербских рукописях к концу XII в. устанавливается правописание без букв **Ѡ** и **ѡ**, замененных всюду буквою **Ѣ**. Этому установлению предшествовал период безразличного употребления букв **Ѡ** и **Ѣ**, следы которого имеются еще в Мирославовом ев. конца XII в.

Совпадение **ѣ** и **ѣ** в большей части южнославянских и чешско-моравских говоров, проникшее и в южнославянские литературные диалекты, вызвало уже в XI в. (ср. Македонский кирилловский листок) появление правописания с одним **ѣ** или с одним **ѣ**.

Дифференциация букв, обозначавших звуки, различавшиеся в первоначальном литературном произношении, но совпавшие в данном литературном диалекте вообще или частично, т. е. только в известных положениях, шла разными путями. Иногда трудно бывает выяснить принципы, положенные в основу такой дифференциации. Так, правописание Синайского Патерика XI в. на месте этимологических **Ѡ** и **Ѡ** после **ш** и **щ** знает только **Ѡ**, а после **ж** и **ч** различает буквы **Ѡ** и **Ѡ** этимологически, согласно традиционному правописанию. По-видимому, принцип, положенный в основу такого различия положения после **ш** и **щ** от положения после **ж** и **ч**, не фонологический, а чисто графиче-

ский, до известной степени аналогичный различению таких пар, как **и** и **ї**, **о** и **ѡ**, **оу** и **Ѹ** и т. п., потому что трудно представить себе, какие звуковые признаки объединяли звуки **ж** и **ѣ** в их отличии от звуков **щ** и **ѣ**. Не останавливаясь на других случаях дифференциации букв по графическим и т. п. признакам, в общем редких в славянском правописании X—XII вв., рассмотрю некоторые случаи дифференциации по признакам фонологическим.

Часть Оstrom. ев., обнимающая листы 17а—25а, и Чудовская Псалтырь XI в. представляют правописание, в котором **ѣ** последовательно пишется в начале слога как на месте старого этимологического **ѣ**, так и вместо старого этимологического **ю**, а буква **ю** в обоих значениях так же последовательно²⁵ — после сонорных согласных; таким образом, в этом правописании **ѣ** передавало сочетание *ji* и *ju*, а **ю** — звук *ï* или *u* после палатальных согласных. Эта черта правописания представляет полную параллель к тому различению букв **ѡ** и **Ѡ**, какое имеется, между прочим, в той же Чудовской псалтыри: в начале слога пишется йотированная буква (**ѣ**, **ѡ**), после палатальных сонорных — нейотированная (**ю**, **Ѡ**).

Благодаря тому, что буквы **ѣ** и **ѡ** в русском литературном произношении читались как *о* и *е*, русские писцы испытывали, как уже говорилось выше, известные затруднения в тех случаях, когда старославянское правописание не могло быть проверено русским живым произношением или где такая проверка давала неверные указания. Эти затруднения в конце концов были ликвидированы в правописании тем, что в подобных случаях санкционированы были как норма написания, согласные с русским живым произношением: **оупованиѣ**, instr. sg. на **-ѣмь**, **-ѡмь** и т. п.: таким образом, буквы **ѣ** и **ѡ** стали писаться в сильном положении только там, где и в русском живом произношении были звуки *ѣ* и *ѡ*. Рукописи, в которых такая ликвидация проведена, уже не дают никаких указаний на отличие книжного произношения звуков, передававшихся буквами **ѣ** и **ѡ**, от живого произношения соответствующих звуков.

Однородную судьбу имела в русском правописании XI и XII в. и буква **ѣ**: в тех случаях, где русское живое произношение не давало ука-

²⁵ Об Оstrom. ев. см. выше. В Чуд. пс. случаи отступления, т. е. написания **ю** в начале слога, а **ѣ** после согласных, хотя бы этимологически правильные, составляют менее 1% всех подобных написаний.

заний на то, надо ли писать **ѣ** или **є**, правописанием были зафиксированы как нормы написания с **є**, кроме неполногласных сочетаний с **лѣ**: **плѣнѣ**, **млѣко** и пр., где сохранено **ѣ**. И в этом случае рукописи, в которых такое правописание уже проведено, не дают указаний на то, сохранялось ли в литературном диалекте произношение **ѣ** как **є** или было заменено произношением его как *e*, согласным с русским живым произношением.

В XII в. в южнорусских говорах произошли крупные звуковые изменения, в результате которых старое этимологическое *e* в новых закрытых слогах перед мягкими стало отличаться от *e* в других положениях и совпало с *ě*. Это изменение было усвоено и галицко-волынским книжным произношением, в котором, очевидно, и раньше **ѣ** читалось как *ě* в согласии с живым произношением. Получившееся расхождение между этим произношением и традиционным правописанием было устранено тем, что правописание было приспособлено к новому произношению, и **ѣ** стало писаться не только там, где писалось и раньше, но и там, где в произношении было *ě* из старого *e*. Эта крупная реформа правописания не была принята за пределами галицко-волинской области; можно думать, что за этими пределами изменение *e* в новых закрытых слогах перед мягкими в *ě* не было усвоено литературным диалектом, оставаясь только чертой живого народного говора. Аналогичным изменениям в южнорусских говорах подверглись в новых закрытых слогах и *e* перед твердыми и *o*, но эти изменения, если даже были усвоены книжным произношением, не вызывали потребности в изменении правописания, потому что не приводили к смешению букв и не создавали новых трудностей для писцов: звуки, получившиеся из *o* и из *e* перед твердыми, они могли передавать только буквами **o** и **є**.

Наиболее крупным изменениям в течение XII и XIII в. на Руси подверглось правописание букв **ѣ** и **ь**. Благодаря совпадению этих звуков в сильном положении со старыми *o* и *e* и выпадению их в слабом положении, звуки **ѣ** и **ь** были совершенно устранены из звуковой системы русских говоров, а потому должны были быть устранены и из литературного произношения, которое лишь в исключительных случаях допускало звуки, отсутствовавшие в звуковой системе местного живого говора. Таким образом, традиционное правописание, различавшее этимологически **ѣ** и **ь** в сильном положении, с одной стороны,

и *о* и *е* — с другой, перестало соответствовать русскому литературному произношению, и при различении букв **ѣ** и **о**, **ь** и **е** писцы должны были руководиться не своим произношением, а известными грамматическими правилами, вроде того, что *о*, *е* беглые и перед *л* и *р*, за которыми следуют согласные, передаются буквами **ѣ** и **ь**, а в остальных случаях пишутся **о** и **е**. Так как и эти правила для писцов представляли затруднения, то в рукописях, писанных там, где *ѣ* и *ь* в сильном положении уже совпали с *о* и *е*, случаи смешения букв **ѣ** и **о**, **ь** и **е** очень часты. Стремление устранить это смешение привело в конце концов к созданию правописания, устранившего вовсе буквы **ѣ** и **ь** из сильного положения и заменившего их в таких случаях буквами **о** и **е**. Раньше всего такое правописание появляется в Галицко-волынской области: старшие галицко-волыньские рукописи с таким правописанием относятся ко 2-й половине XII в.; в других областях оно устанавливается значительно позже: во многих русских рукописях XIII в., даже второй его половины, сохраняется традиционное правописание, различающее **ѣ** и **о**, **ь** и **е** этимологически, хотя и с более или менее многочисленными ошибками, указывающими на отсутствие такого различия в произношении, не только живом, но и книжном; рукописи же с безразличным употреблением **ѣ** и **о**, **ь** и **е** встречаются не только в XIII и XIV, но и в XV в.; между тем, как показывают те же рукописи, звуки *ѣ* и *ь* в сильном положении совпали с *о* и *е* старыми ко второй половине XIII в. уже во всех русских говорах.

Ту же судьбу, что буквы **ѣ** и **ь** в сильном положении, имели в русском правописании те же буквы и в слабом положении, если соответствующие гласные звуки сохранялись в церковном произношении; таким являлось преимущественно **ѣ** в предлогах и приставках, ср. поздние произношения, как **соворѣ**, **совѣтъ**, **вопрѣсѣ**, **востокѣ** и т. п.

Буквы **ѣ** и **ь** в слабом положении в русских говорах в тех случаях, когда соответствующие им звуки выпали не только в живом, но и в книжном произношении, частью стали пропускаться, частью продолжали сохраняться по традиции, причем приобрели новые функции, именно, превратились в знаки твердости и мягкости. Это было вызвано тем, что согласные, за которыми выпал звук *ѣ*, передававшийся буквою **ѣ**, в большинстве случаев (между прочим в конце слова всегда) произносились твердо, согласные, за которыми выпало **ь**, по большей части мягко. Когда за буквами **ѣ** и **ь** окончательно закрепилось значе-

ние знаков твердости и мягкости, сказать трудно. Отсутствие же буквы **ь** еще в XVII в. не являлось показателем твердости.

При оценке показаний *правописания* старинных рукописей для истории живого языка следует иметь в виду, что *строго выдержанное правописание вообще дает ценные указания на особенности говора, на почве которого оно возникло, но никогда не дает непосредственных указаний на говор писца*. Было бы грубой ошибкой из правильного различения безударных *а* и *о* в нынешнем русском правописании делать вывод об окающем произношении русской интеллигенции. Подобным же образом, зная, что безразличное употребление букв **ц** и **ч** является особенностью новгородского *правописания*, мы не можем с полной уверенностью утверждать, что звуки *с* и *щ* совпали в произношении всюду, куда это правописание проникло: культурное влияние Новгорода могло проникнуть и в такие области, где в местном говоре *с* и *щ* различались, но грамотные люди, усвоившие письмо от новгородцев, могли не знать, что **ц** и **ч**—буквы для разных звуков, или считать новгородские произношение и правописание образцовыми.

Указание на личное произношение писцов мы извлекаем из их *ошибок*, т. е. уклонений от принятого ими правописания. Количество таких ошибок зависело прежде всего от грамотности писцов (условие, которое часто недостаточно учитывается исследователями), а также и от той внимательности, с какой писцы воспроизводили начертания своего оригинала. В последнем случае очень внимательный, но недостаточно грамотный или вдумчивый писец мог воспроизводить и те написания оригинала, которые, с точки зрения принятого им правописания, были ошибочными; понятно, что эти ошибки, как перенесенные механически из оригинала, на произношение самого писца не указывают; менее внимательный писец мог делать и такие ошибки, которых в оригинале не было, но которых он не сделал бы, если бы оригинал был другой. Ошибки, выдающие личное произношение писца, могли быть вызваны двумя причинами: или незнанием правописания данного слова или формы, если это правописание в данном случае не опиралось ни на книжное, ни на местное живое произношение, или незнанием книжного (литературного или церковного) произношения. Когда, напр., писцы Острома ев. пишут **гоуѣжъ**, **држгага**, **пригатьъ**, то в этих написаниях сказывается недостаточно твердое знание правописания, потому что писец одинаково читал **ж** и **оу**, **га** и **па**, если же мы

встречаем в каком-нибудь русском памятнике XI в. написание **ХОУЕШИ** вместо **ХОЦЕШИ**, то тут мы имеем дело не с незнанием правописания, потому что писец слово **ХОЦЕШИ** читал иначе, чем **ХОУЕШИ**, а с незнанием того, что **ХОУЕШИ** передает произношение нелитературное. Ошибки против орфографических норм, вызванные незнанием правописания, вообще значительно чаще, чем ошибки, вызванные недостаточно твердым знанием книжного произношения. У недостаточно грамотных писцов число ошибок первого рода могло достигать числа правильных написаний; в таких случаях становится трудным или даже невозможным говорить об орфографических нормах, которыми руководились такие писцы. Но у грамотных писцов и такие ошибки могли быть сравнительно редки, так что правописания, которыми руководились писцы, выделяются вполне ясно. Так, в Мариинском и Остром. ев. число случаев правильной постановки буквы **ж** превышает 90 % всех случаев, где надо было написать эту букву, а в Словах Григория Богослова XI в. достигает 80 %, хотя писцы и в своем книжном произношении, надо думать, читали **ж** и **оу** одинаково как *и*. Следует заметить, что ошибки подобного рода, проистекающие от незнания, какую надо написать букву, возможны только в том случае, если разные буквы в данном правописании вообще (как в примере с употреблением **ж** и **оу**) или при известных условиях (как в случаях употребления букв *а* и *о* в безударных положениях в нынешнем русском письме или букв **ѣ** и **ѣ** в дореформенной орфографии) передают один и тот же звук, точнее одну и ту же фонему, т. е. звуки, не различающиеся этимологически в языке, хотя бы с акустической и физиологической стороны или в восприятии говорящего на другом языке это были звуки различные. Наоборот, в том случае, *если звуки, передаваемые разными буквами, в языке писца этимологически различаются, то этот писец*, если только он знает значение этих букв, т. е. обладает самой минимальной степенью грамотности, *ни в каком случае не может их смешать, как бы близки эти звуки ни были между собою акустически* или в восприятии говорящего на другом языке, и ошибки возможны только в том случае, если писец передает звуки не своей речи. Поэтому совершенно не соответствуют психологии письма предположения ученых, видящих иногда в смешении букв указание на акустическую близость передаваемых ими звуков (см. примеч. 2-е на стр. 644 настоящей статьи). Только на низкой степени грамотности возможно смешение букв в буквенных сочетаниях, полу-

чающих благодаря этому смешению различное звуковое значение. Это может быть в том случае, если буква обозначает не только известный звук, но в известных случаях и звуковое сочетание или известное свойство соседнего звука, обозначаемого другой буквой. Тогда это дополнительное значение буквы может ускользнуть от внимания писца. Так, в современных русских (великорусских) малограмотных письмах и записях можно встретить смешение букв *a* и *я*, *у* и *ю*, *о* и *е* (в значении *ѣ*), *ы* и *и*²⁶ после согласных, а также употребление букв *я*, *ю*, *е* после согласных вместо *ья*, *ью*, *ье*; напр., пишущий пишет *бю* вместо *бью*, *всо*, *идот* вместо *всѣ*, *идѣт*, *всу* вместо *всю* и т. п.²⁷. Подобные написания попадают и в славянских рукописях XII в., но чрезвычайно редко, потому что свойственны только очень малограмотным писцам. Правда, имеется ряд рукописей XI и XII в., как, напр., кирилловская часть Реймского ев., Беседы Кирилла Иерусалимского XI в., Мирославова ев. и др., в которых нередко смешение букв *оу* и *ж* с буквами *ю* и *ѣ*, но это объясняется тем, что эти дублеты могли употребляться безразлично после палатальных согласных: *глаголъж* и *глаголъѣж*, *шюумъ* и *шюумъ*; поэтому буквы *ѣ* и *ю*, являвшиеся в этом положении только дублетами к *ж* и *оу*, легко могли быть отождествлены по значению с последними и перенесены в положение после непалатальных согласных.

Другую категорию ошибок составляли ошибки, вызванные расхождением между книжным и живым произношением. Как указано выше, такое расхождение почти не касалось звуковой системы местных литературных и живых диалектов. В тех случаях, где оно этой системы касалось, оно могло состоять, между прочим, в наличии в живом произношении некоторых звуков, отсутствовавших в литературном произношении, или наоборот, в наличии в литературном произношении та-

²⁶ По большей части, смешение *ы* и *и* мы наблюдаем только там, где в произношении сочетания согласных со звуками *у* и *і* совпали, напр., в записях, сделанных белорусами, после *р*, в записях украинских и после других согласных. Но на низкой степени грамотности такое смешение можно наблюдать и в записях, сделанных великорусами, в говоре которых такого совпадения не произошло, и произношение сочетаний с буквою *ы* отличается не только твердостью согласного звука, но и характером гласного. Очевидно, это последнее различие пишущими не сознается как существенное, т. е. не является фонематическим.

²⁷ Примеры взяты из книги: Н. Дурново и Д. Ушаков, Хрестоматия по великорусской диалектологии (М. 1910), стр. 60—61.

ких звуков, каких не было в живом произношении. Так, в сербских живых говорах были особые согласные (вероятно, краепалатальные \acute{g} , \acute{k}) из общеславянских $*dj$, $*tj$, каких не было в сербском литературном диалекте старославянского языка в XI—XII в., имевшем в соответствующих словах и формах \acute{z} d, \acute{s} t; и в сербских, и в русских живых говорах был звук \acute{e} , которому в литературном произношении и сербском, и русском соответствовало, по-видимому, e ; наконец, \acute{o} и \acute{v} русских и сербских живых говоров в сильном положении отличались от тех o и e , которые произносились в местных литературных диалектах на месте орфографических \acute{o} и \acute{v} . Но слова и формы литературного диалекта, соответствовавшие тем словам и формам живых говоров, в которых слышались эти звуки, произносились с другими звуками, имевшимися в этих говорах; поэтому разница между литературным и живым диалектом в этих случаях ощущалась не как разница в произношении, а как разница в самих словах или формах; напр., слово *свѣшта* или *свѣща* сербский и русский читатели воспринимали не как литературное произношение их слова *свѣћа* или *свѣча*, а как слово литературного языка, соответствующее их вульгарным словам *свѣћа* или *свѣча*. В тех случаях, когда писцы должны были, как в случаях с написанием \acute{c} , \acute{y} и \acute{f} , руководиться не книжным произношением, а своим живым, ошибки от расхождения между живым и книжным произношением частью превращались в ошибки от расхождения между живым произношением и правописанием, не опиравшимся ни на живое, ни на книжное произношение; такие ошибки были не реже, чем ошибки, вызванные несоответствием между книжным произношением и правописанием, рассмотренные выше. Русские писцы XI в., читавшие по-книжному \acute{c} как o , но отличавшие \acute{v} от o в своем живом произношении, делали ошибки, т. е. писали \acute{c} вместо o и наоборот, если их живое произношение расходилось с правописанием; то же самое можно заметить и относительно употребления буквы \acute{f} русскими писцами. Так как подобные ошибки были очень часты, то правописание стремилось ликвидировать получающиеся от этого трудности санкционированием ошибочных написаний в качестве нормы.

Обратное явление, когда в литературном произношении имелись звуки, отсутствовавшие в живом произношении, были реже. Может быть, такой случай представляло новгородское книжное произношение XI и нач. XII в., если в нем различались звуки c и \acute{c} , тогда как в

живом новгородском произношении они совпали в одном звуке. В этом случае писцу легче было написать правильно, чем в том случае, если бы эти звуки не различались и в книжном произношении; поэтому в новгородских рукописях XI и нач. XII в. случаи ошибок против правильного употребления **ц** и **ч**, естественно, должны были быть реже, чем ошибок против правильного употребления **ж** и **оу**. В роскошных новгородских списках Евангелия — Остромировом, Мстиславовом, Юрьевском, Куприяновских отрывках евангелия — случаев смешения **ц** и **ч** вовсе нет, хотя нет достаточных оснований для того, чтобы думать, что они писаны не новгородцами; в менее тщательно писанном списке отрывка церковного устава и кондакаря конца XI в. Типографской б-ки № 142 на 124 листах случаев смешения **ц** и **ч** всего три; много таких случаев в недостаточно грамотно написанных служебных минеях 1095—1097 гг.; возможно, что писцы и в своем книжном произношении не различали *с* и *щ*. Безусловно, выдержать в своем книжном произношении правильное различие звуков *с* и *щ*, раз его не было в звуковой системе живого говора писца, было, конечно, значительно труднее, чем правильно произнести такие старославянские слова, отличавшиеся от русских по произношению, какие заключали звуки, имевшиеся в звуковой системе живого говора писца; т. е. писцу труднее было, напр., в своем произношении и правописании выдержать различие между *ц* и *ч* в каких-нибудь словах вроде **дѣвица** существ. и **дѣвица** прилаг., чем правильно произнести и написать **ци** в **свѣща** или **ра** в **градѣ**. Поэтому уже в Минеях 1095 слл. годов случаи смешения **ц** и **ч** гораздо чаще, чем ошибки в употреблении **ци** и **чи** и неполногласных сочетаний.

Обычно расхождение между живым произношением и правописанием, вернее между живым произношением и произношением книжным, выразившимся в правописании, было расхождением не в звуковой системе, а в употреблении отдельных слов и форм книжного и живого языка. Остановлюсь для иллюстрации на памятниках только русского письма; аналогичные явления представляют и другие славянские памятники того времени. В русском литературном диалекте старославянского языка не принято было, между прочим, употреблять русские слова с полногласием, с **ч**, с начальными **ло-**, **ро-**, **о-**, если им имелись болгарские параллели с неполногласием, с **ци**, с начальными **ла-**, **ра-**, **ѣ-**: русские писали и читали **глава**, **градѣ**, **свѣща**, **лакѣть**, **рабо-**

та, кдинъ, езеро и пр., а не голова, городъ, свѣча, локъть, робота, одинъ, озеро. Только очень немногие слова в русском звуковом виде являлись исключением из этого правила; в большей части русских рукописей XI и XII в. сюда относятся только основа **ѹюж-**, являющаяся в них или только в таком виде или сравнительно часто при болгарском **тоужд-** или **штоужд-**, но некоторые памятники, как Остром. ев. и Чудовская псалтырь, знают только **тоужд-** и **цоужд-**. Остальные подобные слова употребляются последовательно или более или менее часто в русском звуковом виде только в отдельных рукописях; таковы основа **полон-** во 2-м почерке Изборника 1073 г., основа **полов-** в Галицком ев. 1144 г., (только в этом виде), начальное **роз-** в Изборнике 1073 г., Беседах Кирилла Иерусал., Синайском Патерике и др., **лодина** в Типографском ев. № 1, Галицком ев. 1144 г., в Сказании о Борисе и Глебе, **один-** в Синайском Патерике и др. и т. п. Вообще же таких слов сравнительно немного даже в наиболее богатых ими памятниках, как списки русских переводов и оригинальных статей, а из русских списков памятников нерусского происхождения — Синайский Патерик XI в. Такие отдельные слова в русском звуковом виде, поскольку они в тех или других памятниках употребляются последовательно или более или менее часто, нельзя рассматривать как ошибки, вызванные недостаточным знанием старославянского языка; между прочим, главный писец Синайского Патерика, человек достаточно грамотный, правильно различавший **ѡ** и **ѡ** в начале слога и **ѡ** и **ѡ** после **ѹ** и **ж**, не мог не знать или не уметь прочесть старославянские слова, бывшие в его оригинале, и заменить их русскими ненамеренно. За вычетом таких отдельных слов, употребляющихся в тех или других рукописях в русском звуковом виде более или менее часто и, следовательно, до известной степени вошедших в литературный язык, остальные слова русских живых говоров, отличавшиеся от соответствующих слов старославянского языка названными выше звуковыми чертами, в русских рукописях X—XI вв. почти не встречаются.

Рядом со словами в полногласном виде в некоторых русских рукописях XI—XII вв., но исключительно в текстах южнославянского или моравского происхождения, встречаются как бы «антирусизмы» — слова в неполногласном виде, образованном ошибочно от русских полногласных слов. Такой антирусизм представляет слово **планенниѡ** вместо **плѣнениѡ** в Словах Григория Богослова XI в.; то же слово, в форме

планенини, имеется и в Чудовской Псалтири XI в.; здесь неполногласная форма образована от русской полногласной по аналогии с такими параллелями, как **голова** — **глава**, **солома** — **слама**. Сюда же относятся и неполногласные сочетания, не совсем ясные по происхождению, западнославянского типа с **ло** и **ро** вместо русских **оло** и **оро**, южнославянских **лѣ**, **ла**, **ра**; таких примеров много в Синайском Патерике XI в.: **злотъникъ**, **вротгы**, **оврониша сѧ**, **плониша (плѣниша)** и др.; они есть и в других русских рукописях, но в единичных примерах: **сломена** Изборник 1073 г. (= **слѣ**-), **възвручениа** Бес. Кирилла Иерус., **хроминж** Пандекты Антиоха, **проздыньство** Минея 1096 г., **сковродѣ**, **сковродопеуѣци** Ефрем. Кормчая XII в.

Если старославянских параллелей с неполногласием, **ци**, начальными **ла-**, **ра-**, **ѣ-** и т. д. к тем или другим русским словам с полногласием, **ч**, начальными **ло-**, **ро-**, **о-** и т. д. известно не было, то эти русские слова сохранялись и в литературном языке в русском звуковом виде без болгаризации. Таковы прежде всего имена собственные, как **Влаучеславъ**, **Володимеръ**²⁸, **Вьсеволодъ**, **Ростиславъ**, **Новъгородъ**, **Берестово**, **Ростовъ** и др.; сюда же относятся и нарицательные имена и другие слова, встречающиеся в русских переводах и оригинальных статьях и неизвестных писцам в болгарском облике, как **паволока**, **березозолъ**, **волога**, **оторопь**, **берестник** и т. п.

Употребление в русских текстах слов в русском звуковом виде, как таких, которым в старославянском языке не имелось соответствующих дублетов в болгарском звуковом виде, так и таких, к которым подобные дублеты имелись, относится не к правописанию этих текстов, а к их словарю. Поэтому писцы, строго придерживавшиеся тех или других определенных норм правописания, независимо от правописания их оригиналов, могли при списывании разных статей с разным количеством подобных русизмов сохранять их словарные особенности, не болгаризуя слов, встречавшихся в этих статьях в русском звуковом виде, и не придавая русского звукового облика словам болгарским. Так, в Успенском сборнике XII в. в русских по происхождению статьях (Сказание об убиении Бориса и Глеба, Сказание о чудесах Бориса и

²⁸ Это имя на монетах великого князя Владимира Святого носит болгаризованную форму **Владимеръ**, что, по-видимому, объясняется особыми болгарскими связями этого князя. В литературных памятниках XI—XIII вв. и в грамотах это имя встречается только в полногласной форме.

Глеба и житие Феодосия) значительно больше слов в русском звуковом виде, чем в статьях нерусского происхождения, а из русских статей по употреблению таких слов Сказание о чудесах Бориса и Глеба отличается от Сказания об убиении Бориса и Глеба, а последнее — от жития Феодосия, между тем как собственно правописание 1-й части Успенского сборника, где имеются все эти статьи, более или менее одно и то же. Те писцы, которые, списывая старославянский текст, не стремились его русифицировать, могли делать ошибки в *правописании*, выдававшие их произношение, но без особого труда сохраняли, независимо от своей грамотности, словарные особенности оригинала, в том числе и такие слова, которые представляли лишь незначительные отличия в звуковой стороне от однозначных слов их родного говора. Поэтому в некоторых русских рукописях, представляющих списки текстов, восходящих к нерусским протографам, русизмы *такого рода* отсутствуют вовсе или представлены ничтожным количеством примеров. Там же, где такие русизмы имеются, их часто трудно объяснять как ошибки, сделанные писцом по невнимательности (если допустим, что писец прочел не так, как написано, что возможно, если написанное слово отличалось от того, какое вместо него прочел писец, только одной буквой, напр., **одинъ** вм. **ѣдинъ**, **хочеши** вм. **хоцеши** и т. п.), и приходится на них смотреть в известных случаях как на более или менее сознательную попытку русификации языка памятника, что, по-видимому, имеет место в Синайском Патерике, и только в текстах русского происхождения можно их объяснять и тем, что автор или переводчик недостаточно овладели старославянским языком. Те же соображения применимы не только к русским, но и к другим славянским рукописям. Так, рассматривая под углом этих соображений Киевские листки, мы поймем, почему в них, хотя они написаны чехом, нет таких чехизмов, как **дл** вместо южнославянского **л** и т. п.: их нет именно потому, что такого рода чехизмы для писца были особенностями, отличавшими словарь его родного говора от словаря литературного языка, а он не испытывал потребности в чехизации этого словаря.

Остается сказать несколько слов о проникновении морфологических особенностей живого местного говора в местный диалект литературного языка или в его правописание. Остановлюсь только на данных, представляемых памятниками русского письма. Об окончаниях *instr. sg.* на **-ьмь**, **-ьмь** и 3-го л. глаголов на **-тъ** уже говорилось: причи-

ны, вызвавшие проникновение этих окончаний в русский диалект старославянского языка, в значительной степени орфографические. Чисто морфологическими могли быть причины проникновения в этот литературный диалект форм *dat.-loc. sg. тобѣ, совѣ* и падежных окончаний на *-ѣ*, соответствовавших южнославянским падежным окончаниям на *-а*, от основ на палатальные. В первом случае южнославянские формы старославянского языка *тебѣ, себѣ*, читавшиеся русскими с *e: тебе, себе*, совпали в их произношении с формами *gen.-acc. тебе, себе*; стремление отличить их приводило к их замене формами живого говора. Во втором случае, благодаря тому, что *а* после палатальных и *ј* читалось как *а*, получалось совпадение падежных форм *gen. sg.* и *nom.-acc. pl. f.* с формой *nom. sg.*, а *acc. pl. m.* с *gen. sg. m.*, совпадение, противоречившее всей морфологической системе славянского языка. Тем не менее, и те, и другие формы проникли в русский литературный диалект лишь в незначительной степени. Большая часть русских списков с памятников нерусского происхождения вовсе не знает названных падежных форм на *-ѣ* или допускает их лишь в самом незначительном количестве в виде ошибок против нормы; меньшая часть таких списков и списки русских переводов и оригинальных статей хотя и употребляют эти формы более или менее часто, но наряду с формами на *-а*²⁹, по большей части предпочитая последние. Более употребительны в русских рукописях XI и XII вв., в том числе и в списках с текстов нерусского происхождения, формы *dat.-loc. sg. тобѣ, совѣ*, причем частью употребляются наряду с формами *тебѣ, себѣ* (или *тебе, себе*), частью совсем вытеснили последние формы (напр., в Гал. ев. 1144 г.); но в большей части церковных памятников нормой остаются все же южнославянские формы *тебѣ, себѣ* (или *тебе, себе*). Кроме этих форм довольно рано проникают в русский литературный диалект формы *dat. sg.* прилагательных на *-омоу*, согласные с русским живым произношением; позднее, к концу XII в., эти формы почти вытесняют собою первоначальные формы на *-оуоуоу* и *-оумоу*. Неясно, вызвана ли эта замена только влиянием русского живого произношения или также влиянием какого-то южнославянского диалекта, ср. окончание *-омоу* в Пражских отрывках, идущее, очевидно, оттуда же; неясны также и самые причины, вызвавшие вытеснение этим окончанием из ли-

²⁹ Вместо *а* может быть написано и *я*, а после шипящих и *ц* также *а*.

тературного языка окончания **-оумоу**, так как окончание gen. sg. **-аго**, не свойственное ни сербским, ни русским живым говором, держится в южнославянских и русских литературных диалектах упорно и дольше XII в., не заменяясь окончаниями **-ога** и **-ого** живых говоров. Неясно также, какими причинами вызваны изменения в образовании имперфекта в русских рукописях XI и XII вв.

Говоря о литературном или книжном языке и правописании, не надо смешивать с ними язык и правописание приписок нелитературного характера, в которых писцы не заботились о литературности своего языка и мало заботились о грамотности. Здесь поэтому обычны слова и формы, не принятые в литературном языке; таковы, напр., приписка в Остром. ев. со словом **перегънжвъ** и календарные заголовки с gen. sg. основ на палатальные женского рода, как **недѣлѣ**, **моученицѣ**, во многих рукописях XI и XII вв., начиная с Остром. ев.

Еще раз о ст.-сл. *кужь*

Белич в «Јужнословенски филолог» III высказывает предположение, что формы местоименных прилагательных *кужь* в ст.-сл. были преобразованы в формы с *о* перед окончанием не аналогично формам местоименного прилагательного *тожь*, как предполагает М. Фасмер¹, а аналогично формам им. п. ед. ч. ср. рода *које*, поскольку *о* появляется только там, где флексия содержит *е*: *којего*, *којети*, *којеть*, *којеје*, *којејь*, *којејо*; прежде эти падежи, как и остальные падежи этих местоименных прилагательных, были идентичны формам определенных прилагательных; а именно, они имели формы **кајего*, **кујего*, **сѣјеть*, **кујеје*, **сѣјејь*, **којејо*: хотя формы остальных прилагательных с окончанием *-јеје*, *-јејь*, *-јејо* и не имели подтверждения в более ранних ст.-сл. памятниках, однако возможно, что формы с *-је-* предшествовали формам без *-је-*.

Я не могу по этому вопросу согласиться с А. Беличем. Если склонение местоименного прилагательного *кужь* было идентично склонению остальных прилагательных, то по каким причинам эта идентичность была нарушена? Аналогия относительно формы *које* представляется мне неправдоподобной, поскольку подобной аналогии не существует для остальных прилагательных. По моему мнению, проведение аналогии с прилагательным *тожь* также недопустимо, поскольку она не объясняет сохранение форм *кужь*, *каја*, *кујить* и т. д. Я полагаю, что предложенные А. Беличем формы **кајего*, **кујети* и т. д. никогда не существовали. Поскольку местоименное прилагательное *кужь* образуется посредством контаминации местоимений *къ* и *јь*, то первоначально обе его части склоняются по местоименному склонению, как уже справедливо установлено М. Фасмером в его статье. Итак:

¹ Indogermanische Forschungen, 40, S. 139—144 [Фасмер, 1922].

	m. n.	f.	pl.
N.	<i>kъ + jь, ko + je</i>	<i>ka + ja</i>	<i>ci + ji, ky + je, ka + ja</i>
A.	<i>kъ + jь, ko + je</i>	<i>kq + jq</i>	<i>ky + je, ka + ja</i>
G.	<i>kogo + jego</i>	<i>koje + jeje</i>	<i>сѣchъ + jichъ</i>
D.	<i>komu + jemu</i>	<i>koji + jeji</i>	<i>сѣтъ + jитъ</i>
I.	<i>сѣтъ + jитъ</i>	<i>kojq + jejq</i>	<i>сѣти + jити</i>
L.	<i>котъ + jetъ</i>	<i>koji + jeji</i>	<i>сѣchъ + jichъ</i>

Если первая часть этого сложного местоименного прилагательного была двусложной, то второй слог должен быть опущен, и тогда все склонение должно приобрести следующий вид:

	m. n.	f.	pl.
N.	<i>kъjь (куjь), koje</i>	<i>kaja</i>	<i>ciji, kyje, kaja</i>
A.	<i>kъjь (куjь), koje</i>	<i>kojq</i>	<i>kyje, kaja</i>
G.	<i>kojego</i>	<i>kojeje</i>	<i>*сѣjichъ</i>
D.	<i>kojemu</i>	<i>kojeji</i>	<i>*сѣjитъ</i>
I.	<i>*сѣjитъ</i>	<i>kojejq</i>	<i>*сѣjити</i>
L.	<i>kojetъ</i>	<i>kojeji</i>	<i>*сѣjichъ</i>

Можно обнаружить, что только одна форма instr. в sg. и четыре формы для косвенных падежей в pl. не образованы таким образом, как мы здесь предположили теоретически. Все эти формы в начале имеют *ку-* вместо ожидаемого *сѣ-*, поскольку такое начало слова отсутствует во всей парадигме склонения. Помимо такой регулярной замены падежей с *сѣ-* на *ку-*, падежные формы местоименного прилагательного *куjь* во всех остальных формах полностью соответствуют тем, которые были образованы посредством контаминации местоимений *kъ* и *jь*. Поэтому я полагаю, что только те формы, которые начинаются на *сѣ-*, образованы аналогично определенным прилагательным. Также не лишено интереса, что в русских церковных памятниках начиная с XIII века употребляется instr. *кутъ* от местоимения *kъto* вместо *сѣтъ*.

О возникновении обозначений гласных в славянских алфавитах

В IX веке в греческом алфавите имелись следующие обозначения для гласных звуков:

гласный *a* обозначался буквой α ;

гласный *o* обозначался буквами 1. o , 2. ω ;

гласный *u* обозначался комбинацией букв ou ;

гласный *e* имел два обозначения: 1. буквой ϵ и 2. комбинацией букв α ;

гласный *i* имел три обозначения: 1. и 2. буквами ι и η , 3. комбинацией букв ϵi ;

гласный *ii* имел два обозначения: 1. буквой υ и 2. комбинацией букв oi .

Подобно этому в обоих славянских алфавитах, глаголическом и кириллическом, имелась одна буква для гласного *a*, две буквы для *o* и одна комбинация из двух букв для *u*.

Для гласного *i* кириллический алфавит имел только две буквы, идентичные греческим унциальным буквам I и H ; в глаголическом алфавите имелось три буквы, что полностью соответствовало трем греческим обозначениям звука *i*. Поэтому я полагаю, что только глаголическая буква P возникла из греческого ι ; в противоположность этому, по моему мнению, глаголическое X возникло не из греческого ι , как полагает Ягич, а из курсивного η , а глаголическое B возникло из курсивной лигатуры ϵi . В греческом курсивном шрифте IX в. буква η имела написание u^1 . Нижняя часть этой буквы легко могла быть заменена треугольником, а верхняя часть могла принять такую же форму, как у верхней части буквы P . Для ϵi в греческом курсивном шрифте IX в. использовалась лигатура z^2 , важнейшим элементом которой был круг, который также представлен в глаголическом B .

¹ *Gardthausen*. Griech. Palaeogr. 2. Aufl. В. Taf. 5 [Гардтхаузен, 1911—1913].

² Во всех примерах ϵi из рукописей 835—914 гг.

Обоим греческим обозначениям для *й* в славянском алфавите соответствуют также две буквы, а именно кириллические *ѣ* и *ю*, глаголические *ѣ* и *Ѱ*. Кириллическая буква *ю* в древнейших памятниках имела также и другое написание *ѡ*, которое известно нам из некоторых русских рукописей XI и XII вв. (например, Изборник 1073³, Проповеди Григория из Nazianz XI в.⁴, Псалтырь Публичной библиотеки в Петербурге⁵, пандекты Антиоха XI в.⁶ и др.) и из среднеболгарских и сербских памятников XII—XIII в.⁷ Я полагаю, что такое написание, которое идентично греческому *ΟΙ* и отличается только поперечной черточкой, является более древним, чем написание *ю*. Последнее едва ли могло измениться в *ѡ*, в то время как изменение *ѡ* в *ю* под влиянием других йотированных букв совершенно естественно. Вероятно, написание *ю* возникло вместо первоначального *ѡ*, когда в кириллическом шрифте уже имелись йотированные буквы, а именно *ѣ*, *ѵ*, *Ѷ*, *ѷ*.

Происхождение глаголических букв *ѣ* и *Ѱ* неясно. По своему значению глаголическое *ѣ* полностью соответствует кириллическому *ѣ*, а глаголическое *Ѱ* полностью соответствует кириллическому *ю*. Поэтому можно думать, что *ѣ* возникло из греческого *υ*, а *Ѱ* — из греческого *ΟΙ*. Действительно, мы можем рассматривать написание *Ѱ* как стилизованную комбинацию греческих *ι* и *ο*. Обратное расположение обоих элементов в глаголическом *Ѱ* можно сопоставить с обратным написанием глаголических *Ѣ*, *Ѷ*, *Ѹ* (греческие *ε*, *ρ*, *σ*). Однако написание *ѣ*, которое не имеет никакого сходства с греческим *υ*, остается неясным. Возможно, что глаголическое *ѣ* представляет собой лигатуру из глаголических *Ѣ* и *Ѱ*, а глаголическое *Ѱ* представляет собой стилизацию

³ Лавров. Палеогр. обозрение кирилл. письма в Энцикл. Слав. Филологии 4. 1. СПб., 1914, с. 53 [Лавров, 1914]. К сожалению, я сам не смог найти в Изборнике ни одного примера с *ѡ*.

⁴ Будилович. Исслед. языка древнеслав. перевода XIII слов Григория Богослова. СПб., 1871, табл. III [Будилович, 1871].

⁵ Срезневский. Древние памятники юсового письма [Срезневский, 1868], из текста Слуцкой псалтыри [с. 155 сл.].

⁶ Соболевский. Славяно-русская палеография [Соболевский, 1908].

⁷ Лавров. Цит. соч., с. 62, 63, 66, 78, 99, 106, 176, 321; Ильинский. Слепч. Апостол XIX [Ильинский, 1911]; Он же. Грамоты болг. царей 13 и 49 и табл. № 1 (М., 1911. Древности. Тр. Славянской комиссии, т. 5; Кульбакин. Охр. Рукопись Апостола XXXVI [Кульбакин, 1907]; Щепкин. Болонская Псалт., 21 [Щепкин, 1906].

греческого υ ⁸; из этих двух букв для второго компонента брался первый компонент от $\upsilon\upsilon$, поскольку он больше подходит для лигатуры с \mathfrak{z} , чем \mathfrak{p} . Это обстоятельство могло послужить причиной использования буквы \mathfrak{z} , а не \mathfrak{p} , в значении греческого υ .

Греческой букве ϵ соответствует кириллическое ϵ , глаголическое \mathfrak{z} . Для греческого $\alpha\iota$ в славянских шрифтах также должно было быть соответствующее обозначение. Этим обозначением было, очевидно, глаголическое \mathfrak{d} , кириллическое \mathfrak{z} . Ученые, пытавшиеся объяснить происхождение этих букв, неоднократно усматривали в глаголическом \mathfrak{d} комбинацию из глаголического \mathfrak{z} и \mathfrak{t} и в кириллическом \mathfrak{z} какую-то комбинацию с глаголическим \mathfrak{t} ; я полагаю, что они правы, но я не согласен с тем, что эти написания указывают на сходство звука, обозначаемого этими буквами, со звуком a .

Значения букв \mathfrak{o} и \mathfrak{w} в кириллице, \mathfrak{z} и \mathfrak{z} в глаголице являются идентичными, точно так же как значение всех букв для i в обоих алфавитах. Однако буквы \mathfrak{y} и \mathfrak{y} (глаголические \mathfrak{z} и \mathfrak{p}) и буквы ϵ и \mathfrak{z} (глаголические \mathfrak{z} и \mathfrak{d}) в славянских алфавитах дифференцируются по своему значению. Буква \mathfrak{y} (глаголическое \mathfrak{z}) использовалась почти исключительно для греческих υ и $\upsilon\iota$ в греческих словах и как второй компонент $\upsilon\mathfrak{y}$, ср. не только такие написания как **егѹптѣ**, **мѹро** и др., но и **фѹникѣ**, **сѹрофѹникиссанѣи** (Зогр.), **стѹхнемь** (Хил.), **афрѹ** (Чуд. Пс.) и др. Буква \mathfrak{y} (\mathfrak{p}), напротив, использовалась преимущественно в исконно славянских словах. Трудно сказать, было ли связано это различие в употреблении букв \mathfrak{y} и \mathfrak{y} с различием в произношении. В греческих словах славяне произносили υ различным образом: или как i после палатальных согласных (ср. **ѣѹптѣ** и т. п. уже в древнейших памятниках, **ѣ ѹпѣтѣ** в сербских памятниках XII в.), или как u без палатализации предшествующих согласных (ср. **ѣгоѹптѣ** и др., совр. русск. *Акулина* и др.), или как i (ср. **фѹникѣ**, **вѣвилоньскѣ** и др. уже в Зогр.); последний вариант произношения, вероятно, берет свое начало от греческого диалектного произношения υ как i ⁹. Первоначально в исконно сла-

⁸ Если согласиться с той точкой зрения, что глаголическое \mathfrak{y} возникло не из греческого β , а из υ , то следует также допустить, что обе глаголические буквы для υ возникли из $\upsilon\iota$.

⁹ Это произношение, которое в IX в. в греческом было диалектным, на протяжении следующих столетий распространилось почти на все диалекты и на письменный язык.

вянских словах звук, обозначаемый буквой ю, произносился, возможно, как звук *i* после палатальных согласных и после *j* (или *ĭ*). Однако в период, когда писались древнейшие старославянские памятники, южные славяне произносили этот звук как *и*.

На то, что звуковое значение букв ѱ и ю первоначально было одинаковым, указывают памятники, в особенности русские, XI и XII вв., в которых буква ѱ использовалась в значении ю и наоборот. Примеры с ѱ вместо ю в славянских словах мы нашли в некоторых русских рукописях XI и XII вв., которые не путают оѱ и ю и не употребляют ѱ вместо оѱ; так, у первого переписчика Арханг. ев. 1092: **всѱ, мьнѱ** (= **мьниѡ**), или в очень архаичном с точки зрения графики и орфографии Типогр. ев. № 1 первой половины XII в., где очень часты примеры типа **сѱлѱ 18, по морѱ 28, въ ладнѱцѱ 66** и др. Написания с ю вместо ѱ в греческих словах (для обозначения греческих *υ* и *οι*) находим в русских рукописях XI и XII вв. несколько чаще, например, у второго переписчика Арханг. ев.: **сюрнискими**, в Типогр. Кондакаре XI в.: **панюхидѣ, мюрѣмь** и др., в рукописях XII в.: **егюптѣ, кюрникѣ** и др.

Славянские буквы **Ѣ** (глаголическое **Э**) и **Ѥ** (глаголическое **Δ**) обозначали два совершенно различных звука, но только в исконно славянских словах. В греческих словах греческое **ε** транскрибировалось с помощью **Ѣ**, а греческое **αι** не только с помощью **Ѣ**, но также и с помощью **Ѥ** (за исключением начала слова) почти во всех древнейших памятниках: **прѣторѣ, ноудѣи, Галиѣа** и др.

Глаголические буквы для так называемых назальных гласных — **Ѧ** и **ѧ** — это чистые лигатуры глаголических *o* и *e* с буквой **Ѣ**, где оба элемента сохранились в совершенно неизменном виде. Очевидно, что буква **Ѣ** первоначально обозначала назальный согласный, который соответствовал греческому **γ** перед **γ, κ, χ**. В этом первоначальном значении он известен нам из Синайской псалтыри в слове **†ѢѦЭѦѦ** (6 раз). Поэтому можно допустить, что он возник не из греческих курсивных *v* или *ev*, а скорее из греческой **γ** перед **γ, κ, χ**. Впрочем, его форма не похожа ни на греческую **γ** (или глаголическое **Ѧ**), ни на греческое *v* (или глаголическое **ѧ**), что, однако, не противоречит гипотезе, что ее возникновение связано с существованием особого обозначения для назальных согласных перед велярными в греческом шрифте. То обстоятельство, что составитель глаголического алфавита для обозначения назального элемента так называемых назальных гласных нуждался не

в буквах *м* (Ѣ) и *н* (Ѧ), а в букве *ѣ*, и что буквы *ѡ* и *ѣ* с этим *ѣ* образовывали лигатуру, было обусловлено произношением гласных *o* и *e* в тот период создания глаголического алфавита. Помимо этих букв, древнейший глаголический алфавит не знал никаких лигатур; единственная лигатура *Ѡ* первоначально должна была обозначать комбинацию звуков, в которой второй компонент в остальных случаях не был идентичен *t* (возможно, он произносился как палатальный звук *t'* или как *č*)¹⁰. Кириллические *Ѧ* и *ѧ* возникли, очевидно, из глаголического *ѣ* (и *ѡ*).

Новыми обозначениями гласных, не имевшими аналога в греческом алфавите, стали только глаголические *ѡ*, *ѣ*, кириллические *ѡ*, *ѣ* и комбинации букв: глаголические *ѡѦ* (*ѡѧ*), кириллическое *ѡѣ*. Каринский¹¹ допускает, что написание *ѡѣ* (*ѡѦ* и др.) в славянских алфавитах указывает на неславянское произношение составителя алфавита, который вместо *u* произносил дифтонг *ui*. Такая гипотеза вполне правдоподобна. Хотя в жизнеописании святого Мефодия говорится, что все жители Солуна хорошо говорили по-славянски, представляется маловероятным, что тамошние греки говорили по-славянски совершенно безупречно¹². Но это необязательно. Составитель алфавита был очень хорошо знаком с принципом обозначения простых звуков с помощью комбинаций двух букв, и он применил на деле этот принцип при написании *оу*. Поэтому он мог воспользоваться им также и для обозначения простых *у*-звуков.

¹⁰ По моему мнению, лигатура *Ѡ* лучше всего может быть объяснена как *Ш + ѡ*; аналогично кириллическое *Ѡ* могло возникнуть также посредством комбинации *ш* с угловатым вариантом кириллического *ѡ* (см. *Лавров*, Палеогр. обозрение кирилл. письма 114, строка 2, 3, 5 и т. д. [Лавров, 1914]).

¹¹ Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Ленингр. 1925, с. 13.

¹² *селоуѡнѡне вьси чисто словѣньскы вьсѣдоуѡуть*.—Сборник Московского Успенскаго Собора (XII в.). М., 1899, с. 153 (рук., сл. 105 b).

Старославянское *прѣгыни* (*прѣгыниа*)¹

Слово *прѣгыни* или *прѣгыниа* неоднократно привлекало внимание ученых. Миклошич в своем Словаре² цитирует это слово из жития Кона Исаврийского в Супрасльской рукописи, из сербского собрания проповедей Михановича XIII в. и из одного списка Хроники Георгия Амартола, а также прилагательное «прѣгыньнъ» из жития монаха Власия по изданию в Исторической Хрестоматии Буслаева [Буслаев 1861], однако он не приводит этимологию и значение слова, довольствуясь словами «sensus dubius». Позднее Срезневский³ на основании тех же памятников (без Супрасльской рукописи и собрания Михановича) с добавлением только одной цитаты из жития Авксентия определяет значение слова *прѣгыниа* как «труднопроходимое место», снабжая, впрочем, это объяснение знаком вопроса, а значение слова *прѣгыньнъ* как «непроходимый» уже без знака вопроса. Погодин⁴ и Видеман⁵ сопоставляли это слово с готским *fairguni* «гора», Лескин⁶ и Крыньский⁷ высказывали предположение, что оно образовалось в праславянском языке из существующих в этом языке элементов: **per-gyb-nja*. Лескин высказывает сомнение в том, что слово *прѣгыни* в старославянском имело значение «гора», а Крыньский на основании этимологических выводов и контекста, в котором это слово встречалось в Супрасльской рукописи, определяет его значение как «гористая, недоступная местность».

¹ Эта статья, посвященная проф. И. Бодуэну де Куртенэ, была предназначена для посвященного ему выпуска «Prac lingwistycznych», однако работа над статьей затянулась и она не была там опубликована.

² Miklosich. Lexicon palaeo-slovenico-graeco-latinum [Миклошич, 1862—1865].

³ Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1902. Слова «перегыниа» и «прѣгыньнъ».

⁴ Погодин. Р. Ф. В., т. XXXII, 1894, с. 123—124 [Погодин, 1894].

⁵ Bezzenberger. Beiträge. 1904, t. 28, S. 9.

⁶ Indogermanische Forschungen XXI, 1907, S. 197—200 [Лескин, 1907].

⁷ Prace Filologiczne VII, 1909 [Крыньский, 1909].

В этой заметке я не буду останавливаться на этимологии слова и на вопросе, звучало ли оно в старославянском *прѣгыни* или *прѣгыниа*, я только приведу данные, которые до сих пор не принимались во внимание, но которые могут помочь прояснить значение этого слова.

Помимо приведенных Крыньским примеров из польских памятников, где слово *przeginia* встречается как название местности или герба, откуда невозможно извлечь никаких сведений о значении слова, *прѣгыни* или *прѣгыниа* известны нам только из переводных памятников — жития Конона Исаврийского, Хроники Амартола и т. п.; прилагательное *прѣгыньнъ* встречается в переведенном с греческого житии монаха Власия. К сожалению, пишущим о значении этого слова не были известны греческие оригиналы житий Конона и Власия, а греческого оригинала Хроники Амартола недостаточно для прояснения значения этого слова.

Мне удалось обнаружить греческий текст той редакции жития Конона Исаврийского, которая явилась источником славянского перевода, а также установить (если я не ошибаюсь) наличие слова *прѣгыни* в другом переводном памятнике — в повести об Акире Премудром.

В греческом житии Конона предложение, в котором в славянском переводе есть это слово, звучит следующим образом: «ἔστί δὲ τόπος ἐν ἀγρίοις καὶ ἀνυπερβάτοις ὄρεσι κείμενος». В Супрасльской рукописи это место переведено словами: «ѣсть же въ прѣгыньхъ мѣсто то ѡ въ непрѣходъньихъ горахъ». Таким образом, славянский переводчик отождествлял свое «въ прѣгыньхъ» или с греческим «ἐν ἀγρίοις» без определяемого слова, т. е. употребил это слово в значении: в дикой, нецивилизованной местности, не приспособленной для человека, т. е. не заселенной людьми, или с греческим «ἐν ἀγρίοις ὄρεσι» — «в диких, незаселенных горахъ». При этом слово «прѣгыни» переводчик не отождествлял с точки зрения значения ни со словом «ὄρος» без определения, ни с группой «ἀνυπερβάτος ὄρος».

В славянском переводе повести об Акире слово «прѣгыни» искажено во всех копиях, где оно не было опущено. Наименее искажено оно в русском списке Соловецкого монастыря (Сол.), где мы читаем такое изречение Акира: «ча^{до} древо с плод^м ѡ брегыне^{го} с твердостью ѡко въ красѣ^н пребывает^т»⁸. Здесь в слове «брегыне^{го}» начальное «п» вместо

⁸ Н. Дурново. Материалы и исследования по старинной литературе. I. К истории повести об Акире. М., 1916.

написанного «б» очень легко реконструировать на основании русских списков «Общества Истории и Древностей Российских» XV в. (О.) и Хлудовской библиотеки конца XVII в. (Х.), а также южнославянских списков — Филиппопольского (Ф.) и Софийского (С.) XVI в.⁹, где вместо этого слова находим различные бессмысленные слова, начинающиеся одинаково с «прѣ-» или «пре-»: «прегнее» О., «прегни е^{мъ}» Х., «прѣведи» Ф., «приведи» С. В остальных списках это изречение опущено целиком. Списки О. и Х. сохранили не только начало слова, но и согласные «г» и «н». В Сол., вероятно, «б» появилось вследствие неверной этимологии. Конечное «го» — с моей точки зрения — появилось вместо буквы «ю», которая стоит в оригинале. В общем оригинале О., Х., Сол. была — как я допускаю — форма творительного падежа «прегинею», а эта форма заменила более старую форму именительного падежа ед. ч. под влиянием последующего творительного падежа «съ твердостію» (ср. выше творительный падеж «съ плодомъ»). Конечное «и» в словах «прѣведи» и «приведи» в южнославянских списках можно считать следом конечного «и» в именительном падеже ед. ч. «прѣгыни». Допуская это, я по меньшей мере не отклоняю этимологии Лескина, которая хотя и безупречна, однако не доказана. Согласно этой этимологии, в праславянском языке это слово оканчивалось на *-ña*, а не на *-ni*. Мне кажется, что в старославянском языке, когда перестала ощущаться связь этого слова с другими словами, имеющими основу *gyb-*, конечное «-ня» легко могло быть заменено на «-ни» по аналогии с другими словами на «-гыни». Сентенцию, соответствующую этой сентенции славянского перевода повести об Акире, где мы встречаем слово «прѣгыни», мы встречаем в сирийских и армянских текстах книги Ахикара Мудрого. Не зная арамейского и армянского языка, я могу судить об этих текстах только из русских переводов, приведенных в трудах А. Д. Григорьева. В переводе сирийского текста соответствующее изречение (собственно, его половина) звучит так: «Сын мой. Подобно тому, как дерево красиво своими ветвями и плодами и *лесистая гора* своими деревьями...», в армянском: «Сын, как дерево радостно видеть из-за его плода и веток, и *горы лесисты* кедрами...». В связи с этим, если переводы сирийского и армянского текстов, приведенные у Гри-

⁹ А. Д. Григорьевъ. Повесть об Акире Премудром. М., 1913.

горьева¹⁰, точны, то славянский переводчик повести об Акире употребил слово «прѣгыни» в значении «лесистая гора».

В Хронике Амартола слова «по перегинѣ люти» выступают как перевод слов «διὰ γῆς δυσβάτου» и «въ перегыни Острыя горы» — «ἐν τῷ ὄρει τῆς Ὀξιάς».

Из приведенных примеров можно сделать вывод, что слово «прѣгыни» означало какое-то свойство горной окрестности, однако это слово не было идентично слову «гора»; возможны значения: «скала», «обрыв», «крутой склон», «расщелина скалы» и т. п. Оно означало нечто такое, что может быть снабжено определением «непроходимый», однако само по себе оно не имело значения «гористая, непроходимая местность», и потому слова «ἐν... ἀνυπερβάτοις ὄρεσι» в житии Конона не переводятся этим словом. О горной местности идет речь также и в тех местах жития монаха Власия, где мы встречаем слово «прѣгыньнь»: «Видя же отвсюдоу поустыню бе стезя и непроходимоу, горахъ бо прилежахъ высокыхъ и мѣстѣхъ прегыньныхъ, трепеть творяще...» «Тоя поустыня прегыньное непреходное въскорѣ проиде». И здесь вряд ли можно понимать «прѣгыньнь» как «непроходимый», — поскольку в таком случае в обоих приведенных предложениях мы бы получили тавтологию. Очевидно, что «прѣгыньнь» следует понимать как имеющий (возможно, какую-то точно определенную) связь с горной местностью — «скалистый», «крутой», «полный расщелин» и т. п.

¹⁰ Сам Григорьев не знает ни арамейского, ни армянского и в своей работе не говорит, кому принадлежат опубликованные им переводы.

К вопросу о старославянском языке

Вопрос о месте происхождения старославянского языка в настоящее время можно считать решенным. Вряд ли кто-либо из славистов усомнится сегодня в том, что Константин Философ взял за основу языка своих славянских переводов диалект славян, проживавших в Салониках, и что он составил славянский алфавит исходя из этого диалекта. Тем не менее, вопрос о сущности и природе старославянского остается неясным. Кажется, все единодушно считают старославянский литературным языком, начало которому положили Кирилл и Мефодий, причем имеется в виду тот период развития языка, который представлен наиболее древними текстами на церковнославянском, относящимися к концу X и XI в. Но эти тексты не являются абсолютно однородными в языковом плане, и проблема состоит в том, чтобы понять, в каких из них (и до какой степени) представлен собственно старославянский язык. Исходя из положения о том, что этот последний являлся по сути одним из диалектов староболгарского, некоторые ученые исключают из числа старославянских те тексты, орфография которых указывает на то, что они были переписаны не болгарскими. Другие же считают возможным рассматривать и эти тексты наравне с другими, отмечая, что встречающиеся в них неболгарские черты без труда могут быть выявлены. Подобная концепция кажется мне некорректной, и если тот или иной текст относится к числу старославянских, вопрос о национальности его переписчика, по-моему, не имеет большого значения. Как правило, зона использования того или иного литературного языка не совпадает с территорией, на которой распространено наречие или живой язык, послуживший основой для создания данного литературного языка. В X—XI веках литературным языком, использовавшимся не только на Балканском полуострове, но и в Моравии и России, был старославянский, и исключение того или иного текста из числа старославянских на том основании, что он написан за предела-

ми Балканского полуострова, настолько же необоснованно, как, например, исключение Гоголя из числа русских писателей из-за того, что народной основой русского литературного языка является московский диалект, Гоголь же был украинцем и пересыпал свой язык «неуместными» украинизмами. Придерживаясь данного критерия, можно исключить из числа старославянских даже тексты на восточноболгарском, поскольку они, несомненно, были написаны в регионе, где говорили на диалектах, заметно отличавшихся от диалекта Салоник. Чтобы определить, что, собственно говоря, относится к старославянскому, а что нет, следует прежде всего обратиться к тем правилам, которым следовали сами писавшие на этом языке в X—XI веках: именно эти нормы и суть старославянские. Так, если в Зографском евангелии встречаются случаи смешения *ъ* и *ь* между собой или с *о* и *е*, или *ж* и *л* с *оу* и *е*, или случаи пропуска слабых *ъ* и *ь*, понятно, что речь идет о простых ошибках, простых отклонениях от правил, признаваемых самим писцом; следовательно, эти явления не являются характерными для старославянского как литературного языка, нормы которого старались соблюдать переписчики Зограф. Ясно, что к этому языку не относятся и обнаруженные в Зограф. случаи сохранения *ј* или пропуска вставного *л'* после губного. Таким же образом, например, тот факт, что переписчики Остромирова евангелия стремятся употреблять *ж* и *л*, *жд* и *шт* или *ц* точно как в болгарском, указывает на то, что встречающиеся в Острф. случаи смешения *ж* с *оу*, *л* с *ш*, *л* с *а* после шипящих и *ц*, *жд* с *ж* и *ц* с *ч* с точки зрения правильного литературного языка, на котором написано Острф., являются отклонением от нормы. Но употребление *ц* и *з* на месте общеслав. *tj*, *dj*; *шч* на месте общеслав. *stj*, *skj* и *-ъмь*, *-ъмь* в твор. ед. м. в Киевском Миссале или *шт* на месте общеслав. *tj*, *stj*, *skj*; *жд* на месте общеслав. *dj*, *zdj*, *zgj* и *-омь*, *-емь* в твор. ед. м. в текстах болгарской редакции или *-ъмь*, *-ъмь* в твор. ед. м. и *-тъ* в 3-м лице глаголов в текстах русской редакции — употребление, носящее в рассматриваемых документах абсолютно последовательный характер, очевидно, относится к нормам местных вариантов старославянского, и у нас нет достаточных оснований для того, чтобы считать старославянским лишь один из этих вариантов, а другие — отклонениями от правильного старославянского. Сохранение *ј* и отсутствие вставного *л'* после губных также были нормальны, то есть правильны, для писцов или авторов значительной части отрывков, из которых состоит Супрасльская

рукопись. С точки зрения переписчиков *Остр.* и других русских текстов XI века, нормам правильного старославянского противоречила лишь передача общеслав. слоговых *r* и *l* с помощью написания, в котором *ъ*, *ь* стоят перед плавным или с обеих сторон от него. Следуя данной концепции старославянского, приходится признать, что существовало несколько вариантов или литературных диалектов этого языка, которые не следует путать с живыми славянскими языками и диалектами, отразившимися в орфографии текстов в виде имеющих несистемный характер ошибок и исключений из принятых правил. Можно предположить, что литературными диалектами старославянского были: западный, или чешский, диалект, представленный Киевским Миссалом, и болгарский диалект, представленный остальными текстами и, в свою очередь, имеющий несколько вариантов — македонский, восточноболгарский и русский диалекты; эти литературные диалекты старославянского не были тождественны живым наречиям, служившим для них основой: чешский диалект старославянского заимствовал из живых говоров чешского языка *ц* и *з* на месте общеслав. *tj*, *dj* и *-ъмь*, *-ьмь* в твор. ед. м., но сохранил, в отличие от живых чешских говоров, южнославянский мягкий *л* на месте *j* после губного, южнославянский *л* на месте общеслав. *dl*, *tl*, начальный *т* на месте западнославянского *с* в слове *тоузімь* и т. д.; в македонском диалекте, как правило, сохраняются *ж*, *ъ* и *ь* в качестве обозначений для особых гласных, хотя, как показывают многочисленные ошибки в македонских текстах, в живых македонских говорах XI века старославянскому *ж* соответствовал *и*, а старые *ъ* и *ь* в сильной позиции либо совпали, либо превратились в *о* и *е*, а в слабой позиции в большинстве случаев исчезли; в русском литературном диалекте, представленном древними текстами, из характерных черт русского языка, чуждых болгарским и македонским говорам, имелись только *-ъмь*, *-ьмь* в твор. ед. м. и *ть* в 3-м лице глаголов, позднее также *ж* на месте общеслав. *dj*, но в нем продолжали правильно употребляться *ж* и *ѣ*, *џ* на месте общеслав. *tj* и т. д., хотя, как показывают многочисленные ошибки, допущенные уже в самых ранних текстах, в живом русском языке старославянским *ж*, *ѣ* и *џ* на месте *tj* были противопоставлены, соответственно, *и*, *а* после мягких и *ѣ*.

Как всякий литературный язык, старославянский эволюционировал. В том, что касается фонетики, деназализация так называемых носовых согласных и утрата слабых еров повсеместно, где был в ходу ста-

рославянский, совпадение *ъ* и *ь* между собой в некоторых диалектах и с другими гласными в остальных диалектах и все аналогичные изменения, происшедшие в фонетической структуре славянских языков, повлекли за собой соответствующие изменения в самом старославянском: *ж* и *л* вышли из употребления или перестали обозначать особые носовые гласные, *ъ* и *ь* в слабой позиции либо перестали употребляться на письме, либо стали обозначать просто конец слова или слога, как позднее в русских письменных памятниках — твердость или мягкость согласных, в то время как в сильной позиции они либо переставали различаться, либо замещались другими гласными. С того момента, когда все эти изменения стали в старославянской орфографии правилами, язык текстов на церковнославянском стал с точки зрения фонетики настолько отличаться от старославянского раннего периода, что было бы неверно оставлять ему прежнее название, и лучше было бы называть его средним церковнославянским, чтобы отличать его от нового церковнославянского более позднего времени. В среднем церковнославянском различные диалекты — сербский, македонский, восточноболгарский, русский — были отражены с большей определенностью и различались между собой сильнее, чем в старославянском; так продолжалось вплоть до эпохи Евфимия Тырновского, Константина Костенечского и Киприана Киевского, когда была предпринята попытка унификации церковнославянского. Но эта унификация была осуществлена позднее, в новом церковнославянском, когда сначала православные болгары и сербы, а затем и исповедующие католицизм хорваты стали использовать в литургии русскую редакцию нового церковнославянского языка.

Чтобы судить о происхождении и составе старославянского, а также об истории живых славянских языков, очень важно реконструировать живой говор, использованный Кириллом и Мефодием как основа для создаваемого ими языка. Но данная реконструкция наталкивается на ряд трудностей. Время деятельности Кирилла и Мефодия (855—885) от времени составления древнейших рукописей, содержащих тексты их переводов, по-видимому, отделяет не менее столетия. За это время нормы старославянского должны были значительно измениться вследствие того, что нормы, выработанные на основе диалекта Салоник, оказывались неприемлемыми на чешско-моравской почве, а нормы чешско-моравского варианта старославянского оказывались непригод-

ными для использования на болгарской территории. У нас не больше оснований считать, что первоначальные правила языка Кирилла и Мефодия были тождественны правилам древнейших южнославянских текстов, чем усматривать эти правила в орфографии древнейшего чешского текста — Киевского Миссала. Кроме того, непонятно, можно ли вообще говорить о языке Кирилла и Мефодия как о едином целом. Тот факт, что Кирилл, начав переводить еще в Салониках, переводил на язык славян Македонии, не позволяет нам быть уверенными в том, что он и Мефодий продолжали строго придерживаться этого диалекта, оказавшись в Моравии (даже если бы это было просто сделать как с фонетической, так и с грамматической точки зрения), а также в том, что они не могли привнести в свои переводы, помимо лексических моравизмов, моравизмы фонетические и грамматические, не попавшие впоследствии в болгарские и македонские тексты. Безусловно, в языке, по крайней мере, первых переводов Кирилла, выполненных в Салониках, рефлексy общеславянских сочетаний *tj* и *dj* еще не имели вид *s* и *z*, как в Киевском Миссале, но имели ли они вид *št'* и *žd'*, как в древнейших южнославянских письменных памятниках? Если, действительно, в чешском варианте старославянского в течение ста лет, следовавших за появлением славянской письменной литературы, существовавшие в языке Кирилла и Мефодия обозначения для рефлексов общеслав. *tj* и *dj* систематически замещались соответствующими чешскими обозначениями, то аналогичная замена могла иметь место и в болгарском варианте старославянского, засвидетельствованном рукописями, также, по крайней мере, на столетие отстоящими от эпохи Кирилла и Мефодия, в случае, если в языке последних соответствующими обозначениями были не *št'* и *žd'*. Как правило, ученые признают, что употребление буквенных сочетаний *шт*, *жд* на месте общеслав. *tj*, *dj* в древнейших текстах болгарской редакции соответствует произношению, существовавшему в славянском говоре Салоник во времена Кирилла и Мефодия. Но в настоящее время в славянских говорах в окрестностях Салоник в качестве рефлексов общеслав. *tj*, *dj* выступают не только *št'*, *žd'*, но и *k'*, *g'* или *h*, *ḥ*; какие из них следует признать первичными для говоров Салоник, остается неясным. Таким образом, орфография сохранившихся старославянских текстов не позволяет с абсолютной точностью реконструировать фонетические особенности языка Кирилла и Мефодия.

Рассуждая о старославянском эпохи, предшествовавшей редактированию наиболее древних сохранившихся старославянских текстов, обычно недостаточно принимают в расчет данные, содержащие наиболее древние свидетельства относительно первоначального славянского алфавита. Это следующие свидетельства: 1) глаголическая система обозначения чисел; 2) сочинение Храбра; 3) древнейшие версифицированные алфавитные молитвы в форме акростиха; 4) древнейшие славянские абecedарии. В глаголической системе числовых обозначений особого внимания заслуживает место, которое занимает буква *ѡ*, сразу после *ѱ* и перед *Ѣ*, *Ѥ*, *Ѧ* и т. д.; это говорит том, что буква *ѡ*, очевидно, была в алфавите с самого начала и, скорее всего, не представляла собой лигатуру. В сочинении Храбра есть упоминание о количестве букв в первоначальном алфавите — 38, — что дает возможность, используя данные древних акростихов и абecedариев, с точностью определить состав первоначального славянского алфавита; кроме того, в том же сочинении Храбра есть список всех букв славянского алфавита без греческого эквивалента, которые могли стоять в начале славянских слов; и наконец, в одном из древних текстов, содержащих сочинение Храбра, а именно в тексте Московской Богословской Академии, имеется полный список славянских букв, как заимствованных из греческого алфавита, так и новых; правда, этот список, по всей видимости, не восходит к изначальному тексту Храбра, но, тем не менее, и он очень древен. Написанные в форме акростиха два наиболее древних азбучных стихотворения, изданные Соболевским (Материалы и исследования) [Соболевский, 1910], дают точные указания относительно состава и порядка букв в славянском глаголическом алфавите конца IX или начала X в.; этот алфавит содержал всего 36 букв — на две буквы меньше, чем у Храбра, поскольку последний ввел в число букв славянского алфавита «двойные гласные», то есть комбинации из двух букв, служащие для передачи одного гласного звука, которые отсутствовали в алфавите акростихов; этими двойными гласными в славянской письменности были *ou* и *yl*. Анализ акростихов позволяет сделать ряд интересных наблюдений, касающихся не только состава первоначального славянского алфавита, но и фонетического значения его букв; эти наблюдения отчасти противоречат традиционным представлениям. Древнейшие абecedарии, один из которых, так называемый *Abecenarium bulgaricum* XI или XII века, неоднократно издавался (ЭСЛФ. 3, табл. VII,

№ 16 [Энциклопедия, 1911]), а другой, по-видимому, начала XI века, еще не опубликован (ср. ЭСЛФ. 3, с. 137 [Энциклопедия, 1911]), содержат первоначальные алфавиты; первый — только глаголический, второй — кириллический и глаголический, с некоторыми различиями: в первом пропущено несколько букв, которые не употребляются в некоторых древнейших текстах, а во втором некоторые буквы имеют необычные начертания, а также, по-видимому, имеются буквы, не фигурировавшие в первоначальном алфавите. Данные, которые предоставляют эти абecedарии, имеют огромное значение и существенно дополняют сведения, почерпнутые из древних акростихов.

Р Е Ц Е Н З И И

Рецензии, вошедшие в данный раздел, были впервые опубликованы в следующих изданиях:

Архангельское Евангелие 1092 года, издание Румянцевского музея. М., 1912 // Известия Отделения русского языка и словесности Санкт-Петербургской АН. 1913. Т. XVIII, кн. 2, с. 348—352.

Ст. М. К у л ь б а к и н. Палеографска и језичка испитаванья о Мирославльевом јеван ељу // Slavia. 1927. Roč. V, seš. 3, с. 563—571.

С. П. О б н о р с к и й. Именное склонение в русском языке // Slavia. 1930. Roč. IX, seš. 2, с. 358—369.

В. М. И с т р и н. Книгы времьныга и шбразныга Геургина мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе // Slavia. 1930. Roč. IX, seš. 4, с. 801—815.

Архангельское Евангелие 1092 года. Издание Румянцевского Музея. Москва 1912.

Настоящее издание выпущено Московским Публичным и Румянцевским музеями по случаю 50-летнего юбилея музеев и представляет попытку воспроизвести подлинник с такой точностью, чтобы по внешности его трудно было отличить от оригинала. Для этой цели издатели воспользовались новым способом трехцветного фотоцинкографического печатания, по словам редактора издания, «еще не применявшимся нигде для таких целей». Этот способ замечательно удачно передает все оттенки цветов, встречающиеся в рукописи, притом как цвета чернил, так и цвета пергамена, досок переплета и т. д., давая полную иллюзию подлинника. Сходство издания с подлинником не ограничивается только этим. Самая бумага, на которой напечатано Евангелие, сделана приблизительно такой же по толщине, как и пергамен подлинника¹, и даже на ощупь несколько напоминает пергамен, но является более гладкой и ровной, чем пергамен подлинного Архангельского Евангелия.

В издании воспроизведен в точности обрез листов и все дырки на пергамене, даже мелкие дырки, проточенные червями. Наконец, переплет сделан такой же, с такими же ременными и веревочными сшивками, обрывками ременных застежек и т. п.; доски переплета — такой же толщины, но в подлиннике они деревянные, ничем не обтянутые, а здесь, ввиду невозможности печатать прямо на дереве, оклеены бумагой, на которой в точности воспроизведен внешний вид этих досок. Таким образом, если не на ощупь, то на глаз, настоящее издание должно представлять почти идеально точную копию подлинника.

¹ Для этого склеивались после отпечатания по 2 листа вместе.

При всем том издание страдает некоторыми недостатками. На экземпляре, принадлежащем Харьковскому Университету², есть страницы, воспроизводящие внешность подлинника в совершенстве, но некоторые страницы вышли менее отчетливо, чем в подлиннике; так, в записи Мички на л. 174 об.—175 я не мог разобрать некоторых слов, которые я разобрал в подлиннике, и т. д.; впрочем, можно заметить, что недочетов такого рода сравнительно немного и они неизбежны при фотографических снимках с рукописей. Но в настоящем издании имеется еще один недостаток, который, как мне кажется, можно было бы устранить при более тщательном и более умелом отношении к делу: при трехцветном печатании для каждой краски приходится готовить особое клише, и, таким образом, каждую страницу издания надо было печатать с трех клише, но эти клише не всегда совпадали; поэтому на многих страницах получились желтые или коричневые булвы с розовой или лиловой тенью около них, чего нет в подлиннике и что иногда очень рябит в глазах и производит впечатление дешевых хромолитографий³. Впрочем, этот недостаток не может помешать составить и по изданию довольно ясное понятие о внешнем виде и о палеографических особенностях Архангельского евангелия.

К изданию приложена небольшая, очень изящно изданная брошюрка в 8 страниц, почему-то не перенумерованных, содержащая предисловие к изданию. Здесь говорится об Архангельском евангелии и его научном значении и излагается история настоящего издания. Можно пожалеть, что составление предисловия не было поручено издателями специалисту в области славянской филологии; это избавило бы брошюру от 10 опечаток в 16 словах, напечатанных в ней церковнославянским шрифтом⁴, от таких выражений, как «фонетические требования языка и правописания» или «языкъ.., не имеющий в правописании» таких-то «особенностей» и т. п., от замечания, что «язык Архангельского евангелия русский», от противоречивых утверждений на одной странице,— что А. Е. «относится к числу древнейших славянских

² Способ трехцветного печатания делает возможными некоторые различия между экземплярами; поэтому по одному экземпляру я не решился бы судить об остальных.

³ Напр., в харьковском экземпляре лл.: 6, 25, 34, 54, 58 об., 94, 96, 100 об. и др.

⁴ проститѣ, мѣе, грѣшьнааго, рекъше, мнѹька, кошьа, въ лѣтѣ, презвѣтѣ, грѣшъ, Завндѣ вместо: проститѣ, мене, грѣшьнааго, рекъше, мнѹька, коньа, въ лѣтѣ, презвѣтѣ, грѣшѣ, Завндѣ.

евангелий (так!), в которых содержится так называемая первая редакция текста, древняя югославянская, наиболее близкая к первоначальному переводу Евангелия на славянский язык», а на следующей,— что «в нем (в А. Е.) первом и единственном (?)⁵ наиболее сохранилась русская рецензия текста Евангелия» и т. д. Человек, мало-мальски знакомый с палеографией, не мог бы сказать о почерках А. Е. того, что сказано в этой брошюре. Автор ее, г. Георгиевский, различает в Евангелии 4 почерка и соответственно этому делит А. Е. на 4 части: «Первая часть содержит первые 76 листов... Вторая часть содержит 100 листов, с 77-го до 175-го и 177-й... Третья часть содержит 175 и 176 листы... Четвертая часть содержит только один лист, последний, 178-й, на котором написано Евангелие, читаемое в день Архангела Михаила, 8 ноября... Почерк этих двух частей совсем особенный и, по-видимому, позднейший, века XIII». Здесь верно определена только часть, написанная первым почерком, действительно, занимающая лл. 1—76 об.; время, к которому относится первый почерк, автор не определяет, считая его, по-видимому, таким же древним, как и 2-й, но возможно, что часть, писанная 1-м почерком, позднее, хотя не позже 1-й половины XII века⁶; она отличается от части, писанной 2-м почерком, и по правописанию. Что касается 2-го почерка, то им, несомненно, написаны лл. 77—174 об. и верхняя часть л. 175, где помещается конец записи Мички, но не лист 177-й. Относя этот лист ко 2-му почерку, автор брошюры не определяет, имеет ли он в виду только лицевую сторону л. 177 или и л. 177 обор. Между тем две стороны этого листа писаны совершенно различными почерками: л. 177 recte написан, несомненно, судя по записи, в 1092 году, но писец этого почерка, какой-то пресвитер,— не Мичка, которому принадлежат лл. 77—174 об. и запись на л. 175; почерк его заметно отличается от почерка Мички иным наклоном букв, большей тонкостью линий и т. п.; отождествлять этого пресвитера с Мичкой я не вижу оснований. Почерк же л. 177 об. резко отличается от всех остальных почерков рукописи: он вдвое крупнее и, несомненно, значительно позднее⁷, да и чернила гораздо чернее; очевид-

⁵ Значит, в поздних русских списках везде — не русская рецензия?

⁶ Впрочем, Дювернуа [Дювернуа, 1878] и Карский [Карский, 1913] считают 1-й почерк современным 2-му.

⁷ Я бы отнес этот почерк к концу XIII в., ср., с одной стороны, еще архаические начертания **ѣ**, **ю** с язычком и соединительной чертой посередине, **ѵ** с чашеч-

но, текст этой страницы—евангелие общее апостолам, начинающееся и заканчивающееся здесь же,—вписан был после. Почерк лл. 175 (кроме верхней части)—176 об., относимый автором к 3-й части,—не самостоятельный почерк, а только подновление старого текста: вероятно, старый текст (писанный, по-видимому⁸, пресвитером, написавшим л. 177) выцвел; поэтому более поздний писец обвел побледневшие буквы чернилами; конечно, старые начертания букв при таком подновлении несколько изменились, а некоторые буквы могли даже быть переправлены на другие; определять век этой работы я бы не взялся⁹. Наконец, л. 178—об., содержащий евангелие на день арх. Михаила, по моему мнению, написан каким-нибудь современником Мички и «пресвитера», привыкшим к той же манере письма, т. е. в конце XI или самом начале XII века.

К недостаткам рассматриваемого предисловия к изданию А. Е. относится и то, что в нем вовсе не указана литература по изучению Архангельского евангелия¹⁰.

кой над мачтой, с другой стороны—ъ с высокой петлей, в с верхней петлей, доходящей до низу, и очень высокой нижней петлей, ж с очень маленькой верхушкой, ы, а не оу.

⁸ Ср. то же количество строк на странице и ту же высоту букв.

⁹ Такого рода подновления есть и в 1-м почерке, напр., на лл. 69 об.—70, на л. 18 об. (т на месте старого ъ в *постлавшемюу*) и др.

¹⁰ Эта литература не обширна: 1) *Бычков А. Ф.* О вновь найденном пергаменном списке Евангелия въ Сб. Общ. руск. языка и слов. т. 17, СПб. 1877 [Бычков, 1877]; 2) *архим. Амфилохий.* Описание Евангелия 1092 г. М. 1877 в Древностях Моск. Археол. Общ. т. VII [Амфилохий, 1877]; 3) *Дювернуа А.* О критическом значении Арханг. Евангелия в ЖМНПр. 1878, 10 [Дювернуа, 1878]; 4) Отчет Московского Публичного и Румянцевского Музеев за 1876—1878 гг., М. 1879, стр. 87—90 [Отчет МПиРМ, 1879]; 5) *Воскресенский Г.* Евангелие от Марка... Серг. Пос. 1894 [Воскресенский, 1894]; 6) *Он же.* Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка... М. 1896, стр. 14—15 и 163—179 [Воскресенский, 1896]. Кроме того, об Арханг. евангелии говорится в курсах палеографии А. И. Соболевского [Соболевский, 1908] и Е. Ф. Карского [Карский, 1901] и в Лекциях А. И. Соболевского [Соболевский, 1907]. Во время печатания настоящей рецензии появилась в Р. Ф. В. 1913 г., кн. 2 статья проф. Е. Ф. Карского об Арханг. евангелии по поводу издания Румянц. Музея [Карский, 1913]. В этой статье Е. Ф. Карский не только характеризует самое издание, но и дает описание Арханг. евангелия со стороны языка. Говоря о недостатках издания, Е. Ф. Карский напрасно приписывает корректору издания те поправки, которые, несомненно, принадлежат очень древнему корректору—XIII или XIV в.

Наконец, отмечу еще некоторые мелочи. Автор брошюры говорит, что «переплет, по-видимому, современный написанию рукописи». Раз рукопись писалась в разное время, замечание это недостаточно ясно; кроме того, вряд ли можно говорить о современности переплета и 1-му почерку: л. 1 очень выцвел; надо думать — до того, как рукопись была переплетена; но рукопись начиналась некогда не с этого листа. На переплете же нет никаких признаков, указывающих хотя бы приблизительно на время, когда он сделан.

В конце брошюры стоит дата, когда она закончена: «20 августа 1912 г.», а в тексте ее говорится, что первые экземпляры издания «были готовы 26 августа». Добавлю, что в рукописном отделении Румянцевского музея не было ни одного экземпляра издания еще в начале января 1913 г., хотя в продажу оно поступило много раньше.

В заключение следует признать, что неудачно составленное предисловие к изданию А. Е., хотя и портит впечатление, но не уменьшает научной ценности этого издания. Этот первый в России опыт воспроизведения рукописи посредством трехцветной фотоцинкографии доказывает, что новый способ имеет все права на внимание к себе со стороны издателей снимков с древних памятников. Если в настоящем издании не все снимки вышли удачны, то в этом вина не способа, а неумение справиться с новым делом. Издание не может вполне заменить рукопись, но устраняет необходимость обращаться к ней за каждой справкой.

Д-р. Ст. М. Кульбакин. Палеографска и језичка испитивања о Мирослављевом јеванђељу. (Српска Краљевска Академија. Посебна издања. Књига LI. Филозофски и филолошки списи, књ. 13). Сремски Карловци 1925; VIII + 120 стр. + 2 табл. снимков.

Мир.¹—один из древнейших памятников несомненно сербского письма; будучи написано между 1169 и 1197 г., оно может уступать (а м. б., и превосходит) по древности из кирилл. памятников срб. письма только Кул.; третий по древности кирилл. памятник, Вук., по крайней мере, на 2 года моложе Мир. Оно уже было описано Стояновичем в приложении к изданию Мир., но, как указывает К., описание Стояновича не исключает необходимости в новом обследовании. Работа дополняет и во многом исправляет описание Стояновича.

¹ Сокращения: *AE*¹—1 почерк, *AE*²—2-й почерк и *AE*³—3-й почерк Арханг. ев. около 1092 г., *Асс.*—Ассеманово ев., *Вук.*—Вуканово ев. ок. 1200 г., *ГБ*—Слова Григория Богослова XI в., *ЖК*—Житие Кодрата XI в., *Загр.*—Зографское ев., *И 73*¹—1-й почерк и *И 73*²—2-й почерк Изборн. 1073 г., *КИ*—Слова Кирилла Иерусал. XI в., *Кул.*—грамота Кулина 1189 г., *Купр.*—Куприяновские или Новгородские листки XI в. (См. Изв. XXVIII [Каминский, 1924]), *Мак.*—Македонский кирилловский листок XI в., *Мар.*—Мариинское ев., *М 95*—Служебная Миняя 1095 г., *М 97*—Служебная Миняя 1097 г., *Мир.*—Мирославово ев., *ОЕ*—Остромирово ев., *РЕ*—кирилловская часть Реймского ев. конца XI в., *Сав.*—Саввина книга, *СПс*—Синайская Псалтырь, *СПм*—Синайский Патерик XI в., *Супр.*¹—1-й почерк Супр. (кроме стр. 131), *Супр.*²—2-й почерк Супрасльской рукописи (стр. 131, сл. Лавров, ЭСлФ. 4. 1. [Лавров, 1914]), *ТЛ*—Туровские еванг. листки XI в., *Тмут.*—надпись на Тьмутороканском камне 1068 г., *Унд.*—листки Ундольского XI в., *У 142*¹—большая часть Устава и Кондакаря Моск. Типографской б-ки № 142, XI в., различающая **л** и **ла**, **е** и **к**, **є** и **ѣ**, и т. д., *У 142*²—меньшая часть той же рукописи, не различающая **л** и **ла**, **е** и **к** и смешивающая **є** и **ѣ**. Подробности об упоминаемых здесь русских рукописях см. J. Ф. IV. 76—83 [Дурново, IV—наст. изд., с. 395—407].

В I главе «Палеографска страна споменика» (1—21) К. сначала пересматривает вопрос о писцах *Мир*. В согласии со Стояновичем, он думает, что основной текст первых 89 стр. писан тем же лицом, которое писало и дальнейшую часть рукописи, но позднейший правщик обвел чернилами написанное на первых 89 листах. Однако, в отличие от Стояновича, К. думает, что писец последних 2½ стр. рукописи, Григорий, не тождествен с писцом остальной рукописи и что тому же Григорию принадлежит и большая часть киноварных заголовков, на отличие почерка которых от руки главного писца обратил внимание уже Лавров. Свои выводы К. подтверждает очень наглядным сопоставлением начертаний отдельных букв.

Далее К. указывает на то, что графические приемы *Мир*. сходятся с приемами боснийских памятников, отличаясь в некоторых отношениях от приемов Вук., и что употребление **ѣ** в соответствии как **ѣ**, так и **ѧ** других кирилл. памятников и отсутствие йотованных букв согласно с глаголической традицией (19) и отражает традицию старой македонской графики, как она сказалась не только в глаголич. рукописях XI в., но и в кирилл. Унд. и Мак. (20). Сербскими чертами графики *Мир*. («црте, које су везани за његово српско порекло») К. считает исключительное употребление **ь** вм. старых **ѣ** и **ь**, употребление **ы** (не **ѣ**) с соединительной чертой, букву **ѣ** на месте мягкого *γ* в греч. словах и частое **ю** вм. **ѣ** и **ѧ** и наоборот. По-видимому, указание на сербский характер этих черт надо понимать в том смысле, что все они характерны для сербских памятников, независимо от того, встречается ли каждая из них в отдельности и в несербских памятниках, потому что исключительное употребление **ь** имеется и в Супр.², не дающем указаний на сербское или несербское происхождение писца, в Мак. и в македонских рукописях XII в., и **ы** того же типа известно также и из болгарских памятников. По поводу **ы** К. замечает, что «спајање првог и другог дела тога слова одлика је XII века, као и замена првог дела његова **ѣ** за **ь**» (13). Эти слова мне не совсем понятны: соединительная черта — не только в Унд., но и в русских ЖК и М 97. По словам К., Унд. по своей графике представляет переход к графике XII в., но возможно, что до нас не дошли памятники XI в., писанные в той же части Македонии. **ы** без соединительной черты, но с **ь** в первой части из памятников XI в. — постоянно в Супр.² и в Мак.; в И 73¹ и КИ оно гораздо чаще, чем **ы**; нередко оно и в И 73²; только **ы** и в РЕ. Из остальных

указанных К-ным сербских графических черт **ћ** — только в срб. рукописях, и ни в македонских, ни в русских не встречается. Не понимаю замечания, что оно получилось не из перевернутого **ѣ**, потому что этому «смета угласти карактер српског слова» (14): письму 11 в. известно и угловатое начертание **ѣ**, вполне совпадающее с перевернутым **ћ** Мир., ср. Тмут.², кирилл. приписку Асс., ГБ, И 73² 251 d, КИ 215, У 142² 17 об., 24, 31 об. bis, 42 об. и более поздние рукописи, русские и ю.-сл. Употребление **ю** вм. **оу** или **ж** и наоборот известно и русским рукописям. В И 73² ни **ю** вм. **оу** и **ж**, ни **оу** вм. **ю** и **ж** нет, но **ж** пишется, между прочим, и вместо **ж** и **ю** в начале слова, после гласных и после **л**, **н**, **р**, **з**, **с**; при этом мягкость согласных перед **ж** в подобных случаях обозначается надстрочным значком, который часто пропускается. В И 73¹ вм. **ю** — не только **ж**, но и **оу**; последнее только после **л**; мягкость согласных перед **ж** иногда не обозначается; перед **оу** обозначена всюду; чаще **ю** пишется правильно. В РЕ **ж** и **ю** всюду заменяются буквами **ж** после гласных, **оу** после **л** и **н**³. В СПт — **глубина** 173, **лаврю** 74, 78, **кю** d. sg. 166. В М 95 несколько раз **оу** вм. **ю** перед **л**, без обозначения мягкости **л**, и **ю** после **р** и **л** (только в группе **люу-**)⁴. В У 142² несколько раз **ю** вм. **оу** или **ж** в начале слова и после **л**, **н**, **м**. В КИ встречаются как примеры с **ю** вм. **оу** или **ж** (после **л**, **н**, **р**, **в**, **зд**, **ст**, всего не меньше 15), так и с **оу** вм. **ж** и **ю**, без обозначения мягкости согласных (после **л**, **н**, **р**); 1 раз **ж** вм. **ж** (**раздлжунивъ** 108) и нередко **ж** вм. **ж** и **ю**, без обозначения мягкости согласных; асс. sg. f. местоим. **вьсь** пишется и с **-оу**, и с **-ю**. Русские рукописи XI в., как мне кажется, подтверждают мнение К., что смешение **оу** и **ю** вызвано существованием графических вариантов **лю** и **лж**, **ню** и **нж** (21). Возможно, что в русских рукописях оно возникло независимо от сербских, но можно заметить, что оно встречается преимущественно в тех рукописях или их частях, где обычно **е** вм. **к** и есть другие черты, характерные именно для сербских рукописей; те же, в которых такое смешение чаще, — И 73², РЕ, КИ, — заключают прямые указания на сербскую графическую и орфографическую традицию (см. ниже). Поэтому можно думать, что совпадение их с сербскими памятниками по смешению **оу** и **ю** восходит к общей им традиции,

² Впрочем, в Тмут. такое **ѣ** — с маленькой головкой.

³ **ю** встречается только 1 раз.

⁴ Карнеева, РФВ. 78 [Карнеева, 1917—1918].

возникшей там, где **ж** совпало с **оу**, а **ѣ** с **ь**, т. е. в северной Македонии или Сербии, и скорее всего, именно в Сербии.

Большая часть книги К. (21—95) посвящена выяснению характера несербского прототипа Мир. Таким прототипом, как устанавливает К., был не т. наз. среднеболг., а ст.-сл. текст, и притом не вост.-болг., а макед. происхождения; между ним и Мир. был ряд промежуточных сербских списков. Со стороны морфологической и лексической он отличался большой архаичностью и стоял ближе всего к Мар., давая иногда даже более архаичные чтения. Под ст.-сл. текстом, как видим, К. понимает такой ю.-сл. текст XI в., в котором еще отсутствовали ср.-болг. и срб. черты, неизвестные дошедшим до нас ст.-сл. памятникам ю.-сл. письма XI в. Большая часть соображений К. о фактах, принадлежавших этому прототипу, возражений не вызывает.

Если я верно понимаю, К. выводит **премо** в Мир. из написания прототипа **прѣмо** (98). Однако памятники ю.-сл. письма такого написания не знают; оно известно только русским текстам и явилось, надо думать, только на русской почве. Но совершенно правильно, что здесь **е** не из **ѣ**. Такого же происхождения **е** в слове **камень** Мир. Ио. 2. 6, **камѣнь** ю.-сл. и **камань** русских евангельских текстов XI в., приводимом у Стояновича, но почему-то не упомянутом у К. В других случаях тот же суф. прилаг. в Мир. всюду с **ѣ**.

Некоторые черты Мир., относимые К. на долю сербского писца, могли быть уже в его макед. прототипе, напр. одно **р** между согласными, ср. Зогр., Асс. и некот. русские тексты.

Из случаев с **ѣ** в значении *ja* или *a* после мягких следовало выделить **ѣ** в сопряг., как **множѣише** и др. (30), т. к. в подобных случаях **ѣ** и в кирилл. памятниках, правильно различающих **ѣ** и **ѧ** или **ѧ** после мягких, между прочим, почти во всех русских рукописях XI и XII в.

Относительно лос. рl. на **-ѣхъ** от основ на согласную К. осторожно замечает, что «је могућно да их је унео један од српских преписивача» (48). Против такой формулировки трудно что-нибудь возразить. Можно только заметить, что они изредка встречаются и в русских рукописях XI в., рядом с обычными на **-хъ** и **-ехъ**: **невѣстѣхъ** по одному разу И 73¹. 45, АЕ¹. 60, АЕ². 169, У 142. 58, М 97, и 4 раза М 95, **словѣстѣхъ** И 73². 116, **племенѣхъ** ib. 138, **дрѣвестѣхъ** ib. 154.

Возможно, что и формы **жетелѣмь** и **гоморѣмь**, правильно читаемые К-ным как **жетелѧм** и **гоморѧм** и сопоставляемые им с гра **амь** и **доуб-**

ровчаль Кул., восходят к макед. прототипу Мир.⁵, ср. подобные формы в русских церковных памятниках XI в., восходящих к ю.-сл. прототипам, **къ селоунамъ** Ки 244, **содомламъ** АЕ². 125, 174 об, **нероусалимамъ** У 142. Но т. к. такие формы в русских церковных памятниках крайне редки, а в живом русском яз., несомненно, существовали, как показывают летописи, возможно, что в русские памятники XI в. они не перешли из ю.-сл. прототипов, а внесены русскими писцами из своего живого языка. В Ки, отражающих, по-видимому, срб. традицию, форма **селоунамъ** может тоже восходить и к этой традиции.

В главе о лексическом составе Мир. (65—95) К. сопоставляет лексику Мир. с лексикой евангельских текстов XI в. и некоторых более поздних и выясняет, что она в главных чертах совпадает с лексикой старых глаг. памятников Мар., Зогр., Асс.; где ОЕ и Сав. отступают от глагол. традиции, Мир. «се најчешће придружује глагољским споменицима, а не Остр. Сав.» (93); и лишь в немногих случаях дает новые чтения, отличные от чтения еванг. текстов или неизвестные из других текстов; случаев, где Мир. сходится с ОЕ или Сав., отступая от глагол. традиции, К. насчитывает 14, а случаев, где оно дает чтения, известные лишь из позднейших еванг. текстов или только из Мир.,—24, тогда как случаев совпадения Мир. с глагол. еванг. текстами XI в. или с одним из них—более 250. Это показывает, что Мир. очень хорошо сохранило лексический состав прототипа и что последний «никао на македонском терену» и был «прилично архаичан» (93). В перечень слов Мир., восходящих к этому прототипу, вкралась досадная обмолвка: упомянуто слово **озмирьнено**, будто бы сближающее Мир. с Асс. (75 и 67), тогда как в Мир. на соответствующем месте стоит **оцтѣно**, как в Сав. (Мрк. 15. 23).

К сожалению, К. не отделяет тех случаев, где в Мир. употреблено слово, не встречающееся с тем же или сходным значением вообще в глаг. текстах XI в., от случаев, где является слово, отсутствующее в данном месте еванг. текста, но встречающееся в глаг. текстах XI в. в других местах. Таковы, напр., **стыклѣница** как перевод «ἀλάβαστρον» и **блюдо** «παροψίς». Первое встречается в глагол. еванг. текстах как перевод «ποτήριον» (Мф. 23.25,26, Мр. 7.4,8, Лк. 11.14), второе—«πίναξ» (Мф. 23.25,26, Лк. 11.14). Те места Ев., где упоминаются **алавастръ** и **стыклѣни-**

⁵ По мнению К., наоборот, «тешко да је био у ст.-сл. подлози нашег споменика» (48).

ца, не дают повода к замене одного слова другим; когда, где и почему возникла такая замена, остается неизвестным, но самое слово, очевидно, первоначальному переводу было известно. Замена слова **наропсида** словом **блюдо** могла легко возникнуть на почве самого еванг. текста, т. к. оба встречаются в почти тождественных фразах, ср. Мир. **ѡцѣщае-те ѡнѣшнѣа стѣклѣнице и блюдоу** Мф. 23.²⁵ (Мар. **наропсидѣ**), **ѡнѣшнѣа стѣклѣнице и блюды оуницаете** Лк. 11.³⁹ (Зогр. **блюдомѣ**, Мар. **мисѣ**). Относительно соответствия Мир. в употреблении слова **вратарь** «θυρω-ρός» Мр. 13.³⁴ с Сав. замечу, что это место в Сав. отсутствует; **вратарь** в Сав. есть, но в другом месте — Ио. 18.¹⁶, где в Мир. в согласии с глагол. текстами XI в. **двѣрници**; в ОЕ в первом случае **вратъникоу**, во 2-м **двѣр-ници**, но в Ио. 10.³, в отличие от других текстов, **вратарь**, и только в русских текстах 1-й половины XII в. **вратареви** и Мр. 13.³⁴.

Не отделены выражения, известные и из других памятников XII в., от выражений, известных только из Мир. Так, говоря о словах **проходъ**, **дѣври огни**, **нарѣда вѣрна**, **дрѣводѣлннъ**, **вльноуа са**, **единаколи**, **льбное**, **вльуць**, **просити**, **плакати се** (вм. **хлжпати**), К. не говорит, какие из них известны и другим еванг. и нееванг. текстам XII и позднейших веков и какие нет.

Следует пожалеть, что К-ну не удалось привлечь к сравнению русских текстов XI и XII в., как еванг., так и нееванг., а также нееванг. ю.-сл. текстов XII в.; кое-где указания на чтения русских текстов XII в. есть, но случайные и слишком малочисленные. Между тем эти тексты дают, мне кажется, ясные указания на то, что ряд указываемых К-ным новых выражений, как **проходъ** «ἀφεδρών», **дрѣводѣла** «τέκτων», **льбнок** «κρανίου», **вльуць** «τρίβολος», **мѣдъница** «λεπτόν» проникли в еванг. текст не позже конца XI в., а вне еванг. текста, по крайней мере, некоторые из них были известны и раньше, как **дрѣводѣла**, **вльуць**, **мѣдъница**. Слово **вльуць** «τρίβολος», по-видимому, было в первоначальном переводе паримейника, принадлежащем св. Кириллу⁶. За исключением подобных слов, остаются и такие, которые можно считать внесенными уже на сербской почве.

В понимании отношения Мир. к своему прототипу я несколько расхожусь с К. Последний представляет его себе как протограф, т. е. ре-

⁶ Из памятников XI в. оно встречается, между прочим, в И 73² и Ки, в обо-их — в цитатах из кн. Бытия.

альный список, первый в последовательном ряду сделанных один с другого списков, заканчивающемся Мир.; я же понимаю прототип как известного рода идеальный текст, тот старый *usus* еванг. текста, к какому восходит сербская традиция Мир. Опытные переписчики богослужебного еванг. текста, как Мир., должны были знать его почти наизусть и при переписке вряд ли руководились правописанием оригинала, лежавшего у них перед глазами, и воспроизводили не столько его, сколько тот текст, который отложился в их памяти. Непосредственный оригинал был только одним из привходящих элементов; чем опытнее был писец, тем меньше была его зависимость от непосредственного оригинала при переписке богослужебного еванг. текста и тем устойчивее выдерживалась писцом традиционная орфография, которая могла совершенно расходиться с правописанием непосредственного оригинала, так же как и с произношением писца. Тот идеальный или типичный текст, который сложился в памяти в представлении писца, мог быть не вполне устойчивым, т. к. слагался из представлений о различных текстах; в одном и том же реальном тексте повторялись сходные места, которые в представлении писца могли ассоциироваться друг с другом. Отсюда — неустойчивость еванг. текстов и неоднородность текстов, писцы которых, судя по их графике и правописанию, принадлежали к одной школе.

В последней главе (95—111) К. говорит о тех чертах Мир., которые соответствуют языку сербского писца, в том числе как о тех, которые несомненно внесены срб. переписчиком, так и о тех, относительно которых нельзя точно сказать, внесены ли они только на сербской почве или уже были в ст.-сл. прототипе. Здесь, между прочим, любопытны убедительные соображения в пользу того, что **кы**, **гы**, **хы** в срб. яз. совпали с **ки**, **ги**, **хи** раньше совпадения **ы** и **и** в других положениях и что в языке последнего писца Мир. **ы** и **и** уже совпали (96—97), далее, — что редкие случаи смешения **є** и **ѣ** в словах, по-видимому, неизвестных живому яз. писца, могут указывать на церковное произношение **ѣ** как **є**, тогда как в живом яз. **є** и **ѣ** различались. Это предположение весьма вероятно, потому что можно думать, что в своем церковном произношении сербы того времени руководились произношением македонским или зап.-болг.; македонское же **ѣ**, хотя и не совпало с **є**, но могло восприниматься как **є** теми сербами, в произношении которых разница между **є** и **ѣ** была более значительной. Объяснения, даваемые К. от-

дельным случаям смешения **ѣ** и **ѐ** в Мир., по-моему, правильны; не могу согласиться лишь с мнением К., что в сопряг. **множеншихъ** «у ствари ту не би могло бити гласа **ѣ** у изговору»⁷.

Неясно, по каким соображениям К. считает старосербский диалект, отразившийся на правописании Мир., южносербским (хотя и с оговоркой «свакако»), потому что все указанные им сербские черты являются общесербскими, кроме, м. б., упрощения *sc > c* не в начале слова, но сам же К. считает возможным, что примеры такого упрощения в Мир. «нису били народни облици» и могут указывать только на книжное произношение (105—106). Кроме того, возможно, что нынешнее сербское *-sc-* позднейшего происхождения, частью из *svc, zvc*, частью по аналогии с этими группами, а старое *sc* вообще было утрачено, заменившись в одних случаях через *c*, в других через *st*, и что написание **сц** в памятниках XI и XII в. читалось всеми сербами как **ц**. Из остальных сербских черт сохранение различия между **ѣ** и **ѐ** в памятнике XII в. вряд ли дает определенные указания на говор писца; написание **слюнцю** тоже нельзя рассматривать для того времени как диалектическую черту: это написание могло передавать как произношение *-lu-*, так и произношение с *l^u* (т. е. *l* слоговое с окраской *u*); думаю, что именно к последнему восходит и нынешнее сербское *u* из *l* между согласными.

Некоторые особенности Мир. сближают его с частью русских рукописей XI и XII в.

Почти правильное употребление **ж** в ОЕ, ТЛ, Купр. и ГБ представляет резкий контраст с полным смешением **ж** и **оу** или отсутствием **ж** в остальных русских рукописях и позволяет предположить, что первая группа памятников отражает иную ю.-сл. традицию, чем вторая, т. е. что вторая группа может восходить к ю.-сл. традиции, смешивавшей **ж** и **оу**, т. е. традиции македонской или сербской.

В русских рукописях рядом со ст.-сл. *dat. sg. adj. m.* на **-оуоуоуоу** или **-оуоуоу** часто употребляется форма на **-о.оуоу**, **-ѐ.оуоу**, реже **-оо.оуоу**, **-ѐо.оуоу**, в соответствии с живым яз. русских писцов, которым, несомненно, были известны только формы на *-оти* и т. п. Не исключена возможность, что употребление этих форм поддерживалось не только живым языком писцов, но и ю.-сл. традицией, по крайней мере в части памятников.

⁷ См. выше.

В некоторых русских рукописях XI в. имеются более определенные указания на сербскую традицию, сходную с традицией Мир., т. е. восходящую к старой македонской традиции. Сюда относятся И 73², КИ и РЕ. Назову черты, сближающие их с Мир., как старые, восходящие к досербской традиции, так и такие, которые могли явиться скорее всего на сербской почве. Звездочкой отмечаю черты, известные сербским памятникам и необычные в македонских памятниках XI в.

И 73²: 1. встречается начертание **▲**; 2. при обычном **ѣ** встречается и **ы**, ср. И 73¹, где **ы** преобладает; 3. при правильном в общем различении **ѣ** и **ь** нередки и случаи смешения **ѣ** и **ь**, независимо от положения, с преобладанием в последнем случае **ь**; 4. часто **є** вм. **к**; 5. часто **ж** вм. **ѣ** и **ю**; встречается **оу** вм. **ѣ**, **ю** (см. выше); 6. встречается, хотя только 3 раза, **ѣ** в значении **ѣ** (не считая основ **ѣд-** и **ѣд-**): **дѣлѣ** 155^d, **вѣѣста** 212^c, **живѣѣше** 259^a (ср. в И 73¹: **ѣзва** 51^b, **не срамѣи сѣ** 41^a, **оуѣсѣа** 61^a); *7. **л** вм. **є**: **имѣть** 3 sg. 93^c, **поѣмлють сѣ** 212^b, **ѣвѣлѣниѣхъ** 261^b (**ѣ** < **л**); **є** вм. **л**: **ѣа моуѣе** а. pl. 147^a, **оте (отѣ?)** 101^b; *8. **оу** вм. **вѣ** и наоборот: **вѣселѣнаѣ** и **оуселѣнаѣ** (в И 73¹ — только **оуселѣнаѣ**, но **вѣселѣти**), **вѣгодѣти**, **вѣгаждѣли**, **вѣгожѣша** 91^c и ^d (в И 73¹ тоже: **вѣгодѣтъ** 85^c), **оуѣрашаѣше** «interrogabat» 146^a, хотя возможно, что во всех случаях здесь — не смешение **оу** и **вѣ**, а различные приставки; *9. смешение **ѣ** и **и**: **ѣрыѣны** 92^b; **покрѣваѣ** 3 sg. 185^b, **неѣравѣди** g. sg. 104^d, **ѣхѣмѣнтыѣ** 154^a, **вѣны** 154^c, **ѣлѣ си** 109^a, **ѣнѣ си** 257^a; впрочем, большая часть, по-видимому, — описки; относительно **си** см. К. 96—97; такое же **си** из русских рукописей XI в. встречается и в СПт: **вѣзѣловѣвѣ си** 165 об.; *10. d. sg. adj. m. **-оуѣ**, вероятно, русизм, но может восходить и к сербской традиции; 11. нередки 3 sg. и pl. praes. без **-ѣтъ**; 12. часто 1 pl. на **-мѣ**; 13. part. praes. типа **ѣстоуѣплѣ** чаще, чем на **-нѣ**; 14. **неѣвѣсьскѣи** и **неѣвѣсьнѣи**. В отличие от Мир. довольно много для русского памятника (не меньше 20) случаев отсутствия *l' epenthet.* после губных; отсутствует вовсе сильный аор.; всюду **ѣысѣашѣ** с **л**. Несомненно, что протограф был болг., но памятник мог дойти до Руси через сербское посредство.

КИ: 1. Встречается начертание **▲**; 2. **ы** гораздо чаще, чем **ѣ**; 3. очень часто смешение **ѣ** и **ь** с заметным преобладанием **ь**; 4. частое **є** вм. **к**, иногда наоборот; *5. **ю** вм. **оу**, **ж** и, наоборот, **оу**, **ж** вм. **ю**, **ѣ**; 6. **ѣ** в значении **ѣ**: **оуѣлѣѣтъ** 12, **неѣдѣлѣхъ** 123, **добрѣишѣ** nom. pl. n. 178; **прѣвѣ-**

нѣа ѣже 66 об.; 7. **трѣва** всюду с **ѣ**; 8. 9, по большей части, **т**, но встречается и **ѣ** и **ѣ**; 9. на произношение **ѣ** как **п** могло бы указывать **оусофомь** «ὄσσωφ» 19 bis, но здесь **ѣ** идет из первоначального текста перевода, ср. **ософомь** СПс.; *10. **а** вм. **ѣ**: **има твоа** 3, **не раскалть са** 94, **принесать же са** 3 sg. 242 об., **ѣ** вм. **а**: **блгословештоу** 60, **жрѣвик** а. pl. 149 об.; в последнем примере **к** могло явиться и на русской почве; *11. смешение **оу** и **въ**: **вьселкнага** и **оуселкнага**, **оудворитъ са плауь** 159, **въ оу тродѣ** 231 об.; примеры допускают и иное объяснение; *12. **и** вм. **и**: **сылы** 236, **такломеныгын** 288, очевидно, описки; *13. dat. pl. **се-лоуналь** 244 может быть и русизмом; 14. нередко 3 sg. **к** и **ѣ**, также 3 sg. основ с тематич. **ѣ** без **-тъ**, и один раз 3 pl. без **-тъ**: **погыбнж** 76 об; 15. хотя и редко, но встречаются 1 и 3 pl. сильного аориста: **оврѣтомь**, **овидоу** и др.; 16. преобладают part. praet. типа **сѣтворь**, **сѣкроушь**; part. на **-въ** редки; 17. **тысоуца** чаще, чем **тысаца**. На несербский прототип могут указывать немногие случаи отсутствия *l' eparenthet.* после губных; с другой стороны, имеются случаи с новым **л** после губных: **дрьзновлениа** 157. Правописание КИ отражает двоякую традицию: одна, однородная с традицией АЕ², главного почерка У 142 и др., строго различала **ѣ** и **к**, **а** и **ѣ**, **ѣ** и **ѣ**; другая употребляла только **ѣ** или преимущественно перед **к** в значении *je*, не различала **а** и **ѣ**⁸ и не различала также **ѣ** и **ѣ**, употребляя преимущественно, а м. б., и исключительно вторую из этих букв.

РЕ: 1. Чисто механический раздел слов при переносе, даже между согласной буквой и следующей за ней гласной; 2. всюду **ѣ** (буква **ѣ** не пишется); 3. всюду **ы** с точкой посередине; 4. всюду **ѣ** (**к** не пишется); 5. всюду **оу** или **ж** вм. **ю**, **ѣ**; *6. **а** вм. **ѣ**: **дниа** 10, **ѣ назарѣфа** 22; в слове **врѣма** 13 могла быть описка; если не описка, то **а** вм. того **ѣ**, которое само — из **ѣ** после **р**; в этом положении в некоторых сербских говорах *ѣ* могло изменяться в *е* раньше, чем в других положениях; **ѣ** вм. **а**: **испальниша ѣ** а. pl. m. 10, **ѣ неѣ** 7, **грѣхы своѣ** 19, **съ оноѣ** 27; впрочем, это **ѣ** могло быть и русизмом; *7. смешение **ы** и **и**: **ныже** 15, **правьдивь си** 7 (ср. выше И 73²); *8. d. sg. adj. **-омоу** может быть русизмом; 9. 3 pl. без **-тъ**: **принесж** 4 (т. е. **пронесжтъ**); 10. сильный аорист: **ѣидоу** 9—10, **при-**

⁸ В КИ, в частях, смешивающих **ѣ** и **к**, как и в других памятниках, не различающих **ѣ** и **к**, У142², М95, АЕ³, РЕ и др., **а** и **ѣ** не различаются и употребляются преимущественно одна из них, обычно **а**.

идж 10, обрѣтж 8; 11. небесныхъ 9, -снѣмь 30. Буква ѣ в значении я и смешение оу и въ не встречается.

Отмеченные сербизмы русских рукописей XI в. немногочисленны и, частью, могут быть объяснены иначе. Но малочисленность их вполне понятна при той архаичности сербской письменной традиции, какая отмечена К-ным в Мир. Названные рукописи на целое столетие старше Мир., а кроме того, попавши в русскую среду, под пером русских писцов могли утратить большую часть и без того редких сербизмов, не свойственных той русской орфографии, которая к этому времени уже более или менее установилась.

С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке. Выпуск 1. Единственное число. Ленинград 1927. Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук СССР, т. С. № 3. XII + 324 стр.

Книга О. «представляет первую... попытку... ближе осветить явления современного русского (великорусского) именного склонения» (стр. I), а также «подвести известный итог материалу, находящемуся вообще в распоряжении для решения намеченной темы» (стр. II), т. е. собрать, по возможности, полнее материал, относящийся к именному склонению в «современном русском языке», т. е. русском литературном языке с XVIII до 20-х годов XX в. и в великорусских народных говорах по записям начиная со 2-й половины XIX в. Под освещением явлений современного русского языка О. понимает не их синхроническое освещение, а выяснение происхождения отдельных явлений и их отношения к фактам общеслав. языка. При этом он признает, что «отчасти неудовлетворительное, отчасти недостаточное состояние источников... не позволяет надеяться на возможность окончательного разрешения в данном исследовании тех или других проблем, входящих в круг интересующей темы», а потому «исследование может иметь значение лишь предварительного разрешения отдельных вопросов, связанных с судьбою русского именного склонения» (стр. I).

Для своей работы О. пересмотрел массу напечатанных и рукописных текстов литературных и диалектических. Напечатанный материал по великорусским говорам использован им почти весь; из рукописного он использовал полностью имевшиеся в Ленинграде материалы Академии Наук и Географического Общества¹. Использовать всё, напе-

¹ Можно пожалеть, что автором не использованы находящиеся в Москве материалы Московской диалектологической Комиссии.

читанное на русском литературном языке, понятно, было нельзя, и приходилось выбирать, ограничиваясь только некоторыми писателями, и то не в полном объеме. Естественно, что такой выбор не мог обойтись без случайных пропусков иногда очень ценных для целей автора текстов. Все же литературный материал, использованный Обнорским, огромный. В приложенном к книге неполном списке источников названо более 60 писателей; произведения некоторых из них, напр., Гоголя, Грибоедова, Державина, Жуковского, Лермонтова, Ломоносова, Некрасова, Пушкина и др., просмотрены им полностью; из других брались более крупные произведения или серии мелких. Обширный материал, извлеченный Обнорским из своих источников, занимает более половины книги, несмотря на мелкий шрифт и экономный способ цитации.

Систематизируя собранный им диалектологический материал, О. всюду, где возможно, определяет районы распространения рассматриваемых им явлений. Благодаря скудости имеющегося в научном обращении материала, далеко не всегда удавалось их определить точно, но всё же О. своей работой значительно подготовил почву для лингвистического атласа великорусского языка и для характеристики великорусских говоров и наречий со стороны их морфологической системы. Изоглоссы некоторых фактов в области именного склонения впервые указаны более или менее правильно только в книге О.

Огромная работа по выборке и систематизации материала, проведенная Обнорским и позволившая ему сделать, между прочим, ценные выводы о географическом распространении ряда диалектических явлений в области именного склонения и о диалектических элементах в русском литературном языке, составляет сама по себе большую заслугу автора, и его книга оставалась бы ценным вкладом в науку и в том случае, если бы он только этим и ограничился. Но О., сверх того, дал и исследование о происхождении некоторых явлений в области современного русского именного склонения. Правда, далеко не все факты, описанные им, нашли себе в его книге и историческое освещение, всё же ему удалось если не окончательно разрешить, то, по крайней мере, значительно приблизить к решению ряд вопросов, относящихся к намеченной им теме.

Книга О. разделена на главы по падежам: Именительный падеж (стр. 1—80), Родительный п. (80—248), Дательный п. (248—265), Винительный п. (265—278), Творительный п. (276—290), Местный п.

(291—297) и Приложение (298—319), где приводится материал, относящийся к склонению имен ср. р. на *-мя*, имени *дитя*, имен со старыми основами на *-er*, *-es* и переносу ударения на предлог. Заглавия отделов не вполне соответствуют их содержанию: в главе «Именительный падеж» говорится о типах именного склонения, об отношении основы имен. пад. к основам остальных падежей, о категории рода, о колебании ударения в склонении; большая часть главы «Родительный падеж» посвящена формам род. и местн. ед. на *-и*; в той же главе говорится о дат.-местн. пад. на *-у*, *-і* от имен ж. р. на *-а* и о «беглых *о*, *е* в основах имен существительных».

Глава «Родительный падеж» занимает больше половины книги. Большая часть этой главы — стр. 98—232, т. е. немного меньше половины книги — посвящена исследованию о род. и местн. ед. на *-и*. Эта часть книги является самой ценной частью исследования. Путем тщательного анализа собранного им богатого материала О. приходит к выводу, что распространение флексии *-и* в род. и местн. ед. на первоначальные основы на *-о* в древнерусских говорах, лежащих в основе русского литературного языка и нынешних великорусских говоров, в первой стадии этого процесса было одновременно для обоих падежей и касалось одних и тех же имен, исключительно названий неодушевленных предметов с нисходящим (циркумфлексным) ударением на основе, сохранявшимся в род. ед. и переносившимся на окончание в местн. ед., и что как распространение этой флексии в род. ед. в известных функциях на имена с другим типом или местом ударения, так и закрепление окончания *-и* в местн. ед. за существительными только после известных предлогов, равно как и ограничение употребления этих форм только известными функциями в литературном языке в северновеликорусских и переходных говорах — явления вторичные; вторичными считает О. и такие явления, свойственные только южновеликорусским говорам, как формы род. и местн. ед. на *-и* от имен одушевленных предметов и имен среднего рода и формы местн. ед. на *-и* с ударением на основе (см. стр. 230—232). Для решения вопроса о роли акцентологического момента в этом явлении О. привлекает данные сербского и чешского языков, указывающие на первоначальный характер ударения имен, имеющих в русском языке формы род. и местн. ед. на *-и*. Выводы автора, поскольку они относятся к фактам русского литературного языка и северновеликорусских и переходных говоров,

представляются очень убедительными. Но для того, чтобы распространить их и на южновеликорусские говоры, данных, по моему мнению, у О. было недостаточно; эволюция соответствующих явлений в южновеликорусском могла с самого начала идти другим путем; для решения вопроса об этой эволюции полезно было бы сопоставить факты южновеликорусских говоров с фактами других русских языков — белорусского и малорусского, чего О. не делает.

Заслуживают внимания и некоторые второстепенные выводы О., напр., о неорганичности в северновеликорусских говорах имен муж. р. на *-ка, -ла, -ра* по женскому склонению (стр. 18—25), о сравнительной хронологии дат. ед. на *-ы* и род. ед. на *-ѣ* от имен ж. р. на *-а* с основой на твердую согласную (стр. 88, 96), о происхождении таких форм вин. ед. на *-и*, как *жизню, матерю* (стр. 267—268). Удовлетворительно объяснены многие колебания имен между различными типами склонения (стр. 33 слл.) и колебания в ударении: многие диалектические ударения, отличные от литературных, правильно объяснены как архаизмы путем сопоставления с показаниями сербского и чешского языков (стр. 67—80; впрочем, не все соображения автора одинаково удачны).

Из пробелов книги отмечу сначала явившиеся не по вине автора, а вызванные неполнотой имевшегося в его распоряжении материала. Как указано выше, О., перечисляя случаи употребления какой-нибудь формы, вообще всюду указывает на ее распространенность в народных говорах, называя все уезды, где она отмечена. Но благодаря крайней неполноте имеющихся в науке сведений многие диалектические формы, широко распространенные в великорусских говорах, в книге О. показаны как отмеченные только в немногих пунктах, иногда только в одном уезде, как, напр., ударения *рѣмень* (66), *стрѣха* (75), *общество* (89—90); на другие вовсе не указаны диалектические примеры, как, напр., на ударение *осока́*, на формы род. ед. на *-и* от имен *волос, гвоздь, груз, клад, мех, пласт, рот, скот, слой* (168—172); из этих форм ударение *рѣмень* известно мне из южновеликорусских говоров, остальные — из говоров Московской губ. и из южновеликорусских; кроме того, из говоров Московской губ. известны мне, между прочим, как широко распространенные такие формы, как *вреда* ж. р. (35), *комарь* с *г* мягким (43), *мыш* по муж. склонению (59), *девѣчка* с ударением на втором слоге (75), *словечко* с ударением на первом слоге (79); у О. примеров на эти формы из Московской губ. вовсе нет.

Говоря об употреблении той или другой формы в литературном языке, О. перечисляет писателей, употребляющих эту форму, или ограничивается простым указанием на ее общелитературность. Поэтому отсутствие такого указания или ссылки на писателей может пониматься в том смысле, что данная форма Обнорскому из литературного языка неизвестна. Но такими оказываются у О., между прочим, общеупотребительные в литературном языке формы местн. ед. на *-и* от имен *дуб, кон, пай, под, терем*, род. ед. на *-и* от имени *волос*, ударение *стреха́* и т. п. Иногда О., не называя форму общелитературной, отмечает ее лишь у немногих, иногда одного-двух, писателей или только у писателей XVIII в. Читатель может подумать, что О. и такие формы не считает общелитературными, а признает свойственными только языку данных писателей или устарелыми. Между тем среди них имеется немало форм, общеупотребительных в нынешнем литературном языке, как, напр., местн. ед. на *-и* от имен *бор, вал, воз, ветер, долг, жар, луг, мед, мир, мозг, строй* и мн. др. Возможно, что подобные формы лишь случайно не встретились Обнорскому в его источниках.

Не совсем ясны принципы, которыми руководствовался О. при выборе примеров из литературного языка. Почему он ограничил свой выбор художественной литературой, оставив в стороне научную, публицистическую и эпистолярную прозу? Чем мотивируется предпочтение, оказанное одним писателям перед другими? Почему старым писателям оказывается явное предпочтение перед новыми, а писатели, выступившие на литературном поприще в XX в., почти вовсе не привлечены? Почему у Карамзина взяты только его стихотворения, а не использована его проза, сыгравшая в эволюции русского литературного языка более видную роль²?

Не совсем удачна композиция книги. Описательная часть не отделена от исторической. Историческое исследование входит в книгу в виде отдельных, не связанных между собою и не выделенных из описания экскурсов. Книга разбита на главы, по заглавиям которых нельзя составить ясного представления об их содержании: в главе «Именительный падеж» меньше всего говорится об этом падеже, а в главе «Ро-

² В частном письме ко мне Обнорский объясняет эти пробелы тем, что большая часть работы написана в Перми, где он был профессором с 1916 до 1922 г. и где приходилось довольствоваться тем, что было под руками. Но в предисловии это не оговорено.

дительный падеж» о местном падеже говорится больше, чем о родительном. В главе «Именительный падеж» говорится главным образом о колебаниях между разными типами склонения, т. е. об именах, которые в разных говорах, у разных писателей или в разных значениях или функциях принадлежат к разным склонениям, как, напр., *запевало* и *запевала*, литер. *вред*, диалектич. *вреда*, литер. *комаф*, диалект. *комарь*, литер. *мышь*, род. ед. *мышь* ж. р. и диалект. *мыш*, род. ед. *мыша* м. р. и т. п. Материал, относящийся к таким колебаниям, О. располагает применительно к нормам литературного языка, рассматривая, напр., случаи «колебания I со II типом», т. е. уклоняющиеся от норм литературного языка формы на *-o*, *-e* среднего рода при литературных формах муж. рода, как диалект. *колоколо* при литер. *колокол* и т. п. (стр. 32—34), отдельно от случаев «колебания II с I типом», т. е. употребления форм муж. рода при литературных формах средн. рода, как диалект. *крьлец* при литер. *крьльцо* (стр. 45—47), или «колебания I с III типом», как диалект. *вреда* при литер. *вред* и т. п. (34—41) отдельно от «колебаний III с I типом», как диалект. *берлог* при литер. *берлога* и т. п. (54—56), и т. д. Было бы экономнее и научнее не отделять «колебания I со II типом» и т. п. от «колебаний II с I типом» и т. п., а рассматривать их вместе и во всяком случае не исходить из норм литературного языка, очень пестрого по своему составу, ввиду их неустойчивости. Тот же принцип применяет О. и к случаям расхождения в месте ударения, располагая их по таким рубрикам, как «передвижка ударения к началу слова» (стр. 66—67, 71—73, 79) и «передвижка ударения к концу слова» (стр. 68—69, 74—75, 79), понимая под «передвижкой» не исторический процесс, а постановку ударения не на том слоге, на котором оно, по мнению О., требуется нормами литературного языка. Такое расположение еще неудобнее и ненаучнее, потому что нормы литературного ударения еще менее устойчивы. Притом печатные прозаические тексты на место ударения указаний не дают, а стихотворные ударения могут иногда отличаться от прозаических; кроме того, многие слова, о которых говорится в книге, не встречаются в стихотворных произведениях, использованных Обнорским. Поэтому ему приходится руководствоваться собственным произношением или произношением интеллигенции своего города, которые нельзя отождествлять с нормами литературного произношения. Благодаря этому О. иногда принимает за общелитературные ударения, которые таковыми не являются.

ся, и рассматривает как уклонения от литературных норм такие общеупотребительные произношения, как *лоску́т*, *плетёнь*, *ледни́к* (стр. 68), *пётля* (стр. 72), *стреха́* (стр. 75), *русло́*, *дрёвко* (стр. 79), *у́гля* (стр. 245, хотя это ударение сам О. отмечает у Пушкина).

Поставив главной своей задачей выяснение вопроса о происхождении известных форм именного склонения, О. слишком мало внимания уделяет синхроническому рассмотрению нынешней системы именного склонения в русском языке в ее целом и почти не делает попытки выяснить, в какой связи между собою стоят в этой системе разнородные факты, перечисляемые в его книге, и каковы их функции. Характерно, что посвятив почти полкниги рассмотрению форм род. и местн. ед. на *-и*, О. почти не ставит вопроса об отношении их к формам род. ед. на *-а* и местн. ед. на *-ѣ* в современной морфологической системе русского языка, о функциях тех или других и о других признаках, которыми обуславливается в настоящее время наличие или отсутствие род. и местн. ед. на *-и*. Мало того, высказываясь против попыток определить место этих форм в современной морфологической системе русского языка, делавшихся Ломоносовым, Востоковым, Шахматовым и др., О. главный недостаток этих попыток видит не в том, что не все факты, относящиеся к рассматриваемому явлению, укладываются в классификации этих ученых, а в том, что их объяснения не дают «ответа на ряд вопросов, вызываемых формами на *-у*, напр. об исходном моменте, исходных (т. е. первоначальных, не нынешних.—*Н. Д.*) нормах данного явления, о последующих процессах в его развитии и под.» (стр. 101), т. е. как будто не признает целесообразности чисто синхронического освещения фактов современного языка. Тот же недостаток синхронического подхода замечается и в суждениях Обнорского о других явлениях, рассматриваемых в его книге.

Что касается исторической части работы О., то, как указано выше, автору удалось достигнуть в этой части некоторых крупных положительных результатов. К принципиальным недостаткам ее я бы отнес только некоторую неполноту в привлечении для сравнения данных из других славянских языков и слишком случайное и несистематическое использование старинных памятников языка. Прибегая для воссоздания фактов прошлого к сравнению русского (великорусского) языка с другими славянскими языками, О. привлекает к этому сравнению только языки сербский и чешский и почти не пользуется данными

других русских языков — малорусского и белорусского — и языка польского, в морфологической системе которых много общего с морфологической системой великорусских говоров, в особенности южновеликорусского. В некоторых случаях, при решении вопроса о первоначальном характере ударения, могли быть полезны и данные словенского языка. Примеры, приводимые Обнорским из старых памятников русского языка, не старше XV в., совершенно случайны и не дают никаких указаний на то, когда и где засвидетельствованы впервые те или другие формы современного русского языка. Но так как старые памятники русского языка со стороны имеющегося в них материала для истории склонения почти не изучены, то, предъявляя к автору требование использовать этот неизученный материал, мы возлагали бы на него, может быть, непосильную задачу и должны быть ему благодарны и за ту большую работу, которую он проделал.

Остановлюсь на некоторых отдельных местах книги.

Стр. 4—5. О. указывает, что в то время, как им. ед. имен ср. р. на *-мя* «в южновеликор. звучит, как в литературной речи, сохраняя в общем конечное *a*», в северновеликор. «слова этой категории полностью объединились с именами типа II (*поле* и т. п.) и звучат в имен. ед. на *-e* или чаще на *-o* (*ё*)». Но в южновеликор. и литературном конечном *a* неударяемое ассоциируется не только с ударяемым *a*, но и с ударяемым *o*; поэтому этимологически южновеликорусские и литературные формы на *-мя* не отличаются от северновеликорусских на *-мѣ*; отношение *имя : поле* в южновеликор. и литературном то же, что и в тех северновеликор. говорах, где говорят *имѣ* и *полѣ*.

Стр. 5. Отмечая, что произношение *имѣ* и пр. распространено только в ограниченной части северновеликорусской территории, О. не ставит этого произношения в связь с произношением других форм на старые безударные *-e* и *-a* после мягких, как форма им. ед. имен ср. р. на *-e* (*поле* и т. п.), 2-го л. мн. ч. на безударное *-те* (*знаете* и т. п.), возвратных глаголов на *-ся* (*боимся* и т. п.). Но формы типа *имѣ* приходится трактовать иначе в том случае, если произносят *полѣ* и пр., но не произносят *знаетѣ*, *боимсѣ*, чем в том случае, когда и в этих формах произносится *o*, т. е. говорят *знаетѣ*, *боимсѣ* и пр. Поэтому из наблюдения Обнорского никаких выводов сделать нельзя.

Стр. 6. Форма муж. р. *пламень* в литературном языке не «идет, начиная с Ломоносова», как утверждает О., а восходит непосредственно

к церковнославянской традиции, идущей с XI в., и уже в XVIII в. ощущалась как форма высокого стиля, т. е. церковнославянская.

Стр. 9. О. ошибочно причисляет слова *щенок* и *отрок* к новообразованиям, заменившим «старые... эквиваленты их на -а(я)» ср. р. Слово *щенок* — не новообразование, заменившее старое *щенья*, а старое русское образование, параллельное старославянскому *щѣньць*; слово *отрок* — старое общеславянское слово, имеющееся в старославянском языке и перешедшее в другие славянские языки; слово же *отроча* само является производным к этому слову.

Стр. 44. Диалектич. *гвозд*, *жолуд* (или только множ. ч. *гвозды*, *жолуды*?) нельзя объяснить, как это делает О., «отверждением конечных согласных», так как конечные мягкие зубные у других имен не отвердели. Можно предполагать, что или уже в общеславянском рядом с **gvozdь*, **želqđь* существовали варианты **gvozdь*, **želqđь*, или что эти имена первоначально принадлежали к основам на согласную*; такие основы образовывали род. мн. на -ѣ и твор. мн. на -у. Так как оба имени употреблялись преимущественно во множ. числе, то эти формы могли вызвать переход их во множ. числе в склонение основ на твердые. Ср. вин. мн. *гвозды* в 1-й Новгород. летописи и др.

Стр. 47. Формы имен. ед. *начал* «начальство, руководство» и *озер* муж. рода, по мнению О., «произошли на фонетической почве (вызваны аканьем)». Но аканье не могло повлиять на изменение первоначальных *начало*, *озеро* в *начал*, *озер*. Кроме того, форма *начал* есть у Печерского, взявшего ее из северновеликорусского, т. е. окающего говора. Следовательно, причины, вызвавшие это изменение, не фонетические. Моршанское *озер* соблазнительно сопоставить с в.-луж. *jezor*, н.-луж. *jazor*, но более вероятно, что эта форма вторичная; возможно инородческое влияние.

Стр. 55. К числу «колебаний III с I типом», т. е. наличия двух вариантов одних и тех же существительных, одного ж. р. на -а, другого — муж. р. без окончания в им. ед., О. относит употребление в пословицах и песнях слова *кур* при литературном *курица*, диалект. *курка*. Но это не два варианта одного слова: *кур* — не «курица», а «петух»; отношение *кур* : *курица* такое же, как в парах *лев* : *львица*, *волк* : *волчица* и др.

Там же. Из двух вариантов — *юноша* и *юнош* — О. первое считает церковнославянизмом, а второе — образованием более древним. Но и второе в русском языке не исконное, а заимствованное из другого сла-

вянского языка**. Свое соответствующее слово звучало в старом русском языке без начального *j*.

Стр. 58. К случаям «колебаний внутри III типа, между твердым и мягким различием» имен ж. р. на *-a*, кроме указанного Обнорским *ножна* — *ножня*, относятся такие, как северновеликорусское *байна* при литературном и южновеликорусском *баня*, также *слюна* и *слюня*, *колокольна* и *колокольня*, *милостина* и *милостыня*, *простина* и *простыня*, *барышна* и *барышня*, *дыра* и *дыря* и др. Предлагаемое Обнорским объяснение мягкости *n* в *ножня* его ассимиляцией предшествующему мягкому *ж* неудовлетворительно. Ср. в тех же говорах *нужной*, *сердешной*, *прежней*.

Стр. 67. Диалект. (петрозаводск.) ударение *о́лень* О. считает более первоначальным, чем литературное *оле́нь*, на основании малор. *о́лень*. Но бо́льшая часть великорусских и белорусских говоров и все южнославянские языки указывают на первоначальное ударение на 2-м слоге: срб. *jélen*, слн. *jélen*, р. ед. *jeléna*, бл. *elénъ*. Петрозаводск. ударение на 1-м слоге может быть объяснено инородческим влиянием; в малор. ударение на первом слоге могло быть вторичным.

Стр. 82. О. приводит примеры на формы род. ед. *камени*, *корени* и *корене* из Ломоносова и Державина, не оговаривая, что это церковнославянизмы высокого стиля.

Там же. Говоря о том, что слово *день* «вошло в категорию имен на *-o*», О. без надобности включает в число примеров и наречие *сегодня*. Конечный гласный неударяемый звук, передаваемый буквою *я*, может восходить фонетически как к старому *a*, так и к старому *e*. См. следующее замечание.

Стр. 86. По Обнорскому, конечное *e* в северновеликор. диалектическом *севодне* и т. п. не восходит к *e* в старой форме род. ед. на *-e*, потому что «названные формы на *-e* почти сплошь падают лишь на наречные образования». Это не доказательство, потому что как раз в наречных образованиях сохранились многие старые формы, утраченные в живом склонении.

Стр. 90. В примере *Не миновать бяде* существительное скорее всего стоит в дательном падеже, а не родительном.

Стр. 87—97. Говоря о формах род. ед. на *-b* от имен ж. р. на *-a*, О. не обращает внимания на то, что в южновеликор. и средневеликор. говорах (между прочим и в московском) эти формы употребляются

почти исключительно после предлогов; не после предлогов род. ед. от имен на *-a* оканчивается обычно на *-y* у твердых основ и *-i* у мягких. Таким образом, форма род. ед. после предлогов может совпадать с формой дат.-местн. ед., отличаясь от формы род. ед. тех же имен без предлогов. Ср. в литературном языке первой половины XIX в. употребление местоименной формы *ней* не только после предлогов, сочтавшихся с дат. и местн. падежами, но и после предлогов, требующих род. падежа: *у ней, для ней* и др. рядом со сравнительно редкими *у нее, для нее*, тогда как без предлогов в род. падеже употреблялись исключительно формы *ея* и *ее*.

Отсутствие формы род. ед. на *-ѣ* в литературном языке при общности ее в московском говоре О. объясняет «участием в развитии литературного языка уроженцев севера» (стр. 96), т. е. очевидно той части северновеликорусской территории, какая занята говорами вологодско-вятской и владимирско-поволжской группы, так как только в этих говорах формы род. ед. на *-ѣ* вовсе неизвестны. Но он не подкрепляет этого предположения указанием на родину писателей, оказавших наибольшее влияние на нормы русского литературного языка. Так как большинство таких писателей не были уроженцами ни северо-востока, ни Поволжья, то естественнее объяснять замеченное Обнорским расхождение между литературным языком и московским говором северо-восточной основой московского койн³ XVII и XVIII вв.

Стр. 200. Отсутствие формы местн. ед. на *-и* у имен с род. ед. на *-и*, перечисленных на стр. 194—199, О. объясняет как «след... церковнославянского наслоения в нашем литературном языке». Но форма местн. ед. на *-и* от этих имен не отмечена, кроме *на холоду*, и в народных говорах. Очевидно, причина другая. Сам О. указывает в этом перечне, заключающем 89 слов, 9 слов с первоначально восходящим (акутовым) ударением на основе, от которых и по О. не могло возникнуть местн. ед. на *-и*. То же акутовое ударение на основе следует предполагать и для имен *май* (ср. чешск. *máj*) и *трут* (ср. чешск. *troud*); имена *пуп, чёлн* и *плод* имеют в косвенных падежах ударение на окончании и, следовательно, не могут иметь местн. ед. на *-и*³. Остальные имена,

³ **plodъ* в общеслав. имело циркумфлексовую интонацию на *o*; в русском языке оно заимствовано из церковнослав. и издавна произносилось с акутовой интонацией на *o* в им. ед. и переносом ударения на флексию в остальных падежах. В рукописях XVI в., обозначающих *o* из старого акутованного *o* буквою *o* с каморой,

кроме *ворох*, *хворост*, *злак*, *терн*, *хлам* и *хрен*, абстрактные, не встречаются с предлогами *в* и *на* в функции обстоятельств места и времени и уже в силу этого не могут образовать местн. ед. на *-и*. Слова *злак* и *терн* церковнославянского происхождения и могли при усвоении получить акутовую интонацию. В слове *хворост* нынешнее ударение могло быть вторичным, ср. малор. *хворóст*, серб. *хрáст*, род. *хрáста*. От имени *ворох* мне известна из говоров форма местн. ед. *вороху́*.

Стр. 216. Форму *из дикарю* в Юрьевском у. Владим. губ. О. считает «южновеликоруссизмом, зашедшим в полосу переходных говоров», как форму род. ед. на ударяемое *-и* «от имен существительных, не являющихся вещественными или собирательными». По-видимому, *дикарь* в данном случае не «погреб», как толкует Чернышев, а «дикий камень», т. е. имя с вещественным значением (в таком значении это слово известно мне из говоров Московской губ.).

Стр. 243. Из рассмотрения примеров, относящихся к чередованию основ с т. наз. «беглыми» *о* и *е*, присутствующими в форме им. ед. имен муж. р. и отсутствующими в остальных падежах, О. делает такие выводы: 1. Замечается «общее тяготение в литературном языке к употреблению чередующихся, полных и укороченных тем, в народной речи — к преимущественному употреблению тем полного вида». 2. «Последняя черта народного языка... ограничивается пределами северновеликорусской области» и области переходных говоров, а соответствующие южновеликорусские примеры «почти сплошь принадлежат песенному языку» и являются архаизмами. 3. Случаи чередования «полных и укороченных тем» в южновеликорусском и литературном языке объясняются «условиями акающего произношения». Однако эти выводы не подтверждаются материалом.

1. В народных говорах наблюдаются случаи расхождения с литературным языком не только в сторону отсутствия чередований, имеющих в литературном языке, но и в сторону наличия чередований, отсутствующих в литературном языке. Ср. примеры, названные у О. на стр. 235, а также на стр. 59, 162—163, 241, 243; кроме них можно указать и другие примеры. Сюда же относятся и такие частые в северновеликорусских говорах чередования, как *бобёр* — *бобра*, *верёх* — *верха*

пишется *па́ддь*. См. Л. Васильев, О значении каморы, стр. 110 [Васильев, 1929], и рукописи Псковского Музея № 2 и 143.

и т. п. В то же время из примеров на отсутствие подобных чередований, указанных у О., некоторые, как *дня, огнем, сону*, представлены единичными примерами в загадках и пословицах и вне их ни в каких говорах не встречаются; значительная часть остальных отмечена только в очень немногих говорах, причем и в этих говорах формы с отсутствием чередования основ часто употребляются рядом с формами тех же имен с чередованием основ, ср., напр., *лѣду* и *льду* или *льдю* в говорах б. Олонецкой, Архангельской и Вологодской губ. и др. Вообще случаи отсутствия в народных говорах чередования основ, имеющих в литературном языке, пожалуй, не чаще, чем наличия такого чередования там, где в литературном языке оно отсутствует.

2. Из 16 перечисленных у О. на стр. 235—239 имен, сохраняющих гласную основы в косвенных падежах, 5 (*лоб, мох, ров, рот, потолок*) встречаются в таком виде и в южновеликорусских говорах, как в песнях, пословицах и сказках, так и в разговорной речи; форма *огнем* отмечена только вне севернорусской территории; *пепел* — слово церковнославянское; косв. падежи *пепла* и пр. известны мне только из литературного языка; в южновеликор. и части северновеликор.—только *пѣпел*, род. ед. *пѣпела* и т. д.; слово *рели* вовсе неизвестно литературному языку; косв. падежи от *лев* с гласным звуком в основе — *лѣва* и пр.—только в песнях и сказках и в северновеликор., и в южновеликор.; остальные 7 имен с гласным звуком в основе косв. падежей в южновеликорусской разговорной речи действительно не отмечены (*лѣду* отмечено в песнях и поговорках), но 5 из них (*дня, лёну, рожки, сона, заяца*) представлены у О. лишь единичными примерами, и то частью из загадок и пословиц, и очевидно в северновеликорусских говорах мало распространены; форма *лѣду* в Поволжье вовсе не отмечена, а в поморских, олонечских и сев.-восточных говорах отмечена рядом с формами *льду* и *льдю*. Большая часть примеров на сохранение *e* в косв. падежах имен на *-ень*, приведенных у О. на стр. 240—241, как южновеликорусских, так и северновеликорусских, взята из песен и сказок, но есть примеры без такого указания и из северновеликорусских, и из южновеликорусских говоров; общее впечатление от этих примеров такое, что и в северновеликорусских говорах, как и в южновеликорусских, формы типа *камня* более употребительны. Формы типа *мизинеца* отмечены, правда, только в северновеликорусских говорах (в единичных примерах), зато формы типа *телѣнака* — только в южновеликорусских.

К этим примерам можно добавить такие, как южновеликорусское склонение *колодесь* — *колодезя* (из первонач. *колодязь*) в соответствии с литературным и северновеликорусским *колодець* — *колодця*.

3. Чередование основ с беглыми гласными из общеслав. ъ, ь возникло до появления аканья. Такие же формы, как *льду* (*льдю*), *рва*, *зайца*, *потолка*, *гребня*, *камня* и пр., в северновеликор. гораздо употребительнее, чем формы с сохранением гласной, и притом там, где не может быть и речи о влиянии акающих говоров. В формах *льду*, *рва*, *потолка*, *кремня*, *ремня*, *назьму*, *зву* выпала ударяемая гласная; очевидно, аканье здесь ни при чем. На то, что аканье само по себе не вызывало при склонении выпадения послеударных гласных, указывают такие случаи, как южновеликорусские формы *колодезя*, *пѳела* и т. д.

Стр. 244. Форма *пепела* у Ломоносова скорее всего не северновеликорусский диалектизм, как думает О., а церковнославянизм. Во всяком случае для такого утверждения следовало проверить употребление этого слова у современников Ломоносова.

Стр. 250—251 и 292—293. О. говорит об употреблении форм дат.-местн. ед. имен ж. р. и местн. ед. муж. р. на ударяемое *-i* в южновеликорусских говорах и почти не упоминает о подобных формах в северновеликорусских, ограничиваясь замечанием, что они здесь «возникли фонетически из *-b*», и не указывая района их распространения. Так как во многих говорах Архангельской и Олонецкой губ. *i* из *b* является только в окончании дат.-местн. и местн. ед. существительных и местоимений, то мы не располагаем достаточными данными для того, чтобы считать такое *i* возникшим из *b* фонетически, а потому следовало использовать полностью и материал, относящийся к такому произношению, и из этих говоров.

Стр. 267—268. О., по моему мнению, правильно объясняет вин. ед. *жизню* и т. п. стремлением языка «избегнуть произношения в исходе слов группы согласных». Я бы только добавил: «группы согласных на сонорную».

Стр. 276. Напрасно О. говорит про «старые окончания (твор. ед.) *-омь*, *-ъмь*, *-ѳь*, принадлежавшие разным типам склонения» и давшие «фонетически закономерный общий результат — окончание *-ом*, *-ем*». Старые окончания *-омь*, с одной стороны, *-ъмь* — с другой не могли дать «закономерно общего результата» во всех великорусских говорах, потому что *о* и *ѳ* не в первом слоге слова в значительной части велико-

русских говоров имели разную судьбу. Все великорусские говоры, различающие два вида *о*, указывают на то, что окончание твор. ед. *-ом* в великорусском, как и малорусском, южновеликорусском и западнославянских языках восходит к общеславянскому *-ъмь*, а не к общеславянскому *-омь*; на то же указывают и старшие памятники русских языков. В современном великорусском (и в русском литературном) языке форма твор. ед. имен муж. и ср. р. оканчивается только на *-ом* под ударением и его неударяемые корреляты без ударения; окончание *-ем* только орфографическое.

Стр. 282. Нет оснований приписывать средневеликорусским и южновеликорусским формам твор. ед. на *-juĭ* (*осеньюй*) и т. п. *несомненное* северновеликорусское происхождение, хотя бы уже потому, что территория говоров с этими формами не примыкает к территории северновеликорусских говоров с формами твор. ед. на *-joĭ* (*осеньёй*), с которыми О. связывает формы на *-juĭ*. Для утверждения же, что «тип данных форм (на *-joĭ*) был свойствен и владимирско-поволжской группе северновеликорусских говоров», нет никаких оснований, так как в подобном случае исчезновение этих форм и замена их уже снова архаическими формами на *-ju* были бы совершенно необъяснимы.

Стр. 284. О. ошибочно считает *е* в окончании твор. ед. имен ж. р. на *-эй* (*пшонэй, бабэй* и пр.) рефлексом «исконного восходяще-долгого *о*», так как такое *е* после твердых имеется в великорусских и белорусских говорах и в окончаниях им. ед. муж. рода и множ. числа местоимений и прилагательных: *злэй, худэй, зли, худѣ* и пр.

Стр. 293. О. говорит: «В случае ударяемости слов (в местн. ед.) не на флексии, а на основе в литературном языке сохраняется орфографическое *е* (*ѣ*)». Но это факт чисто орфографический. В безударном окончании местного падежа орфографическому *е* (*ѣ*) в литературном произношении, как и в значительной части северновеликорусских и южновеликорусских говорах, соответствует *i*; только в некоторых южновеликорусских говорах в этом случае является *-а* (*на дарога* и пр.). Но О. не касается вовсе вопроса об окончании местн. ед. существительных при ударении на основе в великорусских говорах.

Стр. 294—295. Окончания *-иѣ, -ѣи* безударные в местн. ед. имен на *-иѣ, -ѣи* О. объясняет как «церковнославянское наследие». Орфографически это так, но в живом языке здесь то же *i*, что в безударном окончании местн. ед. других имен.

Стр. 296. По вопросу об ударении в форме местн. ед. ж. р. старых основ на *-i* О. ограничивается указанием, что «окончание местного ед. *-и* (т. е. *i*.—*Н. Д.*), имевшее на себе восходящую интонацию, закономерно перетягивало на себя ударение с основы, содержавшей короткую или нисходящедолгую гласную», и немногими примерами на имена, имеющие ударение в местн. ед. на конце: из этих имен в его список примеров попало только 15, тогда как всех подобных имен около 50; только полный список их позволил бы точнее определить современные условия постановки ударения на окончании местн. ед. у имен ж. р. с имен. ед. на мягкую или шипящую согласную.

Примечания

В оттиске рецензии на книгу С. П. Обнорского «Именное склонение в современном русском языке. Выпуск I. Единственное число», находящемся в библиотеке Института русского языка РАН, имеет место правка, сделанная Н. Н. Дурново. Приводим эту правку:

* В этом месте Н. Н. Дурново вставляет следующие слова: «, как показывают русские письменные памятники XI—XII вв., в которых часто встречается форма твор. множ. **гвозды**;».

** В этом месте Н. Н. Дурново вставляет сноску: «Ср. с.-х. *жунош*».

В. М. Истрин. Книггы времяньгъта и шбразньгъта Гевургина мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Том III. Греческо-славянский и славянско-греческий словари. Ленинград. Издательство Академии Наук СССР. 1930. L + 348 стр.

Третьим томом заканчивается капитальный труд акад. Истрина, посвященный Хронике Георгия Амартола. Нет надобности говорить о том огромном значении, какое имеет для истории славянской письменности и славянских литературных языков издание словаря к славянскому переводу этой Хроники, одному из самых крупных памятников старославянской переводной литературы, возникшему не позже середины XI в. Составление словаря к такому обширному памятнику требовало огромного труда и самого напряженного внимания. Перед составителем стояла почти непосильная для одного человека задача выбрать все слова из памятника, занимающего в издании более 500 стран. текста, напечатанного гражданским шрифтом, и указать все соответствия между несколькими тысячами слов греческого оригинала и славянского перевода, не пропустив ни одного слова, так как только одна возможность не найти в словаре какое-нибудь слово, имеющееся в памятнике, сильно понижает ценность словаря. Решимость взять на себя эту работу и выполнить ее одному была со стороны Истрина подвигом. И трудно ставить ему в вину то обстоятельство, что в словарях, обнимающих приблизительно 8500 греческих слов и 6800 славянских, оказались все-таки пропуски (см. ниже).

В предисловии к словарям (стр. I—II) И. пишет, что первоначально он предполагал «указать в Словаре все случаи, где греческое слово передано тем или другим славянским», по типу словарей к таким памятникам, как Сав., Син. Пс. и т. п., но потом от этого плана «пришлось

отказаться и довольствоваться указаниями лишь на один пример каждого значения». И. оправдывает это решение тем, что «для определения степени литературной начитанности переводчика и его умения владеть богатым словарным материалом... достаточно иметь налицо весь запас слов Хроники, хотя бы и в единичных примерах». Но главная задача подобных словарей—вовсе не определение образованности переводчика, а знание словаря языка. Если греческое слово переводится разными славянскими словами, то чтобы понимать их значение, надо выяснить, стоит ли употребление в переводе разных славянских слов (в связи) с различными оттенками значения греческого слова или не стоит. Кроме того, не одно и то же, если какое-нибудь греческое слово сто раз переведено одним славянским словом и один раз другим и если оба славянских слова как перевод одного греческого встречаются одинаково часто. Нет надобности в словаре указывать все случаи перевода одного греческого слова одним славянским—в словаре такого обширного памятника эта задача была бы невыполнима,—но отличать обычный перевод от необычного необходимо, и это не очень увеличило бы объем словаря: достаточно, приведя ссылку на одно место, сделать указание на то, что данное слово в данном значении (или с данным переводом) встречается часто, во всем памятнике, или редко, в такой-то части памятника, или столько-то раз, если случаи такого перевода единичны. Может оказаться, что в одной части памятника известное греческое слово переводится иначе, чем в другой части, что могло бы указывать на разных переводчиков. Ссылка на один случай употребления слова всего этого не позволяет сделать.

При издании словаря к памятнику очень важно приводить не только ссылку, но и цитату, чтобы не приходилось для понимания слова каждый раз обращаться к тексту памятника. Но так как настоящий словарь является не самостоятельным изданием, а приложением к изданию текста, то этот пробел в данном случае несуществен.

Для выяснения полноты словаря и принципов, положенных Истриным в основу словаря, я сверил данные словаря с несколькими страницами изданного Истриным в I томе текста памятника, именно, со стр. 27, 31, 63, 64, 265, 503, 509 и 532, причем стр. 503, 509 и 532 сверил и с греческим текстом продолжения хроники Георгия Амартола, изданным во II томе труда И. Это сличение позволило выяснить те принципы, положенные Истриным в основу при составлении словаря,

о которых не говорится в предисловии, и получить представление о некоторых пробелах словаря.

Принцип занесения слов в словарь у И. обычный: существительные заносятся в именит. пад. ед. ч., прилагательные — в бесчленной форме ед. ч. муж. рода, глаголы — в инфинитиве и т. д. Но при этом греческие глаголы вносятся в словарь по иному принципу, чем славянские. В то время как несовершенный и совершенный виды славянских глаголов заносятся в словарь каждый отдельно, напр., **повѣдиги** и **повѣждати**, **прѣльстити** и **прѣльщати**, **приклонити** и **прикланати**, **приняти** и **примати** и т. п., греческие глаголы заносятся только в форме имперфективного вида; поэтому нет ни ἐλθεῖν, ни εἰπεῖν, ни εἰρηκέναι и т. д., а только ἔρχεσθαι, λέγειν и т. д.; в качестве греческих соответствий славянским **принити**, **реци**, **проглаголати**, **оувидѣти** и т. п. указываются, между прочим, ἔρχεσθαι, λέγειν, προλέγειν, ὄρᾱν, хотя в тексте этим глаголам совершенного вида соответствуют формы аориста или перфекта. Исключение сделано только для глагола перфективного вида ἦκειν, который в словаре имеется. Почему-то оказался в словаре и аористный инфинитив ἰδεῖν для одного случая, где аорист εἶδε переведен настоящим временем **вѣдаеть**. Но для тех случаев, когда этому аористу соответствуют славянские глаголы соверш. вида **оувидѣти**, **оузърѣти**, **возърѣти**, в качестве греч. соответствия указано только ὄρᾱν. Такое несоответствие во всяком случае не может быть названо правильным: если разные виды славянского глагола в словаре разделены, то же надо было сделать и для греческого глагола.

При составлении словаря нельзя было сохранить написания рукописи, так как слова могли оказываться в словаре в таких формах, какие в самом тексте памятника не встречаются; надо было правописание так или иначе нормировать. Но здесь перед составителем стоял трудный вопрос: как нормировать? Перевод был сделан на старославянский язык. Но старославянское правописание было одно в Восточной Болгарии, другое в Македонии, третье в Моравии. На Руси старославянское правописание уже в середине XI в., как показывает Остромирово евангелие, отличалось от болгарского. Кроме того, перевод Хроники бытовал на Руси в XII, XIII вв. и позднее, сохранился в списках не раньше XIII в.; стоит ли применять к словарю этого памятника правописание времени его возникновения? Нормы восточноболгарского, македонского и моравского правописания XI в. нам извест-

ны. В русском правописании старославянских и церковнославянских текстов XI—XIII в., если мы будем исходить из текстов, написанных грамотно¹, можно различать 3 стадии, не считая переходных. Все они характеризуются отсутствием смещения **ж** с **а** и **ъ** с **ь**, правильным, за исключением строго определенных случаев, употреблением **ѣ**, различного и от **е**, и от **ѧ**, болгарским употреблением **ѡ** (**свѣѡца**), употреблением гласной перед плавной в сочетаниях из о.-сл. *l, r* (**вѣлкѣ**, **пѣрвыи**), употреблением **ѧ** в основе **помѧн-** и в прилагательных на **-ѧнѣ**. Полногласие или его отсутствие в систему правописания не входило: русские слова писались с полногласием, южнославянские и чешские с гласной после плавной. Древнейшая стадия русского правописания (ср. Остр. ев.) правильно отличает **ж**, **ѡ**, **ѧ**, **ѣ** от **оу**, **ю**, **а**, **ѧ**, правильно сохраняет **ъ** и **ь** сильные и слабые, пишет по-болгарски **ѣд** на месте о.-сл. *dj* и различает **к** и **ѣ**². В следующей стадии отличия сводятся к тому, что **ж**, **ѡ**, **ѣ** последовательно заменяются через **оу**, **ю**, **ѧ**, гласная **ѧ** совпала после старых мягких с **а** или **ѧ**, а болгарское **ѣд** из *dj* последовательно заменяется через **ж**. Вариантом этой стадии является правописание, пропускающее **ъ** и **ь** слабые в первом слоге основы (не в приставках и суффиксах!). Следующая 3-я стадия русского правописания — та, какая явилась после падения т. наз. глухих. Если не считать провинциальных галицко-волынского и новгородского правописаний, то всё отличие русского правописания 3-й стадии от предыдущей состоит в том, что старые **ѣ** и **ѣ** сильные и перед плавными заменяются через **о** и **ѣ**, а **ѣ** и **ѣ** слабые часто пропускаются, сохраняясь главным образом в приставках, в конце слова и там, где могут иметь фонетическое значение, обозначая твердость или мягкость.

Истрину оставалось применить одну из названных систем. Но вместо этого он дает собственную систему, которую притом не выдерживает последовательно. Согласно русскому правописанию, господствовавшему на Руси с конца XI в., в отличие от старославянского, он вообще не употребляет букв **ж** и **ѡ**, заменяя их всюду буквами **оу** и **ю**, но в отличие от этого правописания различает буквы **ѧ** и **ѣ**, с одной сторо-

¹ Грамотными рукописями я считаю все рукописи, в которых написания слов подчинены определенным нормам, хотя бы эти нормы и расходились со взглядами того или другого ученого на правильность.

² Таковы нормы 1-го почерка Остр. Но, конечно, не вполне грамотные или недостаточно внимательные писцы могли делать ошибки.

ны, а и га — с другой: **часъ, коньчати, шатъръ, жаба, царь, болгаринъ, гавлати, поасъ** и т. п., но **чудо, научати, цага, ладвик, ѡти, поѡти** и т. п.; однако употребление этих букв не соответствует ни старославянским, ни древнерусским нормам; так, он пишет **а** и **га** вместо этимологических **ѡ** и **ѡа**: **жатва, газыкъ** и др. и, наоборот, **ѡ** вместо этимологического **га**: **кланѡтисѡ** и др. Так как **а** и **ѡ** стоят в разных концах алфавита, то такая непоследовательность затрудняет отыскание слов. На месте о.-сл. *dj* И. везде пишет по-болгарски **жд**, хотя в русских памятниках, не употребляющих **ж**, с XI до XV в., в этом случае последовательно пишется **ж**. В начале слов и после гласных И. пишет **ѡ** даже в таких словах, в которых русские рукописи XI и XII вв. пишут обыкновенно **ѡ**: **ки, ѡтеръ, ѡзеро, ѡлень, ѡретичьство**. Проще было бы, раз словарь печатался гражданским шрифтом, букву **ѡ** вовсе не вводить.

В соответствии со старославянскими **ѡ** и **ѡ** сильными И. вообще пишет **ѡ** и **ѡ**, следуя, т. о., правописанию, господствовавшему на Руси до середины XII в.: **дѡждь, смокѡвница, дѡнь** и пр., но этого правописания не выдерживает и пишет **о** не только в **довольнъ** и **оуповати** вм. **довѡльнъ** и **оупѡвати**³, согласно с правописанием некоторых русских рукописей конца XI в., но и в таких словах, как: **без крови, вѡзопити, злокозньнъ** (но **кѡзнь**), **локоть, любовь, тоуно** (но **тѡкъмо**) и др., а **ѡ** в словах **вѡзрѡвновати, молебьникъ** (но **мольбѡнъ**) и др., что опять-таки затрудняет нахождение слова. Слово **вѡскриание** приходится искать в словаре под **о**: **оскриание**. Правда, в Троицком списке XIII в. читается **вѡскриани**, но это, надо думать, ошибка. Чтобы не навязывать читателю своего толкования, можно было оставить в словаре и то, и другое.

ѡ и **ѡ** слабые И. старается писать правильно, пропуская их часто только в первом слоге основы, т. е. следуя в этом случае правописанию, известному из русских рукописей уже с конца XI в. (напр., во 2-м почерке Арханг. ев.) и неизвестному южнославянским рукописям XI в., пропускающим **ѡ** чаще в суффиксах. Но и это правописание И. не выдерживает. Рядом с такими написаниями с пропуском **ѡ** и **ѡ** в первом слоге основы, как **врати, гнати, звати, зрѡти, вѡспрѡти, довѡти, здание, книга, князь, много, что** и др., в Словаре имеются написания с сохранением **ѡ** и **ѡ**: **бѡдѡти, бѡтарь, вѡегда, вѡсе, вѡсако, повѡсюдоу, дѡньсѡ, жѡгома, жѡдати, забѡвеник, лѡгати, мѡнѡти, вѡдова, обѡвѡ-**

³ В этом слове **о** явилось на месте **ѡ** слабого.

довѣти, посылати, кѣто и др. И в этом случае, благодаря такой непоследовательности, одно слово приходится искать в двух местах. Не в первом слоге основы (в приставках, суффиксах, конце слова) И. вообще сохраняет ъ, ь слабые, но иногда пропускает их там, где они в памятниках XI в. не пропускались, напр., в приставках **низъ, прѣдъ**, или, наоборот, пишет их и там, где их никогда не было: **десъница, десънь, жельзънь, замысль, присъно**, что опять-таки затрудняет отыскание слова, попадающего не на свое место.

На месте древнерусских ѝл, ѝр, ѝр, ѝл, ѝл, ѝр, ѝр или древнеболгарских ѝл, ѝл, ѝр, ѝр между согласными И. всюду пишет ѝл, ѝл, ѝр, причем ѝл — только в соответствии с древнерусским ѝл, позднейшим *ле*: **вальстѣти, слъзда**, но **млъуати, влъкъ, плъть, съмрътъ, кръстъ** и пр. Но подобное (и то не совсем такое) правописание этих сочетаний из русских рукописей имеется только в Пандектах Антиоха XI в., да и в южнославянских рукописях XI в. не встречается (в Мар. пишется **слъзы**, в остальных имеется не только **рѣ**, но и **ръ**).

Сильно затрудняется отыскание слов благодаря смешению глухих и звонких согласных. Так, И. пишет **здравъ, здравнѣ** вм. **сѣдрав-** (в тексте Хроники всюду, не менее 7 раз, **сдрав-**), **въспити** при **възопити** вм. **възѣпити** (в тексте, в указанных И-м местах, 6 раз **възѣпи-** и по одному разу **въспи-**, **възѣпи-** и **возѣпи-**), **въздѣ** вм. **въсьде** (в тексте **везде**), **нѣгде** вм. **нѣкъде** (в тексте **нѣкъде**) и др.⁴

Иногда И. неправильно восстанавливает слово, что тоже затрудняет его отыскание; так, вм. **сѣкрило** (в Троицком списке **Ѡ скрила Арона** 156₁₃) дано **вскрило** на основании явно ошибочного чтения поздних списков. Удобнее было дать в словаре оба варианта.

Слова, встречающиеся в Хронике в полногласном виде или с начальным **о** вместо ст.-сл. **ѣ**, И. правильно помещает в словаре в том же виде.

Словари содержат не все слова, встречающиеся в славянском переводе Хроники. В нем отсутствуют собственные имена, даже в том случае, если они в славянском тексте даны в славянском переводе; так, напр., имена **Хроуша** Ἰακῶβ 63₁₈, 64₁₁ и др., **Образъникъ** Εἰκότιον 35₂₃, **Загаучъ** Λαγού 199₂, **Волнатаго** (козла) Μενδήσιον 63₁₉, **Пожевъникъ** Μαχαίραξ 509₂₆ и др.

⁴ Это не опечатки, потому что названные слова в словаре занимают соответствующие по алфавиту места.

Отсутствуют полностью слова, представляющие транскрипцию или видоизменение, хотя бы значительное, соответствующих греческих слов, равно как и образованные от них прилагательные, как, напр., **ангелъ**, **апостолъ**, **гигантъскыи**, **даскалъ** (διδάσκαλος), **диавольскыи**, **ероулы**, (αἰλουροί), **еретичьскый**, **идолъ**, **икона**, **кесарь**, **магистръ**, **патриаршьскъ** и мн. др.⁵, хотя есть **подроумиѣ** ἰπποδρομίον. Сюда же, очевидно, И. относит и слова **олѣи**, **папежъ** и **полата**, имеющиеся в славянском тексте Хроники, но отсутствующие в обоих словарях, хотя **олѣи** и **папежъ**, несомненно, в славянский язык перешли не из греческого языка, отношение же **полата** к греч. *παλάτιον*, переводом которого является это слово в Хронике⁶, и к латинск. *palatium* остается не вполне выясненным. Если слово, взятое из греческого языка, является в славянском тексте переводом другого греческого слова, оно в словарях дается. Так, там есть слово **манастырь**, но только как перевод греч. *μονή*, хотя этим словом не менее часто в славянском тексте Хроники передается и греч. *μοναστήριον*⁷, вовсе отсутствующее в словарях. Однако слова **архистратигъ** *στρατιάρχης* 503₁₄ в обоих словарях нет. В греческо-славянском словаре при тех греческих словах, которые в славянском тексте Хроники в одних местах переведены, в других только транскрибированы или несколько видоизменены, даются только те славянские параллели, которые представляют перевод; так, при *εἶδωλον* указано **коумиръ** и нет обычного **идолъ** (ср. 63₁₃, 64_{22, 23, 26}), при *εἰκόν* указано **видъ**, **образъ** и нет не менее частого **икона** (ср. 503₉ и др.) и т. д. Таким образом, читатель, пользующийся словарями Истрина, может получить совершенно превратное представление о словарном составе славянского перевода Хроники, предположив, напр., что в нем *εἶδωλον* везде переведено словом **коумиръ**, что словом **манастырь** передается только греч. *μονή* и т. д.

По-видимому, нет в славянской части Словаря и тех славянских слов, которым нет соответствия в греческом тексте Хроники. По крайней мере, так можно понимать отсутствие слова **нерѣчистъ** в Словаре: в славянском тексте читается: **бѣ же рода неречиста** 265₄; в греческом соответствующих слов нет, а вместо этого стоит *οὐδὲ Νέρωνος*.

⁵ Перечень их см. у Истрина, Хроника Г. А., т. II, стр. 200—203.

⁶ Между прочим, 503₅, 532₃ и др.

⁷ 503₁₃ и др.

Отсутствует в словаре большая часть предлогов, союзов и других частиц. Такой пропуск представляет большое неудобство, потому что в употреблении этих слов между славянскими языками издавна существовали различия, которые отразились и на старославянских памятниках.

Пропущены местоимения личные, притяжательные и некоторые другие. Какими принципами руководился И., пропуская или вводя в словарь те или другие местоимения, неясно; так, в словаре есть **къто** и нет **ѹто**, **ѹни**.

Отсутствуют все числительные (и порядковые, и количественные, и собирательные), кроме **ѿдинъ** (но в греческо-славянском словаре числительного εἷς нет) и **оба**. Таким образом, в словарях нельзя даже справиться, есть ли и какими словами обозначаются в Хронике числа 40, 90 и 1000, что очень важно для определения национальности переводчика.

Кроме названных пропусков есть и пропуски случайные. На просмотренных мною 8 страницах (около 0,015 всей Хроники) я заметил следующие пропуски.

1. В обоих словарях, и греческо-славянском, и славянско-греческом, отсутствуют следующие соответствия:

бивъшеся πολέμου συγκροτηθέντος 509₅ (есть только *битися* συγκροτεῖσθαι, без πολέμου),

брань πολέμιον 509₁₈ (слова πολέμιον вовсе нет),

бъчельньи μελισσῶν 63₁ (обоих слов, как и слова *бъчела*, вовсе нет);

вода ὕδατα 509₁₄ (есть только *вода* ὕδωρ);

градъская πόλεως 509₁ (оба слова есть, но с другими параллелями);

избѣжати διαδιδράσκειν 509₁₆ (слова διαδιδράσκειν вовсе нет);

идеже ἐνθα 532₃;

наипървѣ πρῶτος 31₉ (*наипървѣ* вовсе нет);

нарицаемьи ἐπώνυμος 509₄;

обѣдати ἀριστεύειν 532₂₄;

отрубънъ ἀλφίτου 265₁₈ (*отрубънъ* вовсе нет, ἄλφιτος нет в греческо-славянском словаре; в славянско-греческом есть *отрубьянъ* ἀλφίτου);

поне κατόπιν 532₁;

първъньчъствия πρωτοκία 93₁₇;

пшеничьное σίτου 63₁ (слова *пшеничьный* вовсе нет);

своя си τὰ ἴδια 509₂₃;

старьць γέρων 265₁₅ (*старьць* только в греческо-славянском словаре как перевод греч. πρέσβυς и πρεσβύτερος; в славянско-греческом словаре это слово отсутствует; для γέρων указана только одна параллель «старь»);

стражьньи βίγλης 532₂₆ (обоих слов вовсе нет);

сърѣте κατά συνάντησιν 509₂₆;

холотьски σχολῶν 509₁₇ (обоих слов вовсе нет);

(*не*) *хотя (μή) θέλων* 503₂₆ (θέλειν есть, но с другими славянскими параллелями);

четвероножины τετραπόδες 31₄, 63₁₁ (слова *четвероножина* вовсе нет).

2. Данное соответствие указано в греческо-славянском словаре, но отсутствует в славянско-греческом:

велелѣнь сѣмвопретής 27₁₃.

3. Данное соответствие указано в славянско-греческом словаре, но отсутствует в греческо-славянском:

Θεομήτορος богородичинь 503₁₄;

κρυπταμίαις таинобращьствьнь 503₂₆;

μοναχός мнихъ 503₁₈;

παρίπλεύειν минути 509₃;

σφοδρῶς зѣло 532₃₀.

Кроме того, при печатании в славянско-греческом словаре выпущено слово *огнь*, и греческие параллели этому слову оказались при слове *огнище*. Мелкие ошибки и неточности, встретившиеся мне, опускаю.

Неверно приведены в словаре слова *царевъ*, *царевьскъ*, *царица*, *царь*, *царьскъ* и пр. (в обоих словарях): в Троицком списке всюду *ѣрь*, *ѣрица*, *ѣревъ* и т. п., т. е. *цьсарь*, *цьсарица*, *цьсаревъ* или *цесарь* и т. д., как и в остальных старославянских и церковнославянских памятниках до XIV в.

Все указанные пропуски и неточности, хотя и понижают ценность словарей, составленных Истриным, всё же не отнимают у них их крупного значения для старославянской лексикологии. Между прочим, они сильно облегчают решение вопроса о национальности переводчиков Хроники Георгия Амартола, так как этот вопрос решается главным образом на основании изучения словаря памятника.

* * *

Словарям предпослано введение на 46 страницах (V—L), посвященное разбору мнений других ученых о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола. Рассмотревши замечания, высказанные по этому вопросу мною⁸, проф. Вейнгарт⁹, проф. Розовым¹⁰ и акад. Лавровым¹¹, И. приходит к выводу, что все эти замечания не опровергают его положения, высказанного им во II-м томе его труда¹², что перевод был сделан русским славянином в середине XI в. Новых данных в пользу своего мнения он не приводит, оперируя исключительно с тем материалом, какой был привлечен им раньше, и тем, какой был привлечен его рецензентами. При изложении и разборе этого Введения я позволю себе вкратце остановиться и на разборе мнений Вейнгарта и Лаврова.

Напомню вкратце доводы И. в пользу русского происхождения перевода Хроники Георгия Амартола и замечания, высказанные по этому поводу другими учеными.

И. во II-м томе своего труда указывал в качестве доводов и пользу русского переводчика следующие факты: *a)* полногласие, *b)* сложения с приставкой *вы-*, *c)* передачу греч. $\mu\beta$ через *мб*, *d)* $\rho\alpha\tau\rho\omicron\nu\mu\iota\varsigma$ на *-ичь*, *e)* глоссы, *f)* слово *варяжськъ* для перевода греч. $\phi\rho\acute{\alpha}\gamma\gamma\omega\nu$, *g)* название скифов козарами, *h)* название «Селунь» как глоссу к «Фесалоникии» и *i)* ряд словарных русизмов. Во введении к II тому он, под влиянием сделанных ему возражений, не настаивает на пункте *c)*, продолжая поддерживать остальные пункты, но опираясь уже главным образом на словарные русизмы.

Я в своей статье указывал, между прочим, на то, что полногласие само по себе еще не указывает непременно на русского переводчика,

⁸ К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола, *Slavia IV* (1925), стр. 446—460 [Дурново, 1925—наст. изд., с. 367—382].

⁹ *Byzantské kroniky v literatuře církevněslovanské*, č. II, Bratislava 1923, odd. 1, стр. 88—90, odd. 2, стр. 510—514. (Spisy filosofické fakulty univ. Komenského IV.)

¹⁰ *Slavia*, IV, стр. 364—370 и V, 359 сл. (рец. на книгу Вейнгарта) [Розов, 1925, 1926].

¹¹ Георгий Амартол в издании В. М. Истрина, *Slavia IV* (1925), стр. 461—484 и 4, (1926), стр. 657—683.

¹² Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, т. II, Петроград 1922, стр. 268—309.

так как известны случаи позднейшей замены переписчиками неполногласных форм полногласными (как и обратные — полногласных неполногласными), что в Истринском списке словарных русизмов перевода есть и слова, известные издавна южнославянским языкам, и что некоторые глоссы могли принадлежать и южнославянскому переводчику, а некоторые могли быть внесены позднее. При всем том я признал, что некоторые слова и глоссы из названных Истриным могли принадлежать только русскому переводчику, не южному славянину и не позднейшему редактору. Незначительное количество таких русизмов и наличие вряд ли известных русским в XI в. южнославянских слов я объяснял тем, что перевод был сделан на Руси комиссией, в которой русскому переводчику могла принадлежать второстепенная роль.

Проф. М. Вейнгарт предполагает, что перевод был сделан болгариним, может быть, из Западной Болгарии или Македонии; но возможно, что этот переводчик болгарин работал в Киеве или вообще на Руси. Доказательства этой мысли приведены им на стр. 88—95-й 1-го выпуска II-го тома. Во 2-м выпуске он довольствуется изложением взглядов Истрина и голословными замечаниями о своем несогласии с ним, не приводя новых доводов. Его доводы сводятся к следующим:

1. Судя по летописной заметке, при Ярославе на Руси переводились книги только «*páboženské*»¹³, к числу которых Хроника Георгия Амартола не принадлежит.

2. В переводе есть старые слова, имеющиеся в кирилловских евангелиях, которым в более позднем болгарском переводе Амартола (т. наз. сербском Амартоле) соответствуют другие слова.

3. В переводе часты образования с суфф. *-янин* от греческих географических имен, отсутствующие в позднем болгарском переводе Амартола.

4. В Троицком списке Хроники почти нет русских падежных форм на *-ѣ*, соответствующих ст.-сл. формам на *-а*.

5. В том же списке постоянно пишется *-ык*, *-ыа* и т. д. вместо русско-го *-ик*, *-иа*.

¹³ Истрин на стр. XLVII неверно понимает «*páboženské*» как «богослужебные» и доказывает, что богослужебные книги при Ярославе не переводились. Это тоже не совсем точно, потому что церковный устав, переведенный при Ярославе, относится к богослужебным книгам.

6. **о** в слове **вельможа** может указывать, по мнению В., на зап.-болг. или македонский говор с **о** из **ж**.

7. Русизмы словаря могут указывать на то, что переводчик работал на Руси, а не на его национальность.

Относительно доводов В. я могу заметить следующее. Летописная заметка не говорит о переводе книг только религиозного содержания, а лишь о том, что читатели книг, переведенных при Ярославе, наслаждаются учения божественного. Но для такого наслаждения достаточно много давала и благочестивая Хроника Георгия Амартола. Несколько странно в качестве доводов в пользу *болгарского* происхождения перевода указывать на отсутствие некоторых особенностей этого перевода в несомненно *болгарском* втором переводе Хроники и в несомненно *болгарской* редакции евангельского текста в Остром. ев., отличном по своему словарю от других русских списков Евангелия. *Все* слова, приводимые В-том в доказательство болгарского происхождения перевода, имеются не только в богослужебных текстах Евангелия и Псалтыри, принятых в XI—XII вв. на Руси и, вероятно, у чехов и потому хорошо известных тогдашним русским и чешским переводчикам, но и в памятниках чисто русского происхождения, как Сказание о Борисе и Глебе, Несторовы жития Бориса и Глеба и Феодосия, Повесть временных лет, слова митроп. Илариона и Кирилла Туровского и т. д., а некоторые также и в Русской Правде, грамотах XIII в. и т. п. Образования на *-янинь* обычны исстари и в сербохорватском, и в русских, и в чешском языках. В памятниках русского происхождения XI—XII вв. таких образований много. Падежное окончание **-ѣ** от основ на палатальные в соответствии со ст.-сл. **-а** в Троицком списке Хроники встречается (ср. **мѣжѣ** 31₁₀, другие примеры у Истрина, стр. XL), хотя и очень редко, но оно и в оригинальных русских памятниках не всегда часто. Так, в Лавр. списке Повести временных лет 1377 г. во введении на лл. 1—7 об. я насчитал всего 6 случаев с окончанием **-ѣ** (или **-ѣ** после гласных) при 23 случаях с **-а**, **-а** и **-а**. В Сказании о Борисе и Глебе по списку XII в. на первых 8 стр. издания 9 примеров с **-ѣ** и 23 примера с **-а**, **-а**, **-а**. В житии Феодосия Печерского окончания **-ѣ** в этих формах почти нет: на первых 12 страницах (по изданию) 1-го почерка я нашел только два примера с **-ѣ** при почти 60 примерах с **-а**, **-а**, **-а**, а на первых 5 стр. 2-го почерка ни одного примера с **-ѣ** при 36 примерах с **-а**, **-а**, **-а**. В русских рукописях XI и 1-й половины XII в., действитель-

но, чаще написания с **-ик**, **-ипа** и пр., чем **-ьк**, **-ьпа**, но в конце XII в. и в таких случаях начинает вытесняться буквою **ь**: так, в Лавр. списке Повести врем. лет в рассказе о княжении Ярослава с 1016 по 1050 г. на 43 примера с **ь** только 3 примера с **и**. В слове *вельможа* старое *о*, а не **ж**, и слово это издавна известно, между прочим, русским и польскому языкам и встречается в русских оригинальных памятниках¹⁴.

Лавров высказывает предположение, что перевод Хроники был сделан мораванином, но на славянском Юге. За это, по его мнению, говорят такие факты: а) за то, что переводчик работал на Юге славянства:

1. Три случая употребления **ж**; все три в списках XV и XVI вв.
 2. Три случая написаний, которые могут объясняться тем, что в протографе было смешение **л** и **ж**.
 3. Один раз **тысюць** в списке XIII в.
 4. Несколько примеров с **а** вм. **ѣ**.
 5. **а** вм. **ѣ** один раз в слове **авѣ** и 7 раз в местоимении **акыи**.
 6. **п** вм. греч. **υ** в дифтонге перед глухой согласной 2 раза.
 - 8.^{14а} Предлог **от** при глаг. **боатиса**.
 9. Частые случаи разделения неопределенных местоимений и наречий с **нѣ**- вставкой предлога после **нѣ**-.
 10. Муж. род некоторых слов, принадлежащих в русском языке к женскому.
 11. Ряд южнославянских слов, неупотребительных в русских памятниках (стр. 124 сл., 480—482, 657 сл.).
 12. Образования с суфф. **-икъ** и **-ьць**.
 13. Глаголы на **-ствовати**.
 14. Непереведенные грецизмы.
- б)* за то, что переводчик был мораванин:
1. **ш** и **ж** перед суфф. **-анинъ**: **фракишанинъ** и т. п.
 2. Оборот **пять межю десятьма**.

¹⁴ Те же приблизительно возражения были сделаны Вейнгарту и Розовым — Slavia IV. 2, стр. 366—368 [Розов, 1925]. Слова **искрь** и **оужика**, неизвестные Розову из чисто русских памятников, в таких памятниках встречаются, **искрь** — между прочим, у Кирилла Туровского и в русском переводе Песни Песней с толкованиями Ипполита и Филона Карпафийского, **оужика** — в Повести временных лет, у Кирилла Туровского и др.

^{14а} Так в оригинале: п. 7 отсутствует. — Прим. ред.

3. Существительные на **-сѣвикъ**.

4. Словарные особенности. Лавров в двух местах приводит более ста слов, из которых одни считает только чешскими, другие, несомненно, знакомыми чешскому переводчику, если допустить, что переводчик был чех.

Возражая Истрину, Л. указывает, что передача греч. $\mu\beta$ через $мб$ и глоссы известны и из несомненно южнославянских памятников, приставка *вы-* может указывать не только на русского, но и на чешского переводчика, а несомненные русизмы русских текстов Хроники могли быть внесены позднейшим редактором.

Некоторые замечания Л. основаны на недоразумении или являются простыми ошибками. Употребление **ж** в рукописях XV и XVI в. не может говорить о том, что было в XI в., потому что на Руси в XV в. была мода писать **ж**; в примерах с **а** вм. **ѣ** буква **а** или написана правильно (не вместо **ѣ**), или несомненная описка; **авѣ** 44₂₅ не $\phi\alpha\nu\epsilon\rho\delta\varsigma$, а $\Gamma\alpha\beta\acute{\epsilon}$; местоим. *акой* с ударением на *а* существует искони и в русском языке; ν вм. υ в дифтонге перед глухими нередко и в греческих рукописях X и XI в. (нередко $-\epsilon\upsilon-$ и т. п. вм. $-\epsilon\upsilon\sigma-$); постановка предлога после *нѣ-* широко известна издавна и русскому языку; суффиксы *-ик* и *-ец* обычны и в русском языке, как и глаголы на *-ствовать*; образования на *-шанинѣ* и *-жанинѣ* от имен на *-с*, *-з*, *-х*, *-г* издавна известны и русскому, и сербохорватскому языкам (в последнем от имен на *-г* образования на *-ђанин*), ср. русские: *горожанин*, *залешанин* и пр.; в Пов. врем. лет: *мазовшане*, *логожане* (под 1127 г.), *поршане* (под 1149 г.), *ладожане* (1207 г.) и др. Остальные замечания Лаврова рассмотрю ниже в связи с ответными замечаниями Истрина.

Введение Истрина к изданию словарей в большей своей части посвящено подробному разбору замечаний П. А. Лаврова; остальных своих оппонентов И. касается лишь мимоходом. Стр. X—XVIII и XXV—XXXVI содержат разбор слов, приведенных Лавровым в доказательство того, что словарь перевода не русский и что в нем много слов, которые можно считать чешскими. И. справедливо указывает, что те слова, «которые нам известны из древнейших списков книг Нового и Ветхого Завета, богослужбных и др. памятников древнейшей славянской письменности» (Лавров, стр. 657),—а их Лавров приводит более 300,—должны были быть известны и русскому книжнику XI в., и приводит параллели ко многим из них (около трети) из оригинальных памятни-

ков русской письменности XI—XIII вв. (стр. XII—XVI). Относительно остальных подобных слов И. замечает, что одни из них «настолько просты и обыкновенны, что могли явиться под пером любого русского книжника, знакомого с греческим языком» (стр. XI), другие «несколько не чужды русскому языку, древнему и современному» (стр. XVIII). Можно заметить, что очень трудно решить, насколько «просты и обыкновенны» для русского переводчика XI в. были те или другие слова, неизвестные нам из оригинальных русских памятников XI—XII вв., что в числе слов, которые И. считает не чуждыми «русскому языку, древнему и современному», есть слова, которые неизвестны современному языку, не встречаются в памятниках русского происхождения и вряд ли были известны вообще древнему русскому языку, как *доильница* τῆθήνη, *глезнь* ἀστράγαλος, *льготыни* ὀλιότης. Но, конечно, все слова, известные русскому переводчику из церковных книг, он мог употребить и в своем переводе, если только этому не мешала известность того же слова в русском языке в совсем другом значении.

Что касается слов, которые Лавров считает словарными чехизмами — таких слов он насчитывает более 70, — то, по мнению И. (стр. XXV—XXXVI), все они были известны и, частью, известны и до сих пор русскому языку или, по крайней мере, были известны и русскому книжнику XI в. Большая часть замечаний И. правильна; можно указания И. на известность тех или других слов русскому языку даже дополнить; так, *повозник* имеется и в нынешних великорусских говорах (в Московской губ. «кучер невесты на свадьбе»); *плюча* πνεύμων своим *ч* указывает на русский язык; если бы слово не было известно русскому языку, русский редактор не догадался бы заменить болг. *шт* или чешское *ц* через *ч*. Но из 72 слов, указанных Лавровым как чехизмы, И. указывает русские параллели только для 50 с небольшим, причем некоторые параллели неполные: нынешнее русское *собеседник* (по происхождению слово не русское, а ц.-сл.) не может указывать на известность древнерусскому языку слова *бесѣдникъ*, и т. д. Я сильно сомневаюсь в том, чтобы русский переводчик, воспитанный на византийской культуре, мог употребить в своем переводе такие чехизмы, как *годовабль* и *крижмо*, даже если и знал их из какого-нибудь литературного памятника. Поэтому я продолжаю думать, что русский переводчик работал над переводом Хроники не один.

Относительно указываемых Лавровым южнославянских слов, как *вила*, *воиникъ*, *кола* и пр., И. ограничивается замечанием, что это «слова

литературные, известные из древнерусских памятников» (XXXV), не подтверждая своих слов ссылками на определенные памятники.

На возражениях И., в общем правильных, Лаврову по поводу его замечаний о приставке *вы-*, образованиях с суффиксами *-икъ*, *-ьць*, *-ствие*, *-ствовати*, глагола *одалати*, местоим. *акыи*, употреблении **ж** можно не останавливаться.

Напрасно И. соглашается с Ларовым (стр. XXXVI), что формы на *-шане* (*фракишане* и т. п.) «в отделенном прошлом восходят к чешскому языку»: суффикс *-janin* искони существовал и в русском и сербохорватском языках¹⁵, и образования с ним от имен на *-s* и *-z* должны были иметь *š* и *ž*.

Правильно указывает И., что употребление предлога *от* при *боятися* в Хронике не чехизм, а общелитературный грецизм старославянского языка (XXXVII—XXXIX).

По поводу формы 3 мн. аор. **обръѣтоу**, которую Лавров считает болгаризмом (почему не чехизмом?), И. ограничивается замечанием, что «эта единственная форма для всего Троицкого списка является какой-то странной», и не пытается объяснить, как она туда попала. Для меня несомненно, что эта форма не описка и употреблена сознательно; она могла быть внесена из щегольства своим знанием ц.-сл. языка писцом или редактором, которому приходилось читать или слышать ее не раз, напр., в той редакции евангельского текста, которая представлена первым почерком Арханг. ев., но скорее всего она идет из протографа перевода. Присутствие ее не противоречит предположению Лаврова о переводчике — чехе, потому что сильные аористы обычны в старославянских памятниках чешско-моравского происхождения; скорее даже ссылка на нее как на болгаризм нуждается в оговорке, потому что восточно-болгарским говорам X—XI вв. она не была свойственна. Русским литературным нормам старославянского языка в XI в. формы сильного аориста не были свойственны; тем не менее, в русских списках старославянских текстов македонского и моравского происхождения они нередки¹⁶, и потому не исключена возможность употребления

¹⁵ См. мое «Введение в историю русского языка» (Вгпо, 1927), стр. 223 [Дурново, 1927].

¹⁶ Так, напр., они имеются в 1-м почерке Арханг. ев., в Словах Кирилла Иерусал. XI в., в Типогр. еванг. № 1 XII в., в некоторых статьях Успенского Сборн. XII в., в житии Нифонта 1219 г., в Беседах папы Григория XIII в. и др.

ее и русским переводчиком, из того же щегольства своим знанием ц.-сл. языка, о котором я уже сказал.

Мое замечание, что показательность некоторых словарных русизмов Хроники несколько уменьшается тем, что они имеются только в той части Хроники, которая сохранилась лишь в поздних списках, заменяющих некоторые слова первоначального чтения другими, И. опровергает указанием на то, что замена одних слов другими в поздних списках наблюдается главным образом в области слов общелитературных, по бóльшей части обозначающих отвлеченные понятия, а не бытовых, а отмеченные им русизмы относятся именно к числу бытовых (стр. XLIV—XLV). Это указание в общем верно, хотя следует заметить, что провести грань между словами бытовыми и небытовыми очень трудно.

Против высказывавшегося оппонентами Истрина предположения, что русизмы русских списков Хроники могли принадлежать позднему русскому редактору, который исправлял старый нерусский перевод Хроники по греческому оригиналу, И. возражает, что такое предположение «будет вместе с тем обязательством признавать за русским редактором хорошее знание греческого языка и такое же знание славянского литературного языка» и что «заметить неудовлетворительность перевода и исправлять его по оригиналу труднее, нежели просто перевести последний» (стр. IX). Но те, кто высказывал такое предположение, вовсе не представляли себе дело так, что русский редактор нашел перевод не вполне удовлетворительным и решил сверить его с греческим текстом. Вся правка по греческому тексту могла сводиться к тому, что редактор нашел в тексте места, изложенные непонятно или непривычно для русского читателя, и пожелал их изложить понятнее или более по-русски; чтобы не наделать ошибок, он в этих случаях справлялся с греческим текстом, что легче, чем переводить заново. Впрочем, независимо от этого можно думать, что в XII в. знакомство русских книжников со старославянским литературным языком и опытность в переводах с греческого были больше, чем в середине XI в., когда они только принимались за это дело.

На стр. XLVII—XLVIII И. возражает Вейнгарту и мне по поводу нашего сомнения в том, чтобы при Ярославе, при самом начале переводческой работы, могли найтись лица, настолько начитанные в южнославянской письменности, чтобы перевести без посторонней помо-

щи такой огромный памятник, как Хроника Георгия Амартола, использовавши словарный запас и литературную технику южнославянских переводов и почти избежав чистых русизмов. И. указывает на то, что от XI в. мы имеем памятники, свидетельствующие о высоком литературном развитии авторов и хорошем знакомстве с византийской и южнославянской литературой. Я думаю, что перевод большого памятника, для которого надо было подыскивать слова, и создание оригинального литературного произведения — не одно и то же. Автору «Слова о законе и благодати», на которое ссылается И., не нужно было подыскивать такую массу слов, как переводчику Хроники Георгия Амартола, а Летопись в тех частях, которые не взяты из готовых славянских переводов с греческого, представляет значительные отклонения от норм старославянского языка в своем словаре и фразеологии. Впрочем, я отнюдь не склонен придавать этим соображениям решающее значение. Вопрос о том, мог ли русский книжник справиться один с переводом Хроники, может быть решен только путем анализа словаря и фразеологии перевода. Надо не выискивать только отдельные русизмы, чехизмы, болгаризмы и т. п., а выяснить, насколько полно переводчик использовал словарь тех славянских памятников, которые, несомненно, были в его распоряжении (Евангелие, Псалтирь, Апостол, Паремейник и т. п.), и что добавил к этому запасу; какой характер имеют эти добавления — представляют ли кальки с греческого, для которых использован словарный материал старых переводов, или отражают какой-то живой говор и т. д.

На стр. XLVIII И. останавливается на моем предположении, что в переводах, делавшихся в Киеве при Ярославе, участвовали и нерусские славяне. Признавая это предположение заслуживающим «полного внимания» и вполне правдоподобным, он, однако, представляет себе участие нерусских славян в таких переводах в более скромных размерах, чем я, и не находит возможным говорить о переводах, сделанных «южными (resp. западными) славянами при участии русских», допуская только «переводы, сделанные русскими при участии славян». По его мнению, южные славяне, как более опытные переводчики, лучше русских знавшие и греческий, и старославянский, т. е. свой собственный язык, не нуждались в участии русских, а «русские переводчики ... в затруднительных случаях должны были обращаться» к южным славянам. Но я, говоря о переводах, сделанных южными славяна-

ми при небольшом участии русских, имел в виду не такую помощь, а такое распределение работы, при котором южные славяне брали большую часть работы на себя, оставляя русским переводчикам более легкие места.

В заключении «Введения» И. говорит о языке, «на котором русский книжник половины XI в. мог и писать свои собственные произведения, и делать переводы с греческого». Это, по его словам,— тот же самый литературный язык, на каком в то время писали и болгары и мораване, хотя, конечно, «книжная речь» русского книжника «должна была носить следы его собственной речи, следы русского языка» (стр. XLIX—L).

Этим исчерпывается содержание «Введения». И. оставил без возражения большую часть замечаний моих и Вейнгарта, вероятно, потому, что принятие моих замечаний не мешает считать переводчика русским, а доводы Вейнгарта уже были рассмотрены Розовым. Но И. ничего не сказал и по поводу ссылок Лаврова на употребление в Хронике числительного *тысящъ* и оборота *пять межю десятьма*. Слово *тысящъ* можно рассматривать и как болгаризм, и как чехизм. Русские переписчики обычно передавали болгарские **ттысѣщъ** через **ттысоуѣщъ**, но могли написать и **ттысющъ**, потому что заменяли **ж** не только буквами **оу**, но и буквой **ю**. Если предположить, что переводчик был чех, то **ю** (или еще **ѣ**) могло быть уже в протографе. Но слово **ттысѣщъ** (**ттысоуѣщъ**) настолько часто в обращавшихся в XI—XII вв. на Руси списках старославянских памятников, что его мог употребить для большей «литературности» и русский переводчик XI в. Но я совершенно не допускаю возможности употребления русским переводчиком оборота *пять межю десятьма* и думаю, что в этом случае следует присоединиться к мнению Лаврова, что этот оборот принадлежит переводчику чеху или моравянину. Так как русизмы вне всякого сомнения, и значительная часть их, несомненно, была уже в протографе перевода, а не внесена позднейшими редакторами и переписчиками¹⁷, а в то же время ряд моравизмов и южных славянизмов того же перевода не может

¹⁷ К словарным русизмам перевода, указанным Истриным, можно прибавить *клаколь* (= колокол) «κώβων», *пятьница* «παρασκευή», *свиный* «μόλυβδος», *шелковъ* «σηρικός», отмечу также слова *сосна* и *хвостъ*, неизвестные ю.-сл. памятникам и нынешним ю.-сл. языкам, *годъ* «ἐνιαυτός».

принадлежать русскому переводчику, я остаюсь в общем при прежнем мнении, что перевод Хроники был сделан на Руси комиссией, в состав которой, кроме русских, входили и нерусские славяне: в числе последних были и чехи или мораване. Но в отличие от мнения, высказанного мною раньше¹⁸, я думаю теперь, что участие русского переводчика в деле перевода было более значительным, чем мне казалось тогда. В каком виде выразилось это участие и в каком отношении перевод Хроники Георгия Амартола стоит к другим славянским переводам древнейшей эпохи—это вопрос, который заслуживает особого рассмотрения и к которому я рассчитываю еще раз вернуться.

¹⁸ Введение в историю русского языка, стр. 80 [Дурново, 1927].

Библиография к «Избранным трудам Н. Н. Дурново»

АЕ 1912 — Архангельское Евангелие 1092 года. Издание Румянцевского музея. М., 1912.

Акад. Сл. — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1891 и сл.

Амфилохий, 1877 — *Амфилохий*. Описание Евангелия 1092 г. М., 1877 (= Древности. Труды Московского археологического общества. М., 1878. [Т.] VII. [кн.] I. Отд. 1).

Амфилохий, I—III — *Амфилохий*. Четвероевангелие Галичское 1144 г., сличенное с древеславянскими рукописными евангелиями XI—XVII вв. и печатными: Острожским 1571 и Киевским 1788 г., с греческим евангельским текстом 835 г. М., 1882—1883. Т. I—III.

АМЮ — Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском Архиве Министерства Юстиции. Кн. 1—21. СПб., 1869—1916.

Бенешевич, 1906—1907 — *В. Н. Бенешевич*. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906—1907. Т. 1. Вып. 1—3.

Бернекер, I—II — *E. Berneker*. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913, Bd. I, A—L. 1914, Bd. II, M.

Богородицкий, 1913 — *В. А. Богородицкий*. Общий курс русской грамматики. 4-е изд. Казань, 1913.

Богородицкий, 1917—1922 — *В. А. Богородицкий*. Курс экспериментальной фонетики применительно к литературному русскому произношению. Вып. I—III. Казань, 1917—1922.

Бодянский, 1913 — *О. М. Бодянский*. Пандект монаха Антиоха. По рукописи XI в., принадлежащей Воскресенскому монастырю. М., 1913.

Брок, 1910 — *О. Брок*. Очерк физиологии славянской речи. М., 1910. (В изд.: Энциклопедия славянской филологии. Вып. 5).

Брезник, 1921 — *A. Breznik*. Slovenska slovnica za srednje šole. 2-е изд. 1921.

Бругман, 1902—1904 — *K. Brugmann*. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1902—1904.

Бузак, 1907 — *E. Boisacq*. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Heidelberg; Paris, 1907.

Буга, 1912 — *К. Буга*. Славяно-балтийские этимологии // РФВ. 1912. Т. LXVII. № 1—2.

Будилович, 1871 — *А. С. Будилович*. Исследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова по рук. ПБ XI в. СПб., 1871.

Будилович, 1875 — *А. С. Будилович*. XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи Императорской Публичной Библиотеки, XI в. СПб., 1875.

Буслаев, 1861—Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия церковнославянского и русского языков. М., 1861.

Бычков, 1877—А. Ф. Бычков. О вновь найденном пергаменном списке Евангелия // Записки АН. СПб., 1877. Т. 29. Кн. 1 и Сборник ОРЯС. СПб., 1877. Т. 17.

Вальде, 1906—А. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 1. Auflage. Heidelberg, 1906.

Вальде, 1910—А. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2-te umgearb. Aufl. Heidelberg, 1910.

Ван-Вейк, 1925—N. van Wijk. Zur Komposition des altkirchenslavischen Codex Suprasliensis. Amsterdam, 1925.

Васильев, 1905—Л. Л. Васильев. К истории звука *ѣ* в московском говоре XIV—XVII веков. Главы 1—2 // Известия ОРЯС. Т. 10, кн. 2. 1905.

Васильев, 1905а—Л. Л. Васильев. Богдановский Златоуст XVI в. // Известия ОРЯС. Т. 10, кн. 3. 1905.

Васильев, 1907—Л. Л. Васильев. Вологодское евангелие XVI в. // РФВ. Т. 57, № 1—2. 1907.

Васильев, 1913—Л. Васильев. С каким звуком ассоциировалась буква «нейотированный юс малый» (а) в сознании писцов некоторых древнейших русских памятников? // Русский филологический вестник. 1913. Т. LXIX. № 1—2.

Васильев, 1913а—Л. Васильев. Об одном случае смягченного звука *н* в общеславянском языке, явившегося не посредством следующего за ним древнего *ј* // Русский филологический вестник. 1913. Т. LXX. № 3—4.

Васильев, 1917—Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI и XVI веков // РФВ. Т. 78, № 3—4, (1917), 1918. [Начало работы; полностью изд.: Васильев, 1929].

Васильев, 1929—Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв. К вопросу о произношении звука *о* в великорусском наречии. Л., 1929 (Сборник по русскому языку и словесности, том I. Вып. 2).

Васнецов, 1908—Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного областного словаря Вятского говора. Вятка, 1908.

Вейсманнов лексикон, 1731—Teutsch-Lateinisch- und Rußisches Lexicon. Samt Denen Anfangs-Gründen der Rußischen Sprache / Zu allgemeinem Nutzen Bey der Keyserl. Academie der Wissenschaften Zum Druck befördert. Нѣмецко-латинскій и рускій лѣзиконъ купно съ первыми началами рускаго языка къ общей пользѣ при императорской академіи наукъ печатію изданъ. St. Petersburg, 1731. Репринт: Weismanns Petersburger Lexicon von 1731. München, 1982—1983. [Vol.] I—III (= Specimina philologiae slavicae. Bd. 46—48).

Виноградов, 1922—В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. Вып. 1. 1922.

Вондрак, 1905—W. Vondrák. Akslav. *šěňь, stěňь, těňь* 'schatten' und *tělo* 'corpus' // Beiträge zur kunde der indogermanischen sprachen. Bd. 29, Göttingen, 1905. С. 173—178.

Вондрак, 1912—W. Vondrák. Altkirchenslavische Grammatik. Изд. 2. Berlin, 1912.

Вондрак, 1924—W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik. 2-e Auflage. Bd. I, Göttingen, 1924.

Воскресенский, 1894—Г. А. *Воскресенский*. Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста с различиями из ста восьми рукописей Евангелия XI—XVI вв. Сергиев Посад, 1894.

Воскресенский, 1896—Г. А. *Воскресенский*. Характеристические черты четырех редакций евангельского перевода Евангелия от Марка по сто двенадцати рукописям Евангелия XI—XVI вв. М., 1896.

Востоков, 1843—А. *Востоков*. Остромирово евангелие 1056—1057 гг. с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями. СПб., 1843.

Ганцов, 1923—*Всеволод Ганцов*. Діалектологічна класифікація українських говірів // Записки Історично-Філологічного Відділу Всеукраїнської Академії Наук. Кн. IV. Київ, 1923.

Ганцов, (?)—*Всеволод Ганцов*. Характеристика поліських дифтонгів // Записки Історично-Філологічного Відділу Всеукраїнської Академії Наук. Кн. III.

Гардтхаузен, 1911—1913—V. *Gardthausen*. Griechische Palaeographie. 2. Aufl. Bd. 1—2. Leipzig, 1911—1913.

Гебауэр, 1894—J. *Gebauer*. Historická mluvnice jazyka českého. Praha, 1894. Díl I.

Гебауэр, 1903—Jan *Gebauer*. Slovník staročeský. Praha, 1903.

Голоскевич, 1914—Г. К. *Голоскевич*. Евсевиево евангелие 1283 г. // Исследования по русскому языку. Т. III, вып. 2. СПб., 1914.

Григорьев, 1913—А. Д. *Григорьев*. Повесть об Акире Премудром. Исследования и тексты. 1—2. М., 1913 (ЧОИДР).

Гринченко, I—IV—Б. Д. *Гринченко*. Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина». I—IV. Киев, 1907—1909.

Гуйер, 1910—*Oldrich Hujer*. Slovanská deklinace jmenná. Praha, 1910.

Даль, I—IV—*Владимир Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд., исправл. и значительно доп. / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.; М., [1904]—1914. Т. I—IV.

Даничич, 1878—Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / Red. Dj. Daničić. Zagreb, 1878.

Добровольский, 1914—В. Н. *Добровольский*. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Дурново, 1913—Н. Н. *Дурново*. Рец.: Архангельское Евангелие 1092 г. Издание Румянцевского музея. М., 1912 // Изв. ОРЯС. Т. 18, кн. 2, 1913. С. 348—352.

Дурново, 1914—Н. Н. *Дурново*. Хрестоматия по истории русского языка. Пособие при преподавании русского языка в высших учебных заведениях. Вып. 1. Памятники XI—XV вв. М., 1914.

Дурново, 1915—Н. Н. *Дурново*. Материалы и исследования по старинной литературе. I. К истории повести об Акире. М., 1915.

Дурново, 1917—Н. Н. *Дурново*. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. I. Южновеликорусское наречие. Вып. I. М., 1917 (В изд.: Труды Московской Диалектологической комиссии, вып. 6). Вып. 2. Б. м., 1917 [на обл.—1918] (в изд.: Труды Московской Диалектологической комиссии, вып. 7).

Дурново, 1922—*Nicolas Dournovo*. De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne / Revue des études slaves. 1922. Т. II, fasc. 3—4. С. 235—255.

Дурново, 1922а—*Н. Н. Дурново*. Смягченные согласные в языке писца 2-го почерка Архангельского Евангелия // Уч. зап. Высшей школы, г. Одесса, т. 2, отдел гуманитар.-общ. наук, 1922, с. 140—147. (Сб., посвященный Б. М. Ляпунову).

Дурново, 1922—1923—*Ник. Дурново*. К вопросу о языке Киевских листков // *Slavia*. 1922—1923. Roč. I. Seš. 2—3. С. 219—227.

Дурново, 1923—*Ник. Дурново*. Рецензия на: Ученые Записки Высшей Школы города Одессы // *Slavia*. 1923. Roč. II. Seš. 1. С. 130—135.

Дурново, 1924—*Николай Дурново*. К истории звуков русского языка. II. Старославянские смягченные согласные в Архангельском Евангелии // *Slavia*. 1924. Roč. II. Seš. 4.

Дурново, 1924а—*Николай Дурново*. Спорные вопросы о.-сл. фонетики. I. Начальное *e* в о.-сл. языке // *Slavia*. 1924. Roč. III. Seš. 2—3.

Дурново, 1924б—*Николай Дурново*. Грамматический словарь. М.; Пг., 1924.

Дурново, 1924в—*Nicolas Dourново*. La cathégorie du genre en russe moderne // *Revue des études slaves*. 1924. T. IV, fasc. 1—2.

Дурново, 1925—*Н. Дурново*. К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола // *Slavia*. 1925. Roč. IV. Seš. 3.

Дурново, 1926—*N. Durnovo*. Le traitement de *sk dans les langues slaves // *Revue des études slaves*. 1926. T. VI, fasc. 3—4.

Дурново, 1926а—*M. Durnovo*. Starosłowiańskie *nrъgъini* (*nrъgъinti*) // *Prace Filologiczne*. T. X. Warszawa, 1926. С. 105—109.

Дурново, 1927—*Николай Дурново*. Введение в историю русского языка. Врно, 1927. Переизд.: М., 1969.

Дурново, 1929—*Nikolaj Durnovo*. Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов // *Byzantinoslavica*. Praha, 1929. Roč. I.

Дурново, 1929а—*Николай Дурново*. Рецензия на: *Alfons Marguliès: Der altkirchenslavische codex Suprasliensis* // *Slavia*. 1929. Roč. VIII. Seš. 2. С. 352—371.

Дурново, IV—VI—*Николай Дурново*. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка // *Јужнословенски филолог*. 1924. Књ. IV. С. 72—94; 1925—1926. Књ. V. С. 93—117; 1926—1927. Књ. VI. С. 11—64.

Дурново, Очерк—*Николай Дурново*. Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924. Фототипич. переизд.: The Hague, 1962.

Дурново, Соколов, Ушаков, 1915—*Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков*. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии. М., 1915.

Дурново, Ушаков, 1910—*Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушаков*. Хрестоматия по великорусской диалектологии. М., 1910. (Приложение: Образец литературного языка в московском произношении.)

Дювернуа, 1878—*А. Л. Дювернуа*. О критическом значении Архангельского евангелия, хранящегося в Румянцевском музее // *ЖМНП*. 1878. № 10.

Дювернуа, 1894—*А. Л. Дювернуа*. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1894.

Еремин, 1922—*С. А. Еремин*. Описание Уломского и Ваучского говоров Череповецкого у., Новгородской губ. Пг., 1922 (Сборник отделения русского языка и словесности Российской АН, том 99. № 5).

Есперсен, 1904—*O. Jespersen*. Lehrbuch der Phonetik. Leipzig und Berlin, 1904. (4-te Aufl.: Leipzig und Berlin, 1926.)

Забелин, 1881—*И. Е. Забелин*. Домострой по списку имп. Общества Истории и Древностей Российских // ЧОИДР, 1881, кн. 2.

Зеленин, 1913—*Д. К. Зеленин*. Великорусские говоры с неорганическим и переходным смягчением заднеязычных согласных. В связи с течением дальнейшей великорусской колонизации. СПб., 1913.

Зоммер, 1914—*Ferdinand Sommer*. Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre. Eine Einführung in das sprachwissenschaftliche Studium des Lateins. 2. und 3. Auflage. Heidelberg, 1914.

Зубатый, 1893—*Josef Zubaty*. Zur Declination der sog. *-jā-* und *-jo-*Stämme im Slavischen // Archiv für slavische Philologie. Bd. XV, Berlin, 1893. С. 493—518.

Зубатый, 1894—*J. Zubaty*. Slavische Etymologien / Archiv für slavische Philologie. 1894. № 16.

Зубатый, 1910—*Josef Zubaty*. Výklady etymologické a lexikální // Sborník Filologický. Praha, 1910. Roč. I.

Изборник, 1880—Изборник в. кн. Святослава Ярославича 1873 г. Иждивением С. Т. Морозова. Изд. ОЛДП, 1880.

Ильинский, 1906—*Г. А. Ильинский*. Грамота бана Кулина. Опыт критического издания текста с коммент. Г. А. Ильинского. СПб., 1906.

Ильинский, 1911—*Г. А. Ильинский*. Слепченский апостол XII века. М., 1911.

Ильинский, 1916—*Г. А. Ильинский*. Праславянская грамматика. Нежин, 1916.

Ильинский, 1922—*Г. А. Ильинский*. Славянские этимологии // Ученые записки высшей школы города Одессы... Том II. Посвящается профессору Б. М. Ляпунову. Одесса, 1922. С. 3—9.

Ильинский, 1922а—*Г. А. Ильинский*. Славянские этимологии // Известия ОРЯС. Т. XXIV. Кн. 1. Пг., 1922. С. 113—140.

Ильинский, 1923—1924—*Г. Ильинский*. К вопросу о чередовании гласных ряда *o, e* в начале слов в славянских языках // Slavia. 1923—1924. Roč. II. Seš. 2—3. С. 232—276.

Ипат., 1872—Летопись по Ипатьевскому списку. Изд. Археогр. Комиссии. СПб., 1872.

Каминский, 1924—*Ф. В. Каминский*. Отрывки евангельских чтений XI в., именуемые Куприяновскими (Новгородскими) // Известия ОРЯС. 1924. Т. XXVIII.

Каринский, 1903—*Н. М. Каринский*. Остромирово Евангелие как памятник древнерусского языка // Журнал Министерства народного просвещения, 1903, май.

Каринский, 1920—*Н. М. Каринский*. Письмо Остромирова евангелия. (Палеографический очерк) // Сб. Рос. публ. б-ки, т. 1, вып. 1, 1920. С. 168—192.

Каринский, 1925—*Н. М. Каринский*. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925.

Карнеева, 1917—1918—*М. Карнеева*. Язык служебной минеи 1095 г. // РФВ. 1917—1918. Т. LXXVIII. № 3/4.

Карский, 1895—*Е. Ф. Карский*. Особенности письма и языка Мстиславова евангелия // РФВ. 1895. Т. XXXIV. № 4.

Карский, 1901—*Е. Ф. Карский*. Очерк славянской кирилловской палеографии. Варшава, 1901; то же, изд. 4. Варшава, 1913.

Карский, 1903—*Е. Ф. Карский*. Белорусы. Т. 1. Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1903. То же: // Виленский временник. Вильна, 1904.

Карский, 1908—*Е. Ф. Карский*. Белорусы. Т. II. Язык белорусского племени. Вып. 1. Исторический очерк звуков белорусского наречия. Варшава, 1908.

Карский, 1911—*Е. Ф. Карский*. Белорусы. Т. II. Язык белорусского племени. Вып. 2. Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском наречии. Варшава, 1911.

Карский, 1913—Рецензия: *Е. Ф. Карский*. Архангельское Евангелие 1092 г. По поводу издания Румянцевского музея (М., 1912) // РФВ, 1913. Т. 69. № 2.

Карский, 1918—*Е. Ф. Карский*. Белорусская речь. Пг., 1918.

Карцевский, 1922—1923—*Serge Kartsevski*. Études sur le système verbal du russe contemporain // Slavia. 1922—1923. Roč. I. Seš. 2—3. 4.

Козловский, 1885—1895—*М. Козловский*. Исследование о языке Остромирова евангелия // Исследования по русскому языку. СПб., 1885—1895. Т. 1.

Копко, 1915—*П. М. Копко*. Исследование о языке Пандектов Антиоха XI в. // Известия ОРЯС. 1915. Т. XX. Кн. 3, 4.

Котт I—VII—*František Št. Kott*. Česko-německý slovník, zvláště grammaticko-grammologický. Praha, 1878—1893 (7 тт.).

Кошутич, 1914—*Радован Кошутич*. Граматика руског језика. II. Облици. Београд, 1914.

Кошутич, 1919—*Радован Кошутич*. Граматика руског језика. I. Гласови. А. Општи део. Пг., 1919.

Кречмер, (?)—*Kretschmer* // Schriften der Balkankommission. VI. 141—142. Hatzidakis, Einleitung.

Крымский 1907—*А. Е. Крымский*. Украинская грамматика для учеников высших классов гимназий и семинарий Приднепровья. Научно-практический курс сознательного изучения центральноукраинской речи, освещенный указаниями на важнейшие моменты из истории развития малорусского языка начиная с XI века, особенно из истории наречия восточно-малорусского (летописного киево-чернигово-переяславского). Т. 1, вып. 1 (Киев, 1907); Т. 1, вып. 2 и вып. 6. С приложением текста 43 грамот XIV—XV вв. (Москва—Киев—Звенигородок, 1908), Т. 2, вып. 1 (М., 1907).

Крыньский, 1909—*Krynjski M. Z.* Starosłowiańskie *prężynja* // Prace Filologiczne. T. VII. Zesz. I. Warszawa, 1909. С. 217—231.

Куликовский, 1898—*Г. И. Куликовский*. Словарь областного Олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Кульбакин, 1907—*С. М. Кульбакин*. Охридская рукопись Апостола конца XII века. София, 1907 (Български старини, кн. 3).

Кульбакин, 1911—*Ст. М. Кульбакин*. // Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. Т. VIII. Языкознание и история литературы. (Харьковское общество распространения в народе грамотности). М., 1911.

Кульбакин, 1915—*С. М. Кульбакин*. Сербский язык. 1-е изд. Харьков, 1915.

Кульбакин, 1917—С. М. Кульбакин. Древнецерковнославянский язык. 3-е изд. Харьков, 1917.

Кульбакин, 1918—С. М. Кульбакин. Сербский язык. 2-е изд. Харьков, 1918.

Кульбакин, 1919—С. М. Кульбакин. Украинский язык. Краткий очерк исторической фонетики и морфологии. Харьков, 1919.

Кульбакин, 1925—1926—Ст. Кульбакин. Рецензия на: *Николай Дурново*, К вопросу о языке Киевских листков // *Јужнословенски филолог*. V. Београд, 1925—1926. С. 323—324.

Кульбакин, 1928—1929—С. Кульбакин. Рецензия на: *Николай Дурново*, Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов // *Јужнословенски филолог*. VIII. Београд, 1928—1929. С. 206—210.

Кульбакин, 1929—*Le vieux slave*. Paris, 1929.

Лавров, 1914—П. А. Лавров. Палеографическое обозрение кирилловского письма // *Энциклопедия славянской филологии*. Пг., 1914. Вып. 4, 1.

Лавров, 1928—П. А. Лавров. Кирило та Методій в давньо-слов'янському письменстві. Київ, 1928.

Лер-Сплавинский, (?)—Т. *Lehr-Splawinski*. / *Rocznik slawistyczny*. IV.

Лескин, 1885, 1893—*August Leskien*. Untersuchungen über Quantität und Betonung in den slavischen Sprachen. I. Leipzig, 1885, 1893.

Лескин 1907—А. *Leskien*. Aksl. prěgynja // *Indogermanische Forschungen* XXI, 1907, S. 197—200.

Лескин, 1914—*August Leskien*. Grammatik der Serbo-Kroatischen Sprache. I. Heidelberg, 1914.

Лескин, 1915—А. *Лескин*. Грамматика древнеболгарского (др.-церк.-слав.) яз. Перевел проф. Н. М. Петровский. Казань, 1915.

Линде, 1854—1860—*Słownik języka polskiego przez M. Samuela Bogumila Linde*. Lemberg, 1854—1860.

Лощ, 1922—*Jan Łoś*. Gramatyka polska. Lwów; Warszawa; Kraków, 1922. Cz. I. Głosownia historyczna.

Лукьяненко, 1907—А. М. *Лукьяненко*. О языке Несторова жития преподобного Феодосия Печерского по древнейшему из дошедших списков // *РФВ*. Т. 58, № 1. 1907.

Ляпунов, 1915—Б. М. *Ляпунов*. Формы склонения в старославянском языке. Т. 1. Одесса, 1905.

Ляпунов, 1916—Б. М. *Ляпунов*. Профессор А. В. Рыстенко и напечатанные им тексты жития Нифонта. Библиографический очерк // *Известия Одесского Библиографического общества*. Т. 5, вып. 6. Одесса, 1916.

Мазон, 1927—*André Mazon*. Grammaire de la langue tchèque. Paris, 1921.

Маргулиес, 1921—А. *Marguliès*. Der altkirchenslavische codex suprasliensis. Heidelberg, 1927. (Sammlung slavischer Lehr- und Handbücher. Reihe 3. Bd. 4).

Маркс, 1914—А. Ф. *Маркс*. Две старейших русских грамоты в дошедших до нас подлинниках // *Древности Имп. Моск. Археолог. О-ва*. Т. XXIV. М., 1914

Мейе, 1906—А. *Meillet*. Sur l'initiale des mots vieux slaves **есе** et **а** // *Статьи по славяноведению*. Вып. II. СПб., 1906. С. 387—391.

Мейе, 1922—А. *Meillet*. Introduction a l'étude comparative des langues indo-européennes. 5 éd. Paris, 1922.

Мейе, 1922a—*A. Meillet*. Linguistique historique et linguistique générale. Paris, 1922.

Мейе, 1924—*A. Meillet*. Le slave commun. 2 éd. Paris, 1924.

Мейе, I—II—*A. Meillet*. Études sur l'etymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1902—1905 (Bibliothèque de l'école des hautes études. № 139).

Менге, 1910—*H. Menge*. Langenscheidts Taschenwörterbuch der griechischen und deutschen Sprache. 16 Aufl. Bd. 1. Berlin, 1910.

Миклошич, 1850—*Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti* / Ed. F. Mikloschich. Vindobonae, 1850.

Миклошич, 1862—1865—*F. Miklosich*. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Wien, 1862—1865.

Миклошич, 1886—*F. Miklosich*. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

Миятев, 1929—*Кр. Миятев*. Симеоновската църква въ Преславъ и нейниятъ епиграфиченъ материалъ // Български преглед. 1929. Кн. I.

Мстиславово ев., 1910—Мстиславово евангелие нач. XII в. в археологическом и палеографическом отношении // Памятники древней письменности. СПб., 1910. Вып. СХХIX / Изд. Обществом любителей древней письменности.

Нахтигалл, 1922—*R. Nachtigall*. Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung. I. Heidelberg, 1922. (Slavica. 7.).

Некрасов, 1896—1897—*Н. П. Некрасов*. Заметки о языке Повести временных лет по Лаврентьевскому списку летописи // Известия ОРЯС. Т. 1, 1896; т. 2, кн. 1, 1897. То же издано полностью: Сборник ОРЯС. Т. 65, № 4. СПб., 1897.

Никольский, 1899—*Н. К. Никольский*. О языке Ипатской летописи // РФВ. Т. 41, № 3—4. 1899.

Никольский, 1928—*Н. К. Никольский*. К вопросу о русских письменах, упоминаемых в житии Константина Философа // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. 1928. Том I. Кн. 1.

Носович, 1870—*И. И. Носович*. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

Обнорский, 1912—*С. П. Обнорский*. О языке Ефремовской кормчей XII века // Исследования по русскому языку. СПб., 1912. Т. III. Вып. 1. С. I—II, 1—85.

Обнорский, 1912a—*С. П. Обнорский*. К истории глухих в Чудовской псалтыри XI века // РФВ. 1912. Т. 68, № 4. С. 337—369.

Орлов, 1906—*А. С. Орлов*. Исторические и поэтические повести об Азове. (Взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г.). М., 1906.

Орлов, 1908—1911—*А. С. Орлов*. Домострой по Коншинскому списку и подобным. Кн. 1 // ЧОИДР, 1908, кн. 2; Кн. 2 // ЧОИДР, 1911, кн. 1.

Отчет МПиРМ, 1879—Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1876—1878 гг. М., 1879.

Пассов, 1912—*Franz Passow*. Passow's Wörterbuch der griechischen Sprache. Lfg. 1—3. Göttingen, 1912.

Петерссон, 1914—*Herbert Petersson*. Einige Tier- und Pflanzennamen aus idg. Sprachen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Begründet von A. Kuhn. Göttingen, 1914. Bd. 46, H. 1/2.

Петровская, 1922 — Ю. В. *Петровская*. К диалектологии рязанских говоров. Говор с. Матыр, Зарайского у. Пг., 1922 (Сборник отделения русского языка и словесности Российской АН, том 99. № 6).

Пешковский, 1920 — А. М. *Пешковский*. Русский синтаксис в научном освещении. 2-е изд. М., 1920.

Пешковский, 1923 — А. М. *Пешковский*. Объективная и нормативная точки зрения на язык // Русский язык в школе. Вып. I. М.; Пг., 1923. С. 18—32.

Погодин, 1894 — А. Л. *Погодин*. Несколько этимологий // РФВ XXXII, 1894. С. 123—124.

Погорелов, 1901 — В. А. *Погорелов*. Библиотека Московской Синодальной Типографии. Часть I. Рукописи. Вып. 3. Псалтыри. М., 1901.

Погорелов, 1910 — В. *Погорелов*. Чудовская псалтырь XI в. Отрывок толкования Феодорита Киррского на псалтырь в древнеболгарском переводе // Памятники старославянского языка. СПб., 1910. Т. III. Вып. 1.

Погорелов, 1910а — В. *Погорелов*. Словарь к толкованиям Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболгарском переводе. Варшава, 1910.

Погорелов, 1910б — В. *Погорелов*. Толкования Феодорита Киррского на псалтырь в древнеболгарском переводе. Рассмотрение списков и исследование особенностей псалтырного текста. Варшава, 1910.

Подвысоцкий, 1885 — А. И. *Подвысоцкий*. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Помяловский, 1890 — И. *Помяловский*. Житие св. Саввы Освященного, составленное св. Кириллом Скифопольским, в древнерусском переводе. СПб., 1890 (Изд. ОЛДП, т. 96).

Попова, 1913 — И. А. *Попова*. Паннонское Житие св. Мефодия по древнейшему из дошедших списков со стороны своего языка // РФВ. 1913. Т. 69, 70, 71.

Поржезинский, 1916 — В. К. *Поржезинский*. Введение в языковедение. 4-е изд. М., 1916.

Поржезинский, 1916а — В. К. *Поржезинский*. Сравнительная грамматика славянских языков. Пособие к лекциям проф. В. Поржезинского. Изд. 2-е, испр. и доп. Вып. 1. М., 1916.

Преображенский, I—XIV — А. *Преображенский*. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914. Вып. I—XIV.

Программы, 1911 — Программы для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка. 2. Северновеликорусские и средневеликорусские говоры [проект подготовлен Н. Н. Дурново и Н. Н. Соколовым] // РФВ. Т. 66, 1911, № 3—4. С. 177—192; то же: Труды Московской Диалектологической комиссии. Вып. 3. Варшава, 1914; изд. 2-е. Рыбинск, 1926.

Рамовш, 1921 — Fr. *Ramovš*. Vyjimečné u místo pravidelného o za q v slovinštině // Časopis pro moderní filologii. Roč. VIII, Praha, 1921, с. 1—8.

Рамовш, 1924 — F. *Ramovš*. Historična gramatika slovenskega jezika. Ljubljana, 1924. II. Konzonantizem.

Решетар 1891 — Milan *Rešetar*. Die čakavština und deren einstige und jetzige Grenzen // Archiv für slavische Philologie. Bd. XIII, Berlin, 1891. С. 93—109.

Рихтер, 1913 — Э. *Рихтер*. Как мы говорим. СПб., 1913.

Розвадовский, 1915—*J. Rozwadowski*. *Oboczność je/o w językach słowiańskich* // *Rocznik sławistyczny*, Kraków, 1915. Т. VII. С. 18—21.

Розвадовский, 1923—*J. Rozwadowski*. *Historyczna fonetyka czyli głosowania* // Т. Benni, J. Łoś, K. Nitsch, J. Rozwadowski, H. Ułaszyn. *Gramatyka języka polskiego*. Kraków, 1923.

Розов, 1925, 1926—*Владимир Розов*. Рецензия на: Prof. Dr. Miloš Weingart: *Byzantské kroniky v literaturе cirkevneslovanské*. Cast II. Oddíl 1, 2 // *Slavia*. 1925. Roč. IV. Seš. 2. С. 364—370; 1926. Roč. V. Seš. 2. С. 359—365.

Савинков, 1883, 1889—*И. Савинков*. *Остромирово евангелие 1056—1057 гг.*, хранящееся в Императорской Публичной Библиотеке. СПб., 1883; то же: СПб., 1889.

Свенцицкий, 1917—*Гларіон Свенціцький*. *Основи науки про мову українську*. Київ, 1917.

Северьянов, 1904—*С. Н. Северьянов*. *Супрасльская рукопись*. Т. I // *Памятники старославянского языка*. СПб., 1904. Т. 2. Вып. 1.

Селищев, 1914—*А. М. Селищев*. *Введение в сравнительную грамматику славянских языков*. Вып. 1. Казань, 1914.

Селищев, 1921—*А. М. Селищев*. *Диалектологический очерк Сибири*. Вып. 1. Иркутск, 1921.

Синявский, 1923—*О. Н. Синявський*. *Украинский язык*. *Пособие для практического изучения укр. яз. на рабфаках, в техникумах, курсах для взрослых, а также для самообразования*. Харьков, 1923.

Скок, 1927—*Р. Skok*. *Kako bizantiski pisci pišu slovenska mjesna i lična imena*, II // *Starohrvatska prosvjeta*. Zagreb—Knin, 1927. № 3—4.

Словарь, 1880—*Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti*. Zagreb, 1880.

Сметанка, 1923—*Е. Smetánka*. *Tschechische Grammatik (Sammlung Göschen)*. 2-е изд. Berlin und Leipzig, 1923.

Соболевский, 1883—1884—*А. И. Соболевский*. *Очерки из истории русского языка*, ч. 1 // *Университетские известия (Киев)*, 1883, 1884; продолжение в РФВ, 1884, № 3.

Соболевский, 1889—*А. И. Соболевский*. *Лекции по истории русского языка*. Киев, 1889.

Соболевский и Пташицкий, 1903—*А. И. Соболевский, С. Пташицкий*. *Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV в.* Изд. С.-Петербургского археологического института. СПб., 1903.

Соболевский, 1907—*А. И. Соболевский*. *Лекции по истории русского языка*. 4-е изд. М., 1907.

Соболевский, 1908—*А. И. Соболевский*. *Славяно-русская палеография*. 2-е изд. СПб., 1908.

Соболевский, 1910—*А. И. Соболевский*. *Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии*. СПб., 1910 (Сб. ОРЯС. Т. 88).

Соболевский, 1910а—*А. И. Соболевский*. *Мелкие заметки по славянской и русской фонетике* // *Русский филологический вестник*. 1910. Т. LXIV.

Соболевский, 1911 — *А. И. Соболевский*. Мелочи // РФВ. 1911. Т. LXVI. №№ 3, 4. С. 345—351.

Соболевский, 1914 — *А. И. Соболевский*. Несколько заметок по славянским вокализму и лексике // РФВ. 1914. Т. LXXI. № 2.

Сперанский, 1930 — *М. Н. Сперанский*. Из славянской эпиграфики // Доклады АН СССР. 1930. Сер. В. № 3.

Спицын, 1915 — *А. Спицын*. Тьмутороканский камень // Записки Отделения Русской и Славянской Археологии Имп. Русск. Археолог. О-ва. Т. 11. Пг., 1915.

Срезневский, 1867—1881 — *И. И. Срезневский*. Сведения и Заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. № 1—40 // Сб. ОРЯС. Т. 1, № 6—9. СПб., 1867; № 41—65 // Сб. ОРЯС. Т. 12, № 1. СПб., 1874; № 66—80 // Сб. ОРЯС. Т. 15, № 2. СПб., 1876; № 81—90 // Сб. ОРЯС. Т. 20, № 4. СПб., 1879; № 91 // Сб. ОРЯС. Т. 22, № 5. СПб., 1881.

Срезневский, 1868 — *И. И. Срезневский*. Древние славянские памятники юсового письма с описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка. СПб., 1868.

Срезневский, 1879 — *И. И. Срезневский*. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках // Сборник ОРЯС. Т. 20. № 4, СПб., 1879.

Срезневский, I—III — *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912. Т. I—III.

Субботин, 1890 — *Н. П. Субботин*. Царские вопросы и соборные ответы. М., 1890.

Томсон, 1903 — *А. И. Томсон*. К теории правописания и методологии преподавания его в связи с проектированным упрощением русского правописания. Одесса, 1903.

Томсон, 1910 — *А. И. Томсон*. Общее языковедение. 2-е изд. Одесса, 1910.

Траутман, 1923 — *R. Trautmann*. Baltisch-Slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.

Трубецкой, 1925 — *N. S. Trubetzkoy*. Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit // Zeitschrift für slavische Philologie. 1925. Bd. I.

Трубецкой, 1927—1928 — *Николай Трубецкой*. Об отражениях общеславянского *ѣ* в чешском языке // Slavia. 1927—1928. Roč. VI.

Трубецкой, 1929 — *N. S. Trubetzkoy*. Sur la «morphologie» // Travaux du Cercle linguistique de Prague. 1929. [Т.] I (= Mélanges linguistiques dédiés au premier Congrès des philologues slaves).

Трубецкой, 1929а — *N. S. Trubetzkoy*. Polabischen Studien. Wien—Leipzig, 1929.

Улашин, 1917 — *Г. Улашин*. Польский язык. Краткий практич. учебник польск. яз. для самообучения. Киев, 1917.

Ушаков, 1917 — *Д. Н. Ушаков*. Русское правописание. 2-е изд. М., 1917.

Ушаков, 1923 — *Д. Н. Ушаков*. Краткое введение в науку о языке. 6-е изд. М.; Пг., 1923.

Фасмер, 1906—1909 — *М. Фасмер*. Греко-славянские этюды // Известия ОРЯС. Т. XI. Кн. 1, 1906. С. 386—413; Греко-славянские этюды. II. Греческие заимствования в старославянском языке // Известия ОРЯС. Т. XII. 1908. С. 198—287; Гре-

ко-славянские этюды. III. Греческие заимствования в русском языке // Сборник ОРЯС, LXXXVI. 1909. С. 1—236.

Фасмер, 1922—*M. Vasmer*. Die Flexion von altbulg. *kyjъ* “qui” // Indogermanische Forschungen XL, 1922, S. 139—144.

Фик, I—IV—*August Fick*. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen / Sprachgeschichtlich angeordnet von August Fick. 3. umgearb. Auflage. Göttingen, 1874—1876. Bd. I—IV (August Fick. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen / 4. Auflage bearb. von A. Berzenberger, A. Fick und W. Stockes. Göttingen, 1890, Bd. I; 1894, Bd. II; 1909, Bd. III).

Флоринский, I—II—*Т. Д. Флоринский*. Лекции по славянскому языкознанию. Ч. 1—2, Киев, 1895—1897.

Фортунатов, 1899—*Ф. Ф. Фортунатов*. О залогах русского глагола // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской АН. СПб., 1899. Т. IV. Кн. 4. С. 1153—1158.

Фортунатов, 1902—*Ф. Ф. Фортунатов*. Сравнительное языковедение. Общий курс. М., 1902.

Фортунатов, 1904—*Ф. Ф. Фортунатов*. О преподавании грамматики русского языка в средней школе (лекция) // Труды I-го съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях. СПб., 1904. С. 371—404 (или РФВ, 1905, том LIII. С. 49—79).

Фортунатов, 1908—*Ф. Фортунатов*. Состав Остромирова Евангелия // Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности. СПб., 1908. Ч. II.

Фортунатов, 1919—*Ф. Ф. Фортунатов*. Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка. Пг., 1919.

Фортунатов, 1922—*Ф. Ф. Фортунатов*. Краткий очерк сравнительной фонетики индоевропейских языков. Пг., 1922.

Шахматов, 1880—*A. Šachmatov*. Zur Textkritik des Kodex Sviatoslai vom Jahre 1073 nach der photolithographischen Ausgabe // Archiv für Slavische Philologie, VI, 6, 590—597.

Шахматов, 1885—1895—*A. А. Шахматов*. Исследование о языке новгородских грамот // Исследования по русскому языку. Т. 1. СПб., 1885—1895.

Шахматов, 1901—*A. А. Шахматов*. К истории звуков русского языка. Общеславянское *ä* // Известия отделения русского языка и словесности императорской АН, СПб., 1901. Т. VI. Кн. 4. С. 269—294.

Шахматов, 1903—*A. А. Шахматов*. Исследование о Двинских грамотах XV в. СПб., 1903 (Исследования по русскому языку. Т. 2, вып. 5).

Шахматов, 1914—*A. А. Шахматов*. Исторический очерк украинского языка // Украинский народ в его прошлом и настоящем. Т. 1, СПб., 1914.

Шахматов, 1915—*A. А. Шахматов*. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915 (Энциклопедия славянской филологии. Вып. 11.1).

Шахматов, 1916—*A. А. Шахматов*. Введение в курс истории русского языка. Ч. I. Исторический процесс образования русских племен и наречий. Пг., 1916.

Шахматов, 1916a—*А. А. Шахматов*. Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка. // История русской литературы / под ред. А. Е. Грузинского. Т. I. История русской литературы до XIX в. М., 1916.

Шахматов, 1918—*А. А. Шахматов*. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1918.

Шахматов, 1925—*А. А. Шахматов*. Очерк современного литературного языка. Л., 1925.

Шахматов и Лавров, 1899—*А. А. Шахматов, П. А. Лавров*. Сборник XII в. Московского Успенского собора. Вып. 1 // ЧОИДР. 1899. Кн. 2. Отд. II.

Шахматов и Щепкин, 1890—*А. А. Шахматов, В. Н. Щепкин*. Особенности языка Остромирова евангелия // А. Лескин. Грамматика старославянского языка. Русский перевод. М., 1890. Приложение.

Шварц, 1927—*Ernst Schwarz*. Zur Chronologie der slavischen Liquidenumstellung in den deutsch-slavischen Berührungsgebieten // Zeitschrift für slavische Philologie. 1927. Bd. IV, H. 3/4.

Шварц, 1928—*Ernst Schwarz*. Zur Geschichte der Nasalvokale im Slovenischen, Čechischen und Sorbischen // Zeitschrift für slavische Philologie. 1928. Bd. V, H. 1/2.

Шпехт, 1924—*Franz Specht*. Miscellen. Ksl. *čepiti*. Lit. *keli* // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Begründet von A. Kuhn. Göttingen, 1924. Bd. 52, H. 1/2.

Щепкин, 1901—*В. Н. Щепкин*. Рассуждение о языке Саввиной книги. СПб., 1901 (Сб. ОРЯС. Т. LXVII. № 9).

Щепкин, 1906—*В. Н. Щепкин*. Болонская псалтырь. СПб., ОРЯС, 1906.

Щепкин, 1909—*В. Н. Щепкин*. Учебник болгарского языка. М., 1909.

Энциклопедия, 1911—Энциклопедия славянской филологии. Изд. Отд-я русского языка и словесности Имп. Академии наук / под ред. И. В. Ягича. Вып. 3. Графика у славян. СПб., 1911.

Ягич, 1886—*И. В. Ягич*. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе, по русским рукописям 1096—1097 гг. СПб., 1886.

Ягич, 1890—*И. В. Ягич*. Критические заметки по истории русского языка // Сб. ОРЯС. СПб., 1890. Т. 46. № 4.

Ягич, 1896—*Codex slovenicus rerum grammaticarum*. Edidit V. Jagić. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. Собрал и объяснил И. В. Ягич. Petropoli, 1896. Отгиск из «Исследований по русскому языку». СПб., 1885—1895. Т. I. Репринт: München, 1968 (Slavische Propyläen. Bd. 25).

Ягич, 1911—*И. В. Ягич*. Глаголическое письмо // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 3. СПб., 1911.

Якобсон, 1929—*R. Jakobson*. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. Prague, 1929 (Travaux du Cercle linguistique de Prague. [Г.] II).

Список памятников

В статьях Н. Н. Дурново использует примеры из различных рукописей, названия которых сокращены им. Приводим эти сокращения и сведения об использованных рукописях.

Сведения о рукописях даются по изд.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984 [Св. кат.] и по их изд.:

1 Новгор. летоп. = 1 Новгор. летопись—Летопись Новгородская первая. XIII в. (л. 1—118) и перв. пол. XIV в. (л. 119—169). ГИМ, Син. 786 [Св. кат., № 270].

АЕ = А. Е. = Арх. = Арх. Ев. = Арханг. ев. = Арханг. Ев. = Арханг. Евангелие = Архангельское ев. = Архангельское Ев. = Архангельское Евангелие—Евангелие апракос краткий («Архангельское евангелие»). 1092 г. (л. 1—177), XII в. (л. 178—178 об.), XIII/XIV (?) в. (л. 177 об.). ГБЛ, М. 1666 [Св. кат., № 6].

Акир. XV в.—см. изд.: *А. Д. Григорьев*. Повесть об Акире Премудром. Исследование и тексты. М., 1913.

Апост. 1391—(?).

Архивская Лествица XIII в.—ЦГАДА, ф. 181. № 452/920.

Асс. = Ассем. = Ассеманово ев.—Ассеманиево (или Ватиканское) евангелие-апракос, XI в. Хранится в Ватиканской (Папской) библиотеке (Slav. 3). См. изд.: *В. Иванова-Мавродинова, А. Джурова*. Ассеманиевото евангелие. Старобългарски глаголически паметник от X век. Художествено-историческо проучване. София, 1981.

Беседа = Беседа Кирилла Александрийского о Богородице и оо. Ефесского собора—«Слово Кирилла Александрийского о богородице и св. отцах» входит в состав Успенского сборника (л. 265в—270б) [Св. кат., № 165].

Беседы папы Григория XIII в.—Беседы Григория Двоеслова на Евангелие. XIII в. ГПБ, Погод. 70 [Св. кат., № 227].

Библ. кн. XVI в.—(?).

Библ. кн. XVII в.—(?).

Богдановский Златоуст XVI в.—ГПБ, О, I, 972.

Болонская Псалтирь—нач. XIII в. Хранится в Болонье. См. изд.: *В. Ягич*. *Psalterium Boloniense*. Вена, 1907.

Боянское ев.—Евангелие апракос краткий («Боянское евангелие»). Перв. пол. (ок. сер. ?) XIII в. ГБЛ, Григ. 8 (М. 1690) [Св. кат., № 191].

Венск. гл. = Венские глоссы—перевод латинских слов и выражений, вписывавшийся в латинскую рукопись. Какой именно памятник имел в виду Н. Н. Дурново, установить не удалось.

Венские отрывки—Венские глаголические листки; два листа миссала, XII в. См. изд.: *Denkschriften der Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse, XXXVIII*, Wien, 1890.

Вил. список Литовск. летоп.—(?)

Вопр. Кирика = Вопр. Кирика 1282 г.—«Вопрошание» Кириково (л. 518а—539б), в составе Кормчей русской редакции 1280 г. (см.: Кормч. 1282).

Вуканово ев.—Евангелие апракос полный («Вуканово», «Волканово» или «Симеоново евангелие»). Ок. 1200 г. ГПБ, Ф.п.1.82 [Св. кат., № 58]. Отрывок—в БАН, 24.4.2 (Срезн. 49) [Св. кат., № 57].

Гал. ев. 1144 г. = Гал. Ев. 1144 г. = Гал. Четвероев. 1144 г. = Галицкое ев. = Галицкое ев. 1144 г. = Галицкое Евангелие 1144 г. = Галицкое Четвероевангелие 1144 г.—Евангелие тетр («Галицкое евангелие»). 1144 г. и XIV в. (л. 229—260). ГИМ, Син. 404 [Св. кат., № 53].

Галицкое Ев. 1283 г.—Галицкое евангелие, между 1266—1302 гг. ГПБ, Ф.п.1.64. ГБ—см.: Слова Григ. Бог.

Грам.—см. в изд.: Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в., Т. 1—3. М., 1952—1964; А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903 (Иссл. по р. яз., т. 2. Вып. 3); А. Соболевский, С. Пташицкий. Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV в. СПб., 1903; К. Э. Наньерский. Русско-Ливонские акты. СПб., 1868.

Грам. 1229 г.—см. Смоленская грамота 1229 г.

Грамота Варлаама Хутынского после 1192 г.—см. изд.: А. Ф. Маркс. Две старейших русских грамоты в дошедших до нас подлинниках // Древности И. Моск. Археолог. О-ва. Т. 24. М., 1914.

Грамота Кулина 1189 г.—см.: Кул.

Григоров. = Григоровичев глаголич. листок—Поучение с молитвой о прощении грехов. Отрывок («Григоровичев листок»). XI/XII в. БАН, 24.4.17 (Срезн. 64) [Св. кат., № 44].

Гршковичев отрывок—см. Отрывок Гршковича.

Добр. Ев. = Добр. Ев. 1164 = Добрил. Ев. = Добрилово Ев. 1164 г.—Евангелие апракос полный («Добрилово» или «Сименово евангелие»). 1164 г. ГБЛ, Рум. 103 [Св. кат., № 55].

Добром. = Добромирово ев.—Евангелие тетр («Добромирово евангелие»). XII в. и XIV в. ГПБ, Q.п.1. 55 [Св. кат., № 71]. Отрывки этой рукописи—в м-ре св. Екатерины на Синае, № 43 и в Национальной б-ке в Париже (Слав., № 65).

Домострой О-ва = Домострой Общ. Ист. и Др. Росс.—Домострой Общества Истории и Древностей Российских, XVI в. ГБЛ, ф. 205 (ОИДР). № 340.

Ев. 1270 г.—Евангелие апракос полный («Симоновское евангелие» или «Сименово евангелие»). 1270 г., новгородское. ГБЛ, ф. 256. № 105 [Св. кат., № 180].

Ев. 1283 г.—Евангелие апракос краткий («Евсевиево евангелие»). 1283 г. ГБЛ, М. 3168 [Св. кат., № 184].

Ев. 1354 г.—Евангелие 1354 г. ГИМ, Син., № 67.

Ев. 1355 г.—Евангелие 1355 г. ГИМ, Син., № 70.

Ев. 1357 г.—Евангелие 1354 г. ГИМ, Син., № 68.

Ев. XII в. Киевского Музея—(?).

Ев. Верковича XIV — Евангелие, XIV в. ГПБ, Q.п.1.43.

Ев. Румянц. Муз. № 104 XII—XIII в.—(?).

Ев. Тяпинского XVI—(?).

Евангелие VI в., писанное в Вологде — Вологодское Евангелие, XVI в. ЦГИА, ф. 834, оп. I, д. 58.

Ефр. Кормчая = Ефремовская Кормчая = Ефремовская Кормчая XII в.—Кормчая древнеславянской редакции («Ефремовская кормчая»). XII в. и XIII в. (л. 1—6). ГИМ, Син. 227 [Св. кат., № 75].

Ж. Аф. = ж. Афанасия = житие Афанасия Александрийского — см.: Усп. Сб.

Ж. Бор. и Гл. = Сказ. о Бор. и Гл. = Сказ. о Борисе и Глебе = Сказание о Борисе и Глебе — см.: Усп. Сб.

Ж. Ирины = житие Ирины — см.: Усп. Сб.

Ж. Мефодия = житие Мефодия — см.: Усп. Сб.

Ж. Нифонта 1219 г. = Житие Нифонта 1219 г.—Житие Нифонта, епископа Констанцкого. 1219 (или 1222?) г.; л. 1—11 с текстом — бумажные ок. сер. (?) XVII в. ГБЛ, Тр. 35 [Св. кат., № 174].

Ж. Феод. = ж. Феодосия = ж. Феодосия, XII в. = житие Феодосия = житие Феодосия в списке XII в.— см.: Усп. Сб.

ЖК = Житие Кондрата XI в.—Житие Кондрата. Отрывок. XI в. ГПБ, Погод. 64 [Св. кат., № 16].

Житие Савы XIII в. = Житие Савы Освящ. XIII в.—Житие Саввы Освященного, XIII в. ГПБ, ОЛДП. Q. 106 [Св. кат., № 262].

Златоструй XII в.—Златоструй и отрывок Торжественника. XII в. (л. 1—XVI в.). ГПБ, Ф.п.1.46 [Св. кат., № 74].

Зогр. = Зогр. Ев. = Зографское ев.—Евангелие тетр («Зографское евангелие»). XI в. (л. 2—40, 58—288), XII в. (л. 41—57) и XIII в. (л. 289—304). ГПБ, Глаг. I [Св. кат., № 15].

Зогр. листки = Зографские листки — «Правила» св. Василия Великого. Отрывок. XI (?) в. Хранятся в библиотеке Зографского монастыря на Афоне. См. изд.: А. Минчева. Старобългарски кирилски откъслци. София, 1978. С. 39—45.

И 73 = Изб. 1073 = Изб. 1073 г. = Изборн. 1073 г. = Изборник 1073 г.—Изборник Святослава 1073 года. ГИМ, Син. 1043 (Син. 31-д) [Св. кат., № 4].

Изб. 1076 г.—Изборник 1076 года. ГПБ, Эрм. 20 [Св. кат., № 5].

Ипат. летоп.—Ипатьевский список летописи около 1425 г. БАН, 16. 4. 4.

Катехизис 1562 г.—(?).

КИ — см.: Слова Кир. Иерус.

Киевская запись 1510 г.—(?).

Кирилловская часть Реймского Евангелия — см.: РЕ.

КЛ = Киевские листки — Миссал. Отрывок («Киевские глаголические листки» или «Киевский миссал»). X/XI в. (л. 1 об.—7 об.) и XII в. (л. 1). ЦНБ АН Украины, ДА/П. 328 [Св. кат., № 1].

Клоц. = Клоц. сб. = Клоцов сборник — глаголическая рукопись XI в., содержит гомилии (проповеди). 12 листов рукописи хранятся в городском музее в Триенте (Италия) и 2 листа — в музее «Ferdinandium» в Инсбруке (Австрия). См. изд.:

A. Dostál. Clozianus. Staroslověnský hlaholský sborník tridentský a innsbrucký. Praha, 1959.

Конш. Домострой — Коншинский список Домостроя, кон. XVI в. ГПБ, Q.XVII, 149.

Кормч. 1282 — Кормчая русской редакции («Новгородская» или «Климентовская кормчая», содержащая древнейший список Русской Правды Пространной редакции). 1280 г. и сер. XIV в. (л. 628—631). ГИМ, Син. 132 [Св. кат., № 183].

Кркская надпись — см.: *И. В. Ягич.* Глаголическое письмо // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 3. СПб., 1911. С. 143—144.

Кркские лоскуты — отрывок Евангелия от Матфея XXVI. 37—48. См.: *И. В. Ягич.* Глаголическое письмо // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 3. СПб., 1911. С. 140.

Кул. = Грамота Кулина 1189 г.—Боснийская грамота бана Кулина 1189 г. См. изд.: *Г. А. Ильинский.* Грамота бана Кулина. Опыт критического издания текста с комментариями Г. А. Ильинского. СПб., 1906 (Памятники древней письменности и искусства, CLXIV).

Куприяновские листки — см.: Новгор. листки.

Лавр. летоп.—Лаврентьевский список летописи 1377 г. ГПБ, Ф.п.IV.2.

Летоп. Авр. XV в = Летопись Авраамки XV в. = Смоленская летопись Авраамки — летописный сборник, составленный в 1495 г. в Смоленске книжником Авраамкой. См. изд.: Полное собрание русских летописей. СПб., 1889. Т. 16.

Луцкое Ев. XIV в.—Евангелие, XIV в. ГБА, ф. 256. № 112.

М 95 = Мин. 1095 г. = Минеи 1095 г. = Служебная Минея 1095 г. = Служебная Минея за сентябрь Московской Типографской Б-ки = Сентябрьская Минея Патриаршей типографии приблизит. 1095 г.—Минея служебная, сентябрь. 1095—1096 гг. (л. 9—176 об.); XIII в. (л. 1—8 об.). ЦГАДА, ф. 381 (Син. тип.). № 84 [Св. кат., № 7].

М 97 = Служебная Минея 1097 г. = Служебная Минея за ноябрь 1097 г.—Минея служебная, ноябрь. 1097 г. ЦГАДА, ф. 381 (Син. тип.). № 91 [Св. кат., № 9].

Мак. = Макед. = Македонск. листок = Македонский кирилловский листок XI в.—Предисловие Иоанна экзарха к Богословию Иоанна Дамаскина. Отрывок («Македонский листок»). XI/XII в. БАН, 24.4.16 (Срезн. 63) [Св. кат., № 46].

Макед. = Македонский глаголич. листок — Паренесис Ефрема Сирина. Отрывки («Македонский глаголический листок», или «Рыльский листок»). XI в. БАН, 24.4.15 (Срезн. 62) [Св. кат., № 25]. Другие части рукописи — в Рыльском м-ре (Болгария). № 3/6.

Мар. = Мар. ев. = Мар. Ев. = Мариинское ев.—Евангелие тетр («Мариинское евангелие», иногда — «Афонское», «Григоровичево»). Нач. XI в.; л. 134—134 об. (вставн. лист) — втор. пол. XIV в. ГБА, Григ. 6 (М. 1689) [Св. кат., № 14].

Милят. Ев. 1215 г.—Евангелие апракос полный («Милятино евангелие»), кон. XII в. (?). ГПБ, Ф.п.I.7 [Св. кат., № 117].

Мин. 1095 г.— см.: М 95.

Минея 1096 г. = Служебная Минея за октябрь 1096 г.—Минея служебная, октябрь. 1096 г. ЦГАДА, ф. 381 (Син. тип.). № 89 [Св. кат., № 8].

Миняя 1489 г.—Миняя Четья 1489 г., до революции хранилась в Киеве, в 1923 г. ее на месте не оказалось. См. описан.: *Карпинский*. Западнорусская Четья 1489 г. с приложением жития Бориса и Глеба // РФВ, том 21, 1889.

Мирославово ев.—Евангелие апракос полный («Мирославово евангелие»). Отрывок. 1180—1190 гг. ГПБ, Ф.п.1.83 [Св. кат., № 56]. Основная часть рукописи—в Национальном музее в Белграде (Югославия). № 1536.

Моск. Ев. 1393 г.—Московское Евангелие 1393 г. ЦГАДА, ф. 381. № 15.

Мстисл. грам. 1115 г. = Мстиславова грамота около 1130 г.—См. изд.: *С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов*. Хрестоматия по истории русского языка. Изд. 2. М., 1952. Ч. I. С. 33—34; *А. Ф. Маркс*. Две старейших русских грамоты в дошедших до нас подлинниках // Древности И. Моск. Археолог. О-ва. Т. 24. М., 1914.

Мстисл. Ев. = Мстисл. Ев. до 1117 г. = Мстиславово ев. = Мстиславово Ев. около 1115 г. = Мстиславово Евангелие до 1117 г.—Евангелие апракос полный («Мстиславово евангелие»). До 1117 г. ГИМ, Син. 1203 [Св. кат., № 51].

Надпись 993 г.—Надпись царя Самуила 993 г. См. в изд.: *Е. Ф. Карский*. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928 и др.

Надпись на кресте 1161 г.—Надпись на кресте кн. Ефросинии Полоцкой. См. в изд.: Исторические сведения о жизни преп. Ефросинии Полоцкой. Полоцк, 1841. Новг. Кормч. 1282 г.—см.: Кормч. 1282 г.

Новг. Пролог 1262 г.—см.: Хлуд. Пролог 1262 г.

Новг. Пролог 1356 г.—Пролог нестишной 1-й редакции 1356 г., новгородский. ЦГАДА, ф. 381. № 163.

Новгор. Ев. XIV в.—Евангелие, XIV в. ГПБ, Ф.п.1.15.

1-я Новгород. летоп.—Синодальный список 1-й Новгородской летописи, XIII и XIV вв. ГИМ, Син., № 786.

Новгор. листки = Купр. = Куприяновские (Новгородские) листки = Куприяновские или Новгородские листки (= листы) XI в. = Куприяновские отрывки евангелия—Евангелие апракос. Отрывки («Куприяновские» или «Новгородские листки»). XI в. ГПБ, Ф.п.1.58.

Октоих 1488 г.—ЦГАДА, ф. 181. № 4426/910.

Октоих и Торжественник конца XV в.—Октоих и Трефолой, втор. пол. XV в. ЦГАДА, ф. 181. № 626/1137.

Остр. = Остр. Е. = Остр. ев. = Остр. Ев. = Остром. = Остром. ев. = Остром. Ев. = Остромирово Ев. = Остромирово Евангелие 1056 г.—Евангелие апракос краткий («Остромирово евангелие»). 1056—1057 гг. ГПБ, Ф.п.1.5 [Св. кат., № 3].

Отрывки Михановича—см. изд.: *И. И. Срезневский*. Отрывки из глаголической книги апостольских чтений сербского письма // Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. № 71. Сборник ОРЯС. Том XV, прил. № 1. СПб., 1876. С. 447—462.

Отрывок Гршковича—отрывок глаголического апостола XII или начала XIII в. См. изд.: *Grškovićev odlomak Glagolskog Apostola / Starine*. Т. XXVI, Zagreb, 1893. С. 459 и сл.

Охр. = Охр. ев. отр. = Охридские еванг. отрывки—Евангелие апракос. Отрывки («Охридское евангелие» или «Охридские глаголические листки»). XI в. ОГНБ, 1/2 (532) [Св. кат., № 13].

Охридский апостол—Апостол апракос краткий («Охридский апостол»). Кон. XII в. ГБЛ, Григ. 13 (М. 1695) [Св. кат., № 109].

Панд. Ант. = Панд. Ант. XI в. = Пандекты Антиоха = Пандекты Антиоха XI в.—Пандекты Антиоха Черноризца. XI в. ГИМ, Воскр. 30 перг.

Панд. 1296 г. = Пандекты 1296 г.—Пандекты Никона Черногорца 1296 г. ГИМ, Син., № 836.

Пантел. Ев.—Пантелеймоново евангелие XII в. (ГПБ, Соф. № 1) и 1317 г. (БАН 34, 5, 22).

Парим. 1271—Паримейник («Захариинский паримейник»). 1271 г. ГПБ, Q.п.1.13 [Св. кат., № 181].

Парим. Сергиевой Лавры—Паримейник Троицкой Лавры. № 4, XIII в. ГБЛ. ф. 304 I. № 4.

Патр. Кормчая—(?). Может быть и Ефр. Корм., и Корм. 1282 г.

Пб.—список славянского перевода «Хроники Георгия Амартола», XVII в. ГПБ, F.IV. № 136.

Пов. Иерем. = повесть прор. Иеремии—см.: Усп. Сб.

Погод. = Погодинская псалтырь (= псалтирь)—Псалтырь толковая Афанасия Александрийского («Погодинская псалтырь»). Втор. пол. XIII в. ГПБ, Погод. 8 [Св. кат., № 385].

Погод. список Псковской летоп.—Погодинский список Псковской летописи, втор. полов. XIV в., псковский. ГПБ, Погод., № 1413.

Позн. сборн. XVI в. = Позн. зап.-р. сборн. XV в.—(?).

Поликарп. Ев.—Поликарпово евангелие 1307 г. ГИМ, Син., № 740.

Посл. митр. Никифора—Послания митрополита Никифора против латинян, см. изд.: *А. Попов*. Историко-литературный обзор др.-р. сочинений против латинян. М., 1875.

Поуч. Владим. Моном.—Поучение детям Володимира Мономаха, см. в Лавр. летоп. под 1096 г.

Поэт. пов. об Азовском сидении—Повесть об Азовском осадном сидении. См. изд.: *А. С. Орлов*. Исторические и поэтические повести об Азове. М., 1906.

Пр. гл. = Пражские глоссы = Пражские глоссы XII в.—чешский перевод латинских слов и выражений, вписывавшийся в латинскую рукопись. Какой именно памятник имел в виду Н. Н. Дурново, установить не удалось.

Пр. отр. = Пражские отр. = Пражские отрывки—глаголические Пражские отрывки, кон. XI или XII в., содержат вечерню по восточному обряду. См. изд. Н. К. Грунского: Пражские глаголические отрывки («Памятники старославянского языка», том I, вып. 4. СПб., 1905).

Праздники XII в.—(?).

Пролог 1262 г.—см.: Хлуд. Пролог 1262 г.

Псалт. Публ. Б-ки F 4—(?).

Псалтирь Петроградской Публ. Б-ки F 1.7—Псалтырь, XVI в. ГПБ, F.I.7.

Пск. Апост. 1307 г. = Пск. апост. 1307 г.—Псковский Апостол 1307 г. ГИМ. № 722.

Пск. Пролог 1383 г.—Псковский Пролог 1383 г., нестишной 1-й ред., за мартовскую половину года. ЦГАДА, ф. 381. № 172.

Путенское Ев.—Евангелие, XIII в. Находилось в монастыре Путна в Буковине (Румыния). См. изд.: *A. Kahužniacki. Monumenta linguae paleoslovenicae. Collecta et in licum edita. T. 1. Evangelium Putnanum. Vindobonae—Teschenae, 1888.*

Пчела XIV в.—ГПБ, Ф.п.1.44.

Райградский сборник—латинская рук. кон. X или нач. XI в. с кириллическими вставкой и припиской, сделанными в разное время. Хранится в Райграде около Брно (в Моравии). См. изд.: *A. И. Соболевский. Райградский сборник // Материалы и исследования в области слав. филологии и археологии. Сборник ОРЯС. Т. LXXXVIII. № 3, 1910. С. 154—158.*

РЕ = Реймское Ев. конца XI в.—Реймское евангелие конца XI или начала XII в. Хранится во Франции. Литографированная копия 1841 г. в ГПБ, Ф.1.56. См. изд.: *Л. П. Жуковская. Реймское Евангелие. История его изучения и текст. М., 1978.*

Рост. апост. 1220 г.—Апостол толковый. 1220 г. ГИМ, Син. 7 [Св. кат., № 175].

Ростовское житие Нифонта—см.: Ж. Нифонта 1219 г.

Р. Пр. 1282 г.—Русская правда, см.: Кормч. 1282.

Ряз. Кормч. 1284 г. = Ряз. Кормчая 1284 г.—Рязанская Кормчая 1284 г. ГПБ, Ф.п.1.11.

Сав. = Савв. = Сав. кн. = Саввина книга—Евангелие апракос краткий («Саввина книга»). X(?) / XI в. (л. 25—150, 156, 164, 165), XII в. (л. 151—155, 157—163) и XIV в. (л. 1—24). ЦГАДА, ф. 381 (Син. тип.). № 14 [Св. кат., № 2].

Сборн. XIV в. Рум. М., № 1548—Сборник Моск. Публичного Музея. № 1548, XIV в. ГБЛ, ф. 29. № 1548.

Сборн. XV в. Публ.Б-ки—Сборник нач. XV в. ГПБ, Q.п.1.312.

Сборник XVI в., содержащий копии с московских княжеских и митриполичьих грамот XV в.—ГИМ, Син., № 791.

Сборник Софийской б-ки в Петр. Дух. Ақд. 1460—Сборник Софийской б-ки № 1460, XVI в. ГПБ, Соф., 1460.

Сборник Троицкой Лавры XII в. № 12—Сборник слов, поучений (в том числе апокрифов). Кон. XII (?)—нач. XIII в. ГБЛ, Тр. 12 [Св. кат., № 163].

Сийское Ев. 1339 г.—Евангелие, 1339 г. БАН, собр. Археографич. комиссии. № 189.

Сильв. Сб. XIV в.—Сильвестровский Сборник сер. XIV в., содержит житие Бориса и Глеба, несколько апокрифов и др. ЦГАДА, ф. 381. № 53.

Син. Пат. = Син. Патер. = Син. Патерик = Синайск. Патерик XI в. = Синайский Патерик XI в.—Патерик Синайский. Кон. XI в. ГИМ, Син. 551 [Св. кат., № 26].

Син. пс. = Син. Пс.—Синайская Псалтырь, XI в., хранится в м-ре св. Екатерины на Синае. См. изд. С. Н. Северьянова: Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI в. Пг., 1922.

Син. Тр. = Син. Требн. = Синайский требник—Требник («Синайский требник» или «Синайский евхологий»). Отрывок. XI в. ГПБ, Глаг. 3. 1 л. Основная часть рукописи находится в м-ре св. Екатерины на Синае (Slav. 37) [Св. кат., № 36].

Сказание о Борисе и Глебе в сп. XII в.—см.: Усп. Сб.

Сказ. о чуд. Бор. и Гл. = Чуд. Бор. и Гл. = Сказание о чудесах Бориса и Глеба—см.: Усп. Сб.

Сказание Храбра (2-я редакция)—〈?〉

Сл. Ипполита—см.: Слово Ипполита XII в.

Сл. Кир. Иерус.—см.: Слова Кир. Иерус.

Сл. о п. Игор. = Слово о полку Иг.—Слово о полку Игорева.

Слепч. = Слепч. апост. = Слепченский апостол—Апостол апракос полный («Слепченский апостол»). Кон. (?) XII в. ГПБ, Ф.п.1.101 [Св. кат., № 112]. Части этой рукописи—в ГПБ, Ф.п.1.101а—6 л. [Св. кат., № 113]; в ГБЛ, Григ. 14 (М. 1696)—6 л. [Св. кат., № 111]; в ЦНБ АН Украины, ДА/П. 25—2 л. [Св. кат., № 114]; в БАН, 24.4.6 (Срезн. 53)—1 л. [Св. кат., № 110]; в Народной б-ке «Иван Вазов» в Пловдиве (Болгария). № 25—9 л.

Слова Григ. Бог. = Слова Григ. Богосл. = Слова Григория Богосл. = Слова Григория Богослова XI в. = 13 слов Григ. Богосл. XI в. = XIII слов Григория Богослова = Тринадцать слов Григория Богослова XI в.—Слова (13) Григория Богослова. XI в. ГПБ, Q.п.1.16 [Св. кат., № 33].

Слова Кир. Иерус. = Сл. Кирилла Иерусал. XI в. = Слова Кирилла Иерус. XI в. = Слова Кирилла Иерусал. XI в. = Слова Кирилла Иерусалимского XI в. = Бес. Кирилла Иерус. = Беседы Кирилла Иерусал. = КИ = Кир. Иер. XI в.—Почтения огласительные Кирилла Иерусалимского. Кон. XI—нач. XII в. ГИМ, Син. 478 [Св. кат., № 45].

Слово Ипполита XII в.—Слово Ипполита Римского об антихристе, до 1212 г. ГИМ, Чуд. № 12 [Св. кат., № 129].

Служебн. прп. Сергия XIV в. 〈?〉.

Служебная Минья Патриаршей Б-ки № 159—Минья служебная, сентябрь, нотированная. XII в. ГИМ, Син. 159 [Св. кат., № 78].

Служебные Миней 1095—1097—см.: М 95, Минья 1096 г. и М 97.

Смоленская летопись Авраамки—см.: Летоп. Авр. XV в.

СПт—см. Син. Пат.

Стихирарь XII в.—〈?〉.

Стоглав в Каз. изд.—〈?〉.

Стоглав в списках XVI в.—ГБЛ, ф. 173 I. № 194; ГБЛ, ф. 304 I. № 215; ГБЛ, ф. 256. № 425 и № 427.

Студ. Устав—〈?〉 может быть и Устав XI в., и Устав XII в.

Судебник 1550 г.—ЦГАДА, Отд. 5, рубр. I. № 4.

Супр. = Супр. Рукоп. = Супрасльская ркпсь = Супрасльская рукопись—Минья Четья, март и Слова преимущественно Иоанна Златоуста («Супрасльская рукопись»). Отрывок. XI в. ГПБ, Q.п.1.72. Другие части рукописи—в Университетской б-ке в Любляне (Словения)—Cod. Кор. 2 (118 л.), Национальной б-ке в Варшаве (Польша)—БОЗ. 201 (151 л.) [Св. кат., № 23].

Супрасльский летописный сборник 1520 г.—〈?〉.

Тайна Тайных XVI в.—Собрание житейских наставлений по различным вопросам, которые приписываются Аристотелю. Втор. пол. XVII в. датируется Виленский список, находящийся в Вильнюсской публичной библиотеке, ОР. № 272 (222). См. изд.: М. Н. Сперанский. Из истории отреченных книг. IV. Аристотелевы врата, или Тайная Тайных. СПб., 1908. (Памятники древней письменности и искусства. Т. 171.)

Темничская надпись—(?).

Тип. Ев. XII № 1 = Типогр. Еванг. № 1 XII в. = Типографское ев. № 1 = Типографское Евангелие № 1 = Типографское Четвероевангелие XII в. № 1 — Евангелие тетр. XII в. ЦГАДА, ф. 381 (Син. тип.). № 1 [Св. кат., № 72].

Типогр. Ев. № 5 (по другой нумерации № 6)—XIII в., ю.-р., ГТГ, Отд. 8—779—17. № К—5345.

Типогр. Ев. № 7—Евангелие апракос полный. Втор. пол. XII в. (XIII в.?) ЦГАДА, ф. 381 (Син. тип.). № 7 [Св. кат., № 243].

Типогр. Псалт. XIII в. № 27 = Пс. Типографской б-ки № 27 (45), XIII в.—Псалтырь, XIII в. ЦГАДА, ф. 381 (Син. тип.). № 27.

Типогр. Псалтырь № 47, XIV в.—Типографская Псалтырь № 29 (47), XIV в., псковская. ЦГАДА, ф. 381 (Син. тип.). № 29.

Типогр. Уст. № 142 — см.: Уст. XI в.

Типографская Миняя № 122—Миняя служебная, июль. XII в. ЦГАДА, ф. 381 (Син. тип.). № 122 [Св. кат., № 93].

Типографская Псалтырь № 28—Псалтырь, XIV в. ЦГАДА, ф. 381 (Син. тип.). № 28.

ТЛ = Туровские еванг. листки = Туровские евангельские листки—Евангелие апракос краткий. Отрывок («Туровское евангелие»). XI в. ЦБАН Литвы, F 19—1 [Св. кат., № 10].

Тмут.—Надпись на Тьмутараканском камне, 1068 г. Камень хранится в Гос. Эрмитаже в Петербурге. Снимки см. в изд.: *А. Спицын*. Тьмутараканский камень // Записки Отделения Русской и Славянской Археологии И. Русск. Археолог. О-ва. Том XI. Пг., 1915.

Толстовский Сбор. XIII в.—Толстовский Сборник, XIII в., содержит ряд русских статей, в том числе апокриф об Афродитиане, слова Кирилла Туровского. ГПБ.Ф.п.1.1.

У 142 — см.: Устав XI в.

Уложение 1649 г.—Уложение (царя Алексея Михайловича). М., 1649.

Унд. = листки Ундольского—Евангелие апракос. Отрывок из месяцесловной части («Листки Ундольского»). Втор. пол. (кон. ?) XI в. ГБЛ, Унд. 961 [Св. кат., № 11].

Усп. Сб. = Усп. сб. XII в. = Успенский сб. = Успенский Сборн. XII в. = Успенский Сборник XII в. = Успенский Сборник конца XII в.—Сборник «Успенский». Кон. XII—нач. XIII в. ГИМ, Усп. 4 перг. [Св. кат., № 165].

Устав XI в. = Уст. XI—XII в. = Типогр. Уст. № 142 = Типогр. Устав № 142 XI—XII в. = Типогр. Устав = Отрывок церковного устава и кондакарь Московской Типографской Б-ки № 142 = Ркпсь Моск. Типогр. б-ки № 142—Устав Студийский церковный и кондакарь, нотированный («Типографский устав»). Кон. XI—нач. XII в. ГТГ, К—5349 [Св. кат., № 50].

Устав XII в. = Устав Патр. Б-ки XII в. = Устав Патр. Б-ки № 330 XII в. = Устав Патриаршей Б-ки XII в. № 330 = Устав Патриаршей Библиотеки № 330 = Ркпсь Патр. Б-ки № 330—Устав Студийский церковный и монастырский. Кон. XII в. ГИМ, Син. 330 [Св. кат., № 138].

Устав Патр. Б-ки (с.-р. список, восходящий к ю.-р. протографу) — (?).

Устав церковный Главного Архива № 560, после 1472 г.—ЦГАДА, ф. 181. № 560/1061.

Устав церковный Главного Архива № 635, нач. XVI в.—(?).

Учительное евангелие Константина XII—XIII в.—Евангелие учительное Константина Болгарского. Втор. пол. XII в. ГИМ, Син. 262 [Св. кат., № 118].

Фрейз. = Фрейз. отр. = Фрейз. отрывки = Фрейзинг. отрывки = Фрейзингенские отрывки—перевод на словенский язык молитв и формул исповеди. Кон. X—XI в. Хранятся в Баварской гос. библиотеке в Мюнхене. См. изд.: *W. Vondrák. Frisinské památky. Praha, 1896.*

Хил. = Хиланд. = Хиланд. листки = Хиландарские листки—Поучения огласительные Кирилла Иерусалимского. Отрывок («Хиландарские листки»). XI в. ОГНБ, Р I 533.

Хлуд. Пролог 1262 г.—Хлудовский (или Лобковский) пролог 1262 г., нестишной, новгородский. ГИМ, Хлуд. № 3.

Хлуд. Стоглав—(?)

Хождение Антония—см. изд.: *П. И. Савваитов. Путешествие Новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия. СПб., 1872.*

Хождение Даниила—старший список XV в. ГПБ, Кир.-Бел. № 9/1086.

Христинопольский апостол = Христинопольский апост. XII в.—Апостол («Христинопольский» или «Городисский апостол»). Сер. XII в. Львов. ист. муз., Рук. 39 [Св. кат., № 59]. Восемь листов рукописи—в ЦНБ АН Украины, VIII. 3 [Св. кат., № 60].

Церк. Устав Ярослава—см.: Корм. 1282 г.

Четья 1489 г.—см.: Минея 1489 г.

ЧПс = Чуд. Пс. = Чуд. Пс. XI в. = Чудовская Псалтырь конца XI в. = Чудовская Псалтырь—Псалтырь толковая Феодорита Кирского («Чудовская псалтырь»). XI в. ГИМ, Чуд. 7 [Св. кат., № 31].

Чуд. Н. Завет—Чудовский Новый завет (евангелие тетр и апостол). ГИМ, Син., № 240.

Шишатовачкий апостол 1324 г.—см. изд. Фр. Миклошича: *Apostolus e codice monasterii Šišatovac palaeoslovenice. Вена, 1853.*

Юрьевск. Ев. = Юрьевск. Ев. 1120 г. = Юрьевское Ев. около 1120 г. = Юрьевское Евангелие 1120 г.—Евангелие апракос полный («Юрьевское евангелие»). 1119—1128 гг. ГИМ, Син. 1003 [Св. кат., № 52].

Ярославский Молитвенник XIII в.—Втор. пол. XIII в. Основная часть рукописи хранится в Ярославском историко-архитектурном музее, № 15481; л. 200—в ГИМ, Барс. 347 [Св. кат., № 387].

Условные сокращения

Учреждения, архивы, издания

- ASIPh—Archiv für slavische Philologie. Bd. 1—42. Berlin, 1875—1929.
- БАН—Библиотека Академии наук в Петербурге.
- ГБЛ = РГБ—бывш. Государственная библиотека им. В. И. Ленина; нын. Российская Государственная библиотека, в Москве.
- ГИМ—Государственный исторический музей, в Москве.
- ГПБ—Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в Петербурге.
- ГТГ—Государственная Третьяковская галерея, в Москве.
- ЖМНП(р)—Журнал Министерства Народного Просвещения. Выходил ежемесячно до конца 1917 г. Петроград.
- ЖСт—Живая Старина. Периодическое издание Отделения Этнографии имп. Русского Географического общества. Петроград. 1890—1916.
- Известия 2 АН—Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук.
- ЈФ—Јужнословенски Филолог. Повремени спис за словенску филологију и лингвистику, уређује А. Белић. Београд, с 1913 г.
- ОГНБ—Одесская государственная научная библиотека им. А. М. Горького.
- ОЛДП—Общество любителей древней письменности.
- ОРЯС—Отделение русского языка и словесности Академии наук.
- РГАДА—Российский государственный архив древних актов, в Москве.
- РГБ—см. ГБЛ.
- РФВ—Русский Филологический Вестник. Научно-педагогический журнал, т. 1—78, 1879—1918 гг. (т. 1—73—Варшава, т. 74—76—Москва, т. 77—Петроград, т. 78—Казань).
- Сб(орн). 2 АН—Сборник Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. С 1867 по 1926 г. вышел 101 том.
- ЦГИА—Центральный государственный исторический архив, в Петербурге.
- ЦБАН ЛитССР—Центральная библиотека Академии наук ЛитССР, в Вильнюсе.
- ЦНБ АН УССР—Центральная научная библиотека Академии наук УССР, в Киеве.
- ЧОИДР—Чтения при Имп. Московском Обществе Истории и Древностей Российских. Москва.

Языки, диалекты, говоры

арх. = арханг.—архангельский	балт.-сл. = балт.-слав.—балтийско-славянский
аттич.—аттический	бойк.—бойковский
б. = болг.—болгарский	в.-л. = в.-луж.—верхнелужицкий
б.-р. = белор.—белорусский	

в.-р. = великор. — великорусский
 в.-с. — восточнославянский
 владим. — владимирский
 волог. = вологод. — вологодский
 ворон. — воронежский
 вост.-белорусский — восточнобелорусский
 вост.-болг. — восточноболгарский
 вост.-м.-р. — восточномалорусский
 вост.-р. — восточнорусский
 вост.-укр. = вост.-украинский — восточноукраинский
 вятск. — вятский
 гал. — галицкий
 гот. = готск. — готский
 греч. = греческ. — греческий
 гуцул. — гуцульский
 др.-в.-н. — древневерхненемецкий
 др.-лат. — древнелатинский
 др.-р. = др.-русс. = древне-р. — древнерусский
 др.-сев.-р. — древнесевернорусский
 др.-чешск. — древнечешский
 др.-ю.-р. — древнеюжнорусский
 з.-слав. = зап.-сл. = зап.-слав. = зап.-славянский — западнославянский
 закарп. = закарпатск. — закарпатский
 замишан. — замишанский
 зап.-болг. — западноболгарский
 зап.-м.-р. — западномалорусский
 зап.-македонский — западномакедонский
 зап.-новгор. = западно-новгор. = зап.-новгородский — западноновгородский
 зап.-р. — западнорусский
 зап.-укр. = зап.-украинский — западноукраинский
 и.-е. = индоевроп. — индоевропейский
 калужск. — калужский
 карп. = карпат. = карпатск. — карпатский
 кашуб. — кашубский
 костр. — костромской

л. — лужицкий
 лат. = латин. = латинск. — латинский
 латш. = латыш. = лтш. — латышский
 лемк. — лемковский
 лж. = луж. = лужицк. — лужицкий
 лит. = литовск. — литовский
 м.-р. = малор. — малорусский
 макед. = македонск. — македонский
 мор. = морав. — моравский
 моск. — московский
 мурм. — мурманский
 н.-л. = н.-луж. — нижнелужицкий
 нем. — немецкий
 нижегор. — нижегородский
 новгор. — новгородский
 ново-болг. — новоболгарский
 о.-в.-р. = обще-в.-р. — общевеликорусский
 о.-и.-е. — общеиндоевропейский
 о.-р. — общерусский
 о.-сл. = о.-славянский — общеславянский
 олон. — олонецкий
 п. = поль. = польск. — польский
 перм. — пермский
 подольск. — подольский
 поль.-каш. — польско-кашубский
 пр. — прусский
 р. — русский
 ряз. = рязанск. — рязанский
 с. — сербский диалектный
 с.-в.-р. = сев.-в.-р. = сев.-великор. = сев.-великорусский — северновеликорусский
 с.-м.-р. = сев.-м.-р. — северномалорусский
 с.-р. = сев.-р. = сев.-русский — севернорусский
 с.-х. = сербохорв. = сербо-хорв. — сербскохорватский
 сев.-укр. = сев.-украинский — северноукраинский
 сил. — силезский
 симб. — симбирский
 скандин. — скандинавский

скр. = санскр.—санскрит
 слав.—славянский
 слн. = слов. = словен. = словенск.—
 словенский
 слц. = словац. = словацк.—словац-
 кий
 ср.-болг. = среднеболг.—среднебол-
 гарский
 ср.-в.-р.—средневеликорусский
 ср.-п.—среднепольский
 срб. = сербск.—сербский
 ст.-п. = ст.-польский — старополь-
 ский
 ст.-р. = ст.-русск.—старорусский
 ст.-с.-х.—старосербскохорватский
 ст.-сербский — старосербский
 ст.-сл. = старослав.—старославянский
 ст.-ч.—старочешский
 стар. срб.—старосербский
 староболг.—староболгарский
 турецк.—турецкий

укр. = украинск.—украинский
 франц.—французский
 хорв.—хорватский
 ц.-сл. = црк.-сл. = црк.-слав. = церк.-
 слав. = церковнослав.—церковно-
 славянский
 црк.—церковный
 ч. = чш. = чешск.—чешский
 чак. = чакавский
 чш.-слов. = чш.-слц.—чешско-сло-
 вацкий
 ю.-б.-р.—южнобелорусский
 ю.-в.-р. = южновеликор.—южнове-
 ликорусский
 ю.-м.-р.—южномалорусский
 ю.-макед.—южномакедонский
 ю.-р. = ю.-русский — южнорусский
 юсл. = ю.-сл. = ю.-слав. = южнослав.
 = южно-слав. = ю.-славянский —
 южнославянский
 яросл.—ярославский